

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Красный флаг: история коммунизма. Дэвид Пристланд
Памяти моей матери.

Благодарность автора.

Написать фундаментальную работу по истории – задача непростая. Мне с этой задачей помогло справиться огромное количество новых интересных исследований, опубликованных за последние 20 лет, большинство из которых основываются на недавно открытых архивных материалах. Я также безмерно благодарен некоторым друзьям и коллегам, которые дали ценные советы и помогли избежать ошибок. Том Бьюкенен, Мартин Конуэй, Мэри Маколи, Рори Маклеод, Рана Миттер, Марк Питтауэй и Стивен Уайтфилд прочитали значительные части рукописи; Стивен Смит особенно щедро распорядился своим временем и прочитал почти весь текст. Рон Суни показал мне неопубликованную работу о Сталине; Стив Хедер поделился материалами о «красных кхмерах», а Лоуренс Уайтхед консультировал меня по Кубе. Авторский коллектив проекта «Кембриджская история холодной войны», работой которого руководили Мел Леффлер и Арне Веста, стал идеальной группой для обсуждения международной исторической роли коммунизма.

Сотрудники Колледжа св. Эдмунда (St. Edmund Hall) и факультета истории Оксфордского университета создали вокруг меня благоприятную рабочую атмосферу и великодушно предоставляли мне академические отпуска для работы над книгой. Я также благодарен Британской академии и Китайской академии социальных наук (Шанхайскому отделению и Институту марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна в Пекине) за организацию плодотворной исследовательской командировки в Китай; сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (Москва), Бодлианской библиотеки (Оксфорд), Британской библиотеки и Российской государственной библиотеки (Москва). Гилл Колридж была идеальным агентом и активно содействовала осуществлению данного проекта с самого начала. Я очень благодарен ей за поддержку и советы. Мне также очень повезло с издателями. Саймон Уиндер из издательства Penguin оказался весьма проницательным и удивительно осведомленным редактором. Морган Энтрекин из Grove Atlantic и Стюарт Проффитт из Penguin оказали мне неоценимую поддержку своими комментариями к тексту. Я также хотел бы поблагодарить Джофи Феррари-Адлера и Эмми Хандли (Grove Atlantic), Томаса Ратноу (Siedler), Элис Доусон, Ричарда Дугуида и Мэри Ямадзаки (Penguin). Спасибо Шарлоте Ридингз, очень компетентному и терпеливому литературному редактору. Большую помощь в подготовке иллюстраций мне оказала Аманда Рассел.

Я выражаю глубокую признательность Марии Мисре, чей вклад в эту книгу очень велик. Ее знания истории Азии и Африки помогли мне значительно расширить обзор материала. Она прочла всю рукопись и сделала правку, тем самым спасая читателя от косноязычия.

Введение. 1789–1889–1999

I

В ноябре 1989 года Берлинская стена, бетонный, разрисованный граффити символ вражды между коммунистическим Востоком и капиталистическим Западом, пала. Сотни радостных людей с обеих сторон танцевали, взобравшись на обломки европейских идеологических войн. Ранее в этом же году коммунизм получил еще один удар – народные протесты (хотя и жестоко подавленные) на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Итак, через сто лет после того, как создание Второго интернационала коммунистических партий ознаменовало подъем международного коммунизма, и через двести лет после того, как парижский народ штурмом взял Бастилию, еще один символ авторитарной власти, дух революции снова ворвался в столицы мира. Эти новые революции, однако, не ставили цели разрушить устои благосостояния и аристократических привилегий. Они разрушали режимы, основой которых были бедность и угнетение[1]. Драматичное и во многом непредсказуемое падение коммунизма в 1989 году явило собой нечто большее, чем распад империи: это был конец двухсотлетней эпохи, в течение которой вся европейская, а позднее и мировая политика оказалась под влиянием фантастической идеи общества, созданного обездоленными мира сего на основе гармонии и равенства.

Многие сегодня считают, что коммунизм пора отправить на «свалку истории» (выражение Л. Д. Троцкого), что это – обходной путь, приведший в тупик, ужасная ошибка. Заявление Фрэнсиса Фукуямы, профессора из США, о том, что история (и борьба идеологических систем) завершилась победой либерального капитализма, было встречено весьма скептически, но в глубине души многие в это верили[1]. В либерализме, а не в классовой борьбе, видели единственный

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org способ решить социальный конфликт, а капитализм считался единственной действенной экономической системой. Казалось, мир на некоторое время потерял интерес к коммунизму. Коммунистические взгляды превратились в блеклую горстку камней, сохранившуюся у одного поколения, которую вскоре должны были раздавить силы Реформы. Он стал явлением, подходящим для сухих теоретиков, духом ушедшей цивилизации, подобной древним персам, от которой, как от статуи царя Озимандия, остались обломки былого величия, напоминающие об иллюзиях прошлого. В середине 1980-х годов, в разгар холодной войны, когда я только начал исследовать коммунизм, это был увлекательнейший объект, но спустя десятилетие он казался уже неактуальным в мире победоносного либерального капитализма.

Однако за последние 10 лет произошли два события, которые вновь поставили коммунизм в центр общественного внимания. Первое из них – разрушение нью-йоркских башен-близнецов 11 сентября 2001 года – не имело прямой связи с коммунизмом. Действительно, исламские экстремисты, ответственные за теракт, были воинствующими антимарксистами. И все же эти исламисты, как коммунисты, представляли собой группу разгневанных радикалов, ведущих борьбу против «западного империализма»: такие параллели вскоре после теракта были проведены политиками, журналистами, историками. Хотя термин «исламофашизм» использовался шире, чем термин «исламо-коммунизм», исланизм в последнее время повсеместно описывается как последняя манифестация тоталитаризма – жестокая, антилиберальная, фанатичная смесь идеологий, включающая фашизм и коммунизм. Для американских неоконсерваторов эти угрозы требуют немедленного ответа в виде идеологической и вооруженной борьбы, такой же решительной, как развернутая Рональдом Рейганом кампания против коммунизма в странах третьего мира[2]. В 2004 году правоцентристские партии Европейского парламента предприняли попытку добиться не меньшего, чем для фашизма, порицания коммунизма[2]. В июне 2007 года президент Джордж Буш открыл памятник жертвам коммунизма в Вашингтоне.

Если теракты и сентября показали, что установившийся после 1989 года политический порядок не решил серьезные конфликты на Среднем Востоке, то крах американского банка Lehman Brothers 15 сентября 2008 года, повлекший за собой финансовый кризис, продемонстрировал неспособность посткоммунистической экономической системы привести общество к стабильному, длительному процветанию. Уроки, вынесенные из недавних событий, отличаются от последствий 2001 года. Пока еще никто открыто не призывает к возврату жесткой советской экономической модели[3], но марксистская критика неравенства и нестабильности, порождаемых свободным мировым капиталом, оказалась пророческой. На родине Маркса, в Германии, продажи «Капитала», труда всей его жизни, резко возросли.

Таким образом, история коммунизма именно сейчас наиболее актуальна и связана с современными проблемами больше, чем в начале 1990-х годов. Однако понимание природы коммунизма для нас оказалось более трудной задачей, чем осмысление других аспектов нашей недавней истории. Если о нацистской агрессии и преследовании евреев предупреждали многие, то немногие предсказывали большевистскую революцию, сталинский террор, хрущевскую десталинизацию, культурную революцию, поля смерти Пол Пота и распад СССР[4]. Частично этому способствовала чрезмерная конспирация коммунистов. В наши дни более важным кажется огромный разрыв между восприятием коммунизма историками и критиками и коммунистическими взглядами, существующими в современном мире. Объяснение сути коммунизма требует от нас проникновения в абсолютно иной способ восприятия мира, в умы Ленина, Сталина, Мао, Хо Ши Мина, Че Гевары и Горбачева, а также всех тех, кто поддерживал их или сочувствовал им.

II

Эта книга – продукт многолетних размышлений о коммунизме. Первое мимолетное впечатление о коммунизме у меня сложилось как раз в оруэлловский год, 1984-й. Я был тогда девятнадцатилетним студентом и выбрал самый дешевый способ попасть в Россию – курсы русского языка, организуемые обществами дружбы советских по всей Европе, в том числе в мрачном Московском инженерно-строительном институте. Я мало знал о России и коммунизме, но считал, как и многие другие, что это – главные явления эпохи. Тот год, как сейчас вспоминается, был на редкость беспокойный. Я был гостем столицы «империи зла» в разгар «второй холодной войны», как теперь называют этот период, когда отношения между Востоком и Западом вновь ухудшились после легкой разрядки в 1970-е. Разгорались дебаты вокруг решения НАТО разместить

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org в Восточной Европе крылатые ракеты, осенью 1983 года в ФРГ прошли самые массовые демонстрации послевоенной эпохи. Я поехал в Россию отчасти для того, чтобы найти для себя ответ на вопрос, одолевавший всех людей Запада: что такое коммунизм, к чему стремится советское руководство? Действительно ли Советский Союз был империей зла, которой управляли одержимые фанатики-ленинцы, сломившие свой народ и стремившиеся навязать репрессивный режим Западу? Или народ искренне поддерживал эту систему, несмотря на ее многочисленные недостатки?

В мрачный московский аэропорт Шереметьево я прибыл, нагруженный сумками и интеллектуальным багажом, который представлял собой смесь необдуманных предубеждений и предрассудков. Хотя я скептически относился к риторике Рейгана, я все же боялся оказаться в безжалостной злой антиутопии из произведения Дж. Оруэлла «1984» или в шпионских романах Джона Ле Карре. С детства я осознавал безнравственность применения ядерного оружия; моя мать участвовала в маршах на Альдермастон в 1960-е годы. Однако показательные парады военной техники на Красной площади, транслируемые советским телевидением, были достаточно устрашающими, чтобы оправдать защитную реакцию.

Пребывание в Москве только усилило мое замешательство. Оруэлл в чем-то оказался прав. Я действительно испытал страх. Некоторые русские, с которыми я был знаком, тайком приводили меня в свои квартиры, запугивали: вдруг соседи услышат иностранную речь... В Москве царила скука и однообразие; при Горбачеве эти годы называют периодом застоя. Я также встретил циничное отношение к режиму, столкнулся с критикой лицемерия и коррупции. Однако во многом Россия разительно отличалась от мира, изображенного Оруэллом. Жизнь большинства людей была относительно спокойной, правда, без некоторых благ цивилизации. Мне довелось увидеть настоящую национальную гордость русских за свою силу и достижения коммунизма, сильную увлеченность идеей всеобщего мира и гармонии.

Мой первый визит в Москву помог ответить на многие вопросы, волновавшие меня. Вернувшись в Британию, я прочитал все, что мог найти о России и коммунизме. Через несколько лет мне уже казалось, что я смогу понять это загадочное общество. В 1987/88 учебном году я был студентом пятого курса МГУ и в комнате общежития на Ленинских горах, в сталинской высотке в стиле свадебного торта, тайно изучал самое непостижимое явление советской истории – террор Сталина, который он развернул пятьдесят лет назад. Я жил в самом сердце таинственной цивилизации коммунизма, в ее идеологическом центре. Мои соседи приехали в Москву из всех уголков коммунистического мира – от Кубы до Афганистана, от ГДР до Мозамбика, от Эфиопии до Северной Кореи, – не только за степенью по истории или другой науке, но и для того, чтобы изучать научный коммунизм и атеизм и вернуться домой настоящими апостолами коммунистической идеологии. Более того, это был выдающийся период русской истории. Принцип гласности, объявленный М. Горбачевым, хотя очень умеренный и ограниченный, уже вызывал споры и разнообразие мнения. Это время казалось наиболее подходящим для того, чтобы изучить отношения, лежащие в основе коммунизма – хотя бы в его зрелой форме. Система разваливалась, раскрывая все свои тайны, но это пока была все еще коммунистическая система.

И вновь то, что я видел, приводило меня в замешательство. Реакции русских на Горбачева-идеалиста и его политику реформирования (перестройку) отличались невиданным многообразием. Многие из моих русских друзей считали, что коммунизм безнадежно испорчен, и не могли дождаться воссоединения с капиталистическим миром. Однако я также обнаружил, что другие вовсе не стремятся ухватиться за чужую идеологию, а верят, что Россия наконец нашла свой путь к реформированию коммунизма и созданию более совершенного, справедливого общества. Коммунизм, как некоторые считали, оставался еще прочной моральной основой, способной, несмотря на коррупцию и бюрократию, к реформированию и гармонизации, к слиянию (правда, неясно, каким образом) с либеральной демократией. Казалось, что достижение коммунистического идеала оставалось главной идеей, глубоко пустившей корни в жизнь России.

В наши дни традиционный коммунизм мертв. Мао Цзэдун все еще безмятежно взирает на площадь Тяньаньмэнь, а коммунистическая партия Китая давно отказалась от большинства принципов марксизма. Этому примеру последовали Вьетнам и Лаос. И все же внезапный закат коммунизма прибавил ему загадочности. Что же тогда выражает тающая на глазах группа пенсионеров, выходящая на демонстрацию в годовщину Октябрьской революции[5]: неужели это

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
тот национализм, который я видел в 1984 году, или социалистический идеализм
1987-го, или остатки авторитаризма консервативного состарившегося
поколения?

III

О коммунизме написано много работ, в которых авторы обращаются к этим и другим вопросам, но понять его сущность им часто мешает строго политический характер описания и, соответственно, возможность множества противоречивых интерпретаций. В целом различные подходы к описанию коммунизма складываются в три мощных конкурирующих направления.

Первое, берущее начало в трудах Маркса, составляют работы, ставшие официальным кредо всех коммунистических режимов и повествующие о том, как в разных странах рабочие и крестьяне под руководством мудрых философов-марксистов свергали враждебных буржуев-эксплуататоров и ступали на светлый путь, ведущий к коммунизму. Коммунизм представляется земным раем, в котором человечество не просто будет жить в материальном изобилии, но также при идеальной демократии, гармонии, самоуправлении и равенстве. Он также описывается как рациональная система, сложившаяся в результате действия законов

Даже в 1990-е годы большинство участников этих демонстраций не достигали пенсионного возраста, а в начале XXI века процент молодежи на коммунистических мероприятиях заметно вырос. исторического развития. Такая история коммунизма, основа марксистско-ленинской идеологии, была неотъемлемой частью учения во всех коммунистических странах вплоть до их неожиданного краха. В 1961 году, например, советский лидер Никита Хрущев предсказывал, что Советский Союз достигнет обещанного коммунистического рая к 1980 году{3}.

С началом холодной войны мало кто вне коммунистического блока и коммунистических партий верил в такое развитие истории, и западные обозреватели предпочитали развивать одну из двух альтернатив. Первую, наиболее популярную среди левоцентристов, можно назвать историей модернизации, в которой коммунисты выступали в роли не столько героических освободителей, сколько рациональных модернизаторов, ориентированных на решение технических задач, на развитие своих бедных и отсталых государств. Как ни прискорбно, их деятельность на ранних стадиях сопровождалась излишней жестокостью (это было неизбежно в условиях сопротивления, с которым они столкнулись, и глобальных экономических и социальных перемен, которые они предлагали). Однако впоследствии они поспешно отказывались от жестких репрессий. Действительно, хрущевское отречение от террора после смерти Сталина показало, что коммунизм поддается реформам. В 1960-е и 1970-е годы некоторые даже заговорили о постепенном сближении нового модернизированного коммунистического Востока и социально-демократического Запада на основе общих ценностей процветающих государств и государственного регулирования рынка{4}.

Второе направление охватывает такие работы, которые можно назвать повествованием о репрессиях. Оно популярно среди более резких критиков коммунизма{5}. Для них коммунизм – темная история ужасов и невероятной жестокости, продолжительных репрессий ничтожного меньшинства в отношении запуганного большинства. В рамках этого направления существуют разногласия вокруг сущности коммунистического меньшинства. Одним оно видится фактически сообществом внеидеологических политических руководителей, стремившихся возродить консервативную бюрократию и тиранию прошлого под маской «современного» коммунизма. Расправа Сталина со своими оппонентами внутри партии рассматривается, таким образом, не как марксистская идеология в действии, а как диктат нового царя{6}. Такое объяснение распространено среди левых антисталинистов. Оно было развито Троцким в книге «Преданная революция», обличающей Сталина, и блестяще представлено в повести-притче Дж. Оруэлла «Скотный двор»[6]. Для других, более враждебно настроенных против социализма, коммунисты – вовсе не воплощение авторитарных лидеров прошлого, а порождение марксистско-ленинской идеологии{7}. Они навязывали народу неестественный порядок, стремясь распространить свою доктрину, создать нового социалистического человека и установить тоталитарный контроль над обществом. Очевидным результатом такого утопизма стали жестокие репрессии по отношению к любому, кто отказывался подчиниться{8}.

Справедливости ради стоит отметить непопулярность рассуждений о

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org модернизации коммунизма, так как многие сегодня делают акцент именно на идеологии. Некоторые коммунистические партии действительно искали лучшие пути развития своих государств и временами имели значительную поддержку населения. Но немногие получали на выборах большинство голосов: еще не забыто стремление коммунистических режимов к тотальной трансформации общества и контроля над ним. Они использовали чрезмерную жестокость, которая в конце концов приводила их к краху. Однако идеология всего не объясняет. Ясно, что большинство коммунистов – далеко не хладнокровные технократы, осознающие достоинства модернизации; согласно архивным данным, многие жили и дышали марксистско-ленинской идеологией, и ко многим последствиям их губительной политики привел не холодный расчет, а искренняя преданность доктрине. Но, как будет видно далее, идеи Маркса можно привлечь для оправдания и подкрепления во многом расходящихся политических программ: коммунисты по всему миру приспособивали марксизм к особым условиям, к уникальным культурам и обществам. Также необходимо учитывать особенности обстоятельств, в которых возник коммунизм. Особое значение имеют война, острое международное соперничество, появление молодых национальных государств. Таким образом, нам нужен подход, учитывающий как силу утопических идей, так и жестокость и неравенство общества, породившего коммунистов.

Возможно, это покажется парадоксальным, но вдохновение, необходимое для нового проникновения в суть коммунизма, можно найти не в современном, а в Древнем мире, в афинской драме V века до н.э. В греческих трагедиях разыгрывались важнейшие переходные ситуации, возникающие в человеческом обществе: от иерархического порядка, основанного на отношениях отцов и сыновей, к эгалитарному обществу, где все равны, как братья; от аристократического правления царских воинов к более «демократичному» укладу, при котором все мужское население могло принимать участие в политике и воевать на равных условиях в народной армии; от раздробленных государств, управляемых враждующими кланами, к консолидированному обществу, где все управляется законом[7].

В трилогии Эсхила «Прометей» блистательно показан переход от патриархальных отношений к политике братского равенства, а также от отсталости к знанию. Согласно греческой мифологии, Прометей, один из титанов, древних богов, похитил огонь у Зевса и могущественных богов-олимпийцев и преподнес его в дар людям. Он открыл людям знание, привел их к прогрессу, тем самым вызвал гнев Зевса, который намеревался оставить людей на своем месте и сохранить старый порядок. Прометей был жестоко наказан за то, что нарушил сложившуюся иерархию, желая помочь людям: он был прикован к скале в горах Кавказа. Каждый день к скале прилетал орел и склевывал его печень, которая отрастала вновь. В единственной дошедшей до нас части трилогии «Прометей прикованный» доминируют четыре персонажа: Власть и Сила, слуги деспотичного бога-отца Зевса; Гермес, посланник богов (покровитель глашатаев, торговцев, обманщиков и воров); Прометей (буквально «предвидящий»), чей образ объединяет мудрого мыслителя и гневного бунтаря. Автор сочувствует Прометею, которого непримиримость Зевса и малодушие Гермеса превращают из гуманиста в разъяренного повстанца. Он намерен противостоять Зевсу даже ценой ужасной жестокости:

Змеей расщепленной молния пусть
Метнется на грудь мне, пусть воздух дрожит
От грома, от бешенства бури, пускай
Земля содрогнется до самых глубин,
До самых корней под ветром тугим!..
Убить меня все же не смогут!{9}

В финале пьесы Прометей и Зевс противостоят друг другу. Не исключено, что в последней части трилогии (которая не сохранилась до наших дней) Эсхил осудил Прометея за его гнев. Возможно, в финале Прометей примирился с Зевсом и оба признали излишней остроту проявления чувств.

В трагедии «Прометей прикованный» гениально изображен на первый взгляд неразрешимый конфликт, в котором иерархии и традиции противостоят равенство и новизна. В пьесе говорится о притягательности, но и об опасности дара Прометея, особенно для мыслящих людей репрессивного архаичного мира. Прометей действительно стремится помочь людям, но, когда его гнев встречает сопротивление, он тоже способен сделать так, что «Земля содрогнется до самых глубин, до самых корней».

Коммунистов можно считать наследниками Прометея, и это наследство

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org представляет собой совокупность различных элементов*. «Коммунизм» буквально – это политическая [8] система, при которой люди живут в коллективе и совместно владеют собственностью. Изначально это очень широкое и разнообразное движение. Некоторые коммунисты очень ценили вклад Прометея в освобождение людей. Выросшие на более «романтических» марксистских идеалах, они больше стремились к самобытности и созидательности человека, чем к политической власти и созданию новых держав. Однако такое мировоззрение оказалось на периферии коммунистической традиции, почти за ее пределами. В центре коммунистического движения оказались прометеевская враждебность к неравенству и готовность к переменам [9]. Но было что-то в наследстве Прометея, чего Эсхил не описал: его гнев по отношению к тем людям, которые отвергали «огонь» знания и просвещения [10]. Коммунисты также проявляли гнев (и даже жестокость) по отношению к «темным» крестьянам и верующим, отвергавшим их мировоззрение, и ненавидели их не меньше, чем дворян и купцов.

Не удивительно, что именно героический, но яростный Прометей Эсхила стал одним из ключевых символов эмансипации у поэтов, критиковавших европейские монархии: от Гете до Шелли. Однако именно у Карла Маркса прометеевская метафора раскрывается наиболее полно. Для Маркса Прометей «самый благородный святой и мученик в философском календаре». Он цитировал своего кумира во введении к диссертации: «Я ненавижу всех богов... Знай хорошо, что я б не променял моих скорбей на рабское служенье... Так, видно, лучше быть слугой скалы, чем верным вестником отца-Зевеса» [10]. [11] Из сплава прометеевской веры в разум и свободу, стремления к противодействию Маркс «выковывает» новую мощную научно-революционную доктрину [12].

Прометеизм Маркса был принят многими критиками неравенства, но особенно им были увлечены противники старых режимов, например царизма в России [13]. Патерналистский порядок порождает и культивировал не только экономическое, но и политическое и правовое неравенство, предоставляя привилегии аристократической элите и подвергая дискриминации более низкие классы. Идеологически консервативный царизм с предубеждением относился к новым идеям. К XIX веку стало очевидно, что стратифицированные общества создали слабые, раздробленные государства, которые вынуждены были бороться за свое место в мире, управляемом объединенными, консолидированными силами. Для критиков царизма, образованных, ученых людей, синтез прометеевского [14] стремления к свободе, новизне и равенству казался единственным решением всех проблем: он обещал равенство в обществе и прекращение дискриминации женщин и детей, существующей в патриархальном обществе; он обещал социальное равенство в национальном государстве, где все будут гражданами, а не господами и слугами; он бы выровнял международные иерархические порядки, поскольку в других странах уже развились и укрепились возрожденные режимы со своими порядками. В то же время он донес бы до человечества последние научные открытия и обогатил бы нации.

Исторические условия развития России, политические репрессии режима способствовали созданию института, который осуществил прометеевский проект: заговорщическая партия, оказавшаяся в авангарде. Созданная с целью захватить власть и построить новое социалистическое общество, партия поддерживала наиболее репрессивные и жестокие элементы прометеевизма. Все это выразилось в квазирелигиозном стремлении большевистской партии изменить людей, вступающих в ее ряды, манихейском делении людей на друзей и врагов, использовании войны для проведения политики, далекой от той, которую предвидел Карл Маркс.

Как сам проект, так и средства его осуществления казались действенными на протяжении всего XX века, особенно в колониальном и полуколониальном мире. Его реализация сулила конец унизительному порабощению, подчинению европейскому империализму, открывая дорогу модернизации раздробленных аграрных общин. Многие коммунисты верили, что только революция может сломить империалистов и им подчиняющиеся местные власти, которые тормозили развитие наций. Плановая экономика способна стимулировать обновление и рост, обеспечив достойный выход народа на мировую арену.

Как только коммунисты приходили к власти, романтические стремления тут же отходили на второй план под напором технократии и революционного пыла. На практике, однако, совместить первое со вторым было трудно, и коммунисты обычно переключали внимание на что-то одно. Модернистский марксизм был идеологией технократического экономического развития, возможного при наличии высококвалифицированных специалистов, централизованного

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org планирования и жесткой дисциплины. Эта идеология привлекла технологов и бюрократов – выпускников новых вузов. Радикальный марксизм, напротив, – это марксизм для мобилизованных масс, подразумевающий стремительные скачки к модернизации, революционный энтузиазм, «демократию» на массовых собраниях и наспех организованное равенство. Его также можно назвать марксизмом насилия, борьбы с «врагами» – капиталистами или кулаками (зажиточными крестьянами), интеллигенцией или партией «бюрократов». Радикальный марксизм в полной мере проявился в военный период, а также в период «под страхом войны» и придал социализму милитаристский стиль, как и отряды рабочей милиции в революционной России или партизаны послевоенного времени[15].

В каждой из этих форм марксизма коммунисты видели достоинства и недостатки. Радикальный марксизм побуждал к самопожертвованию, вдохновлял людей на героические производственные подвиги в условиях отсутствия рынка и материального стимулирования. Однако, призывая к гонениям «классовых врагов», он порождает отчуждение, хаос и насилие. Его врагами были специалисты, образованные люди, для его воинствующе насаждаемого «просвещения» было чуждо все религиозное и традиционное, особенно в провинции. Модернистский марксизм, напротив, стремился к стабильности, необходимой для рациональной «плановой» модернизации экономики. В то же время он не стимулировал дальнейшее развитие и, что сильнее всего должно было волновать внешне революционный режим, способствовал прочному росту бюрократии под управлением высококвалифицированных специалистов.

Эти политические доктрины не получили сильной поддержки в обществах, которые должны были трансформироваться под их влиянием. Оказалось, что эти доктрины трудно поддерживать без изменений. Понимая это, коммунисты вскоре начали искать компромисс с окружающим обществом¹⁵. Некоторые стали прагматиками, стремясь объединить централизованное планирование с элементами рыночной экономики, осуждая насилие и предоставляя широкие возможности либерализму[16]. Такая форма марксизма доминировала в Западной Европе в конце XIX века, а с 1960-х годов ее влияние распространилось на подконтрольные СССР страны Центральной и Восточной Европы. Другие приняли более «гуманный» романтический социализм. Иные марксисты, особенно в бедных аграрных странах, взяли совсем другой курс и незаметно адаптировали коммунизм к традиционным патриархальным культурам, используя для мобилизации населения различные варианты национализма. Такая форма коммунизма, принятая Сталиным с середины 1930-х годов, вскоре начала во многом походить на иерархическое государственное устройство, против которого коммунисты однажды восстали. Когда в конце холодной войны напряжение спало, система стала менее милитаристской и переключила внимание на социальное благополучие, хотя продолжала быть патерналистской и репрессивной. Именно эту систему начал реформировать М.С. Горбачев, он же ее окончательно разрушил.

IV

В этой книге прослеживается история коммунизма в его четырех главных стадиях, которые сменяли друг друга одновременно с распространением коммунизма с Запада на Восток и Юг: из Франции в Германию и Россию, оттуда – на Восток, в Китай и Юго-Восточную Азию после Второй мировой войны, а затем – в страны Третьего мира: Латинскую Америку, Африку, Средний Восток, Южную и Центральную Азию в 1960-е и 1970-е годы. Наконец, история снова возвращает нас в Европу, где происходит перестройка и крах коммунизма.

В книге основное внимание уделяется коммунистам, их взглядам, отношениям, действиям, однако исследуется также опыт тех классов, которыми они управляли. Я соблюдал хронологический порядок изложения, но он не везде строго выдержан, так как некоторые главы посвящены особым регионам. Я также уделил больше внимания определенным партиям и режимам – отчасти потому, что их влияние было значительным, отчасти потому, что я стремился к балансу количества и качества – охвата материала и глубины его анализа. Книга начинается с периода французской революции, так как в это время впервые в истории можно зафиксировать черты коммунистической политики, хотя их еще предстояло объединить в одно движение. В дальнейшем Карл Маркс и его друг Фридрих Энгельс показали всю реальную силу социализма, в котором соединились протест, разум и стремление к модернизации. Благодаря им социализм покинул гавань националистического якобинства и спустя сто лет после французской революции громко заявил о себе и своих глобальных целях во Втором интернационале марксистских партий[17]. Несмотря на то что I конгресс Второго интернационала прошел в Париже, настоящей столицей

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
коммунизма стал Берлин, родной город самой крупной партии Интернационала – Социал-демократической партии Германии.

Вторая историческая стадия коммунизма – советская эпоха – началась в 1917 году. Москва, когда-то провозгласившая себя Третьим Римом христианства, стала теперь Первым Римом коммунистического мира. Несмотря на идею всемирного распространения, советский коммунизм вскоре стал развиваться в националистическом, «патриотическом» направлении и был использован как основа развития государства и экономики; эти черты сделали его привлекательным в глазах колонизированных народов бывших западных империй. Именно в этот период доминирующей целью советского коммунизма становится тотальное преобразование общества и отдельного человека, которая так и не была достигнута.

В своей третьей стадии, в тесном союзе с национализмом, коммунизм распространяется за пределами Европы, когда после Второй мировой войны Германия и Япония потерпели крах, а США гарантировали привилегии и помощь прозападной элите. В это время европейский коммунизм окостеневал под влиянием имперского правления Сталина. Радикальные коммунисты по всему миру вскоре восстали как против сталинизма, так и против Запада. Первыми «бунтарями» стали троцкисты, а после войны в конкурентов Москвы превратились новые коммунистические столицы: Пекин во главе с Мао и Гавана во главе с Фиделем Кастро[18], а также возникшие аграрные формы коммунизма в Азии, Латинской Америке и Африке в 1960-е и 1970-е годы. К середине 1970-х годов партизанский «лесной» коммунизм уступил место (особенно в Африке) более урбанистической форме сталинского коммунизма.

Тем временем становилось ясно, что коммунизм вступает в завершающую стадию, уступая позиции другим формам радикализма: новому воинствующему либерализму Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер и политическому исламу. К середине 1980-х годов Кремль вынужден был отреагировать на эту ситуацию, и Горбачев развернул кампанию по обновлению коммунизма. Его усилия, направленные на возвращение коммунизму народной поддержки в СССР, привели к окончательному развалу системы.

Коммунизм имел тенденцию к цикличности, проходя в своем развитии «прогрессивные» периоды радикализма, сменяющиеся «регрессивными» направлениями развития – к модернизму, более патриархальному коммунизму или прагматичному компромиссу с либерализмом. Для возрождения духа революции было немало причин, некомунистический мир также сыграл в этом свою роль. Стихийно развивающийся капитализм часто подрывал доверие к себе многочисленными финансовыми кризисами, приводившими к тяжелым ситуациям в экономике. Наиболее ярким примером такой ситуации является крах Нью-Йоркской фондовой биржи в 1929 году. Не менее значительным был факт сильнейшего международного неравенства. Увлеченность ультраправыми взглядами привела Германию и Японию к новым кровопролитным попыткам создать империи с господствующим этническим неравенством. Стремление властей Запада распространить имперское влияние в развивающихся странах до и после Второй мировой войны только распалило националистический гнев третьего мира. Коммунизм, казалось, мог предложить формулу стремительного экономического развития и преодолеть разрыв между бедным Югом и богатым Западом. Что касается внутренней политики, то социальные проблемы, особенно обостренные в сельской провинции, подготовили почву для революционных партий.

Коммунизм в своей старой форме дискредитировал себя и никогда не вернется в историю как мощное, влиятельное движение. Однако теперь, когда мировой капитализм переживает кризис, самое время пересмотреть действия коммунистов по созданию альтернативной системы и проанализировать причины их неудачи. Чтобы понять предпосылки коммунизма, нам необходимо начать с признаков коммунизма Великой французской революции, которую можно считать первым проявлением истинно прометеевского непослушания порядку Зевса в наше время.

Пролог. Классический пример горнила идей

I

В августе 1793 года, в начале наиболее радикального периода Великой французской революции, Жак-Луи Давид, известный художник, приверженец нового революционного режима, управлял декоративной частью одного из национальных политических празднеств. Праздник Единой и неделимой

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Республики ознаменовывал первую годовщину свержения монархии. Давид воздвиг пять аллегорических композиций, сценическую фантазмагорию, изображающую различные стадии революции. Из пяти композиций четвертая является самой известной и самой величественной: огромное изваяние греческого героя Геракла на гипсовой горе в парижском Доме Инвалидов. В левой руке Геракл держал ликторские фации – пучок прутьев, символизирующий власть и единство, в правой – палицу, которой он поразил Гидру, изображенную здесь существом с женской головой и змеиным хвостом. Эта композиция символизировала союз французского народа, борца за свободу, с радикальной якобинской партией «Горы» во главе с Максимилианом Робеспьером{11}.

Эсхил видел в Геракле защитника угнетенных, Ж.-Л. Давид так же представлял себе героя. Предлагая после праздничных торжеств воздвигнуть 14-метровую статую Геракла, Давид описывал его как символ «силы и простоты», воплощение «освободительной энергии» французского народа, которая разрушит «тиранию королей, объединившихся со священниками»{12}. Его лучшие качества, чтобы ни у кого не осталось сомнений в их символическом значении, должны были быть буквально врезанными в его тело: сила и отвага в руках, трудолюбие в кулаках, естественность и правда в груди. Он, таким образом, олицетворял особую часть французского народа – людей, которые добывали хлеб своими руками, санкюотов – радикальных революционеров, бедных городских ремесленников «без штанов» (кюлотов), которые в поисках средств к существованию не боялись применять насилие. Редактор еженедельника «Революсьон де Пари» (Revolutions de Paris), безусловно, так же понимал символическую силу творения Ж.-Л. Давида: «Мы увидим сам народ, оставший во весь рост, одной рукой крепко держащий завоеванную им свободу, а другой – палицу, чтобы защищать завоеванное. Несомненно, из всех предложенных проектов мы предпочтем тот, который наилучшим образом передаст образ санкюота, олицетворяющий весь народ»{13}. Однако Геракл воплощал не только силу народа, но и разум: об этом говорило слово «свет», начертанное на лбу статуи. Давид создал образ, в котором сочетались черты санкюота и образованного человека эпохи Просвещения. Он также отражал новое понимание государственности{14}. Теперь было недостаточно свергнуть тиранов и лишить их власти, к чему стремились либералы. В государстве нового типа власть должна была принадлежать радикалам, энергичным, образованным, способным не только объединить простых людей в один народ, но и поднимать их на борьбу с врагами государства.

Именно в образе давидовского Геракла, в творческом интеллектуальном вдохновении, в этом квазиклассическом спартанском восприятии якобинцев нужно искать истоки современной политики коммунизма. Разумеется, коммунизм как идея имеет более раннее происхождение. Жители идеальной «Республики» Платона имели общую собственность; ранние христиане жили братскими общинами и делили блага на всех. Ранняя христианская традиция, а также традиция возделывания «общих земель» крестьянскими общинами стали основой «коммунистических» экспериментов и утопий Нового времени: «Утопии» XVI века английского мыслителя Томаса Мора и общины, организованной одним из руководителей движения диггеров («копателей») Джерардом Уинстенли недалеко от местечка Кобэм, в графстве Суррей во время Гражданской войны в Англии 1649–1650 годов[19].

Однако все эти проекты были основаны на стремлении вернуться в аграрную «золотую эпоху» экономического равенства; будущие коммунисты объявят, что их цель – создание государств, основанных на принципах политического равноправия{15}. Политические амбиции можно увидеть именно у якобинцев. Они не занимались перераспределением собственности, не были противниками рынка, а наоборот, преследовали их. Якобинцы не являлись сторонниками классовой борьбы, однако они, как позже коммунисты, верили, что только единый союз граждан-собратьев, свободных от привилегий, иерархии и разделения, способен вырасти в сильную нацию, уважаемую и влиятельную во внешнем мире. В какой-то степени якобинство стало прелюдией к современной драме коммунизма. В горниле якобинства зародились элементы коммунистической политики и образа жизни в их самой чистой форме. Не случайно к тому же первый революционный коммунист-утопист современности, Франсуа Ноэль (Гракх) Бабёф, вышел из рядов якобинцев.

Политика якобинцев некоторое время имела успех. После многолетних поражений французы одержали несколько военных побед. Казалось, им удалось наконец преодолеть изнуряющее бессилие старого режима Бурбонов. И все же в новом политическом устройстве чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, которое впоследствии испытают на себе коммунистические режимы.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Революционная элита, стремившаяся построить сильное государство, часто оказывалась в отношениях скорее конфронтации, чем согласия с радикально настроенными массами. Между тем внутри движения якобинцев произошел раскол на тех, для кого первостепенное значение имела отвага Геракла, его эмоциональный протест, и на тех, кто придавал особое значение порядку, разуму и просвещению. В конце концов эти конфликты уничтожили якобинцев, как и сопутствовавшие им массовые беспорядки и насилие.

II

В 1789 году старый режим и социальный уклад, основанный на законодательно защищенной, десятилетиями укрепляемой иерархии, потерпели крах. Была уничтожена старая сословная система, а вместе с ней и представления о том, что принадлежность человека к сословию, его место в стратифицированном обществе еще до рождения предопределены Богом. Представители двух высших сословий – духовенства и дворянства – больше не имели привилегий над остальным обществом, «третьим сословием». Объявлялось равенство всех людей перед законом. Отныне народ был неделим: это были граждане единой сплоченной нации, а не представители отдельных сословий, объединений, гильдий. Отчасти требования равенства перед законом выросли из ненависти, с которой «третье сословие» относилось к высокомерию дворян. Простых людей также возмущало то, что они обязаны были платить налоги, от которых «вышестоящие» были освобождены. Однако выступления против сословной системы представляли собой также острую критику французского общества. Королевская власть и социальное неравенство, как многие утверждали, ослабили Францию и отдали ее, слабую и беззащитную, на растерзание врагам, особенно самому заклятому – Британии.^{16} Деспотизм и феодализм не только привели к неравенству между людьми, но и породили рабское, нечеловеческое мировоззрение. Как писал в 1792 году аббат Шарль Шесно, французы были добродетельны от природы, но «деспотизм все отравил своим зловонным дыханием, этот монстр подавил самые искренние чувства в истоке»^{17}. Не удивительно, что французы стали такими беспомощными.

Все революционеры сначала соглашались с тем, что они должны создать абсолютно новую культуру, их усилия были направлены на то, чтобы следы старого режима исчезли из повседневной жизни; ни к чему так не стремились идеалы, как к «новому человеку», свободному от влияния традиций прошлого. Как заявил один из революционеров: «Революции наполовину не бывает: она либо охватывает и меняет сразу все сферы, либо срывается. Все революции, память о которых хранит история, а также попытки революций в наше время потерпели крах потому, что революционеры лишь вписывали старые традиции в новые законы и во главе новой власти ставили старых руководителей»^{18}.

В центре новой культуры теперь находилось политическое равенство и «разум», здравый смысл, порывающий с традицией. Различия в одежде считались старомодными, костюм стал намного проще. Сторонники революции украшали себя кокардами и красными, похожими на фригийские, колпаками, которые как символ носили освобожденные рабы. «Традиционное» заменялось «рациональным»: на смену семидневной неделе пришла декада, а новые названия десяти месяцев описывали новый, меняющийся на глазах мир. Весенние месяцы, например, получили названия жерминаль (от *germination* – «прорастание»), флореаль («изобилующий цветами») и прериаль («луг»). Новые праздники, такие как Праздник Единой и неделимой Республики, организованный Давидом, сопровождался изобретением новых обрядов для новых граждан, заменяя старые христианские традиции.

Однако вскоре во взглядах революционеров на содержание новой культуры и политики возникли разногласия. В революционной идеологии можно выделить два направления. Одно, господствовавшее первые два года революции, было в своей основе либеральным и капиталистическим^{19}. Привилегии старого режима, а также рыночные льготы, предоставляемые ремесленникам и крестьянам, были отменены в пользу права частной собственности и свободной торговли. Второе предлагало отчетливо коллективистскую идею общества, сторонники которой черпали вдохновение в классической строгости республиканизма. Именно такой взгляд на общество стал основой радикальной идеологии якобинцев.

Приблизиться к пониманию этой идеологии можно, взглянув на одну из работ Ж.-Л. Давида – пользовавшуюся небывалым успехом картину «Клятва Горациев», написанную в 1784 году. На полотне изображены трое братьев из римского рода Горациев, дающих клятву отцу перед битвой: если будет нужно, они умрут за родину; скорбящие женщины сидят вдали в тревоге и бессилии. Этот эпизод из

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org рассказывает римского историка Тита Ливия, описанный французским драматургом Пьером Корнелем, изображал победу патриотизма над личными и семейными привязанностями и интересами. Гораций и его двое братьев были выбраны для поединка с тремя воинами из соседнего города Альба Лонга. В поединке выживает только Гораций. Когда его сестра оплакивает убитого врага, с которым она была помолвлена, Гораций в гневе убивает ее. Сенат прощает Горацию это преступление. В драме восхвалялись лучшие качества мужчины-воина, и строгий неоклассический стиль Давида лишь усилил эту возвышенную похвалу. Он надеялся, что созданные им образы героизма и гражданского долга «принесут свет в души» и «вызовут к жизни восхищение, порыв посвятить свою жизнь родине и ее благополучию»{20}. Его надежды оправдались. Один немец, современник Давида, писал: «В гостях, в кафе, на улицах... везде говорят только о Давиде и “Клятве Горациев”». Ни государственные дела в Древнем Риме, ни выборы папы в Риме современном не вызывали большего смятения чувств»{21}.

«Клятва Горациев» стала художественным воплощением комплекса идей, к тому времени укоренившихся в обществе во многом благодаря мыслителю, влияние которого испытало на себе революционное поколение. Этим мыслителем был Жан-Жак Руссо. В основе философии Руссо лежит критика неравенства. Он осуждал старый патриархальный уклад и выросшее из него рабство, однако он также не одобрял либеральный путь, который, как считал Руссо, приводит к алчности, материализму, зависти, несчастью. Для Руссо идеальные модели общества – это или облегченная форма патернализма, или братская община, живущая по образцу самоотверженных героев прошлого, которых ярко изобразил Ж.-Л. Давид. Произошла демократизация героизма, ранее бывшего исключительно дворянского качества: республике требовались «герои из народа»{22}.

Руссо описал идеальное общество в труде «Общественный договор» (1762). Это общество сочетало достоинства родной для автора пуританской Женевы и Древней Спарты. Спарта привлекала Руссо: некоторое время она представляла собой город-государство, каждый гражданин которого ставил общие цели выше собственных эгоистичных желаний и проживал строгую жизнь, героически стремясь к подвигам. В утопическом обществе Руссо народ как одно целое собирался на форумах; отвергая индивидуализм, люди действовали в соответствии с «Единой Волей», которая объявляла неравенство и привилегии вне закона{23}. Это было общество, в котором каждый гражданин нес военную службу – идеал Руссо в основе своей представлял собой квазимилитаристский порядок, но не потому, что его интересовали завоевательные походы. Руссо видел в армии идеальное слияние общественной службы и самопожертвования{24}.

Однако цели Руссо не ограничивались модернизацией политического устройства. Он стремился к преобразованию всех сфер человеческих отношений: общественной, личной, культурной. Уклад традиционной патриархальной семьи должен был уступить место патернализму в облегченной форме. В самом популярном романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» рассказывается история молодой знатной девушки, которая влюбляется в своего учителя, родственника Сен-Пре, к ужасу ее сурового отца, не признающего неродовитых людей. Вместо того чтобы разорвать тесные семейные связи и отдаться юношеской пылкой страсти, Юлия создает новую добродетельную семью. Она выходит замуж за Вольмара, воплощение мудрости и отцовства, и они живут невинным дружеским союзом в образцовом поместье с Сен-Пре и почтительными слугами. Вольмар показан моральным авторитетом, нравственным наставником, который указывает своим «чадам», жене и слугам, как поступать правильно{25}.

Взгляды Руссо на государство имеют сходство с более поздними марксистскими идеалами. Однако есть одна существенная Розница. Руссо в отличие от большинства коммунистов не признавал модернизацию, комплексный подход к общественному устройству, промышленность. Добродетель и нравственность, верил он, могут процветать только в небольших аграрных общинах.

Все же французские революционеры считали, что идеал Руссо – Спарта – может во многом послужить образцом и для современного большого государства, например для Франции. Опыт Спарты демонстрировал возможности преобразования государственного единства и силы. Гийом-Жозеф Сеж, восторженный последователь Руссо, писал в 1770 году: «Государственное устройство Спарты кажется мне шедевром человеческого духа... Современные политические институты неизбежно плохи по одной причине: они основываются на принципах, полностью противоположных принципам Ликурга, законодателя Древней Спарты; они представляют собой совокупность противоречащих друг другу интересов и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org отношений. Эти принципы необходимо полностью искоренить, чтобы возродить простоту, которая обеспечивает силу и длительное существование общественному организму»{26}.

Культ Спарты, созданный Руссо, и классический героизм стали близки многим в период революции, но особенно популярны эти идеи были среди тех радикалов, которые особенно чувствительно относились к тяжелому положению бедных. Не будучи врагом собственности, Руссо в отличие от большинства его современников-философов отстаивал мысль о том, что добродетель, «возвышенная наука простых душ», известна скорее бедным, чем богатым{27}. Одним из таких радикалов был молодой адвокат из Арраса Максимилиан Робеспьер, самый резкий критик либерального подхода. В «Посвящении памяти Руссо», написанном в 1788-1789 годах, он заявил: «Священный человек, ты научил меня, как себя познать. Мне, юноше, ты показал, как нужно ценить величие моей природы и как размышлять о высоких принципах социального устройства»{28}. Именно Робеспьер и якобинцы трансформировали романтические идеи Руссо о нравственном возрождении и небольших общинах в политический проект преобразования государства.

Робеспьер был избран в Генеральные штаты в 1789 году, а вскоре стал членом революционного Якобинского клуба. С самого начала он примкнул к радикальному крылу якобинцев – партии «Гора» (монтаньяры), члены которой относились к дворянству с большим недоверием, а к бедным с большим сочувствием, чем умеренное большинство. С усилением внутреннего сопротивления революции в 1790-е годы радикализм Робеспьера, как и многих других якобинцев, обострился. Боясь заговоров и нападений со стороны роялистов (своих дворян и иностранных врагов), Робеспьер и якобинцы стали одержимо искать «врагов» среди дворян и буржуазии. Не доверяя старой дворянской гвардии, республика на время призвала встать на службу бок о бок с регулярными войсками добровольцев из третьего сословия, следуя классическому образцу гражданской армии. Однако теперь революционеры вынуждены были подумать о широких массах, включая санкюлотов. Как объяснял Робеспьер: «Опасность исходит от буржуазии. Чтобы справиться с ней, нужно объединить народ»{29}. Таким образом, необходимость союза с нищими была продиктована военными причинами. В июне 1793 года восстание против умеренных жирондистов, организованное парижанами-санкюлотами, помогло получить власть радикальной партии «Гора» во главе с Робеспьером.

III

В октябре 1793 года в Париже шла новая пьеса «Последний суд королей» Сильвена Марешаля, якобинца-радикала, интеллектуала, сторонника протокоммуниста Франсуа Ноэля Бабёфа[20]. Рассчитанная на широкую публику, пьеса представляла собой представление с участием зрителей, полное громких (если не сказать – кричащих) политических воззваний. Действие происходит на необитаемом острове с извергающимся вулканом. Действующие лица – папа римский, монархи Европы и некоторые аллегорические персонажи: группа первобытных людей Руссо, символизирующих гармонию человечества до наступления эпохи зла; старый француз-изгнанник, представляющий раскольников, бунтарей из прошлого; санкюлоты из всех европейских стран, люди будущего. Санкюлоты громко оглашают список преступлений, совершенных монархами, монархи же в это время, обуреваемые алчностью, делят хлеб. Старый изгнанник, санкюлоты и «примитивные» первобытные люди демонстрируют, как новый народ способен сплотиться в труде, жить по-простому. В конце пьесы публику громогласно призывают навсегда отречься от монархии{30}.

В этой пьесе в достаточно грубой форме было представлено мировоззрение якобинцев. Санкюлоты – носители морали; враги в основном монархи (не все богатые люди). Несмотря на это, пьеса «Последний суд королей» резко отличалась от других произведений того периода, которые представляли сдержанный классический стиль, предпочитаемый якобинцами. Это был бурлеск, кричащая пантомима. Хотя ее автор и не был санкюлотом, он приблизился к их культурному миру гораздо больше, чем Давид и его величественные соратники с их неоклассическими празднествами и спектаклями. Казалось, Робеспьеру удалось кое-как объединить якобинцев и санкюлотов, но это был очень хрупкий союз.

Санкюлоты не являлись «рабочим классом» в марксистском понимании. Хотя многие из них имели работу, а некоторые потеряли ее, они все же представляли собой смешанную группу, куда в том числе входили городские низы. Политика санкюлотов отличалась радикализмом и коллективизмом, они

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org признавали права только за «народом», причем богатые «народом» не считались. Главные требования местных советов касались материальных вопросов, особенно государственного регулирования экономики. Они настаивали на усилении контроля над ценами, чтобы все, даже самые бедные, могли купить еду и выжить. Они не стремились уничтожить собственность, они стремились ее распространить. Санкюлоты, таким образом, представляли общество уравнилельной системой. Можно сказать, они были сторонниками «классовой борьбы» задолго до возникновения этого понятия. В их глазах богачи и спекулянты были такими же, как дворяне, «вампирами», сосущими кровь родины.

Санкюлоты не создали последовательной политической философии, за них это сделал их рассудительный сторонник франсуа Ноэль Бабёф. Бабёф был февдистом – специалистом по сеньориальному праву. Он работал в архиве и обеспечивал увеличение дохода аристократов тем, что доказывал их древние права. Он был целеустремленным карьеристом и не гнушался бюрократии и эксплуатации крестьян. Однако Бабёф разочаровался в своих взглядах еще до революции 1789 года. Он был глубоко тронут бедственным положением крестьян, которые страдали не только от феодальных повинностей, но и от невозможности конкурировать с зажиточными крестьянами, успевшими нажиться на развивающемся капитализме. Он объяснял позже: «Я был февдистом при старом режиме, поэтому стал едва ли не самым грозным карателем феодализма при новом. В пыли сеньориальных архивов я раскрыл ужасные тайны узурпирования власти аристократической кастой»{31}. Бабёф прочитал все из доступной ему новой литературы Просвещения, но в поисках идеалов оглядывался в античное прошлое, взяв себе имя Гракх в честь братьев Гракхов, римских трибунов, добившихся перераспределения земельной собственности в пользу бедных.

Возможно, революция разрушила карьеру Бабёфа, однако она дала ему возможность воплотить в жизнь его идеалы. Он содействовал крестьянским выступлениям против налогов, а с 1791 года стал преданным сторонником «аграрного закона» – перераспределения земельной собственности, которое Гракхи провели в Древнем Риме. Бабёф присоединился к якобинцам и стал секретарем продовольственной администрации Парижской коммуны[21]. Его обязанностью было пополнение продовольственных запасов для парижан, он также призывал якобинцев к контролю цен и наказанию спекулянтов. Бабёф смотрел на свою работу сквозь призму иллюзий. Он с большим энтузиазмом писал жене следующее: «Это возбуждает меня до безумия. Санкюлоты хотят быть счастливыми, и я думаю, что через год мы обеспечим всеобщее счастье на земле, если предпримем правильные меры и будем действовать с необходимой рассудительностью»{32}.

Несмотря на то что Бабёф сотрудничал с якобинцами, его взгляды были ближе мечтам санкюлотов об уравнивавшем всех рае. Его утопией являлось общество, где каждый окажется сыт, где безнравственные богачи будут жить под строгим контролем народа.

Тот факт, что якобинцы привлекали к работе таких людей, как Бабёф, показывает, насколько радикальной была политика парижан. Радикализм особенно отразился на армии. Власть стала демократичнее, и жесткую дисциплину прошлого заменили судом пэров; в то же время офицерские чины раздавались не в соответствии с профессиональным опытом, а в зависимости от идеологической приверженности. Генерал Шарль Дюмурье считал это лучшим способом мотивации: «такая духовная нация, как наша, не должна и не может сводиться к бездушным людям-автоматам, как раз когда свобода полностью вступила в свои права»{33}. Военное министерство под контролем радикала Жана Баптиста Бушота распространяло газету «Папаша Дюшен» (*Le père Duchesne*). Этот якобинский листок, издаваемый журналистом Жаком Эбером, служил голосом грубых, жестоких санкюлотов. Сотни тысяч солдат читали его или слушали, когда кто-то читал вслух.

Конфликт между якобинцами и санкюлотами казался неизбежным. Сторонники Робеспьера представляли себе Францию, развивающуюся по образцу классического древнего города-государства, населенного благородными самоотверженными гражданами, санкюлоты же мечтали о стране, где царствует пошлое веселье и жестокое классовое возмездие. Санкюлоты были нужны якобинцам, чтобы сражаться на их стороне, поэтому компромисс оказался необходим. Некоторые требования санкюлотов были удовлетворены: установлен контроль цен и введена смертная казнь за укрывательство зерна. Тем временем «революционные армии» санкюлотов отправились в сельскую местность, чтобы производить конфискацию продовольствия у непокорных крестьян и таким образом поддерживать города. Новое народное ополчение – всеобщая воинская

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org мобилизация, охватывающая все население мужского пола независимо от социального происхождения, – также отвечало стремлению санкюлотов к равенству.

Однако, соглашаясь на уступки, якобинцы вовсе не желали, чтобы ими управляла неотесанная толпа. Их цель заключалась в мобилизации народных масс, в направлении их энергии в нужное русло на фоне растущей централизации государства. Таким было и назначение Праздника Единой и Неделимой Республики, отмечавшегося в августе 1793 года, в ходе которого главным аллегорическим символом стала статуя Геракла. Во время празднования пики санкюлотов были собраны со всех окрестностей и связаны в гигантские фасции. Простые люди являлись лишь марионетками в этой политической игре, государство намеревалось сплотить их и приучить к своему строгому порядку. С этой целью якобинцы ограничили полномочия революционных армий и секций санкюлотов.

Якобинцы стремились к ослаблению власти санкюлотов еще и потому, что они были убеждены: победить европейских врагов можно только с помощью опытной армии. Лазар Николя Карно, бывший инженер, провел реорганизацию армии, сделав ее более профессиональной. Он сохранил офицеров-дворян, которые имели ценный опыт, и возродил некоторые правила старорежимной воинской дисциплины. Теперь, чтобы стать офицером, было недостаточно принадлежать к ярым республиканцам: требовалось обладать грамотностью и знаниями военного мастерства.

Такой технократический подход применялся и в экономике. Соратник Карно, Клод Антуан Приер из Кот-д'Ор был поставлен во главе парижской Мануфактуры – огромного (на то время) массива оружейных мастерских, построенных государством за предельно короткие сроки. К весне 1794 года в мастерских было занято 5 тысяч рабочих (по 200–300 человек в каждой). Рабочие жили в зданиях старых монастырей или в домах изгнанных дворян. Эти люди обеспечивали производство большей части снаряжения и боеприпасов Франции. Ими руководили Приер и небольшая группа инженеров и техников, которых называли техноякобинцами{34}.

Несмотря на сомнения, якобинцы все еще пытались соединить технократический подход с народным воодушевлением, и существует доказательство тому, что эти попытки были удачными. Солдаты осознавали, что они служат в самой демократичной армии Европы. В одной из песен того периода были такие слова:

Нет больше равнодушия со злом!
Мы с добрым сердцем счастье создаем.
Нет радости для нас
Без братства в этот час.

Мы есть привыкли за одним столом!{35}

Войско якобинцев добилось успехов, по крайней мере на время. Победа французов над прусской армией в сражении при Вальми в сентябре 1792 года продемонстрировала мощь гражданских армий и недостатки старого аристократического способа ведения войны. Известны слова Гете, сказанные на поле сражения в Вальми: «С этого места и с этого дня начинается новая эпоха всемирной истории, и все вы можете сказать, что присутствовали при ее рождении»{36}. К концу 1793 года реформы якобинцев привели к еще большему усилению армии и к новым победам. Режим располагал армией в один миллион солдат, обеспечивал ее продовольствием и оружием, вдохновляя принципами равенства. Пьер Коэн, служивший во французской армии «Север», писал своей семье письма, проникнутые мессианским якобинским духом и вдохновленные идеей революционного интернационализма: «Война, которую мы ведем, – это не война между двумя королями или между двумя нациями. Это война свободы против деспотизма. Нет сомнения в том, что победа будет на нашей стороне. Справедливая и свободная нация непобедима»{37}.

К маю 1794 года французы уже не вели оборонительные войны, а несли революцию соседним народам. Европу охватил новый вид идеологической борьбы – ранняя и более жестокая версия холодной войны.

IV

Успех за пределами страны, однако, не сопровождался стабильностью дома. В самой Франции якобинцам оказалось гораздо труднее объединить революционный дух с жесткой дисциплиной. Революционные армии, созданные для сбора налогов и подавления сопротивления революции в провинции, сами превратились в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org источник беспорядков{38}. Сотрудничая с радикалами из Национального Конвента, они часто применяли насилие против богатых и крестьян, неся хаос и разрушение в провинции. Повсюду арестовывали состоятельных людей, их имущество подлежало конфискации, а замки и особняки – разрушению. Такие меры сильно подрывали местную экономику.

Робеспьер и якобинцы, взволнованные тем, что ультралибералы отпугивают и отчуждают огромные слои населения, особенно в сельской местности, вскоре приняли решение навести порядок и несколько обуздать санкюлотов. В декабре 1793 года правящий Конвент упразднил революционные армии и установил более централизованный контроль над регионами. Однако Робеспьер опасался, что в лице ультралиберальной революция лишится Движущей силы. Он с недоверием относился к технократу Карно и его союзнику Дантону, считая их ненастоящими революционерами, планирующими вернуть старый режим в новой форме.

В марте 1794 года мечущийся между желанием сохранить Движущую силу революции и одновременно спасти ее от радикалов и классового разделения Робеспьер выступил и против левых, и против правых. Ультралиберал Эбер и менее радикальный Дантон были арестованы и преданы гильотине. Объявив вне закона ультралибералов и умеренных революционеров, Робеспьер остался практически без поддержки. Его усилия по продолжению революции без поддержки масс сопровождались методами, отголоски которых наблюдались в более поздних коммунистических режимах: преследованием тех, кого подозревали в контрреволюционной пропаганде. На языке якобинцев эти методы назывались террором и торжеством добродетели. Робеспьер провозгласил в своей известной речи: «Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор – добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не столько частный принцип, как следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества»{39}.

Робеспьер энергично принялся за повсеместное установление власти добродетели. Он учредил Комитет общественного просвещения, под контролем которого находилась пропаганда и нравственное образование населения. Как сказал Клод Пайан, брат председателя Комитета Жозефа Пайана, до этого в стране появилось централизованное «физическое, материальное правление»; теперь задача состояла в том, чтобы появилось централизованное «нравственное правление»{40}. Комитет распространял революционные песни и занимался организацией политических праздников. Он также осуществил один из самых претенциозных проектов Робеспьера – провозглашение новой нехристианской государственной религии, поклонения Верховному Существо.

Робеспьер много времени уделял проверке идеологической верности чиновников. По служебной лестнице продвигались те, кто имел «патриотическую добродетель»; «враги» (это понятие определялось весьма расплывчато) лишались должностей и подвергались аресту, 10 июня вступил в силу жестокий закон (22 прериаля)» с которого начался Великий Террор. Репрессии были направлены не только против настоящих заговорщиков, но и против любого человека с «контрреволюционными» настроениями. Закон вводил новую категорию преступника, которой суждено было возродиться через много лет: «враг народа». Любой, кто мог угрожать революции (например, заговором с иностранцами, безнравственным поведением), подвергался аресту. Закон поощрял применение политических репрессий. С марта 1794 года (начало террора) по 10 июня по приговору Революционного трибунала казнили 1251 человек. За более короткий период с 10 июня по 27 июля 1376 человек были преданы смерти{41}.

Показательная «чистка» была для Робеспьера неотъемлемой частью управления страной. Однако другие якобинцы считали ее чертой военного времени, излишней теперь, когда французские войска одержали победу. Их также беспокоил произвол Робеспьера в вопросе определения границы между добродетелью и пороком. Члены Конвента справедливо опасались за свою жизнь, боясь стать следующими жертвами, и начали планировать смещение Робеспьера. Когда его арестовали по распоряжению Конвента 9 термидора (27 июля), его мало кто поддержал. Отказавшись от «левых» санкюлотов, Робеспьер остался уязвимым перед «умеренными» членами Национального Конвента. Казнь Робеспьера ознаменовала конец радикальной фазы французской революции. Последующий Термидорианский режим прекратил аресты по доносам и

v

Человеку, видевшему или представлявшему тщательно продуманные и подготовленные Давидом политические празднества, простительно предположение о том, что Давид пропагандировал возвращение старого, консервативного режима, ищущего идеалы в прошлом. Классический стиль, статика, аллегорические сцены говорят о приверженности к порядку и стабильности. Но события, которые отмечались торжествами Давида, были революционными: они подразумевали героизм, социальный конфликт, неприятие традиции. Контраст между образами Давида и реальностью революции показал, насколько не готовы были якобинцы к той политике, которую они претворяли в жизнь{42}. Сначала они пытались перенести единство и архаичную простоту Древней Спарты во Францию XVIII века: Давид даже разработал проекты костюмов в псевдоклассическом стиле для новой революционной нации{43}. Но вместо этого якобинцы втянули нацию в войну и классовый конфликт, и, чтобы воевать с успехом, они стремились построить современное государство с армией и оборонной промышленностью. В попытках примирить идеалы классического республиканства с современными военными нуждами они объединили многие элементы, которые впоследствии составят сплав коммунистических идей.

Некоторое время противоречия в стане якобинцев выглядели даже преимуществом. Они использовали язык классической добродетели и морали, чтобы склонить санкюлотов на свою сторону, и в то же время применяли эффективные способы обеспечения армии и промышленности техникой. Комбинация централизованной власти и в то же время участие масс в управлении страной как стратегия построения сильного государства также имела для якобинцев преимущества. Именно при якобинцах начался военный подъем революционной Франции после продолжительного упадка. Якобинцы показали, насколько эффективной может быть идея равенства в создании новой нации, готовой к сопротивлению с оружием в руках.

Однако в конечном итоге якобинцы не смогли справиться с этими конфликтующими силами. Им не удалось примирить ни требования санкюлотов с интересами имущих классов, ни правило добродетели (или идеологической верности) с силой образованных и ученых людей. Столкнувшись с этими трудностями, якобинцы распались на два лагеря. Партия продолжала разваливаться до тех пор, пока Робеспьер не остался с жалкой кучкой верных ему людей. И тогда он решил насаждать «добродетель» с помощью террора.

Из дальнейшего повествования будет видно, что коммунисты столкнулись с похожими противоречиями: они часто старались дочитывать, а иногда и использовать эгалитаризм народных масс, их ярость по отношению к высшим классам, неприязнь горожан по отношению к крестьянам; в то же время они стремились к единству и стабильности. Они строили эффективную, современную, технологически оснащенную экономику и при этом были уверены, что лучший способ мобилизовать массы – это эмоциональное вдохновение и подъем. Иногда, как Робеспьер, они разрешали эти противоречия насаждением строгой дисциплины или идеи правящей добродетели, сопровождающейся пропагандой и применением насилия против несогласных. Однако коммунисты, не сомневаясь, стремились разрушить право частной собственности и тем самым некоторое время обеспечивали поддержку бедного населения. Они многому научились из истории революционных движений, в частности у французской революции. Якобинцам не на что было оглядываться в истории, кроме неоднозначного опыта классической древности.

Робеспьер оставался забытым, с презрением отвергнутым как левыми, так и правыми. Только в 1830-е годы, когда снова стали популярными социалистические идеи, началась его реабилитация. Идеи и силы, которым дали свободу и развитие Робеспьер и якобинцы, оказали сильнейшее влияние на коммунистов будущего. Следующие пятьдесят лет пример французской революции, ее неудач будет сильно влиять на левых. События 1793–1794 годов серьезно тронут воображение одного молодого радикала, уроженца Рейнской Пруссии, которая незадолго до его рождения еще была оккупирована Францией. Карл Маркс, признавая серьезные ошибки якобинцев, все же считал их эпоху «маяком для всех революционных эпох», путеводной звездой, освещающей дорогу в будущее{44}. Маркс, как и многие другие социалисты XIX века, строил теорию революции, учитывая уроки якобинцев и их кровавой истории.

1. Немецкий Прометей

I

В 1831 году Эжен Делакруа представил на выставке полотно по мотивам июльской революции 1830 года «Свобода, ведущая народ». Это изображение первого крупного восстания в Европе с 1789 года [22] теперь стало иконой революции: сцену, показанную на полотне, часто приписывают более ранней и известной революции. Это можно понять, так как на этой картине революция 1830 года, низложившая восстановленную после правления Наполеона монархию Бурбонов, во многих отношениях была показана как повторение событий 1789 года. Женщина с обнаженной грудью, символизирующая Свободу (на голове у нее – фригийский колпак, в руках – триколор и ружье), вызывала в памяти классических героев конца XVIII века. Картина также говорила о союзе буржуа и бедняков, который существовал в 1789 году. Свобода ведет вперед всех революционеров: и молодого интеллектуала-буржуа в цилиндре, и оборванного рабочего, и маленького беспризорника, карабкающегося к ней по трупам мучеников революции.

Картина, однако, показала и перемену во взглядах на революцию со времен Давида. Рабочие и бедняки изображены более ярко и четко, чем буржуа, поэтому неудивительно, что, опасаясь бедняков, враждебные критики жаловались, что адвокатам, врачам, купцам предпочли «оборванцев и работяг». Кроме того, фигура Свободы была не совсем аллегорической, это явно была женщина из народа; «Журнал художников» назвал ее грязной, уродливой и «постыдной» [45]. В 1832 году картина была на долгие годы скрыта от людских глаз, чтобы не породить беспорядки, однако она снова вернулась из забвения во время революции 1848 года. Делакруа видел в самом сердце революции не буржуа в тогах, а рабочих в лохмотьях.

Картина Делакруа поразительно точно показывает, как далеко продвинулись представления о революции со времен упорядоченной священнической живописи Давида. Свобода Делакруа могла бы иметь случайные черты классического образа, однако на холсте восторжествовал безудержный романтизм художника. В нем есть некоторая дикость, природная энергия, сила образов, так непохожая на классическую сдержанность Давида. Однако Делакруа вписал в свой революционный ансамбль студента в форме Политехнической школы, основанной Карно, соперника Робеспьера, техноякобинца. Пусть в небольшой степени, но революционный романтизм был смягчен уважением к науке.

Делакруа, однако, был лишь ненадолго вдохновлен революцией 1830 года. Он не придерживался радикальных взглядов в политике и вскоре разочаровался. В самом деле, многие усмотрели в его известной картине достаточно противоречивое отношение к революционному насилию: фигуры на переднем плане – это мертвецы, а народ ведет за собой не Свобода, а размахивающий пистолетом мальчик. Карл Маркс, наоборот, не противился революционному насилию, хотя, как и Делакруа, он стремился использовать опыт 1789 года в создании новой могущественной политики социализма. Во второй половине 1830-х и в 1840-е годы немец Маркс был также одержим наследием 1789 года, как любой французский интеллектуал, он даже собирался написать историю революции [46]. Маркс, как и Делакруа, модернизировал традицию революции, убрав налет классицизма и поместив рабочих на передний план мизансцены. Он был уверен, что провал якобинцев во многом был обусловлен тем, что они слишком неосмотрительно сделали своим идеалом классический город-государство, предмет их восхищения. Их тоска по прошлому Спарты и Древнего Рима привели к противостоянию с санкюлотами. Политического равенства, которое они поддерживали, предоставив всем людям равные гражданские права, оказалось недостаточно. В современном обществе полное равенство и гармония могли быть достигнуты при условии полного экономического равенства. Без поддержки большинства якобинцы были вынуждены применить насилие [47]. Маркс приложил гораздо больше усилий, чем Делакруа, к усмирению революционного романтизма, выступая за научную и экономическую модернизацию. Он считал, что якобинцы преувеличили роль добродетели и политической воли в попытках перестроить общество, недооценивая значение экономических сил.

Придание нового значения, нового образа традиции французской революции составляет оригинальность Маркса. Маркс стал автором новой идеологии левого толка, подходящей новым индустриальным государствам XIX века с их верой в технологический прогресс и стремительно растущим в числе рабочих классом.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Она также подходила новой эпохе, когда социальный конфликт между рабочими и их нанимателями, поддерживаемыми государством, переживал обострение. Кроме того, Маркс хотел перенести центр социализма из «оглядывающейся на прошлое» Франции конца XVIII века в Германию, страну новой «оглядывающейся на прошлое» нации.

II

После казни Робеспьера в 1794 году из тюрем Франции были освобождены тысячи заключенных, осужденных революционным режимом. Среди них были три радикальных мыслителя: Франсуа Ноэль Бабёф, граф Анри де Сен-Симон и Шарль Фурье. Все трое пострадали от террора и старались вынести из этого урок, хотя и сделали очень разные выводы о том, что было неверным и как возродить радикализм. Бабёф осуждал Робеспьера за то, что тот предал французских ремесленников и крестьян. Вскоре Бабёф возглавил одно из первых коммунистических движений. Сен-Симон, напротив, унаследовал идеи технократов; для него самым преступным в политике Робеспьера было пренебрежение нуждами промышленности и модернизации. Фурье отличался от обоих тем, что рассуждал о будущем, в котором приоритет отдавался не равенству или производительности,

а творчеству и удовольствию. Каждый из них заложил определенный элемент в основу социализма – эгалитарный коммунизм, «научный» социализм и социализм с чертами романтизма. Позже эти три элемента были объединены Марксом в одно целое, пусть не до конца логически связанное.

«Коммунизм» Бабёфа стал еще более эгалитарным во время второго тюремного заключения его лидера после падения Робеспьера. Теперь Гракх с большим радикализмом, чем при якобинцах, отвергал собственность^[48]. Ему было мало земельного закона и упразднения явных форм неравенства – нужно было добиться радикальной формы «абсолютного равенства». В новом обществе не будет денег. Каждый станет посылать продукты своего труда в «общее хранилище» и впоследствии получать за свой труд равные пропорции национального продукта. Работа перестанет быть рутинным делом, так как желание людей трудиться будет основано на патриотизме и любви к обществу. В сущности это была эгалитарная версия утопии санкюлотов, в основе которой лежали тяжелая работа и строгая социальная справедливость. Она могла осуществиться на основе опыта максимально эффективного проекта якобинской продовольственной администрации.

После освобождения из тюрьмы в октябре 1795 года Бабёф решил взять курс на революцию. Он помог в организации «Повстанческого комитета общественного спасения», который выпустил «Манифест равных». Бабёф и его соратники планировали поднять восстание в мае 1796 года, однако власти раскрыли заговор. Бабёф и некоторые его сторонники были арестованы и приговорены к смертной казни^[23]. Однако идеи революционной политики и пуританского эгалитаризма продолжали жить. Филиппо Буонарроти, принимавший участие в заговоре, написал историю равных в 1828 году, когда идеи Бабёфа воспринимались с большим энтузиазмом, чем в предыдущие десятилетия.

Буонарроти позаботился о том, чтобы идеи Бабёфа во всей их полноте стали доступными более широкой публике. Эти идеи – общественная собственность, эгалитаризм, перераспределение благ в пользу бедных, использование военных, революционных действий при захвате и удержании власти – стали ядром того, что впоследствии назовут «коммунизмом»^[24].

Именно к этой эгалитарной революционной традиции принадлежал один из самых известных деятелей коммунизма 1840-х годов – немецкий разъездной портной Вильгельм Вейтлинг. Вейтлинг был хорошо образованным самоучкой. Он самостоятельно изучил латинский и греческий языки, мог свободно цитировать Аристотеля, Гомера, а также Библию, откуда он почерпнул много идей для своей социальной теории. В Париже, куда он прибыл в 1835 году, Вейтлинг примкнул к «Союзу отверженных», секретному республиканскому обществу последователей учения Бабёфа и Буонарроти, привнесшему в коммунизм христианское апокалиптическое видение мира. Идеальное общество Вейтлинга – это результат жестокой революции, возвращение к образцу христианской общины с коллективной собственностью. Его, как и Бабёфа, в первую очередь беспокоила проблема равенства (хотя он был готов уступить излишки роскоши тем, кто трудился больше других). Он пытался покончить с однообразием в обществе, однако главным его предложением для решения этой проблемы было введение обязательной трехгодичной службы в квазимилитаристской

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org промышленной армии, которая была призвана научить рабочих любить труд. Вейтлинг, возможно, был самым влиятельным социалистом в Германии, его идеи воздействовали на целое поколение рабочих, живущих в изгнании в Лондоне, Брюсселе, Париже и Женеве. «Союз справедливых», одно из самых крупных немецких радикальных тайных обществ, принял идеи Вейтлинга в официальном манифесте 1839 года. В этом же году члены этого союза приняли участие в парижском восстании, организованном Огюстом Бланки, заговорщиком, подверженным влиянию идей якобинцев.

Однако не все коммунисты (включая членов «Союза справедливых») поддерживали аскетический, самоотверженный социализм бабувистов (сторонников Бабуфа) и Вейтлинга. Карл Шаппер, один из лидеров лондонской организации «Союза», осуждал коммунизм Вейтлинга за излишнюю безрадостность и деспотизм: «точно как солдаты в казармах... В системе Вейтлинга нет свободы»{49}. Но особенно враждебно к этому аспекту коммунизма относились романтики, социалисты-утописты и их самый эксцентричный представитель – Шарль Фурье.

Термин «утопический социализм» был использован Марксом и Энгельсом в целях отделить от себя многих соперников и выставить не в лучшем свете их идеи по сравнению с собственным «научным социализмом». Несмотря на это, термин действительно относится к одному из социалистических учений начала XIX века{50}. В отличие от коммунистов большинство утопистов не были рабочими[25], с самого начала у них не имелось тесных связей с рабочими движениями. Они также были гораздо меньше заинтересованы в захвате централизованной власти. Их усилия направлялись на создание небольших экспериментальных общин, а их образ идеального общества привлекал многих значительно сильнее, чем спартанский эгалитаризм бабувистов. Они не насаждали христианскую добродетель Вейтлинга, скорее, они бросали вызов деспотической доктрине первородного греха, на которой основано христианство. Они считали, что человечеству изначально, от природы свойственны альтруизм и сплоченность и только разумное образование позволит снова сделать эти качества доминирующими. Они не принимали грубую рабочую этику нового индустриального капитализма, которая ассоциировалась с христианскими, и особенно протестантскими, идеями того времени. Фабричная система и разделение труда превратили людей в машины, а их жизнь – в безрадостную рутину. Общество должно быть организовано так, чтобы каждый человек имел возможность проявить творчество и развить свою индивидуальность. По духу их учение было романтическим, хотя в сравнении с якобинцами, чей романтизм не отличался от самоотверженного героизма воина, они превозносили самовыражение и самореализацию художника.

Франсуа Мари Шарль Фурье был одним из главных теоретиков утопии, основанной на удовольствии и творчестве. Боясь возвращения к опыту якобинцев, он отвергал все формы насильственной революции и экономического равенства. Он исходил из того, что современная цивилизация, подавившая естественную потребность в удовольствии, породила человеческие страдания. Вместо этого он предложил новый проект общин – фаланстеры, в которых должны сосуществовать социальная ответственность и человеческие чувства{51}. Каждая из таких общин включала 1620 человек. Работа в фаланстере рассматривалась как удовольствие, задания распределялись в соответствии с характером личности. Людям необходимо разнообразие, поэтому рабочий день делился на двухчасовые периоды. Каждые два часа человек менял вид деятельности. На вопрос о том, кто же будет выполнять черную работу, Фурье предложил весьма странный ответ: дети (Фурье их называл «маленькая орда»), привыкшие играть в грязи, должны были выполнять такие работы, как, например, чистка отхожих мест. Он развивал еще одну безумную идею о том, что в будущем родится новый тип животного мира: появятся антильвы и антикиты, которые станут друзьями человека и будут служить ему, выполняя тяжелую работу. Многие его идеи не должны рассматриваться всерьез, однако они дали немало оснований поэту и критику XX века Андре Бретону назвать этого мечтателя предвестником сюрреализма. Однако стремление объединить труд с самореализацией человека, надежда на то, что человек станет «цельным», достигнет единства, избежав ограничений, накладываемых разделением труда, – все это ставит Фурье в ряд социалистов-романтиков[26], которые сильно повлияли на Маркса и Энгельса.

Одним из самых влиятельных социалистов, противников коммунизма бабувистов, был Пьер Жозеф Прудон, публицист, который превзошел Вейтлинга в результатах самообразования, изучив не только латынь и греческий, но и иврит. В 1840 году он опубликовал исследование «Что такое собственность?», содержащее громкое заявление «Собственность – это кража», которое обсуждалось во всех

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org салонах Франции. Однако Прудон не призывал к ликвидации частной собственности: он лишь хотел ее равномерного распределения[27]. Таким образом, Прудон был против равноправной общности[28], за которую выступали бабувисты, из-за «нравственных пыток, причиняемых ею совести, блаженного и тупого однообразия, навязываемого ею»[52]. Прудон считал, что социализм должен позволить людям самим контролировать свою жизнь. Он размышлял о форме индустриальной демократии, при которой рабочие перестанут быть рабами машин, будут управлять ими. Его идеалом было децентрализованное общество, объединение рабочих сообществ, управляемых самими рабочими. Неудивительно, что Прудон считается одним из основоположников и главных теоретиков анархизма.

С коммунистической традицией был тесно связан социализм Этьена Кабе. Его фантастическое утопическое общество Икаррия основывается на принципе общественной собственности и управляется избранным правительством, которое осуществляет полный контроль над экономикой. Последователи Кабе (их было много среди французских рабочих) были одними из первых, кого назовут коммунистами. Однако наиболее типичным представителем романтического утопического социализма был британский мыслитель Роберт Оуэн, чьи идеи оказались серьезно восприняты как радикалами, так и господствующей верхушкой. Его проекты социалистических общин были реализованы на практике. Сын предпринимателя, он сам был успешным дельцом. Он приобрел несколько текстильных фабрик на реке Клайд в Нью-Ленарке и вскоре обнаружил, что принуждение к труду не было действенным. Оуэн искал способы мотивации рабочих, создавая для них лучшие условия и предлагая образование их детям. Но как же объединить труд и наслаждение? Решение Оуэна во многом походило на идеи Фурье[29]. Люди в возрасте от 15 до 20 лет, которым помогали дети, должны были производить все необходимое для коммуны, их работой следовало управлять старшим (в возрасте от 20 до 25). Те, кому было от 25 до 35» отвечали за хранение и распределение продукции. На выполнение этих обязанностей должно было уходить только 2 часа в день, оставшееся время посвящалось «удовольствиям и вознаграждению за труд»[53].

Социалисты-утописты, таким образом, расширили цели коммунизма от простого равенства до достижения человеческого счастья. Они также заимствовали дух романтизма у военного героизма и патриотизма и перенесли его в новую индустриальную эпоху, по-новому оценив творчество человека в труде. Однако у них также имелись слабые места: их планы часто выглядели странными и абсурдными, их связь с рабочим классом более хрупка, чем у коммунистов; наконец, они были только мечтательными мыслителями, не способными сформулировать конкретные стратегии строительства идеального общества в реальности. Они лишь призывали к нравственной трансформации человечества, которую, несмотря на сильнейшее желание, было очень трудно осуществить[30]. Коммунизм бабувистов был по крайней мере подкреплен политической программой, основанной на пролетарском восстании, осуществление которого, учитывая волнения в среде рабочих в 1830-е и в 1840-е годы, казалось более правдоподобным.

Тем не менее в традиции бабувистов и утопистов был один общий недостаток: они не могли предоставить убедительное решение проблемы экономической безопасности и производительности. Именно либеральные мыслители, защитники рыночной экономики (прежде всего Адам Смит и позднее Герберт Спенсер) рассмотрели проблемы рынка в рамках основательной экономической теории. Но еще существовало одно учение социализма, которое критиковало эти недостатки: «научный социализм» Анри де Сен-Симона.

Граф Клод Анри де Сен-Симон, родившийся в 1760 году, происходил из древнего дворянского рода, но с самого начала он приветствовал французскую революцию. За несогласие с Робеспьером Сен-Симон был посажен в тюрьму. Его ответ на террор и преследования сильно отличался от реакции Фурье и Бабефа: он видел спасение Франции в науке. Он был проповедником Плана и видел цель общества в производстве, так как «производство полезной продукции – единственная разумная и положительная цель, которую могут ставить перед собой политические общества»[54]. Следовательно, у власти должны находиться ученые, промышленники или люди, сочетающие эти два рода деятельности. Демократия – власть неграмотной толпы – считалась им опасной и вредоносной, как убедительно показал опыт якобинцев. Политика может обходиться без толпы, тогда она станет политикой разумных решений и действий.

Маркс и Энгельс считали Сен-Симона социалистом-утопистом, так как, по их мнению, ему не хватало «научности», однако этот «ярлык» может ввести в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org заблуждение. Сен-Симон был наследником антиромантических настроений Просвещения, его идеи привлекали поздних социалистов, пытавшихся соединить идеи равенства и экономического благополучия. Синтез идей Сен-Симона, коммунизма бабувистов и (в меньшей степени) романтического утопического социализма лег в основу системы, созданной Марксом и Энгельсом. Так же, как левые политические силы в 1990-е годы искали «третий путь», объединяющий идеи социальной справедливости с «рациональностью» мирового рынка, Маркс и Энгельс попытались показать, как можно соединить радикальную социальную модель общества – коммунизм – с идеей экономического благополучия и процветания.

III

Карл Маркс родился в 1818 году в городе Трир (Рейнская провинция Пруссии). Во время французской оккупации послереволюционного периода в Трире действовали относительно либеральные законы Наполеона, из которых извлек выгоду отец Маркса Генрих, уважаемый юрист, сын раввина. Возвращение города иерархической и консервативной Пруссии стало для Генриха настоящей катастрофой: по законам Пруссии евреи не имели права занимать государственные должности (кроме редких исключительных случаев). Генрих был вынужден принять протестантизм в 1817 году, за год до рождения сына Карла.

Маркс вырос в регионе, по которому проходил исторический и политический разлом: между современной революционной Францией с ее принципами равенства всех граждан перед законом, и старорежимной Пруссией, строящей государство на принципах автократии, иерархии и аристократических привилегий. Неудивительно, что Маркс, чья семья познала лучи Просвещения перед тем, как быть брошенной во мрак старого режима, был глубоко заинтересован тем, как можно ускорить ход истории и развернуть «прогрессивную» политику в «обращенной в прошлое» стране. В юности Маркс, как и французское революционное поколение 1770-х и 1780-х, был одержим «отсталостью» своей страны. Он жаловался на слабость немецкого среднего класса, на его несправедливую зависимость от аристократии, на его неспособность, в отличие от среднего класса Франции, противостоять старому режиму.

В Рейнской провинции начала XIX века проходила не только политическая граница между французским либерализмом и немецким консерватизмом. Граница проходила также в интеллектуальной сфере: между французским Просвещением и немецким романтизмом. Отец Маркса, по воспоминаниям дочери Маркса Элеоноры, был настоящим интеллектуалом, человеком эпохи Просвещения, «настоящий француз, выходец из XVIII века, знающий наизусть Вольтера и Руссо»{55}. На Маркса также повлиял его наставник, представитель конкурирующего направления. Барон фон Вестфален, отец будущей супруги Маркса Женни, познакомил Маркса с романтическим мировоззрением. Как писала Элеонора, барон «привил Марксу сильный интерес к школе Романтиков, и если отец читал с ним Вольтера и Расина, барон читал ему Гомера и Шекспира, которые навсегда остались его любимыми авторами»{56}.

Несоответствие принципов Просвещения (с его признанием разума, порядка и науки) принципам романтизма (с его презренным отношением к рутине и страстью к героической борьбе) мешало Марксу в его собственных размышлениях. Его личности в большей степени были свойственны черты блестящего, редкого гения романтизма, чем земного, открытого вольтеровского человека науки. В одном из писем его отца, человека Просвещения, к Марксу – студенту-романтику чувствуются их напряженные отношения: «Господи, помоги нам! Беспорядочность, возмутительное барахтанье во всех науках... Несдержанность, грубость, беготня с растрепанными волосами в студенческой форме... Уклонение от любого общения, пренебрежение договоренностями... твое взаимодействие с миром ограничено грязной комнатой, где наверняка разбросаны в классическом беспорядке любовные письма от Ж. [Женни] и исполненные благими намерениями, залитые слезами увещевания твоего отца»{57}.

В середине 1830-х годов в университете Бонна Маркс посещал курсы по философии искусства, некоторые из которых читал знаменитый теоретик романтизма Август фон Шлегель. Он также планировал опубликовать работу по романтизму, писал стихи, пронизанные романтическими мотивами. Несмотря на это, его мировоззрение сильно отличалось от раннего романтизма Руссо с его возвышенным отношением к добродетели. Марксу был свойственен высокий романтизм, лирический герой которого выступал как художник-бунтарь. В стихотворении «Человеческая жизнь» он написал о суровой эгоистичности, или,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org как он часто об этом говорил, рутинности повседневной жизни: «Жизнь – это тленье, / Смерть навсегда, / Наши стремленья / Родит нужда / ... / Жадны стремленья, / А цель – бедна, / Вся жизнь – мгновенье, / Страстей война»{58}. Маркс, однако, не собирался мириться с общепринятым укладом. Он бунтовал. Как он объяснил в стихотворении «Чувства»:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне{59}.

Как видно, его настрой был созвучен настрою величайшего бунтаря, воспетого в древних мифах, – Прометея, восставшего против Зевса-тирана.

Повзрослев, Маркс не изменил своих взглядов. Настойчивый, упрямый, восприимчивый, он заявлял, что счастье в его понимании – это борьба, а страдание – это подчинение. Своей главной чертой он считал целеустремленность, и это качество положительно выделяло его среди современников. Хотя он был менее оригинален, чем другие мыслители-социалисты его времени, в конце концов именно у Маркса оказалось больше энергии и усердия для того, чтобы объединить свои взгляды в одно целое[31]. Он распорядился этими качествами в пользу восстания, а не в пользу порядка.

Учитывая самоопределение Маркса (бунтарь, бросающий вызов правящим силам, несущий людям Просвещение), не стоит удивляться тому, что его увлекли радикальные идеи. Изначально радикализм проявился в философских спорах, в которых Маркс принимал участие, когда был членом группы мыслителей «Молодые гегельянцы». Георг Гегель, немецкий философ, предложил теорию всемирной истории, согласно которой она рассматривалась как история развития человеческого духа, его стремления к полной свободе[32]. Этот процесс является диалектическим. Это значит, что он сопровождается борьбой конкурирующих идей, социальных систем, столкновением принципа (тезиса) и его противоположности (антитезиса), результатом которого является синтез, объединяющий положительные аспекты обеих противоположностей. Христианство, Реформация, французская революция, современная конституционная монархия – все это синтезы, стадии движения человечества к идеальному обществу.

После смерти Гегеля его последователи разошлись во взглядах на идеальное общество. Правящие круги усматривали идеал в современной им Пруссии, протестантской монархии, и считали, что существующий порядок олицетворяет «конец истории». Младогегельянцы, однако, осуждали монархию за реакционность, а идеалом называли парламентскую систему, гарантирующую свободу печати и вероисповедания. При этом они не признавали экономический либерализм, считая, что при нем преувеличивается значение частной собственности[33].

Став в 1842 году редактором либеральной газеты Рейнская газета (Rheinische Zeitung), издававшейся в Кельне, Маркс с энтузиазмом поддержал эти идеи. Он проявлял особый интерес к социальным проблемам, выступая на стороне крестьян, которые потеряли коллективные права (на лесные угодья), имевшиеся у них ранее, в пользу индивидуального владения, пришедшего на смену коллективному на волне либеральных идей о частной собственности. В 1843 году газета Rheinische Zeitung была закрыта по распоряжению властей, однако эта неудача привела к тому, что Маркс занял еще более радикальную позицию. Его надежды на то, что свобода прессы станет толчком к реформам, были разбиты, он считал, что политических изменений также будет недостаточно. Были необходимы фундаментальные социальные и экономические преобразования. Кроме того, он утратил веру в немецкий средний класс, представители которого выглядели трусами перед нападками монархии на свободу прессы. В отличие от французской буржуазии, которая возглавила французскую революцию 1789 года и защищала либеральные права и свободы во время революции 1830 года, немецкая буржуазия, считал Маркс, оказалась безнадежно отсталой.

Маркс, как некоторые его радикально настроенные друзья, решил переехать из регрессивной Германии в более открытую и свободную атмосферу Парижа. Именно здесь в 1843 и 1844 годах он развивает идеи, которые станут ядром его будущего учения. Маркса всегда интересовал французский социализм, но именно в этот период он испытал сильнейшее влияние французских писателей-социалистов, их враждебности по отношению к конституционной демократии. Это влияние особенно очевидно в его ранних работах. Со временем Маркс стал глубоко разбираться в английских интеллектуальных течениях во

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org многом благодаря длившейся всю жизнь дружбе с Фридрихом Энгельсом. Энгельс, сын успешного текстильного фабриканта-кальвиниста из города Бармен (Вестфалия), в юности был радикалом, как Маркс. Он также писал стихи в стиле романтизма и был членом сообщества младогегельянцев. Но между двумя друзьями существовали серьезные различия. Наиболее ярко это проявлялось в их характерах. Энгельс, более общительный и менее воинственный, чем Маркс, лучше вписывался в буржуазное общество. Он умел фехтовать, ездил верхом, любил музыку и тонкие вина, наслаждался женским обществом. При этом он отличался организованностью и серьезным подходом к делам в отличие от беспорядочного Маркса, который извлекал выгоду из качеств друга: Энгельс часто оказывал финансовую помощь обанкротившемуся Марксу. Наиболее важным является тот факт, что Энгельс открыл Марксу английских мыслителей. По поручению отца Энгельс работал в Манчестере на хлопкопрядильной фабрике, принадлежавшей их семье. В Манчестере, который был в то время передовым городом современной экономики, Энгельс познакомился с сущностью и механизмами капитализма, а также с его социалистической критикой. Энгельс был знаком с движением Оуэна и, несмотря на критику его «утопичности», всегда разделял его основные цели. В решающий момент развития взглядов Маркса Энгельс пробудил в нем интерес к утопическому социализму, одновременно дав Марксу детальные практические знания о функционировании современного капитализма{60}.

В течение нескольких лет на основе плодотворного сотрудничества с Энгельсом были сформулированы основы марксизма, прежде всего в парижских рукописях и в некоторых других работах. Может показаться странным (учитывая развитие поздних взглядов), что Маркс основное внимание уделял свободе. Но это была «свобода» в понимании Руссо – прекращение зависимости от других людей[34] и материальных вещей{61}. Маркс считал, что в современных ему обществах человек утратил свою независимость, способность к самовыражению и возможности творческого развития способностей. Человека контролируют «отчужденные» силы, находящиеся вне его самого (Маркс использует философский язык Гегеля). В авторитарном обществе человек лишен индивидуальной свободы, однако либеральная демократия также не решает эту проблему: она лишь дает людям право периодически выбирать путем голосования правительство, на которое впоследствии они не оказывают никакого влияния. Только если все граждане одновременно будут принимать участие в управлении страной (как это было в Древних Афинах), можно будет преодолеть политическое «отчуждение»[35]. Это же касалось экономики. Человек – существо, от природы способное к творчеству, преобразованию природы, которое, взаимодействуя с другими, может полностью реализовать свой потенциал в труде, а также изменить внешний мир. Однако в современных капиталистических государствах люди стали рабами «отчужденных» сил: денег, рынка и материальных вещей, которые они сами произвели{62}. Они трудились не ради творчества, а ради пищи, воды и материальных благ. Они часто работали на других людей. Они были винтиками огромного механизма, их принуждали выполнять определенные специальные операции в соответствии с принципом разделения труда. Кроме того, они были в большой степени «отчуждены» от других людей, что не позволяло им устанавливать настоящие человеческие отношения.

Маркс считал, что покончить с таким суровым положением вещей можно путем ликвидации рынка и частной собственности, что означает установление коммунизма. Все люди будут напрямую управлять государством, а не выбирать парламентских представителей. Такая модель не согласовывалась с современной либеральной демократией, основанной на предположении, что конфликты гражданских интересов неизбежны. Марксистское видение коммунизма предполагало преодоление классового разделения, ведущее к достижению консенсуса. Либеральные права и свободы, защищающие меньшинство от большинства, окажутся абсолютно ненужными. Критика либерализма позже станет центральной идеей идеологии коммунистических режимов.

При коммунизме будет преобразована экономика: людям не придется трудиться за деньги, рынок окажется ликвидирован, труд станет творческим самовыражением личности. Маркс формулировал эти идеи следующим образом: «наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность... Мой труд был бы свободным проявлением жизни и поэтому наслаждением жизнью»{63}. Экономическое благополучие никак бы не пострадало, так как если бы люди работали ради Удовольствия, они работали бы с большей энергией и энтузиазмом, чем если бы их угнетали и эксплуатировали. Разделение труда ушло бы в прошлое, а люди стали бы «одним целым». В чрезмерно утопическом варианте коммунистического общества каждый

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org человек мог бы «делать что-то сегодня, а что-то – завтра, утром охотиться, днем ловить рыбу, вечером пасти скот, После ужина заниматься критикой, никогда не становясь при этом охотником, рыболовом, пастухом или критиком»{64}.

Таким образом, в ранних политических трудах Маркса коммунизм[36] мало чем напоминал о равенстве бабувистов, «сырой коммунизм», представлявший из себя лишь «вселенскую зависть, распространяющую свое влияние»{65}. Он был ближе взгляду Фурье, основанному на романтическом, художественном взгляде на жизнь, в соответствии с которым главнейшим злом было мещанство и материализм современной культуры. Немецкий поэт-романтик Генрих Гейне, рядом с которым Маркс провел много времени в Париже, возможно, сильно повлиял на такое видение коммунизма. Он отстаивал позиции «сенсуалистического» представления о будущем обществе, в котором все смогут развивать свои способности независимо от статуса в нем. Его врагами были социалисты-пуритане, готовые «безжалостно разрушить мраморные статуи прекрасного»{66}.

В то же время коммунистические взгляды Маркса были во многом основаны на его представлениях о докапиталистических обществах и руссовианском восхищении античной «целостностью»{67}. Маркс говорил, что у первобытных народов было мало примеров разделения труда, только внутри семьи. Люди сами (а не предприниматели или рынок) производили все необходимое для себя и для родственников. Следовательно, они не были «отчуждены». Они полностью контролировали экономическую сторону жизни[37] в отличие от людей, живущих при капитализме, где они производят товары не для себя, а для более широкого рынка. Они также имели политическую власть, управляя делами своих небольших общин.

Однако важно то, что Маркс не хотел, чтобы коммунизм был «отсталым», ведущим назад. В его понимании коммунизм некоторой степени напоминал докапиталистическое общество, только его механизмы действовали бы на более высоком уровне экономического развития. В отличие от большинства коммунистов и социалистов-утопистов он признавал, что капитализм и рынок дали обществу много преимуществ, которые следует не разрушать, а развивать. Он одобрял, например, то, что капитализм плавно интегрировал мир и разрушил старые «отсталые» общественные институты и примитивный образ жизни. Здесь прослеживается влияние Сен-Симона, автора, которым Маркс восхищался еще юной и о котором Энгельс писал, что в его теории в зачаточном состоянии содержались почти все идеи поздних социалистов. Маркс не поддерживал децентрализованный утопизм Прудона и Оуэна[38]. Некоторые части «Коммунистического манифеста»[39] можно принять за восхваление капитализма, глобализации и буржуазии как их основоположника. Буржуазия представлена в «Манифесте» как революционный класс, во многих отношениях достойный восхищения. Этот класс «сотворил чудеса, превосходящие египетские пирамиды, римские акведуки и готические соборы», «подчинив крестьян интересам города», он избавил «значительную часть населения от ограниченности сельской жизни»; он создал более «сильные, грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения», и централизованное производство на крупных фабриках; он превратил раздробленные территории в национальные государства; он также стремился к преодолению «национальной изоляции» в пользу «всеобщей взаимозависимости народов», что было бы на благо пролетариату, который, в отличие от буржуазии, не имел родины{68}. Без сомнения, коммунизм Маркса сочетался с современным обществом: он следовал за капитализмом, строился на его основе. Маркс настаивал на том, что коммунизм не мог возникнуть в «отсталом» государстве, управляемом феодальной аристократией и не имеющем мощной промышленной базы и многочисленного пролетариата. Таким образом, буржуазная революция, направленная против феодальной аристократии (как, например, французская революция), рассматривается как важнейшая предпосылка будущей пролетарской революции. Общественное развитие проходило в несколько стадий: от феодализма к капитализму, социализму и затем к коммунизму[40].

И все же, высоко оценивая роль буржуазии в формировании национальных государств, Маркс и Энгельс понимали, что она не способна контролировать созданный ею динамичный мир. Буржуазия сама бездумно сотворила механизмы, губящие ее: пользуясь поэтическим языком романтизма, Маркс называл буржуазию «волшебником, который больше не способен контролировать силы, действующие в мире, который он сам создал»{69}. С ростом индустриализации исчезает мелкое ремесленное производство, появляется многочисленный рабочий класс, который со временем полностью сменит буржуазию. Гибель буржуазии

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org озаглавляет приход нового промышленного пролетариата. Маркс считал, что пролетариев в отличие от ремесленников характеризует большая степень коллективизма и организованность. Пролетарии учатся взаимодействию в совместном труде на крупных заводах. Капитализм неизбежно приводил к эксплуатации рабочего класса, что становилось причиной его растущего неудовлетворения. Конкуренция между капиталистами вынуждала их вкладывать все больше денег в машины, сокращавшие ручной труд. Это, разумеется, сокращало их доходы, и они еще сильнее эксплуатировали рабочих. Кроме того, это приводило к производству излишних товаров, которые рынок уже не мог принимать. Это становилось причиной кризисных периодов в экономике, банкротства мелких предпринимателей, концентрации собственности у все меньшей группы капиталистов. Нестабильность и иррациональность капитализма подготавливали почву для возникновения коммунизма: рабочие с их растущим революционным потенциалом были готовы к захвату контроля над механизированным промышленным процессом. Складывалась идеальная ситуация для рационального управления путем централизованного планирования. Социальная и экономическая системы переходят в руки рабочего класса, будто спелый плод, падающий с дерева в руки стоящего под ним человека. В «Манифесте» говорилось: «Пролетариат будет использовать свое политическое господство, чтобы постепенно забрать весь капитал у буржуазии и сосредоточить все механизмы производства в руках государства, то есть пролетариата как правящего класса». Государство будет совершенствовать экономику «в соответствии с общим планом», и все рабочие окажутся мобилизованы в «промышленные армии»{70}.

Признаками нового общественного уклада теперь стали централизация, планирование и почти воинская дисциплина. Каким образом эти признаки могли сочетаться с идеей труда как источника радости и творчества? Как можно было объединить любую форму социализма с мятежом и насилием? Маркс и Энгельс стремились решить эти противоречия, но, несмотря на все их усилия, в доктрине марксизма появилось серьезное УАЩение: отражение сразу трех различных составляющих – Утопического романтизма, присущего таким людям, как Руссо и Фурье, революционного настроения бабувистов и технократизма Сен-Симона. В работах Маркса и Энгельса с 1840-х годов представлено видение трех моделей развития общества.

«Романтическая» модель подразумевает самоуправление, отсутствие необходимости в верховной власти, труд людей из любви к самому труду. «Радикальная» (революционная, эгалитарная) модель – такая, при которой героический рабочий класс объединяется на баррикадах и сражается с буржуазией за право построить новое революционное государство. При «модернистской» модели управление экономикой осуществляется (по крайней мере, на ранних стадиях) бюрократическим аппаратом, контролирующим выполнение центрального плана. Эти три разных взгляда на общество повлияли на решение Марксом и Энгельсом еще одного вопроса: как достичь коммунизма? Маркс-радикал считал, что пролетариат готов к коммунистическому обществу. Несомненно, рабочие могут усердно трудиться без контроля сверху, следовательно, их героизм и самоотверженность в ближайшем будущем должны были привести к коммунистической революции. Но Маркс-модернист понимал, что революция может произойти только при благоприятных экономических условиях, развитой промышленности и капитализме на грани кризиса. Те, кто верил в наступление коммунизма благодаря героизму пролетариата и требовал немедленной ликвидации капитализма, не учитывали реальных экономических условий и были виновны в грехе утопического мышления{71}.

Однако сила влияния трех упомянутых направлений была неодинаковой после 1848 года. Коммунизм все еще оставался заветной мечтой утопического романтизма, однако его влияние резко снизилось. Марксизм стремительно превращался в философскую революционно-научную доктрину. Невозможность идеального объединения этих двух аспектов (революции и развития науки) обусловила противоречие внутри марксизма, которое продолжало существовать на протяжении всей истории доктрины. Маркс и Энгельс прилагали героические усилия, чтобы это противоречие осталось незамеченным, однако, как ни парадоксально, у этого недостатка были свои достоинства. Он, разумеется, нарушал логичность и последовательность доктрины, однако в то же время он придавал ей гибкость, которая позволяла в зависимости от ситуации склоняться то к радикализму, то к модернизму. Возможность такого балансирования обеспечила устойчивость марксизма в условиях частых насильственных переворотов и политических изменений, потрясавших Западную Европу на протяжении XIX века.

Норбер Трюкен, бедный рабочий, отправился в 1848 году в Париж в поисках работы. Он ее нашел: за два франка в день он должен был проворачивать точильный круг. Хорошо знакомый с социалистическими идеями, он относился к ним неоднозначно. В его автобиографии написано, что он чувствовал себя «антикоммунистом», потому что «мне казалось, что коммунистическое общество подразумевает железную дисциплину, при которой индивидуальная воля стирается в прах». Это ощущение перекликалось с его «желанием странствовать по миру». Однако в коммунизме он видел также и преимущество: «если бы произведенные товары были общими, нам не нужно было бы добираться на работу за несколько лье, мы не были бы обречены на голод, дети не должны были бы в таком возрасте добывать себе хлеб»{72}. Когда в феврале 1848 года началась революция, Трюкен вышел на баррикады. Вспоминая радостную атмосферу тех дней, когда буржуа и рабочие свергли Орлеанскую монархическую династию, он писал о тягостном внутреннем напряжении: «Только по внешнему виду буржуа можно было сказать, что в них было что-то фальшивое: их выдавали несдержанные манеры и жесты, Плохо замаскированное отвращение по отношению к их братьям по оружию»{73}. На самом деле Трюкен видел в этом начало конца союза буржуазии и рабочих, который существовал на протяжении всей революционной истории Франции. К июню союз окончательно распался.

В действительности знаки распада проявились гораздо раньше, после революции 1830 года. В результате революции во Франции установился режим, поддерживающий принцип свободной конкуренции в экономике[41]. Правительство Луи Филиппа I Орлеанского не признавало требований ремесленников и рабочих, ущемленных в правах развивающейся экономикой капитализма. С ростом городов расширялись рынки, новые технологии обуславливали возникновение крупного промышленного производства, мелкие ремесленники разорялись и оставались не у дел. Ремесленные гильдии (там, где они еще сохранились) терпели крах из-за потока дешевых товаров, которые производились на фабриках, принадлежавших капиталистам, где использовался малоквалифицированный труд – труд «пролетариев» Маркса. В результате вспыхнул мятеж. Лионское восстание рабочих шелкоткацких предприятий (1831) может по праву считаться первым рабочим восстанием современности{74}. Разумеется, рабочие протестовали и ранее (например, санкюлоты в 1793-1794 годах), однако в качестве ущемленных в правах потребителей, а не производителей. Теперь, как показал лозунг мятежников «жить работая или умереть сражаясь» (*Vivre en travaillant ou mourir en combattant!*), под народным восстанием в основном понималась борьба рабочих против собственников. В отличие от революций 1789 и 1830 годов, когда бедняки, середняки-ремесленники и относительно богатые собственники объединялись в борьбе против аристократического уклада, эти восстания поднимались рабочими, занятыми ручным трудом, против либерального правительства. Некоторые называли себя пролетариями, хотя и не являлись, согласно Марксу, представителями нового индустриального рабочего класса и даже могли иметь свое собственное дело. Современникам восстаний было понятно, что в обществе происходит что-то новое. Именно в 1831 году Анри Леру ввел термин «социализм». С этого времени «социальный вопрос» становится главной темой любых обсуждений.

Через год после восстания в Лионе его примеру попытались последовать парижские рабочие. Эти события с большим драматизмом описал Виктор Гюго в романе «Отверженные». Социалистические движения и идеология распространялись во Франции в 1830-е и 1840-е, однако рабочий протест получил более драматичное выражение в Британии, где главные позиции начинала занимать современная форма индустрии. Движение чартистов объединило мелких ремесленников и индустриальных рабочих в борьбе за избирательное право. События, происходившие в 1840-е годы во Франции и Британии, убедили как правых, так и левых, что вероятность революции была велика. Разумеется, эти события подкрепляли оптимизм Маркса и Энгельса. Как писал Маркс об одной из встреч с парижскими рабочими в 1843 году, «когда ремесленники-коммунисты объединяются в союзы, образование и пропаганда становятся их главными задачами. Но из их союза возникает новая цель – новое общество... Братство человечества – больше не просто фраза, а реальный факт. Благодетельство человека излучают на нас натруженные тела»{75}.

И все же, как видно из наблюдений, исповедание Марксом веры в коллективизм и революционные силы рабочих основывалось в основном на учете опыта ремесленников, а не промышленного пролетариата, который должен был стать создателем коммунизма. Ремесленники часто проявляли радикализм, хотя и не как предвестники индустриального будущего, а как защитники старого уклада

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org от капитализма. Кроме того, в их рядах не хватало людей, согласованности и организованности. Производство в Европе все еще во многом зависело от ремесленников, в Англии же, где пролетариат был наиболее многочисленным, настоящих Революционеров имелось немного. Даже при этих условиях, хотя «Коммунистический манифест», опубликованный в 1848 году, был едва ли замечен за пределами узкого круга коммунистов, Идеи, высказанные в нем, оказались на удивление пророческими.

Распространение революционного движения в Европе укрепило веру Маркса в неизбежную гибель капитализма от рук рабочих.

Революционные события начались в Швейцарии в 1847 году[42], а в начале следующего года охватили Сицилию, Неаполь, Париж, Мюнхен, Вену, Будапешт, Венецию, Краков, Милан и Берлин. В авангарде революции находились многочисленные либеральные силы, требующие свободы слова и избирательного права. В некоторых случаях (например, в Австрийской империи) они выступали за национальную независимость. Становилось ясно, что старые режимы ослабли, монархии рушились или были вынуждены гарантировать либеральные свободы. Новые правительства осуществляли умеренные либеральные реформы, которые приводили к ликвидации автократии и эксплуатации, свойственных старым режимам, особенно в Германии и Австро-Венгрии.

Маркс возлагал большие надежды на эти восстания. Он видел в них прелюдию к пролетарской революции. Маркс с семьей и Энгельс уехали из Парижа в Кельн, где основали радикальную Neue Rheinische Zeitung (Новую Рейнскую газету) и выступили политическими активистами. Отношение Маркса к революции зависело от ситуации в каждой конкретной стране. Он был уверен, что во Франции революция осуществится по образцу 1789 года: буржуазная революция неизбежно перейдет в радикальную стадию, а затем выльется в классовую борьбу между рабочими и буржуазией. Германия, считал Маркс, была не готова к такому сценарию: буржуазная революция тут еще не осуществилась. Тем не менее к концу 1848 года он утверждал, что именно в Германии из-за неравномерного социального развития сложились наиболее благоприятные условия для коммунистической революции. Хотя немецкими княжествами управляла старая феодальная аристократия, буржуазная революция должна была победить при поддержке «развитого пролетариата». Поэтому Маркс призывал соратников-коммунистов поддерживать буржуазию в борьбе за либеральные политические реформы, однако впоследствии продолжить борьбу за пролетарскую революцию, которая последует сразу после того, как пролетарии, воспользовавшись своим «политическим превосходством», возьмут под свой контроль и увеличат производство[76]. Этот призыв представлял собой первую попытку изложения теории «перманентной революции», хотя и в зачаточной форме, которая заключалась в следующем: даже в отсталом государстве пролетариат должен поддержать буржуазную революцию, а затем незамедлительно подготовить и осуществить вторую, пролетарскую. Эту теорию впоследствии развивал Лев Троцкий[43], к ней же прибегали для оправдания большевистской революции в России.

Согласно Марксу и Энгельсу, результатом пролетарской революции должно стать временное установление «диктатуры пролетариата»[77]. Под этим понятием они имели в виду не господство революционной партии над большинством, как это понималось в якобинской или бланкистской традиции. Напротив, они думали о демократии, при которой пролетариат будет управлять страной через народные собрания и использовать чрезвычайные полномочия, при необходимости даже насилие, чтобы покончить со старым режимом.

В первой половине 1848 года предсказания Маркса о революции во Франции уже не казались невероятными. Революция, как и предшествующие восстания, сплотила в своих рядах средний и рабочий класс, однако теперь рабочие, усвоившие урок 1830 года, стремились не допустить того, чтобы у них снова «украли» революцию[78]. Праволиберальное правительство Франсуа Гизо при короле Луи Филиппе отдалилось как от среднего класса, так и от рабочих. Оно сохранило крайне ограниченное избирательное право, манипулировало выборами, занимало жесткую позицию по отношению к бедным. В ночь на 22 февраля из миллиона выдернутых из мостовых булыжников и четырех тысяч поваленных деревьев было возведено более полутора тысяч баррикад. Властям не удалось склонить на свою сторону Национальную гвардию. 23 февраля правительство Гизо ушло в отставку. Еще через день Луи Филипп бежал в Англию, поселился в графстве Суррей, где спокойно прожил два года до самой смерти.

В новом французском правительстве преобладали умеренные республиканцы,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org которые испытывали влияние радикального меньшинства. Среди радикалов были известный социалист Луи Блан и единственный представитель рабочего класса по имени Альбер. Позиции радикалов укрепляли также рабочие, собиравшиеся огромной угрожающей толпой у здания Отель-де-Вилль (городской ратуши). Временное правительство поспешно удовлетворило их требования: была провозглашена республика, объявлено всеобщее избирательное право для мужчин, разработаны реформы в интересах рабочих. Субподряды, используемые нанимателями в целях снижения заработной платы, были отменены, рабочий день был сокращен до 10 часов (впервые правительство попыталось регулировать условия труда таким способом).

Однако именно Временное правительство под давлением Луи Блана приняло обязательство «гарантировать труд всем гражданам», что стало причиной конфликта с представителями буржуазии. Для трудоустройства нищих были учреждены «Национальные мастерские» (в основном по образцу организации общественных работ). Мастерские финансировались доходами от земельного налога, взимаемого с крестьян и фермеров. Апрельские выборы, на которых победу одержали представители крестьянства, продемонстрировали слабость поддержки парижских радикалов и серьезный раскол в отношениях между Парижем и деревней. Члены нового Собрания в первую очередь упразднили мастерские, поэтому рабочие вновь развернули борьбу. В июне они вернулись на баррикады, на этот раз более крепкие. Более 15 тысяч человек участвовали в одном из самых ярких рабочих восстаний. Среди них были рабочие упраздненных мастерских, но большинство представляли ремесленники, протестующие против новой системы промышленной экономики{79}. Восстание было жестоко подавлено. Правительство призвало из провинций более 100 тысяч национальных гвардейцев. Ожесточенные сражения гвардейцев с повстанцами длились несколько дней. Тысячи рабочих были убиты, брошены в тюрьмы или сосланы в Алжир. Класс ремесленников и рабочих не стал еще достаточно многочисленным и мощным. Его представители пока не были способны превратить Францию в социалистическую державу.

Если прогноз Маркса о пролетарской революции пусть недостаточно полно, но все же осуществился во Франции, то в Германии для его реализации было мало шансов. Немецкое рабочее движение было малочисленнее, средний класс – более консервативен, при этом особым радикализмом отличалось крестьянство. Сам Маркс изначально выступал за решение в первую очередь не социалистических, а конституционных, демократических задач. Однако к сентябрю, когда стало окончательно ясно, что средний класс не сыграет большой роли в революции, Маркс и Энгельс призвали к созданию «красной» республики, которая должна проводить социалистическую политику[44]. Маркс также одобрял восстания, особенно там, где, по его мнению, они могли привести к необходимым результатам, хотя он и настаивал на том, что они должны протекать в форме массовой революции с участием рабочих и крестьян, а не просто заговоров вроде бланкистских{80}. Энгельс проявлял особую воинственность: он участвовал в восстаниях в Эльберфельде и в земле Рейнланд-Палатинат (Рейнланд-Пфальц) в мае 1849 года. В сентябре 1848 года он восторженно писал о вооруженных восстаниях: «Остался ли еще в мире очаг революции, где за последние пять месяцев не развеялся бы над баррикадами красный флаг – символ воинствующего объединенного пролетариата Европы?»{81} Таким образом, еще в 1848–1849 годах Маркс и Энгельс подали пример революционерам-коммунистам будущего, которые в свое время разожгут огонь революции в неразвитых аграрных обществах{82}.

По всей Западной и Центральной Европе ремесленники выходили на демонстрации против безработицы и жесткой конкуренции. Иногда к ним присоединялись крестьяне, чье озлобленное недовольство было спровоцировано отменой общественных земель. Предположения таких радикалов, как Маркс, о том, что события 1789 года могут повториться, были оправданны. Тем не менее умеренные радикалы и консерваторы также усвоили уроки 1789 года: власти были настроены на решительный отпор народным беспорядкам{83}. К ноябрю 1848 года революция в Пруссии оказалась подавлена. Тысячи рабочих были высланы из Берлина и других городов. Тем временем племянника Наполеона Луи Наполеона избрали президентом Франции. Пользуясь фамилией Бонапарт, он искал поддержку противников революции среди крестьян, «партии порядка», а также рабочих, возмущенных насилием, которое применяли против них либеральные республиканцы. Политика пришедшего к власти Луи Наполеона приобретала все больший консервативный уклон. К середине 1849 года усилиями посланных им войск пали последние революционные правительства Италии[45].

Некоторое время спустя Маркс и Энгельс отвергли мысль о том, что все шансы

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org потеряны. Они снова стали прогнозировать повторение событий 1789 и 1848 годов. Но надежды на революцию угасали. К концу 1850-х годов стало ясно, что очередная революция произойдет нескоро.

Социалисты, однако, нашли утешение в одном революционном эпизоде, произошедшем, как это ни странно, в отчетливо нереволлюционный период[46]. Речь идет о Парижской коммуне 1871 года. Париж был окружен прусскими войсками и переживал одну из самых долгих осад в современной истории (вторую по продолжительности после осады Сталинграда)[47]. Подписанное властями перемирие с Пруссией привело парижан в ярость[48]. Они провели выборы, в результате которых было сформировано первое в Европе правительство с рабочим большинством (третью часть депутатов составили ремесленники)[49]. Из 81 членов правительства[50] 32 были участниками Первого интернационала социалистических партий[51], который был организован при активном участии Маркса, но они не были его последователями[84]. Они находились под серьезным влиянием децентрализованного социализма Прудона или революционной формы якобинизма Бланки[85]. Однако главное значение Коммуны заключалось в ее наследовании идей. Это было первое правительство, контактировавшее с Марксом[52]. Впервые над домом правительства Отель-де-Вилль был поднят не республиканский триколор, а красный флаг. Маркс и Энгельс назвали Коммуну моделью «диктатуры пролетариата»[86]. Коммуна доказала им, что старую государственную бюрократию можно разрушить и демократизировать все сферы правительственного контроля[53]. Избранные депутаты управляли страной прямо и открыто, и как законодатели, и как исполнители. Все официальные лица получали зарплату и могли быть освобождены от должностей по воле народа.

V

В 1871 году было трудно найти место, более далекое от революционных потрясений, охвативших парижский Отель-де-Вилль, чем Библиотека Британского музея с ее тишиной и роскошью неоклассического стиля. Сидя в удобном кожаном кресле за письменным столом под номером G7 под массивным куполом цвета холодной лазури, украшенным позолотой, Карл Маркс с головой погружался в чтение экономических и исторических трудов. Несмотря на окружающее спокойствие, это был трудный процесс. В один из тяжелых моментов он сказал дочери, что превратился в «машину, которая поглощает книги, а затем выбрасывает их в переработанном виде на свалку истории» (многие исследователи назовут это сентиментальностью)[87].

Маркс решил оставить политику ради библиотеки. Для него центр борьбы сместился с баррикад в царство теории. Утратив веру в героизм пролетариата, Маркс стремился доказать, что привести мир к коммунизму может другая сила – экономика. В результате появился монументальный, хотя и мало читаемый труд – «Капитал»[54].

Уже по названию можно предположить, что труд «Капитал» посвящен анализу механизмов, недостатков и, возможно, описанию окончательной гибели капитализма и совсем не затрагивает тему коммунизма. Однако как только Маркс стал интересоваться современной экономической ситуацией[55], его взгляды на коммунизм и на пути его достижения изменились. Маркс и Энгельс утверждали теперь, что коммунистическое общество должно иметь более рациональную экономику, чем капиталистическое, при этом сохраняя все признаки индустриального общества[56].

Первоначальное мнение Маркса о том, что труд содержит в себе внутреннюю мотивацию, способствует проявлению творчества и приносит удовольствие, уступило место более пессимистическим взглядам: трудовым процессом должны управлять руководители и специалисты. Обещания предоставить право управления фабриками рабочим не были выполнены[57]. В своем труде Маркс ясно дает понять, что героизму и творческому потенциалу пролетариев принадлежит далеко не главная роль. В «Капитале» он писал: «любой совместный крупномасштабный труд нуждается в прямом управлении»[58]. Самосовершенствование и развитие личности могли осуществляться после окончания рабочего дня, в свободное время[59]. [60] Кроме того, Маркс настаивал на том, что больше не верит в достижение мечты о «целостном» человеке, который утром охотится, днем ловит рыбу, а вечером занимается критикой. Он утверждал, что даже при коммунизме современный принцип разделения труда будет единственным эффективным способом производства. Теперь для Маркса основное преимущество коммунизма над капитализмом состояло в эффективности первого: при рациональном планировании невозможны

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
непредсказуемые подъемы и падения, характерные для свободного рынка.

Маркс и Энгельс уверенно развивали марксизм в модернистском направлении. Их коммунизм все больше напоминал современную механизированную управляемую фабрику, а не романтическую идиллию самосовершенствования. Главное место уже не отводилось героизму на баррикадах. При таком понимании коммунизма становится понятным утверждение Маркса о том, что коммунизм возможен только при определенных экономических условиях: развитой промышленности и господстве пролетариата. Маркс перестал считать революционный героизм главной движущей силой истории. Коммунизм наступит в результате действия объективных «научных» законов социального и экономического развития. Лучшие люди, способные выполнить эту задачу, – это пролетарии и эксперты марксизма, разбирающиеся в «научности» истории[61]. нельзя допустить преждевременной революции; пролетариат должен выбрать самое подходящее время.

«Научный» подход к марксизму был отчасти ответом на интеллектуальные течения 1860-х годов[62]. Сторонники дарвинизма, теоретики, такие как Герберт Спенсер, оказывали на умы современников большое влияние. Было модно рассуждать о том, что человечество находится на краю открытия общих законов, действующих в природе и человеческом обществе. Маркс и Энгельс внимательно следили за переменами в научном мышлении. Как заявил Энгельс на похоронах Маркса, «подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органической природы, Маркс открыл закон развития человеческой истории»[63]. Энгельс был особенно заинтересован в том, чтобы превратить марксизм в науку и доказать объективную необходимость коммунизма. Он потратил много времени на то, чтобы приложить идеи Гегеля о диалектике, действующей в истории, к естественным наукам. В результате появился синтез теорий, который впоследствии стал известен как «диалектический материализм»[64]. Один из таких диалектических «законов» формулировался так: мир природы, как и человеческое общество, проходит в своем развитии периоды эволюционных изменений, которые сменяются революционными «скачками»; так, например, при нагревании вода постепенно изменяет свое состояние до тех пор, пока не переживает «революционное» превращение в пар[65]. Многие годы спустя в истории появятся примеры применения этой теории при коммунистических режимах для оправдания необычных и часто разрушительных экономических «скачков вперед». И все же сам Энгельс не стремился направить свои идеи в русло революции. Его попытки превратить марксизм в науку неизбежно приводили к выводам, достойным градуалистов: если коммунизм – естественное следствие действия законов природы, то зачем[66] пытаться управлять историей?[67]

И все-таки модернистский марксизм не был полностью свободен ни от революционного радикализма 1848 года, ни от романтизма, присущего молодому Марксу. Наоборот, Маркс стремился объединить эти три элемента, очерчивая «маршрут», ведущий к коммунизму, оставляя элементы эгалитаризма более отдаленному будущему. Этот путь не был описан до конца. Известно, что Маркс избегал размышлений о будущем[68]. Его последователи были вынуждены складывать марксистское видение будущего из отрывков часто противоречивых высказываний Маркса и Энгельса. Широкое описание будущего, принятое в марксизме, было следующим: коммунистические партии должны организовать и подготовить рабочий класс к пролетарской революции, однако на ее первых стадиях рабочему классу нельзя полностью доверять. Коммунисты как представители «самой передовой и решительной из всех рабочих партий» должны будут взять бразды правления в свои руки[69]. Подобным образом на ранних стадиях коммунизма сразу после революции государство сохранится, хотя рынок и частная собственность будут ликвидированы. Установится новая форма государства, «диктатура пролетариата»[70], которая окончательно преодолет сопротивление буржуазии и постепенно «сконцентрирует все способности и механизмы производства в руках государства»[88]. [71] Затем последует продолжительная «низшая» стадия коммунизма, которую большевики назовут социализмом. На этой стадии труд рабочих еще будет оплачиваться в соответствии с выполненным объемом, они еще не готовы трудиться только из любви к труду. Позже, на «высшей» стадии коммунизма (коммунизм в понимании большевиков), благодаря высокому духу коллективизма рабочим можно будет доверить организацию труда без применения принуждения и денежного вознаграждения. Только тогда в обществе начнет действовать принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Только при коммунизме единый народ будет сам управлять своей жизнью, и государство в конечном счете «исчезнет навсегда»[89].

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Такой взгляд на будущее доминировал в марксизме, все марксисты были обязаны его принять. Однако этот взгляд предполагал множество интерпретаций. Например, сроки могли быть различными: пройти путь к коммунизму можно было стремительно. Или, наоборот, постепенно, медленно. Это может быть движение, сопровождаемое насилием или, напротив, спокойным, равно-мерным экономическим развитием. Среди марксистов возникали разногласия по вопросу руководящей силы: одни настаивали на том, что движущей силой должен быть рабочий класс, другие считали, что строить коммунизм должны марксисты-теоретики, разбирающиеся в законах исторического развития. Различались позиции марксистов и по отношению к государству и срокам перехода от государства к демократии по образцу Парижской коммуны.

Таким образом, в марксизме все еще сочетались элементы романтизма, радикализма и модернизма[72]. С 1860-х годов до начала Первой мировой войны в доктрине установилось равновесие, однако модернистские идеи оставались ее ярко выраженным центром. Основные труды марксизма с уклоном к романтизму, написанные в 1840-е годы, не публиковались до 1930-х годов. Энгельс, ставший главным теоретиком марксизма после смерти Маркса в 1883 году, начал популяризацию модернистской формы марксизма, что отразилось прежде всего в таких фундаментальных трудах, как «Развитие социализма от утопии к науке». Данная форма марксизма предполагала постепенный переход к коммунизму. Рабочий класс должен дожидаться наиболее благоприятных экономических условий; коммунистический идеал должен основываться на современной индустрии и мощной бюрократии, контролируемых рабочим классом. Кроме того, коммунистам, или «социал-демократам», как их тогда называли, следовало создать хорошо организованные, централизованные политические партии, которые должны были защищать интересы рабочих, насколько это возможно при существующей «буржуазной» политической системе. Они должны были участвовать в выборах и сдерживать преждевременные революционные порывы, к тому же стать независимыми. Коммунисты не должны допустить правого уклона и сотрудничества с буржуазными партиями. Такой марксизм был далек от революционного эгалитаризма, рожденного на баррикадах.

В 50-е годы XIX века из-за неприятия и репрессий трудно было проводить социалистическую политику. Переживав неблагоприятный период, Маркс и Энгельс вернулись в политику в 1860-е годы. Они приняли активное участие в организации Первого интернационала в 1864 году[73]. Результаты были неоднозначными. Так, Марксу и Энгельсу не удалось убедить прагматичных представителей британских профсоюзов отделиться от либеральной партии. Влияние Интернационала в Британии навсегда ослабло[74]. Однако более серьезной угрозой для Маркса и Энгельса был крайний левый уклон. Их главными оппонентами были анархисты Прудон[75] и Михаил Бакунин, которые считали марксизм авторитарным и выступали за децентрализованную форму социализма. Для харизматичного Бакунина, сына русского графа[76], Маркс был «авторитетом с головы до пят»; его «научный» социализм, по мнению Бакунина, был создан для того, чтобы наделить властью «малочисленную группу аристократов, настоящих и мнимых ученых»[90]. Маркс ответил в той же манере: Бакунин – это «Монстр. Болван. Идиот. Честолюбивый диктатор европейских рабочих»[77]. [91]

Несмотря ни на что, Бакунин пользовался большой поддержкой участников Интернационала. Конфликт между марксистами и анархистами во многом способствовал распаду организации. Последний съезд Интернационала состоялся в Гааге в 1872 году.[78] Маркс, представлявший общество о котором теперь были связаны с Парижской коммуной 1871 года, приобрел не очень положительную репутацию доктора Красного Тerrors (the Red-Terror-Doctor). Толпы людей провожали делегатов от вокзала до гостиницы, хотя, как писал один журналист, детям не советовали появляться на улице с какими-либо ценностями, опасаясь того, что порочные делегаты Интернационала могут их украсть[92]. Однако Марксу не удалось перенести его репутацию как лидера социализма с улиц в зал заседания. Он восстановил против себя большинство делегатов своим жестким отношением к Бакунину и британским профсоюзам. Ему лишь удалось настоять на перенесении Генерального совета из Лондона в Нью-Йорк, оставляя итальянские, испанские и швейцарские социалистические партии влиянию своего соперника Бакунина, сформировавшего «антимарксистский интернационал». Перенос центра в США едва ли стал практическим шагом, так как через некоторое время Первый интернационал распался.

И все же модернистская версия социализма Маркса и Энгельса сохранила в Западной Европе более крепкие позиции, чем ее конкурент анархизм. Так называемая вторая индустриальная революция 1880-х и 1890-х годов привела к

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org тому, что мы сегодня называем современной индустриальной экономикой [79]. [93] С повышением значения металлургической, химической, горной и транспортной промышленности выросли заводы и фабрики, оборудование стало сложнее и, соответственно, дороже. Ужесточилась международная конкуренция, появились корпорации, основанные на иерархии менеджеров, которые эффективно вели дела и управляли рабочими. Все это оказало сильнейшее влияние на рабочий класс. Возросла роль городского труда. Наниматели старались увеличить производство за счет сокращения заработной платы. Установка оборудования приводила к потере рабочими квалификации: за выполнение однообразных механических задач им платили меньше. В то же время экономические системы разных стран становились все более взаимосвязанными, поэтому рабочие стали лучше осведомлены об условиях труда в разных странах.

Таким образом, многие предсказания Маркса сбылись еще до его смерти в 1883 году, в частности «декавалификация» и глобализация. Марксистские партии пополнялись постоянно растущим рабочим классом. Однако индустриальный рабочий класс составлял меньшинство в современных секторах экономики. Его представители не имели ничего общего с широкими массами менее организованных «временных» работников. Их взгляды на экономические перемены также не отличались единством. Декавалификация приводила к возмущению рабочих и порождала воинственность, однако рабочих отличала меньшая степень радикализма, чем на ранних стадиях индустриализации. Рабочие волнения периода ранней индустриализации были спровоцированы неоднозначным отношением к современной промышленности, а в некоторых случаях полным ее отрицанием. Теперь же рабочие стали частью промышленной системы и научились трудиться в коллективе. Наниматели все еще имели сильную власть над ними, и рабочие скорее принимали реальность современного индустриального мира как должное, чем пытались восстать против нее [94].

Эволюция европейской политики во многом способствовала объединению конфликта и компромисса. Рабочие и профсоюзы Европы по-прежнему оставались жертвами давления государства. Однако отголоски жестоких «гражданских войн» 1830-х и 1840-х годов начали утихать к 1860-м. Обещанные и отобранные в 1848 году либеральные реформы теперь предоставлялись государством не только среднему классу, но и рабочим [80]. Таким образом, марксизм извлек выгоду лишь из некоторых социальных и политических изменений конца XIX века. Перед бедняками Запада простиралось несколько путей, и почти все они выбрали путь марксизма. [81]

VI

Через год после смерти Маркса, в 1884 году, французский писатель Эмиль Золя начал писать свой великий «социалистический роман», целью которого было привлечение внимания среднего класса к главной проблеме эпохи – неизбежности кровавой революции: «Главная тема романа – восстание рабочих, удар по обществу, которое на время раскалывается, одним словом, борьба между капиталом и трудом. В этом заключается основное значение книги. Я попытался предсказать будущее и сформулировать главный вопрос, адресованный всему XX веку» [95].

Золя планировал назвать свой роман «Надвигающийся шторм», однако все же выбрал название «Жерминаль». Это название напоминает о якобинцах, которое дали это название первому весеннему месяцу. Золя считал, что ему необходимо заставить самодовольных читателей признать шаткость буржуазного порядка, поскольку борьба капитала и труда происходила буквально у них под ногами. В огромной шахте «Воре» (дословно «прожорливый зверь») «росла целая армия, будущее поколение граждан, прорастая, словно семена, готовые однажды прорваться сквозь пласт земли к яркому солнцу» [96].

Главные персонажи Золя представляют социалистов четырех разных типов: Суварин – русский эмигрант-анархист, Этьен Лантье – посредственный марксист, «непреклонный коллективист, авторитарный якобинец», Раснер – «поссибилист», или умеренный социалист (прототип – Эмиль Базли, шахтер, впоследствии ставший депутатом парламента), аббат Ранвье – христианский социалист. Якобинец Этьен, как и Раснер, показан весьма эгоистичным и амбициозным, несмотря на то что он главный герой романа. Суварин, хоть и является идеалистом, представляет разрушительную силу, а влияние Ранвье слишком незначительно. Золя убежден в том, что социалисты способны управлять толпой, обладающей жестокой, почти животной природной силой. Золя нагоняет на читателя страх описанием бесконтрольных забастовок и выступлений, отличающихся жестокостью. Перед буржуа «в багровом свете

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org заката предстало видение – призрак революции, которая неизбежно совершится в конце века и в кровавый вечер всех их сметет... будут на тех людях такие же лохмотья, так же будут греметь их грубые деревянные башмаки; такие же полчища будут обдавать встречных запахом немывтых тел, смрадным дыханием, и натиск этой орды варваров сметет старый мир»{97}.

Сам Золя не был сторонником революции. Его герой Этьен, лидер забастовки, завершившейся катастрофой, в конце концов «отказывается от незрелого бунтарства» в пользу будущего, в котором рабочие отрекутся от жестокости и создадут «мирную армию». Организованные профсоюзы будут бороться за их права и в конечном счете поспособствуют краху капитализма на законных основаниях. И тогда «сразу сгинет жестокое божество, которому приносили в жертву столько жизней, безобразный идол, спрятанный в капище, в неведомых далах, где обездоленные откармливали его своей плотью и кровью, но никогда его не видели»{98}.

Предположения Золя о том, что революционность левых пойдет на спад, а законопослушность возрастет, оказались верными для одних стран и ложными для других. Там, где существующие «буржуазные» партии признавали политические права рабочих и представительскую функцию профсоюзов (например, британская либеральная партия[82] и ее либерально-лейбористская политика), рабочие отказывались от революционного пути: зачем противостоять устоявшемуся порядку, если при нем рабочие получают все, чего хотят?{99} В таких либеральных условиях многочисленные этьены лантье оставались ни с чем, а раснеры получали огромное влияние. Однако марксистам несладко жилось и в нелиберальном обществе. В странах с репрессивным порядком и неразвитой промышленностью (таких, как Россия, страны Балканского полуострова, во многом Австро-Венгрия) марксистам было трудно сформировать партии и профсоюзы. В некоторых частях Италии и Иберии (Испания), напротив, анархисты суварины и радикальные марксисты столкнулись с более серьезным случаем. В этих странах легче было создать политическую организацию, однако государство с особой жестокостью относилось к народным выступлениям (особо жестоко было подавлено восстание в Каталонии в 1909 году, известное как «Трагическая неделя»)[83]. Анархисты пользовались влиянием там, где бедные требовали перераспределения земли, в то время как марксисты часто считали крестьян «отсталыми», а крестьяне в свою очередь враждебно относились к марксистским планам образовать централизованное государство. Франция представляла собой особый случай. Здесь у этьенов, суваринных, раснеров и ранвье были свои сторонники. Поскольку государство время от времени прибегало к репрессиям, марксистские партии пользовались поддержкой, однако среди ремесленников (которые все еще играли важную роль) стало появляться все больше анархистов[84]. При этом обещанные либеральным правительством реформы «умерили пыл» многих потенциальных марксистов. Серьезным оппонентом марксистских партий выступила церковь. Последователи Маркса считали христианство реакционной идеологией, оправдывающий старый социальный уклад. Церковь так же враждебно отвечала марксизму. Особенно яро противостояла марксизму католическая церковь. Ее сопротивление влиянию марксизма было особенно эффективным через политические партии и общественные организации[85].

В США марксисты и другие социалисты также столкнулись с синтезом репрессии и либеральной демократии, однако здесь им в меньшей степени, чем в большинстве индустриальных стран Европы, удалось укрепить свои позиции. Профсоюзы и социалистические движения имели многочисленных сторонников до начала XX века. Например, в 1886 году 10% рабочего класса были членами союза[86], имевшего средневековое название «Рыцари труда». Однако позднее влияние левого уклона было подорвано несколькими факторами: этническими разногласиями, господствующей либеральной идеологией, избирательным правом для мужчин (несправедливость, требующая перемен[87]), активной репрессивной политикой.

Идеальную страну для Этьена Лантье нужно было искать в Северной или Центральной Европе. Самой крупной и успешной партией оставалась Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), но марксистские партии были также популярны в Скандинавии и некоторых частях Австро-Венгерской империи. Неудивительно, что центр марксистских надежд сместился из Франции, где он находился в середине века[88], на Восток. В Германии появился многочисленный индустриальный рабочий класс. Многих рабочих привлекал марксизм с его курсом на развитие современной тяжелой промышленности и обещанием того, что пролетариат унаследует Землю. Однако политические условия были так же важны (если не более значимы), как условия

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org экономические. В 1878 году после покушения на кайзера (к которому социалисты не имели никакого отношения) Бисмарк потребовал от рейхстага принятия законов, направленных против социалистов, запрещающих Социал-демократическую партию и разрешающих преследование рабочих организаций. Тем не менее партия и профсоюзы продолжали существовать подпольно. Кроме того, некоторые социал-демократы все еще оставались членами парламента и могли привлекать внимание к вопросам, связанным с рабочим классом. Дискриминация продолжалась даже после того, как в 1890 году антисоциалистические законы утратили силу. Члены СДПГ испытывали притеснение со стороны полиции, а работодатели жестоко расправлялись с бастующими. Рабочих считали людьми второго сорта, которым покровительствует средний класс, не допуская их при этом в свои клубы и ассоциации. Эта социальная шизофрения, сочетание свободы и угнетения, привела к расцвету модернистского марксизма Маркса и Энгельса. Репрессии против СДПГ не давали ее членам пробиться в политику, что предопределило ее антиреформистскую направленность. Партия приняла марксистскую программу в Эрфурте в 1891 году, согласно которой будущая цель состояла в свержении капитализма революционным путем[89]. В то же время партия имела представителей в парламенте, ее представительство и влияние возросли после 1890 года, что позволило ей приобрести немало преимуществ при существующем порядке. Казалось, что нехватка революции не такая уж острая. В результате сложной совокупности обстоятельств СДПГ стала воплощением идеала, к которому Маркс и Энгельс стремились в Первом интернационале: независимая марксистская партия, ведущая борьбу с существующей системой за интересы рабочих и не связанная с буржуазией.

VII

Николаус Остеррот, родившийся в 1875 году, был набожным католиком. Он работал на месторождении глины в Баварии. Вернувшись на шахту после военной службы в середине 1890-х годов, он обнаружил, что владельцы месторождения намерены сократить заработную плату и ввести систему сдельной оплаты (платить рабочим в соответствии с проделанным трудом). Сначала Николаус и другие рабочие обратились за поддержкой к местному священнику, однако нашли мало сочувствия. Он заявил, что работодателям нужно подчиняться, так как они назначены богом. Спустя тридцать лет Остеррот писал в автобиографии, что этот эпизод спровоцировал «кризис сознания», после которого он оставил церковь с «пустой головой и умирающим сердцем». В таком мрачном состоянии духа он прочитал листовку социал-демократов, которую бросили в его окно «красные велосипедисты», проезжавшие через деревню. Он вспоминал: «Листовка была для меня откровением». Он писал: «Я вдруг увидел другую сторону мира, которая до сих пор была покрыта мраком. Особенно меня поразила критика тарифной системы и косвенных налогов. Раньше я ни слова о них не слышал! В выступлениях [католической] центристской партии о них умалчивалось. А почему? Было ли это молчание признанием того, что они совершили несправедливость, явным доказательством вины? Я не поверил глазам: за фунт соли налог в 6 пфеннигов! Я был охвачен чувством дикой ярости от очевидной несправедливости системы, которая освобождала от налогов тех, кто мог и должен был платить, и грабила до нитки тех, кто уже отчаялся от горя»{100}.

Моменты, сравнимые с божественным откровением, после которых происходило «обращение» в социализм, описаны во многих автобиографиях социалистов того времени. Конфликты с богатыми поставили под вопрос существование старой системы ценностей, особенно для верующих христиан. Когда Остеррот задумался о своем затруднительном положении, он осознал, что возможен другой взгляд на мир, в котором рабочие тоже обладают силой и благородством: «Господи, как это было просто и ясно! Этот новый мир вооружил рабочих самосознанием. Он разительно отличался от старого мира религиозных и экономических авторитетов, где рабочий был лишь вещь, предметом эксплуатации!»{101}

Он стал активным сторонником социал-демократов, а впоследствии – политиком, заменившим старого «темного, мстительного, карающего» мозаичного бога на «новую троицу»: нового милосердного Бога, а также Фауста и Прометея, «добрых людей, олицетворяющих глубокие страдания человечества»{102}.

«Красные велосипедисты» продолжали снабжать Остеррота информацией. От них он получил копию Эрфуртской программы марксистов. Но Остеррот, как и многие немецкие рабочие, не проявлял большого интереса к деталям экономической политики марксизма, например к тому, что именно рабочие должны будут захватить контроль над производством. Многие рабочие вступили в СДПГ не из-за того, что разделяли экономические идеи марксизма: они были недовольны

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org низкими заработками, условиями труда и постоянным унижением со стороны нанимателей{103}; их возмущало то, что их жизни зависели от богатей. Рабочий табачной фабрики Феликс Паук, например, примкнул к социал-демократам после того, как один рабочий был уволен зато, что предложил производителю вместо изображения кайзера поместить на сигары изображение лидера марксистов Августа Бебеля, предположив, что в этом случае продажи резко возрастут.{104}

Не будучи знатоками марксистской теории, многие члены партии, вероятно, все же имели элементарные представления о некоторых основополагающих принципах, в основном благодаря популяризации идеологии. Эти представления включали понимание марксизма как науки, главную роль экономических сил в историческом развитии, необходимость классовой борьбы, признание пролетариата прогрессивным классом, ведущим за собой к свободе все человечество, объявление окончательного кризиса капитализма. Рабочих мало привлекало изучение теоретических деталей марксизма, хотя многие образованные социал-демократы призывали к этому. Статистика посещений библиотек, созданных для рабочих социал-демократов, за период с 1906 по 1914 год показывает, что 63,1% читаемых книг являлись художественной литературой и лишь 4,3% составили труды по общественным наукам, в том числе марксистские тексты. В большинстве библиотек Золя был автором номер один (или два), что вызывало негодование образованных социалистов. Они считали его пессимистом, который слишком слабо верит в человеческий разум{105}.

Кроме теории и политического радикализма СДПГ предлагала альтернативную модель завода или фабрики, рабочие которых пользовались уважением и имели возможность самосовершенствоваться. Отто Крилле, неопытный фабричный рабочий из Дрездена, видел в этом наибольшую притягательность. Он был в отчаянии от «всеобщего ступора», охватившего фабрику, он чувствовал себя «абсолютно одиноким» среди рабочих с их устоявшимися взглядами, провинциализмом и «юмором ниже пояса». Спасение от этого страшного мира он видел в Социал-демократической партии. Он заметил, что лишь «небольшая группа [членов партии] социалистов имела убеждения; большинство же пришло к социализму из огромной пустыни, словно народ Израиля из варварства. Они должны верить, чтобы не впасть в отчаяние»{106}. Взгляды Крилле ничем не отличались от взглядов среднего социал-демократа: молодого горожанина, протестанта, рабочего, имеющего главную цель – самосовершенствование{107}.

Вместо «пустыни» Крилле СДПГ предлагала новый мир, где есть место для культуры, самосовершенствования и регулярного отдыха{108}. Образовательные общества обещали обеспечить социалистическую версию образования (развития и обучения) с помощью лекций и практических занятий (именно образование когда-то создало высокий статус буржуазии в немецком обществе). Обсуждаемые предметы принадлежали «социалистической» и «научной» тематике: политическая экономия, гигиена, а также предметы «буржуазной» культуры: искусство, литература и музыка. Еще большей популярностью пользовались общества досуга. Партия предлагала широкий круг занятий в различных обществах под ее эгидой: от клубов стрелков и велосипедистов до кружков хорового пения (насчитывающих 200 тысяч человек) и даже клубов курильщиков. Идеологическое содержание деятельности клубов различалось. Некоторые клубы пользовались особым языком. Так, члены кружка по гимнастике с конца 1890-х годов использовали приветствие «Frei heißt!» (Привет свободе!).

Наиболее ярко социал-демократическая культура проявлялась в парадах, особенно в майском параде. Несмотря на угрозы преследований со стороны полиции, тысячи людей участвовали в процессиях, прославляющих социализм и трудовые профессии. Некоторые символы заимствовались из социалистического прошлого, уходящего корнями в классицизм французской революции. Центральное место на хоровом фестивале, организованном социал-демократами в Нюрнберге в 1910 году, занимала «богиня Свободы» – фигура, одетая в греческую тунику, с фригийским колпаком на голове и «знаменем Свободы» в правой руке, окруженная бюстами Маркса, лидера немецких социалистов Лассалля и Льва, символизирующего силу{109}. Другие фестивали, однако, отличались ярко выраженным милитаристским стилем, создаваемым одинаковой формой, оркестрами, играющими марши, знаменами и флагами. Многие песни социал-демократов пронизаны военным духом:

Что там движется в долине?
Группа в белой форме!
Громок звук их песни длинной,
Песни, мне знакомой!

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Их песня о родине и о свободе,
Я знаю ту группу, что в белом идет!
Привет свободе, привет свободе!
Гимнасты выходят вперед{110}.
Обращение к милитаристским образам и способам организации было, разумеется,
не ново: даже Маркс использовал военные метафоры, говоря о социализме.
Марксизм был предназначен сильному, упорядоченному социалистическому
государству, а не левым анархистам или правым реформистам. Тем не менее
марксизм Маркса и Энгельса был скорее индустриальным, а милитаристский
стиль немецкой социальной демократии во многом был рожден политикой
имперской Германии (хотя партия и поддерживала интернационализм){111}.
Несмотря на то что СДПГ, как и другие социал-демократические партии, в
теории выступала за равноправие женщин, на практике многие ее члены
рассматривали женщин как аполитичных и «отсталых». Политика оставалась
делом мужчин. Большое значение придавалось дисциплине и строгой иерархии.
Были введены обязательные гимнастические упражнения. Команды
организовывались по армейскому образцу: избранный куратор руководил
несколькими лидерами, которые в свою очередь отвечали за организацию
команд. «Кодекс гимнаста» гласил: «В каждой команде должны соблюдаться
правила подчинения. Никто не может покинуть команду без особого на то
разрешения»{112}.

Именно такая дисциплина и организация привлекла Отто Крилле, обучавшегося в
армейской школе, но исключенного из нее как «непригодного». Он вспоминал:
«Я постепенно познакомился с социал-демократическими идеями. Раньше образ
государства был связан для меня со средневековой дикостью, которую
олицетворяли трущобы и тюрьмы. Этот образ изменился, так как я научился
видеть в себе гражданина государства, который, хоть и преследуем, все еще в
нем заинтересован, потому что надеется завоевать его для своего класса. Но
самая странная вещь состояла в том, что... я, ненавистник жесткой дисциплины,
добровольно подчинился дисциплине партийной. Как бы ни противоречиво это
звучало, социалистическая идеология в какой-то степени примирила меня с
моим пролетарским существованием и научила меня уважать ручной труд. Я
перестал стесняться слова “рабочий”»{113}. Для Крилле и многих других СДПГ
предоставляла параллельное государство, в котором называться рабочим было
почетно. Это «государство» защищало рабочий класс от враждебной Германской
империи.

Таким образом, у социал-демократии могло быть «военное лицо», как было
подмечено в песне «Красный флаг», написанной ирландским журналистом
Джеймсом Коннеллом в 1889 году после лондонского съезда
Социал-демократической федерации[90]:

Народный флаг цвет крови пропитал,
флаг саваном служил для тех, кто пал.
В нем остывали мертвые тела,
Из их сердец на саван кровь текла.
Так взвейся, знамя алое, костром!
Под ним мы будем жить, под ним умрем!
Пусть трусы и предатели вокруг –
Мы красный флаг спасем от грязных рук.
Во второй строфе Коннелл подчеркивает интернациональность красного флага
социал-демократии:

Француз несет любовь его огню,
Отважный немец – в песне похвалу.
В Москве ему давно сложили гимн,
В Чикаго стар и млад стоит под ним.
В упоминании «отважного немца» звучат явно покровительственные нотки, хотя,
разумеется, Германия была центром рабочего движения. В 1914 году
социал-демократические партии поддерживала минимум четверть населения в
семи странах: Австрии, Чехии, Дании, Финляндии, Германии, Норвегии и
Швеции{114}. Но партия в Германии, несомненно, была самой успешной. Перед
началом Первой мировой войны она насчитывала более миллиона
зарегистрированных членов. В 1912 году за социал-демократов проголосовало 4
миллиона человек (треть электората), хотя партия и не получила большинство
мест в рейхстаге. Членами профсоюзов, которые также ассоциировались с СДПГ
(Свободные профсоюзы), были 2,6 миллиона человек. СДПГ была самой
многочисленной марксистской партией в мире. Она стала образцом для всех
социалистов Европы.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Несмотря на это, социал-демократическое влияние все же было ограничено. В то время как некоторые партии (например, СФИО[91] и социал-демократическая партия Швеции) допускали союз с крестьянами, СДПГ убежденно считала, что крестьянское сельское хозяйство как форма производства отжило свое{115}. Однако даже в пролетарских центрах Европы, например на рудниках Рура, социал-демократы получали не больше трети голосов, сталкиваясь с такими конкурентами, как католическая вера и либерализм{116}. Им не удалось привлечь на свою сторону польских рабочих эмигрантов: у социал-демократов были сложные отношения с национализмом. Самые серьезные проблемы стояли перед австрийской партией: она надеялась сохранить границы Австро-Венгерской империи. Австрийские социал-демократы хотели создать общую федеральную партию для всех народов империи, однако это было воспринято чешскими социал-демократами и другими мелкими партиями как покровительство «большим братьев»{117}. Еще одну группу населения, на которую социал-демократы могли бы оказать большее влияние, составляли женщины. Тем не менее женщины представляли 16% членов СДПГ и очень долго оставались одной из самых радикальных ее ветвей{118}.

Однако, несмотря на перечисленные неудачи, цель молодого Маркса была достигнута: центр политики социализма переместился из Франции в Германию. С некоторой долей шовинизма Август Бебель заявил: «Не случайно именно немцы открыли законы развития современного общества... Тем более не случайно, что именно немцы несут социалистические идеи рабочим всего мира»{119}.

VIII

Итак, в международном социалистическом движении Германия играла главную роль, отдавая дань опыту французской революции. 14 июля 1889 года, в день сотой годовщины со дня взятия Бастилии, в Париже открылся первый конгресс Второго интернационала. Казалось, что его перспективы выглядят плохо. Группа умеренных социалистов – французских POSSИБИЛИСТОВ – организовала альтернативный конгресс, проходивший в это же время[92]. Распространились слухи о том, что они планировали встречать иностранных делегатов Интернационала и «забирать» их у социал-демократов, сманивая на свою сторону. Но эти слухи не имели оснований. Конгресс Интернационала имел огромный успех. На нем присутствовал 391 делегат из 20 стран мира, включая США[93]. Среди представителей Великобритании был поэт и поклонник средневекового романтизма Уильям Моррис и член Независимой рабочей партии Кейр Гарди{120}. Французская делегация оказалась самой многочисленной, что было ожидаемо, учитывая место проведения конгресса. Иностранные делегаты имели возможность увидеть недавно построенный памятник индустриальной современности и французской революции – Эйфелеву башню. Казалось, Париж на время снова стал центром прогрессивного мира. Самой сплоченной и, можно сказать, главной группой конгресса была немецкая делегация СДПГ. Второй интернационал, регулярно собиравшийся с интервалом от 2 до 4 лет, не являлся жесткой доктринерской организацией, но он ясно продемонстрировал господство марксистской традиции и старшинство партии СДПГ.

Этот успех стал во многом заслугой Энгельса. После смерти Маркса марксистские рабочие партии были популярны в немногих странах. Энгельс твердо решил преодолеть эту слабость и превратить марксизм в мощную политическую доктрину в отличие от самого Маркса, который меньше интересовался политической организацией[94]. Добродушный характер, общительность и терпение Энгельса сыграли свою роль: он стал наставником для многих европейских политиков-социалистов. Он вел с ними долгую переписку. Из его дома в Лондоне уходили сотни писем, в которых он высказывал возражения или давал советы. Марксисты по всей Европе, в свою очередь, считали его голосом традиции, образцом ортодоксальности. Энгельс использовал не только письма, чтобы хотя бы виртуально объединить марксистов в одно сообщество: в декабре он рассылал преданным революционерам рождественские пудинги, приготовленные на собственной кухне. Пудинги Энгельса попадали даже в далекую Россию. Например, Петр Лавров, социалист-народник, регулярно получал этот ежегодный интернациональный подарок[95]. {121}

Если Энгельс основал марксистскую «церковь», то первым «римским папой» социализма, как его называли в те времена, стал Карл Каутский. Каутский родился в Праге в театральной семье. Его мать была известной писательницей, автором социалистических романов в духе романтизма. Однако он не относился к богеме, как многие могли ожидать. Многие считали его педантом{122}. Энгельс любил с ним выпить, хотя замечал, что Каутский был «слишком

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org самоуверенным с его надменным и несерьезным отношением к политике. Все это усугублялось тем, что он много писал за деньги. Каутский был самоучкой, при этом широкий круг интересов и стремление говорить на любую тему со знанием дела стали идеальными качествами для достижения цели, которую он перед собой ставил: создание и популяризация единого последовательного «ортодоксального» марксистского мировоззрения, основанного на модернистской версии марксизма. О Каутском часто говорят и пишут, используя религиозные термины: он был «римским папой» социализма; его комментарий к Эрфуртской программе СДПГ называют «катехизисом социал-демократии»; его версия марксизма считается «ортодоксальной». Каутского, однако, очень интересовала наука, особенно дарвинизм, и он стремился создать на основе марксизма Энгельса современный «научный» марксизм.

Он успешно выступал в защиту модернистского марксизма Энгельса против его противников и пропагандировал его идеи среди партий Второго интернационала. Каутский имел успех даже в России, где деспотичный режим, как можно было ожидать, мог породить более радикальную форму марксизма. Георгий Плеханов, «отец русского марксизма», придерживался линии Каутского. Каутский проводил тонкое различие в особенностях СДПГ: это была «революционная», но не «творящая революцию» партия. Марксисты не должны были входить в буржуазные правительства, им следовало держаться в стороне от политической номенклатуры. Они должны были верить в то, что с капиталистической системой покончит революция, под которой Каутский понимал сознательный захват власти пролетариатом, вовсе не обязательно сопровождающийся насилием. В то же время марксисты были обязаны настаивать на реформах в пользу рабочего класса, бороться за расширение либеральных демократических прав, организовывать парламентские кампании. Эти две позиции не очень последовательно объединялись в политике «ожидания революции». Революция возможна только при благоприятных экономических условиях, наступления которых должны ожидать социал-демократы. Но даже после свержения Рейха цель партии будет состоять в совершенствовании парламентской демократии, а не в строительстве государства по образцу Парижской коммуны.

Несмотря на то что СДПГ не входила в правительство, на практике ее члены всегда стремились к разработке реформ в существующей системе. Несмотря на то что социал-демократы все еще испытывали незначительное притеснение во многих странах (например, в Пруссии в 1911 году полиция запретила демонстрантам использовать красный цвет в оформлении первых букв на транспарантах), они все увереннее действовали как реформистская партия, контролируя местные правительства и внося в рейхстаг законопроекты по улучшению условий труда^{123}. Реформистские усилия социал-демократов стали сопровождаться успехом с 1890-х годов, когда возросла популярность партии и профсоюзов. Значительно усложнилась международная партийная организация, политикам приходилось действовать более обдуманно и осторожно. В 1905 году Каутский жаловался на очерствение и косность партии: ею управляет «собрание стариков», которых «поглотили бюрократия и парламентаризм»^{124}. Но немцы были не единственным народом, незаметно подвергшимся очарованию буржуазией. В более либеральных странах, таких как Франция, стало еще труднее соблюдать принципиальную дистанцию от буржуазной политики: например, Жан Жорес, глава СФИО^[96], был готов сотрудничать с Третьей Республикой по некоторым вопросам^{125}; итальянская социалистическая партия (ИСП) некоторое время сотрудничала с либеральным правительством Джованни Джолитти, хотя большинство партийцев было против этого^{126}.

Таким образом, отстаивать модернистский ортодоксальный марксизм Каутского было очень сложно. Нападки на него усиливались как со стороны правых реформистов внутри партии, настаивавших на отказе от идеи революции, так и со стороны левых радикалов, которые считали, что социал-демократия находится в процессе подрывающего его устои «обуржуазивания». С 1890-х годов, когда марксизм находился на пике своей могущественности в Западной Европе, его раздробленность росла как среди политической элиты, так и среди простых партийцев. Безусловно, война и большевистская революция окончательно разрушили то единство, которого достигли Энгельс и Каутский в 1880-х и 1890-х годах, хотя конфликты стали очевидными гораздо раньше. Становилось все труднее поддерживать равновесие сил между правыми и левыми^{127}.

Первый серьезный вызов ортодоксальному марксизму Каутского был брошен реформистами. В 1899 году Александр Мильеран стал первым социалистом, занявшим пост министра в либеральном правительстве премьер-министра Пьера Вальдек-Руссо. Несмотря на то что Мильеран добился многих социальных

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org реформ, его решение войти в правительство окончательно раскололо социалистическую партию на реформистов во главе с Жаном Жоресом и сторонников «жесткой линии» во главе с Жюлем Гедом[97]. В то же время в Германии более серьезный вызов «ортодоксии» Каутского был брошен со стороны влиятельнейшей фигуры в СДПГ – Эдуарда Бернштейна.

Отступничество Бернштейна вызвало настоящий шок у партийных старейшин, так как он был близким другом Маркса и Энгельса и, как все считали, прямым их последователем[98]. Бернштейн родился в семье водопроводчика, ставшего впоследствии железнодорожником. Он вырос в бедности, однако был достаточно одарен, чтобы окончить гимназию и стать банковским клерком. Несмотря на свое полупролетарское происхождение, он обладал традиционными буржуазными вкусами и манерами. Его политические взгляды сформировались во время франко-прусской войны и отличались национализмом, однако с 1872 года он стал приверженцем марксистской линии. После введения антисоциалистических законов Бернштейн уехал в Швейцарию, где с 1880 по 1890 год был редактором партийного издания «Социал-демократ» (*Der Sozialdemokrat*). В 1888 году он был выслан из Швейцарии и поселился в Лондоне, где вынужден был оставаться до 1901 года, не имея возможности вернуться в Германию из-за проблем с законом.

Возможно, за время проживания в Англии взгляды Бернштейна изменились. Английское правительство относительно быстро реагировало на требования рабочего класса, социалистическое движение являлось в высокой степени реформистским. Было трудно поверить, что кризис капитализма неизбежен. В 1896 году он решился опубликовать в газете «Новое время» (*Neue Zeit*) цикл статей, в которых нападал на ортодоксальный марксизм[99]. Он заявлял, что Маркс слишком усердно ратовал за признание революционного насилия как способа достижения социализма. Он, по мнению Бернштейна, ошибался в предсказании кризиса капитализма и растущей бедности пролетариата. Бернштейн утверждал, приводя некоторые доказательства, что ничего этого не произошло. Он открыто заявлял: «Крестьяне не вымирают, средний класс не исчезает, кризис не разрастается, нищета и порабощение не усугубляются»{128}.

Бернштейн настаивал на том, что социал-демократы могут мирно реформировать капитализм, действуя в парламенте, а общественная собственность возникнет из частной как более рациональная. Общеизвестным является его заявление о том, что социальная реформа важнее коммунизма: «То, что все считают конечной целью социализма, для меня ничто. Движение – все»{129}.

Бернштейн утверждал, что рабочие должны быть полноценными членами общества «буржуазного» национального государства, а также призывал социал-демократов поддержать националистические и империалистические модели таких государств{130}. Он отвергал мысль Маркса о том, что у рабочего человека нет отечества, и настаивал на том, что пролетарии должны быть преданны своей нации. Он также готов был признать империю, но только в том случае, если она способствовала развитию цивилизации.

На Бернштейна обрушилась волна критики со стороны главных фигур Второго интернационала. Его справедливо обвиняли в нарушении целостности марксизма и его трансформации в либерализм левого толка. Однако его «ревизионизм» также поддержали многие участники социал-демократического движения: француз Жан Жорес, швед Яльмар Брантинг, итальянец Франческо Мерлино. Он также привлек внимание многих «рядовых» сторонников социализма. Существовали региональные варианты ревизионизма. В Италии ревизионизм и ортодоксальный марксизм пользовались большей популярностью на севере, чем на более репрессивном юге, где поддерживалась революционная форма марксизма. Похожим образом в Германии ревизионизм был распространен на либеральном юго-западе. Некоторые аспекты ревизионизма были также популярны среди простых рабочих, особенно среди членов профсоюзов. Один из них говорил: «Богатые и бедные будут всегда. Мы не можем даже мечтать о том, чтобы это изменить. Но мы требуем достичь лучшей и более справедливой организации как на фабрике, так и во всем государстве»{131}.

Несмотря на широкую поддержку, ревизионизм Бернштейна был объявлен ересью на нескольких социал-демократических конгрессах. На 6-м конгрессе Интернационала, проходившем в 1904 году в Амстердаме, Каутский совместно с СДПГ убедил большинство препятствовать сотрудничеству с буржуазным правительством. При этом многие встали в оппозицию антиревизионистской линии: в основном это оказались партии тех стран, где были сильны позиции

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org либеральной демократии и социалисты были допущены к власти (Великобритания, Франция, страны Скандинавии, Бельгия, Швейцария). Представители стран из более авторитарных государств, наоборот, противостояли ревизионизму. Среди них были представители Японии, будущий большевик, болгарин Христиан Раковский, а также молодой радикал из России Владимир Ленин. К ним присоединилась Роза Люксембург [100], блестящий полемист, коммунистка польского происхождения, активный член СДПГ.

Влияние радикалов предвещало новый вызов ортодоксальному марксизму Каутского со стороны авторитарного Востока. В январе 1905 года в России произошла революция, которая доказала, что народ своими действиями способен двигать историю к коммунизму и что стратегия «ожидания революции», предложенная Каутским, оказалась несостоятельной. Применение русскими рабочими оружия во время Всероссийской стачки в октябре 1905 года [101] также способствовало пробуждению радикализма на Западе, где он медленно назревал некоторое время [102]. Очевидно, что радикализм многих рабочих увеличился за предвоенное десятилетие. По всей Европе росли профсоюзы, в этот период участились забастовки, особенно с 1910 по 1914 годы, когда уровень жизни рабочих резко ухудшился из-за инфляции. Повышение воинственного настроения трудящихся стало в какой-то степени возрождением былого радикализма фабричных рабочих. Благодаря технологическому прогрессу многие сферы производства, где раньше главная роль принадлежала рабочим, оказались механизированы. Например, внедрение в металлообрабатывающую промышленность эффективных токарных станков дало возможность нанимателям использовать дешевый неквалифицированный труд вместо труда квалифицированных рабочих. Но квалифицированные рабочие, большинство из которых было грамотными, уже были способны защитить сами себя. Именно рабочие-металлурги будут оставаться самой радикальной группой рабочего класса на протяжении нескольких следующих десятилетий.

С самого начала эта воинственность способствовала развитию анархо-синдикализма, который представлял собой усовершенствованный вариант анархизма Прудона. Появившиеся из французских профсоюзов в 1890-е годы [103] синдикалисты обвиняли социал-демократов в участии в парламентских выборах и призывали рабочих к массовым забастовкам и актам саботажа. Они также осуждали страстное отношение марксистов к организации и централизации.

Синдикалисты пользовались большой поддержкой во Франции, Италии и Испании. Они также успешно действовали в США под знаменами Индустриальных рабочих мира (вобблис, *wobblies* [104]). В Германии они почти не имели влияния, хотя их взгляды не сильно отличались от взглядов марксистов-радикалов, членов СДПГ [105], сторонников Розы Люксембург. Люксембург, как и старый радикал Маркс, верила в революционный потенциал пролетариата. Она обвиняла Каутского и лидеров СДПГ в пренебрежении этим потенциалом в пользу реформ, которые только укрепляли позиции капитализма. Она жаждала революции и поэтому тайно поехала в 1905 году в Варшаву (в то время входившую в состав Российской империи), чтобы самой принять участие в революции, однако ее арестовали и заключили под стражу. Вернувшись в Германию, она требовала, чтобы руководство СДПГ последовало примеру России и использовало массовые забастовки для мобилизации рабочего класса. Как можно было предсказать, против ее идей выступил Каутский, боявшийся, что массовые выступления станут угрозой для его священной партийной организации.

Однако окончательно целостность марксизма нарушили все же иностранные, а не внутренние проблемы. Марксистам требовалось ответить на растущую мощь империализма и национализма. Марксисты гордились своим интернационализмом, их лидеры были частью международного сообщества. Они проклинали войны, империи и огромные армии и старались придать особую важность неравенству классов внутри своего общества. Некоторые даже стремились адаптировать марксизм для оправдания международного неравенства между Европой и колониальным миром. Такие теоретики марксизма, как Рудольф Гильфердинг и Роза Люксембург, предложили новый взгляд на «империалистический» капитализм. Если в 1840-е годы главными силами истории были капитал и труд, то полвека спустя к ним присоединилось национальное государство и империя. Они считали, что агрессивные капиталисты-монополисты вступили в союз с государствами, поделились с ними капиталом и теперь они совместно ведут войны за господство в колониальном мире [106].

Интернационалисты пользовались некоторой поддержкой индустриальных рабочих, которые не отождествляли себя с национальным государством.

Интернациональное сообщество рабочих, объединенное призывом «Пролетарии

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org всех стран, соединяйтесь!»), казалось многим рабочим более подходящим домом, чем «мнимое общество», как они называли государство, созданное аристократами, либеральным средним классом и военными генералами.

VII конгресс Интернационала, проходивший в 1907 году в Штутгарте, осудил империализм и национализм. Однако ортодоксальные интернационалисты испытывали давление со стороны ревизионистов – таких людей, как, например, Бернштейн и Рамзей Макдональд, представитель британских лейбористов. Они видели в империи преимущества для рабочих и считали, что поддержка империалистической политики иностранных государств является той ценой, которую нужно заплатить, если рабочие хотят органично влиться в национальное государство. Некоторые соглашались с империалистами в том, что империя несет цивилизацию в колониальный мир.

Когда в 1914 году мирная жизнь прервалась, даже ортодоксальные марксисты с трудом сопротивлялись соблазну поддержать военные действия, отчасти из-за того, что многие из них тайно разделяли националистические взгляды, отчасти потому, что их пугала альтернатива{132}. Если бы они не поддержали войну, всегда бы оставался риск того, что профсоюзы и марксистские партии будут запрещены во имя национальной безопасности. К тому же французов беспокоил немецкий режим, который ущемлял права рабочих, а немцы и австрийцы в свою очередь не знали, чего ожидать от русских реакционеров. Если для французской социалистической партии это была оборонительная война против немецкой агрессии, то немецкая партия относилась к войне как к сопротивлению русскому варварству и автократии. Как сказал лидер СДПГ Гуго Гаазе одному французскому социалисту: «Для вас прусский ботинок то же, что для нас – русский кнут»{133}.

Марксистские лидеры были абсолютно не готовы к разразившейся в августе 1914 года войне. Тем не менее не удивительно, что все социалистические партии кроме двух решили поддержать войну. Некоторые лидеры, включая Каутского, попытались противостоять националистической волне, но они вскоре поступились принципами ради прагматизма и стремления к единству. Виктор Адлер, глава австрийской партии, обобщил дилемму, вставшую перед интернациональной социал-демократией: «Я знаю, мы должны проголосовать за это [поддержку войны]. Я не знаю, как у меня язык повернулся сказать это. Непостижимо, как немец может так поступить. Непостижимо, как социал-демократ может на это пойти – только сжавшись от боли, с тяжелой борьбой с самим собой и своими чувствами»{134}. Все это напоминало смерть Интернационала, а значит, и мечты Маркса. Многие марксисты Европы подписались под тем, что они раньше осуждали как «буржуазный национализм» и «империализм». Они вступили в войну на стороне национальных правительств и политической элиты.

Появившись из сплава различных романтических направлений социализма, марксизм превратился в радикальное революционное движение, а затем принял форму модернистского марксизма, который стремительно трансформировался в прагматичный реформистский социализм. Однако подходило время нового витка: инициатива в международном коммунистическом движении снова перешла к революционерам. Хотя представители политической элиты и капиталисты приобрели большое влияние в 1914 году, им предстояло быть окончательно раздавленными войной, а их национализму – дискредитированным. Три года спустя было понятно, что марксистские партии сделали неправильную ставку.

Из-за этой ошибки в выигрыше оказались те партии Интернационала, которые до конца противостояли националистическому течению: Российская социал-демократическая рабочая партия (с фракциями большевиков и меньшевиков[107]), их союзники[108], небольшая сербская партия, а также итальянские социалисты (ИСП). Возможно, Бернштейн и был прав, утверждая, в отличие от Маркса, что у немецкого рабочего класса все же имелось отечество[109]. Ситуация в России была другой. Простые люди чувствовали глубокую отчужденность от национального государства[110], а война лишь обострила отношения людей и государства. Маркс ошибался, полагая, что ему удалось перенести центр революции из Парижа в Берлин. Берлин был лишь перевалочным пунктом на пути на восток – в Санкт-Петербург[111].

2. Медные всадники

I

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В ноябре 1927 года вниманию советских зрителей было представлено несколько фильмов, посвященных десятилетней годовщине Октябрьской революции. Это был золотой век кинопроизводства. В распоряжении большевиков имелись талантливейшие режиссеры, которые снимали фильмы, рассказывавшие о революции и объяснявшие ее значение. Среди этих режиссеров был знаменитый уже в те годы Сергей Эйзенштейн. Однако самое большое признание партийной элиты получил фильм Всеволода Пудовкина «Конец Санкт-Петербурга». Революция в картине Пудовкина показана как сила, ведущая к модернизации. В фильме история революции рассказывается через историю жизни крестьянина (Парня), которого бедность побуждает переехать из деревни в Санкт-Петербург. Как в любом классическом советском сценарии в стиле соцреализма, Парень превращается из неграмотного человека в политически сознательного гражданина. Он находит работу и сперва присоединяется к группе штрейкбрехеров. Однако вскоре в нем просыпается ненависть к царской охранке. Он видит, как жестоко владельцы заводов обращаются с рабочими. Он выступает против режима, на некоторое время попадает в тюрьму, затем его освобождают и отправляют на фронт воевать против немцев. В армии он становится большевиком и в 1917 году участвует в штурме Зимнего дворца{135}.

Пудовкин показал, как крестьянские массы подхватили современные взгляды и революционный дух, а сама революция – жезл модернизации, брошенный старым режимом. Для этого режиссер использует один из символов Санкт-Петербурга, конную статую «Медный всадник» (выполнена из бронзы, название получила после написания А.С. Пушкиным одноименной поэмы в 1833 году). С тех пор этот памятник Петру Великому, основавшему Санкт-Петербург в 1703 году по европейскому образцу, стал символом немногочисленных, но успешных усилий царизма по модернизации России. Вслед за Пушкиным Пудовкин использует Медного всадника как символ не только стремления к обновлению, но и жестокости и твердости державы. В кадры штурма Зимнего дворца он монтирует изображение Медного всадника на фоне классических статуй, венчающих крышу дворца, которые рушатся под напором вооруженных большевиков. Пудовкин подразумевает, что большевики покончат с надменностью царизма, но в то же время он ясно дает понять, что они не тронут новизну, принесенную Петром. Вместо изящных статуй в небо взмывают подъемные краны. Безымянный рабочий властно поднимает руку, вызывая в памяти такой же властный жест Медного всадника. Пудовкин говорит зрителю, что революция продолжит дело, начатое Петром. Новыми медными всадниками, ведущими страну к модернизации, станут рабочие, а не их бывшие властители.

Драма Пудовкина показала, как сильно изменился образ революции со времен Делакруа и каким влиятельным стал модернистский марксизм. Революция была жестокой, но идеи модернизма и научной направленности были в ней сильнее, чем у Делакруа. На смену развевающимся лохмотьям и обагренным кровью знаменам пришла сила станков и металла. Однако во многом история Пудовкина отклонялась от традиционного модернистского марксизма Каутского[112] и идей немецких социал-демократов. Главным героем Пудовкина стал не рабочий, а крестьянин, недавно примкнувший к пролетариям. Кроме того, революция, показанная Пудовкиным, стремилась не только восстановить социальную справедливость. Революция унаследовала государство, укрепить которое старому режиму не удалось. Целью ее стала также модернизация бедной крестьянской страны.

Это не удивительно. Ведь Каутский в это время считался в СССР предателем, ренегатом. Он осудил большевизм и отказался от идеи диктатуры пролетариата. Вряд ли советский режиссер мог следовать учению Каутского.

Фильм Пудовкина был с восторгом принят большевистской элитой после его премьерного показа в Большом театре в Москве. Восторг был вызван тем, что Пудовкин уловил и отразил сущность ленинской революции{136}. Ленин пытался объединить радикальный и модернистский марксизм. В этой комбинации он видел идеологию, подходящую для общества, которое ортодоксальный марксизм считал слишком отсталым для осуществления революции[113]. Как заметили еще якобинцы, именно слабые государства с их репрессивными режимами, неудовлетворенной интеллигенцией, урбанизированными рабочими и крестьянами подготавливали почву для революции. Ленин объединял народное требование равенства с замыслом по преодолению «отсталости». К концу 1920-х годов Ленин и большевики привнесли в марксистскую традицию новый важный элемент. Носителем идеи революции и модернизации стала милитаристская руководящая «партия нового типа» – специфическое русское новообразование.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что история Пудовкина все же выглядела неубедительной. Идея о том, что крестьяне и рабочие, озлобленные несправедливым отношением господ и элиты, стремительно пройдут путь от социализма к большевизму и станут законопослушными гражданами современного общества с экономикой планирования, была фантастической. Вскоре после прихода к власти Ленин осознал, как много ожидал и обещал в 1917 году. Еще якобинцы поняли, что объединение идеи равенства и идеи мощного государства обречено на провал. Хаос революции заставил многих большевиков отказаться от радикального марксизма после недолгого увлечения им. Их привлекал теперь модернистский марксизм, согласно которому рабочие и крестьяне должны будут подчиняться строгой дисциплине. Вскоре они обнаружили, что такой порядок вряд ли достижим. Их взгляды стали развиваться от радикального марксизма к модернизму, вере в научный прогресс, к прагматизму, привлекавшему широкие слои населения.

II

В мае 1896 года в Москве с небывалыми торжествами прошла коронация императора Николая II. Один из современников назвал коронационные торжества «ожившим Версалем». Царь въехал в город на белом коне в сопровождении представителей всех народов империи, одетых в национальные костюмы. Процессия также включала представителей социальных сословий и местных правительств (земств) [114], а также иностранных гостей [137]. Несмотря на разобщенность сословий и этнических групп, процессия олицетворяла единство империи. Газета «Московские ведомости» писала: «никто не помнил о том, что есть своя, отдельная жизнь. Все слилось в одно целое, в одну душу, одну жизнь, и все понимали, что это и есть единый русский народ. Царь и народ участвовали в историческом событии. Пока будет существовать союз народа с царем, Русь будет оставаться великой и непобедимой. Ей не будут страшны ни внешние, ни внутренние враги» [138]. Журналист, очевидно, не сопоставил идеи пропаганды с реальностью. Существовала давняя традиция устраивать «народные гуляния» на Ходыньском поле с представлениями, играми и другими развлечениями. Традиция установилась во многом из-за патерналистского стремления властей привлекать массы простых людей к знаменательным событиям, например коронациям царей. В мае 1896 года в гуляниях участвовало больше человек, чем ожидалось. Выделенные казачьи расчеты не смогли справиться с толпой. Во время торжеств началась паника, от 1300 до 2000 человек погибли в давке. И в России, и за рубежом люди были шокированы сообщениями прессы. Было ясно, что в царском правительстве, несмотря на заявления о том, что оно стоит во главе непобедимой Руси, царит полная неразбериха. Не существовало и хваленого единства царя и народа. Хотя Николай выразил сожаление в связи с произошедшей катастрофой, в тот же вечер он присутствовал на пышном балу у французского посла. Один англичанин, очевидец этих событий, писал: «Нерон играл на скрипке, пока горел Рим, а Николай II танцевал на французском балу в день Ходынской трагедии» [139]. Будущий большевик, рабочий Семен Канатчиков, прибывший на гуляние сразу после трагедии, также обвинил власти в «безответственности» и «безнаказанности» [140]. Трагедия на Ходынке была плохим знаком царю. Претенциозность и грандиозность его коронации были унижительны, на трагедию он ответил с безразличным высокомерием. Трудно найти пример более явного проявления деспотизма и морального упадка.

Как показали коронационные торжества, Российская империя конца XIX века гордилась своей старорежимностью. Действительно, как воплощение реакционных принципов Россия превзошла даже старорежимную Францию до 1789 года. Как ни парадоксально, образец российского старого режима был относительно недавнего происхождения. Если философы-просветители осуждали иерархический уклад и различия во взглядах на общество, то цари поддерживали эти традиции. После победы над революционной Францией в наполеоновских войнах режим царизма сознательно стал позиционировать себя как бастион традиции и автократии, защищающий эти ценности от просвещения и революции. Российское общество по-прежнему состояло из неравных сословий, социальных групп, национальностей: все они имели разные привилегии и обязанности [141]. Крестьяне, как известно, никакими привилегиями не обладали. Более того, они оставались несвободными до 1861 года – последние крепостные Европы.

Еще в 1789 году французская монархия пришла к выводу о том, что старый режим может существовать, пока государство не предъявляет слишком много требований к своим подданным. Однако если оно хочет конкурировать с другими государствами (на Западе и на Востоке), способными мобилизовать огромные профессиональные армии, поднять налоги и тем самым обеспечить армию

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org современным снаряжением, оно должно совершать такие же действия. Разумеется, крестьяне, промышленные рабочие и представители национальных меньшинств, от которых ожидалось все эти действия, не могли не требовать что-либо взамен. Если они отдавали свои деньги или свои жизни государству, они хотели, чтобы к ним относились с уважением, как к полноправным участникам общего дела, а не как к пушечному мясу или дойным коровам.

После серии военных поражений (от Британской и Османской империй в Крымской войне 1853–1856 годов, от Японии 1904–1905 годов и от Германии в Первой мировой войне) многие служители царизма были вынуждены признать несостоятельность старого режима. Реформаторы понимали, что империя должна была стать единым государством с развитой современной промышленностью и сельским хозяйством. Необходимо было преодолеть расколы внутри общества и установить духовную связь между народом и государством. Против них выступали консерваторы, боявшиеся, что реформы ослабят монархию и иерархический порядок, на котором она основывается. В результате было достигнуто несколько весьма шатких компромиссов, которые лишь частично способствовали интеграции населения в политику. В целом негодование народа возросло. Александр II провел серию реформ в 1850-х и 1860-х годах, самой важной из которых стала отмена крепостного права, превратившая крепостных в свободных крестьян. Однако они все же имели очень низкий статус и не владели землей, которая, как они считали, по праву принадлежала им[115]. Они также были тесно связаны общиной, традиционным деревенским укладом – древним институтом местного регулирования дел, что позволяло более эффективно установить над ними контроль и организовать сбор налогов*. Озлобленность крестьян, вызванная несправедливым положением, выражалась в почти анархической настроенности против государства[116], которая продолжала усугубляться до 1917 года, когда большевики отдали им землю[142].

Если крестьянство, отдельное сословие, оставалось отчужденным от других и угнетаемым, то рабочий класс вовсе был исключен из структуры сословий, несмотря на его стремительный рост во время запоздалой российской индустриализации 1880-х и 1890-х годов. Парень Пудовкина был одним из миллионов отчаявшихся, кто покинул перенаселенную деревню в поисках работы в городе. За 50 лет перед 1917 годом городское население России увеличилось в 4 раза: от 2 до 28 миллионов. Несмотря на то что численность индустриального рабочего класса была относительно невелика (3,6 миллиона), он концентрировался в основном в политически важных городах. Прибывая в город, рабочие иногда вступали в неформальные объединения – артели. Рабочий Канатчиков вспоминал свою артель: 15 человек, которые снимали общее жилье и каждый день деревянными ложками хлебали щи из общей миски, а два раза в месяц «дико напивались», праздную день полочки[143]. Однако рабочим было запрещено объединяться в профсоюзы или другие организации по крайней мере до 1905 года. В России не существовало профсоюзов и социал-демократических партий, как, например, в Германии. Несмотря на это, недовольство ужасными условиями жизни и обращением росло, и бессилие рабочих его только усугубляло. Рабочий А.И. Шаповалов в своих воспоминаниях описал свое отношение к нанимателю: «При виде его толстого живота и лоснящегося красного лица я не только не снимал шляпу: в моих глазах против моей воли вспыхивал ужасный огонь ненависти, когда я его видел. У меня появлялась безумная идея схватить его за горло, повалить на землю и ударить ногой по его жирному животу»[144]. В конце концов Канатчиков, Шаповалов и многие другие так называемые сознательные рабочие решили вылить свою озлобленность в действие, вступив в более обширную организацию. Но за руководством они обратились к радикальной интеллигенции, также исключенной из сословной системы, настроенной на преодоление неравноправия в России и ускорение ее модернизации.

III

С середины 1860-х годов российские власти стала беспокоить новая «мода» образованной молодежи: женщины сбегали из семей, где они были сильно ограничены в правах, и заключали фиктивные браки. Молодожены расставались сразу после свадьбы или продолжали жить вместе, не поддерживая семейных отношений. Полиция также была озабочена явлением, связанным с первым: популярностью сожителства втроем. Корни такого «подрывного» поведения описаны в необычайно влиятельном, хотя и бедном по стилю романе, опубликованном в 1863 году под названием «Что делать?» («Из рассказов о новых людях»). Автором романа был русский социалист, интеллектуал Николай Чернышевский[145].

Влияние романа Чернышевского на поколение молодых образованных людей сравнимо с влиянием романов Руссо накануне французской революции. Это не удивительно: Чернышевский хотел создать русифицированную социалистическую версию Романа Руссо «Новая Элоиза»{146}. Чернышевский рассказывает историю Веры Павловны, чьи авторитарные родители, как и родители Юлии в романе Руссо, планируют за нее выгодный брак без любви. Веру спасает Лопухов, учитель, напоминающий Сед-Пре. Они живут в фиктивном браке, соблюдая целомудрие. Впоследствии Вера выходит замуж за его друга, Кирсанова.

После недолгого периода жизни втроем Лопухов покидает их, но позже возвращается с новой женой. Они поселяются с Верой и Кирсановым и создают гармоничный семейный союз.

В романе также описаны несколько романтических социалистических утопий. Одна из них – созданные Верой и Кирсановым кооперативная швейная фабрика и коммуна швей. Вторую Вера видит во сне: рационально организованная трудовая коммуна, члены которой живут в огромном дворце из железа и стекла, оборудованном чудесами техники, в том числе кондиционером, в то время еще не изобретенным, и электрическими лампочками. Прообразом дворца послужил лондонский Хрустальный дворец, который Чернышевский однажды видел издали. Его персонажи трудятся с удовольствием, они счастливы, потому что большую часть работы выполняют машины. По вечерам они устраивают роскошные балы, наряжаясь в греческие туники «периода расцвета Афин»{147}.

Мы не знаем, хотел ли Чернышевский, чтобы читатели серьезно восприняли его социалистические и революционные идеи{148}. Многие из них изложены туманно и непонятно в целях уклониться от цензуры. И все же роман «Что делать?», как и произведения Руссо, очень сильно повлиял на молодых людей. Он показал им альтернативу их повседневной жизни, в которой действуют законы подчинения и социальной разобщенности. Так же, как Робеспьер благодарил Руссо за то, что тот открыл ему глаза на его же чувство собственного достоинства, молодежь России восхваляла Чернышевского за то, что он научил их жить так, как живут «новые люди» – в равноправии, сопротивляясь надменным аристократам, оставляя авторитарные семьи и посвящая себя общему делу. К образу «нового человека» Чернышевский обращается, описывая одну историю, случившуюся с Лопуховым. Лопухов столкнулся на тротуаре в Петербурге с неким надменным важным человеком. Вместо того чтобы посторониться и уступить дорогу, Лопухов, сохраняя абсолютное хладнокровие и вежливость, берет высокомерного наглеца в охапку и помещает в канаву с грязью, над чем ухмыляются двое прохожих.

Чернышевский, как большинство русских социалистов того времени, с большой враждебностью относился к русскому национализму. Его взгляд на старый режим как на источник унижения достоинства простых людей нашел сильный отклик именно в то время, когда Россия испытывала унижение от других стран-соперниц. Подобным образом идеи Руссо привлекли молодых людей, отчаявшихся возродить былую мощь Франции. Чернышевский был убежден: Россия ослабла из-за того, что ее иерархический уклад превратил людей в рабов. Каждый привык пресмыкаться и доносить, общественная солидарность стала невозможной. Эти «азиатские ценности» (азиатчина) развратили души русских людей{149}.

Чернышевский все же отклоняется от идей Руссо. Он настаивает на том, что Россия может преодолеть свое униженное положение, став современнее и последовав примеру Запада. Он объединил интерес Руссо к эгалитарным утопиям и увлеченность современным социализмом и революцией в духе Маркса[117]. Кроме образа Веры Павловны и других «новых людей», в романе «Что делать?» представлен еще один образ – образ «особенного человека», сознательно и намеренно участвующего в политической жизни, будущего революционера Рахметова.{150}

Из романа ясно, что Чернышевский не во всем одобряет Рахметова, но читатели нашли в нем очень увлекательного персонажа. В нем, выходец из древнего знатного рода, смешиваются восточная и западная – татарская и русская – кровь. В нем совмещаются ценности интеллектуала и простого человека из народа. Он хорошо знал французскую и немецкую литературу, но также хотел приобрести физическое богатство. В семнадцать лет он решил совершенствовать свое тело, следовал диете, включающей сырое мясо, и даже прошел бурлаком по Волге. Затем он поступил в университет, где познакомился с Кирсановым. Все это время он вел аскетический образ жизни, питаясь тем, что едят простые

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org люди, например яблоками вместо абрикосов (хотя в Санкт-Петербурге он позволил себе апельсины). Он воздерживался от спиртного, а также подвергал себя телесным испытаниям, например, долго лежал на гвоздях, чтобы понять, что он способен вынести. Вся его жизнь посвящена служению народу. Он читает только серьезную, полезную литературу, отвергая легкомысленные книги, как, например, «Историю Англии» Маколея. Его утилитаризм распространяется и на личные отношения. Он говорит лишь с теми, кто имеет авторитет у других. Менее значимым людям он с пренебрежением отвечает: «Прошу простить, у меня мало времени»{151}.

Рахметов целенаправленно развивает в себе все эти качества, чтобы в будущем быть способным разжечь революцию. Понятно, что многие молодые люди, прочитав роман, стали подражать Рахметову. «Велика масса честных и добрых людей, но такие, как Рахметов, – большая редкость, – говорится в романе. – Мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы»{152}. Казалось, Чернышевский призывал к необходимости организации, куда входили бы современные рациональные люди, образованные и при этом сохранившие связь с простым народом. Только они могли свергнуть старый и слабый режим неравенства.

Герои Чернышевского были жестоко высмеяны Достоевским в повести «Записки из подполья», опубликованной в 1864 году. Его «ушедший в подполье» герой утверждает свое достоинство, подражая Лопухову, отказываясь уступать дорогу офицеру. После нескольких дней приготовлений к столкновению с офицером он все же сталкивается с ним, но все заканчивается комично: неясно даже, заметил ли надменный офицер этот революционный жест{153}.

Циничный ответ Достоевского, однако, не был типичной реакцией на роман, по крайней мере молодых читателей. Роман Чернышевского стал своего рода библейей поколения молодых радикально настроенных российских студентов. Либеральные реформы Александра II коснулись и сферы образования: университеты расширились, студентами могли становиться и незнатные люди. Правительство надеялось, что они, получив образование, пойдут вверх по карьерной лестнице, будут служить имперской бюрократии и пополнят новыми талантами правительство. На деле же возникла новая радикальная субкультура студенчества, нетерпимого по отношению к мракобесию царского режима, увлеченного наукой и стремившегося дать людям свободу. Радикализм 1860-х и 1870-х годов стал образом жизни русского студента, а ровно через сто лет ему предстояло стать образом жизни студентов Запада. Студенты бросали вызов авторитетам: они ходили в тряпье и открыто выражали свое неуважение в разговоре. Один из современников вспоминал, что наиболее радикальной группой были студенты-медики, открыто выражавшие свои взгляды: «Голубые очки, длинные волосы, красные рубахи, не заправленные, а подпоясанные – так можно было узнать студента-медика». Радикально настроенные студентки носили черные пуританские платья и коротко остриженные волосы. Нестандартные костюмы способствовали духовному объединению «апостолов знания», которые стремились посвятить себя простым людям, находящимся во мраке невежества{154}.

Однако и среди студентов возникали острые разногласия, в частности по вопросу о том, как эффективнее нести социализм в массы. Современник вспоминал, как два пути конкурировали между собой за признание студентами: «Мы получаем серьезное, научное, всестороннее глубокое образование, чтобы исполнить долг чести перед народом, которому мы хотим служить. Только тогда мы сможем с чистой совестью стать духовными лидерами революции. Некоторые насмешливо кричат: “Ваше дело – учеба!” [Это означает] отказ и отдаление отдела революции. Ведь не в университетах, не из книг, а из непосредственного взаимодействия с народом, с рабочими можно получить знания, необходимые для продолжения революционного дела»{155}. Чернышевский поддерживал первый аргумент, однако за свои политические взгляды{118} он был арестован и сослан в Сибирь с 1862 по 1883 год{119}.

Наследником его идей, главным его сторонником стал аграрный социалист{120} Петр Лавров. Западник Лавров настаивал на том, что студенты должны освоить науки для того, чтобы подготовить новый порядок, а не разрушительную революцию{121}. Как упоминалось выше, Лавров, никогда не считавший себя марксистом, был первым русским социалистом, наладившим контакт с марксистами Западной Европы{122}, и находился среди тех, кому Энгельс рассылал рождественские пудинги. Михаил Бакунин отстаивал второй аргумент в этом споре. Он считал, что западная культура была насквозь буржуазной и мещанской{123} и студентам следовало объединиться с крестьянами и впитать

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org от них культуру коллективизма, воплощенную в традиционной крестьянской общине{156}. Бакунин полагал, что именно крестьянская революция, уходящая корнями в русский разбойничий бунт, окончательно покончит с чужеродной для русского государства «немецкой»: «Разбойник – это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя установленного государством... боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации»{157}.

Спор Лаврова и Бакунина отчетливо напоминал конфликт между модернистским и радикальным марксизмом[124]. Однако в отличие от Маркса, они оба верили в революционный потенциал крестьянства – свято верили, так как в России еще не было многочисленного пролетариата. Однако ни стратегии Лаврова, ни стратегии Бакунина не могли повлиять на консерватизм режима[125]. Притеснение со стороны властей обусловило обращение к революционному насилию. Знаменательным стал провал движения лавровцев[126] «Хождение в народ» в 1874 году. Более тысячи молодых людей бросили города и отправились в деревни к крестьянам. Одевшись в крестьянскую одежду (мужчины в красных рубахах и широких штанах, девушки в белых сорочках и юбках), они ходили по деревням в надежде просветить их, вдохновить на восстание и требование перераспределения земельной собственности. Молодые интеллектуалы и крестьяне редко находили общий язык. И все же к провалу движения привела не враждебность крестьян, а правительственные репрессии. Молодых идеалистов арестовывали многочисленными группами. Их судили на открытых процессах в 1877-1878 годах{158}. Казалось, полученный урок был ясен: радикальное движение должно было стать тайным, конспиративным, лучше организованным. Возникшее в 1879 году, одно из течений русского социалистического движения «Народная воля»[127] послужило образцом для всех террористических организаций современности. «Народная воля» имела структуру пирамиды, отдельные ее ячейки были организованы так, что члены одних ячеек в целях конспирации ничего не знали о деятельности других ячеек. Народовольцы первыми использовали новый прием борьбы, изобретенный предпринимателем Альфредом Нобелем, – подрывную деятельность. В 1879 году они совершили покушение на Александра II[128]. В 1881 году Александр II погиб в результате террористического акта: в его экипаж народовольцами были брошены две самодельные бомбы.

Последовавшие за убийством императора жестокие репрессии только укрепили в своих убеждениях террористов-народовольцев и их выдающегося теоретика Петра Ткачева[129]. Сын небогатого помещика, Ткачев утверждал, что только действиями «революционного меньшинства» в стране установится социализм. В 1880-е годы образцом для подражания и примером для русской молодежи становился Рахметов, затмивший Веру и Кирсанова. Один из членов террористической организации народовольцев, соратник группы «1 марта», участник заговора с целью убийства Александра III, Василий Осипанов подражал Рахметову тем, что спал на гвоздях. Роман «Что делать?» был любимым произведением еще одного члена группы «1 марта» – Александра Ульянова, а после его казни повлиял и на его брата Владимира, ставшего впоследствии Владимиром Лениным.

Русские социалисты продолжали организовывать теракты на протяжении 1890-х годов, убивая чиновников, среди которых было несколько министров[130]. По подсчетам одного исследователя, за 20 лет (до 1917 года) от рук террористов погибли 17 тысяч человек[131].{159} Между тем ответные действия охраны (секретной полиции) также часто были довольно успешными. Например, в 1908 году[132] был разоблачен секретный агент охраны Евно Азеф, являвшийся одновременно одним из лидеров террористов.

Вектор политики изменил свое направление после начавшегося в 1891 году ужасного голода[133]. Царизму не удалось справиться с кризисом, что побудило всю образованную общественность принять меры по предотвращению голода. Казалось, теперь социалистов просто необходимо было привлечь к мирному реформированию. Однако оставалось ясно, что возврат к политике Лаврова 1870-х годов невозможен. Россия стремительно превращалась в индустриальную страну, а голод окончательно разрушил укоренившиеся идеализированные представления о деревне. Былая вера аграрных социалистов в то, что крестьянская община – русский дар мировому социализму, который в модернизированном виде станет началом идеального общества, разрушилась и уже не подлежала восстановлению[134]. Сельское хозяйство и крестьянство оказались безнадежно отсталыми и воплощали собой русскую азиатчину. Социалистам был необходим новый революционный класс. Наличие этой лакуны объясняет обращение к марксизму[135]. Принципы марксизма предлагали

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org альтернативу царскому порядку, а также обещали передовому – рабочему – классу путь от отсталости к прогрессу. Кроме того, эти принципы были «научными» и «западными». Революционер Николай Валентинов, товарищ Ленина, вспоминал: «Мы обеими руками хватили марксизм потому, что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм, разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями... Нас привлекало в марксизме и другое: его европеизм. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым. Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный политический строй. Запад нас манил»{160}.

Марксизм был принят русскими социалистами в его модернистской разновидности. России с ее запоздалым развитием нужно было сначала достичь развитого капитализма, а до социализма как такового было еще очень далеко. Не всем известно, что первым языком, на который перевели «Капитал» Маркса, был русский. Когда «Капитал» доставили Скуратову, одному из царских цензоров, которому поручили прочитать половину произведения в 1872 году, он доложил: «Можно с уверенностью утверждать, что немного людей в России прочтет это, а еще меньше – поймет»{161}. Он сделал вывод, что «Капитал» можно опубlikовать. Многие считают это самой главной ошибкой царской цензуры с тех пор, как за 9 лет до этого она же допустила к печати «Что делать?». Русское издание «Капитала», первый перевод с немецкого оригинала, было чрезвычайно популярно среди русской читающей публики. Его русские тиражи значительно превзошли первый гамбургский тираж. Скуратов оказался прав в том, что его поймут немногие, по крайней мере в первое время. Как аграрные социалисты[136], так и официальная царская пресса приняли его с восторгом как предупреждение о капиталистическом кошмаре детского труда и дьявольских мельницах [выражением *satanic mills* в Англии времен промышленной революции обозначались мануфактуры из-за их разрушительного воздействия на природу]. Несмотря на то что сам Маркс к концу жизни полагал, что Россия сможет уклониться от капитализма, сохранив общину, послание «Капитала» было противоположным: капитализм неизбежен. В 1883 году «Капитал» лег в основу доктрины первой марксистской организации в России «Освобождение труда», созданной в эмиграции революционером Георгием Плехановым. Плеханов отошел от веры аграрных социалистов в крестьянство и твердо заявил, что Россия не будет готова к социализму до тех пор, пока не пройдет мучительную стадию капитализма и либерализма. Рабочий класс под руководством интеллигентов социал-демократической партии осуществит революцию против автократии, которая приведет лишь к либеральной демократии и только на более поздней стадии – к социализму. Доктрина Плеханова стала ортодоксальной для русского марксизма, как социализм Каутского – для Второго интернационала.

Тем не менее соответствие марксизма Каутского условиям России можно было оспорить. Этот марксизм развивался в полудемократических обществах с быстро растущей промышленностью, где рабочие постепенно становились частью политической системы, а расширяющаяся либеральная демократия, казалось, служила интересам рабочего класса. В России, напротив, более жесткие репрессивные меры со стороны правительства привели к другой ситуации. Как и баварский рабочий Николаус Остеррот, российские студенты-радикалы 1890-х и 1900-х годов представляли свою жизнь как путь от «темноты» к «свету». Они становились «новыми», «сознательными» людьми, участвующими в жизни города и укреплении позиций социализма. Однако в России они являлись воинствующим сообществом, отслеживаемым полицией. Их традиции были присущи черты морализма и зловещего манихейства. В этой традиции благородные студенты, исполненные героизма, противостояли злым шпионам. В целях выявления врагов и очищения от них организации действовали «суды чести», на которых обвинители разбирали общественную и личную жизнь обвиняемых (подобная практика будет применяться позже партией большевиков). Неудивительно, что в условиях постоянной угрозы появилось более радикальное, фанатичное отношение к политике, бросившее вызов традиции Каутского, допускающей компромиссы{162}.

IV

Человеком, приложившим принципы социализма чернышевского[137] к

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org современному ему миру, а модернистский марксизм Второго интернационала к реалиям России, был Владимир Ульянов (Ленин). Образование и личные качества Ленина как нельзя лучше подходили человеку, который должен был стать модернизатором и распространителем европеизма. Хотя его отец был знатным человеком, к которому обращались «ваше превосходительство», ошибкой стало бы полагать, что в семье Ульяновых почитались аристократические ценности. Отец Ленина был педагогом и дослужился до должности директора народных училищ Симбирской губернии. Родители Ленина имели смешанное происхождение: в роду отца были исконно русские, а также представители туземного народа Волги (чуваш), его мать – лютеранка шведско-немецкого происхождения по матери и еврейского по отцу. Таким образом, Ульяновых можно было считать людьми амбициозными, посторонними в высшем круге, но стремившимися к успеху и ассимиляции, надеявшимися передать своим детям стремление добиться высокого общественного положения{163}. Они представляли многочисленную образованную общественность, желавшую посвятить себя росту благополучия России и ее народа, оставшись при этом преданными царю. Ульяновы поддерживали прогрессивные реформы и идеи позднего Просвещения. Лютеранство и немецкое происхождение Марии, матери Ленина, во многом повлияло на проевропейское мышление членов семьи, которое Ленин проявит позднее, например сравнивая русскую лень и еврейскую и немецкую дисциплину не в пользу первого качества{164}. Происхождение Ленина, как видим, во многом походило на происхождение Маркса: образованная семья, принадлежавшая национальному меньшинству, стремившаяся ассимилироваться с привилегированным большинством при старом режиме, при этом остающаяся верной идеям Просвещения и стремлению помочь народу преодолеть отсталость и темноту. Это были одни из многих детей первого поколения представителей ассимилировавшегося меньшинства, восставших, убежденных в том, что их родители принимают власть как приспособленцы и подхалимы. Несмотря на вышеописанное сходство, характер Ленина сильно отличался от внутреннего склада Маркса. Ленин никогда не был романтичным социалистом-утопистом, а также бунтарем в детстве. У него всегда оставались хорошие отношения с отцом. В школе он был образцовым учеником. В характеристике, данной ему директором Симбирской гимназии после ее окончания, говорилось: «В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина» (характеристика, полученная не от кого иного, как от Федора Керенского, отца Александра Керенского, будущего главы Временного правительства, свергнутого Лениным в 1917 году){165}. Вся жизнь Ленин придерживался правил буржуазной «разумной дисциплины». На его столе всегда был безупречный порядок, он аккуратно обращался с деньгами, был экономным (он даже отрезал от писем кусочки чистой бумаги и сохранял для повторного использования) и с презрением относился к более богатым соиздателям марксистской газеты «Искра»[138].{166}

Неудивительно, что Ленин восхищался немецким порядком, особенно их почтой. По словам его жены, Надежды Крупской, когда Ленин был выслан из России и жил в альпийской деревне, он «восхвалял» Швейцарию и особенно ее почтальонов, доставивших ему его ценные книги, благодаря чему он мог работать над своими произведениями{167}. В 1917 году он едва ли не всерьез описывал немецкую почтовую службу как модель будущего социалистического общества{168}.

И все же Ленин должен был направить свою буржуазную дисциплину на службу революции против буржуазии. Казнь его брата Александра за участие в революционной террористической организации многое предопределила для Ленина. Он испытывал притеснения со стороны властей как член семьи преступника[139]. Ему в наследство остался не только пример Александра, но и его книги, среди которых был роман «Что делать?». Позже Ленин заявлял, что этот роман «глубоко его перепахал». Он говорил: «Он перевернул меня. Эта книга из тех, которая меняет человека на всю оставшуюся жизнь». Н. Валентинов писал: «Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»{169}.

Возможно, эта книга повлияла и на возникновение любовного треугольника, куда входил сам Ленин, его жена Н. Крупская и возлюбленная, будущий теоретик социализма Инесса Арманд{170}.[140] у Рахметова Ленин перенял пуританскую преданность делу революции и прагматический отказ от всего, что может принести ему вред. Хотя он не ел сырую говядину, не спал на гвоздях и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org имел слабое здоровье, он укреплял себя гимнастикой, что было редким явлением среди его коллег-революционеров.

В 1887 году сразу после смерти брата Ленин поступил в Казанский университет, но вскоре [141] был исключен за участие в студенческих беспорядках. Он ненадолго примкнул к аграрным социалистам, но через некоторое время увлекся модернистским марксизмом Плеханова [142]. В 1893 году, мечтая стать революционером и теоретиком марксизма, Ленин приехал в Санкт-Петербург. В революционных кругах он приобрел славу яркого оппонента аграрного социализма. Однако Ленин значительно отличался от остальных русских марксистов своего времени. Он разумно оценивал трудности, стоявшие перед марксистами России, где капитализм только зарождался [143]. Он был уверен, что из-за этих трудностей Россия обречена на долгий и мучительный путь к социалистическому будущему, и все это время радикалы вынуждены будут терпеть буржуев в цилиндрах и их дьявольские мельницы [144]. В этом он видел главную трудность, так как сильнее, чем остальные марксисты, ненавидел буржуазию как класс и особенно враждебно относился к таким «буржуазным» идеям, как либеральная демократия и власть закона. По словам его жены, его отношение к либеральной буржуазии было отравлено еще в юности, когда после ареста его брата Александра местное общество отвернулось от его матери, она не могла найти никого, кто сопровождал бы ее в Петербург повидаться с арестованным сыном [171]. Его личный жизненный опыт лишь укрепил его во мнении, разделяемом многими российскими марксистами, что русская буржуазия трусливо заискивала перед аристократией и царизмом. Ленин горячо поддерживал идеи, выраженные в манифесте первой Российской социал-демократической партии: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата» [145]. [172] Его ненависть к существующему порядку, несомненно, возросла после заключения (1895) [146] и ссылки в Сибирь (1897).

Ленин, таким образом, искал повод дать толчок революционному процессу. Он спешил больше, чем кто бы то ни было из его соратников по модернистскому марксизму. Большинство из них были счастливы поразмышлять о будущем при временной гегемонии буржуазии. Однако мнение Ленина о тех силах, которые должны «ускорить» историю на пути к социализму, менялось в зависимости от обстоятельств. Чаще всего он думал о заговорщической элите как о модернизаторах и ускорителях исторического процесса, оглядываясь на Чернышевского и Ткачева. Но хотя ставка на элиту была его основной позицией [147], он не всегда верил в ее революционный потенциал. Марксизм Ленина был очень гибким, и он адаптировал его к условиям России, где лишь немногие рабочие и крестьяне отличались радикализмом. Если в народе нарастали бунтарские настроения, Ленин становился первым народником [148] среди других марксистов и склонялся к радикальному марксизму. С 1902 года он с большей верой, чем другие российские марксисты (и уж тем более немецкие), смотрел на крестьян как на революционный класс, хотя большевизм всегда настороженно относился к крестьянской «отсталости».

* Вернувшись из сибирской ссылки в 1900 году и решив, что в России оставаться рискованно [149], Ленин на несколько лет уехал в эмиграцию, жил в Цюрихе, Мюнхене, Лондоне. Где бы он ни был, он жил и дышал революционной политикой среди немногочисленных революционеров-изгнанников. Он продолжал настаивать на неизбежности революции, например, в известной работе «Что делать?» 1902 года. Группа российских марксистов (так называемых экономистов) приняла в качестве доктрины ревизионизм Эдуарда Бернштейна, настаивая на том, что, раз революция произойдет не скоро, марксисты обязаны помочь рабочим в совершенствовании условий их жизни и повышении заработной платы. Ленин с сильным раздражением отреагировал на эту «ересь» [150]. У марксистов должна была быть цель: вдохновлять рабочих с помощью коммунистических идей. Самостоятельно рабочие способны дорости до «профсоюзного» сознания и желания улучшить условия жизни. «Социал-демократическое» сознание и желание радикально изменить политику должны быть привнесены рабочим извне революционной интеллигенцией, обладающей глубокими знаниями марксистской идеологии. Но эту интеллигенцию будет представлять не группа теоретиков марксизма, как полагал Каутский [173]. Ею станут «профессиональные» революционеры, идеологически «сознательные», действующие тайно, способные превратить русский радикализм в эффективный западный, даже когда полиция становится более репрессивной [174]. Он утверждал, что партия должна быть централизованно организована, как «большой завод» [175]. Прототипом таких революционеров, современных и конспиративных, был, разумеется, Рахметов Чернышевского,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org которому Ленин отдал дань в названии своей работы{176}.

Ленинская идея создания централизованной передовой партии с самого начала не вызывала противоречий среди марксистов. Если рассуждать строго идеологически, эта идея не была такой уж новой{177}. Однако представления Ленина об идеальной партийной культуре сильно отличались от представлений Каутского (и даже Маркса). Подходу Ленина к политике были присущи милитаризм, фанатичность и враждебность к компромиссу. Он был убежден, что его соратники отказывались от серьезных приготовлений к революции, которую он считал неизбежной. Они, наоборот, были уверены, что он слишком оптимистичен в отношении конца старого порядка, авторитарен и слишком враждебен по отношению к буржуазии. Первый значительный конфликт, расколовший партийцев, произошел в 1903 году при обсуждении определения члена партии. Ленин настаивал на том, что членами партии могут быть только партийные активисты. Юлий Мартов, один из издателей газеты «Искра», выступал за более широкое определение члена партии. Ленин был в меньшинстве, однако поскольку некоторые оппоненты Ленина ушли перед голосованием, его фракция получила большинство голосов. Члены фракции, получившей большинство, стали называться большевиками{151}. Группу Мартова назвали меньшевиками. Впоследствии Ленин усугубил конфликт, выступая в агрессивной повелительной манере. Даже он сам признавал, что «действовал в состоянии ужасного раздражения и бешенства»{178}. Он также отделился от международных марксистских лидеров, включая Плеханова, Каутского и Розу Люксембург.

Ленин оказался более дальновидным, чем его соперники меньшевики, поскольку революция в России все же произошла два года спустя{152}. Сдача российской дальневосточной военно-морской базы Порт-Артур (Льюшунь) японцам в декабре 1904 года оказалась еще более унижительной для царского режима, чем поражение от британцев в Крымской войне. Впервые европейская мощь пала от азиатов, сражающихся без союзников. Неудивительно, что при таком положении дел скрытое напряжение в российском обществе вылилось в открытый конфликт. Православный священник отец Гапон использовал возможность{153} и выступил с требованиями от лица городских рабочих. Он организовал массовое шествие, в котором участвовало от 50 до 100 тысяч человек, что привело к событиям, известным как Кровавое воскресенье. Это была мирная процессия: с иконами в руках рабочие шли с петицией царю. Петиция была созвучна патерналистской риторике царя. Однако требования отличались радикализмом. Они включали демократизацию избирательного права{154}, легализацию профсоюзов и гражданские права для всего населения. Полиция объявила шествие незаконным. После отказа толпы рассеяться войска произвели беспорядочные залпы по мирным безоружным людям.

По воспоминаниям очевидцев, среди ружейных залпов Гапон кричал: «У нас больше нет бога! Больше нет царя!»{179} Естественно, необоснованная жестокость по отношению к народу окончательно разрушила образ царя как милосердного отца. Было ясно, что его модель наследственной политики не принесет рабочим и крестьянам того, чего они хотели. Рабочие ответили на эту жестокость созданием нового органа – совета рабочих депутатов, призванного управлять забастовками{155}. Советы основывались на принципах прямой демократии, почти как Парижская коммуна. В теории рабочие могли отозвать депутатов. Иногда в советы избирались социалисты (так, Лев Троцкий был председателем Петербургского Совета рабочих депутатов{156}). Именно социалисты организовали всеобщую забастовку{157}, вынудившую царский режим издать Октябрьский манифест{158}, гарантировавший выбор законодательного органа – Государственной думы – и гражданские свободы. Тем не менее роль социал-демократов в революции была скромной. Революция стала общим делом нескольких классов и партий. Как в 1830 и 1848 годах, революцию поднял и либералы, рабочие{159} и немногочисленные социалисты, объединившиеся против автократии.

Ленин был вдохновлен революцией. Октябрьский манифест убедил его в безопасности возвращения в Россию. Теперь он был связан с большинством левых марксистов российского движения (в том числе с группой «Вперед» Александра Богданова), уверенных в том, что пролетариат способен построить социализм в ближайшем будущем{180}. Никто, однако, не заходил в своих взглядах так далеко, как Лев Троцкий. Он утверждал, что Россия готова к революции, которая за одну стадию должна осуществить переход от буржуазной демократии к социализму{160}.

Ленин настаивал на том, что «революционно-демократическая диктатура

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org пролетариата и крестьянства» должна проводить буржуазную революцию, в отличие от умеренных меньшевиков, которые выступали за союз рабочих со средним классом[161].{182}

На деле революция 1905 года последовала по пути своих европейских предшественниц 1848 года, завершившихся неудачей[162]. Либералы, удовлетворенные Октябрьским манифестом и боявшиеся радикализма рабочих и крестьян, покинули революционное движение[163]. Тем временем представители царского режима сориентировались и использовали вернувшиеся с Дальнего Востока войска для подавления крестьянских волнений. В декабре московские рабочие оказали последнее сопротивление, обреченное на провал. Рабочие на Пресне возвели баррикады и объявили об учреждении местной формы рабочего правительства. Но рабочие не могли сопротивляться правительственной артиллерии: последовала кровавая бойня, и пресненское восстание было задушено[164].

Положение дел для социалистов ухудшилось, и в декабре 1907 года Ленин снова был вынужден уехать в эмиграцию в Швейцарию. Он много читал и писал. Начал он с философии, однако с приближением войны все больше сосредотачивал свое внимание на последних работах о капитализме и империализме таких авторов, как Люксембург, многообещающий русский марксист Николай Бухарин, влиятельный австрийский марксист

Рудольф Гильфердинг. Гильфердинг убедил Ленина в том, что давняя борьба между мелкими предпринимателями породила жестокую борьбу государств за новые рынки, которая привела к экспансии империализма и войне мощных сил[165]{183}. Капитализм проявил свою глубокую безнравственность. Капиталисты перестали прикидываться либеральными гуманистами. Они превратились в расистов и социальных дарвинистов, оправдывающих свои интересы воинствующим национализмом. В то же время современный капитализм стал высоко централизованным, подготовив почву для социалистического планирования.

Ленин, постоянно следивший за признаками надвигающейся гибели капитализма, ухватился за предсказания Гильфердинга. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1915[166] и опубликованной в 1917 году, Ленин осудил капиталистов и Второго интернационал Каутского за поддержку войны{184}. Он также последовал за радикальными теоретиками концепции империализма в утверждении о том, что если капитализм, как они утверждают, становится глобальной системой, то таковой может стать и революция. Если империалистические государства использовали в своих целях колониальные страны, то социалистическая революция также могла произойти в «полуотсталых» странах. В России может начаться борьба с капитализмом, однако, как полагал Ленин, при поддержке социалистических революций в более развитых государствах. Ленин также утверждал, что марксисты могут осуществить революцию в колониальных странах, в результате чего колонии получат политическую независимость от империализма, несмотря на то что капитализм там глубоко укоренился, а социализм был далеко. Работа Ленина заложила основы для слияния марксизма и антиколониального национализма. Как будет видно далее, эта работа сыграет важную роль в распространении коммунистических идей в неевропейском мире.

Немногие в России читали «Империализм» Ленина, однако основная функция этого труда состояла в том, чтобы автор объяснил самому себе и своим соратникам по революции, что история была на их стороне. В 1917 году, когда царизм пал[167], рабочие и крестьяне действовали так же, как в 1905 году, учреждая советы[168], революционные комитеты и другие органы самоуправления. Ленин и большевики теперь были в состоянии предложить твердую и более целостную альтернативную форму управления.

v

В 1913–1916 годах ведущий писатель-символист Андрей Белый (1880–1934) опубликовал свой великий модернистский роман «Петербург». Петербург становился главным героем и в более ранних романах, однако Петербург Белого не был похож на Петербург из романов Чернышевского и Достоевского. Тревожный Петербург 1905 года, окруженный «кольцом многотрубных заводов», испускающий угрожающий крик революционного пролетариата «ууу–ууу–ууу»{185}. Царский сановник Аполлон Аполлонович Аблеухов, бывший реакционер, становится воплощением рационального модернизатора (согласно Ницше, чьи произведения были чрезвычайно популярны в то время, Аполлон – бог разума).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Холодный Аполлон Аполлонович любит смотреть на планомерные кубы домов и прямые линии улиц Петербурга. Он окружает себя произведениями неоклассицизма, среди которых есть одна картина Давида. Однако с его складом ума ему не удастся контролировать не только сына-радикала, но и Россию, он напуган революционными силами, растущими вокруг него{186}. Другие воплощения разума в романе так же слабы и неэффективны, хотя и более жестоки. Революционер Дудкин и его наставник Липпанченко (портрет Е. Азефа) насаждают догмы и жестокое поведение. К Дудкину приходит оживший Медный всадник, «металлом проливающийся в его жилы», обращающийся к нему «сын мой»{187}. И все же Медный всадник и дух модернизма ничего не решают, а лишь дают начало волне мести и насилия{188}.

Для Белого, как и для Пушкина, Медный всадник, конь под которым, встав на дыбы, двумя ногами стоит на русской земле, а двумя сотрясает воздух, был символом русских метаний между двумя сторонами: исконной традиции простого русского народа и холодного рационализма Петра Великого{189}. Однако Белый был уверен, что ни царские чиновники, ни революционеры не способны примирить эти стороны. Он верил, что только апокалипсис, под которым он понимал «восточную» силу революционных низов, позволит России справиться с бедствием и совершить «скачок в истории»{190}. В основном Белый ошибался[169]. Революция не объединила разобщенное общество России. Однако он предсказал события 1917 года. Силам низов предстояло сокрушить медных всадников России, будь то сторонники царизма, либералы или большевики.

Начало войны в 1914 году ознаменовало собой третий и последний кризис царского режима в России со времен 1815 года. Анатолий Савенко[170], лидер националистической партии, говорил: «Война – это экзамен, серьезный экзамен». Это испытание было намного тяжелее всех предыдущих, стоявших перед царизмом в прошлом{191}. Германия, главный враг России, объявила всеобщую военную мобилизацию людей, продовольствия, промышленной продукции. Старорежимная Россия, недавно вставшая на путь реформ, не имела преимуществ в этой борьбе. Не доверяя обществу в целом (как элите, так и простым людям), государство столкнулось с серьезной проблемой, попытавшись заручиться поддержкой народа в военном производстве. Российские фабрики не могли изготовить достаточно боеприпасов и снаряжения, необходимых войскам, без чего Россия не могла продолжать войну. Слабая структурная организация, устаревшие технологии, например неэффективное рытье окопов[171], привели к крупным поражениям в Галиции и Польше. К августу 1915 года российская армия потеряла 4 миллиона солдат убитыми, ранеными или плененными.

Кризис вынудил царя к началу реформирования режима, и начал он с чиновников, аполлонов аполлоновичей. Теперь представителям «общества», образованным людям, причастным к модернизации, позволялось участвовать в военном деле[172].

В некотором отношении этот шаг был успешным: к 1917 году Россия разбила армию Габсбургов[173] и производила больше снаряжения, чем Германия{192}. И все же попытки российской монархии превратить старорежимную Россию в мобилизованное национальное государство, по образцу Германии, только приблизили ее конец. Особенно плачевный результат имели попытки режима реформировать продовольственную систему. Группа министров-модернизаторов в союзе со специалистами, куда входил будущий автор метода планирования при большевиках, экономист-меньшевик Владимир Громан, попыталась заменить рынок зерна его закупками под контролем государства. Режим не справился с организацией закупок и транспортировки продовольствия, к тому же крестьяне отказывались продавать зерно по предложенным государством низким ценам{193}.

Образованное общество обвинило царя в экономических и военных неудачах. К обвинениям в несостоятельности добавлялось более серьезное обвинение в государственной измене. Многие верили, что императрица Александра, немка с английским воспитанием и образованием, была участницей германского заговора против России, целью которого был саботаж военных действий. Царской семье, связанной кровным родством с аристократами всей Европы, не хватало патриотизма, чтобы объединить Россию и поднять ее против врагов. С 23 февраля[174] 1917 года Петербург[175] охватили протесты рабочих, мятежи солдат[176], забастовки против нехватки хлеба. Защищать режим было практически некому.

На время российское общество объединилось в борьбе за свободу и демократию. Казалось, Россия по-своему переживает 1789 год, и многие соглашались с этим

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org сравнением. Марсельеза стала гимном нового режима и теперь звучала отовсюду. Формы обращения, основанные на старой системе иерархии, были отменены. Им на смену пришли слова гражданин и гражданка{194}. Имитировались даже французские революционные торжества. В Летнем саду Петербурга планировалось «грандиозное карнавальное зрелище», где кроме всего прочего можно было увидеть картонный макет Парижа XIX века{195}. Хотя роль социалистических партийных организаций в февральской революции была минимальной[177], новая символика показала, насколько более радикальным было движение по сравнению с его французским предшественником. Над Зимним дворцом развевался не российский триколор, а красный флаг социалистов, надолго ставший национальным флагом. В это же время символ крестьянский и рабочих масс – серп и молот – впервые появился на Мариинском дворце, где заседало Временное правительство{196}.

Несмотря на очевидное единство, вскоре вновь появились признаки разъединения образованных либералов с одной стороны, и рабочих и крестьян – с другой. Наряду с обращением гражданин можно было услышать слово товарищ – обращение социалистов. У традиционной Марсельезы, которая была переведена на русский язык и использовалась как гимн, как похвала национальному единству, появился конкурент – социалистическая версия гимна под названием «Рабочая Марсельеза». Новый гимн призывал «бить, губить» «злодеев проклятых» – «собак», «богатых». Существовал и еще один конкурент, предпочитаемый всеми марксистскими партиями, – антинационалистический «Интернационал». Слова «Интернационала» были написаны на мелодию «Марсельезы» одним из участников Парижской коммуны в 1871 году. В 1888 году у «Интернационала» появилась своя мелодия{197}. Разногласия по поводу символов с самого начала февральской революции были подкреплены разногласиями институтов власти, возникшими из-за «двоевластия». Временное правительство, членами которого являлись в основном представители имущих образованных классов, управляло страной наряду с Петроградским Советом, выбранным низшими классами[178].

Изначально Временное правительство состояло из либералов. С марта[179] в него вошли меньшевики и социалисты-революционеры (эсеры), члены Совета. В июле Временное правительство возглавил умеренный социалист Александр Керенский. Правительство придерживалось принципов либеральной демократии и власти закона. Оно объявило себя временным органом власти до проведения всеобщих равных выборов в Учредительное собрание. Оно также было намерено продолжать войну против немцев, несмотря на то что с весны действия русской армии были исключительно оборонительные[180].

Однако Временному правительству, как и царским министрам-реформаторам, не удалось заручиться поддержкой рабочих и крестьян в его видении новой России. Политический и культурный разрыв между имущей образованной элитой и народными массами был слишком велик[181]. Правительство попыталось достичь компромисса в военном вопросе, продолжая вести войну, но отказавшись от экспансионистских целей царизма[182]. После провала наступательной операции в июне[183] правительство уже не контролировало армейскую дисциплину. Созданные Советом солдатские комитеты считали своим правом решать, подчиняться приказам офицеров или нет{198}. С продовольственным кризисом на селе Временное правительство пыталось бороться, поддерживая государственную монополию на зерно, однако крестьяне по-прежнему не желали его выращивать и продавать[184]. Это дало начало крестьянским требованиям прав на землю, пока еще тихим и осторожным[185]. Вскоре правительство утратило контроль и над крестьянами, захватывавшими собственность помещиков, не боясь возмездия.

Временное правительство пошло на уступки рабочим. Уступки касались заработной платы и условий труда[186], однако этого было недостаточно. Конфликты между владельцами фабрик и заводов и рабочими еще больше обострились. Управляющие, увольнявшие рабочих, обвинялись в саботаже, заводские комитеты рабочих требовали прав на установление «рабочего контроля» на заводах и фабриках{199}. В сентябре по стране прокатилась волна забастовок.

К лету 1917 года народ начал говорить на языке классовой борьбы. Повсеместно звучали требования передать полномочия управления советам и ликвидировать Временное правительство, которое, как многие заявляли, не могло быть «народным представительством»[187].{200} В резолюции, принятой в сентябре солдатским комитетом 92-го транспортного батальона, говорилось: «Товарищи! Нам пора проснуться!.. Пора стряхнуть с себя чары буржуазии,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org пора избавиться от этой гноящейся корки, чтобы она больше не препятствовала революции... Народ может положиться только на себя самого. Он не должен протягивать товарищеской руки ненавистному врагу. Пора сбросить этих "спасителей революции", которые присосались к телу страны, словно пиявки»{201}.

В некоторых случаях такой стиль выявлял сторонников социализма и марксизма. Анна Литвейко, рабочая украинской фабрики, будущий член комсомола (Коммунистического союза молодежи), вспоминала свой юношеский идеализм: «Мы думали, что коммунизм наступит сразу после того, как власть перейдет советам. Деньги даже не упоминались: нам было ясно, что деньги сразу же исчезнут... Наши мнения об одежде, однако, разделились: некоторые из нас отвергали даже эту форму собственности. И все же, как должны были одеваться члены нового общества?... Я лично не могла расстаться со своими лентами и косами. Означало ли это, что я была ненастоящей большевичкой? Но я была готова отдать жизнь за революцию!»{202}

Большинству простых людей был присущ не марксизм, а глубоко укорененное народническое мировоззрение. Привычным оскорблением стало словечко социалистов «буржуй», а революционные настроения больше разжигались моральным осуждением оставшихся старорежимных ценностей, чем марксистской экономической критикой эксплуатации. В письме с фронта один офицер отмечает глубоко укоренившееся чувство неприязни, которое его подчиненные проявляли по отношению к командованию: «Каким бы ни было их личное отношение к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах лишь господами... Они считают произошедшее не политической, а социальной революцией, в которой мы – проигравшие, а они – победители... Раньше управляли мы, теперь они сами хотят управлять. В них говорят неотомщенные обиды минувших столетий. Мы не можем найти с ними общий язык. Это проклятое наследство старого порядка»{203}. Это было весьма проницательное наблюдение. Требование признания достоинства, выдвигаемое студентами Чернышевского и клерками в 1860-х, с 1890-х годов стало выдвигаться и рабочими. Многие жалобы рабочих 1917 года касались грубости вышестоящих[188]. Первый документ Петроградского совета, Приказ № 1, касавшийся армии, запрещал офицерам использовать «грубое обращение к солдатам на «ты» и постановлял говорить им «вы»{204}.

Таким образом, рабочие[189] все настойчивее требовали передачи власти организациям, состоящим из простых людей (советам, а также рабочим, солдатским и крестьянским комитетам) и отстранения высших классов от политики. Это не значит, однако, что они всегда выступали против государственной власти. На самом деле они обычно требовали, чтобы именно государство приняло жесткие меры в интересах народа против его врагов. Делегаты съезда 6-го армейского корпуса постановили в октябре: «Страна нуждается в твердой демократической власти, основанной народом и ответственной перед ним»{205}. Неудивительно, что во время голода, транспортного кризиса и беспорядков народ надеялся на сильное государство и обвинял Временное правительство в слабости.

Популярная идея о том, что народ должен участвовать в борьбе против имущих и построить мощное централизованное народное государство, возможно, и не была в основе своей марксистской, но она, казалось, была созвучна идеям Ленина, по крайней мере, недолго, в середине 1917 года[190]. Свою политическую программу он наиболее ясно представил в труде «Государство и революция», написанном во время его пребывания в Финляндии[191]. В этой значимой работе он объединяет модернистский марксизм с его идеями планирования и централизации с радикальным марксизмом и идеями пролетарской демократии и классовой борьбы. Он впервые, используя идеи Гильфердинга, заявляет о том, что война превратила экономику в единую централизованную машину{206}. В то же время, однако, Ленин возвращается к идеям Маркса-эгалитариста 1848 и 1871 годов. Он утверждает, что рабочие вскоре будут способны самостоятельно управлять этой упрощенной экономикой. Известен его афоризм: «Любая кухарка способна управлять государством»[192]. Предоставление особых привилегий техническим и научным специалистам больше себя не оправдывало. Мечте Маркса – слиянию «умственного и физического труда» – вскоре предстояло осуществиться.

Таким образом, в будущем обществе Ленин видел прежде всего всеобщее равенство, не только экономическое или равенство перед законом, но также социальное и политическое. Для этого было недостаточно формы либеральной демократии, при которой граждане выбирали депутатов, которые должны контролировать чиновников. Чиновники должны были напрямую избираться

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org народными массами, как это было при Парижской коммуне – образец для нового «коммунального государства» Ленина. Государство начнет сливаться с народом, иерархические отношения исчезнут. Едва ли при этом Ленин упоминает руководящую партию.

В работе «Государство и революция» Ленин много рассуждает о демократии, однако это не демократия всеобщих прав. Демократия для пролетариата прекрасно совмещалась с жестокими преследованиями его врагов. Коммуна Ленина представляла собой общество бдительных самоотверженных граждан: оно может справиться с «эксплуататорами» «с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной»{207}. Ленин не сомневался в своих взглядах на насилие. Он называл пролетариат «якобинцами XX века»{208}. Однако он отрицал необходимость масштабных репрессий. Достаточно будет лишь нескольких показательных арестов, считал он. Сначала бдительные добровольцы будут в меньшинстве, однако им удастся вскоре «создать рабочую милицию и постепенно расширить ее... во всенародную милицию»{209}. Такая форма социализма отличалась военным стилем с оглядкой на баррикады 1848 и 1871 годов. У нее было мало общего с регулярными войсками периода Первой мировой войны.

Неужели Ленин, непримиримый революционер, всерьез придерживался выраженных в работе «Государство и революция» утопических взглядов? На самом ли деле Ленин верил, что рабочие справятся с управлением экономикой? Его изложение весьма неоднозначно, возможно, он рассчитывал на менее радикальный и уравнилельный результат. Однако как идеолог марксизма он был убежден в том, что у каждого класса есть определенные целостные интересы. Если пролетарии будут управлять государством, нет причины, по которой они не достигнут согласия с представителями всего рабочего класса.

Разумеется, сразу после Октябрьской революции стало ясно, что Ленин ошибался[193]. Единство неминуемо было бы разрушено конфликтами между режимом и обществом, а также разобщенностью внутри самого общества и среди рабочих. В охваченной радикализмом России 1917 года идея о том, что существовала народная, революционная «всеобщая воля», способная править через государство, одновременно централизованное и «демократичное», принадлежала не только Ленину. Казалось, она была основополагающей идеей не только вождя, но и многочисленных групп рабочего класса России{210}.

В апреле 1917 года Ленин вернулся в Россию из эмиграции, решительно настроенный убедить членов своей партии в бескомпромиссности принципов классовой борьбы. Несмотря на сомнения многих его соратников-большевиков, Ленин настаивал на передаче власти Временного правительства советам. Хоть еще и не настало время для ликвидации рынка, рабочие и крестьяне, а не буржуазия должны были взять власть в свои руки и превратить страну в «государство-коммуну»[194]. Советы также должны были получить контроль над производством и распределением товаров.

Таким образом, большевики представляли единственную главную партию, не входившую в правительство[195]. Они призывали к власти низших классов и к прекращению войны. Верхушка меньшевиков продолжала настаивать на том, что пролетарская революция в такой неподготовленной стране, как Россия, потерпит поражение, как и Второй интернационал Каутского. В июле Временное правительство принимает крутые меры против большевиков, Ленин снова вынужден уйти в подполье. Все выглядит так, будто он просчитался. Однако исторические обстоятельства больше походили на Францию 1789 года, чем 1848 или 1871 годов, и силы среднего класса не могли положиться на крестьянскую армию и противостоять революции. Верховный главнокомандующий Лавр Корнилов попытался использовать армию для изменения порядка и был уверен, что заручится поддержкой Керенского. Большинство солдат не подчинилось Корнилову, Керенский отрицал свою причастность, однако этот эпизод подорвал авторитет Временного правительства.

Популярность большевиков росла. Многие не разбирались в деталях политической программы партии, но всем казалось, что именно эта партия является единственной силой, способной спасти революцию. Партия получила большинство в Московском и Петроградском советах, и Ленин использовал это свидетельство поддержки, чтобы потребовать немедленной передачи власти большевикам[196]. 25 октября Петроградский военно-революционный комитет под руководством Л. Троцкого[197] и других большевиков штурмом взял плохо охраняемый Зимний дворец. Это был скромный переворот. Известная сцена из

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org фильма С. Эйзенштейна «Октябрь», изображающая тысячи людей, перелезающих ограду и врывающихся во дворец, представляет собой чистый вымысел [198]. Несмотря на это, неспособность Временного правительства поднять силы для своей защиты и та легкость, с которой большевикам удалось захватить власть в основных городах, показывают, насколько точно политика большевиков 1917 года была созвучна радикальным настроениям городского населения. Большевики никогда не поддерживала вся Россия. Они были городской партией в аграрной стране. На выборах в Учредительное собрание в конце 1917 года большевики получили большинство голосов рабочих и 42% голосов солдат. Всего из 48,4 миллиона голосовавших за большевиков отдали свои голоса 9,9 миллиона. Их программа имела много общего с программой победителей тех выборов – левых социалистов-революционеров (левых эсеров) [199]. Таким образом, говоря точно, революция не была «большевистской». Было лишь большевистское восстание в ходе радикальной народной революции, чьи ценности большевики на время присвоили [200]. Либералы с их идеями классового компромисса и власти закона, поддерживаемые большинством имущего класса и образованных людей России, имели мало шансов на победу, так как широкие массы населения были слишком связаны с идеей радикального распределения собственности и власти. Ленин и большевики вскоре отделились от популизма в сторону более авторитарной политики и в конце концов были вынуждены защищать власть с оружием в руках в ходе разразившейся Гражданской войны. Победа большевиков, таким образом, не была очевидной, налицо был лишь результат победы радикального социализма. Когда большевики захватили власть, пусть и не поддерживаемые большинством, ни у них, ни у большинства уже не оставалось желания вернуть старый порядок.

VI

В 1923 году писатель Исаак Бабель опубликовал сборник рассказов «Конармия», основанный на воспоминаниях о своей политической работе в рядах Первой конной армии С. Буденного на польском фронте в 1920 году. Книга, которую очень многие прочитали, получила восторженные отклики. В рассказе «Письмо» Бабель повествует о Гражданской войне глазами крестьянской семьи через письмо красноармейца Василия Курдюкова матери. Письмо написано бледно, не содержит фактов, но пронизано банальными описаниями мест, которые он посетил. Но тема письма ужасает: кровавая борьба отца Василия Тимофея, бывшего полицейского при царском режиме, а теперь сражавшегося в белой армии Деникина, и братьев Василия – Федора и Семена, солдат-большевиков. Отец, обнаружив Федора среди красных пленных, зарезал его. Братья преследуют его, желая отомстить. Наконец они находят его. Семен, которого прозвали отчаянным, заявляет: «А я так думаю, что если попадусь я к вашим, то не будет мне пощады. А теперь, папаша, мы будем вас кончать...» – и после убивает его. История заканчивается тем, что Василий показывает рассказчику семейную фотографию. На ней был изображен Тимофей, «плечистый стражник в форменном картузе... Недвижный, скуластый, со сверкающим взглядом бесцветных и бессмысленных глаз», рядом с ним сидела его жена, «крохотная крестьянка... с чахлыми светлыми и застенчивыми чертами лица». Рассказ заканчивается словами: «А у стены, у этого жалкого провинциального фотографического фона, с цветами, голубыми, высились два парня – чудовищно огромные, тупые, широколицые, лупоглазые, застывшие, как на ученье, два брата Курдюковых – Федор и Семен» [211].

Многие рассказы Бабеля описывали то ужасное насилие, которое он видел сам, в котором участвовал во время гражданской войны, с которым пытался примириться. Его, еврея-интеллектуала среди воинов-крестьян, шокировала жестокость (и антисемитизм) таких людей, как братья Курдюковы. И все же его восхищала их смелость. Иногда в его рассказы проникает нелюбимое нищенское поклонение силе. В результате читателя приводит в замешательство намеренно приглушенное и отдаленное описание жестокости его персонажей и твердый отказ от осуждения [212]. Он не может их понять. У них пустые «бесцветные и бессмысленные глаза», как на фотографии. Они олицетворяют природную силу, они, словно фурии Эсхила, жаждут мести за ошибки прошлого.

Разумеется, вовсе не такой мир ожидал заполучить в свои руки Ленин. Он не был последователем Ницше, упивающимся насилием, однако он был готов применить его. Именно он с первых минут у власти развернул классовую борьбу. Вскоре Ленин понял, как трудно ее вести. Он настаивал на том, что «массы» должны быть революционными, но вместе с тем дисциплинированными. Стало ясно, что переход к «диктатуре пролетариата» не будет таким гладким, как он надеялся.

Первый вызов был брошен умеренными социалистами, которые были против классовой власти советов и настаивали на либеральном [201] парламентском правлении. Члены Учредительного собрания, 85% которого представляли социалисты [202], настаивали на том, что они представляют русский народ, но Ленин осудил их и назвал примером «буржуазного парламентаризма».

Красногвардейцы застрелили нескольких участников демонстрации в поддержку Учредительного собрания перед его первым заседанием в Таврическом дворце Петрограда. Впервые с февраля 1917 года вооруженные войска стреляли по безоружной толпе [203]. Учредительное собрание было распущено. Левые эсеры продержались в коалиции с большевиками четыре месяца [204]. К марту 1918 года всем стало ясно, что вся власть переходила в руки большевиков, а не Советов [205].

Ленин заявлял, что власть должна была быть передана Советам, но он никогда не был демократом-плюралистом. Неудивительно, что он отказался сотрудничать с партиями-конкурентами. В то же время, кажется, он серьезно относился к обещаниям демократии внутри рабочего класса. В первые месяцы правления большевиков Ленин еще верил в реальность осуществления амбициозных планов, изложенных в книге «Государство и революция». Народная инициатива и централизованная власть могли сосуществовать. Однако он, возможно, предоставлял рабочим то, чего они хотели, пока партия была относительно слаба. Ленин продолжал призывать к «рабочей демократии», понимая, как популярна эта идея среди рабочих заводов и фабрик. В ноябре 1917 года выходит Положение о рабочем контроле, наделившее значительной властью выборные фабрично-заводские комитеты. В армии продолжал действовать «демократический» стиль управления, действовала «гражданская милиция», командиры выбирались солдатами. Подход Ленина к крестьянству был в меньшей степени марксистским, однако он также отвечал требованиям масс. Вместо создания крупных коллективных [206] хозяйств, как диктовала марксистская теория (и ранняя политика большевиков), Декрет о земле гарантировал крестьянам то, чего они хотели: сохранение небольших земельных участков и ведение натурального сельского хозяйства [207].

По наблюдению Исаака Бабеля, для большинства простых людей обратная сторона «демократии», или власти народных масс, означала «классовую борьбу», или месть буржуазии – то же, что она означала для санкюлотов. В первые месяцы после революции Ленин был готов стать вдохновителем «народного» террора [208]. В декабре 1917 года под лозунгом «Грабь награбленное» [209] Ленин объявил войну «не на жизнь, а на смерть богатым... жуликам, тунеядцам и хулиганам» [213]. Тем не менее выбор формы борьбы он оставлял местным властям. Каждый город и деревня сами должны были решить, как «очистить» Россию от этих «вредителей»: они могут заключать их в тюрьмы, заставляя их чистить уборные, выдавать им специальные опознавательные документы, «желтые билеты», чтобы каждый мог за ними следить (похожее отношение проявляли к проституткам), или расстреливать каждого десятого [210]. [214]

Идеи Ленина были с восторгом приняты партийными активистами во всех регионах России. Большевики захватывали собственность богатых, вводили для них специальные налоги, брали «буржуев» (как они их еще называли, «бывших людей») в заложники. Анна Литвейко входила в отряд, занимавшийся конфискацией буржуазной собственности. Она вспоминала: «Нашим лозунгом были слова “Мир хижинам, война дворцам!”. Важно было сразу продемонстрировать народу, что революция принесет в хижину... Мы заходили в дома [богатых] и заявляли: “Это здание национализируется. У вас есть 24 часа, чтобы покинуть его”. Некоторые сразу же подчинялись, а другие проклинали нас – всех большевиков и советскую власть» [211]. [215]

Разумеется, аристократия и буржуазия переживали глубокую трагедию, даже те, кто не был арестован или наказан физически. Княгиня Софья Волконская вспоминала, как власти вынуждали ее принять постояльцев в ее доме: «Пара, которую у нас разместили, – молодой человек и его жена – казались довольно приятными людьми, но... они были коммунистами... Ничего не было более неприятным, чем жить с ними в близком контакте (мы были вынуждены готовить на одной плите с ними, пользоваться одной ванной, где отключили горячую воду), с людьми, которые априори считали себя нашими врагами... “Осторожно!”, “Закрой дверь”, “Не говори так громко, коммунисты могут тебя услышать”. Мелкие уколы? Да, разумеется. Но в нашей кошмарной жизни каждый укол превращался в серьезную рану». [216]

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В первые месяцы власти большевиков классовая борьба охватила все стороны жизни, в том числе мир символов. Большевики, как их предшественники якобинцы, были решительно настроены на создание новой культуры, основанной на их ценностях. Петроград, в частности, стал местом проведения массовых театрализованных представлений, напоминавших празднества Парижа 1793 года. Одно из таких массовых зрелищ, «Мистерия освобожденного труда», было организовано 1 мая 1920 года. Напротив Петроградской Биржи развернулась пьяная оргия развратных королей и капиталистов. Трудящиеся прислуживали им под музыку «стонов, проклятий, печальных песен, скрежет цепей». Толпа революционеров, от Спартака и его рабов до санкюлотов, обрушилась с атакой на банкетный стол властителей. Атака была отражена, но на Востоке уже поднималась Красная армия. Наконец, ворота, ведущие в Царство Мира, Свободы и Радостного Труда, были разрушены. Там было обнаружено дерево свободы, вокруг которого люди танцевали в стиле постановки Давида. В представлении принимали участие 4000 актеров, рабочих и солдат, слившиеся в конце зрелища с 35-тысячной толпой зрителей[217].

Ленину были мало интересен карнавальный театр классовой борьбы. Как предсказывал А. Белый, его взгляд на новую революционную культуру был близок взглядам Аполлона Аполлоновича. Теперь необходимо было наводнить статуями революционных героев и скрижалями, хранящими принципы марксизма, Москву, новую столицу революции[212]. И все же консервативный неоклассицизм, одобренный Лениным и большинством москвичей, столкнулся с модернизмом, культивируемым некоторыми скульпторами. Памятник Бакунину в духе кубо-футуризма власти, опасаясь народного недовольства, были вынуждены спрятать за деревянными досками. Когда доски растащили на дрова и памятник открылся, власти, боясь бунта, уничтожили его. Для осуществления московского проекта[213] к тому же не хватало материала. В конце концов были возведены временные статуи из гипса и цемента, многие из них были разрушены[214] дождем[218]. Иная судьба была уготовлена памятнику Робеспьеру: он был уничтожен бомбой террориста. По причудливому выбору судьбы до наших дней сохранился памятник, воздвигнутый еще при старом режиме: мраморный обелиск в Александровском саду у стен Кремля, сооруженный в честь трехсотлетия дома Романовых в 1913 году. Имена царей[215] на обелиске были заменены эклектичным списком имен «отцов» большевиков[216]: Томаса Мора, Джерарда Уинстенли, Фурье, Сен-Симона, Чернышевского и Маркса[219].

Учитывая стремление Ленина к порядку, логично было предположить, что он отойдет от радикального марксизма. Но угроза падения его режима в начале 1918 года заставила его сделать крутой поворот. Большевики ожидали, что революция в России будет сопровождаться мировой революцией, а немецкий пролетариат поможет отстающей России построить социализм. На деле же немецкие милитаристы все еще обладали большой силой и предлагали унижительные для России условия мирного соглашения. Ленин осознал слабость своего нового государства и был готов принять условия, однако он не набрал большинство голосов Центрального комитета. Когда немецкие войска вошли в Украину[217], лидеры продолжали спорить. В последний момент Троцкий передумал, и Брест-Литовский договор предотвратил неизбежное падение режима[218]. Надежда на то, что революция будет спасена долгожданной революцией в Германии, оказалась всего лишь мечтой[219].

В это время Ленин понял, что обещания, данные в 1917 году, невозможно совместить с новым режимом. Передача контроля над фабриками и землей рабочим и крестьянам, пособничество погромам буржуазной собственности только усугубляли экономический хаос. Запасы продовольствия сокращались, продолжалась конфискация земель и погромы крупных поместий. Тем временем рабочие осуществляли «рабочий контроль» с целью увеличения прибыли своих фабрик, а не экономики в целом и преследовали ненавистных управляющих и инженеров. Трудовая дисциплина рухнула. Проблема усугублялась истощившимися запасами продовольствия. Вырос уровень безработицы, а за ним стремительно росла оппозиция большевикам в Советах.

К началу 1918 года стало ясно, как и во Франции 1793 года, что народные цели и цели революционной элиты расходились; ленинский синтез марксизма распадался. Однако Ленин не принял курс Робеспьера, не начал нравственную реформу или правление добродетели. Он скорее обратился к технократии, отказавшись от радикального марксизма в пользу его модернистской версии. В марте-апреле 1918 года он объявил отход от модели социализма, предусматривающей «государство-коммуна» и гражданскую милицию. Ленин заявил, что разочаровался в своем оптимизме относительно рабочего

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org класса[220]. Русский человек для Ленина «плохой работник по сравнению с передовыми нациями», ему нельзя доверять строить рабочую демократию. Ленин решил создать «гармоничный» экономический механизм, управляемый специалистами, если нужно, представителями буржуазии. Этот механизм должен основываться на новейших технологиях. Если рабочие достаточно «зрелые», то эта зрелость будет только способствовать «мягкому руководству дирижера». До достижения такого результата руководители и специалисты должны применять «резкие формы диктаторства»[220].

Ленин усвоил урок Брест-Литовска. В то время он писал: «Война многому нас научила... например, тому, что на высоте оказываются те, кто имеет лучшие технологии, организацию, дисциплину и лучшие машины... Необходимо развить высокие технологии, иначе нас растопчут»[221]. Ленин теперь направил свое внимание от образца Парижской коммуны к американской системе «научного управления» теоретика Фредерика У. Тейлора, применявшейся в США на заводах Генри Форда. Тейлор оборудовал рабочие места секундомерами, рассчитав задания и операции рабочих по секундам. Рабочим платили в соответствии с объемом выполненных работ. Ранее Ленин осуждал эту систему и называл ее типичным проявлением зверского капитализма. Теперь же было не до радикальных определений: на одном энтузиазме и творчестве рабочих экономику было не поднять. Их нужно было стимулировать пряником – деньгами – и кнутом – трудовой дисциплиной[222]. Ненавистным в прошлом специалистам-буржуям пришлось вернуть их власть и высокие заработки. В армии это означало восстановление авторитета бывших царских офицеров и расформирование солдатских комитетов. Ленин заявил, что «красногвардейская атака на капитал» была окончена.

Ленин оправдывал свое «отступление» от обещаний 1917 года обращением к марксистской теории. Он утверждал, что большевики поспешили обещать рабочую демократию, особенно в условиях отсутствия мировой революции. Еще не пришло время уничтожить государственную систему, что возможно только в условиях коммунизма[223]. Новое ленинское видение современного государства с сильным контролем над экономикой было ближе к низшей форме коммунизма – «социализму»[221] по Марксу, чем к высшей стадии – непосредственно коммунизму[222]. Однако Ленин радикально изменил видение Маркса: модернизация государства обеспечит элитарная[223] передовая партия, которая должна перенаправить внимание с революции на строительство государства[224]. За несколько лет партия должна была сконцентрировать власть в своих руках, лишив сил или окончательно ликвидировав выборные Советы и Комитеты, которые осуществили революцию[224].

Большевики связывали модернизацию не только с тяжелой промышленностью и трудной работой. Она также подразумевала обеспечение массового образования, благополучия, конец религии и эмансипацию женщин, и все-таки небольшой прогресс был достигнут, особенно в части женского равноправия[225]. Однако технократическая культура большевиков была безошибочной ставкой. Многие впадали в крайности, пытаясь ее достичь. Алексей Гастев, рабочий-металлург до 1917 года и поэт, «Овидий инженеров, шахтеров и металлургов», был одним из самых ярых пропагандистов системы Тейлора. В самом известном его стихотворении «Мы растем из железа», опубликованном в 1914 году, описывается рабочий, превращающийся в гиганта, сливающийся с фабрикой, в венах которого теперь течет «новая железная кровь». После революции Гастев ищет более практичный путь объединения человека и машины[226]. Наряду с Лениным и Троцким Гастев был членом лиги «Научная организация труда», основанной в 1921 году для выявления случаев растрачивания времени и тунеядства на фабриках и в конторах[227]. Гастев увидел новый мир, в котором рабочие станут безымянными единицами, «приняв обозначение отдельной пролетарской единицы как А, В, С, 325, 0,075, о и так далее». «Машины из управляемых превратятся в управляющих», и рабочее движение приблизится к «движению вещей, в которых как будто уже нет человеческого лица, а есть ровные нормализованные шаги, есть лица без экспрессии, душа, лишенная лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром или таксометром».[228] Эта ужасная утопия была сатирически изображена Евгением Замятиным в научно-фантастическом романе «Мы», написанном в 1920-1921 годах (впервые опубликован за пределами СССР в 1924 году), серьезно повлиявшем на Дж. Оруэлла и его роман «1984»[229]. И все же не это видение общества было доминирующим, как бы сильно Ленин этого ни хотел[225]. Система, появившаяся в 1918 году, скорее походила не на фабрично-заводской социализм в рамках модернистского марксизма, а на союз Маркса и Марса. Эту систему враги большевиков называли «казарменным коммунизмом», а сами большевики – «военным коммунизмом». Ей предстояло стать формой коммунизма, которая долго влияла

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org на советскую модель государства. Таким образом, на смену чистокровному белому жеребцу Николая II пришла красная кавалерия Бабеля, а не медные всадники Ленина.

Следом за короткой передышкой после Брестского мира в марте 1918 года красным бросили вызов мятежники-эсеры вместе с бывшими офицерами царской армии (белыми) [226], поддерживаемые британскими и другими союзниками. Большевики оказались втянуты в Гражданскую войну, разразившуюся на территории всей бывшей Российской империи. Они с удовольствием ответили белым на языке войны. Большевики отказались от децентрализованной организации войск на основе народного ополчения (милиции) в пользу новой, более традиционной и действенной армии, как в свое время поступили якобинцы. Л. Троцкий основал Красную армию [227]. Он распустил солдатские комитеты, отменил выборы офицеров и назначил «военных экспертов» – эвфемизм для бывших офицеров царской армии. К концу Гражданской войны три четверти командиров представляли офицеры бывшей имперской армии [228]. Кроме того, в армейские ряды вернулась жесткая дисциплина, ненавистная и непопулярная при старом режиме [230].

Армия возвратилась к старым военным стратегиям, теперь укрепленным марксистской идеологией. Одной из них был шпионаж и наблюдение за народными настроениями. Во время и после Первой мировой войны многие европейские власти, в том числе российское Временное правительство, а позже белые стремились контролировать настроения населения. Они развили сеть пропаганды. На них работал целый штат чиновников, следивших за ее эффективностью. Большевики сделали то же самое, однако в отличие от западных правительств они практиковали шпионаж и после того, как война подошла к концу [229]. Они имели далеко идущие цели: трансформировать общество и создать «новых социалистических людей». Миссия слежки в мирное время была возложена на новую секретную полицию – ЧК [230]. В 1920 году на большевиков работало 10 тысяч чекистов. Они читали переписку и писали отчеты о народных настроениях. [231]

Большевики также использовали военные методы для контроля над экономикой. Будучи марксистами, они еще более враждебно относились к рынку, чем их предшественники. Они ввели высокие нормы сбора зерна в сельской местности и пытались запретить частную торговлю. ЧК подвергала аресту «мешочников», которые незаконно ввозили зерно в города для продажи. В городах большинство продовольствия распределялось властями. Из-за инфляции и дефицита продуктов деньги обесценились. Однако многие приветствовали такое развитие событий как достижение марксистской цели: конец рынка и денег, государственный контроль над всей экономикой. Троцкий попытался продемонстрировать, каким образом такое крайнее проявление государственной власти можно совместить с окончательным падением государства: «Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, то есть самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь граждан со всех сторон». [232]

Тем не менее «военный коммунизм» не только подразумевал жесткую дисциплину. Когда дело касалось их сторонников, большевики могли проявлять большой популизм. Красная армия Троцкого не была простой копией традиционных армий Запада. Он попытался объединить строгую дисциплину с остатками популистского духа начала революционной эпохи. К 1919 году большевики приблизились к решению проблемы пополнения армии, которая не давала покоя царскому режиму, а позже либеральному правительству. Большевики по-разному стимулировали крестьян к военной службе: от гарантированного продовольственного пайка до обещаний образования и земли им и их детям. Постоянный призыв большевиков к классовой борьбе привлекал также солдат. Был создан специальный отдел широкой пропаганды и образования с целью довести марксистское мировоззрение до народа [233]. Трудные абстрактные термины переводились на понятный крестьянам язык. Так, карикатура в журнале для крестьян «Беднота» изображала крестьянского мальчика, покрытого пауками и пиявками, подписанными «землевладелец», «священник», «интервент» [234]. Солдатам насаждалось манихейское мировоззрение, в центре которого находились идеи борьбы и классового конфликта. Даже на уроках биологии обсуждался вопрос о «животных, которые являются друзьями, и животных, являющихся врагами человека» [235].

К 1921 году Красная армия насчитывала 5 миллионов человек. Она стала защитницей нового режима, зародышем нового общества внутри старого.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Большевики пришли к власти в городе с большим предубеждением против сельской местности и создали основу своей власти из воинов-крестьян, многие из которых, молодые парни, вышли из глубокой патриархальной деревенской иерархии{236}. После Гражданской войны многие ее ветераны стали партийцами и государственными бюрократами. Военный опыт и милитаристская культура, рожденная войной, породили форму советского коммунизма и политику, которую он десятилетиями навязывал миру[231].

Именно Троцкий (и Сталин, как мы позже увидим) в большей степени, чем Ленин, был сторонником милитаристской культуры. Ленин надеялся перейти от классовой мести к новому обществу ответственных рабочих, которые усвоят «настоящую буржуазную культуру»[232], привитую и разъясненную им образованными партийцами современной коммунистической партии{237}. Но это Аряд ли могло произойти во время братоубийственной войны, риторика большевиков все еще вдохновлялась революционным насилием. С лета 1918 года Ленин, как и Робеспьер к концу 1793 года, пытался контролировать террор, направляя его против политических противников и сдерживая нападки на всю буржуазию «как класс». Несмотря на это, местные власти преследовали всех без разбора{238}. Во время Гражданской войны сотни тысяч людей, названные «мятежными крестьянами», стали жертвами ЧК и внутренних охранных войск{239}.

Большинство солдат Красной армии с энтузиазмом поддерживало призывы большевиков, однако многие оставались отчужденными. Крестьяне, главным интересом которых была местная автономия, особенно враждебно относились к требованиям большевиков{240}. Какими бы жестокими ни были большевики, они всегда могли правдоподобно заявить, что отвечают огнем на огонь. Белые жестоко преследовали евреев коммунистов и крестьян, отказывавшихся воевать на их стороне. Отношение белых к земельному вопросу также было неоднозначным. Крестьяне были уверены, что белые снова заберут у них то, что они получили в результате революции и перераспределения собственности помещиков. Поэтому, несмотря на то что многие считали большевиков отступниками от идеалов 1917 года, другие видели в них защитников от возвращения к порядку царя и аристократии{241}. В одном из красноармейских маршей есть такое предупреждение:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее[233].
От белых исходила угроза, красные казались меньшим из двух зол. Меншевик Мартов явно чувствовал эту неопределенность, когда попытался обратиться к рабочим в меньшевизм в начале 1920 года: «Пока мы его [большевизм] клеймили, нам аплодировали; как только мы переходили к тому, что другой режим нужен именно для успешной борьбы с Деникиными и т. п...наша аудитория становилась холодной, а то и враждебной»[234].{242}

Настоящий кризис наступил для большевиков весной 1920 года, когда над белыми была одержана окончательная победа[235]. Военные методы больше не могли быть оправданы. Троцкий тем не менее оставался верен своим принципам и настаивал на применении милитаристских методов в обществе в мирное время. Демобилизованных солдат он привлекал к экономическим проектам, контролируемому им строительству железных дорог[236].

Он постоянно искал сферы применения принципов военной организации и дисциплины. «Трудовому фронту» предстояло превратиться в милитаристскую кампанию. Все население распределялось по трудовым бригадам. Мужчины и женщины работали «под звуки социалистических гимнов и песен»{243}. В то же время Он призывал к сведению экономики к единому рациональному «плану».

На Троцкого обрушилась критика со стороны радикального[237] левого марксистского крыла большевистской партии. Оппоненты осуждали его сотрудничество с царскими офицерами и настаивали на более эгалитарной модели общества. Некоторые левые группы (левые коммунисты[238], рабочая оппозиция) осуждали руководство партии за отступничество от обещаний рабочей демократии борьбы против буржуазии. Тем временем Богданов[239] и его союзники, больше заинтересованные в романтических утопических идеях рабочего сотрудничества и творчества, чем в захвате политической силы, учреждали организации «пролетарской культуры» (пролеткульты[240]), призванные пробудить естественную коллективистскую психологию рабочих{244}. Ленин запретил пролеткульты[241], усмотрев в них конкурента партии. Левые

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
оппозиционеры не получили большинство голосов, но всегда оставались
головной болью Ленина.

Тем не менее Ленин был против и более претенциозных проектов Троцкого. В своем скептическом отношении он не ошибся. Российское государство оказалось не способно выстраивать эффективную экономику, как оно пыталось это сделать до Октябрьской революции. Оно было слабо как никогда. Взяв под контроль все формы экономической и социальной деятельности, государство превратилось в гидру с головами в виде разрастающихся, совпадающих в интересах и конкурирующих организаций. В то же время чиновники использовали власть в собственных целях; коррупция, несомненно, портила репутацию режима. Всех волновала проблема карьеристов, безнравственных и бесконтрольных бюрократов. Саратовская ЧК описывала местную ячейку партии как «сборище пьяниц и карточных жуликов», а Тимофей Сапронов, левый большевик [242], жаловался на то, что «во многих местах слово «коммунист» стало ругательством», так как чиновники-партийцы купались в «буржуазной» роскоши [245].

Двуличие социалистических чиновников, ведущих буржуазный образ жизни, только усилило народное недовольство навязываемым большевиками строем. 1920 год был неурожайным, к весне 1921 года большая часть сельского населения России голодала. Как в 1905 и 1907 годах, нехватка продовольствия вызывала волнения, которые могли перерасти в революцию. Крестьяне протестовали против закупки зерна в Поволжье, на Урале и в Сибири. Серьезное восстание произошло в Тамбове, инициаторы которого требовали освободить советскую власть от репрессий большевиков. Они объединились под противоречивыми лозунгами «Да здравствует Ленин, долой Троцкого!», «Да здравствуют большевики, смерть коммунизму!» [243]. [246]

Вскоре беспорядки охватили города. Наиболее опасны для большевиков были волнения на морской базе в Кронштадте, на Петрове недалеко от Петрограда. Жители Кронштадта с самого начала поддерживали более радикальное крыло революции. До лета 1918 года базой управляла коалиция левых партий. Теперь моряки требовали возвращения власти свободно избираемому совету. Они призывали не к свержению большевиков, а к концу «военного коммунизма», отказу от тейлоризма, возвращению к идеалам октября 1917 года [247]. В начале марта 1921 года восставшие организовали новые выборы [244] и на две недели создали государство-коммуна в миниатюре. Казалось, назревает новая народная социалистическая революция («третья революция»), и на этот раз большевикам суждено было стать ее жертвами, а не победителями [248]. Как раз в это время проходил десятый съезд партии, где левые большевики [245] бросили Ленину вызов.

Перед Лениным стоял суровый выбор. Было ясно, что разжигающая рознь модель «военного коммунизма» с опорой на государственную власть и насилие потерпела крах. Мысль о том, что русский народ будет работать как детали точного механизма, была нереальной, как и мечта Троцкого об универсальном солдатском энтузиазме. Низшая социалистическая форма коммунизма (по Марксу) – централизованный государственный контроль [246] и отсутствие рынка, – которую напоминал военный коммунизм, безусловно, не подходила России в 1921 году. Это была дилемма большевиков. Они могли либо вернуться к «коммунальному государству» 1917 года, которое, по мнению марксистов, являлось шагом к коммунизму, либо снова положиться на мобилизацию рабочего класса. Еще они могли «вернуться к капитализму». В выборе Ленина не было сомнений. Государство-коммуна только ускорило бы разъединение и хаос, его нельзя было совместить с большевистским стремлением к модернизации. Оно также не могло справиться с экономическим кризисом и дефицитом продовольствия. Стало ясно, что только рынок способен стимулировать крестьян выращивать зерно. Нехотя Ленин все же был вынужден удовлетворить требования крестьян и разрешить продажу зерна на открытом рынке [247]. Вскоре после того, как он объявил начало «новой экономической политики» (НЭП), войска большевиков жестоко подавили восстание в Кронштадте. В то же время «запрет фракций» окончательно ослабил левые группировки внутри партии. Руководство провело первую партийную «чистку» политически ненадежных и классово «нечистых». В 1918 году большевики, почувствовав угрозу скорого конца режима, сконцентрировали власть в руках партии; в 1921 году они отреагировали на очередной кризис ужесточением дисциплины внутри партии.

Ленин признался, что отказался от экономических амбиций 1919–1920 годов: «Мы совершили ошибку». Ошибка заключалась в том, что большевики были

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org уверены: режим способен уничтожить рынок и стремительно достичь коммунизма. Теперь Ленин утверждал, что большевики должны принять «государственный капитализм»[249]. Ленина беспокоила реакция внутри партии, и он настаивал на невозможности расцвета капитализма: тяжелая промышленность как «ведущая отрасль» экономики все же оставалась национализированной. Однако свободный рынок вызвал ряд изменений в экономике[250]: частным торговцам – нэпманам – теперь разрешалось поставлять зерно в города[248]; фабрики, производившие товары народного потребления, например ткани, подлежали денационализации[249], так как должны были выпускать то, на что крестьяне хотели бы обменять зерно. Субсидии национализированным предприятиям сокращались, что позволяло контролировать инфляцию, которая расцветала, если крестьяне доверяли валюте. В результате нужно было сокращать заработную плату, ужесточить трудовую дисциплину и укрепить власть в руках управленцев и буржуазных специалистов. Положение рабочих ухудшалось[250], безработица росла. Многие рабочие и большевики видели в этом старый капиталистический порядок. НЭП превратился в «новую эксплуатацию пролетариата». Что же произошло с социализмом?

НЭП спас коммунизм тем, что успокоил крестьян. Большевики, представлявшие малую часть революционной интеллигенции, пришли к власти на волне народной революции, но строительство марксистского государства оказалось непростым делом. Ранние революционные методы оказались слишком жесткими, а модернистский подход – непрактичным. Военная политика времен Гражданской войны породила сильную оппозицию. Большевикам удалось найти соратников не столько среди городского рабочего класса, сколько среди молодых крестьян, сформировавших Красную армию[251]. Тем не менее поддержка режима была слабой, а экономическая система коммунистов оказалась несостоятельной. Понимая необходимость более широкой поддержки, большевики сдержали усугубляющийся раскол и пошли на уступки широким массам сельского населения.

Казалось, большевики избежали новой социалистической революции, жертвами которой они могли пасть, однако кризис сильно отразился на здоровье Ленина. В 1920–1921 годах было очевидно, что он переутомлен. В мае 1922 года он перенес первый инсульт и до самой смерти в январе 1924 года оставался тяжело больным. Есть соблазн связать его ухудшающееся здоровье с крушением революционных надежд. Личный вклад Ленина в марксизм состоял в его способности соединить реалистичную линию модернизации с ярким революционным нетерпением. В марте 1921 года все эти планы рухнули. Ленин был вынужден признать, что полукапитализм НЭПа будет продолжительным. Социализм станет возможным только тогда, когда рабочий класс осуществит «культурную революцию», под которой Ленин понимал скорее всего образование и успешное внедрение рабочей этики, которой он научился от своих родителей[251]. Он не признал обвинений Второго интернационала и меньшевиков в том, что его революция была преждевременной. На практике же он вернулся к марксизму, который был созвучен «ожиданию революции» Каутского[252].

В 1920 году художнику и скульптору Владимиру Татлину было поручено спроектировать здание для Третьего Коммунистического Интернационала («Коминтерн»), который Ленин основал за год до этого в пику Второму интернационалу социал-демократических партий. Художник-продуктивист[253], совмещающий математические и геометрические формы с общественной пользой, Татлин сделал многое для того, чтобы отобразить иерархический и технократический подход модернистского марксизма к политике. Монумент должен был стать преемником Эйфелевой башни и показать, что Париж передал роль столицы мировой революции Москве. Проект здания представлял собой гибрид спирали и пирамиды. Наверху каждой части пирамиды должно было находиться по три помещения. Кроме того, они были спроектированы так, чтобы вращаться на разных скоростях. Самой большей части у основания, отведенной для законодательных собраний, следовало оборачиваться за год; следующий этаж, спроектированный для исполнительных органов власти, должен был оборачиваться за месяц, самое маленькое помещение наверху – совершать полный оборот каждый день, оно предназначалось для «центров информационного назначения: информационного офиса, редакции газеты, студии для трансляции прокламаций, листовок и манифестов по радио»[252].

Проект стал классикой модерна. Он демонстрировал всей авангардной интеллигенции Запада силу советского творчества. Разумеется, в период голода и бедности это был фантастический утопический проект. Здание планировалось выполнить из дерева без применения металла и стекла. По плану в инженерном помещении мальчик должен был управлять канатами и блоками,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org благодаря которому вращались бы помещения. Поэт-авангардист Маяковский приветствовал проект как прекрасную альтернативу Помпезных бюстов, установленных по всей Москве, как «первый памятник без бороды», однако проект не получил одобрения Ленина{253}. Несмотря на это, механическое государство Ленина во многом походило на башню Татлина. Оно было пустым и неустойчивым[254]. И все же оно символизировало современную некапиталистическую систему, контролируруемую передовой партией с жесткой дисциплиной, выпускающей прокламации для рабочих всего мира. Именно эта партия привлечет многих будущих коммунистов, ищущих источник силы Прометея, чтобы разжечь огонь революции и провести модернизацию. Когда режим переживал кризис, многие сторонники левой политики увидели в башне Татлина маяк, освещающий путь в будущее.

3. Под пристальным взглядом Запада

I

В феврале 1919 года один из самых выдающихся интеллектуалов межвоенной эпохи, сочувствующих коммунистам, немецкий драматург Бертольт Брехт написал пьесу «Спартак». Впервые она была опубликована в 1922 году с измененным заглавием «Барабаны в ночи». В пьесе рассказывается история солдата Андреаса Краглера, который возвращается с войны в Германию, разьедаемую продажностью и коррупцией. Его девушка Анна по настоянию хватких родителей собирается выйти замуж за Мурка, нажившегося на войне буржуазного спекулянта. Краглер возвращает Анну и становится революционером, за которым люди выходят на улицы поддержать восставших марксистских «спартакистов»[255]. Увидев его среди демонстрантов, Анна устремляется к нему и умоляет оставить революционную деятельность ради любви. Краглер уступает. Он слагает с себя ответственность за революцию на других и остается с Анной{254}.

Брехт написал «Спартак» во время третьей, самой радикальной революционной волны, охватившей Европу после 1789 и 1848 годов. Со времен предыдущих революционных эпох многое изменилось. Теперь меньшинству, громко заявляющему о своих правах, правительство без буржуазии казалось не только возможным, но и необходимым. Большевики создали в России жизнеспособное «пролетарское» правительство. Империализм и национализм европейской аристократической и буржуазной элиты привел к гибели миллионов. Многие считали, что старый Режим навсегда лишился права на власть.

Интеллектуалы, писатели и художники находились на переднем крае революции. Брехт являлся одним из них, однако его отношение было неоднозначным. Он скептически относился к идее героического самопожертвования. В «Спартаке» прослеживается мысль о том, что широкие массы немецкого населения не хотели бы иметь революционное рабочее правительство. Краглер побеждает своего буржуазного противника Мурка, однако затем возвращается к прелестям счастливой личной жизни. Мировоззрение Брехта оказалось реалистичным. Коммунисты не пришли к власти в Германии в 1919 году, а к 1921 году стало ясно, что революционная волна в Европе пошла на спад. Просоветские коммунистические партии никогда не пользовались поддержкой большинства представителей европейского рабочего класса или крестьянства. К середине 1920-х годов правящие элиты восстановили старый порядок и заново отстроили храм власти и собственности.

И все же ненависть, порожденная войной и революцией, не исчезла до конца. Во многих странах коммунисты представляли значимое меньшинство, однако были вынуждены изменить подход и стиль в политике. Ленинский «отход» от революционного радикализма к марксистской дисциплине и иерархии вдохновил международное коммунистическое движение. Его твердый реализм был созвучен ощущениям Брехта. Все в Ленине – от его кожаной куртки[256], подчеркивающей мужественность, ненависть к сентиментальности, стремление к модернизации, до пренебрежения романтическими мечтами – отражало реальное отчуждение коммунистов от остальной Западной Европы 1920-х годов. Трудно было представить более сильный отрыв от идеализма 1918-1919 годов.

II

В 1915 году, когда Европа была охвачена насилием, нейтральная Швейцария приняла две группы интеллектуалов, ненавидящих кровопролитие. Первую группу представляли выступавшие против войны социал-демократы, организовавшие

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org конференции в небольшой деревушке Циммервальд в сентябре 1915 года, а позже, в апреле 1916 года, в Кинтале. На конференцию съехались немногие. Большинство представляло Россию и Восточную Европу (в том числе Ленин и Троцкий), хотя среди важных участников были также итальянские социалисты (ИСП) и швейцарские социал-демократы. Крупные социал-демократические партии Запада поддержали войну и поэтому отсутствовали. Троцкий с горечью вспоминал, что «полвека спустя после основания I Интернационала оказалось возможным всех интернационалистов усадить на четыре повозки»{255}. Именно при таких неблагоприятных обстоятельствах закладывались основы международного коммунистического движения.

За несколько месяцев до встречи в Кинтале на мероприятии совсем другого рода – открытии «Кабаре Вольтера» в Цюрихе – еще одна группа интеллектуалов представила собственную реакцию на ужасы войны. Это была группа примитивистов из нового художественного течения – дадаизма. Ханс Арп вспоминает о том, как мыслил в то время он сам и его мятежные сторонники: «В 1915 году в Цюрихе, потеряв интерес к кровопролитной мировой войне, мы обратились к изящным искусствам. Пока вдали раздавался грохот орудий, мы клеили, мы писали и декламировали стихи, мы от всей души пели песни. Мы искали элементарное искусство, которое, полагали мы, спасет мир от яростной глупости того времени»{256}.

Таким образом, дадаисты отличались от марксистов тем, что Полностью отделяли себя от политики, по крайней мере сперва. Но в других аспектах у них было много общего. Они стремились Горбить буржуазию, намеренно вызывая отвращение своими дадаистскими представлениями в «Кабаре Вольтера» и вступая в стычки с полицией.

В 1915 году радикальные демократы и дадаисты, казалось, выжидали удобного случая. Война продолжалась. Ленин не мог убедить сторонников-марксистов, настроенных против войны, одобрить раскол во Втором интернационале. Однако через год все изменилось. Чем дольше продолжалось кровопролитие, тем больше левые разочаровывались в войне. К 1916 году разделились мнения относительно войны руководителей французских социал-демократов из СФИО[257], а вскоре раскололась и Социал-демократическая партия Германии. Большинство выступало за продолжение войны, однако такие значительные фигуры, как Каутский и Бернштейн, теперь были против нее. В то же время появилось радикальное левое меньшинство, возглавляемое Розой Люксембург и адвокатом-марксистом Карлом Либкнехтом, называвшими себя «спартакистами» в честь лидера восстания римских рабов. К апрелю 1917 года партия раскололась, в результате чего образовалась новая радикальная партия меньшинства – Независимая социал-демократическая партия (НСДПГ)[258].

В 1916 году Ленин и дадаисты не могли ничего испытывать по отношению друг к другу, кроме взаимного презрения. Ленин не увидел бы в них ничего, кроме утопического романтизма. Но к 1918 году некоторые дадаисты, особенно немцы, приняли радикальную марксистскую политику. Была основана организация с нелепым названием «Центральный Революционный Дадаистский Совет». Один из самых известных художников Георг Гросс объединил граффити, детский рисунок и другие формы народного искусства в новый жанр злой карикатуры на высококомерных военачальников и жадных капиталистов. Гросс стал одним из лидеров немецкого революционного движения и одним из основателей Коммунистической партии Германии (КПГ){257}.

Война, несомненно, подорвала веру многих простых людей в старую довоенную элиту. Правительства призывали к жертвам во имя патриотизма. Однако с продолжением борьбы негодование росло. Казалось, жертвы не окупались равнозначной наградой. В странах, по территории которых проходил фронт, уровень жизни и условия труда ухудшались, усугублялась нехватка продовольствия. На фронте же, по мнению многих, продолжалась бессмысленная кровавая резня.

В отличие от царского режима большинство правительств, ведущих войну, стремились к союзу с нереволюционными социалистами. Немецкие социал-демократы продолжали поддерживать военные действия, французские социал-демократы (СФИО) вступили в «тайный союз» с правительством. За это они получили руководящие роли в индустриальной экономике. Чем дольше продолжалась война, тем больше у социалистов Второго интернационала появлялось компромиссов в результате сотрудничества с правящей элитой. Для многих простых людей социалисты были не более чем марионетками. Дисциплина ужесточалась, условия работы в заводских цехах ухудшались. Вскоре между

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org рядовыми рабочими, с одной стороны, и умеренными социалистами и лидерами профсоюзов – с другой, пролегла пропасть. Влияние социалистов на рабочих ослаблялось также из-за притока новых рабочих: женщин, мигрантов из сельской местности и, по крайней мере в Германии, рекрутов из оккупированных стран{258}. Новые рабочие группы не были связаны ни с социалистическими партиями, ни с профсоюзами. Рабочие военных предприятий, не обладавшие почти никакой квалификацией, впоследствии стали инициаторами послевоенных революций.{259}

Пик забастовок пришелся на 1918–1925 годы{260}. В 1917 году в Германии произошло более 500 забастовок, в которых участвовало 1,5 миллиона рабочих{261}. Волна забастовок сотрясала Британию на протяжении всей войны, особенно сильно затронув несколько радикальных областей, например «Красный Клайдсайд». Забастовки все чаще имели политический характер, их инициаторы и лидеры затрагивали острую проблему неравных военных жертв со стороны разных классов. В ноябре 1916 года жены железнодорожников города Книттефельда (Австро-Венгерская империя) жаловались на то, что их лишают сахара, чтобы буржуи и офицеры могли убивать время в кофейнях{262}. Весной и летом 1917 года Европу охватили массовые протесты, рабочие стали требовать окончания войны.

Таким образом, даже до событий в Петрограде усиливалось народное настроение против войны. Пример революции большевиков еще сильнее укрепил радикальное левое движение. В январе 1918 года массовые забастовки и демонстрации сотрясли Германию и Австро-Венгерскую империю. Толчком к революции стало поражение в войне, когда стало ясно, что все жертвы были напрасны. По мнению радикальных критиков, элита (аристократия, буржуазия и умеренные социалисты) вывела страны на разрушительный и бессмысленный путь агрессии. Как заявил художник-модернист Генрих Фогелер: «Война сделала из меня коммуниста. Побывав на войне, я не мог больше выносить принадлежность к классу, который миллионы людей отправил на верную смерть»{263}. Неудивительно, что в октябре и ноябре 1918 года старые режимы оказались на грани гибели – под угрозой народных, часто националистических, революций.

Внешне политическая обстановка в Германии поразительно напоминала Россию после февраля 1917 года. Советы рабочих и солдат возникли наряду с временным правительством, куда входили либералы левого крыла, умеренные социалисты (СДПГ), радикальное меньшинство (НСДПГ). Правительство возглавил лидер СДПГ Фридрих Эберт. В то же время Роза Люксембург и небольшая группа «спартакистов» требовали осуществления революции в духе Советов и окончания парламентской демократии[259]. На самом же деле Советы вовсе не выступали за Советскую республику, а поддерживали либеральный порядок; радикалы оставались в меньшинстве{264}. Резкое отчуждение «народа» от элиты, наблюдавшееся в России, в Германии не существовало (учитывая сильные различия в немецкой и российской довоенной политике). Эберт тем не менее был убежден в том, что находится под угрозой новой большевистской революции, и готовился сделать все возможное, чтобы не стать вторым Керенским. Поэтому он действовал более решительно, чем его русский предшественник[260]. Он был уверен, что союз с военными и старой имперской элитой сдержит революцию и сохранит либеральную демократию.

Стремление Эберта к союзу его правительства с правыми против советов рабочих породило многочисленные споры. В ретроспективе кажется, что такая реакция ускорила угрожающую поляризацию немецкой политики в межвоенное время{265}. В то время перспективы европейских большевистских революций не казались такими уж слабыми ни левым, ни правым. Сами большевики, разумеется, были полны оптимизма. Образование Третьего Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в марте 1919 года формально обозначило раскол марксистов на коммунистов и социал-демократов и повлекло за собой возникновение более радикальных, просоветских партий. Советскими республиками были объявлены Венгрия (в марте), Бавария (в апреле) и Словакия (в июне)[261]. Казалось, у большевизма был шанс распространиться по всей Европе, хотя венгерское правительство промосковского журналиста Бели Куна[262] было единственным коммунистическим режимом[263], полностью захватившим власть в западной стране. Забастовки и политические протесты продолжались на протяжении 1919–1920 годов. На выборах в Германии в июне 1920 года радикальные левые получили почти равное количество голосов с умеренными социалистами (20,3% голосов по сравнению с 21,6% у социал-демократов). Красная волна прокатилась и по югу Европы. Период с 1918 по 1920 год вошел в историю Испании под названием «Большевистское трехлетие» (*Trienio Bolchevista*)[264], Италия пережила «Красное двухлетие»

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org (biennio rosso) в 1919-1920 годах. Некоторое время казалось, что в Северной Италии движение фабричных советов и «оккупации фабрик и заводов» неизбежно приведет к итальянской коммунистической революции. Волнения рабочих, поддерживаемые вобблис и другими левыми, участились в США. В 1919 и 1920 годах на США обрушилась самая мощная волна забастовок за всю американскую историю. Рабочие требовали улучшения условий труда и более демократичного управления.

Коммунистические партии извлекли пользу из проявлений массового радикализма. Коммунистами были в основном молодые, часто необразованные или плохо образованные люди[265]. Большинству участников Второго конгресса Коминтерна (июль 1920 года) не исполнилось и сорока, мало кто из них участвовал в социал-демократическом движении до войны[266]. Многие вышли из рабочих и солдатских советов военного периода, а не из организованных партий или профсоюзов. Такие «новички» часто выступали против социал-демократов средних лет и их закоснелой, чрезмерно уступчивой культуры[267].

Отчасти коммунистами двигали экономические соображения, однако многих толкнуло к радикализму участие в войне в рядах немецкой и австро-венгерской армии со строгой иерархией и жесткой дисциплиной. Типичным представителем коммунистических активистов был Вальтер Ульбрихт. Он родился в Лейпциге в семье портного и швеи. Его мать была на стороне социал-демократов. Он был воспитан во всеобъемлющей атмосфере марксистского социализма и партии Каутского. Разразившаяся война привела его к милитаристскому левому социализму. Опыт службы в немецкой армии породил в нем ненависть по отношению к «духу прусского милитаризма». Четыре года его жизни были особенно трудными: он страдал от малярии, к тому же терпел наказания за распространение спартакистской литературы. После освобождения из тюрьмы он вернулся в Лейпциг, где стал одним из самых ярких сторонников политики КПГ. Он быстро поднялся наверх в партийной иерархии, вскоре став секретарем КПГ в Тюрингии. Он также был делегатом IV конгресса Коминтерна, проходившего в 1921 году в Москве, где познакомился с Лениным[268]. Именно это поколение коммунистов, рожденное и выросшее в пролетарской марксистской субкультуре имперской Германии, война превратила в радикалов, которым предстояло руководить коммунистическим режимом Восточной Германии после Второй мировой войны. Сам Ульбрихт был первым секретарем руководящей коммунистической партии[266] с 1950 по 1970 год.

Участие и поражение в войне также привели многих интеллектуалов к революционному марксизму. Одной из главных причин поворота к марксизму было их отношение к буржуазии, но они выступали против особого типа буржуа. Это был не тот ограниченный Грэдграйнд Диккенса, портрет которого реалистично описан Марксом в «Капитале». Это был образ Дидериха Геслинга, антигероя известного романа Генриха Манна «Вернопопданный» («Der Untertan», 1918 год). Геслинг был «буржуа-вассалом», подданным-Гермесом при кайзере Вильгельме – Зевсе. В сущности, он простой циничный приспособленец, которого, однако, научили чтить иерархию в школе и университете. Он усердно пытается стать «своим» среди аристократов: вступает в общины и студенческие корпорации, проводящие время в попойках и дуэлях, носит усы а-ля кайзер Вильгельм II, становится сторонником модных течений милитаризма и империализма. В то же время он эксплуатирует рабочих, находящихся у него в подчинении[269].

В романе «Вернопопданный» ярко изображено отношение таких марксистов, как Роза Люксембург, к теориям империализма. Согласно им, капитализм уже было невозможно представить в отрыве от милитаризма и империализма. Слова либералов в защиту капитализма как хранителя свободы и мира казались уже неправдоподобными. Так считали многие, даже те, кто не был марксистом. Карл Краус, владелец венского сатирического журнала «Факел» (Die Fackel) и критик национализма (не будучи при этом марксистом), ухватился за всеобщий интерес к коммунизму с целью позлить интеллектуалов. В ноябре 1920 года он писал: «В реальности коммунизм – не что иное, как антитезис определенной идеологии, которая несет вред и распад. Спасибо, господи, за то, что коммунизм родился из чистого и ясного идеала, который сохраняет его идеалистическую цель, хотя, как противоядие, он может действовать жестко. К черту его практическое значение: пусть господь сохранит его для нас как вечную угрозу тем людям, которые владеют огромными поместьями и ради того, чтобы их сохранить, готовы отправить человечество на войну, обречь его на голод во имя патриотизма. Да хранит господь коммунизм, чтобы оградить злой выводок его врагов от еще большего бесстыдства, чтобы спекулянты не спали

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
спокойно из-за приступов тревоги»{270}.

Если у Крауса и возникали сомнения относительно «жесткости» коммунизма, другим она казалась нормой; на огонь нужно отвечать огнем. Перед войной многие представители передовой интеллигенции находились в глубоком отчаянии от светского, мещанского, буржуазного образа жизни и рабской зависимости от денег и технологии. Они ожидали политики, в которой отразятся дух, душа, порыв. Эти романтики, противники капитализма часто одобряли войну как возможность покончить с самодовольством буржуазии и создать нового человека – источник обновленной энергии и моральной силы{271}. Но война по-разному повлияла на радикалов. В некоторых людях (таких, как футурист Маринетти, ставший сторонником фашизма) она пробудила потребность в более остром проявлении национализма. Однако самой распространенной реакцией было разочарование в националистических идеях. Многие левые интеллектуалы периода Веймарской республики оставались под глубоким впечатлением от непосредственного участия в военных действиях.

Если война и поставила под сомнение националистический милитаризм, это не повлияло на отношение к военному романтизму. Художники и интеллектуалы как никогда стремились создать нового человека, свободного от ограничений буржуазного общества. Однако новым человеком должен был стать идеальный рабочий, а не воин-националист. Многие лидеры экспрессионизма в искусстве (движение, в котором больше всего ценились обостренные ощущения и крайняя образность) перешли на сторону левых. Драматург Эрнст Толлер, например, возглавил недолго существовавшую Баварскую советскую республику в апреле 1919 года[267].{272}

Учитывая сложность той эпохи, неудивительно, что большинство теоретиков марксизма военного поколения оказались на стороне радикалов и были ближе к Александру Богданову[268] и левым большевикам, чем к Ленину. Например, Дьердь Лукач, интеллектуал, выходец из богатой еврейской семьи, жившей в Будапеште, до войны являлся критиком капитализма и романтиком, но его интересы были созвучны скорее утопическому мистицизму, а не левому социализму. Социализм, считал он, не обладал «силой религии, способной заполнить всю душу»{273}.

Однако война и большевистская революция убедили его в том, что коммунизм – лучший способ построить новое общество, свободное от удушающего рационализма буржуазии. Его друг, Пауль Эрнст, приписывал ему следующее отношение к большевикам: «Русская революция... делает свои первые шаги к тому, чтобы повести человечество, оставляя позади буржуазный порядок, механизацию, бюрократизацию, милитаризм и империализм, к свободному миру, в котором снова будет править Дух, а Душа наконец сможет пожить»{274}.

Лукачу потребовалось некоторое время, чтобы избавиться от недоверия к коммунизму из-за применяемого им насилия. Только в декабре 1918 года он окончательно был обращен в коммунизм благодаря Беле Куну. Когда в марте 1919 года Кун сформировал Венгерское советское правительство[269], Лукач был назначен народным комиссаром народного образования[270]. Он занимал эту должность все 133 дня существования режима. При нем для рабочих Будапешта на театральных сценах ставились произведения Дж. Бернарда Шоу, Н.В. Гоголя и Г. Ибсена. В последние дни советского правительства самый выдающийся из интеллектуалов стал комиссаром, контролирующим Венгерскую Красную армию. Он беспечно объезжал траншеи, не боясь вражеского огня{275}. Его марксизм характеризовался большим левым уклоном и радикализмом, чем марксизм Ленина. Он даже предлагал распустить Коммунистическую партию, как только она придет к власти{276}. В годы пребывания в Вене, куда он эмигрировал, он стал более ортодоксальным, однако его труд «История и классовое сознание» (1923) оказался одним из самых значимых текстов «западного марксизма», который подчеркивал силу культуры, зависимой от науки и законов истории{277}. Считается, что Лукач был высмеян Томасом Манном (достаточно несправедливо) в романе «Волшебная гора» (1924), где он изображен в образе Нафты, объединяющем черты еврея, иезуита и коммуниста. В одном из пассажей романа, относящихся к спору, он заявляет: «Пролетариат продолжает дело Григория. В нем горит его рвение во славу господ бога, и, подобно папе, пролетариат не боится обогреть руки своей кровью. Его миссия – утрастить ради оздоровления мира и достижения спасительной цели – не знающего государства, бесклассового братства истых сынов божиих»{278}.

Увлеченность идеей доминирования культуры над экономикой была присуща форме марксизма, развиваемой влиятельным итальянским теоретиком Антонио Грамши.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Его происхождение и воспитание сильно отличались от происхождения Лукача, выходящего из богатой семьи. Болезненный сын мелкого служащего с Сардинии, где знатные землевладельцы все еще имели большое влияние, Грамши признавался, что с раннего детства у него выработался «бунтарский инстинкт против богатых»{279}. Он, таким образом, был настоящим социалистом в отличие от Лукача. Когда он поступил в университет Турина, промышленного города с сильным профсоюзным движением, он тут же примкнул к левым и ушел в политику. Тем не менее он разделял стремление Лукача примирить марксизм с политикой духовной и культурной трансформации. Интеллектуалы-коммунисты, в его понимании, – это не ученые, агрономы и экономисты Каутского. Как священники средневековой католической церкви, они должны были чувствовать порывы масс. Под влиянием российского пролеткульта Грамши надеялся на то, что движение фабричных советов приведет к созданию новой эгалитарной пролетарской культуры, так как социализм был «целостным мировоззрением» с собственной «философией, таинственностью, этикой»{280}. Грамши всегда оставался верен традиции радикальной демократии, больше доверяя выборным рабочим органам, чем централизованной власти{281}. Несмотря на его взгляды, в условиях сложной фракционной политики начала 1920-х годов он стал лидером Коммунистической Партии Италии и в конце 1923 года был признан Москвой.

Заинтересованность Лукача и Грамши в культурных аспектах Марксизма разделяли многие западные интеллектуалы их поколения. В 1923 году в Германии был основан Институт социальных исследований, или Франкфуртская школа, с момента основания в ней велись марксистские исследования. После прихода к власти Гитлера Институт переехал в Нью-Йорк. Представителями Института являлись далекие от политики коммунизма марксистские критики культуры Вальтер Беньямин и Герберт Маркузе{282}. Однако эти исследователи не обладали таким влиянием в межвоенный период, как в 1960-е годы, на которые пришелся очередной расцвет романтического марксизма. Они были еще очень молоды, хотя важнейший труд романтического марксизма был создан уже в 1930-е годы – труд Грамши, написанный в фашистской тюрьме. Они слишком резко отвергали научный, модернистский марксизм. Оставался еще один критик модернистского марксизма, главный теоретик и коммунист-политик – «Красная Роза» Люксембург. Радикальная марксистка и ярая сторонница революционной демократии, Люксембург критиковала марксистскую идею «ожидания», а лидерство социал-демократов считала вялым и лишенным воображения. Ее вкусы были противоположны ленинским. Она ненавидела то, что называла «немецкой ментальностью», за ее рутинность и навязчивость и восхищалась революционной энергией русских{283}. Если Ленин считал своей миссией вестернизацию России, то Люксембург считала своей – русификацию Германии[271]. Но во многом она была похожа на Ленина – ортодоксальная марксистка, родившаяся в Российской империи в начале 1870-х[272], выступающая за революцию, несмотря на уверенность в том, что капитализм рано или поздно неизбежно отомрет. У них с Лениным был еще один общий интерес – экономика. В своем главном теоретическом труде «Накопление капитала» она попыталась объяснить, как и Маркс в «Капитале», почему капитализм был обречен из-за внутренних экономических противоречий. Как и Ленин, она придерживалась буржуазной щепетильности и порядка в повседневной жизни, оставаясь при этом суровым критиком буржуазии.

Люксембург также поддерживала революционную стратегию Ленина 1918 и 1919 годов[273]. Будучи воинственной активисткой, она призывала к установлению социализма в Германии, а ее «Союз Спартака» стал ядром Коммунистической партии Германии, образованной 30 декабря 1918 года. Она всегда была сторонником революционной демократии, критиковала террор и осуждала авторитаризм большевиков. Несмотря на это, Ленин ею восхищался. После ее смерти он сравнивал ее с орлом из русской сказки об орле и цыпленке. Она иногда летела ниже цыпленка, например, когда не соглашалась с ним в вопросах насилия и революции, однако она также воспарила к высотам марксистской добродетели.

В 1918 и 1919 годах Ленин сам был готов принять на Западе революционный радикализм, от которого он отказался в России[274]. Он рассуждал: рабочие Запада более зрелые, чем «отсталые» русские. На Западе революции могли бы «протекать ровнее и спокойнее», власть рабочим досталась бы другими способами, не предусматривающими железной дисциплины передовой партии. Поэтому когда Ленин стремился учредить Третий Коммунистический Интернационал (Коминтерн) как альтернативу Второму Социал-демократическому, он не подумал, что Коминтерну необходим централизованный контроль[275]. Первый конгресс Коминтерна открылся в холодном холле Кремля в марте 1919 года. Его начало было весьма хаотичным.{284} Прибыло очень мало иностранных

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org делегатов, а те, кто прибыл, должны были мириться с «шаткими стульями и непрочными столами, явно заимствованными из кафе», а также с «коврами, которые расстелили (хотя и напрасно), чтобы компенсировать работу обогревателей, направляющих на делегатов сильнейшие потоки холодного воздуха»{285}. В этом холоде, однако, разгорелся жар риторики. Многие делегаты были уверены в неизбежности мировой революции и считали рабочие советы семенами нового государства. Действительно, даже в «Манифесте Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», написанном Л. Троцким, ни разу не упоминалось правление передовой коммунистической партии. Модель нового государства здесь была представлена так же, как и в труде Ленина «Государство и революция»{286}.

III

Некоторое время марксистская теория и народные настроения развивались в тандеме, когда радикальный марксизм попал в тон милитаристским настроениям рабочего движения. В одних странах коммунисты действовали успешнее, чем в других, хотя политика развивалась вовсе не по образцу, предсказанному ортодоксальным марксизмом. Единый и целостный рабочий класс не создал мощного коммунистического движения. Рабочие приняли сторону умеренных социалистов и профсоюзов, которые использовали мощь организованного труда для принуждения правящих классов к уступкам. Напротив, коммунисты преуспели в неразвитых аграрных странах, которые лишь частично затронула индустриализация[276]. Рабочий класс в таких странах еще не был сформирован, крестьяне враждебно относились к остаткам старого аграрного порядка, а умеренные социалисты имели слабые позиции{287}. Успеху коммунистов способствовало поражение в войне, дискредитировавшее высший класс и сотрудничавших с ним социалистов.

Все эти факторы, разумеется, наиболее четко сработали в России. Частично под такую модель подходила Венгрия. В отличие от России, Венгрия не имела сильной традиции революционной марксистской политики[277]. Однако это была преимущественно аграрная страна[278], которой правил слабый консервативный режим, который проиграл войну и отказывался от уступок другим классам и национальным меньшинствам. Дискредитация правящей элиты и угроза территориального распада привели к беспорядкам на селе и бескровной революции, осуществленной рабочими в Будапеште, в результате которой в октябре 1918 года[279] к власти пришел либерал, граф Михай Каройи, возглавивший Временное правительство в составе либералов и умеренных социалистов. Хотя предполагалось, что Временное правительство должно было подготовить выборы в Учредительное собрание, оно многократно их отменяло, ссылаясь на то, что выборы невозможно провести до тех пор, пока в Венгрии находятся войска союзников[280]. Работа правительства во многом была парализована продолжительным спором либералов и социалистов по поводу земельной реформы. В результате на него стали оказывать давление рабочие, чей радикализм стремительно возрастал, крестьяне и демобилизовавшиеся солдаты.

Казалось, Венгрия идет по тому же пути, который Россия избрала полтора года назад. В ней также возникла партия большевиков (на которую оказывали сильнейшее влияние русские социалисты)[281], взявшая под контроль разворачивающуюся ситуацию. Тем не менее партия зародилась не дома, а в России. Когда разразилась Февральская революция, Россия приняла около полумиллиона венгерских военнопленных, многие из которых поддерживали большевиков. Один из них, харизматичный журналист Бела Кун, принимал активное участие в политике советов. Он переехал в Петроград, где организовал группу венгерских военнопленных коммунистов. Это была одна из первых попыток большевиков «экспортировать» революцию за пределы России. Они были уверены, что после Германии Венгрия была «самым слабым звеном» в капиталистической цепи[282]. В Москве и Омске были образованы революционные школы для бывших венгерских военнопленных, где они проходили «курс революционера» и возвращались в Венгрию. В ноябре 1918 года в гостинице «Дрезден» в Москве была формально учреждена Венгерская коммунистическая партия. Отсюда Кун руководил группой отправлявшихся домой революционеров, намеренных превратить «Венгерскую керенщину» в «Венгерский октябрь».

Кун был влиятельным пропагандистом и ярким оратором, которым восхищались даже его враги. Один из социалистов так описал его речь: «Вчера я слышал, как выступает Кун... это была смелая, полная ненависти и вдохновения речь. У него был тяжелый взгляд, голова быка, жесткие волосы и усы; черты скорее не еврея, а крестьянина – так можно описать его лицо... Он знает своих

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org слушателей и управляет ими... Фабричные рабочие, давно не в ладах с лидерами социал-демократической партии, молодые интеллектуалы, учителя, врачи, адвокаты, клерки, – все, кто пришел к нему в кабинет, познакомились с Куном и марксизмом»{288}.

Его энергия, а также советская финансовая помощь привели к нужным результатам. Коммунисты также извлекли пользу из радикализма рабочих советов и воспользовались тем, что Венгрии угрожал территориальный распад{289}. Правительство Каройи вскоре пало жертвой поддерживаемых союзниками Румынии, Чехословакии и Югославии, претендующих на куски венгерской территории[283]. Коммунисты в это время утверждали, что союз с СССР[284] будет значительно эффективнее заискивания перед коварными союзниками. В марте[285] социалисты объединились с коммунистами и создали совместное правительство для противостояния союзникам. Так появилась Венгерская советская республика.

Венгры, таким образом, были среди первых коммунистов, попытавшихся открыто объединить национализм и революционный пыл. Вначале они добились больших успехов в отношениях с союзниками, настаивая на своих условиях. Казалось, отказ от ленинского ортодоксального интернационализма сможет объединить большинство венгров под знаменем коммунизма. Но в остальных аспектах Кун и другие венгерские коммунисты были в меньшей степени прагматичны, чем Ленин. Они заимствовали экономические идеи радикального марксизма, изложенные в произведении «Государство и революция», а также модель «пролетарской демократии», которую большевики использовали в своей риторике и пропаганде в 1917-м и в начале 1918 года{290}. Кун считал, что венгры намного более развиты, чем русские, следовательно, они способны к более быстрому переходу к коммунизму. Была отменена система оплаты труда рабочих по результату. Заработная плата была повышена, налоги с рабочих снижены. Фабрики подлежали национализации, а вся экономика – контролю центра. Кроме того, армия объявлялась исключительно пролетарским органом, воинская повинность была отменена, все солдаты, не являющиеся рабочими, уволены. В то же время «Террористический отряд Революционного правительственного совета», состоящий из «ленинских парней» – жестких людей в кожаных куртках, преследовал богачей и бывших лидеров старого режима.

Многие эксперименты коммунистов привели к хаосу и под давлением социалистов были отменены. Однако режиму не удалось восстановить городскую экономику. Кроме того, власти продолжали действовать исключительно в интересах пролетариата. Они распорядились, чтобы земля была национализирована и возделывалась коллективно. Ленин уговаривал венгров отказаться от этого глупого амбициозного шага, но в упрямстве Куна звучала национальная гордость: «Давайте осуществим революцию также в сельском хозяйстве. У нас это получится лучше, чем у русских...»{291} Применение коммунистами конфискации продовольствия в пользу армии, а также их антирелигиозная кампания убедили крестьян в том, что правящий режим – их враг.

Венгерское советское правительство вскоре осталось совсем без поддержки[286]. Особенно враждебным было отношение крестьян, однако рабочие также были недовольны дефицитом продовольствия, инфляцией, которая привела к обесцениванию денег. Это был последний провал правящего режима, стремившегося защитить нацию от иностранной агрессии, разрушавшей его. Поздней весной 1919 года венгерская Красная Армия ответила на вторжение чехов и в свою очередь глубоко вторглась в Словакию, учредив в июне Словацкую советскую республику. Кун даже планировал осуществить переворот в Вене, однако эти планы были легко разрушены. Когда премьер-министр Франции Ж. Клемансо и союзники потребовали от Венгрии вывести войска, Кун подчинился. Это значительно подорвало боевой дух венгров и побудило соседние государства к контратаке. В последние недели своего существования режим организовал «красный террор» против внутренних «врагов». Жертвами террора, призванного консолидировать власть, стали 587 человек. В отчаянии Кун обратился к Ленину за военной помощью, но безрезультатно: большевики в России сами находились в затруднительном положении[287]. 1 августа Революционный правительственный совет передал власть правительству профсоюзов[288], Кун и его соратники бежали в Австрию[289]. Венгерская советская республика пала жертвой давления иностранных государств, а не народного восстания. Тем не менее Кун осознавал, что ему не удалось заручиться поддержкой венгерских рабочих, не говоря уже обо всем населении.

Венгерских коммунистов подвел их собственный догматизм, а также неспособность выполнить националистические обязательства в период, когда

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org государство боролось за свое существование. Ситуация в Италии выглядела более благоприятной. У радикальной итальянской социалистической партии (ИСП) был продолжительный опыт эффективной организации и оппозиции войне. Индустриализация в Северной Италии, как и в России, проходила поздно и неравномерно, рабочий класс был сконцентрирован в промышленном треугольнике Турин – Генуя – Милан, а радикально настроенные крестьяне – в близлежащей долине реки По. Итальянские коммунисты с большей готовностью, чем венгерские, обращались к крестьянам. В октябре 1919 года ИСП заявила, что им недостаточно либеральных реформ и что пришло время для создания нового типа социалистического государства. Левые радикалы получили поддержку местного электората, а также взяли под контроль фабрики и заводы, где участились забастовки и бойкоты. Грамши считал, что именно фабрично-заводские советы могли стать основой нового государства. {292}

Тем не менее, как и в России, радикалы столкнулись с серьезными проблемами, пытаясь объединить рабочую демократию и эффективное управление экономикой. Фабрично-заводские советы действовали в своих интересах. Трудно было гарантировать, что они наладят между собой эффективный обмен сырьем и товарами, чтобы поддерживать экономику {293}. Управление революционным движением также оказалось непростым делом. Радикальные социалисты контролировали некоторые регионы, но государством по-прежнему управляли либеральные партии, которым подчинялась армия. Большие группы населения, особенно сельского, сохраняли консервативные взгляды. К тому же серьезные разногласия возникли среди самих рабочих социалистов. Руководство ИСП и большинство ее членов не были приверженцами революции. В сентябре 1920 года по результатам референдума, проведенного среди членов профсоюзов, предложение того, чтобы фабричные советы стали основой альтернативного революционного государства, было отвергнуто, хотя и с небольшим перевесом: 591 245 против 409 569 голосов. Грамши, как и все, кто верил в силу рабочего движения, вскоре убедились в том, что для управления революцией необходима централизованная «ленинская» партия. ИСП в конце концов распалась в 1921 году на социалистическую и коммунистическую партии. Такой раскол левых содействовал военизированным правым. С начала 1920 года с «красной волной» начали бороться фашисты – коалиция бывших социалистов-националистов, таких как Муссолини, включающая сторонников землевладельцев и противников социалистов. В основном это были молодые выходцы из среднего класса. Убежденные в том, что классовая борьба разрушала единство и силу Италии, они проявляли чрезмерную жестокость по отношению к левым и в конце концов пришли к власти в октябре 1922 года. В 1926 году Грамши был арестован и заключен в тюрьму.

Москва возлагала большие надежды на революцию в Италии, но главной ее целью оставалась Германия. Однако первая же попытка коммунистов захватить власть окончилась неудачей. В январе 1919 года новое правительство Эберта развернуло кампанию по искоренению позиций радикалов. 4 января 1919 года был отправлен в отставку начальник берлинской полиции Эйхгорн. В его поддержку люди неожиданно вышли на демонстрации. Хотя Роза Люксембург скептически относилась к тому, чтобы бросить вызов правительству, она и партия коммунистов (КПГ) в конце концов решили поддержать массовое восстание, объединившись с левой Независимой социал-демократической партией (НСДПГ). В ответ правительство Эберта использовало добровольческий корпус (военизированные отряды правого крыла, образованные для подавления революции), и января отряд взял штурмом штаб-квартиру социал-демократической газеты «Вперед» (Vorwärts), которую занимали революционеры. К 15 января восстание было подавлено, коммунистические лидеры ушли в подполье. Отряды добровольческого корпуса нашли и убили Либкнехта и Люксембург с молчаливого согласия социал-демократического правительства.

Эти убийства всех глубоко шокировали. Мученическая смерть Люксембург и Либкнехта сделала их «святыми» в глазах членов Молодых коммунистических партий. Центром коммунистической культуры периода Веймарской республики стали ЛЛЛ-фестивали (Ленин – Люксембург – Либкнехт) {294}. Однако репрессии сделали свое дело, по крайней мере на время. Как показал Брехт в пьесе «Спартак», большинство хотели мира и порядка, а не Революции. В последовавших выборах социал-демократы получили 37,9% голосов, а единственная оставшаяся левая партия НСДПГ – 7,6%.

Тем не менее конец революционной эры не наступил. Репрессивная политика правительства под руководством социал-демократов, а также действия их военных союзников привели к обратному. Подавленный мятеж правых,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org возглавляемый Вольфгангом Каппом[290], убедил многих рабочих в неспособности социал-демократов противостоять возвращению бывшей политической элиты[291]. Возродилось движение фабрично-заводских советов, из нескольких регионов были выведены войска и отряды добровольческого корпуса, а на выборах в июне 1920 года левые радикалы получили свой «максимум» – 20% голосов у НСДПГ и коммунистов против 21,6% голосов у социал-демократов. В промышленных районах Германии по-прежнему происходили забастовки и беспорядки. Сотрудничество НСДПГ и коммунистов успешно продолжилось.

Второй конгресс Коминтерна проходил в июле 1920 года в атмосфере оптимизма и подъема. В Италии набирало обороты движение фабричных советов, Красная армия приближалась к Варшаве, неся коммунизм на Запад, как полагали большевики. Однако к осени коммунисты отступили на всех фронтах. Преследования вобблис и других американских радикалов, начавшиеся во время войны, достигли наивысшей точки во время «красного ужаса» 1919-1920 годов. Тысячи людей были арестованы, многие высланы из страны[295]. В Европе спад движения фабричных советов в Италии в конце 1920 года, отступление Красной армии от Варшавы в августе и поражение, которое нанесла ей новая польская армия, обозначили начало конца. Позже стало ясно, что конец революционной эпохи наступил с катастрофическим крахом так называемого мартовского восстания, спланированного немецкими коммунистами в 1921 году. Силы полиции и армии были брошены на подавление забастовок в Саксонии, а Бела Кун, появившийся в Берлине как коминтерновский лидер, призвал Коммунистическую партию организовать в ответ пролетарскую революцию. Восставшие оказались в меньшинстве, забастовки были подавлены с помощью рабочих – сторонников социал-демократов. Это стало очевидным поражением: тысячи людей были брошены в тюрьмы, 145 человек погибло.

Брехт оказался прав. Возможно, он пришел к верному выводу: люди просто устали от борьбы. Если многие были глубоко разочарованы старыми режимами и их упрямой воинственностью, то большинство людей уж точно не желали, чтобы вместе с классовыми войнами во всем мире последовало жестокое насилие. Однако существовали и другие причины неудачи революций. Одни коммунисты были слишком разобщены и при этом слишком амбициозны, как, например, в Венгрии. Другие недооценивали реальность и не в состоянии были объяснить, как децентрализованные советы могли управлять современной промышленной экономикой. Однако решающим фактором, подорвавшим революционный дух, стали мощные демократические социальные реформы. По всей Западной Европе было расширено избирательное право и предоставлены привилегии рабочим – особенно в Веймарской Германии, где социал-демократы сохраняли значительное влияние. Надежда на мирное существование и окончание войны, во время которой рабочие сыграли большую роль в экономике и добились многих прав, окончательно подорвали выступления коммунистов.

И все же социальные конфликты, уходящие корнями в прошлое, так и не были преодолены. Правительства и средний класс добивались возвращения к независимой экономике образца до 1914 года и к золотому стандарту, который, несомненно, ограничивал рост экономики. Однако эти стремления трудно было совместить с послевоенными обещаниями, поэтому улучшение уровня жизни часто приносилось в жертву «золотому кресту» – необходимости поддерживать стабильность валюты. Рабочие выступили против низкой заработной платы и высокого уровня безработицы: самый известный рабочий протест – Всеобщая забастовка в Великобритании, организованная в знак протеста против понижения заработной платы в 1926 году после того, как Уинстон Черчилль вернул фунт стерлингов к золотому стандарту[292]. В конце 1920-х годов происходил бум, но он был хрупким. Прибыль предприятий росла, заработная плата оставалась низкой. В США капитал вкладывался в ценные бумаги и недвижимость, а не в производство товаров для расширяющегося рынка. Относительное благополучие Западной Европы целиком зависело от краткосрочных ссуд из американских банков. Как вскоре стало ясно, развитые страны не смогли поддерживать стабильный капитализм, который гарантировал бы благополучие и социальную гармонию.

На время капиталистическая система обеспечила себе стабильность – это признали даже коммунисты. Однако схлынувшая революционная волна оставила после себя заводы радикализма, и коммунисты нашли убежище во многих сообществах рабочих и безработных по всей Европе. Их самой крепкой цитаделью оставалась Германия, где коммунисты по-прежнему имели 10% голосов. Родина Маркса и Энгельса продолжала оставаться центром коммунизма за пределами СССР[293].

IV

В декабре 1930 года Брехт, к этому времени уже убежденный марксист и сторонник КПГ, написал, возможно, самую противоречивую свою пьесу «Принятые меры» (Die Massnahme). В пьесе участвовал большой хор рабочих (организованный по образцу греческого хора). Пьеса рассказывала о трех коммунистах, секретная миссия которых – разжечь революцию в Китае. Они знакомятся с молодым проводником и предупреждают его, что должны хранить в секрете свои настоящие имена. Если власти их раскроют, не только они будут убиты, но и все коммунистическое движение окажется в опасности. Все четверо надевают маски. Однако проводник, эмоциональный и нестойкий, настолько тронут страданиями китайцев, что пытается помочь им. Он снимает маску и раскрывает себя. Власти преследуют молодого проводника, и три коммуниста понимают, что он – помеха. Они не могут бросить его, но также не могут взять его с собой. Они приходят к выводу, что должны убить его, и он сам соглашается с тем, что это единственно правильное решение. Его убивают, а тело бросают в яму с известью, чтобы невозможно было установить его личность. Приводящим в ужас пением хор заявляет, что коммунисты приняли правильное решение, что необходимые «меры были приняты» для спасения революции{296}.

Пьеса вызвала бурю противоречий среди левых. Коммунистка Рут Фишер, сестра соавтора Брехта Ханса Эйслера, позже обвиняла Брехта в том, что он оправдывает жестокость советской власти как «певец ГПУ»{297}. Брехт утверждал, что он лишь побуждал зрителей углубиться в проблему способа ведения революции и необходимости самопожертвования в период, когда коммунистам угрожает фашизм. Несмотря на это, пьеса дискредитировала его. Во время антикоммунистической кампании сенатора Дж. Маккарти Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности усмотрела в пьесе «Принятые меры» доказательство причастности Брехта к революционному насилию, что стало причиной его переезда из США в коммунистическую Восточную Германию в 1949 году.

Какой бы противоречивой и неоднозначной ни была бы тема насилия у Брехта, в своей пьесе он достоверно изобразил суровый характер европейского коммунизма за пределами СССР 1920-х и начала 1930-х годов. Скептическое отношение Брехта к революционному радикализму, которое уже в 1919 году было очевидным, теперь широко распространилось. Эмоциональность искусства и литературы экспрессионистов привела к сдержанной «новой вещественности» (Neue Sachlichkeit). Крах послевоенных революций и рост радикальных антикоммунистических правых настроений привели к возникновению отчужденной и бескомпромиссной культуры, которую Брехт изобразил в пьесе «Принятые меры». Целью все еще оставалась революция, однако эмоциональность должна была уступить место дисциплине. Зависимость европейских коммунистов от Советского Союза стремительно возрастала. Они подчинились авторитаризму и бесконечно далеко ушли от демократии Советов 1919 года. Они оказались в изоляции от всего общества, словно последователи преследуемой секты.

Первый знак этих перемен в интернациональном коммунистическом движении относится к лету 1919 года – времени череды неудач коммунистов. Если унижительный Брестский мирный договор, подписанный в марте 1918 года, обозначил конец «пролетарской демократии»[294] в России, то крах Венгерской советской республики в августе 1919 года убедил Ленина в необходимости пересмотреть большевистский подход к мировой революции. Теперь он был уверен, что зря надеялся на более демократический, чем в случае России, характер западных революций. Ленин возложил ответственность за падение Венгерской республики на Белу Куна. Кун совершил большую ошибку, объединив коммунистическую партию и социалистов. Кроме того, он недооценил возможности передовой партии и отдалил от себя крестьянство{298}. Как объяснял Ленин в своей влиятельной работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», написанной в апреле 1920 года, уроки России показали, что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата» необходимы в условиях «долгой, упорной, отчаянной, войны не на живот, а на смерть» против буржуазии[295].{299}

На Втором конгрессе Коминтерна в 1920 году Ленин и большевики поставили серьезную задачу централизации интернационального коммунизма под строгим контролем большевиков. Конгресс постановил, что все партии должны выполнить «21 условие», важнейшим из которых являлось полное отделение от социал-демократических партий. Членами партии могли быть только

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org «проверенные коммунисты», «реформистов» и «оппортунистов» следовало исключить. Принципы конспиративной большевистской передовой партии применялись ко всему интернациональному движению. Коммунистический пуризм натолкнулся на оппозицию, особенно в лице НСДПГ, однако Григорий Зиновьев, председатель исполкома Коминтерна, был непреклонен. Он насмешливо замечал, что противники обособления коммунистических партий «считают Коммунистический Интернационал трактиром, где представители разных стран распевают “Интернационал”, расточают друг другу комплименты, а затем расходятся каждый своим путем и продолжают все по-старому. Все это в традициях Второго Интернационала, мы никогда этого не потерпим!»^{300} Все партии, входящие в Коминтерн, должны были называться «коммунистическими» и подчиняться исполнительному комитету, в котором доминировала партия большевиков.

В результате возникли коммунистические партии, вышедшие из довоенных европейских левых партий. Раскол 1903 года российской партии на революционных большевиков и умеренных большевиков повторился и в интернациональном коммунистическом движении. В некоторых странах коммунисты извлекли выгоду из такого раскола. В Германии малочисленная Коммунистическая партия привлекла большинство независимых социал-демократов и превратилась в крупную организацию, насчитывавшую 350 тысяч человек. В то же время во Франции французская коммунистическая партия (ФКП) включила в свои ряды большинство членов старой социалистической партии СФИО, участницы Второго интернационала. Однако в Италии раскол бывшей социалистической партии (ИСП) привел к тому, что у малочисленной коммунистической Партии осталось лишь 4,6% голосов. Сильные партии возникли также в Болгарии, Чехословакии и Финляндии. Однако в остальных странах (в Иберии, странах Бенилюкса, Великобритании, Ирландии, США, Дании, Швеции, Швейцарии, в большинстве стран Восточной Европы) коммунистические партии были малочисленными и невлиятельными. Во всех странах, кроме Германии и Финляндии, они редко могли рассчитывать более чем на 5% голосов, а Коммунистическая партия Великобритании и вовсе набирала от од до 0,4% голосов, хотя и получила одно место в парламенте в 1922 году^{301}. Таким образом, за пределами СССР самой многочисленной^[296] и влиятельной партией коммунистов оставалась Коммунистическая партия Германии.

Было ясно, что революционная волна схлынула, и в марте 1921 года большевистские лидеры столкнулись с новой ситуацией. Мартовское восстание в Германии потерпело крах, экономический кризис вынудил власти России ввести новую экономическую политику. Советскую экономику можно было строить и поднимать только с помощью экспорта сырья и продовольствия (особенно пшеницы). В том же месяце СССР заключил первый торговый договор с капиталистической страной – Великобританией. Было ясно, что социализм остался далеко за горизонтом. Как объяснил Троцкий в июне 1921 года: «Только сейчас мы действительно видим и понимаем, что не подошли близко к нашей конечной цели – захвату власти во всем мире... Мы говорили себе в 1919 году, что это вопрос нескольких месяцев, а теперь говорим, что, возможно, это вопрос нескольких лет»^{302}. В результате стала проводиться новая политика. Коммунистические партии должны были приостановить призывы к скорой революции, и в то же время ее готовить, рассчитывая на более длительный срок. Теперь коммунисты в рамках политики «единого фронта» должны были работать с членами (но не лидерами) реформистских социалистических партий. Когда лед отношений между СССР и Западом постепенно начал оттаивать (в 1922 году с Германией был подписан Рапалльский договор, а в 1924 году британское лейбористское правительство признало СССР на дипломатическом уровне), новая политика казалась оправданной.

В некоторых странах мира новая политика принесла свои плоды, самые поразительные из которых – альянс китайских коммунистов с националистической партией Гоминьдан и связи британских коммунистов с профсоюзами, установленные с помощью Англо-русского комитета. Многие коммунисты (особенно там, где их партии были малочисленны и невлиятельны) были рады возможности повышения своей роли в более широком левом движении. Но в большинстве стран изоляция коммунистов продолжалась. Политика «единого фронта» содержала в себе противоречия, например запрет контактов с социал-демократическими партиями и в то же время призыв к сотрудничеству с реформистскими профсоюзами. Многие коммунисты были противниками такого сотрудничества, особенно в Германии, где они сохранили ненависть к социал-демократам. Их враждебность была полностью взаимна.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Постоянные резкие изменения в политике Москвы усложнили отношения с умеренными левыми и способствовали еще большему отчуждению коммунистов. Главным поворотным событием стал унижительный крах «Немецкого октября» 1923 года. После того как французские и бельгийские войска оккупировали Рур в 1923 году, левый блок коммунистической партии Германии со своими союзниками в Москве Троцким и Зиновьевым выступил инициатором создания союза коммунистов с националистами, который должен был стать двигателем революции. Москва выделила значительные средства для осуществления восстания, однако коммунисты переоценили настроения рабочего класса, и от революции пришлось отказаться[297].{303}

Краh немецкой революции пришелся на период продолжительной болезни Ленина и развернувшейся борьбы за власть между советскими партийными лидерами. Соперники Троцкого, включая Сталина, использовали этот провал, чтобы унижить сторонников неудавшейся революции, централизовать власть и умерить радикализм. В 1924 году Кремль объявил о «большевизации» Коминтерна. Это означало, что все партии Коминтерна должны были стать «большевистскими партиями», частью «однородной мировой партии большевиков, пронизанной идеями ленинизма»{304}. На практике это означало, что коммунистические партии стремительно превращались в инструменты советской внешней политики. Сталин даже не пытался это скрыть: «Интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР»{305}.

Вопрос о степени и результатах влияния Москвы на национальные коммунистические партии очень сложен и противоречив{306}. Было очевидно, что Коминтерн, относительно малочисленная организация, не мог отслеживать, контролировать деятельность всех коммунистических партий на всех уровнях. Кроме того, во многих странах возникли субкультуры внутри движения коммунистов. В основном они опирались на местные традиции левых радикалов и не имели ничего общего с инициативой Москвы{307}. Несмотря на это, Коминтерн попытался установить контроль над руководством всех партий, распространяя свое влияние различными способами: в «братские» партии посылались агенты, фракции партии поддерживались Коминтерном в противостоянии оппонентам, непокорные члены партии исключались, а партии при необходимости распускались (как это произошло с Польской коммунистической партией в 1938 году). Значительную роль играла финансовая поддержка{308}. Однако самым важным фактором растущего влияния Москвы был высокий авторитет СССР среди коммунистов, а также слабость национальных компартий. Несмотря на недовольство высокомерием Москвы, западные партии вынуждены были признать, что большевики пришли к власти и принесли с собой коммунизм, им же это не удалось. Неудачи показали многим то, что жесткая дисциплина, насаждаемая Москвой, стала ощутимее, чем когда-либо в прошлом{309}.

Большевики контролировали мировое коммунистическое движение еще одним способом – регулярно собирая всех лидеров коммунистов в Москве для отчета о деятельности партий. Коммунисты съезжались в гостиницу с несоответствующим ей названием «Люкс». Большое модернистское здание на Тверской (позже – улица Горького), отжившее свои лучшие времена, представляло собой ветхую гостиницу со спартанскими условиями.{310} В разное время она стала домом для многих коммунистических вождей: от главы болгарских коммунистов Г. Димитрова до вьетнамского лидера Хо Ши Мина, Германа Ульбрихта и Пальмиро Тольятти. Активисты коммунизма сталкивались друг с другом в холодных душевых: югославский лидер Иосип Тито в таких нелюбимых обстоятельствах познакомился с лидером американских коммунистов Эрлом Браудером{311}.

Международная ленинская школа для подготовки западных коммунистов, основанная в Москве в 1926 году, стала еще одним инструментом распространения влияния Кремля на коммунистическое движение. Тысячи коммунистов, в основном молодые мужчины, представители рабочего класса, обучались в МЛШ в межвоенный период. Обязательные курсы включали академические занятия по марксизму и «Историю рабочего движения», изучение политических стратегий, методов организации забастовок и восстаний. Кроме теории Ленина, студенты изучали также идеи немецкого военного теоретика К. Клаузевица. Они также посещали фабрики и заводы, что было рискованным шагом со стороны руководства Коминтерна. Многие западные коммунисты были шокированы низким уровнем жизни и ужасными условиями труда российских рабочих по сравнению с пролетариями в капиталистических странах. Они часто

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org задавали рабочим неуместные вопросы{312}. Однако более важным делом для Коминтерна, особенно после прихода к власти Сталина, стало внедрение большевистской партийной культуры, основанной на Принципах дисциплины и «конспирации», подобно той, которую изобразил Б. Брехт. Студентам давались новые имена. Им запрещалось говорить друзьям и членам семьи о том, где они находятся. Один валлийский рабочий сильно критиковал себя за то, что пренебрег этими правилами. Он признавался, что от его связей с лейбористской партией остались лишь «обломки социал-демократии, которые я привез из родной страны. Я покончил с ними, преодолев огромную нехватку партийной дисциплины и конспирации, которая просто недопустима в нашей Партии – Партии нового типа»{313}.

Жизнь коминтерновского студента была трудной и напряженной. Вольфганг Леонгард, немецкий коммунист, студент школы Коминтерна во время Второй мировой войны, когда она была эвакуирована на восток, в Уфу, вспоминал строгие занятия по нацистской идеологии и ее опровержению. Он так долго и тщательно изучал нацизм, что, вернувшись в Германию после войны и встретив настоящих нацистов, понял, что разбился в принципах и устоях нацистов лучше их самих{314}. Много времени уходило на спортивные упражнения и совершенствование навыков ручного труда (студенты должны были поддерживать связь с рабочим классом): «Наш график был таким плотным, что свободное время появлялось только в субботу днем и в воскресенье. На выходных нам позволялось делать все, что мы хотим, при этом не разрешалось пить, влюбляться, покидать территорию школы, называть наши настоящие имена, рассказывать о своей прошлой жизни или писать о настоящей в письмах»{315}. Отдых был редким удовольствием и в основном состоял в организованном пении. Некоторых студентов, отказывавшихся подчиняться, как, например, сын югославского лидера Иосипа Тито Жарко, у которого был роман с «очаровательной испанкой», исключали из школы{316}. Многие, однако, проходили полный курс и становились убежденными ленинистами и сталинистами, будущими лидерами европейских коммунистических партий{317}. Большие усилия прилагались к тому, чтобы подвести молодые, радикальные, беспорядочно организованные партии революционного периода под новый шаблон, изобретенный в Москве.

Несмотря на то что Москве обычно удавалось убедить или принудить национальные партии придерживаться часто меняющейся советской партийной линии, сделать это не всегда было легко. Коммунисты разных стран имели и собственные программы и могли оказать Москве пассивное, а иногда и активное сопротивление. Как было сказано выше, в Германии коммунистическая партия в лице ее левых представителей выступала против единого фронта с социалистами в середине 1920-х годов, а через несколько лет, когда под руководством Сталина партия взяла левый курс, ей стали противостоять правые силы. На стороне правых Кремлю противостояли также британские коммунисты. В октябре 1927 года лидер британских коммунистов, сын кузнеца Гарри Поллит отверг новое требование Коминтерна начать жесткую борьбу против лейбористской партии: он понимал, что этот призыв никто не поддержит. Руководство коммунистической партии Великобритании окончательно приняло новую политическую линию только в 1929 году{318}.

Таким образом, проведение большевизации национальных партий оказалось трудным, отчасти потому, что политика Москвы не получала поддержки, отчасти потому, что традиция Коминтерна была чужда партиям. Члены партии не только должны были разбираться в сложной марксистской терминологии (в немецком оригинале, поскольку немецкий был официальным языком Коминтерна), но и в новом русском большевистском жаргоне (агитпроп, партийная ячейка и др.). Линия партийной пропаганды разрабатывалась в Москве без консультаций с другими партиями, и коммунистам приходилось стараться, чтобы сделать скомканные лозунги притягательными и правдоподобными[298].{319} При этом, несмотря на большевизацию, партии старались объединить местную партийную культуру с традициями Коминтерна. У каждой партии были свои особенности. В Германии продолжала существовать активистская традиция, которой придерживались Роза Люксембург и левые социал-демократы до 1914 года. В Британии и других странах строгая мораль коммунизма была близка людям, воспитанным в христианской социалистической культуре сдержанности и искренности{320}. При этом получивший образование в Оксфорде, наполовину индеец, британский коммунист Раджани Палм Датт называл молодых членов партии «новичками» (fresher на сленге студентов Оксфорда и Кембриджа значит «первокурсник»).{321}

Некоторые коммунистические партии испытали постепенное сокращение

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org численности членов в 1920-е – начале 1930-х годов. Так, серьезно уменьшилось количество членов французской коммунистической партии в период с 1921 года (109 391 человек) по 1933 год (28 000 человек). Несомненно, причиной тому была необдуманная деятельность Кремля: в таких странах, как Франция и Британия, где действовали хорошо организованные умеренные социалистические партии, отчуждение партии в духе Коминтерна было непродуктивным[299]. Однако для многих коммунистов, испытывавших притеснения после неудавшихся попыток совершить революцию, «дисциплина» и поддержка большевиков казались спасением. Советский Союз представлялся испытывавшим лишения активистам идеалом, за который они боролись, землей обетованной с молочными реками и кисельными берегами. В своем этнографическом исследовании французского коммунизма Анни Кригель попыталась воссоздать ход их мыслей: «Молодому человеку, который подходил к ним с пустыми руками и просил принять его в движение, [коммунисты] вместо ответа вручали пачку листовок “Вот и ты, товарищ”. Вскоре после этого его имя попадало в черные списки нанимателей, новичок, преследуемый полицией, оказывался безработным. Теперь у него было много свободного времени на то, чтобы поголодать, а также распространять правду (ему удавалось поехать только на те деньги, которые он выручал от продажи листовок и памфлетов)... Он точно знал, что в мире есть страна, где рабочие осуществили революцию и стали хозяевами государства, владельцами фабрик и заводов, генералами Красной армии»{322}.

Небольшие группы коммунистов, настроенные на борьбу, появились по всей Европе, даже там, где коммунистические партии были малочисленны и невлиятельны. Британия знала, что такое «маленькая Москва», – в Файфе, Степни (Восточный Лондон) и на месторождениях угля в Южном Уэльсе возникали однородные объединения рабочих, где были задействованы и коммунисты, отстаивавшие рабочие места и защищающие права рабочих, а также участвовавшие в организации досуга и культурных мероприятий{323}. Активисты коммунистического движения посылали в Москву отчеты с объяснением, почему шахтеры Южного Уэльса так восприимчивы к воинственному, отчужденному коммунизму: «Их условия ужасны, объективно ужасны. Они не подвержены пагубному влиянию города. Их время не так занято, как у рабочих больших городов, вынужденных покрывать большие расстояния, чтобы добраться на работу, а также имеющих более широкие возможности культурного досуга... Их разум менее гибкий. Факт эксплуатации для них очевиден... Сами рудники способствуют их общению и развитию чувства солидарности»{324}.

Коммунистическая партия Германии была наиболее последовательна в традиции отчужденной борьбы и в преданности СССР. Ее численность и количество голосов ее сторонников оставались высокими на протяжении 1920-х и в начале 1930-х годов. В КПГ существовали разногласия по поводу партийной стратегии, партийная культура варьировалась в разных регионах Германии, однако под руководством Эрнста Тельмана (с 1925 года) партия объединила революционную линию с подчинением и преданностью Кремлю. Вскоре КПГ стала любимым младшим братом большевиков. Непреклонная враждебность коммунистов по отношению к любому компромиссу с социал-демократами сохранилась со времен революционной эпохи 1918-1919 годов. Однако раскол коммунистов и социал-демократов не был окончательным: у них были общие профсоюзы до 1928 года и даже общие торжества{325}. К тому же как коммунисты, так и социал-демократы использовали обращение «товарищ» и выступали под красным флагом. При этом оставался горький осадок от участия социал-демократов в преследованиях и расправах над коммунистами, а также от их ответственности за сложившуюся политическую ситуацию. На некоторых заводах Халле и Мерзебурга взаимная ненависть была так сильна, что рабочие, сторонники социал-демократов и коммунистов, ездили на работу в разных вагонах и питались в разных концах столовой{326}. Коммунисты относились к социал-демократам как к «лакеям хозяев». Разумеется, вторых чаще можно было встретить среди «верхушки» рабочего класса, в то время как первые были в основном бедными неквалифицированными рабочими. И все же КПГ вскоре стала объединением безработных. В период рационализации производства (1920-е годы) с предприятий чаще всего увольняли коммунистов. К 1932 году только 11% членов КПГ имели работу{327}.

Эти неблагоприятные факторы только укрепили бескомпромиссные взгляды КПГ. Они придерживались жесткой, воинственной, агрессивной линии{328}. Их язык был хлестким, а одна из газет даже имела название «Красный кнут» (Rote Peitsche). Коммунистическая пропаганда вылилась в размахивание пролетарскими кулаками, в поток демонстрантов в кожаных куртках, красных флагов. Их митинги многое заимствовали из стилистики их радикальных правых

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org противников, из-за формы и высоких сапог их было практически невозможно отличить от членов полувоенной организации «Стальной шлем» или нацистов[300]. В партийной прессе Тельмана иногда называли «наш фюрер»[301], подражая авторитарной иерархии правых. Иногда, например в 1923 и в 1930 годах, коммунисты использовали язык националистов, чтобы привлечь на свою сторону приверженцев нацистов и других партий. Тем не менее немецких коммунистов нельзя назвать квазинацистами. Главной задачей партии оставалась классовая борьба, а не национальное возрождение. Сами же нацисты обычно относились к коммунистам как к своим главным врагам[329].

Милитаризм КПГ не распространялся только на пропаганду. Партия имела полувоенное военное подразделение «Союз красных фронтовиков» (или Рот фронт, Rote Frontkämpferbund), пока оно не было запрещено в 1929 году[302], после чего продолжали деятельность его нелегальные группы. У многих коммунистов еще с войны сохранилось оружие, иногда они делали его сами. В 1921 году рабочие завода в городе Лойна собрали танк и использовали его в столкновениях с полицией. Немецкие коммунисты, массово увольняемые с заводов, превратились, особенно к концу десятилетия, в «уличную» партию, постоянно вступающую в драки и перестрелки с полицией[330]. Неудивительно, что 70% коммунистов составляли мужчины, хотя программа КПГ была одной из самых феминистских программ всех партий Веймарского периода. И все же КПГ оставалась слишком малочисленна и изолирована, чтобы угрожать стабильности немецкого государства середины 1920-х годов, когда экономика в целом восстанавливалась, а либеральная политика удовлетворяла большинство интересов. СССР понял в 1921 году, что воинственные отчужденные коммунистические партии слишком разобщены, чтобы рассчитывать на нечто большее, чем поддержка меньшинства. Однако так ситуация складывалась во времена стабильности. С наступлением экономического кризиса положение вещей кардинально изменилось.

V

13 мая 1928 года в газете «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) была опубликована статья под заголовком «“Новая” цивилизация Америки», рассказывающая о лекции, прочитанной французским академиком Андре Зигфридом в Париже. Зигфрид утверждал, что «величайшим вкладом США в мировую цивилизацию является “обуздание материальной стороны жизни” путем совершенствования способов массового производства и достижения благополучия». Автор статьи высоко оценил Зигфрида за его панегирик США. Однако редакторы «Тайме» были уверены, что не меньшее значение, чем экономические достижения, имеет вклад США в «достижение демократического идеала» и образца «социальной системы, свободной от каст»[331].

Как Зигфрид, так и авторы «Нью-Йорк Таймс» выразили широко распространенное мнение о том, что претендующие на мировое господство США, проводя политику невмешательства, успешно преодолели разобщенность общества революционного периода 1917-1919 годов. Однако через несколько месяцев ситуация резко изменилась. Летом 1928 года федеральный резерв повысил процентные ставки кредитов, чтобы сдержать «биржевой пузырь», раздуваемый плохо управляемыми банками. Кредитование Соединенными Штатами других государств прекратилось. Это стало настоящей катастрофой для большинства стран Европы и Латинской Америки, особенно сильно пострадала зависящая от долгов Германия[332]. Экономика развивающихся стран (в том числе СССР) переживала спад в области выпуска товаров широкого потребления. Экономический кризис усилился после Биржевого краха в США в октябре 1929 года, положившего конец недолгому подъему экономики[303].

В результате обострились социальные и международные конфликты, воцарилась атмосфера «спасайся кто может». Конфликты ужесточались, рабочие и средний класс боролись за свою долю финансового пирога. Международные отношения рухнули, так как каждое государство сражалось за собственное выживание, разрабатывая политику протекционизма и другие автаркические стратегии. Способность капитализма интегрировать бедные, непривилегированные слои населения (рабочих и крестьян), а также развивающиеся страны в свободный либеральный рынок таяла на глазах. У коммунистов (западных и советских) больше не осталось стимулов к сотрудничеству с либеральным капитализмом[304]. Коммунизм вступил в новую радикальную фазу.

Тем не менее кризис 1928-1929 годов[305] был лишь кульминацией напряженных отношений между коммунистическим и капиталистическим миром, которая назревала несколько лет. Всеобщая забастовка 1926 года в Великобритании

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org привела к ухудшению отношений между правительством консерваторов и Москвой. В мае 1927 года по инициативе британской стороны были разорваны дипломатические отношения с СССР. В то же время массовое истребление коммунистов Гоминьданом в апреле того же года [306] означало крах политики «единого фронта» и стало тяжелым ударом, разбившим коммунистические надежды в Азии. Возрастал радикализм немецких рабочих, а неудавшееся июльское восстание рабочих в Вене [307] укрепило уверенность Москвы в том, что на Западе назревает революция. С весны 1927 года начались перемены в политической линии Коминтерна. Советские лидеры были уверены в том, что их безопасность обеспечит более агрессивная внешняя политика*. Кремль настаивал на том, что социал-демократы (особенно немцы, ведущие пробританскую внешнюю политику) должны считаться буржуазными врагами. В 1928 году Коминтерн объявил о начале нового периода революционной политики – «Третьего периода» (первый – предвоенный революционный период, второй – период стабилизации). Утверждалось, что капитализм рухнет. Социал-демократы превратились в «социал-фашистов». Новым принципом национальной политики стал принцип «класс против класса». Одновременно с этим в Кремле понимали, что экономика больше не может строиться на торговле с Западом и что СССР должен впредь рассчитывать на собственные ресурсы**. Была подготовлена почва для возникновения новой модели коммунизма – одновременно революционного и националистического. Эту модель развил и возглавил большевистский лидер, мировоззрение и стиль правления которого сильно отличали его от Ленина. Это был Иосиф Сталин.

Напротив, события 1927 года привели коммунистических лидеров к опасению, что готовится нападение на СССР в крайне невыгодных для него условиях, возникла «военная тревога», которая заставила Сталина и Бухарина проводить более осторожную внешнеполитическую линию, чем в период оказания военной помощи Гоминьдану в 1923–1927 годах. Однако для этого сначала нужно было провести индустриализацию, что требовало расширения торговли с Западом.

4. Люди из стали

I

Большевики вынуждены были ждать до марта 1928 года, пока Сергей Эйзенштейн закончит снимать кино воплощение событий 1917 года – фильм «Октябрь» [333]. В отличие от своего коллеги и соперника, пунктуального Пудовкина, Эйзенштейн не только не успел завершить свой шедевр вовремя (возможно, из-за вмешательства цензуры), но и предложил трактовку революции, идущую вразрез со сказкой Пудовкина в духе модернистского марксизма. Если Пудовкин показал обычного «парня» с его «стихийными» чувствами, который постепенно развивает упорядоченное, рациональное социалистическое сознание, то фильм Эйзенштейна был пронизан революционным романтизмом. Он заявил, что его целью было:

«Вернуть науке ее чувственность, интеллектуальному процессу его пламенность и страстность. Окунуть абстрактный мыслительный процесс в кипучесть практической действительности» [334].

Его фильм блестяще передал характер радикального марксиста. В его трактовке событий 1917 года противопоставляются инертность и упадок Временного правительства и живая энергия народа. Эйзенштейн дал понять, что нет индивидуального героизма – есть коллективный. В фильме не было ни традиционного голливудского «лидера масс», ни тем более «конца Санкт-Петербурга», роль Ленина показана очень незначительной. Сцену знаменитого штурма Зимнего дворца ставили, основываясь не на событиях революции, а на традиционных массовых постановках периода Гражданской войны, таких как «Взятие Зимнего дворца» 1920 года, в которой было задействовано 10 тысяч человек. В распоряжении Эйзенштейна имелось на 5 тысяч человек больше. У него было настоящее вооружение, а также чрезвычайная Расположенность к нему властей. Пудовкин рассказывал, как отличались их с Эйзенштейном канонические сцены штурма: «Я палил по Зимнему дворцу из “Авроры”, а Эйзенштейн – из Петропавловской крепости. В одну ночь я снес часть балюстрады крыши и боялся, что у меня будут неприятности, но, к счастью, я узнал, что в ту же ночь Сергей Михайлович [Эйзенштейн] разбил 200 окон в частных квартирах» [335].

Помощник Эйзенштейна шутил, что во время киноштурма было ранено больше человек (в основном из-за неправильного обращения со штыками), чем десять лет назад во время настоящего нападения большевиков. В результате получился

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org сильный пропагандистский фильм, создавший миф о событиях октября 1917 года{336}. Образность Эйзенштейна глубоко проникла в массовую народную культуру: недавно она была использована в рекламе водки одного из западных производителей.

Однако менее привлекательным сегодня является такой мотив радикального марксизма, как классовая борьба. В одной из самых сильных сцен фильма рабочий убегает от преследования после разгона июльских демонстраций. Офицер и девушка, катающиеся на лодке, обнаруживают его и призывают нескольких хорошо одетых случайных свидетелей остановить «большевика». В последовавшей стычке мускулистого пролетария убивает жестокая, разъяренная «толпа буржуев». Особенно агрессивны состоятельные дамы, которые с особой жестокостью закалывают его зонтиками. Как это часто прослеживается в фильмах Эйзенштейна, образность строится на мужской агрессии, даже женоненавистничестве. Эйзенштейн также настаивал на переносе центра конфликта в искусство кино как таковое: он утверждал, что кинопроизводство должно быть марксистским и «диалектическим». Его техника монтажа соединяла негармоничные парадоксальные образы и создавала новый «синтез», что сильно отличало ее от последовательного и более традиционного метода «сцепления» Пудовкина{337}.

Тем не менее в СССР фильм Эйзенштейна был воспринят значительно менее восторженно, чем картина Пудовкина. Многие считали, что он будет непонятен простым людям.

К тому же решение Эйзенштейна показать Ленина было расценено как оскорбление его величия. Несмотря на это, мотивы Эйзенштейна были более созвучны разворачивающейся политике Сталина, чем мотивы Пудовкина. Фильм, воспевающий энергию революции, был закончен как раз к тому времени, когда Сталин сконцентрировал власть в своих руках и начал «вторую революцию». «Октябрь» вышел на экраны в том же месяце, когда проходил так называемый показательный «Шахтинский процесс» над «буржуазными специалистами» донбасских шахт. Этот процесс, как и фильм «Октябрь», был не чем иным, как политическим спектаклем, поставленным для того, чтобы настроить массы против якобы продолжающегося влияния буржуазии.

Происхождение и воспитание Эйзенштейна, сына еврейского архитектора из Риги, не имело ничего общего с биографией Сталина, сына грузинского сапожника. Однако они оба отошли от прагматичного марксизма, к которому Ленин «вернулся» в 1921 году и который, казалось, зашел в тупик к 1927–1928 годам. Оба пытались возродить революцию и классовую борьбу периода Гражданской войны на волне народной энергии, которую, как считали лидеры режима, народ растратил.

Как можно было предположить, Сталин вскоре отказался от радикальной классовой борьбы, посчитав, что она способствует расколу и разногласиям. Таким образом, идеи «Октября» потеряли актуальность. Однако использование им мобилизации масс и манипуляции общественными настроениями продолжалось, несмотря на перипетию меняющейся политики партии. Эйзенштейн также пытался следовать линии партии. Как ни парадоксально, учитывая сложные личные отношения между Сталиным и Эйзенштейном, только уловив все настроения его фильмов – от революционного радикализма «Октября» (1928) до всеобщего патриотизма «Александра Невского» (1938) и поисков чистоты на грани безумия в «Иване Грозном» (1944 и *946), – можно проследить изменения в политической линии коммунистической партии и в идеях самого Сталина.

Разумеется, Сталин не в одиночку создал сталинский коммунизм. Нельзя преувеличивать роль его личности и образования. Зачатки сталинизма просматривались во многих событиях и явлениях, например в культуре большевиков, в Гражданской войне, в кризисных ситуациях, душивших Россию в конце 1920-х годов, в военной угрозе с Запада, в разочаровании ленинской политикой НЭПа. Сталину удалось извлечь из сложившейся ситуации больше преимуществ, чем всем остальным его соперникам. Чтобы понять, почему так случилось, необходимо разобраться в его подходе к политике, в атмосфере того региона, где он провел 26 лет жизни. В отличие от Ленина, отпрыска ассимилированного образованного многочисленного меньшинства Российской империи, Сталин был выходцем из Грузии, постоянного источника национализма и классовой мести для России.

II

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В центре Гори, провинциального городка в 86 километрах от грузинской столицы Тифлиса (Тбилиси), на вершине холма стоит крепость. Горький назвал ее местом «живописной дикости». Во дворе крепости находится сферический камень, с которого Амиран, грузинский Прометей, по легенде швырнул свой меч перед тем, как принять наказание – быть навсегда прикованным к скале за вызов, брошенный богам (или, по одной легенде, Иисусу Христу). Каждый год в Чистый четверг все кузнецы Гори стучали молотами по наковальням, «выковывали» новые цепи, чтобы Амиран не смог обрушить на богов свою месть{338}.

В тени этой крепости в 1878 году родился Иосеб Джугашвили. Его отцом был Бесо (Виссарион), бедный кустарь-сапожник, матерью – дочь крепостного. В Грузии из поколения в поколение передавались легенды о восстании и мести Прометея, удивительно вписавшиеся в ее историю. Горная территория, раскинувшаяся между империями, долго находилась под гнетом инородцев. Последними инородцами, покорившими Грузию, стали русские, управлявшие тут уже 80 лет к моменту рождения Сталина. Периодически грузины пытались освободиться от чужеземного влияния. В Грузии сложилась длительная традиция борьбы, воспетая и идеализированная национальными писателями-романтиками в духе Вальтера Скотта.

Детство Иосеба пришлось на период особенно сложных отношений между колонизаторами и колонией. Царь Александр III стремился подчинить национальные меньшинства русской культуре. Когда Иосеб поступил в Горийское православное духовное училище, языком обучения был грузинский, однако за два года учителя-грузины были заменены русскими. Грузинский язык разрешалось преподавать только два раза в неделю{339}. Затем Иосеб поступил в Тифлисскую духовную семинарию (на тот момент лучшее учебное заведение Грузии), в которой русские священники-реакционеры установили жесткий порядок: цензура уничтожала любые прогрессивные идеи. К грузинским студентам относились с высокомерием. Сталин вспоминал, что методами руководства семинарии были «слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство»{340}. Такой режим подготовил благодатную почву для грузинских революционеров, как вспоминал студент семинарии, сторонник большевиков, «ни одна светская школа, ни какая-либо другая школа не выпустила так много атеистов... как Тифлисская семинария»{341}. Порядок семинарии также способствовал становлению грузинских националистов, в том числе Джугашвили. В 16 лет он опубликовал несколько романтико-националистических стихов в националистическом журнале «Иверия». После того как власти закрыли этот журнал, Иосеб стал печататься в журнале с более сильным левым уклоном.

И все же Грузия была не только страной жаждущих мести националистов, выступающих против угнетателей-русских. Это был один из самых многонациональных регионов империи, где армянские и еврейские торговцы, грузинские аристократы, крестьяне и ремесленники, а также грузинские, русские, азербайджанские и турецкие рабочие жили бок о бок с русскими чиновниками и солдатами. Грузию сотрясали постоянные классовые и социальные конфликты. Освобождению крепостных яростно сопротивлялась обедневшая грузинская знать, никого не устраивал установившийся порядок{342}. Таким образом, волей судьбы Иосеб рос в напряженном классовом обществе, постоянно испытывая унижения. Например, в июне 1891 года его не приняли в училище, так как семья была не в состоянии оплатить его обучение. Только благодаря милости ненавистных ему священников он смог продолжить учебу. Он также прекрасно знал о бедствиях своего необразованного отца, о котором всегда отзывался с некоторым пренебрежением. Несмотря на то что Бесо был целеустремленным человеком и даже повысил статус своей семьи, переехав из деревни в город, он много пил, разорялся и был вынужден выполнять низкооплачиваемую работу на одном из заводов Тифлиса. Он погиб в пьяной драке, когда Иосебу было 11 лет{343}.

Неудивительно, что ранний национализм Иосеба смешивался с растущей ненавистью к правящей элите. Об этом говорит выбор в качестве идеала благородного разбойника из грузинской легенды по имени Коба. Как и многие грузинские националисты, он упивался чтением средневековых грузинских легенд о благородных витязях, а также романов, основанных на этих легендах. Особенно сильно повлиял на Иосеба роман писателя из знатного рода Александра Казбеги «Отцеубийца». Герой этого романа Коба, по воспоминаниям друга Сталина, стал «для Сосо богом». Иосеб хотел «стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний», позже имя Коба он взял в качестве революционного псевдонима{344}. У Казбеги было много общего с

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Бакуниным. Он был аристократом с романтическими представлениями о крестьянстве. Он оставил обеспеченную жизнь ради жизни горца. В романе «Отцеубийца» Коба присоединился к группе разбойников, которые мстили за бедных, но добродетельных крестьян-горцев русским правителям и их грузинским прихлебателям. Коба был героем для Иосеба по нескольким причинам. Во-первых, он не питал уважения к своему отцу, а полагался на силу и единство мужских «братств» – различных подпольных групп, сыгравших большую роль в истории и политической жизни Южного Кавказа{345}. Во-вторых, он был самоуверенным юношей с чертами лидера, способного возглавить любую группу, в том числе встать во главе новой братской семьи. Кроме того, разбой был не просто образом жизни героев старых романов – он являлся частью грузинской реальности. Поведение Сталина-политика не может не привести к выводу о том, что он был чрезвычайно мстительным, подозрительным и склонным к насилию. Однако не следует забывать, что он вырос в атмосфере насилия и непослушания.

Несмотря на жестокость, виденную им с детства, следует остерегаться преувеличенного образа Сталина, часто изображаемого безрассудным «королем бандитом»[308]. У Сталина имелась скрытая расчетливая сторона, к тому же он был далеко не самым радикальным студентом семинарии. Его также привлекала модернизация. Марксизм стал для него, как и для многих других грузинских марксистов, инструментом, который мог бы перенаправить энергию злостного возмущения несправедливостью на осуществление модернизации. Модернизация в контексте Грузии означала ориентацию на Россию. Несмотря на то что радикальная грузинская интеллигенция ненавидела русский империализм, ее представители видели в русской культуре, которую они считали выше грузинской, воплощение модернизации, к которой так страстно стремились местные радикалы. По их мнению, будущее Грузии состояло в том, чтобы отказаться от разобщенности и воинственности, присущей знати и обособленным кланам, и образовать единое государство с социалистической Россией. Для радикалов интернационалистический марксизм оказался предпочтительней националистического шовинизма, результатом которого могла бы стать гражданская война в Грузии и вторжение с юга[309].{346} Сталин видел и понимал все последствия длительного колониального статуса Грузии. Как представитель «отсталого» классового общества, противостоящего более сильному обществу чужой империи, он всегда делал упор на национальный дух и единство, даже когда на смену преданности Грузии пришла преданность России.

Несмотря на блестящие успехи в учебе, особенно по логике и церковному пению, Иосеб оставался мятежником, но семинарию не оставлял[310].{347} Настоящим домом для него стало грузинское марксистское подполье. И все же своих коллег, большинство из которых поддерживали меньшевиков за их стремление преодолеть классовое неравенство, Сталин считал слишком беспечными. Вскоре он начал поиски нового политического пристанища{348}. Идеальным братством стали ленинские большевики. Их настроения были более воинственными и радикальными, чем настроения меньшевиков. Наибольшим радикализмом отличался Богданов и другие левые большевики, к которым Сталин примкнул в 1905 году[311].{349} Кроме того, среди них имелось больше русских, а большинство меньшевиков были грузинами или евреями. Сталин быстро ассимилировался и принял более «современную» культуру. С 1907 года он перестал писать по-грузински. За 19 лет целеустремленный мальчик из провинциального Гори совершил огромный культурный скачок – сначала в национальную столицу Тифлис, а затем в столицу империи – Петербург. Иосеб стал Иосифом.

После революции 1905 года Сталин уже входил в ближайшее окружение Ленина, зарекомендовав себя как очень полезного человека, влиятельного среди грузинских и азербайджанских рабочих, несмотря на то что многие революционеры недолюбливали его за нервный эгоцентризм{350}. Он успешно работал для партии и вскоре стал экспертом по национальным меньшинствам. Он с готовностью откликался на все призывы Ленина. Даже когда он был больше похож на Кобу, а не на нового марксиста, когда он организовывал экспроприацию или руководил вооруженными грабежами в Грузии, чтобы пополнить фонды большевиков, он действовал по приказу Ленина. В 1912 году его наградили назначением в Центральный комитет. После продолжительной ссылки он вернулся в центр руководства партией в 1917 году. После захвата власти большевиками его назначили народным комиссаром по делам национальностей.

Разница между Лениным и Сталиным, «человеком из стали», стала темой многочисленных работ и обсуждений. Если некоторые отрицали наличие

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org каких-либо значимых различий, то другие считали Ленина более либеральным политиком{351}. В одном из самых известных сравнений, проведенном Троцким, Ленин предстает революционером-интеллектуалом на фоне недалекого, но хитрого бюрократа Сталина. Взгляды обоих, разумеется, менялись со временем, однако некоторые различия в них все же очевидны, не столько в идеологии, сколько в более широком политическом и культурном контексте. Ленин и Сталин были революционерами, оба видели в партии тайную передовую организацию, оба были готовы использовать насилие для достижения целей (хотя наиболее жестким из них двоих был, безусловно, Сталин). Однако Сталин, приняв большевистское видение дисциплинированного индустриального общества, все же делал упор на силу идеологии и эмоциональной приверженности партии, а модернист Ленин центральное место отводил «организации»{352}. [312] Таким образом, Сталин чувствовал себя увереннее Ленина, используя методы левых радикалов, а в других случаях он с готовностью прибегал к национализму, силу которого он, как бывший грузинский националист, понимал лучше других{353}. К концу 1920-х годов он стал более враждебно, чем когда-то Ленин, относиться к любому проявлению идеологической разобщенности.

Сталинское видение будущего общества также отличалось от Ленинского. Когда Ленин говорил о партии или о социалистическом будущем, он часто обращался к сравнению с организацией завода или структуры технической машины. Сталинская стандартная модель общества подразумевала большой милитаризм, его излюбленными политическими метафорами были военные, религиозные и органические [313]. Его видение партии было продуктом странного соединения «Манифеста коммунистической партии» и рыцарского романа. Еще в 1905 году он призывал партию возглавить «пролетарскую армию», каждый воин которой будет свято верить партийной программе. Она должна была стать «крепостью», «неусыпно» выслеживающей чуждые идеи. Ее ворота должны раскрываться только перед самыми преданными, перед теми, кто был «проверен». Принимать в партию людей, которым не хватало чувства ответственности, было равносильно «осквернению святыни партии»{354}. Партия Сталина напоминала сообщество воинов-монахов. В 1921 году он сравнил партию с орденом меченосцев (Schwertbrüder), основанным епископом Ливонии в 1202 году с целью обращения в христианство славян{355}.

К началу Гражданской войны Сталин рассматривал партию с позиций геополитики{356}. Если партия была источником идеологической чистоты, святая святых, то весь остальной мир располагался вокруг нее на кругах Данте. Чем дальше от центра (в географическом, идеологическом или социальном плане), тем меньше добродетели. Россия находилась ближе всего к божественному центру – прогрессивная, целостная страна на правильном историческом пути. Периферия СССР – такие отсталые, националистические аграрные регионы, как Украина, Кавказ и Средняя Азия, – представляла собой чистилище. За чистилищем простирался ад – зарубежные страны, олицетворяющие зло. Главной целью партии (группы рыцарей-братьев) было самоочищение, усвоение духа воинственного трансформирующего марксизма, распространение его в СССР, а в будущем – и за его пределы. До тех пор приоритетной целью оставалась самозащита от пагубного иностранного буржуазного влияния, проникающего за все еще некрепкие бастионы партии.

У Сталина были собственные интересы в геополитике, касающиеся границ России, однако его видение мира в целом соответствовало партийной культуре, возникшей после Гражданской войны. Его вера в значимость идей и идеологической приверженности была близка большевикам-красноармейцам, понимавшим значение боевого духа во время войны. Любая трещина в идеологическом единстве могла привести к поражению.

Таким образом, неудивительно, что Сталин был рад наступлению войны: хотя его роль ограничивалась сбором продовольствия на юге России [314], он быстро превратился в настоящего военного комиссара, сменив костюм и галстук на гимнастерку, галифе и высокие сапоги – военную форму, с которой с тех пор он ассоциируется{357}. Он действовал жестоко. Иногда его милитаристский стиль напоминал стиль Троцкого{358}. Возможно, это стало одной из причин их взаимной ненависти, однако были и другие причины: он не мог смириться с тем, что Троцкий (как в принципе и Ленин) сотрудничал с офицерами царской армии, представителями знати [315].

Сталин принял НЭП, однако его современники не удивились, когда он же оказался в роли разрушителя новой политики [316].

Когда партия разочаровалась в НЭПе, Сталину хватило морального равновесия и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
сил, чтобы предложить партии альтернативный курс. Новый путь привел не к чему иному, как ко второй большевистской революции.

III

В классическом советском романе «Цемент», написанном между 1922 и 1924 годами, пролетарский автор Ф. Гладков повествует о Глебе Чумалове, герое Гражданской войны, который, вернувшись домой, обнаруживает, что его родной цементный завод находится в упадке. Местные жители используют территорию предприятия для разведения коз и продажи зажигалок (типичные мелкобуржуазные занятия в представлении большевиков). Глеб пытается восстановить завод, направляя весь свой радикальный героизм, приобретенный на войне, в экономическую деятельность. Одна из его соратниц-коммунисток, утопистка, противница НЭПа, говорит о войне так: «Если бы знали, как я люблю армию!.. Незабываемые дни!.., как московские октябрьские дни... на всю жизнь... Вот где был героизм!», на что Глеб отвечает: «Все это так... Но тут, на рабочих позициях, тоже надо бить героизмом... Сдвинулась гора набекрень – поставь ее на место. Невозможно? А вот это и есть... героизм и есть то, что кажется невозможным...»{359}

Но Глеб должен бороться с сопротивлением «на всех фронтах». Нужно подавлять казацкий мятеж и отбивать атаки белых. Старый немец, инженер Клейст, сотрудничает с белыми и скептически относится к планам Глеба. В одной из сцен, напоминающей сцену из романа А. Белого «Петербург», Глеб, словно возрожденный к жизни медный всадник, встряхивает Клейста за плечи, вливая в него волю и стремление помочь достичь промышленного подъема. Однако вскоре становится ясно, что самые опасные враги – не иностранные специалисты, а доморожденные бюрократы. Шрамм, председатель Совета по народному хозяйству (Совнархоза), номинально является коммунистом, человек «с рыхлым лицом скопца», «с золотым пенсне на бабьем носу» и буржуазной манерностью. Он любит роскошь и со своими дружками ест только деликатесы, добытые взятками или за деньги. Он обвиняет Глеба в мечтательстве и «дезорганизации рабочих», однако сам является бесстрастным технократом, о чем говорит даже его монотонный механический голос{360}. Несмотря на это, Глеб незамедлительно начинает мобилизацию рабочих для возрождения завода. Он – и человеческий двигатель, и потомок средневекового русского богатыря, героя старинных русских былин. Шрамма тем временем уличают в саботаже и арестовывают. В финале романа описывается пуск завода. Под парашютом на пунцовом полотнище написано: «Мы победили на фронтах Гражданской войны – мы победим и на хозяйственном фронте»{361}.

Сегодня мало кто прочтет роман Гладкова «Цемент» ради удовольствия. Однако, в отличие от многих других произведений «пролетарской» литературы, это было не простое облечение содержания газеты «Правда» в форму романа. Несмотря на малообещающее название, он на многое претендовал в литературе. Написанный очень эмоционально, местами витиеватым стилем, роман пользовался чрезвычайной популярностью. Партийные лидеры восхваляли его, а Сталин был среди первых его почитателей. Несмотря на то что Глеб, герой Гладкова, формально поддерживает НЭП, в романе отражено разочарование многих партийцев в новой экономической политике. Как показывает лозунг, помещенный в конец романа, главная идея автора – описать новые проблемы, стоящие перед режимом, и предложить способ их решения. Советский режим, расправившийся с внутренними «буржуазными врагами», теперь противостоял (или несмотря на то что противостоял) врагам внешним; достигнув определенного уровня экономической стабильности после разрушительной Гражданской войны, режим должен был способствовать дальнейшему экономическому росту и участию в международной конкуренции. Глеб решил вернуться к методам Гражданской войны, когда верные члены партии призывали «массы» к «классовой борьбе». К концу 1920-х годов многие коммунисты с этим согласились.

Роман «Цемент» также вскрыл глубокие противоречия НЭПа. Несмотря на то что Ленин и Бухарин, ярые сторонники НЭПа, призывали коммунистов «учиться у буржуазии», чтобы уметь эффективно с ней бороться, режим все еще называл себя «диктатурой пролетариата» и основывался на классовом фаворитизме. «Классовые враги» – аристократия и буржуазия – и «бывшие люди» – священники и сторонники старого режима – лишались избирательного права (к 1927-1928 годам они составляли 7,7% городского населения) и испытывали большие трудности при поступлении в университет. Если все соглашались с тем, что НЭП вводился временно, возникали серьезные разногласия по поводу того, сколько он должен длиться. Такие радикалы, как Глеб (и сам Гладков), формально соглашались с НЭПом, однако были далеки от того, чтобы

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org поддерживать все его принципы. Тем временем такие коммунисты-технократы, как Шрамм, были уверены в необходимости рационального управления и классового примирения.

Эти взгляды сосуществовали в рядах коллективного партийного руководства, сложившегося в последние месяцы жизни Ленина. Большинство поддерживало НЭП, однако свято в него верил лишь одаренный интеллектуал, но при этом слабый политик Николай Бухарин[317]. Другие лидеры один за другим стали склоняться к радикальной левой оппозиции. Первым в оппозицию встал Троцкий в 1923 году, совершив неправдоподобный уход в «левизну», учитывая его защиту строгой дисциплины и сотрудничество с бывшими офицерами царской армии во время Гражданской войны[318]. Лев Каменев и Григорий Зиновьев сформировали собственную оппозиционную коалицию в 1925 году, а в 1926 году трое объединились в «объединенную оппозицию», упрекая Сталина и Бухарина, под руководством которых осуществлялся НЭП, в пренебрежении «классовой борьбой», равноправной «демократией» и мировой революцией[319].

Партийный раскол на технократов и радикалов усугублялся особой структурой новой советской системы, послужившей образцом для последующих коммунистических режимов. Хотя все основные решения принимал узкий круг лидеров партийного Политического бюро (Политбюро), под ними власть делилась между двумя иерархическими системами – партией и государством. Обязанность государства состояла в управлении страной, поэтому партия старалась придерживаться практичной управленческой линии. Ее осуществлением руководили сторонники модернизации, такие коммунисты, как Шрамм, а претворяли в жизнь беспартийные буржуазные специалисты. Партия должна была действовать как идеологический центр государства: предвидеть дальнейшую политику и следить за тем, чтобы режим сохранял свой идеологический дух[362]. На практике, разумеется, задачи партии и государства часто пересекались, и обе стороны, обладавшие различными ценностными системами и культурой, боролись за свое влияние, иногда беспощадно и жестоко.

Таким образом, НЭП не привел к стабильности. В то время как некоторые чиновники с рвением отдавали все свое время на то, чтобы «государственный капитализм» работал, другие не могли смириться с классовыми компромиссами. Они ненавидели толерантность режима по отношению к торговцам, рыночным спекулянтам и подпольной торговле. Один академик, комментируя эту ситуацию, писал: «Во время военного коммунизма мы замечали только одну социальную категорию в нашем лагере – “добро”. “Зло” ассоциировалось только с лагерем врага. Однако пришел НЭП, отравив добро злом.. и все разрушив. Больше не ведя открытой борьбы друг против друга, добро и зло сегодня сосуществуют в одном и том же коллективе»[363]. «Зло», о котором он говорит, не является злом только политическим, это также моральное и культурное зло, и даже психологическое. Как показано в романе «Цемент», во многих партийцах моральные качества тесно связаны с классовым происхождением. Выходцы из буржуазии изображаются по-женски слабыми, эгоистичными, любящими роскошь; пролетарии же – это мужественные, самоотверженные люди с духом коллективизма. Многие большевики считали, что коммунистическое общество может построить только благородный «новый человек», готовый пожертвовать собой ради общего блага. Опасность состояла в том, что рынок и буржуазное влияние развратят рабочих, превратив их в эгоистов, самодовольных мещан и пустых гедонистов. Таким образом, несмотря на заявления Маркса и некоторых большевиков о том, что моральность является всецело буржуазной чертой и исчезнет с приходом социализма[320], большинство большевиков (и многие другие марксисты) придерживались высокоморалистических принципов. Мерки моральности и добродетели применялись прежде всего к женскому поведению. Один предполагаемый эксперт по этому вопросу высказал следующее мнение в газете «Комсомольская правда»: «Современная женская мода – это рефлекс, обусловленный подъемом чувственности. Вот почему необходимо бороться за искоренение “парижской моды” из нашей жизни и за введение гигиеничной, простой и удобной одежды».[364]

Итак, в то время как лидеры партии и управляющие экономикой чины отстаивали сотрудничество с буржуазией, партия как организация во время «отступления» от программы была озабочена сохранением идеологической чистоты[321]. Это напоминало ситуацию в Западной Европе. Как было показано выше, социал-демократические партии долго функционировали так, как функционирует закрытая религиозная секта. Обычным было понятие «обращение в марксизм», а также представление жизни партийца как путешествия от неорганизованной революционной «стихийности» к дисциплинированной «сознательности»[365]. Если партия приходила к власти, она стремилась убедиться, что все ее члены

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org прошли такой же путь. Вступающие в партию должны были предоставить описание своей жизни, часто в форме письменной автобиографии. От них ожидалось, что они признают свои прошлые политические «грехи» и покажут, что по-настоящему пережили «обращение». Студент Шумилов описывал, как он читал нелегальную марксистскую литературу в немецком лагере для военнопленных. В результате он «пережил духовное перерождение»; он «пережил откровение сущности бытия», отказался от христианской веры и пришел к марксизму{366}.

Становясь членами партии, коммунисты были подвержены методам, специально введенным для того, чтобы поддерживать «чистоту» идеологии и выявлять признаки «чужеродного» влияния. Одним из самых действенных методов была чистка. До середины 1930-х годов чистка еще не ассоциировалась с последующим арестом и репрессиями: те, кто подвергался чистке, исключались из партии или переводились в более низкий статус (например, член партии становился «сочувствующим»). Чистки впервые были применены партией в 1921 году, потом распространились на другие институты и с тех пор проводились регулярно с целью проверить, были ли члены партии морально «чисты» и преданны. Разумеется, чистки использовались и для того, чтобы избавиться от оппонентов. Комиссия из трех человек расспрашивала партийца о его отношениях, о прошлом, проверяла его знание марксизма. Заполнялись вопросники, членов партии расспрашивали о прошлых мыслях и поведении. В 1922 и 1923 годах в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова экзамены были заменены чистками, на которых академические достижения студентов оценивались наряду с их «партийной неполноценностью» и политическими или моральными «отклонениями»{367}. В 1924 году чистки проводились во всех университетах. Плохие достижения в учебе или политические ошибки могли привести к исключению из партии.

Другой способ определения степени преданности революции можно было встретить на академических заседаниях в коммунистических университетах. Преподавателей «прорабатывали», подвергали жесткому опросу (почти допросу) на общественных собраниях. Если обнаруживалось, что они находятся в заблуждении, они должны были сознаться в своих грехах. Это было началом кампаний «критики и самокритики» сталинского периода, повлиявших также на проведение «сессий борьбы» Коммунистической партией Китая, а также китайскими студентами Московского коммунистического университета трудящихся Востока{368}. Такие конфронтационные методы опроса имели много общего с «агитсудами» – театрализованной формой пропаганды, применявшейся в Красной армии. Массовые спектакли, в которых солдаты участвовали в «судебных процессах» над актерами, исполнявшими роли капиталистов и белых, стали образцом для сталинских показательных процессов{369}.

Наряду с детальным рассмотрением личности и ее взглядов, на чистках применялся и более строгий критерий – критерий классового происхождения. Предполагалось, что пролетарии более склонны к коллективизму и добродетели, чем буржуазия. Но определить класс было не так легко, как могло показаться на первый взгляд. Следовало ли отдавать предпочтение рабочим крупных заводов, потому что они были «чище», чем рабочие небольших мастерских? Окончательно ли решал вопрос класс родителей или человек мог преодолеть пагубность своего классового происхождения, работая на заводе или вступив в ряды Красной армии? Представители «эксплуатирующих» классов должны были отречься от своих родителей. Если, например, они хотели поступить в университет, им следовало опубликовать заявление в газете: «Я, такой-то, сим заявляю, что отрекаюсь от своих родителей, таких-то, как от чужеродных элементов. Я заявляю, что не имею с ними ничего общего». Однако такое заявление не гарантировало получение работы. Безусловно, кандидаты в члены партии и абитуриенты придумывали историю своего пролетарского происхождения, при этом учащались случаи, когда сокрытие классового происхождения разоблачалось{370}.

Несмотря на все сложности проведения «пролетаризации», партийные институты все одержимее боролись за классовую и идеологическую чистоту. Еще при Ленине выдвигалось требование абсолютного единства в партии, но к концу 1920-х годов любая оппозиция рассматривалась как настоящий враг, как опасность, которую необходимо искоренить{371}. Росло возмущение коммунистов из-за влияния буржуазных специалистов в государственной администрации. В результате «ленинского призыва» 1924 года – массового набора рабочих в партию – заводские партийные ячейки были в основном пролетарские по составу. Их члены враждебно относились к буржуазным специалистам и сотрудничавшим с ними управленцам. Но особенно радикально была настроена новая рабочая интеллигенция, недовольная продолжительным влиянием

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org буржуазных интеллектуалов, или, как называл их Троцкий, «попутчиков». НЭП стал периодом относительного либерализма в культуре по сравнению с 1930-ми годами. «Попутчиками» объявлялись такие великие поэты, как Осип Мандельштам и Анна Ахматова, еще имевшие возможность публиковаться. Однако враждебность новых «пролетарских» партийных интеллектуалов по отношению к сложившейся ситуации нарастала.

Применение милитаристского принципа «классовой борьбы» подпитывавшее Гражданскую войну, охватывавшую все общество, после 1921 года ограничилось рамками партии, как и в Западной Европе. Разница заключалась в том, что в СССР коммунисты были у власти. Разрыв между официальной идеологией и реальностью с ее торговлей, спекуляцией и безработицей был очевиден. НЭП только укрепил классовую ненависть и социалистический радикализм.

Сторонниками радикальной линии в руководстве партии были члены объединенной левой оппозиции. Они подвергли острой критике политику руководства. Однако в конце 1927 года Сталину и Бухарину удалось убрать их из партии: в октябре из ЦК были выведены Троцкий и Зиновьев, а с декабря по всей партии прокатилась волна чисток левых. Троцкий был сослан в Казахстан в 1928 году. В 1929 году он был выслан в Турцию, уехал во Францию, Норвегию и в конце концов эмигрировал в Мексику.

Как ни парадоксально, поражение левой объединенной оппозиции совпало с победой большей части ее программы. Расправившись со своим главным врагом Троцким, Сталин украл идеи левых, придав им немного националистической окраски. Ухудшающаяся после 1926 года международная обстановка находилась в центре его размышлений. Политика НЭПа была действенной стратегией в середине 1920-х годов, во время относительного мира с Западом, так как сулила экономический рост благодаря торговле с зарубежными странами. Однако ухудшение дипломатических отношений только укрепил мнение тех, кто выступал за независимую экономическую политику. После 1926-1927 годов у многих большевистских лидеров появилась уверенность в том, что Британия и Франция планируют вторжение в СССР через Восточную Европу. Разумеется, это было не так. В ретроспективе эти опасения кажутся преувеличенными. Однако Сталин, всегда с подозрением относившийся к зарубежной буржуазии и смотревший на мир глазами грузина, земля которого была когда-то колонией империи, был, кажется, по-настоящему напуган [322]. Если СССР не хотел повторить «судьбу Индии» и стать колонией Запада, ему необходимо было создать тяжелую промышленность и увеличить военные расходы [323]. [372]

В таких обстоятельствах Сталин принял многое из левой критики НЭПа и сделал вывод о том, что пятилетний План [324] не дает того индустриального развития, которое требуется СССР. Стратегия НЭПа изначально разворачивалась медленно и постепенно: сначала крестьянам позволили получать доход с продовольствия, которое они производят, затем они тратили эти доходы на покупку промышленных товаров (например, ткани, утвари). Предполагалось, что их растущее благополучие поднимет и промышленность. Однако, несмотря на то что урожаи зерна увеличились, а объем производства достиг довоенного уровня, такая стратегия не могла привести к быстрой индустриализации, особенно в период, когда международные цены на зерно упали.

Плохой урожай 1927 года и нехватка продовольствия вынудили власти принять решение: сохранять уровень цен [325], по которым оплачивалось крестьянам зерно, в ущерб индустриализации или, придерживаясь своих инвестиционных целей, применить силу и забрать зерно у крестьян, таким образом разрушив рынок зерна и свернув НЭП. Сталин выбрал второе [326]. Помня свой опыт руководства сбором продовольствия на юге России в Гражданскую войну, он начал широко пропагандируемый «поход в Сибирь за зерном» [327], хотя на деле давно понял, где брать зерно: в сундуках корыстных кулаков-укрывателей [328]. Он заявил, что партия должна вести классовую борьбу с кулачеством. Нужно было поднять крестьян-бедняков против богатых, чтобы первые забрали у вторых укрываемые запасы продовольствия, тем самым содействуя индустриализации и защите СССР.

Сталинская революция не ограничивалась сельским хозяйством. Это была широкая идеологическая кампания, возможность покончить с «отступлением» 1921 года и «совершить скачок» к социализму на всех фронтах, как и предлагала радикальная объединенная оппозиция. Рынок должен был быть ликвидирован, а вместе с ним все виды неравенства между интеллигенцией и рабочими, а также внутри самого рабочего класса [329]. В то же время СССР необходимо было превратить из «отсталой» страны в передовую

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org социалистическое государство. Этот период считается одной из самых радикальных «культурных революций». Религию и крестьянские «предрассудки» также необходимо было преодолеть, а «отсталые» этнические культуры подтянуть к уровню русской. Партия должна была поддерживать мессианское рвение и вдохновить массы на достижение героических подвигов.

Сталин столкнулся с жестким сопротивлением Бухарина и его союзников. Он обвинил их в «правом уклоне» и натолкнулся на жесткую критику большинства членов Политбюро[330].

Он начал то, что впоследствии назвал «Великим переломом»[331]. Модернизатор и жестокий революционер, Прометей вновь освободился от своих оков.

IV

В своих мемуарах «Я избрал свободу» (написаны в 1947 году после побега в США) Виктор Кравченко вспоминает 1929 год, когда он, 23-летний комсомольский активист, работал начальником цеха одного из украинских металлургических заводов: «Я был... одним из молодых энтузиастов, взбудораженных высокими идеями и планами того времени... Рабочий пыл целиком охватывал нас и иногда доводил до иступления... Самой благородной из достижимых целей для нас была индустриализация любой ценой, которая вывела бы нашу страну из отсталости. Вот почему я сопротивляюсь искушению судить о событиях тех лет в свете моих сегодняшних чувств... Ужасно раздражала ворчливость “старомодных либералов”, которые только и могли, что критиковать, а сами находились в стороне от борьбы и работы»{373}. Кравченко понимал, что он в меньшинстве. Он был типичным активистом при новом сталинском порядке. Происходивший из семьи рабочего (его отец принимал участие в революции 1905 года) и получивший образование при новом режиме, он стремился способствовать модернизации своего государства. Он был как раз из тех людей, из которых Сталин хотел создать авангард новой революции. Сталин предполагал, что социализм будет распространяться от «продвинутых элементов» к «отсталым» с помощью квазимилитаристской силы. Однако послевоенный социализм был тесно связан с индустриализацией. Под лозунгом «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики», он намеренно перенес радикальный коммунизм революции на фронт индустриализации{374}. Индустриализация была квазимилитаристской кампанией, призванной защитить СССР от агрессивных империалистов. В 1931 году Сталин с некоторым предвидением заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»{375}.

Первый пятилетний план был принят в 1928 году[332]. Он обозначил начало конца рыночной экономики. Однако термин «план» вводит в заблуждение своими научными коннотациями. Хотя он изобилует цифрами и целями, они зачастую брались «из воздуха» самим Сталиным и были недостижимы[333].{376} Их нужно расценивать как призыв к героическому подвигу. Амбиции Сталина подпитывали марксистские экономисты, применявшие к экономике двусмысленные понятия Энгельса. Они утверждали, что осуществление утопических планов реально, так как марксизм доказал, что революционные «скачки» вперед были естественным явлением, возможным в экономике[334].{377} Они настаивали на том, что старая «буржуазная» наука дискредитировала себя. Заменить ее была призвана новая «пролетарская» наука, учитывающая волю масс. Таким образом, это была милитаризованная «командная» экономика, основанная не на тщательно проработанном планировании, а только на теоретических измышлениях.

Первоочередной сталинской задачей являлось превращение партии и государства в действенные инструменты борьбы с врагами социализма. Чиновниками должны были быть только истинные приверженцы партии. Требовалось искоренять любой «правый» скептицизм. На практике это означало проведение чисток, в основном разбиравших классовое происхождение. «Шахтинский процесс» над инженерами-саботажниками в 1928 году был призван продемонстрировать, насколько опасны буржуазные специалисты. Многих уволили и арестовали.

Однако сталинисты надеялись на то, что их «революция» будет народной. Следующей стадией после чистки и реорганизации партии должна была стать мобилизация рабочего класса и бедного крестьянства под крылом партии. Принципы здоровой буржуазной дисциплины, которые Ленин так стремился навязать во время НЭПа, были уничтожены. Произошло возвращение к народной воинственности времен Гражданской войны. На смену размеренному труду пришла штурмовщина – авральная работа по выполнению плана, часто достигаемого в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org самый последний момент. Партия образовывала ударные бригады, рабочие которых давали «революционные клятвы» достичь производственных рекордов. Деньги не являлись стимулом, отчасти потому, что их было мало, отчасти потому, что стимулирование деньгами противоречило идеологическим принципам. На многих предприятиях создавая производственные коммуны, напоминавшие былые артели, где деньги распределялись поровну. Достаточной наградой было самопожертвование и достижение социализма{378}.

Тем не менее у рабочих имелись стимулы, пусть и не материальные: более высокий статус, продвижение по карьерной Лестнице и возможность выразить недовольство начальством, открыто заявил, что проводимый им «Великий перелом» бует не только экономической революцией, но и социальной, партией инициировалось разоблачение буржуазных специалистов, а на заводах организовывались группы благонадежных рабочих, призванные искоренить буржуазные и бюрократические принципы в руководстве. Эти преданные и послушные рабочие (поскольку они были «рабочие») многое получили от чисток, так как режим стремился заменить буржуазию новой пролетарской «красной» интеллигенцией. В самом деле, это была эпоха социальной мобильности{379}. Многие коммунисты, пришедшие к власти в СССР в годы его дряхления, так называемое брежневское поколение, сохранили стойкую преданность режиму, давшему им образование и продвижение по службе с 1930-х годов.

Режим тем не менее не довольствовался разоблачениями буржуазных специалистов. Он направил свой взгляд на предполагаемых «бюрократов» в среде коммунистического руководства – заводских Шраммов, которые, как казалось лидерам режима, приблизились к специалистам. Сталин развернул общенародную кампанию «самокритики» и «демократии». Руководителей вызывали на собрания, где они подвергались народной критике. Отчасти кампания была призвана надавить на скептически настроенных специалистов и управленцев и заставить их работать ради достижения высоких государственных целей. Однако был еще один мотив: если рабочие станут «настоящими и полноправными хозяевами» страны, как говорил Сталин, они будут всецело преданы революционному режиму и, следовательно, своему труду{380}. Это был возврат к рабочему контролю 1917 года[335]. Однако при этом некоторые рабочие, организованные в местные партийные ячейки, оказывали большое влияние на производственный процесс, а руководители и специалисты были мишенями для критики: в любой момент они могли стать жертвами обвинения в саботаже. В. Кравченко, бывший в то время редактором заводской газеты, вспоминает, что «самокритика» была управляемым процессом, а не просто риторическим: «В рамках партийной линии мы имели полнейшую свободу слова в заводской газете... Ничего, что могло бы бросить тень на индустриализацию, на политику партии, не могло быть напечатано. Были разрешены нападки на администрацию завода, профсоюзных функционеров и партийных чиновников, на тех, кто совершал ошибки в производстве или управлении. Это создало иллюзию того, что газета является выразителем общественного мнения»{381}.

Эти мобилизационные стратегии имели смешанный успех. Некоторые рабочие, кажется, в самом деле были вдохновленными ударниками. Они одобряли революционную риторику партии, ненавидели старых управленцев и специалистов и могли ожидать привилегий и благ от режима. Джон Скотт, 20-летний американец, работавший на стройке огромного металлургического комплекса на Урале (Магнитогорск, 1931 год), вспоминал атмосферу надвигающейся войны и дух самопожертвования, вызываемый этой атмосферой: «В 1940 году Уинстон Черчилль заявил британскому народу, что они не должны ожидать ничего, кроме крови, пота и слез. Страна вела войну. Британскому народу это не нравилось, однако большинство принимало войну. СССР же вел войну примерно с 1931 года... В Магнитогорске я был брошен в битву... Десятки тысяч людей терпели самые тяжелые испытания, чтобы построить домны. Многие делали это Добровольно, с необузданным рвением, которым я заразился с первого дня пребывания там»{382}. Многие видели в таких кампаниях силу, которая способна заставить людей работать усерднее за меньшую плату{383}. Сталин надеялся финансировать индустриализацию, забирая средства у крестьян. В действительности индустриализацию «оплатили» рабочие, а крестьян ждала полная катастрофа – вторая часть «Великого перелома», коллективизация. Рабочие же выполняли все более тяжелую работу за все меньшие деньги: с 1928 по 1933 год зарплата сократилась в два раза{384}.

Если большевики с переменным успехом смогли мобилизовать заводских рабочих, то их попытки перестроить сельское хозяйство вызвали почти всеобщее сопротивление. Это едва ли удивительно, поскольку коллективизация означала надругательство над крестьянскими ценностями и традиционным жизненным

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org укладом. Разумеется, еще марксистская доктрина приравнивала мелких землевладельцев к «мелкой буржуазии», а управление хозяйством – к управлению социалистической фабрикой. Обычно считали: чем больше, тем лучше. Механизация помогла коллективным хозяйствам добиться высокой продуктивности[336]. Однако коллективизация была связана с партийной необходимостью решить проблему зерна. Колхозы, контролируемые партией, позволили режиму распространить свою силу и на сельское хозяйство и заставить несговорчивых крестьян не только производить зерно, но и отдавать его городам.

Во время коллективизации земля изымалась у «кулаков». Эта категория людей росла: кулаками считали всех, кто отказывался вступить в колхоз[337]. Кулаков постигла разная судьба: некоторые были заключены в тюрьму и сгинули в ГУЛАГе, другие получили плохую землю, третьих отправляли в город работать на заводе или строительстве. Многие умерли по пути к месту отбывания наказания. Неудивительно, что вскоре коллективизация приняла форму Гражданской войны между большевиками и крестьянами. Некоторые крестьяне – молодежь, бедняки, бывшие солдаты Красной армии – поддержали коллективизацию, однако подавляющее большинство противилось ей. Когда с конца 1929 года в деятельности местных партийных ячеек и комсомольских органах начались перебои, правительство вынуждено было разослать десятки тысяч городских рабочих-активистов по деревням с целью ускорить коллективизацию. Такой ход напоминает о том, как якобинцы отправляли в село отряды Революционной армии с целью экспроприации зерна[338]. Активисты-добровольцы считали, что история на их стороне, что они несут свет модернизации темным массам. Лев Копелев, один из таких добровольцев, вспоминает их ужасающую уверенность: «Я был убежден, что мы – бойцы невидимого фронта, воюем против кулацкого саботажа захлеб, который необходим для страны, для пятилетки. Прежде всего – за хлеб, но еще и за души тех крестьян, которые закоснели в неосознанности, в невежестве, поддаются вражеской агитации, не понимают великой правды коммунизма...»{385}

В центре «войны» за «души» крестьян была борьба с религией. После жестокого преследования в период Гражданской войны режим с трудом установил временное перемирие с православной церковью к середине 1920-х годов. Однако с «Великим переломом» пришла новая волна атак. В 1929 году любая религиозная деятельность, кроме религиозной службы, была запрещена, включая благотворительную работу и религиозные процессии. Вскоре участились и более жестокие притеснения. Комсомольцы и активисты Союза воинствующих безбожников развернули работу по иконоборчеству и вандализму, церковные колокола переплавлялись, ценности конфисковывались{386}.

Такие кампании только укрепили уверенность большинства крестьян в том, что коллективизация была жестоким надругательством над нравственным христианским образом жизни. Слух, распространенный на Северном Кавказе в 1929 году, представлял собой предсказание близкого конца света с распространением колхозов: «При колхозах... закроют все церкви, запретят молитвы, мертвых будут сжигать, детей не позволят крестить, больных и стариков будут убивать, не будет больше ни мужей, ни жен, все будут спать под стометровым одеялом. Красивых мужчин и женщин соберут в одном месте, и они будут производить красивых детей... Колхоз – это все зверье в одном хлеве, весь народ в одном бараке»{387}.

Распространились бунты. Часто их инициировали женщины, понимая, что, возможно, не будут подвержены немедленным жестоким репрессиям, от которых страдает мужское население. Например, когда в январе 1930 года в селе Белоголовое одной из западных областей восемь коммунистов-активистов вторглись в церковь с целью снять колокол, они встретили отпор группы местных женщин, которые их избили и не дали осуществить запланированное{388}.

Большевики выиграли войну коллективизации, хотя и с применением насилия, однако мир они потеряли. Крестьяне испытывали глубокую ненависть по отношению к системе колхозов. Привыкшие сами организовывать свою работу и распределять землю через крестьянский совет[339], они не собирались подчиняться государственному чиновникам. Хотя в теории они должны были получать деньги за свой труд[340], на деле на вознаграждение за труд уходило лишь то, что осталось после выполнения обязательств перед государством. Не имея ни денег, ни независимости в качестве стимулов к труду, крестьяне мстили своим руководителям проволочками в поставках продовольствия. Виктор Кравченко, участвовавший в экспроприации зерна, был

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org шокирован «ужасным состоянием разрухи и беспорядка» в одном из колхозов, который он посетил. Он распорядился, чтобы председатель колхоза немедленно организовал всеобщее собрание:

«Через полчаса мужчины и женщины, формально ответственные за коллективное хозяйство, собрались во дворе. Их лица не предвещали ничего хорошего. Казалось, они говорили “Вот еще один вмешиваться приехал... что ж делать, послушаем”».

– Как вы тут, колхозники? – начал я дружелюбно.

– Так себе... Все еще живы, как видите, – угрюмо проворчал один из них.

– Ни богатые, ни бедные, а попросту нищие, – добавил другой. Я сделал вид, что не понял его иронии»{389}.

Месть Сталина была жестокой[341]. Стремясь продолжать индустриализацию, которая требовала экспорта зерна и поставок продовольствия рабочим, Сталин распорядился повысить нормы сдачи зерна в 1931 и 1932 годах, несмотря на плохие урожаи. В 1932 и 1933 годах он развернул беспощадную кампанию против предполагаемых «вражеских» групп среди крестьян, которые «ведут молчаливую войну против советской власти». Несмотря на растущее возмущение, Сталин настаивал на том, чтобы у крестьян забирали все зерно, даже семена на будущий год[342]. Семьи, укрывавшие продовольствие, жестоко наказывались. В результате вспыхнул голод. В письме крестьянина из Поволжья властям, написанном в 1932 году, говорится об отчаянии и опустошении села: «Осенью 1930 года все земли был вспаханы, а следующей весной засеяны, и урожай был хороший. Пришло время убирать зерно, и колхозники собирали урожай без единой заминки... но затем пришло время рассчитывать с государством, и все зерно забрали... И теперь колхозники с маленькими детьми на руках умирают от голода. Они целыми днями ничего не едят, целыми днями не видят кусочка хлеба. Люди начали пухнуть с голода... Все мужчины ушли, хотя скоро наступит время весенних работ»{390}.

Сталин продолжал индустриализацию ценой великих страданий, которые привели к ужасному голоду. По некоторым оценкам, от голода погибли от 4 до 5 миллионов человек{391}. Это было одно из самых страшных событий в советской истории, одно из первых бедствий, причиненных догматической аграрной политикой коммунистических режимов.

Режим столкнулся с серьезным кризисом. В городах кончалось продовольствие, начались забастовки. Жестокая эксплуатация крестьян стала причиной дефицита, однако во многом причиной была также бесхозяйственность новой командной системы в целом.

В первые годы сталинской эпохи группа журналистов из «Крокодила», официально санкционированного сатирического журнала, устроила вдохновенный розыгрыш. После того как схлынула волна чисток, устроенных ОГПУ (преемники ЧК) и сталинским уполномоченным по решению экономических проблем Лазарем Кагановичем, они придумали фиктивную промышленную организацию, которую назвали «Всесоюзный трест по сбору упавших метеоритов». Организация начала обрывать необходимыми принадлежностями: они обманом заставили государственный трест по производству резиновых штампов выпустить для них печать и штамп. Этим штампом они заверяли многочисленные письма за подписью директора треста, фамилии которого постоянно менялись. В качестве фамилий директора и сотрудников треста брались фамилии комических персонажей русской литературы. В различные промышленные организации рассылались правильно оформленные письма со штампом, в которых превозносились перспективы использования нового источника особенного высококачественного металла – метеоритов. В письмах говорилось, что «Трест по сбору упавших метеоритов» научно установил: скоро метеориты упадут в различные районы Центральной Азии. Они утверждали, что знают точное время и место падения метеоритов и смогут поставлять их обломки своим партнерам в советской промышленности. По всему СССР промышленные чиновники попались на эту удочку. В ответ потекли письма заинтересованных организаций. Мебельный трест предлагал переоборудовать офис организации в обмен на ценный металл. Государственный фонографический трест предлагал фонографы, а также записи для увеселения членов экспедиций, когда они направляются покорять пустыни Центральной Азии в поисках упавших метеоритов. Вооруженные этими и еще более серьезными обещаниями, они получили большой кредит от Государственного банка. Но они зашли слишком далеко, когда обратились к

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org наркомуну тяжелой промышленности с просьбой о содействии в строительстве завода по переработке новых металлов. Нарком, менее доверчивый, чем остальные, почуял неладное и запер их в кабинете. Вызвали ОГПУ, и они, в духе розыгрыша, инсценировали арест метеоритных предпринимателей. Однако, к большому разочарованию организаторов розыгрыша, чувство юмора Кагановича было не настолько остро, чтобы позволить им опубликовать эту историю – она слишком дискредитировала бы советских промышленников. Наказание небдительных чиновников ограничилось тем, что над ними долго потешались в коридорах власти{392}.

Эта история, рассказанная карикатуристом «Крокодила» Заре Виткину, американскому инженеру, работавшему в Москве, многое говорит об экономической системе, сложившейся в раннюю сталинскую эпоху. Командную экономику правильнее всего было бы назвать «голодным государством» – его неограниченный аппетит заставлял пожирать все: сырье, труд, промышленные товары{393}. Логика этой системы объясняет, почему промышленных чиновников было так легко обмануть. Обремененные невыполнимыми Планами по производству товаров тяжелой промышленности, они абсолютно не заботились ни о цене, ни о практичности, потому что часто не могли разориться. Ни прибыль, ни потери особо не ощущались. Если только был хоть малейший шанс, что металл метеоритов так хорош, как обещают, значит, легкомыслием будет отказ от него. Прожорливая индустриальная экономика глотала все, что было в зоне досягаемости. Неудивительно, что от перспективы использования метеоритных металлов у нее потекли слюнки.

В первую пятилетку были созданы такие промышленные монстры советской экономики, как металлургические заводы Магнитогорска на Урале и Кузнецка в Сибири. Согласно официальной статистике, объемы производства в некоторых отраслях тяжелой промышленности выросли вдвое. Однако все это досталось дорогой ценой. Недостижимые цели, «ударные» методы и привлечение неквалифицированных рабочих и инженеров привели к дефициту, расточительству и хаосу. Возрастала разрушительная сила «самокритики» и «классовой борьбы», вскоре вышедших из-под контроля партии[343]. В Ленинграде (бывшем Санкт-Петербурге и Петрограде) 61% ударных бригад сами выбирали себе управляющих[344]. Руководители жаловались, что рабочие отказываются им подчиняться[394]. Было объявлено о том, что план выполнен за четыре года, однако в действительности 40% запланированных целей оказалось не достигнуто{395}.

Хаос и неэффективность экономики вынудили Сталина отступить, и в июне 1931 года он объявил о завершении его революции[345]. Он сообщил, что война с буржуазными специалистами окончена. Авторитет руководителей был восстановлен, горячность партийных активистов и тайных служб сдержана. Как заявил Каганович, с этого дня земля должна сотрясаться, когда советский руководитель приходит на завод. Сталин был вынужден в конце концов отказаться от экономического утопизма. План второй пятилетки, начинавшейся в 1933 году, хотя также амбициозный, был все же умереннее и практичнее первого.

Важно то, что это стало начало больших расхождений, обозначивших зрелый сталинизм. Сталин значительно умерил свое бывшее страстное стремление к достижениям «трудового героизма»[346]. Рабочим нужно было платить в соответствии с тем, насколько тяжел их труд. Он заявлял, что они еще не готовы к равным зарплатам и самопожертвованию. Теперь казалось, что это будет возможно только при коммунизме, а не на низшей его стадии – социализме, на которой временно находился СССР[347].{396} В конце 1920-х годов особые продовольственные пайки выдавались только высоким чиновникам, однако в начале 1930-х привилегии распространились также на других чиновников, инженеров и некоторых других представителей «социалистической интеллигенции». Зарботки стали более дифференцированы, хотя инженеры и техники все же получали зарплату лишь в 1,8 раза больше средней зарплаты рабочего{397}.

Возможно, в промышленности и был объявлен великий классовый мир, однако понадобилось еще два года, чтобы он достиг села. Только ужасный голод и волнения в городе[348] заставили Сталина поменять курс в 1933 году. Партийным чиновникам было дано распоряжение уменьшить репрессии против крестьянства, а с 1935 года режим пошел на компромиссы[349]. Крестьянам разрешалось продавать на местном рынке часть из того, что они вырастили. Было введено денежное стимулирование колхозов{398}.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Хотя критики назвали этот период «неонэпом», он не означал возврата к рынку 1920-х годов. Распределение товаров находилось теперь в руках государственных бюрократов и оставалось в них до конца СССР; крестьяне продолжали ненавидеть режим, и, как следствие, сельское хозяйство по-прежнему серьезно тормозило советскую экономику. Так было везде, куда пришла коллективизация. Крестьяне работали усердно только на собственных огородах. Почти половина произведенного мяса приходилась на личные подсобные хозяйства, хотя они составляли очень малый процент от всей земли.

Идея объединения радикальной революции и быстрого экономического развития, предпринятая с целью «великого скачка» к коммунизму, провалилась. Действия воинственно настроенных партийцев, не способных объединить все население под крылом режима, привели к беспорядкам и разногласиям. Недовольство росло и в рядах высшей партийной элиты. Областные партийные начальники пытались убедить секретаря Ленинградского обкома Сергея Кирова начать борьбу за лидерство в партии в начале 1934 года. В некоторой степени опыт Сталина походил на опыт Ленина в 1921 году: как и Ленин, Сталин был вынужден на время отказаться от решительной политики классовой борьбы в пользу терпимого отношения к многочисленным слоям населения. Однако в отличие от Ленина Сталин не принял технократический социализм. Он продолжил манипулировать настроением масс, используя совсем другие методы.

v

В 1938 году, через 10 лет после «Октября», Эйзенштейн снял фильм «Александр Невский» о древнерусском новгородском князе Александре Ярославиче, который оказывал сопротивление шведам, а также остановил вторжение тевтонских и ливонских рыцарей в 1242 году[350]. Сюжет фильма прост: на русские земли нападают жестокие религиозные фанатики Тевтонского[351] ордена, новгородский люд на вече спорит о том, что делать дальше. Духовенство, купцы и бояре советуют сдаться, но боярин Домаш настаивает на сопротивлении. Город вверяет свою судьбу Александру и его дружине. Невский настаивает, что одни горожане не смогут защитить Новгород. Он решает вооружить крестьян, и Игнат, кольчужный мастер, охотно помогает князю, способствуя успеху военного дела. Вооруженные Игнатом пехотинцы наносят поражение тевтонским рыцарям на замерзшем Чудском озере, применяя маневр двойного охвата. В одной из самых впечатляющих сцен в истории кинематографа – в сцене Ледового побоища – русские загоняют рыцарей на озеро, где под весом доспехов лед ломается. Таким образом, отвага и хитрость (а также русский климат) способствуют победе простых славянских крестьян над профессиональными воинами – высокомерными тевтонами.

«Александр Невский», как и «Октябрь», представляет собой историческую драму, снятую по заказу партии. Фильм был призван укрепить советскую стойкость перед лицом растущей угрозы со стороны Германии. Во всех других отношениях эти два фильма сильно различались между собой. Стиль «Александра Невского» был более традиционен. В фильме использовалась голливудская манера повествования и минимум монтажа. Его героем была индивидуальная личность, а не массы. Декорации и образы отражали древность, а не современность, а темой стало патриотическое единство, а не классовая борьба. Первоначально фильм назывался «Русь» – древнее название русского народа.

Фильм Эйзенштейна стал киноотражением тех глобальных идеологических изменений, которые выработал Сталин и его окружение в середине 1930-х годов. Как и Александр Невский, Сталин был готов сопротивляться Германии. У него никогда не было иллюзий об истинных целях нацистов, а приход Гитлера к власти в 1933 году только укрепил его уверенность в том, что Раскола общества во время Великого перелома нельзя было повторить. Точно как Александр, настаивавший на том, что городку население не сможет в одиночку противостоять тевтонам, Сталин не полагался, как он это делал со времен Гражданской войны, только на группу передовых воинственных партийцев в деле распространения коммунизма. С середины 1930-х годов в коммунистической идеологии стали происходить постепенные преобразования, призванные привлечь на сторону партии более широкий круг сторонников, включая крестьян и специалистов-профессионалов (таких, как кольчужный мастер у Эйзенштейна). Все это, разумеется, повлекло за собой замену раскольничьей классовой стратегии более толерантной классовой политикой. Сталин положил конец дискриминации по признаку классового происхождения, заявив в 1935 году, что «сын не в ответе за своего отца». Он не препятствовал возвращению детей кулаков в колхозы[352]. В 1936 году в новой конституции говорилось, что

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org СССР достиг социализма, что означало окончательную победу над старой буржуазией и предоставление политических прав «бывшим людям». Ученым и специалистам, ранее находившимся под подозрением, частично были возвращены их былой статус и сила. Хотя Сталин никогда формально не объявлял окончания «классовой борьбы» [353] (только после смерти Сталина советское руководство пришло к тому, чтобы объявить социальный мир) и партия оставалась «авангардом» общества, он, несомненно, подразумевал, что внутренний классовый враг в целом побежден и советский народ должен теперь объединиться, чтобы противостоять врагу внешнему.

Тем не менее Сталин не собирался пользоваться ленинскими рецептами достижения классового мира [354]. Он не стремился рассматривать общество как хорошо работающую машину, не пытался вернуться к рыночному неравенству времен НЭПа. Однако сохранялся План, и сталинский Советский Союз оставался скорее землей героев-революционеров, а не купцов-мещан [399]. Ответственность за будущее СССР лежала на людях, изображенных Эйзенштейном: гордых патриотах, защищающих свою страну от вражеского нашествия. Модель социализма снова изменялась, трансформируясь из братского союза верных соратников конца 1920-х годов в объединяющую всех традиционную армию.

Таким образом, СССР больше не был страной обозлившихся детей, ведущих постоянную борьбу со своими дворянскими и буржуазными отцами, каким он был показан в фильме «Октябрь». Теперь он представлял собой союз дружных братьев, старших и младших. Старшие вели за собой младших. Общество оставалось иерархичным, но при этом подвижным: чье-то место в нем зависело уже не от происхождения, а от политической «сознательности». Старшие братья руководили младшими и вели их в светлое будущее коммунизма. Более «сознательные» в политическом отношении (партийный «авангард» обычно не буржуазного происхождения) «поднимали» уровень менее сознательных. Новая советская «интеллигенция» (термин, теперь применявшийся к любому человеку с высшим образованием) организовывала работу трудящихся и крестьян. В рядах простых людей появлялся новый тип рабочих и крестьян: «стахановцы», последователи шахтера Алексея Стаханова, героя производства.

Итак, режим предложил более «меритократическую» (или «Добродетельную») версию старой аристократии при царизме, когда высокий статус и государственные привилегии предоставлялись тем, кто был носителем «добродетели» и служил ей. Представителям политической элиты и другим привилегированным слоям населения, например стахановцам, предоставляли Удобные квартиры и свободный доступ к потребительским товарам и продовольствию. В середине 1930-х годов появился новый символизм иерархического порядка, созвучный эпохе царизма.

До 1917 года гражданские служащие имели чины и собственную униформу, которые, как и старые воинские звания, были отменены как признаки старого режима. Однако в 1935 году чины и знаки отличия (погоны [355] и другие) были возвращены в Красную армию. Также ввели униформу для рабочих различных отраслей производства и гражданских служб (например, работников водного транспорта и железнодорожников). Появились многочисленные медали, звания и награды для людей на всех уровнях общественной иерархии: от Сталинской премии, наивысшей награды, эквивалентной нобелевской премии, до звания «Героя Социалистического Труда», которое присваивалось стахановцам и другим рабочим [400]. Социалистическая система ценностей сливалась с аристократической [356]: «новый социалистический человек» теперь описывался как человек «чести», которой он достоин вследствие служения народу и героического самопожертвования [401]. Однако, в отличие от царской России, в СССР каждый человек мог достичь героического благородного идеала. В теории любой мог стать почитаемым, будь он членом партии или беспартийным приверженцем большевиков, несмотря на то что некоторых почитали больше, чем других.

Отношение партии к национализму демонстрировало все ту же комбинацию широкой толерантности и иерархичности. Сталин понимал, какой мощью обладал национализм, однако он должен был подобрать идеи и символы, приемлемые для всех, – непростая задача, учитывая тот факт, что СССР в сущности был больше похож на империю, а не на единое национальное государство. СССР объединял многочисленные этнические группы: от русских до украинцев, от таджиков до грузин. Сталин решил в определенной степени обратиться к прошлому – царизму и русскому национализму, отвергая при этом царский русский шовинизм. Он и его идеологи создали, таким образом, «советский патриотизм». В его центре находилось русское самосознание, очищенное от таких идеологически

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org неприемлемых элементов, как православие и расовое превосходство. Таким образом, зрители фильма «Александр Невский» не должны были вспомнить о том, что Александр был святым Русской православной церкви. Действительно, главный персонаж из духовенства, монах Ананий, показан жалким предателем.

В соответствии с концепцией нового советского патриотизма Россия была «первой среди равных» в союзе, основанном на «дружбе народов». В 1920-е годы большевики неодобрительно относились к подчеркнутой «русскости» и стремились заручиться поддержкой других народностей, обещая развивать культуры и языки этнических меньшинств, иногда подвергая дискриминации русских в пользу нерусского населения. Однако с начала 1930-х годов Сталин начал поднимать статус русских, хотя предпринимаемые им действия и не дотягивали до громкого слова «русификация»{402}. Языки меньшинств по-прежнему преподавались в школах, а элементы нерусских традиций проникали в русскую культуру. Во время Второй мировой войны были сняты эпические фильмы о национальных героях основных меньшинств СССР: «Богдан Хмельницкий» для украинцев, «Георгий Саакадзе» для грузин и «Давид-Бек» для армян{403}. Создавалась новая «советская» история: великодушный старший брат – русский народ – вел соседних «младших братьев» к модернизации и величию. В отличие от национализма нацистов, подчеркивавшего расовое и культурное превосходство и уникальность, советский национализм, по крайней мере в теории, представлял историю в виде лестницы: все народы могли достичь вершины исторического развития, следуя примеру русских.

Избирательная социалистическая версия национализма была тщательно разработана партийными идеологами и вылилась в новый тип «национального большевизма»{404}. История предназначалась для героев. Эти герои могли вписать свои имена в историю стремительной русской модернизации и государственного строительства. Каким бы плохим историком ни был Сталин, он всегда искал лучший способ объединить массы. Осознавая, что пантеон признанных партией исторических героев должен признаваться широкими массами населения и сменить старую, сухую, разъединяющую народ классовую пропаганду, Сталин организовал съезд историков в марте 1934 года с целью обсудить школьное преподавание истории. Он обрушился с критикой на старые учебники и содержащийся в них сухой структурализм: «Эти учебники ни на что не годятся... Что... за “феодалная эпоха”, “эпоха индустриального капитализма”, “эпоха формаций” – все эпохи и никакие факты, события, людей, конкретной информации, ни имени, ни титула, ни даже какого-то вразумительного содержания... История должна быть историей»[357].{405}

Новый «национальный большевизм», кажется, обеспечил более широкую поддержку режима за пределами партии. Особым успехом он пользовался перед началом войны. «Александр Невский» Эйзенштейна, единственный его лидер проката, стал особенно популярен. Почти сразу после выхода на экраны фильм был изъят из проката в связи с заключением пакта о ненападении между СССР и нацистской Германией. Фильм вернулся на экраны после нападения Германии на СССР. Зрители приняли суровую антинемецкую пропаганду. Как рассказал корреспонденту местной газеты один московский инженер, «пусть же современные “рыцари-полукровка” помнят трагическую и позорную роль, которую сыграли их предки, жалкие крестоносцы»{406}. На представителей национальных меньшинств фильм произвел менее сильное впечатление. Тем не менее война против мощного внешнего врага объединила «советский народ».

Ценности режима стали менее эгалитарными, чем они были в начале 1930-х годов. Некоторых беспокоило, что новые образы вдохновителей народа выбирались из древнерусской знати. Однако в теории идеология оставалась современной и толерантной. В ценности «нового социалистического человека» входили «культура» и «просвещение», а также политическая надежность и коллективный менталитет. Концепция «культуры» была неразрывно связана с представлениями о том, что человечество идет по пути прогресса, обрывистому, поднимающемуся вверх пути от «отсталости» (бедности, безнравственности, невежества и грубости) к светлой современной жизни с комфортом, чистотой, образованностью и вежливостью (хотя вежливость не всегда считалась добродетелью в партийных кругах).

Новая идея «культурности» (скорее унифицирующей, чем просто отвергающей полубуржуазный образ жизни) особенно очевидна в период нового социалистического «потребительства». Маркс, разумеется, не был аскетом и обещал, что приход коммунизма будет сопровождаться изобилием и достатком. Однако были и другие причины, объясняющие то, почему руководство вдруг стало придавать особое значение потреблению. Городские волнения, вызванные

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org дефицитом продовольствия в 1932–1933 годах, вынудили руководство признать, что оно должно обеспечить достойный уровень жизни. После ввода новой системы выплат в соответствии с объемом выполненных работ необходимо было учитывать, что в наличии должно быть то, на что рабочим захочется потратить с трудом заработанные деньги. Образцом новой «культурности» были стахановцы. Они были героями труда, борцами за социализм, их награждали «почетными» медалями и собраниями сочинения Ленина и Сталина. Они также получали зарплаты выше средних и могли себе позволить удобства. Партийный руководитель Стаханова Дюканов объяснял: «Теперь, когда мы получаем достойные зарплаты, мы хотим управлять культурной жизнью. Мы хотим иметь велосипеды, пианино, граммофоны, грампластинки, радиоприемники и многие другие предметы культуры»{407}.

Новая эпоха потребления была признана официально в *1935 году сталинским лозунгом, часто впоследствии повторяемым: «Жизнь стала лучше, товарищи, жизнь стала веселее»{408}. Однако экономика по-прежнему ориентировалась на тяжелую промышленность, и многие потребительские товары были доступны только некоторым социалистическим руководителям и стахановской трудовой элите. Тем не менее предпринимались попытки позволить более широким слоям населения ощутить хотя бы вкус хорошей жизни. Эта «хорошая жизнь» была отчасти копией капиталистической культуры потребления, предлагавшей массовое производство и выбор. Однако партия вовсе не стремилась к «потребительскому» обществу в современном смысле слова – обществу, в котором люди измеряют свой статус потребительскими товарами, которые они имеют, и соревнуются между собой в том, кто может купить больше и лучше. Потребительские товары, как и образование, входили в ряд вещей, которые позволят советским людям прожить хорошую, «культурную» жизнь, достойную героев. Немногие могут себе их позволить сейчас, но когда-нибудь сможет каждый. Важно отметить то, что товары также отражали иерархию общественных статусов, основанную на политике и идеологии, а не на благополучии, как в капиталистических странах. Идеалом Сталина было общество, в котором у людей был бы стимул трудиться, а награждались бы они в соответствии с их героическим самопожертвованием, а не с заработанными деньгами. Он объяснял: «Советские люди усвоили, наконец, новую меру ценности людей, чтобы людей ценили не на рубли и не на доллары... [но] ценить людей по их подвигам, – и добавлял: – что такое доллар? чепуха!»{409}

СССР, однако, был государством, где о людях судили не только по их достижениям, но и по их наградам. Идеальное сталинское общество строилось на патерналистских принципах: государство-отец раздавало детям награды в зависимости от того, как они себя вели. Патернализм, безусловно, лежал в основе сталинской пропаганды. Наиболее яркое его проявление – культ личности Сталина. Советское «государство всеобщего благосостояния», школы, больницы, социальная защита – во всем этом многие видели заслугу лидеров нового режима. Люди считали эти достижения скорее дарами отца народов Сталина его благодарным детям, чем результатом тяжелейших усилий трудящихся. Как заявляла газета «Комсомольская правда»: «Советские люди знают, кому они обязаны этими великими достижениями, кто ведет их к счастью, обеспеченной, полной и радостной жизни... Сегодня они шлют свой теплый привет любимому, дорогому другу, учителю и отцу». В это же время школьники всей страны распевали: «Спасибо, товарищ Сталин, за наше счастливое детство!» Многие уловили этот сигнал, и властям потекли петиции с просьбами и мольбами, как это было принято в эпоху царизма.

Первые признаки культа личности Сталина появились еще в 1929 году, когда ему удалось отстранить от власти Бухарина и «правых». Культ начал набирать силу в 1933 году, когда Сталин, ослабленный и уязвимый после краха «Великого перелома», использовал культ своей личности, чтобы удержать и укрепить централизованный контроль. Воздействие через культ было направлено прежде всего на рабочих и крестьян, в меньшей степени – на «белых воротничков» (они имели образование и могли просто не поддаваться). Немного смущенный несовместимостью культа личности и социалистического общества, Сталин понимал, что культ будет иметь огромный резонанс. В широко растроганном интервью «путешествующему другу», немцу еврейского происхождения Лиону Фейхтвангеру Сталин признавал, что культ был «безвкусным», и шутил по поводу его многочисленных портретов. Но, как он объяснял, нужно было с этим смириться, так как рабочие и крестьяне еще не достигли зрелости, необходимой для «культурного вкуса». Партия пыталась бороться с чрезмерными проявлениями патернализма, в которых слышались отголоски старого режима. Если простые люди в письмах называли Сталина «дядей» или «батюшкой» (обращение к царю), то в официальный язык эти

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org обращения никогда не проникали. Официальный культ изображал Сталина как интеллектуала-марксиста и харизматичного мага – «великого Двигателя локомотива истории» или «гения коммунизма», однако эти образы не имели такого значения, как общенародный образ Сталина как «отца нации».

Тем не менее не существовало противоречий между патерналистской идеей о том, что Сталин-отец заботится о нации, и верой в социальную мобильность. Паша Ангелина, первая женщина-тракторист, бригадир тракторной бригады, известная стахановка, соединила эти идеи в одной частушке, продекламированной на областной конференции в 1936 году:

Ай, спасибо тебе, Ленин,
Ай, спасибо тебе раз,
А еще раз тебе спасибо
За советскую, за власть.
Сшей мне платице, маманя,
Ситцевое красное.

Со стахановцем гуляю,

С отстающим – не желаю{410}.

В соответствии с официальной линией партии Паша благодарила Сталина за помощь молодым целеустремленным людям, таким, как она, которые, в свою очередь, помогали народу. Как и при идеализированном служении аристократии царю и царизму, государство давало привилегии и награждало за верную службу. Однако от мира, в котором один отец стоит во главе гибкой иерархии, основанной на добродетели, к незыблемой пирамиде власти, в которой вышестоящие отцы подчиняют себе детей, был один короткий шаг.

Такие перемены стали наиболее очевидны в этнической политике: русские все чаще представлялись высшей нацией, стоящей во главе иерархии подчиненных этнических меньшинств. И хотя СССР ни в коем случае нельзя считать преемником Российской империи, некоторые черты старого режима, пусть не в явной форме, все же сохранились. После 1932 года в паспорта всех людей[358] вписывалась информация об их классовой и этнической принадлежности, что говорит об отношении государства к разным классам и народностям.

Теоретически крестьяне не могли покинуть деревню без разрешения (ограничения, схожие с теми, что были у крепостных). Классовое происхождение все еще обуславливало возможность получения образования и достижения карьерных успехов. Партийные работники превратились наряду с пролетариями в привилегированный класс. Номенклатура (как их называли) имела доступ к комфортному жилью, магазинам, продовольствию. Она превращалась в привилегированную группу, напоминавшую высшее сословие при царизме{411}.

В культуре сталинизма образ «советской семьи» сильнее стал напоминать отцов и детей, чем союз братьев. Официальный дискурс строился на образах советских героев, однако они сильно отличались от героев 1920-х годов. В отличие от Глеба, персонажа Ф. Гладкова, они никогда не могли достичь полной политической зрелости, присущей советским лидерам. Это были импульсивные, спонтанно действующие люди, нуждавшиеся в отеческой опеке партийных учителей. Самым известным героем этого типа был Павел Корчагин, персонаж полуавтобиографического романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (1934)[359]. Действие романа разворачивается на Украине времен Гражданской войны[360]. Роман рассказывает о необычайной силе воли Корчагина: он борется за социализм наперекор всем трудностям, иногда едва избегая смерти, и продолжает бороться за общее дело, даже когда его парализовало. Несмотря на то что его характер, как сталь, «закален», он остается незрелым на протяжении жизни: он плохо учится и ведет себя в школе, он ставит классовое происхождение выше любви и рвет отношения с Тоней из мелкобуржуазной семьи, претерпев при этом глубокие страдания, он остается верен коммунизму, преодолев, однако, продолжительную депрессию, едва не приведшую к самоубийству. Его героизмом управляют наставники-партийцы, но сам он так и не становится партийным лидером, идеологом марксизма-ленинизма{412}. Корчагин был одним из наиболее выдающихся сыновей-героев сталинской культуры, как в сфере литературы, так и вне ее. Пилоты, исследователи Арктики (сталинские «птенцы») и рабочие-стахановцы изображались как уважаемые, но все же младшие члены советской семьи. Предками новой «советской семьи» были отцы-герои. Историческая роль Александра Невского, Петра Великого и других исторических личностей была переоценена, однако все же это была скромная роль предшественников, великого Сталина.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Сталин, однако, не был единственным отцом партии. СССР превратилось в общество матрешек: в бесконечной иерархии появились «младшие» отцы. Многие местные руководители, заслужившие свое положение службой во время Гражданской войны [361], вели себя словно «маленькие Сталины» с собственной сложившейся группой подчиненных – так называемым хвостом, который они тащили за собой, продвигаясь по карьерной лестнице. Они создавали культы собственной личности, подражая культу великого вождя [413]. Как и вождь, они своей заслугой считали любое достижение, имевшее место в их области. Иногда в сознании народа эти культы разрастались до размеров, превышающих культ Сталина. В 1937 году один колхозник на вопрос «Кто теперь главный в России?» ответил «Ильин» – глава местного сельсовета. Казалось, колхозник никогда ничего не слышал о великом вожде [414].

Попытки Сталина распространить влияние аристократического военного героизма привели к высокому авторитету такого героизма в патерналистской политической культуре. Благородные воины Александра Невского стали мощными образцами для подражания. Тем не менее было бы преувеличением утверждать, что Россия при Сталине просто вернулась к старому режиму. От партийцев ожидалось, что они примут не только героические военные ценности, но и ленинскую (почти протестантскую) идею здравого аскетизма. От них ожидалось, что они будут следовать строгому моральному кодексу. От них, в отличие от бояр при Петре, ожидалось, что они будут управлять научно (скорее в традиционном «буржуазном» понимании, чем в утопическом марксистском представлении). Руководство прилагало большие усилия к тому, чтобы создать новые кадры – «красных специалистов», которые знакомы бы с глубинными смыслами идеологии под строгим контролем партии.

Новый союз квазиаристократических отцов-руководителей и квазибуржуазных ученых нашел свое яркое воплощение в рядах областной и районной партийной элиты. После хаоса в экономике начала 1930-х годов Сталин подчеркнул особое значение строгого экономического контроля и подчинения. Инженеры и руководители вновь получили высокий статус, а партийные работники, развившие подозрительное и настороженное к ним отношение, теперь должны были оказывать им помощь и поддержку. Произошла частичная «демобилизация» партии, в то время как ее чиновники и руководители превратились в связанную, единую административную элиту. Виктор Кравченко, ставший в 1934 году инженером нового металлургического завода в Никополе на Украине, прекрасно описывает свое «вхождение» в элиту и его напряженные отношения с рабочими: «Меня поселили в просторном пятикомнатном доме примерно в километре от завода. Это был один из восьми домов, предназначенных для высокопоставленных чиновников... в гараже стояла машина, а еще в моем распоряжении находилась пара прекрасных лошадей – разумеется, собственность завода, однако я мог ими пользоваться как полноправный хозяин, пока занимал должность на заводе. Кроме дома, в моем распоряжении был шофер, конюх и рослая крестьянка, которая готовила еду и убирала дом... Я честно хотел установить дружественные, открытые отношения с рабочими... Однако общение обычных рабочих с таким высокопоставленным инженером, как я, могло задеть их гордость – оно напоминало снисходительный патронаж. Кроме того, такое “братство”, нарушающее дисциплину, не понравилось бы официальному руководству. На словах мы тоже представляли “рабочую силу”, на деле же были отдельным классом» [415].

Наблюдение Кравченко о том, что в СССР появился «новый класс» – класс аппаратчиков с новыми буржуазными вкусами, – разделяли многие критики сталинизма, в том числе Троцкий (хотя Троцкий в своей критике никогда не заходил настолько далеко, чтобы утверждать, что коммунисты превратились в новую буржуазию). Несомненно, в 1930-е годы в обществе возникла новая влиятельная группа. В ответе за это во многом был Сталин: чтобы контролировать кризис и хаос начала 1930-х годов, он намеренно укрепил новую иерархию во главе с партийными начальниками и специалистами-коммунистами обычно русского, пролетарского или крестьянского происхождения. Бессознательное копирование царского патернализма также сыграло свою роль. Однако важнейшее значение имело отсутствие авторитета, независимого от разрастающегося единого партийного аппарата, будь то автономная судебная система или имущий класс. Ликвидировав рыночную экономику, режим отдал безграничную власть в руки партийных начальников и государственных чиновников на всех уровнях системы. Они обладали огромным влиянием как в политической, так и в экономической жизни. Москва пыталась контролировать растущую силу бюрократов, создавая многочисленные комиссии по расследованию коррупции. Кроме того, подразумевалось, что существует взаимный контроль: партийные лидеры следят

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org за государственными чиновниками, тайная спецслужба (переименованная в НКВД – Народный комиссариат внутренних дел – в 1934 году[362]) – за партийные работники, а партийные работники – сами за собой с помощью различных чисток, самокритик и выборов. На самом же деле контролировать официальный режим было практически невозможно. Местные группы управленцев могли защитить себя, только подвергая преследованию и гонениям своих критиков.

«Отступление» от воинственного братства начала 1930-х годов привело к созданию весьма противоречивой системы: в ней все еще присутствовала риторика равенства, однако в то же время действовал принцип вознаграждения в соответствии с достижениями, и на практике возникал прочный иерархический порядок, присущий старому режиму. Система, возможно, стала стабильнее, чем в период напряженного противостояния времен НЭПа или жестокого радикального энтузиазма конца 1920-х годов. Система создала своих «белых воротничков» – образованных чиновников, преданных ценностям и целям режима. При этом она сформировала новые проблемы: враждебность верховного лидера и простых людей по отношению к новой бюрократии возрастала.

VI

Летом 1935 года целеустремленный 22-летний студент Свердловского горного института Леонид Потемкин попытался проявить себя в качестве студенческого лидера и организовать массовые каникулы на черноморском побережье. Однако после консультации с институтскими представителями Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий он понял, что большинству студентов такой отдых не по карману. Тогда он выдвинул директору института предложение: институт должен организовать «социалистическое соревнование» и частично оплачивать каникулы тем студентам, которые лучше всех себя проявят во время занятий по военной подготовке. Идея была хорошая: она являлась идеологическим прикрытием помощи института своим студентам. Директор охотно принял предложение. Как записал Потемкин в своем дневнике, он с Рвением бросился выполнять задания: «Мне так нравится этот курс! Вот я, командир среднего чина, во главе революционной пролетарской армии. Мое сердце сжимается от счастья. Я с рвением и нетерпением стремлюсь работать со своим взводом... Мое настроение передается другим... Ни криков, ни ругани. Только строгость, неотделимая от взаимного уважения, но в то же время подчиненная ему... Однако, если я что-то делаю не так, я все еще расстраиваюсь и теряю уверенность в себе. Мне нужно развивать свою роль, свою миссию, возвысить их в свете сознания»{416}.

Потемкин был идеальным сталинским гражданином «среднего ранга». Ему была близка новая мораль и положительный смысл конкуренции. Он также впитал сталинские идеи лидерства – сочетание строгости с мобилизующим энтузиазмом. У него была «миссия» – принести пользу обществу. Он стремился стать новым советским человеком, частично потому, что видел в этом преимущества для себя (как показал его опыт организации студенческих каникул). Еще он стремился к преобразованию себя и общества. Он происходил из бедной семьи: его отец, формально не пролетарий, служил на почте. Потемкин был вынужден бросить школу, чтобы зарабатывать на жизнь. Он вспоминал время, когда он был «слабовольным, болезненным, уродливым, грязным... Я чувствовал себя самым низким, самым незначительным человеком на земле»{417}. Новая система позволила ему поступить в вуз, несмотря на неполное школьное образование, и он твердо решил совершенствовать себя и общество. Ведение дневника стало важным инструментом его самотрансформации – так он мог проанализировать свои ошибки и удачу и пообещать себе в следующий раз поступать лучше.

Трудно сказать, сколько было таких Потемкиных. Он был необычайно успешным произведением новой системы. Он стал геологом, исследователем металлов, завершив карьеру в должности заместителя министра геологии, которую занимал с 1965 по 1975 год. Его взгляды не сильно отличались от новой «интеллигенции» белых воротничков. Эта группа населения пользовалась большими преимуществами: с начала 1930-х годов многие люди с низким происхождением получили шанс на определенное положение в связи с массовым расширением рабочих мест для служащих. Чистки конца 1930-х также были им на руку. Они получили новый статус: как новому «командному составу» режима им доверили трансформацию советского общества. В то же время на их плечи легла тяжелая «миссия» вместе с поиском путей превращения в «сознательных», «передовых» людей, творящих историю, у одних, как потом будет видно, были большие сомнения, которые приходилось скрывать. Другие прилагали огромные усилия, чтобы подавить сомнения, прикрываясь новой мощной системой ценностей. Многие придерживались большевистской идеи о том, что любое

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org проявление критического мышления является признаком влияния врагов или классово чуждых элементов. Таких убирала с должностей, несмотря на внутреннюю самокритику, часто отраженную в дневниках{418}. Таким образом, отношение этих людей к режиму было сложным, его трудно определить такими простыми понятиями, как «поддержка» или «оппозиция».

Опрос советских граждан, уехавших из СССР во время и после войны, проведенный в Гарварде в 1950–1951 годах, показал, что отношение Потемкина к режиму не казалось необычным человеку его общественного положения{419}. Несмотря на многочисленные жалобы, касающиеся политики и низкого уровня жизни, многие люди, представители различных классов, одобрили индустриализацию и значительную роль государства в достижении более высокого уровня промышленности и благосостояния в целом. Разумеется, они поддержали смешанный тип экономики НЭПа, а не тотальный государственный контроль, введенный Сталиным. Однако более молодые и лучше образованные среди опрошенных проявили более сильный дух коллективизма, чем рабочие и крестьяне. Режиму явно удалось интегрировать эту влиятельную группу населения в новую систему{420}.

Гарвардский опрос показал, что режим менее успешно пытался навязать новый порядок рабочему классу. Возможно (и неудивительно), это связано с уровнем заработной платы, которая, хоть и повысилась в 1932–1933 годах, в 1937 году все же не превышала 60% от уровня 1928 года. Ситуация, однако, была более сложной. Несмотря на то что в середине 1930-х годов классовой дискриминации положили конец, режим по-прежнему делал акцент на высоком статусе рабочего класса. Этот статус рабочих был частью идеализма того времени. Рабочим постоянно говорили, что это «их» режим. Джон Скотт был свидетелем тому, что, несмотря на постоянные жалобы на нехватку продовольствия и других товаров, рабочие Магнитогорска продолжали верить, что они строят новую систему намного выше капитализма, который переживает кризис{421}. Для того чтобы стать преданными «советскими рабочими», играть по правилам и научиться использовать официальный большевистский язык в целях самосовершенствования, имелись веские причины{422}. Особо привлекательной наградой был статус стахановца, по крайней мере, в первые годы хороших зарплат и льгот.

У рабочих появились новые возможности получить образование. Скотт отмечал, что 24 человека (и мужчины, и женщины), жившие с ним в бараке, посещали различные курсы: шоферские, акушерок, планирования. Самые целеустремленные и политически сознательные поступали в Коммунистическое высшее учебное заведение (комвуз) и готовились к карьере чиновника, хотя качество такого образования было сомнительным. Скотт, учившийся в Магнитогорском комвузе, вспоминал, что едва грамотные студенты изучали чрезвычайно догматичную версию марксизма–ленинизма: «Я помню одну размолвку, возникшую по поводу закона Маркса об обеднении трудящихся в капиталистических странах. В соответствии с этим законом (как он трактовался студентам Магнитогорского комвуза), рабочие Германии, Великобритании и США... постепенно и неотвратимо беднели с начала индустриальной революции XVIII века. После занятия я подошел к преподавателю и сказал, что мне приходилось бывать в Великобритании, например, и что мне показалось, что условия жизни и труда рабочих были, без сомнения, лучше, чем во времена Чарльза Диккенса... Преподаватель и слышать об этом не хотел. “Загляните в книгу, товарищ, – сказал он. – В книге все это написано”. Партия никогда не ошибалась»{423}.

Тем не менее причин для недовольства также было немало. Наиболее веской из них являлась нехватка продовольствия.

Некоторые рабочие отвергали новые системы иерархий, где продвижение рабочего зависело от мастеров и руководителей, которые часто действовали необдуманно. Стахановское движение усложнило отношения рабочих и руководителей, а также среди самих рабочих. Статус стахановца рабочему присваивали представители заводской администрации, и часто их необъективность вызывала недовольство и зависть. Злость могла быть направлена на руководителей или на самих стахановцев, которые иногда оказывались жертвами угроз[363].

К концу эгалитаризма в 1930-е годы у рабочих сложились более общие цели. Сохраняя недовольство привилегиями партийцев, многие еще больше негодовали от того, что новые чиновники признавали это неравенство, что шло вразрез с социалистической моралью. Один ленинградский рабочий заявил в 1934 году: «Как же мы можем уничтожить классы, если развиваются новые, с той разницей,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org что они не называются классами? И сейчас есть такие же паразиты, живущие за счет других. Рабочий трудится на производство и одновременно на многих людей, которые за счет него живут... Это те административные работники, что разъезжают в машинах и зарабатывают в 3-4 раза больше, чем рабочий»{424}.

Самая сильная критика режима рабочим классом исходила от «левых». Возможно, сильнейшее беспокойство у партийцев вызывал тот факт, что в критике проскальзывали слова, поразительно напоминавшие революционный язык 1917 года. Чувствовалось сильное отчуждение тех, кто находился наверху (верхи), от тех, кто находился внизу (низы). Возражения верхам носили как нравственный и культурный, так и экономический характер: верхи были «аристократами», оскорблявшими рабочих и относившиеся к ним как к «собакам». Как и во время русской революции, социальное разделение реже воспринималось как марксистские «классовые» разногласия по поводу разницы в благосостоянии.

Оно чаще рассматривалось как культурный конфликт, существовавший между сословиями при царском режиме.

Несмотря на все это, ситуация была далека от революционной. В начале 1930-х годов прошли серьезные забастовки (особенно во время голода 1932-1933 года). Рабочие также выражали свое недовольство пассивно, «замедляя темпы работы». Тем не менее многие принимали систему и старались сделать для ее успеха все возможное. Тотальное слежение и репрессии эффективно пресекали возникновение оппозиции.

Система иерархий середины 1930-х годов по-разному затронула женщин. Государство, заинтересованное в повышении рождаемости и увеличении численности населения, отказалось от былого осуждения «буржуазной патриархальности» и вернулось к модели традиционной семьи. Разводы теперь осуждались. Как и в Западной Европе того времени, использовались материальные стимулы, побуждающие семью иметь несколько детей. Культ Павлика Морозова, ребенка, сдавшего властям своих родителей-кулаков, ушел в небытие[364]. Казалось, возвращение к идеалу семьи имело успех у многих женщин. Гораздо меньшую поддержку получил запрет абортов{425}. Несмотря на повышение статуса семейных ценностей, сталинское государство решительно настаивало на том, что женщины должны работать. Женщины, таким образом, взяли на себя «двойную ношу»: ожидалось, что они будут выполнять традиционную роль хозяйки в семье, при этом часами трудясь на заводе или в колхозе.

Наименее интегрированными в советское общество и наименее удовлетворенными существующим порядком оставались крестьяне. Несмотря на значительное улучшение жизни со времен фактически гражданской войны начала 1930-х годов[365], объединение личных хозяйств в коллективные, появление школ и больниц, многие крестьяне были настроены против режима. Они, возможно, смирились с тем, что колхозы будут всегда, однако при этом они ощущали себя второсортными людьми. Уровень жизни крестьян был намного ниже городского уровня, и многие привилегии и льготы, доступные рабочим, были им недоступны. Арво Туоминен, финский коммунист, сопровождавший в 1934 году хлебозаготовительный отряд, убедился, что крестьяне враждебно относятся к режиму: «По первому моему впечатлению, оказавшемуся прочным, все были настроены контрреволюционно, и вся деревня восставала против Москвы и Сталина»{426}.

Андрей Аржиловский, бывший крестьянин-середняк, помнивший дореволюционную Россию, был среди разочаровавшихся – неудивительно, так как он семь лет провел в лагере якобы за агитацию против коллективизации. После освобождения он начал вести дневник, где описал свое отчуждение от системы и окружающих людей: «Вчера город праздновал принятие сталинской Конституции... Разумеется, всеобщий энтузиазм больше напоминает идиотизм и стадное поведение. Новые песни распеваются с бешеным восторгом... «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»[366]. Но возникал другой вопрос: неужели при другом режиме люди не поют песен и не могут дышать? Я думаю, что в Варшаве или в Берлине они даже счастливее. Но, может быть, это все только злоба с моей стороны. В любом случае, люди хотя бы перестали показывать пальцем и травить кулаков»{427}.

Крестьяне часто жаловались на превышение полномочий со стороны руководителей колхозов. Например, расследование НКВД в 1936 году выявило «похабные, дерзкие, преступно-хулиганские выходки» председателя колхоза

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org одной из южных областей Вещунова по отношению к колхозникам. Когда одна из них вышла замуж за некоего Мрыхина, нужно было разрешение председателя, чтобы вступить в колхоз, так как Мрыхин был осужден. Вещунов согласился принять его в колхоз при условии, что жена Мрыхина с ним переспит. Она спросила мужа: «Что же делать, ложиться под Вещунова и откупать тебя или тебя снова отправят на Урал?» Мрыхин понимал, что это единственное, что можно сделать. Последовали жалобы в НКВД, и Вещунова судили, однако на суде его оправдали. Решение было обжаловано, обвинения снова выдвинуты, однако он сохранил свой пост. Руководители оставались очень влиятельными. Сместить их было очень трудно{428}.

И все же самой отчужденной от режима категорией населения, несомненно, были заключенные ГУЛАГа, широкой системы лагерей, созданных якобы с целью «перевоспитания» непокорных с помощью труда. В 1929 году партийное руководство заменило тюрьмы для осужденных на длительный срок трудовыми лагерями. В основном это были лагеря, построенные на разработках полезных ископаемых в Сибири и других отдаленных регионах СССР, куда было трудно привлечь на работу добровольцев. ГУЛАГ стремительно разрастался одновременно с проведением коллективизации, так как сотни тысяч кулаков, священников и других «врагов» приговаривались к заключению. К началу Второй мировой войны они превратились в настоящих рабов государства. На них держалась советская экономика – в ГУЛАГе отбывали наказание 4 миллиона человек[367].{429} Заключенных принуждали к тяжелому труду в суровых климатических условиях. Они получали полный паек только в том случае, если выполняли рабочий план. Те, кто часто болел, никак не могли достичь поставленных целей. Фактически многие умирали от тяжелой работы. Один заключенный, описавший самый ранний и самый страшный период ГУЛАГа[368], направил жалобу в Красный крест (разумеется, перехваченную НКВД) о чрезвычайно жестоком обращении: «Вскоре людей стали заставлять работать в лесу, не делая исключения для матерей и больных детей. Серьезно больным взрослым также не оказывалось никакой медицинской помощи... Все были обязаны работать, включая 10- и 12-летних детей. Нам давали 2,5 фунта хлеба на четыре дня... После 30 марта детей отправляли на погрузку древесины... Работа на погрузке была для них катастрофой: у детей были постоянные кровотечения, харканье кровью, пролапсы»{430}.

При различном отношении режима к разным группам советского населения отношение к самому режиму было неизбежно неоднородным. Из доступных нам фактов вытекает важный вывод, который был принят во внимание партией и НКВД: ненависть к зарвавшимся привилегированным чиновникам{431}. Сам Сталин хорошо это осознавал, так как он постоянно заслушивал отчеты партийцев и НКВД об общественном мнении. Разумеется, он не имел ничего против строгой, жесткой дисциплины и сам лично был готов к проявлению жестокости и насилия. Тем не менее он обвинял партийных чиновников в отчуждении гражданского населения, тогда как их прямой обязанностью было формирование положительного образа режима у населения{432}.

Однако не только претенциозность «маленьких Сталиных» раздражала мстительного вождя. Он был убежден, что они мешают ему готовить экономику к войне. Точно как граф Потемкин, распорядившийся построить бутафорские «потемкинские деревни» вдоль реки Днепр, чтобы убедить Екатерину Великую в большой ценности захвата Крыма[369], местные партийные лидеры преувеличивали экономические достижения своих регионов, а в их отчетах официальной Москве и Сталину содержались ложные сведения о выполнении плана. Партийцы прикрывали друг друга, а те, кто нарушал строй или покидал его, дорого платили за это. Руководство требовало от партийных чиновников поддержки, что привело к «сговору» и «шкурничеству»{433}. В то же время у таких чиновников были свои защитники в высших эшелонах власти – в Кремле, в сталинском окружении.

Сталин, стремившийся увеличить свою власть над партией, теперь настаивал на том, что проблемы политики начала 1930-х годов были связаны с разложением партийцев, как он говорил в 1934 году{434}. Партия (об этом настойчиво предупреждали ее лидеры) могла запятнать свою репутацию, как это случилось во время НЭПа. Ее роль в преобразовании общества уменьшалась. На этот раз «опасность» исходила от врагов и шпионов внутри самой партии. Партии необходимо было вернуть чистоту, свое бывшее значение, идеологически перевооружиться и подготовиться к надвигающейся войне.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В мае 1936 года, за два месяца до того, как Сталин разослал в партийные организации закрытое письмо, в котором подробно описал действия «врагов народа» [370], и тем самым инициировал период кровавых расправ, названный «великим террором», советской аудитории была предложена очередная политическая мелодрама: фильм Ивана Пырьева «Партийный билет» [371]. В нем рассказывается история одной из благородных, но простых «дочерей» сталинской эпохи, светловолосой Анки, ставшей жертвой злого врага, Павла Куганова. В отличие от врагов конца 1920-х годов, не скрывающих происхождение буржуазных специалистов и кулаков, Павел скрывает свою истинную сущность. Он приезжает в Москву из провинции с ободраным деревянным чемоданом – правдивый образ скромного, но целеустремленного советского «нового человека». Он очень красив и трудолюбив. Вскоре он становится знаменитостью завода. Он женится на ударнице Анке, победив своего соперника в любви, искреннего (и светловолосого) коммуниста Яшу. Однако вскоре выясняется, что Паша на самом деле не тот, за кого себя выдает. Его бывшая девушка рассказывает о том, что его отец был кулаком. Этот факт Павел тщательно скрывал, изображая из себя настоящего коммуниста. Его предательство усугубляется тем, что он крадет партийный билет Анки и передает его иностранному шпиону. Когда билет находят, Анну судят за небрежность, поскольку, как подчеркивается в фильме, партбилет – это «символ чести, гордости и борьбы каждого большевика», а святая обязанность каждого члена партии – защищать свой партийный билет, пусть даже ценой жизни. В конце концов Анке открывается злая натура Павла. Партия преподала урок глупой девушке, поставившей романтику любви выше обязанностей перед социализмом: под дулом пистолета она ведет мужа в НКВД.

Сегодняшнему зрителю фильм может показаться диким, особенно одержимое отношение к обычному партбилету, документу, которому придается почти сакральное значение. Очень странной казалась и идея о том, что Советскому Союзу угрожает группа иностранных шпионов, «вооруженных» этими украденными документами. Даже в то время фильм многим показался неправдоподобным. На студии «Мосфильм» картину назвали «неудачной, неправдивой, искажающей советскую реальность» и отказались выпускать ее в прокат [435]. Только вмешательство Сталина обеспечило премьеру – вождь лучше разбирался в народных вкусах. Фильм «Партийный билет» имел серьезный резонанс среди той части аудитории, которая выражала отвращение по отношению к сентиментальной и ненадежной Анке. Фильм широко обсуждался в прессе. Великий режиссер Фридрих Эрмлер рассказывал одному из своих друзей о том, как сильно повлиял на него этот фильм, как пошатнулось его доверие к собственной жене: «Понимаешь, я посмотрел этот фильм и теперь больше всего на свете боюсь за свой партбилет. А что, если его кто-то украл? Не поверишь, но ночью я проверяю, нет ли его под подушкой моей жены» [436]. Чтобы понять, каково было посмотреть странный и злобещий фильм «Партийный билет», нужно многое знать о политической обстановке того времени и помнить о самом драматическом и самом загадочном периоде коммунистической истории – о «великом терроре».

Террор 1936–1938 годов до сих пор остается загадкой для историков, поскольку кажется иррациональным и необъяснимым. До сих пор существуют глубокие разногласия среди ученых относительно его причин и природы [437]. Невозможно объяснить тот факт, что Сталин приказал арестовать и уничтожить сотни, тысячи членов партии и простых людей, многие из которых приветствовали советскую власть, и, что более удивительно, образованных специалистов и опытных офицеров, которые были ему так нужны, чтобы выиграть приближающуюся войну.

Разумеется, большую роль сыграли психологические особенности самого Сталина. Он был очень подозрительным. Кажется, он сам верил в существование невероятных заговоров, в которых он обвинял людей, цинично выдумывая новые заговоры и обвинения [372]. Он был человеком, управлявшим массовыми убийствами. Его внутренний мир, его мышление навсегда остались за пределами понимания. Однако в терроре участвовал не только Сталин, но и многие люди на всех уровнях партии и всего общества. События этого сложного периода становятся более понятными, если принять во внимание радикальную, мессианскую культуру большевиков и ее ответ на угрозу войны. Как и в конце 1920-х годов, руководство партии объявило, что лучшим способом противостоять угрозе извне является чистка партии – нужно очистить ее от «врагов» и «колеблющихся», чтобы она смогла повести за собой новое общество, готовое к борьбе с иностранным врагом. Однако страх перед внутренним врагом стал сильнее прежнего. Террор был более контролируемым и менее «содержательным», чем «Великий перелом» конца 1920-х годов. Лидеры,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org понимает, пытались настроить массы против «врагов», но террор в основном заключался в массовых арестах и расстрелах, тайно организованных НКВД.

Первые признаки начавшегося разоблачения «врагов» внутри партии проявились еще после убийства 1 декабря 1934 года первого секретаря Ленинградского обкома партии Сергея Кирова. До сих пор неизвестно, причастен ли Сталин к этому убийству. Кто бы ни был в ответе за это преступление, известно, что Сталин поручил расследовать дело перспективному партийцу Николаю Ежову с намерением возложить ответственность на представителей местного НКВД и бывшего политического оппонента Г. Зиновьева. Л. Каменев и Г. Зиновьев были арестованы, а дело закрыто [373]. Несмотря на это, Ежов (возможно, преследуя собственные цели, связанные с карьерой в НКВД) продолжал предупреждать Сталина об угрозах со стороны бывшей оппозиции, и к 1936 году Сталин позволил ему возобновить расследование по делу убийства Кирова [374]. {438} В июле 1936 года Сталин и члены Политбюро адресуют всем партийным организациям закрытое письмо, в котором сообщается о раскрытии заговора Троцкого, Каменева и Зиновьева. Именно с этого письма и последовавшего в августе показательного судебного процесса начался великий террор [375].

До сих пор не ясно, почему Сталин развязал Ежову руки и наделил такими полномочиями. Возможно, он просто цинично затягивал расправу над неугодными ему людьми, однако не исключено, что он верил в заговоры против него. Понимается, сталинисты обычно утверждали, что любые идеологические сомнения «объективно» указывали на врага народа и, следовательно, приравнивались к преступлению [376]. Как заявил Сталин в ноябре 1937 года, любой, кто своими «действиями и мыслями – даже мыслями – угрожает единству социалистического государства, будет нами безжалостно уничтожен» {439}. Однако какими бы ни были истинные намерения Сталина, выявление «врагов» было частью более широкой кампании, целью которой была чистка и мобилизация партии; именно так эта кампания была воспринята партийными организациями {440}. Руководство партии было заинтересовано прежде всего в том, чтобы новые партийные активисты способствовали укреплению экономики, тем более что у власти в Германии находился Гитлер и вероятность войны возрастала.

Первые признаки тяжелых усилий, направленных на стимулирование роста экономики, относятся к августу 1935 года, когда Алексей Стаханов, донбасский шахтер, добыл 102 тонны угля за одну смену, превысив норму в 14 раз [377]. Рекорды на производстве ставились и раньше, однако именно стахановскому подвигу суждено было получить высокую оценку самого Сталина. Сталин приветствовал достижение Стаханова как знак того, что эпоха мобилизации всеобщих усилий вернулась. Рабочие снова были способны на героические подвиги – раньше им не давали это делать консервативные специалисты и бюрократы. Как можно было предположить, стахановское движение быстро приобрело ярко выраженный антиэлитарный характер [378]. В то время как рабочих стимулировали к повторению стахановского подвига, руководители и техники не приветствовали стахановское движение, ведь именно они отвечали за перераспределение ресурсов, создание благоприятных условий для работы ударных бригад и сохранение обычных темпов производства на заводе. Естественно, именно они становились козлами отпущения, если вдруг что-то шло не так, как надо. Влияние партии и НКВД неимоверно возросло. В. Кравченко, один из инженеров, ответственных за перевыполнение плана, писал: «Инженеры и администрация как класс с каждым днем все сильнее осуждались за якобы присущий им “консерватизм”, за “сдерживание” задающих темп... Наш авторитет стремительно падал. На первый план вышла политика под знаменем экономической продуктивности. Коммунисты и агенты НКВД имели решающее слово против инженеров и управляющих, даже в чисто технических вопросах» {441}.

Таким образом, неудивительно, что выявление «врагов» внутри партии вскоре было направлено на управляющих экономических предприятий, обвиняемых во «вредительстве», особенно тех, кто был в прошлом связан с Троцким. Шраммы, которых в 1920-е осуждал Гладков, снова подверглись нападкам и гонениям. Однако не только они стали мишенью. Партия преследовала любого, кто проявлял признаки «буржуазной» развращенности, не был активным, политические сознательным гражданином. Теперь осуждались не только «узколобые» и «прагматические» чиновники, «слепые и механически» подчиняющиеся приказам сверху, как выразился Сталин в 1938 году. Партийцев так же, как Анку, обвиняли в недостатке «бдительности».

Учитывая широкое понимание «врага», можно было предположить, что чистки охватят всю партию. Участились разоблачения. Любая ошибка могла трактоваться как злой умысел. После разоблачения следовало исключение из

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org партии, а затем (во многих случаях), допросы в НКВД, заключение под стражу и, вероятнее всего, расстрел.

Реакция на террор со стороны преданных партийцев не была однородной. Евгения Гинзбург, кандидат исторических наук, писательница, жена председателя Казанского горсовета (Татарстан), не могла понять всеобщей истерии. Она пострадала из-за знакомства с другим историком, Н. Эльвовым[379], и была обвинена в допущении «троцкистских» ошибок в статье о революции 1905 года. Ее исключили из партии, а затем вызвали в НКВД к капитану Веверсу, который допрашивал ее уже как врага народа. Она вспоминала: «Шутит он, что ли? Неужели такое можно всерьез? Нет, не шутит. Распалая себя все больше, он орет на всю комнату, осыпая меня ругательствами»{442}. По-другому отреагировал на террор драматург Александр Афиногенов. Как показал историк Йохен Хельбек, когда Афиногенова исключили из партии, он боролся с собой, чтобы понять это. Несмотря на сомнения, он воспринял исключение из партии как возможность задавить в себе отрицательные «буржуазные» качества личности и стать преданным партийцем. «Я убил себя внутри себя, а потом произошло чудо... Я осознал и вдруг разглядел начало чего-то нового, нового “себя”, далекого от прежних тревог, от прежнего тщеславия»{443}. Удивительно, но ему удалось избежать преследований НКВД и ареста, он был восстановлен в партии, убежденный в ее справедливости[380]. Возможно, Афиногенов и не был типичным партийцем, однако многие, как и он, считали, что чистки – важный инструмент, который улучшает партию, даже если в определенных обстоятельствах приходится совершать вынужденные «ошибки».

Террор имел особое значение и для низших слоев общества. В нем был определенный популистский элемент: руководство теперь стремилось усилить антагонизм против элиты. Впервые за много лет Сталин объявил, что партийные комитеты должны формироваться в результате выборов с участием нескольких кандидатов[381], а рядовым сотрудникам разрешалось критиковать своих начальников. Он, несомненно, надеялся на то, что критика «снизу» позволит выявить настоящее положение вещей в региональных партийных организациях, а также заменить непокорных чиновников преданными активистами. Возможно, он также понимал, что сумеет заручиться поддержкой простых людей, враждебно настроенных против привилегированных чиновников.

Сталин возвращался к политике конца 1920-х годов. Он вновь всколыхнул глубокую неприязнь, которую простые люди испытывали по отношению к местной элите. Как вспоминал Джон Скотт, «...на заводе царил хаос. Мастер мог утром прийти в цех и сказать своим рабочим: “Сегодня мы должны сделать то-то и то-то”. Рабочие лишь презрительно усмехались и говорили: “Давай-давай. Ты вредитель! Завтра придут тебя арестовывать. Все вы, инженеры и техники, вредители”»{444}.

Тем не менее руководство было настроено на то, чтобы не повторить ситуацию «Великого перелома». Оно пыталось держать под строгим контролем любую «самокритику», несмотря на то что это было трудно осуществимо на практике.

Весной 1937 года террор вступил в свою вторую фазу. Начались аресты партийных лидеров и их приближенных. Сталин, возможно, давно спланировал эти аресты, однако у НКВД всегда были основания для ареста (часто в результате доноса), например доказательство того, что «маленькие Сталины» не выполняли экономический план[382]. Весной 1937 года Сталин, возможно, будучи дезинформированным гестапо[383], поверил в то, что маршал Тухачевский и другие члены военного командования вступили против него в заговор с Германией. Поэтому, несмотря на угрозу войны, практически весь высший офицерский состав был арестован. Тем летом Сталин разослал своих ближайших московских соратников в регионы, чтобы руководить арестами и заменами большинства влиятельных областных партийных руководителей.

Тем не менее сами партийные руководители были втянуты в террор. Вынужденные разоблачать врагов (и отчаянно стремившиеся спасти самих себя), они подчеркивали, что угроза исходит от «классовых врагов» и от любого человека с «испорченным» прошлым, особенно бывших кулаков. Кроме того, Сталин согласился с требованиями областных руководителей провести массовые репрессии простых людей с «плохим» происхождением. Возможно, он опасался «пятой колонны» антисоветских кулаков, которые при вторжении нацистов могли встать на сторону врага[384]. Летом 1937 года началась третья фаза террора, фаза «массовых операций». Сталин и Политбюро в сотрудничестве с областными руководителями издавали тайные распоряжения об арестах и расстрелах на

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org основании классовый, политической или этнической принадлежности человека. Среди многочисленных жертв было много бывших кулаков, священников, чиновников, служивших еще при царизме. Жертвами также становились бродяги и другие «подозрительные» личности. Гонению подвергались представители «ненадежных» этнических меньшинств, подозреваемые в заговоре с иностранными врагами: немцами, поляками и корейцами. Во время массовых операций было репрессировано и расстреляно большинство жертв этого периода: официальные цифры (наверняка заниженные[385]) говорят о 681 692 расстрелянных и 1 575 259 заключенных за 1937-1938 годы, в основном (хотя не всецело) за политические преступления[386].{445}

В результате наступил хаос и экономический кризис: большинство управляющих и чиновников были арестованы. Трудовая дисциплина потерпела крах, так как чиновники отказывались влиять на рабочих своим авторитетом, боясь, что их будут критиковать. Первая попытка приостановить идеологические чистки в партии была предпринята в январе 1938 года. Однако судебные процессы продолжались, в том числе над Бухариным и другими партийными лидерами (третий московский процесс). В 1938 году также устраивали массовые операции против кулаков и этнических меньшинств, и только к концу года Сталин действительно приостановил террор. Несмотря на это, репрессии продолжались, но уже в меньшем масштабе. Николай Ежов был обвинен в «превышении полномочий». Его арестовали и расстреляли за многие вменявшиеся ему преступления, в том числе за участие в «левой оппозиции». Ежов шел на смерть, убежденный в необходимости террора.

VIII

Реакция Эйзенштейна на террор была более неоднозначной и сложной, чем реакция ярого сторонника репрессий Ежова. Он затронул эту сложную и опасную тему в своем последнем фильме – двух сериях исторической драмы «Иван Грозный» (первая серия снята в 1944 году, вторая – в 1946-м)[387]. В 1930-е годы русскому царю XVI века Ивану IV была возвращена репутация властителя, победившего врагов России и объединившего страну. Создание Иваном Грозным опричного войска (опричники были личными охранниками государя и осуществляли террор против несговорчивых бояр) расценивалось как «прогрессивный» шаг в истории строительства Российского государства. Разумеется, интеллигенции и партийной элите были понятны сравнения между Иваном Грозным и Сталиным и между опричниной и террором.

Эйзенштейн стремился оправдать Грозного и Сталина. Однако при этом он хотел придать своему персонажу трагическую сложность. В первой серии Иван показан сомневающимся в необходимости насилия, направленного в том числе на членов его семьи, инициатором которого он сам является. Тем не менее Грозный вскоре преодолевает сомнения. Он легко убеждает себя в том, что его личные слабости должны быть принесены в жертву величю России. После этого складывается совсем другая ситуация. Грозный испытывает настоящие мучения, фильм изобилует экспрессионистскими образами, выявлением замкнутых пространств сознания, причин зловещих интриг и проявлений сильных эмоций. В планируемой третьей серии должна была быть сцена, в которой Грозный от угрызений совести бьется головой об пол перед фреской Страшного суда в то время, как его духовник и сторонники зачитывают список его жертв.

Друзья Эйзенштейна были поражены его безрассудной храбростью. Как он мог так рисковать? Неудивительно, что Сталин, восторгавшийся первой серией, был в ярости от второй и запланированной третьей. Он подверг фильм суровой критике за изображение опричников в духе «Ку-клукс-клана» и образ Ивана Грозного, напоминающий скорее мечущегося Гамлета. И все же Эйзенштейн был далек от того, чтобы недооценить вождя. После периода самокритики ему было разрешено продолжить съемку фильма, однако он умер, так и не закончив проект.{446}

Эйзенштейн не проник глубоко во внутренний мир вождя: Сталин не чувствовал вины за развернувшееся насилие. Однако во второй серии фильма «Иван Грозный» все же отражены некоторые стороны мира, созданного террором. Простые эмоции, рожденные мутью и классовой борьбой и показанные в фильме «Октябрь», уступили место внутренней политике, при которой души людей выворачивали наизнанку в поисках глубоких сомнений или скрытой ереси.

Показательные процессы и чистки продолжались до самой смерти Сталина в 1953 году, однако он никогда больше не инициировал репрессии такого же масштаба. На протяжении 1930-х годов режим колебался между острым воинственным

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org желанием преобразовать общество и стремлением сосуществовать с этим обществом как оно есть. Напряжение в обществе сохранялось. Идеологические кампании продолжались и после войны, однако террор 1930-х стал последней попыткой СССР принудительно достичь идеологического единства в партии и в обществе в целом. Террор также обозначил спад и исчезновение народной ненависти по отношению к номенклатуре, что почти не скрывалось в 1920-е годы и было более сдержанным в 1930-е. Законы о трудовой дисциплине 1938 и 1940 годов восстановили статус и власть управляющих и технических специалистов. Режим снова делал акцент скорее на всеобщих принципах этничности нации, чем на ее классовости. Система, получившая название «высокий сталинизм», характеризующаяся репрессиями, ксенофобией и строгой подчиненностью, была порождена насилием и смутой 1930-х годов и приобрела огромное влияние на международную арене.

Террор оставался самым страшным пятном советского коммунизма вплоть до его краха. Хрущев, признавший его несправедливость в закрытой речи 1956 года, серьезно пошатнул репутацию и легитимность советской модели социализма, но в то время последствия террора не так сильно повлияли на репутацию сталинского режима (как в СССР, так и за его пределами), как ожидалось. Те, кто враждебно относился к нему раньше (в основном левые сторонники Троцкого), осуждали и разоблачали кровопролитие. При этом у левоцентристских сил Запада были веские причины не придавать особого значения последствиям террора: в период политики умиротворения СССР оставался единственным союзником в борьбе против правых радикалов. Борьба с нацизмом давала советскому коммунизму второй шанс.

5. Народные фронты

I

В мае 1937 года, когда Сталин вел опосредованную войну с Гитлером в Испании, в Париже, с целью содействовать установлению мира и урегулированию разногласий, была организована Всемирная выставка искусств и техники. На площади Трокадеро возвели «Монумент мира», к которому со стороны проспекта Мира примыкали павильоны нацистской Германии и Советского Союза. С одной стороны находился советский павильон, спроектированный Борисом Иофаном, увенчанный скульптурой Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» – марширующие мужчина и женщина, поднявшие высоко над головами молот и серп. Напротив грозно возвышалась массивная башня в неоклассическом стиле, спроектированная Альбертом Шпеером. Верх башни венчал герб Третьего рейха – орел, держащий в лапах свастику. А. Шпеер (кажется, тайно узнавший о советских планах) специально спроектировал сооружение «в ответ» советскому павильону.

Многие воспринимали оба павильона как демонстрацию «тоталитарного искусства». В них, безусловно, присутствовала некая монументальная напыщенность. Оба павильона отражали популистскую и в чем-то традиционную эстетику; немецкая выставка демонстрировала не меньшую одержимость трудом и героизмом, чем советская{447}. И все же, несмотря на сходства, различия были поразительны{448}. Немецкий орел символизировал империю, внутри павильона общество было показано как статичная, мирная, иерархическая система. Огромное полотно Рудольфа Генгстенберга «Товарищество», возможно, напоминало коллективизм коммунистов, но оно в старых ремесленных декорациях изображало рабочих-строителей, подчинявшихся главному архитектору. Советский павильон с его памятниками машинам и энергичным рабочим, наоборот, стремился представить СССР как динамичное общество, управляемое великим вождем Сталиным. Павильоны также значительно отличались пониманием разума и прогресса. Советский павильон вместил в себя ценные и поучительные выставки, восхваляющие достижения экономики и социальные перемены. Павильон нацистов, хоть и демонстрировал последние достижения немецкой техники, представлял собой своеобразную мистическую и религиозную мизансцену – само здание сочетало черты древнего храма, современной церкви и мавзолея. В целом эстетика павильонов воссоздавала абсолютно разные системы ценностей. Если нацистский павильон был осознанно консервативный – с неоклассической архитектурой и скульптурой и интерьером, выполненным в тяжелом буржуазном стиле XIX века, то в оформлении советского павильона сочетались неоклассицизм и модернизм: здание скорее напоминало американский небоскреб, чем древний храм, а внутри современный фотомонтаж дополнял ансамбль из картин в духе традиционного социалистического реализма{449}.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Советский павильон демонстрировал всему миру наиболее важные принципы сталинской идеологии. Большевизм представал двигателем прогресса, источником просвещения для всего мира (при этом бросался в глаза культовый характер образа Сталина). Идеальное общество – это общество, преданное коллективизму, труду, производству. Создатель такого общества – индустриальный рабочий класс – считался теперь главным героем истории. Первостепенную роль в обществе играла экономика. От прежней утопической мечты о свободе ничего не осталось. Все эти принципы были воспроизведены в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938), написанном самим Сталиным и распространяемом во всем коммунистическом мире. Здесь в строгой, догматичной форме излагалась принятая версия марксизма. История следовала своему закономерному пути: Советский Союз достиг «социализма», низшей стадии коммунизма по Марксу, а его примеру последует весь мир. Это была система, в которой охранялось неравенство в оплате труда. Вся власть находилась в руках государства. Планы по его ликвидации откладывались на неопределенный срок.

Немецкий и советский павильоны были намного крупнее и грандиознее павильонов, представлявших другие страны. Посетители жаловались на «плохие манеры, чрезмерное проявление гордости и тщеславия» немецких и советских представителей{450}. Полной противоположностью крупнейшим павильонам была экспозиция Испанского республиканского правительства, выражающая особенный подход к идеологическим конфликтам того времени. Павильон, занимавший гораздо меньше места, чем немецкий и советский, был оформлен в стиле чистого модернизма. Как и в советском павильоне, тут использовался фотомонтаж для ознакомления зрителей с социальными программами правительства{451}. Однако в отличие от СССР Испания выставила произведения художественного авангарда, принадлежавшие ведущим испанским художникам. Среди авангардистских работ самым известным было полотно Пабло Пикассо «Герника». Пикассо, «левый» художник, ставший полноправным коммунистом в 1944 году, написал картину в осуждение фашистской агрессии, изображающую страдания жителей баскского города, который немецкая авиация разбомбила за месяц до открытия выставки.

Павильон представлял Испанию, в которой правил Народный фронт – союз коммунистов, социалистов и левых либералов, которые, стараясь не показывать различия во взглядах, противостояли националистам генерала Франко и их союзникам: немецким нацистам и итальянским фашистам. Это был один из союзов Народного фронта, появившихся в середине 1930-х годов после того, как Коминтерн, опасаясь фашизма, отказался от твердой линии противостояния социал-демократам, принятой в 1928 году Испанский павильон во многом отражает идеалы Народных фронтов. Эти идеалы получили поддержку многих выдающихся интеллектуалов, людей искусства того времени и объединили представителей различных политических и эстетических взглядов: от левых либералов до коммунистов, от авангардистов до популистов, от буржуазных либералов до социал-демократов.

На выставке, однако, была представлена менее радикальная версия Народного фронта – в лице Франции. В то время французское правительство при поддержке либералов и коммунистов возглавлял социалист Леон Блюм. Французы не имели собственного павильона: выставки устраивались в многочисленных галереях и музеях. Среди них самой известной стала выставка французского искусства, начиная с галло-романского периода{452}. Идея выставки была смело патриотичной. Этот патриотизм, несомненно, одобряли коммунисты. Казалось, что Москва довольна тем, что коммунисты не только встали на прагматичный, постепенный путь к социализму, но и не забывали при этом про националистическую риторику.

Правительства Народных фронтов (до Второй мировой войны их было три: в Испании, Франции и Чили) просуществовали недолго. Однако во время войны антифашистские левые Народные фронты снова возродились и сохраняли силу и влияние вплоть до начала холодной войны в 1946–1947 годах. Их популярность была следствием продолжительной жесткой стадии социального конфликта в Европе. Экономический кризис 1930-х годов усилил радикализм как правых, так и левых. Разразились горячие споры о том, кому принимать основной удар Великой депрессии. Радикальные националисты утверждали, что организованный труд использовал демократические принципы в целях ослабить власть государства, и призывали к новой авторитарной политике, установлению социальной иерархии и расового подчинения. С приходом к власти нацистов в 1933 году в Германии стремления радикалов были достигнуты. В этих условиях многих левых привлекала модернистская и, как казалось, всеобъемлющая версия

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org коммунизма. Они верили, что только коммунистическая Дисциплина способна противостоять мощному влиянию правого крыла. Москва перестала быть отчужденной. Дисциплина коммунистического образца могла защитить демократию и ценности просвещения.

Таким образом, период с 1934 по 1947 год был периодом значительных успехов коммунизма на Западе, особенно во Франции и Италии, а также в некоторых регионах Латинской Америки. Это была эпоха, когда коммунизм, а вместе с ним и СССР, пользовался огромной поддержкой у западноевропейской и американской интеллигенции. Несмотря на популярность, Народные фронты обычно оказывались непрочными союзами, готовыми в любую минуту распастись на многочисленные фракции (об этом говорили и серьезные отличия от других выставочных павильонов в 1937 году). Испанская склонность к авангарду плохо уживалась с советским реализмом агитпропа. Так, в эстетической форме, выражались напряженные отношения между дисциплинарным сталинским коммунизмом и марксистами-романтиками и левыми. Тем временем надежды французов на то, что выставка станет воплощением союза левых и либералов, рухнули: работу выставки нарушила волна забастовок, многие павильоны были огорожены или закрыты лесами. Все это послужило зловещим предзнаменованием социальных конфликтов, которые способствовали разрушению французского Народного фронта.

Несмотря на трудности, Народные фронты все еще привлекали многих людей. Пока основная угроза исходила от радикальных правых, большинство левых радикалов были готовы не замечать авторитарность большевизма и циничную внешнюю политику Сталина. Однако после 1946–1947 годов пропасть между культурой сталинского большевизма и взглядами некоммунистического левого блока стала неуклонно увеличиваться. После поражения нацистов, агрессивного поведения СССР и местных коммунистов в Центральной и Восточной Европе, создания новой формы капитализма, коммунизм перестал казаться таким уж необходимым и привлекательным. Неудивительно, что после войны Народные фронты просуществовали недолго.

II

Сектантская политика Коминтерна 1928 года по принципу «класс против класса» была основана на глубоком непонимании западной политики. Предполагалось, что революционный настрой рабочих Запада растет, что капитализм находится на грани краха [388], что фашизм, последний вздох умирающей буржуазии, – временное явление, которое исчезнет вместе с капитализмом. Руководствуясь результатами ошибочного анализа, Коминтерн решил призвать коммунистов ужесточить борьбу с буржуазией, в том числе с социал-демократами, и тем самым ускорить конец либеральных режимов. В то время как радикальные правые и особенно нацисты набирали силу, огонь коммунистов, к удивлению многих, был направлен против умеренных левых, а не правых сил [389].

Несмотря на это, многие коммунисты, особенно лидеры малочисленных партий, нуждавшихся в сильной поддержке союзников, потеряли веру в эту политику. Представители американской коммунистической партии (КП США) выразили намерение проигнорировать распоряжения Москвы 1929 года, однако тут же испытали на себе угрозы Сталина [453]. В партии вскоре прошли чистки, «правые элементы» были исключены. Так происходило во всех иностранных коммунистических партиях, которые противостояли новой политической линии. Почти половина членов прокоммунистических чешских «Красных союзов» перешла на сторону социал-демократов [454]; в Британии количество членов Коммунистической партии уменьшилось с 10 800 человек в 1926 году до 2555 человек в 1930-м. Новая политика, способствующая разжиганию революции и проведению несанкционированных забастовок, привела к тому, что коммунисты могли вскоре оказаться не у дел.

Несмотря на это, новая политика нашла своих сторонников среди местных коммунистов, отчаянно веривших в то, что пришло время революции. В Германии конфронтационная политика «Третьего периода», в том числе объявление социал-демократов «социал-фашистами», была с восторгом воспринята коммунистической партией. Численность партии возросла со 130 тысяч в 1928 году до 360 тысяч к концу 1932 года. В том же году она получила 5 миллионов голосов, что составило почти 17% голосов избирателей. Ожесточенная борьба социал-демократов и коммунистов только сильнее убедила вторых в правоте политики Коминтерна. 1 мая 1929 года коммунисты проигнорировали запрет уличных демонстраций начальника полиции Берлина, социал-демократа Карла Цергибеля. В результате столкновений коммунистов с полицией более 30

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org человек погубил, 1228 человек были арестованы. Коммунистам стало ясно, что социал-демократы ничем не отличались от фашистов.

Уличные столкновения коммунистов с полицией участились в конце 1920-х и в 1930-е годы. В атмосфере жестокости и насилия рос и воспитывался молодой Эрих Хонеккер, будущий лидер Германской Демократической Республики. Хонеккер родился в 1912 году в городке Вибельскирхен (область Саар) в семье социал-демократов, вскоре ставших коммунистами. Сам он был коммунистом буквально с колыбели. В детстве он собирал деньги для забастовщиков. Его часто ставили впереди демонстрации, полагая, что полиция не станет стрелять по детям. В юности он был членом рабочего гимнастического клуба и играл в духовом оркестре коммунистической партии. Кровельщик по профессии, он не имел работы, как многие немецкие коммунисты. Его жизнью стала политика. Его отправили учиться в Московской международной ленинской школе, когда ему исполнилось всего 18 лет. Его выпускные характеристики были щедры на похвалы: «Очень талантливый и прилежный товарищ», «очень хорошо понимает, как применять теорию в классовой борьбе в Германии». Хонеккер вернулся в Германию вдохновленным марксистом-ленинцем и в 1931 году возглавил коммунистический союз молодежи области Саар{455}.

Вера Хонеккера (и Сталина) в необходимость классовой борьбы и неизбежность революции укрепилась во время Великой депрессии, последовавшей за кризисом 1928-1929 годов[390]. В Германии произошло катастрофическое сокращение объемов производства – на 46%, во Франции – на 28%. Многие правительства усугубили проблему, следуя принципам свободной конкуренции на рынке и резко снизив государственные расходы. Уровень благосостояния упал, продолжало расти количество бедных, сократились объемы экономической деятельности. Кейнсианская теория (принятая после Второй мировой войны) государственных расходов, призванных компенсировать тенденцию к личным сбережениям, была поддержана далеко не всеми, с уверенностью защищали ее немногие[391]. В то же время международные усилия по координации действий не привели к нужному результату: государства в панике учитывали исключительно национальные интересы. Несмотря на то что крах золотого стандарта в начале 1930-х годов способствовал оживлению европейской экономики, последствия Великой депрессии ощущались на протяжении всего десятилетия.

Неудивительно, что многие пришли к следующему выводу: либеральный капитализм не решил проблемы эпохи. Система оказалась не в состоянии обеспечить трудоустройство широким массам людей в Америке и Европе. Интеллектуальное течение изменилось, либеральный оптимизм 1920-х годов испарился. Многим левоцентристам казалось, что Советскому Союзу с его (официально объявляемым) ростом производства на 22% ежегодно было чему поучить Запад (при этом никто ничего не знал о зашкаливающих уровнях расточительства и низком уровне жизни рабочих в СССР). Даже либеральные элиты находились под глубоким впечатлением от СССР. В 1931 году британский посол в Берлине писал, что все здесь говорят об «угрозе, которая исходит от прогрессирующей экономики Советского Союза, успешно выполнившего план первой пятилетки, а также о необходимости для европейских стран приложить серьезные усилия, чтобы привести внутренние дела в порядок, пока давление советской экономики не стало слишком сильным»{456}.

Иначе на кризис либерального капитализма отреагировали правые радикалы. Они считали, что либерализм и коммунизм разъединяют нацию и мешают осуществлению разумных имперских целей. Либерализм, по их мнению, был в ответе за политический конфликт и экономический кризис, а коммунисты постоянно вели разъединяющую классовую борьбу. Решение проблемы нацисты, итальянские фашисты и подражающие им режимы Восточной Европы и других регионов мира видели в милитаризованной, мужественной, мобилизованной нации. Разумеется, эта модель общества имела много общего со сталинской моделью. Разница была в том, что правые сохраняли право собственности, общественную и профессиональную иерархию. «Левые» фашисты и нацисты также планировали серьезную атаку на капитализм и его рыночную мораль, однако обычно их либо игнорировали, либо (как в случае нацистов) вычищали. Правые радикалы даже заручились поддержкой у части рабочего класса. Однако в целом праворадикальные режимы заботились больше о начальниках, чем о простых рабочих: независимые профсоюзы были запрещены, а доходы рабочих остались на том же низком уровне.

С усугублением экономического кризиса выросла поддержка как коммунистов, так и правых радикалов, особенно в Германии. Политика превратилась в игру с равным нулевым счетом: левые упорно стремились к поддержанию общественного

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org благосостояния, правые же считали, что труд разрушает экономику государства тем, что противостоит необходимому сокращению расходов. Достижение компромисса было затруднено. Социал-демократическая партия после сентября 1930 года молча поддержала канцлера Генриха Брюнинга, представителя партии католического центра, боясь, что на выборах нацисты получат больше голосов. Однако такое союзничество разобщило приверженцев обеих сторон. Поддержка коммунистов среди рабочих возросла: им едва не удалось обойти социал-демократов на выборах в ноябре 1932 года. Тем временем правящая элита Германии начала поиски авторитарных способов преодолеть нарастающие волнения. В июле 1932 года преемник Брюнинга Франц фон Папен распустил избранное социал-демократическое правительство Пруссии, заявляя, что оно неспособно поддерживать порядок. Ситуация говорила о том, что парламентская демократия обречена. Возможно, как раз в этот момент объединенным левым следовало нанести ответный удар, которого фон Папен, кстати говоря, ожидал. Но социал-демократы были слишком деморализованы и преданы закону. Если бы они оказали сопротивление, коммунисты, которые были лучше вооружены, не поддержали бы их, а союз левых не имел бы никаких шансов против армии{457}. Путь для назначения президентом Гинденбургом Адольфа Гитлера канцлером в январе 1933 года оказался открыт[392]. В этом роковом назначении определенную роль сыграла политика Сталина и Коминтерна по принципу «класс против класса», однако это был всего лишь один из многочисленных факторов.

Нацисты планомерно продолжали разрушать парламентские и либеральные права, запретив коммунистические и социал-демократические взгляды и бросив многих людей в тюрьмы. Захват власти нацистами был лишь одним из примеров авторитарного прихода к власти правого крыла в межвоенный период. Итальянские фашисты запретили левый социализм еще в 1924 году; до Великой депрессии авторитарные правительства существовали в Венгрии, Албании, Польше, Литве, Югославии, Португалии и Испании. Следуя примеру нацистов, правительства Австрии, Эстонии, Латвии, Болгарии, Греции и Испании[393] запретили либеральную демократию. Однако самая сокрушительная атака на левых осуществлялась в Германии. Самая многочисленная коммунистическая партия за пределами СССР и самая влиятельная социал-демократическая партия Европы были разрушены одним ударом.

Берлинские события привели к тому, что многие коммунисты поставили под вопрос политическую линию Коминтерна «класс против класса». Разумеется, стало понятно, что основным врагом являются не социал-демократы, а фашисты и нацисты. В то же время социал-демократы разочаровались в своих либерально-центристских союзниках. Решение властей Германии сотрудничать с нацистами представляло собой не что иное, как пример «умиротворения» правых радикалов со стороны либералов. Подобно тому как коммунисты перестраивали свою стратегию, социалисты теперь уклонялись влево. Настало время воссоединения товарищей и братьев.

III

В 1936 году в советский кинопрокат вышел один из самых успешных фильмов – «Цирк»[394]. Над сценарием работал коллектив выдающихся писателей, в том числе Исаак Бабель, поставил картину режиссер Григорий Александров, один из сопостановщиков «Октября» Сергея Эйзенштейна. «Цирк», снятый в стиле голливудского мюзикла, представляет собой прекрасный образец соцреализма. В нем рассказывается история американской певицы и танцовщицы Марион Диксон (этот образ, объединяющий Марлен Дитрих и Джинджер Роджерс, на экране воплотила самая популярная актриса того времени Любовь Орлова). Расисты Саннивила вынуждают ее с маленьким чернокожим сыном покинуть город. Немецкий антрепренер фон Кнейшиц помогает Марион, но не от доброты, а с целью использовать ее: он думает только о прибыли, которую она может ему принести, участвуя в его цирковом шоу в Советском Союзе. Благодаря Диксон цирковое шоу имеет оглушительный успех. Но она влюбляется в своего советского коллегу, акробата Мартынова, и принимает решение остаться в СССР. Бессердечный фон Кнейшиц, внешне напоминающий Гитлера, обеспокоен тем, что может потерять свою главную звезду. Кульминация фильма наступает, когда во время ее выступления он приводит в зал ее чернокожего ребенка, ожидая, что шокированная советская публика будет настаивать на ее выдворении из СССР. Но, к его ужасу, зрители приветствуют малыша. В Стране Советов, говорит нам директор цирка, цвет кожи не имеет значения, будь он черный, белый или зеленый. Представители разных национальностей СССР в традиционных нарядах передают улыбающегося малыша друг другу и поют колыбельную каждый на своем языке. Особенно многозначительным на фоне нацистской политики того времени является эпизод, в котором советский актер

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Соломон Михоэлс, еврей по происхождению, поет куплет колыбельной на идише. Заканчивается фильм эпизодом, в котором Марион Диксон и ее возлюбленный, цирковой артист, оказываются в центре демонстрации на Красной площади. С красными флагами, портретами членов Политбюро, с чернокожим ребенком на руках они проходят мимо ленинского мавзолея, на трибуне которого стоит Сталин. Они маршируют и поют «Песню о Родине», патриотическую оду национальному равенству, которая была очень популярна и стала неофициальным гимном СССР.

Создатели фильма во многом обращаются к традициям Голливуда, используя элементы комедии в стиле Чарли Чаплина и танцевальные номера Басби Беркли, при этом искусно вплетая политические идеи в сюжет о народном развлечении. За душу наивного западного человека происходит борьба между нацистами, поддерживаемыми расизм и капитализм, и советскими людьми – гуманистами и социалистами. Преодолев рабскую зависимость от фон Кнейшица, Марион понимает, что светлая жизнь наступает только при советском социализме. Снятый к празднованию в честь советской Конституции 1936 года, фильм «Цирк» показал СССР объединенным государством, не знающим этнических или классовых конфликтов, носителем ценностей Просвещения. Это было счастлирое, свободное общество, в котором понравится жить любому доброму человеку с Запада, независимо от его социального статуса, будь то даже мелкобуржуазная артистка цирка. СССР открыт для союза с любыми «прогрессивными» силами, со всеми классами. Единственным врагом оставалась небольшая группа расистов-фашистов и реакционеров, воплощенная в образе с аристократической фамилией фон Кнейшиц (русское «князь»).

«Цирк» был адресован в основном советской публике. Фильм стал хитом года. Его также посмотрели в Восточной и Западной Европе (особенно после войны). Он выражал принципы новой политики Народных фронтов, принятые еще до 1936 года [395]. И все же после прихода нацистов к власти в 1933 году потребовалось некоторое время, чтобы сгладить различия между Вторым интернационалом и Коминтерном: острые конфликты прошлого оказалось не так легко преодолеть.

На региональном уровне преимущества антифашистской коалиции были более очевидны. Больше всего энергии имелось у левых во Франции. С наступлением Великой депрессии политика стала более поляризованной. После ожесточенных выступлений правых радикалов 6 февраля 1934 года глава правительства Эдуард Даладье, представитель центристской Радикальной партии, был вынужден уйти в отставку. Шесть дней спустя профсоюзы, социалисты и коммунисты организовали всеобщую забастовку против правых в защиту демократии, боясь повторения событий в Германии. Объединенные действия глубоко впечатлили болгарского лидера Коминтерна Георгия Димитрова [396], который провел несколько встреч со Сталиным, убеждая его в необходимости новой политической линии [458].

Сталин сохранил враждебное отношение к социал-демократии. Казалось, он с большой неохотой принял линию, предложенную Димитровым [397]. [459] Его подход к внешней политике напоминал его отношение к внутренним делам: СССР должен был оставаться «цитаделью революции» [460], сохранять идеологическую чистоту и быть готовым распространять социализм, когда настанет удобное для этого время [461]. Действительно, в 1927 году Сталин открыто сравнивал СССР с якобинской Францией: подобно тому как раньше люди «танцевали от французской революции XVIII столетия, используя ее традиции и насаждая ее порядки», теперь они «танцуют от Октябрьской революции» [462]. Таким образом, классовый мир и толерантность не могли продлиться долго. Однако, учитывая слабость СССР, единственным возможным был «социализм в одной стране». Возможно, для сохранения социализма Советам требовался союз с буржуазными силами. Сталин был убежден в неизбежности войны между социалистическим и капиталистическим лагерем, однако войну следовало отложить до тех пор, пока СССР не будет готов к борьбе [463]. Сталин был уверен, что мировая революция осуществится, и скорее всего во время войны (желательно между «империалистическими» силами) [464]. Пока же вероятность новых революций, особенно в Западной Европе, оставалась небольшой, так как народные массы были введены в заблуждение «буржуазной демократией» [465].

В конце концов Г. Димитрову и другим (например, лидеру Итальянской компартии Пальмиро Тольятти) удалось убедить Сталина изменить советскую внешнюю политику и поддержать союз с Францией и Великобританией против Германии. В конце года Сталин взял курс на новую политику, которая была окончательно одобрена Коминтерном летом 1935 года [398]. [466]

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В соответствии с решениями Коминтерна, принятыми в 1935 году, западные коммунистические партии могли заключать союз с партиями, принявшими радикальную антикапиталистическую программу[399]. Такие союзы могли привести к началу революции{467}. Однако на деле политика Народного фронта позволяла коммунистам участвовать в работе умеренных социалистических правительств и защищать либеральную демократию от фашизма. Народные фронты отказались от агитации за пролетарскую коммунистическую революцию, по крайней мере на ближайшее будущее. Они также допускали обращение к принципам национализма с целью получить поддержку населения.

Коммунистические партии по всему Западу взяли курс на национальное единство[400] и примирение в соответствии с новым упором на патриотизм в политической программе советской партии. Даже в США возросло уважение к коммунизму. Хотя партия в США находилась под строгим контролем Коминтерна, утверждалось, что она унаследовала «традиции Джефферсона, Пейна, Джексона и Линкольна». Партия сотрудничала с широким кругом организаций: профсоюзами, церковью, правовыми группами{468}. Толерантное отношение Народных фронтов к этнической принадлежности привлекало многих рабочих-иммигрантов второго поколения, пострадавших от Великой депрессии, считающих себя «рабочим классом».

Французская коммунистическая партия под руководством Мориса Тореза наиболее усердно и успешно следовала политической линии Народного фронта. Торез родился в 1900 году и воспитывался в семье шахтера, сторонника якобинского социализма, в департаменте Норд. Он рос прилежным мальчиком, ему хорошо давалась учеба. На шахте он работал недолго, выполнял временные работы{469}. Его настоящей жизнью стала Коммунистическая партия. Он шел вверх по лестнице партийной иерархии, строго подчиняясь всем инструкциям Москвы. Критиковавшие его коллеги-коммунисты считали его мягкотелым, покорным и смиренным. Ему, безусловно, не хватало харизмы. Тем не менее его спокойствие и блаженная улыбка способствовали установлению хороших отношений с либералами и скептически настроенными социалистами. Он не был неистовым классовым борцом и не вызывал такого сильного беспокойства буржуазии, как евреи и грозный лидер социалистов Леон Блюм.

На публичные собрания Торез всегда надевал под пиджак трехцветную перевязь (цвета французского триколора): коммунисты теперь подчеркивали свое французское происхождение. Они считали себя преемниками патриотов-якобинцев, а фашистов приравнивали к врагам-аристократам, связанным с иностранными реакционерами. В июне 1939 года коммунисты отметили 150-летие французской революции с размахом празднеств при Робеспьере: например, дети во фригийских колпаках посадили 600 деревьев в честь торжества свободы{470}. Коммунисты также использовали популистские нотки языка якобинцев. Они говорили о «борьбе маленьких людей против больших», а их врагами были «двести семей» – скорее, небольшая группа квазиаристократии, чем вся буржуазия{471}.

Новый образ и политическая линия коммунистов позволили им снова занять на некоторое время важное место во французской политике в качестве неревolutionной левой партии{472}. Однако в сущности партия не изменилась. Как и другие коммунистические партии, она стремилась стать «тотальным» институтом для своих членов, в некотором смысле сравнимым с религиозной сектой{473}. Как и советские коммунисты, французы изучали доктрину партии, писали автобиографии, описывая случаи из политической и личной жизни, подвергали себя идеологической самокритике{474}. Ожидалось, что они будут хранить партийные тайны и относиться к внешнему миру настороженно и подозрительно, как к потенциальному источнику идеологической порчи. Их общественная и семейная жизнь была всецело связана с партией. Они должны были оставаться тем авангардом, который поднимет революцию, когда придет время. Степень участия партийца в революции, однако, зависела от того, какое положение в партии он занимает.

Несмотря на то что французские коммунисты старались поддерживать идеологическую чистоту, внешний мир теперь все же ожидал от них шагов к сотрудничеству. Они сделали этот шаг, особенно когда в связи с Великой депрессией вырос радикализм рабочих. В результате тысячи новых членов вступили в партию. Ее численность возросла с 40 тысяч человек в 1934 году до 328 647 в 1937-м. Французская коммунистическая партия унаследовала у немецкой роль ведущей коммунистической партии за пределами СССР. В мае 1936 года Народный фронт, объединяющий социалистов, коммунистов и либеральных радикалов, получил большинство голосов на выборах. Премьер-министром стал

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Леон Блюм. Его поддержали коммунисты, не вошедшие в кабинет правительства.

Тем не менее именно Народный фронт Испании, по крайней мере временно, стал той силой, которая способствовала повышению репутации международного коммунизма. Здесь политика была еще больше поляризована, чем во Франции. Некоторые регионы Испании все еще напоминали старые аграрные государства, где коммунизм пользовался такой популярностью в годы после Первой мировой войны[401]. Здесь все еще не был решен вопрос о перераспределении земельной собственности. Безземельные крестьяне, особенно с юга Испании, увлекались идеями децен-трализаторского радикального социализма[402]. В то же время большой поддержкой пользовались радикалы социалистической партии, анархо-синдикалистских партий[403] и квазитроцкистская[404] Рабочая партия марксистского единства (P.O.U.M., Partido Obrero de Unificación Marxista). Однако большую популярность имели и правые, особенно среди мелкоземельных крестьян из северной и центральной части страны. Когда левые[405] (непрочный союз левых либералов, социалистов, анархо-синдикалистов и немногочисленной коммунистической партии) победили на выборах в феврале 1936 года, во многих городах и в сельской местности загорелся огонь социальной революции[406]. Победа левых, в свою очередь, спровоцировала военный переворот под руководством авторитарного консервативного генерала Франсиско Франко[407]. Острые социальные разногласия в испанском обществе вылились в гражданскую войну. В одну неделю внутренний государственный конфликт превратился в международный: Муссолини и Гитлер послали военную помощь повстанцам Франко.

Перед Сталиным стоял сложный выбор. У испанских республиканцев не было иностранных союзников: Блюм во Франции слишком опасался растущей враждебности немцев, а консервативное британское руководство никогда бы ничего не сделало в защиту левого правительства. Только СССР был способен противостоять Франко в Испании и тем самым предотвратить распространение силы фашизма. Однако советская поддержка революционных испанцев могла серьезно обеспокоить французские и британские власти: подписать договор о коллективной безопасности против Гитлера стало бы уже невозможно[475]. Некоторое время Сталин колебался, но в конце концов принял решение помочь оружием и людьми, при этом настаивая на том, чтобы Народный фронт не стремился к социализму. В письме премьер-министру Испании, социалисту Ларго Кабальеро Сталин советовал выбрать «парламентский путь», который больше подходил Испании, чем модель большевизма. Он просил его учитывать интересы городского и сельского среднего класса и укрепить связи с либералами. Советский Союз, победив в войне и сохранив буржуазных союзников, получил бы преимущества в управлении социалистической революцией.

Все это привело к тому, что Коммунистическая партия Испании взяла курс на более прагматичную и реформистскую политику, в отличие от многих представителей Народного фронта, включая самого Кабальеро. К концу 1936 года стало казаться, что стратегия коммунистов блестяще оправдалась. В коммунистическую партию вступали многие представители самых разных классов[476]; их централизованный милитаристский подход к политике казался более эффективным, чем действия более демократических, разрозненных, хаотично организованных социалистических и радикальных сил. Коминтерн также призвал сражаться за Республику более 30 тысяч добровольцев, которые были организованы в интернациональные бригады. Многие добровольцы из этих бригад были коммунистами и рабочими. В ноябре 1936 года, когда националисты Франко подошли к Мадриду, Кабальеро, не веривший в победу, покинул столицу[408]. Однако остался генерал Хосе Миаха, который совместно с интернациональными бригадами и Коммунистической партией поднял население на защиту города[409]. Казалось, что именно советское оружие (хотя и немногочисленное среди прочего) и коммунистическая организация и дисциплина спасли демократию от фашизма.

IV

1936 год стал, возможно, годом наивысшего уважения к коммунизму на Западе. Казалось, что только коммунисты, а не французские социалисты или британская партия лейбористов были той силой, которая могла решительно противостоять реакционерам. Кроме того, с середины 1930-х годов интеллектуалы Запада выражали особое пристрастие к идее плана. Коммунистов теперь считали дисциплинированными и рациональными наследниками Просвещения. Это были уже не революционеры послевоенного периода, даже не военные фанатики 1920-х. Предлагаемый ими марксизм был модернистским и рационалистическим.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Эрик Хобсбаум, британский историк, эмигрант из Австрии, один из самых острых мемуаристов-коммунистов, передал тяжелую атмосферу того времени. В юности, в 1932-1933 годах, он принимал участие в уличных маршах в Берлине, организованных Коммунистической партией Германии. Когда Хобсбаум уехал учиться в Кембридж, он вступил в коммунистическую партию Великобритании, однако британский коммунизм оказался совсем другим: «Коммунисты вовсе не были романтиками. Напротив, они были сторонниками организованности и порядка... Секрет успеха ленинской партии состоял не в мечте ее членов выйти на баррикады и даже не в марксистской теории. Его можно выразить двумя фразами: “решения должны проверяться” и “партийная дисциплина”. Партия привлекала тем, что она действовала, когда другие бездействовали. Жизнь партии была подчеркнута нериторической. Возможно, это и породило культуру бесконечных, необыкновенно скучных... нечитаемых “отчетов”, которую зарубежные партии переняли из советской практики... Ленинская “передовая партия” сочетала в себе дисциплину, деловую эффективность, высокую эмоциональную вовлеченность и чувство всецелой преданности»{477}.

Многочисленных сторонников других партий привлекал организованный рациональный централизм, способный противостоять иррациональности фашизма и вывести мир из Великой депрессии. Левые интеллектуалы стекались в СССР, чтобы увидеть и перенять «Великий опыт». В 1932 году Кингсли Мартин, редактор британского левого журнала «Нью стейтсмен», заявил, что «все британские интеллигенты этим летом побывали в Москве»{478}. Стремление советских людей приветствовать гостей и впечатлить их хорошо организованными пропагандистскими экскурсиями привлекало еще сильнее. Появились сотни дорожных дневников. В 1935 году СССР посетили более 200 французских интеллектуалов. Философ-коммунист Поль Низан объехал с лекциями всю Францию, рассказывая о тех чудесах, которые он видел в СССР{479}.

«Советский Союз», который видели иностранные гости, был не чем иным, как сочетанием их собственных утопических представлений и социализма в духе потемкинских деревень, демонстрируемого встречающей стороной. Гости восхищались благосостоянием государства, доступностью образования, рациональной организацией труда. Они завидовали статусу представителей интеллектуальной среды в СССР (по крайней мере, статусу подчинившихся режиму). Больше всего они восхищались пятилетним Планом. В их глазах советский режим был раем Сен-Симона, в котором общественные преобразования происходили под влиянием достижений науки и продуктивности экономики.

Самый известный пример таких иностранцев-энтузиастов – британские социалисты Беатрис и Сидни Уэбб. Будучи представителями технократической элиты, они подерживали рациональный, модернистский социализм, но при этом были против революции, в которой видели насилие, анархию и иррациональность. В 1920-е годы они являлись противниками СССР, однако их глубоко впечатлил план первой сталинской пятилетки. В 1932 году, в возрасте уже за 70, они отправились в путешествие по Советскому Союзу. Свои впечатления они подробно описали в книге «Советский коммунизм – новая цивилизация?». Книга, опубликованная в 1935 году, содержала более тысячи страниц.

Из названия второго издания в 1937 году редакторы убрали знак вопроса. «Новой цивилизацией» Уэббов была страна комитетов, конференций, консультаций. Они могли бы также написать о Совете Лондонского графства, с которым была связана большая часть карьеры Сидни. Они знакомились с копиями официальных документов, в том числе со сталинской Конституцией 1936 года, и считали, что в СССР созданы все условия для выборов, демократии и прозрачности; они заявляли, что советский Режим ни в коем случае нельзя называть диктатурой{480}.

Такие писатели, как Уэббы, с готовностью принимали уверения советских властей по политическим причинам. Другие становились жертвами более жестокого манипулирования. А вот французский пейзажист Альберт Марке доставил немало хлопот Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС) – организации, занимавшейся размещением иностранных гостей. Его не интересовала политика, он не был коммунистом. Его сопровождающие сообщали, что его многое раздражало и ничего не впечатляло. Однако ситуация изменилась после того, как он посетил Музей современного западного искусства в Ленинграде. Он был приятно удивлен, когда увидел, что его собственные картины являются частью постоянной выставки наряду с работами Матисса и Сезанна. Однако он так и не узнал, что ВОКС распорядился достать их со склада специально к его приезду. Марке продолжал посещать различные

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org встречи с молодыми художниками, которые называли его своим учителем. Его широко восхваляла пресса. Вернувшись во Францию, он изменил свои взгляды. Он с восторгом говорил: «Мне правда понравилось в СССР... Только представьте себе огромную страну, где деньги не играют решающей роли в жизни человека». ВОКС отметила успех своих тяжелых усилий в кратком отчете: «К работе [визиту Марке] была привлечена вся советская художественная общественность. Работа прошла в соответствии с планом»{481}.

Однако многие иностранные гости не замечали политических репрессий и насилия далеко не из-за манипулирования или чрезмерной доверчивости. Они просто считали это неизбежной необходимостью. Чернокожий американский певец Поль Робсон заявил в 1937 году: «О деятельности советского правительства, которую я наблюдал, могу только сказать, что любой, кто поднимет на него руку, должен быть расстрелян». Корреспондент «Нью-Йорк тайме» Уолтер Дюранти, известный тем, что отъявленно отрицал голод 1932–1933 годов, считал, что насилие просто неизбежно в такой отставшей стране, как СССР, при этом он всегда стремился снискать расположение советских властей, необходимое для карьерного роста{482}. Другие намеренно скрывали негативные стороны советской жизни, поскольку не хотели повредить движению антифашизма. Французский писатель Андре Мальро, революционный романтик, никогда не был солидарен с дисциплинарным коммунистическим кодексом Коминтерна. В узком кругу уничижительно критикуя СССР, на публике он оставался преданным его сторонником{483}. Английский историк Ричард Кобб, в то время живший в Париже, объяснял причину политического выбора в пользу левого либерализма: «Первое, что я увидел во Франции, было избивание еврейского студента командой охваченных яростью боевиков [профашистской] “Аксьон франсез”. Такое случалось каждый день. Было трудно измерить степень ненависти, которую порядочные граждане испытывали по отношению к прыщавым, трусливым “членам лиги” (ligeurs)... Франция переживала период нравственной и интеллектуальной гражданской войны... каждый должен был сделать выбор между фашизмом и восторженным путешествием в СССР»{484}.

Чилийский поэт Пабло Неруда использовал те же интонации в описании неизбежного трудного выбора, хотя он, в отличие от Кобба, был преданным приверженцем дела коммунизма. В своих мемуарах он вспоминает, как во время пребывания в Испании он стал убежденным сторонником коммунизма: «Коммунисты были единственной организованной группой. Им удалось собрать армию, чтобы противостоять итальянцам, немцам, маврам[410] и [испанским фашистским] фалангистам. Они также сохранили моральную силу, благодаря которой продолжалось сопротивление и антифашистская борьба. Все свелось к одному: нужно было выбирать свой путь. Так я и поступил. Я никогда впоследствии не жалел о том выборе, который сделал в то трагическое время между тьмой и надеждой»{485}.

Неруда был не единственным, кто сделал выбор в пользу коммунизма. Гражданская война в Испании повлияла на возрождение популярности коммунизма в Латинской Америке.

Разумеется, многие жители латиноамериканских стран, сохранивших культурные связи с Испанией, приняли участие в гражданской войне. Бежавшие из Испании коммунисты также сыграли большую роль в возрождении коммунизма в Латинской Америке после неудач в Европе.

Во многих странах Латинской Америки после 1917 года были образованы коммунистические партии, сразу привлечшие внимание интеллектуалов, однако (как и во многих других странах третьего мира) в 1920-е годы не произошло их подъема. Их слабость объяснялась прежде всего жесткими репрессиями со стороны властей, которые одобряла влиятельная католическая церковь. Кроме того, их развитию никак не способствовала одержимость Коминтерна пролетариатом – рабочий класс в Латинской Америке был малочисленным. Следовательно, коммунистам оказалось нелегко соревноваться с крупными популистскими партиями и использовать в своих целях радикализм крестьян. Некоторые марксисты, например перуанец Хосе Карлос Мариатеги, создавали социалистические партии, призванные объединить рабочих, интеллектуалов и крестьян, однако Коминтерн осуждал таких, как Мариатеги, за популизм. Коминтерн поддержал только два восстания, в которых участвовало много крестьян: в Сальвадоре в 1932 году и в Никарагуа на рубеже 1920-х и 1930-х годов. Ни одно из них не имело успеха. Коминтерн играл незначительную роль в восстании под руководством коммунистического лидера Никарагуа Аугусто Сандино[411].

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Перспективы коммунистов улучшились после принятия Коминтерном политики Народного фронта, особенно в странах с развитой промышленностью и мощным рабочим движением. В Мексике относительно слабая коммунистическая партия заключила неофициальный союз с президентом-социалистом Карденасом, а чилийские коммунисты даже одержали победу на выборах в 1938 году как часть правительства Народного фронта, возглавляемого Педро Сердой[412]. В Чили, как и в Мексике, своему успеху коммунисты во многом были обязаны участием в испанской войне{486}.

V

И все же не все левые считали, что испанцы воевали в защиту политики Коминтерна. Война в Испании привела к обострению ситуации, которая вылилась в самый главный раскол в международном коммунизме: раскол на коммунистов и троцкистов[413]. Активно действуя в эмиграции (сначала в Турции, затем во Франции, Норвегии и Мексике), Троцкий стал одним из главных марксистских критиков Сталина. Он презрительно отзывался о популярности СССР среди западной интеллигенции: «Под видом запоздалого признания Октябрьской революции “левая” интеллигенция Запада упала на колени перед советской бюрократией»{487}. К тому времени, как он это написал (1938 год), отношения между советским коммунизмом и западными левыми интеллектуалами уже начинали портиться. Иностранцев коммунистов и западных гостей глубоко потрясли московские показательные процессы 1936, 1937, 1938 годов, а также чистки бюрократов Коминтерна. Поль Низан отказывался говорить на эту тему даже со своими близкими друзьями Жан-Полем Сартром и Симоной де Бовуар{488}.

Кризис политики Народного фронта и особенно события в Испании стали главной причиной наступившего разочарования. Народный фронт представлял собой весьма непрочный компромисс. Коммунисты на время отказывались от своих революционных целей и обращались за поддержкой к социалистам-реформистам. При этом они оставались антилиберальной партией, сторонниками строгой дисциплины, стремившимися сохранить поддержку рабочего класса. Такова была сущность советского коммунизма. Железная партийная дисциплина дала сталинистам огромные преимущества в борьбе с фашизмом. Поддерживать этот обманчивый баланс было опасно, а вскоре и невозможно.

Именно коммунистический «реализм» и умеренность вызвали проблемы Коминтерна – ему теперь пришлось иметь дело с взрывом народного радикализма. Во Франции правительство Блюма пришло к власти в разгар крупных забастовок и захватов фабрик и заводов. Троцкисты из социалистической партии даже утверждали, что настало время революции. Подписав Матиньонские соглашения[414], Народный фронт гарантировал широкие права рабочим, включая 40-часовую рабочую неделю, однако забастовки продолжались. Морис Торез поддержал Блюма: «нужно знать, как прекратить забастовку». Однако, опасаясь, что их обойдут на левом фланге, коммунисты вскоре начали поддерживать требования рабочих, и их отношения с либералами и социалистами обострились. Тем временем Блюм своим решением не вмешиваться в войну на стороне испанских республиканцев, боясь, что это приведет к всеобщей европейской войне, спровоцировал еще больший конфликт. Социалисты стали опасаться коммунистов с их растущей силой (например, в Чили социалисты были обеспокоены тем, что коммунисты могут использовать против них народный радикализм){489}. Однако именно центристские радикалы, считавшие, что в Матиньоне рабочие получили слишком много, окончательно разрушили Народный фронт. В 1938 году Блюм был отстранен от власти[415].

В Испании коммунисты меньше всего стремились к компромиссу с радикальными левыми. На карту оказалась поставлена безопасность СССР. Победа левых на выборах в 1936 году в некоторых регионах сопровождалась социальной революцией: вдохновленные анархо-синдикалистами рабочие захватили фабрики и избавились от их владельцев, а крестьяне присвоили землю и учредили коллективные хозяйства и кооперативы. Как и Ленин, упразднивший фабричные советы в 1918 году, коммунисты были убеждены в том, что эгалитарные эксперименты только подрывают военную экономику. Для победы требовались централизация и высокая продуктивность экономики. Коммунисты утверждали, что пока пришло время для режима рыночного социалистического[416] (как НЭП) типа, управляемого объединением «прогрессивных сил», включающих элементы буржуазии, при сохранении частной собственности. В то же время они чрезвычайно враждебно относились к левокоммунистической РОУМ под руководством троцкиста Андреаса Нина[417]. Поэтому они и их союзник, технократ-республиканец[418], премьер-министр Хуан Негрин, заручились поддержкой среднего класса, с опасением относившегося к силе рабочих и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org анархистов{490}. В мае 1937 года Республиканское правительство при поддержке коммунистов выступило против анархистов и Р.О.У.М. в Барселоне. Соппротивление было подавлено[419]. Советское НКВД, имевшее многочисленную агентуру в Испании, распорядилось убить Нина. Другие активисты Р.О.У.М. были арестованы{491}.

Джордж Оруэлл, как многие представители его поколения, хотел помочь Испанской республике. Однако в отличие от многих, он стал ориентироваться на троцкистскую РОУМ, скорее случайно, чем из идеологических убеждений. Оруэлл находился в Барселоне в те майские дни и в 1938 году опубликовал воспоминания «Памяти Каталонии», ставшие одним из самых сильных и влиятельных произведений, дискредитирующих советский вариант коммунизма той эпохи. Сначала он не понимал враждебного отношения к коммунистам его товарищей по Р.О.У.М. По его замечанию, коммунисты «действительно ведут войну, в то время как мы [Р.О.У.М.] и анархисты топчемся на месте». Однако, став свидетелем жестокости коммунистов и республиканцев в Барселоне, он изменил свои взгляды. Теперь он обвинял коммунистов в том, что они подавляют народный радикализм: «Лозунг РОУМ и анархистов: “Война и революция неотделимы”, был, возможно, вовсе не таким уж непрактичным, каким он казался на первый взгляд»{492}. Он утверждал, что социальный консерватизм коммунистов стал причиной отчуждения западного рабочего класса, который мог бы при других обстоятельствах заставить правительства разных стран поддержать Испанскую республику вместо того, чтобы подрывать революцию на территории, оккупированной Франко.

В поисках ответа на вопрос «Кто все же потерял Испанию?»[420] спорят до сих пор{493}. Одержимость НКВД в ликвидации левых врагов, несомненно, подорвала поддержку Республики. Главной причиной поражения демократии была нехватка зарубежной поддержки и сила союзников Франко – Германии и Италии. Сталин, казалось, будет поддерживать Испанию до конца, однако он должен был сохранить силы для защиты СССР от Германии и от Японии, которая вторглась в Китай в 1937 году{494}.

Как ни странно, Троцкий был одним из тех, кому поражение испанского Народного фронта оказалось на руку. Линия поведения СССР в Испании, а также показательные процессы ускорили разочарование многих левых в коммунизме. Именно их, коммунистических диссидентов, привлекал своим движением Троцкий. Убийство Нина и других троцкистов дало начало движению мучеников, главным из которых предстояло стать самому Троцкому: он был убит ледорубом в августе 1940 года одним из сталинских агентов. В 1938 году Троцкий основал Четвертый Интернационал, который должен был стать силой, противостоящей Второму (социал-демократическому) и Третьему (коммунистическому) интернационалам.

Троцкизм представлял собой левое, радикальное ответвление большевизма. Его идеи были характерны для различных левых оппозиций, возникавших в партии с 1917 года[421]. Троцкисты выступали за возрождение «социалистической демократии» и обвиняли сталинизм за авторитарность. Однако они не поддерживали плюралистическую либеральную демократию. Они следовали принципу марксизма-ленинизма, согласно которому должна быть одна правящая партия, при этом считая, что политика и управление экономикой должны осуществляться Методами участия[422]. Троцкий также воздерживался от слишком резкой критики в адрес самой сталинской системы. Он утверждал, что «каста бюрократов» появилась при Сталине, однако при этом настаивал, что это не был «новый класс». СССР так и не стал системой «государственного капитализма», он оставался «государством рабочих», хотя и в «ухудшенной» форме. На международной арене троцкизм казался более успешным и революционным, чем сталинизм. Троцкий с враждебностью относился к национализму, лежащему в основе политики Народного фронта. Его теории «перманентной революции» и «смешанного неравномерного развития» оправдывали революционную политику в развивающихся странах. В отличие от сталинистов, строго придерживавшихся Маркса и его исторических фаз развития, троцкисты полагали, что развивающиеся аграрные страны могут пропускать фазы и совершить стремительные революционные скачки к социализму[423]. Тем не менее они всегда настаивали на том, что в авангарде революции может стоять только пролетариат, даже если ему придется управлять буржуазией и крестьянами в «перманентной революции»{495}.

Членами Четвертого Интернационала стали немногие (по официальным данным, возможно, преувеличенным, 5395 человек), почти половину составляли члены Социалистической партии рабочих США (СРП). Радикальный марксизм Троцкого и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org защита демократии рабочих советов, как можно было предположить, стали популярными идеями в свободной культуре Америки, где влияние Второго и Третьего Интернационалов, одержимых строгой дисциплиной, было наиболее слабым. Сторонниками или сочувствующими троцкизму являлись также американские интеллектуалы, особенно группа нью-йоркских писателей: Сол Беллоу, Ирвинг Хоу, Норман Мейлер, Мэри Маккарти и Эдмунд Уилсон{496}.

И все же многие троцкисты в США считали отношение самого Троцкого к сталинизму слишком снисходительным. В 1939–1940-х годах Социалистическую партию рабочих потрясли ожесточенные дебаты по вопросу истинной природы СССР. В партии произошел раскол. Макс Шахтман создал новую «партию рабочих», более враждебную по отношению к сталинизму, чем ортодоксальные троцкисты. Как многие другие американские троцкисты, он позже стал одним из сторонников холодной войны, а к 1960-м годам – одним из самых влиятельных воинствующих либералов, которых называли неоконсерваторами. В других странах троцкизм развивался по иному пути. В 1960-х и 1970-х годах он снова приобрел популярность, когда образ СССР стал менее привлекательным. Несмотря на это, троцкизм сохранял заслуженную репутацию движения бесконечных споров и расколов.

Троцкисты были первыми, кто сравнил сталинский коммунизм с нацизмом и назвал оба режима «тоталитарными». Это сравнение оказалось пророческим: 23 августа 1939 года Берлин и Москва подписали пакт о ненападении. На самом деле этот договор не был результатом крепкой дружбы: Сталин просто понимал, что у него нет выбора{497}. Британию мало интересовал вопрос создания формальной антигитлеровской военной коалиции, в то время как Сталин не мог рисковать и допустить войну с Германией. У Сталина при этом не было сомнений относительно союзников. Он, как и в прошлом, надеялся, что социализм только выиграет в случае войны внутри самого империалистического лагеря. В разговоре с Димитровым проявлялось его ликование: Гитлер «бросил капиталистическую систему в бездну хаоса»; «пакт о ненападении в какой-то степени на руку Германии. В какой-то момент мы спровоцируем противоположное»{498}. В то же время Коминтерн объявил конец Народного фронта[424]. Сталин не планировал быстрых революций, однако он все же был убежден в том, что в будущем война могла спровоцировать революции, поэтому линия Коминтерна приобрела ярко выраженный антибуржуазный характер{499}. Красная армия тем временем насаждала социализм в Прибалтике, Польше[425] и других территориях, захваченных Советами в результате подписания пакта[426]. Коминтерн объявил политическую линию Народного фронта ересью, английских и французских империалистов – врагами. Антифашистская пропаганда была запрещена.

Неудивительно, что пакт привел к кризису коммунистических партий. Гарри Поллитт отказался следовать новой линии Коминтерна, после чего вместо него лидером Коммунистической партии Великобритании стал Раджани Палм Датт{500}. Во Франции треть коммунистов, занимавших места в парламенте, вышла в отставку. Поль Низан был одним из тех, кто покинул партию с чувством отвращения к ней. И все же, несмотря на обособленность и некоторую изоляцию, коммунистические партии зависели от принципов советской внешней политики.

Примирение между Москвой и Берлином было обречено на недолговечность, несмотря на уверенность Сталина в том, что не ему удастся избежать войны, пока конфликт империалистических сил не приведет к их ослаблению. После неожиданного нападения Гитлера на СССР 22 июня 1941 года в политике Коминтерна произошла еще одна резкая перемена. Антифашизм вернулся на свои позиции, а СССР стал теперь союзником Великобритании, а затем США. И снова, несмотря на провал немецко-советского пакта, многие левые Запада видели в СССР оплот коммунизма и единственного спасителя мира от агрессивных, авторитарных правых. Второй мировой войне предстояло стать звездным часом Народного фронта.

VI

Царь Николай II не выдержал испытания великой войной. В 1941 году народу, которым он некогда правил, был брошен еще более трудный вызов – «комплексная проверка» «наших материальных и духовных сил», как выразился Сталин. Впоследствии Сталин, по крайней мере, больше не сомневался в том, что он и система, которую он создал, выдержали эту проверку с достоинством: «Уроки войны показали, что советская структура – не только лучшая форма организации... в годы мирного развития, но и лучшая форма мобилизации всех

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org народных сил, способных раздавить врага в военное время»{501}. И это не все: СССР спас всю человеческую цивилизацию, в том числе Запад, от нацистского господства.

Аргумент Сталина не был таким уж неправдоподобным. В 1914 году Россия являлась бедной, в основной аграрной страной, не способной мобилизовать народ и материальные ресурсы для победы над врагом. К 1941 году в России уровень бедности и доля сельского хозяйства в экономике были выше, чем в странах-соперниках. Несмотря на более серьезную катастрофу в большее количество жертв, экономика СССР не потерпела крах. СССР потерял 27 миллионов человек, включая 10 миллионов военных. Для сравнения: военные потери Великобритании составили 350 тысяч, а США – 300 тысяч человек. Старое советское утверждение о том, что СССР фактически в одиночку выиграл Вторую мировую войну[427], разумеется, ошибочно. Все усилия были взаимосвязаны: СССР получал значительную поддержку (прямо и косвенно) от своих союзников. Страны «оси зла» могли проиграть только в случае объединения ресурсов США, Великобритании и России. Однако Сталин никогда не упускал момента подчеркнуть, что Германия потратила больше сил на Восточный фронт, чем на любые другие сражения.

Гораздо труднее оценить вклад в победу самой коммунистической системы. Во время войны выявились все ее недостатки и достоинства. Концентрация власти в руках Сталина привела к роковым решениям и катастрофическим провалам в 1941 году. Сталин отказывался верить в то, что Германия планирует нападение[428], несмотря на многочисленные свидетельства об обратном{502}. Гитлеровский план «Барбаросса» застал советских лидеров врасплох. Немцы нанесли сокрушительный удар СССР и оказались у ворот Москвы.

Советская централизация власти усугубляла проблемы еще и постоянным недоверием коммунистов к специалистам. Руководству Красной армии не хватало того военного опыта, который имелся у Германии: в Красной армии в 1930-е годы было очень мало офицеров, служивших при царе[429], большинство из ее руководство получили военные навыки только во времена Гражданской войны. Репрессии 1937-1938 годов еще больше подорвали силы армии: из 142 тысяч офицеров около 20 тысяч человек репрессировали[430]. Бесталанный Климент Ворошилов, входивший в узкий круг Сталина и бывший его закадычным другом, был народным комиссаром обороны: его руководство действиями армии привело к сокрушительным поражениям в начале войны[431]. Наконец, жестокость советского режима имела пагубные последствия, оттолкнув многих людей, особенно в сельских районах, где преобладало нерусское население. В 1941-1942 годах в Красной армии происходили массовые дезертирства: от 1 до 1,5 миллионов солдат перешли на сторону немцев.{503}

Однако многие черты советского коммунизма, пусть даже неприятные, недемократичные, доказали свою эффективность в военное время. В индустриализации 1930-х годов, осуществляемой с головокружительной быстротой, возможно, и не было «особой необходимости» – имелись и другие альтернативы[432]. Однако к концу 1930-х объемы производства в СССР опередили германские. К этому времени СССР вышел на первое место по оборонной промышленности, превышая все показатели Германии, включая количество самолетов{504}. Централизованная административная система также имела свои преимущества. В отличие от правительства при царе, советское правительство эффективно осуществляло контроль над производством и распределением продовольствия и промышленных товаров на протяжении войны. Оно смогло не допустить массового гражданского голода, при этом поддерживая производство оборонной промышленности. Режим также успешно провел эвакуацию многочисленных крупных промышленных предприятий на восток, подальше от линии фронта. Кроме того, именно безжалостный режим и его полицейская дисциплина не допустили хаоса. «Заградительные отряды» расстреливали тысячи солдат-дезертиров. На протяжении войны 990 тысяч солдат судили военным трибуналом, из них 158 тысяч были приговорены к смертной казни{505}.

Среди гражданского населения во время войны было много коллаборационистов. С нацистами сотрудничали в основном представители национальных меньшинств[433]. Однако немцы не ожидали, что советский режим пользуется такой поддержкой населения. Отношение немцев к славянскому населению на оккупированных территориях как к представителям низшей расы, подлежащим эксплуатации[434], укрепило позиции советской идеологии. Коммунизм казался единственным бастионом в борьбе против закона джунглей, соединения силы и права. Картина, однако, немного смазана идеологическими поворотами и переменами той эпохи. Коммунизм военного времени был совсем не тем

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org коммунизмом, которым жила страна в 1930-е годы. Война против Германии заставила партию взять более толерантный политический курс, чем в середине 1930-х годов. Раскол среди коммунистов и идеологические чистки, о которых объявлялось во время террора 1936-1938 годов, были не так заметны во время войны. Режим примирился с группами населения, которые раньше клеймил, особенно с крестьянством[435] и духовенством.

Война была общим делом, национальной борьбой, в которой участвовал каждый человек независимо от классового происхождения. Даже кулаки, отбывавшие наказание в ГУЛАГе, освобождались и включались в ряды Красной армии, таким образом доказывая, что они достойны вернуться в советское общество. Удивительно, но в первой же речи к народу после начала войны Сталин обратился к людям не только как к «товарищам» и «гражданам», но и как к «братьям и сестрам». В 1941 году в статье, опубликованной в газете «Красная звезда», писатель Илья Эренбург объяснил это следующим образом: «все различия между большевиками и беспартийными, между верующими и марксистами были стерты»{506}. Отряд кобы, состоящий из братьев (и сестер), был теперь более многочисленным и открытым, чем раньше.

Сталин понимал, что для народной мобилизации ему необходимо затронуть националистические чувства еще глубже, чем в прошлом. Новый боевой клич звучал «За Родину! За Сталина!». «Врагом» был уже не щеголеватый буржуа в цилиндре, а визжащий немецкий паразит – грызун – дьявол. В 1941 году прекратились гонения на Русскую православную церковь, а в 1943 году Сталин восстановил патриархат в надежде заручиться поддержкой православных Восточной Европы после войны[436]. Старейшее православное духовенство теперь успешно стало частью номенклатуры: троем самым главным сановникам были предоставлены машины с шофером{507}.

Когда немцы ступили на русскую землю, многие люди были готовы объединиться под знаменем коммунизма и встать на защиту своего дома и отечества. Во время войны марксизм-ленинизм приобрел оттенок не только национализма, но и либерализма[437]. Ограничения на личные хозяйства были сняты, крестьянам разрешалось продавать то, что они вырастили, на открытом рынке.

Политика относительно культуры также стала более толерантной: теперь полностью принимался джаз[438], по всей линии фронта разъезжающие оркестры играли американские мелодии{508}. Красная армия вскоре стала напоминать традиционную буржуазную армию, офицерам было предоставлено больше власти. Но самым заметным разрывом связи с революционным коммунизмом стал роспуск Коминтерна в 1943 году. Этот шаг был предпринят для успокоения союзников и доказательства того, что СССР не собирается распространять революцию на Запад. Однако, возможно, на это решение Сталина больше повлиял спад его интереса к международному коммунизму[439].{509} С 1941 года он стал видеть большой потенциал во Всеславянском комитете, приобретавшем все большее влияние в Восточной Европе, которая была центром сталинских послевоенных амбиций.

Более толерантная политика привела к тому, что многие люди, в прошлом отчужденные «классовой борьбой», теперь поддержали режим. Как позже вспоминал известный писатель Виктор Некрасов: «Мы простили Сталину все: коллективизацию, 1937 год, месть своим товарищам... С открытым сердцем мы вступали в партию Ленина и Сталина»{510}. И все же, возвратив многих блудных сыновей назад, в советскую семью, война породила новых «паршивых овец»{511}. Партия по-прежнему требовала идеологического единства. Партийные чистки продолжались. «Враги» теперь чаще выявлялись по этническому, а не по классовому признаку, особенно представители «народов, сотрудничавших с нацистами». Целые народы подлежали депортации: волжские немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, калмыки и карачаевцы. Против других народов применялись менее радикальные меры. От репрессий и чисток серьезно пострадали жители стран Прибалтики и Западной Украины. Чрезмерно жестокое притеснение людей породило глубокую и надолго укоренившуюся ненависть. Именно открытые выступления против советской власти в странах Балтии и в Западной Украине привели к краху СССР в 1991 году[440], а чеченцы и ингуши до сих пор являются постоянным источником беспокойства российских властей.

Мощная реакция, однако, наступила не сразу[441]. Тем временем силы на западе от нацистской Германии – Народные фронты[442] – обеспечили поддержку прокоммунистической политики, которая, в сущности, была более либеральной. Нацизм привел к росту радикализма населения в оккупированных гитлеровцами

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org странах. «Новый порядок» нацистов представлял собой идеологический проект, рассчитанный на далекое будущее. Согласно ему Европа должна была превратиться в империю, основанную на расовом подчинении. Гитлер, следовавший примеру Британской империи, объяснял, что Украина станет для Германии тем же, чем стала Индия для британцев{512}. Немцам во многом помогали коллаборационисты, в основном из консервативно настроенной местной элиты.

Такие обстоятельства (имперский порядок, силой навязываемый народам, опирающийся на помощь коллаборационистов – представителей прежней элиты) были, разумеется, идеальными для коммунистов. Воинственные, хорошо организованные коммунисты эффективно руководили деятельностью партийного подполья[443]. Кроме того, в условиях войны, свободные от влияния Москвы и Коминтерна, местные коммунисты имели возможность менять политику в зависимости от обстоятельств. Коммунисты оказывали самое ожесточенное сопротивление нацизму. В некоторых регионах они были единственной политической силой, способной организовать сопротивление оккупантам. Реакция социалистов на нацистскую оккупацию зависела от обстоятельств: не все социалисты были такими последовательными антифашистами, как коммунисты: датские социалисты сотрудничали с нацистами, большинство французских социалистов поддержали антикоммунизм маршала Петена[444]. Коммунисты стояли во главе сопротивления в тех странах, где они впоследствии стали влиятельной политической силой, особенно в Италии, Франции[445], Греции, Чехословакии, Албании и Югославии.

Однако, несмотря на силу и влияние, коммунистические партии Западной Европы с согласия Москвы оставались частью коалиции Народного фронта: и коммунисты, и правительства Народного фронта должны были выиграть войну, привести народы к миру. Следовательно, им пришлось умерить революционные настроения своих последователей. В 1941 году французская коммунистическая партия организовала серию политических убийств, которая привела к кровавым расправам со стороны немцев и вызвала недовольство местного населения. Вскоре они выбрали менее милитаристскую линию и к 1943 году присоединились к временному правительству де Голля, объединившему все классы, выступавшие против фашистов.

Самым ярким сторонником политики Народного фронта являлся лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти. Он был рассудительным, осторожным политиком, начитанным интеллектуалом с широким кругозором. Все это способствовало тому, что он одинаково успешно управлялся с опасным миром Коминтерна и более свободной Италией, где коммунизм всегда оставался менее влиятельной силой. Тольятти родился в Генуе, в семье государственного служащего. Он был близким другом Грамши и вместе с ним членом радикальной организации «Ордине Нуово» («Новый строй»), образованной после Первой мировой войны{513}. После ареста Грамши он стал лидером итальянской коммунистической партии, продолжая жить в эмиграции в Москве. Вскоре он занял высокий пост в Коминтерне и был его представителем в Испании во время гражданской войны. Сохраняя приверженность сталинскому режиму, он серьезно размышлял о причинах незначительного влияния коммунизма и Коминтерна в Западной Европе. В своих раздумьях он в основном опирался на «Тюремные тетради» Грамши – новый канонический партийный текст, который он единственный видел в Москве после смерти Грамши в 1937 году{514}. Усвоив уроки собственных неудач в 1920-е годы, Грамши утверждал, что коммунистические партии Запада должны отказаться от стратегии большевиков[446], так как исторические и политические обстоятельства слишком разные. Для народа России государство было всем, поэтому здесь большое значение при захвате власти большевиками имела «маневренная война». На Западе же гражданское общество было намного сильнее, революция могла осуществиться лишь в результате длительной «позиционной войны». В ходе этой «войны» коммунисты и рабочий класс были вынуждены захватить не только общественно-политическое, но и культурное лидерство. Тольятти привнес идеи Грамши в программу итальянской компартии, которая в годы Сопротивления пользовалась широкой поддержкой и, следовательно, имела все шансы стать передовой национальной партией. Главной стратегией являлось установление гегемонии (всеобъемлющего, тотального влияния) над всеми сторонами общества – семьей, деревней, работой, искусством, а не только над государством. Тольятти тем не менее был менее радикальным коммунистом, чем Грамши. Грамши никогда не отступал от революционной политики, он не одобрил бы сотрудничества Тольятти с многочисленными буржуазными группами и организациями, включая средний класс и крестьян, а на более высоком политическом уровне даже христианских демократов. Как и французские товарищи, итальянские коммунисты стремились

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org сохранить традиции левого национализма – триколор, Гарибальди, Рисорджименто. Фундаментальные общественные преобразования были отложены на далекое будущее, парламентское правление и капитализм требовалось пока сохранить.

Партия Тольятти являлась не более демократичной, чем партия Тореза, сам Тольятти был почти так же предан Сталину. Однако культура итальянских коммунистов оказалась новой. Если французская партия оставалась сектантской организацией образца 1930-х годов, ориентированной на рабочих, Тольятти, напротив, воспользовался тем, что Муссолини разогнал итальянскую коммунистическую партию. Тольятти возродил ее. Он привел в партию группу коммунистических лидеров, образованных интеллектуалов, которые выросли не в большевистской культуре и придали итальянскому коммунизму оттенок городского движения, современности и космополитизма[515].

Стратегия Тольятти была успешной: она особенно привлекала поколение склонявшихся к левым взглядам интеллектуалов, возмущенных теми, кто сотрудничал с фашистами. Их участие в (Сопrotивлении было значительным, а среди левоцентристов, напротив, образовался вакуум[447]. численность коммунистической партии возросла с 5 тысяч (середина 1943 года) до 1 771 000 человек (конец 1945), большинство новых членов составили рабочие и крестьяне. Кроме того, с партией сотрудничали 5 миллионов членов профсоюзов. Несмотря на это, ей не удалось набрать нужное количество голосов на выборах, поэтому партия так и осталась в оппозиции (в союзе с социалистами)[448].

Другими коммунистами, которые успешно проводили политику Народного фронта, были чешские. Как французские и итальянские коммунисты, чешские представляли собой значительную политическую силу перед войной. Находясь во главе Сопrotивления, они присоединились к некоммунистическому правительству президента Бенеша. Сталин обещал Бенешу поддерживать его на полу премьер-министра после войны, если тот сделает все возможное, чтобы лишить коллаборационистов политической силы.

На рубеже 1944 и 1945 годов Сталин оказывал серьезную поддержку Народным фронтам. Он с большей готовностью, чем в 1930-е годы, принимал сотрудничество коммунистов с буржуазными правительствами, особенно в Италии и во Франции, где коммунисты, как он надеялся, будут противостоять любым попыткам британцев и американцев вмешаться в политику. Он даже согласился с тем, что захват власти коммунистами на Западе будет неумерен еще некоторое время, и настаивал на том, чтобы коммунисты на время оставили угрожающие разговоры о мировой революции, первоочередной задачей Сталина в 1945-м, как и в 1935 году, была безопасность СССР. Несмотря на поражение Германии, он считал, что еще не время успокаиваться. Война серьезно подорвала советскую экономику. Согласно статистике, она потеряла 23% физического капитала[516]. Сталин боялся, что агрессивная Германия снова восстанет из пепла. Однако он столкнулся лицом к лицу с новым соперником, более богатым и намеренным устанавливать послевоенный порядок. Этим соперником были США. В 1945 году, однако, Сталин все еще верил, что некоторое время между Востоком и Западом будет возможен мир и даже сотрудничество.

Возросший за годы войны авторитет СССР укрепился благодаря новым союзам левоцентристских сил в большинстве стран Европы. Правые радикалы были дискредитированы нацизмом, однако уроки были вынесены также из более ранней истории. Причину резкой радикализации политики 1930-х видели в экономике государственного невмешательства 1920-х годов. После войны в качестве более подходящей экономической модели стал рассматриваться рынок, сдерживаемый рациональным регулированием и планированием. Государствам также следовало выделить средства на повышение общественного благосостояния. Такие перемены были на руку коммунистам, сотрудничавшим с умеренными Народными фронтами. На выборах они получили значительное количество голосов даже там, где раньше имели очень слабые позиции: 10,6% в Голландии и 12,5% в Дании.

Коммунисты сохраняли значительное влияние в западноевропейских странах, где во время войны было сильное движение Сопrotивления. Во Франции, Италии и некоторое время в Финляндии коммунисты обошли социалистов и стали главной партией левого блока на несколько десятилетий. К 1946 году французские коммунисты имели 28,6% голосов, итальянские – 19%, союз партий под руководством финских коммунистов – 23,5%. Все три партии входили в послевоенные правительства Народных фронтов[449] и частично способствовали началу демонизации дядюшки Джо (Сталина) на Западе[450].

«Культурное и идеологическое развитие также пошло по другому пути. В 1930-е годы советские граждане имели мало контактов с внешним миром, однако во время и после войны миллионы солдат увидели капиталистический мир собственными глазами. Они были потрясены. Разница в условиях жизни оказалась ошеломляющей. Константин Симонов описывал это открытие как «эмоциональный и психологический шок»{517}. Это могло спровоцировать злобу: проигравшие немцы все же жили лучше, чем победители. Однако потрясенным солдатам открылись все прелести свободной неаскетической жизни[451]. Западные фильмы, изъятые у немцев в качестве репараций или «трофеев», были показаны в СССР. Они демонстрировали западную жизнь, культуру, музыку и моду. Под это влияние, а также под удар партии попала советская молодежь, презрительно называемая партийцами «стилягами»[452].

В 1945–1946 годах казалось, что «второй» Народный фронт будет действовать гораздо успешнее, чем его предшественник. Интересно представить, как выглядела бы Парижская выставка после войны, если бы опустошенная Франция нашла средства и желание организовать подобное мероприятие. Конструкция и оформление павильонов сильно бы отличались от их предшественников 1937 года. Немецкая башня лежала бы в руинах, Италия[453], Франция и Чехословакия возвели бы огромные здания по сравнению с разбросанными по всему городу французскими выставками в духе левых патриотов. Рядом с ними расположился бы обновленный советский павильон. Его вид говорил бы о победе Народного фронта. Однако два других павильона могли бы рассказать совсем другую историю. Прежний павильон Испании, который с поразительной точностью передавал напряженные отношения между левыми радикалами и авторитарным советским коммунизмом, сохранился бы[454], однако его бы превзошел выставочный комплекс нового коммунистического режима Юго-Восточной Европы – Югославии Тито. Кроме того, прежний немецкий павильон заменило бы новое, необъятное здание выставки США – главного соперника СССР. Этот соперник будет действовать намного успешнее нацистов в деле разрушения Народного фронта и уменьшения советского влияния в Западной Европе.

VII

В 1944 году вера Сталина в Народный фронт была настолько сильна, что он отводил этому проекту центральное место в европейской политике. Как и раньше, больше всего Сталин размышлял о безопасности. Он хотел создать буферную зону, которая бы защищала СССР. Продвижение Красной армии в Европу в 1944 и 1945 годах предоставило Сталину такую возможность. Американцы и британцы смирились с тем, что СССР будет иметь определенную сферу влияния в Европе. В октябре 1944 года Черчилль и Сталин подписали тайное соглашение, согласно которому в сферу влияния СССР входили Болгария, Румыния и Венгрия, а в сферу влияния Британии – Греция[455]. С молчаливого согласия Британии под влияние СССР попадала Польша, а политика Франции и Италии – в зависимость от Британии и США. Кроме того, чтобы сохранить хорошие отношения с союзниками, на Ялтинской конференции 1945 года Сталин согласился на проведение свободных выборов в странах, оккупированных войсками Красной армии.

Как же можно было согласовать такие разные договоренности? Сталин полагал, что это можно было сделать путем создания просоветских левых правительств, так называемых народных демократий. Подобно испанскому республиканскому правительству 1936–1939 годов, они должны были представлять собой широкие объединения нефашистских сил, избираемые тайным голосованием. Они не должны пытаться установить радикальный социализм, ограничивая свои функции разделом крупных поместий, при этом контроль над внутренней безопасностью и разведкой осуществлялся бы для подтверждения того, что правительства действуют согласно внешнеполитическим интересам СССР. Сталин был уверен, что Народные фронты Центральной и Восточной Европы под контролем СССР будут действовать более эффективно, чем в Испании. Идея славянского единства примиряла местный национализм с интересами СССР. Так, Советский Союз способствовал образованию однородных этнических государств и репатриации немцев из Чехословакии и Польши. Опыт фашизма также заставил либералов склониться влево. В разговоре с Димитровым на даче в январе 1945 года Сталин говорил: «Кризис капитализма очевиден. Он состоит прежде всего в разделении капиталистов на два блока – фашистский и демократический. Наш союз с капиталистами-демократами появился потому, что вторые также были заинтересованы в предотвращении влияния Гитлера, иначе его жестокий порядок привел бы рабочий класс к крайнему положению и опрокинул бы сам капиталистический порядок»{518}.

На самом деле Сталин верил в долгое существование Народных фронтов или он планировал стремительную советизацию Восточной Европы? Он ожидал, что государства, управляемые Народным фронтом, превратятся из демократических в социалистические. В странах, где находились войска Красной армии, этот процесс, полагал он, должен быть скорее мирный, чем революционный. Коммунистические партии со временем выйдут на передовые позиции, хотя точные сроки оставались неизвестными. Как он говорил Димитрову, болгарским коммунистам необходимо было принять «программу-минимум», которая обеспечила бы «широкую платформу» для поддержки и послужила бы «подходящей маской некоторое время», а позже необходимо было принять «программу-максимум»{519}.

В 1945 году перспективы коммунистов в сфере влияния СССР в Европе казались весьма радужными, особенно в трех странах: Югославии, Чехословакии и Болгарии. Если бы югославские коммунисты организовали выборы[456], возможно, они бы одержали честную победу: по некоторым оценкам, болгарских коммунистов поддерживало от четверти до трети населения (однако коммунисты одержали победу на выборах при помощи устрашения), а в 1946 году чехословацкие коммунисты получили 37,9% голосов (в чешском регионе показатель был даже выше). Даже в странах, где к коммунистам относились не так радушно (например, в Венгрии), позиции их оставались сильными: венгерская компартия получила 17% голосов. После войны, дискредитировавшей фашизм и либеральное попустительство Запада, левое влияние распространилось как в Восточной, так и в Западной континентальной Европе. Кроме того, режимы межвоенного периода в Центральной и Восточной Европе развивались не очень успешно: ни либеральная политика 1920-х, ни экономический национализм 1930-х не позволили региону догнать Запад. Таким образом, уверенность коммунистов в собственном политическом курсе, планировании и благополучии казалась очень привлекательной.

«Взращивание» прокоммунистических Народных фронтов на восточноевропейской почве протекало в условиях серьезных препятствий. Перед 1945 годом большинство этих стран с серьезным недоверием относились к СССР: Румыния, Венгрия и Болгария приняли во время войны сторону Германии, длительные напряженные отношения с Россией были у Польши.

Однако везде правоцентристские партии неохотно сотрудничали с коммунистами. Местные коммунисты, со своей стороны, никак не способствовали укреплению сотрудничества, так как вовсе не желали делить власть с кем-либо. Немецкий коммунист Герхард Дйслер, например, заметил о демократии: «Свободные выборы? Чтобы немцы снова имели возможность выбрать Гитлера?»{520} Местные коммунисты часто рассматривали Народный фронт как короткий переходный период на пути к неминувому социализму и, разумеется, прилагали все усилия, чтобы убедить СССР в преимуществах чисто коммунистического правления.

Тем не менее большая ответственность за неудачу Народного фронта лежала на самом Советском Союзе. Как и в 1930-е годы, его агрессивная настойчивость в доказательстве собственного приоритета превратила многих потенциальных союзников во врагов. Во-первых, многие страны[457] отрицательно отнеслись к решению СССР заставить Германию вместо репараций демонтировать заводы в восточном секторе и перенести их на территорию СССР. На немецкой территории, оккупированной СССР, советская администрация больше беспокоилась о том, как использовать экономику в своих целях, а не о том, как привлечь на свою сторону немецкое население. Известен случай, когда солдаты Красной армии, прервав цирковое представление, вывели из зрительного зала рабочих, которые были обязаны демонтировать немецкий завод, предназначенный для отправки в СССР{521}. Кроме того, безнаказанное насилие, совершаемое советскими солдатами над местным населением[458], усилило ненависть по отношению к советским оккупантам, особенно в Германии. В то же время (как это прежде происходило в Испании) службы безопасности под контролем коммунистов устраивали чистки не только среди коллаборационистов, но (все чаще) среди любых своих оппонентов[459].

Русские отдалили от себя даже близких друзей. Советский произвол раздражал Якуба Бермана, лидера польских коммунистов, который был одним из инструкторов Вольфганга Леонгарда в школе Коминтерна во время войны. Однако он пытался объяснить свою раздражительность скептически настроенному интервьюеру в начале 1980-х: «СССР совершал все это, давал нам советы, вовсе не заботясь о нас; они хотели, чтобы революция в Польше протекала по

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org знакомой им схеме, по самой лучшей схеме, с их точки зрения, потому что эта схема привела к победе. И все же они не смогли избавиться от влияния собственной ментальности и попытаться понять ментальность других. Я глубоко в этом убежден, и я желаю вам понять их образ мыслей. Я знаю, что это нелегко...»{522}

Другие коммунисты, менее склонные к аналитике, видели в русских настоящих империалистов. Реакцию русских, вызванную жалобами на поведение представителей Красной армии, Милован Джилас, один из лидеров югославских коммунистов, назвал «высокомерием и отпором, характерным для большого государства по отношению к маленькой стране, сильного по отношению к слабому»{523}.

В 1945 году все еще трудно было сказать, что Народные фронты просуществуют недолго. Развитие их политики зависело от конкретных местных обстоятельств. Например, еще до окончания войны стало понятно, что Сталин планировал распространять серьезное влияние коммунистов на Польшу. Не доверяя польскому правительству, управляемому Лондоном, он дал распоряжение учредить новое правительство в Люблине[460]. Эту задачу при помощи Красной армии выполнили польские коммунисты, подчинявшиеся Москве. Новое правительство было признано Советским Союзом. Впоследствии Советы систематически подавляли любые проявления сопротивления коммунизму{524}. И все же коммунистический контроль еще не означал тотального насаждения советской системы – планов, коллективизации, ликвидации всех независимых организаций. В большинстве стран Центральной и Восточной Европы ничего такого не наблюдалось до 1947–1949 годов.

Подобным образом решительное вмешательство Красной армии препятствовало созданию влиятельного Народного фронта в Восточной Германии. Коммунисты под руководством Вальтера Ульбрихта среди прочих были присланы из гостиницы «Люкс»[461]. Им было поручено наладить сотрудничество с Социал-демократической партией (СДПГ). Однако главной силой в оккупированной Советами зоне оставалась армия. Поскольку возрожденная Коммунистическая партия Германии не смогла организовать собственную работу, русские настояли на «соединении» двух партий и создали Социалистическую Единую партию (СЕПГ)[462]. Русские управляли регионом через местных коммунистов, которых все считали марионетками в руках СССР.

В Румынии СССР большие надежды возлагал на собственную умеренную социальную политику и готовность сотрудничать с элитами, незапятнанными профашистскими взглядами. Так СССР стремился заручиться поддержкой местного населения. Либералы, социалисты и представители политической элиты сопротивлялись требованиям СССР и неохотно сотрудничали с коммунистами, которые хотели немедленно взяться за радикальное перераспределение земли. Народный фронт в Румынии не действовал[463]. Каждая партия старалась заручиться поддержкой великой державы: коммунисты докладывали Советам, что Запад пытается влиять на Румынию через либералов и игнорирует ялтинские соглашения, а либералы утверждали, что Советы пытаются насадить коммунизм в Румынии. В феврале 1945 года переговоры были прекращены. Советский эмиссар, бывший обвинитель на сталинских показательных процессах Андрей Вышинский яростно потребовал от короля Михая учредить прокоммунистическое правительство. Покидая встречу, он так сильно хлопнул дверью, что на стене треснула штукатурка{525}.

Гораздо тверже стояли на ногах Народные фронты Венгрии и Чехословакии. Венгерские коммунисты, входившие в левое правительство, были националистами и не требовали радикальных перемен в обществе[464]. Коммунисты Чехословакии пользовались самым большим влиянием в регионе. Предательство Чехословакии и Западом в Мюнхене, а также победа Красной армии над нацистами казались чехам достаточными причинами для того, чтобы поддержать новый социалистический курс. После империалистического расизма нацистов сталинский славянский националистический проект также пользовался большой поддержкой{526}. Зденек Млынарж, объясняя, почему в 1946 году в возрасте 16 лет он стал коммунистом, писал: «Во время немецкой оккупации... я жил в стране бессознательного страха. Как чех я осознавал, что нацисты считают мой народ низшей расой, и если Гитлер одержит победу, меня постигнет участь моих одноклассников-евреев... Главным победителем был Сталин; в Советском Союзе у власти были коммунисты... В то время я автоматически стал думать, что советская система лучше, справедливее, сильнее, чем та, в которой я жил до того момента. У меня было смутное представление (и тем не менее я не мог от него избавиться) о том, что, вероятнее всего, эта система и есть прототип

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org общества будущего»{527}.

Политика Народного фронта, осаждаемого слева и справа, лишилась сторонников. Рабочие и обедневшие крестьяне ждали более радикальных перемен, а большинство населения опасалось перераспределений, к которым стремились коммунисты. Неудивительно, что консервативная партия мелких землевладельцев победила на выборах в Венгрии в 1945 году, заручившись поддержкой 57% голосовавших, при этом коммунисты получили только 17% голосов{528}. Чешские коммунисты также утратили популярность[465]. Вскоре СССР и его коммунистическим союзникам стало ясно, что удержать власть Народного фронта помогут только фальсифицированные результаты выборов и устрашение[466].

Таким образом, основная угроза правительствам Народного фронта в странах Центральной и Восточной Европы исходила от центристов и правых (как, впрочем, и в Западной Европе). Последствия войны 1939–1945 годов сильно отличались от результатов войны 1914–1918 годов. В Первую мировую войну огромные армии формировались на основе мобилизованных рабочих и крестьян, которые после окончания военных действий потребовали компенсации. Во время нацистской оккупации организации рабочего класса, ослабленные Великой депрессией и действиями правых режимов, были окончательно раздавлены[467]. Если Первая мировая война дискредитировала аристократическую элиту, не сумевшую защитить свои народы, то Вторая мировая война наделила местную элиту новой ролью – ролью защитников своего народа, способных сформировать новую группу чиновников и бюрократов{529}. Возможно, самым важным является тот факт, что насилие, охватившее гражданских и военных, было продемонстрировано наиболее ярко за время социального конфликта, продолжавшегося с 1918 года. Многие хотели мира, спокойной личной жизни; вероятно, люди не были против планирования и экономического благополучия, но они точно не стремились к радикальным преобразованиям общества. Такие политические фигуры, как Тольятти и Торез, понимали это и были намерены сохранить политический мир с либералами.

Народному фронту был брошен еще один вызов – со стороны радикальной формы коммунизма, укрепившейся в основном в Южной и Юго-Восточной Европе. Здесь коммунисты вели партизанскую войну против нацистов. Они привлекли на свою сторону крестьян, требовавших перераспределения земельной собственности, и настаивали на радикальной социальной революции. Обстоятельства, как нигде в Европе, напоминали ситуацию на Западе в 1917–1919 годах: прежняя элита серьезно дискредитирована, только коммунисты сохраняют незапятнанную репутацию. Этот мир приветствовал не победителей «позиционной войны», как Тольятти, а милитаристов в духе Бела Куна. В Греции коммунисты создали мощную организацию сопротивления ЭАМ-ЭЛАС, которая не могла прийти к компромиссу с монархическим движением, поддерживаемым Британией. Конфликт привел к ожесточенной гражданской войне. Сталин отказал коммунистам Греции в поддержке, придерживаясь соглашений. Война в Греции продолжалась до 1949 года.

В Болгарии коммунистам сопутствовал большой успех. Хотя партия была не такой многочисленной, как в Греции, коммунисты принимали активное участие в Сопротивлении. Сталин попытался убедить болгарских коммунистов принять в Народный фронт их соперников-аграриев. Они пошли на это с неохотой, решительно стараясь сокрушить оппонентов и прийти к единоличной власти{530}. Действия болгарских коммунистов были ограничены находившимися в Болгарии войсками Красной армии. Югославские коммунисты под руководством Тито, напротив, сами освободили страну и оказались достаточно сильны, чтобы пустить под откос Народный фронт. Они также имели твердое намерение[468] бросить вызов Сталину и его нереволюционной, но достаточно властной модели коммунизма.

Друг Тито, ставший после врагом, Милован Джилас начал свою книгу о Тито словами: «Тито был рожден революционером»{531}. Тито появился на свет в семье уважаемых, хотя и живших в долг, хорватских крестьян и всегда гордился тем, что в истории его народа и сословия было восстание против венгерского дворянства{532}. Харизматичный человек, он обладал гибким умом и утонченным стилем. В детстве он мечтал стать портным, однако был подмастерьем у слесаря. В молодости он объездил всю Европу в поисках работы и наконец нашел место на заводе «Даймлер-Бенц» на юге Вены. Здесь в результате несчастного случая он повредил палец – это увечье стало знаком его принадлежности к рабочему классу. Именно Первая мировая война и революция большевиков обусловили его радикальные взгляды, как и взгляды

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org многих коммунистов его поколения. Как и Бела Кун, он был мобилизован в армию Австро-Венгрии, взят в плен русскими и во время революции примкнул к красногвардейцам. Затем он вернулся в Югославию, где стал членом Коммунистической партии. Он был заключен в тюрьму в 1928 году, где подвергался пыткам. После освобождения Тито стал главным организатором Коминтерна на Балканах. Некоторое время он провел в Москве. Тито жил в гостинице «Люкс», преподавал в Ленинской школе основы профсоюзного движения. Одной из его задач была переброска (разумеется, незаконная) воинов-добровольцев в Испанию. Его опорный пункт находился в Париже. Добровольцам выдавали визы под предлогом посещения Парижской выставки 1937 года, после этого переправить их в Испанию не составляло никакого труда. В 1937 году он извлек выгоду из сталинских чисток Коминтерна: Тито был назначен главой Коммунистической партии Югославии. В этой должности он руководил Соппротивлением фашистской Германии.

Согласно Джиласу, которого нельзя назвать сторонним наблюдателем, Тито «не обладал никакими особыми талантами, кроме одного – таланта политика»{533}. Однако Джилас был готов признать, что единственный талант Тито оказался очень ярким. Тито не был мыслителем. Несмотря на то что в тюрьме и в московской школе Коминтерна он познакомился с основными трудами Маркса, он слабо разбирался в идеологии и стеснялся низкого уровня образования. Он также не был хорошим оратором. Его сила заключалась в твердой вере в себя, энергии и харизме. Он был всецело предан делу коммунизма, отчасти по тому, что стоял у истоков культуры Коминтерна. По воспоминаниям Джиласа, не лишены снисходительного тона, его «речь изобиловала клише, а также идеями, заимствованными из марксизма и народной мудрости»{534}. Тито видел в коммунизм идеальную систему для целеустремленных людей: он помогал совершенствоваться людям невысокого социального статуса, каким был он сам. «В той роли, которую сыграл рабочий класс в истории коммунизма и всего мира, Тито видел свою личную самоотверженную роль... Когда бы он ни произносил слова “рабочий класс”, “рабочие”, “рабочий народ”, казалось, что он говорит о себе самом – о целеустремленности низших слоев общества, об их стремлении к управлению и власти, вызывающих неописуемый восторг»{535}.

Самоуверенность и политический талант Тито помогли ему создать независимый от СССР коммунистический режим. В отличие от других сил сопротивления, коммунисты делали акцент на идее многонационального мирного государства – идее, которая оказалась очень влиятельной, особенно после жестоких конфликтов между сербами и хорватами во время войны. В 1945 году Тито поддержали Черчилль и Сталин, что говорило о признании на мировом уровне. Тот факт, что он пришел к власти с помощью югославских, а не советских коммунистов, позволил ему взять курс на независимую, более радикальную политическую линию в отличие от других восточноевропейских режимов. Народные фронты Югославии и соседней Албании с самого начала были марионетками. Они были обречены на провал, несмотря на усилия Сталина расширить их. Тито развернул широкую кампанию преследования оппозиционных сил, взял курс на амбициозное сталинское планирование и радикальные реформы села. Он также поддержал коммунистов Греции.

Напряженные отношения между СССР и Югославией были частично обусловлены столкновением политических культур – культуры молодого коммунизма на радикальной пуританской стадии и культуры зрелого, более толерантного коммунизма, готового к компромиссам с широкими массами населения, различия между двумя культурами ярко проявились во время года, устроенного маршалом Коневым для югославских коммунистов, прибывших на Украинский фронт. Джилас рассказывает, советские офицеры на встрече объедались икрой, жареной свиной и «пышными» пирогами и запивали все это большим количеством водки. Югославы «казалось, подвергались тяжелому испытанию: они были вынуждены пить наравне с советскими офицерами, несмотря на то что это шло вразрез с коммунистической моралью»{536}. Сталин все же надеялся, что идея славянского единства привлечет югославов в советский лагерь. Он однажды сказал Джиласу: «Ей-богу, в этом нет сомнения, ведь мы такие же люди»{537}.

Сталин был озабочен не столько радикальной политикой Тито в Югославии, сколько угрозой мировому господству СССР. Поддержка югославами греков ставила под вопрос соглашения с Черчиллем и могла стать поводом для вторжения союзников в Болгарию и Румынию. Сталина также раздражали расширявшиеся интересы югославов на Балканах: вмешательство Тито в политику Албании, подписание договора с Болгарией в 1947 году без согласия Москвы, предъявление претензий на некоторые земли Италии и Австрии. В начале 1948 года Сталин провел несколько встреч с югославами, не предвещавших для тех

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org ничего хорошего. В одном из писем, переданных советским послом, югославов открыто предупреждали: «Мы полагаем, пример политической карьеры Троцкого весьма поучителен».{538} Тито не поддавался запугиваниям Советов, и в результате югославы были исключены из Коминформа (организации, сменившей Коминтерн)[469] 28 июня, в годовщину убийства в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда. Ни одной стороне не нужен был разрыв отношений. Для Тито это был «тяжелый психологический удар», который, как он считал, стал причиной обострения болезни желчного пузыря, мучившей его до конца жизни{539}. Разрыв отношений с югославами способствовал снижению авторитета Сталина в Центральной и Восточной Европе после беспрецедентного случая: коммунистический лидер посмел противостоять Москве и при этом выжил.

Ситуация в Греции и Югославии не представляла собой угрозы Народному фронту. На юге Европы были другие места распространения радикального коммунизма: меньшинство итальянских коммунистов отличалось серьезным левым уклоном. Партии Западной Европы склонялись к умеренным взглядам, однако радикализм левого крыла породил опасения того, что умеренность Народных фронтов Запада была лишь профанацией. Эти опасения стали основным фактором перехода от шаткого мира к холодной войне. Народный фронт прекратил свое существование[470].

VIII

Споры о причинах холодной войны, эпохального противостояния либерализма и коммунизма, ведутся до сих пор. Эта книга мало подходит для их детального обсуждения. Запад традиционно обвинял во всем коммунизм и лично Сталина, которым двигало стремление к мировому господству; «ревизионизм» 1960-х предъявил обвинения капитализму, жадно захватывающему мировой рынок. Тем не менее ни одна точка зрения не объясняет всю сложность данного явления{540}. Никто не хотел новых конфликтов, однако, учитывая недоверие, возникшее между СССР и Западом еще во время войны, неудивительно, что коалиция распалась. Главную роль в этом сыграло все же непоследовательное поведение Сталина: при том что он надеялся на продолжительный мир с Западом, он никогда не отказывался от мысли, подпитываемой идеологическими рассуждениями, что капитализм и социализм находятся в постоянном конфликте и что социализм в конце концов одержит победу. Сталин также 'Искал любую возможность расширения сферы своего влияния{541}. Со своей стороны американцы и британцы своими действиями читали подозрительного Сталина.

Сталин, одной из навязчивых идей которого была незащищенность советских границ, прежде всего стремился распространить влияние на соседние с СССР государства. На западе должен был вырасти фронт из «дружественных» восточноевропейских государств, включая, как надеялся Сталин, просоветскую объединенную Германию[471]. На востоке СССР вернул территории Маньчжурии и Курильских островов, ранее завоеванные Японией[472]. На юге было возможно присоединение Северного Ирана, распространение влияния в Турции и Босфоре, господство над бывшими итальянскими колониями в Северной Африке. Такова была программа-максимум. Сталин понимал, что без борьбы ее не удастся осуществить, и все же он надеялся, что многие вопросы можно будет уладить соглашениями с союзниками{542}. В сферу влияния США отойдет все западное полушарие и острова Тихого океана, а Великобритания и СССР достигнут соглашения по поводу «мирного разделения Европы на зоны безопасности согласно принципу географической близости»{543}.

Силы и амбиции США были гораздо большими. Американцам казалось важно не допустить повторения кризиса 1930-х годов и не позволить какой-либо одной силе контролировать всю Евразию. Как показала война, изоляция и невмешательство Штатов позволили врагам мобилизовать все ресурсы и своей мощью угрожать США. По всему миру началось строительство разветвленной сети военных баз. Америка к тому же продемонстрировала технологическое и военное превосходство, применив атомные бомбы. США были готовы признать советское господство только над оккупированными Красной армией территориями в Восточной Европе, но не более того. Если бы СССР установил контроль над Западной Европой и Японией, он смог бы рано или поздно бросить вызов Америке, как и нацисты, бросившие вызов всему миру{544}.

Конфликты, возникавшие на протяжении всего 1945 года вокруг территориальных требований СССР, обострили отношения между США и Советским Союзом. Тем не менее споры по поводу геополитических интересов не всегда были неразрешимыми. На первый взгляд неофициальный раздел Европы в 1945 году мог бы устроить все стороны. Некоторые требования Сталина были выполнены,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org некоторые нет. Все шире распространялось мнение о Сталине, высказанное Гарри Трумэном в Потсдаме: «Сталин мне нравится. Он человек прямолинейный. Знает, чего хочет, и умеет идти на компромисс тогда, когда не может достичь желаемого»{545}. Сталин в самом деле был готов на уступки. Он, например, вывел войска из Маньчжурии и Чехословакии[473].

В 1946 году отношения резко ухудшились во многом из-за непоследовательности Сталина, его оппортунизма и балансирования на грани войны{546}. Пытаясь распространить советское влияние в Иране и Турции, он спровоцировал подозрения о скрытых мотивах своих действий. Его намерения и действия было трудно предугадать. Осознание того, что США не окажут никакой поддержки СССР, не изменив политическую ситуацию в свою пользу, также способствовало конфронтации. Однако важной силой, повлиявшей на перемену в отношениях, являлась также идеологическая природа конфликта, одержимость обеих сторон тем, что было принято называть «идеологической безопасностью», – одержимость, не позволявшая достичь мира.

Как было показано выше, этот вопрос занимал мысли Сталина Долгие годы. Особенно он начал его беспокоить после войны, так как ослабление идеологического давления после многочисленных контактов с Западом породило надежду на дальнейшую либерализацию как награду за кровь, пролитую на войне. Сталин никогда бы не пошел на это, тем более теперь, когда над ним нависла угроза войны с США. Либерализация означала распространение западного влияния в СССР, принять вызов Запада мог только сплоченный единой идеологией народ. В речи, произнесенной 9 февраля 1946 года, Сталин предупредил о возможности новой борьбы. Это была речь в свою защиту, обращенная к собственному народу{547}. Однако американцы трактовали ее как признак проявления агрессии. Это, в свою очередь, спровоцировало беспокоество относительно советской провокации, а также внутренней стабильности США. Заместитель главы дипломатической миссии США в СССР Джордж Кеннан меньше чем через две недели после выступления Сталина послал правительству США известную «длинную телеграмму», в которой утверждал, что Сталин планирует «свернуть» американское влияние на Западе путем распространения коммунизма. Кеннан считал, что Сталин был одержим не идеологией, а обеспечением безопасности; у него имелась «маниакальная точка зрения на международные отношения», корни которой уходили в «традиционное и инстинктивное» для России чувство незащищенности, усиленное коммунистической идеологией и «атмосферой секретности и конспирации». Сталинское правительство готовилось развернуть длительную кампанию, направленную на дестабилизацию Запада. Главным его оружием была сеть агентов и помощников в западных коммунистических партиях: «Будут предприняты попытки к подрыву национальной уверенности, ослаблению национальной обороны, усилению социальной и политической нестабильности, стимулированию всевозможных форм разобщенности... бедные восстанут против богатых, чернокожие против белых, молодые против стариков, приезжие против коренных жителей и т. д.»{548}. Америка должна была «удержать» советскую мощь в ее нынешних границах, при этом сохранив идеологическое единство и уверенность в собственной силе.

Анализируя намерения Сталина начала 1946 года, Кеннан преувеличил амбиции Москвы относительно Западной Европы. Как Сталин, так и коммунистические партии Запада оставались приверженцами Народных фронтов, несмотря на осложнившиеся отношения. Советские власти не поддержали выступления радикалов в Греции, претензии Югославии также были им неприятны. Обеспокоенность Штатов можно было понять: с их точки зрения, коммунизм шествовал по миру, распространившись в Европе и Азии. Возможно, в Восточной Европе уже ничего нельзя было изменить, но сферы влияния СССР требовалось ограничить. Так как Западная Европа переживала глубокий экономический кризис после войны, администрация Трумэна все больше беспокоил вопрос идеологической безопасности{549}. В 1946/47 году Европа пережила трудную (но не катастрофическую) зиму. Американские чиновники предупреждали: если США не окажет Европе помощь, этим воспользуются коммунисты. Согласно представителям новой организации – Центрального разведывательного управления (ЦРУ), основанного в сентябре 1947 года, – «самая большая потенциальная угроза безопасности США» состоит в «возможности экономического кризиса в Западной Европе и последующего прихода к власти элементов, подчиняющихся Кремлю»{550}. Позиции коммунистов были особенно сильны в Италии. После того как они оказались у власти, появилось опасение, что они будут использовать беспринципную тактику устрашения, которую уже применили в странах Восточной Европы. То, чего Советы не добились силой и оружием, можно было получить путем обмана и запугивания.

Новое отношение США к СССР только усилило неуступчивость и жесткую политическую линию советского руководства, в том числе самого Сталина[474].{551} Их подозрения, казалось, оправдались, когда Трумэн в начале 1947 года бросил вызов коммунизму в регионах западного влияния, а также на радикальном юге, где дело дошло до вооруженного конфликта[475]. Греция и Турция обратились за помощью в Конгресс США. «Доктрина Трумэна» гарантировала поддержку всем «свободным народам» мира, «оказывающим сопротивление вооруженным формированиям меньшинства или внешним агрессорам, пытающимся их подчинить»{552}. В 1948 году были также созданы планы в случае победы на выборах Народного фронта провести военное вторжение в Италию, оккупацию Сицилии и Сардинии и поддержать тайные военизированные организации{553}. И все же американцы больше полагались на пряник, чем на кнут. В 1946 году сам Кеннан называл коммунизм «болезнетворным паразитом, который питается только пораженными тканями», и справиться с ним помогут «смелые и четкие меры по решению внутренних проблем»{554}. Этот принцип был положен в основу «Программы восстановления Европы», более известной под названием плана Маршалла, осуществление которого началось в июне 1947 года.

Разработчики плана Маршалла учли проблемы рынка, основанного на свободной конкуренции, возникшие в 1920-е годы, а также политики националистического протекционизма 1930-х. Чтобы не допустить прихода к власти новых нацистов, по мнению Вашингтона, необходимо было стремиться к международному сотрудничеству и свободной торговле. Кроме того, США с их растущим благосостоянием нуждались в новом европейском рынке, особенно немецком. Таким образом, чтобы поднять уровень немецкой и в целом европейской экономики, следовало оказать ей значительную помощь, препятствуя протекционизму. В то же время теоретики плана Маршалла использовали некоторые экономические принципы левых. Они считали, что свободный капиталистический рынок только будет способствовать росту популярности коммунизма среди рабочих. Рабочий класс, маргинальный и незащищенный в 1920-е годы, необходимо было включить в политическую систему и обеспечить более высокий уровень жизни для его представителей. Окончательной целью Маршалла и его соратников была функциональная рыночная экономика, создать которую, по их убеждениям, возможно только с помощью государственного регулирования и рационального использования труда и капитала. Таким образом, к планированию привлекались профсоюзы и наниматели. Создатели плана были уверены, что преодолеть прежние конфликты можно будет только тогда, когда труд и капитал станут работать на повышение уровня жизни всего населения{555}.

План Маршалла был одним из шагов на пути к регулируемой справедливой экономической системе. Трумэн решительно претворял в жизнь политику «Нового курса»[476], которая способствовала росту благосостояния населения и военной мощи США. В результате на международной арене появилось новое «государство военного благосостояния»{556}. Державные принципы действовали и на международном уровне: они нашли отражение в новой финансовой системе, установленной после Бреттон-Вудской конференции в 1944 году. Были предприняты усилия по возвращению к системе глобального рынка образца довоенной (до 1914 года) эпохи, однако при отсутствии нерегулируемого капитализма и дискредитировавшего себя золотого стандарта, который накладывал большие ограничения на уровень доходов и экономического роста в 1920-е годы. Американцы управляли системой торговых расчетов, в центре которой находился доллар. С целью помочь государствам в преодолении временных финансовых трудностей была образована новая организация – Международный валютный фонд (МВФ). В то время он представлял собой хорошо контролируемую систему, где главную роль играли не частные банки, а государства. Фонд особенно успешно выполнил функцию восстановления экономических систем Запада и Японии. В основе образования и функционирования МВФ лежала скрытая сделка: США сохраняли сильных союзников в случае войны против коммунизма, однако платили 3ft это тем, что помогали этим союзникам поднимать промышленность и способствовали их конкурентоспособности на мировом рынке. В перспективе соперники США, особенно их бывшие враги Германия и Япония, получили бы большие экономические выгоды за счет сверхдержавы. Сразу после войны Америка как самая богатая страна в мире могла позволить себе такой курс. Она строила так называемый свободный мир, собирала вокруг себя союзников, сильных и богатых, которые были бы способны дать отпор коммунизму.

План Маршалла имел для экономики не такое большое значение, какое придавали ему разработчики, а экономический кризис в Европе вовсе не был катастрофой,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org как полагают американцы. План наделил США огромным политическим влиянием. Он заставил Западную Европу сделать окончательный выбор между капитализмом и коммунизмом. Он также показал, насколько капитализм изменился: теперь он подразумевал серьезные уступки рабочему классу с целью покончить с европейским социальным конфликтом. Либералы теперь выглядели весьма привлекательной альтернативой Народному фронту: они создали коалицию, включавшую социалистов-реформистов. Разумеется, коммунистам в ней места не нашлось.

План Маршалла заставил всех коммунистов, включая СССР, занять оборонительную позицию. Они понимали, что план будет пользоваться огромной популярностью, однако он подразумевал множество дополнительных условий. Москва сразу разглядела в нем механизм, который перевел бы страны Центральной и Восточной Европы в сферу экономического влияния США. Американцы открыто предлагали принять план всем желающим, включая русских и восточноевропейские народы. Сначала Молотов планировал нейтрализовать план Маршалла, перехватив контроль над его выполнением у американцев. Когда стало понятно, что это сделать не удастся, Молотов и Сталин пришли к выводу, что Америка намеревалась нейтрализовать советское влияние в буферных государствах{557}. Восторженное присоединение к плану Маршалла Народного фронта Чехословакии[477] только укрепило уверенность Сталина в том, что он был разработан с одной целью: вывести страны Восточной Европы из коммунистического лагеря. Премьер-министра Чехословакии, коммуниста Клемента Готвальда вызвали в Москву и на повышенных тонах объяснили, что он обязан отказаться от плана Маршалла, как и все остальные коммунистические партии и другие страны, находившиеся под контролем СССР (кроме разделенной Австрии).

Сталин понимал значение плана Маршалла. Он был уверен, что возникновение двух противостоящих блоков неизбежно{558}. Он пришел к выводу, что Америка пытается возродить промышленную мощь Германии и создать на ее основе антисоветскую коалицию в Европе. Он решил, что безопасность СССР требовала «советизации» Центральной и Восточной Европы. Он развязал руки местным коммунистам. Народные фронты были уничтожены один за другим[478]. Наиболее драматично этот процесс протекал в Чехии, где в феврале 1948 года произошел государственный переворот. Готвальд заставил Бенеша принять коммунистическое правительство. Местные коммунисты без угрызений совести нарушали принципы демократии. Спустя десятилетия Якуб Берман оправдывал антидемократические действия коммунистов, когда им самим бросил вызов польский профсоюз «Солидарность»[479]: «Вы также можете обвинять нас в том, что мы были в меньшинстве. Да, мы были в меньшинстве. И что?.. Это ничего не значит! Чему нас учит развитие человечества? Оно учит нас, что именно передовое меньшинство всегда спасало большинство, иногда против воли этого большинства... Давайте открыто признаем: кто организовал восстание в Польше? Горстка людей. Именно так создается история»{559}.

Берман ясно дает понять, что многие сталинские лидеры по-настоящему верили в то, что советская система была лучшей системой для их стран. Они стремились к быстрому переходу к социализму. Большинство новых коммунистических лидеров, «малых Сталиных» нового порядка, провели немало времени в гостинице «Люкс» и других учреждениях Коминтерна: польский лидер Болеслав Берут, чех Клемент Готвальд, венгр Матиаш Ракоши и болгарин Вылко Червенков, муж сестры Г. Димитрова, – все они долго пребывали в Москве. Только двое лидеров были «местного разлива»: румын Георге Георгиу-Деж, железнодорожный электрик, который некоторое время участвовал в управлении партией даже из тюремной камеры, и просоветский албанский политик Энвер Ходжа, учитель, получивший образование в университете Монпелье, лишившийся работы после оккупации Албании итальянцами и открывший табачную лавку. В октябре 1949 года к этой группе коммунистических лидеров присоединился Вальтер Ульбрихт, еще один обитатель гостиницы «Люкс», возглавивший новое государство – Германскую Демократическую Республику (ГДР)[480]. Германия и Австрия после войны были разделены на оккупационные зоны. США, Великобритания и Франция ускорили формальное разделение Германии в июне 1948 года, объявив о намерении создать из подконтрольных им зон отдельное западногерманское государство со своей денежной единицей[481]. Сталин ответил разделением Берлина, который, находясь в советской оккупационной зоне, оставался городом общей администрации. Он надеялся, что этот шаг заставит союзников изменить свое решение. С этого времени и до следующего мая союзники организовали массовые поставки продовольствия голодающим жителям Западного Берлина. Сталин не был готов к новой войне, его тактика запугивания была обречена на неудачу. Германия, которая в 1920-е годы была

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
центром классовой борьбы, в 1940-е превратилась в арену борьбы между двумя системами.

Сталин был настроен на мобилизацию всех ресурсов своей новой империи, чтобы противостоять угрожающему Западу. Экономике стран Центральной и Восточной Европы необходимо было перестроить по советскому образцу экономики 1920-х и 1930-х годов. В сельском хозяйстве планировалось провести коллективизацию. Требовалось отстроить тяжелую промышленность и при этом урезать расходы. С умеренной политикой Народного фронта было покончено. Правительства всех государств, контролируемых СССР, приняли пятилетний план в 1949–1950 годах. Как и в СССР, политика подразумевала «классовую борьбу» против кулаков и буржуазии.

Крах правительств Народного фронта и создание коммунистической империи в Центральной и Восточной Европе были подтверждены учредительной конференцией Коминформа, прошедшей в сентябре 1947 года в польском городке Шклярска Поремба. Коминформ задумывался не как последователь Коминтерна, не как организация, ответственная за распространение мировой революции, а как бюро обмена информацией между коммунистическими партиями. В новую организацию вошли только партии Восточной Европы, а также некоторые стратегически важные западноевропейские партии, которые были обязаны действовать в интересах советской внешней политики{560}. Сталин был убежден, что необходимо положить конец относительно свободному режиму контроля над европейскими коммунистами. Он понимал, что его требования вызовут недовольство представителей национальных партий, поэтому держал в секрете истинную цель конференции. Польский лидер Владислав Гомулка открыто выказал недовольство, однако это ни к чему не привело[482]. Деятельность партий подлежала более строгому контролю и должна была быть направлена на снятие американской угрозы. Народный фронт стал историей, его место заняла новая доктрина идеологической борьбы между «двумя лагерями»: капиталистическим и социалистическим{561}.

На Востоке план Маршалла нанес ущерб коммунистам, однако они могли положиться на поддержку сверхдержавы СССР и сохранить свою силу. Коммунисты Запада должны были действовать в крайне неблагоприятных для них обстоятельствах. Несмотря на то что коммунистические партии Франции и Италии сохраняли значительное политическое влияние в 1946-м и в начале 1947 года, первые же конфликты холодной войны ослабили их позиции. В мае 1947 года коммунисты были вынуждены покинуть коалиционные правительства. Коминформ навязывал им более жесткий курс, согласно которому партии отвечали не за подготовку революции, а уже за формирование общественного мнения против американского господства{562}. В 1947 году Сталин призвал европейских коммунистов к организации забастовок, в следующем году им было приказано сформировать «мирные» коалиции противников США. Новый курс, без сомнений, нанес большой ущерб коммунистическим партиям. Руководство Итальянской компартии, которая успешно участвовала в выборах 1948 года, надеялось, что СССР отнесется к плану Маршалла лояльнее или предложит свою помощь{563}. Советские власти проигнорировали эти надежды. Итальянцы понимали, что план Маршалла и американская поддержка станут ключевыми идеями предвыборной кампании христианских демократов. Сам генерал Маршалл грозился прекратить всякую помощь, если победу на выборах одержат коммунисты, а католическая церковь призывала американцев итальянского происхождения в письмах на родину – близким родственникам и даже незнакомым людям – предупреждать об угрозе коммунизма. Более миллиона таких писем было отправлено в Италию. Пражское выступление окончательно отстранило электорат от коммунистов, христианские демократы одержали сокрушительную победу над левым блоком. Коммунистическая партия Италии все еще оставалась самой многочисленной партией левого толка[483], однако ее представители, как и французские коммунисты, были отстранены от управления страной на многие десятилетия. Последней в 1948 году покинула национальное правительство финская компартия.

IX

1 мая 1950 года группа людей, замаскированных под военных, с повязками, на которых были изображены красные звезды, захватила контроль над фабричным городком Мосини в штате Висконсин. Они заблокировали дороги и арестовали мэра Ральфа Кроненветтера, вытащив его из кровати, сонного, одетого в пижаму в горошек. Мэр признал свое поражение. Выступая с наскаро сооруженной сцены, украшенной лозунгом «Государство должно преобладать над личностью», на только что переименованной «Красной площади», он призвал

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org горожан подчиниться новому режиму. Организатор переворота комиссар Корнфельдер объявил город Мосину частью ССША – Соединенных советских штатов Америки – и выпустил декрет о национализации промышленности, о запрете всех гражданских и религиозных организаций, а также всех партий, кроме коммунистической{564}.

Это был коммунизм по-американски, продемонстрированный не КП США, а членами консервативной антисоветской организации ветеранов войны «Американский легион». Жители Мосины прожили при коммунизме всего один день. Они приняли участие в одном из многих политических спектаклей эпохи, поставленных с целью демонстрации того, как опасен коммунизм. В Мосину вторглись переодетые в коммунистов члены легиона из других городов – местные их не узнавали. Их лидер заявил: «Остались считанные часы до того момента, как бедные и угнетенные рабочие поднимутся на борьбу и свергнут гнилой режим Уединенных штатов!» Прослушав эту речь, «коммунисты» развернули в Мосину кампанию репрессий. Упорствующие, в том числе три монахини, были отправлены в «концлагерь», начались чистки библиотек, был снят с показа в местных кинотеатрах запрещен фильм «Виновен в измене» – драма о «показательном» суде над венгерским кардиналом Йожефом Миндсенти.

Обычный размеренный ход американской жизни был нарушен. Закрылись спортивные площадки, в меню ресторанов были только черный хлеб и картофельный суп, цены на одежду и на кофе выросли в пять раз. Было введено нормирование и продажа по карточкам. В «Милуоки джорнал» опубликовали фотографию шестилетнего ребенка, чей печальный взгляд застыл на табличке с надписью «Конфеты продаются только членам комсомола».

Инсценировку оккупации Мосины подготовили члены легиона, однако в ней также приняли участие бывшие коммунисты. Йозеф Корнфельдер, портной, иммигрант из Словакии, был коммунистом с 1919 по 1934 год и даже учился в Ленинской школе. В этом «любительском спектакле» принимал участие и Бен Гитлов, бывший генеральный секретарь КП США, исключенный из партии в результате сталинской кампании 1920-х годов против правых элементов. Мэр Кроненветтер отказался от «республиканской идеи» и был вынужден принять план коммунистов.

В следующем месяце произошла похожая драма, на этот раз на советских экранах. Действие картины «Заговор обреченных», снятой на «Мосфильме», происходит в одной из восточноевропейских стран, где у власти находится многопартийный Народный фронт[484]. В центр сюжета снова помещен заговор иностранных врагов, планирующих политический переворот. На этот раз злодеями показаны американцы. Внешне привлекательный, но очень циничный американский посол Макхилл становится организатором и вдохновителем заговорщиков, цель которых – отстранить коммунистов от управления страной и вынудить народ принять план Маршалла. В группу заговорщиков входят социал-демократы (Макхилл торжествует: «Я сбросил не одно правительство с помощью социал-демократов»), агент Ватикана кардинал Бирнч (прототипом этого персонажа стал Миндсенти), коварная Кристина Падера, глава правой партии христианского единства, ненадежный посланник Тито, а также сексапильная американка, журналистка из Чикаго Кира Рейчел. Они планируют несколько подлых акций: убийство вице-преьера, коммунистки Ганы Лихты, подкуп населения американскими безделушками (прибытие «мирного поезда» сопровождается игрой джазового оркестра и рекламой сигарет Lucky Strike), попытки спровоцировать продовольственный кризис, чтобы окончательно поставить страну в зависимость от Запада. Но коммунисты организуют сопротивление, настраивая массы против американцев и их коварного доллара. Они поднимаются на защиту морали и национальной независимости. Они берут штурмом здание парламента и выдворяют оттуда Макхилла и представителей реакционных партий под крики: «Смерть плану Маршалла! Не желаем носить американские ошейники!»

Оккупация Мосины и фильм «Заговор обреченных» продемонстрировали особенности политики холодной войны – как на Востоке, так и на Западе. Было очевидно, что эпоха Народного фронта завершилась. Бывшие союзники стали заклятыми врагами: в США коммунизм приравнивали к фашизму, а в СССР социальную демократию называли «социал-фашизмом». Обе державы укрепляли внутреннее единство, основанное на принципах национализма и универсальной идеологии: в одном случае идеологии «американизма», в другом – «советских ценностей». Любая угроза такому порядку представляла серьезную опасность. Поддержка радикальных левых на Западе и либералов на Востоке должна была искореняться любым способом, так как она могла привести к заговорам шпионов

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org из конкурирующих сверхдержав. Представители политической элиты использовали идеологическую войну в своих Целях, но ни один человек не был в ней виновен. Новая проблема сохранения идеологической безопасности породила одержимость раскрытия шпионов и заговоров. Результатом этой одержимости СКШ длительный перерыв в европейских «гражданских войнах». Внутренней классовой борьбе была придана новая форма конфликтов между геополитическими блоками.

Таким образом, обе стороны стремились укрепить дисциплину в обществе и подготовить его к идеологической войне{565}. Последствия этой мобилизации в советском блоке были более серьезные, чем на Западе: усилия Кремля балансировали между убеждениями и репрессиями. Репрессии были значительно радикальнее в советском блоке, о чем пойдет речь в главе у. В западном блоке наиболее жесткими оказались репрессии на юге Европы. Поддерживаемые американцами греческие монархисты, а также авторитарный режим в Испании использовали все возможные силы против коммунистов, а в Италии в конце 1940-х годов жесткие полицейские репрессии осуществлялись против левых{566}.

В США коммунисты подвергались не репрессиям, а дискриминации. Примерно ю-12 тысяч коммунистов, партийных или сочувствующих, лишились работы[485]. За три месяца до инсценированной оккупации Мосины сенатор от Висконсина, католик ирландского происхождения Джозеф Маккарти произнес известную речь, во время которой заявил, что ему известны имена 57 коммунистов, работающих в госдепартаменте США. Он вскоре стал символом «Красной паники», охватившей американскую политику, именно он был одним из самых влиятельных организаторов антикоммунистических чисток{567}. Сам Трумэн в 1947 году ввел идеологический тест для членов собственной администрации, хотя он не оправдывал Маккарти. Наниматели увольняли, а профсоюзы исключали из своих рядов активистов коммунизма. Для проверки 2 миллионов федеральных служащих ФБР под руководством Джона Эдгара Гувера дополнительно привлекло свыше 3500 сотрудников. Учрежденная Конгрессом комиссия по расследованию антиамериканской деятельности в период с 1945 по 1955 год провела 135 расследований, в том числе в Голливуде.

Москва действительно организовала разветвленную сеть шпионов, работающих в США, многие из которых были высокопоставленными чиновниками. Кремль также использовал и строго контролировал малочисленную компартию США. Тем не менее самые сильные опасения американцев, связанные с коммунизмом, касались больше идеологической безопасности, чем ущерба, который могли нанести шпионы. Своего рода маккартизм уже имел место в американской истории, во время «Красной паники» 1919-1920 годов, но именно холодная война поместила страх перед коммунизмом практически в центр американской политики{568}. Таким образом, начало холодной войны ознаменовало переход на новый курс в экономике и ослабление позиций левого политического блока в Америке. По данным опросов, в 1942 году 25% американцев открыто поддерживали социализм и 35% относились к нему без предубеждений. В 1949 году только 15% сохранили приверженность к социализму, 61% американцев относились к нему враждебно{569}.

В Западной Европе антикоммунистическая кампания протекала более сдержанно. Этот регион никогда не был свидетелем настоящей травли коммунистов, а маккартизм, принятый властями США, подорвал репутацию Америки в Европе. Сильное недовольство вызвал «объезд» европейских столиц в 1953 году приспешниками Маккарти Роем Коном и Дэвидом Шайном, сопровождавшийся «вычищением» опасных левых литературных трудов, таких как классическая работа Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу», из библиотек американских посольств и других правительственных организаций{570}. И все же политика во многом зависела от холодной войны: коммунисты оказались на ее обочине, а социал-демократы вернулись на ту же радикальную антикоммунистическую позицию, которую они занимали сразу после Первой мировой войны. Некоторые европейские социалистические партии все еще пытались продолжать разговор о классовой борьбе, начатый еще Марксом, и даже включали ее в свои программы. На деле же даже эти партии превращались в реформистские политические формирования.

Либерализм времен холодной войны с самого ее начала успешно работал на достижение главной цели, которой являлось уничтожение Народного фронта, распространение отношения к коммунизму как к вражеской идеологии и предложение альтернативной идеологии, которая привлекла бы большинство населения. Либерализм зарекомендовал себя как мощный двигатель социальной интеграции. В Западной Европе и США рабочие стали равноправными членами

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org политического и экономического сообщества. Более того, в США малые этнические и религиозные группы, особенно афроамериканцы, католики и евреи, благодаря участию в антикоммунистической кампании получили долгожданное признание протестантского общества{571}. Католики и евреи глубоко сочувствовали жертвам коммунизма периода позднего сталинизма: неудивительно, что евреи, в прошлом одни из самых преданных сторонников коммунизма, превратились в заклятых его врагов после того, как их собратья стали жертвами сталинского послевоенного «антикосмополитизма»{572}. Ватикан, разумеется, давно был настроен против коммунизма, кроме того, католики не могли оставаться равнодушными к страданиям их братьев и сестер в Восточной Европе.

Идеологическая привлекательность американского либерализма периода холодной войны сохранялась в Западной Европе и все быстрее распространялась в Восточной. США создали настоящую империю, но американское благополучие и либеральная идеология помогли Штатам не допустить крайностей, характерных для политики европейских империй XIX века. Это была «добровольная империя», пропуск в которую предоставляли как политические элиты, так и организованный труд{573}. В большинстве стран Европы и в Японии ей удалось зарекомендовать себя как распространителя универсальных ценностей, готового самоотверженно помогать в достижении более высокого уровня жизни любому своему подопечному. К востоку от «железного занавеса» существовал противоположный подход к политике – сталинский. Как будет ясно из дальнейшего повествования, на смену относительной либерализации военного периода пришла новая форма коммунизма, в котором патерналистским и государственным интересам, а также ксенофобии придавалось гораздо большее значение, чем при сталинизме 1930-х годов.

Идеологический конфликт между коммунизмом и Западом снова поменял направление: из социального конфликта между двумя блоками он перерос в геополитическую борьбу. Холодная война между двумя сверхдержавами сопровождалась «холодным миром» за их пределами. Политика стабилизировалась, классовые конфликты утихли. Озеро, чья поверхность была покрыта рябью, замерзло. Самый прочный лед был на северо-востоке Европы, в США и СССР, самый хрупкий – в Центральной и Восточной Европе. На юге Европы он также был тонок. Греция продемонстрировала недостатки британских и американских сил, Югославия – недостатки СССР.

Все сказанное выше относится только к «северу». На юге, особенно в Азии, ситуация складывалась по-другому: внутренние конфликты по-прежнему отличались жестокостью, в обществе сохранялось отсутствие равноправия. Националисты противостояли европейским колонизаторам, в разобщенных аграрных обществах все чаще слышались призывы к фундаментальным социальным переменам.

Ни американский, ни советский блок не решался начать распространять влияние в этом беспокойном регионе. После окончания Второй мировой войны ситуация, казалось, складывалась в пользу США: Америка была намного богаче и сильнее других стран и могла влиять на кого угодно. Все это могло привлечь внимание националистов, так как они давно имели опыт противостояния империализму европейцев. Как объясняли в Совете национальной безопасности США, «империализм XIX века» был неприемлем, поскольку являлся «идеальной средой для заражения вирусом коммунизма». {574}

После войны СССР не был готов распространять свое влияние в мире растущих радикальных настроений. С самой революции все усилия Коминтерна были направлены на «завоевание» Европы: Народный фронт создавался с целью привлечь европейских левых либералов, Коминформ также был ориентирован на Европу. Сталин тем временем в своем взгляде на развивающийся мир основывался на принципах реалистичной политики и скептически относился к готовности аграрных неевропейских обществ построить социализм в ближайшем будущем. Он не хотел поддерживать революционные настроения и амбиции Независимых коммунистов, отчасти потому, что они могли бросить вызов Москве, отчасти потому, что они могли стать союзниками Запада и нарушить военные соглашения о разделении сфер влияния в Европе. Именно поэтому Сталин отказал в помощи греческим и вьетнамским коммунистам и с самого начала неохотно признал Мао Цзэдуна в качестве лидера китайских коммунистов (хотя с 1948 года он с большим энтузиазмом стал относиться к потенциальной революции в Китае){575}. Наиболее поразительным (и нецелесообразным) был отказ Сталина поддержать коммунистов Ирана, где власть стремилась захватить коммунистическая партия Народного фронта Тудэ (Tudeh), самая многочисленная

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org в стране. Сталина не интересовала революция в Иране, он считал ее преждевременной. Его больше устраивало «буржуазное» иранское государство, дружественное СССР, готовое поставлять нефть на удобных Союзу условиях. Он оказывал давление на Тегеран, используя присутствие советских войск севернее Ирана и поддерживая движение за независимость Афганистана. Партия Тудэ была вынуждена следовать советским инструкциям. Тем не менее политика Сталина оказалась крайне недальновидной. Она лишала коммунизм возможности распространить свое влияние. Американцы заставили СССР вывести войска, с 1947 года партию Тудэ запретили. Персидский шах заплясал под дудку США.

Влияние Сталина было не так велико в Восточной и Юго-Восточной Азии, где коммунисты чувствовали себя более уверенно. Местные коммунистические партии объединили советские традиции с национальной идеей, поместив на первый план антиимпериалистические заветы Ленина и Сталина. Именно этот синтез идей подарил коммунизму новую жизнь. На Западе плодородную почву для коммунизма подготовил классовый конфликт. В России коммунисты извлекли выгоду как из классового конфликта, так и из стремления поднять авторитет и статус «отстающего» общества. В Азии, которой суждено было стать новым мировым центром коммунизма, он возник при совершенно иных обстоятельствах: в условиях конфликта между империями Запада и колониями Юга. Чтобы понять эту новую и очень влиятельную форму коммунизма, необходимо вернуться к последствиям Первой мировой войны. Эта разрушительная война обусловила кризис не только в Европе, но и в ее заморских колониях.

6. Алеет Восток

I

В июне 1919 года 29-летний уроженец Французского Индокитая Нгуен Тат Тхань[486] вошел в Версальский дворец. Очевидцы вспоминают, что на нем была визитка, скорее всего, принадлежавшая не ему. Он не являлся выдающейся личностью, работал ретушером фотографий и подделок, имитировавших китайский антиквариат. Он нес петицию, которую надеялся вручить президенту Вильсону и его коллегам-миротворцам. Документ, озаглавленный «Требования аннамитского народа» (аннамиты – старинное название вьетнамцев), был составлен крайне сдержанно. В нем выдвигались требования политической автономии (даже не независимости) для вьетнамцев и равноправия коренных вьетнамцев с их французскими господами{576}. Документ был подписан псевдонимом Нгуен Ай Куок – «Нгуен-патриот». Нгуен надеялся, что ему позволят выступить на конференции, и у него были основания для такого оптимизма. В конце войны Вильсон провозгласил принцип свободного самоопределения угнетенных народов. Хотя он не упоминал неевропейские нации, националисты, населявшие колонии, надеялись, что в их странах настанут перемены. Но Нгуену удалось получить только вежливое письмо от старшего советника президента, который обещал передать документ Вильсону. Вероятно, Вильсон так никогда и не увидел этих требований, а если и увидел, то это никак не повлияло бы на Результат. Версаль утвердил право на самоопределение для европейских граждан бывших империй, но не для жителей колоний{577}.

Получив отказ, Нгуен разочаровался в Вильсоне и обратил свои надежды к Ленину. Вскоре он стал членом Французской социалистической партии, а в декабре 1920 года – одним из основателей Французской коммунистической партии. Позднее, в 1923 году, он перебрался из Парижа в Москву, где, возможно, обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), или в «Сталинской школе», основанной Коминтерном в целях подготовки азиатских коммунистов (аналог Ленинской школы, в которой обучались европейцы){578}. Через несколько лет он стал важной фигурой в Коминтерне (постоянным резидентом гостиницы «Люкс») и взял новый революционный псевдоним – «Сияющий», или Хо Ши Мин.

Хо Ши Мин был не единственным азиатским интеллигентом, разочаровавшимся в Вильсоне. Китаец Чэнь Дусю назвал президента в 1919 году «самым лучшим человеком в мире», а позже стал одним из основателей и руководителей коммунистической партии Китая[487].{579} Молодой Мао Цзэдун, политический активист из провинции Хунань, счел версальский обман предательством и начал издавать журнал «Сянцзянское обозрение», в котором изложил свои мысли относительно этой трагедии. Мао призывал своих читателей учиться у «Российской экстремистской партии», которая, как он считал, могла помочь совершить революцию в Южной Азии и в Корее. Это было его первое обращение к большевизму{580}.

Следует признать, что любой союз между Вильсоном и Хо Ши Мином был обречен на провал. Вильсон, несомненно, был сторонником сдерживания европейского империализма, но его мало интересовали колониальные народы и их права. Он считал их «недоразвитыми людьми», которые очень медленно двигались к независимости под опекой милостивых европейцев; в частности, он восхищался методами британских империалистов и вообще был поклонником английской культуры. Скорее всего, он не считал лихие националистические революции путем к прогрессу. Кроме того, будучи американцем-южанином. Вильсон сохранил в душе многие расистские предрассудки. Поэтому неудивительно, что он шел на уступки европейским и японским союзникам; он считал, что их империи должны сохраниться, и, хотя и неохотно, согласился забрать восточный китайский анклав Шаньдун у потерпевших поражение немцев и передать его японцам[488].{581}

Пусть Вильсон и не был радикалом, но и Хо Ши Мин определенно не являлся либералом. Сын опального правительственного чиновника, он уехал из Вьетнама в 1911 году и объездил весь мир, работая помощником кока. Совершив, таким образом, «грандиозный круиз», он увидел весь колониальный мир, а затем немало пожил в США, Лондоне и Париже. Хо Ши Мин и до этого не одобрял имперское присутствие французов во Вьетнаме, а полученный опыт позволил ему обобщить критические взгляды на империализм. Поскольку он сам был свидетелем унижений, которым подвергались афроамериканцы в США и африканцы и азиаты в европейских колониях, его отношение к белому расизму обострилось. К тому времени, как Хо Ши Мин прибыл в Лондон, он уже слыл радикалом. Знаменитый французский кулинар Огюст Эскофье смеялся над ним на кухне отеля «Карлтон» и говорил, что может поучить гостя кулинарии, если Хо Ши Мин расстанется со своими революционными идеями. Хо согласился освоить кондитерское искусство, но политические советы Эскофье проигнорировал. Он стал членом организации, целью которой было улучшить условия труда китайских рабочих, а также участвовал в протестах в пользу независимости Ирландии{582}. Прибыв в Париж в 1917 году, Хо стал активистом социалистического и рабочего круга. Он вел себя очень сдержанно» по крайней мере среди французов. Французский социалист Лео Польдес довольно снисходительно отзывался о его «чаплинском ореоле», «одновременно грустном и комичном». «Он был очень милым – сдержанным, но не застенчивым, напористым, но не фанатичным и очень умным»{583}. В то же время один из соратников-националистов отзывался о Хо Ши Мине как об «огненном жеребце»{584}. К 1921 году он, частично (по его словам) под влиянием ленинских «Тезисов по национальным и колониальным вопросам», пришел к выводу, что освободить его народ помогут только насильственные методы и социализм{585}.

Хо находился в Париже в то время, когда старый порядок подвергался ударам не только в колониальной периферии, но и в Европе. В провинциях Британской империи Великая война имела такие же последствия, как в Европе. Около миллиона индийских солдат воевали в британской армии, а десятки тысяч китайцев отправлялись в Европу для работы в тылу. Индийцы и китайцы, как и европейские рабочие, чувствовали, что должны получить компенсацию за перенесенные страдания. В то же время многим азиатским националистам было понятно, что война значительно ослабила Европу и соотношение сил на международной арене меняется. В 1914 году Хо пророчески писал: «Я думаю, что в ближайшие три-четыре месяца судьба Азии коренным образом изменится. Тех, кто сейчас борется, ждут очень тяжелые времена. Нам просто нужно успокоиться и ждать»{586}.

Как правильно отметил Хо, война ослабляла старые иерархические структуры по всему миру. В Европе это происходило в виде социальных революций, а за ее пределами – в форме антиколониальных бунтов; в 1919 году случились мятежи против британцев в Египте, Афганистане и Вазиристане (нынешний Пакистан), была развернута кампания гражданского неповиновения в Индии, организованная Ганди, была провозглашена Ирландская республика. На Дальнем Востоке организаторы движения 1 марта (Самиль) в Корею и движения 4 мая в Китае протестовали против нарастающего японского империализма.

В определенной степени коммунизм был подходящей движущей силой антиколониальных выступлений. Обычно европейские империи сотрудничали с местными лояльными элитами. а коммунистический тезис о том, что колониальное неравенство тесно связано с интернациональной несправедливостью, действовал очень сильно. Разумеется, рабочий класс был очень малочисленным, но Ленин оправдывал революцию в отсталой России тем,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org что страну можно было считать полуколонией Европы. Сталин также был уроженцем колониальной периферии и хорошо понимал ту роль, которую сыграл империализм при переходе власти в руки большевиков. Именно по этой причине Коминтерн вскоре поддержал антиимперские движения.

С самого начала азиатские коммунисты столкнулись с трудностями борьбы с националистическими движениями, выступавшими под патриотическими лозунгами и более эффективно действовавшими в движении за строительство независимых государств. Коминтерн, в котором господствовали сектантство и избирательность, не оказывал им никакой поддержки. Москва сохраняла уверенность в том, что у революции больше перспектив в Европе, где был силен индустриальный рабочий класс. По мнению Москвы, колониальный мир не мог построить социализм в ближайшее время, он должен был сосредоточить силы на борьбе с империализмом, если потребуется – в союзе с буржуазными националистами, с целью создания независимых «демократических республик».

На Первом конгрессе Коминтерна в марте 1919 года проблема колониальных революций почти не была затронута. Все еще оставались сильны надежды на революции в Западной Европе. Однако в следующем году стало ясно, что Европа не оправдывает революционных ожиданий. Тем не менее большевики надеялись, что националистические движения, особенно в Средней Азии, контролируемой Советами, могут стать важными союзниками в период, пока большевистский режим не окрепнет. На втором конгрессе Коминтерна, состоявшемся летом 1920 года, колониальному вопросу было уделено значительное внимание. На конгресс пригласили гораздо больше неевропейских делегатов. Решения его были подкреплены на очередном форуме, организованном Коминтерном, который специально посвятили Колониальному вопросу. Этот конгресс, проходивший в Кавказом городе Баку, получил название Первого конгресса народов Востока. На нем присутствовали самые разные деятели из числа коммунистов, радикалов и националистов, представлявшие тридцать семь национальностей, в основном из бывших Российской и Османской империй{587}.

Именно в Баку проявились острые разногласия между европоцентричными советскими представителями и более радикальными азиатами. Ленин, который так решительно оставался в оппозиции к европейским Народным фронтам[489], посчитал, что они идеально подошли бы для «отсталой» Азии. Он утверждал, что коммунисты должны заключать союзы с буржуазными националистами и радикальными крестьянскими движениями ради борьбы за свободу; социализм в узком смысле этого слова отодвигался на отдаленное будущее. Однако против его мнения решительно выступил более радикальный индийский политик Нарендрнатх Бхаттачария (также известный как М. Н. Рой). До Первой мировой войны Рой был членом бенгальской антибританской террористической организации. Он бежал в США, а затем – в Мексику, где во время революции 1917 года стал социалистом под влиянием русского коммуниста Михаила Бородина. Рой основал первую коммунистическую партию за пределами СССР. В 1919 году он решил отправиться на Восток, чтобы, по его словам, «стать свидетелем краха капиталистической Европы, а также увидеть, как революционный пролетариат, подобно Прометею Освобожденному, поднимается с колен, чтобы построить из руин новый мир»{588}. Однако он увидел не крах капитализма, а провал западных революций. Находясь в Берлине в 1919–1920 годах, он осознал, что будущее коммунизма нужно искать в колониальном мире, а не в Европе. Он вспоминал: «Став свидетелем разгрома германской революции, я не разделял оптимистического мнения о том, что пролетариат многих стран придет к власти по сигналу Всемирного Конгресса в Москве... пролетариату, несмотря на его героические усилия, не удастся захватить власть, пока империализм не будет ослаблен восстаниями колониальных народов»{589}. С того времени Рой решил открыть «второй фронт мировой революции» в колониальном мире{590}.

По мнению Роя, это означало, что коммунисты не должны просто полагаться на буржуазных националистов, которые, как он утверждал, были слишком тесно связаны с «феодальным» миропорядком. Вместо этого следовало мобилизовать потенциально радикальный рабочий класс, который, по убеждению Роя, развивался в Азии. Спор между Лениным и Роем обострился относительно оценки лидера индийских националистов Мохандаса Ганди[490]. Ленин видел в нем революционера, в то время как Рой небезосновательно заявлял, что Ганди является «религиозным и культурным возрожденцем» и «реакционером в социальном плане, даже если в политическом отношении он может показаться революционером»[491]. {591}

Ленин начал пересматривать прежнее отношение к Азии. Он решил отказаться от

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org единой стратегии и вдохновил Роя написать тезисы, которые Коминтерн затем одобрил вместе с ленинскими. В течение следующих восьми лет Коминтерн придерживался непростого смешанного курса, объединившего идеи Ленина и Роя. Предпочтительным методом борьбы считался союз с буржуазными националистами, но в то же время Коминтерн больше полагался на рабочих, чем на крестьян. Хотя такой смешанный курс и мог показаться «вдохновенным», он таким не был. Наоборот, только когда влияние Коминтерна ослабло, местные антиколониальные лидеры, в том числе Мао Цзэдун и Хо Ши Мин, сформировали новую успешную азиатскую модель коммунизма. Подобно коммунизму, который создал Сталин к 1940-м годам, восточный вариант коммунизма слился с национализмом. В отличие от сталинской модели, иерархичность которой напоминала ситуацию с царской аристократией, в Азии развился более эгалитарный радикализм и толерантный подход к крестьянству. В 1930-е и 1940-е годы такой радикальный коммунистический национализм был исключительно привлекателен для поколений, восставших против конфуцианского наследия. В 1919 году Китай пережил события, которые могли показаться культурной революцией, так как влияние этих событий совпадало с ожиданиями Руссо в XVIII веке и Чернышевского – в XIX. В течение трех десятилетий Китаю суждено было стать вторым полюсом коммунистического влияния на Востоке, распространив революцию на большую часть конфуцианского мира и за его пределы.

II

Одно из наиболее известных произведений современной китайской литературы – короткий рассказ писателя (и будущего сторонника коммунизма) Лу Синя. В «Дневнике сумасшедшего», написанном в 1918 году, автор повествует о своем постепенном осознании того, что все его соотечественники – каннибалы: «Я только что понял, что все эти годы жил в месте, где уже четыре тысячи лет люди едят человеческое мясо». Он вспоминал: «Когда мне было четыре или пять лет, брат рассказал мне, что если родители какого-нибудь человека были больно, этот человек должен был отрезать кусок своей плоти и сварить его для родителей, чтобы они считали его хорошим сыном...» Желая докопаться до истины, он начинает изучать историю Китая, где на его глазах персонажи «добродетель и нравственность» стремительно сменяются «пожирателями людей». В финале рассказа сумасшедший всей душой надеется, что не все потеряно: «Может быть, еще остались дети, которые не пробовали человеческую мясу? Спасите детей...»{592}

«Дневник сумасшедшего» – это язвительный выпад против конфуцианства, система ценностей которого являлась основой китайской культуры и политики на протяжении двух тысяч лет. Конфуцианство – это философия порядка, иерархичности и строгих моральных предписаний. По сути, это модель общества, основанного на патриархальной семье: ее члены подчиняются старшим, дети – родителям, женщины – мужчинам. Каждый член иерархии должен вести себя «нравственно», то есть в соответствии со своим положением. Образование, которому в конфуцианстве придавалось большое значение, в основном направлено на совершенствование поведения. На вершине социальной и политической иерархии находился Император, управляющий народом с помощью образованных чиновников, которые прошли длительные испытания и проверку знаний классической литературы и конфуцианских принципов. Считалось, что если они усвоят конфуцианские тексты, это даст им моральное право управлять народом.

Ответ Лу Синя обществу, в котором он жил, был типичным для его поколения интеллигенции – бунтарский гнев, противопоставляющий испуганного изгоя обществу всеобъемлющей жестокости и лицемерия{593}. Каждый человек в мире Лу Синя является звеном в крепкой цепи бытия, обреченный быть одновременно угнетателем и жертвой. Младший современник Лу Синя Фу Синянь писал: «Увы! Бремя семьи!.. Под его весом задохнулись бесчисленные герои!», «Оно вынуждает подчиняться другим и терять свою индивидуальность»{594}. Но конфуцианство причиняло не только личные страдания целеустремленной китайской молодежи. Лу Синь и его современники считали, что конфуцианство ослабляет Китай, превращая людей в покорных рабов. Другой молодой бунтарь Ву Ю объяснял, что конфуцианское общество превратило 400 миллионов китайцев в «рабов миллиардов умерших предков, не позволяя этим рабам подняться с колен»{595}. Ответом этому обществу стала культурная революция.

Такая ожесточенная критика культуры и политики напоминает идеи, выраженные Чернышевским и, в некотором отношении, Руссо. Как и для них, для Лу Синя жестокость в семье и старый лицемерный и репрессивный уклад обуславливали слабость всей нации. Подобно Франции времен Руссо и России Чернышевского,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Китай, некогда великая империя, теперь подвергался унижениям недругов. Веками китайское государство не знало войн с соседями, поэтому ему не нужно было развивать политические структуры и налоговую систему, чтобы обеспечить военную мощь. В результате, когда в XIX веке более воинственные европейцы появились в империи, Китай был принужден принять колонизацию. Британские, французские и немецкие защищенные опорные пункты на территории Китая, особенно в Шанхае, являлись анклавными и пользовались привилегиями, которых не было в самом Китае. Тем временем Япония, которая незадолго до этого пережила коренную модернизацию, тоже стала империалистической силой и завладела Южной Маньчжурией и прежним вассалом Китая Кореей[492]. Эти поражения также спровоцировали революцию против династии Цин и падение китайской империи в 1911 году. Но революция форсировала, а не отсрочила упадок Китая. Нового лидера, главу националистической партии Гоминьдан Сунь Ятсена[493], скоро сменил консервативный Юань Шикай[494], а после смерти Юаня в 1916 году центральная власть Китая пала, уступив место многочисленным режимам, созданным региональными командующими (милитаристами)[495], но это была уже не империя. Именно такое ослабленное, разобщенное государство предстало перед миротворцами из Версаля[496] 4 мая 1919 года появилась новость о том, что бывшие колонии Германии отошли Японии, и 3000 студентов собрались на площади Тяньаньмэнь, чтобы выразить протест, а затем двинулись в дипломатический квартал Пекина, чтобы перейти к более решительным действиям. Гораздо важнее то, что Версаль сосредоточил внимание китайских студентов и интеллектуалов на необходимости возрождения Китая. Это были люди, положившие начало китайскому коммунизму[497].

Движение 4 мая (которому предшествовало подобное движение «Новая культура» 1915 года) в основном предлагало исправить бедственное положение Китая, внося изменения в культуру китайского общества: конфуцианство раз и навсегда должна была заменить «новая культура». Подобно «новым людям» Чернышевского, новые китайцы должны были освободиться от оков традиционной семьи и открыть для себя мир свободы и романтической любви. В то же время исконные этические нормы и принципы поведения китайцев следовало модернизировать. Подобно тому как Чернышевский порицал русскую «азиатчину» или «азиатские ценности», интеллигенция движения 4 мая разочаровалась во врожденном китайском рабстве, которое возмущало не только их, но и западных единомышленников. Чэнь Дую (род. 1879), заведующий отделением гуманитарных наук в Пекинском университете и авторитетный лидер движения новой культуры, призывал молодых китайцев «быть независимыми, а не услужливыми» и «агрессивными, а не застенчивыми»[596]. Где же следовало взять новые образцы поведения? Для таких людей, как Чэнь, ответ был ясен – в западной культуре. Чэнь, сын мелкого чиновника, самостоятельно подготовивший и сдавший конфуцианские экзамены, теперь отвергал всю древнюю китайскую культуру. Китайцы должны были учиться у «Мистера и Миссис Демократии». Но другие деятели, например Ли Дачжао (род. 1888), библиотекарь Пекинского университета и, как и Чэнь, в будущем – один из основателей Коммунистической партии Китая, были не так очарованы западным либерализмом и наукой. Ли воспитывался в значительно менее возвышенной среде, в семье богатых крестьян, и к тому времени, как он стал учиться в школе, систему конфуцианских экзаменов уже отменили. Поэтому ему было не так важно отказаться от прошлого, он пытался адаптировать китайскую культуру к современным условиям, а не отвергнуть ее. Он больше верил в «волю народа», чем в либеральный капитализм или конституционную политику. Он был одним из первых, кто приветствовал русскую революцию как модель, подходящую для Китая. Итак, хотя и Чэнь, и Ли стали коммунистами, они представляли различные направления этого движения. Чэнь стоял ближе к модернистскому социализму Ленина, он был заинтересован в централизованной современной организации общества. Ли являлся приверженцем более радикального социализма, сохраняя веру в народную волю к преобразованию общества[597]. Возможно, экономика отстало Китая и не была готова к социализму, но, как угнетенная «нация пролетариев», китайцы, несомненно, обладали энергией для совершения революции. Романтическая интерпретация марксизма, предложенная Ли, произвела сильнейшее впечатление на молодого человека из Хунани, впервые приехавшего в Пекин в 1918 году. Молодой человек также происходил из богатого крестьянского семейства, и Ли устроил его помощником библиотекаря. Это был Мао Цзэдун.

Интерес к социализму и русскому пути возрос после разочарования Западом и Версалем. Советская власть приобрела большой авторитет в Китае после того, как в 1920 году отказалась от всех прежних российских притязаний на китайскую территорию. Однако интеллигенция, казалось, всегда находила большевизм более привлекательным, чем либеральные разговоры о конституции и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org правах. Интеллектуалы, возможно, и были бунтарями против конфуцианства, но их самих породила конфуцианская традиция, поэтому они так восхищались коммунистической идеей о самопожертвовании и социальной солидарности{598}. Недавние приверженцы конфуцианства, они высоко ценили обещанное марксизмом полное понимание мира и общества, а также его гордое отрицание коммерции. И, разумеется, они признавали важную роль, которая отводилась в марксизме интеллектуальным элитам: социалистический авангард был близок к конфуцианской книжной интеллигенции, распространявшей добродетель с помощью образования и нравственного примера.

Коммунизм нашел горячий отклик и в среде городской интеллигенции других стран конфуцианского мира. К концу 1920-х годов коммунисты были в центре антияпонского националистического движения в Корее, хотя вскоре это движение было подавлено колониальными властями{599}. Слияние идей Конфуция и Маркса наиболее отчетливо проявилось во Вьетнаме, еще одном регионе конфуцианской культуры. Как и в Китае, молодое поколение ставило под вопрос конфуцианские истины родителей. Обучаясь во французских, а не в традиционных конфуцианских школах, они стали критиковать прежний образ мысли и упрекать собственную культуру за слабость перед французским гнетом. В 1925–1926 годах во вьетнамских городах прошли многочисленные студенческие демонстрации против французских властей. Хо Ши Мин, обосновавшийся в Южном Китае, использовал это недовольство, но также хорошо понимал необходимость согласования коммунизма с конфуцианской культурой. В 1925 году с помощью Коминтерна он основал Товарищество революционной молодежи Вьетнама, широкую, межклассовую организацию. Он придавал большее значение националистическим, а не коммунистическим целям, однако при этом сформировал в рамках движения секретную группу, целью которой была (в долгосрочной перспективе) победа марксизма-ленинизма. Марксизм Хо был тесно связан с конфуцианством. Хо даже пытался (хоть и неубедительно) согласовать два великих учения, конфуцианское и ленинское: «Если бы Конфуций жил в наши дни и если бы он по-прежнему придерживался своих [монархических] убеждений, то был бы контрреволюционером, возможно, этот великий человек смирился бы с обстоятельствами и стал преданным последователем Ленина. Что касается нас, вьетнамцев, давайте нам совершенствоваться в интеллектуальном плане, читая труды Конфуция, и в революционном – изучая работы Ленина»{600}. В книге «Дорога к революции» он посвятил целую главу нравственным идеалам поведения коммуниста. Ленин никогда бы не использовал такой подчеркнuto морализаторский язык, так как мораль всегда занимала подчиненное положение по сравнению с целью революции. Сам Хо старался стать конфуцианским «сверхчеловеком», обладать всеми его качествами{601}. Стиль руководства, избранный этим сыном мандарина, сильно отличался от стиля крестьянина-бунтаря Мао.

В других регионах Азии оказалось сложнее внедрить марксизм в местную культуру. Япония, часть конфуцианского мира[498], развила более милитаристскую политическую культуру, чем бюрократический Китай; идеальный мир, управляемый образованными чиновниками, усвоившими законы истории, был не так привлекателен для военной элиты этой страны. Коммунисты также обнаружили, что в Японии, в отличие от Китая, Вьетнама и Кореи, оказалось невозможно объединить марксизм и национализм. Мощный и успешный японский национализм, взлелеянный политическими и военными элитами, уже процветал, Япония превратилась в империю. Коминтерн проявлял открытую враждебность к культуре императора, лежавшему в основе японского национализма. Японские коммунисты настойчиво просили Коминтерн смягчить жесткую линию, но напрасно, и такие споры означали, что коммунисты в Японии были не более чем иностранными марионетками, а следовательно, подвергались жестким репрессиям{602}.

Индийским коммунистам также было сложно адаптировать свои идеи к местной культуре. Некоторые, подобно Рою, неистово отрицали индийские традиции, например систему каст. Из-за этого коммунисты зачастую воспринимались как чужая, иностранная сила. Им не повезло с соперниками – относительно либеральной администрацией Британской империи, умевшей разобщать своих оппонентов, и партией Индийский национальный конгресс Мохандаса Ганди. Ганди успешно выступал за национализм, представлявший собой тонкую смесь умеренно-прогрессивного, но антимодернистского социализма и индийских традиций. Ему удалось создать мощную коалицию крестьянства и горожан среднего класса, в то же время сохранив нравственные основы благодаря использованию риторики, ориентированной на интересы малоимущих и отрицание насилия. Интеллигенция, некоторые представители которой симпатизировали СССР и модернистскому марксизму в планировании (в частности, будущий первый

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org премьер-министр Индии Джавахарлал Неру), склонялась к тому, чтобы остаться в Конгрессе, и хранила верность фундаментальным либеральным политическим идеалам[499].

В начале 1920-х годов Япония, страна с наиболее развитой промышленностью в Азии, воспринималась Коминтерном как наиболее перспективное государство для осуществления пролетарской революции. Но в середине 1920-х Коминтерн стал уделять больше внимания Китаю. И все же как могла горстка студентов, страстно желавших преобразовать китайскую культуру, повлиять на столь неоднородное общество? На первом этапе их стратегия напоминала методы российских аграрных социалистов, действовавших в 1870-е годы. Они старались воплотить свои идеалы в жизнь, создавая «рабочие общины», в которых часто практиковалось совместное проживание. Они также пытались побудить рабочих и крестьян бойкотировать японские товары или реформировать конфуцианскую систему семьи{603}.

Вскоре стало понятно, что большинство простых людей не были в этом заинтересованы, и рабочие общины просуществовали недолго. Многим казалось, что движение 4 мая потерпело крах. Культура и образование ничего не могли изменить. Китай оставался слабым и разобщенным; его население – темным и Раболопным, правящий класс – коррумпированным и эгоистичным. В талантливой повести Лу Синя «Правдивая история А-кью», созданной в 1921 году, выражено разочарование, свойственное поколению писателя. Это история о мелком воришке, живущем в деревне в последние годы правления династии Цин. Главный герой – жалкое существо, над которым постоянно издеваются соседи, и для сохранения чувства собственного достоинства он издевается над теми, кто слабее его. После того как его отвергла семья, мелкие местные дворяне, он перебирается в город, где присоединяется к воровской шайке и узнает о республиканской революции, произошедшей в 1911 году. Вернувшись в деревню, чтобы продать краденое добро, он пытается запугать мелких дворян, утверждая, что сам является революционером. Однако в деревне появляются настоящие революционеры-националисты и объединяют силы с местной знатью, чтобы арестовать его за кражу, которой он не совершал. Повесть заканчивается казнью А-кью. А-кью – это и есть Китай, брошенный на произвол судьбы, на милость более могущественных соседей. Но в то же время А-кью еще и темный бедный китаец, не осознающий своего жалкого положения в укрепившейся строгой общественной иерархии{604}.

В повести отражено осознание огромной сложности тех мер, которые помогли бы преобразовать Китай. Оно заставило многих представителей движения 4 мая отказаться от романтического социализма и анархизма в пользу большевизма. Этот переход был во многом связан с недостаточным пониманием идеологии. Когда Ли Дачжао писал об этом свои первые статьи в ноябре 1918, их тема оказалась настолько чужда и непонятна, что издатель передал по-китайски слово «большевизм» как «Гогенцоллерн»{605}. Однако и то небольшое, что было известно из марксизма, являлось в эти кризисные времена необыкновенно привлекательным: стремление к объединению дезорганизованной и разобщенной нации; готовность применять насилие. Кроме того, в отличие от национализма, основанного на европейской модели XIX века, марксизм видел в эгоистичной элите основное препятствие национального возрождения. 1 июля 1921 года Чэнь Дусю поддержал пессимизм Лу Синя, касающийся китайцев, и его прометеевское негодование, вызванное народной пассивностью. Это были «отчасти напуганные, отчасти глупые люди, охваченные узколюбым индивидуализмом, лишенные общественного сознания, которые зачастую были ворами и предателями и уже очень давно разучившиеся быть патриотами». Демократия в таком обществе была невозможна. Вместо этого «лучше было применить русскую классовую коммунистическую диктатуру. Ведь для того чтобы спасти нацию, распространить знания, развить промышленность и не приобрести при этом «капиталистическую окраску», оставался единственный путь – российский»{606}.

Учитывая, какое восхищение вызвал в Китае пример Советского Союза, неудивительно, что китайские коммунисты обратились за помощью в Москву и Коминтерн. Коммунистическая партия Китая (КПК) с самого начала была по существу совместным советско-китайским проектом, за который отвечали Чэнь Дусю и представитель России в Коминтерне Григорий Войтинский. Формально партия была основана в Шанхае в 1921 году. С самого начала она пыталась вобрать в себя многочисленные кружки в различных городах Китая и навязать им большевистскую дисциплину. В то же время между китайцами и Москвой возникли напряженные отношения. Разумеется, где бы ни проводилась «большевизация», это был сложный процесс, но в Китае он протекал легче, чем

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org на Западе, так как китайские коммунисты приветствовали дисциплину, которой, как им казалось, раньше не хватало. Культурные различия между русскими и китайцами были слишком велики, в Китае (возможно, больше чем где бы то ни было) оставалось велико значение землячества, родственных и личных связей. Кроме того, Москва применяла в Азии реформистские стратегии, в отличие от Европы, поэтому расхождения между стремлениями Коминтерна и местного населения неизбежно больше ощущались. Конфликт между ленинской коалиционной стратегией и пролетарским радикализмом Роя был далек от разрешения. Он продолжал оказывать решающее влияние а китайских коммунистов на протяжении 1920-х годов.

III

В 1923 году Сергей Далин, молодой российский эмиссар в Китае, опубликовал свои впечатления от посещения этой страны в газете «Комсомольская правда». «Проблемы обсуждаются без руководителя или секретаря, и каждый берет слово, когда считает нужным», – жаловался он. Дискуссия никак не кончалась, и китайцы неохотно принимали решения. Во время дебатов Далин предложил каждой из оппонировавших сторон обобщить свои доводы в пятиминутной речи перед началом голосования: «Они замолчали, уставившись на меня, и я даже бросил взгляд в зеркальце, чтобы убедиться, нет ли на моем лице грязи. Вдруг все они стали смеяться... очевидно, за тысячи лет китайской истории ни один человек не предлагал китайцам подобного. Позже я узнал, что китайцы воздерживаются от окончательного решения, пока оно не будет принято единогласно»{607}.

Жалобы Далина очень точно отражали ситуацию, и, несмотря на усилия, направленные на создание партии по образцу большевиков, Коминтерн столкнулся с сопротивлением Чэня и его единомышленников, которые считали, что партия должна строиться по религиозному образцу. Коминтерн не всегда применял лучшие методы для достижения своей цели: некоторые чиновники, например Войтинский, пользовались авторитетом среди китайцев; другие, например голландец Хенрикус Снеевлиет, имевший богатый опыт управления в голландской Индонезии, были более властными. Один китайский коммунист, работавший вместе с ним, вспоминал: «Он производил на некоторых людей такое впечатление, как будто сам приобрел привычки и мироощущение тех голландцев, которые были господами в колониях Ост-Индии»{608}.

Одним из способов распространения большевистского мировоззрения являлась стажировка китайских коммунистов в Москве. В лучшие годы Коммунистический университет трудящихся Востока насчитывал 1500–2000 студентов. Его учебная программа во многом совпадала с курсом Ленинской школы коммунистов Западного Китая, хотя учебный процесс осложнялся языковыми проблемами: студенты были вынуждены постоянно совершенствовать знания русского языка. Усвоение новых норм поведения также было сопряжено с трудностями. Студенты этого учреждения, как и студенты других вузов, подвергались «самокритике» или «товарищеской критике». Студенты должны были критиковать своих коллег, а затем и себя самих. Такая «бесстрастная борьба» предназначена была для того, чтобы избавить их от дурных мыслей. К 1930-м годам заседания, на которых осуществлялась подобная «борьба», распространились в Китае и стали обычной практикой коммунистов. Сначала такие мероприятия не имели широкой поддержки, так как противоречили традиционным китайским представлениям о «потере лица» и групповом согласии.{609}

Советско-китайским отношениям мешали не только вопросы, связанные с централизацией, но и более фундаментальный политический вопрос – связь коммунизма и национализма. Коммунизм привлекал китайскую интеллигенцию, так как его можно было сочетать с националистическими мотивами. Он казался одним из способов возрождения ослабленного Китая. Но как можно было примирить классовую борьбу и национальное единство?

В ответ на этот вопрос Коминтерн предлагал курс постепенных реформ. Межклассовая «национально-буржуазная» революция сначала должна была объединить китайский народ. В 1923 году Коминтерн принял решение поддержать не только коммунистов, но и националистическую партию Гоминьдан и ее лидера Сунь Ятсена, который искал союзников за рубежом. В Гоминьдан был направлен специальный советский консультант, Михаил Бородин, а офицеры Красной армии обучали солдат Гоминьдана и Коммунистической партии в военной академии Хуанпу на острове южнее Кантона. Кроме того, националисты и коммунисты вместе обучались в Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве, который был основан в 1925 году{610}. Коминтерн настаивал, что Гоминьдан и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
коммунисты должны образовать «Единый фронт»; коммунистам следовало стать «блоком» внутри Гоминьдана, который со временем должен был превратиться в единую партию[500].

Гоминьдан охотно принимал и военную помощь, и консультации советских представителей. Партия даже была реорганизована в соответствии с генеральными политическими принципами большевиков, подчеркивая притягательность советской организационной модели для Азии. Однако партия разделилась на левых, поддерживающих союз с коммунистами, и правых, более близких к китайской элите. После смерти Сунь Ятсена в 1925 году казалось, что центр победил, когда контроль над партией перешел в руки Чана Кайши, главы военного отдела академии Хуанпу. Первоначально Чан являлся горячим сторонником СССР, в котором он побывал в 1923 году, а его сын был членом комсомола. Но он никогда не поддерживал социальную революцию и вскоре стал оппонентом советских консультантов и левого крыла Гоминьдана, которые, по мнению Чана, готовили против него заговор{611}.

Чэнь Дусю и коммунисты сначала прохладно восприняли совет Коминтерна и перспективу образования единого фронта с Гоминьданом. В 1923 году Чэнь согласился с такой политикой, но по мере того, как курс Гоминьдана стал смещаться вправо и местные элиты начали сопротивляться социальным реформам, он стал форсировать распад альянса[501]. Все «эгоистичные» элиты, в том числе мелкопоместное дворянство и буржуазия, теперь превратились в его врагов. Китай мог стать сильным и единым лишь в том случае, если бы эти элиты оказались свергнуты пролетариатом.

Решительный шаг влево произошел 30 мая 1925 года. Забастовка на фабрике, которой владели японцы, была подавлена шанхайской полицией, контролируемой иностранцами – британцами и индийцами. Двенадцать рабочих были убиты, и «движение 30 мая» – демонстрации протеста и бойкот импортных товаров – вспыхнуло в городах Китая. Эти события были слово списаны с учебников по марксизму-ленинизму; связь империализма с классовым угнетением казалась очевидной. Коммунизм привлек писателей и других представителей интеллигенции, количество членов Компартии стремительно возросло до 60 тысяч человек; она впервые имела возможность стать самой массовой партией в стране. Коммунистам также удалось создать профсоюзы в городах, благодаря им произошли первые реальные успехи в сельском хозяйстве. Когда армия Гоминьдана захватила контроль над огромными аграрными областями Китая, крестьянские союзы воспользовались возможностью бросить вызов землевладельцам и их власти. Это обеспокоило мелкую знать, которая поддерживала Гоминьдан. Разумеется, коммунисты были готовы помочь.

Вскоре националисты взяли реванш. В 1926 году Чан Кайши инициировал свой «Северный поход» – военную кампанию, целями которой были объединение Китая и победа над милитаристами. Его Национальная революционная армия, обученная и финансируемая СССР, прошла маршем до восточного побережья Китая, нанося поражения милитаристам, но чаще просто включая их отряды в свои ряды. Важным последствием этого похода было то, что Гоминьдан стал еще больше доверять мелким дворянам и военным, а к социальным реформам – относиться с большей враждебностью. Когда Чан подошел к Шанхаю, коммунисты провели упреждающее восстание с участием около 200 тысяч бастующих рабочих, свергнув местного военного лидера. Но весной 1927 года войска Чана Кайши взяли Шанхай и разрушили Единый фронт. С помощью купцов, членов городского совета, представителей международных структур и, наконец, знаменитой преступной группировки «Зеленая банда» Чан Кайши арестовал и казнил многих коммунистов и их сторонников.

Шанхайской бойней завершились попытки Коминтерна влиять на политику Китая[502]. Она привела к обмену яростными обвинениями между Москвой и Китаем. Чэнь Дусю был сделан козлом отпущения и снят с поста, но разгром Коммунистической партии Китая выразительно продемонстрировал крушение идей Ленина и Роя[503]. Упорно придерживаясь ленинской идеи Единого фронта, Коминтерн обеспечивал финансирование и обучение той самой армии, которая устроила массовые убийства последователей партии. Но часть вины за пролетарский утопизм в стиле Роя лежала и на китайских коммунистах. Они взяли за организацию городской рабочей революции[504], хотя китайский пролетариат и был малочисленным, и рабочие часто проявляли большую лояльность к тайным союзам и своим кланам, чем к «классу». Более того, китайским коммунистам не хватало собственной военной силы, хотя они считали, что смогут выстоять против оппонентов, вооруженных на деньги Коминтерна. Потерпевшие крах восстания в Индонезии 1926–1927 годов стали

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org для Коминтерна дополнительным подтверждением того, что время городских революций в Азии еще не пришло.

За шанхайской бойней последовал «белый террор». Гоминьдан организовал чистки коммунистов, оставшиеся в живых бежали в горы, где создали коммунистические «базы». Таких плацдармов существовало более десятка, но все они располагались вдали от центров власти. Казалось, грубые ошибки Коминтерна привели к краху всех перспектив установления коммунизма в Китае, которые еще два года назад казались такими реальными.

Поражение и вынужденное бегство в деревню, где Коминтерн не имел никакого влияния, сыграли решающую роль в формировании китайских коммунистов. Изгнанные из городов и преследуемые Гоминьданом, они были вынуждены провести реорганизацию в своих рядах.

IV

Зимой 1918 года один молодой человек двадцати пяти лет родом из провинции сидел в переполненном лекционном зале Пекинского университета, который был в то время центром сильнейших интеллектуальных и культурных брожений. Он слушал одного из наиболее горячих сторонников вестернизации, лидера Движения новой культуры, Ху Ши. Когда лекция закончилась, молодой человек, глубоко впечатленный новыми идеями, поднялся и задал Ху вопрос. Удивившись сильному южному акценту молодого человека, Ху поинтересовался, на самом ли деле это студент, и, узнав, что это всего лишь скромный помощник библиотекаря, работающий в университете, отказался с ним разговаривать{612}. Молодого библиотекаря звали Мао Цзэдун, он был родом из провинции Хунань и прибыл в Пекине всего несколько месяцев назад, пока болезнь матери не заставила его вернуться в родную деревню. Мао являлся всего лишь одним из многих молодых, идеалистически настроенных китайцев, которые были готовы на все, чтобы поучаствовать в возрождении своей страны и узнать о новых, зарубежных идеях. И, несмотря на то, как пренебрежительно к нему отнесся Ху, именно провинциальное, сельское происхождение позволило Мао взрастить такие идеи на китайской почве гораздо лучше, чем это удавалось более образованным и искусственным студентам.

Нельзя не провести параллелей между Мао и Сталиным. Оба происходили из непривилегированных слоев общества, оба почти или вовсе не жили на Западе и должны были утвердить свой авторитет среди более космополитичных и образованных коммунистов. Оба с подозрением относились к образованной интеллигенции (хотя враждебность Мао была сильнее[505]), оба провели юные годы на периферии некогда великих, но сейчас угасающих империй, в атмосфере агрессивного национализма, а затем прошли каждый по своему тернистому пути к центру империи. Оба с юных лет интересовались военными вопросами и сформировали лидерские качества в ходе гражданских войн; оба придерживались беспощадного политического макиавеллизма; оба были умны, но образование получили на относительно низком уровне, в традиционной системе, подчеркивающей важность морали и идеологии, соответственно конфуцианской и православной. И наконец, оба они верили в силу радикальных политических идей и первоначально выступали с позиций радикального марксизма.

Кроме того, оба они были упорными бунтарями и испытывали глубокое презрение к своим отцам. Мао считал отца недалеким жадным тираном, эксплуатировавшим бедняков; он отказался жить с женой, которую выбрал для него отец, и позже подчеркивал, что усвоил, насколько важен протест, из отношений со своим отцом. Тяга Мао к бунту особенно ярко подкреплялась его интересом к роману «Речные заводы» (другое название – «Все люди – братья»), классическому китайскому сюжету о 108 «братьях»-разбойниках, которые сражались за права бедных, против несправедливых чиновников, – героический эпос, так похожий на историю Кобы, которой увлекался Сталин. Мао рассказал журналисту Эдгару Сноу, что читал этот роман гораздо охотнее, чем труды Конфуция, в том числе в школе, прикрывая классической книгой, когда учитель проходил мимо{613}. Сам Мао, как и Сталин, скорее всего, сталкивался с крестьянами-разбойниками в родной деревне. Когда империя Цин пала, Хунань, как и Грузия, породила собственные банды – тайные братства, которые боролись с милитаристами.

Однако не следует далеко заходить в проведении параллелей между этими двумя судьбами. Грузия 1870-х[506] и Хунань 1890-х очень отличались друг от друга. Мао, в отличие от Сталина, был активным участником культурной революции, направленной против иерархического конфуцианства, – движения 4 мая[507], и его отношение к целому спектру проблем – семье, обществу,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
культуре – было гораздо более эгалитарным и радикальным, чем у его старшего товарища.

Хотя Мао, как и Сталин, обладал саркастическим чувством юмора и имел обыкновение употреблять в разговоре бранные выражения, с равными он вел себя сдержанно. Люди, знакомые с ним, видели яркую, но закрытую личность. Агнес Смедли, американская писательница и корреспондент «Манчестер Гардиан», так описывала свою первую встречу с Мао, состоявшуюся в 1930 году: «У него было длинное, смуглое, непроницаемое лицо, широкий и высокий лоб, женственный рот. Кем бы он ни был, он производил впечатление эстета... Народ любил [военного лидера] Чжу [Дэ], а Мао был уважаем. Те немногие люди, которые хорошо его знали, очень его любили, но душу свою он прятал глубоко и никому не раскрывал. В нем не было скромности, свойственной Чжу. Несмотря на то “женственное” впечатление, которое он производил, он был упрям, как мул, а стальным стержнем его личности служили гордость и решимость. У меня сложилось впечатление, что он мог бы ждать и наблюдать годами, но все равно не отступил бы от своего пути»{614}.

Когда Мао было всего 18, у него появилась возможность последовать примеру любимых героев-воинов: он вступил в республиканскую армию в столице Хунани Чанша, чтобы защищать революцию 1911 года. Ему не довелось воевать, но он все равно столкнулся с тяжелыми лишениями и риском. Через шесть месяцев он демобилизовался, и перед ним встал вопрос, как устроить свою жизнь. Он планировал поступить в школу полиции, записывался в ученики мыловара и даже подался в коммерческую школу, но туда путь оказался закрыт: все предметы преподавались по-английски. Он сдал экзамены в престижную «Среднюю школу», где изучались история и литература Китая, но порядки этого учебного заведения оказались для него слишком строгими и реакционными; в результате он поступил в педагогическое училище, которое успешно закончил в 1918 году.

В годы обучения в училище он много читал. В то время, когда Китай был насыщен интеллектуальными и политическими брожениями, Мао являлся типичным националистически ориентированным студентом, искавшим пути возрождения Китая. Как и члены Движения новой культуры, он верил, что Китай должен отказаться от рабской ментальности. Для достижения этой цели требовались воля и уверенность в своей правоте. Но решения, которые принимал Мао, имели отчетливую милитаристическую окраску: он продолжал смотреть на мир глазами юного солдата и любителя героических историй. В своей первой статье 1917 года он написал: «Наша нация рвется к силе: ее воинственный дух никогда никто не поощрял. Физическое состояние народа ухудшается день за днем... Если наши тела не будут сильны, мы будем дрожать при виде [вражеских] солдат. Как же тогда мы сможем достичь наших целей или распространять свое влияние?»{615}

Регулярные физические упражнения, которыми сам Мао занимался ежедневно, должны были закалить волю, а затем воля, в сочетании с верными моральными принципами, должна была дать китайцам силу, чтобы восстать против своих угнетателей-империалистов. В отличие от конфуцианского «сверхчеловека», стремление к которому «культивировалось и было общепринятым», тренировки должны были быть «дикими и неистовыми»{616}. Возможно, Мао оправдывал свой собственный характер, а не нравы крестьянина, работающего на земле. Но он также соединял этические идеи конфуцианства с модным в то время социал-дарвинизмом, заимствованным у Запада. Способ устранения национального упадка, предлагаемый Мао, во многом походил на методы, которыми пользовались его французские и русские предшественники. Он заключался в разрушении старой элитарной культуры и принуждении людей к жизни в полувоенном братстве.

Подобно многим своим современникам, Мао сначала был анархистом с неопределенными взглядами, но неудивительно, что он одним из первых пришел к выводу, что ответы на все вопросы есть у российской «экстремистской партии», как он ее называл. Он сам был свидетелем коррумпированности и эгоизма мелкой знати Хунани. Это убедило его в том, что любые реформы, проводимые с опорой на таких людей, оказались бы безнадежными{617}. В 1921 году он проанализировал все варианты развития Китая и пришел к выводу, что все модели – от социального реформизма до умеренного коммунизма – не подходили для осуществления перемен в Китае. Только «экстремистский коммунизм» с его «методами классовой диктатуры» «возможно, приведет к ожидаемому результату»[508].{618}

Вскоре Мао стал успешным организатором ячейки коммунистической партии в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Хунани. Он воспользовался стратегией Единого фронта и работал на Гоминьдан в конторе центрального отдела пропаганды[509]. Но после кризиса 1927 года, когда коммунисты были изгнаны из городов в деревню, Мао готовился воспользоваться преимуществами создавшейся ситуации. Он обратился за примером к военным и вскоре стал убеждать коммунистов формировать вооруженные отряды, чтобы противостоять Гоминьдану. Известно его заявление: «Каждый коммунист должен усвоить одну истину: винтовка рождает власть»{619}.

Кроме того, Мао очень интересовался сельской жизнью и ее социальными противоречиями. Он не питал сентиментальных чувств к сельской жизни, однако, по воспоминаниям его врача, «Мао был крестьянином и имел бесхитростные вкусы»{620}. Как и другие крестьяне китайского юга, он никогда не чистил зубов и просто полоскал рот чаем (со временем его зубы полностью сгнили и почернели). Иностранцы иногда приходили в замешательство, когда в ходе беседы он снимал одежду и ловил вшей{621}. С 1925 года Мао не покидал уверенность в том, что решающая роль в ходе революции должна принадлежать крестьянам. Он никогда не отходил от марксистского учения о том, что рабочий класс и партия являются авангардом революции и что социалистическое общество должно быть современным и индустриальным{622}. Он также утверждал, что коммунистическая стратегия должна уделять внимание сельской жизни, поскольку «феодално-помещичий класс» был основным оплотом милитаристов и иностранных империалистов{623}.

Первоначально Москва придерживалась догматического марксистско-ленинского курса, оспаривая важное значение крестьянства. Однако к концу 1927 года после очевидного провала Единого фронта была принята новая стратегия. Мао сам создал лагерь в горах Цзинган, прежде чем был вынужден отступить к границе Цзянси-Фуцзянь на юго-западе Китая, недалеко от города Жуйцзинь. 7 ноября 1931 года, в годовщину большевистской революции, было провозглашено первое коммунистическое государство в Китае – Советская республика провинции Цзянси[510]. Церемония провозглашения состоялась в семейной часовне за пределами города Жуйцзинь – столицы республики и штаб-квартиры режима. Был организован парад, на котором демонстрировалась фигура, символизирующая «британского империалиста» с двумя пленниками, закованными в цепи, – Индией и Ирландией. Мао, стоявший вместе с соратниками на трибуне, выполненной в советском стиле, окруженной красными флагами и изображениями серпа и молота, был провозглашен Председателем новой Республики[511].{624}

Именно в этот период партия разработала концепцию партизанской «народной войны», которая имела большое значение при попытках адаптировать коммунизм к конфликтам третьего мира. В мае 1928 года Центральный комитет КПК опубликовал «Общие принципы военной работы», в которых давалось подробное объяснение данной стратегии: коммунистическая «Красная армия» должна была мобилизовать местных крестьян и создать Красные отряды самообороны для борьбы с войсками местных помещиков и Гоминьдана, одновременно конфискуя землю и распределяя ее между бедняками. При этом главная роль отводилась партии, которая должна была проводить «агитацию и пропаганду» в рядах солдат; отношения между солдатами и офицерами следовало строить по принципу равенства. Многие делали для того, чтобы исключить из армии мелкую буржуазию. Базы в Цзянси должны были стать зародышем коммунистического государства: снабжать Красную армию всем необходимым и противостоять нападениям Гоминьдана{625}.

Таким образом, подобная модель военной организации сильно отличалась от традиционной европейской модели и, безусловно, от той модели, которой обучали советские специалисты в академии Хуанпу. Парадоксально, но Чан Кайши и Гоминьдан большей степени восприняли советские идеи[512], нежели коммунисты, и националисты старались создать иерархичную, всеобъемлющую национальную организацию, чтобы мобилизовать народ для военной и трудовой службы. В соответствии с системой, называвшейся «баоджия», все хозяйства подлежали регистрации в сложной бюрократической организации, работу которой контролировали эмиссары из центра и представители местных элит.

Усилия Гоминьдана принесли некоторые успехи и не были обречены на провал{626}. Но, учитывая политический хаос, в котором тогда пребывала страна – стремительно возросшее количество вооруженных банд и слабость центрального правительства, – предложенный Гоминьданом принцип организации власти сверху вниз являлся слишком амбициозным и легко мог быть сорван местными непокорными властями. Стратегия коммунистов, напротив, была как

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org раз локальной, а не национальной и, пожалуй, единственной, которая могла привести к успеху во времена крайней политической дестабилизации. Но эта стратегия к тому же позволяла эффективно консолидировать общество, сокрушенное войной, образовав из разрозненных вооруженных группировок слаженную армию{627}.

Мао был одним из многих коммунистических военных лидеров, но именно он стал успешным и преданным идее практиком партизанской, «народной войны». Он присоединился к Чжу Дэ, бывшему торговцу и опиумному наркоману, который уезжал в Германию, где стал коммунистом, а затем вернулся, чтобы обучать офицеров Гоминьдана. Благодаря ему Мао познакомился с военной наукой, и вместе они создали «четвертую Красную армию», которая стала эффективной силой во время партизанской войны. Вместо того чтобы выходить на традиционный открытый бой с более сильным врагом, они выбрали стратегию отступления, при котором врага заманивали в глубокий тыл, а когда он оказывался оторван от своих коммуникаций, его атаквали.

Мао постоянно анализировал крестьянство в социологическом плане. Он считал крестьянство «морем» сочувствия и поддержки, исключительно важным для коммунизма, который мог как «рыба» свободно в нем плавать. Но он понимал и то, что грубое марксистское деление крестьян на классы «богатый», «средний» и «бедный» не поможет им, а только приведет к отчуждению сельского населения. В 1930 году он провел массовое и всестороннее исследование настроений крестьянства в нескольких регионах, включая Ксунву{628}. Он составил список из некоторого количества магазинов, а также записал, какие товары (в количестве 131) в них продаются, отметил, каковы профессиональные и политические взгляды местных жителей. Вскоре он пришел к выводу, что богатые крестьяне составляют изолированное меньшинство; следовательно, партия могла «отделить сало от мяса», то есть перераспределить землю, раздав участки богатым бедным, при этом не вызвав недовольства у большинства{629}. В таком случае Мао мог без стеснения использовать насилие и организовал «красные карательные группы», которые могли убивать помещиков и других «контрреволюционеров».

Правление коммунистов, как видим, было жестоким и хаотичным. Армии коммунистов, прибывшие в Цзянси и другие военные базы, состояли из интеллектуалов, дезертиров Гоминьдана, бандитов, уголовников, рабочих и крестьян. Перед ними стояла задача взять под контроль разрозненный политический ландшафт, одновременно отражая частые атаки Гоминьдана. В это же время за власть боролись тайные союзы, родственные объединения, враждебные деревни и солдаты коммунистической партии и Гоминьдана.

Само руководство было сильно разобщено, что являлось нормой в коммунистической партии. Несмотря на военные успехи Мао, Москва и шанхайская коммунистическая партия считали его слишком революционным и недисциплинированным. В 1929 году Коминтерн попытался взять под контроль китайских коммунистов, послав Ван Мина и так называемых вернувшихся студентов, обучавшихся партийному управлению в университете имени Сунь Ятсена в Москве, чтобы они заняли высокие посты в Партии, они же, в свою очередь, сосредоточились на усилении контроля над упрямым инакомыслящим вождем. Они не доверяли предпочтениям Мао, который делал ставку на спонтанную, партизанскую войну, и выступали за более традиционные военные действия. Они обычно предпочитали нападать на города, а не вести войну «сельскими методами», как это делал Мао{513}. Назначение Мао председателем совета Цзянси было умным ходом – таким образом, ему предлагалось не вмешиваться и остаться в безопасности{630}.

К 1934 году Мао был надежно выведен из игры московскими властями. Как ни парадоксально, выручил его Чан Кайши. Пятая кампания Чана против республики Цзянси оказалась успешной, и коммунисты были вынуждены отступить. Мучительный поиск нового места базирования привел их из юго-западной части Цзянси в северную часть Шэньси, в город Яньань, и стал известен как Великий поход. Мао вновь проявил свой выдающийся талант военного лидера и доказал эффективность методов партизанской войны, опять став претендентом на единоличное лидерство.

В следующие годы Мао умело превратил Великий поход в важнейший эпизод коммунистической мифологии. Мао стал подобен Моисею, который привел свой избранный народ в Землю Обетованную, перенеся по пути бесчисленные страдания{631}. На самом деле Мао и центральное руководство проделали этот путь с гораздо большим комфортом, чем все остальные, так как их несли в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org паланкинах (хотя стоит отметить, что они работали по ночам, анализируя стратегию и изучая агентурную информацию; Мао, как и Сталин, предпочитал работать ночью). Тем не менее Великий поход был выдающимся подвигом. За год оказалось пройдено шесть тысяч миль, то есть около семнадцати миль в день по очень сложной местности. Участников похода преследовали войска Гоминьдана. Особенно уязвимы люди Мао были на речных переправах. Из 86 тысяч вышедших в поход до Яньани дошло всего несколько тысяч.

Пока коммунисты бежали от армий чаня, более опасные враги накапливали силы. Японцы, чья экономика была подорвана Великой депрессией, теперь стремились захватить рынок Китая. В то же время Коминтерн был вынужден изменить свой курс из-за крепнущего нацизма. Теперь Москва давила на Мао и правительство Яньани, настаивая на создании Народного фронта совместно с Гоминьданом, чтобы противостоять японцам. Неудивительно, что Мао враждебно отнесся к этой идее. В 1936 году он все же уступил требованиям Коминтерна и принял участие в кампаниях против японцев, однако продолжал противостоять попыткам Москвы склонить его к тесному союзу с националистами[514]. Он настаивал на сохранении независимости Коммунистической партии, расширяя базовые лагеря коммунистов и придерживаясь испытанной тактики партизанской войны.

После Великого похода авторитет Мао вырос, но он все еще входил в состав коллектива руководителей, и Коминтерн не оставлял попыток отстоять свое верховенство. Сталин снова послал Ван Мина, чтобы тот восстановил московскую управляющую вертикаль и принудил Мао принять политику Народного фронта. Некоторое время Мао угрожала опасность; возможно, Сталин планировал судить его на планируемом процессе против «правых» членов Коминтерна в 1938 году{632}. Но Мао спасло новое обострение отношений между Чанем и Коммунистической партией, и после того, как Ухань, столицу Чана, захватили японцы, стратегия Мао, заключающаяся в отступлении в далекий Яньань, была оправдана. В конце 1938 года Мао обеспечил себе поддержку Москвы в качестве лидера партии, но только в 1943 году Мао стал безоговорочным единоличным руководителем. Именно в это время, отсиживаясь в Яньани, Мао сформировался как выдающийся лидер и начал ковать новый сплав радикальных коммунистических идей.

Регион Яньань был колыбелью китайской цивилизации, но к XX веку он представлял собой одну из наиболее изолированных и бедных частей государства. Ландшафт здесь пересеченный, почва – неплодородная. Эдгар Сноу, американский журналист, попытался передать свои впечатления своим заморским читателям, опираясь на обычные сравнения с современной европейской культурой: «Здесь мало настоящих гор, только изрезанные холмы, бесконечные, как предложения Джеймса Джойса, только более скучные. Они иногда производят поразительное впечатление, как полотна Пикассо, на которых резко очерченные тени и яркие цвета чудесным образом изменяются по мере того, как солнце бежит по небу, а перед наступлением сумерек сливаются в величественное море багряно-фиолетовых вершин, по которым сбегают вниз, к бездомным ущельям, темные бархатные складки, похожие на складки одеяния мандарина»{633}.

Город Яньань был древней крепостью, совсем не похожей на утонченные города восточного побережья. В Яньани возвышались мощные зубчатые стены, над которыми виднелась пагода, построенная на холме. Но именно удаленность от космополитической цивилизации сделала этот город идеальным местом для нового коммунистического общества, которое хотел построить Мао. Мао всегда очень подозрительно относился к большим городам и в такой провинциальной глуши чувствовал себя гораздо увереннее.

Яньань был идеальным местом, где Мао мог состояться как пророк нового, «китаизированного» марксизма{634}. Мао, которому столько проблем доставили коммунисты, обученные в Москве, понимал, что ему нужно разработать теоретические основания для своего независимого курса; для этого недостаточно быть военным лидером и уметь мобилизовать крестьянство. В течение нескольких следующих лет он старался разработать согласованную программу партии, которая оправдала бы предполагаемые «отклонения», и написал несколько работ о философии марксизма, которые стали основой так называемых маоцзэдунизма – философии Мао[515].

Маоистская неакадемическая версия марксизма была идиосинкретической и не сочеталась с застывшим, догматическим языком, на котором обучали в Москве. Агнес Смедли так охарактеризовала его стиль: «Мао был известным теоретиком. Но его теории основывались на истории Китая и на опыте, приобретенном на

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org полях сражений. Большинство китайских коммунистов мыслят в категориях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а некоторые даже гордятся тем, что могут часами цитировать главу, строфу или лекцию их авторства. Мао тоже мог это сделать, но редко прибегал к этому. Его лекции... были похожи на беседы о китайской жизни и истории. Сотни студентов, наводнившие Яньань, привыкли брать пищу для ума только из примера Советского Союза, а также из трудов немногих писателей из Германии и других стран. Но Мао рассказывал им о родной стране и о своем народе... Он цитировал такие произведения, как «Сон в красном тереме» или «Все люди – братья»... Его поэзия не уступала качеством творчеству классиков, но через нее красной нитью проходил мотив социальных и личностных размышлений»{635}.

Было исключительно сложно передать марксистские концепции на китайском языке; такие термины, как «буржуазный» и «феодальный», нельзя было просто заимствовать, как это проводило в европейских языках. Само слово «пролетариат» передавалось китайскими иероглифами как «класс, не имеющий собственности» (вэнь хуа да жэминь) и стирало различия между городской и сельской беднотой, упрощая процесс уравнивания крестьян и промышленных рабочих. Но Мао шел еще дальше и специально использовал традиционные китайские термины для описания марксистских идей. Например, он применял старинный термин «автократия» (дукай) как эквивалент «диктатуры [пролетариата]»{636}; он также использовал конфуцианскую концепцию «Великой Гармонии» (датонг) в качестве синонима коммунизма, объединяя марксистскую теорию истории с традиционным китайским пониманием «золотого века»{637}. Работы по философии марксизма, написанные им в этот период, также полны исконных понятий китайской философии. Его рассуждения о диалектике и конфликте противоборствующих сторон (сосредоточенные тем не менее на тесной связи марксизма и борьбы) также напоминали о даосских теориях о противоположностях инь и ян, присутствующих во всех вещах[516]. Мао внимательно читал советские книги о диалектике, но его комментарии часто свидетельствовали о том, что он хочет соотнести общие абстракции с конкретными обстоятельствами китайского бытия{638}.

И все же «китаизированный марксизм» того периода был менее китайским, чем думают некоторые исследователи{639}. На самом деле такая версия коммунизма была эгалитарной, радикальной, мобилизующей, подходящей для партизанских отрядов, которым требовалось заручиться поддержкой крестьян. Такой коммунизм придавал большое значение человеческой воле и идеологической вдохновенности, а не только экономическим силам{640}; он доказывал, что крестьяне могут быть такой же революционной силой, как и рабочие (хотя никогда не отрицалась идея того, что именно промышленный рабочий класс в конце концов станет наследником Земли). Этот коммунизм использовал принцип «массовой линии», в соответствии с которым партия должна реализовывать социалистическую «демократию» и «учиться» у масс (хотя, конечно же, это была далеко не либеральная демократия; более либертарианским элементам марксистской традиции не нашлось места в теории Мао и, шире, во всем китайском марксизме){641}.

На практике коммунизм, преобладавший в Яньани, совмещал в себе идеализм и прагматизм. Это была ярко выраженная эгалитарная система: все, в том числе руководящая верхушка, должны были заниматься каким-либо физическим трудом и жить в насквозь продуваемых пещерах за городом. Новые люди, которые прибывали в Яньань, размещались по восемь человек в пещере. Они были заняты производительным трудом, военными тренировками, театральными представлениями и, что самое важное, длительными, интенсивными политическими дискуссиями в ходе учебных сессий. В такой организации жизни нашлось место неравенству: пещера Мао была просторнее всех, из нее открывались прекрасные виды, оплата труда также была разной{642}. Эта несправедливость вызывала возмущение и критику городских интеллигентов-идеалистов, прибывших в Яньань в надежде найти тот радикальный вариант равенства, которого они добивались во время движения 4 мая. Одни жаловались на отсутствие политических принципов, на недостаточный политический азарт яньаньских руководителей, другие (особенно писатель Дин Лин) были возмущены их отношением к женщинам, которых в Яньани, несмотря на призывы к равенству, считали ниже мужчин{643}. Хотя Дин Лин никогда не выдвигал прямых обвинений, главным правонарушителем был Мао, отличавшийся непостоянством и грубым отношением к своим многочисленным женам и девушкам. И все же по сравнению с советской коммунистической культурой конца 1930-х годов в культуре Яньаня имелось больше пуританства и равноправия, о чем можно было судить, например, по одежде жителей: мужчины и женщины носили либо военную форму, либо костюмы в стиле Сунь Ятсена – обмундирование, в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org основе которого лежал образец формы японского студента. Эта форма одежды пользовалась популярностью у коммунистов, так и у чиновников Гоминьдана (позже на Западе его стали называть «костюмом Мао»). Хотя коммунисты придерживались пуританского образа жизни они не могли позволить себе быть догматичными, поскольку нуждались в поддержке всего крестьянства. Поэтому они прилагали большие усилия к тому, чтобы не оттолкнуть от себя местную элиту. Система правительства по принципу «трех третей» позволяла местному руководству сохранять некоторое влияние, отводя коммунистам только треть мест в сельском совете, вторую треть – некоммунистическим «прогрессивным» элементам, а третью – любым другим политическим группировкам, не сотрудничавшим с японцами. Большинству богатых крестьян было позволено сохранить за собой право на землю. Выгода бедных крестьян состояла в снижении земельной ренты и налогов. Казалось, они поддерживали партизан-аскетов, которые жили и работали вместе с ними ради повышения уровня благосостояния. Яньаньское сочетание идеологической гибкости и активной деятельности привлекало и крестьян, и элиту{644}.

Сначала отношения между коммунистами в Яньани отличались относительной толерантностью. Однако после начала войны с Японией в 1937 году и наплыва новых приверженцев Мао разного социального происхождения одним из его требований стало сохранение идеологического единства. С особым подозрением он относился к буржуазному «индивидуализму» интеллигенции из областей, контролируемых Гоминьданом. С 1939 года Мао начал следовать примеру Сталина, используя идеологические труды в качестве механизма подчинения партийных чиновников. Он отдал распоряжение перевести «Краткий курс истории ВКП(б)» Сталина (1938) и написал приложение к курсу о китайском партийном опыте. Предполагалось, что младшие партийцы должны читать и заучивать эти тексты. Однако к 1942 году Мао пришел к выводу, что необходимо научить всех партийцев «исправить» свои мысли. Если коммунисты по-настоящему усвоят идеологию, они смогут одержать победу в войне и построить коммунизм.

«Исправление» представляло собой китайский вариант советских партийных «чисток», хотя и более сложный, отражающий отношение конфуцианства к нравственному образованию и правильному мышлению{645}. Партийцам следовало изучать 22 труда об идеологии и истории партии, большинство из которых написал Мао. Принципы, изложенные в этих трудах, должны были применяться партийцами в их личном опыте. Они заполняли анкеты, где от них требовалось привести примеры «догматизма», «формализма» или «отступничества» и изложить планы преобразования. Ожидалось, что они также будут разоблачать врагов в так называемых кратких прогнозах. Эти документы проверялись лидерами, а после организовывалось собрание, на котором каждого отдельного человека публично критиковали и заставляли признавать ошибки. После таких собраний заблуждавшихся партийных товарищей возвращали в коллектив, полагая, что их мысли преобразованы.

Как и в СССР, многие считали чистки необходимой мерой, так как верили, что мысли нуждаются в корректировке. Ду Чжанчу, один из военачальников Народно-освободительной армии Китая, признавал, что «чистка» заставила его изменить свое отношение к браку; его будущая жена должна быть политически надежным человеком, женщиной, которую он будет любить, а не просто покорной домохозяйкой{646}. Другие не поддерживали чистки. Как вспоминал очевидец яньаньских событий: «Нужно было записывать все: что сказал X или Y, что ты сам сказал такого, что можно посчитать плохим. Каждый должен был постоянно копаться в своей памяти и постоянно записывать. Это было самое ужасное»{647}.

Вскоре чистки переросли в более жестокую кампанию репрессий{648}. Отчасти это случилось потому, что Гоминьдан оказывал на коммунистов все большее военное давление, после чего последовал фактический разрыв их союза в 1941 году. Началась паника. Мао и его «Ежов» Кан Шэн также были причастны к репрессиям. Зловещий Кан Шэн, которого называли «револьвером» Мао, родился в знатной семье и был очень утонченным человеком, писал стихи, был каллиграфом, знатоком эротической литературы и гончарного искусства эпохи Сун. В 1930-е годы он жил в Москве в гостинице «Люкс» и сотрудничал с НКВД, помогая разоблачать китайских шпионов в Москве. Он являлся одним из студентов, вернувшихся в Яньань вместе с Ван Минном. У него была необычная внешность космополита: он носил усы, советский черный кожаный френч, высокие черные кожаные ботинки и всегда имел при себе хлыст. Он любил пекинесов. Еду ему готовил повар, работавший на последнего императора{649}. Несмотря на его связи с СССР и образ злодея, Кан был близким другом Мао. Кан многому научил Мао в поэзии и каллиграфии. Вскоре он возглавил

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org секретное ведомство в Яньани, которое скромно именовалось «отделом по общественным делам». Кан утверждал, что кампания чисток помогла выявить шпионов в партийной верхушке. Вместе с Мао он начал кампанию по «спасению падших», применяя пытки, круглосуточные допросы и вызывающие ужас публичные собрания, на которых людей заставляли признаваться в преступлениях против партии. Эта кампания не была повторением сталинского террора, поскольку в Китае немногие приговаривались к смертной казни, и все же она вызвала сильнейшее беспокойство многих китайских лидеров, несмотря на то что Мао считал ее образовательной, а не репрессивной. В конце концов Мао остался недоволен ее результатом и извинился за «перегибы».

«Спасительная» кампания должна была скорее навредить репутации Мао, чем укрепить ее, однако к 1943 году власть сконцентрировалась только в его руках. Он вышел победителем из многолетней борьбы за влияние в партии и стал создателем новой харизматичной формы руководства, а также первым китайским лидером уровня Ленина и Сталина{650}. Маоизм объявили идеологией партии, а на музыку старой песни о любви были положены слова неофициального гимна «Алеет Восток»:

Алеет Восток, взошло солнце.

В Китае родился Мао Цзэдун.

Он работает ради счастья народа,

Он – звезда, спасающая народ{651}.

Важно помнить о том, что, несмотря на притязания, Мао не был единственным партизанским лидером того периода, а Яньань – единственной базой коммунистов. У китайского коммунизма имелось несколько центров. Во время Великого похода ох главной армии отделились несколько малых армий, сосредоточившихся в Южном и Центральном Китае и успешно сражавшихся против сил Чан Кайши. Их опыт отличался от опыта тех, кто остался в Яньани. Они были вынуждены избрать другую тактику, отказаться от мобилизации крестьян и положиться на традиционных феодалов и систему кланов{652}.

Именно опыт Яньаня оказал самое сильное влияние на партию. Через несколько лет Мао попытался воскресить дух Яньаня во время Культурной революции, однако в более короткие сроки этот опыт сплотил партию и позволил ей использовать в своих целях хаос, который принесла война. Однако окончательную победу коммунисты одержали, как это ни странно, благодаря вторжению японцев в Китай в 1937 году. Коммунисты предстали перед крестьянством как защитники от японцев[517]. Таким образом, они заручились поддержкой многих китайцев во время партизанских акций, избегая прямых военных столкновений. Тем временем военная машина Гоминьдана – соперников коммунистов – была раздавлена превосходящими японскими силами{653}.

Коммунисты использовали войну против Японии, чтобы распространить свое влияние на новые области. Когда в 1945 году японцы проиграли войну, позиции коммунистов были все еще слабы, в основном ограничиваясь влиянием на северо-западной периферии Китая. Большую часть Китая, включая крупные города, контролировал Гоминьдан, поддерживаемый США и признанный СССР, который пытался заставить коммунистов создать очередной Единый фронт с националистами. Когда СССР весной 1946 года вывел войска из Маньчжурии, борьба за власть развернулась между коммунистами и Гоминьданом, в Китае началась гражданская война. У коммунистов были плохие карты, тем не менее играли они хорошо. Им удалось получить помощь СССР, а также поднять крестьян против землевладельцев, пообещав снижение ренты. Однако некоторое время все же понадобилось для того, чтобы убедить их порвать с традицией и бросить вызов землевладельцам{654}.

С 1946 года Мао стал настаивать на радикальном перераспределении земельной собственности в регионах, контролируемых коммунистами. Эти действия способствовали росту авторитета Народной-освободительной армии. Многие добровольно вступали в ее ряды, особенно на севере Китая. «Рабочие отряды» коммунистов приезжали в деревни и учреждали ассоциации бедных крестьян, которые помогали коммунистам определить класс каждого из сельчан. Коммунисты также призывали бедных крестьян и середняков участвовать в «собраниях борьбы с ошибками», на которых они будут «выливать горечь», накопившуюся из-за угнетения землевладельцев, а иногда и нападать на ненавистных врагов. В одной из деревень на севере провинции Шэньси главной мишенью стал самый состоятельный житель Шэн Цзинхэ, разбогатевший на том, что давал деньги в долг под проценты и разворовывал дары местных храмов: «Когда началась заключительная стадия борьбы, Цзинхэ должен был отвечать не только на выдвинутые против него сто обвинений, но на многие другие.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Старушки, которые до этого никогда публично не выступали, поднялись с обвинениями против него. Даже жена Ли Мао, такая жалкая, что едва осмеливалась смотреть людям в глаза, трясла кулаком перед его носом и кричала: "Однажды я шла собирать пшеницу на твоей земле. Ты обругал и прогнал меня..." Цзинхэ никому из них не ответил. Он молча стоял, опустив голову. В тот вечер все люди пришли к дому Цзинхэ, чтобы помочь конфисковать его собственность... Люди хором твердили, что у него должно быть много серебряных долларов... Потом мы начали его бить. Наконец он сказал: "Под каном [кирпичная кровать] я спрятал 40 серебряных долларов". Мы пошли туда и выкопали деньги. Они всех взбудоражили... Мы били его снова и снова, а несколько человек из отряда стали нагревать железный прут в огне. Цзинхэ признался, что он спрятал но серебряных долларов... В ту ночь мы нашли у Цзинхэ 500 долларов. Все говорили: "В прошлом мы никогда не праздновали новый год, потому что он всегда требовал ренту и проценты и вычищал все начисто из наших домов. Теперь мы сможем есть все, что захотим". Все наелись досыта, даже не обратив внимания на сильный мороз»{655}. Как показывает этот эпизод, долго накапливающееся недовольство может превратиться в жестокую злобу. Крестьяне иногда проявляли большой радикализм, чем от них ожидали коммунисты{656}. В регионах, контролируемых коммунистами, богатые крестьяне превращались в их влиятельных сторонников, коммунисты не могли позволить себе их потерять. На юге Китая, где позиции коммунистов были слабее, конфликт между богатыми и бедными был не такой серьезный. Другие лидеры, особенно преемник Мао Лю Шаоци, успешно выступали за менее разобщающий подход{657}. Лю родился в Хунани, недалеко от деревни Мао, и знал его с детства. Он был лучше образован и большим космополитом, чем Мао. В начале 1920-х годов он поехал учиться в Москву. Как у Мао, у него шли споры с Москвой в 1930-е годы, однако он остался сторонником модернистского марксизма. Государственным образцом для нового Китая он считал рациональное, бюрократическое государство, которое пытался построить Ленин, а не партизанский отряд Мао, напоминающий секту. К концу 1947 года сам Мао пришел к выводу, что классовую борьбу необходимо сдержать во имя национальной гармонии: сокращение ренты могло бы более эффективно подействовать на отчуждение крестьян от Гоминьдана{658}.

Крестьянство трудно поддавалось мобилизации. Партийная пропаганда, использующая образ сплоченных рядов крестьян, вместе идущих к власти под красными знаменами, была далека от реальности. Многие крестьяне не участвовали в революции, а просто наблюдали за ней, многие подчинились коммунистам, боясь наказания в случае отказа{659}. В победе Мао решающую роль сыграли сами борцы-коммунисты. Возрастной признак был важнее благосостояния: к коммунистам присоединялись прежде всего молодые крестьяне, а не бедные. Тем не менее партия враждебно относилась к состоятельным крестьянам, и к концу гражданской войны бедняки значительнополнили партийке ряды{660}.

Наиболее полное исследование китайских партизан-маоистов в наши дни провел американский антрополог Люциан Пай, который в начале 1950-х в Британской Малайе (часть Малайзии) взял интервью у 60 китайцев – бывших повстанцев[518], большинство из которых были членами партии и мелкими чиновниками[519]. Коммунисты, с которыми он встречался, представляли собой «группу бдительных, активно мыслящих людей»{661}. Большинство из них были низкого социального происхождения, однако не из самых бедных семей. Уровень их образования был выше, чем у среднего китайца (хотя и не выше уровня школьного образования). Они стремились к самосовершенствованию, но их перспективы были ограничены. Многие являлись квалифицированными рабочими, в основном на плантациях каучука, которыми владели иностранцы. У таких людей имелось мало шансов улучшить свое положение{662}. Они были недовольны своим статусом и отношением к ним своих хозяев. Они также стремились понять, чего они могут ожидать от стремительно меняющегося мира. Все это привело к тому, что они, как и поколение городских интеллигентов движения 4 мая, поставили под сомнение конфуцианские ценности своих родителей. Они были уверены, что мир их родителей с сыновней почтительностью и силой ритуалов приговаривает их к низкому положению и бедности. Они хотели идти в ногу со временем, поэтому больше доверяли ровесникам, а не старшим. Дружба и мужское товарищество имели для них большое значение. Часто они обладали харизмой и становились неформальными лидерами в своих компаниях.

Они жили в беспокойном мире, где большую роль играла политика. После вторжения японцев в Китай большая политика непосредственно коснулась жизни обычных людей. Во время оккупации многие потеряли родственников. Они чувствовали, что должны принимать участие в политической деятельности,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org чтобы защитить и одновременно совершенствовать себя. Первый путь был связан с вступлением в одно из сообществ – тайных Организаций, клановых и торговых ассоциаций. Но коммунистическая партия предлагала совсем другое. Партию воспринимали как более надежную организацию, оказывающую поддержку всем своим членам, в отличие от традиционных ассоциаций. Партия имела четкую программу, а ее лидеры, казалось, хорошо разбирались в политической обстановке того времени. Она была современной, но в то же время не западной, не «империалистической», она заботилась об обычных людях, таких, как они сами[520]. Она была хорошо организована, обладала силой и обещала защитить китайцев. Один человек говорил: «Я думал, что их пропаганда говорила о том, что, если я вступлю в партию, я стану жить, как те, кто управляет Китаем. Я знал, что коммунисты были очень сильны в Китае, никто не осмеливался им противостать». Коммунизм и опыт Октябрьской революции показали, как бедная, слабая нация может вдруг превратиться в великую державу: как объяснял другой партиец, «пока мы, китайцы, не узнали о революции в России, мы не были сильны в политике и выставляли себя дураками. Но теперь китайские коммунисты научились у русских тому, как провести революцию, и никто больше не смеется над китайской революцией»{663}.

Вступая в партию, коммунисты чувствовали, что они оказывают влияние на окружающий мир: «Это было так, словно я оседлал тигра, – заявил один из них. – У меня захватывало дух, я приобрел силу тигра. Он двигался, и я двигался вместе с ним». Сначала никто из новых членов не протестовал против партийных традиций, таких как чистки. Страстно желавшие самосовершенствования, они были счастливы оттого, что партия их исправит. Вскоре многие были уже обеспокоены тем, что Коллективная критика приводит к падению репутации в партии. В самом деле, коммунистов, воспитанных в конфуцианской культуре, в партии прежде всего привлекало нравственное образование: «Политический комиссар сказал мне, что он поможет разобраться мне в марксизме-ленинизме, и я смогу избавиться вредных привычек», – вспоминал один коммунист{664}.

Маоистский вариант марксизма-ленинизма выполнял и другие функции в группе партизан. Он мог служить источником эмоционального подъема в бою. Перед боем политический комиссар часто читал бойцам длинные лекции на политические темы, каждый солдат выходил из строя, стиснув кулак, и обещал отдать свою жизнь за дело марксизма-ленинизма. Один солдат вспоминал: «Когда все закончили свои речи и я сказал им, что не боюсь умереть настоящим революционером, мне вовсе не казалось, что случится что-то серьезное, если мы все будем убиты. Вот как действовал на нас марксизм-ленинизм». На идеологию также сложился взгляд как на особое эзотерическое знание, которое объясняло, как развивается история и как победить в политической борьбе. Малайские партизаны остались под глубоким впечатлением от того, что коммунисты великодушно поделились с ними этим знанием, в отличие от эгоистичных европейцев, которые хранили тайну своего успеха: «Марксизм-ленинизм учит, как организовать революцию и какой будет история. У коммунистов есть книги, в которых рассказывается, как достичь успеха в политике, и они всем позволяют их читать, поэтому, если вы захотите им помочь, вы будете знать, что делать. Демократы все держат в секрете и никому не говорят о своих планах. Кто знает, каковы стратегии и тактики Уолл-стрит? Если бы я хотел сотрудничать с демократами и действовать против коммунистов, как бы я узнал, что мне нужно делать?»{665}

В самом Китае коммунисты были лишь одной из многих сил (региональных, либеральных, студенческих тайных обществ)–противостоящих Гоминьдану, разобщенному, дискредитировавшему себя коррупцией элит{666}. Массовые случаи сотрудничества китайской знати с японцами во время войны раскололи приверженцев Гоминьдана, кроме того, партия была надломлена войной. После войны управленцы-националисты проявили свою жадность, установив высокие налоги, и неспособность обеспечить ожидаемую всеми социальную справедливость, которая была так необходима и Азии, и Европе. Националисты подавляли студенческие демонстрации и волнения в сельской местности, в то время как попытки Чан Кайши усилить централизованный государственный контроль отдалили от него региональную элиту.

Коммунистам удалось заручиться поддержкой многих крестьян и даже горожан, но их главным преимуществом оставалась целостность и сплоченность. В конце концов они одержали военную победу, которую никак невозможно было предсказать. Обе стороны совершали стратегические ошибки, но ошибки Чан Кайши оказались серьезнее{667}. Он был вынужден отступить на Тайвань, где

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Гоминьдан правил еще много десятилетий. Весной 1949 года[521] Мао ехал из села Сибайпо в провинции Хэбэй (именно там находился аппарат Коммунистической партии с 1947 года) в Пекин, старую столицу империи. Мао явно нервничал. Он шутил, что чувствует, будто едет сдавать экзамены на мандарина империи{668}. Несмотря на то что это было сравнительно короткое путешествие, в культурном плане оно может быть приравнено к Великому походу. Мао предстояло из лидера партизан превратиться в лидера одного из крупнейших государств мира.

v

1 октября 1949 года Мао Цзэдун взшел на площадку ворот Тяньаньмэнь (дословно «Врата Небесного Спокойствия»), ведущих в Запретный город (императорский дворец) в центре Пекина. В своем обращении к тридцатитысячной толпе он объявил: «Китайский народ поднялся с колен!» Его слушатели стояли на площади перед воротами, а над ними развевался новый китайский флаг красного цвета с четырьмя желтыми звездочками вокруг большой звезды в левом верхнем углу. Своим тонким, высоким голосом Мао объявил о создании Китайской Народной Республики. За этим объявлением последовал военный парад, в котором участвовали тысячи простых людей. Некоторые несли портреты лидера, играли на китайских барабанах и танцевали yangge – традиционный для северных китайцев танец рисовых побегов.

Церемония была тщательно обдумана, каждый ее элемент что-то означал{669}. Многие заимствовались из советских демонстраций на Красной площади, посвященных годовщинам Октябрьской революции, но, в отличие от советских торжеств, в этом параде был силен крестьянский, народный элемент. В то же время символизм парада объединял советский коммунизм с китайским символизмом. В октябре произошла революция 1911 года против династии Цин и революция 1917 года в России, а красный цвет символизировал и коммунистическую революцию, и китайскую красную землю. Звезды говорили о преданности коммунистов национальному единству: они представляли четыре класса, составлявших народ: национальную буржуазию, мелкую буржуазию, рабочих и крестьян, объединившихся вокруг Коммунистической партии, являвшихся частью китайской «Новой демократии». Мао демонстрировал, что новый режим был коммунистическим, националистическим и прокрестьянским.

Октябрь 1949 года стал кульминацией послевоенной коммунизации Востока. Как в Европе, крах сил оси зла[522] и серьезный ущерб, нанесенный прежним элитам, сотрудничавшим с врагами, помогли антиимпериалистическим коммунистам достичь подъема. Китай присоединился к Северной Корее и Вьетнаму и стал частью нового братства азиатского коммунизма. Все три режима имели много общего и отличались от своих предшественников в Восточной Европе. Их создавали крестьянские партии, действующие в конфуцианском обществе, ведущие партизанские войны против сил империализма. И все же каждое отдельное государство создавалось в особых обстоятельствах. Если Китай можно было назвать азиатской Югославией – коммунистическим государством, рожденным в результате антиимпериалистических партизанских войн, то Северная Корея больше напоминала Восточную Германию – режим, в основном построенный реальной политикой и вмешательством сверхдержавы. Во вьетнамской революции выделялся сильный городской компонент, поэтому она больше походила на российскую предшественницу.

Режим в Северной Корее был создан при содействии советских войск. Американцы внесли предложение о разделе Кореи накануне капитуляции Японии в августе 1945 года. Территория севернее 38-й параллели попадала под влияние СССР, а южнее – США. Северная Корея пошла по пути Восточной Европы: образование Народного фронта, последующая коммунизация. В феврале 1946 года было образовано центральное правительство с коммунистическим большинством, во главе которого стоял Ким Ир Сен («Восходящее Солнце Ким»). Тем не менее нельзя сильно увлекаться сравнением Кореи с Восточной Германией, так как корейский режим вскоре стал относительно автономным и независимым.

Ким Сон Чжу (он взял псевдоним в 1935 году) родился в деревне недалеко от Пхеньяна в 1912 году в семье христиан. Его отец был членом христианской корейской националистической организации и, возможно, сидел в японской тюрьме. После его освобождения около 1920 года семья переехала в Маньчжурию, влившись в многочисленную корейскую диаспору. Таким образом, культурный фон воспитания Кима был достаточно эклектичным: кореец, родившийся в стране, управляемой японцами, получил образование в китайской школе на китайском языке мандарин, на два года (в возрасте и лет)

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org возвращавшийся в Корею для обучения в протестантской школе. Одно время он даже работал учителем в воскресной школе – факт, не упоминающийся в его официальной биографии{670}. Вслед за отцом он участвовал в националистической политике, еще в школе в 1929 году став членом подпольного марксистского кружка. Проведя некоторое время в тюрьме, в 1931 году[523] он присоединился к китайскому партизанскому движению, управляемому коммунистической партией, чтобы противостоять японским оккупантам. Он быстро продвигался по службе и стал командиром одного из отрядов партизанской армии.

Большую часть юности он провел за пределами Кореи, но было бы ошибкой принимать его за «иностранца». Он, как и многие его соратники-партизаны, считал себя корейским националистом, хотя и сражавшимся за международный коммунизм под эгидой СССР. Между Восточной Маньчжурией и приграничными территориями Северной Кореи имелись тесные связи, корейцы были вовлечены в партизанскую борьбу против японцев по всему региону. Именно в окружении партизан, боровшихся против изобретательного и изощренного японского врага, сформировалось отношение Кима к политике.

В 1940 году японцы были близки к победе, и Ким, как многие другие, вынужден был бежать в СССР. Ким многое взял от пятилетнего пребывания в этой стране и с восторгом принял советский образ жизни. Казалось, он предпочел культуру Красной армии былой партизанской жизни. Он прошел курс обучения в пехотном училище Хабаровска и получил звание капитана Красной армии. За это время у него родились два сына и дочь, которым он дал русские имена. Старшего сына он назвал Юрием. Человек, которого весь мир узнал как Ким Чен Ира (Ким Джонгиль), первые годы жизни был Юрием Ирсеновичем Кимом.

Казалось, Ким хотел продолжить карьеру в Красной армии, но после поражения японцев у Советов возникли другие планы, связанные с ним. Они потеряли доверие к северокорейским националистам, с которыми пытались сотрудничать, и решили установить в Корею более надежное коммунистическое правительство. 33-летний Ким являлся идеальной кандидатурой на пост главы, хотя опыта руководства у него было мало{671}. Его представили населению в октябре 1945 года на торжествах в честь Красной армии. Он был объявлен героем, почетным лидером партизан, и многие восприняли его как полумифологическую фигуру, борца в стиле Робин Гуда. Когда люди увидели его, они были разочарованы: «...молодой человек около 20 лет с листом бумаги в руках подошел к микрофону... У него был смуглый цвет лица и стрижка как у китайского официанта. Волосы покрывали лоб всего на дюйм, как у чемпиона по боксу в легком весе. “Он ненастоящий!” Всех собравшихся на стадионе поразило, будто током, чувство недоверия, разочарования, недовольства и злости. Не обратив никакого внимания на реакцию толпы, Ким Ир Сен своим монотонным утиным голосом продолжил хвалебную речь о героической борьбе Красной армии... Он подобрал самые пафосные слова благодарности и похвалы для СССР и маршала Сталина, близкого друга всех угнетенных народов мира»{672}.

В то время Ким был марионеткой СССР, но великую державу не интересовало управление крохотной территорией, поэтому многие дела были переданы корейцам{673}. Несмотря на неблагоприятный старт, Ким Ир Сен оказался успешным руководителем партии, сплотившим все ее фракции – его собственных «маньчжурцев», «корейцев», которые оставались в стране при японцах, «советских» корейцев, прежде живших в СССР, и «яньаньских» коммунистов, связанных с китайскими коммунистами в Китае{674}. Как стало понятно позднее, он заложил основы режима, который приобрел огромную поддержку благодаря сочетанию идей коммунизма и корейского национализма.

Как и Корея, разделенная в августе 1945 года, буквально из пепла на руинах общества, управляемого японцами, возник еще один коммунистический режим – вьетнамский. В отличие от корейцев, вьетнамские коммунисты пришли к власти в результате революции, организованной собственными силами, которая сочетала в себе черты китайской партизанской Революции 1949 года и городской революции большевиков 1917 года{675}. Хо Ши Мин всегда занимал радикальную позицию в Коминтерне, был на стороне Роя в его споре с Лениным (хотя сам Рой недолюбливал его), однако он был крайне разочарован одержимым отношением Советов к городскому рабочему классу. Успехи Мао с середины 1930-х годов и опыт китайцев многому научили Хо, который начал отдаляться от модели, насаждаемой Москвой. В 1938 году он посетил Яньань (хотя с Мао не встретился), после этого он отправил туда двоих молодых партийцев обучаться в школе КПК. Это были Во Нгуен Зиап и Фам Ван Донг{676}.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Вьетнамцы вскоре начали следовать примеру Китая. Они создали базы в приграничном районе на севере страны, сформировали партизанскую армию и в 1941 году перестроили коммунистическое движение в националистическое, в многоклассовую силу Народного фронта (куда входили также землевладельцы и чиновники), который теперь назывался «Вьетминь», или «Лига независимости Вьетнама», и действовал в основном в сельской местности. Они стали планировать крестьянское восстание против французской колониальной администрации, которая сотрудничала с японцами. Коммунисты получили распоряжение слиться с крестьянами, одеваться как местные и переводить манифесты Вьетминя на местные наречия. Они воспользовались ненавистью крестьян по отношению к французской колониальной администрации и японцам, которые нанесли большой вред сельскому хозяйству. Максимальную выгоду коммунисты извлекли из голода 1944_1945 годов, который усугубили японские военные налоги и отсутствие помощи со стороны французских властей, на которых коммунисты возложили большую часть вины{677}. В марте 1945 года централизованный контроль над страной был ослаблен бунтом, который разжигали японцы против французской администрации. В результате они сформировали марионеточное правительство, во главе которого стоял император Бао Дай. Когда в августе японцы окончательно капитулировали, проиграв американцам, для Вьетминя сложилась идеальная ситуация на севере, в Ханое и сельской местности. Купцы и чиновники не мешали его деятельности. Вьетминь также взял под контроль юг, хотя на юге столкнулся с более серьезными соперниками-националистами.

2 сентября 1945 года Хо, одетый в скромный костюм цвета хаки и парусиновые туфли, объявил независимость Вьетнама под контролем коммунистов с площади Бадинь в Ханое[524]. В его речи были выдержки из американской Декларации независимости 1776 года, а также французской декларации прав человека 1791 года{678}. Хо все еще надеялся на поддержку американцев, которым он давал понять, что выступает за широкое неидеологическое правительство на умеренный срок. Сталин до сих пор не признал вьетнамских коммунистов и не оказал никакой поддержки. Однако, когда французы вернулись на юг страны вскоре после провозглашения независимости, поддерживаемые Британией, националистические группы поддержали Вьетминь. Коммунисты, сохранявшие сильные позиции на севере, встали на защиту юга. К 1947 году Вьетминь вел очередную антиколониальную войну против французского режима[525].

Восстановление европейского колониального уклада, последовавшее за поражением японцев, возмутило и подтолкнуло к борьбе коммунистов по всей Азии. Во многих регионах они смогли справиться с экономическим кризисом в сельской местности, причиненным войной и японскими эксплуататорами. Но за пределами Китая, Вьетнама и Кореи коммунистам не удавалось объединить коммунизм с национализмом. Коммунистическая партия Индонезии принимала участие в борьбе против голландцев, но безуспешно. Лидер социалистов Сукарно, пытавшийся объединить идеи немарксистского социализма и ислама, преуспел в этом нелегком деле больше, чем коммунисты. Коммунистическая партия потерпела крах после провала восстания на востоке острова Ява в 1948 году. Только после этого, в 1950-е годы, она приняла менее радикальный путь и начала восстанавливать свои силы.

Более серьезные повстанческие коммунистические силы действовали в американских и британских колониях. Однако они охватывали небольшие группы населения и в конце концов тоже потерпели поражение. Американцы предоставили независимость Филиппинам в 1946 году, продолжая контролировать власть посредством сотрудничества с землевладельческой элитой. Их попытки развалить Народную антияпонскую армию Хукбалахап, управляемую коммунистами, привели к крестьянскому восстанию в центральном Лусоне. Армия была относительно малочисленной. Американцы пришли к выводу, что с коммунизмом эффективнее бороться путем решения социальных проблем. Они убедили правительство в Маниле в том, что земельная реформа поможет снизить авторитет коммунистов. Революция была сдержана продуманным сочетанием репрессий и реформ[526].{679}

Восстание малайских коммунистов потерпело крах по тем же причинам. Китайцы в Малайе – как и малайцы, составлявшие 40% населения, – поддерживали принципы маоизма[527] и партизанской войны, особенно после вторжения Японии в Китай в 1937 году. В то время в 15-летнем возрасте их будущий лидер Чин Пен впервые заинтересовался коммунизмом{680}. Во время Второй мировой войны коммунистическая партия Малайзии, как вьетнамские коммунисты, сформировала партизанское движение против японцев и даже заручилась поддержкой Британии. Однако британцы вскоре оттолкнули от себя китайцев, сначала пообещав им

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org полные политические права, а после окончания войны отказавшись от обещания под давлением малайцев. Коммунисты ухватились за идею этнической борьбы китайцев и с 1948 года развернули партизанскую войну против Британии{681}. Тем не менее их положение было хуже ситуации Вьетмина. Их поддержали только китайцы, особенно бедное сельское население, не имеющее прав на землю. Кроме того, британцы, как американцы на Филиппинах, придерживались более мирной политической линии, чем французы и голландцы. Они стремились завоевать «умы и сердца» потенциальных сторонников коммунизма в сельской местности{682}. Заявив о своем намерении предоставить Малайзии независимость, они развернули дорогостоящую кампанию по переселению полмиллиона китайских крестьян в защищенные «новые деревни», где их ждали лучшие условия жизни. Партизаны оставались без поддержки населения.

Несмотря на многочисленные неудачи[528], коммунисты все же укрепили свои позиции в Восточной и Юго-Восточной Азии к 1950 году. На первый взгляд, они поднялись с помощью тех же сил, которые помогли коммунистам в Европе в 1940-е годы: они сражались против империалистов-оккупантов и сотрудничавших с ними местных элит. Они использовали похожие стратегии партизанской войны, покинув города и развернув деятельность в сельской местности, оттуда нанося удары по более мощному врагу. Результаты такой борьбы сильно различались в зависимости от участия Красной армии. На Западе коммунистические партии потерпели поражение на выборах и оказались в политической изоляции; в Центральной Европе, контролируемой СССР, коммунистический центр навязывал социализм в советском стиле, а в Юго-Восточной Европе и Азии возник радикальный коммунизм, отличавшийся относительной независимостью.

Таким образом, коммунистический блок характеризовался большим разнообразием, чем в то время считали на Западе. Тем не менее, начиная с 1949 года, на протяжении нескольких лет коммунистические режимы, большинство из которых сохраняли тесные связи с Москвой, управляли третьей частью населения мира. За восемь лет до этого, когда нацисты подошли к Москве и коммунизм оказался на грани гибели, немногие могли представить себе такой результат.

7. Империя

I

Подобно царю Озимандия из сонета Шелли, все великие правители строили памятники, чтобы увековечить свою власть: от акведуков и триумфальных арок римских императоров до грандиозных мемориалов и железнодорожных станций Британской империи в готическом стиле. Советская империя не была исключением. Несмотря на уничтожение большинства памятников Марксу и Ленину, которые украшали (или омрачали) бывший коммунистический мир, знаменитые монументы все еще сохранились на территории бывшего советского влияния. Самыми узнаваемыми из них являются сталинские высотки. Эти колоссы сталинской готики были спроектированы в период между 1948 и 1953 годами, и, если бы Сталин прожил дольше, их было бы гораздо больше. Планировалось построить восемь зданий, из них было возведено лишь семь (ностальгическая имитация восьмой высотки, роскошное жилое здание Триумф-Палас, была построена в Москве при Владимире Путине в 2003 году). Самой грандиозной из этих высоток является массивное здание Московского государственного университета на Ленинских (Воробьевых) горах, включающее 5000 помещений.

Похожие громадные здания, «подарки товарища Сталина», были спроектированы для дружественных государств. Строительство только одного здания, Дворца культуры и науки имени И.В. Сталина в Варшаве, было окончено (в рассчитанном на 12 тысяч человек здании в наши дни, кроме прочего, размещен боулинг-клуб). Но в бывшем коммунистическом мире есть и ряд меньших версий высоток: от отеля «Интернациональ» в Праге до зданий «советской дружбы» в Пекине и Шанхае. Десятки других величественных зданий были построены в похожем стиле; среди самых впечатляющих – Каса Скинтея (Дом искры) (сегодня – Дом свободной прессы) в Бухаресте и Сталинская аллея (сегодня аллея Карла Маркса) в восточном Берлине{683}. Эти символы коммунистической власти были «опорными точками» советской сферы влияния, когда она распространялась на большую часть Евразии от Балтики до Южного Китайского моря в период между победой Мао в 1949 году и советско-китайским расколом в конце 1950-х годов[529].

Московские высотки рассказывают нам многое о послевоенном сталинизме.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Гигантские гибриды в стиле небоскребов на Манхэттене с готической и неоклассической напыщенностью, украшенные древнерусским орнаментом, объединяли современность, империю и национализм{684}. Но они также напоминали о политике, которая ставила местные, в основном славянские, культуры выше интернационализма и универсализма{685}. В каждом государстве сталинские высотки пытались незаметно вместить в себя «национальные формы», будь то византийские черты в Румынии или мотивы Ренессанса в Польше и Чехословакии. Они также служили для повышения престижа и власти элит; эти конторы и жилые дома были построены явно не для обеспечения жильем обездоленного народа после разрушений, причиненных войной.

Все эти массивные здания были каменным воплощением поствоенного «высокого сталинизма», преувеличенной версией порядка, наблюдаемого в середине 1930-х годов, как патерналистского, так и технократического. Пережитки радикального, антибюрократического марксизма, которые проявлялись даже во время террора, теперь практически исчезли. Эта иерархическая Модель применялась также и ко всему советскому блоку. В этом действительно было что-то отчетливо имперское. Конечно, СССР никогда не называл себя империей и очень враждебно относился к «империализму», который вслед за Лениным по-прежнему рассматривался как «высшая стадия капитализма». В отличие от многих империй в СССР иерархия определялась не по признаку этнической принадлежности, а скорее как отражение различных уровней социалистических достижений. Русские находились на вершине, но только потому, что они были наиболее прогрессивным народом, а не потому, что они превосходили остальных в расовом или культурном отношении. На практике, однако, отношения СССР с его спутниками в Восточной Европе носили, как правило, имперский характер, и его политика и культура все больше походили на политику и культуру имперского государства. Иерархия власти с центром в Москве распространялась на все государства советского блока; статус русских был выше статуса других национальностей{530}, а социалистические общества становились все более стратифицированными, где самые преданные (по крайней мере, политически надежные) члены партии находились на самой верхушке. В некоторых частях блока для сохранения такой системы необходимо было прибегать к высокой степени насилия и запугивания.

Тревога по поводу сохранения контроля в СССР и Восточной Европе, опустошенных войной, и уроки, извлеченные из террора, – все это подпитывало желание советского руководства иметь четкую и организованную культуру. В то же время опасения иностранного вторжения и отчаянное стремление повысить международный статус усугубляли неравенство в стране. Хрущев с некоторым презрением вспоминал тревоги Сталина о том, что представители Запада будут смотреть на Советский Союз свысока: «Что будет, если они [иностранцы гости], прогуливаясь по Москве, не увидят небоскребов? Они будут сравнивать Москву с капиталистическими городами, но не в нашу пользу»{686}.

Согласно сталинскому послевоенному видению, высшие должностные лица должны были жить и работать на гораздо высшем уровне, чем простые люди, – высший класс технических экспертов и идеологических мечтателей на службе у режима, ведущих государственную машину к славному будущему. Однако в то же время советские лидеры надеялись объединить дисциплину и динамизм. Наряду с высотками при коммунистических режимах строились и огромные площади для проведения массовых парадов. Привлечение людей, по возможности как можно больше, к тщательно подготовленным государственным праздникам и шествиям напоминало, конечно, якобинскую Францию. Но церемонии конца сталинской эпохи приобрели особую советскую окраску. Первоначальной моделью был мавзолей Ленина (хранилище мумифицированного трупа великого человека), который служил трибуной, откуда лидеры приветствовали народные массы, проходившие по Красной площади. Болгария точнее остальных последовала советскому примеру, построив мавзолей Димитрова в 1949 году, а перед ним – Площадь 9 сентября для проведения праздников. Трибуны и площади были сооружены в Будапеште, Бухаресте и Восточном Берлине. Только Прага, относительно не поврежденная во время войны, избежала щедрости товарища Сталина{687}. Китайцы тем временем строили сталинские площади по собственной инициативе, но с помощью Советского Союза. В 1950-е годы появилась огромная площадь перед воротами Тяньаньмэнь – ныне площадь Тяньаньмэнь, при этом были разрушены бесчисленные старинные здания и стены.

Как же можно вызвать массовый энтузиазм при такой жесткой политической иерархии? Противоречие было наиболее осязаемым в Варшаве, где огромный Дворец культуры служил трибуной для массовых парадов. Это весьма непопулярное здание, символизирующее не только русское господство, но и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org партийные и бюрократические привилегии, никак не могло вызвать чувства приверженности у обычных рабочих, которые ежегодно маршировали здесь 1 мая. Разумеется, Сталин на протяжении 1930-х годов старался решить проблему мобилизации масс с помощью дисциплины, а сделать это он пытался, призывая к всеохватывающему патриотизму, скорее, чем к классовому неравенству. Именно поэтому режимы сталинского образца стремились объединить местный национализм с советским коммунизмом, однако решить задачу все равно было трудно.

Так, проблема оставалась нерешенной: экономическая система требовала высокого уровня героизма и самопожертвования от рабочих и крестьян, но она основывалась на репрессиях и жесткой дисциплине, которая находилась в руках белых воротничков и чиновников. Послевоенная советская система, казалось, действует в интересах «социалистической интеллигенции», а не рабочих и крестьян даже больше, чем это было в СССР 1930-х годов. В этом имелись свои преимущества – это привлекало целеустремленную молодежь, которая хотела развиваться сама и развивать свою страну. Однако в то же время многие простые люди, как и антикоммунистический средний класс, были от этого далеки. Социализм, как и здания, которые по распоряжению Сталина строились в его империи, казался монументальным, однако в фасаде оказывались серьезные трещины.

Баланс между репрессиями и мобилизацией, с одной стороны, и уровнем поддержки – с другой, различался в разных частях коммунистического блока. Наиболее строгая дисциплина была в самом СССР, в отличие от Восточной Европы, где коммунистические партии являлись более динамичными, так как они преобразовывали свои общества и «строили социализм» с нуля. Но жестокость неминуемо отчуждала многих, и вмешивающимся во все дела патриархам становилось все сложнее воодушевлять простой народ. И так же, как ожидаемый динамизм превратился в застой, советский социализм все менее походил на всеобщий прогресс и все больше на русский империализм. Модель позднего сталинизма больше всего привлекала Китай, ставший частью «неформальной» империи СССР, так как и там создание современного государства казалось более эффективным, чем более эгалитарного партизанского социализма периода гражданской войны. Но и здесь недостатки вскоре стали очевидными, и сразу же был подготовлен путь к резкому отказу от сталинского курса.

II

В 1951 году некто Мищенко из Военной академии Молотова в городе Калинин (ныне Тверь) сообщал об очевидной бедности города: «Если секретари... партийных комитетов пройдут по улицам областного центра [Калинина], они заметят, что практически на каждом углу сидят нищие. Создается впечатление, что сам центр города Калинин нищенский. В Академии Молотова обучаются граждане стран народных демократий. Есть один нищий возле почты, который их безошибочно распознает и выпрашивает у них милостыню. Они вернутся домой и расскажут, что в Калининском полно нищих»{688}.

Приоритеты Мищенко были типичными для постсталинской элиты. Бедность и неравенство в СССР были не так важны, как международный престиж, и после Второй мировой войны Сталин пожертвовал уровнем жизни советских граждан для нужд гонки вооружений во время холодной войны. Советский Союз был, конечно же, победоносной силой, но это оказалась пиррова победа. В результате конфликта он оказался в невыгодном положении в соревновании со значительно более богатыми Соединенными Штатами. Потеряв 23% всех ресурсов и 27 миллионов жизней, СССР и его обездоленное население столкнулись с задачей восстановления народного хозяйства{689}. Нехватка рабочей силы особенно ощущалась в сельской местности и способствовала (вместе с засухой и строгой государственной реквизицией зерновых запасов) вспышке голода 1946-1947 годов, от которого умерло от 1 до 1,5 миллиона человек. Советское государство еле-еле могло справиться с хаосом, беспорядком, бедностью и преступностью в послевоенный период. И в то же время Советский Союз столкнулся с проблемой не только восстановления народного хозяйства, но и создания практически нового, технологически передового военно-промышленного комплекса. К концу 1930-х годов СССР удалось более или менее устранить технологический разрыв с Германией, но эта задача стала гораздо более актуальной в середине 1940-х годов, когда в Америке появилось атомное оружие.

СССР столкнулся со всеми этими задачами в период, когда «идеологическая готовность» населения, как это называется в официальном жаргоне, была в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org плачевном состоянии. Наибольшую опасность для ценностей режима представлял военный опыт советских солдат. Некоторые из них воевали в партизанских отрядах, где привыкли к определенной степени равенства и самостоятельности. Но важнее было то, что миллионы солдат побывали на Западе и подвергали сомнению официальную пропаганду. Замполит, который имел дело с репатриацией советских граждан, искавших убежище в нейтральной Швеции, рассказывал, что «после того, как они увидели безмятежную жизнь [в Швеции], некоторые наши возвращенные на родину [граждане] делали неправильный вывод о том, что Швеция – богатая страна и люди там живут хорошо». Некоторые даже утверждали, что как к военнопленным к ним лучше относились и лучше кормили, чем это было в Красной армии. Неудивительно, что Сталин подозревал всех военнопленных в антисоветском мышлении и по возвращении домой многие были сосланы в ГУЛАГ[531].

В условиях ухудшающихся отношений с Западом и напряженности в СССР сталинисты ввели режим, который усиливал неприкрытое насилие довоенного порядка и основывался на патриотической, а не классовой мобилизации. Речь, которую Джордж Кеннан воспринимал как атаку на Запад, весной 1946 года положила конец либерализации времен войны{690}. Теперь нужно было мобилизовать всю страну на реконструкцию экономики. Проблемы нехватки рабочей силы решались за счет увеличения объемов принудительного труда по сравнению с теми же объемами в период войны. Около 4 миллионов учащихся в возрасте от 14 до 17 лет, в основном из сельской местности, были приняты на заводы, где работали только за питание и проживание{691}. Большой вклад внес ГУЛАГ – огромный «архипелаг» трудовых лагерей, большинство из которых находилось в глухой Сибири. Труд заключенных сыграл важную роль в экономике в 1930-х годы, но система стала работать гораздо эффективнее под руководством Лаврентия Бери, главы НКВД в период после террора. Тюремная система, в которой в 1947 году содержалось около 5 миллионов человек, обеспечивала около 20% рабочей силы в промышленности и давала более 10% промышленной продукции СССР[532].{692} Однако Сталин заблуждался в своей твердой вере в экономическое значение лагерей: они были крайне неэкономичны и непродуктивны, даже с учетом того, что условия были ужасны и с заключенными обращались грубо. Конечно, по сравнению с серединой 1930-х годов ГУЛАГ был технократически лучше организован, но вряд ли это было разумным способом управления экономикой. В своей блестящей зарисовке одного из директоров ГУЛАГа, Калдымова, работавшая в сибирском совхозе во время войны Евгения Гинзбург привела яркий пример, как из технократии и веры в сталинскую иерархию рождалась чрезмерная жестокость. Калдымов, сын крестьян, оказался в выгодном положении при межвоенной социальной мобильности и стал преподавателем диалектического материализма, но досадный семейный скандал заставил его переехать в Сибирь. Тем не менее в глазах своего начальства он был хорошим директором:

«...судя по выполнению плана, он хорошо поработал в совхозе в тайге, используя заключенных в качестве рабочей силы... [Он] привык управлять своим предприятием, вести интенсивную работу и полагаться на подневольный труд и быстрый оборот “отработавшего свое контингента”».

Он совершенно не замечал своей собственной жестокости... Взять, например, его диалог с Орловым, нашим зоотехником, подслушанный одной из работниц, которая раскидывала навоз у молочной фермы:

– Что с этим зданием? Почему оно пустует? – спросил Калдымов.

– Там были быки, – ответил Орлов, – но нам пришлось перегнать их в другое место. Крыши протекают, на карнизах лед, так что держать там скот небезопасно. Мы отремонтируем как следует.

– Не стоит тратить деньги на кучу старого хлама. Лучше всего поселить туда женщин.

– Что вы говорите, товарищ директор? Ведь даже быки не выдерживали здесь и болели!

– Да, но это быки! Без сомнения, рисковать быками мы не станем!

Это не было ни шуткой, ни остротой, ни даже садистской насмешкой. Это просто было глубокое убеждение хорошего хозяина, что быки были основой жизни в совхозе, и только крайняя опрометчивость Орлова побудила его рассматривать их наравне с женщинами-заключенными.

При всем своем оптимистическом свинстве, твердой вере в устойчивость и непогрешимость догм и цитат, которые он выучил наизусть, Калдымов, я думаю, удивился бы, если бы кто-либо в лицо назвал его рабовладельцем или управляющим рабами.

Лестница Иакова, на низших ступенях которой находились заключенные и ближе кверху – Умный и Великий, где-то посередине – официальные кадры, такие как директор совхоза, казалась ему необратимой и вечной. Его твердое убеждение в неизменности мира с его иерархией и принятыми ритуалами чувствовалась в каждом его слове и жесте»{693}.

Учитывая такое отношение к заключенным, нет ничего удивительного в том, что миллионы умирали от голода и переутомления. Цифры остаются неопределенными: по данным официальных архивов, 2,75 миллиона погибших в лагерях за всю сталинскую эпоху, безусловно, число заниженное[533].{694}

На обычных заводах условия, хоть и не столь суровые, все равно были мрачными, а рабочие – намного беднее, чем до войны; цены росли, а пайки урезали в сентябре 1946 года. Во многом резким возвращался к стратегиям конца 1920-х – начала 1930-х годов, заставляя рабочих финансировать индустриализацию за счет снижения уровня жизни, однако методы сейчас были другими: руководство воздерживалось от популистских призывов, опасаясь отрицательной реакции управляющих. И хотя стахановское движение сохранилось, руководство в значительной степени полагалось на насилие. Управляющие получили более широкие полномочия, чем в 1930-х годы, а трудовая дисциплина была жесткой. Рабочие уже не могли свободно менять место работы, а любой, кто пытался это сделать, мог быть наказан за «трудовое дезертирство»[534]. Тем не менее эта система была не такой жесткой на практике, как предполагалось законодательством. Управляющие не всегда использовали свои полномочия, так как им требовалось сотрудничество с рабочими. Кроме того, не было практически никаких признаков волнения среди рабочих: они, несомненно, возмущались по поводу послевоенного иерархического порядка, но протесты были приглушены, а деморализованные рабочие и крестьяне пытались уклониться от контроля, применяя тактику медленной работы или сбега с рабочего места{695}. В письменной жалобе, направленной в Москву, дается представление о крайне тяжелых условиях и неравенстве в городе Водске: «В городе с самого утра все люди проводят в поисках воды, насосы не работают, мы берем воду из открытых люков... На 50 тысяч человек у нас только одна работающая баня, туда выстраиваются длинные очереди, а предназначена она только для чертовых управляющих города...»{696} Судя по этой жалобе, начало 1950-х годов было гораздо лучшим временем для боссов. Попытки полицейского контроля сдерживались, и коррупция процветала.

В 1946 году Сталин начал идеологические кампании по очистке от «отклонений» скорее среди «социалистической интеллигенции», чем антиэлиты; по содержанию они были националистическими и ксенофобными. Первыми жертвами послевоенной идеологической кампании стали два литературных журнала «Ленинград» и «Звезда» и два писателя: поэтесса Анна Ахматова и автор коротких юмористических рассказов Михаил Зощенко. В главном декрете о патриотизме в литературе в августе 1946 года главный идеолог Андрей Жданов характеризовал Ахматову как «смесь монахини и блудницы... сумасшедшая дама, которая разрывается между будуаром и часовой»; Зощенко был объявлен «вульгарным и тривиальным мелким буржуа», из которого «сочился антисоветский яд». Но главным обвинением стало то, что они, как и другие литературные деятели, скатились до подбострастия и низкопоклонства перед мещанской иностранной литературой»[535].{697} Однако именно начало холодной войны в 1947 году привело к полномасштабным патриотическим кампаниям. Для комиссий по чистке, которым было присвоено совершенно устаревшее название «суд чести» (по названию офицерских судов царского времени), были учреждены службы и отделы для «устранения лакейства перед Западом»{698}.

Эта новая культурная ксенофобия разрушала определенные сферы интеллектуальной жизни, особенно генетику с помощью пресловутого мнимого биолога Трофима Лысенко. Лысенко был родом из крестьянской семьи и не имел профессионального образования, но утверждал, что его практические крестьянские знания с лихвой компенсировали отсутствие формального образования[536]. В конце 1920-х – начале 1930-х годов он извлек выгоду из радикальной марксистской идеи о том, что ученые «из народа», вдохновленные идеологией, были лучше подготовленными специалистами. Его главным изобретением была «яровизация» – вымачивание и охлаждение семян пшеницы

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org зимой для посева весной. Результаты не были впечатляющими, но Лысенко умело использовал политическую атмосферу того времени. Он также разработал идеологическое обоснование своего нового подхода. Не только гены, но и изменения окружающей среды могут улучшить растения – учение, которое согласовывалось с марксистскими идеями о большей важности окружающей среды, нежели наследственности (генетика была проклята[537] по ассоциации с евгеникой и нацизмом). В конце 1930-х годов Лысенко длительное время боролся с генетиками в Академии наук, но не смог заручиться политической поддержкой; Сталин тогда еще не был готов поставить экономический рост под угрозу, подчиняя научные исследования марксистским догадкам. Однако летом 1948 года, в разгар Берлинского кризиса, он был готов пожертвовать наукой ради патриотизма[538]. Сталин был полон решимости установить четкую границу между «прогрессивной» советской наукой и «реакционной» буржуазной наукой[699]. Вскоре после этого лысенковщина стала новой традицией, обусловившей упадок советской биологии на протяжении двух десятилетий.

Сталин не хотел рисковать атомными проектами и, подозревая физиков в идеологической неверности, подвергал эту науку идеологическим испытаниям. Тем не менее наука все более становилась предметом национальной гордости. Большая Советская энциклопедия сообщила своим читателям, что Александр Можайский, а не братья Райт построил первый самолет; Григорий Игнатьев изобрел телефон; А.С. Попов – радио, В.А. Манасеин и А.Г. Полотебнов – пенициллин; П.Н. Яблочков и А.Н. Лодыгин – лампочку[539].

Разумеется, Сталин и его пропагандисты взращивали семя национализма, посаженное ранее, в середине 1930-х годов. Это не был чистый и простой русский национализм, а скорее советско-русская смесь, направленная на объединение всех официальных советских национальностей в гармоничное целое. Но русский элемент в этом соединении стал значительно весомее после войны, и в одном отношении он разительно приблизился к государственному национализму времен царя Николая II – к антисемитизму.

Евреи как этническая группа не преследовались советским режимом до Второй мировой войны и не были объектом террора в 1936-1938-е годы. На самом деле евреи были одним из народов в СССР, а также и в мире, которые активно поддерживали коммунизм. Они входили в состав хорошо образованного городского слоя, их было много и в высших эшелонах профессиональной и культурной жизни. Тем не менее у Сталина нередко прослеживались резкие предрассудки в отношении различных этнических групп, в том числе евреев. Хрущев, сам вряд ли являвшийся образцом политической корректности, говорил о «враждебном отношении Сталина к еврейскому народу», упоминая его подражание еврейскому акценту, «такому же, такому же, которым тупые, отсталые люди, которые ненавидят евреев, говорят, когда высмеивают отрицательные черты евреев»[700]. Но это не было похоже на идеологический расизм нацистов. Среди ближайших соратников Сталина было много евреев (и он не терпел никаких антисемитских предрассудков, раз рядом был еврей Каганович). Антисемитизм был, как он говорил, «крайней формой расового шовинизма», «самым опасным рудиментом каннибализма»[701]. В ходе войны советское руководство учредило Еврейский антифашистский комитет – типичную организацию в стиле Народного фронта, ориентированную на привлечение еврейской поддержки советских военных действий, под председательством Соломона Михоэлса. Несмотря на это, война ухудшила отношения между еврейской и славянской национальностями: страдания евреев, причиненные нацистами и их пособниками, усилили чувство их этнической обособленности, в то время как идеи возрожденного русского национализма способствовали популяризации антисемитизма[702].

Изначально советское руководство не потворствовало этому традиционному антисемитизму. Но когда вмешалась международная политика, Сталин принял более радикальные меры. СССР поддержал образование государства Израиль в 1948 году. В конце концов сионисты были социалистами, и многие из них родились в Российской империи; Сталин надеялся, что Израиль станет плацдармом для советского влияния на Ближнем Востоке. Но он был также обеспокоен тем, что Израиль завоеует симпатии советских евреев. Приезд в Москву Голды Меерсон (позже Меир) – родившейся в Киеве и воспитанной недалеко от Москвы в Висконсине, – первого посла Израиля в СССР, вызвал особую тревогу, так как спровоцировал спонтанные демонстрации евреев. И когда в 1949 году стало ясно, что Израиль точно принадлежит американской сфере влияния, советские евреи в одночасье превратились в потенциальную пятую колонну и подверглись дискриминации и репрессиям[540]. Как и немцев, поляков, корейцев в 1930-е годы, их воспринимали проводниками иностранного

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org влияния, в данном случае израильского, а следовательно, и американского. По словам Сталина, «еврейские националисты считают, что их нацию спасли Соединенные Штаты (там они могут стать богатой буржуазией и т. д.)»{703}.

Многие были схвачены во время «охоты на ведьм». Антифашистский комитет был закрыт, а Михоэлс убит агентами НКВД[541]. Сценарий фильма «Цирк» отредактировали, а исполнение Михоэлсом колыбели на идише вырезали. Евреи, которые приняли культуру идиша, сейчас считались «буржуазными националистами», а те, кто ассимилировался, – «безродными космополитами». Были раскрыты заговоры; некоторых ведущих еврейских деятелей арестовали, включая жену Молотова, имевшую еврейское происхождение[542]; многие потеряли работу или не смогли продолжить обучение. Наиболее тревожным для советских евреев было «открытие» предполагаемого заговора «шпионской группы врачей-убийц». Эти «чудовища в человеческом обличье» – все евреи[543] – якобы убивали советских лидеров, включая Жданова (который умер от сердечного приступа в 1948 году). О так называемом деле врачей объявили в начале 1953 года, за несколько месяцев до смерти Сталина; к счастью для советских евреев, антисемитские кампании не пережили его.

Некоторые воспринимали эти события как новую вспышку чистки 1930-х годов. Они имели некоторое сходство с этнической чисткой более раннего периода, но очень отличались от репрессий, которые по своей сути стали возрождением «классовой борьбы». Они были гораздо более целенаправленными, а жертв намного меньше. Основной популяризируемой идеей теперь стала идея патриотического единства, а не классового деления. Эти чистки не представляли опасности для подавляющего большинства партийных лидеров, технических экспертов и находившейся ранее под подозрением элиты. Террор 1930-х годов оказался для Сталина уроком. Больше никогда он не допустил массовой «критики снизу» и не пытался мобилизовать население на кампании по идеологической чистке. Кнут неравной заработной платы и палка управляющего заменяли призывы к трудовому героизму.

Новый баланс сил между элитой и массами нашел свое отражение в непрерывном приближении культуры к буржуазной. На абажурах и занавесках размещались рисунки, мягкий розовый оттенок заменил доминирующий красный цвет. На передний план в литературе вышли уже не бичующие чиновников пуритане, а грубовато-добродушные и беспечные прагматики. В то время как фортепиано в романах 1920-х годов было верным признаком того, что его владелец – буржуазный враг, в 1940-е и 1950-е годы это расценивалось как признак высокой культуры и хорошего образования. Даже Паша Ангелина, известная трактористка-стахановка 1930-х годов с таким же энтузиазмом, с каким она убирала пшеницу, обучала дочерей игре на фортепиано. В 1948 году она написала статью в журнал, в которой рассказывала, что ее младшая дочь с восхитительным именем Сталинка хотела пойти по стопам своей сестры:

«Мама, мама, когда я буду большой, как Светлана, я тоже буду играть на пианино?» – «Конечно, будешь». Я слушала Сталинку с волнением и радостью. У меня было другое детство: я даже и подумать о музыке не могла»{704}.

Было бы неправильно видеть в позднем сталинизме возрождение старого царского режима, вдохновленное новой элитой; это было уже куда более современное общество, чем царская Россия, – единое, социально мобильное и благоустроенное. Но после войны Сталин пошел еще дальше, чем другие коммунистические лидеры, в избавлении от остатков радикального социализма и принятии иерархии, укрепленной в символах и атрибутах старого режима. Именно эта модель, по крайней мере ее основа, экспортировалась в империю СССР и сферы ее влияния. В Восточной Европе ситуация была совсем другой. Восточноевропейские коммунисты вводили совершенно новую социальную и политическую систему и тем самым осуществляли более революционную политику, что вызывало как сильное сопротивление, так и энтузиазм по поводу нового порядка, по крайней мере на время.

III

«Шутка», роман чешского писателя Милана Кундеры 1967 года, рассказывает историю Людвика, умного и успешного студента сталинского периода в истории Чехословакии, чью жизнь разрушила незначительная ошибка. Он – активный член партии, хотя мотивы его неоднозначны: «Упоение, которые мы испытывали, общеизвестно как упоение властью, но (выражаясь не так грубо) я мог бы выбрать не такие жесткие слова: мы были околдованы историей: мы были опьянены мыслью, что сможем запрыгнуть ей на спину и почувствовать ее под

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org собой; надо признаться, в большинстве случаев это заканчивалось мерзкой жадной власти, но (так как все, что свойственно человеку, неоднозначно) все еще была (особенно, наверное, в нас, в молодых) полностью идеалистическая иллюзия, что все мы начинаем эпоху, в которой человек (все люди) не будет ни вне истории, ни под ее каблуком, но будет создавать ее и управлять ею»{705}.

Но, вместо того чтобы стать хозяином истории, он становится ее жертвой, так как «пошла трещина» «между человеком, которым я был, и человеком, которым я должен был быть (согласно духу времени) и пытался быть»{706}. В то время как он может быть серьезным и активным на партийных собраниях, он становится циничным, когда флиртует со знакомой студенткой Маркетой. Маркета по-своему поддерживает партию, она прямолинейная, простодушная, без чувства юмора. К большому сожалению Людвика, она шлет ему открытку, восхваляя «здоровую атмосферу» ритмики, дискуссий и песен. Расстроенный тем, что она предпочитает ему пропаганду партии, он отшучивается в ответ открыткой: «Оптимизм – опиум для народа. От здорового духа несет тупостью. Да здравствует Троцкий! Людвик». Но для партии это не шутка – его объявили приверженцем Троцкого и циником, чьи нигилистические взгляды подрывали социализм. Его исключили из партии, а после и из университета, и ему приходится работать в трудовой бригаде на шахте. Вначале он пытается реабилитировать себя, но в конечном счете им овладевает гневное презрение к фольклорному национализму, который так пропагандировался партией. Горечь остается и провоцирует другие пагубные для него шутки.

Роман Кундеры был отчасти основан на его собственном опыте. Он был сыном известного пианиста и вступил в партию в 1948 году. Он был настоящим последователем партии, его даже обвиняли в донесении на западного шпиона; в 1950 году его исключили за политически некорректное замечание. Кто, как не он, мог понять атмосферу образованной молодежи в начале революционных 1950-х годов? В то время как старое поколение коммунистических лидеров Народного фронта либо старательно подстраивалось под московскую линию, либо поддерживало чистки и показательные судебные процессы, молодая группа вдохновленных коммунистов продвигалась вперед. Отчасти такой поворот влево был типичен среди антифашистской после-военной молодежи во многих странах Востока и Запада. Но их выбор можно объяснить и расположением страны на периферии более удачливой Западной Европы. Модель Сталина могла бы привлечь молодых и образованных людей в развивающихся странах – казалось, что из всех неудач она находила выход. Консервативные графы, генералы и либералы, которые правили в большей части Восточной Европы в межвоенный период, не смогли улучшить состояние экономики. После бедствий межвоенного периода, когда бедные, слабые и раздробленные страны были в милости у агрессивной нацистской Германии, потеря свободы казалась некоторым ценой, которую стоило заплатить за развитие и советскую протекцию.

Более того, коммунизм обещал бесплатное образование и более широкие возможности карьерного роста – именно то, чего амбициозные, развивающиеся средние классы ждали после лишения во время Великой депрессии и войны. Представители среднего класса пострадали от позднего сталинизма. Классовые квоты применялись в образовании – одной из жертв стал драматург и будущий диссидент (и президент Чешской Республики) Вацлав Гавел. Других преследовали и депортировали. В 1951 году, например, тысячи буржуа были депортированы из Будапешта, чтобы освободить жилье для рабочих новых фабрик{707}. Но высокий сталинизм никогда не позволял классовой борьбе ставить под угрозу экономическую продуктивность. Те, у кого было образование, сохраняли высокий статус до тех пор, пока оставались верными партии. И только в Польше (где более 70% профессионального класса и предпринимателей погибло во время войны) и Восточной Германии (откуда многие сбежали на Запад) представители среднего класса довольно успешно сохраняли доминирующие позиции. В Чехословакии антибуржуазной дискриминации практически не было. В Венгрии дискриминация имела место, но в 1956 году 60-70% специалистов все еще были выходцами из среднего и высшего классов. Режим, не способный заполнить технические рабочие места, частенько радовался возможности закрыть глаза на приукрашивание биографий. Девочке, исключенной из средней школы, названной опасным элементом буржуазии – «икс-класса», как его тогда неформально называли, – сказали, что если она поработает какое-то время на заводе, то сможет компенсировать свое плохое происхождение и вернуться в школу{708}.

«Порабощенный разум» – анализ мышления польской интеллигенции диссидентом Чеславом Милошем – раскрыл эти смешанные мотивы: чувство, что история была

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org на стороне коммунизма, моральную готовность к национальному развитию и саморазвитию. Он описывал отношение к этому Альфы, известного писателя: «Альфа не обвинял русских. Это было бы бесполезно. Они выступали как сила Истории. Коммунизм воевал с фашизмом, а между двумя этими силами оказались поляки со своей этикой, не опирающейся ни на что, кроме верности... Моралист этой эпохи, – думал Альфа, – должен обращать внимание на общественные цели и общественные результаты... Страна была разорена, новая власть энергично взялась восстанавливать, пускать в ход заводы и шахты; помещичьи земли делились между крестьянами. Писатель стоял перед лицом новых обязанностей. Его книг ждал человеческий муравейник, вырванный из оцепенения, перемешанный огромной палкой войны и социальных реформ, хотя и навязанных сверху, тем не менее эффективных. Поэтому не нужно удивляться, что Альфа, как большинство его коллег, сразу же заявил, что он хочет служить новой Польше, которая создавалась на развалинах давней»{709}.

Таким образом, для таких, как Альфа и Маркета, режим, казалось, был предвестником не только модернизма, но и нравственности. Сталинская социальная модель возвышала самоотверженный труд над всем остальным. Производство, а не эгоистическое потребление должно было быть в центре жизни. К примеру, магазинов стало меньше, а реклама вообще исчезла, а те магазины, которые остались, рекламировали режим труда. На фасадах магазинов в 1952 году в районе Маршалловской Резиденции в Варшаве разместили большой скульптурный ансамбль, изображающий героических рабочих, которые построили комплекс; не имелось ни одного указателя на то, что было внутри{710}. Производство стояло в центре новых массивных социалистических городов этого периода, таких как Новая Гута под Краковом в Польше и Сталинварош в Венгрии, созданных на базе огромных сталелитейных заводов{711}. Позже план всего города строился вокруг двух полюсов политической и производственной силы: на одном конце улицы располагалась штаб-квартира партии и здание городского управления, а на другом – сталелитейный завод. Идея большого, коллективистского завода была перенесена и на сельскую местность с помощью коллективизации. Как и в СССР, эти кампании сопровождались репрессиями против кулаков и не поддерживались малоимущими крестьянами, которые сейчас были загнаны в колхозы и оказались вынуждены производить еще больше продовольствия для государства по низким ценам.

На самом деле, при повышении цен, в качестве «собственников» государства рабочие и крестьяне больше всех разочаровались в коммунизме, так как именно они несли на себе бремя восточноевропейской «революции сверху» после 1949 года – революции даже более быстрой и радикальной, чем революция в СССР в 1930-х годах. После нее уровень жизни стал еще хуже, чем был в СССР 1930-х годов (хотя доход на душу населения выше). Только в более развитой Чехословакии инвестиции в промышленность составляли 20-27% национального дохода по сравнению с 9-10% ранее{712}. Потребительские товары уже не были первоочередной задачей, а коллективизация вносила свой вклад в крайнюю нехватку продовольствия.

Для коммунистических лидеров такие потери казались неизбежной ценой развития; не было другого выбора, кроме как использовать иностранную помощь, иначе пришлось бы значительно снизить потребление ради инвестирования. Руководитель польских спецслужб, Якуб Берман, объяснял: «Нужно было смотреть на это реалистично, все сводилось к решению проблемы: восстанавливать систему народного хозяйства за счет потребления, но это могло привести к бунтам, что и случилось в 1956 году, или ничего не делать и оказаться в безвыходной ситуации»{713}.

Другие тем не менее скептически относились к доводам Бермана. Для критиков пятилетки представляли собой простые и чисто империалистические проекты, направленные на выжимку ресурсов для советской военной промышленности. Большие суммы, которые СССР получал от репараций, подкрепляли это мнение: от 14 до 20 миллиардов долларов (возможно, более 16 миллиардов долларов, которые Соединенные Штаты выплатили Западной Европе в рамках Плана Маршалла){714}. Большинство этих репараций приходило из Восточной Германии, однако они повлияли на экономику всех государств-спутников. Деятельность так называемого Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), основанного в январе 1949 года, была также направлена на то, чтобы экономическое взаимодействие преследовало советские интересы[544].

Представление об СССР как об империи, высасывающей экономические соки и жизнеспособность из восточноевропейских колоний, наносило большой вред репутации коммунистического режима в этих странах. Коммунизм всегда

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org пользовался особым успехом там, где он мог смешаться с местным национализмом, а сталинские режимы старались казаться исконными. Тем не менее их попытки облачиться в национальные цвета были часто малоубедительными, и вскоре, как показал Кундера, даже у преданных коммунистов появилось горькое презрение к русским. Как писал Чеслав Милош, у многих польских интеллектуалов созревало «неизмеримое презрение к России как к варварской стране». Их позиция была таковой: «Социализму – да, России – нет»{715}. Как и Бела Кун в 1919 году, они стали верить, что восточные европейцы были более способны, чем русские, признать социализм, потому что они более цивилизованны, образованны и организованны. Но, не способные высказать это открыто, они лицемерно восхваляли русскую литературу, песни и актеров при каждом удобном случае.

Жесткий политический контроль мог быть особо неприятным и Унизительным для элиты восточноевропейских коммунистов. Показательным судам и чисткам изначально подвергались враги коммунизма. Самым известным стал процесс над болгарским лидером аграрной партии[545] Николаем Петковым в 1947 году, чье «признание» пришлось опубликовать посмертно, потому что он отказался оказать содействие суду. Отпадение Югославии Тито от советского блока в 1948 году повлекло за собой волну репрессий и судебных процессов. Неуважительное отношение Тито стало настоящим вызовом советскому контролю, возникла реальная возможность того, что другие коммунисты последуют за ним. Вольфганг Леонард, например, бежал из Берлина в Белград после серьезного приступа «политической боли в животе», как он это называл. Сейчас он пришел к убеждению, что сталинский коммунизм, со своими партийными столовыми и жильем, был невыносимо лицемерным{716}.

Москва ответила началом жестоких кампаний, которые должны были искоренить потенциальное влияние Тито на восточноевропейские коммунистические партии. Коммунисты, которые хотя бы некоторое время не жили в Москве, были в особой опасности. В дружественные государства послали экспертов НКВД по показательным процессам, чтобы поделиться опытом репрессий. Показательные суды и чистки предполагаемых последователей Тито были особо жестокими в странах, граничащих с Югославией, – Венгрии, Болгарии, Румынии и Албании[546]. В Польше Владислав Гомулка был также обвинен и в титоизме в 1951 году, потому что он выступал против жесткой централизации Коминформа и призывал к национальному пути к социализму. Тем не менее он избежал казни.

Вместе с анти-титоизмом Сталин и НКВД принесли и антисемитизм. Многие восточноевропейские режимы часто рады были искать народной поддержки, представляя коммунистов еврейской национальности козлами отпущения: антисемитские кампании особо активно проводились в Польше, Восточной Германии, Румынии и Чехословакии. Позже Рудольф Сланский, второй по значимости в партии[547], был обвинен и в титоизме, и в сионизме. Показательный процесс над ним в ноябре 1952 года был тщательно спланирован и подготовлен, была даже записана генеральная репетиция на случай, если один из подсудимых откажется от своих показаний.{717}

Репрессии тем не менее было трудно контролировать. Как и в 1936–1938 годах, Москва стала интересоваться прошлым политиков и приказала восточноевропейским партиям расследовать прошлое коммунистов, которых можно было подозревать в титоизме или у которых ранее были связи с Западом. Но результаты таких расследований могли быть сфабрикованы местными чиновниками, которые хотели свести счеты или оказать услугу друзьям, так же как это происходило во время террора 1930-х годов. Таким образом, террор в Восточной Европе был в какой-то степени логичен, но все же еще оставался непредсказуемым и случайным, порождая неразбериху и страх. В Восточной Германии, например, несколько коммунистов оказались под подозрением, так как при фашизме они жили на Западе; возможно, как утверждали их обвинители, они были «завербованы» западными шпионами. Следили и за заключенными концентрационных лагерей; одни обвинялись в трусости, другие – в безрассудстве. Используя именно такие дела, местные политики могли участвовать в игре. Эрих Хонеккер, будущий лидер Восточной Германии, получил партийный выговор за побег из фашистской тюрьмы без разрешения партии, однако это не имело для него никаких последствий; Франца Далема, серьезного соперника Вальтера Ульбрихта, выгнали с работы и угрожали судом, обвиняя его в том, что он пытался остановить восстание в концентрационном лагере Маутхаузена{718}. В Албании и Румынии Энвер Ходжа и Георге Георгиу-Деж во время сталинских репрессий получили возможность укрепить свои кадры за счет московских.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Таким образом, восточноевропейским коммунистам было гарантировано исполнение их желаний. Сталин разрушил политику Народного фронта, дал власть коммунистам и позволил им приступить к полной советизации. Но они заплатили высокую цену. Они действительно обладали значительной властью в своих странах, но главный контроль осуществляла Москва – это был, как заметил Гомулка, «отраженный блеск, заимствованный свет»{719}. Оказалось, что руководству требовалось подстраивать свой распорядок жизни под ежедневную рутину рабочего дня Сталина. Якуб Берман вспоминал, что он уходил на работу в 8 часов утра, возвращался домой на обед с женой и дочерью между 3 и 4 часами, а затем шел в Центральный комитет к 6 часам, где работал до полуночи или часа ночи. Сталин трудился до поздней ночи, и его подчиненным следовало оставаться на месте на случай, если он позвонит. Каждый высокопоставленный чиновник должен был придерживаться этого расписания{720}.

В Москве с лидерами восточноевропейских партий обращались скорее как с подчиненными на имперском суде, чем с главами государств. Самым неприятным опытом было приглашение на обед на дачу Сталина в Кунцево на окраине Москвы. Эти обеды продолжались всю ночь и высокопоставленным гостям казались увлекательными. Один из них вспоминал, что Сталин старался напоить их, чтобы они выдали свои секреты. Он также подшучивал над гостями, например, клал помидоры на стул, и, «когда жертва садилась, раздавался громкий смех»[548].{721} Как-то раз Берия написал слово «дурак» на кусочке бумаги и прикрепил ее к пальто Хрущева{722}. Было очень весело, когда, собираясь уходить, он надел пальто; уязвленному Хрущеву оказалось не так смешно. Просмотр фильмов и танцы были также регулярными развлечениями на этих напряженных вечерах. Берман, который остался на своем рабочем месте в польской секретной службе, несмотря на то что был евреем, более терпимо относился к таким странным вечеринкам. Он находил их полезными:

БЕРМАН: «Однажды, я думаю, это было в 1948 году, я танцевал с Молотовым...» [смех]

ИНТЕРВЬЮЕР: «Вы имеете в виду госпожу Молотову?»

БЕРМАН: «Нет, ее там не было; она была в трудовом лагере. Я танцевал с Молотовым... должно быть, это был вальс, но в любом случае что-то простое, я плохо разбираюсь в танцах, поэтому я просто двигал ногами в ритм».

ИНТЕРВЬЮЕР: «Как женщина?»

БЕРМАН: «Да, Молотов вел; я бы не сумел. Вообще-то он был неплохим танцором. Я старался двигаться в ногу с ним, но мои движения больше напоминали клоунские».

ИНТЕРВЬЮЕР: «А Сталин с кем танцевал?»

БЕРМАН: «О нет, Сталин не танцевал. Сталин заводил граммофон, он считал себя просто наблюдателем. Он никогда не отходил от него. Он просто ставил пластинки и смотрел».

ИНТЕРВЬЮЕР: «Таким образом, вы развлекались».

БЕРМАН: «Да, это было приятно, но с внутренним напряжением».

ИНТЕРВЬЮЕР: «Значит, вам было не совсем весело?»

БЕРМАН: «Весело было Сталину. Для нас эти танцы были хорошей возможностью прошептать друг другу то, что нельзя было сказать вслух. Так, Молотов предупредил меня о слежке, организованной различными вражескими организациями»{723}.

Не все коммунисты были такими терпимыми, как Берман. Вдова чешского министра Рудольфа Марголиуса вспоминала: «Наши жизни, постоянно подвергавшиеся опасности, превратились в безнадежную скуку». Ходил слух, что даже президент Элемент Готвальд начал пить, топя муки совести в вине{724}. Когда Действительность сталинского порядка стала очевидной, многих энтузиастов постигло разочарование.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Холодная война и поведение советских представителей в Восточной Европе также нанесли вред западным коммунистическим партиям. Коммунисты все еще сохраняли значительное влияние только в трех странах: во Франции, Италии и, в меньшей степени, в Финляндии. Они привлекали тройной альянс рабочих, интеллектуалов и традиционного крестьянства, которые не хотели быть поглощенными свободным рынком{725}. В других странах таких условий не было, и коммунисты вскоре утратили преимущества, особенно в Северной Европе, где преобладали социал-демократы.

С 1948 года в партиях Франции и Италии – крупнейших в Западной Европе – также снижалась численность. Во Франции численность партийных рядов снизилась с 800 тысяч в 1948 году до 300-400 тысяч в период с 1952 по 1972 год. Однако французская коммунистическая партия воспользовалась своим статусом «аутсайдера», бросив вызов укоренившемуся парижскому политическому устройству; партия получила 26,6% голосов на выборах в 1951 году, а в 1956 году 55% рабочих Парижа проголосовали за коммунистов{726}. Переход к высокому сталинизму в СССР не нанес никакого ущерба французской компартии, так как ее социальный консерватизм и антиинтеллектуализм, ее строгая дисциплина и манихейское мировоззрение были близки сталинскому видению мира. Затем партия приступила к созданию контркультуры, свободной от влияния Америки и культа потребления. Мораль была строгой и пуританской, каждая сфера жизни политизирована. Для членов партии организация оставалась центром интенсивной эмоциональной вовлеченности. Писательница Доменик Десантис считала, что коммунистическая жизнь полностью поглощала; она и ее друзья-коммунисты чувствовали себя почти полностью отрезанными от внешнего мира{727}. Партия представляла собой параллельное общество со спортивными и молодежными организациями, детскими летними лагерями и тем самым держала людей в изоляции.

Несмотря на закрытую и догматичную культуру, партия заручилась поддержкой за пределами членского состава. Ее сторонниками были и известные интеллектуалы Франции, даже, как это ни парадоксально, такие экзистенциалисты, как Жан-Поль Сартр, чья философия прославляла индивидуальную ответственность. Этому противоречию нашелся ряд причин. Пример сопротивления коммунистов был, несомненно, важным, так же как и их влияние среди добродетельного пролетариата и, как ни странно, их антиинтеллектуализм{728}. Имел место и простой антиамериканизм, и снобизм по отношению к кока-коле и другим элементам новой потребительской культуры. Но и империализм также оставался одним из главных вопросов, французы при поддержке Соединенных Штатов вели антинационалистическую войну во Вьетнаме, а коммунисты были единственной силой, которая им противостояла. Именно это подтолкнуло колеблющегося Сартра к коммунистической партии в период между 1952 и 1956 годами; он претерпел «обращение» и стал «ненавидеть» буржуазию{729}. Высокий сталинизм по иронии судьбы выигрывал от озлобленности на западный империализм; от неравенства в стране моральное возмущение перешло к неравенству за границей. Как Сартр написал позже в предисловии к великой антиимпериалистической полемической книге франца Фанона «Проклятые заклеенные» (или «Проклятые земли» в русском переводе), Европа была «бледным жирным континентом», а будущим были страны третьего мира{730}.

Последствием стало, конечно, то, что прогрессивные левые часто охотно игнорировали репрессии в Восточном блоке, одновременно выступая против (в их понимании) более жестоких репрессий на Юге. Большую известность получил случай с мемуарами Виктора Кравченко «Я выбрал свободу», подробными рассказами о терроре и рассуждениями о ГУЛАГе. Когда они вышли на французском языке, партийная газета «Французская литература» («Les Lettres françaises») обвинила Кравченко в том, что он работал на ЦРУ, чтобы скомпрометировать СССР. Кравченко судили в 1948 году, и плеяда интеллектуалов-некоммунистов высказалась в защиту французской партии и СССР. Хотя Кравченко и выиграл, вред был невелик, а моральная победа принадлежала французским коммунистам, которые продолжали подобострастно следовать промосковской линии{731}. Французские товарищи защищали и Лысенко, и социалистический реализм, и русскую ксенофобию. Финская партия была похожа на французскую. После успеха на выборах в 1948 году она ушла в свой собственный мир, придерживаясь прорабочей политической культуры. Партия и впоследствии имела успех на выборах: в 1958 году она получила 23,3% голосов и самую многочисленную парламентскую группу{732}.

В то время как партии Финляндии и Франции с радостью следовали изменениям в московской линии, их итальянские товарищи были не так уж этим довольны.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Старая стратегия межклассовых объединений Пальмиро Тольятти стала ересью, и ему пришлось поклониться Кремлю в страхе, что его вытеснит более ортодоксальный соперник Пьетро Секкья. Он оставался лидером, но в партийной организации преобладали сталинисты, и портретов Сталина в партийных офисах висело больше, чем портретов Грамши{733}. И все же конформистский манихейский подход к политике был подходящим для того времени. Католическая церковь вместе с Христианской демократической партией и «Католическим действием», движением светских католических организаций, стала центром военной оппозиции коммунизму, а в июле 1949 года папа Пий XII отлучил всех коммунистов от церкви. Церковь все еще представляла выборы скорее как выбор между «Христом и антихристом», чем между условными партиями, и коммунисты в свою очередь опасались возникновения прокатолического фашистского режима, каким был режим Франко в Испании{734}. Так, коммунисты и католическая церковь видели друг в друге врагов, каждый со своим собственным замкнутым общественным и политическим миром{735}. В такой атмосфере конфронтации популярность Сталина была, возможно, неудивительной.

Таким образом, две самые большие коммунистические партии Запада пережили кризис 1947-1948-х годов как серьезные политические силы. Они потеряли часть сторонников, но политика была в достаточной степени поляризована, что их защищало. Взгляд Сталина на мир как на «два лагеря» для многих все еще имел смысл, несмотря на то что его поведение подрывало веру в СССР. На другой стороне советской сферы влияния, в Китае, тем временем коммунистам становилось сложно воспринять советский произвол и реальную политику. Но там советская модель была более привлекательной, обещающей альтернативу «отсталости», раздробленности и иностранной оккупации.

V

В декабре 1949 года Мао, запланировав первую поездку за границу, сел на поезд. Он направлялся в Москву. Десятидневная поездка сохранялась в секрете до его приезда. Соблюдалась особая осторожность. Перед поездом и за ним шли два других состава с солдатами; охрана была выставлена по всему маршруту. Мао сопровождала небольшая делегация, а для Сталина он привез эклектический набор подарков, от белой капусты и редиса из Шаньдуна до вышивки и подушек из Хунани. Но ел ли Сталин капусту, и понравилась ли она ему – никто не знает{736}.

Новый хозяин Красного Китая, которому тогда исполнилось 56 лет, должен был впервые встретиться со Сталиным по случаю семидесятилетия вождя мирового коммунизма. Мао надеялся заручиться поддержкой и признанием и подписать новый советско-китайский договор, призванный заменить тот, который подписал Чан Кайши и одобрили американцы и британцы в Ялте в 1945 году. Однако, несмотря на всю важность поездки, ей было далеко до статуса успешного официального государственного визита. Эта встреча действительно стала одной из самых странных в послевоенный период: два противника с напряжением танцевали па-де-де на протяжении двух месяцев. Неприятности начались на вокзале, так как Сталин не приехал лично встретить Мао вопреки общепринятому протоколу. Лидеры все-таки поговорили позже в тот же день, но Сталин дал понять, что он не торопится заключать новый договор. Он был рад помочь, но не хотел рисковать и нарушать ялтинские договоренности и тем самым дать американцам возможность их разорвать. К тому же Сталин не доверял Мао. Так, вскоре после раскола Югославии Сталин волновался, что партизанский лидер, который причинял Москве так много неприятностей на протяжении долгих лет, может оказаться неверным азиатским Тито. Мао отправили на государственную дачу, обвешанную подслушивающими устройствами, чтобы Сталин мог понаблюдать за ним и принять решение. Как-то раз он послал Молотова, чтобы тот узнал, «что он за парень». Высокомерный Молотов отчитался, что тот был хитрым крестьянским лидером, таким как русский бунтовщик XVIII века Пугачев. Настоящим марксистом он не являлся и даже не читал «Капитал». Несмотря на все это, впечатление у Молотова сложилось по большей части положительное.

Мао уехал, «варясь в собственном соку», как выражался его русский надсмотрщик, и еще больше обозлился. Привыкший к нуждам партизанской армии, он ненавидел роскошь западного комфорта, жаловался на европейский туалет с унитазом и приказал, чтобы его мягкий матрац заменили на жесткий настил из досок. Он не раз пытался организовать еще одну встречу со Сталиным, но безуспешно. «Я здесь только для того, чтобы есть, ходить в туалет и спать?» – жаловался он. Он даже сказал коллегам, что был под домашним арестом и ему, возможно, могли запретить возвращаться в Китай.

На праздновании дня рождения в Большом театре Сталин, однако, буквально носил Мао на руках. Мао посадили по правую руку от Сталина и предоставили право первому произнести тост. Сталин ясно понимал, что он много получит от союза с человеком, который навязал коммунизм четверти населения Земли. В конечном счете (напрасно) опасаясь, что Мао может заключить сделку с американцами, Сталин согласился заключить договор. Мао пришлось пойти на уступки, принимая независимость Монгольской Народной Республики, но он добился своего

Советская помощь и консультанты прибыли в Китай; китайцы признали советских граждан как своих «старших братьев».

Тем не менее напряжение не спадало. Мао решил признать правительство Хо Ши Мина во Вьетнаме, и Сталин чувствовал, что ему придется сделать то же самое, даже если он и не хотел настраивать против себя французов. Сталин продолжал подозревать Мао в тайном сговоре с американцами. После одной из таких холодных встреч Сталин пригласил Мао вместе с членами Политбюро на свою дачу на одну из своих странных вечеринок. Он старался растопить лед привычным ему способом, завел граммофон и председательствовал на мужском танцевальном сеансе. Но у Мао не было настроения развлекаться. Как вспоминал его переводчик, «несмотря на то что трое или четверо мужчин по очереди пытались вытянуть председателя Мао танцевать, им это так и не удалось... Все это закончилось в дурном духе»{737}. Пару недель спустя советская сторона решила загладить недоразумение, пригласив китайцев на балет Рейнгольда Глиера 1920 года о революционном Китае «Красный мак». В основе балета лежала история о советском моряке, который встретил шанхайскую проститутку и затем убедил ее принять марксизм-ленинизм. Мао, узнав об унижительном сюжете и услышав сомнительное название (для китайца оно, казалось, уподобляло коммунизм злу опиума), не пошел на балет. И это было только к лучшему. Его секретарь, который пошел вместо него, оказался глубоко обижен тем, что у русских танцовщиков, которые исполняли роли китайцев, лица раскрашены в желтый цвет. Ему казалось, что китайцев изображали монстрами.

В этом визите можно было видеть острую напряженность между сталинским стареющим коммунизмом и молодым, радикальным коммунизмом Востока. Конечно, были серьезные причины идти на близкие отношения с Китаем, несмотря на долго-летние трения между Сталиным и Мао. Коммунизм в Азии открыл Сталину реальные возможности. У него уже был близкий союзник в Северной Корее; в Северном Вьетнаме Хо отдалился от Москвы и сблизился с Пекином, но Сталин мог повлиять на события во Вьетнаме через Китай. И если Мао было трудно управлять, он все еще признавал сюзеренитет Сталина над всемирным коммунистическим движением. Более того, как бы Мао ни разочаровался в советском высокомерном отношении, он все еще видел в Советском Союзе источник волшебного проекта преобразования Китая. Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» оставался для Мао очень важным текстом: в Яньани ставился акцент на идеологическую общность и конформизм; сейчас его важность можно было сравнить с картой, объясняющей дальнейший путь. К 1945 году «Краткий курс» был одной из пяти «обязательных» книг для китайских коммунистических чиновников, необходимым руководством для перехода к социализму{738}. СССР, как было принято считать, в своей основе такой же, как Китай, только на 30 лет впереди; как гласил девиз середины 1950-х годов: «Советский Союз сегодня – это мы завтра». Хроника советской истории в «Кратком курсе» могла быть достоверно приложена и к Китаю: там произошли и революция, и гражданская война, а сейчас пришло время для НЭПа; позже начнется «социалистическая индустриализация» (в 1926–1929 годы согласно своеобразной хронологии «Краткого курса»), «коллективизация» (1930–1934) и, наконец, «борьба за окончание постройки социалистического общества» (1935–1937) – распространением было мнение, что Китай пойдет по тому же пути, однако по более противоречивому графику.

В 1949 году китайские и советские лидеры согласились, что еще не подошло время для социалистических амбиций. Китай, как думал Мао и его коллеги, был очень уязвим для иностранного вмешательства. А коммунисты, которые еще не завоевали Тибет и Тайвань, еще не были готовы к внутреннему конфликту. Старорежимные чиновники Гоминьдана оставались на местах[549], а к либеральной интеллигенции с их ценным опытом относились хорошо. Частная собственность сохранилась, и если землю у землевладельцев отобрали, целью было не равенство, а повышение производительности за счет объединения ферм. Этот период назвали эрой «Новой Демократии»: государство являлось «народной

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org демократической диктатурой» под руководством пролетариата, включая буржуазию; чисткам подвергались только явные антикоммунисты[550].

Как и в 1920-е годы в СССР, в Китае существовали разные взгляды на то, каким быстрым будет китайский путь к социализму (в это время сам Сталин придерживался идеи постепенных реформ). Те, у кого имелись очень близкие связи с Москвой: Лю Шаоци, его союзник и приятель хунанец Жэнь Биши, коммунист, получивший образование в Москве, и Чжоу Эньлай (политический деятель с прочными советскими связями с 1920-х годов), – все надеялись, что «Новая Демократия» продлится от 10 до 15 лет, в течение которых они смогут построить государство и экономику по сталинской модели{739}. Лю пользовался особенно сильным влиянием. Он приехал в Москву в июне 1949 года, перед визитом Мао, и посетил десятки министерств и ведомств, чтобы узнать, как они работают. Он вернулся в Китай примерно с 220 советниками и с целью организовать жизнь в Китае по советскому образцу. Однако гораздо важнее, чем сравнительно малое количество советников, были переводы многих советских книг-руководств{740}. Именно оттуда китайцы узнали, как управлять заводами и вести дела в конторах. Эти тексты намного успешнее экспортировали советскую модель современности, чем танки.

Визит Лю в Москву оказался более гармоничным, чем поездка Мао, так как со Сталиным у него были более близкие отношения. Мао, в отличие от Лю, ностальгируя по партизанскому социализму Яньаня, продолжал стремиться к радикальным изменениям. Ему не терпелось подтолкнуть историю к индустриализации и социализму.

Как и в СССР в конце 1920-х годов, угроза войны способствовала радикализации китайской политики. В апреле 1950 года Сталин неожиданно согласился поддержать вторжение Ким Ир Сена в Южную Корею, и когда после первых успехов Северной Кореи в Южной Корее высадились американцы (в главе войск ООН)[551] и отбросили их назад, китайцы неохотно согласились вмешаться{741}. Война продолжалась больше двух лет. Борьба оказалась тяжелым бременем для Китая. Это была война многочисленных армий, спланированная и отчасти финансируемая Москвой, но сражались преимущественно китайские солдаты – свыше 3 миллионов китайцев. Более 400 тысяч погибло, в том числе сын Мао Аньин. Китай потратил 20–25% своего бюджета на эту кампанию, война принесла огромные лишения как фронту, так и стране.

Корейская война способствовала учащению призывов к быстрой индустриализации, и Мао приступил к обсуждению плана пятилетки уже в феврале 1951 года. Но война, в общем, оправдала радикализм и укрепила позиции приверженцев жестокой «классовой борьбы». Например, земельная реформа 1949–1950 годов начала терять обороты, и партийным лидерам было трудно ускорить перераспределение земли из-за оппозиции землевладельцев, кланов и религиозных групп, а война предоставила партии возможность обвинить иностранных врагов в сговоре с местной буржуазией. Земельная реформа быстро превратилась в остротенную «классовую борьбу». Китайский трибунал су-ку, собрания «борьбы с ошибками», публичное унижение и открытая жестокость, не всегда поддерживаемая властями, стали обычными явлениями. Тем временем 43% земли было распределено среди 60% населения. Хоть это и усилило поддержку нового режима, но произошло это за счет огромных человеческих жертв. По некоторым оценкам, в кампаниях земельных реформ погибло от 1 до 2 миллионов людей.

Китайские коммунисты пока еще не навязывали вступление в колхозы населению, но в некоторых случаях были даже более радикальными, чем их советские предшественники в начале 1930-х годов. Полные решимости искоренить старые классовые, клановые и региональные особенности, они прилагали много усилий к распределению сельского населения по классам, а классовые ярлыки – «землевладелец», «богатый крестьянин» или «бедняк» – стали решающими в жизни людей. Между 1951 и 1953 годами КПК довела «классовую борьбу» и до городов с помощью «Кампании по подавлению контрреволюционеров», кампании «Против трех» против коррумпированных чиновников, кампании «Против пяти» против крупной «национальной буржуазии» и кампании по реформе свободы мысли против интеллигенции. Эти кампании часто сопровождались чрезмерным насилием{742}. Только подавление контрреволюционеров привело к гибели от 800 тысяч до 2 миллионов человек, и бесчисленное множество людей было привлечено к массовым публичным судам. В сельской местности партии всегда удавалось настроить большинство против меньшинства; 40–45% шанхайских рабочих посылали руководству доносы на контрреволюционеров. Согласно

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org отчету, 30 тысяч китайцев посетили собрание в Пекине, на котором судили «пять основных тиранов» – группу местных лидеров. Так же как и при земельных реформах, коммунисты привлекали уважаемых людей пожилого возраста, чтобы уличить своих врагов: «Когда вошли преступники, массовое чувство внезапно проявилось в звуках проклятий и лозунгов, которые потрясли небо и землю. Некоторые плевали на преступников, другие заливались слезами... Восьмидесятилетняя жена подошла к обвиняемым, опираясь на палочку: «Вы никогда не думали, что наступит сегодняшний день! Ха! И я никогда не думала. Прежняя система суда принадлежала вам, но сейчас Председатель Мао выплатит нам кровные долги!»{743}

В сентябре 1952 года Мао объявил коллегам, что эра реконструкции в стиле НЭП подходит к концу и что пришло время Китаю приступить к строительству социализма. Первая пятилетка, когда социалистический сектор экономики выжимал деньги из капиталистов, началась в 1953 году. Вскоре после этого, в 1955 году, была начата коллективизация.

Сейчас, когда Мао решился на полномасштабную пятилетку, он с большей готовностью обратился к модели высокого сталинизма. В феврале 1953 года он объявил, что «необходимо всей нацией быстро учиться у Советского Союза тому, как перестроить нашу страну»{744}. Ступенчатая иерархия советской аристократии только сейчас внедрялась в полном масштабе; инженеры стали новыми королями на рабочих местах, в то время как партийная организация была отодвинута в сторону. Огромные промышленные заводы запустелись с советской помощью. Но самые удивительные изменения претерпела Народно-освободительная армия Китая, где старый военный партизанский стиль армии был заменен рангами и эмблемами советского стиля.

Сталинской модели следовали, конечно, не точно. Китайцы, которые так зависели от поддержки крестьян, не хотели слишком жестко использовать крестьянство в интересах тяжелой промышленности. Однако в целом модель СССР приняли, и заинтересованность во всем советском вскоре вышла за пределы партийных элит. В городах, особенно среди образованных людей, московский проинтеллигентский высокий сталинизм[552] неизбежно стал более притягательным, чем крестьянский социализм Яньяня. Русские романы широко читались в переводе, а русские фильмы показывали по всей стране. У романа Островского «Как закалялась сталь» был самый высокий рейтинг продаж, а его герой, Павел Корчагин, стал всеобщим примером для подражания. С 1952 года в некоторых школах были организованы «занятия Павла» как часть кампании «Читаем хорошие книги, учимся у Павла», в то время как советский фильм 1956 года, переведенный на китайский язык, показывали в Китае в честь годовщины Октябрьской революции. Есть свидетельства тому, что книга Островского на самом деле вдохновляла молодежь отчасти потому, что Корчагин был противоречивым героем; было легче любить его за плохое поведение в школе и импульсивность, чем отдаленных и неправдоподобных добродетельных новых социалистов Китая. В Корчагине смешались революционный романтизм и реализм{745}.

Кино стало основным проводником советских идей в Китае; к 1957 году 468 советских фильмов были озвучены по-китайски. Их посмотрели почти 1,4 миллиарда китайцев. Эти картины пропагандировали определенные идеи. Героизм маленького человека (такого, как Корчагин) был одной из них, но в фильмах популяризировались и современные идеи, такие как равенство полов{746}. В ленте «Как закалялась сталь», как и во многих других советских картинах, показывали, как женщины боролись и работали наряду с мужчинами. Первая китайская трактористка, Лян Цзюнь, утверждала, что фильм побудил ее искать работу. Советский Союз, как было показано там, находился на пике современности. Историк Ву Хун вспоминает: «Вспоминая начало 1950-х годов, кажется, что все новое и увлекательное пришло из Советского Союза, а в Советском Союзе все было новым и увлекательным. На улицах, в парках и школах повторялся слоган: “Советский Союз сегодня – это мы завтра”. Было и весело и жутко видеть свое будущее у кого-то на лице, особенно когда у этого “кого-то” желтые волосы и розовая кожа... Моя мать, как и ее коллеги в Центральной академии драмы, сразу же сделала завивку, чтобы быть похожей на крепких русских героинь... С воспоминанием о прическе моей матери в то время тесно связано воспоминание о своего рода платье, которое называлось *bulaji* (фонетическая передача русского слова [платье]). Это платье было с короткими пышными рукавами, застегивающимся на пуговицы воротом и широкой, развевающейся юбкой, всегда из цветной ткани с веселым рисунком, что опять же ассоциировалось с “революционным духом” Советского Союза»{747}.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Тем не менее, как поясняет Ву Хун, советская современность, распространяемая в Китае, была особой. В моде, как и в других областях, официальное принятие «советской модели» после 1953 года обозначило перемену, схожую с той, которая произошла в СССР в середине 1930-х годов: от более эгалитарного, партизанского социализма к более «радостному» и вдохновляющему обществу.

В конце 1940-х годов «ленинский костюм», женский вариант костюма Сунь Ятсена, в котором за основу была взята униформа советской Красной армии, пользовался большой популярностью среди женщин-революционерок и стал обычной одеждой городских женщин в начале 1950-х годов. Но в 1955 году воодушевленные советской моделью и уставшие от жесткой экономии стиля Сунь Ятсена, некоторые ведущие культурные деятели, в том числе и поэт Ай Цин, начали кампанию по реформе одежды. По мнению Ай Цина, ленинские костюмы[553] и костюмы Сунь Ятсена не совсем «гармонировали с... радостным настроением жизни». Он объяснял: «В Советском Союзе, если встретишь компанию из шести-семи девушек, то на каждой будет платье особого покроя», в то время как китайские дети «одевались как маленькие старики»{748}.

Несмотря на широкое освещение в прессе в 1956 году, реформа одежды не была такой уж успешной, и многие женщины все же придерживались ленинских костюмов, отчасти по экономической причине: на длинные юбки требовалось больше материала, чем на ленинские костюмы. Но расходы не стали единственной причиной; современные ценности еще не были созвучны отказу от партизанского социализма Яньяня. Один из сторонников реформы одежды в Китае объяснял непреходящую популярность ленинских костюмов среди женщин: «...они соединяли деловую одежду и прогрессивное мышление, деловую одежду и простоту жизни, деловую одежду и бережливость... Хотя это и ошибочно, но никто не отрицает, что в этом заключается стремление женщин к прогрессу и равенству с мужчинами в жизни и работе, а также взгляд на простоту и экономность как на основные элементы китайской эстетики»{749}.

Конфликты на почве революционной моды отражали непрекращающуюся напряженность в политике Китая. Мао хотел на время принять советскую модель, но он никогда не отвергал своих партизанских ценностей. До того момента, когда он осмелился выступить против Москвы, оставалось немного времени.

Другую смесь крестьянской партизанской традиции в китайском стиле с иерархией советского типа можно было наблюдать в коммунистической Северной Корее. Сам Ким Ир Сен был приобщен и к китайской, и к советской культуре, но корейская политическая культура играла решающую роль в формировании специфической модели коммунизма{750}.

Как и китайская компартия, Трудовая партия Кореи (название корейской коммунистической партии) была преимущественно крестьянской и добилась значительной поддержки со стороны бедных крестьян благодаря земельной реформе 1946 года (которая напоминала китайские коммунистические земельные реформы в Маньчжурии в период гражданской войны). Ее родство с китайской партией проявлялось также и в значении, которое они придавали «самокритике» и «единству мыслей». Корейская конфуцианская культура внесла свой вклад в развитие идей и мыслей, но усилия японских колонизаторов в идеологических «беседах» (то, что многие коммунисты прошли в тюрьме) также оказали сильное влияние{751}.

В то же время Кима привлекала модель высокого сталинизма. Японцы покинули Север с основой тяжелой промышленной экономики, а режим запустил типично сталинскую программу Индустриализации с помощью советских специалистов и технической профессиональной подготовки. К концу 1940-х годов Корея стала составной частью более просторной советской экономической империи, экспортируя сырье в обмен на промышленные товары{752}.

В культе личности Ким Ир Сена имелись отголоски культа Сталина и Мао, хотя он отличался экстравагантностью и интенсивностью, и здесь ключевыми были некоммунистические источники{753}. Образы и язык Сталина и Мао, разумеется, присутствовали – Кима, как и Мао, сравнивали с солнцем (хотя это могло иметь отношение и к японскому культу императора), но это был традиционный образ конфуцианства. «Революционную преемственность» Кима прославляли и представляли его отцом корейского народа. Корейская языческая народная культура также сыграла свою роль: Кима представляли и как «мать» нации, которая чудом контролировала погоду и урожай. Более того, его провозгласили

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org царем-философом, который «руководил на местах», советуя рабочим, как пользоваться станками, а крестьянам – как улучшить урожай[554]. В Северной Корее до сих пор сохранились тысячи символов, напоминающих о его вдохновляющих визитах (в том числе и опасные приподнятые участки на шоссе, которыми отмечены все те места, где Ким давал «указания на местах» при строительстве дорог). В конце концов в культ проникли и христианские элементы: его биограф писал, что яркая звезда ознаменовала его приход к руководству, и он пролил «драгоценную кровь», чтобы сохранить нацию.

Интересное смешение высокого сталинизма и корейской традиции было очевидным и в социальном порядке. Была перенята послевоенная сталинская модель завода, дополнена стахановским движением и резкой разницей в оплате труда, но неравенство и социальные различия должны были стать еще жестче, чем в СССР или Китае. Влияние оказывала и корейская политическая культура. Несмотря на влияние конфуцианства, корейская династия Чосон (которая правила до тех пор, пока японцы не захватили власть в 1910 году) сохраняла наследственную аристократическую элиту, в отличие от Китая, где образовательные идеи конфуцианства были гораздо сильнее{754}. Строгая коммунистическая иерархия «основного класса», «неустойчивого класса» и «враждебного класса» напоминала тройственное разделение общества на янбан (грамотный военный класс), простолюдинов и отверженных, или рабов, а происхождение оставалось решающим фактором в жизни{755}. Как будет видно, эти наследственные иерархии возникли и в Китае, но Мао решил их разрушить. Ким, в отличие от Мао, поддерживал их, иерархия отражалась в необычном использовании двух различных вариантов слова «товарищ»: *tongmi* для равных и *tongji* для вышестоящих (в китайской коммунистической партии использовалось одно слово *tongzhi*).

Киму и его товарищам-коммунистам требовалось создать коммунизм с достаточно прочными местными корнями. Эта коммунистическая власть должна была напоминать старый режим, а ее социальная структура – быть необычайно жесткой. Но во всех коммунистических обществах в конце сталинского периода присутствовали отчетливые элементы иерархии, и они неизбежно подрывали надежды многих потенциальных приверженцев новой эры современных социальных отношений и справедливости.

VI

В 17 лет Эдмунд Хмелинский покинул родную деревню в центральной Польше, присоединился к молодежной трудовой бригаде и начал работать в новом «социалистическом городе» Нова Гута под Краковом. Хмелинский пострадал от войны: его отца убили, когда ему было и лет, а его самого забрали в нацистский трудовой лагерь. По возвращении в родную деревню его ждали плохие перспективы: он находился на самом низу сельской иерархической лестницы, с ним плохо обращались учителя и местный священник. Его дядя, работник комсомола, предложил ему бежать, хотя мать старалась удержать его в деревне: «Мое решение было твердым. Я хотел жить и работать как человек, чтобы со мной обращались так же, как с другими, а не как с животным.. Никакая сила или власть не смогла бы удержать меня в деревне, которую я так сильно ненавидел, которая смотрела на меня свысока из-за обстоятельств моего детства»{756}.

Хмелинский приехал в новой униформе цвета хаки, в кепке и красном галстуке. «Иногда, когда я украдкой смотрел на себя в зеркало, я не мог прийти в себя от того, как я изменился». Сейчас он был равным, частью новой трудовой армии. В обед всем давали равные порции, и «мы все были равны». В первый раз он заснул «абсолютно счастливым». Хотя работа была тяжелой, и Хмелинский удивлялся тому, что его бригаде следовало построить огромный завод, имея в наличии только простейшие инструменты, он стал воодушевленным стахановцем, участвуя в героическом «социалистическом соревновании» по восстановлению страны после войны: «Я твердо верил, что общими усилиями через несколько лет мы построим прекрасный город, в котором я буду жить и работать... Я не считал, сколько часов работал. Я работал так, будто бы строил свой собственный дом. Я верил, что работаю для себя и своих детей»{757}. Тем не менее его история закончилась печально. Он выиграл стипендию на обучение в профессиональном училище, но все равно не смог оплатить все расходы. Он перенес нервное расстройство, обвиняя руководителей профсоюзов и партии в несправедливости, и кончил тем, что превратился в бродягу и пьяницу. Он ликовал, когда старый режим был свергнут в результате восстания против сталинского порядка в октябре 1956 года.

Мемуары Хмелинского, написанные в 1958 году после окончания эпохи высокого сталинизма, но еще при коммунистическом режиме, несомненно, появились под влиянием идеологических приемов того времени, но описываемый им энтузиазм молодежи подтверждают другие современники. Хмелинский верил обещаниям коммунистов о новой системе, о полувоенном «партизанском» обществе равных, желающих всеобщего блага, что принесет индивидуальное образование и развитие, и неудивительно, что он был поглощен такими мыслями. Тем не менее для него, как и для многих других, новый режим оказался более стратифицированным, несправедливым и жестоким по отношению к бедным, чем обещали коммунисты. Мечты многих молодых коммунистов, таких как Хмелинский, разбились о реальность голодного государства и «нового класса».

Молодые и целеустремленные люди, как Хмелинский, разочаровавшиеся и готовые бежать от сельской рутины, были как раз теми, кто хотел стать новым социалистическим человеком, какими были граждане СССР в 1930-е годы. У такого послушания имелись и положительные стороны. Требовалось заполнить множество управляющих и технических рабочих мест в послевоенной Восточной Европе, особенно в Польше и ГДР, а уровень социальной мобильности в этот период был даже выше, чем на Западе (который тогда же переживал собственный золотой век мобильности). Хмелинский, скорее всего, понимал, что у мобильности есть границы, но многие другие могли позволить себе получить образование и пополнить ряды управляющих среднего уровня.

У старых работников было меньше материальных стимулов стать частью трудовой армии нового режима. Они хранили верность культуре старого рабочего класса, которую коммунисты пытались сломать{758}. Поздний сталинский режим в промышленности был даже более авторитарным и эгалитарным, чем режим СССР в середине 1930-х годов. В его основе лежала строгая иерархия: планы и рабочие задачи (нормы) устанавливались министерством в центре, а затем вниз сообщались команды, которые необходимо было исполнить руководителям и начальникам. Каждому рабочему следовало выполнить мини-план. Такая система была очень эффективной, так как работнику платили в соответствии с тем, какой объем работы он выполнил. Таким образом, управляющие получали больше власти, чем при капиталистической системе. На практике же недостаток рабочей силы и потребность руководства в обеспечении сотрудничества с рабочими не позволяли управляющим злоупотреблять властью. Но рабочие все еще возмущались их полномочиями, особенно при распределении труда, при котором ярко проявлялся фаворитизм. Например, зарплата рабочего очень сильно зависела от того, выполнил он норму или нет, и из-за нехватки материала, как бы героически он ни работал, получить более или менее приличную зарплату оказывалось невозможно.

Неравная зарплата также являлась источником недовольства. Общепринятой была сдельная система оплаты труда, и это давало власть начальникам и управляющим, которые решали, кому дать легкую, а кому тяжелую работу. В то время как технические специалисты и управляющие получали большую зарплату и имели привилегии (такие, например, как посещение специальных магазинов), старую, более справедливую систему оплаты отменили. Особенно противоречивой была ситуация в ГДР, где многих специалистов, бывших нацистов, уволили в 1945 году, а затем наняли снова. Согласно партийному отчету, члены партии очень враждебно относились к такой политике: «Интеллигенцию нужно привлечь к ответственности. Обслуживание интеллигенции с приоритетом – ерунда. Магазины, которые интеллигенция имеет право посещать, нужно разгромить»{759}.

Особенно враждебно относились к стахановцам, которые сотрудничали с управляющими, чтобы переработать по плану, и, как в СССР в 1930-х годы, другие работники вынуждены были делать то же самое. Рабочий завода осветительных и электрических приборов в северном Будапеште Янош Станковиц был отправлен в СССР после 1945 года и работал на советском заводе, где стал стахановцем. После возвращения в Венгрию он сопротивлялся и не хотел выполнять стахановские нормы, отвечая партийным агитаторам: «Сталин может засунуть смену себе в задницу, я работал на него бесплатно три года, мне не давали даже необходимой одежды, меня освободили, так почему я должен опять на него работать?» Сейчас у него были серьезные проблемы, и другого выбора, кроме как сотрудничать и стать стахановцем, у него не оставалось, но вместе с тем он получая и хорошую зарплату. Его коллеги, естественно, злились из-за его готовности перерабатывать норму и говорили ему: «Возвращайся в Советский Союз, если тебе там так нравится»{760}.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Разумеется, коммунисты могли объяснить неравенство, исходя из идеологической схемы Маркса: на низшей ступени социализма работал принцип «каждому по труду». Но можно понять и то, что многие видели в новом режиме предательство социалистических ценностей, которые партия так громко провозглашала, а марксизм предоставлял им готовый язык протеста. В январе 1949 года рабочий в анонимном письме Хилари Минцу, министру промышленности Польши, подписанном «Последователь учения Маркса и Энгельса», говорил: «Вы заявляете, что заводы, на которых мы работаем, – это исключительно наша собственность, только наша, а получается, что мы только жалкие слуги с меньшей зарплатой, чем на частных фабриках. Кроме того, если это наша собственность, то доход завода должен быть распределен между рабочими, и мы бы платили налоги, как платят частные фабрики. Вам это не нравится, не так ли? Потому что тогда не было бы денег, чтобы построить ваши дворцы с квадратными метрами для каждого бюрократа...»{761}

Оставалась одна сфера жизни, где режим допустил чрезмерное равноправие в среде рабочих: положение женщин. Коммунисты настаивали, чтобы женщины были заняты на всех видах работ, даже тех, которые традиционно выполняли мужчины. Некоторые женщины становились партийными активистками и героическими работницами, но на их пути было множество препятствий. Мужчины обычно успешно противостояли найму женщин, и женщинам оставалось только исполнять традиционно женские роли, зарабатывая меньше, чем мужчины. В то же время жизнь героических работниц, трудившихся несколько смен, чтобы перевыполнить план, трудно было совместить с семейной жизнью{762}.

Это являлось не единственной уступкой восточноевропейским рабочим, на которые оказался вынужден пойти режим. Во многих регионах предшествующие социалистические культуры Придавали рабочим уверенность при сопротивлении коммунистам; в ГДР, например, старые рабочие социал-демократы писали больше всего жалоб{763}. В некоторых случаях идеал создания «нового социалистического человека», полного веры в коммунистическую идеологию, был более или менее забыт. Польский социолог Анна Свида-Зимба заметила, что пока рабочие трудились, допускалась идеологическая некорректность: «При контактах с рабочими я была поражена свободой их самовыражения, их агрессивным отношением к вышестоящим чиновникам и системе того времени, что иногда очень остро выражалось на общественных собраниях... Дело было не в индивидуальной храбрости в том обществе, а в правящей идеологии, а также общественной практике сталинской системы». В отличие от интеллигенции, которая должна была придерживаться партийной линии, «обязанностью рабочих был сам труд, реализация шестилетнего плана. Взгляды и мнения можно было выражать безнаказанно, но малейший знак реального отказа от работы мог быть урегулирован совершенно по-разному...»{764}

В то время как восточноевропейские коммунистические режимы имели дело с промышленной рабочей силой, существовавшей ранее, и должны были идти на компромисс с рабочими, китайские коммунисты занимали более жесткую позицию. В 1949 году промышленное производство велось здесь в основном на базе мелких мастерских. Сами коммунисты создали крупную промышленность – то же, чего СССР добился в 1930-е годы, – и их крупные заводы и фабрики были построены по примеру заводов, описанных в советских учебниках. Это помогло режиму направлять рабочую силу. Более того, разрыв между сельской и городской экономикой был даже больше, чем в Восточной Европе и СССР, но в экономике Китая имелся большой излишек рабочей силы. Тем не менее режим не мог обеспечить всех желающих трудом на производстве, но тем, кому удавалось найти выгодное место с относительно высоким заработком, быстро поднимались на вершину трудовой иерархии. Под ними находилась группа менее привилегированных и защищенных рабочих мелких заводов, в то время как на самом дне была масса крестьян, которые после 1955 года оказались основательно привязаны к земле. Осознавая свое преимущество, городской рабочий класс стал более восприимчив к интенсивной партийной пропаганде.

Несмотря на это, многие черты высокого сталинизма не прижились на китайских заводах. Советскую сдельную систему оплаты труда, введенную между 1952 и 1956 годами, было трудно поддерживать в условиях, когда опытных управляющих мало. Это породило вражду среди рабочих, которые привыкли к более эгалитарному режиму войны[555]. Жесткую, восьмиступенчатую схему советского стиля, которая применялась в разных районах Китая, постоянно критиковали за ее произвол. Попытки разделить рабочую силу на восемь ступеней достигли абсурда: управляющие шанхайского универмага пытались определить «уровень умений» продавцов с помощью «теста на вкус вслепую», предполагающего точное определение количества табака; некурящие, естественно, были

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org недоволен{765}. Тем временем власть управляющих разжигала негодование, особенно среди сотрудников бывших частных фирм, где старый «капиталистический» владелец был официально назван новым «социалистическим» управляющим. Недовольства и злость, как порох, наполняли бочку, которая могла взорваться в тот момент, когда Мао начал сомневаться в иерархии так называемой советской модели управления в конце 1950-х годов.

Такой кризис начался гораздо раньше в Европе, когда государственные режимы усилили давление на рабочих, в то время как зарплаты понижались. В Венгрии, например, зарплата уменьшилась на 16,6% в период с 1949 по 1953 год. Рабочие стремились выразить свое недовольство косвенно, например, уходя в самоволку, часто меняя работу и задерживая производственный процесс. Но время от времени вспыхивали крупные забастовки, неизбежно влекшие за собой репрессии; 31,6% «политических» заключенных чехословацких тюрем были рабочими{766}. В начале 1950-х годов стало ясно, что попытки коммунистов мобилизовать рабочих в новую трудовую армию зашли в тупик. Если они были настолько безуспешными в своих призывах к предполагаемому рабочему передовому отряду, вряд ли бы «отсталое» крестьянство охотнее поддержало наборы добровольцев, призванных участвовать в новых коммунистических проектах.

VII

В апреле 1952 года китайский путешественник, более скромный, чем Мао или Лю, приехал в Советский Союз. Гэн Чансо, крестьянин из деревни Угун (примерно 120 миль к югу от Пекина), впервые прибыл в Москву, где воодушевленно праздновал 1 Мая на Красной площади, а потом поехал на Украину, где вместе со своей делегацией инспектировал колхозы, включая образцовый колхоз «Октябрьская победа». Гэн и его коллеги-китайцы были потрясены роскошью: вода, электричество, изобилие еды и чистые прочные дома, оборудованные телефоном. Гэн еще сильнее удивился тому, что было источником этого богатства – чудесный трактор, который с легкостью делал то, что крестьяне Угуна не выполнили бы при наличии 150 животных и 150 плугов{767}.

Гэн был верным членом партии, преданным не только своей семье и клану, но и всей деревне. Он не курил, не пил и не играл в азартные игры и являлся идеальным коммунистическим лидером на селе. Во время войны он организовал добровольный кооператив бедных крестьянских семей, которые объединили свои ресурсы и могли вложить средства в цепочечное производство, а продукцию потом продавали на местных рынках. В начале 1950-х годов кооператив процветал, к нему присоединялось все больше семей, и Гэн вскоре привлек внимание партийного руководства. С 1951 года Мао пытался убедить китайских крестьян полностью принять социализированное сельское хозяйство, и Гэн после обучения в СССР, спонсированного государством, вернулся приверженцем не только советского коллективизма, но и вообще советской версии современности. Подчеркивая свою страсть к стилю «модерн», он побрил усы и бороду, щеголял в одежде западного покроя и начал учиться грамоте. Вскоре он приступил к миссии прозелитизма, объясняя, как коллективизация и механизация (особенно «трактор», в транслитерации «tuolaji», слово, которое крестьяне Угуна раньше не слышали) привели СССР к процветанию. Этим же сельских жителей призывали вступить в расширенный деревенский коллектив{768}.

Когда Мао настаивал на полной коллективизации по советскому образцу (объединении мелких хозяйств в крупные государственные единицы) летом 1955 года, Гэн стал одним из первых председателей колхоза. Однако такая политика была слишком чужда Гэну и его крестьянам, а колхоз очень сильно отличался от менее амбициозного крестьянского кооператива. Доход крестьян, который до сих пор шел от продажи продукции, теперь полностью выплачивался в виде зарплаты за работу в колхозе. При этой системе только некоторые крупные семьи, где практически все члены семьи работали, могли получить доход, сравнимый с прежним. Более того, китайцы перенимали все точно из советской модели, используя колхозы, чтобы извлечь из села как можно больше ресурсов для промышленных инвестиций. При этом Гэн и другие лидеры деревни Угун, потерявшие надежду на сохранение своего статуса образцовых сельских жителей, запретили частную собственность и настаивали на полномасштабной коллективизации.

Влияние коллективизации на политику было, наверное, более революционным, чем ее экономические последствия. Управление Гэна и подобных ему жизнью

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
крестьян (уже тогда значительное) сейчас стало безграничным. Управляющие
Деревни контролировали всю землю; они распределяли работу между
крестьянами; у них был привилегированный доступ ко всем государственным
ресурсам. Известное стихотворение точно отразило новые отношения между
классами и ресурсами:

Людам первого класса
Все подносят к воротам их дома.
Есть что послать воротам.
Люди второго класса
Зависят от других.
Люди третьего класса
Только мучаются{769}.

Гэн был одним из самых честных и бескорыстных чиновников и прилагал много усилий не только для убеждения крестьян в том, что у колхозов есть свои преимущества, но для того, чтобы система работала. Образование стало доступнее, и, в отличие от многих других деревень, в деревне Угун впервые появилась элементарная система социального обеспечения. Тем не менее даже добродетельный Гэн скоро был втянут во все «прелести» местной политической деятельности: помимо школ и социального обеспечения, деревня Угун могла сейчас похвастаться и собственным аппаратом безопасности. Новой вооруженной силой управлял устрашающий «лютый Чжан», бывший бедный крестьянин, который набирал подготовленных местных головорезов для поддержания порядка. Когда, например, группа сельских жителей выкорчевала 1500 кустов хлопка в знак протеста против того, что за него предлагали очень низкую цену, вооруженная «охрана» пыталась людей, чтобы разоблачить преступников. В других китайских деревнях издевательства чиновников могли быть хуже. Теперь власть деревенских лидеров, смешавшись с традиционными патриархальными отношениями, превратилась в новый, почти феодальный кодекс, который включал и неформальное «право первой ночи» в основном в отношении бедных женщин. Участились случаи изнасилований: двое бывших телохранителей Мао, например* переведенные на службу в Тяньцзинь, пользовались положением и терроризировали местных женщин. В конце концов их казнили за совершенные преступления, но многим удалось избежать правосудия{770}.

История Гэна Чансо и деревни Угун воплощает многие надежды и разочарования, связанные с так называемой советской моделью в Китае. Некоторые аспекты коллективизации могли привлечь определенную группу крестьян: трактора и крупномасштабное сельское хозяйство сулили такие богатства, которые мелкое хозяйство дать не могло, в то время как образование и социальное обеспечение обещали интеграцию и лучшие возможности в более широкой национальном сообществе. Но коллективизация вскоре создала новую иерархию: могущественный привилегированный пласт людей, которые часто проявляли себя деспотами и эксплуататорами. Крестьянство в целом оставалось на дне социальной иерархии, изолированное от остального общества Китая и привязанное к земле, над которой у них было меньше контроля, чем раньше. В то же время из сельской местности «высасывались» ресурсы и «вкачивались» в тяжелую промышленность, а система поощрений наносила вред производительности и в перспективе подготавливала почву для продовольственного кризиса.

Советская Восточная Европа прошла похожий, даже более болезненный путь коллективизации. Китай избежал жестокого «раскулачивания»; китайская коммунистическая партия успешно убила (или заставила) крестьян вступать в колхозы без полномасштабной кампании классового боя. По всей вероятности, это стало следствием того, что сопротивление крестьян было сломано раньше, во время жестоких кампаний земельных реформ. Восточная Европа, однако, точно следуя советскому образцу 1930-х годов, начала одновременно и коллективизацию, и раскулачивание.

Давление, оказываемое на крестьян, было очень сильным, и в некоторых областях принуждение становилось более открытым, в других – не таким прямым: крестьяне могли покупать несельскохозяйственные товары в государственных магазинах, только являясь членами колхоза. Болгарский крестьянин объяснял: «Конечно, вам не нужно было вступать в кооператив, если вы не хотели быть обутыми и одетыми»{771}. При этом, как и в СССР 1930-х годов, развернулось сопротивление. Крестьяне не доверяли чиновникам, которые приезжали из городов учреждать колхозы, и отказывались давать инспекторам информацию о том, что кому принадлежало. Более того, было нелегко убедить крестьян донести на своих влиятельных богатых соседей. Так, например, в румынской деревне Хирсени в долине реки Олт на юго-востоке

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Трансильвании партийные чиновники пытались убедить бедного крестьянина Николая Р. донести на его соседа, якобы кулака (chiabur) Иосифа Ольтына, который обещал ему 20 килограммов шерсти и 10 килограммов сыра за работу, но дал только самое малое количество шерсти низкого качества. Однако Николай защищал своего соседа: «Ольтын был хорошим человеком, который помогал бедным людям, даже если и был жадным»{772}.

Крестьяне отдалились от коммунистов из-за потери своей земли. Новая марксистско-ленинская идеология, которая считала труд важнейшей добродетелью, была полностью противоположна морали многих крестьян, которые видели в землевладении и экономической независимости показатель своего статуса. Государство устанавливало высокие квоты на поставки продовольствия для рабочих и на финансирование индустриализации; все это приветствовалось еще меньше, чем раскулачивание и коллективизация. Крестьянка из венгерской деревни Сарошд к югу от Будапешта вспоминала свои напрасные надежды на то, что она сможет платить налоги государству, выращивая 1,7 гектара семечек: «Возвращаешься домой без единого пенни. Все уходило на налоги, не оставалось денег, даже чтобы купить фардук»{773}. В самом колхозе зарплаты были низкими, а условия – плохими. Крестьянин болгарской деревни Замфирово вспоминает: «Это было ужасно. Я помню, как однажды чуть не упал в обморок в поле во время уборки пшеницы. Мы работали весь день при невыносимой жаре, работали руками, как раньше... Работа была тяжелой, а зарплата – низкой, всего лишь 80 стотинок в день, и любая плата натуральными продуктами из этого вычиталась. Люди оказались в затруднительном положении. Даже самый бедным, кто вступил в кооператив с наибольшим участком земли, стало еще хуже. Я помню, как летом кто-то приехал в поле продавать пиво и содовую, но, несмотря на то что мы умирали от жажды, никто не мог себе позволить это купить»{774}.

Как и в Китае, безграничная власть новой деревенской политической элиты Восточной Европы разжигала крестьянскую озлобленность. Квоты зависели от капризов колхозных чиновников. Тем временем крестьяне поняли, что люди, которые находятся выше в политической иерархии, получают больше денег за работу в колхозах, чем другие. Политика глубоко проникла в жизнь людей, а будущее сельских жителей зависело от взаимоотношений с новыми начальниками.

Некоторые противостояли жесткой политике, в нескольких регионах вспыхнули восстания и демонстрации. Одним из самых жестоких и разрушительных было восстание в районе Бихач в Боснии в мае 1950 года, все остальные случаи редко представляли реальную угрозу властям. Более распространенным способом противодействия коллективизации был уход из сельского хозяйства. Как это ни странно, некоторые восточноевропейские правительства, заинтересованные в промышленном труде, поощряли такой способ.

Противостояние и недовольство замедлило темпы коллективизации, и к смерти Сталина прогресс в Восточной Европе оказался удивительно небольшим. В Чехословакии, например, только 43% сельского населения было задействовано в колхозах, в Польше эта цифра едва достигала 17%. На самом деле коллективизация закончилась лишь в начале 1960-х годов, и только после ее завершения крестьянству были сделаны серьезные уступки (например, разрешение приусадебных участков и предоставление крестьянским хозяйствам права на организацию собственного труда). В Польше и Югославии коллективизация была просто свернута, и крестьяне вернулись к мелким частным хозяйствам.

В 1949 году ячейка коммунистической партии восточногерманского города Плауэн подготовила очередной отчет об общественном мнении. В нем делался вывод о том, что если высококвалифицированные рабочие и техническая интеллигенция были относительно довольны, то этого нельзя сказать о «широких массах» населения – рабочих и крестьян{775}. К 1953 году имелось достаточно доказательств того, что такое «распределение счастья» наблюдалось в большей части просоветской Восточной Европы. Попытки разрушить крестьянскую культуру были неизбежно обречены на провал. Тем временем систему высокого сталинизма, в которой «новый класс» бюрократов – официальных вымогателей ресурсов для хищного государства – находился выше рабочего класса, нельзя было долго поддерживать, особенно в обществах с коренными социалистическими традициями досоветского происхождения.

В последние годы периода высокого сталинизма советские режимы государств-спутников просто полагались на принуждение к непопулярной экономической политике. В 1950 году в Польше и в 1952–1953 годах в Румынии,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Болгарии и Чехословакии в ходе денежных реформ были конфискованы сбережения людей, а в Чехословакии это привело к волне протестов{776}. К 1953 году от 6 до 8% взрослого мужского населения советской Восточной Европы находилось в тюрьмах. Неудивительно, что система высокого сталинизма не намного пережила смерть своего создателя.

8. Отцеубийство

I

Однажды солнечным июньским днем 1962 года добрый и заботливый Никита Хрущев выпустил золотую рыбку в недавно вырытый недалеко от главного здания Московского университета водоем. Сразу после этого одному из юных пионеров был вручен огромный ключ – «Ключ в страну романтики», как назвали его в прессе. Эти события были частью церемонии открытия нового Дворца пионеров – центра детской пионерской организации на Ленинских горах. Огромный парк в 56 гектаров и просторное здание стали детской страной чудес, «детской республикой», где «дети были хозяевами» и где взрослая дисциплина сводилась к минимуму. Создатели проекта утверждали, что здесь дети будут учить друг друга и поддерживать дисциплину личным примером{777}.

Все это было уже очень далеко от позднего сталинизма. Сталин любил публично демонстрировать любовь к детям, гладить их по голове, но выпускать золотую рыбку в пруд было бы ниже его достоинства. Само здание дворца вступало в резкий контраст со своим внушительным соседом сталинской эпохи. Построенное в модернистском «интернациональном стиле», который появился в 1920-е годы, здание было украшено современными скульптурами и рельефами, часть из которых была оформлена в примитивном, детском стиле, зато там не было фигур в стиле неоклассицизма, изображающих напряженных мускулистых рабочих. Оно было невысокое и подчеркнуто демократичное, с огромными окнами и дверями со всех сторон, открытое для радостных детей, резвящихся в прилегающем парке.

Дворец пионеров был бетонным воплощением идеологии. Он представлял собой ту форму коммунизма, которой Хрущев хотел заменить сталинизм, – современную и интернационалистскую, свободную от устаревшего национализма начала 1950-х годов{778}.

Она также должна была быть романтической, полной возможностей для развития творческого потенциала человека. Как писали журналисты «Комсомольской правды», Дворец построили люди, «которые сами были романтиками, и этот романтический образ жизни пионеров должен выйти за пределы дворца»{779}. Он был скорее воплощением благосостояния людей, нежели силы и мощи страны. И что самое важное, Дворец должен был стать зданием, где дети будут свободны от родительских ограничений. Он олицетворял такие ценности, как равенство и братство, и дети, населяющие его, сами должны были поддерживать дисциплину. Хрущев ненавидел старый «аристократический», одержимый высоким положением стиль сталинской эпохи. Он считал, что здание Московского университета похоже на церковь и является «уродливой, бесформенной массой»{780}.

Хрущев был единственным из коммунистических лидеров, кто стал искать альтернативу грубости и иерархии сталинизма[556]. Когда старый патриарх коммунизма умер, его преемники поняли, что старую систему нужно менять. Принуждение больше не действовало, растущие привилегии и неравенство вызвали гнев. В то же время массовое насилие и непрекращающиеся обещания бороться с «врагами» сужали круг сторонников режима. Система должна была стать более содержательной. Многие начали с яростью выступать против сталинского экономического детерминизма, согласно которому все, включая ценности, мораль и даже человеческие жизни, должно было быть принесено в жертву ради строительства современного, индустриального общества. Старый, жестокий догматизм требовалось заменить более «человечным» социализмом.

Что же это должно было означать на практике? Некоторые призывали к прагматическому коммунизму с признанием прав человека и ограниченного рынка. Это особенно привлекало просоветскую Восточную Европу, но большинство партийных лидеров не были готовы к подобному компромиссу. Это подорвало бы правящую партию и угрожало бы ее «руководящей роли» в политике, а также бросало вызов старой административно-командной экономике. Другие стремились к более технократической, современной модели. Альтернативным ответом на этот вопрос, наиболее подходящим коммунистическим лидерам, мог стать поиск возможностей укрепить режим, вернув ему

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org революционный динамизм. Братья должны были снова собраться вместе и возродить дух коллективной воли. Великие идеологические новаторы 1950-х – Тито, Хрущев и Мао – совершили «огромный прыжок назад» к радикализму Ленина 1917 года или даже к романтизму Маркса 1840-х годов.

И все же фотографии, запечатлевшие церемонию открытия Дворца пионеров, отражали совершенно иную картину, нежели образ свободной дисциплины, созданный «Комсомольской правдой». На современный взгляд, атмосфера очень напоминала военный парад: стоящие в шеренгах дети в униформе держали флаги и барабаны. В этом и заключалась трудность, с которой столкнулись «сыновья» Сталина. С одной стороны, их идеалом мог бы стать народ, трудящийся в атмосфере творчества, сотрудничества, мира и гармонии. С другой стороны, они надеялись достичь идеала путем построения мощного государства и эффективной экономики. В отсутствие рыночных стимулов оставалось только прибегнуть к полувоенной мобилизации. Таково было решение Мао, и военный, партизанский коммунизм, дополненный «классовой борьбой», стал основой его стратегии. Хрущев был намерен избежать насилия, но даже он понял, что невозможно следовать курсу радикального коммунизма, не принимая в расчет устремляющую военную партийную культуру времен его юности. Только Тито смог оторваться от этого путем перехода к рынку» в сферу влияния Запада.

Итак, неудивительно, что смерть Сталина принесла вовсе не мир, а «оттепель», которая вскрыла «замороженную» напряженность внутри коммунистического мира, что привело к распаду его огромной империи. Действительно, первые пятнадцать лет после смерти Сталина стали самыми бурными в коммунистической истории и самым опасным периодом холодной войны. Мир оказался как никогда близок к началу ядерной войны. Однако первый вызов сталинской ортодоксальной доктрине был брошен еще при жизни вождя. Этим вызовом стал разрыв с Тито в 1948 году.

II

В своих мемуарах Милован Джилас вспоминает: «Однажды (должно быть, весной 1950 года) мне показалось, что мы, югославские коммунисты, уже готовы к созданию марксистской свободной ассоциации производителей. Фабрики будут отданы в руки производителей с единственным условием: они должны платить налог на военные нужды и другие потребности государства, которые «остаются насущными». Затем Джилас изложил свою новую мысль идеологу Эдварду Карделю и председателю Государственной плановой комиссии Борису Кидричу, когда «мы сидели в машине, припаркованной около виллы, в которой я жил тогда». Кидрич скептически отнесся к новой идее, но в конце концов они согласились представить ее Тито. «Тито расхаживал туда-сюда и, казалось, был целиком погружен в собственные мысли. Вдруг он остановился и воскликнул: «Фабрики, принадлежащие рабочим, – это то, что еще никогда не было достигнуто!» Этими словами теории, разработанные Карделем и мной, были избавлены от всяких трудностей и приобретали самые лучшие перспективы. Несколько месяцев спустя Тито представил закон о самоуправлении рабочих югославской Национальной Ассамблее»{781}.

Джилас описывал одно из многих «возвращений к Марксу», имевших место в 1950-е годы, когда коммунисты искали альтернативу сталинизму. Рассказы Джиласа о моментах просветления, лихорадочных спорах о марксизме на задних сиденьях машин и о неожиданных решениях, принимаемых на партийных виллах, дают нам полное представление о замкнутом характере руководства Тито. И все же его история о происхождении новой югославской модели коммунизма не совсем убедительна. Тито и другие руководители искали новые модели на протяжении некоторого времени перед разрывом с СССР. Важно отметить, что риторика «самоуправления» вводила их в заблуждение. Джилас и его товарищи были, несомненно, искренни в своем желании прийти к демократическому марксизму, и их идеи взволновали западных социалистов. Но на практике югославское самоуправление имело мало общего с романтическими идеями Маркса о демократическом участии в управлении и даже с управлением рабочих, описанным у Ленина в труде «Государство и революция». Эти реформы стали началом продвижения Тито к рынку. Югославская модель показала, как тяжело было снова насаждать марксизм в Европе после Сталина.

Корни югославского коммунизма, как и китайского, следует искать как в опыте партизанской войны, так и в Москве и Коминтерне. В Югославии с ее этническим и экономическим многообразием после окончания войны появились две модели управления. Первая в относительно мирной и процветающей Словении (где боевые действия в основном закончились одновременно с кризисом в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org (Италии в 1943 году) являлась умеренной и прагматичной. Местные собрания были относительно демократичными, распределение земли – ограничено, и в качестве стимула государство использовало деньги. Вторая, в более бедных, истерзанных войной Боснии-Герцеговине и Македонии, была более радикальной и уравнивающей. В результате дефицита и инфляции деньги обесценились. Коммунисты призывали к экономии и нормированию, идеологическому энтузиазму и мобилизации трудовых коллективов, чтобы экономика продолжала функционировать{782}.

В первые годы коммунистического режима цель Тито состояла в том, чтобы объединить прагматичную словенскую и радикальную боснийскую модели и применить их ко всей Югославии. Многие стратегии ранних послевоенных лет напоминали Лениной НЭП. Боясь потерять поддержку крестьян, Тито отказался от коллективизации[557]. Пятилетний план Кидрича 1947 года (огромный пакет документов весом полторы тонны) не походил на план Сталина. Это было сочетание сотен местных планов; центр использовал финансовые стимулы, а не политические команды, и предполагалось, что бюджеты будут сбалансированы. В то же время Тито мечтал о быстром развитии своей бедной и уязвимой страны: умеренная, подобная НЭПу политика не имела бы успеха. Поэтому коммунисты решили положиться на добровольный неоплачиваемый «ударный» труд, который продвинет экономику вперед. Особенно активно проявил себя Коммунистический союз молодежи Югославии, который мобилизовал на строительство железной дороги Брчко – Бановичи 62 тысячи человек. Некоторые идеалистически настроенные коммунисты со всего мира также вступали в эти трудовые отряды, как многие их предшественники, приезжавшие в Испанию в 1930-е годы. Среди добровольцев был будущий коммунистический лидер Камбоджи Пол Пот, который в то время учился во Франции. Югославы, однако, не всегда трудились в таких отрядах добровольно, при этом условия были ужасные. Несмотря ни на что, некоторый энтузиазм все-таки сохранялся; как заявлял один рабочий, «хотя мы устали, но вместе и с песней работать легче»{783}. Однако такой тип мобилизации имел для Тито некоторые недостатки. В своем стремлении к социальным преобразованиям союз молодежи часто поощрял несанкционированное преследование «классовых врагов», а этого руководство вовсе не хотело[558].

Это нездоровое, если не сказать – шизофреническое, сочетание двух очень разных подходов продолжало действовать до 1947 года, когда Тито наконец понял его уязвимость. Будучи хитрым руководителем, Тито после 1945 года обеспечил себе иностранную помощь с двух сторон – от американцев с одной стороны и от СССР – с другой. Однако с началом холодной войны помощь со стороны Запада прекратилась, а последовавший в 1948 году разрыв с Москвой оставил Югославию в одиночестве, с угрозой возможного сталинского переворота. Парадоксально, но Тито противостоял Сталину и при этом подражал ему, но его стратегия была более централизованной и милитаристской. Именно в эти годы произошли самые жестокие репрессии, в том числе чистки «коминтерновцев» и строительство политической тюрьмы на острове Голи-Оток (Голый остров). Идеализм прошлого испытывал сильное напряжение. Джилас со злостью высказал министру внутренних дел Югославии Александру Ранковичу: «Мы сейчас относимся к последователям Сталина так, как когда-то относились к его врагам», на что Ранкович в отчаянии отвечал: «Не говорите так! Не говорите об этом!»{784} Репрессиям, однако, сопутствовали кампании в поддержку рабочих, все это напоминало то, что делал Сталин в начале 1930-х годов[559]. Партия поощряла рабочих, когда они критиковали руководителей и экспертов, хотя это и приводило к потере контроля над рабочей силой.

Эти годы были грозными и мрачными для Тито и его окружения, поскольку руководители постоянно опасались покушений, советского вторжения и экономического кризиса. Но в 1950 году пришло спасение в виде помощи из Америки. Соединенные Штаты очень хотели иметь союзника в коммунистическом мире, поэтому они решили «поддерживать Тито на плаву». Международный валютный фонд и Всемирный банк предоставили все необходимые займы. Займы, естественно, нужно было возвращать, а это означало, что бюджеты должны быть сбалансированными, что, в свою очередь, означало отказ от более радикальных социалистических экспериментов[560]. Почти военная мобилизация должна была уступить место строгому учету и эффективности. Тем временем режим пошел на децентрализацию власти и официально передал всю собственность государства в руки так называемых советов рабочих[561]. Коммунистическую партию Югославии в угоду демократическим принципам переименовали в Союз коммунистов Югославии. И все-таки это была однопартийная страна, при которой «самоуправление рабочих» не означало того, что власть находится в руках трудящихся. Все руководители и управленцы находились под контролем, они должны были придерживаться плана, установленного центром. Такая

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org демократизация, о которой трубили повсюду, в действительности являлась возвращением к словенской модели военного времени, а не к Марксу, это была власть руководителей и финансовых управленцев[562].

После 1950 года экономика Югославии представляла собой нечто среднее между командной и рыночной; государство управляло экономикой путем регулирования цен и выдачи кредитов, а не политическим диктатом. Иногда оно продолжало вести себя как типичное коммунистическое государство: режим вкладывал денежные средства в тяжелую промышленность и использовал перераспределение с целью смягчить неравенство, особенно между процветающими Хорватией и Словенией и более бедными Македонией и Черногорией. Но при этом в Югославии была свернута коллективизация, и страна стала частью западного экономического мира. Некоторое время такое сочетание рынка, социализма и американской помощи работало весьма успешно, и в 1950-е годы Югославия достигла самых высоких в Восточной Европе темпов роста. Страна была также самой открытой и свободной среди всех коммунистических стран. В Югославию приезжали туристы с Запада, и югославы работали за границей, распространяя дома западное влияние. В то же время напряженные отношения между республиками поддерживались памятью о кровопролитии времен войны и самим Тито лично. Тито, хорват по национальности и православный по вероисповеданию, воплощал «югославизм», и его почти монархический стиль правления многих привлекал, хотя и отчуждал остальных. Джилас, пуританин и интеллеktуал, резко критиковал присущие Тито тщеславие и страсть к роскоши: его тридцать два дворца, его щедрые банкеты и приемы, его искусственный загар, крашенные волосы и сверкающие вставные зубы[785]. Но он допускал, что всему этому было разумное объяснение: «живя во дворцах и управляя из них страной, он связывал себя с монархической традицией и с традиционными представлениями о власти... Он не мог обойтись без этого великолепия. Оно удовлетворяло его инстинкты нувориша; оно также компенсировало его идеологическую неполноценность, его несовершенное образование»[786]. Джил аса исключили из Центрального комитета за его демократические высказывания в 1954 году. Однако он признавал, что монархический стиль правления Тито больше устраивал сельское население, привыкшее к традиционным формам управления. Режим Тито, находящийся на стыке Востока и Запада, города и деревни, являл миру поразительное многообразие лиц. Для городской интеллигенции, партийных идеалистов и западных демократов он являлся воплощением подлинного демократического марксизма; для Соединенных Штатов и западного бизнеса он соединил социализм и рыночную экономику; для крестьян он был правительством древних героев. Народные поэты праздновали разрыв с советским блоком (и с венгерским коммунистическим лидером Ракоши) в псевдоэпических стихах:

Ох, Ракоши, где же ты был,
Когда Тито проливал свою кровь?
Ты отдыхал в прохладной Москве,
Пока Тито сражался на войне.
А теперь притворяешься демократом!
Если снова начнется война,
Старая история повторится:
Наш Тито будет вожаком,
А ты снова будешь прятаться[787].

Далее будет видно, что, несмотря на процветание и бравурную самоуверенность Тито, все было не так замечательно, как казалось[563]. Однако к 1956 году Тито мог позволить себе спокойствие и удовлетворение. Миновали мрачные, полные опасностей 1948 и 1949 годы, и он привел Югославию к независимости и благосостоянию. Он даже снискал международное признание благодаря своей собственной особой форме марксизма. Он стал главной фигурой «Движения неприсоединения»[564], куда входили государства, не вошедшие ни в советский блок, ни в сферу влияния Запада. К 1955 году он наладил отношения с СССР. Отход от сталинской модели правления должен был быть более болезненным в других странах Восточной Европы.

III

Утром 1 марта 1953 года, после бурного вечера с едой, напитками и кино, продолжавшегося до 4 часов утра, Сталин был найден лежащим на полу своей спальни. У него случился тяжелый инсульт. Члены партийного ближнего круга – Георгий Маленков, Берия, Хрущев и руководитель военного ведомства Николай Булганин – оказались у постели больного за некоторое время до того, как вызвали врачей. Возможно, это было сделано умышленно. В последние годы жизни Сталина их все больше и больше беспокоили его непредсказуемость и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org мстительность. Хотя, вероятнее всего, они просто боялись действовать{788}. В ядовитой атмосфере советского руководства человек, проявляющий нескрываемые амбиции и напористость, мог понести суровое наказание. Похоже, что Сталина убило именно то крайнее сосредоточение власти в одних руках, на достижение которого он положил большую часть своей жизни.

Смерть Сталина[565] стала сильным эмоциональным потрясением как для его друзей, так и для врагов. Ведь Сталин был не только политическим лидером; он был воплощением всей системы – идеологии, культуры, политики и экономики. Федор Бурлацкий, позднее один из главных советников Хрущева[566] и, между прочим, не поклонник Сталина, попытался выразить свои смешанные чувства: «Его смерть потрясла каждого в Советском Союзе до глубины души, при том что чувства, которые эта смерть вызвала, были разными. Ушло нечто, казавшееся нерушимым, вечным и бессмертным. Простая мысль о том, что умер человек и что его тело будет предано земле, вряд ли приходила кому-либо в голову. Институт власти, который лежал в основе нашего общества, рухнул. Какой будет теперь наша жизнь, что случится с нами и со страной?»{789} Мысли Бурлацкого наверняка разделяли как многие лидеры мирового коммунизма – Тольятти, Торез, Чжоу Эньлай, которые присутствовали на похоронах, – так и члены советского партийного круга. Все понимали: СССР находится в бедственном положении. Уровень жизни был низким, строилось мало нового жилья, и товаров народного потребления не хватало. Сельское хозяйство пребывало в катастрофическом положении: урожаи были ниже, чем перед Первой мировой войной, а большая часть продуктов питания в стране производилась колхозниками на крохотных участках земли, отданных в индивидуальное пользование. Система исправительных учреждений была огромна, и Берия, который должен был заставить ГУЛАГ приносить доход, пребывал в отчаянии, поскольку продуктивность труда в тюрьмах была низкой, но приходилось содержать 300 000 охранников{790}. Бунты и мятежи в лагерях были обычным явлением: в мае 1954 года заключенные Кенгирского лагеря в Казахстане захватили и удерживали лагерь на протяжении сорока дней. Кенгирское восстание подавили с применением военной силы, включая танки и авиацию. Отношения с Западом были натянутыми, что заставляло режим тратить и без того скудные средства на военные, а не на мирные цели. Продолжалась война в Корее, стабильность в Восточной Европе поддерживалась только репрессиями, а военно-воздушные силы и ядерный потенциал СССР значительно уступали американским. Все преемники Сталина считали, что его одержимость безопасностью вызвала лишь чувство страха и негодования в других странах, и это, в конечном счете, подорвало советскую безопасность.

Однако среди преемников не было согласия относительно того, что должно прийти на смену старому сталинскому порядку. Влиятельными лидерами, которые остались после Сталина, были Берия, Маленков и, в стороне от них, – плохо образованный партийный секретарь Никита Хрущев[567]. У Берии и Маленкова было много общего. Они представляли модернистскую группировку партии и полагали, что репрессии и преследование, особенно интеллектуалов и специалистов, нецелесообразны как экономически, так и политически. После смерти Сталина они планировали сделать Маленкова главой государственного аппарата.

В первые же дни после похорон Сталина именно Берия взял инициативу в свои руки и представил радикальную программу перемен[568]. На первый взгляд, он был мало похож на реформатора. Будучи преемником Ежова на посту главы НКВД, Берия принимал непосредственное участие в пытках. Однако он являлся талантливым руководителем, и успех советской ядерной программы был в большой степени его заслугой. Он также испытывал глубокое презрение к партийному аппарату, где, по его мнению, имелось много бесполезных «болтунов» и «тунеядцев»{791}. Сила, а не агитация и пропаганда, должна была сделать СССР великой страной.

Берия не испытывал никаких угрызений совести по поводу репрессий, но он понимал, насколько они были экономически невыгодными. После смерти Сталина он стал пересматривать сфабрикованные дела. Он сообщил своим товарищам по партии, что более двух с половиной миллионов человек, отбывающих наказание в лагерях ГУЛАГа, не представляют угрозы для государства, и предложил освободить более миллиона неполитических заключенных. Он утверждал, что принудительный труд менее эффективен, чем свободный; ГУЛАГ необходимо было существенно сократить{792}. В то же время он, грузин по национальности, бросал вызов русским шовинистам и империалистическим элементам позднего сталинизма, осуждая дискриминацию в пользу русского языка и русских кадров{793}.

Наиболее драматичными и противоречивыми являлись, однако, предложения Берии по проведению внешней политики. Он и Маленков были уверены в том, что стабильность экономики зависит от серьезных уступок Западу, и им удалось склонить на свою сторону коллег по партии. Вскоре после смерти Сталина СССР способствовал прекращению войны в Корее и восстановил отношения с Югославией[569]. Наиболее спорными в то же время были предложения Берии относительно будущего ГДР, где в ответ на жесткую политику Вальтера Ульбрихта часто случались беспорядки[570] и тысячи людей продолжали уезжать на Запад. Берия, кажется, предложил, чтобы Советы отступили и окончательно отказались от мысли построить социализм в этой стране: «Зачем вообще строить в ГДР социализм? Пусть она просто будет мирной страной. Для нас этого будет достаточно»[794].

Маленков, вероятно, разделял идеи Берии, а вот убежденный сталинист Молотов, как и Хрущев, был категорически против этих предложений[571]. Берия стал очень уязвимым, частично по идеологическим причинам, но в основном потому, что его коллеги по партии не доверяли ему. И они были правы. Безусловно, он добивался ключевого поста и, если бы преуспел, наверняка расправился бы с ними. Когда Хрущев и Маленков поняли это, они устроили заговор против Берии. Они заручились поддержкой армии, и к ним присоединилась «старая гвардия» в лице Молотова и Кагановича. Против Берии сфабриковали дело, как эхо делалось при Сталине, обвинили его в том, что он был английским шпионом, и расстреляли как врага народа.

Триумvirат превратился в дуумvirат, куда вошли Маленков и Хрущев. Маленков происходил из семьи военных. Он получил прекрасное техническое образование и, как рассказывал его сын, сам считал себя просвещенным автократом, лидером советской «технократии»[795]. Утонченный и интеллигентный аристократ, британский посол сэръ Вильям Хейтер отмечал, что хотя было «что-то отвратительное в его наружности, как у евнуха», однако он был «находчивым, умным и проницательным» и, кроме того, «очень приятным собеседником за столом»[796].

Мировоззрение Маленкова было откровенно технократическим и модернистским. План оставался прежним, и режим стимулировал людей к работе, но использовал уже не репрессии, а перспективы более высокого уровня жизни и финансовые поощрения. Капиталовложения также перенаправлялись: все меньше средств вкладывалось в тяжелую и оборонную промышленность, все больше – в товары народного потребления. Промышленность необходимо было сделать более эффективной, что требовало снижения вмешательства партии в экономические вопросы и более либерального отношения к интеллигенции. Маленков позволил ученым высказывать свои недовольства и обиды, из-за чего хлынул поток нападок на Лысенко и на Испорченную сталинской идеологией науку.

Маленков также продолжал выступать за менее конфронтационную внешнюю политику и был серьезно настроен на разрядку в отношениях с Западом, хотя и не поддерживал противоречивые предложения Берии относительно Восточной Германии. Он использовал испытания советской ядерной бомбы в августе 1953 года как аргумент в пользу того, что СССР теперь достаточно силен, чтобы стремиться к миру, и что былая конфронтация между Востоком и Западом должна быть прекращена. Любая война между США и СССР, заявил он в марте 1954 года, будет означать ядерный конфликт и «гибель мировой цивилизации». Делая такое заявление, Маленков косвенно ставил под сомнение традиции марксизма-ленинизма[572]: в этих новых условиях он призывал к новому прагматичному миру, в котором США и СССР вели бы «долгосрочное сосуществование и мирное соревнование» между двумя системами, что было предпочтительней сталинской «классовой борьбы» между двумя враждебными лагерями[797].

Непродолжительное влияние Маленкова после смерти Сталина, таким образом, предоставило Западу реальную возможность снизить напряженность холодной войны[573], но, по признанию Чарльза Болена, в то время американского посла в Москве, эту возможность Запад упустил[798]. В 1952 году президентом Соединенных Штатов был избран Дуайт Эйзенхауэр, авторитетный генерал, участник Второй мировой войны. Выборы проходили в атмосфере взаимных упреков по поводу мнимой «потери» Трумэном Китая и испытания атомной бомбы в СССР в 1949 году. Эйзенхауэр пообещал вести еще более решительную и эффективную борьбу с коммунизмом. Убежденный христианин, он придавал большое идеологическое значение холодной войне. В своей инаугурационной речи он заявил, что это война, в которой «силы добра и зла сошлись в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org массовой вооруженной борьбе друг против друга, как никогда раньше в истории»{799}. Джон Фостер Даллес, государственный секретарь США, имел похожую точку зрения и был настроен на конфронтацию еще более решительно, поскольку опасался влияния коммунизма в странах третьего мира. В 1952 году он заявил, что политика сдерживания изжила себя и Соединенные Штаты должны отбросить коммунизм назад в прошлое.

Во-первых, Вашингтон был намерен использовать смерть Сталина и разногласия в Кремле для ослабления СССР. Эйзенхауэр выдвинул несколько предложений относительно снижения угрозы ядерной войны, однако серьезных усилий по достижению разрядки было предпринято очень мало. Вероятно, любое снижение напряженности оказывалось невозможно по той причине, что многие лидеры с обеих сторон рассматривали конфликт в идеологическом свете и с подозрением относились к мотивам, которыми руководствовался противник{800}. Даже Маленков испытывал глубокие подозрения относительно капиталистического Запада. Но если бы Эйзенхауэр воспользовался советом Черчилля в мае 1953 года и в том же году провел переговоры с Маленковым без всяких условий, возможно, даже наиболее бескомпромиссные кремлевские приверженцы холодной войны потеряли бы свое влияние.

Как бы то ни было, Маленков осознавал, что все чаще действует под давлением амбициозного Хрущева. В январе 1955 года он был снят с поста председателя Совета министров СССР. Ему приписывали «правые» взгляды и обвиняли в пренебрежении борьбой с мировой буржуазией[574]. Западу теперь пришлось иметь дело с менее покладистым лидером – Никитой Хрущевым, чей взгляд на «мирное соревнование» был ближе к идеологии конфронтации.

Первое впечатление сэра Вильяма Хейтера о Хрущеве сложилось у него во время приема в честь премьер-министра Великобритании Клементы Эттли, и оно было менее лестным, чем мнение о Маленкове. Он нашел его «шумным, порывистым, словоохотливым и независимым». Своему руководству в Лондон он отправил искусный и в некоторой степени покровительственный словесный портрет Хрущева. По его мнению, советский лидер сочетал в себе черты крестьянина из русского романа XIX века – пронзительного и пренебрежительно относящегося к хозяину (барину) – и «британского профсоюзного лидера старой закалки», обиженного на весь свет. В результате получился лидер, «с недоверием относящийся к барину, у которого теперь были черты капиталистического Запада»{801}. Замечания Хейтера, несомненно, были полны снобизма, но как человек, сформированный британской классовой системой, он лучше других понимал всю важность иерархии и статуса Хрущева как в СССР, так и на международной арене.

Хрущев был одним из коммунистических лидеров низкого происхождения. Он родился в семье неграмотного крестьянина в Курской области в апреле 1894 года и большую часть своего детства и юности прожил в глубокой бедности. Его отец был сезонным рабочим на шахте, и в возрасте 14 лет, обучившись грамоте в церковно-приходской школе, Никита поехал с отцом на работу в промышленный город Юзовку, названный в честь его основателя, валийского промышленника Джона Юза. Для Хрущева это было серьезное культурное потрясение, он стремился стать современным человеком. Он стал учеником слесаря. Как у многих рабочих в первом поколении, у него появился интерес к технике, который он пронес через всю жизнь. Он даже собрал мотоцикл из разных частей, которые ему удалось найти по всему городу{802}. Первую настоящую работу он получил на фабрике при шахте, где были сильны радикальные настроения среди рабочих. Хрущева вовлекли в незаконную деятельность профсоюзов. Он был как раз тем человеком, который мог бы стать коммунистическим лидером. Он многим напоминал Сталина и Тито – популярный, общительный, настоящий лидер, амбициозный и всегда готовый к самосовершенствованию{803}.

Хрущев был политиком с ярко выраженными популистскими взглядами. Он вступил в партию большевиков в 1918 году (намного позже, чем можно было предположить), служил политкомиссаром в Красной армии, после окончания Гражданской войны вернулся в Юзовку на шахту и стал заместителем директора. У Хрущева был классический «демократический» стиль руководства, который особенно ценился в то время. Часто он оставлял свой кабинет и бумажную работу, чтобы, засучив рукава, помогать рабочим. Неудивительно, что в 1923 году он ненадолго присоединился к троцкистской оппозиции, но эту оплошность он сумел исправить. И хотя Хрущев окончательно занял свое место партийного активиста, он всегда мечтал восполнить недостаток образования и одно время мечтал стать инженером. Он дважды пытался получить образование: в начале

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org 1920-х годов Хрущев учился на партийном рабочем факультете (рабфаке), чтобы подготовиться к поступлению в горный техникум, а в 1929 году он поступил в Промышленную академию в Москве. Учеба давалась Хрущеву с большим трудом, и он каждый раз возвращался на партийную работу. Будучи приверженцем радикальной марксистской политики конца 1920-х годов, популист Хрущев с огромным энтузиазмом поддержал «Великий перелом» Сталина. Он стремительно продвигался по служебной лестнице и в 1932 году стал вторым секретарем Московского городского комитета партии (заместителем Кагановича). Одним из самых заметных проектов, которые он курировал, было строительство первых двух линий Московского метрополитена, станции которых напоминали по стилю дворцы, украшенные огромными люстрами и скульптурами. Хрущев был образцом руководителя эпохи раннего сталинизма: увлеченный, деятельный, он днем и ночью находился в тоннелях строящегося метро и вдохновлял рабочих на удивительные подвиги, несмотря на большие трудности и многочисленные несчастные случаи. Он также с готовностью поддержал сталинские репрессии и даже извлек из них выгоду, заняв пост арестованного первого секретаря Центрального комитета компартии Украины в 1938 году. Однако, как и многие члены партии, он испытывал разочарование и злость, когда несправедливо обвиняли и расстреливали знакомых ему людей. Говорят, однажды он сказал одному старому другу: «Когда будет возможность, я полностью расквитаясь с Мудакшвили», в чем соединил слова «мудак» и Джугашвили (настоящая фамилия Сталина) {804}.

Таким образом, отношение Хрущева к наследию Сталина было более сложным и неоднозначным, чем у его коллег по партии. Берия и Маленков считали репрессии Сталина нерациональными, и им не составило труда освободиться от Хозяина. Реакция Хрущева, напротив, была очень эмоциональной. Бурлацкий вспоминал, что Хрущева всегда волновали судьбы людей, и он часто пускался в длинные рассуждения о жертвах террора, и в этих рассуждениях всегда сквозило сознание собственной вины {805}. Как и его коллеги, Хрущев хотел, чтобы на смену сталинскому догматизму и ксенофобии пришел новый мир науки и современных идей. Однако взгляды самого Хрущева сформировались под влиянием партии в 1920-е и 1930-е годы, и он свято верил в такие идеалы радикального коммунизма, как коллектив, социализм, великие свершения. Он намеревался отказаться от насилия [575], однако пытался возродить дух массовой мобилизации, который, по сути, и являлся предшественником насилия.

Очень скоро стали заметны различия между программами реформ Маленкова и Хрущева. В то время как Маленков хотел пожертвовать вооружением, чтобы накормить страну, Хрущев настаивал на том, чтобы сохранить и то, и другое [576]. Чтобы примирить непримиримое, он обратился к методам массовой мобилизации, которые применялись в Москве в 1930-е годы. Он предложил масштабное увеличение площадей посева зерновых и кукурузы, особенно в Западной Сибири и Казахстане. Так появилась так называемая Программа освоения целинных земель 1954 года. Это решение было целиком в духе Хрущева – чрезвычайно амбициозным и обещало одним махом решить продовольственную проблему. Решение этой проблемы зависело от 300 тысяч молодых самоотверженных комсомольцев, которые в специальных вагонах отправлялись осваивать отдаленные регионы. Некоторое время все шло успешно: например, урожай 1958 года на 70% превышал средний урожай 1949–1953 годов [577].

Идеи Хрущева могли бы показаться кому-то наивными и слишком оптимистичными, но на самом деле они больше соответствовали партийной культуре, чем предложения Маленкова, которые были в основном обращены к городскому населению, правящим кругам, образованным слоям населения. Популярность Хрущева легко объяснить. Он не хотел, чтобы СССР отступал перед лицом более сильного Запада, рискуя отклониться от коммунистического курса. Не ставил он под сомнение и важность дальнейшего развития военной и тяжелой промышленности. Кроме того, Хрущев признавал ведущую роль коммунистической партии и Центрального комитета. После 1945 года Сталин потерял интерес к грандиозным идеологическим кампаниям [578]. Это привело к уменьшению влияния партии на государственные административные органы, но Хрущев пообещал вернуть его. Неудивительно, что ему без труда удалось расположить к себе Центральный комитет партии и сместить с должности Маленкова [579].

Теперь у Хрущева было достаточно власти, чтобы навязывать свое новое видение, что он и сделал, совершив акт «отцеубийства» – доклад о культе личности Сталина на XX съезде партии в феврале 1956 года [580]. Как справедливо заметил Мао, Хрущев не просто раскритиковал Сталина, он его «убил». Существовали различные причины для такого смелого, если не сказать – дерзкого, шага. Отчасти мотив Хрущева был довольно примитивным – хотя сам

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org он принимал участие в терроре, его противники Молотов и Каганович ударили замешаны в репрессиях гораздо сильнее, и любые нападки на Сталина ударили бы по ним. Имелась еще и совершенно идеалистическая причина выступления Хрущева. Он был убежден, что своим процветанием партия обязана моральному кодексу, и единственным способом возродить моральные качества было признание ужасных трагических событий прошлого, позволяющее начать все сначала.

25 февраля, после десяти изнурительных дней работы съезда, делегатов попросили остаться на дополнительное собрание. Речь, которую произнес Хрущев на этом «секретном» заседании, была, пожалуй, самой необычной в истории Коммунистической партии Советского Союза. Он сурово критиковал и разоблачал вождя на протяжении четырех часов. В своем выступлении Хрущев возложил на Сталина ответственность за пытки и убийства «честных и невинных коммунистов», за насильственное переселение целых народов, за тщеславную опрометчивость во время войны и за измену ленинским принципам. Речь Хрущева была крайне эмоциональной, в какой-то момент он даже обратился к старым соратникам Сталина. Он бросил Клименту Ворошилову: «Эй ты, Клим, прекрати лгать. Ты должен был сделать это давно. Теперь ты старый и дряхлый. Неужели ты не можешь найти в себе смелость рассказать о том, что ты видел своими собственными глазами?»{806}. И несмотря на такую манеру выступления, Хрущев заранее спланировал и хорошо контролировал открытое нападение. Только Сталин с его «культом личности» был в ответе за террор. Он сбился с истинного пути в середине 1930-х годов, после чего заложил основы сталинской системы. Партия стала его жертвой, и теперь, когда Сталина не стало, она возродится, чистая духом{807}. Было очевидно, что ни партия, ни план, ни колхозы не пострадают от разоблачений Хрущева.

Аудитория была ошеломлена. Привыкшие к очень скучным речам, полным идеологических клише, люди не верили своим ушам. Стареющие партийные лидеры, понимая взрывной эффект этой речи, потянулись за своими сердечными лекарствами. Однако речь Хрущева являлась совершенно неправдоподобной, поскольку было бы крайне трудно осудить деяния Сталина, не дискредитируя при этом всю систему, построенную Лениным и Сталиным. Более того, Хрущев прекрасно понимал, что его секретный доклад наверняка выйдет за пределы узких партийных кругов и станет известен широким массам. Речь повлекла за собой всплеск демагогических речей и акты вандализма в отношении памятников Сталину. В свою очередь это вызвало массовые демонстрации в Грузии в защиту ее опозоренного сына{808}. Но, как и следовало ожидать, самые большие последствия этого доклада наблюдались в том регионе, где влияние советского коммунизма было самым слабым, а именно в Восточной Европе.

IV

В 1953 году русская театральная труппа ставила «Гамлета» в Будапеште. Несмотря на то что немногие могли понять спектакль на русском языке, это было очень важное культурное событие, с помощью которого великая держава смогла продемонстрировать элите венгерского общества свою щедрость и культурный престиж. По такому случаю в зале присутствовал министр просвещения, главный идеолог коммунизма Йожеф Реваи. Это событие, однако, отличалось от подобных событий прошлого. Хотя старые коммунистические лидеры все еще оставались у власти, Сталина уже не было в живых. Один из журналистов, освещавших этот спектакль, вспоминает: «Все знали, что никто ничего не поймет, однако в зале не было свободных мест. Я присутствовал на спектакле по поручению радиостанции, на которой работал. Мы находились позади ложи Реваи. В спектакле была сцена, когда привидение разговаривает с Гамлетом и актер просто повторяет: «Гамлет, Гамлет». Вдруг послышался приглушенный шум голосов: «Гамлет, Гамлет, иди сюда, давай часы!»... Создалось впечатление, что звук шел из зала и что зрители сами бормотали эти слова, а потом и актер на сцене произнес: «Гамлет, Гамлет, иди сюда, давай часы!» Эту фразу часто произносили русские в сорок пятом году: «Иди сюда, давай часы!» Я никогда не забуду лица Реваи в тот момент – оно вытянулось и побледнело. Потом вся аудитория шептала: «Гамлет, Гамлет, иди сюда, давай часы!»{809}

Это была маленькая, но все-таки революция. Венгерская интеллигенция высказывала Советам все, что она думала о них. На самом деле советские коммунисты не были благородными посланцами высшей цивилизации, как они это утверждали. Они являлись классовыми империалистами, ничем не отличающимися от советских оккупантов 1945 года, которые отнимали у венгров ценные вещи, в том числе наручные часы, в качестве военных трофеев.

В Венгрии такие антиимпериалистические высказывания среди среднего класса, последовавшие за смертью Сталина, были особенно предсказуемыми. Венгрия, как и Польша, представляла наиболее сплоченную оппозицию Москве. У каждого социального класса было сильное чувство национализма, в котором проявлялись антирусские настроения. В других странах разделение общества было более заметно. В Восточной Германии, где большая часть старой элиты была уничтожена или уехала на Запад, в Чехословакии, где коммунизм еще оказывал влияние, средний класс был настроен менее агрессивно. В этих странах восстали рабочие. Парадоксально, но эти восстания спровоцировали не убежденные приверженцы Сталина, а сторонники реформ Маленкова. Так случилось потому, что либеральные реформы Москвы чаще были направлены на средний класс и крестьян, а не на рабочих. Рабочие не имели никаких преимуществ в эпоху Сталина и ничего не получили от рыночных реформ после его смерти.

После смерти Сталина все «маленькие» вожди оказались в затруднительном положении. У Берии и Маленкова была разветвленная сеть разведки, и они понимали всю неустойчивость советского влияния в Восточной Европе. Чтобы предотвратить крушение империи, необходимы были реформы. Восточноевропейских лидеров заставили принять Новый курс, предусматривающий ряд технократических и децентрализующих реформ. Восточная Германия, которая представляла наибольшую проблему для Москвы, была первой в списке реформируемых стран. Непреклонного Ульбрихта, которого даже консервативный Молотов считал «довольно тупым и лишенным гибкости», вызвали в Москву и сообщили о «серьезной озабоченности Кремля ситуацией, сложившейся в ГДР»{810}. В июне 1953 года он неохотно начал реформы, которые должны были помочь мелким и средним предприятиям, ослабляли дискриминацию буржуазии и контроль в сельской местности. Эти реформы, однако, не повышали зарплаты рабочих и не снижали плановые задания. 16 июня вспыхнуло выступление рабочих, занятых на строительстве бульвара Сталин-Алее, которое переросло в забастовки и восстания по всей Восточной Германии. Только вмешательство советских войск спасло режим. Ульбрихт отступил и быстро пошел на уступки рабочим, однако инцидент в большой степени провоцировало якобы рабочее государство.

В этом же месяце и практически по тем же причинам беспорядки произошли в Чехословакии. Вскоре после похорон Сталина скончался Клемент Готвальд (возможно, из-за проблем с алкоголем), и к власти пришел коллектив руководителей. Ветеран профсоюзного движения Антонин Запотоцкий, ставленник Маленкова, стал президентом, а Антонин Новотны, ставленник Хрущева, – партийным лидером. Запотоцкий угодил крестьянам, прекратив принудительную коллективизацию, но проведенная им денежная реформа тяжело сказалась на уровне жизни рабочих. В результате вспыхнуло восстание на Ленинском автомобилестроительном заводе (раньше завод назывался «Шкода», позднее ему снова вернули это название) в городе Пльзень – рабочие бастовали, жгли советские флаги и требовали проведения свободных выборов. Восстание было подавлено быстро и жестоко, но в результате рабочие добились своего: им повысили зарплату.

Все лидеры Восточного блока были вынуждены покоряться ветрам перемен, дующим из Москвы. Уменьшилось количество проблем в сельском хозяйстве, в некоторых местах коллективное управление пришло на смену «маленьким Сталиным», по крайней мере теоретически. И все-таки старые престалинские режимы сохраняли власть. В таких странах, как Румыния, Болгария, Албания и Польша, реформы были незначительными.

Так или иначе, к концу 1954 года большинство стран Восточной Европы преодолели беспорядки, вызванные кончиной Сталина. В ход пускались как уступки, так и репрессии. Единственным заметным исключением была Венгрия, по отношению к которой Москва проявляла нерешительность. Как и Ульбрихта, венгерского лидера Ракоши вызвали в Москву и заставили назначить на должность премьер-министра Имре Надя, союзника Маленкова. Надь имел добродушную мещанскую наружность, которую нарушали пышные, совсем как у Сталина, усы. Он был ветераном Коминтерна, и его, как и Белу Куна, обратили в большевизм после того, как он попал в русский плен во время Первой мировой войны. В 1930-е годы он жил в Москве. Однако, в отличие от Куна, он был более прагматичным марксистом и последователем прокрестьянских идей Бухарина[581].{811} В результате началась борьба между Надем, стремящимся продвигать Новый курс, и Ракоши, который его саботировал. Конфликт был исчерпан в 1955 году, когда Маленков, а следом за ним и Наги лишились

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org власти[582]. Однако очевидная нестабильность в верхах быстро распространилась на все классы и породила многочисленные разногласия. Венгерская интеллигенция, которая всегда была довольно пассивной, теперь желала присоединиться к рабочим[583]. Молодой поэт Шандор Чоори в 1953 году писал о чувстве вины, вспоминая, как он жил «на самой вершине», не обращая внимания «на суровую реальность» простых людей, отдающих все свое время «перевыполнению чудесных плановых заданий»{812}.

Кажущийся прочным старый порядок, который установился в Восточной Европе после смерти Сталина, был на самом деле довольно хрупким. Но, несмотря на это, Хрущев все-таки пытался заменить отеческое покровительственное отношение СССР к странам-спутникам на более братские, партнерские взаимоотношения. Он решился на это как по моральным, так и по экономическим причинам. В апреле 1956 года Хрущев ликвидировал Коминформ – инструмент сталинского контроля, он также стремился восстановить отношения с Югославией. С 1955 года Хрущев упорно добивался расположения Тито, веря, что их общая ненависть к Сталину убедит Тито снова вступить в советский блок. Он искренне надеялся, что его секретный доклад подведет черту под прошлым, крепче сплотит советский блок и узаконит действия новой когорты восточноевропейских лидеров, преданных Новому курсу.

Однако залечить раны, нанесенные сталинским империализмом, оказалось трудно. Тито приветствовал восстановление дипломатических отношений, но не хотел отказываться от своей идеологической независимости и продолжал продвигать югославскую модель как альтернативу советской. Тем временем более либеральная политика Москвы угрожала дестабилизировать коммунизм и советский контроль в Восточной Европе.

Первый кризис разразился в Польше. Секретный доклад Хрущева уничтожил не только репутацию Сталина, но и польского лидера Берута. В то время он был болен и, находясь в больнице, читал текст выступления Хрущева. Берут был настолько шокирован прочитанным, что у него случился сердечный приступ, и он скончался[584]. Новый лидер Эдвард Охоб был сторонником реформ Маленкова и проводил в жизнь Новый курс в несколько смягченном виде, однако и это не смогло предотвратить народные выступления.

Как в Восточном Берлине и в Пльзене, в Познани начались акции протеста рабочих. Низкий уровень жизни вызывал недовольство, и, как это часто случалось в коммунистических странах, рабочие обвиняли коммунистов в эксплуатации. Один старый рабочий жаловался: «Я всю жизнь вкалывал, как каторжный. Мне говорили, что раньше, до войны, капиталисты наживались за мой счет. А кто наживается теперь?.. Хлеб с маслом по воскресеньям является лакомством для моих детей. До войны нам никогда не жилось так плохо, как сейчас»{813}. Многие верили, что именно русские, а не польские коммунисты наживаются на такой эксплуататорской системе. Масло и другие продукты, как утверждалось, отправлялись на восток. Поляки шутили: «Слава польским железнодорожникам! Если бы не они, нам пришлось бы на себе тащить наш уголь на восток»{814}.

В июне 1956 года в Познани были подавлены беспорядки, но внутри партии разразилась борьба между сталинистами и реформистами. Лидером сторонников реформ был Гомулка, только что вышедший из тюрьмы[585]. Под давлением общественного мнения польская коммунистическая партия[586] планировала назначить Гомулку первым секретарем и сместить с поста министра обороны маршала Рокоссовского, который был назначен Москвой. Советы были всерьез озабочены сложившейся ситуацией. Они считали, что Гомулка настроен против СССР, и Хрущев даже опасался, что «Польша может отколоться от нас в любой момент». Утром 19 октября, в день решающего заседания польского Центрального комитета делегация в составе Хрущева, Микояна, Молотова, Кагановича и маршала Конева (который был в то время Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора) вылетела в Варшаву, чтобы предотвратить переворот реформистов. В это же время советские войска подошли к границе[587]. Переговоры между советской делегацией и сторонниками Гомулки продолжались до глубокой ночи. Вспыльчивый Хрущев был очень раздражен резким сопротивлением со стороны поляков. Он был просто в ярости и, прилетев в Варшаву, кричал на Охаба и угрожал ему кулаком на виду у всего персонала аэропорта{815}. Однако, несмотря на кажущуюся слабость, Гомулка одержал победу. Возможно, у него не было военного превосходства, но его поддержали партия, секретные службы и большая часть нации. Более того, он настойчиво подчеркивал, что у него нет намерения ограничивать партийный контроль и выводить

Гомулка был освобожден еще в декабре 1954 года.

Польшу из советского блока. Преобразования будут ограничены отменой коллективизации, либерализаторскими экономическими реформами, свободой для влиятельной католической церкви и ограниченной «социалистической демократией». Непрошенные гости вернулись в Москву явно успокоенными, но уже на следующий день Хрущев приказал снова послать войска. Микоян понимал, что сам Хрущев позже пожалеет об этом. Он сумел отсрочить выполнение приказа и оказался прав – Хрущев снова передумал{816}. Вторжение было предотвращено, но только на время[588].

Венгрии повезло меньше, потому что в ее партии произошел более серьезный раскол. Приверженцы жесткого курса были более влиятельными. Неудачи 1919 года убедили их, что только жесткими сталинскими методами можно сломить реакционные классы. В отличие от своих польских товарищей, сторонники реформ не обладали достаточной властью, чтобы умерить растущее недовольство. В июле Хрущев заставил Ракоши уйти в отставку, но тут же навязал другого лидера Эрне Гере, который тоже придерживался жесткого курса. Волнения продолжались, и 23 октября восставшие рабочие захватили на предприятиях оружие, предназначенное для гражданской обороны[589]. Гере запаниковал и попросил ввести советские войска, но это только усилило волнения. Коммунистическая структура власти, сильно расколотившаяся, окончательно распалась на части в течение нескольких дней. Образовавшуюся пустоту восполнили революционные комитеты и советы рабочих. Гере попытался исправить положение и назначил премьер-министром Надя[590], но было слишком поздно. Как и Гере, Надю не удалось успокоить народный гнев. Если он хотел удержаться на гребне революционной волны, его взгляды должны были стать еще более радикальными.

Делакруа наверняка отдал бы должное Будапешту октября 1956 года. Миклош Молнар, коммунист и участник венгерского восстания, писал, что «это была, пожалуй, последняя революция в духе XIX века. Европа, возможно, никогда больше не увидит такой знакомой и романтической картины восстания, людей с оружием в руках, со срывающимися с губ криками о свободе, сражающихся за что-то»[591].{817} Венгерская революция была действительно стихийной, в ней пересеклись интересы разных классов, в нее были втянуты все политические течения: от крайне левых до крайне правых. Времени на то, чтобы выработать четкую, последовательную программу, не имелось. Изначально у восставших не было намерения разрушить однопартийное управление, они хотели только несколько изменить его. Они мечтали преобразить суровый, безжалостный, империалистический социализм и сделать его более человечным и народным. В своем первом манифесте от 23 октября восставшие[592] даже позаимствовали риторику ленинизма, чтобы осудить правящий режим. Бела Ковач, бывший глава Партии мелких сельских хозяйств, утверждал, что перемены, произошедшие в 1945–1948 годах, сохраняются: «Никто не мечтает о возвращении старого порядка. Тот, кто хочет жить так, словно на дворе 1939 или 1945 годы, не является настоящим членом нашей партии»{818}. Не вызывает сомнений тот факт, что если бы повстанцы сформировали правительство, очень скоро проявилась бы напряженность между демократическими социалистами и националистами.

Хрущев очень болезненно воспринял венгерские события. Он вспоминал: «Будапешт гвоздем сидел в голове и не давал уснуть»{819}. Стремясь преобразовать сталинскую империю в братство равных народов, он вынужден был сделать выбор между жестким империализмом и унижительным отступлением. Выбор этот был затруднительным, поскольку в это же время старые колониальные державы Великобритания и Франция поддерживали Израиль против Насера в Египте. Это была неудачная попытка восстановить неоимпериалистическое влияние на Ближнем Востоке, 30 октября Президиум ЦК принял исключительное решение – позволить Венгрии идти своим собственным путем. СССР отказывается от применения силы, выводит войска и начинает переговоры[593].{820} Однако такая идеалистическая позиция продержалась ровно один день. Пока собирался Президиум, в Венгрии нарастала ожесточенность с обеих сторон[594]. Надя больше не мог направлять народное негодование в русло реформистского коммунизма. Под давлением народа он призвал к выходу Венгрии из Варшавского договора и к созданию многопартийного правительства Народного фронта[595]. С точки зрения Москвы, возникла реальная угроза распространения революционной эпидемии. Беспорядки распространялись по всему резону, Румыния даже закрыла границу с Венгрией, потому что венгерские студенты устроили демонстрацию в Трансильвании.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Хрущев боялся, что Запад вмешается в ситуацию. Вся его реформистская программа потерпит крах, и сторонники жесткой сталинской линии окажутся правы. Один из свидетелей тех событий утверждал, что Хрущев говорил Тито: «Когда у власти был Сталин, все ему подчинялись и не было никаких потрясений, но сейчас, когда они пришли к власти... Россия потерпела поражение и потеряла Венгрию»{821}.

31 октября Хрущев изменил свое решение[596]. В Москву вызвали Яноша Кадара, реформиста, который несколько лет находился в тюрьме, куда его посадили сторонники сталинизма[597]. Его убедили вернуться в Венгрию с советскими войсками, чтобы помочь подавить восстание и в то же время не допустить восстановления старого порядка. 4 ноября войска стран Варшавского договора вошли в Венгрию. Надь укрылся в посольстве Югославии[598]. Сопrotивление было жестоким. За время восстания погибло 2000 человек. 7 ноября, в 39-ю годовщину Октябрьской революции, Кадар установил новый режим. Далее последовали суровые репрессии. 22 тысячи человек были осуждены, 13 тысяч посажены в тюрьму, 350 человек были казнены. В основном это были молодые рабочие[599]. 200 тысяч человек сумели сбежать на запад{822}. Надю не повезло. Его обманом вынудили покинуть Югославское посольство, арестовали, посадили в тюрьму[600] и в 1958 году казнили.

В 1956 году советский коммунизм потерял многих своих сторонников в Восточной Европе. Жестокие репрессии в отношении рабочих советов[601] и революционных комитетов скорее стали напоминать контрреволюцию, чем прогресс. Для многих жителей Восточной Европы Россия и ее государства-сателлиты выглядели воплощением реакционного Священного союза, который был основан после свержения Наполеона.

v

1956 год также дискредитировал коммунизм в Западной Европе. Хрущев выглядел стареющим империалистом, он ничем не отличался от французского премьер-министра Ги Молле, который возглавлял Социалистическую партию Франции, и его британского коллеги, консерватора Энтони Идена, который как раз в то время вторгся в Египет. Из всех партий начали уходить люди, а причиной этому явилось вторжение в Венгрию. Итальянская коммунистическая партия потеряла 10% своих членов. Эрик Хобсбаум, который все-таки остался коммунистом после событий 1956 года, вспоминал, как тяжело было смириться с жестокостью Советов, как в прошлом, так и в настоящем. Он и его товарищи по партии «жили на грани массового нервного срыва»: «Очень сложно восстановить в памяти атмосферу того тяжелого года... Даже по прошествии полувека в горле появляется комок при воспоминании о том невыносимом давлении, под вторым мы жили месяц за месяцем, о тех нескончаемых моментах, когда надо было принимать решения, от которых зависела наша будущая жизнь, о друзьях, оставшихся сплоченными или ставших врагами...»{823}.

французская коммунистическая партия, отличавшаяся приверженностью сталинизму, испытывала наибольшие трудности. Морис Торез сделал все возможное, чтобы смягчить эффект, вызванный секретным докладом Хрущева. Действительно, ему показали этот доклад еще до того, как он стал достоянием гласности, однако Торез держал его содержание в секрете. Когда же доклад опубликовали пять месяцев спустя, он даже отрицал его достоверность. В конечном итоге французскую компартию заставили признать, что Сталин совершил много ошибок. Они, однако, настаивали на том, что Сталин достиг очень многого. От термина «партия Мориса Тореза» пришлось отказаться, поскольку это напоминало культ личности Сталина. Лидеры компартии поддержали вторжение в Венгрию, тем самым ускорив уход из партии Сартра и других интеллектуалов. Французская компартия превратилась в относительно закрытую партию рабочих, сохранившую симпатии по отношению к СССР. Однако партии пришлось пойти на уступки и признать, что «мирный переход к социализму» все-таки возможен[602]. Торез даже пошел навстречу социалистам, а после его смерти в 1964 году компартию возглавил Вальдек Роше, стиль руководства которого был более консенсусным. Количество членов партии снова стало увеличиваться и к 1968 году достигло 350 тысяч человек.

Как и следовало ожидать, у лидера итальянских коммунистов Тольятти была совершенно иная реакция на процесс десталинизации. Он одобрил речь Хрущева и высказал еще более резкую критику Сталина (хотя он все еще поддерживал вторжение в Венгрию). Он заявил, что совсем не обязательно дальше придерживаться советской модели. Коммунистический мир должен стать «полицентрическим», где найдется место различным подходам к коммунизму.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Разоблачение Сталина в 1956 году ослабило позиции сторонников жесткой линии. Тольятти должен был балансировать между реформистами во главе с Джорджио Амендолой, которые призывали к образованию союза с социалистами, и левым крылом во главе с Пьетро Инграо, выступавшим за более популистскую и радикальную политику. Обе стороны мечтали о неделимой, единой партии, но напряженные отношения между прагматичной парламентской ветвью и радикальным коллективистским марксизмом на некоторое время размежевали партию.

Партия была очень многочисленной, и ее культура оставалась яркой и многосторонней. В основе лежало понятие «праздника» (festa). Так называемые праздники «Унита» проводились с целью собрать деньги для газеты и распространять ее. Они были организованы по принципу церковных праздников и даже некоторым образом соперничали с ними. Об этом говорится в хвастливом коммунистическом памфлете из Болоньи:

Что раздражает священников!

- 276 местных праздников
- 1500 праздников в партийных ячейках
- беспрецедентный праздник в провинции
- 28 миллионов лир собранных пожертвований{824}.

На таких коммунистических праздниках собиралось все местное население. Они сочетали в себе развлечения и политику. Праздник начинался шествием, люди несли красные знамена вместо изображений Пресвятой Девы. Затем они приходили к месту проведения праздника, где заранее были подготовлены пропагандистские палатки и плакаты, призывающие к борьбе за справедливость в Италии и во всем мире. В центре стояли столы, заставленные едой и напитками. Все это готовили сами товарищи, причем как женщины, так и мужчины. Чтобы подчеркнуть атмосферу равноправия, руководители партии сидели за одним столом с простыми людьми{825}.

Такие праздники были призваны укреплять связи внутри местных сообществ. Итальянская компартия стала главной партией рабочих и крестьян. В некоторых областях, например в Эмилия-Романья в центральной Италии, значительная часть взрослого населения вступила в компартию. Она была совсем не похожа на ленинскую партию, которая являлась авангардом в идеологии и революции. Люди вступали в партию, чтобы показать свои социалистические ценности, которые определялись очень широко, или просто потому, что членами партии были друзья и соседи. Партия могла также помочь улучшить жилищные условия и оказать материальную помощь. У итальянской компартии было много общего с Социал-демократической партией Германии XIX века. Коммунисты, не допущенные к вершинам власти, однако представленные в органах местного самоуправления, отказались от революционных целей[603] и создали собственный культурный мир.

Тем не менее в 1950-е годы экономические перемены начали ослаблять поддержку, которую прежде партии оказывали обедневшие группы людей, такие, например, как издольщики в центральной Италии{826}. Коммунистическая культура также пострадала от новой идеологии потребления и не всегда могла правильно отреагировать на брошенный ей вызов. Тольятти сконцентрировал свои усилия на сохранении высокого культурного престижа партии и склонил на свою сторону интеллектуалов. Коммунисты были менее склонны к уступкам народной культуре в отличие от их противников – католиков. Хотя коммунисты и устраивали целые серии конкурсов красоты за титул «Мисс Новая Жизнь», эти конкурсы были менее популярны, чем проводимые церковью. Коммунисты-интеллектуалы не могли скрыть свои сомнения относительно идеологии потребления и популярной музыки. Их, например, приводила в ярость музыка Элвиса Пресли и «истерия и пароксизм», которые она якобы взывала{827}.

Несмотря на события 1956 года, как французская, так и итальянская коммунистические партии оставались очень мощными политическими силами. Казалось, большую часть французских коммунистов события в Венгрии вовсе не тронули, а количество членов итальянской компартии превышало 2 миллиона человек почти весь период холодной войны. У итальянской партии было также молодежное крыло, в которое входило 400 тысяч человек. Как бы то ни было, события этого года стабилизировали политическую ситуацию в странах

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Восточного блока и привели к более устойчивому временному соглашению между коммунистическими режимами и обществом на ближайшее десятилетие. Правительствам стран Восточной Европы удалось создать более либеральную и менее суровую форму коммунизма конца 1950-х. После периода репрессий Венгрия стала одной из самых спокойных стран в блоке. Со своей стороны потенциальные бунтари в Восточной Европе поняли, что могут использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. После 1956 года американские тайные операции дали некоторым надежду на вмешательство США, но их отказ в помощи в том же году показал, что у США не было реального плана «свергнуть» коммунизм. Озеро замерзло, трещин больше не было видно, и лед стал толстым, как никогда раньше.

Восточная Европа оказалась первым регионом, в котором ситуация стабилизировалась после периода революций, последовавших за смертью Сталина. Потребовалось еще некоторое время, чтобы преодолеть нестабильность в самом СССР. Силы, которым Хрущев развязал руки в Восточной Европе, были такими мощными, что ему пришлось применять насилие, чтобы справиться с ними. Но он находился в самом начале пути к реализации своего проекта по преобразованию Советского Союза.

VI

13 мая 1957 года Хрущев посетил заседание Союза писателей. Его присутствие подчеркивало крайнюю серьезность, с которой партия относилась к литературе. Некоторые произведения советских писателей, включая роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), подверглись яростным нападкам со стороны влиятельных приверженцев сталинизма. Писатели с тревогой ожидали выступления Хрущева, не зная, чью сторону примет советский лидер [604]. Но их постигло разочарование. Хрущев произнес типичную для него бессвязную двухчасовую речь, которая превратилась в фарс, когда пожилая армянская писательница перебила оратора, чтобы пожаловаться на нехватку мяса у нее на родине. Однако смысл речи был предельно ясен: Дудинцев и другие авторы слишком далеко зашли в своей критике Сталина [605]. Было очевидно, что сам Хрущев книгу Дудинцева не читал, однако его советники кратко ознакомили лидера с ее содержанием. Микоян попытался убедить Хрущева, что Дудинцев был на его стороне, но ему это не удалось. Хрущев

считал, что роман порочит советскую систему. Однако через два года его мнение изменилось [606]. Хотя он по-прежнему критически отзывался о книге, теперь он утверждал, что она была идеологически приемлема [828].

Беспокойство Хрущева по поводу романа «Не хлебом единым» неудивительно. Книга пользовалась чрезвычайной популярностью: «Везде – в метро, в трамваях, в троллейбусах – молодые, взрослые, пожилые люди» читали этот роман. Конная милиция, во избежание беспорядков, патрулировала места, где читатели собирались для обсуждения романа [607]. Журналы были завалены письмами с требованием провести чистку среди бюрократов, которые были описаны в книге. Стиль и язык некоторых писем напоминали о терроре 1937 года. Например, каменщик из Ташкента писал, что роман отражал необходимость борьбы со «скрытыми врагами, с пережитками капитализма в умах людей и в наших собственных головах» [829].

Неудивительно, что Хрущеву и его советникам трудно было отнести роман к какой-либо категории, поскольку он был жестким и идейным. Книга эта не только принимала и разделяла почти романтические идеи Хрущева, но и объясняла, почему они почти всегда заканчивались провалом. Главный герой романа – молодой учитель физики Лопаткин. Действие происходит в конце 1940-х годов. Лопаткин изобрел машину для центробежной отливки чугунных канализационных труб. Несмотря на прекрасное изобретение, ему на каждом шагу чинили препятствия сталинские бюрократы. Главным отрицательным героем был амбициозный карьерист Дроздов – типичный сталинист, описанный автором постсталинской эпохи. Он честолюбив, любит роскошь и не хочет иметь ничего общего с простыми людьми. Он мешанский технократ, который на ночь читает крайне антиидеалистическую главу о диалектическом материализме из книги Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)». Дроздов так описывает свою философию: «Я принадлежу к числу производителей материальных ценностей. Главная духовная ценность в наше время – умение хорошо работать, создавать как можно больше нужных вещей... Чем лучше я его укрепляю, базис, тем прочнее наше государство» [830]. Для Лопаткина это была крайняя форма «вульгарного марксизма». Людям нужны идеалы, они не могут жить «хлебом единым». Лопаткин был в меньшинстве. Циничные бюрократы преследовали его, присвоили его идеи

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org и в конечном итоге уехали в лагерь. Пока он находился в тюрьме, его друг профессор Галицкий собрал его машину и показал, что она работает Лопаткина выпустили из тюрьмы, реабилитировали и дали престижную работу. Но коррумпированный круг бюрократов, «скрытая империя», по словам Дудинцева, остается у власти, такой же корыстный и циничный, как всегда. Они обвиняют Лопаткина в том, что он эгоистичный индивидуалист. Теперь, когда к нему пришел успех, почему бы ему снова не вернуться в «советский коллектив» старых добрых товарищей и не купить себе машину и дачу? Роман заканчивается тем, что Лопаткин уходит с производства в политику, обещая бороться с бюрократами.

Роман «Не хлебом единым» был характерным для своего времени. Он осуждал бездушную технократию, типичную для эпохи позднего сталинизма. Он призывал к новому, романтическому марксизму, пронизанному идеями творчества, чувственности и демократии. Такие же чувства несет в себе повесть Ильи Эренбурга «Оттепель» (1954)» которая дала название всему хрущевскому периоду. Идеи этих произведений созвучны мысли Хрущева, который считал, что в каждом человеке есть врожденные творческие способности, и если власти будут поощрять их развитие, произойдет не одно экономическое чудо. Это послание в духе романтизма во многом было похоже на сталинские кампании по борьбе с бюрократией конца 1920-х годов [608]. Но Дудинцев, как и Хрущев, не хотел возвращаться к старой риторике классово-борьбы 1930-х годов. Как и раньше, бюрократы были отрицательными персонажами, главным же положительным героем стал уже не рабочий с мозолистыми руками, а образованный человек. И все-таки основное послание романа глубоко тревожило Хрущева. Дудинцев давал понять, что реформы не коснулись элиты. Систему смогут спасти только творческие индивидуумы. Советский «коллектив» весь прогнил от жадности и эгоизма.

Оказалось, что пессимизм Дудинцева был более реалистичным, чем утопизм Хрущева. Хрущев надеялся возродить идеалистические кампании 1920-х и 1930-х годов, очистив их от классового конфликта, пролетарской исключительности и сталинской жестокости. Но Хрущев и его союзники столкнулись с бюрократами, стремившимися сохранить свою власть; с населением, которое больше интересовало хлеб насущный, чем марксистский энтузиазм; с недовольной интеллигенцией, все еще идеалистичной, но постепенно теряющей веру в силу коллективного духа.

Хрущев очертил свое новое понимание коммунизма в длинной речи на XXII съезде партии в 1961 году. Как и Тито, он призывал к радикальному марксизму с некоторыми элементами романтического утопизма. Примечательно, что именно в то время ранние произведения Маркса-романтика были впервые опубликованы на русском языке. По мнению Хрущева, Ленин и Сталин, в сущности, отложили наступление коммунизма на неопределенный срок [609]. «Социализм», с его неравными доходами, с использованием денег в качестве стимула для работы, всемогущим государством, просуществует еще какое-то время. Однако Хрущев был нетерпелив и считал, что советские люди уже достаточно долго ждали. В 1959 году он создал комиссию, которая должна была дать ответ на вопрос, как ускорить движение СССР на пути к коммунизму. В результате появилась новая программа партии [610], согласно которой основной этап строительства коммунизма завершится к 1980 году [611]. Хрущев надеялся, что эта программа воплотит все мечты Маркса, включая отмирание государства как института. Но разум возобладал, и разговоры об исчезновении государства прекратились. В 1961 году понятие «коммунизм» в СССР означало сочетание коллективизма (общества, в котором работа была «истинным творчеством») и потребления (довольно свободная трактовка слова «изобилие», которое встречалось у Маркса) [612]. Однако все это было слишком далеко от романтического мышления 1840-х годов. Общество будет дисциплинированным, но «эта дисциплина будет достигаться не только принудительными мерами, но и воспитанием чувства ответственности за взятые обязательства» [832]. Это должно было произойти в ближайшие двадцать лет, но Хрущев настаивал, что сейчас самое время покончить с репрессиями [613]. «Классовая борьба» формально завершилась. Был положен конец ленинской «диктатуре пролетариата». В СССР теперь признавалось равенство всех классов и всех народов [614]. Пролетариат и партия как его авангард больше не имели преимуществ [615].

Как же Хрущеву удалось совместить мечту о творческой работе и обещание превзойти западный уровень жизни? Маркс действительно обещал материальное изобилие при коммунизме: «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Но принципы западной идеологии потребления основывались больше на желаниях, нежели на необходимости. Кроме того, западная культура потребления, в центре которой находились дом, семья и индивидуум, была губительна для коммунистического коллективизма[616]. Чешский коммунист Зденек Млынарж понимал, насколько новые цели Хрущева, связанные с идеологией потребления, были опасными для всей коммунистической системы: «Сталин никогда не допускал сравнения социализма или коммунизма с капиталистической реальностью, потому что он утверждал, что здесь строится абсолютно новый мир, который нельзя сравнивать ни с одной предыдущей системой. Хрущев же с его лозунгом «Догнать и перегнать Америку» в корне изменил ситуацию для простых советских граждан... После этого... сравнение было допущено... Он хотел укрепить веру людей в советскую систему, на деле практическое сравнение с Западом имело обратный эффект и постоянно ослабляло эту веру»{833}.

Масштаб задач, стоящих перед Хрущевым, стал понятен в ходе импровизированных «кухонных дебатов» между Хрущевым и вице-президентом США Ричардом Никсоном. В рамках нового «мирного соревнования» идеологий была открыта Американская национальная выставка в парке «Сокольники» в Москве. На выставке была представлена модель дома из шести комнат с кухней, укомплектованной современной бытовой техникой. Лидеры, несдержанные и агрессивные, противостояли друг другу. Хрущев был ошеломлен, узнав, что простой американский рабочий может купить такой дом за 14 тысяч долларов. В ответе, который никого не убедил, Хрущев хвастливо заявил: «Вы думаете, русские удивлены этой выставкой. На самом деле почти все недавно построенные дома в нашей стране укомплектованы такой техникой. В США вам необходимы доллары, чтобы купить такой дом. Здесь же нужно просто родиться гражданином»{834}.

Хрущев делал все, что мог, чтобы его хвастливые обещания исполнились. Наиболее заметным свидетельством перемен стало строительство в городах тысяч новых многоквартирных домов. Квартиры были маленькими, и строительство – дешевым. Вскоре эти дома получили прозвище «хрущобы», в котором сливались слова «Хрущев» и «трущобы». Однако это был огромный шаг вперед по сравнению со сталинской жилищной политикой. При Сталине строили престижные высотные дома, большинство же простых людей ютилось в коммунальных квартирах с общей кухней и ванной. Целью Хрущева было дать каждой семье (включающей несколько поколений) отдельную квартиру. При этом он настаивал на том, что растущее потребление не должно порождать мелкобуржуазный индивидуализм. Власти содействовали открытию общественных столовых, созданию жилищных товариществ. Поощрялся выпуск домовых стенгазет и проведение «дней открытых дверей», когда семьи приглашали к себе кого-нибудь из соседей пообщаться. Шитье и вязание считались индивидуалистическими видами деятельности и потому не приветствовались[617]. {835}

Этими современными зданиями был брошен вызов былой эпохе «высокого сталинизма». СССР снова возвращался к модернизму образца 1920-х и 1930-х годов – периода расцвета международного коммунизма. Страна была вовлечена в идеологическое соревнование с Западом и должна была показать свой абсолютно новый, более современный и космополитический образ{836}. Вычурный, сложный стиль позднего сталинизма характеризовался как «мелкобуржуазный», мещанский кич. Такой тип искусства предпочитал невежественный Дроздов и его друзья-обыватели. Власти проводили кампании с целью заставить простых советских людей выбросить из своих домов наборы статуэток слонов, которые были символом счастья и удачи. Они были так же популярны среди советских домохозяек, как фарфоровые уточки, которые наводнили западные гостиные в 1960-х годах{837}. Однако главным символом современного коммунистического строительства были отнюдь не коробки многоквартирных домов, которыми обростали крупные города Восточной Европы. Таким символом стал запущенный в открытый космос искусственный спутник Земли. Советская космическая программа брала свое начало в раннем научном утопизме, особенно в работах пионера космических исследований Константина Циолковского и основанном им в 1924 году Обществе по изучению межпланетных сообщений. В 1930-е годы маршал Тухачевский способствовал основанию ракетостроения в СССР. После его ареста в 1937 году многие из его научных соратников были арестованы, некоторых из них расстреляли. В начале 1940-х годов космическую программу стал курировать Маленков[618]. Все ученые, включая тех, кто был арестован как «враг народа», стали заниматься созданием ядерных ракет[619]. В 1950-е годы успешно использовавшая оборудование и разработки нацистов[620] программа перешла под контроль Хрущева. Он собирался преобразовать советские вооруженные силы и ликвидировать их зависимость от танков и солдат. Первый

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org выдающийся успех советской космической программы был продемонстрирован всему миру 4 октября 1957 года, когда радиостанции передали в эфир сигналы с первого искусственного спутника Земли. Наступило время побед: сначала в космос было запущено животное (собака Лайка), немногим позже, в апреле 1961 года, произошло еще более невероятное событие – в космосе побывал первый человек Юрий Гагарин.

В честь полета Гагарина Хрущев устроил такие пышные торжества, каких не было со времен Дня Победы 1945 года. На церемонии он едва сдерживал слезы. Для Хрущева успех Гагарина и его космического корабля «Восток-1» служил доказательством того, что СССР стал современной страной. Эти события глубоко потрясли американцев. Сенатор-демократ Генри «Скуп» Джексон, воинственный сторонник холодной войны, заявил, что запуск спутника стал «сокрушительным ударом» по американской военной мощи, и призвал президента Эйзенхауэра объявить «неделю стыда и страха». Убеденный в том, что советские ученые ушли далеко вперед, Джексон и его сторонники убедили скупого президента принять Закон об образовании для нужд национальной обороны (National Defense Education Act). Расходы на образование удваивались, огромные средства выделялись на развитие науки и изучение коммунистического мира и развивающихся стран. Так закладывались основы будущего американского превосходства в высшем образовании и научных исследованиях.

Космическая программа заставила врагов СССР считать, что это страна, где живут просвещенные, рациональные граждане, однако воплотить этот образ в жизнь оказалось задачей гораздо более сложной. После относительной религиозной толерантности периода войны и позднего сталинизма Хрущев вернулся к атеизму 1920-х и 1930-х годов. Снова стали закрываться церкви, в вузах вводились новые курсы «научного атеизма». Партийные пропагандисты в своих настойчивых усилиях распространить атеизм называли полет Гагарина неопровержимым доказательством того, что Бога не существует.

Таким образом, СССР демонстративно вернул свой прежний статус передовой современной державы, преодолев период послевоенного обскурантизма. Однако где же было взять средства на модернизацию обороны и повышение уровня жизни? Хрущев видел решение этой проблемы в новой, всесторонней и ненасильственной форме мобилизации. Он был убежден, что таким способом сможет достичь большего, нежели Сталин – устрашением или капитализм – материальным стимулированием. Он несколько ослабил дисциплину на фабриках и заводах, рабочим дали больше свобод в надежде, что они станут лучше трудиться. Он также был намерен радикально реорганизовать бюрократический аппарат. Несмотря на всеобъемлющий характер перемен, Коммунистическая партия не лишалась своего привилегированного положения. Напротив, Хрущев надеялся, что партия встанет во главе мобилизации и поведет за собой массы. Одной из первых его инициатив было упразднение отраслевых министерств (по его мнению, «рассадников» самонадеянных дроздовых) и передача власти региональным партийными руководителями с помощью создания областных экономических советов [621]. Хрущев полагал, что у коммунистов как идеологических энтузиастов лучше получится вдохновить людей, чем у степенных государственных чиновников. Кампании в духе 1930-х годов снова вернулись. Партийные руководители, отчаянно нуждавшиеся в продвижении по службе, раздавали невыполнимые обещания достичь экономических чудес. Вернулся даже опальный Лысенко [622], поскольку Хрущев поверил в его обещания повысить урожайность пшеницы.

К сожалению, вера Хрущева в быстрые «скачки» оказалась совершенно неуместной. Его первая кампания – программа по освоению целинных и залежных земель – «села на мель» к 1963 году, потому что засеянные земли оказались засушливыми и плодородие почвы было ниже среднего. Обещанные огромные достижения оказались обманом. Партийный руководитель Рязанской области [623] обещал втрое увеличить производство мяса, за что ему сразу присвоили звание Героя Социалистического Труда. Как потом выяснилось, он просто закупал мясо в соседних областях, а затем сдавал как произведенное в своей области. Когда афера раскрылась, он покончил с собой.

Попытки Хрущева перестроить отношения между чиновниками и рабочими также не увенчались успехом. Он заменил существовавшие при Сталине меры наказания и индивидуальные сдельные ставки оплаты труда на новые коллективные средства поощрения (поставив зарплаты рабочих в зависимость от успехов всего предприятия). Эти перемены ничего не дали: у рабочих не возникало желания лучше работать, не имея возможности лично контролировать работу предприятия

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org в целом{838}. Между тем, Хрущев понял, что партийные руководители так же не способны больше вдохновлять простых людей на героические поступки, как и государственные чиновники. Вскоре разочарованный Хрущев (как Сталин в 1930-е и Горбачев в 1980-е) перестал считать партийных лидеров своими союзниками в борьбе с упрямой государственной бюрократией. Напротив, он стал обвинять их в крушении своих грандиозных проектов. Он жаловался, что партийцы стали такими же консерваторами, как Дроздов Дудинцева, и утверждал, что необходим приток свежей крови. По его указанию определенная часть партийных руководителей должна была переизбираться во время очередных выборов. Кроме того, он разделил партийный аппарат на две ветви, отвечающие за промышленность и сельское хозяйство. Вполне понятно, что обе эти реформы не пришлись по душе партийным чиновникам, поскольку они видели в них угрозу своему положению и карьере.

Прежняя популярность пошла на спад по мере того, как проваливались экономические обещания Хрущева. Рост цен на продукты питания, осуществленный с целью повысить уровень жизни и доходы крестьян, ударил по рабочим. Это вызвало забастовки и беспорядки во многих советских городах в 1962 году[624].

Самой серьезной стала забастовка на Новочеркасском электровозостроительном заводе им. Буденного. Рабочие жаловались, что не могут позволить себе покупать мясо и колбасу из-за снижения заработной платы. Один из руководителей завода[625] (перефразировав известное высказывание Марии-Антуанетты «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные») посоветовал рабочим есть пирожки с ливером, если у них нет денег на мясо. На такой совет рабочие отреагировали лозунгом «Хрущева на мясо!»{839}. Как и в Кровавое воскресенье 1905 года, к центру города двинулась толпа рабочих, несущих портреты Маркса, Энгельса и Ленина. Навстречу им были посланы военные. Стрельба началась, когда толпа отказалась разойтись[626], и двадцать три человека были убиты. Хрущев успокоился, что, если восстание не будет подавлено, оно может распространиться дальше{840}.

Новочеркасская трагедия показала, что поддержка рабочих была всего лишь мифом. Образованное городское население, которое прежде горячо поддерживало Хрущева, теперь разочаровалось в своем герое[627]. Людмила Алексеева, учительница, которая позже стала диссидентом, вспоминала своих друзей юности. Они видели себя потомками интеллигенции эры Чернышевского, однако в отличие от них «нас не обременяло чувство вины перед простыми людьми, потому что мы были такими же бедными и бесправными, как и наши соотечественники, не имеющие высшего образования». Алексеева указывала на увеличивающийся раскол между образованной городской интеллигенцией и партией. Она вспоминала, как ее друзья разделились на две группы: на «физиков» и «лириков». «Физики» были последователями модернистского марксизма, однако теперь скептически относились ко всякой идеологии: «весь этот вздор о социальной справедливости, демократии, равенстве, «народе», объединении пролетариев всех стран. Посмотрите, к чему это нас привело – нам нечего есть. Мы по уши в дерьме, а вы все болтаете»{841}. «Лирики», напротив, с презрением относились к этой одержимости атомами и нейтронами. Эти романтики хотели выяснить, в чем смысл жизни и «как надо жить». Среди лириков было несколько энтузиастов марксизма, но это был эклектический неофициальный марксизм – этакая мешанина из Карла Каутского, Розы Люксембург и Герберта Маркузе из Франкфуртской школы.

«Физики» и «лирики», описанные Алексеевой, поначалу восхищались десталинизацией, которую проводил Хрущев. Но их ожидало разочарование. Хрущев, как Берия и Маленков, признавал, что суровый догматизм эпохи Сталина был губительным и что режим должен с большим вниманием относиться к технической интеллигенции. Он даже позволил опубликовать книгу, которая раньше никогда бы не увидела свет. Это был «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, мрачное описание жизни заключенного ГУЛАГа. Однако реабилитация Лысенко и критика Дудинцева разочаровали многих из тех, кто прежде поддерживал Хрущева. В своих мемуарах он сожалел о том, что не сумел сблизиться с интеллигенцией, с которой у Хрущева имелась большая возрастная и культурная разница: у плохо образованного партийного руководителя 1920-1930-х годов было мало общего с городскими эстетамы 1960-х годов. Этот конфликт культур отразился в речи Хрущева на выставке современного искусства в Москве: «Вы же нормальные люди, как вы можете так писать? С вас надо снять штаны и хлестать крапивой до тех пор, пока вы не поймете свои ошибки. Вам должно быть стыдно. Вы что – мужики или пидорасы проклятые? Кто им разрешил так писать, всех на лесоповал – пусть отработают деньги,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org которые на них затратило государство. Народ и правительство столько для вас сделали, а вы платите им таким дерьмом»{842}.

Однако большую опасность для Хрущева представляла не относительно спокойная интеллигенция, а его коллеги – партийные лидеры. Они считали крайне опасными его смелые цели, идеологический энтузиазм и импульсивный характер. Его поведение за границей тревожило и ставило в неловкое положение его и его коллег. Хрущев обещал превратить военную конфронтацию между Востоком и Западом в мирное идеологическое соревнование, но ему пришлось руководить страной в самый напряженный и опасный период холодной войны. Его правление было отмечено несколькими кризисными ситуациями: восстание в Венгрии 1956 года, его попытки выдворить Запад из Берлина в 1958 году, возведение главного символа холодной войны – Берлинской стены в 1961 году; наконец, размещение ядерных ракет на Кубе во время Карибского кризиса 1962 года.

Было бы несправедливо возлагать вину за обострение отношений в холодной войне на одного Хрущева. В начале 1960-х годов мир был намного более напряженным в идеологическом плане, чем за десять лет до этого. Мао, свято веривший в идеалы коммунизма, наступал Хрущеву на пятки, и в то же время кубинская революция под руководством Фиделя Кастро в 1959 году возвестила о появлении нового поколения коммунистов в странах третьего мира. В 1960 году президентом США был избран Джон Ф. Кеннеди. И хотя его политика отличалась гибкостью, он был намерен вести переговоры с позиции силы. Он энергично включился в борьбу с коммунизмом в странах третьего мира, включая тайную подготовку военных акций. Хрущев, намереваясь сохранить идеологическое превосходство мирового коммунизма, отреагировал на брошенные вызовы крайне импульсивно, однако ему не доставало присущей Сталину осторожности.

Хрущев пытался осуществлять амбициозную внешнюю политику без больших затрат, при этом он был вынужден ухудшить материальное благосостояние советских граждан. Он также надеялся уменьшить расходы на обычные виды оружия, наращивая при этом ядерное вооружение. Однако не все шло гладко в его планах. сокращение личного состава красной армии вызвало недовольство среди офицеров, а долгосрочная программа по созданию межконтинентальных баллистических ракет оказалась значительно дороже и сложнее, чем предполагалось. 1962 год стал годом неутешительных экономических показателей, роста цен и народных волнений. Хрущев искал недорогой и быстрый способ поправить стратегическое равновесие в то время, когда США устанавливали свои ракеты в Италии и Турции. Он принял решение запустить «ежа в штаны американцам», что он и сделал: на коммунистической Кубе были установлены ракеты малой и средней дальности{843}. Однако американское технологическое превосходство вмешалось в планы Хрущева. Самолет-разведчик обнаружил и сфотографировал советские ракеты. Американские и советские корабли подошли к берегам Кубы. Две великие державы стояли «лицом к лицу», как сказал Дин Раек, и мир как никогда был близок к ядерной катастрофе. Первым не выдержал Хрущев, советские корабли отошли от берегов острова. Но он все-таки добился от американцев некоторых уступок: они убрали свои ракеты из Турции и на словах обещали не предпринимать попыток вторжения на Кубу. Условием Кеннеди было не предавать гласности сделку относительно ракет в Турции, что лишило Хрущева возможности дать отпор тем, кто считал, что он унижил достоинство СССР. Он потерял престиж в глазах советского руководства, американцев, китайцев и столкнулся с гневом кубинцев.

Карибский ракетный кризис стал переломным моментом в холодной войне. Предупреждения об опасности ядерного оружия, сделанные Маленковым еще в середине 1950-х годов, нельзя было больше игнорировать. Между тем СССР как оплот мирового коммунизма и лично Хрущев были сильно дискредитированы. В следующие два года против него был организован заговор, Причиной которого были не только провалы Хрущева в области внешней политики, но и его конфликты с другими партийными Руководителями. Сам он верил, что корыстолюбивые чиновники чинят ему препятствия, поэтому все его политические меры не работают. Коллеги Хрущева подозревали, и, вероятно, не безосновательно, что он планировал провести чистки среди руководства партии путем проведения выборов, которым они будут вынуждены подчиниться[628].

13 октября 1964 года Хрущев вернулся с Кавказа на заседание Президиума ЦК, на котором коллеги обвинили его в ненадежности и волюнтаризме и проголосовали за его отставку. Хрущев не стал сопротивляться и даже признал критику со слезами на глазах[629]. Он мирно ушел на пенсию «по состоянию здоровья». Его преемники под руководством первого секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина и Николая

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Подгорного изменили курс. Обещания приближающегося коммунизма были забыты. Популизм уступил место власти чиновников, которые отказались от лозунга «общенародного государства», предложенного Хрущевым[630]. Брежнев фактически ввел пожизненную гарантию работы для чиновников. Ненасильственная форма радикализма 1930-х годов, к которой был склонен Хрущев, ушла в прошлое; «скрытая империя», описанная Дудинцевым, вернулась[631].

Когда Дворец пионеров на Ленинских горах открывал свои двери в 1962 году, уже было понятно, что мирный вариант радикального марксизма, олицетворением которого он являлся, терпит неудачу. Коммунистическая партия не вызывала в людях энтузиазма и не могла заставить их трудиться лучше[632]. Она не была больше мессианской организацией 1920-х годов, и даже объявление классового мира в стране и за рубежом не гарантировало всплеска народного энтузиазма[633]. Перед лицом врага – внешнего или внутреннего – люди очень часто готовы идти на жертвы, но Хрущев не хотел насильственной классовой борьбы, а Запад не представлял собой сиюминутную угрозу. Хрущев был вынужден вести себя скорее как советский Дед Мороз, обещающий развлечение и изобилие, чем как марксистский Моисей, ведущий свой народ в страну справедливости и равенства. Начало 1960-х годов все еще было временем оптимизма и веры в социализм. Однако перчатка, брошенная Хрущевым Никсону во время кухонных дебатов, и его открытое стремление соревноваться с Западом в повышении материального благосостояния только заронили семена будущего идеологического упадка.

Хрущев всегда считал себя радикалом, и его недовольные коллеги по Центральному комитету были вынуждены с этим согласиться. Но коммунистам нового поколения, возглавившим революции в развивающихся странах, казалось, что Хрущев давно утратил свой революционный порыв. Он отступился от кубы[634] и, отказавшись от классовой борьбы, лишил коммунизм его моральной и эмоциональной силы. Самым активным критиком хрущевского «ревизионизма» был Мао. Китайская компартия все еще верила, что строит социализм, используя при этом жесткие меры. Китаю пока не приходилось пережить ничего, что напоминало бы советский «Великий перелом» или террор 1930-х годов, и классовая борьба казалась китайским коммунистам благородной и необходимой. Хотя совсем скоро Китаю пришлось восполнить недостаток опыта. В следующие десять лет Китай ожидали катастрофы, беспрецедентные в коммунистическом мире.

VII

В 1958–1959 годах в рамках китайской утопической программы «Большой скачок вперед» был завершен величайший архитектурный проект – строительство «Десяти великих зданий» в Пекине. Пять из них были музеями и выставочными залами, остальные пять – здание пекинского железнодорожного вокзала, правительственные отели и дома для гостей. Несмотря на то что прошло уже пять лет после смерти Сталина и с тех пор, как советский блок принял модернизм, стиль зданий в Пекине был откровенно сталинистским, хотя и с китайскими чертами, например крышами в виде пагод. Однако это не были сложные, похожие на свадебный торт здания 1950-х годов, они скорее напоминали строгую советскую архитектуру середины 1930-х. Парижский павильон 1937 года[844]. Как в архитектуре, так и в политике китайцы отрицали строгую иерархию позднего сталинизма, однако им был близок радикальный марксизм раннего Сталина.

Мао неоднозначно воспринял хрущевский акт отцеубийства. С одной стороны, ему так же, как Хрущеву, не нравилась отеческая культура позднего сталинизма. Взаимоотношения между Советским Союзом и Китаем, жаловался Мао, были сродни отношениям «отца и сына, кошки и мышки»[845]. Сталин вел себя как старый конфуцианский чиновник мандарин, а тайная речь Хрущева была как «освободительное движение». Мао сразу понравился прямолинейный Хрущев, который напоминал ему его энергичных товарищей из провинции[635]. Мао считал правильным, что товарищи из провинции заменяют товарищей из центра, потому что «на местном уровне классовая борьба более острая, ближе к естественной борьбе, ближе к массам»[846]. Очевидно, что Мао в корне неправильно понимал Хрущева. Хрущев, возможно, и был радикалом, но он отказался от классовой борьбы, чего Мао, безусловно, не сделал[636]. И хотя отношение Мао к Сталину было критическим, но все же не таким резким, как у советского руководства. В феврале 1957 года Мао сформулировал более благоприятную и удивительно четкую оценку Сталина – он был на 10% марксистом и на 30% не марксистом. Более того, Мао оказался недоволен тем,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org что Хрущев совершил акт отцеубийства самостоятельно, не посоветовавшись с братскими компартиями. По его мнению, Хрущев решил примерить на себя величественную имперскую мантию «отца народов».

В середине 1950-х годов у китайских коммунистов все складывалось хорошо. У партии были враги, но она также пользовалась большой поддержкой народа в борьбе за справедливость и экономическое развитие. Политическая ситуация была стабильной. СССР оказывал помощь своему «младшему брату». Советская помощь, которая при Сталине была совсем небольшой, возросла и в 1959 году составляла 7% советского национального дохода[637].{847}

Что-то все-таки необходимо было предпринять, чтобы смягчить принципы иерархии, которая была свойственна эпохе сталинизма.

Мао с беспокойством наблюдал за восстаниями, охватившими Восточную Европу между 1953 и 1956 годами, и был намерен предотвратить подобное в Китае. Мао и другим китайским коммунистическим радикалам были не по душе возникшие трудности. Особенно тяжелым оказался переход от партизанских формирований к профессиональной армии. Армейские офицеры вели себя как мелкие феодалы, используя солдат в качестве личных слуг, и даже пользовались «правом первой ночи» у местных женщин.

Мао решил максимально приблизить военных к местным крестьянским коммунам. Например, они должны были помогать крестьянам в борьбе с сельскохозяйственными вредителями, а их экскременты использовались в качестве удобрений. Естественно, что технически подготовленных, профессиональных офицеров сильно раздражало такое политическое вмешательство и отход от военных приоритетов.

Общий подход Мао был поначалу близок к подходу Хрущева и даже Маленкова. Он считал, что партия должна быть «очищенной», но это уже будет не прежняя классовая борьба, которая могла бы негативно сказаться на темпах экономического развития. Напротив, чистки должны быть «либеральными». Теперь право высказывать критические замечания было предоставлено скорее буржуазным интеллектуалам, чем «красным» классам – рабочим, крестьянам, партийным активистам. Классовые разногласия должны были исчезнуть не на «собраниях по борьбе с ошибками», а «спокойно, как бриз или короткий дождик».

Необходимо было уменьшить численность и власть чиновников и избежать возрождения коммунистического пуританизма и догматизма, как это случилось в Яньани в 1943 году. Мао выдвинул лозунг «Пусть расцветут сотни цветов, пусть соперничают тысячи школ разных мировоззрений»{848}.

Первое время интеллектуалы благоразумно молчали. Они не смели говорить открыто, опасаясь возмездия со стороны партийных чиновников. Мао со временем убедил их, что возмездия не последует. В течение пяти недель, начиная с 1 мая 1957 года, они следовали призыву Мао к честной и открытой критике[638]. Критика была едкой и полной сарказма. Как и ожидалось, под прицел попали коррупция, фальсификация результатов выборов и некомпетентность партийных чиновников. Досталось также коллективизации, партийной монополии на власть и раблепному подражанию СССР. В Пекинском университете «Стена демократии» была оклеена плакатами, посвященными критике партии. Вскоре Мао понял, что его либеральная революция вышла из-под контроля и стала подрывать законность самой партии. Он резко изменил свое мнение и начал жестокую атаку на «правых». Жертвами этой атаки стали более 300 тысяч интеллектуалов, их карьера завершилась.

Никогда больше Мао не последует за хрущевской стратегией контролируемой либерализации, такое повторится только после его смерти. С того времени Мао считал, что интеллектуалы – безнадежные антикоммунисты. Несмотря ни на что, Мао продолжал искать альтернативу сталинскому порядку, который укреплялся в Китае. Он нашел выход в возвращении к партизанскому социализму Яньани и в радикальной классовой борьбе.

Недостатки старой сталинской модели сильнее всего повлияли на экономику. Как же мог Китай преодолеть неравенство с Западом и с СССР? В 1957 году Мао во второй раз посетил СССР. Огромное впечатление произвело на него здание Московского университета. Вряд ли сталинские методы могли помочь Китаю достичь таких высот в культуре и материальном благосостоянии{849}.

Стратегия Сталина предполагала получение максимальных доходов от сельского

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org населения и рабочих и перенаправление всех средств на развитие тяжелой промышленности. Такой вариант был неприемлем для Китая. Китайское сельское хозяйство было более бедным и менее продуктивным, чем советское в 1928 году, когда Сталин начал экономические преобразования. В действительности в сельском хозяйстве имелось не так много излишков. Так чем же было стране оплачивать индустриализацию?

Мао видел выход в «Большом скачке вперед», который стартовал в 1958 году. Эта кампания была еще более утопической, чем сталинский «Великий перелом». Мао был намерен максимально использовать единственный ресурс, который имелся в Китае в изобилии, – крестьянский труд. Согласно теории «Большого скачка», крестьяне должны не только добиться огромной производительности сельскохозяйственной продукции путем сооружения систем орошения, но и производить промышленные товары. В отличие от большинства моделей развития, индустриализация должна была происходить не в городах, а в сельской местности. Крестьянам следовало добиваться таких впечатляющих результатов под руководством партийных активистов. Мао надеялся, что революционный дух самопожертвования снова разгорится. В то же время использование партизанских методов работы должно было ликвидировать политическое неравенство «феодализма» и сталинизма. Мао пояснял: «Наши революции следуют одна за другой... После победы мы сразу должны ставить новую задачу. Таким образом, наши кадры и массы всегда будут испытывать революционный пыл, а не тщеславие. Действительно, у них нет времени на тщеславие, даже если появляется соблазн его почувствовать»{850}. Такая риторика была пугающе знакомой. Она перекликалась со сталинской риторикой конца 1920-х годов: можно многого добиться силой воли, если правильно ее мобилизовать, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Однако амбиции Мао шли гораздо дальше, чем даже Сталин мог себе представить. Предполагалось за 15 лет достичь объемов производства Великобритании, и по мере нарастания энтузиазма сроки все уменьшались. В сентябре 1958 года Мао заявил, что Китай догонит Великобританию уже в следующем году{851}. Более того, Мао утверждал, что Китай уже находится на пороге коммунизма.

В городах «Большой скачок» оказался очень похож на сталинский пятилетний план в более утопической и коллективной форме. Это было время «демократии»: поощрялась критика руководителей и специалистами партийными активистами. Профессиональная компетенция больше не являлась привилегией. Любой, начиная с самого бедного крестьянина и заканчивая академиком, занимающим высокое положение, мог быть специалистом, как было сказано в известном лозунге режима, «красным» и «опытным». В центре внимания «Большого скачка» находилось сельское хозяйство. «Народные коммуны», объединявшие несколько деревень, были призваны выполнять великие задачи, поставленные перед ними Мао. Более 100 миллионов человек мобилизовали на работы по орошению, лесопосадкам и борьбе с наводнениями. Часто люди трудились далеко от дома. Крестьяне должны были также производить промышленные товары. У себя во дворах они возводили маленькие Печи для выплавки стали. Бу Юлонг, сельский руководитель из Провинции Хэнань, который добровольно принимал участие в строительстве сталеплавильных печей к югу от своей деревни, вспоминал жесткую атмосферу того времени: «Нас разделили на группы по 180 человек, словно военные подразделения. Действительно, все было по-военному. Вскоре нам выдали зеленую военную форму, и весь распорядок дня был армейским. Каждое утро нас будили сигналом горна»{852}. Предполагалось, что все трудоспособное население будет занято строительством, однако было непонятно, кто тогда будет смотреть за детьми, готовить еду и вести домашнее хозяйство. Здесь снова в дело вступали коммуны. Детские сады и школы строились исходя из того, что обещанный подъем производительности приведет к их быстрой окупаемости. Еда была бесплатной, люди питались в общественных столовых. Расценки оплаты труда, очень низкие, не связывались с производительностью. Самопожертвование и энтузиазм, а не страсть к накопительству являлись движущей силой для героического китайского народа. «Большой скачок» должен был затронуть не только экономику, но и культуру. Появились местные оперные театры, руководство страны призывало миллионы людей писать стихи и таким образом искоренить господство старой элиты в культуре. Государственные переписчики ездили по стране и собирали новую народную литературу.

Следует отметить, что «Большой скачок вперед» пользовался некоторой поддержкой в сельской местности. Житель деревни Зенгбу в Гуаньдуне (провинция в Южном Китае) вспоминает альтруизм того времени: «Самосознание народа было таким высоким в самом начале «Большого скачка вперед», что нам хотелось все делать вместе, коллективно. Не было необходимости даже в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org продавцах в магазинах, так как можно было не сомневаться, что человек оставит именно ту сумму, которую должен заплатить за купленные товары»{853}. Бу Юлонг также вспоминал, как чувство коллективизма кружило голову: «Я никогда не забуду то волнение, которое я почувствовал, когда увидел свою первую плавильную печь... Результаты нашей работы не были очень высокими, но все же в Жутуо был устроен большой праздник с фейерверками и барабанами. Некоторые читали свои стихи:

Наш дух взлетает выше ракет;

Наша воля прочнее железа и стали;

Через считанные дни мы обгоним Британию и Америку{854}.

Но вскоре наступило разочарование. Поскольку огромное количество людей было занято в ирригационных проектах и в производстве стали, не хватало рабочих рук для уборки урожая. Тем временем бесплатное питание в общественных столовых привело к нехватке продуктов. Кроме того, сталь, которая выплавлялась в маленьких печах на задних дворах участников коммун, отличалась очень низким качеством. Чтобы выполнить план по производству стали, у людей отбирали на переплавку котлы и лопаты. Все это явилось результатом дикого оптимизма Мао. Партийные руководители, находясь под постоянным давлением, были вынуждены обещать золотые горы, преувеличивать достижения и скрывать провалы. Мао, казалось, поверил всем этим фиктивным результатам. Его личный доктор, Ли Чжисуй, вспоминает, как они отправились на поезде в провинцию Хэбэй и какое огромное впечатление произвели на них преобразования, которые они увидели. Крестьянки в нарядных разноцветных одеждах были заняты работой на полях, где колосился богатый урожай. Куда бы ни упал взгляд, сталеплавильные печи озаряли небеса своим пламенем. Однако вскоре доктор Ли понял, что это была огромная «потемкинская деревня», бутафорская деревня, построенная вдоль маршрута следования Мао. Печи были специально выстроены на виду, а рис привезли с отдаленных полей и пересадили, чтобы создать видимость обильного урожая. Рисовые плантации были так густо засажены, что пришлось привозить электрические вентиляторы, которые поддерживали движение воздуха, чтобы рис не сгнил. Ли с горечью прокомментировал то, что увидел: «Весь Китай – это сцена, все люди – актеры в фантастической пьесе, поставленной для Мао»{855}.

Большинство коллег Мао поддерживали «Большой скачок». Их впечатляли огромные успехи, о которых рапортовали местные власти. Но к началу 1959 года появились сомнения относительно реальности этих достижений, и даже Мао забеспокоился. Когда он посетил свою родную деревню Шаошан, его глубоко опечалил тот факт, что местный буддийский храм, который часто посещала его мать, был разрушен. Как оказалось, кирпичи пошли на строительство сталеплавильных печей, а дерево использовалось в качестве топлива{856}. В мае Мао внес некоторые поправки в политику. Например, общественные столовые не были больше обязательными для всех. Несмотря ни на что, «Большой скачок» продолжался, и, когда министр обороны маршал Пэн Дэхуай призвал отказаться от политики «коммунизации» деревни, Мао, недовольный критикой, настоял на том, чтобы сделать «Скачок» еще более радикальным. Пэна обвинили в правом уклоне, а местные власти снова были вынуждены открыть общественные столовые. Убытки все возрастали, в то же время крестьян заставили платить налоги, чтобы достичь завышенных результатов производства[639]. Огромные ресурсы выжимались теперь из сельского хозяйства: промышленные капиталовложения взлетели с 38% в 1956 году до 56% в 1958-м, в основном за счет крестьян. Результатом стал катастрофический голод – по разным оценкам, в период с 1958 по 1961 год его жертвами оказались от 20 до 30 миллионов человек. Это был один из самых ужасных периодов голода в современной истории[640].

К 1960 году партийное руководство, включая Мао, признало, что «Большой скачок» закончился катастрофическим провалом. Разрыв отношений с СССР в 1959 году нанес еще один удар по репутации Мао. С подачи Хрущева СССР перестал оказывать Китаю финансовую и техническую поддержку. Мао со своим партизанским радикализмом считал Хрущева главным реакционером, особенно во внешней политике. Он осуждал советского лидера за его доктрину «мирного соревнования» с Западом и за его стремление сотрудничать с некоммунистическими лидерами стран третьего мира, например с индийским руководителем Неру. Китайские вооруженные силы обстреливали остров Кемой, захваченный националистами во главе с Чан Кайши, и Мао даже заявлял, что полномасштабная ядерная война не будет катастрофой: социализм возродится из пепла. Американская ядерная бомба была, по мнению Мао, «бумажным тигром». Напуганный безрассудством Мао, Хрущев отказался помогать ему в его ядерной программе. К 1961 году коммунистический блок был окончательно

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
расколот[641].

Позиция Мао после завершения программы «Большого скачка» в 1960–1961 годах напоминала позицию Сталина после «Великого перелома» в 1931–1933 годах. Он осознавал, что его амбиции и популизм стали причиной хаоса в стране. Он также признавал, что необходим отход от радикализма к более технократической форме коммунизма. Было решено отказаться от «Большого скачка». Большинство сталеплавильных печей в деревнях было демонтировано. Крестьянам отдали 6% земли в личное пользование для сельскохозяйственных нужд. Лю Шаоци, Дэн Сяопин и Чжоу Эньлай – приверженцы современного марксизма – взяли власть в свои руки. Мао потерял репутацию и влияние[642]. Главной целью нового коллективного руководства было восстановление порядка в стране, охваченной хаосом после «Большого скачка». Были отвергнуты демократические кампании, вернулись ставки сдельной оплаты труда. Снова стал цениться профессионализм, прежняя власть восстановилась в сельской местности. Неравенство, против которого так рьяно выступал Мао, вернулось.

Местные руководители возвращали себе власть точно так же, как это делали их советские предшественники в середине 1930-х годов, – с помощью полиции и документов. Паспорта, Удостоверения личности, канцелярские дела содержали подробную информацию о каждом человеке, включая такие важные сведения, как классовая и политическая принадлежность. После революции все люди были разделены на «пять красных типов» (рабочие, бедные и средние крестьяне, революционные кадры, революционные солдаты и члены семей тех, кто пострадал за революцию) и на «пять черных элементов» (землевладельцы, богатые крестьяне, контрреволюционеры, преступники и «правые», в том числе интеллектуалы). С середины 1960-х годов, когда местные власти стали строже контролировать экономику, это деление стало иметь огромное значение. Университетское образование, хорошая работа на промышленных предприятиях, угроза высылки из города в сельскую местность на полевые работы – все это зависело от того, к какой категории принадлежал человек. Китайское руководство произвольно создавало новый коммунистический «старый режим», при котором каждый имел свой неизменный статус – начиная с «пролетариата» наверху и заканчивая «черными элементами» внизу. Такие порядки сохранялись в основном в городах.

Классовая дискриминация в различных проявлениях имела место практически во всем коммунистическом мире на ранних стадиях, однако в Китае она была более планомерной, чем в советском блоке. Это происходило потому, что и коммунисты, и общество сильно отличались в каждом регионе. Происхождение, принадлежность к клану и протекция имели гораздо большее значение в Китае, чем в СССР. Партийные лидеры, многие из которых являлись бывшими членами антиимпериалистического движения 4 мая, верили, что эти традиции были причиной отсталости Китая. Таким образом, они неукоснительно следовали навязанному классовому делению в надежде разрушить старый порядок. Однако когда они сами пришли к власти, появились «красные» кланы и стали использовать классовую систему, чтобы упрочить свою власть.

При всех «старых режимах» люди, унаследовавшие высокое положение в иерархии, вызывали возмущение. Все те, кто не входил в «красные» классы, – люди с плохим классовым происхождением или переезжающие с места на место рабочие, лишенные хорошей работы и материальных благ, которыми обладали постоянные работники, – имели основания быть недовольными той жесткой системой, которую они были не в силах изменить. Китайская коммунистическая партия парадоксальным образом создавала новый альянс революционных групп, у которого имелись причины осуществить революцию против нового коммунистического «класса». А лидером этой революции должен был стать не кто иной, как лично Мао.

В середине 1960-х годов Мао оказался крайне недоволен политикой, проводимой Лю Шаоци, Дэн Сяопином и Чжоу Эньлаем. Он считал, что эти лидеры способствуют усилению неравенства введением наследования классов, дифференциации заработной платы и повышением ценности образования. Мао, напротив, никогда не отказывался от своего партизанского социализма и полагал, что Китай сможет возродиться только благодаря народному альтруизму и самопожертвованию. Мао считал своей главной миссией установление всеобщего равенства в Китае, и с годами его взгляды становились все более радикальными. Что же, беспокоился он, произойдет после его смерти? Будет ли тот коммунизм, который он создал, искоренен «правыми ревизионистами», как это случилось в Германии в 1890-е годы и в СССР после смерти Сталина? Он сказал Хо Ши Мину в 1966 году: «Нам обоим уже за семьдесят, и скоро Маркс

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org призовет нас к себе. На кого будут похожи наши преемники – на Бернштейна, Каутского или Хрущева, – мы знать не можем. Но у нас есть время подготовиться»{857}.

Напряженное положение за рубежом, а именно война во Вьетнаме, угрожавшая перевернуться в Китай, также убедило Мао в необходимости возвращения к партизанскому коммунизму. Он решил, что ему нужно искоренить «правые» силы, частично путем чисток среди высоких чиновников, но в основном изменив отношение к ним всего общества. Патриархальная иерархия, правление кланов, технократия и накопительство должны были уступить дорогу господству морали, когда люди будут работать из альтруистических побуждений, ради всеобщего блага. Таковы были цели самой страшной и разрушительной кампании Мао – «Великой пролетарской культурной революции». Как сказано в документе «Шестнадцать пунктов», с которого в 1966 году стартовала кампания: «Хотя буржуазия уже свергнута, она тем не менее пытается с помощью эксплуататорской старой идеологии, старой культуры, старых нравов и старых обычаев разложить массы, завоевать сердца людей, усиленно стремится к своей цели – осуществлению реставрации. Пролетариат должен... изменять духовный облик всего общества»{858}. Таким образом, Мао, возможно, даже неосознанно шел по дороге, проторенной Сталиным в 1930-е годы. Проведя катастрофические экономические «скачки», оба были вынуждены восстанавливать порядок, что, в свою очередь, укрепило позиции других лидеров. И Сталин, и Мао пытались усилить свою власть над партией, избавляясь от любых потенциальных соперников в руководстве. В то же время они оба проводили идеологические кампании, вычищая сомневающихся и «правых» из рядов бюрократии: Сталин во времена террора, Мао с помощью культурной революции. Обе эти кампании очень быстро вышли из-под контроля. Однако Мао был гораздо более радикальным как в своих взглядах, так и в целях. Сталин сохранял иерархию и полагался на секретную службу; Мао вернулся к партизанскому социализму (Яньани и мобилизовал массы в надежде создать новый образец социалистического человека. Мао не просто навязывал партии свою волю. Он считал, что совершил коммунистическую революцию в коммунистической стране – революцию, которая в результате вылилась в гражданскую войну внутри коммунистической партии и во всей стране.

Вполне в характерной для Китая манере эта революция началась довольно изолированно и скрыто 9 ноября 1966 года. Пьеса У Ханя «Разжалование Хай Жуя», в которой рассказывается о смещении с должности добродетельного чиновника из династии Мин императором-тираном, подверглась уничижительной критике в прессе. Руководили развернутой кампанией лично Мао и его жена Цзян Цин. Они усматривали в пьесе иносказательную критику Мао и считали, что образ Хай Жуя списан с Пэн Дахуая, разжалованного за критику Председателя. Они воспользовались случаем и обвинили в «правом» ревизионизме группу руководителей, включая Пэн Чжэня, мэра Пекина, партийного руководителя и союзника Лю Шаоци, и Лу Динь, заведующего отделом пропаганды ЦК КПК. Выступая в марте 1966 года, Мао также использовал образный язык древних мифов: «Отдел пропаганды Центрального комитета партии представляет собой дворец князя Тьмы. Необходимо разрушить дворец князя Тьмы и освободить Маленького Дьявола... Из других земель придут еще несколько [обезьяньих королей], чтобы нарушить покой во дворце князя Света»{859}. Вскоре Мао начал использовать более радикальный язык и направил свою критику на «ревизионистов» внутри партии. 16 мая появился первый циркуляр Культурной революции, в котором их называли «представителями буржуазии» и «людьми с клеймом идей Хрущева, все еще гнездящихся среди нас». Он призывал к массовым кампаниям против ревизионистов.

Естественно, что местные партийные руководители забеспокоились и попытались при поддержке Лю Шаоци затормозить эту кампанию. Однако такая реакция заставила Мао и радикалов поднять ставки. Теперь Мао выступил за создание так называемых отрядов красных охранников[643], состоящих в основном из студентов. Эти отряды были предназначены для борьбы с ревизионизмом в партии, а также с «четырьмя пережитками» внутри общества – «со старыми идеями, старой культурой, старыми традициями и старыми привычками эксплуатировать классы». В августе Мао сам лично надел повязку хунвейбина и выступил на многомиллионном митинге в Пекине, где собрались «красные охранники» со всех уголков страны. Они приветствовали лидера, размахивая «Красными книжечками» – «Цитатниками» Мао.

Отряды хунвейбинов, состоящие из студентов, а иногда и из школьников, неистовствовали по всей стране. Они насаждали пуританскую мораль, заставляя женщин обрезать волосы и снимать украшения; они меняли вывески на магазинах

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org и названия улиц (британское посольство теперь находилось на Антиимпериалистической улице, а советское посольство – на Антивизионистской); они врывались в «буржуазные» дома и крушили или забирали личное имущество. Гао Юань, школьник, сын одного из провинциальных чиновников, вспоминал: «Мы шли к центру города колоннами, во главе которых несли красные флаги с надписью «Красные охранники». Большинство из нас несли в руках маленькие красные книжечки. На фото в газетах мы видели, как это делали «красные охранники» в Пекине... Мы маршировали и орли новую «Песню красных охранников»:

Мы «красные охранники» Председателя Мао,
Закаленные ветрами и волнами;
Вооруженные идеей Мао Цзэдуна,
Мы уничтожим всех вредителей и преступников.

...мы добрались до трех искусно вырезанных мраморных арок (времен династии Цин), расположенных по обе стороны улицы. Тройной арочный проход стоит здесь уже два столетия... И, несмотря на счастливые воспоминания о том, как я играл в тени этих арок в детстве, я не испытывал угрызений совести, разрушая их. Из всех двадцати четырех китайских династий мне больше всего не нравилась династия Цин... именно во время их правления западные силы стали покорять Китай с помощью опиума и артиллерийских катеров... Под крики «Сокрушим четыре пережитка» великолепное сооружение рухнуло и превратилось в груды камней»{860}. В культурной революции Мао заметны удивительные совпадения с советской «культурной революцией» конца 1920-х годов. Но Мао объединил популистское наступление на «капиталистических» отступников в партии и внезапный «скачок» к современности. С точки зрения культура влияние «революции» было ужасающим, так же как закрытие и разрушение церквей в СССР в конце 1920-х. Однако вдохновители культурной революции, особенно жена Мао Цзян Цин, также прилагали усилия для создания новой китайской культуре. Самым первым объектом культурной модернизации стала традиционная опера. Цзян сетовала на то, что опера, одна из самых популярных форм искусства, была полна «отвратительных привидений, змеиных духов» и неправильных ценностей, как, например, «подчинение» власти имущим «феодалам». Она призывала коммунистических писателей создавать новые произведения, в которых «императоров, министров, ученых и девиц» заменят героические рабочие, крестьяне и солдаты{861}. Но, несмотря на то что такие революционные оперы были созданы под влиянием советского революционного романтизма, музыкальное сопровождение в них было традиционным. В 1966 году Кан Шэн заявил, что пять «модернизированных» опер вместе с двумя балетными драмами и симфонией являют собой «восемь образцовых китайских представлений». Эту «великолепную восьмерку» бесконечно показывали китайской аудитории на сцене и в кино. Поначалу оперы имели успех. Однако их было немного, и вскоре публике наскучило постоянно смотреть одно и то же. Появилась шутка, в которой говорилось, что китайская Культурная революция сводится к тому, что «восемьсот миллионов человек смотрят восемь представлений»{862}.

Хотя и претендующая на современность, созданная культурной революцией «новая» культура вновь возвращалась к партизанскому социализму Яньани. Семь из восьми образцовых произведений рассказывали о китайской революции, и главными героями в них были солдаты, одетые в революционную униформу. Действительно, военная униформа скоро вошла в моду, особенно среди молодежи. Как вспоминал один из современников: «Настоящей военной формы было мало. В 10 лет я просил у мамы форму. Она смогла купить отрез оберточной ткани (грубая ткань, в которую заворачивали посылки на почте), покрасила в зеленый цвет и сшила форму для меня и моих братьев»{863}.

Партизанский социализм культурной революции стал резким отходом от сталинизма. Общество было полностью реорганизовано. Власть оказалась в руках сильных людей, не имеющих образования и связей[644]. Успехи в образовании давно уже не являлись престижными. Теперь уже не только «феодальная» иерархия, но и «меритократия» должны были уступить место «виртократии» (власти добродетели){864}. Идеалом считался крайний альтруизм. Даже литературный персонаж Павел Корчагин, который был очень популярен в Китае, теперь подвергся критике за романтизм, потакание своим желаниям и жалобы на болезнь.

Новый порядок коснулся школ и университетов. Мао считал, что различные результаты, показанные во время экзаменов, только усилят классовое разделение внутри общества. Поэтому политическая активность имела большее значение, чем успехи в образовании. Студенты встретили в штыки новое

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org положение о вознаграждениях, согласно которому больше ценилась не интеллектуальная, а политическая деятельность. Главным поощрением были престижные рабочие места в городе.

Студенты являлись самыми восторженными сторонниками культурной революции. Однако к концу года внимание руководства переключилось на рабочих, которых призывали начинать активные кампании против своих начальников. Лю Гуокай, участник группы бунтарей [645] на фабрике в Гуанчжоу, описывал, с каким воодушевлением рабочие-контрактники, у которых были низкие зарплаты и никаких преимуществ, встретили призыв Мао восстать против группы рабочих, имевших постоянную работу, различные льготы и поощрения. 25 декабря 1966 года протестующие заблокировали Министерство труда в Пекине. На следующий день их поддержала Цзян Цин, упрекнув вице-министра в том, что он относится к рабочим как к Золушкам. Она говорила: «Министерство труда просто превратилось в министерство господ. И хотя наша страна является свободной уже много лет, рабочие все еще сильно страдают. Это невероятно. Ваше Министерство труда знает об этом или нет? Вы хотите сказать, что рабочие-контрактники у вас как сироты при мачехе? Вы тоже должны работать по контракту». Сказав это, Цзян даже разрыдалась [865]. Услышав, что теперь их поддерживает вдохновительница культурной революции, рабочие-контрактники по всей стране потребовали покончить с их низким статусом. Они также хотели, чтобы руководители изменили свое покровительственное отношение к ним [866].

Позже всего культурная революция достигла сельской местности, хотя жители некоторых деревень почувствовали на себе некоторые изменения в политике еще в середине 1965 года. Тогда деревню Чэнь в провинции Гуандун посетили партийные «рабочие команды» из города с целью распространить радикальное послание Мао. Они заменили индивидуальные ставки оплаты труда на коллективные с целью поощрения совместного труда. Они также встряхнули местные политические структуры, построенные на родственных связях и семейственности. Одну такую группу возглавлял Чэнь Цинфа, получивший прозвище «Горячий соус» за свой горячий нрав и применение силы в спорах. В действительности сельские властные структуры не претерпели серьезных изменений вплоть до 1967 года, когда началась самая радикальная фаза культурной революции. В деревне Чэнь при поддержке радикально настроенных городских студентов к власти пришел соперник Чэнь Цинфа Чэнь Лоньонь. Лоньонь, имевший прозвище «Старая оспина», был более скромного происхождения, чем Цинфа, и пользовался поддержкой бедных крестьян. Его образ жизни и мораль также были более пуританскими. Он открыто порицал клановость. Он рьяно организовывал коллективный труд и пользовался большим уважением, не взирая на роскошь Цинфа. Культурная революция позволила ему осуществлять моралистический террор против «плохие» людей, включая Цинфа и даже некоторых радикально настроенных студентов. Вскоре многие местные жители отвернулись от Лоньоня. Хотя они и считали правление Цинфа коррумпированным, похожим на совет старейшин, они все же находили его более «человечным» по сравнению с жестоким и мстительным Лоньонем [867].

Однако Мао и его союзникам оказалось не так легко заменить всех Цинфа на Лоньоней. Местные руководители благополучно защитили себя, обратив кампании культурной революции против своих «классовых врагов». Так поступали их советские предшественники в 1937 году. Они умышленно исказили смысл и причины нападок Мао на «буржуазию» и превратили их в кампанию против «черных» буржуазных классов (очень долго подвергавшихся дискриминации, которая не должна была затронуть ни их самих, ни новые буржуазные «красные» группы). Кроме того, обеспокоенные местные начальники создали собственные группы «красных охранников» из числа «красных» студентов, имеющих «хорошее» классовое происхождение (таких, как Гао Юань), для преследования «черной» буржуазии и членов их семей. Кампании классовой дискриминации проводились с фанатичной последовательностью. Посетители ресторанов должны были отвечать на вопросы о своем классовом происхождении, а буржуазные хирурги боялись оперировать пролетариев, чтобы в случае неудачного исхода не быть обвиненными в «классовой мести» [868].

Партийные чиновники оправдывали эти корыстные искажения кампании Мао. Они переиначили его предупреждения о революционном упадке и выдвинули «теорию кровного наследования». Согласно этой теории, добродетель была не только чертой, характерной для класса, но и наследуемой по крови. Представители «красных» классов и их дети считались хорошими от рождения, а на всех поколениях «черных» классов всегда лежало проклятье. Класс теперь трактовался как каста и раса, основной смысл теории даже выразили в стихах:

Если старый человек – герой, его сын – хороший малый, Если старик – реакционер, его сын – негодяй{869}. Разумеется, эта теория была полной противоположностью идей Мао. Он и его радикальные сторонники осудили эту теорию как «феодалную» и заявили, что понятие «класс» подразумевает взгляды человека, а не его кровь. Мао утверждал, что представители «черных» классов могли стать более добродетельными и «пролетарскими», чем некоторые люди из правящих «красных» групп. Он подчеркивал, что именно «красные» создают себе более привилегированное положение, уподобляясь старой буржуазии. Однако Мао (подобно Троцкому) никогда категорично не утверждал, что партийная элита превратилась в новый буржуазный класс. Такое утверждение было бы равносильно призыву к полномасштабной революции против коммунистической партии, что угрожало бы режиму в целом{870}. Таким образом, высказывания Мао всегда были намеренно двусмысленными. Хотя он и поощрял совершенствование представителей «черных» классов, он никогда окончательно не отрекался от «красных».

Такая двусмысленность привела к беспорядочной гражданской войне. Обе стороны настаивали, что именно они являются единственными выразителями воли Председателя. Бывшая буржуазия в союзе с лишенными привилегий рабочими и другими заклейменными «черными» выдвинула свои требования и создала собственные отряды «красных охранников», так называемых цзаофаней («бунтарей»)[646]. Ань Вэньцзянь, сын простого моряка, учился в то время в Фуданьском университете в Шанхае. Он решил вступить в отряд «красных охранников», основанный мятежниками, чтобы противостоять насилию и жестокости государственных «красных охранников», известных как «Алая гвардия». Он вспоминал: «До начала восстания я был спокойным, послушным и даже робким, но только потому, что моя свободная и отчаянная натура испытывала постоянное давление. Когда мне дали возможность проявить себя, я превратился в радикала, смелого энтузиаста... Я не отрицаю, что это было проявлением эгоизма с моей стороны, стремлением показать себя с лучшей стороны, доказать, что сын рабочего человека может стать лидером мятежников и принимать участие в революции»{871}. 24 августа 1966 года «красные охранники» Аня были возбуждены появлением в их лагере плаката с изображением Мао и призывом открыть «Огонь по штабам» (коммунистической партии). Ань говорил: «Мы воспринимали это как победу наших мятежных отрядов», потому что это был призыв нападать на элиту, и «около полуночи наш отряд в количестве 1400 человек в приподнятом настроении двинулся в Шанхай, чтобы захватить театральную академию по просьбе студентов, примкнувших к восставшим». Два дня спустя правительственные «алые охранники» устроили грандиозный митинг, в котором приняло участие 40 тысяч человек. Они призывали Мао поддержать их. Ань решил поехать в Пекин поездом, чтобы «увидеть Председателя Мао и самому разобраться в ситуации». «Красные охранники» из Пекинского университета убедили его, что Мао действительно на стороне мятежников, и Ань вернулся в Шанхай, полный радикального рвения.{872}

Очень скоро движение хунвейбинов распространилось по всему Китаю и приобрело всеобщий характер. Все учебные заведения, учреждения и предприятия имели собственные отряды «красных охранников». Как позднее вспоминал Мао, «везде люди сражались, разделившись на два лагеря; два лагеря были на каждой фабрике, в каждой школе, в каждой провинции, в каждом округе... сильные волнения охватили всю страну».{873}

Молодежь активно проявляла себя в рядах «красных охранников», большая часть городского населения была втянута в революционные беспорядки. К концу 1966 года «черные» все еще господствовали, а «красные» продолжали защищаться.

Мао прекрасно понимал, что культурная революция породила волну насилия, и видел, что Пекин и партия теряют контроль над страной. Несмотря ни на что, он не отступился от своего намерения разжечь настоящую революцию «снизу» против партийной бюрократии, а не чистку «сверху». 26 декабря 1966 года на праздновании своего дня рождения он предложил совершенно недвусмысленный тост: «За развертывание гражданской войны по всей стране!»{874}. Жестокое безразличие также проявлялось в том, как Мао оправдывал хаос и насилие, охватившие всю страну: «Конечно, это ошибка, когда хорошие люди дерутся с хорошими людьми, но это только поможет им устранить недопонимание, поскольку они не могли понять друг друга с первого взгляда»{875}. Для Мао беспорядок в стране был менее опасен, чем старая элита, оставшаяся у власти.

«Январский шторм» в Шанхае стал самым убедительным сигналом того, что революционная волна повернулась против «красных» в пользу радикалов и «черных». В Шанхае, в отличие от остального Китая, основную массу мятежников составляли не студенты, а не имеющие привилегий рабочие. У шанхайской парторганизации были огромные отряды для противостояния мятежникам. Как утверждалось, в них было 800 тысяч человек, но они не смогли одолеть восставших, 30 декабря 1966 года 100 тысяч мятежников напали на отряд правительственных «красных охранников» из 20 тысяч человек. Через четыре часа бой завершился победой восставших. 5 февраля Мао объявил о том, что власть переходит от партии к новой организации – Шанхайской народной коммуне, созданной по примеру Парижской коммуны 1871 года.

«Январский шторм» потряс всю страну. Молодой Гао Юань, сын партийного чиновника, стал жертвой насилия, которое сам применял к людям. Однажды утром он проснулся и пошел в магазин за продуктами. Его шокировали развешанные по всему городу плакаты, призывающие «отобрать власть у контрреволюционных партийных комитетов и правительства», то есть у элиты, в которую входил и его отец. Отряд восставших «черных» хунвейбинов ворвался в его дом. Они несколько часов продержали его отца в болезненном положении «самолет» (на коленях с распростертыми руками). Один из «охранников» поставил ногу ему на спину. Затем они «короновали» его, надев ему на голову такую же кепку, какую носили старые феодальные чиновники и актеры в традиционных операх. Она символизировала его увольнение со службы[876]. По всей стране политические группировки подвергали своих врагов подобным публичным унижениям, пыткам и даже приговаривали к смерти. Тем временем в Пекине по инициативе Мао была создана организация, которая должна была выполнять функции тайной полиции. Она называлась «Центральная группа по рассмотрению дел», которая выявляла так называемых врагов Культурной революции. Лю Шаоци и Дэн Сяопин объявили «китайскими Хрущевыми»[647].

Радикализм Мао достиг своего пика летом 1967 года, когда, понимая, что консерваторы берут верх[648], Мао отдал приказ военным властям «вооружить левых». Результаты были вполне предсказуемыми: количество пострадавших в местных схватках между консерваторами и радикалами достигло нескольких тысяч человек. В конце августа Мао начал понимать, что «великий хаос» Лал слишком опасным, и он объявил новую кампанию с целью «поддержать военных и позаботиться о людях». Армия, которая прежде давала радикалам свободу действий, должна была восстановить контроль центра. Мао ездил по стране, создавая повсюду новые революционные комитеты, восстанавливая таким образом разрушенную партийную организацию, однако это был очень длительный процесс. Противоборствующие политические фракции должны были объединиться, а движение радикально настроенных «красных охранников» было подавлено[649]. Теперь уже сама армия осуществляла чистки и убийства гораздо более методично, чем это делали до нее «красные охранники». В этот период Культурная революция стала наиболее жестокой и кровавой. В сентябре 1968 года был создан последний революционный комитет.

Одновременно с политической централизацией происходило и восстановление культурного порядка – особенно когда дело коснулось культа личности Мао. Как это часто случалось при коммунистических режимах, культ личности Мао усиливался в те опасные периоды, когда руководство должно было консолидировать свою власть, – в Яньани в начале 1940-х годов, во время кризиса руководства, который сопутствовал «Большому скачку вперед». Однако во время Культурной революции руководство страны стало терять контроль над культом личности, который превзошел культ личности Сталина[877]. По мере того как разваливалась политическая власть, бунтующие «красные охранники» пытались наперегонки показывать свою преданность Председателю, и от такого низкопоклонства культ личности взлетел до небывалых высот. В некоторых местах демонстрация преданности Председателю доходила до абсурда – проводилась так называемая гимнастика цитирования, во время которой участники состязались в знании цитат Председателя Мао, а многие собрания и митинги начинались с «танца верности». В сельской местности некоторые выражения преданности носили явно ритуальный и религиозный оттенок. Например, строились специальные пагоды, где находились таблички с цитатами и инструкциями Председателя. Слова Мао воспринимались теперь как буддийские сутры. Руководство Культурной революцией в Пекине не одобряло неконтролируемое использование культа личности, считая, что это только укрепляет позиции местных руководителей и в конечном итоге ослабляет влияние Мао. Кан Шэн пояснял: «В настоящее время «танец верности» танцуют повсеместно. Утверждают, что это – выражение преданности Председателю Мао,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org но на самом деле это оборачивается против Председателя Мао... Национальное богатство тратится понапрасну, якобы чтобы продемонстрировать свою верность... Когда ты тратишь политический капитал на себя, это является выражением преданности самому себе}{878}. Скоро армия стала прилагать серьезные усилия, чтобы контролировать культ личности. Были введены жесткие принципы и инструкции по его применению, чтобы избежать стихийных проявлений любви к Председателю. Было основано движение под названием «Три проявления верности и четыре проявления безграничной любви», которое призывало революционные комитеты к созданию четких ритуалов, в которых граждане будут демонстрировать свою преданность Мао. Дальше всех пошли власти города Шицзячжуан в провинции Хэбэй, которые описали подробный ритуал для персонала магазинов. Утром, до открытия магазинов, они должны были штудировать работы Мао в «поисках инструкций» для себя, а вечером докладывать об итогах рабочего дня перед портретом Мао. У них даже имелся специальный набор цитат Мао, подходящий для начала разговора продавца с покупателем. Например, продавец, приветствуя покупателя-рабочего, мог сказать: «Крепче держите революцию», в ответ покупатель должен был закончить высказывание: «Энергичнее увеличивайте производство». Пожилого человека могли поприветствовать репликой: «Пожелаем Председателю Мао долгих лет!», на что следовало отвечать: «Да здравствует Председатель Мао! Да здравствует! Да здравствует!» Такие строгие ритуалы вызвали беспокойство у людей, поскольку любая ошибка могла повлечь жестокое наказание. Один учитель из округа Фучэнг провинции Хэбэй был приговорен к девяти годам тюрьмы только за то, что сначала написал в своем дневнике, что высказывания Мао дают ему «безграничную энергию», а затем исправил эту фразу на «очень много энергии».

В больших городах движение «Три проявления верности и четыре проявления безграничной любви» завершилось в июне 1969 года, к этому же времени схлынула основная волна насилия[650]. Несмотря на это, многие оставались в тюрьмах или были высланы в отдаленные сельские районы до официального конца Культурной революции, последовавшего за смертью Мао в 1976 году. По приблизительным подсчетам, по меньшей мере около миллиона человек погибло и гораздо больше пострадало от пыток и публичных унижений за время Культурной революции. Были сломаны жизни и судьбы миллионов людей, целое поколение молодых людей не получило образования. Фэн Цицай, сын бывшего банкира, подчеркивал серьезный психологический ущерб, нанесенный публичными наказаниями: «Величайшая трагедия Культурной революции заключалась в том, что пыткам подвергались души людей... Мой отец сильно пострадал... В семидесятые годы, после бесконечных наказаний, у него появилась странная проблема. Он просыпался ночью от кошмаров и начинал кричать. Мы жили в небольшом местечке. Когда он кричал, никто не мог спать. Так он промучился до 1989 года»}{879}.

Культурная революция не принесла желаемых результатов. Мао, как и Сталин, надеялся мобилизовать страну и построить новое общество, но в результате вызвал хаос и насилие. Политическое руководство в Пекине оставалось слабым, в упадок пришла экономика страны. Официально Культурная революция продолжалась до 1976 года, но уже в 1968 году стало понятно, что классовая борьба, развязанная старыми радикалами против коммунистической бюрократии, стала настоящим бедствием для Китая и его народа.

С запуском спутника в октябре 1957 года международная репутация и самоуверенность коммунистических режимов достигли своего зенита. Как писал Фрезер в книге «Золотая ветвь», принесение в жертву Сталина, мифического короля, способствовало оздоровлению системы. Использование ракетных технологий для покорения космоса во благо человечества означало, что коммунисты действительно направили все свои силы на обеспечение мира и человечности, а не на войну и разобщение людей. Однако к концу 1960-х годов стало очевидно, что усиления Югославии, СССР и Китая расширить коммунистическую идею за жесткие рамки сталинизма, найти новые формы радикальной мобилизации ради экономических успехов оказались напрасными. Тито фактически отказался от мобилизации и начал движение в сторону рынка и Запада. Хрущеву было сложно избежать грубых военных методов 1930-х годов. Экстремизм Мао показал всему миру, каким ужасающим и разрушительным может быть радикальный, эгалитарный коммунизм. В то же время, когда этим трем коммунистическим режимам оказалось трудно изменить общества в своих странах, у них появились новые возможности за границей, в Латинской Америке и в Африке, испытывающих муки деколонизации. Их всех объединил новый участник коммунистического соревнования за сердца и умы третьего мира – Куба.

9. Партизаны

I

В начале 1954 года молодой аргентинец торговал в центре города Гватемала картинками с изображением гватемальского «черного Христа». Эти иконки были в основном рассчитаны на многочисленных бедных индейцев, и торговля шла на удивление бойко. Идея производства икон изначально принадлежала Антонио «Нико» Лопесу, высланному с Кубы участнику неудавшегося переворота 1953 года под руководством Фиделя Кастро[651]. Но торговал иконами аргентинец Эрнесто Гевара (прозвище Че он получил из-за того, что часто использовал в речи это слово из языка индейцев гуарани, обозначающее «Эй, ты»). По образованию Че был врачом, но не мог найти работу, поэтому брался за любое дело, чтобы свести концы с концами. В письме домой Че писал: «Я продаю прекрасные изображения Господа Эскипуласа, черного Христа, который совершает чудеса... У меня богатый набор рассказов о чудесах, совершенных Христом, и я постоянно придумываю новые, чтобы картинки лучше продавались»{880}.

Гевара и Лопес были представителями эклектической группы латиноамериканских «левых» – от венесуэльских социал-демократов до никарагуанских коммунистов, от противников властного аргентинского лидера Хуана Перона[652] до восставших против кубинского диктатора Фульхенсио Батисты. На их глазах появилась новая радикальная Республика Гватемала. Подобно европейцам, которые толпами съезжались в республиканскую Испанию восемнадцать лет назад, многие прогрессивно настроенные латиноамериканцы видели в Гватемале, которой руководил социалист Хакобо Арбенс[653], надежду всего континента. Сам Гевара, которому тогда было всего 26 лет, уже был харизматичным человеком, смелым и отчаянным. При этом он мог подчиняться жесткой дисциплине. Он одобрял позицию Сталина относительно законности насилия, а его грубая и моралистическая манера поведения отвращала от него многих людей. Такое суровое поведение, однако, сформировалось под влиянием самокритичного чувства юмора: одним из его любимых литературных героев был Дон Кихот Сервантеса – смешной, мечтательный странствующий рыцарь, сражающийся за безнадежно утерянными идеями{881}.

Че родился в обедневшей аристократической семье. Он был болезненным ребенком, страдал тяжелой формой астмы. Болезнь сделала его книголюбом – он часто запирался в ванной с книгой в руках, убегая от суеты, окружавшей его. Хотя Че был физически хрупким, он намеревался преодолеть свою физическую слабость, развивая в себе умственные способности и силу воли. Юношей он отправился путешествовать на своем мотоцикле по латиноамериканскому континенту. Во время этой поездки он увидел чудовищное неравенство между коренными индейцами и богатыми белыми людьми.

Однако для Че это неравенство было не только расовым или классовым. Как и многие латиноамериканские интеллектуалы, он считал его последствием империализма и колониализма, а также влияния Соединенных Штатов, чьи компании эксплуатировали природные ресурсы и чьи кадры в лице местных диктаторов поддерживали наполовину империалистический контроль на континенте. Пабло Неруда, чилийский сторонник коммунистов и любимый поэт Че, выразил свой гнев в стихотворении «Объединенная фруктовая компания» (The United Fruit Co), в котором описал рой мух-тиранов, пирующих на гнилых фруктах империализма и коррупции{882}.

Попытки Арбенса национализировать огромные земли «дьявольского осьминога» (так называли компанию «Юнайтед фрут»)[654] привлекли Гевару и многих других радикалов в Гватемалу: «У меня была возможность проехать по территориям компании «Юнайтед фрут», и я раз и навсегда понял, как ужасны эти капиталистические осьминоги. Я поклялся перед портретом товарища Сталина, что я не успокоюсь, пока не уничтожу всех этих капиталистических осьминогов. В Гватемале я смогу совершенствоваться и достичь всего необходимого, чтобы стать подлинным революционером»{883}. «Осьминог», однако, оказался живучим, и капитулировать пришлось не компании «Юнайтед фрут», а режиму Арбенса. Не боясь даже авианалетов на Гватемалу, Гевара решил остаться и защищать «гватемальскую революцию», как когда-то коммунисты защищали Мадрид. Но Арбенс отказался от борьбы и бежал из страны[655]. Сам Гевара, укрывшись в аргентинском посольстве, чудом избежал арестов, инициированных американским государственным секретарем Джоном

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org фостером Даллесом, который не хотел допустить нового объединения революционеров где бы то ни было. В сентябре 1954 года Гевара бежал в Мексику.

Падение режима Арбенса вызвало оживление в рядах латиноамериканских «левых», как в свое время падение республиканской Испании в 1930-е годы заставило многих «левых» изменить свои взгляды на более радикальные. Коммунисты этим воспользовались. Как и в 1930-е годы, Москва позволила коммунистам объединиться с «буржуазными» силами, и коммунисты согласились, что сочетание модернизма и жесткой дисциплины быстрее поможет их странам избавиться от иностранного империализма. Для Че Гевары, естественно, советский коммунизм давал ответ на все вопросы, и Че критиковал Арбенса за его неумение использовать сталинскую жесткость и организованность. Его бескомпромиссные взгляды, возможно, были следствием воспитания. Его отец проводил кампании в поддержку испанской Республики, а юный Че назвал свою собаку Негриной в честь промосковского испанского президента Хуана Негрина{884}.

При этом существовали огромные различия между Латинской Америкой 1950-х – с историей иностранных завоеваний – и Европой 1930-х годов. Точно так же различались и модели коммунизма в эти периоды. Коммунизм стал более многообразным явлением, и успех азиатского коммунизма предложил странам третьего мира альтернативную, партизанскую модель революции. С середины 1950-х годов Москва начала терять контроль над международным коммунизмом, центр которого переместился в столицы государств-конкурентов. Одной из таких столиц стала Гавана после кубинской революции 1959 года под руководством Кастро и Че. Че, который однажды в юности подписал письмо своей тете «Сталин II», постепенно начал испытывать разочарование в советской традиции, и даже его псевдоним говорит о том, что у него совершенно другой революционный стиль. «Эй, ты» – это совсем не то, что «Человек из стали», но Че был более радикальным, даже романтическим марксистом.

Че стал культовой фигурой, а Куба на какое-то время превратилась в самый привлекательный образец для радикальных националистов. Но кубинцы были не одиноки: «отцеубийственные», постсталинские режимы Тито и Мао отчаянно сражались за внимание новых националистских лидеров третьего мира. При Хрущеве сам Советский Союз пытался продемонстрировать всему миру более идеалистическое лицо. Все они отказались от старого сталинского «сектантства» и даже приняли более широкую стратегию, допуская союзы с группами, не имеющими отношения к марксизму-ленинизму. Это было время, когда все стремительно менялось, и Советы, Китай и Куба поддерживали эклектичный ряд групп левого толка – радикальных марксистов-партизан, современно мыслящих людей, умеренных коммунистов, стремящихся сотрудничать и с националистами, и с немарксистскими националистами. После долгого периода сталинского пренебрежения коммунизм теперь обратился к широкой аудитории третьего мира. В это же время Запад под руководством Джона Ф. Кеннеди также демонстрировал свое привлекательное лицо. Кубинский партизанский коммунизм, равно как и любой другой романтический коммунизм 1960-х годов, не сумел доказать свою жизнестойкость. Новая коммунистическая активность в странах третьего мира явилась причиной нестабильности, это напугало противников коммунизма и привело к обратной реакции и полосе неудач для коммунизма. По обе стороны идеологического рубежа эра оптимизма закончилась.

II

Почти год спустя после падения режима Арбенса, 18 апреля 1955 года, двадцать девять делегатов из азиатских и африканских стран собрались в городе Бандунг (Западная Ява), чтобы послушать громкую приветственную речь президента Индонезии Сукарно: «Да, действительно, пронеслась «Буря над Азией», и над Африкой тоже... Народы и государства очнулись от многовекового сна. Пассивность народов ушла в былое, внешнее спокойствие уступило место борьбе и активности... Ураганы национального пробуждения пронесли над землей, сотрясая и изменяя ее, изменяя к лучшему»{885}. Выражение «Буря над Азией», которое употребил в своей речи Сукарно, было названием фильма Пудовкина, вышедшего в 1928 году (в советском прокате «Потомок Чингисхана»). Это драма о монгольском юноше, оказавшемся потомком Чингисхана, сбежавшем от англичан к большевикам[656]. В Бандунге слышались отголоски старого Коминтерна. Как и на Бакинской конференции «народов Востока» в 1920 году, участники конференции в Бандунге искали пути

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org сплочения всего «Юга» в борьбе против империализма[657]. Однако это был совершенно не коммунистический конгресс. Не были приглашены монголы, равно как и другие нации, сторонники Советов, – советские азиатские республики и Северная Корея. Из коммунистических режимов присутствовали только Китай и Северный Вьетнам. Некоторые делегаты (например, индийский лидер Джавахарлал Неру[658] и индонезийский президент Ахмед Сукарно[659]) были социалистами. Неру очень импонировал советский стиль планирования. Однако, националистические социалисты, они стремились объединить социализм больше с местными политическими традициями, чем с марксистско-ленинскими. Будучи националистами, они не хотели показывать свою принадлежность к какому-либо блоку, восточному или западному. Некоторые делегаты были яркими противниками коммунизма – шесть из двадцати девяти поддерживали Соединенные Штаты и Великобританию. Карлос Ромуло, представитель филиппинского режима, только что подавившего коммунистическое восстание, язвительно заметил: «Вчерашние империи, над которыми, как говорилось, солнце никогда не заходит, одна за одной отступают от Азии. Что нас пугает больше всего, так это новая империя коммунизма, над которой, как мы знаем, солнце никогда не восходит».{886}

Китайцы отказывались признавать, что у их советских союзников есть целая империя в Восточной Европе, поэтому дискуссия была крайне напряженной, когда делегаты должны были выразить отношение всей конференции к сверхдержавам. Чжоу Эньлай приложил немало усилий, чтобы очаровать делегатов Бандунга, и представил Китай как сдержанного, терпимого друга глобальных низов. Он признал, что марксизм-ленинизм мало распространен в новом, освобожденном от колонизаторов мире и что необходимы компромиссы, если Китай хочет иметь какое-либо влияние. Ромуло заметил, что Чжоу Эньлай вел себя так, словно «вырвал лист из книги Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»{887}. Однако у Чжоу имелось более значительное теоретическое обоснование его выступления, нежели книга Дейла Карнеги: китайские коммунисты в тот момент находились в идеологически умеренной фазе «новой демократии» и были готовы допустить союз коммунистов с буржуазными националистами.

Бандунг стал свидетелем рождения «третьего мира» – новой реальности, совершенно независимой ни от «первого» западного, ни от «второго» восточного миров. Конференция призвала необходимым избежать экономической зависимости от первого мира, которую Сукарно охарактеризовал как колониализм в современном обличье, через экономическое сотрудничество. Также было решено бороться против угрозы ядерной войны. В своей пылкой речи на конференции Сукарно призвал африканские и азиатские народы применять «моральное насилие в интересах мира» и давать отпор милитаризму обоим участникам холодной и войны.{888}

Бандунгская конференция ознаменовала вход так называемого Юга в мировую политику и в борьбу с империализмом. Хотя старые империи явно слабели, многие из них были твердо намерены удержать свои прежние позиции или, по крайней мере, сохранить свое влияние после деколонизации, формируя политику стран-преемниц. В начале 1960-х годов только несколько государств оставалось под контролем белых: португальские колонии, в основном в Африке, Южная Африка и Родезия. Несмотря на это, многие лидеры стран третьего мира все еще считали империализм мощной силой, и такие понятия, как «неоколониализм» и «неофициальная империя», широко обсуждались, особенно в связи с Соединенными Штатами и поддержкой, которую они оказывали старым прозападным коллаборационистам.

Дебаты в Бандунге показали, что сталинский коммунизм и империализм имели много общего и открыли Китаю и Югославии возможность усомниться в том, что СССР был единственным законным лидером мирового коммунизма. Еще большее беспокойство у Советов вызвала встреча на югославском острове Бриджунни спустя год после Бандунга, в которой приняли участие Тито, Неру и Насер[660]. Они планировали превратить третий мир в отдельный внешнеполитический блок. Их отношение к сверхдержавам можно было выразить строкой Шекспира «Чума возьми семейства ваши оба!». Результатом стало образование Движения неприсоединения в 1961 году в Белграде{889}.

Хрущев очень быстро отреагировал на брошенный вызов. Он и его идеологи были убеждены, что деколонизация открывает огромные возможности для советского социализма. Хрущев верил, что та модель социализма, которую СССР может предложить странам третьего мира, будет для них очень привлекательной. Она соединяла в себе длительную борьбу с империализмом, приверженность идее социальной справедливости и технологический прогресс, воплощением которого

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org было освоение целинных земель и запуск спутника. При поддержке Советского Союза, утверждал Хрущев, буржуазные «прогрессивные» националисты постепенно перейдут в социалистический лагерь. По мере того как экономика этих стран будет развиваться, окрепнет рабочий класс, и антиимпериализм превратится в антикапитализм. Этот переход, настаивал Хрущев, мог быть мирным. Он необязательно должен быть насильственным, революционным, с участием лидирующих партий и классово-борьбы. Прогрессивный третий мир должен стать «зоной мира»{890}.

Вскоре после Бандунга Хрущев поспешил совершить серию государственных визитов в Югославию, Индию и Бирму. Целью этих визитов было восстановление престижа Советов среди антиимпериалистических «левых». Он также отправил эмиссара на Ближний Восток, чтобы наладить связи с Насером. Это означало уход от позиций позднего сталинизма, когда лидеров неприсоединившихся стран рассматривали как потенциальных врагов{891}. Необходимо было внести серьезные изменения в советскую доктрину, так как с момента окончания политики Народного фронта в 1947 году СССР считал, что мир разделен на «два лагеря». На XX съезде партии в 1956 году Хрущев объявил о конце прежнего сталинского мировоззрения. В 1960 году он заявил, что СССР рад видеть «национальные демократические государства», в которых коммунисты вступают в союз с левым крылом «буржуазных» националистов{892}.

По существу, это была новая версия старой политики «объединенного фронта», когда «буржуазные» националистические правительства заменяли националистические партии. Новая политика принимала форму все возрастающей помощи Индии под руководством Неру, Гане во главе с Нкрумой[661], Индонезии с Сукарно и Алжиру, который возглавлял Бен Белла[662]. Однако с точки зрения пропаганды самым эффективным стало вмешательство Хрущева в дела бывшей бельгийской колонии Конго (Конго-Леопольдвилль, позже Заир). Бельгия предоставила Конго независимость, но сразу при поддержке США финансировала мятеж против избранного премьер-министра, «левого» националиста Патриса Лумумбы. Его арест и убийство в 1961 году стали провалом советской политики. Он пожертвовал жизнью за дело антиимпериализма, поддерживаемого Советами. Его смерть повлияла на ситуацию во всей Африке.

За расколом в советско-китайских отношениях, произошедшим в 1950–е годы[663], последовал вызов Китая, брошенный Москве. Китай претендовал на первенство влияния в третьем мире. В начале 1960–х годов Чжоу Эньлай и Лю Шаоци объехали Африку и Азию. Они встретились с многими лидерами не присоединившихся к блокам стран: от Бирмы до Египта, от Алжира до Эфиопии. Китайцы позиционировали себя как радикальную альтернативу СССР и ярых противников политики «мирного сосуществования» с Западом. В 1965 году Линь Бяо[664], радикальный военачальник, утверждал, что китайский опыт партизанской войны больше подходит для использования в борьбе за свободу аграрных обществ, чем советская модель. Прежнюю стратегию китайских партизан «окружения городов после захвата контроля над всей сельской местностью» можно было распространить на весь мир: Запад представлял собой «мировой город», а Латинская Америка, Африка и Азия были «мировой деревней»{893}. Народы должны были вести войны против феодализма и империализма.

Призывы Китая были услышаны многими коммунистами третьего мира. Как говорил представителем иностранной коммунистической делегации глава влиятельной коммунистической партии Индонезии Дипа Айдит, все коммунистические режимы по примеру советского превратятся в «сытых жирных котлов» за счет более отсталых стран и растеряют весь свой революционный дух». Его сильно беспокоил тот факт, что за рубашку в Москве он заплатил гораздо больше, чем в Нью-Йорке, при этом качество русского товара было заметно ниже, из чего он сделал вывод, что русские еще более жадные, чем американцы{894}. Индонезийская партия была одним из главных союзников Китая, однако Пекин также финансировал вьетнамцев и африканские и ближневосточные некоммунистические режимы и движения за независимость.

Возникший в 1960–е годы «объединенный фронт» социалистов и коммунистов третьего мира, как и его предшественник 1920–х годов, отличался неустойчивостью. Возросший авторитет международного марксизма обусловил рост поддержки коммунизма во многих постколониальных обществах, что, разумеется, беспокоило лидеров-националистов. Насер ответил репрессиями против египетских коммунистов в 1959 году, а левый националистический лидер Ирака Абдель Керим Касем, пришедший к власти в 1958 году в союзе с коммунистами, вскоре пожалел об этом сотрудничестве. Если сама

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Коммунистическая партия Ирака насчитывала 25 тысяч членов, то в подконтрольные ей организации входило около миллиона человек, пятая часть населения страны{895}. Один из самых поразительных примеров противостояния левых националистов и коммунистов предоставила Индия, где в 1957 году Коммунистическая партия (КПИ) при поддержке населения нижних каст одержала победу на выборах в юго-западном штате Керала с устойчивыми традициями кастового разделения общества. КПИ при поддержке Москвы заняла неревOLUTIONную политическую позицию. Ее проект земельной реформы, например, был очень близок идеям Неру. И все же вскоре КПИ столкнулась с серьезной оппозицией в лице консервативных групп, особенно влиятельной католической церкви, которая прежде всего выступала против образовательной политики коммунистов. Католики сформировали ополчение «либерационистов», местные коммунисты ответили тем же. В 1959 году угроза католического государственного переворота заставила лидера коммунистов Эламкулама Намбудурипада обратиться за помощью в центр. Неру воспользовался этим кризисом и распустил коммунистическое правительство в июле того же года{896}.

Хрущеву в его попытках поднять авторитет СССР в третьем мире помогло недоверие американцев к национализму третьего мира. В послевоенные годы США пытались решить, как им справиться с радикальным Югом. Американские лидеры пони-Мали, что европейские империалисты и местные консервативные элиты только разжигают народный радикализм, и все же они опасались, что националисты (многие из которых требовали перераспределения земли и других социальных перемен) вступят в союз с Москвой. В первые годы после войны американцы сохраняли свою прежнюю антиимперскую[665] позицию. Например, в 1949 году государственный секретарь США Дин Ачесон вынес Голландии предупреждение, что если она попытается восстановить свою власть в Индонезии, она лишится военной поддержки и финансовой помощи в рамках плана Маршалла. Вскоре за этим последовало провозглашение независимости Индонезии[666].

Тем не менее в 1949 году главным фактором, повлиявшим на американскую политику, стала «потеря» Китая в пользу коммунизма. После такого оглушительного удара политика США не могла оправиться несколько лет. Уверенность Вашингтона в том, что он сможет сдерживать международный коммунизм, пошатнулась. Государственные мужи отказались от идеализма и пришли к «реальной политике». Исчезла твердая уверенность в том, что страны третьего мира превратятся в либеральные демократии, контролируемые США. На ее место пришел страх от мысли, что любая страна, не поддерживающая частную собственность, свободный рынок и союз с США, переметнется на сторону Москвы. В результате появилась тенденция к преувеличению угрозы коммунизма, любой радикальный национализм рассматривался как потенциальный источник опасности. Это отношение обусловило стратегию оказания поддержки европейским империям и консервативным элитам, что, разумеется, усилило страх третьего мира столкнуться с «неоколониализмом», при котором былые имперские порядки Европы заменит новая американская модель. Разумеется, такая органичная связь европейских империй и американской гегемонии способствовала распространению влияния Москвы и Пекина на националистов третьего мира.

Решительные попытки сократить экономический разрыв между первым и третьим миром стали, возможно, самым длительным последствием перемены политики Вашингтона. Юг не имел шансов попасть в программу помощи плана Маршалла. Британский экономист-либерал Джон Мейнард Кейнс убедил участников Бреттон-Вудской конференции 1944 года воспользоваться сложившейся ситуацией и учредить Всемирную торговую организацию, в полномочия которой входила бы стабилизация цен на сырье, от которых в большой степени зависели бедные страны. Однако ратификация плана Кейнса Конгрессом США затянулась. После 1949 года усилилось подозрительное отношение США ко всем международным организациям, поэтому план Кейнса так и не дождался реализации. Принятое вместо него Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) не решало проблему контроля над ценами. В результате экономический разрыв между индустриальным Севером и аграрным Югом стал еще больше, усовершенствованные технологии обусловили снижение цен на сельскохозяйственную продукцию и повышение цен на промышленные товары. Некоторый рост экономики Юга в 1950-е и 1960-е годы все же произошел, но он протекал намного медленнее, чем на Севере{897}. Многие бедные страны оказались в ловушке, не позволявшей им подниматься на более высокие ступени экономического развития.

Возможно, еще большее влияние на ситуацию в мире оказали перемены во

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org внешней политике США. В 1953 году, когда СССР начал постепенно отходить от сталинской политики манихейства, новая администрация президента Эйзенхауэра взяла курс на «реальную политику», по крайней мере, по отношению к странам третьего мира. Администрация осознавала, что антизападные чувства обострились в результате «обострения расовых чувств, антиколониализма, возросшей степени национализма, народных требований быстрого социального и экономического прогресса» и других глубоко укоренившихся причин{898}. Иногда власти США признавали: им необходимо завладеть умами и сердцами людей третьего мира, отдалить националистов коммунизма. Но «мягкая линия» была менее свойственна Политике администрации Эйзенхауэра, чем применение силы, Часто в форме военной помощи сильным руководителям и диктаторам. Госсекретарь США Джон Даллес был убежден в том, что коммунизм представлял собой «международный заговор, а не национальное движение» (даже в Латинской Америке все еще чувствуя причастность Советов), поэтому он настаивал на решительных действиях{899}.

Одним из основных принципов стратегии холодной войны при Эйзенхауэре, применявшихся по отношению к третьему миру, было использование ЦРУ для организации государственных переворотов и свержения националистов, которых подозревали в близкой связи с коммунизмом. Первой мишенью стал избранный народом премьер-министр Ирана Мохаммед Моссадык. Опасаясь того, что он осуществит нефтяные поставки в СССР, ЦРУ организовало его свержение в 1953 году[667].

Однако Моссадык не был единственным подозреваемым. США столкнулись на Ближнем Востоке сразу с несколькими националистическими лидерами, стремившимися подавить европейское влияние и создать стратегический союз с СССР. Иногда вмешательство США сопровождалось успехом. Так, например, они оградили режим ливанского президента Камиля Шамуна от его радикальных соперников[668]. В других случаях дела шли не так просто: Насер национализировал Суэцкий канал в 1956 году, тем самым спровоцировав вторжение в Египет Британии, Франции и Израиля, окончившееся безрезультатно.

К 1950-м годам США все больше приближались к государству, представшему в глазах националистов третьего мира как вопиющий случай империализма и расизма. Этим государством была Южно-Африканская республика. Несмотря на предупреждения ЦРУ о растущей оппозиции апартеиду, отношения США и ЮАР в 1950-е годы только укрепились: Вашингтон искал новые стратегические и экономические преимущества.

Пожалуй, самый яркий пример того, как США перетянули на себя одеяло европейских империй в третьем мире, явил собой Вьетнам. Президент Рузвельт враждебно относился к продолжавшемуся там после Второй мировой войны французскому правлению, но в 1950 году Трумен проявил противоположное отношение: опасаясь того, что победа коммунистов во Вьетнаме спровоцирует крах прозападных режимов по всей Юго-Восточной Азии, американцы с готовностью отступились от антиимпериалистических принципов и признали поддерживаемый французами режим Бао Дая в Южном Вьетнаме. В 1953 году Эйзенхауэр пошел еще дальше: он одобрил финансирование большей части французской кампании. Тем не менее эти меры не предотвратили поражение французов в битве при Дьенбьенфу в 1954 году и их уход из Вьетнама. Ни русские, ни китайцы не хотели продолжать войну с США, поэтому они настояли на том, чтобы Хо Ши Мин согласился на временное разделение Вьетнама на Северный и Южный до всеобщих выборов (которые так никогда и не были организованы). Под его контролем оставался Северный Вьетнам, а Южным управлял поддерживаемый американцами Нго Динь Зьем[669], политик-националист, покинувший команду Бао Дая в начале 1930-х годов.

Некоторое время казалось, что стратегия американцев сработала. Зьем, который был известен своими антифранцузскими взглядами, заручился поддержкой местной католической церкви. С самого начала ему удалось укрепить позиции своего правительства{900}. Какое-то время Москва и Китай не хотели продолжать войну. Северным вьетнамцам (чтобы отвлечь их от продолжения конфликта) навязали земельную реформу по китайскому образцу, однако она сопровождалась насильственными мерами и перегибами, что породило враждебное к ней отношение со стороны партии{901}. Тем не менее в Ханое были обеспокоены тем, что разделение страны станет постоянным. В то же время подпольные коммунисты в Южном Вьетнаме, а также Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (известный также как Вьетконг) использовали народное недовольство властной политикой Зьема. В 1959 году под давлением

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Вьетконга северные вьетнамцы решили развязать войну.

США имели прекрасную возможность отдалиться от европейского империализма, поддержав временный режим Зьема в Южном Вьетнаме в 1954 году, но в том же году, казалось, Вашингтон следовал содержащимся в руководстве марксизма-ленинизма указаниям того, как достичь империалистического капитализма. Ситуация выглядела так, будто США поддерживают и распространяют империализм, который на самом деле является высшей стадией капитализма. Угроза интересам «Юнайтед фрут» со стороны Хакобо Арбенса привела к закулисной политике в Вашингтоне: щупальца компании-осьминога дотянулись до Нью-Йорка, до юридической фирмы Джона Фостера Даллеса и его брата Аллена, возглавлявшего ЦРУ. Больше всего Белый дом беспокоила готовность Арбенса сотрудничать с коммунистической партией Гватемалы. Несмотря на минимальное влияние СССР в этом регионе, администрация США была уверена в том, что Гватемала может стать стартовой площадкой распространения коммунизма по всему континенту. Тайно организованное ЦРУ свержение Арбенса осуществилось под кодовым названием «Операция “Успех”» в 1954 году{902}. Возможно, последствия операции некоторое время соответствовали ее названию, но в конце концов они нанесли большой ущерб репутации США.

В Латинской Америке они толкнули постбандунгское поколение к еще большему радикализму. Первые признаки радикализма проявились всего в 90 милях от побережья США – на Кубе.

III

Опасения американцев оправдались: после свержения Арбенса его сторонники-радикалы бежали из Гватемалы и продолжили борьбу за ее пределами. Бежавший из Гватемалы Че Гевара, его кубинский товарищ Нико Лопес и другие радикалы перебрались в мексиканскую столицу. В Мехико уже находились некоторые революционеры. Среди них были Фидель Кастро и его брат Рауль, находившиеся в эмиграции, но планировавшие вернуться на Кубу. В отличие от Фиделя, Че к тому времени был убежденным марксистом, тем не менее он хотел участвовать в освободительном движении Фиделя. Кастро вспоминал: «Он сразу понравился нашей небольшой группе в Мексике... Он знал, что в нашем движении есть даже мелкие буржуа, в общем, всех понемногу. Но он понимал, что мы собираемся бороться за революцию и национальное освобождение, за антиимпериалистическую революцию; он еще не участвовал в социалистических революциях, но это не было препятствием – он немедленно присоединился к движению»{903}.

Фидель был родом из богатой, но далеко не аристократической семьи: он был сыном испанского эмигранта, который взял землю в аренду у «Юнайтед фрут» и стал владельцем крупной сахарной плантации. Его революционный нрав проявлялся с детства, а взгляды шли вразрез с политическими убеждениями отца, поддерживавшего Франко. Несмотря на это, он уважал «военный дух» закрытой иезуитской школы, где получал образование, ему нравился «здоровый, строгий образ жизни, который я вел в школьные годы»{904}. Изучая право в университете Гаваны, Кастро встал на путь радикальной политики, хотя у него было мало общего с Коммунистической партией Кубы[670], которая в 1940-е годы сотрудничала с Батистой[671]. Он вступил в Партию кубинского народа (партию «Ортодоксов»), чей радикальный национализм основывался на идеях поэта и революционера XIX века Хосе Марти.

Кубинская интеллигенция тонко чувствовала силу американского неоимпериализма и капитализма. После окончания испанского господства в 1898 году США на четыре года оккупировали Кубу. Впоследствии, получив формальный суверенитет, Куба оставалась зависимой от северного соседа. Экономика Кубы была целиком интегрирована в экономику США и зависела от доходов от поставок сахара в США (а цены на сахар зависели от решений американского Конгресса). Плантациями владели в основном иностранцы. Гавана была многонациональным городом, где проживали многие американские эмигранты. Националисты обвиняли американцев в том, что они превратили город в центр организованной преступности, азартных игр, разврата и проституции. Многим образованным кубинцам казалось, что их страна попала в «сахарную ловушку», в вечную зависимость от США. Достоинство государства могли вернуть только радикальные перемены.

Главной мишенью националистов стал коррумпированный диктатор Батиста, поддерживаемый американцами. Партия «Ортодоксов», выступавшая с

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org требованиями социальных и земельных реформ, вскоре стала главным оппонентом Батисты. Кастро проявил себя непримиримым революционером: после неудавшегося переворота 1953 года и его высылки из страны он собрал небольшие силы, организовал «Движение 26 июля»

Имеется в виду «период согласия», связанный с полевением Батисты в 1937–1940 годах. Батиста тогда командовал армией и не был диктатором. Батиста и его ставленник президент Лоредо Бру согласились на политическую амнистию и принятие новой демократической конституции в 1940 году. Выиграв президентские выборы, Батиста национализировал часть железных дорог. В поддержке такой политики коммунистами не было ничего предосудительного. Ко времени установления диктатуры Батисты в 1952 году «период согласия» давно кончился. и вернулся из Мексики в Кубу в 1956 году* на старой моторной яхте «Гранма» (дословно «Бабуля»). Прибытие яхты на остров закончилось катастрофой[672]. Из 82 революционеров, прибывших на яхте, лишь 22 человека смогли сформировать революционные отряды. Во главе с Кастро они соорудили базу в горах Сьерра-Маэстра – бедного региона на востоке острова с долгой традицией крестьянских восстаний. Здесь Фидель и его группа начали партизанскую войну. В это время в городах революционеры организовывали забастовки и восстания против властей[673].{905} Однако подавление городской всеобщей забастовки весной 1958 года ослабило городское движение сопротивления и, наоборот, усилило влияние Кастро и его партизан. Батиста ответил на насилие, развязанное партизанами, еще большим насилием и таким образом лишился поддержки не только кубинского народа, но и Вашингтона[674]. В канун Нового года Батиста, хорошо понимая, куда движется история, покинул Кубу. Через два дня Кастро и Гевара вошли в Гавану[675].

По сравнению с революциями в Китае и Вьетнаме, кубинская революция протекала относительно легко. Поддержка Батисты была слабой, в то время как к оппозиции присоединился многочисленный городской средний класс, кроме того, связи города с сельским пролетариатом были сильнее, чем в других регионах Латинской Америки. Кастро в своем стремлении покончить с режимом Батисты заручился мощной народной поддержкой. Он настаивал на том, что осуществил не коммунистическую, а националистическую революцию. В речи, которую он произнес 1 января 1959 года, он приравнял осуществленную им революцию к традиционным националистическим восстаниям прошлого: «На этот раз Кубе повезло: революция действительно придет к власти. Не повторится ситуация 1895 года, когда в последнюю минуту вторглись американцы и захватили нашу страну... Не будет больше ни воров, ни предателей, ни интервентов! На этот раз революция победила»{906}.

Кастро объявил о создании нового либерального правительства во главе с Мануэлем Уррутиа[676]. Он заявил, что его режим будет «гуманистическим», а не капиталистическим или коммунистическим. В отличие от Рауля и Че, он не был коммунистом. Че писал в 1957 году: «Я всегда думал о Фиделе как о настоящем лидере левой буржуазии»{907}. В мае 1959 года Кастро заявил: «Капитализм может убить человека голодом, а коммунизм убивает тем, что лишает человека свободы»{908}. Экономическая программа «Движения 26 июля» первоначально не была радикальной{909}. Она предлагала относительно умеренную земельную реформу и развитие собственных отраслей промышленности, замещающих импорт, чтобы перестать зависеть от производства сахара. Кастро хорошо понимал, что национальные капиталисты (разумеется, кроме крупных землевладельцев и иностранных компаний) участвовали в революции, многие капиталисты предвкушали большие возможности, предоставляемые индустриальной политикой нового режима.

И все же революция Кастро 1959 года была намного радикальнее, чем его же восстание 1953 года. Влияние Че Гевары, «радикала от рождения» и ярого сторонника марксизма, разумеется, было значительным; многие его взгляды разделял Рауль. Однако на революцию повлиял опыт тяжелой партизанской жизни в горах Сьерра-Маэстра, где товарищи Кастро впервые увидели настоящие тяготы жизни бедного крестьянства. Это опыт сказался на эгалитарной культуре революции{910}. Именно в горах Сьерра-Маэстра партизаны стали отращивать неопрятные бороды. Эта визитная карточка, своего рода «удостоверение личности» стала неотъемлемой частью образа революционера в 1960-е и 1970-е годы{911}.

В отличие от 1953 года, революция 1959 года была организована не только во имя идей национализма и индустриализации, но и во имя идеи власти, служащей интересам «народных классов», а не имущих «экономических классов»{912}. Неудивительно, что революция подарила надежду беднякам, которых так

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org вдохновили формы партизанской мобилизации, впервые примененные в горах Сьерра-Маэстра. Они настаивали на проведении более радикальных реформ, а Повстанческая армия Кастро, пользовавшаяся огромным влиянием в сельской местности, была на их стороне{913}. Народ, казалось, так же массово поддержал суды над сторонниками Батисты, которыми руководил сам Че Гевара. Многие аргентинские друзья Че были поражены тем, как быстро он, бывший целитель больных, превратился в жестокое олицетворение революционной справедливости. Он, однако, не искал себе лишних оправданий. Одному из друзей он ответил так: «Понимаешь, в этой ситуации или убиваешь ты, или убивают тебя»{914}.

Разумеется, такой радикализм многих оттолкнул, в том числе либералов, собственников, а также США. Сначала Вашингтон настороженно отнесся к революции Кастро, усмотрев в ней связи с коммунизмом, но антикоммунистические высказывания Кастро убедили США в обратном, и Штаты признали его режим. Тем не менее ориентация Кастро на экономический национализм и перераспределение земли неизбежно обострила конфликт между кубинцами и американскими владельцами фирм и компаний на Кубе. Суды над сторонниками Батисты, их казнь[677], отмена выборов заставили американцев поверить, что Кастро встал на путь коммунизма и его уже нельзя повернуть обратно. Отношения с США ухудшились. К марту 1960 года Эйзенхауэр обратился в ЦРУ с просьбой подготовить план осуществления восстания на Кубе с участием эмигрантов, настроенных против Кастро{915}. Они стремились к тому, чтобы Кастро постигла та же участь, что и Арбенса за пять лет до этого.

В 1959 году кубинцы и советские власти мало знали друг о друге. Уже в марте 1960 года Кастро, убедившись в том, что американцы планируют вторжение на его остров, попросил о встрече Анастаса Микояна, разъезжающего с визитами по всему миру и как раз оказавшегося в том регионе[678]. Микоян прибыл в Гавану, и новые знакомые сразу поладили: кубинцы усмотрели в СССР источник экономической и военной помощи, а Политбюро Хрущева отнеслось к кубинской революции как к возможности распространить свое влияние и поддержать стареющий организм советского коммунизма молодым бодрым духом и энергией{916}. Микоян с восторгом говорил о Кастро: «Он настоящий революционер, абсолютно как мы. Я почувствовал, будто снова вернулся в детство»{917}. Советы согласились посылать на Кубу оружие и нефть в обмен на сахар. Кроме того, они направили на остров группу испанских офицеров-коммунистов, живших в эмиграции в Москве после окончания испанской гражданской войны. Они были призваны реорганизовать кубинскую армию{918}.

Кастро не зря опасался американцев. Эйзенхауэр и Даллес в самом деле планировали поддержать военное вторжение эмигрантов на остров под прикрытием американской авиации, но кубинцам повезло: в США сменился режим. После избрания президентом Джона Ф. Кеннеди американская внешняя политика была снова во многом синхронизирована с действиями СССР.

Кеннеди пришел к власти (во многом как Хрущев), обещая применить новый способ борьбы с конкурирующей сверхдержавой, который будет как более идеалистическим, так и более продуманным. Пораженный «потерей» Кубы, самой крупной неудачей со времен «потери» Китая за десять лет до этого, Кеннеди был намерен отказаться от жестких военных методов Эйзенхауэра и отдалиться от европейского империализма и его эпигонов в ЮАР, где был установлен режим апартеида. Как он объяснял, Америка должна была быть «на стороне права каждого человека руководить своими поступками... так как итоговая победа национализма неизбежна»{919}.

При Кеннеди Вашингтон постепенно начал осознавать, что коммунизм является продуктом отсутствия экономической и политической несправедливости. Решением проблемы казалась теория модернизации, разрабатываемая такими академиком, как, например, советник Кеннеди Уолт Ростоу. Ростоу и его последователи утверждали, что все общества идут по одному и тому же пути «модернизации» к либеральной демократии, но на переходной стадии, не достигнув полной зрелости, они могут заразиться коммунизмом. Единственно правильным решением считалось ускорение процесса модернизации. По их мнению, мировым интересам можно было послужить, способствуя быстрому развитию с помощью финансовой поддержки и насаждением демократии{920}. В 1961 году Кеннеди удалось привлечь тысячи молодых людей в «Корпус мира» и его программы по «общественному развитию» для распространения американского варианта модернизации во всем мире. В запасе оставалась «жесткая политика» военных действий, но она должна была сопровождаться продуманными контрреволюционными кампаниями, сдерживаемыми обращением к умам и сердцам

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org людей, – так называемой Мягкой политикой.

Когда дело дошло до Кубы, Кеннеди долго сомневался по поводу планов вторжения Эйзенхауэра. Он полагал, что, если что-либо пойдет не так, вся кампания только навредит международной репутации Америки. Тем не менее Кеннеди, как и его предшественник, стремился истребить влияние коммунизма в стране, находящейся под носом у США. Он решил действовать, полагаясь на план тайной, партизанской операции без прикрытия с воздуха. Кеннеди надеялся, что высадка вооруженных эмигрантов и изгнанников повлечет за собой стихийное восстание простых кубинцев против режима Кастро. Операция в заливе Свиней в апреле 1961 года провалилась. Восстания в поддержку высадившихся изгнанников не произошло, войска Кастро действовали эффективно. Большинство десантников были захвачены в плен. Репутация США в странах третьего мира оказалась еще более запятнанной. Операция в заливе Свиней привела к противоположным результатам, подтолкнув Кубу еще ближе к советскому лагерю. Кастро был убежден в том, что очередное вторжение американцев неизбежно. Действительно, в Вашингтоне начали разрабатывать новый план. Тем временем ЦРУ развязало длительную серию попыток убийства Кастро необычным способом – от взрыва сигары до зараженного грибком костюма для дайвинга. Существовали даже планы сломить Кастро, устранив предполагаемый источник его харизмы – его бороду. По словам Кастро, ЦРУ и кубинские эмигранты покушались на его жизнь более 600 раз{921}.

Вера в продуктивное сотрудничество с СССР укрепилась после того, как Кастро взял курс на более рациональное и упорядоченное управление внутренними делами. Кубинцы убедились в том, что неформальное, коллективное управление через повстанческую армию неэффективно в делах национальной обороны и государственного строительства. Разнообразные революционные организации слились в одну – Объединенную революционную организацию (ОРО)[679]. Кастро все больше доверял старым коммунистам из хорошо организованной НСП, в том числе в деле совершенствования работы административного аппарата.

Кульминацией советско-кубинских отношений стало предложение Хрущева разместить на Кубе ядерное оружие. Кастро ухватился за эту возможность, полагая, что советский ядерный щит оградит его революцию от нападений американцев. Но последовавшая советская капитуляция[680] перед угрозами американцев в результате ракетного кризиса в октябре 1962 года глубоко разочаровала Кастро (советские власти даже не проконсультировались с ним). Кеннеди пообещал, что вторжение на Кубу никогда не повторится, но Кастро ему не верил. Он также убедился, что и СССР нельзя доверять. Кастро снова настроил себя против Советов. Ранее в этом же году Кастро доказал силу своей власти, проведя чистки в компартии Кубы. Он и Че Гевара дали ясно понять, что строгий технократический марксизм, лежавший в основе сталинской модели, больше не приветствуется на Кубе. Альтернативой должен был стать «гуманистический марксизм», как его называл Че. Это был вариант романтического марксизма, сторонники которого не боялись использовать язык морали и добродетели. Че определял свой марксизм с прямой ссылкой на молодого Маркса, в чьи работы он уходил с головой: «Экономический социализм без коммунистической морали меня не интересует. Мы боремся не только с нищетой, но и с отчуждением. Одна из основополагающих целей марксизма – исключить материальный интерес, фактор “личной корысти” и наживы, из психологических мотиваций человека... Если коммунизм станет пренебрегать факторами сознания, он окажется лишь способом распределения, но никак не революционной моралью»{922}.

На практике кубинский режим стремился связать борьбу против бедности и слабости государства с массовым участием населения в партизанском коммунистическом движении, как это делали радикальные коммунисты прошлого (на Кубе партизанское движение называли *guerrillerismo*). Граждане, бескорыстные «новые люди» должны были стать солдатами равноправной, братской армии труда, делая все возможное для того, чтобы Куба смогла достичь необыкновенно высокого уровня развития. Это уже напоминало аскетический коммунизм. Кубинцев призывали работать на благо родины за очень низкое вознаграждение. Но коллективная награда имела большее значение. Огромные усилия были предприняты для повышения уровня образования и здравоохранения, их доступности всему населению, особенно сельскому, получившему больше выгоды от нового режима, чем все остальные. Кампания по ликвидации безграмотности, начавшаяся в 1961 году, была одним из движений, ставших символом эпохи. Около 250 тысяч обученных школьников и студентов объединялись в «бригады грамотности» и отправлялись на шесть месяцев в деревню. Там они жили с крестьянами. Их основной задачей было обучение

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org крестьян грамотности и делу революции. Как это часто прослеживается в истории коммунизма, подобные кампании, во многом основанные на юношеском идеализме, пользовались большой поддержкой: они полностью переворачивали жизнь неграмотных людей{923}. Один очевидец, прибывший из Америки, вспоминает атмосферу праздника, когда студенты вернулись из деревень в Гавану на неделю игр, парадов и других культурных мероприятий: «В лохмотьях, оставшихся от студенческих форм, с крестьянскими шляпами на головах, с рюкзаками и фонариками *brigadistas* наводнили столицу. Они пели, смеялись, делились историями, которые с ними произошли. Люди не могли не заметить сходства радостного возвращения армии грамотных и триумфального входа в столицу партизанских войск тремя годами ранее»{924}.

Публичное выражение радости было в центре торжеств при всех коммунистических режимах, как прекрасно продемонстрировал Милан Кундера. Неудивительно, что в то время именно Куба привлекала внимание мирового левого движения. Кубинский коммунизм отличался таким же пуританством и милитаризмом, какой был характерен для любой другой формы партизанского коммунизма. За неподчинение и инакомыслие строго наказывали отбыванием срока в печально известных трудовых лагерях, учрежденных между 1965 и 1969 годами. В первые годы своего существования кубинскому режиму успешнее других коммунистических режимов удавалось поддерживать энтузиазм и героический дух, вызванный военной победой, правда, ценой прямых ее последствий – насилия и репрессий. Отчасти это зависело от руководства и культуры партии: Че и Кастро пытались представить свой вариант марксизма как доктрину, основанную на принципах убеждения и «сознательности». В отличие от Мао и других китайских лидеров, Че и Кастро не росли в стране, где особым влиянием пользовалась партийная просоветская культура с укорененной самокритикой и чистками. Кроме того, это могло быть результатом той сравнительной легкости, с которой революционеры пришли к власти благодаря слабому сопротивлению. Правда, в южной провинции Эскамбрай крестьяне еще шесть лет пытались противостоять режиму[681], но их мятеж был подавлен силой. Многие противники Кастро просто покинули остров. После революции, в период с 1965 по 1971 год, многие представители среднего класса переехали в США с согласия обоих правительств. Таким образом, кубинцы избегали систематической классово-борьбы или массовых гонений на буржуазию, характерных для многих других коммунистических режимов{925}. Тем временем предостережение о Кубе как о Давиде, которому угрожает гигантский американский Голиаф, укрепило (хотя бы на время) уверенность многих в законности действий Кастро.

И все же кубинский коммунизм не избавился от еще одного большого недостатка радикального марксизма: в своем развитии он неизбежно сопровождался экономическим кризисом. Экономический курс кубинцев стал понятен с самого начала, когда Че, главный стратег аграрной реформы[682], также возглавил Министерство промышленности и Центральный банк Кубы. Че подшучивал над нелепостью его назначения главой банка, утверждая, что случайно получил эту должность: на собрании, где обсуждалась кандидатура главы банка, Кастро спросил, кто является хорошим экономистом и смог бы добровольно занять эту должность. Фидель был удивлен, когда руку поднял Че. «Но Че, я не знал, что ты экономист!» – воскликнул Кастро, на что Че ответил: «О, я думал, тебе нужен хороший коммунист»{926}. Че выступал за интенсивный экономический курс, в котором коммунизм вскоре завоевал бы главные позиции. Как все прежние волюнтаристы, Че и Кастро настаивали на том, что привлечение в экономику народной воли приведет Кубу к скачку от аграрной бедности к коммунистическому изобилию. Режим приступил к осуществлению амбициозной политики стремительной индустриализации. Как можно было предположить, она сопровождалась стихийным централизованным планированием, американскими санкциями и потерей специалистов – представителей среднего класса, покинувших Кубу. Позже Че признал: «Мы субъективно относились к миру, будто одним разговором с ним могли что-то в нем изменить»{927}.

В 1963 году Куба переживала экономический кризис. Че понял, что проигрывает борьбу против технократов, поддерживаемых Советами, которые приняли менее амбициозный, но более модернистский подход. Че, плохо разбирающийся в практических аспектах экономического управления, испытал глубокое разочарование. По словам одного из его друзей, он «был раздавлен горами статистических данных и информацией о методах производства»{928}. Именно во время споров относительно дальнейшего экономического курса Че начал пересматривать свое отношение к СССР. В беседе с одним из друзей Че вспоминал, как в Гватемале и Мексике стал приверженцем марксизма, познакомившись с трудами Сталина. Эти труды убедили его в том, что «именно

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org в Советском Союзе, в советском строе заключалась разгадка идеального общества, заставившая его поверить в то, что там осуществлялось все то, о чем он читал». Но когда он сам стал сотрудничать с советскими властями, «он понял, что они его обманывают». Результатом стало его «ожесточение» против сталинизма в 1963–1964 годах [683]{929}.

Взгляды Кастро были более практичными. Он испытывал большую симпатию к СССР. С 1964 года он начал понимать, что все проекты Че слишком амбициозны. Рабочий энтузиазм был неспособен превратить маленькую Кубу в независимую промышленную державу. Некоторое время Куба нуждалась в материальной поддержке со стороны СССР, а также в советском рынке, где можно продавать кубинский сахар. Проигравший Че вскоре отказался от попыток перенести принципы партизанского коммунизма в экономику. Он решил применить модель кубинской революции в более подходящей области: распространить ее в других регионах Латинской Америки и Африки. Он оставил все занимаемые им должности, отказался от кубинского гражданства и покинул Кубу. До конца своей короткой жизни он оставался странствующим революционером. Тем не менее примирение между Кубой и СССР продлилось недолго. После раскола китайско-советских отношений и отставки Хрущева в 1964 году СССР стал казаться Фиделю очень ненадежным защитником революции. С 1965 года Кастро вернулся к принципам радикальной политики и массовой мобилизации населения, призванного сделать все возможное для развития кубинской экономики. После метаний между радикальным и модернистским марксизмом кубинцы вернулись к партизанской модели экономического развития и придерживались ее принципов до конца десятилетия. Теперь они были вынуждены осуществлять экономическое развитие под контролем организованном передовой партии – Коммунистической партии Кубы, основанной в 1965 году. Первые опыты коллективной демократии 1959–1960 годов наконец-то завершились. Кубинцы не спешили перенимать более технократическую советскую модель. Они верили в демократичность своей революции и в то, что она представляет собой идеальный образец для всего развивающегося мира.

IV

Сразу после прихода к власти революционеров Че Гевара записал свои мысли о полученном военном опыте. Эти записи были опубликованы в мае 1960 года под названием «Партизанская война». Издание отчасти представляло собой руководство к действию: в нем содержались подробные инструкции по использованию коктейля Молотова, а также излагались принципы социальных реформ, которые партизаны должны были принести крестьянству. Че также давал советы по снаряжению: как партизану следует одеваться и что он должен брать с собой. Гевара рекомендовал носить с собой гамак, кусок мыла, блокнот и ручку (для переписки с другими партизанами). Че перевозил партизанскую стратегию в сельской местности как образец для революций всего Юга, не принимая во внимание особенности кубинской революции и особое значение кубинского городского сопротивления. Причисляя себя к традициям партизанского коммунизма наравне с яньаньским опытом Мао и борьбой Хо Ши Мина против французов и американцев, открыто противопоставляя себя советской традиции [684] (даже партизанам-антифашистам периода Второй мировой войны), Че утверждал, что небольшой передовой партизанский отряд (фосо) мог разжечь огонь революции во всем третьем мире [930].

Книга была адресована революционерам Латинской Америки. Кастро и Че считали своим долгом помочь угнетенным народам континента. Однако для разжигания революции за пределами Кубы нашлись и более веские практические причины. Как объяснял Кастро, США «не смогут тронуть нас, если вся Латинская Америка запылает огнем революции» [931]. Кастро также дал понять, что он откажется от поддержки зарубежных революций в обмен на мирное сосуществование с Америкой, хотя до сих пор неясно, сдержал бы он свое обещание. Неважно, было ли это сказано всерьез или нет, – все равно его заигрывания с США ни к чему не привели. Кеннеди продолжал оказывать поддержку противникам Кастро, а его преемник с 1963 года Линдон Джонсон был еще более ярким противником компромисса.

Команданте Че Гевара направлял усилия революционеров по распространению дела всей их жизни. Кубинцы подготовили более 1500 революционеров с континента, но гораздо большую практическую помощь принес живой пример самой Кубы. Как вспоминал лидер Коммунистической партии Венесуэлы, кубинская революция сработала как «детонатор» [932]. Та легкость, с которой кубинские революционеры захватили власть, породила волну неслыханного оптимизма. Казалось, что партизанский отряд где угодно мог захватить

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org власть. Один венесуэльский партизан вспоминал, что бежал в горы в полной уверенности в том, что «наша война будет протекать по кубинскому образцу». Он говорил: «Мы были уверены, что до решения всех наших проблем оставалось года два-три, не больше»{933}.

Пример Кубы вдохновил многих коммунистов (кастроистов, маоистов, просоветских коммунистов и троцкистов) по всему континенту организовать партизанское движение. Однако большинство этих движений были малочисленными и не пользовались поддержкой населения. Только в Венесуэле, Гватемале и Колумбии партизанские движения имели определенный успех, хотя и в этих странах короткие периоды побед левых сменялись полным их поражением от правых[685].{934} В Гватемале после свержения Хакобо Арбенса начался период диктатур и переворотов. После того как в 1960 году было подавлено вооруженное восстание левых, два армейских офицера в союзе с просоветскими коммунистами и троцкистами организовали партизанский отряд и ушли в горы. В Колумбии коммунистическая партия несколько лет сохраняла контроль над сельскими регионами. После того как военные одержали победу над коммунистами в 1964-1965 годах, была образована леворадикальная повстанческая группировка Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК)[686]. Между тем венесуэльские партизаны, поддерживаемые коммунистами, несмотря на недовольство Москвы, участвовали в свержении диктатуры Переса Хименеса в 1958 году. Этим они заслужили большой авторитет, впоследствии возросший в период народного возмущения жесткой экономической политикой правоцентристов, пришедших к власти в результате демократических выборов.

Тем не менее нигде партизаны не представляли серьезную угрозу режиму. В Венесуэле их движение было подавлено сочетанием либеральной демократии и репрессий. Ни в одном регионе партизанские силы не были способны противостоять правительственным армиям. Кеннеди и его последователи старались сорвать планы Кубы по распространению революции и финансировали латиноамериканские военные министерства, даже если при этом откладывалась реализация более амбициозных планов президентской администрации по распространению модернизации и демократизации. С 1962 по 1966 год в Латинской Америке произошло 9 военных переворотов, из них по меньшей мере восемь были организованы для свержения правительства, которое оказалось слишком левым или сочувствующим коммунизму{935}.

Расколы в самом коммунистическом мире также способствовали провалу деятельности партизанских отрядов фосо. Сначала СССР поддержал кубинцев и их далеко идущие планы в Латинской Америке. Однако вскоре Советы решили, что Куба обходится им слишком дорого, что планы ее нереалистичны, что она портит отношения с США как раз в тот период, когда Москва стремилась разрядить напряжение. Коммунистические партии в других странах Латинской Америки также относились к нереалистичным планам Гаваны скептически. Большинство партий следовало реформистской линии Москвы: коммунисты и рабочие должны были объединиться с крестьянами и буржуазией, а не предпринимать, как кубинцы, резкий скачок от феодализма к социализму. Несмотря на партизанскую традицию, латиноамериканских мятежников не поддержали китайцы. Отношения Китая и Кубы были сложными. Если и возникали группы маоистов, обычно сформированные приверженцами жесткой линии, они не получали никакой поддержки из Пекина{936}.

К середине 1960-х годов стало ясно, что партизанская революция на континенте провалилась. Кубинцы поняли, что должны отступить. Они уже нашли другой регион применения своей революционной энергии – Африку. Кубинцы ощущали близкие связи с Африкой: около трети населения Кубы могло проследить такие связи через своих предков, привезенных на Кубу рабами. Революционеры отменили расовую дискриминацию на Кубе и считали своей миссией сделать то же во всем мире. Кроме того, кубинцы считали Африку континентом, где США казались наиболее уязвимыми. История здесь отворачивалась от сильных держав: Африка сбросила оковы европейского империализма[687].

v

В декабре 1964 года Че Гевара отправился в трехмесячное путешествие с целью посетить радикальные националистические африканские государства. В январе 1965 года он прибыл в Браззавиль, столицу бывшей колонии Франции Конго. В 1963 году в Конго в результате восстания пришел к власти первый самопровозглашенный марксистский режим в Африке. Новое правительство во

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org главе с Альфонсом Массамба-деба с радостью предоставило убежище представителем Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), которые боролись против Португалии за независимость юго-западной африканской колонии. Встреча прошла очень напряженно. Члены МПЛА ожидали помощи от Кубы, а Че намеревался направить всю свою энергию на войну в соседнем бельгийском Конго (Леопольдвиль), где левые последователи погибшего Патриса Лумумбы симба «львы» успешно оказывали сопротивление режиму, опиравшемуся на поддержку США и Бельгии. Че предложил МПЛА послать бойцов в Конго (Леопольдвиль) и в ходе борьбы перенимать партизанский опыт у кубинских добровольцев. Разумеется, члены МПЛА и их лидер, врач и поэт Агостиньо Нето, с недовольством отнеслись к предложению сражаться в чужой войне. Однако, несмотря на различия Нето и Че, атмосфера вокруг их общения была в целом благоприятной, так как МПЛА были марксистской группой, у которой имелось много общего с Че{937}. Один из лидеров МПЛА, присутствовавший на встрече с Че, вспоминал: «Мы хотели, чтобы кубинцы нас инструктировали. Авторитет кубинской революции был огромен, кроме того, их теория партизанской войны была схожа с нашей. Мы также оставались под впечатлением от партизанской стратегии китайцев, но Пекин находился слишком далеко. Мы же хотели, чтобы наши инструкторы прониклись нашим образом жизни»{938}.

Че был глубоко впечатлен не только марксизмом ангольцев, но также их очевидной силой. Он отправил в их тренировочный лагерь одного из своих соратников, который был поражен силами партизан, не осознавая, что в параде, устроенном в честь его прибытия, несколько раз проходят одни и те же люди. Он должен был разгадать эту хитрость, так как кубинцы сами применяли эту уловку, демонстрируя свои силы журналистам из «Нью-Йорк Тайме» в горах Сьерра-Маэстра{939}. Кубинцы попались на удочку: Че уступил и согласился выделить несколько инструкторов для членов МПЛА, находившихся в Браззавиле.

В следующем месяце Че провел менее успешную встречу с африканскими партизанами в Дар-эс-Саламе, столице Танзании, которая стала центром антиимпериалистов во главе с социалистом Джулиусом Ньерере. Кубинское посольство организовало встречу, в которой участвовало около 50 человек, представлявших разные освободительные движения. Все они надеялись на поддержку Че. Его предложение направить все силы партизанских движений в Конго (Леопольдвиль) было воспринято, по его же воспоминаниям, «более чем холодно». Его слушатели настаивали на том, что их долгом была защита их народов, а не оказание помощи другим освободительным движениям. Хотя Че настаивал на том, что враг у них был один – империализм – и удар по этому врагу именно в Конго (Леопольдвилле) будет на руку всем, он оказался вынужден признать, что «никто не разделял его мнения». Больше всех был возмущен Эдуардо Мондлане, бывший сотрудник ООН, глава ФРЕЛИМО (Фронта национального освобождения Мозамбика, сражавшегося против Португалии). В конце встречи «прощания были прохладными и подчеркнута вежливыми», и Че сделал вывод: «Мы уходили с ясным пониманием того, что Африка должна пройти еще очень длинный путь до того, как достигнет настоящей революционной зрелости. Но нас также не покидала радость от встречи с людьми, готовыми вести борьбу до конца»{940}.

Попытки Че убедить его слушателей помочь повстанцам в Конго (Леопольдвиль) провалились, как и призванная помочь симба экспедиция чернокожих кубинцев, которую он возглавил. Восстание было подавлено в 1965 году, и кубинцы оказались вынуждены покинуть страну. Однако его встречи в Браззавиле и Дар-эс-Саламе дали ему хорошее представление о положении левых в Африке: о марксистском правительстве в Браззавиле, социалистической Танзании, повстанцах-марксистах в Анголе, немарксистских партизанах Мозамбика. В широком понимании его мнение о том, что африканский национализм был антиимпериалистическим, но «незрелым» (Че имел в виду «не полностью марксистским»[688]), оказалось верным.

Ньерере был типичным националистическим лидером независимых стран Африки начала 1960-х годов: не марксист, но социалист бандунгского поколения. Африканские социалисты имели много общего с российскими аграрными социалистами XIX века. Как и вторые, считавшие российское крестьянское общество коммунистическим идеалом[689], Ньерере и его соратники-социалисты верили в присущий африканскому обществу дух коллективизма. Ньерере заявлял, что «понятия “класс” и “каста” были чужды африканскому обществу» и только уникальное африканское понятие «семейной общины» (уджамаа) поможет населению континента построить особую форму социализма{941}. Такие идеи, разумеется, привлекали лидеров, которым после европейских империй в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org наследство достались страны, разрываемые этническими конфликтами. Они считали, что марксизм с его стремлением к классовой борьбе был слишком агрессивной идеологией для их новых неустойчивых государств, а модель небольшой передовой партии не подходила странам с острыми этническими конфликтами. Их некоторое время больше привлекала идея «массовой партии», охватывающей все население.

Некоторые африканские лидеры все же встали на путь марксистской политики, уверенные в том, что только энергичное государство сможет обеспечить экономическое развитие и не допустить новое подчинение неокOLONIALИЗМУ. Вмешательство Европы и Америки подтолкнуло африканских социалистов к левым взглядам, а убийство Лумумбы имело в Африке такой же резонанс, какой в Латинской Америке вызвало свержение Арбенса. Гвинейский лидер Ахмед Секу Туре, ганец Кваме Нкрума, алжирец Ахмед Бен Белла и лидер малийского освободительного движения Модибо Кейта обратились к более радикальной, квазимарксистской политике. Они были уверены, что слабые позиции Африки можно будет преодолеть только с помощью создания

Русские народники, которых Д. Пристланд называет аграрными социалистами, не считали современное им крестьянское общество идеалом. Они надеялись преобразовать общину в направлении социализма. централизованных государств. Нкрума объяснял: «Социализм не появляется стихийно. Он не строится сам собой»{942}. К 1961 году он учредил «идеологический институт», призванный обучать доктрине руководящих партийных чиновников, а в 1964 году он начал реализацию семилетнего плана индустриализации.

Тем не менее Гана сохранила смешанную экономику, в которой приветствовались иностранные инвестиции. Несмотря на то что ганцы поставили под сомнение оптимистическую идею африканского социализма и стали все больше полагаться на советскую, китайскую и кубинскую помощь, ее лидеры еще не были готовы полностью принять интернационалистический марксизм. Влияние марксизма в Африке оставалось слабым и возрастало только при определенных обстоятельствах. Марксистское Конго (Браззавиль) отличалось большой долей городского грамотного населения. В основном это были гражданские служащие и студенты, восприимчивые к западным идеям и с чуткостью реагирующие на чрезвычайно напряженную ситуацию в соседнем Конго (Леопольдвиль). Политические силы в некоторой степени отражали и французский стиль, поскольку во Франции коммунисты оказывали значительное влияние на профсоюзы. Грамотному городскому населению французский вариант марксизма сулил модернизацию и независимость. Президент Массамба-Деба проводил относительно умеренную политику, а более радикальные марксисты, связанные с партийной молодежью, вскоре усилили влияние на фоне попыток режима консолидировать свою власть. К середине 1964 года в Конго осталась одна партия, придерживавшаяся линии марксизма-ленинизма, и идеологически подготовленная «Народная армия». Кроме того, после провала миссии Че в Конго (Леопольдвиль) в 1965 году некоторые кубинцы уехали в Браззавиль, где продолжали оказывать влияние на режим, способствуя его радикализации{943}.

Неудивительно, что особое влияние марксизм оказал на партизанские группы, противостоявшие португальскому империализму в Анголе, Мозамбике и португальской Гвинее (после объявления независимости Гвиней-Бисау). Португальцы под руководством диктатора Антониу ди Оливейра Салазара стремились во что бы то ни стало сохранить колонии. В результате длительной борьбы политика обострилась, возрос радикализм. Однако были и другие причины влияния марксизма в особых условиях португальской Африки.

VI

«Партизанам Майомбе,
которые осмелились бросить вызов богам,
Открыв путь в темном лесу,
Посвящаю я свой рассказ об Огуне,
Африканском Прометее».{944}

Этими словами начинается роман «Майомбе», написанный в начале 1970-х годов белым ангольцем, борцом марксистских сил МПЛА Артуром Карлушом Маурисиу Пештаной душ Сантушом, известным под псевдонимом Пепетела. Как видно из посвящения, это роман о прометеевском подвиге и войне. Огун – один из африканских богов войны. Роман повествует о группе партизан, сражающихся с португальцами в лесах Майомбе. Многие события, описываемые в романе, взяты из повседневной жизни, однако в него также включены внутренние монологи персонажей, в которых раскрывается длительное напряжение внутри

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org партизанского отряда. Одной из основных тем книги является стремление партизан объединить ангольский народ и преодолеть племенные разделения и конфликты былого колониального расизма. В романе описываются первоначальные успехи партизан, которым удается преодолеть некоторые трудности, однако автор также многое рассказывает читателю об усугубляющемся племенном обособлении и расистских предубеждениях борцов. В начале романа бывший учитель, наполовину португалец, наполовину африканец с идеологическим псевдонимом Теория, объясняет: «В мире “да” и “нет”, белых и черных я представляю «может быть»... Моя ли вина в том, что люди настаивают на чистоте и отвергают компромиссы?.. На мой взгляд, люди, столкнувшиеся с этой серьезной проблемой, делятся на две категории: манихейцев и всех остальных. Стоит сказать, что все остальные составляют весьма малочисленную группу, мир в целом весь манихейский»{945}.

Несмотря на критику Теорией марксизма, практикуемого партизанами МПЛА, он все больше привлекал мулатов (представителей смешанной расы) и ассимилировавшихся африканцев и индейцев, получивших образование в Португалии для дальнейшей карьеры в администрации колониальных государств. Больше всего их привлекала идея превосходства класса над расой{946}. Именно марксизм предлагал людям, находившимся на промежуточных позициях в иерархии с «цивилизованными» португальцами наверху и африканцами туземцами внизу, возможность формировать союзы с чернокожими африканскими рабочими и крестьянами. Марксизм обещал построить современное интегрированное государство, способное заявить о себе на весь мир. Кроме того, после войны недовольство мулатов и ассимилированного населения возросло, так как их рабочие места стали занимать новые конкуренты – эмигранты из Португалии.

Сперва главные интересы националистов касались в основном культуры и укладывались в понятия «депортугализации» и «реафриканизации». Однако они также чувствовали себя уверенными модернизаторами и стремились на основе многочисленных племенных групп создать сильные государства по европейскому образцу. Неудивительно, что они в конечном итоге избрали модернистский марксизм в его советском варианте, во многом потому, что одной из сил, противостоящих режиму Салазара, была Коммунистическая партия Португалии, члены которой в 1954 году основали партию в Анголе. Хотя партия, как и французские коммунисты, не безоговорочно осуждала империю и всецело не поддерживала национально-освободительное Движение до 1960 года, многие националисты-модернизаторы попали под ее влияние{947}.

Марксизм оказал особое влияние на португальских африканцев, получивших образование в Лиссабоне. Среди них была группа товарищей, которые регулярно собирались с целью обсудить положение в Африке. В группу входили Агостиньо Нето, будущий лидер МПЛА, и студент из Кабо-Верде Амилкар Кабрал, будущий лидер Африканской партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде (ПАИГК). Тем не менее их подходы к марксизму отличались. Нето вступил в Коммунистическую партию Португалии и до конца жизни оставался ортодоксальным, просоветским марксистом. Марксистские взгляды Кабрала были более гибкими{948}.

После их возвращения в Африку стало ясно, что португальцы не собираются терять свои колонии без борьбы. В 1961 году политические активисты и молодые жители ангольской столицы попытались освободить политических заключенных из Бастилии Луанды – тюрьмы Сан-Паулу. Их план провалился. Португальские поселенцы при попустительстве полиции развернули кровавую месть. Националисты окончательно убедились в том, что у них не остается другого выбора, как уйти в горы и взяться за оружие.

Кроме объединений социалистов-модернизаторов в Африке возник ряд других националистических движений. Представители одних стремились создать якобы «традиционное» африканское общество руководителей и подчиненных им «племен», другие выступали за доминирование определенной этнической группы. В Гвинее-Бисау прагматичный Кабрал успешно объединил борцов сопротивления с различными взглядами в одну организацию – ПАИГК. Похожую – ФРЕЛИМО – создал в Мозамбике националист Эдуардо Мондлане. Бывший сотрудник ООН, Мондлане находился под слабым влиянием марксизма, ему был ближе социализм Ньерере. В коалицию ФРЕЛИМО входили три националистические организации. Мондлане использовал профессиональные навыки дипломата и успешно сглаживал идеологические и этнические конфликты. Самые ярые сторонники марксизма и советской модели – МПЛА – в провозглашении себя единственной националистической партией Анголы встретили больше всего трудностей. Им противостояли серьезные соперники-антикоммунисты: Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА), представлявший преимущественно интересы

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
народности конго (баконго), и повстанческая группа Жонаса Савимби
Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА){949}.

На протяжении 1960-х годов все три модернизаторские партии (ангольская МПЛА, гвинейская ПАИГК и ФРЕЛИМО в Мозамбике) стали более радикальными. Они вытесняли из политики традиционалистские группы и развязывали собственный вариант маоистской[690] партизанской войны. В 1963 году МПЛА сдвинулась влево, а в 1964 году Кабрал одержал победу над традиционалистами в рамках ПАИГК. При этом марксизм Кабрала все еще не отличался догматизмом, а ФРЕЛИМО не присоединялась к марксистскому лагерю вплоть до начала 1970-х годов.

В ЮАР коммунисты также придерживались гибкой версии марксизма, чтобы иметь возможность сотрудничать с африканскими националистами в борьбе с апартеидом. Коммунистическая партия ЮАР (КП ЮАР) имела долгую историю. В 1920-е годы ей сопутствовал большой успех в привлечении в свои ряды многих чернокожих африканцев{950}. Однако к 1940-м годам стало понятно, что ее революционная пролетарская идеология не находит должного отклика у африканских рабочих, многие из которых были переселенцами из сельской местности{951}. Возросший милитаризм Африканского национального конгресса (АНК), а также запрет коммунистической партии режимом апартеида в 1950 году заставили коммунистов пересмотреть свою доктрину. Подпольная партия (Южноафриканская коммунистическая партия (ЮАКП), сформированная в 1953 году) заявила, что ЮАР находится под гнетом «колониализма особого типа». Так как в ЮАР не было африканской буржуазии, «пролетарская» коммунистическая партия посчитала возможным вступить в союз с некоммунистическими националистами{952}. Несмотря на малочисленность, ЮАКП играла важную роль в борьбе с апартеидом.

Члены обеих партий, среди которых был и представитель АНК Нельсон Мандела, сформировали партизанскую организацию «Умконто ве сизве» («Копье нации»), которая в 1961 году начала политику саботажа и насилия против правительства.

VII

К середине 1960-х годов партизанский коммунизм, созданный Мао, Хо Ши Мином и Че, занял прочные позиции в Африке, в основном в южных государствах, подконтрольных Португалии. В других регионах он ослаб и перестал казаться силой будущего, как о нем думали в конце 1950-х годов. Теперь большей силой обладали партии «объединенного фронта», готовые сотрудничать с левыми националистами. В начале 1960-х годов такие партии были самыми многочисленными партиями некоммунистического третьего мира: партия Судана, вторая по величине, привлекла многих сторонников благодаря успешной борьбе за независимость и поддержке студентов, некоторых крестьян и рабочих (особенно железнодорожников){953}. Третьей по величине объединенной партией третьего мира была партия в Ираке. Самой многочисленной – Коммунистическая партия Индонезии под руководством Дипы Айдита, которая после восстания на острове Ява в 1948 году восстановила силы, приняв более умеренный, толерантный политический курс. Она поддержала президента Сукарно. К 1965 году она насчитывала уже 3,5 миллиона членов, причем еще 17 миллионов человек были членами профсоюзов и других массовых организаций (все население составляло 10 миллионов человек){954}.

На первый взгляд казалось, что сверхдержавы должны быть довольны ситуацией: советское «национально-демократическое государство» и китайская «новая демократия» выплачивали дивиденды третьему миру, оказывая массовую поддержку коммунизму, а США не нужно было волноваться по поводу мощи революционного коммунизма. На деле же три сверхдержавы были очень недовольны «объединенными фронтами» третьего мира: их мировое влияние во многом зависело от националистических лидеров, которых они не могли контролировать прямо и которые могли в любой момент занять противоположную позицию.

Самое сильное недовольство проявляли США. Это можно было понять, учитывая открытую приверженность коммунистическому блоку многих националистических лидеров третьего мира. С 1963 года администрация Линдона Джонсона решительно настроилась изменить статус кво. Многие американские политики считали, что курс Кеннеди на «модернизацию» и либеральную демократию принес противоположные результаты и лишь способствовал успехам левых, особенно в Латинской Америке{955}. Казалось, коммунизм стремительно распространяется в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org третьем мире, поэтому США не могли рисковать, продолжая вести либеральную политику. Однако не только международная ситуация, но и личные качества Джонсона привели к тому, что он даже больше, чем Кеннеди, был склонен принимать милитаристские решения. Безусловно, он стремился улучшить отношения с СССР, но при этом он был глубоко взволнован унижительным положением США, а также его собственным унижением. Больше всего он боялся потерять лицо после «потери» очередного Китая или Кубы в пользу коммунистического лагеря{956}. Именно поэтому он резко реагировал на любой признак отклонения националистов в сторону левой политики.

Какими бы ни были причины перемены политического курса, Джонсон возглавил долговременную кампанию США против радикальных националистических правительств Юга. США организовали перевороты в Бразилии (1964) и Гане (1966), а в 1965 году вторглись в Доминиканскую Республику, помогли своему ставленнику Мобуту Сесе Секо подавить восстание сторонников Лумумбы в Конго и поддержали свержение Бен Беллы в Алжире[691]. В том же году Джонсон принял еще одно судьбоносное решение: после того как позиции режима Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме пошатнулись*, он отправил в регион сухопутные войска и начал бомбардировки Вьетнама.

И все же самая жестокая открытая атака на коммунистический «объединенный фронт» была организована в Индонезии. В 1963 году Сукарно неожиданно[692] встал на сторону левых. Такой была его реакция на народные беспорядки, вызванные голодом и экономическим кризисом. Он был зол на американцев за то, что они признали независимость Малайзии. Он укрепил свой внешний союз с китайцами и внутренний – с пропекинскими коммунистами Дипы Айдита. Коммунисты воспользовались этим союзом и начали кампанию по уменьшению крестьянской ренты, что, в свою очередь, вызвало ожесточенную реакцию землевладельцев и антикоммунистических исламских организаций{957}. Коммунисты, не имевшие собственных вооруженных сил, были вынуждены занять более умеренную позицию. Их волнение возросло с возникновением возможности военного переворота против Сукарно. Когда группа младших армейских офицеров[693] совершила переворот против генералов, коммунисты, возможно, поддержали мятежников, хотя об этом точных данных нет{958}. Переворот провалился. Глава Стратегического командования индонезийской армии генерал Сухарто взял руководство на себя и развернул жестокую кампанию против коммунистов. Солдатам было приказано убивать коммунистов или их приверженцев. Сухарто воспользовался народными волнениями, вызванными снижением ренты, которое ввели коммунисты. Многие деревни исчезли с лица земли, в результате массовых убийств, по разным оценкам, погибло от 200 тысяч до 1 миллиона индонезийцев{959}.

США с восторгом отреагировали на свержение Сукарно. Они поддержали генерала Сухарто и его жестокие кампании против коммунистов. Для всего коммунистического блока, особенно для китайцев, крах мощной индонезийской коммунистической партии был тяжелейшим ударом. Индонезийские события перекликались с массовой расправой над коммунистами в Шанхае в 1927 году, спланированной и организованной Гоминьданом. Если катастрофа 1927 года привела к тому, что Сталин пересмотрел стратегию «объединенного фронта» и союза с буржуазными националистами, то события в Индонезии заставили усомниться в необходимости сотрудничества, которое Чжоу Эньлай и Никита Хрущев поддерживали с середины 1950-х годов. Некоторое время Советы были разочарованы этой стратегией. Безусловно, Хрущев ошибался в своих оптимистических надеждах на то, что поддержка левых националистических лидеров приведет к распространению социализма советского образца. СССР потратил много времени и ценных ресурсов на то, чтобы подготовить лидеров вроде Насера, которые в конце концов выступили против своего благодетеля[694]. Даже отношения с Кастро дали трещину, а череда поражений в Индонезии, Гане и Алжире только укрепила уверенность в том, что советский подход нужно менять. Китайцы, поддерживавшие с алжирскими и индонезийскими коммунистами особо близкие отношения, также были очень обеспокоены происходящим.

В результате две коммунистические державы на время прекратили борьбу за третий мир, но по несколько иным причинам. Китайцы все больше были заняты внутренней политикой проведения культурной революции, при этом их внешняя политика стала еще более резкой, бескомпромиссной и неэффективной. Тем временем в СССР падение Хрущева дискредитировало интерес к авантюрам в третьем мире, а у Леонида Брежнева был к ним меньший интерес. Когда в конце 1960-х годов Советы возобновили борьбу с «мировой буржуазией», они были вынуждены отказаться от веры Хрущева в союзы объединенного фронта в пользу

VIII

После провала восстания в Конго Че Гевара покинул Африку в поисках возможности проведения новых революций в Латинской Америке. Он вернулся в Боливию, которую посещал в молодости, и попытался на практике применить собственную теорию партизанской войны. С самого начала его планы были обречены на провал. В октябре 1967 года его выследили и убили солдаты боливийской армии с помощью агентов ЦРУ. Его труп сохранили и выставили напоказ прессе, чтобы доказать, что с Че и с партизанским коммунизмом, наводившим страх на США, действительно покончено. Уолт Ростоу написал Джонсону восторженное письмо, в котором отмечал, что смертью Че «завершилась эпоха ожесточенных... революционеров-романтиков, таких как Сукарно, Нкрума, Бен Белла... Это оправдывает применение нами “профилактической” помощи государствам, в которых зарождаются революционные настроения»{960}.

Однако после смерти Че оказался сильнее и влиятельнее, чем при жизни. Многие указывали на сходство мертвого Че (спутанные волосы и борода, застывшие черты, вытянутое лицо) на фотографии Фредди Альборта с телом Христа на полотне «Мертвый Христос» Мантеньи. Как и католические фигурки, которые он продавал в юности, он сам превратился в реликвию. Многие женщины хранили в качестве талисмана его локоны. Кубинский режим использовал образ нового мученика-революционера. Образ Че, особенно известная фотография Альберто Корды, сделанная в 1960 году, на которой решительный Че смотрит вдаль, стал символом студенческих беспорядков и волнений конца 1960-х и 1970-х годов. Песня, написанная в 1965 году, о том, как Че покинул Кубу («*Nasta siempre, Comandante*» в русском переводе «Команданте навсегда»), стала неофициальным гимном радикальных левых. Среди прочих ее исполняла американская фолк-певица Джоан Баэз.

Идеализм Че конца 1950-х – начала 1960-х годов продолжал вдохновлять многие выступления конца 1960-х годов, о которых речь пойдет в главе п. Однако в некоторых вопросах Ростоу оказался прав: смерть Че ознаменовала завершение эпохи романтического коммунизма, наступившее по крайней мере в столицах сверхдержав. При огромной разнице политических взглядов Хрущев, Мао, Тито и даже Кеннеди были уверены в том, что ведут идеологическую борьбу за умы и сердца простых людей. Тем не менее с середины 1960-х годов правительства в Москве и Вашингтоне начали понимать, что наступают очень опасные времена. Новая эпоха требовала от государств создавать вовсе не мирные корпуса и не партизанские отряды, а традиционные мощные армии и передовые партии, способные ими управлять. Консервативные взгляды Москвы только укрепились после возникновения новых разногласий и революционных настроений внутри коммунистического блока, которые ознаменовала «Пражская весна» 1968 года.

10. Эпоха застоя

I

21 августа 1968 года танки СССР и других стран Варшавского договора вошли в Чехословакию. Румынский лидер Николае Чаушеску обратился к сотысячной толпе с балкона здания Центрального комитета партии в Бухаресте. Он обвинил СССР в агрессии и заявил, что Румыния, несмотря на то, что она является членом Варшавского договора, не станет отправлять войска, чтобы поддержать союзников-коммунистов. Его заявление было встречено одобрительными криками. Позиция Чаушеску требовала большого мужества, так как ставила Румынию под угрозу советского вторжения. Чаушеску, как и Александр Дубчек, управлял одним из самых популярных коммунистических режимов в Восточной Европе. Тем не менее его союз с чехословацкими реформистами казался странным в идеологическом отношении. Участники «Пражской весны» стремились перейти к более либеральной форме коммунизма, а Чаушеску за год до этого решительно отклонил пакет менее либеральных реформ. Через несколько лет ему предстояло возглавить один из наиболее авторитарных режимов в Восточной Европе. Рукоплескания и похвалы вовсе не были наградой за его шаг к либерализации, они лишь выражали признание его патриотизма и мужества, которое он проявил, защищая маленькую Румынию от превосходящего ее по всем параметрам грозного соседа – СССР.

Августовская трагедия 1968 года выявила кризис коммунистического блока. Это

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org была еще одна неудачная попытка возродить мощь коммунизма, последовавшая за провалами Тито, Хрущева и Мао. Они пытались найти новую марксистскую форму демократии с элементами милитаризма, радикализма и партийной мобилизации. Что произошло после этого? Блок начал разваливаться. Одна группа стран, включая Румынию, придерживалась принципов высокого сталинизма, мобилизации и жесткости, хотя и придавала этим принципам национальные черты. Другие коммунисты, такие как Дубчек, стремились к более прагматичному, даже либеральному марксизму, который допускал рыночную экономику и плюрализм. В середине 1960-х годов Москва предприняла весьма ограниченные попытки либерализации экономики, однако этот эксперимент длился недолго[696]. Кроме того, события «Пражской весны» дискредитировали любые подобные эксперименты. К концу 1960-х годов проходящие по улицам Праги танки стали самым ярким символом коммунистического блока, раскрывающим его истинную природу. Коммунистическая система лишилась своего былого динамизма. Теперь ее лидеры пытались добиться стабильности любой ценой.

II

В 1974 году Эдгар Папю, румынский литературный критик, опубликовал статью в бухарестском журнале «Двадцатый век», в которой изложил основы весьма пространной теории. Он ввел новое понятие «румынский протохронизм». Папю утверждал, что на протяжении истории все литературные движения и стили, по общепринятому мнению появившиеся в Западной Европе (барокко, романтизм, идеи и стиль флора и Ибсена), на самом деле впервые возникли в румынской литературе. Идея протохронизма приобрела широкую популярность и, одобренная самим Чаушеску, глубоко укоренилась в румынской культуре 1970-х и 1980-х годов[961].

Разумеется, протохронизм проявлялся и ранее, например в заявлениях СССР конца 1940-х годов о том, что русские изобрели телефон и электрическую лампочку. В Румынии эта идея возникла неслучайно. Фактически политический и общественный уклад в Румынии принимал одну из форм высокого сталинизма, при которой политика, основанная на иерархии и дисциплине, была связана с экономикой индустриализации и идеологией национализма. Данную стратегию поддержала Албания, расположенная на другой стороне Балкан. Румыния и Албания представляли собой неславянские аграрные страны, обе относительно далеко располагались от «очагов напряженности» в Центральной Европе, и небольшая вероятность вторжения СССР в эти страны дала им возможность для маневрирования. Партии обеих стран видели в хрущевском СССР новую империалистическую силу, угрожающую их национальной независимости.

Почему же они придерживались таких странных, парадоксальных взглядов? Разумеется, Сталин, а вовсе не Хрущев был империалистом. Без сомнения, Хрущев изо всех сил старался придать сталинской империи новый дух братства. Прежний диктат уступил место относительной свободе, которая была предоставлена местным коммунистам. К лидерам партий Восточной Европы Сталин относился как к вассалам патримониального двора. Их неофициальные визиты в Москву редко освещались в прессе. Теперь же в отношениях появилось больше равноправия. Посещение партийных лидеров Москвы теперь рассматривалось как официальный визит главы государства. Они больше не испытывали унижение, им не приходилось участвовать в послеобеденных танцевальных вечерах, которые раньше устраивал Сталин. Хрущев также отменил сталинский ночной режим работы. Разумеется, Советы продолжали оказывать влияние на дружественные государства, их государственные службы и армию. Они ясно дали понять, что их свобода ограничена: о капитализме и многопартийной системе не может быть и речи. Однако примирение Хрущева с Тито в 1956[697] году ознаменовало главную перемену в курсе СССР: Советы окончательно признали, что от-казались от идеи Сталина создать единый монолитный блок.

Теперь они заявили: «пути социалистического развития отличаются в зависимости от государства и преобладающих в нем условий»[962].

Экономический курс, применяемый в блоке, также изменился при Хрущеве и стал менее империалистическим. На смену прежним принципам эксплуатации пришла система субсидий[963]. К концу 1950-х годов СССР поставлял различные блага в страны-спутники, а не наоборот[698]. Например, Хрущев выделил Яношу Кадару помощь на 860 миллионов рублей с целью предотвратить крах венгерского режима во время антикоммунистических выступлений 1956-1957 годов. Со временем субсидии росли и к 1970-1980-м годам существенно истощили советскую экономику.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В то же время Хрущев стал серьезнее относиться к экономике советского блока. Он не разделял сталинского отношения к этим государствам как к буферной зоне. Вдохновленный примером Европейского экономического сообщества, основанного в 1957 году на основании Римского договора, Хрущев стремился создать нечто подобное. В начале 1960-х годов он попытался ввести «социалистическое разделение труда» в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Согласно этому принципу, национальные экономики должны концентрировать особое внимание на тех отраслях, которые до этого времени были относительно успешны. Но в глазах более бедных народов такая политика представляла настоящим империализмом. Возможно, развитые государства Северо-Восточной и Центральной Европы считали Сталина империалистом-мародером, однако аграрным странам Юго-Восточной Европы он предложил путь к благополучию и независимости – путь командной экономики. Хрущев, наоборот, приговаривал их к бедности и зависимости от богатого Севера, куда они должны были поставлять сельскохозяйственную продукцию. С точки зрения неиндустриальных государств, требования Хрущева производить продовольствие и сырье для экономики СССР загнали бы их в вечную кабалу и зависимость от сверхдержавы[699].

Национализм казался румынским коммунистам, имеющим весьма неглубокие политические корни, очень притягательной идеей[964]. Большинство румынских коммунистических лидеров в межвоенный период были представителями этнических меньшинств Румынии (в основном евреи). Когда они приходили к власти, им нужно было прилагать немало усилий, чтобы заручиться поддержкой большинства населения. «Местный» коммунист, этнический румын Георгиу-Деж, бывший железнодорожник и ярый макиавеллист, в конце концов пришел к власти, отстранив от руководства Анну Паукер, еврейку по происхождению, ставленницу Москвы. При жизни Сталина Георгиу-Деж покорно следовал советской политической линии. С началом десталинизации его позиции ослабли, и он обратился к национализму в надежде укрепить режим. Из-за нехватки преданной группы коммунистов, занимавших средние чиновничьи посты, румынская компартия была вынуждена положиться на чиновников с сильными националистическими взглядами[700]. Румыния еще не оправилась от самого драматичного периода истории: страна сильно пострадала от бомбежек, большая часть еврейского населения была уничтожена, страна потеряла сотни тысяч мужчин, воевавших на стороне Германии, и значительную часть территории, включая Бессарабию, отошедшую СССР. Неудивительно, что вопросы национального единства и государственного статуса стали центральными политическими вопросами даже для коммунистов.

Георгиу-Деж постепенно начал отдаляться от Советского Союза. В 1958 году он начал переговоры о выводе советских войск из Румынии, а позже отказался поддержать СССР в расколе китайско-советских отношений. Окончательный разрыв произошел в 1962 году, когда Хрущев попытался провести через СЭВ новую идею разделения труда. В 1964 году в Румынии была обнародована «декларация об автономии». Страна начала проводить самостоятельную внешнюю политику (хотя и оставалась членом Варшавского договора), укрепляя связи с Югославией, Францией и даже США. После смерти Георгиу-Дежа в 1965 году его преемник Чаушеску встал на новый националистический курс, подкрепленный его во многом шовинистской идеологией.

Чаушеску родился в 1918 году в бедной румынской крестьянской семье. С 11 лет он работал подмастерьем у сапожника. Чаушеску получил только начальное образование. Тем не менее к 15 годам он уже был избран в антифашистский комитет коммунистической организации. С 1933 года его не раз арестовывали. Отбывая наказание в разных тюрьмах, он познакомился с принципами марксизма и примкнул к фракции Дежа. Когда он стал первым секретарем компартии Румынии в 1965 году, казалось, Чаушеску объединит новые принципы национализма с некоторой формой культурной и экономической либерализации. Он действительно пытался заручиться поддержкой румынской интеллигенции, сняв некоторые ограничения в культурной сфере. Но послабления всегда оказывались временными. Чаушеску стремился развивать в Румынии тяжелую промышленность. Он цитировал историка XIX века А.Д. Ксенополя: «оставаться только аграрным государством... означает навсегда стать раба-ми иностранцев», и многие с этим соглашались[965]. Тем временем события «Пражской весны» убедили Чаушеску в опасности проведения либеральных политических реформ. Поддержка всеми его противостояния СССР продемонстрировала силу румынского национализма[701].

Десятый съезд партии 1969 года, на котором Чаушеску произнес речь, сравнимую с марафонской дистанцией (речь продолжалась пять с половиной

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org часов, каждые полчаса официант подносил Чауешку стакан с водой), озаменовал начало тотального контроля партии над обществом и введение нового культа лидера{966}. К 1974 году Чауешку начали сравнивать с Юлием Цезарем, Александром Македонским, Периклом, Кромвелем, Петром Первым и Наполеоном{967}. Во многих отношениях этот культ был более экстремальной версией многообразного культа Тито, при котором лидер являл собой образец революционера-аскета для партийцев и нового короля-защитника для крестьян. Основное различие состояло в том, что Чауешку продвигал на высокие посты родственников, а его супруга Елена Чауешку даже приобрела культовый статус. Все это напоминало монархический режим. В Румынии была известна шутка: Сталин построил социализм для одной страны, а Чауешку – для одной семьи. Елена тем не менее демонстрировала качества не только преданной жены, но и ученого. Она сделала блестящую карьеру химика-исследователя. С 1970-х годов ее стали называть «выдающимся представителем румынской и мировой науки», «академик, доктор-инженер Елена Чауешку» (сокращенно, с презрением ее называли Ади){968}. Ей приписывалось изобретение нового полимера. Когда ее просили публично рассказать о проводимых ею исследованиях, она становилась удивительно немногословной.

Как и другие коммунистические лидеры балканских государств, Чауешку разработал и применял эклектичное сочетание различных политических принципов: монархических, научных, коммунистических. Некоторое время он «заигрывал» с маоизмом и в 1971 году посетил Китай, хотя он совершил этот визит в основном для того, чтобы продемонстрировать свою независимость от Москвы. Однако любые несоответствия румынской коммунистической идеологии советскому образцу превзошел этнический национализм. В 1970-е годы Чауешку начал строительство этнически однородного государства. Евреям и немцам (ценой усилий правительства Западной Германии[702]) было разрешено покинуть страну, предпринимались попытки ассимиляции непримиримых венгров. Шовинизм было тяжело объединять с марксизмом, хотя румыны добились в этом значительных успехов: они нашли сомнительные выдержки из Маркса, якобы оправдывающие права Румынии на Бессарабию{969}. Тем не менее эти идеи пользовались большой поддержкой у населения. Румынскому режиму удалось привлечь на свою сторону многих интеллектуалов.

На другой стороне Балканского полуострова албанские коммунисты избрали не такую жесткую форму национализма. Их, например, мало интересовали права косовских албанцев как этнического меньшинства Югославии. Но, как и румыны, они приветствовали сталинскую модель как основу укрепления национальной силы[703].

Энвер Ходжа родился в 1908 году в семье мелкого землевладельца на юге Албании. Он всегда говорил, что его дядя, старый албанский патриот, внушил ему страстную веру в независимость Албании. На государственную стипендию Ходжа учился на факультете естественных наук в университете Монпелье во Франции, но вскоре отправился изучать философию в Сорбонне. Он был одним из многих коммунистических лидеров развивающегося мира (таких, как Хо Ши Мин, Чжоу Эньлай и Пол Пот), которые пришли к коммунизму благодаря Коммунистической партии Франции. Именно под ее влиянием он стал считать, что преодолеть отсталость Албании можно только с помощью сталинизма. Вернувшись в Албанию, он некоторое время преподавал французский язык. Во время итальянской оккупации Ходжа отказался вступать в Албанскую фашистскую партию, за что был уволен. Он открыл небольшую табачную лавку, которая стала местом встреч подпольных коммунистов.

Он был очень самоуверенным, умел хорошо выражать свои мысли и любил хорошо одеваться, как и Тито. На самом деле, проблема моды была связана с конфликтом, возникшим между ним и таким же надменным Тито: когда он посетил Тито в июне 1946 года, Ходжа был потрясен его высокомерием и даже позавидовал его экстравагантности, интерьеру дворца, золотому мундиру и гордой манере. Ходжа и другие представители албанской делегации почувствовали себя униженными. Пока Тито жаловался на советское империалистическое высокомерие, Ходжа разглядел империалиста в самом Тито. Попытки Югославии установить контроль над всем регионом еще больше ухудшили отношения с Албанией, которая с восторгом встретила новость о разрыве отношений между Тито и СССР в 1948 году. Следовательно, советско-югославское сближение в 1955 году испортило отношения СССР с Албанией. Кроме того, Ходжа был зол на Хрущева за его попытки навсегда закрепить за Албанией статус сельскохозяйственного гетто стран СЭВ. С 1960-х годов отношения между Албанией и СССР начали ухудшаться серьезнее. Официальный разрыв произошел в 1961 году, когда Ходжа оскорбительно

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org высказался в адрес Хрущева, назвав его «величайшим шарлатаном контрреволюции и самым смешным клоуном, которого мир когда-либо видел»{970}. В том же году началась третья пятилетка, на которую было запланирована стремительная индустриализация Албании. Объемы промышленной продукции в 1960 году составляли 18,2% национального дохода. В 1985 году этот показатель составил уже 43,3%.

Ходжа добавил к ортодоксальному сталинизму несколько новых элементов. Первым элементом, принесенным лидером, стала этническая и клановая политика Албании. Партийная система предоставляла большинство привилегий тоскам, представителям этнической группы на юге Албании, некоторое время сопротивлявшимся власти сюзеренитета северных албанцев – гегов. Тоском являлся и сам Ходжа. Будучи тоском, Ходжа тесно связан с группой кланов. В 1961 году в Центральный комитет партии, включающий 61 человека, входили в том числе пять семейных пар (в частности, Ходжа и его жена), еще 20 человек были родственниками (зятья, двоюродные братья и другие){971}. Резкий контраст традиционной «племенной» политике создавала приверженность маоизму, возникшая в 1960-е годы, когда Албания установила связи с Китаем. Это был один из наиболее странных союзов эпохи. Тем не менее албанский маоизм по духу напоминал скорее поздний сталинизм, чем китайский коммунизм. Ходжа использовал труды Мао, чтобы оправдать пытки, он также разделял талант Мао к бранным речам и поношению. Однако все его кампании проходили под строгим контролем и практически не имели признаков популизма кампаний Мао.

И все же самым централизованным государством эпохи позднего сталинизма была Северная Корея. После окончания Корейской войны и смерти Сталина непосредственное влияние СССР на Корею уменьшилось, и Ким Ир Сен продолжил политику высокого сталинизма в сочетании с местными и японскими традициями национализма. После Корейской войны осталась одна глубокая кровотокающая рана – граница, разделяющая Север и Юг. Ким Ир Сен постоянно ощущал угрозу со стороны Юга, поддерживаемого американским блоком, а сам мечтал о воссоединении Кореи под его властью. После войны в руководстве появилась группа правых технократов, которые выступали за более сбалансированную экономику, ориентированную на потребителя, однако технократы были побеждены и стали жертвой чисток[704]. Ким настаивал на индустриальном и военном развитии под лозунгом «В одной руке – ружье, в другой – серп и молот!»{972}. Было непонятно, как одной рукой можно было работать и серпом, и молотом. Но в 1958 году, когда Китай начал «Большой скачок вперед», Ким верил в то, что стремительное развитие в духе «Большого скачка» может преодолеть любые препятствия. Ким назвал кампанию движением Чхоллима в честь волшебного крылатого коня из корейских мифов, способного на большой скорости преодолевать огромные расстояния.

Ким Ир Сена волновала угроза, исходившая не только от капиталистического Юга, но и от коммунистических соседей с Севера – СССР и Китая. Он решил укрепить обороноспособность в неспокойные годы (конец 1950-х – начало 1960-х годов), когда хрущевская критика Сталина ставила под удар и его самого. Намереваясь стать независимым от капризов советской политики, в 1955 году Ким начал отходить от марксизма-ленинизма. Новой идеологией режима становится философия чучхе (обычно переводится как «самобытность»). Чучхе означает национальный дух. Главным врагом национального духа, согласно философии чучхе, является *sadae juii*, «низкопоклонство» (дословно «служение великому») – подчинение иностранцам и их культуре. Это напоминало преступление «низкопоклонство перед Западом» эпохи высокого сталинизма, однако на этот раз «отрицательным персонажем» стали сами русские. Ким осуждал «поэтов, боготворивших Пушкина, и музыкантов, восхищавшихся Чайковским»; «низкопоклонство было таким безудержным, что некоторые художники писали иностранные пейзажи вместо наших красивых гор и рек». Он был вне себя от ярости, когда в одной из местных больниц увидел картину, изображающую сибирского медведя{973}. Его связи с Советами и Красной армией больше не имели значения. Официальная биография Ким Чен Ира была исправлена: объявлялось, что он родился в Корее, а не в СССР. Юрий Ирсенович Ким никогда не существовал.

Ким начал распространение идей чучхе в начале 1960-х годов во время напряженных отношений с СССР. Однако позднее, в период культурной революции, основную угрозу стал представлять Китай. В 1967 году радикальные «красные охранники» усмотрели в Северной Кореи «феодальный» коммунизм, который они стремились искоренить, и обвинили Ким Ир Сена в том, что он был недостаточно искренним антисоветчиком. Китайцы называли режим Кима

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org «ревизионистским» и коррумпированным. На китайско-корейской границе вспыхнул конфликт.

В ответ Ким перенял некоторые аспекты культа личности Мао. Теперь северные корейцы открыто демонстрировали сильнейшую эмоциональную привязанность к «Великому Вождю», какую «красные охранники» проявляли по отношению к Мао. Однако Ким никогда не применял принципы хаотичной народной мобилизации, свойственные Китаю при Мао. В стране сохранился жесткий [705] иерархический порядок. Согласно мрачной, язвительной корейской шутке, все население можно было разделить на несколько категорий: «помидоры» были «красными» до мозга костей, «яблоки» были красными лишь на поверхности и могли подвергаться идеологическому влиянию, а те, кого называли «виноградом», не имели шансов на прощание. В корейском обществе большую роль играла наследственность и классовое происхождение (сонгун): верхушку «передового класса» составили выходцы из рабочих, крестьян и коммунистов 1940-х и 1950-х годов, именно им достались лучшие рабочие места; «колеблющийся класс» имел возможность карьерного роста, возможно, даже военного; представители «враждебного класса» стали изгоями, занимавшимися в основном черной работой. Однако некоторые наблюдатели имеют противоположное мнение относительно силы принципа сонгун и возможности людей его обходить, как и относительно многих других аспектов этого загадочного закрытого общества [974].

Общественный иерархический порядок был усилен идеологическим контролем. Население рассматривалось как трудовая армия. Жизнь была и до сих пор остается тяжелой. Корейцам обычно следовало идти на работу в 7 часов утра, посещать политические занятия и собрания между 8 и 9 часами, работать 8 часов с трехчасовым перерывом на обед, а после работы посещать дополнительные политические занятия и собрания по самокритике до 10 часов вечера (от этого освобождаются только женщины с маленькими детьми) и возвращаться домой только в 22.30 или в 23 часа. Militarизм проникал во все сферы жизни. Раз в году, в день рождения Ким Ир Сена, каждому человеку выдавалась одежда, соответствовавшая рабочему и общественному статусу человека. При том что различия в статусе являлись незначительными, стиль у всех похожий, униформистский. Одежда отличалась невысоким качеством, она изготавливалась в основном из виналона, синтетической ткани местного изготовления, получаемой из известняка. Продовольствие выдавалось ограничено. Постоянные засухи, а также ошибки в управлении сельским хозяйством и экспорт зерна ради иностранной валюты становились причиной дефицита и голода [975].

Несмотря на серьезный кризис, режим устоял. После завершения культурной революции отношения с Китаем улучшились, и Северная Корея почувствовала себя более защищенной на международном уровне. Внутри страны все было стабильно. Эмигранты и беженцы рассказывали о недовольстве, которое испытывали социальные группы, считавшиеся враждебными по системе сонгун. Тем не менее существовала привилегированная группа, довольная режимом. Национализм, принципов которого придерживался режим, его намеренная изоляция от внешнего мира, вмешательство государства во все сферы жизни, а также сила культа лидера (теперь Ким Чен Ир [706]) – все эти факторы способствовали укреплению жизнеспособности режима, несмотря на значительное ухудшения условий жизни.

Лидеры трех режимов на периферии Евразии обнаружили, что могут использовать собственную версию высокого сталинизма для достижения националистических целей. Однако Центральная и Восточная Европа шла по противоположному пути. Когда с 1960-х годов отношения между Востоком и Западом стали постепенно улучшаться, а хрущевский романтический коммунизм потерпел крах, они попали под влияние рынка и капиталистического мира.

III

Во второй части «шутки» Кундеры действие происходит в 1960-е годы. Людвик давно освобожден от работ в штрафном трудовом батальоне. Он становится успешным ученым одного из исследовательских институтов. К нему на работу приходит журналистка, чтобы взять у него интервью. Оказывается, это Гелена, жена Павла Земанека, партийного активиста, по вине которого Людвик был в молодости изгнан из «коммунистического рая». Помня обиду, Людвик решает отомстить: соблазнить Гелену и разрушить его семью. Несмотря на то что Гелена влюбляется в него, ему не удастся отомстить Земанеку, так как у того давно есть любовница и он только рад разрыву с Геленой. Людвик также обнаруживает, что Земанек стал популярным коммунистом-реформистом. Его

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org жестокая шутка, направленная на старого врага, обернулась против него самого. На псевдонародном празднике «Шествие королей» Людвик видится со своим старым другом Ярославом, собирателем фольклора. Этот праздник показывает, что народная славянская традиция теперь глубоко пронизана коммунистическим влиянием и лишена своего бывшего значения. Он превратился в безвкусное, вульгарное зрелище, на которое глаза ничего не понимающие подростки. Людвик и Ярослав отдаются временному воодушевлению, услышав народную музыку, но идиллия длится недолго – у Ярослава происходит инфаркт.

Людвик снова становится жертвой непонимания окружающего мира, человеческой неспособности контролировать происходящие события. Его первая шутка оборачивается против него, так как он не понимает строгие нравы конца 1940-х годов. Вторая «шутка» заканчивается неудачей потому, что он не осознает, насколько прогнили эти идеалы к 1960-м годам. Брак Гелены и Земанека, который начинался как идеальный союз двух коммунистов, оказался фикцией. Народная традиция испорчена государством. Людвик понимает, что мир без ценностей так же отвратителен, как фанатичный восторг масс.

Кундера писал роман в 1965 году и показал перемены, произошедшие в Восточной Европе со времен высокого сталинизма. В большинстве стран устрашающий энтузиазм идеалистов конца 1940-х годов уступил место менее репрессивной, но более циничной эпохе. Массовые протесты середины 1950-х годов добились некоторой стабильности. Однако когда они отказались от своих былых целей, появилась опасность того, что со временем они превратятся в репрессивные режимы, неудачные версии западных систем.

Оправившись от шока 1956 года, мир ожидал, что Восточный блок развернет новые кампании революционных чисток. Хрущев учел критику китайцев. После московской конференции коммунистических партий в 1957 году началась новая волна коллективизации после небольшого перерыва. Большинство восточноевропейских стран завершили коллективизацию к началу 1960-х годов, кроме Польши, где Гомулка ликвидировал все коллективные хозяйства[707]. Тем не менее это был последний всплеск идеологического оптимизма в этом регионе. Здесь больше никогда не суждено было повториться подобному согласованному шагу на пути к коммунизму.

Ослабление «имперского» контроля принесло большое разнообразие в Восточную Европу в конце 1950-х и в 1960-е годы. Если Югославия, Румыния и Албания полностью уклонились от советского контроля, то в сфере влияния СССР не наблюдалось единого подхода: на одном полюсе был либерализм Венгрии, на другом – застой Болгарии. Но в одном все страны блока были похожи: во всем регионе коммунистические партии теряли свои позиции, они отступали и вынуждены были вести себя по-разному. Ни всенародное ополчение, ни партизаны, ни первая советская пятилетка, ни китайцы в 1950-1960-е годы не годились в качестве модели развития Восточной Европы, но и организованные «армии» эпохи высокого сталинизма больше не казались подходящими для этого региона. Один венгерский партийный чиновник в интервью 1988 года сформулировал проблему так: «Мы получили в наследство время, когда поддерживать стабильность в стране было так же трудно, как вести войну. Любое новое начинание требовало от партии большой концентрации воли и сил и было возможно только в том случае, если партия работала с военной точностью и дисциплиной. Теперь самой трудной задачей партии является поддержание мира. Больше нет задач. Мы настоящее войско, а войны нет... Пытаясь решить современные проблемы, партия ведет себя как слон в посудной лавке. Она нападает, хочет драться, бороться, и так далее, а проблемы уже долгое время совершенно другие»{976}.

Оставшиеся радикальные принципы высокого сталинизма уступили место технократии и медленно развивающемуся рынку. Теперь среди коммунистов было больше специалистов и руководителей, чем рабочих. В 1946 году среди югославских коммунистов было только 10,3% «белых воротничков»; к 1968 году этот показатель возрос в четыре раза и достиг 43,8%.{977} В рядах коммунистов остались тайные агенты и доносчики, но их присутствие стало менее заметным.

Коммунистические режимы все меньше усилий прилагали к преобразованию населения и созданию нового социалистического человека. Они скорее стремились к конструктивному диалогу с той частью общества, которая их не поддерживала. Первым изменился вектор отношений с индустриальным рабочим классом, самой мятежной, опасной силой. Коммунисты отказались от свойственных Сталину попыток силой заставить рабочих увеличить

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org производство. Рабочим пошли на значительные уступки: теперь влиятельные опытные рабочие тяжелой промышленности получали почти столько же, сколько зарабатывали «белые воротнички». Вскоре рабочая риторика режима начала хоть что-то значить по сравнению с очевидным лицемерием сталинского периода. Однако в дальнейшем стало понятно, что эти уступки не пошли на пользу режимам. Производительность фабрик снизилась, оппозиция рыночным реформам только укрепилась. Уступки рабочим вызвали недовольство специалистов, которые полагали, что их достижения в образовании остаются незамеченными.

Коммунистические партии отступили и перед возрастающим значением крестьянской культуры. В Югославии и Польше коллективизация была отменена навсегда, но даже там, где коллективизация считалась нормой, прилагались огромные усилия к тому, чтобы объединить ее принципы с традиционным крестьянским укладом. Личные подсобные хозяйства и огороды расширялись и вскоре превратились в значительных поставщиков продовольствия.

Привыкнув к нововведениям, регион расцвел. Теперь не утверждалось, что антикоммунизм присущ церквям и (в Боснии) мечетям. После кризиса 1956 года свой авторитет восстановила Польская католическая церковь, главная автономная некоммунистическая сила. В Венгрии Кадар заключил соглашение с Ватиканом в 1964 году, а в 1958 году власти Восточной Германии попытались наладить контакт с протестантскими церквями. Тем не менее коммунисты так никогда и не примирились с Богом. Отношения с церковью всегда оставались напряженными, церкви всегда ассоциировались для коммунистов со шпионами и информаторами. Только в православной Румынии Георгиу-Деж последовал сталинской стратегии времен войны и сотрудничал с церковью. К 1971 году при его преемнике Чаушеску в Румынии вышли почтовые марки с изображением св. Стефана{978}.

Больше всего пользы и привилегий, по крайней мере на время, нововведения коммунистов принесли городскому среднему классу. Начало 1960-х годов считается одним из самых свободных периодов коммунистической эпохи. Второй доклад Хрущева, в котором он развенчал культ личности Сталина, на XXII съезде партии в 1961 году имел еще большее значение для всей сферы советского влияния. Некоторое время даже в ортодоксальной Софии, где режим был наиболее конформистским, можно было свободно читать Солженицына и Кафку. Только Польша сопротивлялась этой тенденции. После либерального периода 1956-1957 годов, когда Гомулка даже допустил предвыборное «соревнование» кандидатов на выборы в парламент, партия раскололась и стремилась вернуть позиции с помощью антисемитизма и противостояния интеллектуализму.

В этой ситуации появился закономерный вопрос: если товарищи коммунисты больше не стремятся построить коммунизм, для чего они тогда нужны? Как они могут оправдать перед населением или перед собой свою монополию на власть? Разумеется, в репертуаре коммунистов всегда имелся национализм. Польский режим обратился к национализму после 1956 года. Однако такое обращение было сопряжено с опасностью. Например, польский национализм был тесно связан с антикоммунистической католической религией и настроениями против всего русского; венгерский национализм было трудно отделить от реваншистских требований вернуть территории, принадлежавшие Венгрии до Первой мировой войны, – требований, на которые современные социалистические соседи никогда бы не пошли. Национализм ГДР навсегда был запятнан нацизмом. В таких многонациональных странах, как Югославия, Чехословакия и СССР, национализм мог оказаться губителен, так как он был далек от того, чтобы добиться единства нации. Словенцы и хорваты воспринимали Югославию как сербский проект и с 1960 года все чаще стали выступать за еще большую либерализацию. Недовольство словаков чешским господством в 1968 году способствовало началу событий, известных как «Пражская весна».

В такой ситуации альтернативой радикальной и романтической мобилизации под знаменем коммунизма в странах советского блока стали обещания увеличить потребление. Коммунистические лидеры, отказавшиеся от обетов коммунистической утопии, стремившиеся оправдать самопожертвование и жесткие меры, теперь утверждали, что только они способны повысить уровень жизни населения, поровну распределяя все блага. Тот коммунизм, который Хрущев обещал построить к 1980 году, теперь трактовался очень широко – как общество материального благополучия, а не как идиллия творческого общества, о которой писал Маркс.

Попытки задобрить потребителя начались в 1950-е годы. Именно тогда

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org восточные европейцы узнали, что такое свободный рынок, созданный в США еще до войны и оказывающий помощь Западной Европе в период плана Маршалла. В Варшаве в 1959 году небольшие современные магазины самообслуживания в американском стиле («суперсамы») потеснили огромные сталинские магазины в стиле неоклассицизма. Изобретатели супермаркетов в эпоху Великой депрессии в Америки оказались правы: они принесли либерализацию и независимость. Покупатели могли ходить по магазину и выбирать то, что они хотят. Теперь не требовалось обращаться за помощью к неприветливым продавцам и выстаивать долгие очереди возле каждого прилавка. Однако, как могут подтвердить жители и гости стран Восточного блока тех времен, американская потребительская культура так и не стала нормой, а огромные супермаркеты и принцип самообслуживания остались скорее исключением.

Символом стремления режимов удовлетворить потребителя стал социалистический автомобиль. ГДР, вынужденная под давлением СССР соревноваться с Западом, была первой страной региона, которая попыталась построить машины для своего рынка. Это были машины марки «Трабант» (в переводе «спутник», в честь запущенного СССР искусственного спутника Земли). Впервые выпущенные в 1958 году «Трабанты» были экологически неблагоприятными: в производстве кузова использовался пластик. К концу 1980-х годов около 40% семей имели машины – этот показатель был самым высоким среди стран советского блока, но так и не приблизился к показателю ФРГ. СССР последовал примеру в 1960-е годы: крупная сделка на 900 миллионов долларов была заключена в 1966 году с компанией «Фиат». Согласно этой сделке, в городе Тольятти на Волге был построен автомобильный завод, производивший автомобили «Жигули» (на внешнем рынке «Лада») на основе модели «Фиат 124»{979}. До этого времени в СССР ежегодно появлялось 65 тысяч машин. Этот показатель возрос в десять раз: к началу 1980-х годов автомобили имели 10% советских семей.

Коммунистические лидеры надеялись, что автомобили станут символом способности социалистического мира обеспечить такой же уровень жизни, как на Западе. Однако им суждено было стать символом провала. В июне 1989 года контрразведка ГДР Штази докладывала: «Многие граждане видят в решении (скорее, в неспособности решить) “автомобильной проблемы” меру успеха экономической политики ГДР»{980}. Машины были дорогие, списки ожидающих покупателей росли: в 1989 году «Трабанты» выдавались людям, вставшим на очередь в 1976 году{981}. Ситуация зашла слишком далеко: режим не мог выполнить данные им обещания.

Почему проблема удовлетворить потребителя стала такой трудной для социалистической экономики при том, что ее лидеры, несомненно, стремились к этому? Разобраться в этом поможет история, которую рассказал Майкл Буравой, американский социолог, который в 1985 году работал сталелитейщиком в бригаде имени Октябрьской революции на огромном сталелитейном заводе имени Ленина в венгерском городе Мишкольц. В феврале объявили, что завод посетит премьер-министр. Производство на несколько дней прекратилось: Буравой и его коллеги-рабочие чистили и красили завод. «Толпы молодых ребят с соседних предприятий помогали нам», солдаты расчищали снег. «Казалось, вся страна была мобилизована, чтобы подготовить завод к визиту премьер-министра». Буравой должен был раскрасить один из станков желтой и зеленой краской, но на заводе не хватало кистей, и ему поручили бесполезное занятие – раскрашивать лопаты черной краской единственным имеющимся инструментом – ершом. Рабочие относились к этому мероприятию с большим цинизмом как к типичному примеру расточительности и бесхозяйственности системы: «Увидев, как рабочие растапливают лед газовым пламенем, Дьюри [знакомый рабочий] в ужасе качал головой: “деньги не имеют значения, ведь приезжает премьер-министр!”»{982}.

Дьюри был прав: в социалистической экономике, даже при наличии элементов рынка, как в Венгрии в 1980-е, политика имела большее значение, чем деньги и доход*. Успешными руководителями считались те, кто расширял свои «империи» (разумеется, при этом выполняя план), а также стремился задобрить партийных боссов, от которых зависели финансовые ресурсы. Было очень важно организовать настоящее шоу для премьер-министра, чего бы это ни стоило.

В борьбе за ресурсы (особенно в тяжелой и оборонной промышленности) выигрывали те, у кого были связи и влияние в политических кругах. Следовательно, после смерти Сталина, когда прекратилось стимулирование экономики нереальными планами, государство все еще игнорировало потребителя. Не боясь стать банкротами, предаваясь жадности, промышленники оставались ненасытными, преследуя свои интересы, высасывая из производства

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
все ресурсы, создавая жуткий дефицит любых товаров: от кисточек для
Буравого до «Трабантов» для всего населения[708].{983}

Таким образом, основным недостатком коммунистической экономики являлась вовсе не уравниловка и плохое стимулирование рабочих, как многие полагают (в самом деле, в экономике СССР и ГДР с 1970-х годов стимулирование рабочих было очень слабым, но существовали и другие страны, например Венгрия, где рабочие получали очень высокие стимулы). Одной из главных проблем системы был способ распределения капитала: многое зависело от того, направлен он в производственную или непроизводственную сферу. Отсутствие демократии в сочетании с централизованным управлением экономикой и планированием позволило сильным и влиятельным группам сесть на денежный мешок. Произошло именно то, что предсказывал известный австрийский правый либерал, экономист, влиятельный критик коммунизма Фридрих фон Хайек.

Разумеется, все это нанесло вред коммунистическим инновационным начинаниям. Заинтересованные в прибыли лица следили только за тем, как бы не упустить свою долю ресурсов, тем самым подрывая предприятия и отрасли, жизненно важные для экономики. К началу 1980-х годов огромная часть национального бюджета СССР (от 20 до 30%)[709] уходила на оборону. Тем временем советский блок неуклонно терял позиции в развитии главной отрасли будущего – информационных технологий. К началу 1970-х годов 25% ученых мира, 50% инженеров, 30% всех физиков проживали в СССР, но численность кадров не была решающим фактором развития экономики высоких технологий. В советском блоке появилась серьезная компьютерная система, созданная по модели IBM, но, как обычно, больше энергии было потрачено на выпуск компьютеров, чем на внедрение их в производство и помощь потребителям{984}. В 1980-е годы количество компьютеров в СССР составляло лишь 1% количества компьютеров в США: 200 тысяч и 25 миллионов соответственно[710].{985}

Еще одним препятствием развития потребительской экономики (по крайней мере, в странах с медленным реформированием) был план, строго задающий объемы производства. Предприятия выбирали самый легкий путь: производили большие объемы товаров низкого качества, которые никто не хотел покупать. В результате низкопробные дешевые товары пылились на магазинных полках, а люди искали дорогие товары высокого качества на черном рынке. В 1987 году российский экономист Николай Шмелев объяснял: «Мы производим больше обуви, чем любая другая страна в мире, но эта обувь плохая, она никому не нужна. Мы производим в два раза больше стали, чем США... за этот беспорядок должны отвечать бюрократы и административная тирания. Они мешают производителям следить за качеством товаров, которые они производят, и, соответственно, сбывать их на рынке»[711].{986}

Несмотря на попытки совершенствовать экономику потребления, предпринятые в 1970-е и 1980-е годы, предприятия продолжали ориентироваться на плановиков, а не на потребителей. Именно партийные чиновники определяли, что будет продаваться, однако хладнокровные бюрократы были плохими маркетологами. Один из работников дрезденской мэрии (ГДР) вспоминает, что хорошо понимал свои недостатки, но при этом был вынужден предугадывать потребности граждан, разбирающихся в моде: «Волей-неволей любой человек всегда задается вопросом: что сейчас модно? На последней встрече владельцев магазинов и производителей одежды в Дрездене представители розничной торговли высказали мнение о том, что выбор одежды слишком многообразен и не хватает стандартной одежды. Как определить, объективное это мнение или субъективное? Разумеется, мы не можем прямо ответить на этот вопрос... [Но] соотношение стильной и стандартной одежды должно быть 50 на 50»{987}.

К середине 1960-х годов стало ясно: экономика советского типа стремится угодить потребителю, а высокие объемы производства постепенно снижаются. С 1950 по 1958 год рост производительности на единицу ресурсов в СССР составил 3,7%, а с 1959 по 1966 год упал до 2%. Что можно было сделать? Экономисты усиленно думали над тем, как объединить план с рынком, и неудачи Хрущева им помогли. Хрущев легкомысленно относился к рыночным реформам и начал очень ограниченно их вводить только в 1964 году. Но он был искренним сторонником коллективистской экономики и с большим подозрением относился к индивидуальному и рыночному стимулированию. В отличие от Хрущева, Брежнев меньше беспокоился об идеологии, хотя и не был либералом. Казалось, неуклюжая хрущевская комбинация технократии и радикализма уступает место новой эпохе прагматизма.

1970-е годы и начало 1980-х годов стали самым удручающим периодом в истории советского блока, однако именно по этой причине этот период можно назвать золотым веком коммунистического анекдота. Два самых известных хорошо передают образ Леонида Брежнева начала 1980-х годов:

Брежнев произносит официальную речь на открытии Московской олимпиады 1980 года. «О!» (взрыв аплодисментов), «О!» (взрыв аплодисментов), «О!» (взрыв аплодисментов)... Его помощник прерывает его и шепчет: «Речь начинается ниже, Леонид Ильич! Это олимпийские кольца!»

– Леонид Ильич в операционной.

– Снова плохо с сердцем?

– Нет, ему делают операцию по расширению грудной клетки. Он наградил себя еще одним орденом Ленина.

* * *

Ни один обед москвичей в 1970-е и 1980-е не обходился без анекдотов о брежневской глупости и высокомерии, все пародировали его старческую речь с украинским акцентом. В 1970-е годы в СССР кундеровский Людвик не имел бы никаких проблем. Даже самому Брежневу было все равно. Когда ему рассказали анекдот о расширении грудной клетки, он сказал: «Если обо мне рассказывают анекдоты, значит, меня любят»{988}. Тем не менее многие бывшие коллеги Брежнева утверждают, что он только в начале 1970-х годов превратился в бездарного лентяя, который не терпит критики, и объясняли это резким ухудшением его здоровья, случившимся в 1968 году[712]. До этого времени Леонид Брежнев и Алексей Косыгин, председатель Совета министров, казались энергичными, целеустремленными реформаторами, стремившимися порвать с хрущевской идеологией. По воспоминаниям чешского реформатора Зденека Млынаржа, немногие коллеги-реформисты из КПСС скучали по Хрущеву. Они приветствовали Брежнева как лидера, который будет управлять «рациональной политикой, основанной на компетенции»{989}.

Леонид Брежнев родился в 1906 году в семье русского рабочего в городе Каменское (ныне Днепропетровск, город был переименован в честь Феликса Дзержинского, основателя ЧК) в Восточной Украине. Родители возлагали на него большие надежды, он учился в классической гимназии. Революция и Гражданская война прервали его учебу, но и открыли перед ним новые возможности: если бы не большевики, он, безусловно, пошел бы по стопам отца и поступил бы работать на сталелитейный завод. Он вступил в комсомол, получил техническое образование по специальности инженер-металлург. В 1936 году он был избран в городской совет Днепропетровска, впоследствии координировал производство металла для оборонной промышленности Украины[713]. В это же время он присоединяется к группе важного партийного начальника Никиты Хрущева, первого секретаря ЦК Компартии Украины. Во время войны Брежнев выполнял партийные поручения, применяя свои технические знания и административные навыки, руководил демонтажем предприятий на западе СССР и их эвакуацией на восток. Он также был бригадным комиссаром: вдохновлял бойцов и следил за дисциплиной.

По протекции Хрущева Брежнев попал в Кремль, однако его стиль правления был полной противоположностью манеры Хрущева. Брежнев долго был связан с техникой до того, как стал партийным активистом. Он стал комиссаром в период подъема наиболее националистической и наименее идеологической формы марксизма. Он с большей готовностью шел на компромисс и уступки, чем Хрущев. Он был типичным чиновником своего поколения, обязанным партии необычайной социальной мобильностью. Как Дроздов Дудинцева, он мало интересовался идеями, не любил кино и книги – его советники читали ему даже официальные бумаги. Его любимое занятие было весьма незатейливым: поиграть в домино с охраной и посмотреть футбол по телевизору. Тем не менее в анекдотах про Брежнева есть доля истины: он был чрезмерно тщеславным, любил церемонии и отвлечлся развязностью. Он накопил больше государственных наград, чем все его предшественники вместе взятые: военных наград у него имелось больше, чем у маршала Жукова, который руководил взятием Берлина{990}. Среди его недостатков можно также назвать такие пристрастия, как быстрые машины и коммунистический «спорт» постсталинской эпохи – охота на медведей (Сталин не позволял стрелять в зверей). И хотя Брежнев и не жил в роскоши, доступной современной элите России (или элите Запада того

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org времени), его образ жизни все же отличался от жизни миллионов советских людей и, естественно, вызывал неодобрение, выраженное в том числе и в анекдотах. Один из них звучит так:

Мать Брежнева приезжает навестить сына на даче. Он с гордостью показывает ей дачу: «Это мой дом. Это мои машины, это мой бассейн». Мать смотрит на все с изумлением и гордостью, а потом с волнением говорит: «Ты и правда хорошо живешь, Ленечка. Но я беспокоюсь за тебя. Что же будет, если большевики снова вернутся?»

Как станет ясно позже, анекдот оказался пророческим. Революционно настроенным большевикам (в некоторых отношениях) действительно было суждено вернуться, и их главной мишенью станет брежневский порядок продажности и коррупции.

Отсутствие строгой привязанности к идеологии и добродушный характер помогли Брежневу успешно вести переговоры по всему миру. Однажды он признался: «Обаяние – очень важный фактор в политике». Он не любил партийных идеологов в стиле Мао, настроенных против Запада, – их он называл «советскими китайцами». В отличие от раздражительного и неустойчивого Хрущева Брежнев нравился государственным деятелям Запада. Его главным достижением стало совместное миротворчество с США[714] и целый ряд договоров по контролю над ядерным вооружением и других соглашений, подписанных в начале 1970-х годов.

Идеологическая гибкость Брежнева и его заинтересованность в хорошей жизни способствовали его более терпимому отношению к экономическим реформам в советском блоке. Если в СССР экономические реформы не пошли далеко, то в целом в советском регионе в 1960-е годы осуществились самые смелые экономические эксперименты. Три коммунистические партии (в Восточной Германии, Венгрии и Чехословакии) приняли программу, предусматривающую значительную экономическую либерализацию, как и югославы, не входившие в блок. Первым реформистом неожиданно стал Вальтер Ульбрихт. Немногие могли предположить, что сталинист старой закалки, член Коммунистической партии Германии с 1920-х, изменится в свои шестьдесят. ГДР находилась на передовой в экономической борьбе с капиталистическим миром: до возведения Берлинской стены в 1961 году недовольные советским режимом могли свободно уезжать на Запад. Этим правом воспользовалась примерно шестая часть населения (2,5-3 миллиона человек). В 1960 году Ульбрихт сказал Хрущеву: «Мы не можем выбрать соперника, с которым мы бы хотели соперничать. Мы просто обязаны выступить против ФРГ»[991]. В 1970 году Ульбрихт искренне верил в то, что ГДР может превзойти своего западного брата в таких высокотехнологичных отраслях, как электроника и машиностроение, и что для этого вовсе не обязательно было наверстывать уровни экономического развития – отсюда сюрреалистический партийный лозунг «Перегнать, не догоняя».

«Новая экономическая система», введенная Ульбрихтом в 1963 году, представляла собой типичную для того времени реформу, отчасти иницированную экономистом Евсеем Либманом. Это был технократический проект, подразумевающий введение элементов рынка в плановую экономику без перехода к свободному рынку. Были предприняты попытки настроить предприятия на то, чтобы они улавливали рыночные тенденции, совершенствовали производство и отвечали потребностям потребителей. Предполагалось, что решение о статусе предприятия и оказании ему финансовой помощи будет приниматься не в соответствии с объемами продукции, а в соответствии с рентабельностью предприятия. В то же время Ульбрихт изменил кадровую политику в партии, продвигая по служебной лестнице и отмечая технически способных, образованных специалистов, а не «красных» с низким уровнем образования. Однако его реформа вскоре столкнулась с серьезными трудностями, которые тормозили все рыночные реформы в советском блоке: объективная сложность перехода от старой системы к новой, политическая оппозиция, опасения возможных волнений среди рабочих. Экономические бюрократы жаловались на то, что от них все еще ожидалось выполнение плана, однако их полномочия заметно сократились. Предприятия тратили много денег на повышение зарплат рабочих, производительность снизилась. У режима не хватало смелости поднять цены, однако это была необходимая мера для того, чтобы конкурировать на рынке. Хотя Ульбрихт и говорил о необходимости закрыть нерентабельные предприятия, это невозможно было сделать, так как предприятия имели покровителей в партийных кругах. Ульбрихт также понял, что децентрализация лишила его тех полномочий, которые были ему необходимы для осуществления амбициозных высокотехнологичных проектов. Он начал

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org постепенно сворачивать реформы. Пока одержимость Ульбрихта развитием высоких технологий приводила к дефициту и перебоям в экономике, в партии возник мощный оппозиционный блок во главе с Эрихом Хонеккером. В конце концов экономический кризис, недовольство населения и неодобрение Брежневым несанкционированного перемирия Ульбрихта с ФРГ привели к тому, что Хонеккер заменил Ульбрихта на посту партийного и государственного вождя ГДР[715] и положил конец рыночным реформам[992].

Масштабные реформы не получили развития и в СССР. В 1965 году Косыгин в очень ограниченном варианте попытался реализовать некоторые предложения Либермана, но эти попытки не увенчались успехом[716]. Брежнев стойко защищал интересы бюрократизма, а самые «ненасытные» экономические отрасли – военная и тяжелая промышленность – не уступали ни малейшей доли своих ресурсов.

Самая длительная либеральная реформа осуществлялась в Венгрии под руководством коммунистической партии. В это верили немногие, особенно после жестоких репрессий 1956–1957 годов. Когда Кадар восстановил в стране коммунистический порядок, он выбрал промежуточную позицию между сторонниками жесткого курса и либералами и стал искать поддержки для режима. Введение «нового экономического механизма» в 1966 и 1968 годах привело к сведению плановых задач к минимуму, освобождению цен, постепенному устранению строгого контроля над экономикой. В результате к 1980 году венгерская экономика стала одной из самых свободных в советском блоке. Возникла двойная экономическая система, напоминавшая советскую экономику 1920-х годов: кооперативам и (относительно малому) частному сектору в экономике было разрешено конкурировать с государственными предприятиями. Реформа наделила потребителей большой властью, по крайней мере тех, у которых были деньги. Старая социалистическая дилемма «дефицит товаров при избытке денег» превратилась в капиталистическую проблему: «нехватка денег при избытке товаров». Различия в заработной плате стали заметнее и, разумеется, вызвали недовольство. Венгрия построила собственный «гуляшный коммунизм»; по коммунистическим стандартам это был потребительский рай, промышленное производство значительно возросло. И все же это был далеко не капитализм. Рыночные принципы работали слабо, нерентабельные предприятия не закрывались, государство сохраняло за собой большую часть полномочий и власти.

Пока реформы способствовали улучшению настроения масс без угрозы партийному укладу, Кремль не препятствовал их проведению. Однако опасность все же существовала. После кризиса середины 1950-х годов коммунистические режимы усвоили бунтующих рабочих с помощью выгодных экономических условий. Либерализацию должны были поддержать «белые воротнички» и крестьяне, однако она наносила удар по рабочим, а также по более бедным регионам. После советского вторжения в Венгрии появилась единая организованная партия, которая могла бы справиться с этими проблемами. И все же большинство коммунистических государств оказались не такими твердыми и не смогли справиться с проблемами, обусловленными либерализацией. Примеры Югославии и Чехословакии (стран с более длительной коммунистической традицией, чем Венгрия, при этом переживающих этнические конфликты) продемонстрировали, какую угрозу для коммунистического режима представляет рынок.

К середине 1960-х годов рыночный механизм принес больше всего проблем Югославии. Прежние попытки объединить принципы романтического марксизма, рабочих советов и рынка давно были забыты[717]. Вместо этого был заключен союз в духе Фауста: деньги для финансирования социализма Югославии брались в долг у капиталистического Запада[718]. Эта сделка ставила Югославию в зависимое положение и все больше втягивала ее в капиталистический мир. Чтобы расплатиться с долгами, Югославия должна была экспортировать все больше и больше товаров, что неизбежно приводило к снижению качества и цен товаров, а также к повышению уровня безработицы. К 1968 году почти 10% населения Югославии были безработными – уникальная ситуация для коммунистического государства. Вспыхнули конфликты между консерваторами, поддерживающими планирование и централизацию, и либералами, связанные также с конфликтами между югославскими республиками, что представляло самую большую опасность. Хорватия и Словения выступали против оказания финансовой помощи более бедным республикам: Черногории, Македонии и Боснии и Герцеговине, особенно в период сокращения расходов, и выступали за дальнейшую либерализацию и децентрализацию. Белград постепенно терял контроль над ситуацией. В 1963 году полномочия республиканских властей были расширены, в 1965 году централизованный контроль государства над экономикой

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org стал еще более слабым. В 1966 году главный сторонник и защитник старой централизованной системы, глава службы государственной безопасности Александр Ранкович попал в опалу. Однако рыночные принципы не заменили государственный контроль. Из-за давления местных партийных органов закрытие нерентабельных предприятий было затруднено [719], при этом их руководители продолжали повышать зарплату и занимать все больше денег, что привело к увеличению долгов и инфляции. К 1970-м годам Югославия оказалась в глубоком кризисе: экономика не работала, долги выросли, кроме того, стране грозил распад [720].

Проблемы, с которыми столкнулась Югославия, должны были предупредить Брежнев об опасности перехода к рыночной экономике и интеграции экономики Восточной Европы с капиталистическим Западом. Но не вся экономика советского блока была зависима от долгов: проблемы Тито вызвали лишь злорадство партийных чиновников Москвы. Тем не менее Брежнев не мог проигнорировать кризис Чехословакии. Компартией Чехословакии руководил Антонин Новотны, старый партиец сталинской закалки. По словам Млынаржа, он соединял в себе «искреннюю веру в безошибочность коммунистической доктрины и ее преимуществ для рабочих с политической навязчивостью и талантом вести бюрократические интриги». Он принимал непосредственное участие в сталинских показательных процессах начала 1950-х годов и был очень жестким человеком: известно, что он спал на простынях, некогда принадлежавших Владо Климентису, коммунисту, которого Новотны отправил на скамью подсудимых (собственность осужденных часто распродалась чиновникам по низким ценам) [993]. И все же Новотны наладил связи с Хрущевым и был готов пойти на ограниченные реформы, призванные преодолеть экономический кризис: экономический рост снизился с впечатляющего показателя в 11,7% в 1960 году до 6,2% в 1962-м и полностью прекратился в 1963 году. Новотны провел либерализацию в культуре и реабилитировал экономиста Оту Шика, который предложил несколько либеральных реформ. Однако когда пришло время для их осуществления, консервативный Новотны медлил с окончательным решением, рабочие, которые страдали от реформ, были недовольны [994]. С ухудшением экономической ситуации стало расти недовольство интеллигенции: появилось множество романов, в которых в самых резких формах высказывалось осуждение аппаратчиков. В партийных кругах возникли серьезные идеологические и этнические разногласия. Словакия, экономика которой была малопродуктивной и полностью зависела от Чехии, требовала либерализации, хотя на практике это принесло ей еще больше вреда. И все же началу глубокого кризиса способствовали пражские студенты: в декабре 1967 года они выступили с протестом против плохих условий в студенческих городках и общежитиях. Полиция жестоко подавила выступления. Москву охватило сильное беспокойство.

Брежнев полетел в Прагу на 48 часов. Сначала он не планировал смену руководства в Чехословакии, он просто хотел оказать давление на чешских партийных лидеров. Вскоре он понял, что Новотного было трудно в чем-либо убедить. Казалось, он не осознавал, насколько серьезна ситуация, оставался непреклонным и не представлял, «как успокоить народ». Брежнев заявил чехам, что они должны сами справиться со сложившейся ситуацией: «это ваше дело» [995]. При этом Брежнев отказался открыто поддержать Новотного, что окончательно способствовало краху старого режима. Словацкий лидер Александр Дубчек сменил ушедшего в отставку Новотного на посту первого секретаря партии в январе 1968 года и поддержал «Программу действий» [721] – новую программу реформирования, разработанную его соратниками-марксистами.

В отличие от венгров, предложивших реформы в 1956 году, чешские реформисты не стремились к ликвидации партии-государства и выходу из советского блока. Дубчек провел детские годы в СССР и очень любил русских [722]. Один из самых близких его советников Зденек Млынарж писал в 1980 году: «Я был коммунистом-реформистом, а не антикоммунистическим демократом. Я не скрывал этого тогда и не вижу причин для того, чтобы скрывать это сейчас» [996]. Он верил, что многопартийная демократия вызовет протест консерваторов и поставит реформы под угрозу срыва. И все же перед реформистами вставала прежняя дилемма: как объединить принципы истинной демократии с сохранением лидирующей роли партии.

Хрущевское решение в духе романтического марксизма представляло собой программу морального обновления, укрепления бюрократического аппарата чистками и контролируемые выборы на партийные должности: таким образом, у чиновников появилась бы возможность привлекать к работе простых людей. Однако реформисты отвергли этот взгляд «сверху». Они соглашались с Хрущевым в том, что коммунистическая элита была способна к гибким переменам, однако

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
они были убеждены, что такие перемены должны быть результатом демократического давления народных масс. Партии следовало вновь заслужить свое «лидерство», действуя в интересах народа.

Реформисты оправдывали стремление к демократическому социализму связанным с ним возвращением к несталинской форме марксизма, одновременно романтической и ревизионистской. Постсталинская оттепель обусловила новый взгляд интеллектуалов на марксизм, отличный от ортодоксальной доктрины, преобладавшей с середины 1930-х годов. Млынарж, входивший в одну из первых групп молодых людей, уехавших покорять высоты Московского университета на Ленинских горах, вспоминает, в какой искаженной форме им преподавался марксизм: «Только в конце 1950-х годов я наконец-то изучил то, чему любой университет, ориентированный на марксизм, должен обучать своих студентов». Когда у него появилась возможность прочесть раннего Маркса и Грамши, а также Каутского и Бернштейна, «мое прежнее видение марксистской идеологии рухнуло»{997}.

Ранние взгляды Маркса стали очень влиятельными. Новое поколение с большой долей истины утверждало, что молодой Маркс был заинтересован прежде всего в творческом потенциале человека. Однако с конца XIX века марксизм стал развиваться в другом направлении благодаря Энгельсу, его технократическому мировоззрению и вере в неотвратимость законов истории. Чувства и творческие порывы были принесены в жертву модернизации и рациональности. По их мнению, Сталин просто продолжил этот путь: он допускал любую меру человеческого страдания, если оно было необходимо для модернизации. Пришло время для «социализма с человеческим лицом», который позволяет людям реализовать их творческий потенциал{998}.

Разумеется, все эти идеи созвучны классическому романтическому марксизму. Тем не менее важно отметить, что в воспоминаниях Млынаржа не видно никакого противоречия между идеями раннего Маркса-романтика и прагматичными взглядами Каутского и Бернштейна. Противоречия между различными формами реформистского марксизма четко не осознавались, например, в Югославии в начале 1950-х годов. Некоторые нововведения, предложенные чехами (в частности, самоуправление рабочих), были, в сущности, созвучны романтическому марксизму. Разумеется, их трудно совместить с рыночными реформами, открывающими широкие возможности руководителям предприятий. Проекты других реформ появились под влиянием прагматического марксизма, поддерживающего либеральный рынок и плюрализм. Реформисты настаивали на проведении выборов и участии в них нескольких кандидатов. Утверждая, что это единственный способ узнать общественное мнение, они отрицали, что таким образом планируют отстранить коммунистов от власти. Идею выборов с участием нескольких кандидатов поддерживала большая часть населения. Однако возникал важный вопрос: не ослабят ли выборы позиции коммунистической системы? Согласно опросам населения, подавляющее большинство отвечало на этот вопрос отрицательно и не допускало никаких фундаментальных преобразований. Только 6% опрошенных видело определенный смысл в противостоянии многих политических партий системе. Тем не менее это не стало поводом для беспокойства Коммунистической партии Чехословакии. На вопрос, за кого бы они проголосовали в ходе свободных выборов, 39% опрошенных (большинство) выбрали ответ «Коммунистическая партия», 11% высказались за другую, но неопределенную партию, 30% людей отказались дать ответ или просто не знали, как ответить. Однако, если посчитать ответы только беспартийных, коммунистическая партия получила бы лишь 24% голосов{999}.

Несмотря ни на что, реформисты были уверены в том, что они наконец открыли философский камень – путь к объединению всего народа под покровительством коммунистической партии. Дубчек так описывал свои глубокие впечатления от парада в честь Первого мая, который он наблюдал с трибуны (демократично невысокой): «Я никогда не забуду празднование Первого мая 1968 года в Праге... После многих лет принудительных постановок впервые люди сами шли на праздник. Никто не выстраивал людей в колонны, не заставлял маршировать под искусно сфабрикованными лозунгами. Люди пришли сами, с собственными транспарантами, собственными лозунгами – веселыми, критичными, иногда смешными. Всеобщий настрой был радостный, не было никакого напряжения... Меня переполняли эмоции, я чувствовал поддержку людей, проходящих мимо трибуны, где стояли лидеры, в том числе и я»{1000}.

Большинство лидеров советского блока все же не разделяли этой радости. В мае все выглядело прекрасно, но что же будет в сентябре, когда, согласно «Программе действий», должны пройти свободные выборы? Казалось, это

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org приведет к краху коммунистического режима. Гомулка задавался вопросом: «Почему бы не сделать выводов после того, что произошло в Венгрии? Там все начиналось подобным образом»{1001}. Брежнев (известный сторонник компромиссов) стремился смирить советскую агрессию и нехотя поддержал «Программу действий». Но со временем в Москве стали понимать, что Гомулка и другие приверженцы жесткой линии оказались правы. Плюрализм Дубчека, казалось, вызвал волну критики режима. Кремль был сильно обеспокоен манифестом «Две тысячи слов», подписанным известными интеллектуалами, в котором говорилось, что партия, состоящая из аморальных «властолюбивых эгоистов», никогда не станет чистой, гуманной силой[723].

Страхи внезапного краха коммунистической партии и повторения венгерских событий 1956 года были преувеличены, однако СССР как будто вынуждали совершить вторжение, оказывая давление, предупреждая о том, что настроения передаются другим регионам. Петр Шелест, лидер украинской компартии, сообщил Брежневу о том, что «Пражская весна» вызвала волнения в его республике. Брежнев боялся, что перед ним не что иное, как падающие по цепной реакции кости домино{1002}. Состояние его здоровья резко ухудшилось, наступил кризис, который обозначил начало его продолжительной борьбы с недугом, бессонницей, пристрастия к транквилизаторам и снотворному. Вскоре он принял судьбоносное решение. В августе «братские» силы СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и Восточной Германии «спасли» беспомощного младшего брата от зла контрреволюции. Эти силы были встречены несколькими маршами протеста, серьезного сопротивления чехи не оказали. Как и в Венгрии, в Чехословакии начался период жестоких репрессий[724]. Новый лидер чешских коммунистов Густав Гусак, который, как и Кадар, при Сталине находился в заключении, согласился выполнить требования СССР[725]. Тысячи людей уехали на Запад, были осуждены или смещены со своих должностей и принудительно переведены на черную работу. Самого Дубчека отправили в Словакию, где он стал руководить лесничеством. В отличие от Венгрии, здесь период репрессий не был коротким, и за ним не наступил период послаблений со стороны режима. Компартия Чехословакии сохраняла мощный контроль над обществом до самого распада государства в 1989 году.

Оглядываясь в прошлое, мы воспринимаем пражские события 1968 года как предзнаменование для всего советского блока и, возможно, для старой системы социализма по всей Европе. Венгерские события 1956 года, как и польское движение «Солидарность» 1980–1981 годов, поставили под угрозу советскую систему, но это были примеры антиимпериалистических выступлений. В обеих странах националистическое и идеологическое противостояние Советам объединяло общество. Однако рабочих можно было подкупить, оппонентов посадить в тюрьму или запугать, как это случилось в Венгрии. «Пражская весна», напротив, продемонстрировала внутреннюю слабость советского блока, так как это движение зародилось внутри партии, с ее укладом, культурой, среди ее элиты, в отличие от более националистических движений сопротивления в Венгрии и Польше, зародившихся вне партии[726]. Движение только крепло от попыток ярых сторонников коммунизма использовать реформы и преобразовать партийную мораль для справедливого управления обществом. Оставаясь по сути марксистским, оно стремительно приближалось к либерализму, в отличие от более радикальных протестов, охвативших Запад в 1968 году, с которыми часто сравнивают «Пражскую весну». Как написал М. Кундера, один из участников движения, «Парижский май был взрывом революционного лиризма. Пражская весна была взрывом постреволюционного скептицизма»{1003}. Эти коммунисты, в отличие от националистов и диссидентов, знали, как прийти к власти и использовать ее. Именно такие коммунисты, а не националисты окончательно разрушили советский коммунизм.

Существует еще одна связь чешского кризиса с крахом коммунистической системы: одним из самых близких друзей Зденека Млынаржа в Московском университете в начале 1950-х был студент юридического факультета Михаил Горбачев. Зденек и Михаил принадлежали к студенческому поколению, поддерживающему несталинистский марксизм. В 1967 году Млынарж прилетал в гости к Горбачеву, в то время видному партийному функционеру в Ставрополе. Млынарж узнал, что его старый друг признает право Чехословакии на собственные реформы, хотя взгляды Горбачева были не такими радикальными, как взгляды Млынаржа. Горбачев посетил Прагу в 1969 году и собственными глазами увидел ненависть чехов к советским оккупантам. Советские власти усматривали потенциальную опасность связей Горбачева с чехами. В 1968 году друзей и однокурсников Горбачева допрашивали в КГБ, пытаясь получить больше информации о его дружбе с чехом, но так и не смогли получить никаких доказательств его идеологической ненадежности. Через два года он стал

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org первым секретарем Ставропольского крайкома и избавился от необходимости отчитываться перед органами государственной безопасности{1004}. Любопытно предположить, как повернулись бы события, если бы сотрудники КГБ действовали согласно своим подозрениям. Подобно цензорам царизма, пропустившим «Капитал» в печать, они позволили проскользнуть наверх человеку, на которого в будущем ляжет ответственность за крах системы, которую они были призваны охранять.

Вторжение в Чехию оказало моментальное влияние на ситуацию во всем коммунистическом мире, гораздо быстрее, чем события 1956 года. Оно обозначило конец оттепели 1950-х и 1960-х годов. Былая терпимость Москвы по отношению к различным национальным путям к социализму исчезла. В ноябре 1968 года Брежнев впервые официально озвучил принцип, согласно которому СССР имеет право совершить военное вторжение в государство, если национальная коммунистическая партия отклоняется от «принципов марксизма-ленинизма и социализма». Он озвучил так называемую доктрину Брежнева.

«Пражская весна» также возвестила конец экономических реформ и культурной либерализации в советском блоке. Брежнев стоял во главе порядка, консервативность которого усиливалась. Разумеется, лед был не таким крепким, как в период до 1953 года, однако вода в прорубях застыла. Конечно, репутация советского блока серьезно пошатнулась еще в 1956 году, но многие коммунисты все еще верили в то, что система сохранила свой динамизм и подлежит реформированию. В период с 1945 по 1968 год в советском блоке были предприняты три глобальные реформы коммунизма: высокий сталинизм, хрущевское сочетание радикализма и романтизма и технократические и рыночные реформы 1960-х годов. Все они провалились и были объявлены вне закона[727] везде, кроме Венгрии, где сложился гуляшный коммунизм. Что же теперь оставалось предпринять?

Установившуюся систему Брежнев назвал «развитым социализмом», а Хонеккер – «реально существующим социализмом». За этими мягкими выражениями скрывалось глубоко консервативное послание: социализм был «развитым», а не «развивающимся», он был «реальным» и «существующим», следовательно, не нуждался в дальнейшем совершенствовании. Слова Хрущева о том, что эгалитарный коммунизм наступит в 1980 году, были забыты. Возможно, лучше всего систему того периода описывает выражение «отцовский социализм». Она была одной из форм высокого сталинизма, так как даже при снижении экономического неравенства политическая иерархия значительно укрепилась[728]. Однако партийный аппарат стал менее отчужденным и жестоким, чем его сталинский предшественник. Партия отказалась от излишнего милитаризма и мобилизации населения с целью увеличения объемов производства. СССР все еще сохранял милитаристские амбиции, однако коммунисты стремились в первую очередь добиться повышения уровня жизни.

V

В 1979 году Леонид Брежнев удостоился очередной награды, самой престижной советской награды в области литературы – Ленинской премии. Никогда еще мир не видел такого сочетания государственного деятеля, военачальника и литератора. Премия была присуждена Брежневу за вышедшую под его именем трилогию воспоминаний, включающую его воспоминания об участии в обороне Малой земли (книга «Малая земля») недалеко от Новороссийска. Роль Брежнева как политического комиссара в обороне Малой земли была незначительной, однако преувеличена в многочисленных рассказах, которые стали частью официальной истории Второй мировой войны. Дети пели песни об этом героическом сражении, экскурсионные группы партийцев лениво слонялись по новому мемориальному комплексу «Малая земля».

Разумеется, люди отреагировали на культ Малой земли обычной иронией и новым жанром анекдотов. Но этот культ многое прояснил в сущности позднего советского правления. Для партийной культуры брежневской эпохи была характерна одержимость наградами, кроме того, впервые война стала центральным источником идей пропаганды режима. В стране возводили множество мемориалов, среди них огромная скульптура «Родина-мать» в Киеве. Военные мемориалы появились во всех странах советского блока, многие из них сохранились до сих пор, несмотря на попытки националистов-русофобов избавиться от них.

Сам Брежнев восхищался Сталиным как военачальником. Он не реабилитировал

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Сталина, но жесткая критика вождя была приостановлена. О Великом терроре просто не упоминалось. Тем не менее Брежнев перенял некоторые черты сталинского стиля. Он присвоил сталинский титул «генерального секретаря» партии, а к концу 1970-х о нем говорили как о Вожде. Его претензии на великие литературные достижения созвучны с претензиями Сталина на роль ведущего марксистского философа, лингвиста-теоретика и «корифея науки».

Брежнев, возможно, ближе всего подошел к позднему Сталину в привязанности к иерархии. После хаотических попыток Хрущева «выровнять» общество Брежнев стремился восстановить линии партийного командования. Была воссоздана сталинская этническая иерархия. Как во время и после Второй мировой войны, партия вела к замене марксизма-ленинизма одной из форм русского национализма. К русской националистической интеллигенции стали относиться снисходительно, в практику на официальном уровне вошел антисемитизм, в Центральном комитете КПСС стало больше русских.

Наибольшую выгоду из брежневской системы извлекли так называемые кадры, аристократия на службе социализма. В 1965 году Янош Кадар сказал Брежневу о том, что неприемлемо действовать согласно старому советскому принципу «сегодня – герой, завтра – никто», но, похоже, он ломился в открытую дверь{1005}. Сам Брежнев провозгласил принцип «стабильности кадров», защищая их от демократических[729] кампаний, угрожавших бюрократам при Хрущеве, а в ГДР технократический вызов бюрократам был снят. В результате лидирующие позиции вновь заняла стареющая политическая элита: средний возраст членов Политбюро СССР вырос с 58 лет (1966) до 70 (1981).

В отличие от политики начала 1950-х годов, укрепление политической иерархии теперь сочеталось с экономическим равноправием и готовностью идти рабочим на уступки, не свойственной сталинским чиновникам[730]. На смену эпохе строгого отца народов пришло время отеческого государства, заботившегося о материальном благополучии своих граждан. Зарплаты рабочих выросли во всех странах советского блока, разница в доходах «белых» и «синих воротничков» сократилась. По крайней мере, в СССР разница коэффициентов оплаты труда инженера и рабочего уменьшилась с 2,5 (1940) до 1,11 (1984). В 1970 году протесты польских рабочих против повышения цен на продовольствие, которые привели к отставке Гомулки и формированию правительства под руководством Эдварда Терека, заставили о многом задуматься всех лидеров коммунистического блока. В ГДР субсидии на основные товары, например продовольствие и детскую одежду, поднялись с 8 миллиардов марок (1970) до невероятной суммы 56 миллиардов в 1988 году{1006}. В 1970-х годах уровень жизни вырос в большинстве стран блока, что объясняет ностальгические настроения по тому периоду, сохранившиеся до сих пор. Откуда же брались финансовые средства на улучшение уровня жизни при общем спаде производительности? Ответ на этот вопрос можно было найти в двух местах: под землей и в банках Нью-Йорка и Лондона. Повышение цен на нефть в 1973 году принесло СССР, главному поставщику нефти, непредвиденный доход. Естественно, Советский Союз мог позволить себе и повышение уровня жизни, и более амбициозную внешнюю политику, хотя, по некоторым оценкам, во второй половине 1970-х годов экономический рост составлял лишь 1%.[731] Для импортера нефти – Восточной Европы – повышение цен на нефть, наоборот, было настоящей катастрофой. СССР обнаружил, что теряет в доходах, экспортируя дешевое сырье (особенно нефть) в Восточную Европу. По некоторым подсчетам, в 1980 году по условиям торговли с СЭВ государства Восточной Европы получили от СССР субсидий на 42,8 миллиарда долларов (по ценам 2007 года){1007}. Несмотря на это, нефть также принесла спасение: мир наводнили арабские нефтедоллары, проходившие через коммерческие банки Запада. Именно благодаря нефтедолларам выросли свободные мировые финансовые рынки, до сих пор господствующие в мире экономики. Постепенно система финансового регулирования 1930-х годов[732] разрушалась.

Хайек и его последователи утверждали, что частные банкиры, не подчинявшиеся государственному контролю, идеально подходили на роль распределителей капиталовложений и, разумеется, действовали эффективнее и профессиональнее партийных бюрократов. С целью получить более высокий доход банкиры будут вкладывать деньги в наиболее перспективные проекты по всему миру, поощряя инновационное производство и тяжелый труд и обходя стороной глупых и ленивых. Однако первые шаги новых управляющих мировым капиталом должны были восприниматься как предупреждение о том, что банкиры Уолл-стрит могли действовать так же легкомысленно, как разработчики Госплана: банкиры стремились разбогатеть в предельно короткие сроки, поэтому, не прельщая себя длительной перспективой успеха, они вкладывали деньги в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org разваливающуюся, испорченную планом экономику просоветской Восточной Европы.

Правительства западных государств стимулировали развитие банковской системы. Они хотели, чтобы их собственные отрасли, переживающие производственный спад, экспортировали товары в Восточную Европу. В свою очередь, коммунистические лидеры поступились идеологическими принципами и с удовольствием принимали наличные. Это давало им возможность направлять финансовые средства на повышение уровня жизни недовольного режимом населения и удовлетворять дикий аппетит государств, стремившихся выгодно вложить капитал. Внутренние ресурсы истощились, теперь источники капитала требовалось искать в других странах. Одним из самых ненасытных государств была Польша. На кредиты Герек строил сталелитейные и автомобильные заводы, выпускавшие машины под западными марками (например, польский «Фиат»), которые Герек надеялся продавать в страны советского блока. К 1975 году инвестиции в ГДР составляли 29%, во многом из-за неспособности партии контролировать потребности промышленности в иностранном капитале{1008}. Чаушеску также планировал грандиозные проекты, разработанные прихлебателями-экономистами и его собственными детьми. Он брал в долг в надежде создать современную (хотя все еще плановую) экономику и поставлять нефтепродукты на западные рынки. Как заметил один эксперт, цели Адама Смита достигались средствами Иосифа Сталина. Как и югославы, румыны при всей неадекватности экономической системы стремились конкурировать с другими странами на мировом рынке. К концу десятилетия почти весь коммунистический мир (Восточная Германия, Северная Корея, Куба и коммунистическая Африка) стал должником западных банков, как и большая часть некоммунистических развивающихся стран. Долги Восточной Европы были особенно велики. В период с 1974 по 1979 год польский долг вырос в три раза, венгерский – в два. В 1980-х годах эти долги стали причиной серьезного кризиса, а до этого времени были направлены на поддержание патерналистского социализма зрелых коммунистических режимов.

К концу 1960-х годов стало ясно, что коммунизм больше не служил радикальной преобразовательной силой, по крайней мере в Европе. Ряд коммунистов и обычных граждан многих государств все еще сохраняли уверенность в том, что их система лучше капитализма, но они больше не ждали от нее выстраивания равноправных общественных отношений или создания новой динамичной экономики, способной конкурировать с капитализмом. Как достижение равенства радикальными методами, так и переход к динамичной экономике было очень трудно согласовать с партийными принципами диктата и командной экономикой. Следовательно, ставились более реальные цели: коммунизм должен был сохранить стабильность, экономическое благополучие и социальную справедливость. Подобные тенденции можно проследить на примере Китая. Хотя Китай оставался более эгалитарной системой, чем весь советский блок, до смерти Мао в 1976 году, уже в 1968 году Мао начал понимать, что радикализм Культурной революции нерационален. Когда руководство отказалось от прежнего радикализма, Китай начал двигаться к собственной форме социалистического патернализма. Во многих уголках коммунистического мира система обрела относительное равновесие. Это произошло там, где руководство коммунистических режимов научилось жить в мире и согласии с большинством населения.

VI

Осенью 1968 года венгерским социологам Агнеш Хорват и Арпаду Саколчаи, враждебно относившимся к правящим коммунистам, дали разрешение на осуществление проекта, который многие считали невозможным: независимый научный анализ личности партийных чиновников Будапешта, стиля их работы, их ценностей, составление их психологического портрета{1009}. Но одержимость конспирацией, присущая коммунистам, привела к тому, что исследование завершилось еще до того, как началось. Коммунисты тревожно спрашивали: как же можно доверять беспартийным изучать и судить их партийных товарищей? В конце концов маленькая возможность реализации такого проекта все же появилась: либерализация достигла того момента, когда партия даже стремилась услышать внешнюю критику, а после этого момента конец партийной монополии стал бы делом нескольких месяцев. Тем не менее осмотрительная исследовательница Хорват и ее коллега Саколчаи передали результаты предварительного исследования на хранение нескольким венгерским академиком, опасаясь их конфискации и ликвидации.

Результаты исследования их очень удивили. Когда группе партийных

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org «инструкторов» (средних и низших партийных чиновников, занятых на работе полный рабочий день) задали вопрос «Что вам особенно помогло стать политиком?», ответы в основном были похожи. Один чиновник ответил: «Я в любой сфере очень легко схожусь с людьми и завожу связи. Мне нравится решать проблемы людей»; другой дал следующий ответ: «Я думал, что эта работа будет временной службой. Я чувствовал, что легко иду с людьми на контакт. Я умею сопереживать» (курсив автора. – Прим. ред.). Разумеется, эти ответы нельзя рассматривать буквально и изолированно, они тесно связаны с результатами опроса о личности и ценностях каждого чиновника. Исследователи ожидали, что чиновники будут обладать качествами типичных политических лидеров: решительные, независимые и осторожно рациональные люди, решающие чужие проблемы. Вместо этого они воспринимали себя гибкими, эмоциональными, сочувствующими другим людям. Кроме того, когда их спрашивали о ценностях, они были склонны больше, чем другие образованные люди, ценить индивидуальную ответственность, трудолюбие, терпимость и творческое мышление. С другой стороны, они в меньшей степени, чем другие люди, были склонны рассматривать правила и ограничения (как внутренние, например самоконтроль и честность, так и внешние – подчинение, вежливость) как добродетель.

По данным исследования, венгерские политические инструкторы выглядят скорее как группа социальных работников или психотерапевтов, а не как старые коммунисты в кожаных куртках. Тем не менее эти результаты не являются сенсационными, если учесть то, как радикально изменились коммунистические режимы советского блока с начала 1950-х годов (в Китае – с середины 1970-х). В отличие от более технократических государственных организаций, партия всегда высоко ценила эмоциональные навыки, способность наладить контакт с «массами». Эти качества были очень необходимы тем, кто стремился убедить в чем-то людей или мобилизовать население. Теперь, когда героическая эпоха осталась в прошлом, партия все чаще стала видеть своей задачей заботу о благополучии граждан, хотя при этом она сохраняла особый взгляд на благополучие: моралистический, патерналистский, эгалитарный в экономическом плане и консервативный в социальном. Ценности, перечисленные венгерскими чиновниками, были очень полезны организации такого типа.

Они хотели помогать людям, высоко ценили личные отношения, воздерживались от абстрактных правил и указаний и с готовностью применяли дискриминацию, поскольку считали, что одни заслуживают больше, чем другие. В отличие от предыдущего поколения чиновников, функционеры 1980-х годов имели лучшее образование, коммунистические партии все чаще подавали себя как организации ученых, профессиональных экспертов. Они не были рациональными бюрократами, описанными Максом Вебером; они уже не одобряли формальные или рутинные методы работы. Как сказал один чиновник: «Я считаю, что самая важная вещь, которую мы должны делать... это – уметь говорить. [Информация] на бумаге – эта информация и пахнет бумагой»{1010}.

Таким образом, за пределами периферии сталинизма коммунистические партии больше не относились к населению как к партизанской армии; от граждан больше не требовалось быть «героями труда»; людям перестали навязывать равноправные социальные и тендерные отношения. Партии больше не волновал вопрос о преобразовании внутренних убеждений населения, хотя некоторые режимы (например, в Китае и Восточной Германии) придавали больше значения идеологии, чем другие (например, Венгрия и СССР). Появились патерналистские партийные государства, заботящиеся о населении и использующие принуждение, когда нужно убедиться, что никто не выделяется из общей массы. По словам одного ученого, такие государства представляли собой «диктатуры благосостояния»{1011}. Они предоставляли привилегии в соответствии с тем, как люди «послужили» на благо государства и общества. Это можно назвать своего рода немилитаристской версией «служивой аристократии» при царизме и сталинизме, только теперь «служба» стала рассматриваться делом не только элиты, но общества в целом. Режимы некоторых государств позволяли сравнивать страны с «хорошо организованными полицейскими государствами», модель которых была перенесена в Россию из Центральной Европы в XVII и XVIII веках. «Полиция» (в современных условиях партия) несла ответственность за закон и порядок, а также за обеспечение повышения уровня моральности граждан и производительности труда{1012}.

Однако такая патерналистская структура имела и свои недостатки. Достижение справедливости в вопросе вознаграждения за «службу» было очень трудной задачей, а возможно, и вовсе невыполнимой. Коррупцированные чиновники, отвечающие за распределение товаров, прежде всего помогали своим семьям и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org друзьям. Если они и проявляли альтруизм (в целом некоторые партии, например в Восточной Германии, отличались более низким уровнем коррупции, чем остальные), это никак не влияло на систему, в которой чиновники решали, кто есть кто, кто хороший, а кто плохой, и которая была неизбежно подвержена критике. Как это ни парадоксально, капитализм критиковали меньше, так как неравенство, существующее при нем, могло быть оправдано в некотором роде как «естественное», объективное явление – результат жестких законов рынка.

Стиль и степень патернализма отличались в зависимости от региона и зависели от местной партийной культуры и социальных условий. Пример навязывания партийной культуры представлял собой Китай. Огромные резервы трудовой силы в сельской местности давали китайскому режиму больше власти и контроля над трудовыми ресурсами, чем в советском блоке, где руководители не могли справиться с текучкой трудовых кадров. В Китае большое влияние оказывал опыт правления Гоминьдана, а также конфуцианская патерналистская культура. Соседские общины играли более значительную роль во всех аспектах жизни, чем муниципальные органы в странах советского блока. Они скорее походили на японскую участковую полицию (каждый полицейский лично знал каждого жителя своего участка), чем на местные советы СССР. Самым нижним звеном политической иерархии было объединение небольшой группы жителей, включавшее обычно от 15 до 40 семей, руководители которого доносили до жителей приказы сверху, заботились об их благосостоянии и обеспечивали охрану порядка. На рабочих местах данвей (рабочая группа), аналог советского коллектива, обеспечивал рабочих и служащих жильем, предоставлял возможности медицинского обслуживания, детские учреждения, столовые для рабочих. По сравнению с советским коллективом данвей наделял полномочиями даже низших заводских чиновников, которые имели право распределять жилье, абонементы на велосипед и другие блага{1013}. Чтобы получить привилегии, рабочие должны были действовать «правильно», по одобренной схеме. Даже личная жизнь подвергалась тщательному контролю. Один рабочий в интервью Эндрю Вальдеру объяснял: «Обычно рабочих наказывают за воровство, плохое отношение к работе, опоздания, отсутствие на работе без разрешения и за половые связи [внебрачные]. Установленных видов наказаний за определенные провинности нет. Внебрачная половая связь считается серьезной провинностью, минимальное наказание за нее – формальное предупреждение...»{1014}

Любопытно, что наказание за плохую работу было менее строгим, хотя и во многом зависело от отношения рабочего и от его классового происхождения. Как объяснял один рабочий: «Если человек признает вину и проходит процедуру самокритики, коллектив проявит снисхождение и окажет человеку помощь, вразумит его. Обычно этого достаточно, потому что при этом человек испытывает смущение и стыд»{1015}.

В странах советского блока вмешательство в личную жизнь распространялось, наоборот, только на членов партии. Местные советы были далеки от того, чтобы налаживать тесный контакт с населением, администрация предприятий имела еще меньший контроль над своими рабочими. Однако даже при этом советская система после 1964 года была строго патерналистской, хотя социалистический патернализм был далек от патернализма хорошо организованного полицейского государства XVIII века. Предполагалось, что граждане будут не только лояльными партийному руководителю, директору завода или председателю колхоза, но и станут жить в соответствии с социалистическими принципами: добросовестно работать, быть добродетельными, участвовать в жизни коллектива, вести «общественную работу». В случае рабочих это означало, что они должны были дополнительно (и бесплатно) трудиться на благо общего дела, например выполнять некоторые обязанности в профсоюзном комитете. В случае академиков и профессоров «общественное поручение» состояло в чтении вечерних лекций для рабочих[733]. Так, «общественная работа», порученная Александру Зиновьеву, профессору, философу, диссиденту, автору критических произведений о советском обществе 1970-х годов, заключалась в том, что он должен был рисовать карикатуры для общественной стенгазеты и ездить с лекциями по деревням в составе отрядов агитации и пропаганды{1016}.

«Общественная работа», безусловно, выполнялась не всеми. Как и партийная культура в целом, она коснулась верхних эшелонов общества в большей степени, чем других его слоев: в 1960-е и 1970-е годы в СССР выполнение общественной работы считалось обязательным для членов партии, какую бы должность они ни занимали, при этом общественную работу выполняли от 60 до 80% людей с образованием, 40-50% рабочих и 30-40% колхозников{1017}. Мотивы были разные. Многие считали общественную работу (особенно заседания

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org общественных комитетов) бессмысленной и участвовали в ней только по принуждению или в надежде получить привилегии. А. Зиновьев объяснял: «Если кто-то уклоняется от общественной работы, этот факт фиксируется, и тут же применяются меры. Меры могут быть разными, начиная от повышения заработной платы до решения проблем с жильем, возможности заграничной поездки или публикации»{1018}.

При этом Зиновьев отрицал, что «общественная работа» всегда представляла собой пустую формальность, что людей принуждали ее выполнять или подкупали взятками и обещаниями привилегий. Он утверждал, что очень многие воспринимали ее серьезно. Люди выполняли общественную работу потому, что она была нравственна по своей сути и поднимала репутацию всего коллектива. Иногда за нее брались, чтобы не выполнять другую работу. Например, многие старые академики и преподаватели, потерявшие интерес к научному исследованию, с большей готовностью брались за общественную работу, чем их более молодые коллеги.{1019}

Как «служивые аристократы» прошлого, некоторые люди трудились как за вознаграждение, так и за идеалы. Многие видели в этом основную идею зрелого социализма. Один молодой человек, работавший в начале 1980-х годов комсомольским организатором, рассказал в интервью этнологу Алексею Юрчаку (при этом сохраняя критическое отношение к скучным и бессмысленным собраниям): «Что касается меня, то я уверен, что по сути государственная политика была правильной. Она в основном состояла в заботе о простых людях, в том, чтобы предоставить бесплатное медицинское обслуживание и хорошее образование. Мой отец – пример приверженца такой политики. Он был главным врачом области и многое делал для того, чтобы совершенствовать медицинские услуги для населения. Моя мама тоже врач, она тоже работала очень много. У нас была хорошая государственная квартира»{1020}.

Однако не все верили в справедливость системы. Среди недовольных была фрау Хильдегард Б. из Магдебурга (ГДР). В 1975 году после долгого ожидания она наконец получила участок земли, но должна была заплатить за него более высокую цену, чем ожидала. В гневе она подала протест властям, поскольку считала, что заслуживает большего, добросовестно и долго прослужив государству на должности главы исполнительного комитета заводского профсоюза. Председатель местного отделения Ассоциации садовников, дачников и мелких животноводов отписал ей ответ, в котором не соглашался с тем, что с ней обошлись несправедливо. Он подчеркнул, что все, кто получили участки до нее, также были добросовестными «активистами» и заслуживали привилегий. При этом он все же пошел на компромисс и выделил ей участок подешевле{1021}.

Растянутые ответы чиновников показывают, как одержимо режим стремился поступать справедливо. Любое подозрение в том, что привилегии предоставлены недобросовестному гражданину, нарушало общественное спокойствие и готовность «играть по правилам». Однако чем решительнее государство отказывалось от идеи преобразования общества, тем труднее было обеспечить прямую связь службы и вознаграждения. Режим все более приближался к патернализму жадных начальников и их подчиненных, отдаваясь от модели заботливых отцов и послушных детей. В то же время подчиненные понимали, что они получают награды скорее за стабильную преданность режиму и низкопоклонство, чем за абстрактные социалистические добродетели. При том что партия больше не стремилась мобилизовать рабочих на строительство социалистической утопии, ее начальники и чиновники пользовались большим влиянием в повседневной жизни.

Когда в 1983 году Майкл Буравой поехал работать в Венгрию на автозавод, его поразило то, насколько это предприятие отличалось от такого же завода в Чикаго, где он работал десятилетием ранее. Очень различались отношения между руководителями и простыми рабочими. В США не гарантировалось сохранение рабочих мест, зато гарантировалась регулярная зарплата. В Венгрии было все наоборот. Уволить людей было очень трудно, зато рабочим платили в зависимости от объемов производства: если кто-то выполнял только 50% «нормы», ему выдавали 50% зарплаты. В США независимые профсоюзы добились того, что для рабочих была установлена минимальная фиксированная заработная плата, меньше которой нельзя платить, сколько бы работы ни было выполнено. Венгерская система наделяла руководителей завода, начальников цехов и старших мастеров большими полномочиями, они могли устанавливать любые рабочие нормы и платить в соответствии с выполнением нормы, а кроме того, отдавать лучшие станки и самые легкие задания своим друзьям и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org знакомым. Боровой, как «незванный гость» из-за рубежа, получил старый станок и трудную работу, при этом он выполнял 82% нормы и зарабатывал 3600 форинтов, в то время как его знакомый рабочий, имевший связи в руководстве, зарабатывал 8480 форинтов{1022}. Венгерский поэт и левый диссидент, впоследствии поклонник политики Маргарет Тэтчер Миклош Харашти, который в начале 1970-х годов работал на тракторном заводе «Красная звезда», так описывал полномочия начальника цеха: «Начальник цеха не просто организует нашу работу: прежде всего он организует нас. Начальники цеха распределяют нашу зарплату, нашу работу, в том числе сверхурочную, наши премии, вычеты из зарплаты за брак. Они решают, когда у нас отпуск, они пишут на нас характеристики для любой государственной организации, которая может их потребовать...»{1023}

Полномочия руководителей различались в разных странах советского блока. В Китае предприятия пользовались правом контроля над распределением продовольствия и жилья, поэтому рабочие старались сохранить хорошие отношения с руководством. В 1970-е годы продолжался период «групповщины», сложившейся во время Культурной революции, однако позже он стал зависеть не от соблюдения принципов идеологии, а от личных связей. В Венгрии в 1970-е годы руководители больше контролировали доходы, нежели распределение жилья. В ГДР, напротив, система сдельной оплаты в соответствии с объемами труда была слабее, однако тут руководители использовали структуры стимулирования при распределении смен и комплектации бригад. Если рабочие и протестовали, то это были отдельные, изолированные выступления, которые редко перерастали в забастовку всего предприятия.

Однако неверно делать вывод о том, что везде начальство было всесильным. Как в большинстве патерналистских обществ, «отцы» и «дети» были связаны многочисленными внутренними правилами, традициями и взаимными обязательствами. Это означало, что руководители не могли абсолютно во всех ситуациях делать то, что им вздумается. Один рабочий описывал необычную ситуацию, когда руководители оказывались в сильнейшей зависимости от личных связей: «Настоящая сила и власть зависели от этого рода связей. Распоряжения нового заместителя директора нашего завода никто не выполнял, так как этот человек не имел связей. Ему понадобилось очень много времени на то, чтобы построить эти связи, до того, как люди стали выполнять его распоряжения. Выполнение приказов зависело от наличия дружественных отношений: вроде как друзья помогали тебе тем, что выполняли твои просьбы»{1024}.

В поздних социалистических обществах возникли более фундаментальные причины слабого авторитета руководителей. Возможно, они и сохраняли контроль над заработной платой и распределением благ, однако проблема состояла в том, что в странах советского блока был дефицит рабочей силы, и недовольным ничего не стоило уволиться и найти новую работу. Руководители также полагались на сплоченность рабочих и их готовность гибко действовать в условиях экономики, сопровождающейся сбоями в производстве и дефицитом. Если рабочие не станут взаимодействовать и трудиться сообща, предприятие не выполнит план, и руководители будут наказаны. Председатели колхозов находились в похожей ситуации. Один из председателей колхоза в румынском жудеце (административном округе) Олт объяснял, как ему было сложно заставить крестьян работать в колхозе, когда появилась возможность трудиться на местных малых промышленных предприятиях или на собственных огородах. Особенно тяжело было заставить людей брать на себя ответственность: «Самая трудная часть моей работы – заставить людей работать. Постоянно не хватало бригадиров, и я слонялся от дома к дому, повторяя одни и те же обещания сделать людей начальниками. Одним нужен был газ в баллонах, другим мясо. Я не мог удовлетворить их запросы, а руководители нам были по-прежнему нужны»{1025}.

Эта картина (чиновники с ограниченными полномочиями, вынужденные идти на компромисс со своими подчиненными) подкреплялась сатирическим описанием советской системы русского философа Александра Зиновьева в книге «Зияющие высоты» (1976). Согласно Зиновьеву, главная сила советской системы заключается не в Кремле, а в коллективе как таковом, будь это заводской цех, колхоз, академический институт или жилой дом. Хотя руководители и чиновники назначались сверху, они отождествляли себя с коллективом, а не с начальниками. Хотя руководители часто превышали полномочия, стремились увеличить свою власть, их всегда сдерживал тот факт, что их карьерный рост напрямую зависел от работы их подчиненных, от контроля местной партийной ячейки и «от рядовых сотрудников, которые пишут жалобы и анонимные письма в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org разные инстанции». Таким образом, власть руководителей только и позволяла, что набить собственные карманы, а также карманы их «прихвостней и подхалимов» [734]. Фактически изменить организацию предприятия было невозможно: «даже самая малая инициатива стоит руководителям огромных усилий, и очень часто результатом становится сердечный приступ». {1026}

К описанию Зиновьева следует относиться очень осторожно. Так, например, жизнь академической элиты была совершенно другим миром по сравнению с жизнью обычного рабочего или крестьянина. Однако, несмотря на это, он помогает понять парадокс зрелой социалистической системы: ее законность постоянно оспаривалась в многочисленных жалобах людей на несправедливость и лицемерие, однако она сохраняла поразительную стабильность (кроме некоторых ситуаций, например, в Польше).

Одной из причин стабильности служило чувство защищенности в коллективе: уволить человека с должности было очень трудно. Кроме того, Зиновьев обоснованно говорил об относительной «простоте жизни» по сравнению с Западом. Как это ни парадоксально, в этих якобы бюрократических обществах волокитой, чем в условиях современного капитализма. Все можно было решить на рабочем месте, без необходимости обращаться в целый ряд частных организаций (например, банки, страховые и энергетические компании). На то, чтобы достать желаемый товар, уходило много времени и энергии, тем не менее в большинстве социалистических стран во все времена можно было рассчитывать на минимальный стандартный уровень жизни. Кроме того, обычно людям не надо было много и трудно работать (хотя в тех странах, где возникла широкая «черная» экономика, люди оказывались вынуждены работать много). И все же коллектив вовсе не был косной, статичной структурой, в нем присутствовал дух соперничества. Усердная работа и открыто выраженные амбиции, возможно, не приносили желаемого результата, однако существовало немало возможностей продвигаться по службе, используя политиканство и хорошие связи с начальством {1027}.

Относительно свободный, нетребовательный режим работы позволил людям больше времени уделять личным отношениям. Как написали Хорват и Саколчачи в 1992 году, если партия «отучила многих людей правильно устраивать личную жизнь, выражать свое мнение, обсуждать общественные проблемы и их собственные интересы в цивилизованной форме», то неспособность партии привить людям трудовую этику высвободила время и пространство для личных отношений: «Люди здесь не работают», – высказались западные эксперты. Но именно это отчуждение [от внутренней трудовой этики], привычное к 1970-м годам, позволило людям сохранить нормальный уклад повседневной жизни, которая оставалась нетронутой официальными отношениями, уклад с нормальными дружескими связями, доверием, непосредственным общением, внутренней гармонией, независимостью, возможностью жить и чувствовать. «Война всех против всех», которая сегодня характеризует ментальность всех слоев общества, в то время была присуща только тем группам населения, которые боролись за власть в своих коллективах {1028}.

Наряду с официальным коллективом существовал неофициальный: друзья и семья. В самом деле, вмешательство коммунистических режимов в жизнь людей, стремление превратить дружбу в политически приемлемое «товарищество» только повышали значение дружбы как последнего пристанища. Друзья – это люди, которым человек мог доверять, они никогда не передали бы другим его слова, не рассказали бы о его поступках партийным активистам. Дружба приобретала особое значение в периоды радикальной политики, например во время Культурной революции. Некоторые китайцы, вспоминая свои школьные годы в эпоху Мао, рассказывают, что на собраниях-самокритиках друзья упоминали только «мелочи» и «несерьезные ошибки» {1029}. Даже в более спокойные времена дружба, возможно, имела большее значение в социалистическом обществе, чем в любом другом. В 1985 году на вопрос о том, какая организация или общественный институт пользуется наибольшим авторитетом в жизни человека, 23% белорусских и эстонских молодых людей (из 3500 опрошенных) назвали коллектив, 33% – друзей и 41% – семью. Дружба в СССР ценилась гораздо больше, чем на Западе, и для развития дружеских отношений у советских людей было больше свободного времени: 16% людей встречались с друзьями каждый день, 32% – один или несколько раз в неделю, 31% – несколько раз в месяц. Одиноким американцам встречались с друзьями в среднем 4 раза в месяц {1030}.

И все же, сколько бы времени и сил человек ни уделял неформальному

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org «коллективу», значение официального коллектива не снижалось. Существовало явное противоречие между принципами справедливости и эгалитаризма, на которых должны были строиться отношения в коллективе, с одной стороны, и, с другой стороны, административной и партийной иерархией, которая действовала только в интересах верхов[735]. Рабочие считали власть и привилегии руководства несправедливостью. Миклош Харашти обнаружил, что рабочие (как и рабочие СССР в сталинскую эпоху, особенно в 1930-е годы) осознают четкую разницу между собой и привилегированным слоем управленцев: «Они, им, их: я не верю, что любой, кто работал на заводе или имел хотя бы один поверхностный разговор с рабочими, может сомневаться в значении этих слов... руководство, те, кто отдает распоряжения и принимает решения, принимает на работу и выплачивает зарплату, руководители и их прихлебатели, которые за все отвечают, но все же остаются недосягаемыми, даже когда оказываются в нашем поле зрения»{1031}.

Как отмечал Харашти, если рабочие и отделяли себя от руководителей, они необязательно относились к ним враждебно. Некоторые понимали, что руководители как технические специалисты очень ценны, однако на большинстве предприятий было распространено отношение к руководству в духе радикального марксизма[736]. Руководителей, особенно тех, кому явно не хватало компетенции, считали паразитами, наживавшимися на излишках, производимых рабочими. Один молодой рабочий (в солидарность ленинским идеям, высказанным в труде «Государство и революция») утверждал, что административную работу мог выполнять любой грамотный рабочий, причем выполнять гораздо лучше, потому что рабочие были честнее: «Тот объем работы, который они выполняют, я имею в виду то, что они реально выполняют, мог бы выполнять любой неопытный рабочий, причем самостоятельно... если бы кто-нибудь научил его считать. Каждое утро он бы справедливо распределял трудовые задачи согласно очередности и сам отводил рабочих к их станкам...»{1032}

Не только рабочие на производстве и колхозники считали, что другие наживаются на несправедливо распределяемых привилегиях. «Белые воротнички» все чаще стали обращать внимание на несправедливое к ним отношение (особенно начиная с 1970-х годов), когда разница в зарплатах простых рабочих и специалистов с образованием заметно сократилась. Как вспоминал Фридрих Юнг, учитель из ГДР: «в трудном положении оказывался тот, у кого не было ни денег, ни связей»; он считал, что рабочие крупного успешного завода находились в значительно лучшем положении, так как они зарабатывали больше учителей и имели льготы на продовольствие и жилье{1033}.

Таким образом, даже при более-менее равных зарплатах недовольство несправедливыми экономическими привилегиями было повсеместным, как показали результаты нескольких независимых опросов, проведенных в 1970-е и 1980-е годы. По данным опроса в Польше в 1981 году, 86% населения находили разницу в зарплате «возмутительно несправедливой»[737], а большинство населения Венгрии считало, что партия действовала «в большой степени» в интересах партийной верхушки и небольшой группы аппаратчиков{1034}. Кажется, что с уравниванием зарплат люди почувствовали, что привилегии стали еще более несправедливыми. Исследование общественного мнения в СССР в эпоху Брежнева показало, что молодое поколение в большей степени, чем старое, считало эту эпоху самой несправедливой{1035}.

Майкл Буравой ясно понимал, что недовольство неравенством среди рабочих коммунистического мира было гораздо сильнее недовольства капиталистических рабочих. Рабочие сталелитейного завода имени Ленина в венгерском городе Мишкольце и их коллеги на заводе в Чикаго жаловались на закупорку старых сталеплавильных печей. Но если американские рабочие теряли рабочие места, «они все равно не обвиняли в этом капитализм». В то же время, «как ни парадоксально, плавильщики бригады имени Октябрьской революции, более-менее защищенные от разрушительных тенденций мирового рынка и не способные понять, что значит потерять работу, тем не менее только и умели, что критиковать собственную систему» и много времени тратили на обличение лицемерия социализма{1036}. Решение этого парадокса заключается в другом парадоксе: несмотря на политическую секретность и пропаганду, искажающую реальность, коммунистические режимы были все же намного прозрачнее, чем капитализм. Золя справедливо описывал капитал как таинственное божество, спрятанное в храме, святость которого никогда не оспаривается и которое недоступно простым людям. В коммунистических режимах, наоборот, рабочим постоянно разъясняли принципы социализма через пропаганду, социалистическое соревнование, «добровольную» общественную работу и производственные кампании. Рабочие всегда имели возможность сравнивать реальность с идеалом.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Кроме того, экономические механизмы социализма также были понятны: государство финансировало предприятие, рабочие производили «излишки», которые государство забирало и, как предполагалось, справедливо распределяло их среди населения ради блага всего общества. Разумеется, когда рабочие видели, как их начальники несправедливо наделяют себя привилегиями, они понимали, что их бессовестно используют. При капитализме очень трудно понять, куда уходит прибыль и насколько справедливо она распределяется. Неудивительно, что рабочие часто критиковали социалистические системы за то, что они были недостаточно социалистическими.

Однако, как и в прошлом, появлялось противоречие не только между патерналистским стилем коммунистических режимов и принципом равноправия. Коммунистический патернализм противоречил также «современным» ценностям, которые режим якобы защищал. Если учесть, что «традиционные» общества обычно строились на неэгалитарных, иерархических общественных отношениях подчинения, почитания и неподвижности, а в «современных» обществах каждый человек признавался независимой личностью[738], которую оценивали только по ее достижениям, то мы обязательно обнаружим элементы «традиционного» порядка в коммунистическом обществе. Патерналистские отношения лежали в основе коллективов; люди зависели от начальства, а в некоторых социалистических обществах коллектив был своего рода капканом: например, в Китае после периода «Большого скачка» и в СССР система внутренних паспортов затрудняла перемену места жительства или простые поездки. Кроме того, несмотря на пафос официальной риторики, продолжалась дискриминация женщин. Милитаристская мессианская партия могла оправдывать свою культуру собственной ролью в строительстве социализма и в борьбе с классовыми врагами, однако когда эта задача была выполнена, роль партии стала менее понятной. Она все чаще выглядела традиционной организацией, в меньшей степени способной управлять страной, чем настоящие специалисты.

И все же можно утверждать, что коммунистические режимы построили в некотором роде «современные» общества: они способствовали урбанизации, массовому образованию и росту благосостояния граждан. Социалистические режимы поощряли развитие «современного» отношения к жизни и обществу, в котором отдельные личности и семьи стремились к самосовершенствованию ради совершенствования национального сообщества, частью которого они являются. По утверждению антрополога Дэвида Кидекела, крестьяне румынского административного округа Олт создали широкую и разнообразную сеть хозяйственных отношений, охватывающую большую территорию, чем они имели до войны, при этом они прекрасно осознавали важность самосовершенствования. Понятие «готовности» (рум. *pregătire*), подразумевающее хорошую успеваемость в учебе и интерес к работе других людей, приобрело более серьезное значение при социализме, чем имело до него. Как объяснял один рабочий: «В прошлом *pregătire* была только у лидеров, рабочие и крестьяне не имели об этом представления. Теперь все наоборот»{1037}. Прежнее стремление, практически присущее только аристократам, стать господином – щедрым, изящным, харизматичным человеком, который не должен работать, – все еще присутствовало, однако оно сочеталось с новыми моделями поведения. У крестьян также появилось более прагматичное, утилитарное отношение к жизни. Антрополог Марта Лампланд обнаружила, что в межвоенный период венгерские крестьяне в окрестностях города Шарошд (к югу от Будапешта) были мало заинтересованы рынком; осознание статуса пришло с получением независимости, и теперь крестьяне стремились получить как можно больше земли, чтобы сохранить статус, – цель, для достижения которой многие крестьяне были слишком бедны. Таким образом, социализм не пользовался поддержкой крестьян, поскольку он ставил их в зависимость от чиновников. Однако благодаря социализму изменилось их отношение к жизни. Теперь, когда оценивали и платили за труд, у крестьян появилось коммерческое отношение к труду. К 1980-м годам венгерская деревня превратилась в центр «бурного развития экономики и утилитаризма»{1038}.

Разумеется, такое отношение устраивало коммунистические режимы до тех пор, пока крестьяне ставили коллективные интересы выше индивидуальных. Они стремились создать новый тип современной личности – рациональной, свободной от «общественных оков» прошлого, с развитым духом коллективизма. И они добились в этом стремлении определенных успехов. В некоторых ситуациях казалось, что граждане стран советского блока обладали более сильным духом коллективизма, чем их современники, живущие на Западе, кроме того, многие жители стран советского блока имели более эгалитарные взгляды, чем жители Запада (об этом речь пойдет в главе 12){1039}. Несмотря на это,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org существовали силы, подрывающие коллективизм. Результаты опросов общественного мнения в Польше показали, что принцип самопожертвования ради коллектива приобрел меньшее значение для простых людей, чем принцип равноправия в период между 1966 и 1977 годами{1040}. Преданности коллективу угрожал новый враг: потребительство. Коммунистическим обществам еще было далеко до западного потребительского бума, однако во многих из них статус человека начали оценивать не по его службе на благо государства, а по тем товарам, которые он может себе позволить.

VII

В 1983 году в советский кинопрокат вышла новая романтическая комедия, содержащая мощное идеологическое послание. Фильм «Блондинка за углом» рассказывает историю романа астрофизика Николая, который становится грузчиком в большом московском универсаме, и главной героини – продавщицы Нади, способной достать все что угодно на московском черном рынке[739]. Образ жизни и связи развивают в ней способность добывать «дефицитные» товары. Своих друзей она представляет Николаю не по именам, а по тем товарам и услугам, которые они могут предоставить: одного она называет «театральными билетами», другой зовется «отдых на Черном море» и так далее. В параллельном реальности мире потребления настоящим начальником является прагматичная Надя, а вовсе не партийный секретарь. Она так уверена в силе своего влияния, что даже пытается выяснить, получится ли обеспечить Николаю Нобелевскую премию, подкупив членов нобелевского комитета икрой и другими дефицитными товарами. Легкая комедия заканчивается тяжелым моральным выбором: Николай, сперва увлеченный новым миром, бросает Надю накануне свадьбы, которая символизирует начало эгоистического и мелочного существования в мире потребительства.

Фильм «Блондинка за углом» отразил обеспокоенность коммунистического мира началом эпохи потребления: это была конкурирующая вселенная со своей иерархией и ценностями, полностью противоположными ценностям коммунизма. К 1970-м годам во всех странах советского блока процветала черная экономика; в некоторых странах (СССР, Польше, Венгрии) на нее смотрели сквозь пальцы, в Восточной Германии, например, к черному рынку относились менее либерально, и все же он процветал. Черные рынки покрывали большой процент всей экономической деятельности: исследования показали, что в 1980-е годы в СССР 60% услуг по ремонту машин, 50% услуг по ремонту обуви и 40% услуг по ремонту жилья оказывались посредством черного рынка, в основном в виде халтуры в ущерб основной работе{1041}. Социалистические государства узаконили губительную потребительскую культуру тем, что учреждали специальные магазины, где можно было купить предметы роскоши. Например, магазины «Эксквизит» и «Деликат» продавали такие товары по более высоким ценам, чем обычные, а некоторые магазины реализовывали товары только за валюту западных государств, полученную, например, от родственников.

Потребительство породило новый мир. Люди тратили много времени в поисках «дефицитных» товаров и модной одежды, особенно западного производства. Неудивительно, что в 1970-е годы большой популярностью пользовались профессии, открывающие доступ к потребительским товарам. Социологи показали, что работа продавщицы (как у Нади), считавшаяся непрестижной в 1960-е годы, теперь привлекала все большее количество женщин, а высшее образование потеряло свое былое значение. Высококвалифицированные специалисты все еще зарабатывали больше, чем рабочие, а некоторые профессии (например, высшие армейские чины и партийное руководство) оплачивались очень высоко и пользовались льготами и привилегиями. Однако новые иерархические отношения, основанные на доступе к потребительским товарам, составили серьезную конкуренцию прежней патерналистской системе, основанной на результатах службы государству и коллективу. Результаты опроса советских подростков в 1987 году показали, что они считали спекуляцию на черном рынке самой прибыльной работой в советском обществе, второе место по престижу занимала военная служба, затем следовали услуги по ремонту автомобилей и утилизация бутылок; низкие позиции занимали профессии пилотов, актеров и университетских преподавателей{1042}. Похожая ситуация была в ГДР, где огромное значение играла иностранная валюта, присылаемая родственниками из-за рубежа. Здесь ходила шутка про то, что немецкий социализм достиг новой фазы по марксистской схеме: «от каждого по способностям, каждому в зависимости от места жительства тети»{1043}.

Как показано в фильме «Блондинка за углом», новый вызов прежнему порядку был отвергнут теми, кто не имел доступа к потребительским товарам. В Польше

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org партийные аппаратчики были инициаторами и главными действующими лицами черного рынка, что нанесло большой ущерб их авторитету. В других странах партийным чиновникам среднего звена было гораздо труднее наладить контакты с границей, потребительская культура отталкивала от себя тех, кто не имел возможности или желания участвовать в параллельной экономике; если при старом порядке эти люди имели престижный статус, то при новом они приобретали более низкое положение.

Естественно, потребительские товары заняли центральное место в жизни людей, когда доступ к ним расширился. Большинство людей в большинстве обществ стремится повысить свой социальный статус. Однако этот статус стал ассоциироваться с потребительством только тогда, когда официальная социалистическая иерархия потеряла свою значимость и, что более важно, когда потребительские товары стали доступны обычным людям. Теперь люди соревновались с равными себе; когда блага были доступны только партийной верхушке, далекой от народа, простым людям было не так важно их иметь, однако с 1950-х годов в коммунистических государствах постепенно стали создаваться идеальные условия для развития одержимости потребительскими товарами. Прилагались большие усилия к тому, чтобы распространить эти товары, однако производить достаточно продукции для удовлетворения потребностей населения не удавалось.

Степень одержимости потребительскими товарами ясно показала, что многие жители стран советского блока постепенно попадали в сферу влияния Запада. Молодежная культура складывалась на основе западной моды и музыки; несмотря на то что в социалистических государствах было налажено производство собственной одежды (некоторые товары выпускались под западными марками, например Marlboro или Levi-Strauss), модной считалась одежда иностранных производителей. Однако не следует преувеличивать силу потребительства: все же авторитет коммунизма был подорван не ковбоем Мальборо. Исследование отношений к общественному престижу, проведенное в Венгрии (социалистической стране с наиболее развитой рыночной экономикой), показало, что наиболее престижными считались профессии, связанные с высшим образованием и специальным знанием (например, профессия врача). Торговля и другие сферы высоких доходов считались менее престижными{1044}.

Кроме того, интерес к потребительским товарам вовсе необязательно приводил к антисоциалистическим взглядам. На черном рынке действовала малая часть населения (по некоторым оценкам, 15% населения СССР), представителей которой обычно считали материалистами, в отличие от обычных людей{1045}. Таким образом, несмотря на бесконечные нападки официальной пропаганды на молодежь, увлекающуюся западной модой, на обвинения в материализме и уклонении от работы, сами молодые люди судили о мире не в манихейских, черно-белых категориях. Комсомольские активисты с таким же удовольствием, как и диссиденты, носили джинсы, приобретенные на черном рынке.

Все это относится еще к одной влиятельной ценности, импортируемой с Запада, – рок-музыке, ставшей причиной серьезного беспокойства коммунистов. Безусловно, рок-музыка ассоциировалась с молодежными восстаниями и маршами протеста 1960-х, а тексты песен были пронизаны идеями жизнелюбия и романтизма, противостоящими принципам как государственного социализма, так и технократического капитализма. В некоторых странах рок-музыканты открыто поддерживали оппозиционные движения. Польская панк-группа «Перфект» в начале 1980-х годов написала саундтрек для пропаганды движения «Солидарность», а творчество чехословацкой группы «Пластиковые люди вселенной», образовавшейся после вторжения СССР, было откровенно диссидентским. В одной из их песен 1973 года были такие строки:

«Сбалансируй килограммы паранойи!
Сбрось ужасную диктатуру!
Быстро! Давай жить, пить, блевать!
Бутылка, Ритм! Дерьмо в твоей руке»{1046}.

Некоторые члены группы были арестованы. Их судили по обвинению в «чрезмерной грубости, пропаганде антисоциалистических и антиобщественных идей, связанных с нигилизмом, декаданстве и клерикализме». На суде защита не отрицала наличия грубости в текстах подсудимых, при этом остроумно утверждая, что они всего лишь следовали ленинской большевицкой прямой, цитируя предположительно ленинский афоризм 1922 года «бюрократия – это дерьмо»{1047}. Тем не менее им не удалось убедить судью. Музыкантов приговорили к заключению, их громкое дело имело международный резонанс. Оно привело к созданию Хартии-77, группы диссидентов, целью которой было

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org заставить режим действовать в рамках закона и конституции. Самым известным членом Хартии-77 был драматург Вацлав Гавел.

Однако не все поп- и рок-группы открыто выражали антикоммунистические взгляды, многие режимы советского блока в 1970-е годы были вынуждены мириться с их творчеством, учитывая огромное количество людей, слушавших западные радиостанции. В ГДР партия вкладывала деньги в развитие «социалистического реалистического рока», а у советских коммунистов был свой анальгетик – политкорректные ансамбли, например «Веселые ребята» (группа была названа в честь одноименного фильма 1930-х годов в духе соцреализма). Комсомол формировал длинные списки запрещенных групп. Так, группа «Black Sabbath», исполнявшая тяжелый металл, обвинялась в пропаганде «насилия» и «религиозного мракобесия», а эстрадный исполнитель Хулио Иглесиас страным образом был причислен к распространителям идей «неофашизма»{1048}. Тем не менее отсутствие в списке говорило о благонадежности группы или исполнителя, и комсомольские организации часто сами выступали в роли организаторов рок-концертов. Алексей Юрчак рассказывает об Александре, который был комсомольским секретарем одной из школ Якутска, а впоследствии стал студентом Новосибирского университета, стороннике коммунистического идеала и поклоннике прогрессивного рока и британской группы «UgiaH Heer». Он самонадеянно писал своему другу, чей преподаватель философии осудил рок-музыку: «Передай своему профессору эстетики, что на окружающий мир нельзя смотреть с позиции доисторических взглядов... “Битлз” – беспрецедентное явление нашей жизни, которое по влиянию, которое оно оказывает на человеческое сознание, может сравниться с полетами в космос и ядерной физикой»{1049}.

Таким образом, идеи коммунизма вовсе не обязательно вступали в противоречие с современной массовой культурой, однако коммунистические партии реагировали на ее новые веяния с позиции «доисторических взглядов». Хрущев и его поколение сохранили коммунистический режим в космическую и ядерную эпоху, однако мир не стоял на месте, и стареющие коммунистические лидеры стали казаться настолько «доисторическими», насколько консервативной казалась их политика.

VIII

«Я люблю правых». Так обратился непревзойденный представитель коммунистического радикализма Мао Цзэдун к известному антикоммунисту, президенту США Ричарду Никсону во время их встречи в Пекине 21 февраля 1972 года. Так же неожиданно Никсон, раньше не замеченный в пристрастии к теории, выразил желание обсудить с Мао «философские проблемы»{1050}. Всего за два года до этого едва ли кто-то мог представить такую странную форму примирения между самым радикальным режимом коммунистического мира и «пугливым вождем американского империализма», как назвала Никсона китайская пресса.

Три месяца спустя, 29 мая, Никсон встретился с другим лидером коммунистического блока, Леонидом Брежневым, в подчеркнуто нереволуционной обстановке Екатерининского зала ремля, отделанного золотом и хрусталем. Они увиделись с целью подписать ряд соглашений, включая Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) и документ, определяющий новые принципы советско-американских отношений.

Готовность Брежнева заключить мир никого не удивляла, учитывая его характер и изменения в советском образе мышления после Карибского кризиса. В 1972 году Брежнев достиг многого из того, на что надеялся Сталин в 1945 году. Мир был формально разделен на сферы влияния сверхдержав. Теперь Восток и Запад еще больше приблизились к равенству, по крайней мере в военном и геополитическом отношении. Брежнев добился признания коммунистической империи в Восточной Европе, право на существование которой американцы долгое время отрицали.

Перевоплощение Мао в миротворца, разумеется, оказалось более неожиданным. Однако оба коммунистических лидера столкнулись с похожими трудностями: ослабление власти режима в результате взрыва революционных настроений конца 1960-х годов и стратегическая уязвимость. Как и Брежнев, который пытался стабилизировать ситуацию в советском блоке после «Пражской весны» 1968 года, Мао стремился восстановить порядок после им же введенной Культурной революции, при этом опасаясь военного нападения со стороны США и Индии.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Тем не менее больше всего причин для компромисса было у Никсона. После очевидного успеха в странах «третьего мира», где американцам в середине 1960-х годов удалось задушить не одну революцию, американская мощь пошатнулась в результате сопротивления Вьетнама. Как в 1945 году (а также в 1919X) переговоры государственных деятелей в роскошных дворцовых залах не могли навязать волю мятежному Югу. Больше всего Вашингтон был обеспокоен тем, что его враги из третьего мира находили все больше сторонников в самой Америке – в американских студенческих городках и среди городского населения в целом. В 1968 году по всему миру – от Вашингтона до Стамбула, от Парижа до Мехико – политики с волнением наблюдали за тем, как на улицы выходит новое поколение революционеров.

11. Кульминация

I

В марте 1968 года в университете Аддис-Абебы, в зале Рас Маконнен в весьма напряженной обстановке проходил благотворительный показ мод{1051}. Мероприятие было организовано Линдой Тисл, добровольцем американского «Корпуса мира». Линда занималась общественной работой в женском студенческом общежитии и организовала мероприятие по образцу показа 1967 года, когда калифорнийская фирма представила модные изделия салонов «Salon Exquisite» и «La Merveilleuse», в том числе вошедшие в моду мини-юбки. Показ 1967 года поднял волну критики среди эфиопских студентов, особенно бурную реакцию вызвали мини-юбки. При том что многие замечания были явно националистическими (например, показ мод считали «антиэфиопским», «опиумом, который отравил Европу»), в отзывах также отчетливо звучали марксистские интонации. Такая риторика в то время стремительно распространялась в студенческих кругах. «Показ мод – не что иное, как... орган неокOLONIALИЗМА... инструмент создания удобного рынка для [западных] предметов роскоши» – говорилось в одной статье{1052}. Линда Тисл ответила на критику тем, что исключила мини-юбки из показа и преобразовала мероприятие в первое африканское шоу мод, демонстрирующее только африканские ткани и наряды. Однако радикальных студентов было не так просто успокоить. Одни говорили, что ни одно шоу мод, каким бы националистическим оно ни было, не оправдано в такой бедной стране, как Эфиопия. Широко обсуждаемой проблемой стали вопросы тендерных отношений. Мужчины восприняли это мероприятие как подтверждение того, что эфиопские женщины, прельщенные западными ценностями и разлагающим образом жизни, пренебрегали более серьезными экономическими и политическими вопросами. Веллелин Маконнен объяснял: «Мозги наших сестер промыты западным мылом... Американская философия жизни ни к чему хорошему не приводит»{1053}.

В конце концов дискуссия переросла в небольшую, но жестокую демонстрацию. Около 50 разгневанных студентов собрались перед входом в зал, оскорбляли и били женщин, толкали иностранцев, бросали тухлые яйца в некоторых посетителей, других насильно вытаскивали из машин. Прибытие полиции вызвало еще большую агрессию демонстрантов, некоторые студенты-радикалы были арестованы, в том числе редактор студенческого журнала «Борьба». Администрация университета во главе с вице-президентом Американского университета приняла решение закрыть учреждение. Некоторое время настроения эфиопских студентов были явно марксистскими и антиамериканскими. Американцы ассоциировались с ненавистным режимом императора Хайле Селассие. За несколько месяцев до показа мод обращение вице-президента США Хьюберта Хамфри к студентам было отменено из-за шумного марша протеста против войны во Вьетнаме{1054}. Однако события в зале Рас Маконнен послужили толчком к окончательному разрыву между студенческим движением и режимом Селассие. Многие студенты, выступавшие против режима, впоследствии сыграли важную роль в эфиопской революции 1974 года.

За несколько недель до этого в Нью-Йорке молодая выпускница университета Дона Фаулер зачитала петицию в защиту мини-юбки, которую подписали 66 человек. Она также угрожала организовать пикеты возле торговых центров с лозунгами «Долой макси!». Поколение американцев, таких как Тисл и Фаулер, протестовали против войны во Вьетнаме и «американского империализма», как их эфиопские ровесники (и не в меньшей степени, чем африканцы, использовали марксистские лозунги). Тем не менее у американской и африканской молодежи были совершенно разные проблемы и политические взгляды. Для Доны Фаулер и протестующих с ней девушек, мини-юбки символизировали личную и тендерную свободу, победу над строго маскирующей культурой, которая, по их мнению,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org господствовала в США после окончания Второй мировой войны. Веллелину Маконнелу эти предметы одежды напоминали нездоровые вкусы и отношения, которые задерживали развитие Эфиопии. Стране, по его мнению, была необходима строгая дисциплина, а не легкомысленная свобода. Оба поколения выступали под марксистскими лозунгами, однако молодые эфиопы вернулись к радикальному марксизму, которому следовала Россия в 1920-е годы, и резко отличались по взглядам от американцев, придерживавшихся демократического романтического марксизма.

В 1968 году долго копившиеся народные чувства обиды и неприязни вылились в кульминацию революционного движения по всему миру. Ни раньше, ни впоследствии марксистские лозунги не были так популярны повсеместно. Активисты Глобального Юга объединились с западными в борьбе против империализма, расизма и патернализма. Количество марксистских режимов возросло, карта мирового коммунизма была красной как никогда. И все же, несмотря на кажущееся единство, коммунистические режимы никогда не были так разобщены и разнообразны. Приблизительно через десять лет после 1968 года возникло много новых форм коммунистического движения. Казалось, что вся история движения сжато повторилась за одно лихорадочное десятилетие: сталинизм конца 1920-х годов в Африке, маоизм времен Культурной революции в Камбодже, коммунистическая политика Народного фронта в Чили при режиме Альенде, романтический марксизм «парней 68-го», европейский коммунизм с чертами социальной демократии и партизанская война в духе Че Гевары в Никарагуа.

Однако ощущение свободы и демократии, возникшее в 1968 году, было мимолетным. Несмотря на то что поражение сил США во Вьетнаме придало смелости и бодрости многим радикальным политическим и общественным движениям, США и их союзники вскоре снова сплотились. Когда коммунистические движения оказались втянуты в соперничество с сверхдержав и холодную войну, политика протестов, обсуждений и братских встреч уступила место политике оружия, бомб и гранат. Страны «третьего мира», «зона мира», как их называл Хрущев, превратились в кровавое поле битвы.

II

Летом 1964 года около тысячи американских студентов северных университетов (большинство из них были белые) отправились в южный штат Миссисипи бороться с расовой сегрегацией. Эта акция была организована «Студенческим ненасильственным координационным комитетом». Во время кампании «Лето Миссисипи» студенты жили группами в «домах свободы» или с местными семьями чернокожих, собирали подписи протестующих и преподавали в «школах свободы»{1055}. Во многом эта крупномасштабная акция напоминала «хождение в народ» молодых русских идеалистов в 1874 году. В отличие от русских аграрных социалистов, американские студенты присоединились к уже давно существующему народному движению[740]. Кроме того, у них были хорошие отношения с местными афроамериканцами. И все же, как и их русские предшественники, они столкнулись с репрессиями и жестким сопротивлением. Через десять дней пребывания в Миссисипи трое студентов были забиты до смерти сторонниками сегрегации (их поддержала местная полиция), многие становились жертвами нападений.{1056}

Опыт кампании «Лето Миссисипи» способствовал росту радикализма как ее организаторов, так и их противников. Студенты Беркли, вернувшись из Миссисипи в университет, обнаружили, что администрация университета запретила им использовать закрепленное за ними помещение, которое они употребляли для хранения и распространения политических листовок. Когда в университет прибыла полиция, чтобы помочь администрации университета выдворить студентов из их бывшего помещения, один из студентов Марио Савио организовал «сидячую забастовку» вокруг полицейской машины – прием, часто используемый во время демонстраций за гражданские права на юге. Попытки администрации университета Беркли наказать Савио спровоцировали новые «сидячие забастовки» и демонстрации, организованные активистами недавно сформировавшегося «Движения за свободу слова». По некоторым подсчетам, в них участвовали 10 500 студентов из 27 000 обучающихся в Беркли. Эти события послужили образцом для студенческих протестов, распространившихся по всему миру. Беркли стал в некотором смысле эпицентром восстаний (или даже «революций»), которые охватили всю Америку, затем Европу и другие регионы.

Движение студентов Беркли (как их русских и китайских предшественников)

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org было направлено против узаконенного неравенства, в данном случае этнического, а также против патерналистских силовых структур, особенно университетской администрации. Савио открыто связал борьбу за гражданские права и политику университетского руководства в речи, произнесенной в 1965 году: «В Миссисипи правит автократическое властное меньшинство, применяя насилие против слабого большинства. В Калифорнии привилегированное меньшинство использует университетских бюрократов и мешает студентам выражать свои политические взгляды. «Уважаемые» бюрократы – это враги «Дивного нового мира»»{1057}.

Речи Савио поражают своей категоричностью и радикализмом, однако до демонстраций 1964 года он не был настолько политизированным молодым человеком. Будучи американцем итальянского происхождения, Савио представлял этническое меньшинство, поддерживающее антикоммунистические кампании и многое получившее от «государства благоденствия» Трумэна и Эйзенхауэра. В университете (провозгласившем себя мультиверситетом) он посвятил себя исследованиям в области технологий (в основном для военных нужд) и общественному движению за гражданские права американцев (сначала по крайней мере белых). Беркли, как и многие университеты западного мира, стремительно расширялся и теперь насчитывал многих студентов из простых семей, в которых до этого ни у кого не было высшего образования. Как и первое поколение студентов в России в 1860-е годы, они не всегда ценили и с уважением принимали иерархическую, а иногда отчуждающую культуру образования, с которой они сталкивались. Один студент вспоминал: «Мы говорили о Беркли как о заводе. Аудитории были огромные; казалось, встать рядом с профессором было невозможно, так как они всегда находились высоко за кафедрой»{1058}.

В последние годы студенческие восстания 1960-х все чаще рассматриваются как наивное движение, призванное защитить интересы и прихоти студентов, однако каким бы ни было наше мнение об их причинах, нельзя недооценивать их исторического значения. Как и их предшественники – студенты-романтики, они обозначили фундаментальную перемену в мировоззрении. Западные студенты 1960-х и 1970-х годов заняли позицию против всех «отцов»: в семье, в университете, в государстве. Студенческая жизнь сплотила молодых людей. Они объединялись в братские сообщества, оспаривали традиционный иерархический уклад и авторитеты, бросали вызов сложившемуся в обществе отношению к женщинам и гомосексуалистам и даже опробовали новую форму бытового уклада – жизнь в сообществах хиппи{1059}. В то же время движения за права женщин и сексуальных меньшинств бросали вызов традиционным патриархальным отношениям. Таким образом, в центре их мировоззрения находилась новая форма коллективной демократии. Многие аспекты этой борьбы с традицией стали последствием длительных изменений, затронувших общественное положение молодежи с 1950-х годов. Доходы возросли, высшее образование стало более доступным, поэтому молодежь казалась более независимой и уверенной, чем в прошлом.

Кроме того, подобно тому как университет стал восприниматься «заводом», критика половой и этнической дискриминации и патернализма могла вскоре перерасти в недовольство тем, что некоторые воспринимали как «военное государство благоденствия» послевоенной эпохи. Критики считали, что западные государства, хотя и не настолько регламентированные, как общества советского блока, устанавливали неприемлемую степень общественной дисциплины. Заводы и фабрики работали по образцу «фордистского» производства, корпорации достигли огромных размеров, стали более иерархическими и отчужденными. Сразу после Второй мировой войны, когда многие боялись распространения влияния сталинизма и осознавали настоящую потребность перестроить расшатанную экономику и общество, строгая дисциплина казалась неизбежной оборонительной мерой. Однако, как и в советском блоке, когда реальная угроза войны исчезла, молодые больше не хотели придерживаться ограничений, которые были поставлены с целью не только роста благосостояния страны и увеличения производства потребительских товаров. Барбара Гарсон, редактор информационного бюллетеня «Движения за свободу слова», писала: «Все чаще от людей можно было слышать: “Я хочу что-то сделать со своей жизнью, я не хочу быть инструментом, который будет использован для достижения общего успеха”»{1060}.

Таким образом, западные студенческие движения принципиально отличались от русских и китайских движений: они с подозрением относились к тем самым технологиям, машиностроению и организационной модернизации, которыми так восхищались их предшественники. В самом деле, они бросали вызов фундаментальному элементу прометеевской идеи, что, возможно, было

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org неудивительно, учитывая тот факт, что они не считали свое общество «отсталым» и не были заинтересованы в конкуренции на международном уровне. В некоторых аспектах протесты 1960-х годов, нападки мятежных сыновей и дочерей на отцов «империалистов» и «милитаристов» были ближе к высмеивающим условности дадаистам времен Первой мировой войны, чем к Чернышевскому и Лу Синю. Европейские ситуационисты 1950-х и 1960-х годов признали этот долг. Они были уверены в том, что мещанское потребительское общество «отчуждало» западных мужчин и женщин. Ситуационисты также считали, что освободить их от задеревенелого самодовольства может провокация и «спектакль»{1061}. Главный теоретик «Ситуационистского интернационала» Ги Дебор настаивал на том, что «пролетарские революции» должны осуществляться в форме «фестивалей», основанных на «пьесе» и удовлетворении «несдержанного желания»{1062}. Книга Дебора «Общество спектакля», опубликованная в конце 1967 года, стала одним из культовых текстов западных студентов-революционеров.

Как и во время Первой мировой войны, по существу эстетическое разочарование в буржуазном мещанстве переросло в более политизированный романтизм, способствуя распространению влияния марксизма. Действительно, на волне этого влияния огромное значение приобрело сочетание марксистских идей Лукача и Франкфуртской школы. Герберту Маркузе, уже до войны ставшему корифеем Франкфуртской школы, а в 1934 году эмигрировавшему в США, было суждено стать философом-вдохновителем студенческих волнений 1968 года. Его книга «Одномерный человек», опубликованная в 1964 году, представляла собой переоценку романтического марксистского мировоззрения и в то же время в весьма изящной форме переключалась с идеями Фрейда. Маркузе утверждал, что современный капитализм основывался на технократической рациональности, которая обусловила слияние черт «Государства Благополучия и Государства Войны», что, в свою очередь, породило «общество тотальной мобилизации». Потребительство и иерархические институты (например, корпорации, военные структуры, политические партии) привели к появлению «механики конформизма», что обусловило отчуждение людей, подавление автономии и осуждение подлинно приятных, творческих и эротических аспектов жизни{1063}. В том, как Маркузе отвергает модернистский марксизм с его планированием и рациональностью, можно усмотреть возрождение идей фаланстеров Фурье и романтического «раннего Маркса». Учитывая тот факт, что Маркузе отвергал марксистский синтез модернизма и революции, неудивительно, что он так же громкогласно, как и капитализм, осуждал советский коммунизм. Он считал, что индустриальный капитализм и коммунизм являются прямыми наследниками нацизма и представляют собой «тоталитарные» режимы, управляемые бездушными технократами.

Глубокое неверие Маркузе в технологию и науку, его отношение к нацизму, капитализму и советскому коммунизму как к режимам с «тоталитарным» синдромом оказали сильнейшее влияние на политику и культуру левого романтизма 1960-х годов. Господствующие отцы, нацисты и атомные бомбы стали яркими образами быстро сформировавшейся культовой поэзии американки Сильвии Плат. Технофобия 1960-х стала одной из главных идей культовых фильмов Стэнли Кубрика. Образ доктора Стрейнджлава из одноименного сатирического фильма, снятого в 1964 году, воплотил многие идеи Маркузе – немецкий ученый-нацист, одержимый применением атомной бомбы, советник американского президента, прикованный к инвалидному креслу, чья механическая рука постоянно вскидывается в нацистском приветствии[741]. В фильме «Космическая Одиссея 2001», впервые вышедшем на экран в 1968 году, технологический прогресс показан как разрушительная сила, приводящая к насилию. Разрушительную силу прогресса символизирует компьютер-убийца HAL[742]. Одно из самых известных выступлений Марио Савио на митинге в Беркли было пронизано риторикой романтизма: «Пришло время, когда операции машин стали такими отвратительными, что вызывают лишь боль в сердце, но человек ничего не может сделать. Ему остается собственным телом зацепиться за сцепление, за колеса, за рычаги, за весь корпус машины и остановить ее»{1064}.

Так или иначе, Маркузе считается одним из самых выдающихся «Новых левых» мыслителей – эклектичной группы, к которой мы можем причислить американского социолога Чарльза Райта Миллса, британского историка Эдварда Палмера Томпсона и философа-троцкиста греческого происхождения Корнелиуса Касториадиса. Назвав себя «Новыми левыми», они противопоставили себя «старым» левым, как социал-демократам, так и советским коммунистам. Их претензии к старым левым были многочисленны: они не принимали одержимость «старых» партийной организацией и иерархией и, напротив, отстаивали принципы свободного обсуждения и коллективной демократии участия. Однако в своей основе конфликт между новыми и старыми левыми заключался в понятиях

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org равенства и власти: для мыслителей 1960-х годов одного экономического равенства (главной ценности старых левых) было недостаточно. Самыми важными идеями стали отношения с властями, культурная революция и конец всех форм иерархии. Грегори Колверт, президент группы «Новых левых» в организации «Студенты за демократическое общество», объяснял: «революционные массовые движения не возникают лишь из-за желаний получения материальных товаров... Революционное движение – это свободная борьба, рождаемая из-за ощущения противоречий между потенциальными возможностями человека и жестокой реальностью»{1065}.

Оппозиция «экономическому» марксизму была связана с разочарованиями в индустриальном рабочем классе, который (по крайней мере в Северной Европе и США), по мнению радикалов, был давно подкуплен благами «государства войны и благосостояния». Новые революционеры представляли собой союз социальных групп, подвергавшихся законодательной, политической или расовой дискриминации в мире, где господствующее положение занимают США, – союз студентов, афроамериканцев, революционеров «третьего мира», женщин и гомосексуалистов. В 1960 году Райт Миллс в «Письме к новым левым» писал: «Забудьте викторианский марксизм [то есть технократический марксизм Каутского], пока он вам не понадобится; читайте Ленина и снова (только осторожно) Розу Люксембург тоже... Каким бы ни был марксизм, он не [утопический]. Расскажите об этом японским студентам. Расскажите об этом неграм, устраивающим сидячие забастовки. Расскажите об этом кубинским революционерам. Расскажите это людям из блока «голодных наций»{1066}.

К началу 1960-х годов параллели движения за гражданские права афроамериканцев в США и американского антикоммунизма за их пределами казались очевидными разве что некоторым интеллектуалам и активистам. Однако после усугубления ситуации во Вьетнаме в 1965 году это сравнение использовалось повсеместно. Увеличение призыва в армию в два раза, несомненно, усилило радикализм студентов. Хотя и предусматривались условия отсрочки, избежать мобилизации обычно было трудно. В 1965 году в университетах начались протесты, преподаватели-радикалы отменили обычные лекции и организовали занятия по образцу свободных школ Миссисипи – семинары, на которых целый день обсуждали войну. Один из членов организации «Студенты за демократическое общество» вспоминал, какой важной для них была идея союза студентов, афроамериканцев и вьетнамцев: «1965 год стал для меня годом, когда я понял связь между официальной риторикой американских ценностей и тем, что происходит на самом деле. Связь между гражданскими правами и войной во Вьетнаме. Притеснением уязвимого меньшинства в моей стране и бомбардировкой крестьянского населения другой страны и культуры»{1067}.

Все чаще от членов организации «Студенты за демократическое общество» можно было услышать радикальные антиимпериалистические высказывания. Активистка СДО, в будущем террористка Кэти Уилкерсон вспоминала, что в то время именно война во Вьетнаме и ощущение неослабевающего экономического неравенства привели ее от либеральных демократических взглядов к революционной идее о том, что «мы сами могли свергнуть старое правительство» и «любое «свержение» не обойдется без борьбы, учитывая жестокую природу нашего правительства»{1068}. К 1967 году руководство СДО (следует отметить, что далеко не все рядовые члены) приняло революционный марксизм, поскольку, как объяснял Карл Огльсби, «не было и нет никакой другой последовательной, целостной и ясной философии революции»{1069}.

Подобная радикализация происходила в движении за гражданские права. Вьетнамский конфликт стал причиной двойного негодования: средства и ресурсы, предназначенные на социальные программы, перенаправлялись на военные нужды, кроме того, количество чернокожих, подлежащих мобилизации, во много раз превышало количество белых. Ненасильственная стратегия Мартина Лютера Кинга [743], которую поддерживал Юг, не получила отклика радикальной молодежи северных городов, где летом 1967 года разгорелись жестокие восстания [744]. {1070} новое поколение политиков движения «Черная сила» многое заимствовало из риторики партизан-коммунистов, особенно революционера, вдохновителя деколонизации третьего мира Франца Фанона [745]**, родившегося на острове Мартиника. Один из самых харизматичных идеологов «Черной силы» Стокли Кармайкл, произнося речь в Лондоне в 1967 году, цитировал Фанона и Че Гевару, оправдывающих политическое насилие: «Мы работаем над тем, чтобы расширить революционное сознание чернокожих американцев и объединиться с третьим миром. Не мы решаем, использовать насилие или нет, решает белый Запад... Мы больше не

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org собираемся кланяться ни одному белому. Если белый только тронет хоть одного чернокожего гражданина США, его врагами станут все чернокожие Соединенных Штатов»{1071}.

Революционное движение распространилось в странах Западной Европы, добровольно вошедших в «американскую империю». Основной причиной любых студенческих протестов стали события во Вьетнаме, особенно после того, как по телевидению показали разрушения, причиненные авианалетами и сухопутными войсками американцев. Антивоенная оппозиция разрасталась в странах, правительства которых поддерживали в данном конфликте американцев, например в Великобритании. Один британский студент вспоминал: «Мы видели бомбардировку, ужасы этой бомбардировки... Думаю, сейчас люди не осознают этого, но это было просто ужасно. Все, что считалось результатом прогресса, использовалось для разрушения... Мои чувства были такими острыми и сильными, что я сам боялся дойти до жестокости и насилия»{1072}. Европейские элиты начали сомневаться в правильности поддержки США. Французский лидер де Голль отказался помогать операциям НАТО, а британцы заявили, что из-за финансовых трудностей вынуждены сократить военные расходы.

Разумеется, в США никогда не было марксистской революции, но 1968 год дал почувствовать ее вкус. Прокатившаяся по США и другим странам волна протестов, вдохновленных этническим национализмом и различными формами марксизма, представляла реальную угрозу американской «империи». Президент Джонсон, столкнувшись с «партизанским движением» не только во Вьетнаме, но и в Америке, продолжал строить благополучие дома и вести войну за ее пределами. Однако, как и во многих империях прошлого, сочетание внутренних волнений, внешних военных поражений и излишних расходов стало причиной кризиса.

Огромное значение имело поражение США во Вьетнаме. Джонсон, убежденный в том, что поражение подрвет доверие мировой общественности к США и придаст уверенности Москве и Пекину, в 1965 году решил ввести во Вьетнам американские войска. У него были на это причины: Вьетнам стал центром холодной войны. В 1954 году американцы успешно сдержали наступление северных вьетнамцев, что на некоторое время ослабило влияние Москвы и Пекина в странах третьего мира. Однако, как утверждали критики, Джонсон опасно повысил ставки, вмешавшись в конфликт, «американизировав» его. Предсказание заместителя государственного секретаря США Джорджа Бола о том, что военное поражение будет иметь гораздо более серьезные отрицательные последствия для американского авторитета на международной арене, чем мирный компромисс, оказалось пророческим{1073}. Москва и Пекин, с самого начала пессимистически оценившие перспективы коммунистов во Вьетнаме, теперь были решительно настроены противостоять американским войскам и стали помогать северным вьетнамцам оружием и деньгами.

В результате ситуация зашла в тупик. Тем временем бомбардировка США и распыление ими ядохимикатов с целью уничтожения растительности привели к тому, что многие южные вьетнамцы перешли на сторону Вьетконга.

В январе 1968 года войска Вьетконга, насчитывающие 67 тысяч человек, начали Тетское наступление (Тет – вьетнамское название Нового года), атаковав основные города Юга. фактически эта операция была массовым самоубийством, однако, несмотря на то что Тетское наступление было поражением в военном плане, пропагандистский эффект событий, особенно захват коммунистами американского посольства в Сайгоне, был унижительным для Вашингтона и способствовал росту радикальных антивоенных настроений по всему миру. Один студент из Западного Берлина вспоминал: «Благодаря этому событию, потрясшему весь мир, я понял, какое значение для людей с социалистическими взглядами имела русская революция. После взятия американского посольства в Сайгоне война велась в каждом доме, в каждом здании, над городом Хюэ развевался флаг Вьетконга. Сообщалось, что город удерживают в основном студенты. Тогда никто не сомневался в том, что встречает зарю мировой революции»{1074}.

Администрация Джонсона была повергнута в шок. Секретарь по делам обороны Кларк Клиффорд вспоминал, что «некоторое время казалось, что нас просто парализовало осознание того, что развитие событий вышло из-под контроля национальных лидеров»{1075}. Руководители страны разошлись во мнении: военные настаивали на введении новых войск, а Клиффорд и другие чиновники призывали к выходу из конфликта. Кроме того, международный рынок потерял уверенность в том, что Вашингтон способен и дальше финансировать войну, и в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org марте, после того, как американскую экономику стали покидать инвесторы, позиции доллара значительно ослабли. Прежняя Бреттон-Вудская система, связывавшая доллар с золотом, оказалась под угрозой.

Джонсон был вынужден сделать первый шаг к отступлению. Война продолжалась, однако 31 марта Джонсон объявил, что эскалация конфликта окончена: бомбардировки будут использоваться ограниченно, сократятся расходы на содержание большого военного контингента, рассматривается возможность мирных переговоров. Кроме того, он был вынужден признать, что Бреттон-Вудская система, обеспечившая мировое экономическое превосходство США с 1945 года, потеряла былую эффективность. С крахом доллара пошатнулся авторитет США как сверхдержавы. Весна и лето 1968 года стали кульминацией протестов и антивоенных движений, так как враги американского господства почувствовали слабость США. Убийство Мартина Лютера Кинга в марте вызвало волнения населения в 126 городах, а в августе студенческие протесты и выступления во время Демократической конвенции (Чикаго, 1968) вынудили полицию применить жестокие меры[746].

За пределами США, в сфере влияния Запада, война во Вьетнаме и «американский империализм» (а также ужесточение действий администрации университетов) стали основными причинами студенческих демонстраций. Студенты вступали в столкновения с полицией по всему миру: от Рима до Токио, от Парижа до Западного Берлина. Однако некоторые протесты и волнения имели ярко выраженный националистический оттенок. В странах с фашистским прошлым – в Германии и Италии – студенты требовали, чтобы старшие поколения ответили за совершенные преступления, о которых, казалось, все забыли. В Южной Европе основную роль в протестах и массовых демонстрациях играли рабочие[1076]. В других регионах выступления в защиту гражданских прав и идей радикального марксизма перерастали в националистические протесты. В Бельгии студенты выступали против господства французского языка во фламандских университетах. В Северной Ирландии объединенные силы либеральных республиканцев, католиков и марксистов бросали вызов протестантскому господству и действовали по примеру американских борцов за гражданские права. Выступающие радикалы и противостоящие им власти ожесточались. В 1969 году республиканские марксисты возглавили движение в защиту гражданских прав в Ольстере, направив его в том числе на борьбу против империализма.

По всему миру, какими бы ни были особенности региона, идеи романтического марксизма вдохновляли людей, боровшихся с империализмом, которые противопоставляли их принципам советского марксизма, громко заявившего о себе после вторжения СССР в Чехословакию. В новом пантеоне левых героев рядом с Че Геварой занял место Хо Ши Мин. Людям запомнилось его открытое неполовинное США, а в особенностях его политики разбирались немногие. Сталин из этого пантеона однозначно был исключен.

Последствием многочисленных демонстраций 1968 года и вьетнамского конфликта стала черная полоса в карьере многих политиков и в судьбе отдельных правительств западных государств. Линдон Джонсон объявил о том, что он не собирается баллотироваться на очередной президентский срок, бельгийское правительство ушло в отставку в феврале, массовая забастовка во Франции негативно отразилась на репутации президента де Голля и вынудила премьер-министра Жоржа Помпиду пойти на 35-процентное повышение минимальной заработной платы[747]. Однако последствия серии выступлений были более серьезными. Они подразумевали то, что молодежь Запада не хотела бороться за контроль над мировым югом. Кроме того, они стали спусковым крючком повышения зарплаты, что подорвало экономический порядок, утвердившийся после Бреттон-Вудской конференции. В сущности, выступления «парней 68» ознаменовали начало конца послевоенного общественного уклада[1077].

И все же ни в одном регионе движения 1968 года не сохранили длительного влияния. Во многом это был результат многообразия их целей. Студенты, озабоченные демократизацией повседневной жизни, и рабочие, которых прежде всего волновали экономические требования, не смогли сохранить долговременный союз. Достижение целей было затруднено еще и внутренним подозрением «Новых левых» в соглашательской «бюрократической» политике. Критикуя партийную организацию, сами они не смогли предложить последовательную программу или добиться политических побед.

Потрясения 1968 года способствовали многочисленным победам правых на выборах. Выборы во Франции выиграл де Голль, а консервативный республиканец Ричард Никсон стал президентом, пообещав прекратить «революционную борьбу и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org восстановить порядок в университетах этой страны»{1078}. Запад пережил революционный кризис, похожий на неудавшиеся революции 1789-1815, 1848 и 1918-1919 годов[748]. После этого кризиса, как после упомянутых выше революций, в политике последовал резкий уклон вправо. Как и раньше, старый порядок вернулся.

Подавление массовых выступлений, произошедших летом 1968 года, заставило левых радикалов пересмотреть свои революционные идеи. Некоторые протестующие теперь полагали, что «Новые левые» вели себя слишком демократично для такого жестокого времени. Возникли новые, ультралевые марксистские партии, в основном маоистского и троцкистского толка{1079}. Их особенности отличались в зависимости от региона. Некоторые партии были в большей степени децентрализованы, например «Пролетарские левые» (Gauche Proletarienne), сторонниками которых являлись многие известные представители французской интеллигенции: Жан-Поль Сартр, философ Мишель Фуко, режиссер Жан-Люк Годар{1080}. Дэниэл Сингер, очевидец парижских событий 1968 года, так описывал маоистов: «Есть что-то от русских народников [социалистов 1870-х годов] в этих молодых маоистах. Первые несли свои идеи крестьянам, вторые обращались к рабочим с целью служить народу, как гласило название их журнала. Высказывания из малого «красного цитатника» и культ Мао – не самый идеальный способ привлечь на свою сторону критически мыслящих студентов, однако их привлекала китайская Культурная революция, ее глубокие антибюрократические идеи и обращение к молодежи. Идеологический энтузиазм и самопожертвование позволили молодым маоистам заручиться поддержкой студентов многих университетов и колледжей».{1081}

Тем не менее маоисты даже в большей степени, чем троцкисты, ценили организацию и дисциплину. Одержимость радикальных марксистов идеологической целостностью и монолитностью привела к многочисленным расколам и спорам, что было талантливо высмеяно в библейской сатирической комедии «Житие Брайана по Монти Пайтону» (1979)» рассказывающей о нелепом соперничестве Иудейского народного фронта, Народного фронта Иудеи, Иудейского Национального народного фронта и Национального фронта Иудеи, включающего одного человека[749]. Несмотря на то что в движении множилось небольшие идейные группы, ультралевые приобрели необычайную популярность в некоторых странах. В Италии их поддерживало около ста тысяч активистов, а опросы в Германии показали, что 30% старших школьников и студентов разделяли идеи коммунистической идеологии, в основном взгляды «Новых левых» и ультралевых.{1082}

Убеждение в том, что демократия «Новых левых» не оправдала себя, ускорило переход к более радикальной политике заговоров и терроризма. Если вьетнамцы одержали победу с помощью партии марксистов-ленинистов и военной силы, то почему бы не применить такую же стратегию на Западе? Так думали террористы леворадикальной организации «метеорологов» (weathermen), взявших название из строчки одной из песен Боба Дилана «Тебе не нужен метеоролог, чтобы узнать, откуда дует ветер» (You don't need a weatherman to know which way the wind blows). «Метеорологи» откололись от организации «Студенты за демократическое общество» в 1969 году. Активистка СДО Кэти Уилкерсон вспоминала, что основанием для такого решения стало желание создать партию марксистов-ленинистов, а «народная демократия останется роскошью, от которой мы должны отказаться до тех пор, пока в мире не наступит относительное спокойствие»{1083}. Члены новой организации занимались восточными единоборствами и проводили маоистские самокритики. Они называли себя «америконг» и стремились «принести войну домой», чего обычно добивались жестокими акциями протеста и террористическими актами.

И все же подобных экстремистов было немного, особенно в Америке. Марксистские террористы пользовались гораздо большим влиянием. В Северной Ирландии Временная Ирландская республиканская армия (ИРА) отделилась от республиканцев-марксистов и развернула вооруженную борьбу за объединение Ирландии; во Франции «Пролетарские левые» также сформировали вооруженное политическое крыло. Однако самая благодатная среда для развития терроризма возникла в Западной Германии и Италии, где, как считали радикалы, новые правительства пошли на компромисс с совестью и с нацистским или фашистским прошлым{1084}. В обеих странах террористы в основном являлись представителями образованных кругов среднего класса, среди которых числилось много женщин. Одной из самых активных радикальных организаций была немецкая группа под названием «фракция Красной армии» (РАФ), которую также знали как группу Баадера-Майнхоф (по фамилиям харизматичного, агрессивного сторонника насилия Андреаса Баадера и известной ультралевой

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org журналистки Ульрики Майнхоф). Ульрика Майнхоф родилась в семье антифашистов. В 1958 году она стала членом запрещенной в ФРГ Коммунистической партии Германии, считая ее лучшим воплощением антифашистской традиции, а после увлеклась идеями «Новых левых»{1085}.

Однако ни реальное, ни предполагаемое существование фашизма в современной Германии не было самой провокационной проблемой. Такой проблемой являлось официальное отношение немецких властей к проамериканским режимам «третьего мира». После того как во время визита в Германию иранского шаха в 1967 году один из студентов, участвовавших в демонстрации, был убит, все проблемы слились в одну. С 1970 года группа развернула «городскую партизанскую войну», продолжавшуюся до 1972 года, когда большинство членов группы было арестовано. Однако даже находясь в тюрьме, лидерам РАФ удалось организовать новую группу террористов и успешно управлять ими. Хотя группа была малочисленна, действия террористов поддерживала значительная часть населения (в 1971 году 25% жителей Западной Германии в возрасте до 30 лет высказывали одобрение, а 14% были готовы участвовать в их деятельности){1086}.

В Италии имелось гораздо больше террористических групп, причем более многочисленных и лучше укорененных в обществе. Как и немецкие террористы, они были уверены в том, что продолжают военную борьбу против квазифашистского государства. Террористы Италии могли опереться на традицию движения Соппротивления времен войны. Многие считали, что авторитарные итальянские власти с готовностью использовали насильственные меры против студентов и рабочих и что взрывы в Милане в 1969 году были организованы неофашистами в сотрудничестве с полицией и ЦРУ с целью оправдать жесткие меры борьбы с радикалами. Один террорист вспоминал, что взрывы «стали для меня поворотным пунктом, так как круг отношений между институтами, государством и правыми, ранее казавшийся открытым, замкнулся»{1087}.

Итальянские левые экстремисты также использовали в своих целях волнения на производстве. Выступления рабочих сыграли более важную роль в движении 1968 года на юге Европы, чем в Северной Европе и США. В Италии наиболее радикальные выступления рабочих переросли в волну забастовок, продолжавшихся два года. Большое значение имели требования повысить зарплату, однако требования равноправия и самоуправления выдвигались в более радикальной форме. Молодые рабочие присоединялись к студентам в их требованиях «демократии участия». Работодатели были вынуждены пойти на серьезные уступки, в том числе организовать выборы в фабричные советы. Самая известная террористическая группа «Красные бригады» возникла из объединения радикалов, участвовавших в забастовках, охвативших города Северной Италии в конце 1960-х – начале 1970-х годов{1088}. Хотя с середины 1970-х годов из-за усилившихся репрессий «Красные бригады» были вынуждены уйти в подполье, их антигосударственная деятельность стала более жестокой. Италия переживала экономический спад, однако не только в этой стране происходили серьезные забастовки и волнения рабочих. Волнения во Франции в 1968 году привели к определенным результатам, потому что во всеобщей забастовке, продолжавшейся больше двух недель, участвовали рабочие и студенты. Снижение авторитета правительств после 1968 года придало смелости рабочим по всей Европе и в США, однако для их упорства были и другие причины. Низкая безработица в некоторых странах и возникшая после 1968 года инфляция укрепила позиции рабочих, кроме того, появилось новое поколение рабочих-радикалов. Предприниматели вкладывали средства в новые европейские заводы, построенные в 1940-е и 1950-е годы, извлекая выгоду из использования дешевой рабочей силы эмигрантов из Южной Европы (в случае стран северо-запада) или из сельской местности (внутри одной страны, чаще всего в странах Южной Европы). Как это часто бывает, представители второго поколения эмигрантов с меньшей охотой мирятся с трудностями, которые стойко выносили их родители. В таких странах, как Италия, рассчитывающих только на силы собственных граждан, большое влияние имел рабочий радикализм. Выходцы из села, ставшие городскими рабочими, все чаще выдвигали требования равенства и признания{1089}.

Вьетнамский кризис позволил студентам, этническим меньшинствам и рабочим громко заявить о своих радикальных взглядах и долго копившихся обидах. Однако если риторика марксизма-ленинизма приобретала все большее распространение и популярность, в действительности многочисленные выступления выражали протест против ортодоксального просоветского марксизма, модернизации и политического прагматизма. В 1968 году волнения студентов и рабочих на Западе и «Пражская весна» на Востоке бросили

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org серьезный вызов всем ортодоксальным коммунистическим партиям, руководство которых боялось уступить свои позиции новым радикальным левым движениям. Некоторое время французская компартия осуждала вторжение СССР в Чехословакию, однако под давлением Советов вскоре признала политику «нормализации» Гусака. Руководство французской компартии также отказывалось признавать тот факт, что во Франции сложилась революционная ситуация. Вальдек Роше обвинил студентов в «типичном мелкобуржуазном радикальном поведении»{1090}. Волнения внутри страны, а также «Пражская весна» привели к серьезному расколу в партии, хотя она получила 21,5% голосов на выборах 1969 года. Итальянская компартия, напротив, сохраняла критическое отношение к СССР (хотя никогда не шла на полный разрыв с КПСС) и таким образом сумела привлечь на свою сторону многих радикально настроенных студентов и рабочих, разделявших левые взгляды. Однако радикальное левое движение не было окончательно подавлено, десятилетие спустя коммунисты снова оказались вынуждены противостоять левым радикалам.

Волна студенческих и городских волнений и протестов в конце 1960-х годов прокатилась и по Латинской Америке под знаменем того же романтического марксизма. Крах партизанских революций в середине 1960-х годов заставил левых радикалов усомниться в успешности кубинской модели партизанского отряда (focu). Теперь партизанская война велась в городах. На смену книге Че Гевары «Партизанская война» пришел «Краткий учебник городской герильи» Карлуша Маригеллы (1969 год). Бразилец Маригелла, бывший лидер коммунистической партии, основатель (с 1967 года) террористической организации, писал: «обвинения в “жестокости” и “терроризм” больше не имеют того отрицательного значения, какое имели в прошлом... Сегодня быть “жестоким” или “террористом” означает обладать качествами, облагораживающими человека, так как это качества, достойные настоящего революционера, который с оружием в руках борется против позорной [бразильской] военной диктатуры и ее зверств»{1091}.

Городской терроризм достиг самых серьезных масштабов в Уругвае и Аргентине, где левые боролись против репрессивных, консервативных военных режимов. Некоторые террористы были марксистами (например, члены аргентинской троцкистской Народной революционной армии), другие придерживались различных националистических и левых взглядов (например, аргентинская организация Монтонерос и уругвайские левые радикалы Тупамарос). Народная революционная армия и Монтонерос использовали в своих интересах воинственные настроения трудового народа, охватившие в этот период Аргентину, как и многие другие регионы Латинской Америки{1092}.

Политика левых все чаще облекалась в новые удивительные формы. В Перу военный режим, пришедший к власти в 1968 году, принял марксистскую теорию и риторику независимых стран «третьего мира», а также с готовностью поддержал Перуанскую коммунистическую партию. Другую удивительную группу марксистов составили римско-католические священники, среди которых был и колумбиец Камило Торрес, которого называли «Че в рясе». Торрес считал, что христианские принципы, особенно «возлюби ближнего твоего», «совпадают в теории и на практике с некоторыми методами и задачами марксизма-ленинизма»{1093}. Торреса едва ли можно считать типичным священником: он решил присоединиться к группе колумбийских партизан, скрывавшихся в горах, однако был убит в 1966 году. Тем не менее католическая церковь оказалась так обеспокоена пристрастием к идеям Марксизма, что на встрече епископов в колумбийском городе Медельин в августе 1968 года было принято решение адаптировать христианство к актуальным социальным проблемам и бороться против «несправедливого неравенства между богатыми и бедными, простыми людьми и власть имущими»{1094}. Разумеется, церковь не принимала марксизм, однако многие священники становились сторонниками «либерального богословия» и считали, что усвоение сочетания учений Карла Маркса и Иисуса Христа заменяло полный курс образования.

В тени таких соперников ортодоксальные просоветские коммунистические партии Латинской Америки казались весьма непривлекательными, учитывая также тот факт, что им с трудом удавалось адаптироваться к новым реалиям. Сконцентрировав все внимание на рабочем классе, они не заметили, как вырос новый «нижний класс» – жители городских трущоб. Тем не менее они имели некоторый успех, например, в 1970 году вошли в состав Чилийского коалиционного правительства под руководством социалиста Сальвадора Альенде, который являлся сторонником Народного фронта Педро Серды, вдохновленного испанским Народным фронтом в 1930-е годы.

Кубинцы также потеряли сторонников на континенте, особенно после того, как экономические провалы и опасения по поводу избрания президентом США Никсона вынудили кубинцев снова обратиться за помощью к Москве. Кастро отказался осудить вторжение СССР в Чехословакию в 1968 году. Вскоре он уже не мог освободиться от давления СССР и отказался от амбициозного проекта экономической мобилизации, против которого выступили Советы[750]. «Добровольный труд» и массовая мобилизация, применяемая с середины 1960-х годов, вызвали сильнейшую усталость и цинизм населения, и в 1970 году Кастро был вынужден перейти к модернистской экономической системе в советском стиле, предусматривающей трудовую дисциплину и финансовые стимулы{1095}. В 1972 году по особой кубинской модели социализма был нанесен серьезный удар после того, как Куба стала членом Кодекона (СЭВ). Однако этот удар вовсе не означал конец независимой внешней политики Кубы. Потеряв революционное влияние в Латинской Америке, кубинцы совместно с советскими союзниками нашли новых последователей в Африке.

III

В январе 1966 года лидер партизанского движения в Гвинее-Бисау Амилькар Кабрал дал оптимистическую оценку современному положению мировой революции, одновременно осудив прежнее отношение Хрущева к «третьему миру» как к «зоне мира»: «настоящая ситуация национальных освободительных движений (особенно во Вьетнаме, Конго и Зимбабве) так же, как ситуация с постоянным применением насилия... в определенных странах, получивших независимость так называемым мирным путем, показывает... что компромиссы с империализмом невозможны... что единственно правильным способом национального освобождения... является вооруженная борьба»{1096}.

Харизматичный Кабрал произнес речь в Гаване на организованной Кастро Первой конференции народов Африки, Азии и Латинской Америки, получившей название «конференции трех континентов». Она задумывалась как громкий марксистский ответ конференции в Бандунге: прежний социалистический третий мир умер и заново родился в более военизированной форме. После многочисленных поражений середины 1960-х годов и массовых убийств коммунистов в Индонезии многие полагали, что для такой твердой уверенности нет причин. Однако Кастро согласился с Кабралом: американцы потерпели поражение во Вьетнаме, поэтому пришло время развернуть усиленную вооруженную борьбу по всему миру{1097}.

Однако ситуацию, сложившуюся в конце 1960-х – начале 1970-х годов, нельзя рассматривать только как новое распределение сил радикальных лидеров «третьего мира». В странах «третьего мира» большое значение приобретали марксистские идеи Запада, распространявшиеся благодаря связям с коммунистическими партиями Португалии, Франции и Италии или, как в случае с Эфиопией, благодаря студентам, обучающимся за рубежом{1098}. Большое значение имела смена поколений. Многие считали, что поколение Бандунга не сдержало своего обещания: умеренная форма социализма не принесла ускоренного экономического развития и повышения авторитета на международном уровне. Критики утверждали, что, отказавшись бросить вызов местным правителям и «племенам», социалисты позволили сформироваться новому влиятельному классу неоколониалистов, которые отстаивали интересы прежних империалистических сил. Как объяснял Кабрал в своем длинном обращении к товарищам-революционерам, пронизанном теоретическими аспектами, «подчинение местного «правлящего» класса господствующему классу доминирующей страны ограничивает или полностью останавливает развитие производительных сил»{1099}.

Кабрал никогда не был догматичным марксистом-ленинистом, однако его уверенное обращение к пафосу марксизма показывает, какое влияние оказывал марксистский образ мышления на африканских левых лидеров конца 1960-х годов{1100}. Разновидность марксизма-ленинизма, повлиявшая на африканцев, напоминала радикальный сталинизм 1930-х и представляла собой сочетание антиимпериалистического национализма, модели развития с центральной идеей «модернизации» и приоритета городской жизни над «традиционной» и сельской, а также убежденности в необходимости применения насилия{1101}. Разумеется, африканские сторонники марксизма-ленинизма понимали немногочисленность и слабость их «пролетариев», однако они по-прежнему верили в то, что смогут постепенно построить «диктатуру пролетариата», если будут придерживаться правильного политического курса. Различные прогрессивные классы объединятся, захватят власть и создадут тяжелую промышленность, а с ней

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org возникнет революционный пролетариат. Марксисты-ленинисты заявляли, что они, в отличие от социалистов, понимали истинную причину слабого развития и знали, как ее устранить. Они утверждали, что только передовая партия сможет направить всю свою волю и силы на то, чтобы сбросить местные элиты, преступно задерживающие развитие собственных стран; приверженность «классовой борьбе» позволила им оправданно применить насилие, необходимое для сопротивления империалистам и победы над их внутренними буржуазными союзниками. Их марксистский интернационализм должен был привлечь внимание главного источника финансирования, Советского Союза, как раз тогда, когда Советы сами развивались в более «сталинистском» направлении.

По крайней мере в последнем расчете африканские коммунисты не ошиблись. С конца 1960-х годов идеологи Международного отдела ЦК КПСС (в том числе Карен Брутенц и будущие советники Горбачева Георгий Шахназаров и Вадим Загладин) взялись за серьезный анализ коммунистических провалов середины десятилетия. Они сделали вывод о том, что Хрущев слишком оптимистично и самонадеянно относился к политике «единого фронта» и к возможности мирного перехода от местных форм социализма к коммунизму. Частые вмешательства со стороны США убедили их в том, что только передовые партии, основанные на принципах ортодоксального марксизма-ленинизма, способны взять под контроль и защиту левые движения «третьего мира». Далекое от пессимизма, они заявляли о радужных перспективах коммунизма. Трудности, с которыми США столкнулись во Вьетнаме, ослабили влияние и престиж Запада, в то же время попытки Запада вмешаться в ход событий только способствовали укреплению позиций социализма. Они утверждали: «буржуазные» националисты, которым неокOLONиальный Запад отказывал в настоящей независимости, будут вынуждены объединяться в союз со все еще малочисленным, но разрастающимся рабочим классом, а также с крестьянскими движениями. Под руководством передовой партии прокоммунистические националисты будут вести борьбу с националистами-«реакционерами», а затем осуществят переход к социализму даже в «отсталых» крестьянских обществах{1102}. В некотором отношении реакция СССР на сбой в развитии стран «третьего мира» в 1964-1966 годах напоминала смягченную версию реакции Сталина на неудачи единого фронта 1927-1928 годов: коммунисты должны были сплотиться против многочисленных врагов; за пределами развитого Севера наступила эра «борьбы» между капиталистическим и коммунистическим миром; о мирном сосуществовании не могло быть и речи; казалось, пришло время стремительного перехода к социалистическим государствам и экономическим системам – все это имело место в аграрных обществах «третьего мира», как и в крестьянском Советском Союзе за сорок лет до этого.

Первым регионом, испытавшим на себе полную силу марксизма-ленинизма и восстания против поколения Бандунга, стал Ближний Восток. Победа, которую Израиль одержал над Сирией и Египтом* в Шестидневной войне в 1967 году, унизила арабских социалистов всего региона, как сирийских социалистов БААС – Партии арабского социалистического возрождения, так и социалистов Насера[751]. После войны арабские государства потеряли влияние на Палестинское националистическое движение, которое они пытались контролировать, поддержав образование Организации освобождения Палестины (ООП) в 1964 году[752]. Радикальная националистическая группа «Фатх» («Победа») под руководством Ясира Арафата постепенно вытесняла своих соперников, ведя партизанскую войну по идее Франца Фанона и по примеру борцов за свободу Вьетнама{1103}. В 1967 году к «Фатху» как части ООП присоединился Народный фронт за освобождение Палестины, объявивший себя марксистско-ленинской партией в 1969 году, и заручился поддержкой СССР в 1970 году{1104}. Для этих палестинцев конфликт с Израилем, который поддерживали США, не ограничивался арабскими проблемами – для них это была часть мировой борьбы против империализма.

Поражение Насера также способствовало образованию первого в регионе режима марксистов-ленинистов – режима Южного Йемена. Члены одной из главных партизанских националистических организаций, боровшихся против британского господства, – поддерживаемого Насером Национально-освободительного фронта (НОФ) – уже с 1965 года начали разочаровываться в своем покровителе, когда Египет перестал оказывать им поддержку. НОФ называл себя радикальной партией, боровшейся против землевладельцев за права мелких крестьян. Когда Британия в ноябре 1967 года передала власть НОФ, Народная демократическая республика Йемен провозгласила себя марксистско-ленинским государством{1105}.

Пример Вьетнама вдохновил многие крестьянские партизанские движения,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org возникшие в ряде других регионов мира. В Западной Бенгалии к восставшим против землевладельцев крестьянам деревни Наксалюари присоединились студенты-марксисты из Калькутты, вдохновленные радикализмом Культурной революции в Пекине. Формально прокитайская Коммунистическая партия Индии (марксистская), которая недавно пришла к власти в Западной Бенгалии, подавила восстание, и в 1969 году бывший студент-радикал Чару Мазумдар основал Маоистскую Коммунистическую партию Индии (марксистско-ленинскую), известную под названием «Наксалиты»{1106}.

В португальских колониях в Африке партизанские движения также двигались в сторону марксизма, и с 1970 года под руководством Саморы Машела фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) объявил себя социалистическим движением. Машел, бывший медбрат, выходец из семьи с долгой антиколониальной традицией, не был догматичным марксистом-ленинцем, как Агостиньо Нето, однако он использовал риторику марксизма, критикуя португальцев{1107}. Как и другие антиколониальные движения Португальской Африки, члены ФРЕЛИМО вели маоистскую[753] «народную войну»{1108}. Стратегия «народной войны» подразумевала привлечение на свою сторону крестьян (партизаны основывали сельские школы и больницы), а также убеждение их в необходимости отстаивать принципы «массовой народной демократии». В освобожденных партизанами регионах все еще предпринимались радикальные попытки свергнуть старые родовые иерархии с устоявшимся предубеждением в отношении полов и поколений. Партизаны бросали вызов власти вождей и демонстративно поручали женщинам и молодежи ведущие роли в своих политических организациях и партизанских отрядах{1109}.

До сих пор спорным остается вопрос о том, насколько удалось партизанским движениям мобилизовать на борьбу крестьян. Коммунистам было очень трудно завоевать доверие крестьян, поскольку их политическая культура воспринималась как чуждая местному сельскому населению. Как в некоторых «освобожденных районах» Китая в 1930-е и 1940-е годы, некоторые крестьяне поддержали режим, так как извлекли личную выгоду из его принципов, однако большинство крестьян просто были вынуждены примириться с коммунистическим правлением{1110}. Партизаны применяли насилие, контролируя свои территории. Особо жестокий террор развернулся в Восточной Анголе, где МПЛА судила и наказывала предполагаемых предателей (и даже преследовала ведьм, несмотря на враждебное отношение марксистов к предрассудкам){1111}. В военном плане движение в Анголе было наименее успешным, как и в Мозамбике, где португальцы не видели особой угрозы военной победы ФРЕЛИМО{1112}. Только в маленькой и менее раздробленной Гвинее-Бисау организация ПАИГК стала настоящим «правительством в ожидании», к 1972 году удерживая под своим контролем почти три четверти всей территории страны. Несмотря на различия, все восстания вытекали из глубокого недовольства и разочарования португальским правлением. Экономический рост еще больше подчеркнул различия между теми, кто сотрудничал с португальцами, и теми, кто на это не согласился. Многих отчуждали репрессии, применяемые португальским режимом{1113}. Разумеется, Португалии (маленькой и относительно бедной европейской стране) было все труднее вести изнурительные войны, на которые к 1968 году выделялось 40% бюджета страны.

Партизанское движение против апартеида в ЮАР к концу 1960-х годов находилось в гораздо худшем положении, чем освободительное движение в Мозамбике. У партизан появились причины действовать в интересах СССР после того, как Москва начала оказывать более значительную поддержку Африканскому национальному конгрессу (АНК) и его лидеру Оливеру Тамбо, чем непосредственно Коммунистической партии ЮАР, которую Москва считала слишком независимой (и слишком белой).

Соединенные Штаты, ослабленные другими конфликтами, не сразу ответили на волну левых движений на юге Африки и на готовность СССР и Кубы использовать их в своих интересах. Никсон и его влиятельный советник Генри Киссинджер отказались от попыток в духе Кеннеди распространить демократию. Они были уверены, что это не сработает. Как президент США, так и его советник относились к Глобальному Югу как к отсталому, безнадежно авторитарному региону, погруженному во мрак невежества и предрассудков, не затронутому историей. На встрече с министром иностранных дел Чили Киссинджер ошарашил своего высокопоставленного коллегу заявлением: «Юг не способен дать миру ничего значительного... Ось истории начинается в Москве, направляется в Бонн, затем проходит через Вашингтон и дальше в Токио»{1114}. Главная задача американцев теперь состояла в том, чтобы ограничить, насколько это возможно, влияние СССР и Кубы, не повторив при этом ошибок Джонсона, и не

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org применять прямое военное вторжение. Согласно этому решению, всё полномочия по борьбе с коммунизмом в странах «третьего мира» передавались верным США «жандармам» с различными политическими взглядами: авторитарному шаху в Иране, Анастасио Самосе в Никарагуа, Мухаммеду Сухарто в Индонезии, Эмилию Медичи в Бразилии, режиму апартеида в ЮАР, демократам в Израиле и Турции. Все эти «жандармы» получали щедрое вознаграждение от Вашингтона. Были также предприняты попытки «вьетнамизации» Юго-Восточной Азии: США планировали вывести свои войска из этого региона и создать проамериканские режимы, которые будут укреплять власть собственными силами. Никсон надеялся, что миротворческий процесс возродит авторитет США и приостановит вмешательство Москвы в дела Глобального Юга.

Несмотря на оптимизм и большое количество энергии, Никсон и Киссинджер играли плохими картами: их жандармы не только не смогли остановить СССР, но и способствовали появлению в «третьем мире» многочисленного поколения недовольных интеллектуалов, больше чем когда бы то ни было распространивших марксистские идеи. Москва, со своей стороны, не понимала, почему из-за ослабления напряженности между СССР и США Советы должны прекратить распространение коммунизма за пределами Европы, особенно когда США изо всех сил старались задуть коммунизм (например, в Чили в 1973 году). Кроме того, получив вызов от Северного Вьетнама, Кубы, европейских коммунистических партий и Китая (теперь, правда, более слабого), советские власти еще решительнее стремились сохранить мировое социалистическое превосходство. Партийные интеллектуалы из ЦК КПСС ухватились за возможность разжечь пламя социалистического интернационализма в то время, когда режиму так не хватало идеологической искры в собственной стране. При этом военные режимы, одержимые принципами «реальной политики», рассматривали новую борьбу за Африку как возможность ухватиться за поддержку США в противостоянии двух сверхдержав{1115}.

Американская стратегия «жандармов третьего мира» имела свои недостатки. Сотрудничество с режимом апартеида принесло больше всего вреда, поскольку бросало тень на попытки Вашингтона сохранить высокий моральный авторитет в Африке и отталкивало от США африканских националистов. Тем временем во Вьетнаме провалились попытки США установить проамериканский режим под руководством Нгуена Ван Тхьеу, поскольку он не пользовался широкой поддержкой. Его режим потерпел крах в 1975 году, через два года после того, как США вывели свои войска из Вьетнама и страна объединилась под управлением коммунистического правительства.

Кроме того, «жандармам» не всегда можно было доверить действовать самостоятельно в тех регионах, где, по мнению США, коммунизм стремительно распространялся. Киссинджер считал очень опасным и привлекательным для других коммунистов чилийский режим Альенде, который намеревался свергнуть. Однако Киссинджер не мог положиться на местных союзников; он использовал экономические санкции и оказывал поддержку местной оппозиции. Альенде спровоцировал вмешательство своих оппонентов, когда его радикальная экономическая политика, распределение земли и национализация вызвали недовольство среднего класса и многочисленные забастовки[754]. В 1973 году генерал Пиночет при поддержке правого крыла совершил государственный переворот, заявляя, что он спасает Чили от экономического кризиса{1116}. Он запретил партии левого толка, около 3200 человек были убиты[755], более 30 тысяч подверглись пыткам и истязаниям. Роль США в этом перевороте не ясна, однако, какой бы она ни была, опыт свержения демократично избранных правительств Народного фронта военными силами отчетливо напоминал опыт Испании 1930-х годов. Вашингтону был нанесен еще один удар по его позициям в «третьем мире»{1117}.

И все же оставался один регион, где, казалось, политика «жандармов» отлично работала. Этим регионом был Ближний Восток. Когда в октябре 1973 года арабские войска атаковали Израиль, они были вытеснены при поддержке США, а Советы оказались вынуждены свернуть свои угрозы оказывать помощь Египту. США, используя Израиль, показали всему миру, что они являются настоящими хозяевами в этом регионе. Однако это была лишь временная победа, за которой следовало очередное поражение Запада, по своим последствиям сравнимое с поражением во Вьетнаме, если не более серьезное. Арабские производители нефти ответили тем, что подняли цены на 70% и наложили запрет на ввоз нефти в страны, поддерживающие Израиль, в том числе США. Шок от повышения цен на нефть продемонстрировал, насколько нерациональной была политика поддержки местных «жандармских» режимов. Произошло важное распределение мировых ресурсов, влияние перешло от потребителей нефти к ее поставщикам. Именно

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org доходы от нефтяных продаж позволили финансировать кампанию СССР в Афганистане[756].{1118} Экономике Запада был нанесен серьезный удар, уровень инфляции вырос, что вызвало недовольство трудовых масс. Рабочие боролись за сохранение заработной платы. Казалось, капитализм оказался в глубоком кризисе. Удар по странам «третьего мира», импортирующим нефть, оказался более сильным. Все чаще звучала марксистская идея о том, что пришло время радикальных перемен в экономике.

Первой жертвой нефтяного шока стал авторитарный режим Марселу Казтану в Португалии, а с ним и вся Португальская «империя» в Африке. Казтану предпринял попытку либерализации старого режима, оказывая сопротивление консерваторам, однако в 1974 году, ослабленный экономическим кризисом, он был свергнут группой младших офицерских чинов, недовольных ситуацией в Африке. Бескровный переворот получил название «Революция гвоздик» (держа в руках гвоздики, выступающие против режима демонстрировали свои мирные намерения). Вместо того чтобы объявить о начале революции сигналом горна или выходом на улицы под знаменами, организаторы переворота использовали условный сигнал по радио, который представлял собой песню португальского номинанта на конкурс «Евровидения».

В результате «Революции гвоздик» к власти пришла новая многочисленная коалиция, в которую входили консервативные офицерские чины, молодые офицеры-радикалы – члены «Движения вооруженных сил»[757], а также либералы и коммунисты{1119}. И все же лирические песни «Евровидения» уступили место военным мелодиям. На улицы вышли жители городских трущоб. Они занимали здания и требовали от государства полного обеспечения продовольствием и жильем, в то время как безземельные крестьяне выступили за ликвидацию крупного землевладения{1120}. «Движение вооруженных сил», ультралевые и коммунисты (которые были большими радикалами, чем их итальянские или испанские товарищи) развернули грандиозную кампанию по перераспределению собственности и узаконили захваты земли[758]. На севере кампания сопровождалась насилием: околовоеенные радикалы правого толка при поддержке местных мелких землевладельцев совершали нападения на левых. Португалия 1975 года сильно напоминала Испанию в 1936-м. Киссинджер на 50% оценивал возможности вступления Португалии в Советский блок{1121}.

Однако радикалы сдали свои позиции на апрельских выборах[759], победу в которых одержали умеренные социалисты. Было ясно, что большинство бедных добились, чего хотели – основных прав на собственность, которые, как они считали, у них были, – и больше не стремились к революционному преобразованию общества[760]. Коммунисты попытались настроить бедные слои населения против социалистов, однако умеренные провели перегруппировку армейских сил[761], и угроза революции спала. Последняя европейская революция, инспирированная коммунистами, потерпела поражение[762].

Если в Европе коммунистическая эпоха завершилась окончательно, то в Африке она только начиналась. В 1975 году новое португальское правительство предоставило независимость своим колониям. ПАИГК стала руководящей партией в Гвинее-Бисау, ФРЕЛИМО – в Мозамбике. Путь к независимости Анголы был более трудным. Здесь за власть боролись несколько сил: МПЛА при поддержке СССР противостояла двум местным движениям, поддерживаемым в разное время США и Китаем, – ФНЛА и УНИТА. Когда МПЛА начала одерживать победу, в Анголу под давлением Вашингтона ввела войска ЮАР. В ответ на это (не получив одобрения СССР) фидель Кастро отправил кубинские войска на помощь МПЛА. Когда, преодолев огромное расстояние, войска кубинской регулярной армии прибыли в Анголу, ЮАР отступила, и МПЛА на время сконцентрировала власть в своих руках. Затянувшиеся гражданские войны в Анголе и Мозамбике воспринимались как конфликт между двумя сверхдержавами, и все же это не остановило местных руководителей от попытки построить африканский социализм.

IV

В рассказе «Тайная любовь Деолинды», опубликованном в 1988 году, писатель из Мозамбика Миа Коуту пишет о молодой девушке из Мапуту по имени Деолинда, которая зарабатывает себе на жизнь тем, что чистит орехи кешью. Однако в ее жизни находится место приятным моментам. Однажды она возвращается домой, поигрывая значком, на котором изображено «вечно серьезное лицо нестареющего Карла Маркса». Ее отец недоволен: не узнав известного теоретика мировой истории XIX века, он предполагает, что это кто-то, с кем Деолинда недавно познакомилась, «один из тех иностранцев, которые сначала поддерживают

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org интернационализм, а потом становятся подсобными рабочими». «Чтобы я больше не видел это рыло на твоей груди!» – говорит он дочери. Деолinda смиренно покоряется, снимает раздражающий отца значок с груди и прячет в коробочке под кроватью. Но каждую ночь перед тем, как лечь спать, она достает значок и «целует философа в кудрявую бороду»{1122}.

Коуту, писатель с весьма критическим отношением к марксизму Мозамбика (который он называл «марксизмом из уважения к Марксу»), относился к установлению его в Мозамбике как к разновидности культа «карго» – двусмысленный символ западной модернизации, которую боготворили, но не понимали. Разумеется, «бренд» марксизма, продвигаемый африканцами бывших португальских колоний, находился на модернистском полюсе вестернизации. Это оказалось неожиданным: учитывая историю партии ФРЕЛИМО, можно было ожидать, что ее лидеры скорее последуют радикальному маоистскому подходу и используют опыт партизанской войны за независимость в управлении своей страной. Однако они решительно встали на путь советского марксизма{1123}. Отчасти это решение стало результатом сотрудничества с Советами, но, как оказалось, это была также реакция на провал национальных форм социализма[763]. Еще Мао в начале 1950-х годов пришел к выводу, что националистическая версия сталинизма открывала путь в современный мир развивающихся городов и промышленности. Казалось, она срабатывала везде, так почему же не применить ее и в Африке?

Во всяком случае, африканцы столкнулись с более серьезными трудностями, чем китайцы, попытавшись претворить этот проект в жизнь. Африканские государства были намного слабее. Ситуация усугублялась племенными, этническими и постколониальными разногласиями и проблемами. Как показано в рассказе Коуту, если марксизм-ленинизм и вдохновлял большинство населения, он все же оставался мечтой, еще более недостижимой, чем на его родине.

Следует отметить, что в Анголе и Мозамбике условия укоренения марксизма-ленинизма были весьма неблагоприятными. В отличие от колоний Британии и Франции, в которых после ухода империалистов сохранилась по крайней мере функционирующая законодательная база и административная система, новые режимы бывших португальских колоний после массового отъезда европейцев остались с горсткой образованных интеллектуалов и слабым государственным аппаратом. Кроме того, лидеры новых режимов были вынуждены национализировать большую часть промышленности и земельной собственности, чтобы заполнить вакуум, возникший после отъезда португальских промышленников и землевладельцев. Ангольский лидер Нето, закоренелый сталинист[764], в своих попытках преобразовать экономику действовал более осторожно, чем менее ортодоксальный Машел в Мозамбике. Машел считал, что независимость – прекрасная возможность превратить Мозамбик в модернизированное государство и преодолеть «отсталость», в которой лидер обвинял португальских эксплуататоров. В 1981 году он заявил: «Победа социализма – это победа науки, эта победа была подготовлена и организована с помощью науки. План – вот истинный инструмент научного достижения этой победы... Все должно быть организовано, все должно планироваться, все должно быть предусмотрено программой»{1124}. Жители Мозамбика должны были стать жителями современного процветающего государства. Науке следовало прийти на смену деятельности шаманов и церемоний вызывания дождя.

ФРЕЛИМО попыталась внедрить план в экономику страны, которая была к нему готова еще меньше, чем Советский Союз в 1930-е годы. В Мозамбике, в отличие от других африканских государств, не имелось эффективного государственного аппарата. Эксперты по планированию из СССР и Восточной Германии помогали жителям Мозамбика, однако эксперты, работающие в Мапуту, столице страны, не могли учесть колоссальную нехватку опытных чиновников и администраторов на всех уровнях экономической системы. Даже самым крупным компаниям страны приходилось преодолевать большие трудности: «Петромок», государственная нефтяная компания, семь лет не могла привести в порядок документацию и отчетность{1125}. Тем временем большие деньги тратились на глобальные проекты, например на развитие черной металлургии. Планы ФРЕЛИМО в сельском хозяйстве были еще более глобальными. Режим создавал крупные государственные фермы, которые с увеличением продукции поглощали все больше средств и ресурсов. Режим также увеличил расселение крестьян в новые, хорошо организованные деревни-коммуны с чистыми домами, построенными аккуратными рядами, школами, больницами. Лидеры ФРЕЛИМО верили в то, что смогут улучшить условия жизни крестьян, разрушить авторитет племенных вождей и построить новое социалистическое общество. Эти планы напоминали программы европейских коммунистов, начиная от «агрогородов» Хрущева и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org заканчивая «систематизацией» деревень Чаушеску, однако на их разработчиков гораздо большее влияние оказала общая тенденция – стремление к грандиозным преобразованиям, в том числе других режимов различного идеологического толка, например социалистической Танзании с ее программой строительства деревень нового типа. Если такие программы, несомненно, способствовали значительному успеху Мозамбика в развитии образования и здравоохранения, в экономическом плане они приносили немного результатов. Крестьяне, втянутые в такие программы, обычно относились к ним враждебно, поскольку их принуждали жить и работать в этих деревнях{1126}. К 1970-м годам экономическая ситуация была неблагоприятной во всех развивающихся странах, однако особый кризис в Мозамбике во многом объясняется упрямой приверженностью утопическому ортодоксальному модернистскому марксизму.

Политическая система, опирающаяся на марксизм-ленинизм, также не ускорила развитие Мозамбика. Как и предсказывали африканские социалисты, система, управляемая одной передовой партией, не сработала в особых африканских условиях. Чиновники ФРЕЛИМО, возможно, имели опыт разработки радикальных программ и проектов, однако им никак не удавалось привлечь все население к реализации этих проектов. В результате возник конфликт, который неизбежно приобрел этническую окраску. Ангола переживала этнические конфликты, продолжавшиеся со времен колониального режима, а авторитарное правление МПЛА (руководство которой было представлено в основном белыми и мулатами) только усилило конфронтацию между конфликтующими сторонами. Вскоре после прихода МПЛА к власти ей был брошен вызов в виде государственного переворота, организованного левыми под руководством Ниту Алвеша, поклонника Энвера Ходжа и выдающегося чернокожего командира периода партизанских войн, который без труда поднял на восстание жителей трущоб Луанды. Режим Агостиньо Нето устоял только благодаря вмешательству кубинцев, однако впоследствии он решил объединить марксизм-ленинизм, принятый МПЛА, с жесткими методами Сталина[765], насилием спецслужбами{1127}.

К концу 1970-х годов гражданские войны в Анголе и Мозамбике были близки к завершению, однако вскоре разгорелись с новой силой после того, как ЮАР и США возобновили свое наступление. Мозамбикское национальное сопротивление РЕНАМО, основанное в Родезии (управляемой белыми) спецслужбами ЮАР и сторонниками португальского правления, сначала не имело больших успехов. Однако после того, как в 1979 году к власти в Родезии (переименованной в Зимбабве[766]) пришли африканцы, ЮАР проявила большую агрессию по отношению к Африканскому национальному конгрессу, который пытался атаковать режим апартеида из Мозамбика. ЮАР финансировала РЕНАМО, который успешно занимался дестабилизацией и саботажем. В Анголе после временного затишья война разгорелась вновь, во многом потому, что США возобновили поддержку УНИТА. Война продолжалась на протяжении 1980-х. Ангола стала площадкой борьбы сверхдержав за ангольскую нефть, а также сценой идеологического конфликта между марксизмом и апартеидом.

Ангола и Мозамбик дополнили ряды самопровозглашенных марксистско-ленинских режимов Африки. К 1980 году семь из пятидесяти государств континента, управляемых африканцами или арабами, провозгласили марксизм-ленинизм своей главной идеологией: Ангола, Бенин, Конго (Браззавиль), Эфиопия, Мадагаскар, Мозамбик и Сомали[767]. Девять стран приняли одну из форм социализма (Алжир, острова Кабо-Верде, Гвинея, Гвинея-Бисау, Ливия, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, Танзания и Замбия). Всего этим режимам было подчинено около четверти населения континента. Режимы Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау пришли к власти необычным способом – в результате антиколониальных партизанских войн – и строили серьезные планы преобразования общества. Другие лидеры, называвшие себя сторонниками марксизма-ленинизма, были военными и (кроме режима в Эфиопии) строили менее амбициозные планы. И все же они пытались управлять государствами, придерживаясь традиций модернистского марксизма: ресурсы сельского хозяйства направлялись на нужды урбанизации, городское население имело больше возможностей по сравнению с сельскими жителями. Государство финансировало форму «благоденствия», ориентированного прежде всего на высшее, чем на массовое, образование, в интересах элиты[768].

Социализм выглядел весьма напыщенным и риторическим во всех новых военных марксистских государствах, кроме одного. Исключение представляла Эфиопия, где произошла последняя «классическая» революция, похожая на французскую революцию 1789 года и революцию в России 1917 года. В последний раз старый режим пал, уступив место политике радикального марксизма и напомнив о революции большевиков.

V

В сатирическом рассказе «Дело безграмотного диверсанта» (1993) эфиопский писатель Хама Тума описывает суд, где проходят несколько абсурдных политических процессов: «Над креслом судьи висела фотография Великого Лидера нашей страны. Ходили слухи, что особо рьяные чиновники, которым хватило наглости предложить повесить рядом с фотографией Великого Лидера портреты Маркса, Энгельса и Ленина, были осуждены за такие преступления, как искажение интернационализма и революционного национализма. Однако говорят, что Мудрый Лидер, чтобы угодить русским (у которых, как вы знаете, очень острый слух), распорядился возвести памятники Ленину и Марксу (а бедняга Энгельс до сих пор дожидается своего часа!)»{1128}.

Отличие Эфиопии от других африканских коммунистических режимов состояло не в особенностях использования марксизма-ленинизма в интересах националистов и не в попытках угодить русским. Тем не менее между Эфиопией и Россией сложились особо близкие отношения, что отмечали многие марксисты того времени. Условия жизни революционеров Эфиопии отличались от условий жизни других африканских марксистов, которые пришли к марксизму через антиколониальную освободительную борьбу. Как и Россия начала XX века, Эфиопия представляла собой стратифицированную, распадавшуюся, православную старорежимную империю. Революционно настроенные эфиопы понимали, что старый режим задерживает развитие страны. Неудивительно, что история России показалась им близкой. Многие считали, что Эфиопия пойдет по пути большевиков, только ускоренными темпами.

В 1957 году на первой странице одной из студенческих газет было напечатано следующее заявление: «Вся Эфиопия, весь мир надеется, что наше поколение возьмет на себя ответственность за развитие Эфиопии и поставит ее на один уровень со всеми цивилизованными странами»{1129}. В то время многие считали, что могли бы работать на благо Эфиопии и при императоре Хайле Селассие. Селассие, правивший с 1930 года с небольшим перерывом во время итальянского вторжения, был авторитарным лидером и приверженцем модернизации. Когда он пришел к власти, Эфиопия была аграрной страной, контролируемой аристократами, которые наживались на налогах и эксплуатации крестьянского населения. Эфиопия представляла собой православную империю, в которой доминировали северные амхарцы и (в меньшей степени) тиграи, покорившие неправославные южные народности. Селассие попытался реформировать режим, развивая промышленность, все еще игравшую незначительную роль в экономике бедного аграрного государства. Он также стремился к централизации государственной власти и ослаблению аристократии, способствуя развитию нового класса образованных чиновников и офицеров современной армии. Количество студентов в Эфиопии насчитывало 71 человека в 1950 году, а к 1973 году достигло 10 тысяч, не считая тех, кто обучался за рубежом (например, в 1970 году около 700 человек из Эфиопии получали образование в США){1130}. Разумеется, такая стратегия была очень рискованной: подразумевалось, что молодые люди с высшим образованием и современным мировоззрением должны были служить авторитарному лидеру, называвшему себя потомком царя Соломона и царицы Шевы (Вирсавии). Однако со временем режим Селассие становился более консервативным и репрессивным, окружал себя аристократией и наделял большой властью представителей старых знатных родов. Сторонники модернизации, особенно военные, начали осуждать императора за то, что Эфиопия значительно отстала в развитии от бывших африканских колоний, скинувших оковы империализма. В 1960 году они попытались организовать государственный переворот, который потерпел крах, однако обозначил глубину разочарования элит режимом. Как в свое время в России, авторитарный режим подвергся резкой критике со стороны образованных сторонников модернизации, крестьян и защитников этнических интересов, особенно в Эритрее.

Таким образом, кажется, что Эфиопии больше всего подходил традиционный марксизм с его критикой «феодализма». Многие студенты, сами происходившие из бедных семей, сочувствовали бедным крестьянам и ощущали вину за то, что имели некоторые привилегии, как и их русские предшественники. Однако популярность марксизма в Эфиопии возросла благодаря влиянию Запада, а не СССР. Режим Селассие был тесно связан с США. Новые формы марксизма обычно распространялись благодаря студентам, получившим образование на Западе, а также добровольцам «Корпуса мира».

В 1965 году студенты Аддис-Абебы развернули кампанию в защиту прав

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org собственности. Они требовали отменить трудовые повинности, выступали под лозунгами «Землю – земледельцам» и «Долой крепостное право!». Как было сказано выше, к 1968 году студенческие движения уже связывали собственные интересы с борьбой против американской политики во Вьетнаме и против апартеида в ЮАР{1131}. К 1971 году все десять кандидатов на пост председателя Союза университетских студентов утверждали, что единственной подходящей идеологией для Эфиопии является марксизм-ленинизм{1132}. Один современник, не поддерживавший марксистов, вспоминал: «Марксизм считали неопровержимой истиной... любое несогласие молодых с режимом истолковывалось в терминах марксизма. Многие не разбирались в марксизме и не читали марксистских работ, однако это никого не волновало. Они были одержимы марксизмом»{1133}.

Падение режима Селассие ускорил экономический кризис: голод 1973–1974 годов, с которым режим не мог справиться, а также повышение цен на нефть. Революция началась в феврале 1974 года с восстания младших офицерских чинов, недовольных плохими условиями службы и высокомерным, презрительным отношением со стороны старших офицеров. Военные поддержали рабочие и студенты, организовавшие забастовки[769]. Несмотря на попытки нового либерального правительства Ындалькачэу подготовить конституционные реформы, беспорядки продолжались до тех пор, пока группа младших армейских чинов, так называемый «Дерг» («Комитет», Временный военно-административный совет), окончательно не захватила власть, свергнув императора в сентябре[770].

Сначала большинство членов организации «Дерг» придерживались африканского социализма в духе Ньерере[771], «эфиопского социализма», однако практически с самого начала влиятельная группа офицеров, куда входил и заместитель председателя Временного военно-административного совета «Дерг» майор Менгисту Хайле Мариам, стала прислушиваться к левым марксистским настроениям студентов. О происхождении Менгисту известно мало. По одной из версий, его отец был бедняк с юга, прислуживавший аристократу с севера[772].{1134}

Во многом из-за того, что его цвет кожи был гораздо темнее цвета кожи амхарцев, многие эфиопы считали его «рабом» по происхождению.

Менгисту отлично осознавал свое низкое происхождение, однако он добился значительных преимуществ в политике. Он хорошо оценивал политическую ситуацию, при этом скрывая свои истинные намерения и мысли{1135}. Французский журналист Рене Лефорт считал низкое происхождение Менгисту преимуществом революционера 1970-х: «В сознании любого крестьянина с юга или бедняка из столицы... он воплощает месть, которая оправдывает превышение полномочий, он был настоящим Робин Гудом, взошедшим на трон. Как те императоры прошлого, которые, как разбойники, захватывали корону, чтобы затем подарить людям справедливость»{1136}.

И все же Менгисту, утверждавший, что отстаивает права бедных, вовсе не был популистом-романтиком. Возможно, он и испытал на себе, что такое низкое положение и плохое образование, однако он усердно пытался ассимилироваться со знатными амхарцами. Он обладал даром оратора и страстно поддерживал принципы эфиопского (амхарского) национализма. В некоторых аспектах его биография перекликалась с биографией Сталина: в многонациональной империи на него смотрели свысока как на представителя подчиненной южной народности, который хотел слиться с носителями «высокой», более современной культуры и таким образом проложить себе путь к власти{1137}.

Политика Менгисту была связана с его происхождением. Как в свое время Сталин, он осознавал силу народной мобилизации, однако он также стремился достичь «продвинутого уровня» модернизации с помощью централизованной власти и даже насилия, при этом он заявлял, что Эфиопская революция могла обойтись без насилия (в отличие от Славной революции в Англии в 1688 году, жертвами которой, заявлял Менгисту, стали сотни тысяч людей){1138}. Несмотря на то что он плохо разбирался в марксизме, он и другие радикальные члены группы «Дерг» стремились заручиться поддержкой студентов-марксистов.

Первые признаки радикализма членов «Дерг» проявились в марте 1975 года, когда ими было принято решение национализировать землю, передав ее в собственность тем, кто ее обрабатывал. План, разработанный группой радикальных чиновников еще при Хайле Селассие (многие из них получили образование в США), учитывал стремление левых марксистов Эфиопии упразднить «феодализм» и полностью игнорировал предупреждения либералов о том, что

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
реализация этого плана приведет к насилию.

Как Сталин в 1920-е годы, «Дерг» объявил мобилизацию городских студентов, призванных нести революцию в село. Режим и студенты одинаково относились к этому проекту: они считали его военной кампанией, распространением просвещения среди отсталого сельского населения, борьбой с предрассудками, объединением нации. Слово «кампания» (*zemescha*) было использовано в названии проекта «Развитие через кооперацию, просвещение и трудовую кампанию». Это же слово употреблялось для описания походов северных христиан на юг в XIX веке. Несмотря на то что студенты были атеистами, они сохранили энергию и самонадеянность покорителей прошлого. Лидеры «Дерга» заявляли: «Веками люди в целом и лидеры в частности придерживались давно устаревших взглядов»; «эти разъединяющие идеи задерживали прогресс и просвещение»{1139}.

Казалось, эфиопские студенты действовали с таким же энтузиазмом, какой был у их русских предшественников, однако в отличие от них эфиопы пользовались значительной поддержкой южных крестьян. Сами крестьяне стремились избавиться от господства северных феодалов, которые безжалостно их эксплуатировали. Студенческая кампания просвещения заставила крестьян вновь заявить о своих революционных требованиях и разожгла этнический сепаратизм, разделяемый студентами. Как раз этого руководство «Дерг» стремилось избежать, преследуя цели объединения Эфиопии. В результате режим применил насилие и вызвал разочарование студентов. Однако если студенты могли объединиться с южными крестьянами против северных землевладельцев, между ними могли возникнуть конфликты, поскольку студенты насаждали чуждое крестьянам «просвещение», как и их советские предшественники. Кроме того, этнические различия между студентами-просветителями и крестьянами приводили к еще более жестокому насилию. Однажды студент попытался подорвать авторитет одного из местных вождей, который оказывал большое религиозное и политическое влияние на соплеменников. В отчете очевидца-американца говорится: «Вождь-гераманджа (*geramanja*), которого считали полубогом и обычно возили в крытой повозке, нагло и бесцеремонно прошелся по улицам провинциального городка... студенты намеренно осквернили сакральные столовые приборы вождя, а после обеда посадили на его коня бедняка низшей касты *manjo*. Разъяренные сторонники вождя дождались, пока студенты собрались в здании школы по соседству. Тогда они окружили здание и подожгли его»{1140}.

Официально «Дерг» придерживался «эфиопского социализма», однако он все отчетливее напоминал марксизм-ленинизм. Студенты-марксисты приветствовали земельную реформу. С сентября 1975 года лидеры «Дерг» начали формулировать принципы марксистско-ленинской доктрины и стремились заключить союз с марксистскими партиями. Однако эфиопский марксизм существовал в двух формах: в форме сталинистского модернистского марксизма Всеэфиопского социалистического движения (МЭИСОН), в основном включающего южан, и в форме децентрализованного марксизма «маоистской» Эфиопской народной революционной партии (ЭНРП), члены которой были в основном выходцами с севера. Неудивительно, что Менгисту в конце концов заключил союз с МЭИСОН. Отчасти из-за этого союза разгорелись конфликты как внутри «Дерг», так и среди лидеров марксистского движения. Режим подвергал преследованию членов ЭНРП, которые были вынуждены уйти в подполье и развернуть партизанскую борьбу[773]. В результате наступил период жестокого «красного террора», продлившегося около года, начиная с 1977-го[774]. Насилие отличалось особой жестокостью и происходило прямо на улицах. Самой запоминающейся стала жуткая расправа над членами ЭНРП, попытавшимися сорвать митинг в честь 1 мая в Аддис-Абебе.

Экстремизм режима Менгисту способствовал распространению сепаратистских движений – марксистов в Эритрее[775], маоистов-тиграев и сепаратистов в других регионах. Менгисту также угрожала опасность от членов его же организации «Дерг». Его позиции стали намного слабее после того, как США, под влиянием «реальной политики» Киссинджера продолжавшие спонсировать режим «Дерг», несмотря на насилие, резко сократили финансирование[776]. Кроме того, администрация Картера поддержала врагов Эфиопии – марксистский режим Сомали. Тем временем Советы, также поддерживавшие сомалийцев, все ближе подбирались к Эфиопии. Сомалийцы, понимая, как ослабла Эфиопия без американской поддержки, вторглись в эфиопскую область Огаден[777]. Однако война только способствовала консолидации эфиопского режима подобно тому, как результаты Второй мировой войны укрепили сталинский режим. Менгисту выглядел защитником нации и, что было особенно созвучно с советским сталинским прошлым, начал подчеркивать свою связь с православной церковью Эфиопии с целью сплотить нацию в борьбе с интервентами. Он также

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org использовал идеологию высокого сталинизма во многих других ситуациях. Он с готовностью использовал военную силу для сохранения многонационального иерархического эфиопского государства, в котором амхарцы доминировали над другими народностями. Еще больше связывало его со сталинской традицией поведение в стиле монарха: во время военных парадов он все чаще восседал на позолоченном троне, покрытом красным бархатом{1141}.

К 1978 году Менгисту при поддержке советских и кубинских военных и южных крестьян одержал победу в войне за Огаден. Ему удалось расправиться с внутренними врагами и сдержать сепаратистов. После победы он продолжил преобразования в экономике: следуя Сталину, он установил высокую планку развития сельского хозяйства и промышленности. Крестьяне отреагировали на новые задачи пассивным сопротивлением. Вред, нанесенный почвам, война тиграев и засуха стали причиной ужасного голода 1984 года{1142}. Режим игнорировал катастрофические последствия голода и предпринял попытки их устранить только после международного резонанса (поднявшегося после того, как по телевидению транслировали благотворительный рок-концерт), однако действия режима привели к еще более серьезной катастрофе. Кроме того, лидеры приняли решение переселить крестьян на новые места согласно разработанной ими программе «укрепления деревень», последствия которой привели крестьян на сторону партизанского движения, теперь представлявшего самую серьезную угрозу режиму[778].

Менгисту был одним из самых преданных учеников Сталина[779]. Мир в очередной раз получил предупреждение о том, к каким разрушительным последствиям приводит такая жестокая форма государственного правления. Снова разваливающийся старый режим породил ненависть и вызвал к жизни озлобленного Прометея-разрушителя. Однако даже жестокость Менгисту не могла сравниться с жестокостью коммунистического режима, пришедшего к власти в другой стране через несколько недель после того, как лидеры «Дерг» развернули кампанию по преобразованию эфиопских деревень. В апреле 1975 года Коммунистическая партия Камбоджи (известная под названием «Красные кхмеры») заняла Пномпень. Красные кхмеры «исповедовали» коммунизм, значительно отличавшийся от городского афросталинизма Эфиопии. Это был маоистский вариант марксизма, использовавший крестьян, а не городских рабочих для достижения целей модернизации и национального величия. Красные кхмеры заставили Камбоджу (или Кампучию, как они ее называли) пережить еще больший кошмар, чем тот, который принесла Китаю Культурная революция, – кошмар, вызванный жестоким насилием, которое в конце концов убило все надежды на модернизацию.

VI

В 1971 году Франсуа Бизо, студент, сначала изучавший камбоджийский буддизм, а затем перебравшийся в камбоджийскую провинцию, был захвачен красными кхмерами, партизанами, боровшимися с режимом Лон Нола, пользовавшегося поддержкой США. Бизо заподозрили в том, что он может быть американским шпионом, и посадили в лагерь, о чем молодой человек позже написал захватывающую и пронизательную книгу воспоминаний, в которой подробно передал беседы со своим тюремщиком, «Товарищем Дучем», бывшим учителем математики, который позже возглавил знаменитую своими пытками тюрьму Туол Сленг (S-21){1143}. Несмотря на обстоятельства, Бизо и Дуч создали странный отчет, вызвавший горячие споры о камбоджийском коммунизме. Бизо, энтузиаст традиционной камбоджийской культуры, бросал вызов Дучу, остро критикуя то, что принято было называть «прометеевским импульсом модернизации», исходившим от красных кхмеров. В частности, он обличал рабское отношение режима к западным идеям, предубеждение против «отсталых» крестьян, желание принести в жертву простых людей во имя национального величия: «Разрушая традиционный уклад крестьянского общества, насаждая людям новые рациональные идеи – не унижаете ли вы своих соотечественников еще сильнее, чем это сделали бы враги?» – спрашивал он. Но Дуч не верил, что крестьяне будут сопротивляться созданию современного общества, и настаивал на том, что они одобряют программу красных кхмеров. «Совсем наоборот», – возражал он. «Потому что... мы знаем, что крестьяне – источник истинного знания, что мы собираемся освободить их от гнета и унижения. Они не чета ленивым [буддийским] монахам, которые даже не знают, как выращивать рис. Они знают, как подчинить себе свою судьбу... Это общество сохранит свои наилучшие черты и распознает все грязные пережитки нынешнего периода упадка... лучше иметь едва населенную Камбоджу, чем страну, полную дураков!»{1144}

В то же время он объявлял о своем стремлении помогать тем крестьянам,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org которые желали взять на себя определенные обязанности. «Мой долг – вернуть каждого из них к жизни, в которой есть простые радости: разве может кто-нибудь хотеть от жизни больше, чем велосипед, часы и радиотранзистор?»{1145}

Далее Дуч обвинял Бизо в лицемерии и в том, что он забыл, что Франция создала нацию в ходе кровавой революции, и говорил, что величественный и древний камбоджийский храм Ангкор-Ват также требовал массовых жертв: «Для француза ты какой-то мягкотелый. Разве у вас самих не было революции, в которую вы казнили многие сотни людей? Не потрудишься ли объяснить мне, не помешала ли вам когда-нибудь память об этих жертвах превозносить в своих учебниках по истории людей, которые в те дни основывали новую нацию? То же самое – с памятниками Ангкора, архитектура и величие которых поражают любого... кто сейчас думает о цене, заплаченной за этот храм, о бесчисленных людях, умерших от непосильного труда в течение веков? Не так важен размах жертв – гораздо важнее, насколько великую цель ты перед собой ставишь»{1146}.

Бизо был поражен бессердечностью Дуча, но и сам испытывал противоречивые чувства: «Вплоть до того времени я был уверен, что пишу о жестоком палаче. Теперь же я видел подвижника, смотрящего вокруг с выражением лица, в котором сочетались мрак и горечь, возникшие из его бесконечного одиночества. Он проявлял такую жестокость, а я с удивлением чувствовал к нему симпатию... Когда я смотрел на него, слезы наворачивались мне на глаза, как если бы я имел дело с опасным хищником, но не мог заставить себя ненавидеть его... Его разум был отточен, как зуб волка или акулы, но его человеческая психология была аккуратно законсервирована. Учителя использовали его, подготовленного таким образом, в качестве пешки уже очень долго, а он этого и не понимал»{1147}.

Бизо мог как правильно, так и ошибочно толковать мотивацию Дуча, то же касается и его убежденности в том, что Дуч был жертвой своих бесчеловечных господ. Но записанные им взгляды Дуча помогают понять, почему лидеры красных кхмеров, как Дуч, были готовы творить такое насилие. Слова Дуча – и в особенности его восхищение достижениями древней цивилизации, создавшей храмовый комплекс Ангкор, – явно были более националистичными, чем убеждения большинства коммунистов [780], и, конечно же, основной причиной камбоджийских событий стал именно такой национализм. Но в его словах также слышится эхо тех радикальных волюнтаристических идей, которые были характерны для Сталина и Мао, – о том, что величие нации и экономический успех могут быть достигнуты только при том условии, что сами люди станут героями, готовыми к самопожертвованию, а тех, кто будет не готов стать героем и окажется ненадежен, следует устранить. Но красные кхмеры были скорее маоистами, чем сталинистами в своей вере в крестьянские добродетели, как минимум в теории; у них не было презрения к своей культуре [781] и восхищения урбанизацией, как у сталинистов. При этом «коммунистическое государство № 1», как они называли свой режим, даже быстрее режима Мао модернизирующей стороной прометеевского синтеза и в своих усилиях мобилизовать нацию, превратить ее в крестьянскую партизанскую армию на время войны. Красные кхмеры также пользовались исключительной враждебностью села к городу. Последствиями стали массовые убийства и разрушительность.

Лидер красных кхмеров Салот Сар (более известный под псевдонимом Пол Пот) пришел к своей экстремистской версии марксизма в ходе всей жизни, которая была в некоторых отношениях похожа на жизни других азиатских коммунистических лидеров. Он происходил из богатого крестьянства (как и некоторые другие лидеры коммунистов в развивающихся странах); он уехал на учебу за рубеж, где и столкнулся с коммунистическими идеями, а затем вернулся в страну, разрывающую антиколониальными и постколониальными партизанскими войнами. Но на его мировоззрение также повлияли характерные черты этнической и социальной иерархии его родины. Камбоджа была аграрной частью французского Индокитая, и народ Камбоджи – буддисты-кхмеры – в основном занимался сельским хозяйством. Французы считали кхмеров менее развитыми, чем конфуцианцев-вьетнамцев, которые занимали в стране многие административные посты, и камбоджийские националисты испытывали все возрастающую враждебность к своему низкому статусу по сравнению с доминирующими китайцами и вьетнамцами. Дитя 30-х годов [782], Пол Пот имел тесные связи с более традиционными аспектами камбоджийской культуры: он несколько месяцев провел в качестве послушника в буддийском монастыре, где получил очень строгое и глубоко традиционное образование. Его семья имела

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
родственные связи с королевским двором: двоюродная сестра Пола Мик была танцовщицей королевского балета и стала супругой короля, да и сам Пол [783] бывал во дворце. Мы не знаем, что он думал о королевском дворе тех времен, но позже он очень жестко осуждал монархию и ее упадок [784]. {1148} и если раньше он и не задавался этим вопросом, он должен был понять, какое место Камбоджа занимает в неофициальной этнической иерархии, когда пошел во французскую школу в Пномпене – городе, где заправляли французы, вьетнамцы и китайцы. Все это может послужить объяснением, почему он пришел к мысли, что повысить статус Камбоджи можно только путем устранения ее традиционной культуры.

Пол Пот достиг совершеннолетия во время националистических брожений, когда французы восстановили контроль над страной после окончания Второй мировой войны, но допустили в стране конституционную монархию во главе с принцем Нородомом Сиануком. Хотя Пол и был заурядным студентом, ему удалось в 1949 году получить стипендию для учебы во французском Институте радиозлектроники в Париже, пусть эта область и не очень его интересовала. Гораздо сильнее его занимала французская история и националистическая политика, а одним из любимых авторов был Руссо. В те времена коммунистическая партия пользовалась во Франции очень сильным влиянием, и неудивительно, что Пол попал в коммунистические круги.

Пол посещал собрания марксистов и вступил в ряды Коммунистической партии Франции. Один из современников вспоминал, что Пола восхищала идея Сталина о конспиративной партии авангарда [785] и сам Сталин; недаром он повесил его портрет на стене у себя в комнате {1149}. Когда Пол вернулся в Камбоджу в начале 1953 года, вьетнамские коммунисты распространили партизанскую войну против французского господства за пределы своей страны и контролировали около одной шестой части территории Камбоджи. Пол вступил в ряды Коммунистической партии Индокитая, основанной вьетнамцами, и некоторое время провел в партизанском отряде, хотя воевать ему, возможно, и не довелось. Вскоре после того, как Франция предоставила Камбодже независимость – это случилось немногим позже, чем через год, – он вернулся в Пномпень и стал секретным коммунистическим агентом, работая в то же время преподавателем. Он пользовался популярностью, и один из студентов так вспоминал о его мягком и представительном стиле: «Я до сих пор помню, как Пол Пот говорил по-французски: мягко и очень музыкально. Он явно разбирался во французской литературе, особенно в поэзии... В Париже много лет спустя я услышал по телевизору, как он говорит на родном языке... Он говорил отрывисто, монотонно, перебирая слова, но ни разу не оговариваясь, с полужакрытыми глазами, захваченный собственным лиризмом» {1150}.

Монашеский поучающий стиль Пола Пота привлек в Коммунистическую партию многих монахов, учителей и студентов Пномпеня в то время, когда Сианук, авторитарный правитель и сторонник модернизации, расширил возможности образования. В 1962 году после загадочной смерти лидера Коммунистической партии Пол стал исполняющим обязанности секретаря партии [786]. Студенческие восстания 1963 года вынудили его скрываться в партизанских отрядах на востоке и северо-востоке страны. Пол шел по тому же пути, который в 1927 году избрал Мао и другие китайские коммунисты, – пути из города в деревню.

К началу 1960-х годов Сианук, отчаявшись оградить Камбоджу от Вьетнамской войны, разорвал отношения с США и вступил в союз с Китаем и Северным Вьетнамом, позволив вьетнамским партизанам использовать его территорию. Таким образом, вьетнамцы не хотели бы, чтобы камбоджийские коммунисты нападали на режим Сианука. Это желание было отчетливо передано Пол Потом во время его визита в Ханой в 1965 году. Радикальный коммунист Пол искал поддержку своему движению, поэтому он остался недоволен покровительственным тоном вьетнамцев. В конце года он посетил Пекин и был рад более теплому приему. Китайцы также отказались поддерживать Пол Пота в борьбе против Сианука, однако они вели себя намного вежливее, кроме того, Пол был восхищен радикальной атмосферой, царившей в Китае. Социалистическое просветительское движение набирало силу, до начала культурной революции оставалось несколько месяцев. Визиты в Китай в 1965 и 1970 годах оказали сильное влияние на мышление Пола Пота и открыли для него новое мировоззрение. Вернувшись на родину, он первым делом заменил название коммунистической партии во вьетнамском стиле «Партия революционных рабочих» на название в китайском стиле «Коммунистическая партия Кампучии» [787] и уехал из региона, испытывавшего вьетнамское влияние, в более отдаленные районы Камбоджи, на северо-восток, населенный «племенными» меньшинствами, – районы, напоминающие китайский Яньань. Красные кхмеры начали подготовку

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
вооруженного восстания против Сианука, которое произошло годом позже{1151}.

Перспективы радикальных коммунистов Пол Пота стали выглядеть намного лучше в 1969–1970 годах, отчасти в результате новой американской стратегии во Вьетнаме. В 1969 году Вашингтон начал бомбить вьетнамские базы на территории Камбоджи, что продемонстрировало полный провал попыток Сианука не вмешиваться в войну. Это также ускорило его свержение в результате проамериканского переворота. Вьетнамцы, красные кхмеры и Сианук теперь объединились против режима Лон Нола, поддерживаемого американцами. К 1972 году красные кхмеры контролировали уже более половины территории Камбоджи, в основном сельской. Большинство отрядов красных кхмеров были сформированы из молодых бедных крестьян, управляемых учителями или горожанами других профессий. Чтобы превратить красных кхмеров в единую мощную силу, руководители использовали маоистские методы самокритики, учебные занятия и ручной труд. Именно с этого времени красные кхмеры развернули кампанию против «феодализма» в «освобожденных» районах: они искореняли буддизм и насаждали радикальные принципы эгалитаризма и коллективизма, символом которых стало их требование того, чтобы крестьяне носили одинаковые черные костюмы.

В 1973 году расстановка сил изменилась снова: вьетнамцы, выполняя обещание, данное американцам, покинули Камбоджу, красные кхмеры остались без поддержки, однако продолжили борьбу. 17 апреля 1975 года жители Пномпеня с волнением наблюдали за тем, как молодые крестьяне из отрядов красных кхмеров победно входили в столицу – подобную картину наблюдали и жители Пекина в 1949 году. Вскоре выяснилось, что причин для волнения у них было немало.

Партия, захватившая власть в Камбодже, была настолько необычной, что некоторые сомневались в правомерности отнесения ее к марксистским. Многие отмечали влияние буддийской школы тхеравада, ее идей коллективизма и фатализма, именно так объяснял необычные особенности движения красных кхмеров Франсуа Бизо{1152}. Он спрашивал обозлившегося Дуча: «Разве ты не защищаешь новую религию? Я посещал ваши занятия. Они не сильно отличаются от курсов доктрины буддизма: отказ от материальной собственности, семейных связей, которые делают нас слабыми и не дают нам целиком посвящать себя Ангкору [Организации]; отказ от родителей и детей ради служения революции. Подчинение дисциплине и признание собственных ошибок»{1153}.

Красные кхмеры обучали своих рекрутов-крестьян, не обращаясь к идеям Маркса или Ленина, а до 1977 года они скрывали свою истинную коммунистическую направленность, требуя сохранять преданность «Революционной организации» (Ангка Падеват) [788]. Кхмеры действовали так во многом по националистическим причинам: они были ужасными ксенофобами и не желали признавать какую-либо иностранную доктрину, особенно ту, которую поддержали ненавистные вьетнамцы. В одном из своих выступлений Пол Пот заявил: «Мы одержали полную, неоспоримую, чистую победу, это означает, что мы победили без какой-либо помощи или вмешательства иностранцев»{1154}. Однако красные кхмеры действовали скрытно и весьма осмотрительно. Убежденные в том, что у них очень мало времени на осуществление тотальной революции и подготовку к контратаке, они продолжали действовать так, будто вели революционную войну. Правительство было сформировано тайно, все лидеры имели кодовые имена: Брат номер один (Пол Пот), Брат номер два и так далее. Впервые население услышало имя «Пол Пот» во время «выборов» в апреле 1976 года, когда эта легендарная личность была представлена как «работник каучуковой плантации»{1155}. Официальные представители партии красных кхмеров объявили иностранцам о том, что Салот Сар был мертв.

Война в сочетании с экстремальным национализмом способствовала усилению конспирации и ксенофобии, такое же действие оказывал на кхмеров пример их прежнего покровителя – Вьетнама. «Лига независимости Вьетнама» – Вьетминь – также провозгласила себя националистическим фронтом и никогда официально не признавала приверженность марксизму-ленинизму{1156}. В других аспектах красные кхмеры следовали маоистской традиции, например провозглашая крестьянство революционным классом. Тем не менее камбоджийцы пошли еще дальше. Как было сказано выше, Мао идеализировал крестьянские добродетели, однако он всегда признавал превосходство пролетариата. Красные кхмеры, напротив, видели в крестьянах «рабочий класс» и подвергали дискриминации городских жителей. Одним из первых решений, принятых режимом кхмеров, стала «эвакуация» Пномпеня и других городов – переселение их жителей (более 2 миллионов человек) в сельскую местность и принудительная работа в

Непонятно одно: что именно толкнуло кхмеров на это решение[789].{1157} Во многом его приняли, учитывая ненависть крестьян по отношению к более благополучным горожанам. Это была своего рода политика мести. Как впоследствии партия объясняла своим сторонникам причины переселения горожан: «Жители городов наслаждались более легкой жизнью, в то время как крестьяне переживали трудные времена... Нравы горожан при Лон Ноле не отличались той чистотой, которой отличались нравы жителей освобожденных территорий»{1158}. Действия партии напоминали преследования коммунистами своих врагов в других коммунистических странах, где режим одержимо следил за безопасностью идеологии. Вскоре горожан стали воспринимать как потенциальных врагов и идеологически «загнанных», так как они формировались в «грязи империалистической и колониальной культуры»{1159}.

Однако во многих других вопросах политика красных кхмеров напоминала особо радикальную версию эгалитарного маоизма времен «Большого скачка вперед». Деньги отменили, все население, включая депортированных горожан, превращалось в трудовую силу коллективных хозяйств. Городская жизнь была разрушена, города опустели, школы закрылись. Страна превратилась в огромный сельскохозяйственный трудовой лагерь,

Они стремились к полному разрыву со старой социально-культурной средой и немедленному созданию «коммунистических» форм общества. Жизнь каждого гражданина приносилась в жертву труду и политическому образованию. Режим стремился избавиться от всех форм иерархических отношений прошлого. Дети должны были обращаться к родителям не иначе как «товарищ отец» и «товарищ мать», запрещалось использовать обращение «мсье»{1160}. Партия также давала согласие на брак. Пол Пот даже заявил, что «матери не должны сильно привязываться к своим отпрыскам», с целью разрушить семейный уклад и традиции строились огромные общие столовые{1161}. В то же время общество делилось по новому критерию – классовому и идеологическому: переселенцы из городов («новые люди») считались гражданами второго сорта, категория «основных людей» делилась на две группы – преданных власти бедных крестьян («полноправных членов») и тех, которым еще не полностью можно было доверять («кандидатов»). Распределение продовольственных пайков и привилегий осуществлялось на основе статуса человека в новой иерархии, хотя теоретически каждый гражданин мог подняться по социальной лестнице благодаря усердному труду и преданности партии{1162}.

Пол также следовал Мао и радикальной марксистско-ленинской традиции в своем стремлении осуществить «большой скачок вперед» к полному благополучию в сельском хозяйстве и, в конечном счете, к индустриализации. После того как красные кхмеры стали совершать регулярные вылазки во Вьетнам, незаконно пересекая границу, и конфликт с соседним государством обострился, Пол Пот объявил «четырёхлетний план строительства социализма во всех сферах» в 1976 году частью стратегии защиты нации. Этот план был самым ненаучным из всех планов, разработанных в коммунистическом мире. Его составили небрежно: при сверхамбициозных задачах, предусмотренных планом, в нем отсутствовали подробные указания по их выполнению. План говорил о полном отсутствии экономических знаний руководства красных кхмеров, он основывался исключительно на их воле и желаниях. Один чиновник заявил: «Когда окончательно проснется политическое сознание народа, ему будет по силам любая задача»; «наши инженеры не могут сделать того, что может сделать наш народ»{1163}. Высокомерный Пол Пот был убежден в том, что «Демократическая Кампучия» не только догонит своих соседей, но станет образцом для всех коммунистических государств. Она станет настоящим «коммунистическим государством номер один».

Проекту индустриализации не было суждено осуществиться, однако согласно плану по увеличению урожая риса около миллиона рабочих (многие из них – бывшие горожане, а теперь «новые люди») были призваны превратить пустынные земли в новые сельскохозяйственные угодья. Десятки тысяч людей погибли от голода и болезней. Красные кхмеры безжалостно относились к своим классовым врагам, от них часто можно было услышать известную фразу: «Спасать вас бессмысленно, уничтожить вас ничего не стоит»{1164}. К «новым людям» относились как к второсортным гражданам, их могли убить даже за мелкую провинность. Тем не менее кроме горожан на борьбу за урожай были брошены все крестьяне, которые также испытали глубокие страдания.

Однако в идеологии красных кхмеров имелось значительно больше аспектов

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org сталинизма, чем можно было ожидать, учитывая тот факт, что серьезное влияние на ее лидеров оказала Коммунистическая партия Франции. Тесный контакт был также установлен с Северной Кореей{1165}. В Камбодже не произошло мобилизации в стиле китайской Культурной революции, но в то же время отношение к «врагам» напоминало сталинизм конца 1930-х годов: их не перевоспитывали, а уничтожали. Как и Сталин, Пол Пот утверждал, что успех в войне подразумевал проведение кампаний по выявлению внутренних «врагов», или вражеских «микробов», которые «просачивались в каждый уголок партии» и могли нанести «значительный вред». Он заявлял, используя язык, поразительно напоминавший сталинскую риторику: «Остались ли еще коварные, скрытые элементы внутри партии, или их больше не осталось? Из наших наблюдений, которые мы ведем уже более десяти лет, становится ясно, что они еще остались... Некоторые выглядят как преданные члены партии, другие колеблются в выражении своей приверженности. Враги без труда просачиваются в партию»{1166}. Под подозрение попало большое количество людей, многие из которых были преданы партии. Около 14 тысяч репрессированных прошли через тюрьму S-21, в которой работал товарищ Дуч. Под пытками они признавались в участии в невероятных заговорах и приговаривались к смерти. Тем временем режим развернул серьезное преследование целых групп – как «классовых врагов», так и представителей этнических меньшинств.

Со временем масштабы применяемого насилия менялись, в одних регионах совершалось больше убийств, чем в других. Однако в целом количество погибших от голода и репрессий вызывает ужас: по разным оценкам, жертвами режима стали от 1,5 до 2 миллионов человек, или 26% всего населения{1167}. Разумеется, режим поручал совершать убийства своим исполнителям, применяя различные виды мотивации. Палачами становились в основном молодые крестьяне, которые сначала выступали за земельную реформу. Красные кхмеры создали благоприятную атмосферу для применения насилия против «врагов». «Подавление любых положительных чувств» по отношению к «врагам» революции, даже если врагами оказывались родственники, считалось великой добродетелью, убийство врага рассматривалось как способ достижения «чести» нового общества. Один «новый человек» вспоминал, что его начальник был убежден в следующем: «Если он выявил достаточно врагов, он успокоил бы свою совесть. Он исполнил свой долг перед Анккой»{1168}. Другие становились палачами по принуждению: если не будешь убивать, однажды тебя заподозрят в том, что ты враг.

Конец кошмара «Демократической Кампучии» наступил в начале 1979 года, после того как в Камбоджу вторглись вьетнамские войска, поддерживаемые СССР. Плохо подготовленная армия Кампучии не могла противостоять вооруженному соседу с колоссальным опытом ведения войны. Тем не менее красные кхмеры продолжали партизанскую войну при поддержке Китая на протяжении 1980-х годов, когда в 1989 году Вьетнам, лишившийся поддержки СССР, был вынужден вывести войска из Камбоджи[790].

VII

Опыт Камбоджи и Эфиопии серьезно навредил репутации коммунизма в странах «третьего мира», даже среди самих коммунистов. И СССР, и Китаю было видно, насколько эти режимы напоминали их военное прошлое – часть истории, которую они предпочли бы забыть.

Китай продолжал оказывать военную поддержку красным кхмерам, даже несмотря на то, что после смерти Мао китайцы изменили точку зрения по поводу радикализма, которому когда-то были всецело преданы; им требовалось заручиться поддержкой Камбоджи против Вьетнама. Таким же образом советские идеологи все больше разочаровывались в своих подопечных. Члены партии, такие как Брутенц, Шахназаров и Загладин, которые вначале с энтузиазмом относились к событиям в Африке, обнаружили, что их ставленники, например Менгисту, отказывались следовать их советам и не желали умерить свои амбиции. Будучи свидетелями чисток и кровопролитий, они подозревали, что эти якобы марксистско-ленинские передовые партии представлены лично заинтересованной элитой, которая пропагандирует реальный социализм не в интересах общества в целом и чьи чрезмерно амбициозные цели не учитывали уровень экономического развития.

События у южных границ СССР, в Афганистане, казалось, подтверждали этот грустный прогноз. Авторитарный модернизатор Мухаммед Дауд все время увеличивал раскол между левым населением городов и правыми, чья идеология была построена на племенных традициях и исламе. В апреле 1978 года, без

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org советского вмешательства, левая фракция коммунистической партии* «Хальк» («Народ») захватила власть в результате переворота под руководством Нура Мухаммеда Тараки и Хафизуллы Амина. Называя себя «детьми истории», эти приверженцы модернизма и урбанизации, многие из которых были школьными учителями, старались распространить грамотность и донести прогресс до сельской местности[791], но действовали они равнодушно и все чаще прибегали к силе[1169]. СССР, для которого Афганистан был стратегически очень важен, поддерживал новый режим, однако пытался, хотя и безуспешно, управлять происходящим. Когда вспыхнуло восстание в Герате, возглавляемое исламистскими партизанами[792], Москва решила перейти к действию и попыталась снять Амина. Это привело к обратному – Амин убил Тараки. СССР пришлось иметь дело с враждебным правительством[793]. В декабре 1979 года Леонид Брежнев принял судьбоносное решение ввести войска[1170].

Советское вторжение было показателем слабости, а не силы, как многие тогда думали на Западе. Оптимизм 1970-х годов, когда Кремль оправдывал идеологические амбиции «третьего мира», закончился. Среди западных коммунистов тем временем военная конфронтация между блоками иногда порождала тревогу, особенно в компартии Италии, которую с 1972 года возглавлял осторожный аристократ с Сардинии Энрико Берлингуэр. Италия, как и большинство стран Западной Европы, переживала экономический кризис и проблемы в социальной сфере, но куда более важными были волнения рабочих; здесь действовали самые активные террористы в Европе, по большей части крайние левые, но также и крайние правые: в период между 1969 и 1980 годами в результате 7622 актов насилия погибло 362 человека, 172 человека пострадали. Берлингуэра беспокоили оба крыла экстремистов. Свержение Альенде, президента Чили, в 1973 году убедило его, что они столкнутся с угрозой переворота, так как коммунисты будут гораздо сильнее на выборах. Испанская коммунистическая партия, которой руководил Сантьяго Каррильо, придерживалась такого же взгляда, принимая во внимание революционный хаос, который они наблюдали в Португалии.

Берлингуэр был убежден, что коммунизм победит только в том случае, если конфликт между блоками, как и внутри стран, будет урегулирован. Решение он видел в «третьем пути» – чем-то среднем между социальной демократией и советским коммунизмом – в движении, которое стало известным как «еврокоммунизм». Такой строй позволил бы решить задачу по снятию напряженности, включая выполнение Хельсинских соглашений о правах человека, которые СССР подписал в 1975 году, но которые не соблюдал; он бы не принял милитаризм, характерный для холодной войны; он бы формально допускал многопартийные системы и «социалистический плюрализм». Больше всего итальянцев поддерживали испанцы, еще удалось заручиться помощью французов. В июне 1976 года на общеевропейской коммунистической конференции в Восточном Берлине все три партии заявили о своей политической независимости от Москвы и подвергли критике использование СССР военной силы при распространении коммунизма. В компромиссном документе, подписанном участниками, исчезли упоминания о «диктатуре пролетариата», а термин «марксизм-ленинизм» был заменен на «великие идеи Маркса, Энгельса и Ленина». Не было и критики НАТО, это сделали, чтобы защитить итальянцев, государство которых состояло в западном военном альянсе. В апреле 1978 года испанская партия стала первой коммунистической партией, которая формально отказалась от версии написания «марксистско-ленинский» в пользу варианта «марксистский, демократический и революционный».

И итальянская, и французская партии наладили контакт с оппонентами в своих странах. Берлингуэр начал претворять в жизнь свою концепцию «исторического компромисса» (*compromesso storico*), направленную на объединение с христианскими демократами для сопротивления угрозе фашизма и выхода Италии из кризиса. Во Франции коммунисты сотрудничали с социалистами Франсуа Миттерана в 1972 году на основе общих левых идей, далеких от ортодоксальной коммунистической программы. С 1940 года они впервые стали потенциальной правящей партией.

Тем не менее Берлингуэру не удалось создать новую, успешную форму коммунизма. СССР относился ко всему этому враждебно, опасаясь, что итальянцы создадут конкурирующий центр коммунизма, который сможет угрожать интересам СССР как в Восточной, так и в Западной Европе. «Сражаться с ленинизмом во имя марксизма – это непостижимо, – писала газета «Правда». – Нет ничего более абсурдного». У американцев это тоже вызывало подозрения, они до сих пор воспринимали еврокоммунизм как угрозу Западу. Тем временем итальянцы оставались более привержены еврокоммунизму, чем французы, чьи

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
настроения и политическая культура были узкими и просоветскими.

Стратегии партий типа «Народного фронта» сталкивались с трудностями. Во Франции в выигрыше были социалисты, в то время как прежняя коммунистическая политика, в центре внимания которой находились интересы рабочего класса, казалась устаревшей. В 1978 году коммунисты, серьезно отстающие от своих социалистических союзников, стали отступать от прежнего одобрения принципов еврокоммунизма. Они приняли участие в социалистическом правлении[794], однако их неудача была неизбежна.

Итальянские коммунисты были изначально более успешными. Набрав 34,4% голосов на выборах 1976 года, они, конечно, не были самым крупным парламентским блоком, хотя именно им впервые со времен войны удалось лишиться коалицию христианских демократов большинства голосов. Несмотря на то что до 1978 года коммунисты не занимали министерских должностей в правительстве, сформированном христианскими демократами, они поддерживали его извне и обладали значительным влиянием. Однако это были трудные в экономическом отношении времена. Партия вела себя как социал-демократические правительства стран Западной Европы: она старалась улучшить производительность за счет классового компромисса. Профсоюзы должны были сдерживать заработную плату, в то время как государство обязалось ввести справедливую систему налогообложения и направить экономику на освоение более продуктивных областей. Сначала профсоюзы шли навстречу партии, что помогло снизить инфляцию. Но в целом экономические реформы были неэффективными, отчасти потому, что не имелось взаимного доверия между социальными группами, а отчасти потому, что христианские демократы на самом деле не поддерживали этот союз.

Короткий период ответственности без власти итальянских коммунистов[795] разочаровал их сторонников. Радикальная молодежь особенно враждебно относилась к поддержке коммунистами жесткого антитеррористического законодательства: коммунисты, к своему разочарованию, стали яркими защитниками итальянского государства. Студенческие демонстрации и терроризм процветали[796], и, подавленная и разобщенная, итальянская коммунистическая партия закончила «исторический компромисс» в начале 1979 года. Коммунисты получили меньше голосов, и, в то время как уровень поддержки должен был быть достаточно высоким, они теряли силу до тех пор, пока железный занавес не упал.

Тем не менее еврокоммунизм был разрушен ухудшившимися отношениями между Востоком и Западом в конце 1970-х годов. Революции в странах «третьего мира» и советское вмешательство убедили американские политические элиты в том, что СССР пользовался спадом международной напряженности с целью распространения коммунизма. Даже президент Джими Картер, который придерживался политики, направленной на улучшение отношений с СССР[797] и странами «третьего мира» и ориентированной больше на соблюдение гражданских прав, чем на обеспечение безопасности[798], был озабочен политикой СССР. Его бескомпромиссный советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский особенно недоверчиво относился к намерениям Москвы, а вторжение в Афганистан укрепило его позицию против «миротворцев». Тем временем в Москве и не подозревали, какой вред разрядке наносила советская политика в странах «третьего мира». Жестокие и негибкие, они продолжали вести политику борьбы, в которой нельзя было выиграть.

В то время как напряжение между сверхдержавами росло, поддерживать такие «третьи пути», как еврокоммунизм, стало очень трудно. Отношения Берлингуэра с СССР ухудшались, последней каплей стал ввод войск в Афганистан[1171]; французская партия поддержала СССР, а итальянцы осудили вторжение. После введения военного положения в Польше в 1981 году Берлингуэр в последний раз выступил с критикой советского строя: этап социализма, который начался с Октябрьской революции, по его словам, «изжил себя».

Ухудшение положения на международном уровне усугубил еще один коммунистический режим «третьего пути» – сандинистский режим, который пришел к власти в Никарагуа после сандинистской революции в 1979 году. Коалиция сандинистов (СФНО – Сандинистский фронт национального освобождения) была так названа в честь антиамериканского партизанского лидера 1920-х годов Аугусто Сандино. Воспользовавшись крайним недовольством по отношению к режиму диктатора Сомоса Дебайле, сандинисты пришли к власти, призывая к независимости от Соединенных Штатов Америки и к формированию правительства, которое бы защищало интересы бедных. Движение состояло из

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org трех фракций – одна опиралась на крестьян, другая – на городских жителей, а третья носила название «Terseristas», или «третья альтернатива», членами которой были братья Ортега – Даниэль и Умберто. Братья Ортега – марксисты, хотя не придерживались никакого особого варианта доктрины, в то время как большинство сандинистов выступали с популистских позиций. В некоторых вопросах сандинисты шли по кубинскому пути, призывая к национализации, земельным реформам и улучшению систем социального обеспечения и образования, но в отличие от кубинцев они одобряли политический плюрализм и смешанную экономику.

Как и ожидалось, режим пользовался популярностью среди бедных, но национализация настроила против него средний класс, к тому же и отношения с Соединенными Штатами оставались напряженными. Сандинисты были очень заинтересованы в развитии своей страны, но тем временем они принимали помощь от Кубы, а братья Ортега охотно поддерживали партизанские группы в Сальвадоре и других странах. Даже в этих условиях отношения между Вашингтоном и Манагуа нельзя было назвать враждебными; только с ужесточением холодной войны после победы Рональда Рейгана в президентских выборах в США в 1980 году Вашингтон развязал партизанскую войну против сандинистов, а Даниэль Ортега начал получать помощь из Москвы.

Так, к 1979 году СССР сильно разочаровался в своих попытках распространить коммунизм в странах «третьего мира», а военные вторжения – вместе с жестокими сталинскими методами некоторых ставленников – усиливали убеждение многих союзников в том, что марксизм-ленинизм слишком жесток и марксизм нужно совмещать с плюрализмом. Но, несмотря на недостаток уверенности в коммунистическом мире, многие на Западе, обеспокоенные политикой СССР, были уверены в том, что экспансия будет продолжаться. В конце 1978 года британский журнал *The Economist* («Экономист»), выступавший с позиций правого либерализма, опубликовал тревожный прогноз на ближайшие «особенно опасные семь лет». Описав высокий уровень «военно-политической воли» СССР, Кубы, ГДР и Вьетнама к распространению коммунизма по всему миру, издание заявило: «Невозможно удержать Советский Союз от распространения военного влияния ... [Но] важно остановить советскую экспансию до того момента, как она достигнет до командных высот и сможет контролировать как ядерные, так и неядерные сферы». *The Economist* утверждал, что это было осуществимо, но пессимистически задавал вопрос, «могут ли американцы найти у союзников – или у самих себя – хоть немного воли, достаточной для того, чтобы остановить советскую экспансию до того момента, как она достигнет до командных высот и сможет контролировать как ядерные, так и неядерные сферы»{1172}.

12. Революции-близнецы

I

11 октября 1986 года генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев во второй раз встретился с президентом Рейганом в правительственном доме съездов в Рейкьявике. Рейган вел себя довольно сдержанно по сравнению с многословным Горбачевым, и все же у них было много общего. Обоих лидеров объединяло лицедейство: Рейган играл в малобюджетных голливудских фильмах, а Горбачев когда-то хотел стать актером, и некоторые из его коллег отмечали его театральные способности{1173}. Также они были идеалистами и верили каждый в свою систему: Рейган – христианин и воинствующий либеральный капиталист, Горбачев – атеист и убежденный коммунист. Как ни парадоксально, несмотря на острые идеологические расхождения, между этими двумя актерами международной сцены было сходство. Рейган даже убедил себя в том, что Горбачев, возможно, верующий – он говорил своему советнику Майклу Диверу: «Не знаю, Майк, я действительно думаю, что он верит в высшую силу»{1174}.

Поначалу сила их личных идеологических убеждений затрудняла достижение соглашения. Например, утром второго дня встречи разразился скандал, так как Рейган обвинял коммунистов в стремлении к мировому господству, а Горбачев яростно защищал советские достижения в области прав человека{1175}. К полудню, однако, обстановка разрядилась. Горбачев предложил резкое сокращение ядерного вооружения, и после некоторых прений относительно того, что именно он имел в виду, Рейган сделал исключительное заявление: «Я не возражаю против того, чтобы устранить все ядерное оружие». На это Горбачев ответил следующим образом: «Мы можем это сделать. Мы можем устранить его»{1176}. Затем они договорились доверить составление предварительного плана договора своим посредникам. К обоюдному разочарованию, соглашение

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org буквально выскользнуло у них из рук, так как русские возражали против разработки американцами современной противоракетной системы «Star Wars» («Звездные Войны»). Но соглашение, шокировавшее многих советников Рейгана, показало, как сильно изменилась обстановка с 1970-х годов. Общая атмосфера этих дебатов сильно отличалась от сдержанных переговоров Никсона и Брежнева. Оба лидера серьезно относились к идеям и знали толк в идеологической борьбе. Но они также пришли к соглашению по фундаментальному вопросу: они должны были отказаться от старой «реальной политики», которая привела к массовому производству ядерного оружия и поставила под угрозу будущее всего человечества.

Когда два с половиной года спустя, 15 мая 1989 года, Горбачев отправился в Пекин на встречу с китайским лидером Дэн Сяопином, атмосфера оказалась совсем другой. Это был первый советский визит со времени советско-китайского раскола. Однако, если Дэн, в отличие Рейгана в Рейкьявике, подписал договор с Горбачевым[799], мысли и желания сторон не совпадали. Атмосфера была напряженной. На площади Тяньаньмэнь студенты устроили демонстрацию за демократию и надеялись на поддержку Горбачева. Кроме того, технократ Дэн был коммунистом совсем иного склада. Встреча прошла довольно дружелюбно, но настоящие договоренности достигнуты не были. Горбачев писал в своих мемуарах: «Я думаю, что ключ к его [Дэна] огромному влиянию... в его колоссальном опыте и здоровом прагматизме»[1177].

Две принципиально разные встречи показали, как сильно три блока – советский, китайский и американский – изменились со времени последнего шквала переговоров в 1971-1972 годах

Тогда, как и в 1989-м, у Америки и Советов было много общего: Никсон и Брежнев были сверхпрагматичны; Мао, престарелого утописта, бедствия Культурной революции вынудили отступить. К середине 1980-х годов новые лидеры трех блоков отреклись от своих предшественников. Реакция против циничной «реальной политики» в США и СССР привела к власти двух идеалистов – Рейгана и Горбачева, в Китае, наоборот, реализм Дэна представлял собой полную противоположность разрушительному утопизму Мао. Если Китай терял свой революционный напор, Соединенные Штаты и Советский Союз вновь его обретали.

Рейган и Горбачев осуществили две революции, которым суждено было изменить мир в конце 1980-х годов: либерализацию капитализма и реформирование коммунизма. Хотя вторая способствовала окончательному краху коммунизма, попав в самое советское «сердце», именно первая окончательно привела капитализм к мировому превосходству. Обе революционные трансформации идей тем не менее многое взяли друг от друга. «Ястребы» холодной войны заимствовали кое-что из стратегии (и даже языка) марксистов-ленинцев, в то время как на Горбачева все больше влияния оказывали либеральные идеи.

Президентство Рейгана ознаменовало начало обновленного западного либерального идеологического влияния. В 1980-х годах казалось, что западная идеология придет к мировому господству, охватив также и Китай. И все же либеральная сила, пошатнувшая кремлевскую твердыню, в итоге не смогла пробить брешь Пекинского Чжуннаньхая, резиденции китайской элиты. Китайские лидеры-прагматики не были склонны к революционному диалогу, ни в маоистском ключе, ни в либеральном. К тому же у Китая имелась другая модель развития, к которой можно было прибегнуть, – авторитарный капитализм так называемых азиатских тигров. Со времени смерти Сталина идеологические «тектонические плиты» постепенно сдвигались. Пропасть между западным и советским блоком постепенно сужалась, и по мере того, как это происходило, оба они отдалялись от Китая.

Хотя Горбачев и Дэн подписали советско-китайское соглашение, в действительности 1989 год обозначил разъединение, а не сближение двух миров[800].

II

В конце 1970-х годов в Китае появился новый жанр – репортаж. Эта литературная форма журналистики часто была весьма критична по отношению к Коммунистической партии и культурной революции. Один из наиболее спорных образцов репортажа, «Люди или монстры?», написанный в 1979 года, представлял собой яростный сардонический отчет о печально известном деле о коррупции в уезде Бин, провинции Хэйлуцзян. Антигероиней была бесстыдно

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
циничная Ван Шоусинь. Эта в своем роде коммунистическая Бекки Шарп начинала свой путь скромным кассиром в местной угольной компании. Когда началась Культурная революция, она неожиданно «выявила ее политические стремления, которые много лет оставались скрытыми». Решив использовать стихийные изменения в своих интересах, она объединилась с «бывшим бандитом» Чжан Фэном и создала новый отряд хунвейбинов «Боевая Сила – Удар по Черному Гнезду». Затем она начала собственную культурную революцию против своего главного соперника, проектировщика и бухгалтера Лю Чанчуня, члена правящего «Корпуса красных повстанцев». Ей удалось заручиться поддержкой высокого чиновника, который одобрил «дебаты» между ними. Она обвинила Лю в потакании «власть имущим» и в упоре на производство, а не на революцию. Власти приняли ее сторону, и Лю был публично унижен, а затем арестован. Теперь для Ван был открыт путь к посту менеджера и партийного секретаря организации. Она начала свое коррумпированное правление, контролируя местные запасы угля и прокладывая себе путь к богатству и власти взятками и угрозами. Всегда оставаясь прозорливой, она сумела пережить смерть Мао, но в конце концов пала жертвой партии, которая приняла решение подвергнуть критике Культурную революцию в конце 1970-х годов{1178}.

Культурная революция, бесспорно, вызвала множество страданий, как физических, так и эмоциональных. Одной из самых длительных форм страдания стало крушение иллюзий. Режим использовал идеалы добродетели и самопожертвования, чтобы воодушевить население, и многие принимали их на веру. Когда люди поняли, что их идеализм использовали в своих интересах такие циники, как Ван Шоусинь, они ожесточились. К началу 1970-х радикальный марксизм-ленинизм был серьезно дискредитирован. Китайские коммунисты никогда больше не вернулись бы к маоистской классовой борьбе. Фактически концу Культурной революции суждено было ознаменовать начало долгого извилистого пути от коммунизма к капитализму.

Сталинский террор 1936-1939 годов принес сходное крушение иллюзий. Однако война против нацистов восстановила *raison d'être* коммунистического режима. Сталин сумел вновь подвигнуть народ на жертву в интересах выживания нации, и с тех пор советский коммунизм был неотъемлемо связан с победой. Подобное восстановление оказалось бы невозможно в Китае начала 1970-х годов. Одной из возможностей являлось возвращение к упорядоченному модернистскому марксизму 1950-х. Однако с тех пор многое изменилось: советская модель выглядела изношенной, в то время как Китай был поглощен междоусобными конфликтами, его соседи-соперники использовали это в своих интересах. Тайвань и Южная Корея, «азиатские тигры», со своей Уникальной смесью авторитаризма, капитализма и экспортно-ориентированного роста, действительно достигли «большого скачка» и теперь были далеко впереди своего застойного соседа. Коммунисты, особенно пострадавшие от Культурной революции, стали ставить под вопрос советскую модель в целом.

Первые признаки перемен можно было заметить уже в последние годы Мао. Официально Культурная революция продолжалась до самой его смерти, и ее принципы твердо защищали четверо ее главных сторонников, включая супругу Мао, Цзян Цин. Однако к 1969 году армия под руководством Линь Бяо положила конец ультрареволюционной фазе Культурной революции, а после падения самого Линь Бяо в 1971 году[801] политика вступила в период тревожного спокойствия. Соглашение с Соединенными Штатами в 1971 году[802] показало, что Мао пересматривал свою стратегию, и реабилитация прагматика Дэн Сяопина и назначение его на пост вице-премьера подтвердили перемены.

Немного могло случиться, пока Мао был жив, и действительно, к концу 1975 года радикалы стали успешно нападать на Дэна как на «ревизиониста» и «пособника капиталистов». Больной Мао выбрал своим преемником бесцветного Хуа Гофэна, лидера так называемой фракции «все, что угодно», главным принципом которой было «все, что бы ни сказал Мао, верно». Хуа все еще придерживался экономической политики 1950-х и 1960-х, однако негативная реакция на Культурную революцию стала слишком сильна{1179}. Он арестовал Цзян Цин и других членов печально известной «Банды четырех» и в 1977 году позволил Дэну вернуться на пост вице-премьера. Народное давление помогло Дэну реабилитировать жертв чисток, а затем он победил Хуа и его сторонников в конце 1978 года[803].

Дэн в 1978 году был в том же положении, что Хрущев в 1956-м. Он нуждался в критике прошлого, чтобы оправдать политические перемены, но знал, что если она зайдет слишком далеко, то может разрушить сам режим. Во время борьбы за власть наверху студенты разместили несколько так называемых дацзыбао

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org («газета, написанная большими иероглифами») на стене к западу от площади Тяньаньмэнь, нападавая на «все-что-угодников» и «Банду четырех». Дэн был очень рад этой народной поддержке со «Стены Демократии» – многие дацзыбао весьма ему льстили, – но предостерегал студентов от нападков на самого Мао. Но в 1979 году, когда критика стала более радикальной, он приказал принять жесткие меры. Дэн установил четкие границы перемен и ясно дал понять, что он не был либералом в политике.

Начатое Дэном соединение рыночных реформ с жестким политическим контролем, по существу, длится по сей день. «Четыре модернизации», как был назван этот проект, были продолжением идей ленинского НЭПа 1920-х. Они резко отличались от романтической коммунистической традиции реформ, начатой Хрущевым и при Горбачеве достигшей кульминации. У китайского руководства были перед глазами как успехи «азиатских тигров», так и уроки Культурной революции. Они пришли к выводу, что Мао, нападавая на бюрократию и подстегивая массовую демократию «в низах», ускорил наступление гражданской войны и краха. Дэн был полон решимости не повторить его ошибку. Он настаивал на том, чтобы держать промышленных и партийных чиновников на своей стороне, склоняя их к сотрудничеству путем убеждения, а не прямой конфронтации.

Главной задачей программы Дэна было развитие экономики двойной направленности. Тяжелая промышленность оставалась бы под государственным контролем, партия не пыталась разрушить старую плановую иерархию кислотой рынка и демократии. Вместо этого она сеяла семена рыночной экономики на границе негибкого и неэффективного государственного сектора. Коммуны были упразднены, а частное сельское хозяйство, основанное на семейном труде, восстановлено. В то же время предприниматели могли открыть собственное дело (магазины, мелкие мастерские и фабрики) с низкими ставками налогообложения и правом найма и увольнения. Произошел всплеск частного предпринимательства, и к концу 1980-х менее 40% национального дохода поступало из государственного сектора – уровень, сопоставимый с Францией и Италией. Скоро чиновники, управляющие государственной промышленностью, стали волноваться о конкуренции со стороны частного предпринимательства. Однако они не пытались саботировать реформы в частном секторе, как можно было бы ожидать, так как Дэн пошел на решающую уступку: государственным менеджерам разрешалось основывать частные фирмы около государственных предприятий и использовать часть их доходов. Чиновники, от которых можно было бы ожидать сопротивления рыночным реформам, таким образом получили личную заинтересованность в их успехе{1180}. В то же время ряд «особых экономических зон» получил разрешение предлагать иностранным инвесторам привилегированные налоговые и таможенные условия. Рынок, который изначально рассматривался как младший партнер государства, начал брать верх.

К концу 1980-х Китай преобразился. Крупнейшие города были яркими и шумными, рекламные плакаты пришли на смену старым партийным лозунгам и политическим слоганам. На месте старого маоистского культа рабочего класса и аскетизма находилось увлечение деньгами и бизнесом. Журналист-антрополог, собирающий материалы для портрета китайской жизни, обнаружил, как сильно изменились ценности, проводя интервью со словоохотливой крестьянкой из Тяньцзинь и ее нервным осторожным мужем:

«Жена: ...на самом деле, это мы сделали. От городских никакого толка. Мы, бедняки и середняки-крестьяне, впереди, мы обставили рабочих. Тридцать лет они лопались от денег, а теперь плетутся рядом с воловьей повозкой.

Муж: Не слушайте, что она говорит. Как начнет, сама не понимает, что несет. Рабочие – ведущий класс.

Жена: Ведущий? Конечно. Вот ты пошел бы в рабочие, если бы тебя кто попросил?.. Что ты смеешься? Мы и правда богаты.. А для чего еще нужна Коммунистическая партия, как не спасать бедняков от страданий?

Муж (с улыбкой): Хватит. Будешь дальше болтать, начнешь петь оперу [Новая модель Культурной революции]»{1181}.

Реформы, бесспорно, произвели существенный эффект в деревне и были очень успешны в повышении производительности. Даже Сон Лиин, отставной партийный чиновник из Дачжай в провинции Аньхой, образцовой деревни в период Культурной революции, признал, что со времени реформ в начале 1980-х жизнь крестьян улучшилась:

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
«До реформы... нам нельзя было ничего выращивать на своих огородах, нельзя было производить ничего на продажу... Как деревенский партийный работник, я сам бы вмешался, если бы узнал, что кто-то посмел нарушить правила. Теперь можно делать все, что захочешь, разводить свиней на еду или на продажу, шить игрушечных тигров... В 1984-м на деньги от подработок мы купили маленький черно-белый телевизор. Я до сих пор помню, он был марки "Панда". Мы все думали, что этот электрический ящик с картинками и голосами был волшебный...

Сегодня люди знают, как с толком потратить время. Раньше, приехав в деревню, вы бы увидели людей, собравшихся поболтать, сыграть в карты или маджонг. Сегодня вы просто не увидите, чтобы кто-то слонялся без дела. Все работают!»{1182}

В основе реформ 1976–1989-х годов лежала интеллектуальная открытость, в особенности в сторону Запада. Этот период, когда китайским интеллектуалам позволили осмысливать заслуги всего спектра ранее подавляемых идей – от неоконфуцианства до либерализма, стал известен как «Культурная лихорадка». Предпочтение, однако, отдавалось технократии. Это Удивительно, так как можно было бы ожидать, что жестокость периода Культурной революции породит стремление к «социализму с человеческим лицом», гуманному социализму, который не приносил бы индивида в жертву высшему благу. И среди некоторых так и случилось: группа марксистов-гуманистов вокруг Ван Жуоши читала смесь раннего Маркса и переводы из восточноевропейской критики высокого сталинизма. Тем не менее экстремальный романтизм Мао дискредитировал даже эти умеренно идеалистические установки, и технократический марксизм вскоре возобладал. Кроме того, на смену пагубному пренебрежению Мао образованием и компетентностью пришел лозунг «Уважение знаний, уважение таланта». Гораздо более влиятельным, чем ранний Маркс, стал американский футуролог Олвин Тоффлер, работа которого «Третья волна», изданная в Китае в 1983 году, стала хитом. В 2006 году People's Daily назвала Тоффлера в числе 50 иностранцев, определивших развитие современного Китая{1183}. Привлекательность Тоффлера заключалась в его утверждении, что «второй волне» индустриального общества приходит конец и мир вступает в новую эру – «век знания», – в которой информационные технологии соединят полностью децентрализованную экономику разнообразия и власть потребителя. Китайским читателям это казалось обещанием нового будущего, свободного от старой советской индустриальной модели. Китай мог совершить скачок от «первой волны» аграрного общества[804] прямо к «третьей волне», развивая эти новые технологии.

Были, конечно, и сложности. Рынок породил как победителей, так и неудачников, Пекин столкнулся с трудностями контроля над бизнесменами, хлебнувшими власти, а коррупция тем временем процветала. Консерваторы были, естественно, недовольны, и волны либерализации перемежались случайными кампаниями в старом стиле против «духовного загрязнения» и «буржуазного либерализма». Рабочие, в частности, столкнулись с понижением уровня жизни, со «стуком железных мисок для риса», или концом государственного социального обеспечения. Однако руководство партии, опасаясь непопункта, двигалось очень осторожно, и только к концу 1980-х социальные пенсии и пособия стали упразднять. Рабочие волнения играли основную роль в выступлениях 1989 года[805] и почти сумели сбить реформы с курса. К тому времени возникла коалиция партийных руководителей – сторонников реформ. Через десять лет после Культурной революции Китай решительно изменил курс. Человек, посетивший Китай в 1968 году, в 1989-м нашел бы его поистине неузнаваемым.

Западные комментаторы изумлялись переменам, но, оглядываясь назад, они не должны были так удивляться. Несмотря на значительное сопротивление рыночным реформам, опыт Культурной революции оказался настолько болезненным, что технократы и склоняющиеся к либерализму «правые» были в хорошем положении для победы в политических схватках. Режимы советского блока, напротив, следовали совершенно другим курсом, так как извлекли совершенно иные уроки из конца 1960-х. Они уже пробовали провести рыночные реформы, и дело кончилось «Пражской весной». Следовательно, в отличие от китайцев, которые побудили партийное руководство к рыночным реформам, они склонились к патернализму, к тому, чтобы откупиться от рабочих социальным обеспечением и потребительскими товарами. Эта стратегия предопределила дестабилизацию, так как вызвала отторжение образованных групп «белых воротничков». А именно у них была уверенность и сила, чтобы бросить вызов системе. Следовательно, режимы заложили фундамент для внутрипартийной революции против самого

III

В начале 1980-х комсомольская организация одной советской библиотеки созвала собрание, на котором решалось, нужно ли исключить из комсомола одного из библиотекарей, который Подрабатывал преподавателем латыни в духовной семинарии. Хотя религиозные обряды не считались незаконными и обычные люди могли ходить в церковь, это было большой проблемой для членов партии и комсомола, которые, по официальному мнению, оставались идеологическим авангардом. Для исключения и в самом деле были основания. Но наступило время прагматизма, и комсомольское собрание оказалось настроено неоднозначно. Как говорил один из участников Алексею Юрчаку:

«Сначала наш комитет был против исключения этого парня... Учитывая его образование, очевидно было, что преподавание латыни подходит ему гораздо больше, чем скучная работа библиотекаря. Однако проблема заключалась в том, что он держался нахально и высокомерно и просто давал понять, что его совершенно не волнует, что мы скажем. И вдруг несколько человек стали на него нападать как на "предателя Родины". Один из членов комитета даже сказал: "А что бы вы сделали, если бы вам предложили работать на ЦРУ?" Это, конечно, была глупость, но тут уже все мы стали нападать на беднягу. Мы не слишком хорошо с ним обошлись»{1184}.

Этот эпизод весьма показателен. Возникла группа образованных людей, с либеральным и даже скептическим отношением к идеологии, они большое значение придавали чувству личного удовлетворения в работе, суровый долг перед обществом двигал ими в меньшей степени, чем предыдущими поколениями. И все же их мораль определенно была приспособлена к коллективизму системы, и они рассматривали его как «свой собственный». Разозлившись на коллегу, который так самоуверенно попирав правила из маленького коллектива, они, к собственному удивлению, принялись взывать к суровым догмам более ранних поколений коммунистов.

Несмотря на упадок идеологической динамики, многие советские граждане по-прежнему считали, что социализм в основном верен. Хотя большинство членов партии и комсомола считали партийную культуру скучной и бессмысленной, из этого вовсе не следовало, что они цинично относились к самому коммунизму. В действительности, многие сохранили остатки идеализма. Один из членов комсомольской организации из города Советска, родившийся в 1960 году, описывал утомительную рутину комсомольских собраний:

«Я прекрасно понимал, думаю, и остальные тоже, что решения принимались заранее. Собрание надо было высидеть... разговаривать нельзя, так что лучше всего читать. Все читали книги. Все. Что интересно, как только начиналось собрание, все головы склонялись, и все начинали читать. Некоторые засыпали. Но когда нужно было голосовать, все включались – срабатывал какой-то датчик в голове; «кто за?» – и рука поднималась автоматически»{1185}.

Но в то же время он верил в коммунизм и комсомол: «Я хотел вступить в комсомол, потому что хотел быть в авангарде молодых людей, которые работали бы для улучшения жизни... Я считал, что если жить по правильной схеме – школа, институт, работа, – то все в твоей жизни будет хорошо»{1186}.

Многие граждане СССР в начале 1980-х продолжали считать, что советская система во многих отношениях превосходит западную. Исходя из своих ограниченных знаний о Западе, которые определяла официальная пропаганда, многие заключали, что, хотя уровень жизни в СССР и ниже, Союз превосходит Запад по социальной справедливости, благополучию, стабильности, морали и уровню образования.

У советских граждан, конечно, имелось преимущество жизни под имперской властью. Коммунизм был «их» системой и обеспечивал положение на международной арене (за исключением недовольных наций, таких как народы Балтии). Но в остальном блоке, за исключением Польши, поддержка в основном социалистических ценностей, если не революционных, оставалась сильна вплоть до конца 1980-х. В Венгрии в 1983 году школьникам в возрасте от 10 до 14 лет дали список слов и спросили, «нравятся» им эти слова или «не нравятся». Среди самых популярных оказались «национальный флаг» (понравился 98%), «красный флаг» (81%) и «деньги» (70%); среди наименее популярных – «секретарь партии» (40%), «революция» (38%) и «капитализм» (11%) {1187}.

Возможно, конечно, что дети оказались весьма восприимчивы к школьной пропаганде, но некоторые опросы показали, что и взрослые были настроены в основном благожелательно. Венгры поразительно единодушно одобряли социальное равенство, государственное социальное обеспечение, колхозы и принцип «все должны подчинять свои интересы интересам общества». С другой стороны, существовали и группы, одобряющие большие политические свободы («люди должны иметь возможность свободно выражать свое мнение») и дальнейшие рыночные реформы{1188}. Опросы среди эмигрантов в 1970-х показали, что поддержка этой смеси социалистической экономики благосостояния и рыночных реформ была характерна и для СССР{1189}.

В Венгрии имелись свои отличительные особенности. Янош Кадар пользовался широкой популярностью (87,7% полностью или частично удовлетворены) как защитник интересов Венгрии от СССР, и это могло исказить результаты опросов. Положение партии в разных государствах соцлагеря различалось. Режим Гусака в Чехословакии обеспечил повышение уровня жизни и защиты интересов потребителей, но неопубликованные официальные опросы 1986 года показывают серьезное недовольство политикой и идеологией режима. В ГДР общественное мнение также было гораздо менее благосклонным к социалистической системе, чем в Венгрии и СССР. Но единственным в своем роде, кажется, было мнение поляков. Независимые опросы, проведенные между 1981 и 1986 годами, показали, что руководство поддерживают всего лишь 25%, а 50% недовольны системой, но не готовы бросить ей вызов. Но даже в антикоммунистической Польше опросы общественного мнения показали сильную повсеместную поддержку основных социалистических ценностей. В опросе 1980 года, проведенном в период «Солидарности»[806], «равенство» расценивалось как вторая по важности ценность после «семьи», и очень одобрялось обеспечение более или менее равных доходов для всех граждан. Демократия рассматривалась как ценность, но была менее важна, чем равенство{1190}. Возможно, коммунистические режимы и не создали «новый народ социализма», но создали мужчин и женщин со множеством социалистических идеалов, которые можно было использовать для критики коммунизма.

Конечно, в соцлагере было множество диссидентов, критиковавших режим с различных позиций – популистско-националистической, либерально-демократической и радикально-социалистической. Подписание странами советского блока Хельсинкского соглашения (которое включало защиту прав человека) в 1975 году существенно усилило либеральные сообщества, в то время как другие группы инакомыслящих сосредоточились на растущем движении за охрану окружающей среды.

Реакция властей на инакомыслие была разной. Наиболее сильные репрессии происходили в Албании и Румынии; Польша и особенно Венгрия оказались гораздо более либеральны, так же как и Югославия. Тайная полиция была наиболее активна в Восточной Германии и Чехословакии, а брежневское КГБ тратило много энергии на преследование крошечного, но все более заметного движения диссидентов[807]. Показательные процессы над писателями Синявским и Даниэлем обозначили конец хрущевской «оттепели», и некоторые интеллектуалы были арестованы или сосланы. Но к возвращению сталинских дней стремились немногие. Частично это был прагматичный выбор: террор мог выйти из-под контроля, поставить под угрозу самих представителей власти и, возможно, расстроить отношения с Западом. Поэтому КГБ старался оставаться в рамках «социалистической законности» и сохранять видимость должного процесса. Это однако, было стыдно и непредсказуемо, так что обычно КГБ сначала давал «рекомендацию» – или, как это называлось на жаргоне, «проводил разъяснительную работу»[808]. Если «рекомендацию» игнорировали, диссидента могли выслать из СССР, как в случае с консервативно-националистическим писателем Александром Солженицыным, или, как произошло с либеральным физиком Андреем Сахаровым, отправить во внутреннюю ссылку[809]. Возможной альтернативой был поставленный сговорчивым психиатром диагноз «вялотекущая шизофрения» – синдром, известный только в странах советского блока, симптомы которого включали «реформистские заблуждения». Затем диссидента отправляли в «специальную психиатрическую лечебницу» и подвергали болезненному «принудительному лечению»{1191}.

В Восточной Германии существовала одна из самых крупных и хорошо организованных секретных полицейских служб во всем блоке – внушающая страх Staatssicherheitsdienst (Служба государственной безопасности), или Штази (Stasi). Эта организация была гораздо крупнее КГБ. В Штази числилась 91

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org тысяча сотрудников для наблюдения за населением в 16,4 миллиона человек (для сравнения, в гестапо было 7 тысяч при общегерманском населении в 66 миллионов). Кроме того, Штази неустанно плела сеть информаторов, особенно в среде диссидентов; за 18 лет эры Хонеккера около 500 тысяч человек в какой-то момент своей жизни донесли на своих соседей, коллег и родственников{1192}. Доносили по разным мотивам. Некоторые оказались вынуждены это делать (хотя, по данным Штази, таких было меньшинство (7,7%)); другие получали награду; некоторые всего лишь хотели угодить властям или надеялись, что работа на Штази поможет им в продвижении по карьерной лестнице. Однако офицеры Штази были проинструктированы использовать, насколько возможно, для склонения к сотрудничеству информаторов принципиальные идеологические аргументы, и, очевидно, во многих случаях это работало{1193}. Одному из информаторов, «Рольфу» – идеалисту, поддерживающему ГДР, но недовольному официальной политикой в отношении окружающей среды, в Штази сказали, что, помогая им, он внесет вклад в установление мира на Земле, предотвращая шпионаж. Также ему пообещали, что рассмотрят все его природоохранные жалобы. Он вспоминает:

«Я в то время читал газету *weltbuhne* (Мировая Арена), и однажды там была статья, и да, это звучит безумно, там говорилось, что в это время важно делать больше, чем просто жить повседневной жизнью, что нужно не просто вставать и ходить на работу, чтобы обеспечить мир...

Одним словом, они использовали мою, да что говорить, любовь к миру, может, это прозвучит сентиментально, мое безразличие к судьбе мира, и они сказали: «Ты можешь помочь нам бороться вместе». Да, и тогда я сказал: «Я не имею ничего против»{1194}.

Когда «Рольф» понял, что Штази им манипулировала, он оборвал с ней все контакты – хотя это было необычно. Обычно это Штази оставляла информаторов в покое, потому что они не поставляли ценной информации.

Эта информация часто приводила к губительным последствиям. Жизни и карьеры многих были разрушены, репрессии преследования заканчивались смертельным исходом. Однако главной жертвой стало доверие. Как объяснял один из диссидентов: «Эти информаторы определяли мою жизнь, меняли ее на протяжении тех десяти лет. Тем или иным способом – потому что они отравили нас недоверием. Они причиняли вред просто потому, что я подозревал, что в моем окружении могут быть доносчики»{1195}. Когда в 1990-е были обнародованы материалы, многие обнаружили, что за ними годами следили друзья и даже супруги.

За исключением Польши, огромные усилия и затраты на Деятельность секретных служб в ГДР, а также СССР кажутся странными, так как число диссидентов и их влияние на общество в целом были невелики{1196}. И все же, при том что население советского блока в большинстве стран не хотело бросать вызов системе и даже поддерживало ее в некоторых аспектах, в обществе назревали острые противоречия – не между сторонниками красных и белых, а между «белыми» и «синими воротничками». Сравнение взглядов советских эмигрантов из сталинской эпохи и 1970-1980-х показывает, что, хотя в оба периода большинство одобряло индустриализацию, смешанную экономику типа НЭПа, повышение уровня социального обеспечения и меньший политический контроль и репрессии, были также и существенные различия. В сталинскую эпоху государственный контроль и социальное обеспечение одобряли скорее молодежь и образованные слои, чем рабочие и крестьяне; в 1970-1980-е было с точностью до наоборот. Более того, разделение между людьми с высшим образованием и без него переросло в понятное идеологическое разделение на более и менее либеральных. В сталинскую эпоху рабочие и крестьяне были более либеральны в экономическом отношении, чем образованные люди, но представители разных социальных групп примерно поровну разделились во мнении относительно того, нужно ли держать прессу под контролем и ограничивать свободу слова. Во времена Брежнева и Горбачева, наоборот, молодые и образованные были более либеральны не только в экономическом отношении, но и в политическом. Так, в сталинскую эпоху 55,1% получивших высшее образование поддерживали существующий строгий контроль над прессой в сравнении с 47% людей со средним образованием; при Горбачеве, в свою очередь, 55,7% людей с университетским образованием считали верным запрещать определенные книги в сравнении с ошеломляющими 86,8% людей со средним образованием[810].{1197}

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Венгерские опросы 1983-1984 годов показывают сходное идеологическое разделение, основанное на уровне образования.

Социологи обнаружили, что 49% обладателей дипломов одобряли либерализацию «демократического социализма» в сравнении со всего лишь 4% получивших образование ниже среднего. Подавляющее большинство наименее образованных людей поддерживало ряд идеологических позиций, которые по преимуществу были направлены против реформ{1198}.

Эта растущая разница между людьми с университетским образованием и обычными людьми и проблемы интеллигенции неудивительны, учитывая социалистический патернализм, преобладающий с 1960-х. Со времени смерти Сталина партия спешила отвечать на недовольство рабочих и крестьян, улучшая уровень их жизни, а это вело к уничтожению привилегированного положения, которым образованные люди наслаждались при Сталине.

В то же время патернализм подорвал престиж партии среди образованных людей. По всему соцлагерю партийные чины всех рангов оставались преимущественно людьми с политическими, а не техническими навыками – как чиновники, которых опрашивали Хорват и Сакольцай{1199}. Также они в основном были менее образованы, чем хозяйственники. Когда экономика начала переживать трудности, образованные люди стали винить непрофессионализм чиновников и возмущаться необходимостью подчиняться людям, менее образованным, чем они сами. И все же оставались связи между интеллигенцией и коммунистическими партиями, особенно на высшем уровне, и через эти каналы либеральные реформистские идеи проникали в структуры власти. Образованные люди могли не питать иллюзий относительно коммунизма, но конец ему принесла не революция среднего класса; в большей степени это было дело элиты[811]. Чтобы найти корни конца коммунизма, нужно заглянуть внутрь самой коммунистической партии.

IV

Когда в 1986 году философ и скрытый «белый» Александр Ципко, назначенный консультантом по идеологии, впервые посетил здание ЦК на Старой площади в Москве, он с потрясением обнаружил глубоко антикоммунистическую обстановку в самом сердце Коммунистической партии:

«Французские журналисты, писавшие в начале перестройки, что рассадником контрреволюции в СССР был ЦК КПСС, были правы. Работая в то время консультантом в Международном отделе ЦК КПСС, я, к своему удивлению, обнаружил, что настроение в верхах этой организации не отличалось от настроений в Академии наук или гуманитарных институтах... Ясно было, что только полный лицемер мог верить в превосходство социализма над капитализмом. Также было ясно, что социалистический эксперимент потерпел поражение»{1200}.

Ципко, совершенно отошедший от марксизма, отмечал, как сильно все изменилось со времени перед «Пражской весной», когда он работал в ЦК ВЛКСМ. Тогда было много оптимизма относительно будущего, большинство его коллег являлись убежденными коммунистическими националистами, или, как он их называл, «красными славянофилами»{1201}. В течение 1970-х, однако, атмосфера в среде интеллигенции стала заметно более либеральной и прозападной, и многие склонились к социальной демократии. Эти идеи повлияли и на интеллектуалов, работавших в партийных структурах, – на самом деле по всему блоку (а также и в Китае) «партийная интеллигенция» часто становилась авангардом реформистской мысли. Партийные интеллектуалы во многом были частью более широких слоев беспартийной интеллигенции и разделяли их более либеральные ценности, но также у них имелись более тесные связи с иностранцами, чем у большинства людей, особенно в СССР. Космополиты по мировоззрению, они острее, чем большинство людей, чувствовали статус СССР за границей. И группой, которой суждено было стать особенно заметной и влиятельной, являлись те члены партии, которые работали в ЦК в области международных отношений – в сущности, преемники Коминтерна. Такие люди, как Георгий Шахназаров и Вадим Загладин, оба будущие советники Горбачева, осознавали, что СССР теряет свою моральную силу в мире{1202}. Они стремились к высокому международному статусу СССР, но были убеждены, что этого можно достичь только в том случае, если он изменится и станет лидером прогрессивного, более либерального коммунистического движения. Сосредоточившись исключительно на военной мощи, СССР в результате потерял свой престиж даже в глазах западных коммунистических партий. Эти

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org реформаторы, поначалу горячо поддерживавшие советское вмешательство в Африке, были весьма разочарованы военной поддержкой революционных режимов стран «третьего мира». Они смотрели на стареющего Брежнева примерно так же, как предыдущее поколение смотрело на Сталина: реакционная фигура, сбившая СССР с пути «прогресса».

Хорошим примером такого партийного интеллектуала был Александр Яковлев, будущий руководитель идеологии при Михаиле Горбачеве. Он родился в 1923 году в крестьянской семье, рос по партийной линии, учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС и с 1965 года стал главой Отдела пропаганды и агитации ЦК. Однако в 1972 году он написал статью, в которой критиковал все виды национализма – включая великорусский шовинизм и антисемитизм. Как и следовало ожидать, Брежнев был недоволен, и Яковлева выслали в Оттаву в качестве посла в Канаде.

Эта кажущаяся неудача обернулась большим прорывом. В 1983 году новый член Политбюро Михаил Горбачев прибыл с визитом в Канаду, а Яковлев отвечал за организацию поездки. Они поладили, Горбачев жаловался на застой дома, а Яковлев объяснял, «какой примитивной и стыдной выглядит политика СССР отсюда, с другой стороны планеты»^[1203]. Когда Горбачев пришел к власти через два года, Яковлев стал одним из его главных соратников. Их канадская встреча ознаменовала начало союза между либеральными партийными интеллектуалами и марксистскими партийными реформаторами, которому суждено было со временем разрушить советский коммунизм.

Тогда, в конечном счете, именно этот маленький «передовой» союз политиков Компартии и интеллектуалов начал революцию против коммунизма – так же как небольшие группы интеллектуалов-революционеров, которые привели коммунизм к власти. Но ни те, ни другие не действовали в вакууме. К началу 1980-х будущее коммунизма в советском блоке выглядело все более мрачно. Хотя большинство восточноевропейских стран оставалось стабильно – как мы видели, социальный патернализм режимов по-прежнему поддерживался, – но у блока были слабые места, особенно в Польше и развивающихся странах. И когда в конце 1970-х состояние международной экономики ухудшилось и Запад начал контратаку, блок стал крайне уязвим. В таких условиях консервативное в своей основе руководство готово было выслушать реформаторов.

v

В 1980 году, когда Польская объединенная рабочая партия практически рухнула под натиском Независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность»^[812], кинорежиссер Анджей Вайда снял киноотчет об этом движении и его истории – «Человек из железа». В картине использовались документальные съемки движения, но в то же время это был художественный фильм в его традиционном понимании. Центральная проблема – отношения между пожилым рабочим Биркутом и его образованным сыном Мачеком. Биркут – совесть польского рабочего класса, не питающий иллюзий относительно партии, но не одобряющий и студенческие выступления 1968 года и участие Мачека в них. Недоверие между рабочими и студентами возвращается, когда студенты отказываются поддержать забастовки на Балтийской судовой верфи. Когда отца Мачека убивает полицейский, тот понимает, что должен создать союз рабочих и интеллигенции, и становится активистом в Гданьске. После долгих усилий его цель достигнута забастовками «Солидарности» в 1980 году. А создать этот союз помогает католическая церковь: Мачек устанавливает крест на месте гибели отца, венчается в костеле, а его жену ведет к алтарю лидер «Солидарности», усатый электрик Лех Валенса (сыгравший сам себя).

Фильм Вайды отразил ключевую важность отношений между «белыми» и «синими воротничками». Раскол между ними был одним из главных источников стабильности коммунистических режимов: общество оказалось слишком разделено, чтобы бросить настоящий вызов существующему положению вещей. Кроме того, многие польские рабочие, так же как их коллеги в советском блоке, широко поддерживали социалистические ценности и получали выгоду от повышения уровня жизни – эту тему развивал приквел к «Человеку из железа», «Человек из мрамора».

Тем не менее только в Польше коммунистическая стратегия патернализма не смогла достигнуть желаемой стабильности, во многом потому, что национализм вместе с необыкновенно сильной властью католической церкви смогли примирить «белые» и «синие воротнички».

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Польша, конечно, десятилетиями являлась ахиллесовой пятой советского блока, и после кризиса 1956 года уступки Польской объединенной рабочей партии по вопросам коллективизации, религии и частного сектора были существеннее, чем где бы то ни было еще. Но даже при этом после периода относительного спокойствия конфликт между государством и социальными группами возобновился в 1968 году. Репрессии Гомулки в отношении инакомыслящих студентов вызвали недовольство интеллигенции, а в 1970 году он ударил по рабочим путем повышения цен. Забастовки были подавлены, но Гомулка, переживший множество превратностей судьбы, оказался вынужден уйти. Его сменил Эдвард Герек, рабочий по происхождению, который ответил на недовольство рабочих самыми щедрыми и дорогостоящими программами социалистического патернализма во всем блоке, все за счет займов на Западе. На какое-то время это сработало. Уровень жизни вырос на 40%, и партийные лидеры наслаждались общественным одобрением: в 1975 году на вопрос об уверенности в национальных лидерах 84,8% ответили «да» и «скорее да, чем нет»{1204}. Но все же в отсутствие экономических реформ обширные новые вложения в промышленность не принесли ожидаемых результатов, и руководство вынуждено было внезапно и резко сократить инвестирование и дотации на продовольствие. Последовавшее 60-процентное повышение цен на продукты питания показало, какой условной и поверхностной была народная поддержка режима. Вопреки «Человеку из железа», скорее 1976-й, а не 1970 год подхлестнул союз, и в этом году группа из тринадцати интеллектуалов основала Комитет защиты рабочих (по-польски КОР)[813] для юридической и прочей поддержки бастующих, послужив примером для многих других оппозиционных групп по всей Польше. К 1980 году в Польше была обширная сеть демократических оппозиционных групп.

Центральное место в этом союзе занимала католическая церковь – еще одна отличительная черта Польши. Как и в остальном блоке, у групп «белых» и «синих воротничков» были очень разные взгляды на политику: рабочие одобряли равенство гораздо сильнее, чем интеллигенция, а многие диссиденты-интеллектуалы с марксистским прошлым подозрительно относились к церкви{1205}. Тем не менее церковь с успехом встала во главе националистического антикоммунистического возрождения. Обширная девятилетняя кампания празднования «Великой новенны к тысячелетию», юбилея прихода христианства в Польшу, привлекла огромные толпы людей, совершавших крестный ход с Ченстоховской иконой Божией Матери (Черной Мадонной) и польским коронованным орлом. К середине 1970-х инакомыслящая интеллигенция стала склоняться в сторону церкви (после реформ Второго Ватиканского собора[814]). Когда в 1978 году избрание папой римским Кароля Войтылы, архиепископа Краковского и в прошлом рабочего[815], дало католической церкви еще более сильные националистические основания, ПОРП столкнулась с широким социальным движением, объединенным последовательной альтернативной идеологией и эффективной организацией с международным размахом{1206}. Диссидент Адам Михник[816] и журналист Яцек Заковский помнят силу этого религиозного национализма среди рабочих: «16 октября 1978 года я ехал в такси, когда радиопрограмма была прервана. Диктор дрожащим нервным голосом зачитал официальное сообщение, в котором говорилось, что краковский кардинал Кароль Войтыла только что был избран папой. Таксист съехал с дороги. Он не мог меня дальше везти, потому что у него от волнения дрожали руки ... В Кракове на Рыночной площади Петр Скржинецкий (известный театральным и кинорежиссер) закричал: «Наконец-то польский рабочий чего-то добился!»{1207}

Как ясно из восклицания Скржинецкого, интеллигенция и рабочие объединились под крылом католической церкви, и польскому режиму пришлось встретиться с необычайно серьезным вызовом своей власти. И все же проблемы польской партии были лишь крайним проявлением сил, с которыми столкнулись все коммунистические государства в конце 1970-х – начале 1980-х. Все режимы, кроме СССР, в 1970-е воспользовались преимуществами открытости Западу и заняли деньги в западных банках. И все они обнаружили, что дымовые трубы их убыточной промышленности неспособны повысить экспорт и выплатить эти долги.

Вдобавок они в крайней форме страдали от условий, влиявших на весь индустриальный мир. Избыток товаров тяжелой промышленности во всем мире, новые компьютерные технологии и рост цен на нефть – все требовало радикальных перемен экономической модели, выработанной в 1940-1950-е годы. В то же время права организованного рабочего класса поддерживались за счет высокого уровня трудоустройства и последствий выступлений 1968 года. Заработная плата росла, а производительность труда и прибыльность падали, бизнес терял доверие и отказывался вкладывать деньги. Цены акций,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org показатель уровня благополучия экономики, упали на две трети между началом 1960-х и серединой 1970-х{1208}. Индустриальный мир определенно нуждался в новой экономической модели, которая перенаправила бы инвестиции в более прибыльные, высокотехнологичные области.

Эти вызовы были особенно сложны для коммунистических режимов, потому что, несмотря на образ мощи и монолитного единства, они оставались политически слабы. Они оказались в заложниках тяжелой и оборонной промышленности и не могли рисковать возобновлением конфликта с рабочими. Но к западу от «железного занавеса» правительствам, особенно левым, тоже было сложно осуществлять реформы, которые могли вызвать недовольство рабочих. Тем временем бизнес и правые консерваторы мобилизовались против власти организованного рабочего класса у себя, что совпало с масштабной американской программой перевооружения против СССР. Но это была идеологическая контрреволюция не в меньшей степени, чем военная. Почти так же, как Кеннеди старался соревноваться с СССР, установив новую капиталистическую модель развития стран «третьего мира», Соединенные Штаты Рейгана приняли кое-что из революционного стиля коммунистов в странах «третьего мира» 1970-х в интересах правого либерализма. После эпохи сверхсильной «реальной политики» идеи вновь оказались в центре.

VI

В начале 1940-х годов, на пике дебатов о советско-нацистском пакте, молодого лектора из Бруклина Ирвинга Кристола постоянно можно было видеть в Нише № 1 в кафетерии Сити Колледжа за поглощением последних номеров троцкистских журналов «Партизан ревью» (Partisan Review) и «Новый интернационалист» (New Internationalist), под редакцией тринидадского марксиста К. Л. Р. Джеймса. Сталинисты, между тем, занимали Нишу № 2. Как многие нью-йоркские интеллектуалы, они были и остались поглощены европейской интеллектуальной борьбой.{1209} Но к концу 1970-х годов Кристол перешел на другую сторону в этом конфликте. Теперь он находился в центре «неоконсервативной» группы интеллектуалов, многие из них были изначально левыми марксистами, которые теперь разрабатывали интеллектуальную силу для контрреволюции против понимания равенства и концепции «третьего мира» в социализме.

Были ли неоконсерваторы мстью Троцкого СССР? Может показаться натяжкой искать марксистские корни в неоконсерватизме, но поразительное число авторов The Public Interest, неоконсервативного журнала Кристола, были близки к троцкизму. Теперь они стали искренней группой поддержки капитализма, оказавшись в своем роде разновидностью американских националистов (хотя не как узколобые ксенофобы, а скорее как промоутеры «универсальных» американских ценностей). Но они разделяли ряд троцкистских позиций: интернационализм, веру в борьбу, утопическое представление о высокоморальном обществе в «конце истории», ненависть к сталинской «реальной политике» и, что важнее, романтическую веру в способность идей и морали изменить мир. Троцкистские журналы, которые так жадно читал Кристол в 1940-х годах, осуждали сталинизм с романтической точки зрения – за игнорирование роли энтузиазма масс в социализме, – и сходным образом неоконсерваторы верили во власть идеологических убеждений. Но если троцкисты надеялись воодушевить пролетариат идеями коллективизма, неоконсерваторы пытались пробудить общественное мнение смесью буржуазной морали и высокого патриотизма. Несмотря на то что неоконсерваторы, как и старые левые марксисты, поддерживали связи с организованным рабочим классом, они были разгневаны студенческими выступлениями против университетских властей в 1968 году и тем, что новые левые поддержали партизан-коммунистов во Вьетнамской войне.

Кристол и его группа, таким образом, были капиталистическим эквивалентом романтических марксистов, призывающим к моральному обновлению и мобилизации против коммунистической угрозы. Но так же как коммунизм стал наиболее эффективным, соединив романтизм раннего Маркса с технократическим поздним Марксом, капиталистическая контрреволюция нуждалась как в моральных, так и в рационалистических основаниях. Он нашел их в неолиберализме, наиболее успешно представленном другим, немного более старшим, бруклинцем – экономистом Милтоном Фридманом. Фридман, бывший сторонник Нового курса, был активным противником смешанной экономики, созданной после Второй мировой войны. Он популяризировал изящную и последовательную теорию экономики невмешательства, предложенную такими людьми, как его коллега, чикагский профессор Фридрих Хайек. Хайек утверждал, что государства хищны,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org коррумпированы и неэффективны, душат рост и креативность. Их власть должна быть разрушена естественными силами рынка, которому позволяют процветать. Эта идеология была в высокой степени технократична: Фридман даже доказывал, что монетарная политика – и, в сущности, экономическая политика – могла бы управляться компьютером, который, будучи свободным от политического давления, мог бы победить инфляцию. Но она также была революционной. Как вспоминает один из студентов Фридмана: «Особенно захватывающими были те же качества, что делали марксизм таким привлекательным для многих других молодых людей в то время – простота и вместе с тем видимая логическая завершенность, идеализм, соединенный с радикализмом»{1210}.

Эти два бруклинца не были близки друг другу, и между ними в самом деле есть существенные интеллектуальные расхождения. Хотя оба были мечтателями и готовы поддержать мощную атаку на коммунизм, неоконсерваторы Кристола были более воинственны, моралистичны и апокалиптичны в своих воззрениях и более положительно, чем неолибералы, оценивали роль государства и рабочего класса. После 1968 года, однако, они объединились, убежденные, как и ленинисты когда-то, что интеллектуальный авангард должен атаковать устаревшее, загнивающее государство и заменить его чем-то новым. Неолибералы и неоконсерваторы сошлись на базе программы «революционного либерализма», который использовал воинственные методы марксистов-ленинистов против них самих. И своего рыцаря они нашли в лице еще одного бывшего сторонника Нового курса, а ныне радикального антикоммуниста – Рональда Рейгана.

Продолжающееся ослабление американской власти и очевидность успеха революции в странах «третьего мира» усилили доверие к неоконсерваторам. Они были убеждены, что президент Картер, заставляя жандармов Америки уважать права человека, ослаблял и их самих, и власть Америки. Неоконсервативная интеллектуалка Джин Киркпатрик (впоследствии представитель Рейгана в ООН) разработала один из самых влиятельных аргументов в пользу антикоммунистической воинственности, проведя резкое разделение между «тоталитаризмом» и «авторитаризмом»[817]. Она утверждала, что, в отличие от авторитарных обществ, которые придут к либеральной демократии в процессе развития и модернизации, тоталитарные режимы никогда этого не сделают. Поэтому если Соединенные Штаты хотят способствовать установлению демократии, им придется оказывать поддержку авторитаристам против тоталитарных коммунистов, как бы первое ни было неприятно[818].{1211}

Критический 1979 год оказался переломным. Политика Соединенных Штатов пережила несколько потрясений: Сандинистская революция, Исламская революция в Иране и ввод советских войск в Афганистан. Все, казалось, подтверждало неоконсервативный анализ советской силы и агрессивности, и на следующий год Америка отреагировала, проголосовав за ответный удар – абсолютным большинством избрав в ноябре 1980 года президентом Рональда Рейгана.

Кризис американского экономического устройства, однако, был более острым, а ответ на него – быстрым. Попытки Вашингтона поддерживать и защиту, и благосостояние, печатая деньги, на какое-то время сработали, но удары по американскому престижу в Иране и Афганистане стали последней каплей, и Вашингтон столкнулся с падением курса доллара и концом его статуса главной мировой валюты. 14 октября 1979 года глава федеральной резервной системы Пол Волкер принял меры по борьбе с инфляцией, предложенные Фридманом, и решил дать финансистам то, чего они хотят: существенное повышение процентных ставок, борьбу с инфляцией, высокий курс доллара. Все это вместе с так называемой революцией экономики предложения, повысило прибыльность капитала – налоги корпораций сокращались, в то время как безработица росла, а полномочия рабочего класса уменьшались{1212}. В целом это обозначило окончательный закат экономического порядка, установленного Бреттон-Вудским соглашением в 1944 году. Поражение во Вьетнаме показало Вашингтону, что он не может сохранить мировое господство, призывая своих граждан в армию и повышая налоги, но только в 1979 году он нашел, почти случайно, жизнеспособную альтернативу. Мировая финансовая система должна была стать топливом для американского могущества. Именно союз Соединенных Штатов с мировой финансовой системой дал им силы для новой фазы того, что часто называют «второй холодной войной». И именно эта мощная система предохраняла мир почти три десятилетия, пока эффектно не взорвалась в сентябре 2008 года.

Таким образом, решающая битва против коммунизма в основном финансировалась за счет внешних займов, многие из них – у Японии{1213}. Теперь Вашингтон

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org мог бороться за возврат мирового превосходства, не требуя жертв от собственного населения. Тем не менее его цель – перевооружение – сыграла меньшую роль для американского могущества, чем его непреднамеренные последствия. Чтобы обосновать обширные займы, Соединенные Штаты использовали высокие процентные ставки для привлечения мирового капитала. Это, в свою очередь, вызвало нехватку финансов в странах «второго» и «третьего мира»: утечка капитала в 46,8 миллиарда долларов из развитых промышленных стран Большой Семерки в 1970-е годы обернулось притоком капитала в 347,4 миллиарда долларов в 1980-е{1214}. Последовавшее сокращение капитала неизбежно ударило по странам с внешним долгом, особенно по коммунистическим режимам.

Не все коммунистические государства были затронуты: Китай и другие государства Восточной Азии имели небольшие внешние долги и получали прибыль от нового либерального режима торговли. Они могли экспортировать в Соединенные Штаты дешевые промышленные товары, и к 2008 году Китай занял место Японии как главного источника капитала для обремененного долгами Вашингтона. Но государствам-спутникам СССР в Восточной Европе и их союзникам на Юге повезло меньше. Их промышленные товары не были востребованы, и эта группа стран имела самый большой внешний долг. В 1979 году коэффициент обслуживания долга Польши составлял огромные 92%, а ГДР – 54% в сравнении с 55% у Мексики, 31% – у Бразилии и гораздо выше разумных 25%.{1215} Теперь социалистические страны Восточной Европы столкнулись с падением процентных ставок и отказами во внешних займах. Как и предвидел Сталин, отказываясь от плана Маршалла, поддаваться искушению западными кредитами было опасно. Восточноевропейские коммунисты горько сожалели о том дне, когда взяли западный шиллинг.

Польша и Румыния окончательно обанкротились и вынуждены были пойти на унижение, умоляя западных капиталистов об отсрочке долга; положение Венгрии и ГДР было не столь серьезно, и они смогли справиться за счет временного финансирования. Всем пришлось понизить уровень жизни, в особенности для промышленного рабочего класса, – и кое-что оказалось весьма мучительным. Коммунистические государства были слабы, а их властям не хватало легитимности. Долговой кризис ослабил их еще сильнее.

Как и следовало ожидать, лучше всего для навязывания аскетизма подходил нереформированный сталинизм. Когда Румыния не смогла выполнить долговых обязательств в 1981 году и была вынуждена просить об отсрочке, власти ввели нормированную продажу хлеба, энергию подавали с перебоями и было запрещено пользоваться холодильниками и пылесосами. Рабочее время увеличилось и стало распространяться на воскресенья и праздники. Когда бензин стал дефицитом, правительство, которое должно было бы быть провозвестником модернизации, оказалось вынуждено призвать к переходу на конный транспорт. Секуритате создало сеть информаторов по образцу Штази для усиления дисциплины, а государство еще дальше зашло во вмешательстве в личную жизнь, включая пресловутые принудительные осмотры женщин с целью не допустить аборты и прекратить падение рождаемости.

В более либеральной и децентрализованной Югославии государственная программа жесткой экономии только ускорила политическую дезинтеграцию. Глубоко задолжавшая, страна вынуждена была пойти с протянутой рукой к МВФ, который в 1982 году поставил жесткие условия. МВФ, раньше поддерживающий децентрализацию, теперь объявил, что если меры по отказу от излишеств сработают, республики должны будут лишиться своего автономного права производить и занимать деньги. Более богатые республики, особенно Словения и Хорватия, возражали, и борьба между ними и их более бедными соседями продолжалась на протяжении всех 1980-х годов, подготавливая почву для апокалиптического распада в 1990-е{1216}. Руководители-коммунисты все больше действовали в интересах отдельных республик, а не единой Югославии, а локальный национализм пришел на смену марксистскому югославизму. Смерть Тито в 1980 году ослабила объединяющий страну «клей» и усугубила последствия внешнего долга и вмешательство МВФ. Узы, объединяющие Югославию, рушились.

В Польше долговой кризис привел к почти полному краху власти коммунистов. Когда в 1980 году правительство вынуждено было принять меры по отказу от излишеств и сократить продажу мяса[819], оно встретило протесты. Забастовка на Ленинской судовой верфи в Балтийском порту Гданьска стала одной из самых хорошо организованных, и рабочие вскоре перешли от экономических требований к политическим. Они воздвигли деревянный крест в память о четырех рабочих,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org убитых в 1970 году, и основали более широкое движение «Солидарность»[820], чтобы бороться за социальную справедливость и независимость профсоюзов. Забастовки ширились, к ним присоединялись люди из различных слоев общества, и скоро экономика была парализована. Коммунистам, которых теперь возглавлял Станислав Каня[821], теперь ничего другого не оставалось, как разрешить профсоюзам действовать совершенно свободно от контроля партии. В августе 1980 года «Солидарность» и партия подписали соглашение, которое впервые с конца Народных фронтов 1940-х годов дало некоммунистам реальную власть[822]. В течение следующих шестнадцати месяцев коммунисты и «Солидарность» противостояли друг другу в напряженном равновесии[823].

Так не могло продолжаться вечно. «Солидарность» становилась все более воинственной, и запланированная забастовка в декабре 1981 года усилила советские страхи перед восстанием. Кремль оказывал давление на Канию и главу армии, генерала Войцеха Ярузельского, чтобы спасти слабеющую партию, введя военное положение. Польские власти, естественно, не хотели брать на себя ответственность за суровые меры, а Каня, кажется, даже сочувствовал «Солидарности»[1217]. Москва решила, что он должен уйти, и он был заменен на посту первого секретаря Ярузельским, который согласился на требования Москвы, опасаясь вторжения Советской Армии.

Теперь военные пришли к власти согласно введенному Ярузельским военному положению, убив около сотни человек[824]. Активистов «Солидарности» арестовали, и стабильность была восстановлена. Как предвидел Ярузельский, эта мера совершенно уничтожила остатки легитимности, которые еще сохранялись у партии. Едва ли это по-прежнему было коммунистическое государство. Ярузельский, военный, со своими характерными черными очками походил скорее на более строгую версию латиноамериканского диктатора, чем на лидера коммунистической партии; теперь правили государство и армия, а не партия[1218]. Это более важно, события 1981 года ясно показали, что советская поддержка Восточной Европы достигает своих пределов. Советы ясно дали понять коммунистическим элитам (но не остальному миру), что брежневской доктрине и обещанию военной поддержки властям советского блока теперь пришел конец[1219]. И хотя СССР был вынужден дать огромные кредиты польше в 1981-1982 годах[825], терпение Советского Союза в отношении его нестабильных восточноевропейских клиентов кончалось, частично потому, что сам он стал чувствовать себя слабее; цены на нефть были еще высоки, но с 1981 года стали снижаться[826]. В ответ на угрозу, что Восточной Германии, возможно, придется взять дополнительные ссуды на Западе, если она не получит больших вливаний из СССР, Николай Байбаков, председатель Государственного планового комитета СССР, сказал, что они должны сократить инвестиции: «Я должен думать о Польской народной Республике! Когда я сокращу поставки нефти туда (я туда еду на следующей неделе), это будет неприемлемо для социализма... И Вьетнам голодает. Мы должны помочь. Мы что, должны просто забыть о Юго-Восточной Азии? Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Йемен. Мы их всех тянем. И наш собственный уровень жизни очень низок. Мы действительно должны его улучшить»[1220].

Не только коммунисты Восточной Европы пострадали от нового устройства международной экономики. По многим странам «третьего мира» различных идеологий ударили повышение процентных ставок и мировой экономический кризис, когда цены на сырье упали и кредиты подорожали. Некоторые коммунистические режимы в «третьем мире», однако, были особенно уязвимы, так как они сильнее проводили претенциозную политику экономического развития и благосостояния. Следовательно, их проблема долгов затронула особенно сильно.

Экономический и долговой кризис усугублялся тем, что коммунистическим властям приходилось иметь дело с по-новому настойчивым МВФ и Всемирным банком. В отличие от 1970-х годов, когда эти международные организации рекомендовали развитие под управлением государства, теперь Соединенные Штаты использовали их для установления своего неолиберального взгляда на мир. В феврале 1980 года Роберт Макнамара, глава Всемирного банка, представил долгосрочную программу «Кредитов на реструктуризацию экономики» для стран с проблемами в экономике. Эта программа вместе с программой МВФ стала наиболее эффективным оружием неолиберализма в странах «второго» и «третьего мира». Под девизом «стабилизировать, приватизировать и либерализировать» деньги выдавались только в том случае, если вмешательство государства сокращалось, экономика приватизировалась и рынки были открыты.

Теперь у коммунистов «третьего мира» появился мощный стимул, чтобы

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org отказаться от своей экономической модели. Но силы изнутри коммунистического мира также влияли на них, особенно выбор рынка Китая в 1978 году. Отступничество властей, ранее проводивших жесткую линию чистого коммунизма в «третьем мире», под влиянием успеха «азиатских тигров» стало серьезным ударом по марксистам-ленинцам. Неудачи социалистического планирования тоже сыграли свою роль. К середине 1980-х несколько просоветских государств начали рыночные реформы. В 1984 году Гвинея-Бисау стала сотрудничать с МВФ, то же сделал Мозамбик в 1987-м, через год после гибели Самора Машела в авиакатастрофе. Даже Ангола, которая по-прежнему была вовлечена в гражданскую войну со сторонниками Америки и поэтому не могла рассчитывать на помощь МВФ, начала рыночные реформы в 1985 году.

К середине 1980-х годов долги и финансовый кризис ослабили коммунизм и произвели разрушительный эффект на режимы Юга. Но они не уничтожили его в его советском и восточноевропейском сердце. В действительности, консервативные коммунисты в СССР, враждебно настроенные по отношению к экономическим реформам, указывали на долги как на свидетельство опасности капитализма и сотрудничества с Западом. Результаты неоконсервативной революции Рейгана в американской внешней политике были сходны: они оказали существенное влияние на Юг, но гораздо более сомнительное – на СССР и Восточную Европу.

Середина 1980-х была эпохой страха войны по обе стороны «железного занавеса», и в Соединенных Штатах было снято несколько художественных фильмов и сериалов на тему советского нападения и вторжения. Одним из самых невероятных и полных насилия был «Красный рассвет» (1984) [1221]. Сюжет притянут за уши: вероломные европейцы, за исключением лояльного Альбиона, отвернулись от Вашингтона; Мексика под властью революционных властей, а Советы со своими союзниками (кубинцами и никарагуанцами) оккупируют обширные пространства центра Соединенных Штатов. Подобно жителям Мосины 1950-х годов, американцы обречены на мрачную пропаганду советской культуры, а зрители в кинотеатрах вынуждены смотреть «Александра Невского». Тем не менее многие американцы идут на сотрудничество, и Советы укрепляют позиции. Но одного красные не предвидели: «армии захватчиков все спланировали – кроме восьмерых ребят, называющих себя «Росомахами». «Росомахи», большинство из которых – члены футбольной команды старшей школы маленького городка Колумит, штат Колорадо, ведут партизанскую войну против сил захватчиков во имя свободы и становятся серьезной угрозой для Советов. В конце концов они терпят поражение, но когда Америку наконец освобождают, она помнит их имена, высеченные на «Скале Партизан».

Фильм финансировал Голливуд, а не правительство. Но он запечатлел новое представление Америки о себе, которое за время холодной войны становилось все более влиятельным. Соединенные Штаты не были больше «мировым полицейским» Никсона, утверждающим порядок против коммунистов-Революционеров через сеть местных жандармов. Они являлись следопытом, партизаном и борцом за свободу, сражающимся в одиночку против тоталитарного монолита. И хотя пожилой Рейган едва ли был капиталистическим Чех Геварой, его переполняла решимость придать делу Америки идеализм и воинственность, которые до сих пор оставались прерогативой партизан-коммунистов.

Рейган, сын бедного торговца обувью из Иллинойса, был необычным неоконсервативом. Он непостижим для современников и по сей день остается загадкой. У него был оптимистичный и идеалистический взгляд на мир, унаследованный от матери-евангелистки, что пользовалось популярностью среди американских избирателей. И все же он был воином либерализма, полным решимости противостоять угрозе «свободному миру», которую представляла коммунистическая «империя зла». Своим основополагающим оптимизмом он приближался к неоллибералам. Рейган был убежден, что коммунизм окончательно падет, так как он экономически нерационален, и был искренним приверженцем ядерного разоружения [827]. Тем не менее он во многом разделял воинственность неоконсервативов, особенно в первые годы своего президентства. Он был страстным идеологом антикоммунизма и руководил самым масштабным для мирного времени перевооружением в истории Америки, при том что расходы на оборону между 1981 и 1985 годами поглощали 30% федерального бюджета. Он также назначал неоконсервативов, например Пола Вулфовица, на должности своих помощников (хотя «голуби» тоже имели вес в его администрации), и его язык, подверженный влиянию марксизма, отражался в их языке. Выступая перед британским парламентом в 1982 году, он сказал: «По иронии судьбы, Карл Маркс был прав. Сегодня мы являемся свидетелями

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org большого революционного кризиса, кризиса, где требования экономического порядка вступают в прямой конфликт с политическим устройством. Но этот кризис происходит... на родине марксизма-ленинизма... В Советском Союзе, который выступает против потока истории»{1222}.

В странах «третьего мира» для Рейгана было множество серьезных практических причин принять революционный идеализм. Жандармы Никсона не сумели сдержать прилив успеха коммунизма, как усилия Джимми Картера не смогли заставить их уважать права человека. Рейган был полон решимости использовать вооруженные силы, чтобы отбросить коммунизм назад – особенно в Центральной Америке. Он отказывался признать, что коммунизм был ответом на местную несправедливость; партизаны являлись «военными кадрами», которых тренировал СССР{1223}. Тем не менее Вьетнам по-прежнему вызывал смущение, и народ не поддерживал продолжительные войны в «третьем мире» с затратой всех сил и ресурсов. Рейган мог начинать обычные войны, где победа была легка – как во вторжении на крошечный остров Гренада в 1983 году, – но таких случаев было мало[828]. Поэтому использование партизанской стратегии, разработанной коммунистами, оказалось отличным решением. Это позволяло проамериканским движениям появляться как будто самим по себе, это было дешево, и такая война могла вестись тайно, без надзора Конгресса. Новую политику, проводимую в Никарагуа, на Филиппинах[829], в Афганистане, Анголе, Эфиопии и Сальвадоре, мягко называли «конфликтом низкой интенсивности», но она во многом была обязана тактике маоизма и партизанской традиции{1224}. Вместо поддержки военных диктаторов, Соединенные Штаты поддерживали локальные группы мятежников. Военные действия должны были стать «гражданскими» (маоистская «народная война») а операции по психологическому давлению на противника («агитпроп», говоря языком коммунистов) стали Центральными в новой стратегии. Левые и коммунистические режимы должны были быть подорваны саботажем и убийствами. Но также прилагались усилия для победы в политических спорах и для того, чтобы создать «третью силу» против коммунистов и старых диктаторов. Антикоммунисты городского среднего класса и консервативные церкви мобилизовались и иногда отворачивались от авторитарных союзников, как произошло с Фердинандом Маркосом на Филиппинах. К 1985 году эта стратегия была идеологически обоснована как «Доктрина Рейгана», политика «антикоммунистической революции», созданной для того, чтобы «нести миру демократию»{1225}.

Рейган начал военное контрнаступление против коммунизма в Центральной Америке, а конфликт низкой интенсивности проводился наиболее последовательно в Никарагуа. Американцы оказывали поддержку ряду оппозиционных групп, включал «третью силу» либералов и консерваторов, а также повстанцев Контрас. Многие из Контрас были связаны с бывшим лидером Сомосой[830], но секретные американские инструкторы и советники преобразовали их в современную партизанскую силу. Некоторые сотрудники ЦРУ тайно выпустили для них в 1983 году руководство «Психологические операции в партизанской войне», целые главы которого могли бы быть написаны лично Мао или Че Геварой. Брошюра начиналась предложением «партизанская война – это, по сути, война политическая» и продолжалась объяснением, как Контрас должны политизировать свои силы, чтобы развернуть кампанию по свержению режима. «Политические кадры» организовывали бы рядовых членов, убеждаясь в их мотивации путем «самокритики» и «групповых обсуждений», которые бы «подняли боевой дух и повысили единство мысли». Затем партизаны развернули бы «вооруженную пропаганду», похищая и убивая правительственных чиновников и «врагов народа». В то же время среди крестьянского населения проводилась бы «идеологическая подготовка», смешанная с «народными песнями», убеждающая их в русско-кубинской империалистической природе Сандинистского режима{1226}.

На практике Контрас гораздо больше полагались на насилие, запугивание и экономический саботаж, чем на власть над умами и сердцами. К 1988 году сандинисты побеждали Контрас на поле боя, но война и американское эмбарго подорвали экономику, и среди самих сандинистов появились отступники. Когда в 1990 году проводились выборы, большинство, частью уставшее от войны и уверенное, что она закончится только с падением режима, частью настроенное враждебно к слишком претенциозным сандинистским программам реформ и неприятно критики, проголосовало за проамериканского нелиберального кандидата, Виолетту Барриос де Чаморро. В других частях Центральной Америки для подавления марксистских восстаний тоже применялось чрезмерное насилие, на этот раз развязанное местными военными диктатурами и поддерживаемое Вашингтоном. В Гватемале отряды смерти под названиями вроде «Ожо рог ожо» («Око за око») вырезали десятки тысяч людей, в основном индейцев, а гражданская война в Сальвадоре оказалась особенно бесчеловечной{1227}.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org концу 1980-х годов число жертв Центральноамериканских войн было огромно: почти целый процент населения Никарагуа погиб в войнах Контрас{1228}. Перспективы антикоммунистической партизанской войны виделись еще более радужными в регионах коммунистической экспансии 1970-х годов. Соединенные Штаты, работая в тесном сотрудничестве с ЮАР, продолжали поддерживать группировку УНИТА, ведущую в Анголе войну на истощение, в которой около 800 000 человек погибли и почти треть десятиmillionного населения была перемещена{1229}. Тем временем ЮАР и РЕНАМО поставили на колени{831} мозамбикский режим, и в 1984 году был установлен мир.

Но центр партизанской стратегии лежал в борьбе против СССР в Афганистане. Еще до ввода советских войск афганским коммунистам противостояли могущественные повстанческие группировки – моджахеды. Администрация Картера оказывала повстанцам ограниченную военную поддержку в добавление к поддержке Саудовской Аравии и Пакистана, но помощь была существенно увеличена в 1983 году. Молодые люди со всего мусульманского мира, включая сына преуспевающего саудовского бизнесмена Усаму Бен Ладена, собирались, чтобы присоединиться к джихаду, или священной войне; это была их Гражданская война в Испании. Для Рейгана, с другой стороны, поддержка моджахедов прекрасно вписывалась в партизанскую антикоммунистическую стратегию. В отличие от иранского крыла исламистов, носившего ярко социалистическую окраску{832}, моджахеды были социальными консерваторами. Также они являлись антиимпериалистическим движением и пользовались искренней народной поддержкой. Как радовался директор ЦРУ Уильям Кейси: «Вот в чем красота афганской операции. Обычно это выглядит так, что большие злые американцы избивают местных. В Афганистане все как раз наоборот. Это русские обижают маленьких»{1230}. Американцам, конечно, предстояло глубоко пожалеть о поддержке моджахедов, когда в 1990-е они обернулись против своего бывшего покровителя. Но, согласно доктрине Киркпатрик, не имело большого значения, что моджахеды не были либералами, коль скоро они противостояли коммунистическому тоталитаризму.

Таким образом, военные силы нанесли серьезный удар коммунизму на юге, но надежда неоконсерваторов на то, что это подорвет сам СССР, не оправдалась. На самом деле, новая воинственность Запада привела к обратным результатам, так как обострила отношения с Советами и усилила сторонников жесткого курса в политике. Отношения сверхдержав годами были хуже некуда, и в ноябре 1983 года мир подошел к ядерной войне ближе всего со времени Карибского кризиса, когда Советы приняли учения НАТО за нападение, и едва удалось избежать ответного удара{833}.{1231} Москва ностальгировала по сталинизму: престарелый Вячеслав Молотов был восстановлен в партии (часто шутили, что его прочат в генсеки), и даже поговаривали о возвращении к старой сталинской тактике мобилизации труда. Когда Леонид Брежнев умер в 1982 году, пост принял сторонник жесткой политики Юрий Андропов. Своими действиями он не вернулся в 1940-е, но все же его идеи содержали отголоски прошлого. Экономика должна была обновляться не путем рыночных реформ и либерализации, а за счет усиления рабочей дисциплины и чисток среди коррумпированных чиновников{834}.

Когда Андропов умер в 1984 году, неблагоприятная международная обстановка подстегнула жесткую линию в Кремле. К власти пришел престарелый и больной консервативный Константин Черненко, и даже несмотря на то, что Горбачев, будущий реформатор, стал его правой рукой, все же существовало некоторое сопротивление ему. Когда и Черненко умер на следующий год, беспокойство по поводу Горбачева продолжалось, но было ясно, что Политбюро не может и дальше выбирать пожилых и больных людей, которые не проживут долго. Худшие времена долгового кризиса в восточноевропейских странах были позади (хотя обстановка в Польше еще оставалась серьезной), но страны соцлагеря стагнировали, неспособные привлечь капитал для инвестиций. Было ясно, что к власти должно прийти новое поколение, и Горбачев, самый молодой из членов Политбюро, являлся единственной хоть отдаленно подходящей кандидатурой.

Через четыре года после вступления Горбачева в должность рухнула Берлинская стена, через шесть – не стало СССР. Положительно никто в 1985 году не мог предвидеть таких важных событий. Они до сих пор ставят в тупик, и историки яростно спорят о них. Некоторые предполагают, что коммунизм уничтожила программа перевооружения Рейгана, особенно Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) «Звездные войны». Политика Рейгана, без сомнения, оказывала на СССР экономическое и психологическое давление, а СОИ была тревожным знаком того, что СССР больше не идет в ногу со временем (хотя некоторые чиновники не принимали ее всерьез){1232}. Но военное время, как

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org бы оно ни было тяжело, не вызывало экономического кризис и общественные волнения. Один высокопоставленный академик с хорошими связями размышлял в своем интервью конца 1990-х: «Представьте, что Брежнев все еще жив. Мы по-прежнему жили бы при старом режиме; ничего бы не изменилось. Возможно, жизнь была бы похуже, но в стране был бы порядок. У нас по-прежнему была бы тоталитарная система; мы бы по-прежнему ходили на партсобрания и демонстрации с теми же красными флагами».{1233}

Человек, разрушивший КПСС, нашелся не в Белом доме, а в Кремле. Самим Горбачевым страх перед военной мощью Америки двигал в меньшей степени, чем желание реанимировать систему, сделав ее более содержательной. Сначала, как и его предшественники, он надеялся добиться своего путем трансформации Коммунистической партии, но когда он не смог этого сделать, то оказалось, что он пытается ее ослабить. Таким образом, правление коммунизма обрушилось не из-за внешнего давления, а в результате длительной внутренней ненасильственной революции, начатой элитой самой Коммунистической партии.

VII

фильм «Покаяние» грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе – это, должно быть, самый сложный и немногим доступный фильм из тех, что становились хитами. Это сюрреалистический! фильм о зомби, снятый в начале 1980-х[835], но показанный только в 1986 году благодаря новой горбачевской политике гласности. Он начинается с похорон Варлама, местного сталинского мэра, чей труп продолжает являться, таинственным образом покидая могилу, сколько бы раз его ни хоронили. Преступник пойман – Кетеван, гонимая женщина, полная решимости напомнить миру о Варламовом царстве террора. Кетеван тяжело переживает убийство своей матери, которая пыталась не допустить уничтожения старинной церкви. Наконец ей удается открыть ужасы прошлого, несмотря на попытки города скрывать их и дальше, и сын Варлама, которого мучают угрызения совести, в итоге выкапывает тело и сбрасывает его со скалы. Фильм заканчивается на пессимистической ноте. Кетеван дома, она по-прежнему живет на улице Варлама, в окружении, лишенном духовных ценностей.

«Покаяние» показали только после политической борьбы. Главным защитником был Александр Яковлев, но ему пришлось встретить сопротивление коллег, и он победил, только убедив их, что фильм слишком темен для простых людей, и пообещав, что его покажут только в нескольких городах. Когда он добился более широкого показа, несколько местных партийных руководителей пришли в ярость и запретили его{1234}. Даже при этом «Покаяние» стало сенсацией и хорошо схватывало атмосферу начала горбачевской перестройки. Как и в хрущевскую эпоху, сталинист изображен как бюрократ, человек, руководствующийся рассудком и с презрением смотрящий на царство морали и духа, в то время как героями становятся люди с идеалами и ценностями. И все же фильм связан также с брежневской эпохой, ее попытками «перезахоронить» Сталина и, как результат, борьбой между реформаторами, которые хотели бросить вызов сталинской бюрократии, и брежневскими консерваторами, которые были полны решимости не допустить перемен в старой системе.

фильм предлагает проникновение в суть мышления многих в период гласности, не в последнюю очередь самого Горбачева, который ленту посмотрел и одобрил{1235}. Оценка обаятельного и интеллигентного Горбачева до сих пор не определена. Почему он действовал так очевидно иррационально, закончив уничтожением системы, которую надеялся усилить?[836] «Покаяние» дает некоторые ответы. У Горбачева, конечно, не было религиозной чувствительности Абуладзе, но, как и многие, кто достиг зрелости в период десталинизации, он разделял злость режиссера на «бюрократов» в партии – чувство, схваченное реакцией Яковлева на «Покаяние»: «фильм ошеломил меня и всех моих семейных. Умен, честен, необычен по стилистике. Беспощаден и убедителен. Кувалдой и с размаху бил по системе лжи, лицемерия и насилия»{1236}.

Горбачев был последним в долгой традиции тех коммунистов, которые верили, что в социализм можно заново вдохнуть жизнь, атаковав консервативных, одержимых собственным статусом «бюрократов», – традиция, идущая от сталинистов 1920-х годов[837] к Хрущеву начала 1960-х, к Мао во время Культурной революции. Его стратегия была ближе всего к хрущевской, в которой он хотел сделать систему менее бюрократической, открыв партию влиянию общества. Но в отличие от всех своих советских предшественников он пришел к выводу, что власть партии как института следует сократить. Он также извлек уроки из падения Хрущева в 1964 году и конца «пражской весны».

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Как и Кетеван, он твердо решил не дать бюрократам снова, как зомби, восстать из мертвых. Он решил окончательно уничтожить их власть, хотя бы это и привело к разрушению самой системы[838].

Кроме того, предубеждение Горбачева против внутренней бюрократии было сильнее, чем его недоверие к Западу. Вдобавок, в то время как на Западе послевоенная эра классового компромисса входила в кризисную фазу, советские коммунисты начинали ценить ее достоинства. Горбачев со все большим энтузиазмом воспринимал идею интеграции СССР в западное сообщество как социально-демократического государства и стал одобрять демократические выборы и рыночные реформы по западному образцу[839]. В этой «революции» его поощряли те «контрреволюционные» интеллектуалы, которых Ципко обнаружил в ЦК в 1980-е, неолиберальный МВФ и большая часть общественного мнения на Западе. Когда западные лидеры впервые встретились с Михаилом Горбачевым, они были и удивлены, и обезоружены. Как мог такой дружелюбный, открытый и обаятельный человек быть коммунистом? Даже воинственная антикоммунистка Маргарет Тэтчер потеплела. Но они судили его по стандартам суровых обороняющихся аппаратчиков 1960-х и 1970-х годов. На самом деле Горбачев был всего лишь крупнокалиберной версией обычного члена партии. Он родился в 1931 году на юге России в крестьянской семье, его дед по материнской линии был членом партии и председателем колхоза, арестованным в 1937 году (как и его дед по отцовской линии). Горбачев стал амбициозным и трудолюбивым комсомольцем, и его способности к учебе, вместе с партийной активностью (он был награжден почетным орденом Трудового Красного Знамени за героический труд на сборе урожая 1948 года) дали ему возможность совершить огромный скачок из провинции на юридический факультет МГУ. Скоро оказалось, что он идеально подходит для партийной работы: ему нравились размах и великие принципы; он, кажется, в самом деле являлся неподдельным идеалистом. В отличие от Брежнева, у него не было технического, практического подхода правительственного экономического администратора. На самом деле он имел довольно слабое представление об экономике[840], что мешало многим его советникам{1237}. Он был человек из народа, полный энергии, энтузиазма и непоколебимой веры в свои способности к убеждению. Анатолий Черняев, который позже стал одним из его главных советников, вспоминал, как во время поездки в Западную Европу в 1970-х «он хватал меня за локти и «доказывал», «доказывал», «доказывал», как важно было сделать то или это в Ставрополье{1238}. Это было очень по-хрущевски, и он разделял энтузиазм и оптимизм своего неугомонного предшественника. Он был, однако, более образованным, более политически хитрым и, следовательно, гораздо более уверенным – совершенно оправданно, так как он был искусным политиком, умеющим добиваться от людей того, что ему нужно. Неудивительно, что «Горбимания» вскоре захлестнула Западную и советскую Восточную Европу.

Тем не менее у этих, несомненно, положительных качеств имелась и обратная сторона. Он был в высшей степени уверен в себе, но не всегда осознавал трудности, сопряженные с его планами. И именно это, вместе с его способностью убедить и/или перехитрить оппонента, объясняет, как он сумел протолкнуть свою амбициозную, но непоследовательную программу.

В 1985 году немногие из элиты, если вообще кто-либо, верили, что коммунистическая система находилась в кризисе и нуждалась в радикальных переменах. Сам Горбачев вспоминал: «Ни я, ни мои коллеги не воспринимали в то время ситуацию в целом как кризис системы»{1239}, а когда Александр Яковлев показал ему крайне радикальную записку, в которой предлагалось разделить Коммунистическую партию надвое, так, чтобы эти части боролись друг с другом, он решил, что это было «преждевременно»{1240}. В первые два года на посту генерального секретаря Горбачев не ушел далеко от дисциплинарной экономической политики, которой придерживался Андропов. Но во внешней политике все было иначе. Главной целью он считал уменьшение трений с Западом, чтобы сохранить ценные ресурсы для проведения внутренних экономических реформ. Так как цены на нефть в мире обрушились в 1985 году и продолжали падать[841], это было тем более необходимо. Кроме того, он и его либеральные советники, особенно Яковлев, были также уверены, что противостояние между блоками и может, и должно закончиться. Этот конфликт, утверждали они, являлся по сути продолжением сталинской доктрины международной классовой борьбы и теперь устарел.

Поэтому Горбачев пытался заинтересовать американцев предложениями контроля над вооружениями, но поначалу, как и следовало ожидать, Рейган и неоконсервативные «ястребы» были настроены подозрительно. Во время их первой встречи в Женеве Горбачев поверить не мог, каким «пещерным

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org человеком» холодной войны оказался Рейган. Особой областью разногласий был третий мир. Для Рейгана коммунизм всегда являлся результатом советского вмешательства и конспирации; по мнению Горбачева, его питал антиимпериализм и реакционные элиты, и он был полон решимости победить в Афганской войне и защитить других союзников Советов. Несмотря на эти различия, наступление администрации Рейгана на СССР изменилось с 1984 года. Военная угроза 1983 года, кажется, серьезно пошатнула позиции президента, и стало ясно, что воинственность «ястребов» добилась разве что угрозы Армагеддона. Беспокойство Европы вместе с мнением избирателей внесла вклад в фундаментальное изменение позиции Вашингтона, достигшее кульминации в предложении Рейгана в Рейкьявике в 1986 году вывести из употребления все ядерное оружие[842].{1241} В итоге идея полного ядерного разоружения ни во что не вылилась, так как стороны не смогли договориться о будущем «Звездных войн»[843], но с тех пор Горбачев осознал, что разоружение действительно возможно. Теперь у него была уверенность, что можно продвигаться вперед одновременно с внутренними реформами. Перевооружение Рейгана, конечно, оказывало давление на советское руководство, тем не менее, именно его готовность вести дела с СССР (часто наперекор неоконсервативной оппозиции) внесла наибольший вклад в горбачевскую программу реформ и, таким образом, в окончательный крах советского коммунизма[844].

В течение 1986 года взгляды Горбачева становились более радикальными по мере того, как он и его либеральные советники из ЦК проводили мозговые штурмы. Встречи с западными лидерами, включая миссис Тэтчер, котораяставляла его в вопросах демократии, тоже оказали на него влияние[845].{1242} Горбачев со временем стал воспринимать себя как западного социал-демократа[846], и он со своими сторонниками стал восхищаться западноевропейскими государствами всеобщего благосостояния. Но западноевропейский социал-демократический порядок формировался в 1940-е годы на основе компромисса между свободными рынками и вмешательством государства. Проблема была в том, как достичь этой цели. Ведь партия лежала в самом сердце советского государства, и любая попытка подорвать ее власть создавала риск разрушить способность Москвы управлять страной.

В первые годы у власти мировоззрение Горбачева не было по сути либеральным. Он верил, что советский народ «сделал выбор в пользу социализма» в 1917 году и был в своей основе единым, коллективистским и преданным коммунизму. Тогда почему система не работала? Горбачев пришел к выводу, что проблема заключается в том факте, что присущая массам созидательная энергия подавлялась. Разворачивая риторику, которая наполовину состояла из раннего Маркса и на другую – почти из либерального идеализма[847], он объяснил, что бюрократы и авторитарно-бюрократическая система «подавляют народную инициативу, отчуждают человека во всех сферах от жизненной активности, принижают достоинство личности». Решение этой проблемы лежит в новой форме «демократии», включающей открытую дискуссию, но не западный плюрализм. Эта «демократия» изменит психологию людей, делая их воодушевленными тружениками и гражданами, или, на жаргоне того времени, «активизируя человеческий фактор»; также она подорвет (и, надо надеяться, свергнет) «бюрократов», которые подавляли творчество масс{1243}. Такой романтический взгляд может показаться неподходящей базой для практической программы реформ, во многом так же, как в случае с Хрущевым, но это было нормально в рамках марксистской традиции[848]. Яковлев объяснял скептически настроенному западному журналисту: «В теоретическом плане мы никогда не заявляли, что революция в нашей стране, начавшаяся в 1917 году, закончилась... Перестройка – это продолжение революции»{1244}.

Тем не менее с 1987 года стало ясно, что строгость и попытка починить экономику на скорую руку дали немного, и Горбачев начал более радикальную программу экономической либерализации и политической демократизации. Подражая либеральным реформам, проведенным в Венгрии и Югославии, он дал директорам фабрик больше независимости от центра[849]. Сторонники планового хозяйства, разумеется, действовали неохотно, и Горбачев ответил началом атаки на «бюрократов», которые, как он заявил, были основной консервативной силой, «тормозным механизмом» для перемен.

Поначалу, как и Хрущев до него, Горбачев надеялся, что партия поведет общество к реформам, но он быстро потерял веру в нее, так как партийные чиновники противодействовали его мерам. Вместо этого он искал союзников среди разочарованного среднего класса, ослабив цензуру до определенного предела[850] и разрешив организацию «неформальных» дискуссионных групп за пределами партии[851]. Более серьезным, однако, было сокращение обладавшего

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org большой властью Секретариата ЦК в 1988-м и решение создать новый, избираемый народом Съезд народных депутатов[852]. Выборы были проведены в 1989 году, и, хотя многие коммунистические руководители вошли в состав Съезда, несколько высокопоставленных руководителей потерпели поражение. Партия была посрамлена. Горбачев, в сущности, сдвигал центр власти от партии к всенародно избираемому государственному органу.

У горбачевского либерализма имелись границы, и он всегда настаивал, что демократия должна контролироваться. КПСС получала гарантированные 100 мест в Съезде народных депутатов 1989 года; «плюрализм мнений» приветствовался, но все мнения должны были быть «социалистическими», а критика – «принципиальной», а не «безответственной». Тем не менее Горбачеву сложно было сохранить эту «красную черту», в особенности потому, что партия оказалась приговорена к беспрецедентной идеологической атаке, вдохновленной самим Кремлем. Горбачев заново поднял сталинский вопрос, назначив в сентябре 1987 года комиссию по расследованию сталинских репрессий, и «белые страницы» советской истории обсуждались гораздо свободнее, чем в 1950-е. Если, по мнению Хрущева, социализм стал приходить в упадок в 1934 году, после индустриализации и коллективизации, Горбачев утверждал, что гниение началось с победой Сталина над Бухариным в 1928-м[853], тогда как предположительно либеральный марксист Ленин времен НЭПа понимался как истинный голос социализма. Уже в 1986 году советник Горбачева по идеологии, Георгий Смирнов, объяснял его взгляды в беседе с Ципко: «Не думайте, что Горбачев не понимает серьезности ситуации. Шестьдесят лет пошло коту под хвост. Отвернувшись от НЭПа, партия потеряла свой единственный шанс. Люди страдали напрасно. Страну принесли в жертву во имя схоластических понятий коммунизма, ничего общего не имеющих с реальной жизнью»[1245].

Горбачев надеялся, что сможет сохранить репутацию 1917 года и перезапустить советский проект во имя ленинизма. Но была неизбежная сложность в проведении четкой границы между Лениным и Сталиным, и сами партийные интеллектуалы стали терять веру в марксистский проект в целом. Ципко вспоминает, что уже в 1986 году Яковлев предпринял «расследование основных упущений советского социализма», включая сам марксизм[854], и в конце 1988 года Ципко опубликовал первую большую статью[855], в которой утверждалось, что корни сталинского «социализма казарменного типа» лежат в марксизме-ленинизме[1246]. В следующем году «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, который осуждал Ленина как создателя тюремной системы, впервые был легально издан в СССР. К тому времени либеральные сектора советской прессы стали в высшей степени антисоветскими и прозападными, полными критики прошлого и кровавой системы, созданной большевиками[856].

Горбачев и Яковлев, давние аппаратчики, хорошо понимали силу идеологии и были уверены, что пересмотр истории был существенной частью их революции. Они видели перестройку как моральную и культурную кампанию по трансформации старого «сталинского» и «бюрократического» менталитета. Но это и в самом деле было рискованно. Коммунистическая партия основывала свою легитимность на моральных аргументах: хотя уровень жизни и ниже, чем на Западе, и существует некоторая несправедливость и незаконные привилегии, в своей основе система справедлива и превосходит капитализм. Если бы лидеры и интеллектуалы теперь стали говорить, что партия шестьдесят лет вела народ по неверному пути и использовала их самопожертвование впустую, как власти могли бы ожидать сохранения лояльности? Письмо в еженедельник «Аргументы и факты» от Н. Р. Зарафшан показывает, как пересмотр истории может усилить неопределенное чувство несправедливости и привести к болезненному идеологическому и эмоциональному кризису: «Я член партии с хорошей характеристикой, и любой скажет, что я добросовестный труженик и активно участвую в общественной работе. Но с возрастом мой пыл угас, и в моей жизни было много несправедливости. Правда о нашем прошлом опустошила меня.

...Я все это принимаю очень близко к сердцу: если я останусь в партии, это будет нечестно, если уйду – меня будут осуждать. Я добросовестный человек и не могу пропускать партсобрания или пренебрегать своими обязанностями»[1247].

Горбачев неосторожно разрушал идеологические основания советской системы, и взгляды сильно изменились в период между 1987 и 1991 годами[857]. Больше людей стали отрицательно относиться к партии и положительно – к Западу. Это произошло даже в странах соцлагеря, где люди какое-то время хорошо знали жизнь на Западе; в Венгрии число тех, кто верил, что «возможности образовательного и культурного роста» на Западе полностью реализовывались,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org подскочило с 22,8% в 1985-м до 51,1% в 1989 году{1248}. Но это все же не значило, что большинство граждан советского блока хотели рыночную экономику западного образца. Когда задали вопрос, что нужно сделать, чтобы выйти из все более серьезного экономического кризиса, только 18% советских граждан сказали, что хотели бы больше частного предпринимательства; 50% – больше дисциплины и порядка{1249}. Сходным образом в 1989 году 73% жителей Чехословакии были против приватизации промышленности и 83% отрицательно отнеслись к ликвидации колхозов{1250}.

Действительно выиграл от идеологического кризиса национализм, и в странах Балтии, где националистическая враждебность по отношению к советской власти была уже какое-то время широко распространена, появились некоторые ранние признаки политического краха. Народные фронты в поддержку перестройки, созданные КГБ[858], чтобы проводить демократию в нужных направлениях, скоро вышли из-под контроля центра. Демонстранты стали требовать полной политической независимости, возвращения к частной собственности и конца советской системы.

Горбачев скоро столкнулся с хаосом. Атаковав старую политическую систему и идеологию, он подрубил опору власти прежде, чем была создана альтернативная структура. Почти то же самое произошло с экономикой: власть государства была подорвана прежде, чем подготовили площадку для рынка, который заменил бы ее. У Горбачева имелись две устоявшиеся альтернативы. Была китайская модель, которая подразумевала постепенное продвижение к рынку, ведомое могущественной партией и по-прежнему полагающееся на подавление инакомыслия; и была неолиберальная «шоковая терапия», которую советовали многие западные экономисты и МВФ. По понятным причинам Горбачев решительно отвернулся от первого варианта: он противоречил его планам политической демократии, и он был уверен, что это только усилит власть бюрократов, которых он так ненавидел. Тем не менее он отверг и шоковую терапию – так же предсказуемо. Это бы одним ударом уничтожило экономическую бюрократию и заменило бы ее рынками, приватизацией и жесткими мерами по борьбе с инфляцией. Но это также вызвало бы огромный взлет цен, глубокую рецессию и массовую безработицу. Даже если бы это было хорошей идеей, Горбачев никогда бы на это не пошел, так как он твердо решил получить одновременно демократию и рынок, сохранив при этом собственную власть. Введение рыночной экономики неизбежно ударило бы по многим людям, а демократия дала бы миллионам «неудачников» мощное оружие против правительства. Сам Горбачев ответил на давление со стороны народа смягчением уровня жизни, взяв займ на Западе. Последствием стало раздувание внешнего долга.

Вместо неолиберальной шоковой терапии или реформ под контролем государства по китайскому образцу Горбачев пошел на глубоко порочный компромисс. Атака на бюрократию разрушила старую систему, которая поставляла ресурсы от одной фабрики к другой, в то же время главы предприятий получили новую автономию: они теперь оказались свободны от любого рыночного или политического давления, чтобы производство было эффективным и дешевым. Неизбежно цены выросли, прилавки опустели и очереди вытянулись. Пока миротворца «Горби» приветствовали на Западе, его популярность дома рухнула.

Некоторые в то время настаивали, что Горбачев должен скопировать более статичную китайскую модель, и споры об альтернативных путях продолжались{1251}. Китайские условия, конечно, очень отличались от российских. В Советском Союзе сельское хозяйство было сильнее подорвано коллективизацией, и старые промышленные аппаратчики обладали большей властью[859] и могли препятствовать экономическим реформам. Тем не менее некоторые утверждают, что если бы были правильные стимулы, некий вариант «Четырех Модернизаций» Дэна привел бы к лучшим экономическим результатам.

Наверное, бессмысленно рассуждать о возможных альтернативах. Учитывая демократическое, антибюрократическое мировоззрение Горбачева и интеллектуальную среду на Западе, у китайской модели почти не было шансов. И даже если бы вариант китайской модели обеспечил улучшение в экономике, это нанесло бы ущерб политической свободе и, возможно, миру во всем мире. Коммунисты остались бы у власти, и старая гвардия, возможно, смогла бы противостоять выходу из соцлагеря стран Восточной Европы в 1989 году.

Тем не менее курс, избранный Горбачевым, какими бы ни были его политические преимущества, имел разрушительные последствия для экономики: фактический крах государства и «разворовывание» экономики управляющими и руководителями. Когда в 1989 году Горбачев в конце концов назначил либерала

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Николая Петракова своим советником по экономическим вопросам и ясно дал понять на следующий год, что вероятно приватизация [860], руководители начали «самоприватизацию», продавая оборудование и присваивая прибыль. Тем временем партийные руководители и госслужащие воспользовались атакой Горбачева на центральную иерархию и присваивали средства организаций, в которых работали. Бюрократы «разворовывали страну» [1252]. Полулегальное воровство было источником богатства многих олигархов 1990-х годов. Горбачев, намеревавшийся уничтожить бюрократов, на деле помог многим из них обогатиться, а его идеализм проложил путь десятилетию политического и экономического краха, охватившего Россию после коммунизма, в свою очередь подпитав антилиберальную реакцию, которая пришла ему на смену при президенте Владимире Путине [861].

С осени 1989 года, таким образом, результаты подспудной революции Горбачева против коммунистической партии становились ясны: различные аспекты советской власти рушились [862]. И неудивительно, что первым поддалось самое слабое звено: Восточная Европа.

VIII

В дни перед семидесятой годовщиной Октябрьской Революции, 7 ноября 1987 года, граждане Вроцлава узнали о планах необычного празднования основания советского государства:

«Товарищи!!!

День, когда разразилась Великая Октябрьская Социалистическая Революция, – это день великого события... Товарищи, пора нарушить пассивность народных масс! ...давайте соберемся 6 ноября, в пятницу, в 16:00 на Свидницкой улице под «часами истории». Товарищи, одевайтесь празднично, в красное. Наденьте красные туфли, красную шапку или шарф... По крайней мере, не имея красного флага, покрасьте ногти красным».

Это сатирическое празднование революционной истории было только одним из событий, организованных польской «Оранжевой Альтернативой», сюрреалистической подпольной группой. Они высмеивали ранние большевистские политические празднования, такие как штурм Зимнего дворца в 1920-м году – исполненный с помощью макета революционного крейсера «Аврора», кавалерии в буденовках и знамен с такими лозунгами, как «Красный Борщ». Один из организаторов описывал эту сцену так: «Крики «РЕ-ВО-ЛЮ-ЦИ-Я». Пролетариат [то есть рабочие с местных фабрик] выходит из автобуса; на их рубашках надписи «Я буду работать больше» и «Завтра будет лучше». Наготове было множество полицейских, но они были в униженном положении, когда нужно арестовывать любого, кто носит красное или провокационно пьет клубничный сок [1253].

«Оранжевая Альтернатива», во многих отношениях необычная, фиксировала многое в характере восточноевропейского инакомыслия конца 1980-х, по крайней мере на территории бывшей Австро-Венгерской империи (включая Западную Украину). Появлялось новое молодое поколение диссидентов, которое было меньше заинтересовано в больших протестах и демонстрациях против режима, чем в создании альтернативного, контркультурного «гражданского общества», свободного от государственного контроля. Этот новый стиль был скорее карнавальным, как назвал его Падрик Кенни, чем воинственно сопротивляющимся, и многим был обязан ситуационистам и западным молодежным субкультурам 1960-х годов. В самом деле, дух 1989 года был ненасильственной адаптацией духа 1968 года. Как показала акция во Вроцлаве, их подход не мог сильнее отличаться от старой коммунистической модели мобилизации масс. Но цели многих групп (в отличие от «Оранжевой Альтернативы») были часто очень специфичны и с виду далеки от политики – кампании по вопросам окружающей среды или мира, например [1254]. Этого, наверное, следовало ожидать после подавления движения «Солидарность». Престиж властей еще сильнее покачнулся, но стало ясно, что открытое противостояние будет подавлено силой, а за пределами Польши интеллектуалам сложно было привлечь рабочих. Поэтому требовался новый, менее конфронтационный подход.

При том что социальная активность (и осмеяние) сыграли свою роль в конце коммунизма, важнее была Москва и сигналы, которые она подавала восточноевропейским коммунистическим партиям. Горбачев еще в 1985 году лично заявил лидерам, что они не могут рассчитывать на помощь Советской Армии, хотя он ожидал, что они останутся в советском блоке. Вечный

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org оптимист, он верил, что более популярные лидеры восстановят легитимность коммунизма. Но так же, как хрущевский доклад о культе личности и его последствиях ослабил «маленьких Сталиных», воодушевив реформаторов и разделяя партии, перестройка в СССР потрясла основы восточноевропейских режимов. Сторонники либеральных реформ в партиях усилили позиции, и в некоторых случаях лидеры понимали, что они больше не могут полагаться на репрессии, но должны расширить основания для социальной поддержки. Оппоненты властей, в свою очередь, осознали, что теперь у них меньше оснований для страха; когда зимой 1987/88 года польский историк Вацлав Фельчак поехал в Будапешт с курсом лекций, его слушатели спросили, каковы были для них уроки «Солидарности». «Основать партию, – ответил он. – Они, возможно, посадят вас за это, но все говорит о том, что долго вы в тюрьме не пробудете»{1255}.

Первой ответила на сигналы из Москвы Венгрия. Выдвинув себя на выборы с участием нескольких кандидатов, где старая гвардия выступила хуже, чем ожидалось, более молодая реформистская группа коммунистических лидеров, включая Имре Пожгаи, по сути, социал-демократа, сумела в марте 1988 года вынудить престарелого Яноша Кадара уйти в отставку. Партия раскололась, демократическая оппозиция теперь формировалась за пределами партии, и к февралю 1989 года реформаторы в пределах самого режима провели многопартийные выборы. Готовность Москвы принять такую фундаментальную перемену сделала совершенно ясным для всех, что Советский Союз больше не будет гарантировать старый порядок в Восточной Европе.

В Польше, как и в Венгрии, на сигналы из Москвы обращали пристальное внимание с самых ранних этапов. Генерал Ярузельский, один из лидеров, наиболее близких к Горбачеву, начал либеральные реформы в сентябре 1986 года, но в августе 1988-го волнения среди рабочих против мер по сокращению расходов снова потрясли коммунистические власти. К февралю 1989 года правительство под давлением со стороны Горбачева пошло на дискуссию с оппозицией в форме круглого стола, и в июне 1989 года были проведены выборы, в которых «Солидарность» забрала все ставки. В августе 1989 года Тадеуш Мазовецкий стал первым за более чем сорок лет некоммунистом, возглавившим коалиционное правительство.

Более жесткие правительства показывали более сильные намерения не допустить перемен, но скоро и они были вынуждены принять во внимание надписи на стене – в Восточной Германии. Началом конца был май 1989 года, когда венгерские власти ослабили контроль для венгров на австрийской границе. Жители Восточной Германии стали устраивать «каникулы» в Венгрии, чтобы воспользоваться брешью в «железном занавесе», хотя предполагалось, что граница открыта только для венгров. 19 августа в приграничном городе Шопроне венгерская оппозиция при поддержке странного дуэта, Имре Пожгаи и Отто фон Габсбурга, наследника престола Австро-Венгерской империи, организовали панъевропейский пикник, в течение которого они планировали открыть неиспользуемый пропускной пункт и позволить жителям Восточной Германии перейти границу. Немцы прорвались через границу, и три недели спустя венгры сняли все ограничения. ГДР ответила закрытием венгерской границы, и эта новая репрессия подхлестнула оппозицию в Восточной Германии. По всей ГДР прошли демонстрации, и партия стала терять контроль. Жесткий режим Хонеккера получил еще один удар, когда Горбачев прибыл с визитом на празднования сорокалетия со дня основания ГДР. Приветствуемый восторженными толпами, Горбачев определенно не сумел поддержать лидера ГДР. Как сообщают, он заявил: «Кто опаздывает, того наказывает жизнь»{1256}. Вскоре после этого (в результате переворота 17–18 октября) Хонеккера сместил Эгон Кренц.

Кренц вскоре осознал, что, чтобы сохранить контроль, ему придется пойти на некоторые уступки. После демонстрации 4 ноября он решил пойти на ограниченное послабление правил выезда из страны, но на пресс-конференции произошло недоразумение, и растерянные пограничники просто открыли ворота и пропустили толпы людей{1257}. Этому суждено было стать самой запоминающейся оговоркой в истории. Той ночью около 50 000 немцев хлынули из Восточного Берлина в Западный, крича: «Мы один народ». Это была грандиозная вечеринка и одновременно революция, кульминация «карнавальности», мирных демонстраций и «пикников», проводимых восточноевропейскими оппозициями в 1989 году. Пролом в Берлинской стене по праву стал символом 1989 года. Оппозиционное видение революции, мирной, радостной, даже гедонистической, казалось гораздо более привлекательным, чем устаревший коммунистический идеал рабочего, поднявшегося на борьбу с врагами. Когда Берлинская стена рухнула, то же самое случилось с волей к власти коммунистической партии Восточной

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Германии.

Карточный домик разваливался, и события в Восточной Германии вдохновили сопротивление другим жестким режимам. Демонстрации в начале ноября в Болгарии помогли партийным реформаторам лишиться власти Тодора Живкова и ускорили вызов для самой партии со стороны группы оппозиционных сил. В Чехословакии режим консервативного преемника Гусака, Милоша Якеша, в течение предыдущего года сталкивался с волнениями и демонстрациями, но решительно был настроен против реформ; он даже поместил портрет старого вождя-сталиниста Клемента Готвальда на новую стокроновую банкноту – крайне провокационный шаг. Тем не менее события в ГДР, идеологически наиболее близкой к Чехословакии, придали решимости оппозиции. Годовщина студенческого сопротивления нацистскому захвату в 1939 году приходилась на 17 ноября, и демонстрации были в порядке вещей. На этот раз, однако, их число оказалось огромно, и полиция впала в панику. Жестокость полиции, в свою очередь, спровоцировала массовые забастовки и демонстрации и вынудила партию пойти на переговоры с оппозицией[863].

Несмотря на некоторое насилие (в Чехословакии и других странах), революции в Центральной и Восточной Европе были поразительно быстрыми и мирными. Частично это объясняется тем, что новые оппозиционные движения выбрали ненасильственный путь, но это также отразило ослабление режимов с тех пор, когда СССР изменил отношение к репрессиям.

Коммунистические партии были в разной степени разделены, и обычно в одном из крыльев находились реформаторы, готовые к переговорам с оппозицией. Это были относительно мирные, «бархатные» революции, как описывали такой переход в Чехословакии.

Как можно было ожидать, учитывая автономию от СССР и репрессивность, режимы Албании и Румынии пали последними. Необычайно суровые меры по экономии, введенные румынским вождем в 1980-е годы, поставили Николае Чаушеску под давление; серьезные волнения среди промышленных рабочих разразились в 1987 году в Брашове, и Ион Илиеску, бывший член ЦК, исключенный в 1984 году, сглаживал скрытое недовольство. Но Румыния не могла полностью изолировать себя от событий в советском блоке. В декабре 1989 года волнения среди венгерского меньшинства в Тимишоаре вызвали полицейские репрессии, а это, в свою очередь, спровоцировало дальнейшие волнения в Бухаресте. Чаушеску организовал демонстрацию в поддержку режима и произнес речь с балкона здания ЦК, надеясь на повторение поклонения, которое он получил в 1968 году. Он, однако, катастрофически недооценил настроение разъяренной толпы: вместо ликования она принялась освистывать вождя в шокирующем проявлении «оскорбления монарха». Беспорядки транслировались по телевидению, после чего армия присоединилась к оппозиции, и режим вскоре потерял контроль. Чета Чаушеску бежала из Бухареста, но позже их задержали и казнили. Тогда власть перешла к Илиеску, вставшему во главе фронта национального спасения.

Последним из восточноевропейских режимов пала Албания. Рамиз Алия, ставший преемником Ходжи в 1985 году, стал постепенно проводить либеральные реформы, но к 1990 году студенческие выступления вынудили его провести многопартийные выборы, и хотя коммунисты получили большинство голосов, они теперь стали частью коалиционного правительства. На следующий год коалиция потерпела крах, и коммунисты не были переизбраны.

1989 год явно относится к той же категории, что революционные 1848-й, 1917-1919-е и 1968-й, но насколько он похож на эти предыдущие потрясения? В некоторых случаях переход от коммунизма был гораздо более революционным, чем в других. Готовность Горбачева оставить советскую империю оказалась решающей для всей Европы, но разная природа режимов вела к значительным расхождениям. В Венгрии и Польше хорошо устоявшаяся реформистская традиция в пределах коммунистических партий привела к мирным переходам путем переговоров, в то время как в Чехословакии и ГДР более сплоченное консервативное руководство пало только после коротких периодов массового подъема населения. События в Румынии оказались наиболее жестокими и «революционными», хотя результат смены режима, приход к власти полуавторитарного аппаратчика Илиеску, был наименее радикальным. Если взглянуть на народное участие в этих революциях, мы увидим несколько иную модель. Польша и Чехословакия, обе сплоченные против прошлого советского угнетения, и в некоторой степени Румыния были ближе к модели революции 1917 года, в котором участвовали все классы, включая рабочий[864]. В Венгрии и ГДР, где коммунисты более эффективно умили недовольство рабочего класса

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org с помощью экономических мер, переход был в гораздо большей степени делом интеллигенции и «белых воротничков». {1258}

Похожие различия можно найти в конце коммунистического правления в неофициальной советской империи за пределами Европы. Горбачев, однажды решивший потягаться с Соединенными Штатами вне Европы, все больше видел в своих союзниках из «третьего мира» обузу. Его советники и в самом деле уже некоторое время теряли веру в возможность коммунизма в развивающихся странах. Они были убеждены, что коммунистические амбиции просто слишком радикальны, учитывая Уровень развития их обществ. Но с революцией Рейгана и экономическим кризисом начала 1980-х годов СССР оказался в еще более затруднительной ситуации. Теперь существовало значительное количество марксистских режимов, и все они требовали субсидий, в то время как советские граждане сами переживали трудности. Кроме того, попадая под растущее давление, эти режимы делились на умеренно либерализаторские и радикальные, и, в отличие от ситуации в Европе, радикалы часто получали значительную поддержку; их победы усилили разочарование в Москве, потерявшей веру в фундаментальное социальное преобразование. В Гренаде Морис Бишоп, искавший возобновления дружеских отношений с Соединенными Штатами, был свергнут! Бернардом Коардом (бывшим студентом Суссекского университета и преподавателем в левом крыле Управления образования Внутреннего Лондона), что ускорило американское вторжение в 1983 году. Сходным образом три года спустя в Южном Йемене реформатора Али Насера Мухаммеда, воспитанного Советским Союзом, в результате кровавого переворота сместил более педантичный марксист Абд аль-Фаттах Исмаил. Горбачев полностью согласился бы с комментарием Хонеккера: «так же, как и в Гренаде, события в Йемене показывают, к чему может привести безответственность левого крыла» {1259}.

Равно непопулярен был в Москве эфиопский политик Менгисту. Голод в Эфиопии повредил репутации марксизма в странах третьего мира, и Горбачев не испытывал симпатии к этому режиму. В 1988 году он сказал Менгисту, что помощь будет зависеть от либерализации и мирного урегулирования войн в Эритрее и Тиграе, и скоро эфиопская партия разделится на реформаторов и сторонников жесткого курса. Теперь бывшие марксистские сепаратисты Эритреи и Тиграя объединились и выступили против режима Менгисту. В 1990 году Менгисту формально отрекся от марксизма-ленинизма и в 1991 году был вынужден покинуть страну и искать убежища в Зимбабве. После его отъезда огромная статуя Ленина в Аддис-Абебе была бесцеремонно разрушена.

Тем не менее Горбачев не хотел прекращать помощь своим союзникам, частично потому, что он по-прежнему верил в некоторых из них, частично потому, что американцы продолжали поддерживать антимарксистские силы. В Афганистане Советы сместили сторонника жесткого курса Бабрака Кармаля и заменили его на более прагматичного Наджибуллу, который затем попытался создать широкий альянс против исламистов. Советам нужно было вывести свои войска, но Рейган оставался непримирим и отказывался пойти на соглашение [865]. Так как война становилась все более непопулярной в СССР, Горбачев объявил, что Советы выведут войска в феврале 1989 года. Коммунистический режим Наджибуллы оказался одним из самых недолгих, просуществовав до 1992 года. С его гибелью открылся путь для его приемников – исламистских режимов, с кульминацией в виде победы радикально сурового Талибана.

Гражданская война в Анголе также продолжалась до падения СССР. [866] Кубинцы и южноафриканцы сдались в 1988 году, и МПЛА отказалась от марксизма-ленинизма в 1990 году, но американцы продолжали финансировать группу Жонаша Савимби УНИТА. Только в 1992 году, когда МПЛА победила на выборах, Соединенные Штаты перешли на другую сторону и стали поддерживать бывших марксистов. Гражданская война, однако, продолжалась до 2002 года, когда Савимби был убит.

В 1985 году Горбачев не хотел лишать СССР союзников в «третьем мире» или восточноевропейских государствах саттелитов. Уже в 1989-м он пассивно наблюдал, как разваливается советский блок. Но даже если бы он захотел вмешаться, то сделать мог бы очень немного. Он был впутан в драму советских реформ и правил с пустой казной. Тем не менее он не мог игнорировать силы, тянущие Восточную Европу к Западу, так как они действовали и в самом СССР. Националистические силы разъедали Союз. Коммунистическая партия была главной силой, удерживающей Союз единым [867], и, когда она стала слабеть и были разрешены более свободные выборы в государственные парламенты, сепаратисты получили мощную политическую поддержку [868]. В марте 1990 года

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
литовский парламент проголосовал за выход из СССР, в то же время Латвия и Эстония также объявили, что будут в итоге добиваться независимости. В июне РСФСР провозгласила свой суверенитет[869] и заявила, что ее собственные законы приоритетны по отношению к законам СССР. Другие республики быстро стали искать независимости[870]. О крайнем радикализме Горбачева говорит то, что он ответил, не умерив свой курс, а еще сильнее ослабив контроль. Он предложил подписать новый, более либеральный союзный договор, заменяющий Договор об образовании СССР 1922 года[871], и одобрил план шоковой терапии Петракова[872] – план полной приватизации и перехода к рыночной системе, одним из эффектов которого предполагалось уничтожение налогооблагающей власти СССР[1260].

К сентябрю 1990 года у Горбачева появились сомнения, и он стал пытаться снова централизовать власть. Следующий год видел его в колебаниях, то сломившим сопротивление, то снова потерявшим контроль. Он отчаянно стремился сохранить СССР, но не хотел силовых мер, кроме того, его обходили с флангов радикалы – сторонники рыночной экономики во главе с импульсивным бывшим партийным руководителем Борисом Ельциным. Ельцин использовал РСФСР как базу для того, чтобы бросить вызов президенту СССР Горбачеву; в июне 1991 года Ельцин избрали президентом РСФСР. Сильно ослабленный политически Горбачев был вынужден согласиться на новый Союзный договор, дававший большую власть республикам. Но за два дня до того, как он должен был быть подписан, реакционные силы, о которых предупреждал Горбачев, наконец начали действовать. Группа консервативных руководителей, включая председателя КГБ Владимира Крючкова, сделали последнюю отчаянную попытку спасти Союз и Коммунистическую партию. Они выступили против Горбачева на его крымской даче и потребовали либо ввести чрезвычайное положение, либо передать власть вице-президенту Янаеву. Горбачев отказался, и они лишили его связи с внешним миром. СССР теперь управлялся Государственным комитетом по чрезвычайному положению, пока Горбачев «оправлился от болезни».

19 августа 1991 года москвичи, проснувшись, увидели, как танки с грохотом идут по Москве, оставляя на шоссе глубокие следы.

Было ли это повторением смещения Хрущева или сокрушения «Пражской весны»? Походило на первое, но это плохое оправдание для переворота. После отказа Горбачева уверенность лидеров путча, кажется, рухнула. На их пресс-конференции Янаев спотыкался на каждом слове, будто пьяный. Они не сумели добиться массовой поддержки от КГБ и милиции и не смогли помешать Ельцину добраться до штаба российского правительства, Белого дома, где он стоял на танке ярким вызовом путчистам. Лидеры переворота решили, что должны штурмовать Белый дом, полный защитников из числа гражданского населения, и на раннее утро 21 августа была назначена атака[873]. Тем не менее военное командование отказалось подчиниться приказу, и лидеры лишились воли к продолжению путча. Позже в тот же день они завершили переворот и освободили Горбачева. В путче 1991 года много отголосков корниловского выступления 1917 года. Как и раньше, заговорщики не смогли заручиться поддержкой офицеров среднего звена, и мятеж, устроенный для того, чтобы спасти старый порядок, только ускорило его конец[1261].

Горбачев пытался продолжить с того же места, где его прервали, но все уже изменилось. И СССР, и Коммунистическая партия были дискредитированы. Ельцин быстро выдвинулся, воспользовавшись ситуацией, объявив Коммунистическую партию в России вне закона и все активы России-СССР собственностью российского правительства. В 1990 году немногие хотели уничтожения СССР, даже Ельцин; к 1991 году старые советские элиты видели, что он распадается[874], и принялись восстанавливать власть на новых основаниях – бывших республиках СССР. Защитники СССР, Горбачев и путчисты, были недостаточно беспристрастны, чтобы удержать Союз от распада. 25 декабря 1991 года Горбачев сложил с себя полномочия президента СССР. Красный флаг с серпом и молотом, реющий над Кремлем, впервые был спущен. Семьдесят четыре года спустя коммунистический эксперимент в СССР закончился.

В 1985 году советский блок противостоял враждебному Западу, и у каждой из сторон было достаточно ядерного оружия, чтобы уничтожить мир. Шесть лет спустя советская имперская система рухнула со всего лишь несколькими перестрелками. Ее распад вызвал периодические вспышки насилия на протяжении 1990-х годов, и напряженность сохраняется по сей день. Но немногие могущественные многонациональные империи завершали свое существование так мирно, если такие вообще были. Сам Горбачев во многом заслуживает благодарности за такой исход, так же как некоторых обвинений за

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org экономический и политический коллапс 1990-х годов. Тем не менее, хоть он и кажется исключительной фигурой, на самом деле он был воплощением широких тенденций: продолжающейся тяги к романтическому марксизму в советской партии и привлекательности неолиберализма и Запада. Главным вкладом Горбачева стала его исключительная уверенность и его политическое искусство. Он готов был продвигаться вперед с глубоко противоречивой программой, даже при том что она разрушала систему, которую он так старался спасти.

IX

Могло, однако, быть гораздо хуже, и в другой европейской стране, управляемой коммунистическими властями, Югославии, так и случилось. Югославия страдала во многом от тех же проблем, что и СССР: слабо централизованное государство, которому не хватает желаний или власти реформировать экономику; Множество этнических групп в противоречивых отношениях с Центром и давление неолиберального МВФ. Но в Югославии все это было обострено до крайней степени: Белград дольше оставался слабым, националисты организовывались годами, а МВФ гораздо сильнее влиял на экономику. На протяжении 1980-х годов МВФ убедил уже ослабленный Белград установить режим жесткой экономии в раздробленной стране, а это только усилило обиды и соперничество, разделявшие республики Политики-коммунисты продолжали использовать националистические стремления для привлечения поддержки; национализм был силен в Словении, Хорватии и Сербии, но именно Слободан Милошевич в Сербии особенно отличался искусством подстрекать толпу демагогическими речами[875].

Даже при этом еще весной 1990 года по-прежнему была широко распространена поддержка населением единой Югославии, а премьер-министр Югославии, коммунист Анте Маркович, оставался самым популярным политиком в государстве – больше, чем Милошевич и хорватский националист Франьо Туджман. Это продлилось недолго, так как была достигнута высшая точка неолиберальной революции. Маркович при поддержке МВФ решил начать программу «шоковой терапии», что совпало с первыми многопартийными выборами. Единственная сила, выступавшая за политическое единство Югославии, оказалась неизбежно связана с глубоко непопулярной экономической программой[1262]. Партия Марковича потерпела сокрушительное поражение, а партии националистов, противники «шоковой терапии», избранные в Хорватии и Словении, стали строить планы независимости от Югославии.

Внезапный раскол Югославии, безо всякой защиты этнических меньшинств в каждой республике, неизбежно должен был привести к войне. За исключением Словении, республики были этнически смешанными, и меньшинства чувствовали все большую угрозу. В Хорватии 12,2% населения составляли сербы, и они боялись Туджмана, историка с ревизионистскими взглядами и ностальгией по хорватскому движению усташей, жестоких пособников нацистов. Все это сыграло на руку Милошевичу, и к концу 1990 года он победил на выборах в Сербии, обещая защищать сербов по всей Югославии. При этом словенцы и хорваты продолжали двигаться к независимости, вдохновленные международной поддержкой и признанием Германии, Австрии и других стран.

Когда Хорватия и Словения наконец провозгласили свою независимость в июне 1991 года, туда вошла югославская армия, управляемая Милошевичем. В Словении обе стороны отступили, но в Хорватии развернулись жестокие и кровавые бои, когда разразилась гражданская война между хорватами и сербским меньшинством, поддержанным армией Югославии. Война закончилась к январю 1992 года, но к тому времени Югославия как государство была уже, в сущности, мертва. Теперь целью Милошевича стало создание этнически чистой Великой Сербии, и он вдохновил восстание сербов в этнически смешанной Республике Боснии и Герцеговине[876]. Кровопролитная Боснийская война началась в апреле 1992 года и продолжалась более двух лет. Запад не хотел вмешиваться[877], но в конце концов ужасные картины этнических чисток и концентрационных лагерей[878] вынудили его действовать, и экономически ослабленный Милошевич был вынужден пойти на переговоры. Результатом стало нестабильное Дейтонское мирное соглашение[879]. Три года спустя процесс фрагментации возобновился, когда албанцы Косово восстали против ослабленного Милошевича. В 1999 году бомбардировки НАТО заставила Милошевича принять администрацию ООН в Косово, что нанесло его политическому положению непоправимый ущерб. В следующем году народные демонстрации, в которых основную роль сыграли студенты, привели наконец к его отставке в октябре 2000 года. Тем не менее, хотя Запад признал Косово

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org как независимое государство[880], этот вопрос продолжает подпитывать националистическое возмущение в Сербии.

Переход Югославии от коммунизма оказался единственным, где с самого начала были замешаны западные правительства и МВФ, и в том, как они вели себя, имелось не много чести. Радикальные неолиберальные реформы дестабилизировали Югославию, а вмешательство иностранной политики было сначала невежественно-разрушительным, а затем – неадекватным. Проблема заключается в восприятии коммунизма и его последствий. В конце 1980-х годов Запад все еще находился в воинственно неолиберальной и неоконсервативной фазе, ведя праведную войну против коммунизма. Он был полон решимости установить рыночную экономику и нанести поражение коммунистам вроде Марковича, мало думая о последствиях. К 1990-м годам западные политики полагали, что старое идеологическое противостояние позади, и были разочарованы тем, что Югославия по-прежнему борется. Югославский конфликт теперь стали считать результатом «застарелой племенной вражды», искусственно подавлявшейся коммунизмом (что неправдоподобно), и таким образом чем-то таким, с чем Запад ничего не может поделать. На самом деле, конфликты в Югославии стали крайней формой тех же конфликтов, что поразили все многонациональные коммунистические государства. Понимание, политические обязательства и осмотнительное руководство могли бы помочь избежать некоторых из худших вспышек насилия в Европе со времен Второй мировой войны.

Возможно, это слишком оптимистично. Было одно место, где коммунисты недвусмысленно отвергли советы Запада и проигнорировали морализм двойной революции, – Китай. Но и там не обошлось без насилия.

15 мая 1989 года Горбачев прибыл в аэропорт Пекина. Коммунистическая партия Китая, как и ее восточноевропейские собратья, было по праву встревожена. Приветствовать Горбачева в 1989 году было все равно, что зазывать на порог смерть, в плаще, капюшоне и с косой, – предупреждение о надвигающейся политической гибели. Он появился в крайне неудачный для КПК момент. С середины апреля[881] по всему Китаю шли студенческие демонстрации, а на торжествах в честь семидесятой годовщины Движения 4 мая студенты Пекинского университета прорвали полицейские кордоны и прошли маршем по площади Тяньаньмэнь. Коммунистическое руководство Китая разделилось во мнениях, что следует предпринять. Реформатор Чжао Цзяян[882] хотел переговоров, сторонник жесткого курса Ли Пэп[883] был сторонником репрессий. Скорый приезд Горбачева, в котором студенты надеялись найти союзника, казалось, делал совершенно неприемлемой стратегию Чжао{1263}. Протестующие решили обострить конфликт, заняв площадь и устроив голодовку, которая совпала бы с визитом советского вождя. 13 мая более тысячи студентов начали голодовку на площади, распевая «Интернационал» и антияпонские военные песни, поднимая транспаранты с лозунгами «В стране не будет мира, пока жива диктатура» и «Коррупция – источник беспорядков»{1264}. К вечеру 14-го числа 100 000 человек присоединились к ним.

Дэн пришел в ярость. Пекин был полон иностранных журналистов, прибывших, чтобы осветить визит. «Когда Горбачев будет здесь, – сказал Дэн своим коллегам, – нам нужен порядок Ча Тяньаньмэнь. Наш международный имидж зависит от этого. Как мы будем выглядеть, если на Площади беспорядки?»{1265}

К 17 мая Дэн поставил на сторонников жестких мер и одобрил применение силы. Приветствие Горбачева пришлось перенести в аэропорт и изменить маршрут его кортежа. Он не вмешался не выступил на стороне студентов, и его визит прошел без инцидентов. На самом деле, что странно, судя по его воспоминаниям, он больше сочувствовал хозяевам, а не протестующим{1266}. И все же его присутствие угрожало распространить его модель революции на Китай; как сказал интеллектуал Янь Цзяци французской газете Либерасьон, «ветрам демократии, дующим из Москвы, невозможно сопротивляться».{1267}

Горбачев получил такой восторженный отзыв, потому что китайские интеллектуалы взрачивали собственные реформистские идеи, скорее сходные с его идеями середины 1980-х годов, часто в диалоге с восточноевропейскими реформаторами. Неудовлетворение рыночным авторитаризмом Дэна было широко распространено. Либерализация экономики вела к резкому неравенству. В то время как партийные руководители и крестьяне благоденствовали, низкооплачиваемые рабочие и студенты страдали. Процветала коррупция, демонстрации и забастовки скоро стали повсеместны. Протестующие студенты,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org однако, не искали утешения в возвращении к маоистскому прошлому. Не были они и неолибералами западного образца, требующими свободных плюралистских выборов и конституций. В своем настроении они были ближе романтической перестройке коммунизма Горбачева: они требовали демократии, которая придала бы сил единому, патриотическому народу, они призвали к ликвидации коррумпированных и репрессивных бюрократов, и, как и Горбачев (и его преемник Ельцин), рассматривали Запад как динамичное современное общество[884]. Они даже поддерживали рыночную экономику, хотя многие из них от нее страдали. Они смотрели на Коммунистическую партию Дэна во многом так же, как Горбачев на партию Брежнева, – как на устаревшую, репрессивную и ксенофобскую.

Их мировосприятие запечатлено в поэтичном, но очень спорном документальном телесериале 1988 года «Элегия реки». Тщательно отобранные наборы сильных образов с дидактическим закадровым голосом, являлись прямым нападением на трех врагов, каждый из которых был представлен хорошо известной эмблемой китайской идентичности: традиционная китайская культура, которую символизирует Хуанхэ, Желтая Река, политический авторитаризм, который символизирует китайский дракон, и изоляция от Запада, которую символизирует Великая Китайская стена. Как торжественно произнес закадровый голос в конце первого фильма: «О, вы, наследники дракона... Хуанхэ не может снова произвести на свет цивилизацию, которую когда-то создали наши предки. Мы должны создать совершенно новую цивилизацию. Она не может снова выйти из Хуанхэ. Остатки старой цивилизации как песок и грязь, которую несет Хуанхэ, они закупоривают кровеносные сосуды нашего народа. Нам нужна приливная волна, чтобы смыть их прочь. Великая волна уже пришла. Это индустриальная цивилизация. Она призывает нас!»

Приливная волна, как можно было понять, шла с Запада. В отличие от Китая, Запад был широким синим океаном – романтическое место сильных эмоций, открытого мышления и динамизма. В финальном эпизоде закадровый голос предсказывал Окончательное слияние Китая с Западом: «Хуанхэ суждено перелечь плато из желтой почвы. Хуанхэ в конечном итоге впадет Заднее море»{1268}.

Документальный сериал дважды показали по телевидению в Китае, прежде чем он был запрещен и стал одним из самых популярных документальных фильмов в истории мирового телевидения. Кульминация этого прозападного идеализма наступила 30 мая 1989 года, когда студенты на площади Тяньаньмэнь сделали из пенопласта тридцатифутовую статую, Богиню демократии, противостоящую гигантскому портрету Мао, напоминающую американскую Статую Свободы.

В течение нескольких предыдущих дней казалось, что демонстранты потеряли движущую силу, и насилия можно будет избежать. Но статуя была знаком решимости студентов продолжать. Теперь, когда протестовали и рабочие, а члены партии стали переходить на сторону противника, Дэн и руководство начали опасаться повторения польского краха 1980 года. Видимый успех военного подавления оппозиционного движения Ярузельским придал им уверенности, и они решили действовать, 3 июня войска были посланы, чтобы очистить площадь. Столкнувшись с протестующими, вставшими у них по пути, солдаты открыли огонь по толпе[885]. Рано утром 4 июня танки дошли до площади Тяньаньмэнь и сокрушили Богиню Демократии. От 600 до 1200 человек погибло, и от 6000 до 10 000 было ранено{1269}.

Резня на площади Тяньаньмэнь стала серьезным унижением для Дэна, и ее последствия ощутимы до сих пор. Сразу после этого события насилие отрицательно сказалось на реформах Дэна. Казалось, урок был очевиден: только консерватизм может спасти государство. Казалось, Китай на пути к брежневским ограничениям и застою. Но восприятию суждено было снова измениться после неудачи августовского путча и краха СССР в 1991 году; прилив истории теперь, кажется, благоприятствовал капитализму. Для жителей Чжуннаньхя, центра партийной власти, уроки 1989–1991 годов указали единственное направление: Китай должен был отвергнуть две революции 1980-х годов, либерально-демократическую и перестройку. Он будет сопротивляться притяжению Запада и идти своим собственным нереволюционным путем, тем, что соединил силу рук и рынка.

Эпилог. Красные, оранжевые, зеленые... и снова красные?

I

В 2002 году китайские исследователи общественного мнения попросили пекинских студентов ответить на вопрос, кто, по их мнению, является величайшим героем, однако дали на выбор всего два варианта: американский IT-предприниматель Билл Гейтс или молодой большевик, герой Гражданской войны Павел Корчагин. Результат оказался ничейным: оба получили по 45%. Но когда студентов спросили, чьему примеру они бы последовали, 44% опрошенных назвали Гейтса, 27% – обоих и лишь 13% – только Корчагина{1270}. И даже такой результат, свидетельствующий о достаточно активной поддержке ценностей социалистического самопожертвования в Китае XXI века, олицетворением которых был Корчагин, не означает безоговорочного одобрения героя Николая Островского. Образ Корчагина сформировался в сознании китайцев не на основе книги, а на основе исключительно популярного двенадцатисерийного телевизионного фильма «Как закалялась сталь», созданного в 2000-е годы. Этот телесериал был типичным постмодернистским продуктом слияния культур: советского классического социалистического реализма, воплощенного в посткоммунистической Украине украинскими актерами, фильм был профинансирован частным коммерческим заказчиком Шэньчжень и показан китайским каналом, который номинально является коммунистическим. Этот Корчагин сильно отличался от героя романа 1930-х, а также от образов Корчагина, созданных советским кино ранее, в 1940-е и 1950-е годы: герой осуждает насилие, творимое Красной армией, собирается жениться на своей возлюбленной Тоне, хотя в книге Павел решает разорвать с ней отношения из-за ее буржуазного происхождения. Как объяснил директор сериала, «мы смягчили классовое самосознание героя, сделали его более человечным, более понятным зрителю».

Неолиберальные революционеры, бывшие маргиналами в начале 1970-х годов, теперь торжествовали – в идеологическом, культурном и политическом отношении. Когда китайцы смотрели «Как закалялась сталь» в 1950-е, на пике русофильских настроений, они ничуть не сомневались, что самопожертвование Корчагина было выше, чем стяжательский капитализм. Через 50 лет Билл Гейтс, живое олицетворение корпоративных ценностей стоимостью в миллиарды долларов, стал предметом героического преклонения. Дискуссии в Интернете, в которых обсуждалась книга Островского, были полны ностальгии по ценностям Павла, характерной для представителей старшего поколения, но люди среднего возраста часто негодовали, что напрасно последовали примеру Павла, а среди молодых людей интерес к этому герою в целом отсутствовал.

Конечно, романтизм предпринимателя тоже не обходился без борьбы, но это было мирное деловое соревнование, а не воинствующая насильственная коммунистическая революция. И создавалось впечатление, что для большинства населения мира двухсотлетняя гражданская война наконец закончилась. Хотя неолиберальный уклад и вызвал исключительное экономическое неравенство (особенно заметное в Китае, чье общество по уровню экономического неравенства заняло второе место в Азии, после индуистского монархического Непала), давление было слишком небольшим, чтобы вызывать социальную революцию. Китай, некогда бывший наиболее радикальным оппонентом проамериканского мирового порядка, стал одним из основных бенефициариев этого порядка, богатея на экспорте своих товаров на Запад. В Китае и, конечно же, во всем остальном мире неолиберализм обещал людям богатство и развитие, которые не требовали классовой борьбы или войны. Казалось, что каждый может стать Биллом Гейтсом, если будет действовать достаточно энергично. Утверждение Френсиса Фукуямы, что история закончилась, через десять лет после 1989 года выглядело очень правдоподобно.

Уроки, извлеченные из падения коммунизма, сыграли определяющую роль в интеллектуальной победе неолибералов. В свое время роль коммунизма в победе над нацизмом поспособствовала широкому распространению смешанной экономики после 1945 года, а крах коммунизма в 1989 году был признан доказательством того, что Фридман, Рейган и Тэтчер оказались правы: государство не должно вмешиваться в экономику. Советская командная экономика принципиально не отличалась от послевоенной смешанной экономики, но была более статичным вариантом последней. Согласно утверждениям журналистов Дэниела Ергина и Джозефа Станислава, выпустивших в 1998 году популярную книгу «Командные высоты» – своеобразный некролог по коммунизму, падение Берлинской стены вызвало «широкую дискредитацию центрального планирования, вмешательства государства в экономику и государственной собственности»{1271}. Неудивительно, что неудачи коммунистического строя регулярно использовались сторонниками либеральной глобализации, гибких рынков труда, свободной торговли и твердой валюты для опровержения критики, направленной в их

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org адрес; в 2000 году колумнист газеты «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман высокомерно завершил атаку на антиглобалистов, выступавших в Сизэтле [886], приведя исторический пример: «Существует слишком много [профессиональных] союзов и активистов, желающих быстрого устранения глобализации: надо всего лишь воздвигнуть несколько стен [то есть торговых ограничений] и научить жизни всех, кто с этим не согласен. Уже была на свете страна, в которой предприняли такую попытку. В ней всем была гарантирована работа, рынок защищен и всех учили, как жить. Эта страна называлась Советский Союз. Так вот, она плохо кончила»{1272}.

Сторонники либерального капитализма, распространенного в 1990-е годы, не только использовали коммунистический опыт для доказательства того, что свободный рынок является экономической необходимостью; они также настаивали, что такой капитализм является более моральным строем, нежели коммунизм. Фукуяма в своей книге «Конец истории и последний человек» (1992) особенно акцентировал этот аспект. Он настаивал, что все люди – мужчины и женщины – нуждаются в уважении к личности и признании (тимосе) и только либеральная демократия способна гарантировать эти блага всем и каждому в равной мере. Следовательно, Фукуяма предлагал либеральную романтическую альтернативу марксистскому варианту романтизма. Люди становились более счастливыми не от того, что вовлекались в творческий коллективный труд, свободный от рыночных потрясений, а оттого, что могли свободно самовыражаться и получать признание со стороны окружающих{1273}.

Тезис Фукуямы соответствовал духу времени. Теперь считалось, что капитализм – это не только неизбежное зло, но и моральное добро. Он унаследовал революционный ореол от дискредитированного коммунизма, решая проблемы равенства и завершая глобальную гражданскую войну. Новый, высокотехнологичный капитализм, свободный от устаревшей иерархической производственной цепи, создавал общество, «пестрое» в политическом и культурном отношении. Он не обходился без экономического неравенства, но такое неравенство значило немного и вело к большему богатству, которое могло помочь каждому. Истинными врагами равенства были не надменные плутократы, а черствые бюрократы, высокомерно относившиеся к простому человеку.

Идеология нового капитализма, с его стремлением к культурному, а не к экономическому равенству, привлекала романтическое поколение, родившееся в 1960-е годы, отвергавшее действия с позиции силы. Слова Тома Фрестона, руководителя американского канала MTV, из интервью, данного им в 2000 году, свидетельствуют, насколько сильно новый капитализм противопоставлялся старому коммунизму: «Мы старались не допустить, чтобы компания была слепо подчиненной руководству, благоприятствовала культу личности, что не редкость в современной индустрии развлечений. Если вы хотите, чтобы ваша компания была креативной, передовой... идеи должны поступать снизу... мы децентрализованы... так много компаний, занятых сегодня в индустрии развлечений, в частности медийные концерны, по существу, стали фабриками... Я не просто жил... и 60-е годы были своего рода прелюдией к расцвету индустрии популярной культуры. В 60-е годы нам казалось, что мы можем сотворить что-то новое. Мы чувствовали, что нонконформизм – это не предмет поклонения, а явление, которое следует уважать»{1274}.

Фрестон осуждал строгие и рациональные общества Запада 1950-х годов, как во многом коммунистические, и в завершении холодной войны видел распад старого революционного либерального союза. Триумф неолибералов в конце неоконсервативной эпохи был как минимум временным. В частности, неоконсерватизм – слишком дорогое удовольствие. Инициированная Рейганом кампания по наращиванию военной мощи и снижению налогов привела к значительному государственному дефициту, угрожавшему серьезным кризисом{1275}. Но электорат также не имел ничего против окончания холодной войны и прихода моралистов-неоконсерваторов и приветствовал новое поколение, рожденное в 1960-е годы.

Неолиберальная революция, которая теперь была отделена от неоконсервативного движения, осуществлялась не националистическими правыми, а космополитическими центристами и левыми. Американец Билл Клинтон, немец Герхард Шредер и британец Тони Блэр, все – дети противоречивых брожений 1960-х годов, объявили об открытии «Третьего пути», упорно придерживаясь курса между социальной справедливостью и рынком. Однако оказалось, что этот путь значительно отклоняется в сторону рынка. Капитализм свободных рынков

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org располагал новым и более привлекательным авангардом: в нем шли расслабленные, облаченные в джинсы левые из 1960-х годов, а не сердитые, одетые с иголки правые из 1940-х и 1950-х. В конце десятилетия партии «Второго интернационала» находились у власти почти во всех странах Запада, но они не сохранили почти ничего общего со своими предшественницами из 1889 года.

За пределами развитых стран неолиберализм представлял собой гораздо более революционную силу – в его авангарде были МВФ и Всемирный банк, а далее следовал главный финансовый гигант – США. Восточная Европа, еще недавно бывшая коммунистической, оказалась особенно затронута революционными настроениями, далеко не все здесь принимали рецепты, предлагаемые МВФ. Последствия такого революционного натиска были предсказуемы: столкновение неэффективной посткоммунистической промышленности с жесткой рыночной повседневностью привело к тяжелым рецессиям, высокой безработице и исключительной бедности и неравенству. Экономика бывшего советского блока пережила резкое падение, сократившись в 1992 году в среднем на 17%, и начали восстанавливаться только тремя годами позже[887]. К 1997 году все восточноевропейские страны, кроме Польши, все еще имели более слабые экономики, чем в 1990 году[1276].

Но и результаты получились очень разными. Те страны, в которых сохранилась достаточно сильная государственная машина и элиты которых уже начали отходить от коммунистической идеологии в середине 1980-х, в частности Польша, Венгрия, Словакия и вновь разделенные Чехия и Словакия, широко применяли неолиберальную «шоковую терапию» и успешно восстанавливали рост, пусть и за счет обнищания большинства населения. Также помогло обещание предоставления членства в Европейском Союзе – с акцентом на власть закона. В начале нового тысячелетия эти экономики восстанавливались после спада. Правда, в большинстве стран бывшего советского блока государство очень ослабло, и неолиберальные штурмы, состоявшиеся в этих странах, лишь еще сильнее их надломили. Правительствам не хватало силы и авторитета для того, чтобы осуществить рыночные реформы, из-за этого возникли коррумпированные клептократические экономики – горестные компромиссы между плановой и рыночной экономикой. Предприниматели и бывшие функционеры вскоре «захватили» эти государства, борющиеся за выживание, подкупом выбивая у чиновников себе льготы; налоги не собирались, иностранные инвесторы остерегались вкладывать средства в такие государства, а капитал, вместо того чтобы расти, утекал на серые офшорные счета.[1277]

Наибольший провал постиг неолиберальные эксперименты в самой России. В 2000 году российская экономика уменьшилась более чем на треть по сравнению с 1989 годом – это была более серьезная рецессия, чем в Америке в годы Великой депрессии[1278]. Коллапс советского государства и разрывывание его экономики начались уже при Горбачеве, но неолиберальная политика, проводившаяся посткоммунистическим правительством Ельцина, лишь усугубила проблемы[1279]. Стремительная приватизация привела почти к таким же последствиям, как и выкачивание активов государственных предприятий коррумпированными капиталистами, бывшими у власти, а беззаконие крайне негативно повлияло на инвестиции и ускорило утечку капитала. Корень всех проблем, как и ранее, заключался в слабости государства[888], которое не могло собирать налоги, выполнять юридические нормы и контрактные обязательства, а также бороться с организованной преступностью и бюрократически-капиталистическими хищениями. Наконец, в 1998 году наступил коллапс, последовавший за падением цен на нефть[889].

Иностранные инвесторы, финансировавшие гигантский правительственный долг, перестали доверять стране и подали иски. Российское государство было вынуждено пойти на дефолт по своим долгам[890], испытыв унижение перед своим основным консультантом, МВФ, и подготовив почву для ответного удара против Запада и его либеральной демократии в 2000-е годы. Президент Владимир Путин – внук одного из поваров Ленина и Сталина и бывший офицер КГБ – сумел объединить капиталистическую экономику со все более авторитарной политикой, реабилитировав некоторые из символов сталинского прошлого; одним из его первых указов было возвращение музыки (но не слов) прежнего советского государственного гимна, введенного в 1944 году и отмененного Ельциным в 1990 году[891].

Финал советского коммунизма привел к одному из величайших экономических спадов XX века, а фактический конец китайского коммунизма – к одному из величайших за век – если не за всю историю – экономических успехов.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Китайский режим, при всех его недостатках, поднял из бедности больше людей, и притом более стремительно, чем любое другое современное правительство, взяв на вооружение новую глобальную экономику и разрешив экспорт товаров на Запад. После краткого охлаждения отношений, последовавшего за бойней на площади Тяньаньмэнь, Дэн Сяопин двинулся вперед, продолжив в начале 1990-х рыночные реформы. И в 1993 году последовал окончательный отказ от традиционной командной экономики, был отменен план. Но в Китае, в отличие от Советского Союза, стимулирование рынков не привело к подрыву основ государства, более того – китайские коммунисты усилили страну. Их собственный опыт, почерпнутый в 1980-е годы, а также опыт ельцинского СССР[892] привел их к парадоксальному выводу о том, что процветание рынков требует сильного государства, контролируемого сильной партией[1280]. В системе все еще оставался компонент коррупции, и неравенство возросло, но свежее испеченное активное рыночное государство заложило основы экстраординарного роста, превратившего в 2000-е годы китайскую экономику в наиболее динамичную экономику в мире. В то же время сохранилось репрессивное коммунистическое государство вместе с его системой наказаний «реформы через труд» (лаогай)[1281].

II

Глобальная неолиберальная революция, произошедшая в 1990-е и 2000-е годы, по своей природе была для коммунистов разрушительной, и они предприняли ряд попыток приспособиться к новым условиям – кто-то выбирал рыночный путь развития, другие заdraивали все люки и сопротивлялись глобализации. Там, где неолиберальные преобразования были достаточно успешными и политического коллапса удалось избежать, коммунисты спокойно отказывались от идей марксизма и переходили к строительству рыночного общества. В Центральной и Восточной Европе красные «порозовели» и стали позиционировать себя как прокапиталистических социал-демократов. Хотя они и критиковали «шоковую терапию» и обещали смягчить воздействие экономической либерализации, социал-демократы, вернувшие себе власть в середине 1990-х (в Венгрии, Польше и Болгарии), практически ничего не сделали для изменения существующей системы. Апогей «розового реванша» состоялся на президентских выборах в Польше в 1995 году, когда бывший коммунист Александр Квасьневский одержал верх над антикоммунистическим героем Лехом Валенсой. Неудивительно, что наиболее успешно превращение коммунистов в социал-демократов прошло в Италии; большинство итальянских коммунистов присоединились к новой Демократической партии левых сил, которая доминировала в коалиционных правительствах в конце 1990-х годов и в 2006 году. Старинные символы труда – серп и молот – были объединены с подчеркнuto консервативным символом укорененности – дубовым деревом.

В Азии возникла схожая ситуация: успешный капитализм позволил китайским, вьетнамским и лаосским коммунистам примириться если не с либеральной демократией, то хотя бы со свободным рынком, а коммунистические правительства, выбранные в индийских штатах Керала и Западная Бенгалия, реализовывали политику развития свободного рынка. Мумифицированное тело Мао все еще покоится в мавзолее на площади Тяньаньмэнь, и он все еще смотрит с бумажных денег, но его идеологическое влияние снизилось настолько, что им можно пренебречь. Официальная идеология – это все еще марксизм-ленинизм маоистского толка, а академический институт Пекина занимается изучением идей Мао. Однако это технократический марксизм, лишенный радикального стремления к равенству. Официальный курс предполагает, что, когда Китай разбогатеет, страна сможет подумать о коммунизме. Никто не берется предсказать, когда это произойдет. Тем временем усилия, направленные на повышение идейности в рядах партии, не увенчались успехом. В 2005 году председатель Ху Цзиньтао запустил кампанию в стиле Мао, требуя, чтобы все члены партии проводили вечер четверга и субботу за изучением истории партии и занимались самокритикой. Каково же было замешательство и непонимание со стороны председателя, когда он обнаружил, что его требования не воспринимаются всерьез и что коммерческие веб-сайты живо торговали заготовленными отчетами о самокритике. Было введено новое правило, согласно которому такие отчеты должны были записываться от руки, но в целом пришлось признать, что эта кампания потерпела крах[1282].

Образовавшийся в результате идеологический вакуум заполнился сильным национализмом и странным возрождением официального конфуцианства. По прошествии десятилетий, в течение которых эта древняя идеология патриархальности, Подчинения и порядка вытравливалась всеми силами, партия стала ревностно укоренять ее в обществе. В 2004 году китайское

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org правительство открыло первый из ста (или около того) запланированных конфуцианских институтов, задачей которых ставится пропаганда китайского языка и культуры за границей – далекий отзвук из 1960-х годов, когда Мао пропагандировал международный марксизм{1283}.

И все же китайские коммунисты испытывают тревогу. Тот факт, что коммунистическая партия руководит буйно цветущим и полнокровным капитализмом, достаточно сложно обосновать. Степень неравенства в Китае (в основном между городскими и сельскими жителями, а также между различными регионами) выше, чем в США. Выбор, сделанный в 1970-е, – провести рыночные реформы, заручившись поддержкой бюрократических слоев, – позволил избежать коллапса в советском стиле, но такие реформы оставили в руках местных чиновников исключительные экономические силы. Господа и их дети – новые коммунистические «князьки» – эффективно воспользовались своим политическим влиянием, завоевав себе исключительные привилегии. Неудивительно, что многие простые люди были этим разочарованы, особенно в бедных сельских районах, и многие крестьяне очень негативно относились к своим местным властям{1284}.

Политическое вмешательство также может негативно влиять на экономику. Давление партии на местные банки, целью которого является помощь дружественным предприятиям, означает, что инвестиционные решения часто принимаются по политическим, а не по экономическим причинам. Дилемма, вставшая перед китайскими коммунистами, была не уникальной: как политические элиты, пусть и опытные, могут контролировать экономику и управлять ею, если нет независимых непартийных авторитетов – демократических или правовых, – чтобы осадить чиновников? Кампании, направленные против коррупции, могут работать в течение какого-то времени, но они все равно быстро себя исчерпывают.

В оставшихся регионах бывшего советского блока коммунистические партии отказались принять неолиберальную революцию, и их реакция включала в себя негодование и ностальгию. Наследники коммунистов ГДР, получившие значительную поддержку в восточных регионах объединенной Германии, очень противоречиво воспринимали рынок. На большей части бывшего СССР враждебное отношение к капитализму также стало нормой. Коммунистическая партия Российской Федерации, руководимая Геннадием Зюгановым, стала развивать националистическую версию развитого сталинизма; пропагандируемая ею смесь из тоски по СССР как наследника Российской империи, социального эгалитаризма и отвращения к Западу и бесчинствующим олигархам оказалась гремячей смесью. В середине 1990-х годов в России наступило разочарование в западных ценностях, а экономический коллапс подпитывал народную поддержку, и на парламентских выборах 1995 года Коммунистическая партия получила наибольшее количество голосов. Однако этот успех так и остался для коммунистов максимальным. На президентских выборах 1996 года Ельцин незначительно обошел Зюганова, правда, в несколько сомнительных обстоятельствах. На самом деле, коммунисты старой закалки были разбиты экс-коммунистами, которые руководили в высшей степени коррумпированным полудемократическим-полуавторитарным режимом, опираясь на финансирование со стороны дружественных предпринимателей.

Такая ситуация стала типичной на всей территории бывшего СССР, где бывшие коммунистические лидеры старались вернуть себе власть, уже не связанную со старыми коммунистическими партиями. Многие культивировали смесь коррумпированного капитализма, национализма и авторитаризма. Но в конце 1990-х и начале 2000-х годов регион накрыла вторая волна демократизации. В Болгарии, Румынии, затем в Словакии, Хорватии, Сербии и Черногории массовые протесты против фальсификаций на выборах и коррупции позволили провести выборы, на которых бывшие коммунистические руководители были побеждены{1285}. Такие демократические революции[893] стали экспортироваться в другие страны. Сербский «Отпор» первым опробовал модель постмодернистской, ироничной и медийной революции нового века. Вооружившись рок-музыкой, приемами в стиле «Оранжевой Альтернативы» из 1980-х годов и дерзкими броскими лозунгами, например «Готов Е» («С ним покончено») (использовался при свержении Милошевича в 2000 году), активисты новой революции принесли эту модель на территорию бывшего СССР, породив движение «Кмара» («Хватит») в Грузии и «Пора» («Время пришло») на Украине. Хотя такие революции пользовались значительной поддержкой на родине, им также оказывали содействие США, стремившиеся ослабить влияние России в регионе и финансировавшие протестующих через различные неправительственные организации. «Цветные» революции – «революция роз» в Грузии в 2003 году,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org «Оранжевая» в Украине в 2004-м и «Тюльпановая» в Киргизии в 2005-м – смогли свергнуть находившиеся у власти силы, во главе которых стояли бывшие коммунисты[894]. Но оказалось гораздо сложнее заменить связи, налаженные между коррумпированными капиталистами и властью, на подлинные либеральные демократии[895]; новые власти вскоре убедились, что находятся в зависимости от сформировавшихся ранее силовых структур[896].

Бывшие коммунисты оказались значительно более жизнеспособными в бывшей советской Средней Азии. Но, поскольку в регионе не было старых коммунистических партий, политические лидеры все сильнее и сильнее зависели от традиционных кланов{1286}. Только Аскар Акаев, бывший коммунист, лидер Кыргызстана, всерьез пытался либерализовать политику в начале 1990-х годов, но даже с учетом этого местные властные структуры в итоге возвращались к действиям с позиции силы. Нурсултан Назарбаев, глава богатого энергетическими ресурсами Казахстана, построил авторитарный режим, опирающийся на кланы, быстрее, чем это удалось сделать эксцентричному бывшему первому секретарю коммунистической партии Туркменистана Сапармурату Ниязову. Сначала Ниязов пользовался поддержкой лидеров переворота, совершенного в России в 1991 году, но после того, как они сошли со сцены, новый «Туркменбаши» скомпенсировал слабую поддержку со стороны кланов тем, что развил исключительный культ своей личности. Его произведение «Рухнама», или «Книга Души», – смесь моральных принципов, сомнительной националистической истории и суфизма – стала обязательной для чтения во всех школах. Гигантская механическая модель «Рухнамы» воздвигнута в Ашгабате, столице Туркмении. Книга открывается в 8.00 каждый день, и записанный на пленку текст транслируется по радио, как мусульманский призыв к молитве. Ниязов в стиле настоящего якобинца переименовал дни недели и месяцы, но новая система названий была скорее нарциссичной, чем рациональной: сентябрь стал называться «Рухнама», а апрель получил имя матери президента – «Гурбансолтан». После смерти Ниязова в 2006 году его преемник, Гурбангулы Бердымухамедов, сохранил режим Ниязова, но смягчил некоторые наиболее одиозные проявления культа личности. Эти бывшие коммунисты по-прежнему считали, что могут использовать проверенные сталинские методы для укрепления своих режимов, хотя давно не придерживались сталинской идеологии.

Не только методы, но и в основном суть марксистско-ленинистской идеологии смогли сохранить два наиболее уязвимых союзника бывшего СССР – Северная Корея и Куба. Оба эти государства тяжело перенесли крах СССР. Они не только потеряли критически важную экономическую поддержку, но и оказались международной и идеологической изоляции. При этом они продемонстрировали волю к жизни, видя себя в роли маленького Давида, вышедшего на бой с гигантом Голиафом. Власти обеих стран применили репрессии и националистическую идеологию, чтобы избежать коллапса.

Что касается Северной Кореи, Ким Ир Сен передал старый партизанский менталитет Ким Чен Иру, своему сыну и наследнику, который стал править страной в 1994 году. Экономический кризис, разразившийся после исчезновения советской поддержки и совпавший с успехами Южной Кореи, убедил Кимов только в том, что они не должны идти ни на какие серьезные уступки. В середине 1990-х годов плохая погода и закостенелая аграрная политика привели к массовому голоду, из-за которого умерло 2–3 миллиона человек[897].{1287} Тем не менее Северная Корея смогла получить гуманитарную помощь – не в последнюю очередь при помощи шантажа. Страх перед корейским ядерным оружием и хаосом, который мог возникнуть из-за ее экономического коллапса, заставили иностранцев раскошелиться. Экономика оставалась в угнетенном состоянии, но не было никаких признаков того, что режим теряет контроль над страной.

Крах СССР еще более негативно отразился на Кубе, так как она сильнейшим образом зависела от торговли со странами Варшавского договора. С 1991 года кубинский режим оказался в осаде, но остался жизнеспособным. Неослабевающая враждебность со стороны США, экономическое эмбарго, лишь расширенное президентом Клинтоном в 1999 году, позволили режиму сыграть на возмущенных настроениях, вызванных жесткой политикой гигантского соседа. Однако экономическая стратегия Кубы сильно отличалась от северокарейской. Позволив частным лицам участвовать в международной экономике – получая деньги от родственников из-за границы и от туристов у себя на родине, – кубинский режим накопил очень ценные активы в долларах. Таким образом, страна осталась «на плаву», но расплатилась за это потерей контроля над частью своей экономики. Повысилось неравенство, в особенности между белыми и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org черными; государственный сектор терял талантливых людей, уходивших в частный сектор, действовавший на черном рынке; вместе с тем возростал цинизм и пропасть между идеалами и реальностью{1288}.

В феврале 2008 года Кастро передал власть своему брату Раулю и продолжил либерализацию экономики, но экономический спад вынудил Рауля вновь принять жесткие меры. Куба праздновала 50-ю годовщину вступления Кастро в Гавану, но настроения были пессимистичными[898]. Но власть в Вашингтоне сменилась, и это событие может очень сильно повлиять на ситуацию на Кубе: если президент Обама восстановит отношения с Кубой, он может сильно приблизить падение режима, существующего на острове.

Следовательно, коммунисты и бывшие коммунисты руководят некоторыми экономиками мира, более или менее успешными. Но в обоих случаях радикальный марксизм уже практически исчез. Сегодня он может найти поддержку только в бедных, крестьянских социумах, где экономическое неравенство усиливалось еще более серьезным неравенством по расовому признаку и по положению в обществе.

II

В апреле 1980 года Абимаэль Гусман, профессор философии, работавший в бедном и отдаленном перуанском городке Гуаманга, выступил с воодушевляющим призывом: «Товарищи. Наш труд завершен, началась вооруженная борьба... Непобедимое пламя революции будет пылать,

великий прорыв, и мы будем создателями новой зари. Мы превратим черное пламя в красный огонь, а красный огонь – в чистый свет»{1289}.

Сказав эти слова, Гусман, носивший прозвище «Председатель Гонсало», создал коммунистическую партию Перу – «Сияющий путь» (Sendero Luminoso). Его жаркий, пророческий язык был в высшей степени своеобразным, далеким от ортодоксальной риторики, как советской, так и маоистской, и, разумеется, Гусман претендовал на роль создателя нового марксизма, специально предназначенного для привлечения перуанских, индейских народных масс. Партийный лозунг гласил: «Отстаивать, защищать и воплощать марксизм-ленинизм-маоизм, мысль Гонсало, прежде всего мысль Гонсало!» Однако на практике «мысль Гонсало» была очень близка к маоизму, и Гусман побывал в Китае времен Культурной революции не меньше трех раз. Одним из наиболее заметных отличий этого учения даже от маоизма было отношение к насилию, которое прославлялось почти как испупительная сила.

В одном из гимнов Sendero была ужасная строка: «Человеческая кровь обладает богатым ароматом, как жасмин, маргаритки, герань и сирень»{1290}.

Насилие, пропагандируемое «Сияющим путем», находило отклик у последователей этого движения, происходивших из рядов нищего туземного крестьянства, населявшего горные области южного Перу, городской бедноты и студентов из среднего класса. Расовая дискриминация индейцев имела долгую историю, а жестокий военный режим сам применял насилие для сохранения исключительно неравного аграрного общества. Жестокие военные репрессии, последовавшие в середине 1980-х за тяжелым долговым кризисом, подготовили почву для возникновения мятежа, и в 1991 году, в момент его апогея, «Сияющий путь» имел около 23 000 вооруженных сторонников, а осуществляемая им кампания городского и сельского насильственного сопротивления могла привести к свержению правительства{1291}. Однако партизаны, упорно пытавшиеся построить полностью однородную крестьянскую армию, не меньше времени тратили на терроризирование крестьян, чем на сражения с врагами. Традиционные крестьянские рынки были запрещены, насаждалось полное подчинение организации. Культура белых горожан-руководителей «Сияющего пути» была чужда культуре поддерживавших их крестьянских масс. Партизаны писали лозунги вроде «Смерть предателю Дэн Сяопину» на стенах домов глухих андских деревень, хотя эти слова ничего не значили для местного населения{1292}. Перуанское правительство воспользовалось этой культурной лакуной, распространив видеоролик, в котором Гусман с товарищами пьяными танцевали сиртаки на вечеринке в уютном лимском ресторанчике{1293}. Когда Гусмана и большую часть руководства партии арестовали в 1992 году, мятеж быстро пошел на убыль, хотя остатки разбитой армии действуют по сей день. История «Сияющего пути» послужила предупреждением маоистам и сильно дискредитировала подобные насильственные методы.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Из перуанских событий смогла извлечь уроки группа маоистов, живших на другом конце планеты – в Непале{1294}. Непал, как и Перу, представлял собой сильно стратифицированное общество – как по этническому, так и по кастовому признаку. Маоисты, возглавляемые Прачандой («Лютым»)[899], развязали «народную войну», активизировавшуюся после того, как в 2002 году потерпела крах монархия[900], которую поддерживала националистическая Индия и неоконсервативные Соединенные Штаты. В 2005 году маоисты могли попытаться покорить страну силой, но не решились на это. Вероятно, они чувствовали, что недостаточно сильны, а кроме того, хорошо помнили о крахе Гусмана. Маоисты принудили короля согласиться на выборы[901], так как сочли, что победа на них даст им более легитимную власть, чем партизанский переворот. В 2008 году маоисты выиграли выборы и сформировали правительство. Встал важный вопрос – как локальные партизанские лидеры смогут адаптироваться к новой демократической политике[902].

Победа маоистов в Непале воодушевила повстанцев-наксалитов в соседней Индии, поднявших мятежи в Бихаре и Центральной Индии. Политическая дестабилизация и в данном случае была вызвана недовольством бедных крестьян, так как более богатые крестьяне получали прибыль от экономических изменений, обостривших неравенство и бедность. В основном это были локальные движения, выливающиеся в конфликты с полицией и отрядами, находившимися под командованием землевладельцев, и отношение к насилию в каждом конкретном случае отличалось{1295}. Один индийский журналист, довольно сострадательный, проведший некоторое время среди партизан-наксалитов в штате Махараштра в 1998 году, так описал одного из их лидеров: «Вишванатх разбирается в марксизме и маоизме. Но не в широком, мировом масштабе. Его мир узок и взгляды соответствующие. Да, он борется за бесклассовое общество – но не во всем мире. Он хочет изменений к лучшему. Он хочет избавиться от эксплуатации. Он хочет положить конец «полицейским репрессиям», которые видит «везде»{1296}.

В конце 2000-х годов радикальный военный коммунизм бурно развивался в основном в Непале и Индии. В Латинской Америке, напротив, росли популистские социалистические движения, например, режим Уго Чавеса в Венесуэле, оказавшиеся более успешными, чем радикальный марксизм. Колумбийские партизаны – FARC – отошли от марксизма-ленинизма к более эклектичному «боливарианскому» социализму[903], хотя и продолжают применять насилие. Новое марксистское партизанское движение в Латинской Америке появилось в середине 1990-х, когда последняя попытка завоевать значительное международное признание была предпринята продолжателями дела мексиканского генерала Сапаты[904] – сапатистами. Но их история показала, что с 1960-х годов марксизм в «третьем мире» значительно развился.

В канун нового, 1994 года группа партизан в масках появилась в городе Сан-Кристобаль де Лас-Касас, столице мексиканского штата Чьяпас. Они завязали несколько стычек с властями, а затем снова растворились в тропическом лесу; и последовавший бурный резонанс оказался серьезнее, чем вооруженные столкновения. «Субкоманданте Маркос» – Рафаэль Себастьян Гильен Висенте, – как и Гусман, является марксистом, профессором философии, выступающим за защиту прав туземного индейского крестьянства. Его Сапатистская армия национального освобождения (EZLN) вдохновлялась идеями весьма эклектично подобранной компании, в которую входили Маркс, старый мексиканский социалист-революционер Эмилиано Сапата и революционеры-сандинисты. Но основным образцом для подражания был Че Гевара – не зря сам «Субкоманданте» построил свой образ по примеру «Команданте»: трубка, борода, кепка, любовь к «Дон Кихоту» и самоиронии, псевдогероический стиль повествования{1297}. Но он отрицал насильственные методы борьбы, которыми пользовался Че, и делал акцент на «марксистском гуманизме». Партизаны Маркоса оказались надежно изолированы мексиканской армией к 1995 году, а политика в Мексике в 1990-е годы была гораздо более либеральной, чем в большинстве латиноамериканских стран десятью годами ранее, поэтому в политике сапатистов культурный компонент и пропаганда были важнее, чем военные действия. Один из томов сочинения Маркоса назывался «Наше слово – наше оружие», субкоманданте всерьез пытался развивать ненасильственный коммунизм. По его словам, «наша армия очень отличается от других, поскольку ее цель – перестать быть армией. Солдат – это абсурдная фигура, ему приходится пользоваться оружием, чтобы подчинить других, а общество не имеет будущего, если это будущее связано с милитаризмом»{1298}.

Его методы – демократические и кооперативные – были несомненно ближе к методам западных левых сил 1968 года и «оранжевой» альтернативе из

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org Восточной Европы, чем к старым марксистским подходам, применявшимся в развивающихся странах. Его стиль, в частности написание детских сказок с политическим подтекстом, в которых действовал Дон Дурито, упрямый жук-сапатист, а также мастерское владение Интернетом, было ироничным и даже эксцентричным – идеальным для миролюбивой современности. Поэтому неудивительно, что Маркое стал культовой фигурой для антиглобалистов, возникшей в 1990-е годы и критиковавшей неравенство, порожаемое неолиберальным порядком. Таким образом, традиция Че-Маркоса осталась единственным ответвлением коммунистических идей, которое действительно сохранило привлекательность в рядах левых после краха 1989 года[905]. В 1997 году, в тридцатую годовщину со дня смерти Че, новая техноверсия «Прощай навсегда, Команданте», исполненная гламурной певицей Натали Кардон, возглавила французские поп-чарты. Песню сопровождал экстраординарный клип, в котором Кардон смотрела на труп Че, прежде чем возглавить революцию кубинской бедноты, держа в одной руке АК-47, а в другой – дитя. Правда, следует отметить, что она упражняется в стрельбе всего лишь по батарее бутылок, не проливая ни капли крови.

Потенциал для радикальной социалистической политики остается, пока острое социальное неравенство можно связать с критикой непосредственного вмешательства из-за рубежа и «империализма», хотя окончание холодной войны ослабило позиции такой критики. Советские и американские вмешательства подливали масла в огонь социальных и этнических конфликтов, в большинстве стран «третьего мира» США заполнили вакуум, оставшийся после распада старых европейских колониальных империй, субсидируя консервативные элиты, так как считали, что в этих странах могут возобладать коммунистические настроения. С завершением холодной войны американцы стали гораздо неохотнее использовать силу для поддержки непопулярных элит. С середины 2000-х годов многие страны Латинской Америки избрали популистские левые курсы, противодействуя неолиберальным реформам; США в основном мирились с таким радикализмом, хотя в целом он их не устраивал.

Следовательно, на рубеже тысячелетий старые конфликты, возникшие по интернациональным, социальным и идеологическим причинам, завершились в большинстве регионов мира, кроме одного – Среднего Востока[906]. В 1990-е и 2000-е годы большинство мощных революционных сил этого региона объединились не под красным флагом коммунизма, а под зеленым знаменем ислама. Лидеры этих сил считали, что сражаются на два фронта: против западного «империализма», проникавшего на Средний Восток, и против «традиционализма», представленного «оскверненным», «суеверным» исламом. В отличие от коммунистов, эти лидеры практиковали социальную и тендерную иерархию, но, подобно коммунистам, они старались мобилизовать и объединить свои расколотые общества в борьбе против врага. И когда в сентябре 2001 года США подверглись террористической атаке, она стала толчком к милитаристскому неконсервативному возрождению – подобное явление наблюдалось в Советском Союзе в 1970-е годы. Рейгановский альянс неолиберальных и неоконсервативных сил вновь заработал при Джордже Буше-младшем и определил ход политики почти на весь период 2000-х годов.

Однако этой эпохе суждено было стать короткой. Летом-осенью 2008 года этот мощный порядок, доминировавший с 1979-1980 года, наконец пал. Банкротство банка «Леман Бразерз» в сентябре – в основном вызванное принципом свободной торговли в экономике – ознаменовало окончание неолиберальной эры. Тем временем поражение, которое потерпел от России в войне за спорный грузинский регион Южную Осетию спонсируемый Америкой президент Грузии и герой «революции роз» Михаил Саакашвили в августе 2008 года, показало, что усилия неоконсервативных сил, направленные на распространение либеральной демократии, но уже ослабленные неудачным вторжением в Ирак в 2003 году[907], достигли своих пределов.

IV

Бертольт Брехт в своем стихотворении «К потомкам», написанном в 1938 году, старался примирить свою жизнь коммуниста со скептическим отношением к будущему. Он соглашался, что «ненависть к подлости» тоже «искажает черты лица», но все равно просил о «снисходительности»; его времена были совсем другими: «темные» годы несправедливости, и у поэта не имелось другой возможности, кроме как вести себя так жестко. Хотя он и хотел «подготовить почву для дружелюбия», сам он не мог быть дружелюбным[1299]. Следует ли нам проявлять снисходительность? Целью этой книги не является оправдание либо осуждение призыва Брехта. Нам необходимо сделать моральные выводы об

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
исторических преступлениях, и, кроме того, нам нужно их объяснить. Кроме того, одно дело – оправдывать Брехта; другое – Сталина или Пол Пота.

Но это стихотворение Брехта позволяет нам понять призыв коммунистов Советского Союза, обращенный к таким же убежденным идеалистам и романтикам, как они. Коммунизм пытался достичь универсального «милосердия» немилосердными методами. Целью этого движения являлось преодоление неравенства и модернизация, но оно было построено на убеждении, что добиться этих целей можно только радикальными методами[908], в конечном итоге – при помощи революции.

Желание марксистов достичь как равенства[909], так и модернизации оказалось особенно привлекательным для патриотично настроенных студентов и образованных элит, считавших, что их общества являются «отсталыми»: мужчины и женщины, следовавшие за якобинцами, Чернышевским и Лу Синем, были полны решимости не только бросить вызов старой патриархальной власти, но и соперничать с более «развитыми» нациями. Но даже при этом переориентация на коммунизм не была неизбежным следствием отсталости и неравенства. Если бы не хаос, царивший в России в 1917 году, и не японское вторжение в Китай, два государства, от которых в основном и исходила поддержка коммунистического движения во всем мире, могли никогда не появиться. Тем не менее идеи коммунизма часто оказывались близки очень разным людям, не являвшимся убежденными активистами, хотя коммунистические идеи редко поддерживались большинством. Но именно наименее романтическая и самая нелиберальная форма этого движения – марксизм-ленинизм – чаще всего становилась господствующей идеологией. В данном варианте особую власть получало военизированное, конспиративное меньшинство, партия авангарда.

Ленинская «партия нового типа» была построена на основе российского опыта конспиративной политики и Гражданской войны. В ней развилась специфическая квазирелигиозная, военизированная культура, организация практически превратилась в секту, преобразовывавшую своих членов в адептов истинного социалистического общего дела. И после того как к власти пришел Сталин, силы партии были консолидированы для выполнения другой «героической» задачи: индустриализации страны. Партия видела себя двигателем прогресса, пытаясь вытеснить крестьянство и другие «отсталые» слои населения вперед, к современности. Это была как раз та сильная, но укрощенная энергия, обещания которой прельщали элиты столь многих развивающихся и колонизированных стран. А подобный организационный порыв привлекал тех, кто привык воевать, помещая коммунистов в центре эффективного сопротивления странам, оккупированным нацистской Германией и империалистической Японией.

На самом деле, большинство коммунистов чувствовали себя в своей стихии, становясь членами революционного движения, направленного против автократии и империализма, в частности в условиях войны. Осуществлять такую форму правления было достаточно нелегко. В начале правления коммунистических сил партии обычно стремились к радикальной трансформации, желая подвигнуть общество к коммунизму и часто применяя военные методы. Однажды Че Гевара признался поэту Пабло Неруде: «Война... война... мы всегда выступаем против войны, но когда мы попробуем войну на вкус, то уже не сможем без нее жить. Мы всегда будем хотеть вернуться на войну»{1300}. Радикализм казался необходимым и потому, что существовала опасность войны и угроз из-за рубежа. Более технократический или прагматический марксизм казался менее подходящим для таких условий. Война или угроза часто помогали радикальным коммунистам прийти к власти, как это было в случае со Сталиным в 1928 году и с Мао в 1943-м.

Массовая мобилизация, экономические «прорывы», земельная реформа и коллективизация – все это было похоже на военные кампании и часто культивировало среди коммунистов и их сторонников идеи самопожертвования. Такой милитаристский стиль проведения подобных кампаний был особенно популярен среди молодежи; но жесткие методы обязательно приводили к жертвам. Коммунисты, уверенные, что сражаются за правое дело, часто жестоко действовали по отношению к традиционным крестьянским культурам, религиозным деятелям и к «буржуа», которые теперь были провозглашены врагами прогресса и врагами народа.

Разумеется, некоторые коммунистические режимы обходились без массового насилия. Однако коммунизм переживал и более амбициозные, радикальные этапы, когда жертв было много – в частности, при образовании таких режимов. Степень насилия различалась, в зависимости от руководства и конкретных

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org обстоятельство. Наиболее жесток был режим Кампучии красных кхмеров, а правление «марксистских гуманистов» на Кубе протекало не в пример более мягко. Приготовления к войне могли приводить к массовым убийствам, как при сталинском терроре 1930-х годов. Многие жертвы коммунистических режимов клеймились как «классовые враги», но большинство погибших при коммунистических режимах становились жертвами голода или грубой и догматичной аграрной политики.

Радикальные методы не могли использоваться подолгу, так как негативно влияли на экономику и вызывали хаос. Влияние специалистов и управленцев, которым приходилось реализовывать плановую экономику, часто оказывалось подорвано, сверхамбициозные «прорывы» вызывали беспорядок, а ультраэгалитарные методы терпели крах. Небольшие военизированные группы не могли трансформировать крупные, сложные общества, не обладая широкой поддержкой. В конечном итоге режимы были вынуждены «отступить» и создать для себя более прочную базу. В послевоенном СССР более технократический подход слился с «патриотическим» единством, а не с «сектантством»

Но Сталин по-прежнему старался сохранить военизированный компонент системы и продолжал использовать жесткие методы борьбы с «ренегатами» и «врагами народа».

После кончины Сталина многие коммунисты были готовы усомниться в неоспоримом преимуществе старой модели и требовали, чтобы движение стало более многосторонним и «демократичным». Но не удавалось достичь согласия о том, как именно это нужно делать. Некоторые деятели пробовали технократические решения, но попадали в оппозицию к лидерам и их сторонникам; другие, например Че Гевара и Мао, возвращались к более радикальным формам коммунизма, получая в результате неизбежный развал экономики, хаос и гражданскую войну. Но была и другая группа, комбинирующая более этический, романтический социализм, направленный на освобождение человека, с прагматическими элементами рынка и плюралистической демократии, – такие настроения были особенно заметны в идеях «Пражской весны» [910]. Но партия не была готова уступить свою монополию на власть либо настолько ослабить старую спланированную систему. Такие события спровоцировали консервативную реакцию в восточном блоке в 1970-е годы, при Брежнев, и, в свою очередь, стимулировали решительность Горбачева и его реформаторов запустить мирную «революцию» против партии и, в конечном итоге, положить конец всей системе.

Коммунистические режимы не всегда казались столь реакционными. Делавшийся в них акцент на социальное обеспечение, образование и социальную мобильность крайне не походил на приоритеты прежних правителей, и такие акценты могли быть очень популярны. Однако у этих достижений имелись и жесткие ограничения. Проблемы экономики обычно были запущенными и закостеневшими. Применяемые методы – нерациональными и опустошительными для экологии. И для граждан стран Восточной Европы, где установились коммунистические режимы, глубина контраста с потребительскими обществами Запада была предельно очевидной. Коммунизм производил впечатление стагнирующего военного ригоризма, а не пульсирующей жизнью современности.

Но, вероятно, еще более губительным, чем экономический застой, был разительный контраст между идеалами коммунизма и окружающей реальностью. В 1970-е годы в СССР уже очень немногие искренне верили, что партия пытается создать новое, динамичное и равноправное общество. Партия, пришедшая к власти как воинственная идеалистичная элита, теперь, как казалось, теряла свою функцию и превращалась в орган, чьей единственной целью становилось сохранение власти и имеющихся привилегий. Победив системы, в которых царил устойчивеее неравенство, партия как будто создавала новую такую же систему. Особенное разочарование ожидало образованные слои городского населения, которое отлучили от власти и чью свободу ограничили, и по мере того, как западное общество становилось все более разносторонним и равноправным – в том числе в ответ на коммунистическую угрозу, существовавшую после Второй мировой войны, коммунизм теперь казался более олигархическим и менее современным, чем строй-соперник.

Коммунизм также все сильнее дискредитировался из-за собственного насильственного прошлого, и это касалось как новых режимов, появлявшихся в развивающихся странах, так и из-за свежих воспоминаний о преступлениях сталинизма и маоизма. «Большой скачок», Культурная революция, Большой террор, насилие, творившееся в Камбодже и в Эфиопии, представленные как

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org важнейшие этапы на пути к коммунизму, ставили под сомнение и весь марксизм. Репрессии, превратившиеся в будничное явление, также подчеркивали связь между марксизмом и бесчеловечностью. Из-за этого нарастали дискуссии об ответственности самого Маркса за очевидную и постоянную тенденцию к насилию, которую вызывали его идеи. Некоторые идеи Маркса – в особенности его отрицание либеральных прав и предположение о полном народном единстве в будущем – использовались для оправдания проектов тотального государственного контроля и мобилизации, даже если это не говорилось самим Марксом. То, как Маркс и Энгельс прославляли революционную тактику, также применялось для оправдания насилия. По мысли защитников Маркса, он все равно оказался бы в оппозиции к олигархической политике, практиковавшейся марксистско-ленинистскими партиями, и не одобрил бы режимов, созданных коммунистами[911].

v

В октябре 2008 года фрау Мюллер, учительница из немецкого города Карлсруэ, увидела, что один из ее учеников пришел на урок в куртке с капюшоном, на которой красовались буквы «USA». «Повернись к классу, – сказала учительница, – и скажи, как ты посмел прийти на урок в таком виде? Тут тебе не показ мод для классовых врагов, и я пошлю соответствующее письмо на работу твоим родителям». Разумеется, никакого письма она посылать не стала. И учительница, и ученики принимали участие в исторической реконструкции коммунистических времен, призванной показать молодым немцам темные стороны коммунистической системы[912]. Восемнадцатилетним ученикам были розданы пионерские галстуки и велено петь коммунистические песни. Им также приказали обличать ученика-«диссидента», и казалось, что они совсем не против сыграть эти роли. Организатор проекта признавалась: «Я специально создаю тоталитарную атмосферу, и я все еще ужасаюсь тому, как легко люди привыкают к ней»[1301]. Точнее, она боялась ностальгии по ГДР, которая пробуждалась у учащихся: «Некоторые думали, что жить там было все равно как в социальном раю».

Этот эпизод свидетельствует о том, что в некоторых бывших Коммунистических обществах экономический кризис вызвал рост ностальгических воспоминаний по коммунистическому обществу, в котором у всех была работа и социальное обеспечение. Однако эта ностальгия имеет мало общего с возвращением к «реальному социализму» – еще очень свежи воспоминания о его подменах и провалах. Действительно, современное имущественное неравенство стало благодатной почвой, позволившей активизироваться в некоторых странах популистским течениям выраженного левого толка. Но опыт показывает, что острое экономическое неравенство иногда бывает необходимым, но недостаточным условием для успеха ультралевых сил. Также требуется наличие империи или глубоко устоявшейся иерархии в обществе[913]. Если такие элементы (или нечто подобное) возродятся, то, весьма вероятно, могут развиваться и новые формы экстремистских политических течений левого толка[914].

Также возможно, что романтическая, коллективистская коммунистическая традиция, в последний раз проявившаяся на баррикадах в 1968 году[915], вновь станет значимой. На самом деле, антиглобалистские и экологические движения имеют много общего с такой политикой. Если кризис глобального капитализма будет усугубляться, романтические марксистские идеалы личного развития и участия в демократических процессах могут стать более привлекательными. Но проблема, поднятая Марксом, пока так и не решена: как децентрализованные коммуны могут достичь экономического благополучия?[916] Можно ли добиться этого только ценой снижения уровня жизни и сужения кругозора, как считал сам Маркс?[917] Если ситуация именно такова, то сложно предположить, как политика такого рода может завоевать массовую поддержку[918].

История коммунизма должна была научить нас двум вещам. Первый аспект, уже описанный многими писателями, – насколько деструктивным может быть утопическое мышление[919]. Второй урок, которому сегодня все еще не уделяется должного внимания, – опасность острого неравенства и очевидной несправедливости, которая может сделать более привлекательной такую утопическую политику. С 1989 года силы, находящиеся у власти, не выучили ни одного из этих уроков. Резко реагируя на коммунистические утопии, мессиански настроенные догматичные либералы пытаются насадить свой строй по всему миру – порой с позиции силы. Пожалуй, только сегодня, отрезвленные кризисом 2008 года, мы наконец делаем выводы из истории коммунизма. Только

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
в таком случае мы не станем свидетелями нового кровавого акта в трагедии о Прометее.

Избранная библиография

Введение

- S. Courtois et al., *The Black Book of Communism* (Cambridge, Mass., 1999).
M. Dreyfus et al., *Le Siècle des communismes* (Paris, 2000).
F. Furet, *The Passing of an Illusion* (Chicago, 2004).
K. Jowitt, *New World Disorder, The Leninist Extinction* (Berkeley, 1992).
L. Kolakowski, *Main Currents of Marxism* (Oxford, 1978).
W. Laqueur, *The Dream That Failed* (Oxford, 1994).
G. Lichtheim, *A Short History of Socialism* (London, 1975). M. Malia, *The Soviet Tragedy* (New York, 1994).
R. Pipes, *Communism* (London, 2002).
D. Sassoon, *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century* (London, 1997).
R. Service, *Comrades: a World History of Communism* (London, 2007)
A. Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom* (Stanford, 1995).

Пролог

- K. Baker, *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century* (Cambridge, 1990).
D. Bell, *The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680-1800* (Cambridge, Mass., 2001).
A. Forrest, *The Soldiers of the French Revolution* (Durham, NC, 1990).
J. Hardman, *Robespierre* (London, 1999).
P. Higgonet, *Goodness Beyond Virtue. Jacobins during the French Revolution.* (Cambridge, Mass., 1998).
L. Hunt, *Politics, Culture, and Class in the French Revolution* (London, 1986).
D. Jordan, *The Revolutionary Career of Maximilien Robespierre* (London, 1985).
C. Lucas (ed.), *The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Vol 2: The Political Culture of the French Revolution* (Oxford, 1988).
J. Lynn, *The Bayonets of the Republic: Motivation and Tactics in the Army of Revolutionary France, 1791-94* (Urbana, 1984).
M. Ozouf, *Festivals and the French Revolution*, trans. A. Sheridan (Cambridge, Mass., 1988).
R. Rose, *Gracchus Babeuf: The First Revolutionary Communist* (London, 1978).
W. Sewall, *A Rhetoric of Bourgeois Revolution. The Abbe Sieyes and What is the Third Estate?* (Durham, NC, 1994).
J. Shklar, *Men and Citizens: a Study of Rousseau's Social Theory*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
(Cambridge, 1969).

Немецкий Прометей

F. Andreucci, 'The Diffusion of Marxism in Italy during the Late Nineteenth Century', in R. Samuel and G. Stedman Jones (eds.), *Culture, Ideology, and Politics: Essays for Eric Hobsbawm* (London, 1982).

J. Beecher, *Charles Fourier: The Visionary and His World* (Berkeley, 1986).

C Cahm, *Kropotkin and the Rise of Revolutionary Anarchism, 1872-1886* (Cambridge, 1989).

L. Derfler, *Paul Lafargue and the Founding of French Marxism, 1842-1882* (Cambridge, Mass., 1991).

G. Duveau, 1848. *The Making of a Revolution*, trans. A. Carter (London, 1967).

J. Ehrenberg, *Proudhon and His Age* (Atlantic Highlands, NJ, 1996).

G. Eley, *Forging Democracy. The History of the Left in Europe, 1850-2000* (New York, 2002).

R. Fletcher, *Revisionism and Empire. Socialist Imperialism in Germany, 1897-1914* (London, 1984).

F. Furet, *Marx and the French Revolution*, trans. D. Furet (Chicago, 1988).

R. G. Garnett, *Co-operation and the Owenite Socialist Communities in Britain, 1825-45* (Manchester, 1972).

D. Geary, *European Labour Protest, 1848-1939* (London, 1981).

D. Geary, *Karl Kautsky* (Manchester, 1987).

D. Geary (ed.), *Labour and Socialist Movements in Europe before 1914* (Oxford, 1989).

A. Gilbert, *Marx's Politics. Communists and Citizens* (Oxford, 1981).

H. Goldberg, *The Life of Jean Jaures* (Madison, 1968).

R. Gould, *Insurgent Identities: Class, Communities and Protest from 1848 to the Commune* (Chicago, 1995).

L. H. Haimson and C. Tilly (eds.), *Strikes, wars and Revolutions in an International Perspective: Strike waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries* (Cambridge, 1989).

S. Hanson, *Time and Revolution. Marxism and the Design of Soviet Institutions* (Chapel Hill, 1997).

J. F. C. Harrison, *Robert Owen and the Owenites in Britain and America: The Quest for the New Moral World* (London, 1969).

E. J. Hobsbawm (ed.), *The History of Marxism* (Brighton, 1982). R. N. Hunt, *The Political Ideas of Marx and Engels* (2 vols.) (Pittsburgh, 1974, 1984).

C. H. Johnson, *Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839-1851* (Ithaca, 1974).

I. Katznelson and A. R. Zolberg (eds.), *Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States* (Princeton, 1986).

V. Lidtke, *The Alternative Culture: Socialist Labor in Imperial Germany* (New York, 1985).

V. L. Lidtke, *The Outlawed Party: Social Democracy in Germany, 1878-1890* (Princeton, 1966).

- D. Lovell, *From Marx to Lenin. An Evaluation of Marx's Responsibility for Soviet Authoritarianism* (Cambridge, 1984).
- D. McLellan, *Karl Marx: a Biography* (London, 1995).
- F. E. Manuel, *The New World of Henri Saint-Simon* (Cambridge, Mass., 1956).
- F. E. Manuel, *The Prophets of Paris* (Cambridge, Mass., 1962).
- F. E. Manuel and F. P. Manuel, *Utopian Thought in the Western World* (Oxford, 1979).
- J. E. Miller, *From Elite to Mass Politics: Italian Socialism in the Giolittian Era, 1900-1914* (Kent, Ohio, 1990).
- M. A. Miller, *Kropotkin* (Chicago, 1976).
- S. Miller and H. Potthoff, *A History of German Social Democracy from 1848 to the Present*, trans. J. A. Underwood (Leamington Spa, 1986).
- R. Morgan, *The German Social Democrats and the First International, 1864-1872* (Cambridge, 1965).
- J. Rougerie, *Le Proces des Communards* (Paris, 1971).
- M. Salvadori, *Karl Kautsky* (London, 1979).
- W. Sewell, *Work and Revolution in France: the Language of Labor from the Old Regime to 1848* (Cambridge, 1980).
- A. B. Spitzer, *The Revolutionary Theories of Louis Auguste Blanqui* (New York, 1957).
- G. P. Steenson, *After Marx, before Lenin: Marxism and Socialist Working-Class Parties in Europe, 1884-1914* (Pittsburgh, 1991).
- G. P. Steenson, *"Not One Man! Not One Penny!": German Social Democracy, 1863-1914* (Pittsburgh, 1981).
- M. Steger, *The Quest for Evolutionary Socialism. Eduard Bernstein and Social Democracy* (Cambridge, 1997).
- V. K. Steven, *Between Marxism and Anarchism: Benoit Malon and French Reformist Socialism* (Berkeley, 1992).
- R. Stuart, *Marxism at work: Ideology, Class and French Socialism during the Third Republic* (Cambridge, 2002).
- K. Taylor (ed.), *Henri Saint-Simon (1760-1825): Selected Writings on Science, Industry and Social Organization* (London, 1975).
- F. van Holthoon and M. van der Linden (eds.), *Internationalism in the Labour Movement, 1830-1940* (Leiden, 1988).
- K. S. Vincent, *Pierre-Joseph Proudhon and the Rise of French Republican Socialism* (New York, 1984).
- A. Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom* (Stanford, 1995).
- E. Weitz, *Creating German Communism 1890-1990. From Popular Protests to Socialist State* (Princeton, 1997).
- G. Woodcock, *Anarchism: A History of Libertarian Ideas and Movements* (Harmondsworth, 1975).

Медные всадники

- A. Ascher, *The Revolution of 1905 (2 vols.)* (Stanford, 1988, 1992).

- Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
S. H. Baron, Plekhanov: The Father of Russian Marxism (London, 1963).
- V. Bonnell, Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St Petersburg and Moscow, 1900-1914 (Berkeley, 1983).
- K. Clark, Petersburg: Crucible of Cultural Revolution (Cambridge, Mass., 1995)-
- O. Figes, A People's Tragedy: the Russian Revolution, 1891-1924 (London, 1996).
- O. Figes, Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917-1921 (Oxford, 1989).
- O. Figes and B. Kolonitskii, Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917 (New Haven, 1999).
- S. Fitzpatrick and Y. Slezkine (eds.), In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War, trans. Y. Slezkine (Princeton, 2000).
- A. Geifman, Thou Shalt Kill Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917 (Princeton, 1993).
- J. von Geldern, Bolshevik Festivals 1917-1920 (Berkeley, 1993).
- A. Gleason, Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s (Chicago, 1980).
- A. Gleason, P. Kenez and R. Stites (eds.), Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution (Bloomington, 1985).
- W. Goldman, Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936 (Cambridge, 1993).
- T. Hasegawa, The February Revolution, Petrograd, 1917 (Seattle, Wash., 1981).
- P. Holquist, Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921 (Cambridge, Mass., 2002).
- D. Kaiser (ed.), The Workers' Revolution in Russia, 1917: The view from Below (Cambridge, 1987).
- S. Kanatchikov, A Radical Worker in Tsarist Russia: the Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov, trans. and ed. R. Zelnik (Stanford, 1986).
- A. Kelly, Mikhail Bakunin: A Study in the Psychology and Politics of Utopianism (Oxford, 1982).
- T. McDaniel, Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia (Berkeley, 1988).
- S. Malle, The Economic Organization of War Communism, 1918-1921 (Cambridge, 1985).
- S. Morrissey, Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism (New York, 1998).
- J. Sanborn, Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925 (DeKalb, Ill., 2003).
- R. Service, Lenin. A Biography (Basingstoke, 2005).
- S. Smith, Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917-18 (Cambridge, 1983).
- M. Steinberg, Voices of Revolution, 1917 (New Haven, 2001).
- R. Stites, Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution (New York, 1989).

R. Wortman, Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II (Princeton, 2000).

Под пристальным взглядом Запада

W. T. Angress, Stillborn Revolution: The Communist Bid for Power in Germany, 1921-1923 (Princeton: Princeton University Press, 1963).

A. Arato and P. Breines, The Young Lukacs and the Origins of Western Marxism (London, 1979).

I. Banac (ed.), The Effects of world War I: The Class war after the Great War: The Rise of Communist Parties in East Central Europe, 1918-1921 (New York, 1983).

L. Boswell, Rural Communism in France, 1920-1939 (Ithaca, 1998).

P. Broue, Histoire de l'Internationale Communiste: 1919-1943 (Paris, 1997).

M. Caballero, Latin America and the Comintern, 1919-1943 (Cambridge, 1986).

F. L. Carsten, Revolution in Central Europe, 1918-1919 (Aldershot, 1988).

M. Clark, Antonio Gramsci and the Revolution That Failed (New Haven, 1977).

F. Clauden, The Communist Movement: From Comintern to Cominform, trans.

B. Pearce and F. MacDonagh (Harmondsworth, 1975). B. Fowkes, Communism in Germany under the Weimar Republic (London, 1984).

G. Haupt, Socialism and the Great War: The Collapse of the Second International (Oxford, 1972).

J. Humbert-Droz, De Lenine a Staline: Dix ans au service de l'internationale communiste, 1921-1931 (Neuchetel, 1971).

D. Kirby, War, Peace and Revolution. International Socialism at the Crossroads 1914-1918 (New York, 1986).

B. Kovrig, Communism in Hungary. From Kип to Kadar (Stanford, 1979).

W. Leonhard, Child of the Revolution, trans. C. M. Woodhouse (London, 1979).

K. McDermott and J. Agnew, The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin (Basingstoke, 1996).

K.-M. Mallmann, Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung (Darmstadt, 1996).

K. Morgan, G. Cohen and A. Flinn, Communists and British Society 1920-1991 (London, 2003).

J. P. Nettl, Rosa Luxemburg (London, 1966).

T. Rees and A. Thorpe (eds.), International Communism and the Communist International, 1919-1943 (Manchester, 1998).

P. Spriano, The Occupation of the Factories: Italy 1920, trans. G. Williams (London, 1975).

R. L. Tokes, Bela Kип and the Hungarian Soviet Republic: The Origins and Role of the Communist Party of Hungary in the Revolutions of 1918-1919 (New York, 1967).

H. Weber, Die Wandlung des deutschen Kommunismus (2 vols.) (Frankfurt am Main, 1969).

E. D. Weitz, Creating German Communism, 1890-1990: From Popular Protests to Socialist State (Princeton, 1997).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

J. Willett, *The New Sobriety 1917-1933: Art and Politics in the Weimar Period* (London, 1978).

R. Wohl, *French Communism in the Making, 1914-1924* (Stanford, 1966).

C. Wrigley (ed.), *Challenges of Labour: Central and Western Europe, 1917-1920* (London, 1993).

Люди из стали

J. Baberowski, *Der rote Terror: die Geschichte des Stalinismus* (Munich, 2003).

D. Bordwell, *The Cinema of Eisenstein* (Cambridge, Mass., 1993).

D. Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956* (Cambridge, Mass., 2002).

J. Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War* (Princeton, 2000).

S. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888-1938* (Oxford, 1980).

M. David-Fox, *Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918-1929* (Ithaca, 1997).

S. Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934-1941* (Cambridge, 1997).

S. Fitzpatrick, J. Suer, *Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Oxford, 1999).

S. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* (Oxford, 1994).

S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch and R. Stites (eds.), *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture* (Bloomington, 1991).

V. Garros, N. Korenevskaya and T. Lahusen (eds.), *Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s*, trans. C. Flath (New York, 1995).

J. Getty and O. Naumov, *The Road to Terror: Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932-1939* (New Haven, 1999).

J. Getty and O. Naumov, *Yezhov, the Rise of Stalin's "Iron Fist"* (New Haven, 2008).

J. Hellbeck, *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin* (Cambridge, Mass., 2006).

S. Kotkin, *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization* (Berkeley, 1995).

V. Kravchenko, *Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official* (London, 1947).

T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* (Ithaca, 2001).

E. Naiman, *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology* (Princeton, 1997).

D. Priestland, *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power, and Terror in Inter-war Russia* (Oxford, 2007).

R. Service, *Stalin. A Biography* (London, 2004). L. Siegelbaum and A. Sokolov (eds.), *Stalinism as a Way of Life* (New Haven, 2000).

E. Van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Century Revolutionary Patriotism (London, 2002).

Народные фронты

B. Abrams, *The Struggle for the Soul of the Nation. Czech Culture and the Rise of Communism* (Lanham, 2004).

A. Agosti, *Palmiro Togliatti* (Turin, 1996).

M. S. Alexander and H. Graham (eds.), *The French and Spanish Popular Fronts: Comparative Perspectives* (Cambridge, 1989).

R. J. Alexander, *International Trotskyism, 1929-1985: A Documented Analysis of the Movement* (Durham, NC, 1991).

R. Cerdas, *The Communist International in Central America* (London, 1993).

S. Courtois and M. Lazar, *Histoire du communisme franeais* (Paris, 2000).

A. Dallin and F. Firsov (eds.), *Dimitrov and Stalin 1934-1943-Letters from the Soviet Archives* (New Haven, 2000).

I. Deutscher, *The Prophet Outcast: Trotsky, 1929-1940* (London, 1963)

M. Djilas, *Conversations with Stalin*, trans. M. Petrovich (Harmondsworth, 1969).

T. Draper, *American Communism and Soviet Russia: The Formative Period*, rev. edn (New York, 1986).

F. Fejto, *A History of the People's Democracies: Eastern Europe since Stalin*, trans. D. Weissbort (Harmondsworth, 1974).

C. Fischer, *The German Communists and the Rise of Nazism* (Basingstoke, 1991).

P. Frank, *The Fourth International: The Long March of the Trotskyists*, trans.

R. Schein, expanded edn (London, 1979).

J. Gaddis, *We Now Know. Rethinking Cold War History* (Oxford, 1997).

G. Gorodestsky (ed.), *Soviet Foreign Policy, 1917-1991. A Retrospective* (London, 1994).

H. Graham, *Socialism and war: the Spanish Socialist Party in Power and Crisis, 1936-1939* (Cambridge, 1991).

H. Graham and P. Preston (eds.), *The Popular Front in Europe* (Basingstoke, 1987).

J. T. Gross, *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia* (Princeton, 1988).

H. Gruber, *Leon Blum, French Socialism, and the Popular Front: A Case of Internal Contradictions* (Ithaca, 1986).

J. Haestrup, *Europe Ablaze: An Analysis of the History of the European Resistance Movements 1939-45* (Odense, 1978).

P. Heywood, *Marxism and the Failure of Organized Socialism in Spain, 1879-1936* (Cambridge, 1990).

J. Jackson, *The Popular Front in France: Defending Democracy, 1934-38* (Cambridge, 1988).

K. Kersten, *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943-1948* (Berkeley, 1991).

H. Klehr, J. Haynes and K. Anderson (eds.), *The Secret world of American*
Страница 339

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Communism (New Haven, 1998).

M. Lazar, *Maisons rouges: les partis communistes français et italiens de la Liberation a nos jours* (Paris, 1992).

M. P. Leffler, *Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War* (Stanford, 1992).

W. Leonhard, *Child of the Revolution*, trans. C. M. Woodhouse (London, 1979).

V. Mastny, *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941-1945* (New York, 1979).

N. Naimark, *The Russians in Germany: a History of the Soviet Zone of Occupation, 1945-1949* (Cambridge, Mass., 1995).

N. Naimark and L. Gibianskii (eds.), *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944-1949* (Boulder, 1997).

F. M. Ottanelli, *The Communist Party of the United States: From the Depression to World War II* (New Brunswick, 1991).

S. Payne, *The Spanish Civil war, the Soviet Union, and Communism* (New Haven, 2004).

C. Pannetier and B. Pudał (eds.), *Autobiographies, autocritiques, aveux dans le monde communiste* (Paris, 2002).

S. Pons, *Stalin and the Inevitable war 1936-1941* (London, 2002).

B. Pudał, *Prendre parti. Pour une sociologie historique du PCF* (Paris, 1989).

E. Rosenhaft, *Beating the Fascists? The German Communists and Political Violence, 1929-1933* (Cambridge, 1983).

P. Spriano, *Stalin and the European Communists*, trans. J. Rothschild (London, 1985).

P. J. Stavrakis, *Moscow and Greek Communism, 1944-1949* (Ithaca, 1989).

L. Stern, *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank* (London, 2007).

P. Togliatti, *On Gramsci, and Other Writings*, trans. D. Sassoon (London, 1979).

T. Toranska, *Oni: Stalin's Polish Puppets*, trans. A. Kolakowska (London, 1987).

J. Vigreux and S. Wolikow (eds.), *Cultures communistes au XXe siecle. Entre guerre et modernite* (Paris, 2003).

A. Weiner, *Making Sense of War* (Princeton, 2001).

P. Zinner (ed.), *National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe: A Selection of Documents on Events in Poland and Hungary* (New York, 1986).

E. Zubkova, *Russia after the War. Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945-1957* (New York, 1998).

V. Zubok and C. Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev* (Cambridge, Mass., 1996).

Алеет Восток

D. Apter and T. Saich, *Revolutionary Discourse in Mao's Republic* (Cambridge, Mass., 1994).

C. Armstrong, *The North Korean Revolution, 1945-1950* (Ithaca, 2003).

- G. Benton, *Mountain Fires. The Red Army's Three-Year War in South China, 1934-1938* (Berkeley, 1994).
- J. Chang and J. Halliday, *Mao: the Unknown Story* (London, 2006).
- Chen Yung-fa, *Making Revolution. The Communist Movement in East and Central China, 1937-1945* (Berkeley, 1986).
- B. Cumings, *The Origins of the Korean War* (2 vols.) (Princeton, 1981,1990).
- A. Dirlik, *The Origins of Chinese Communism* (New York, 1989). W. Duiker, *The Communist Road to Power in Vietnam* (Boulder, 1996).
- W. Duiker, *Ho Chi Minh: a Life* (New York, 2000).
- L. Feigon, *Chen Duxiu: Founder of the Chinese Communist Party* (Princeton, 1983).
- D. N. Jacobs, *Borodin: Stalin's Man in China* (Cambridge, Mass., 1981).
- B. Kerkvliet, *The Ник Rebellion. A Study of Peasant Revolt in the Philippines* (Berkeley, 1977).
- Huynh Kim Khanh, *Vietnamese Communism, 1925-1945* (Ithaca, 1982).
- S. I. Levine, *Anvil of Victory: The Communist Revolution in Manchuria, 1945-1948* (New York, 1987).
- Lin Yii-sheng, *The Crisis of Chinese Consciousness: Radical Anti-Traditionalism in the May Fourth Era* (Madison, 1979)-
- M. Y. L. Luk, *The Origins of Chinese Bolshevism: An Ideology in the Making, 1920-1928* (Hong Kong, 1990).
- D. Marr, *Vietnam 1945. The Quest for Power* (Berkeley, 1995)-
- M. Meisner, *Li Ta-Chao and the Origins of Chinese Marxism* (New York, 1970).
- M. Meisner, *Marxism, Maoism, and Utopianism: Eight Essays* (Madison, 1982).
- S. Pepper, *Civil War in China: The Political Struggle, 1945-1949*, 2nd edn (Lanham, 1999).
- T. Saich and H. van de Ven (eds.), *New Perspectives on the Chinese Communist Revolution* (Armonk, NY, 1995).
- S. Schram, *The Thought of Mao Tse-Tung* (Cambridge, 1989).
- V. Schwarcz, *The Chinese Enlightenment: Intellectuals and the Legacy of the May Fourth Movement of 1919* (Berkeley, 1986).
- M. Selden, *China in Revolution. The Yen-an way Revisited* (Armonk, NY, 1995).
- P. Short, *Mao: a Life* (London, 1999).
- Shum Kui-Kwong, *The Chinese Communists' Road to Power: the Anti-Japanese National United Front, 1935-1945* (Hong Kong, 1988).
- S. A. Smith, *A Road is Made: Communism in Shanghai, 1920-27* (Honolulu, 2000).
- E. Snow, *Red Star over China* (London, 1937).
- D.-S. Suh, *The Korean Communist Movement, 1918-1948* (Princeton, 1967).
- H. J. van de Ven, *From Friend to Comrade: the Founding of the Chinese Communist Party, 1920-1927* (Berkeley, 1991).
- C. M. Wilbur and J. Lien-ying How, *Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China, 1920-1927* (Cambridge, Mass., 1989).

B. Yang, *From Revolution to Politics: Chinese Communists on the Long March* (Boulder, 1990).

P. Zarrow, *Anarchism and Chinese Political Culture* (New York, 1990).

Империя

C. Armstrong, *The North Korean Revolution, 1945-1950* (Ithaca, 2003).

J. Bloomfield, *Passive Revolution: Politics and the Czechoslovak Working Class, 1945-1948* (London, 1979).

G. Creed, *Domesticating Revolution. From Socialist Reform to Ambivalent Transition in a Bulgarian Village* (University Park, Pa, 1998).

B. Cumings, *The Origins of the Korean War, vol 2, The Roaring of the Cataract, 1947-1950* (Princeton, 1990).

D. Filtzer, *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after world war II* (Cambridge, 2002).

M. Frazier, *The Making of the Chinese Industrial Workplace: State, Revolution, and Labour Management* (Cambridge, 2002).

E. Friedman, P. Pickowicz and M. Selden, *Chinese Village, Socialist State* (New Haven, 1991).

J. First(ed.), *LateStalinistRussia. Societybetween Reconstruction and Reinvention* (London, 2006).

Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945-1953* (New York, 2004).

S. Gundle, *Between Hollywood and Moscow: The Italian Communists and the Challenge of Mass Culture, 1943-1991* (Durham, NC, 2000).

G. H. Hodos, *Show Trials: Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948-54* (New York, 1987).

T. Judt, *Postwar. A History of Europe since 1945* (London, 2007).

P. Kenney, *Rebuilding Poland: Workers and Communists, 1945-1950* (Ithaca, 1997).

K. Kersten, *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943-1948*, trans, and eds. J. Micgiel and M. H. Bernhard (Berkeley, 1991).

D. Kertzer, *Comrades and Christians: Religion and Political Struggle in Communist Italy* (Cambridge, 1980).

S. Khilnani, *Arguing Revolution: The Intellectual Left in Post-War France* (New Haven, 1993).

D. Kideckel, *The Solitude of Collectivism. Romanian Villagers to the Revolution and Beyond* (Ithaca, 1993).

M. Lampland, *The Object of Labor: Commodification in Socialist Hungary* (Chicago, 1995).

M. Myant, *Socialism and Democracy in Czechoslovakia, 1945-1948* (Cambridge, 1981).

N. Naimark and L. Gibianskii (eds.), *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944-1949* (Boulder, 1997).

G. Pritchard, *The Making of the GDR, 1945-1953. From Antifascism to Stalinism* (Manchester, 2004).

D. Sassoon, *The Strategy of the Italian Communist Party: From the Resistance to the Historic Compromise* (London, 1981).

T. Toranska, *Oni: Stalin's Polish Puppets*, trans. A. Kolakowska (London, 1987).

Отцеубийство

D. Bachman, *Bureaucracy, Economy, and Leadership in China: The Institutional Origins of the Great Leap Forward* (Cambridge, 1991).

J. Becker, *Hungry Ghosts: China's Secret Famine* (London, 1996).

G. Bennett, with K. Kieke and K. Yoffy, *Huadong: The Story of a Chinese People's Commune* (Boulder, 1978).

M. R. Beschloss, *The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963* (New York, 1991).

M. K. Bokovoy, *Peasants and Communists: Politics and Ideology in the Yugoslav Countryside, 1941-1953* (Pittsburgh, 1998).

G. W. Breslauer, *Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics* (London, 1982).

A. Chan, *Children of Mao: Personality Development and Political Activism in the Red Guard Generation* (London, 1985).

A. Chan, R. Madsen and J. Unger, *Chen Village: The Recent History of a Peasant Community in Mao's China* (Berkeley, 1984).

P. Clark, *The Chinese Cultural Revolution. A History* (Cambridge, 2008).

M. Djilas, *Memoir of a Revolutionary*, trans. D. Willen (New York, 1973).

D. Filtzer, *Soviet Workers and DeStalinization* (Cambridge, 1992).

E. Friedman, P. G. Pickowicz and M. Selden (eds.), *Chinese Village, Socialist State* (New Haven, 1991).

Gao Yuan, *Born Red: A Chronicle of the Cultural Revolution* (Stanford, 1987).

P. Jones (ed.), *The Dilemmas of Destalinization. Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era* (London, 2006).

W. A. Joseph, C. P. W. Wong and D. Zweig (eds.), *New Perspectives on the Cultural Revolution* (Cambridge, Mass., 1991).

D. Kertzer, *Comrades and Christians. Religion and Political Struggle in Communist Italy* (Cambridge, 1980).

A. Knight, *Beria. Stalin's First Lieutenant* (Princeton, 1993).

G. Litvan (ed.), *The Hungarian Revolution of 1956: Reform, Revolt and Repression, 1953-1963*, trans. J. M. Bak and L. H. Legters (London, 1996).

C. S. Lilly, *Power and Persuasion: Ideology and Rhetoric in Communist Yugoslavia, 1944-1953* (Boulder, 2001).

R. MacFarquhar, *The Origins of the Cultural Revolution* (3 vols.) (London, 1974-97).

R. Macfarquhar and M. Schoenhals, *Mao's Last Revolution* (Cambridge, Mass., 2006).

R. MacFarquhar, T. Cheek and E. Wu (eds.), *The Secret Speeches of Chairman Mao: From the Hundred Flowers to the Great Leap Forward* (Cambridge, Mass., 1989).

R. Madsen, *Morality and Power in a Chinese Village* (Berkeley and Los Angeles, 1984).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Nien Cheng, *Life and Death in Shanghai* (London, 1986).

E. J. Perry and Li Xun, *Proletarian Power: Shanghai in the Cultural Revolution* (Boulder, 1997).

G. Peteri (ed.), *Intellectual Life and the First Crisis of State Socialism in East Central Europe, 1953-1956* (Trondheim, 2001).

J. Sheehan, *Chinese Workers: A New History* (London, 1998).

W. Taubman, *Khrushchev. The Man and his Era* (New York, 2003).

L. T. White, *Policies of Chaos: The Organizational Causes of Violence in China's Cultural Revolution* (Princeton, 1989).

S. Woodward, *Socialist Unemployment: the Political Economy of Yugoslavia, 1945-1990* (Princeton, 1995).

Партизаны

L. Aguilar (ed.), *Marxism in Latin America* (Philadelphia, 1978). C Allen, M. Radu and K. Somerville (eds.), *Benin, the Congo and Burkina Faso. Politics, Economics and Society* (London, 1989).

R. Allison, *The Soviet Union and the Strategy of Non-Alignment in the Third World* (Cambridge, 1988).

J. Anderson, *Che Guevara: A Revolutionary Life* (London, 1997).

J. M. Bunck, *Fidel Castro and the Quest for a Revolutionary Culture in Cuba* (University Park, Pa, 1994).

P. Chabal, *Amílcar Cabral: Revolutionary Leadership and People's War* (Cambridge, 1983).

N. J. Chander (ed.), *Dynamics of State Politics, Kerala* (New Delhi, 1986).

Chen Jian, *Mao's China and the Cold War* (Chapel Hill, 2001).

F. D. Colburn, *The Vogue for Revolution in Poor Countries* (Princeton, 1994).

R. Debray's *La Critique des armes* (Paris, 1974).

J. I. Dominguez, *Cuba: Order and Revolution* (Cambridge, Mass., 1978).

W. Duiker, *The Communist Road to Power in Vietnam* (Boulder, 1996).

S. Eckstein (ed.), *Power and Popular Protest. Latin American Social Movements* (Berkeley, 2001).

S. E. Eckstein, *Back from the Future: Cuba under Castro, 2nd edn* (New York, 2003).

L. Fuller, *Work and Democracy in Socialist Cuba* (Philadelphia, 1992).

A. Fursenko and T. Naftali, *Khrushchev's Cold War* (New York, 2006).

A. Fursenko and T. Naftali, *'One Hell of a Gamble': Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958-1964* (New York, 1997).

R. Gillespie (ed.), *Cuba after Thirty Years: Rectification and the Revolution* (London, 1989).

P. Gleijeses, *Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959-1976* (Chapel Hill, 2002).

P. Gleijeses, *Shattered Hope: The Guatemalan Revolution and the United States, 1944-1954* (Princeton, 1991).

E. Gonzalez, *Cuba under Castro: The Limits of Charisma* (Boston, 1974).

- R. Gott, *Guerrilla Movements in Latin America* (Oxford, 2008).
- G. Grandin, *The Blood of Guatemala: A History of Race and Nation* (Durham, NC, 2000).
- R. Harris, *Marxism, Socialism, and Democracy in Latin America* (Boulder, 1992).
- D. James, (ed.), *The Complete Bolivian Diaries of Che Guevara and Other Captured Documents* (New York, 1968).
- C. Johnson, *Communist China and Latin America, 1959-1967* (New York, 1970).
- A. Kapcia, *Cuba in Revolution. A History since the Fifties* (London, 2008).
- Z. Karabell, *Architects of Intervention: The United States, the Third World, and the Cold War, 1946-1962* (Baton Rouge, 1999).
- Kuo-kang Shao, *Zhou Enlai and the Foundations of Chinese Foreign Policy* (New York, 1996).
- S. B. Liss, *Marxist Thought in Latin America* (Berkeley, 1984).
- N. Miller, *Soviet Relations with Latin America, 1959-1987* (Cambridge, 1989).
- R. Mortimer, *Indonesian Communism under Sukarno: Ideology and Politics, 1959-65* (Ithaca, 1974).
- T. Nossiter, *Communism in Kerala. A Study in Political Adaptation* (London, 1982).
- L. A. Perez, *Cuba: Between Reform and Revolution, 2nd edn* (New York, 1995).
- M. Perez-Stable, *The Cuban Revolution. Origins, Course and Legacy* (New York, 1999).
- V. Prasad, *The Darker Nations: A People's History of the Third World* (New York, 2007).
- C. G. Rosberg and T. M. Callaghy (eds.), *Socialism in Sub-Saharan Africa: A New Assessment* (Berkeley, 1979).
- S. Schlesinger and S. Kinzer, *Bitter Fruit The Story of the American Coup in Guatemala* (Cambridge, Mass., 2005).
- L. Schoultz, *Beneath the United States: A History of U.S. Policy toward Latin America* (Cambridge, Mass., 1998).
- L. Senghor, *On African Socialism*, trans. M. Cook (New York, 1964).
- J. Smail, *Bandung in the Early Revolution, 1945-46* (Ithaca, 1964).
- P. Snow, *The StarRaft: China's Encounter with Africa* (New York, 1988).
- T. Szulc, *Fidel: A Critical Portrait* (New York, 1987).
- H. Thomas, *The Cuban Revolution* (London, 1986).
- G. Warburg, *Islam, Nationalism and Communism in a Traditional Society: The Case of Sudan* (London, 1978).
- O. A. Westad, *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times* (New York, 2005).
- T. Wickham-Crowley, *Guerrillas and Revolution in Latin America. A Comparative Study of Insurgents and Regimes since 1956* (Princeton, 1992).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
V. Zubok, A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold war from Stalin to Gorbachev (Chapel Hill, 2007).

Застой

S. Bialer, The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline (London, 1986).

G. W. Breslauer, Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics (London, 1982).

M. Burawoy and J. Lukács, The Radiant Past: Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism (Chicago, 1992).

G. W. Creed, Domesticating Revolution: From Socialist Reform to Ambivalent Transition in a Bulgarian village (University Park, Pa., 1998).

D. Deletant, Ceauseescu and the Securitate: Coercion and Dissent in Romania, 1965-1989 (London, 1995).

D. Deletant, Communist Terror in Romania: Gheorghiu-Dej and the Police State, 1948-1965 (London, 1999).

G. Ekiert, The State against Society: Political Crises and Their Aftermath in East Central Europe (Princeton, 1996).

M. Fischer, Nicolae Ceaușescu. A Study in Political Leadership (London, 1989).

M. Fulbrook, Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949-1989 (New York, 1995).

M. Fulbrook, The People's State: East German Society from Hitler to Honecker (New Haven, 2005).

C. Gati, Hungary and the Soviet Bloc (Durham, NC, 1986).

G. Golan, Reform Rule in Czechoslovakia: The Dubcek Era, 1968-1969 (Cambridge, 1973).

M. Haraszti, A Worker in a Worker's State, trans. M. Wright (New York, 1978).

A. Heitlinger, Women and State Socialism: Sex Inequality in the Soviet Union and Czechoslovakia (London, 1979).

K. H. Jarausch (ed.), Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the GDR, trans. E. Duffy (New York, 1999).

D. Kideckel, The Solitude of Collectivism: Romanian Villagers to the Revolution and Beyond (Ithaca, 1993).

R. King, A History of the Romanian Communist Party (Stanford, 1980).

J. Kopstein, The Politics of Economic Decline in East Germany, 1945-1989 (Chapel Hill, 1997).

M. Lampland, The Object of Labor: Commodification in Socialist Hungary (Chicago, 1995).

D. Lane, The Rise and Fall of State Socialism: Industrial Society and the Socialist State (Cambridge, 1996).

P. Lendvai, Eagles in Cobwebs. Nationalism and Communism in the Balkans (London, 1969).

M. Myant, The Czechoslovak Economy 1948-1988: The Battle for Economic Reform (Cambridge, 1989).

J. Navratil, The Prague Spring 1968: A National Security Archive Documents Reader, trans. M. Kramer et al. (Budapest, 1998).

- P. Pittaway, *Eastern Europe 1939-2000* (London, 2000).
- T. W. Ryback, *Rock around the Bloc: A History of Rock Music in Eastern Europe and the Soviet Union* (New York, 1990).
- V. Shlapentokh, *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in post-Stalin Russia* (New York, 1989).
- H. G. Skilling, *Charter 77 and Human Rights in Czechoslovakia* (London, 1981).
- V. Tismaneanu, *Stalinism for All Seasons: a Political History of Romanian Communism* (Berkeley, 2003).
- R. Tokes, *Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change, and Political Succession, 1957-1990* (Cambridge, 1996).
- M. Vickers, *The Albanians: A Modern History* (London, 1999).
- A. Walder, *Communist Neo-Traditionalism. Work and Authority in Chinese Industry* (Berkeley, 1986).
- K. Williams, *The Prague Spring and Its Aftermath: Czechoslovak Politics 1968-70* (Cambridge, 1997).
- S. Wolle, *Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR, 1971-1989* (Berlin, 1998).
- A. Yurchak, *Everything was Forever, until It was No More. The Last Soviet Generation* (Princeton, 2006).
- Xiaobo Lu and Elizabeth Perry, Danwei. *The Changing Chinese Workplace in Historical and Comparative Perspective* (Armonk, NY, 1997).

Кульминация

- C. Andrew and V. Mitrokhin, *The KGB and the World. The Mitrokhin Archive II* (London, 1999).
- A. Arnold, *Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq* (Stanford, 1983).
- T. Babile, *To Kill a Generation: Red Terror in Ethiopia* (Washington, DC, 1989).
- R. R. Balsvik, *Haile Sellassie's Students: The Intellectual and Social Background to Revolution, 1952-1977* (East Lansing, Mich., 1985).
- N. G. Bermeo, *The Revolution within the Revolution: Workers' Control in Rural Portugal* (Princeton, 1986).
- D. Birmingham, *Frontline Nationalism in Angola & Mozambique* (London, 1992).
- A. Bloom and W. Breines (eds.), *Takin' It to the Streets. A Sixties Reader* (New York, 1995).
- H. S. Bradsher, *Afghan Communism and Soviet Intervention* (Oxford, 1999).
- P. R. Brass and M. F. Franda (eds.), *Radical Politics in South Asia* (Cambridge, Mass., 2005).
- P. Chabal, *Amilcar Cabral: Revolutionary Leadership and People's War* (Cambridge, 1983).
- P. Chabal and D. Birmingham (eds.), *A History of post-Colonial Lusophone Africa* (London, 2002).
- P. Chabal and N. Vidal, *Angola: The Weight of History* (London, 2007).
- D. P. Chandler, *Brother Number One: A Political Biography of Pol Pot*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org (Boulder, 1992).

D. P. Chandler, *The Tragedy of Cambodian History: Politics, War and Revolution since 1945* (New Haven, 1991).

D. P. Chandler and B. Kiernan (eds.), *Revolution and Its Aftermath in Kampuchea: Eight Essays* (New Haven, 1983).

D. P. Chandler, B. Kiernan and C. Boua (eds. and trans.), *Pol Pot Plans the Future.-Confidential Leadership Documents from Democratic Kampuchea, 1976-1977* (New Haven, 1988).

I. Christie, *Machel of Mozambique* (Harare, 1988).

C. Clapham (ed.), *African Guerrillas* (Oxford, 1998).

C Clapham, *Transformation and Continuity in Revolutionary Ethiopia* (Cambridge, 1988).

H. Cobban, *The Palestinian Liberation Organisation: People, Power and Politics* (Cambridge, 1984).

B. Davidson, *In the Eye of the Storm: Angola's People* (London, 1972).

B. Davidson, *No Fist is Big Enough to Hide the Sky: The Liberation of Guinea and Cape Verde, Aspects of an African Revolution* (London, 1981).

F. Debre, *Cambodge: La Revolution de laforet* (Paris, 1976).

M. Dhada, *Warriors at Work: How Guinea was Really Set Free* (Niwt, Col., 1993)

D. L. Donham, *Marxist Modern: an Ethnographic History of the Ethiopian Revolution* (Berkeley and Oxford, 1999).

S. Ellis and T. Sechaba, *Comrades Against Apartheid* (London, 1992).

G. Evans and K. Rowley, *Red Brotherhood at War: Vietnam, Cambodia and Laos since 1975, rev. edn* (London, 1990).

M. Ezra, *Ecological Degradation, Rural Poverty, and Migration in Ethiopia. A Contextual Analysis* (New York, 2001).

A. B. Fields, *Trotskyism and Maoism. Theory and Practice in France and the United States* (New York, 1988).

C Fink, P. Gassert and D. Junker (eds.), *1968: The World Transformed* (Cambridge, 1998).

V. Fisera (ed.), *Writing on the wall: May 1968: A Documentary Anthology* (London, 1978).

R. Fraser et al., *1968: A Student Generation in Revolt* (London, 1988).

E. George, *The Cuban Intervention in Angola, 1965-1991* (London, 2005).

S. Ghosh, *The Naxalite Movement: A Maoist Experiment* (Calcutta, 1974).

D. W. Giorgis, *Red Tears: War, Famine, and Revolution in Ethiopia* (Trenton, NJ, 1989).

A. Glyn, *Capitalism Unleashed: Finance, Globalization and welfare* (Oxford, 2007).

F. A. Guimares, *The Origins of the Angolan Civil war: Foreign Intervention and Domestic Political Conflict* (London, 1997).

T. Haile-Selassie, *The Ethiopian Revolution, 1974-91: From a Monarchical Autocracy to a Military Oligarchy* (London, 1997).

M. Hall and T. Young, *Confronting Leviathan: Mozambique since Independence*

- Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org (London, 1997).
- J. Haslam, *The Nixon Administration and the Death of Allende's Chile* (London, 2005).
- S. R. Heder, *Kampuchean Occupation and Resistance* (Bangkok, 1980).
- S. R. Heder, *Pol Pot and Khieu Samphan* (Clayton, 1991).
- N. Henck, *Subcommander Marcos: The Man and the Mask* (Durham, NC, 2007).
- T. H. Henriksen, 'People's War in Angola, Mozambique, and Guinea-Bissau', *Journal of Modern African Studies* 14, 3 (1976).
- T. Hodges, *Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism* (Oxford, 2001).
- G. R. Horn, *The Spirit of '68: Rebellion in Western Europe and North America, 1956-76* (Oxford, 2007).
- A. Hyman, *Afghanistan under Soviet Domination, 1964-91*, 3rd edn (Basingstoke, 1992).
- A. Isaacman and B. Isaacman, *Mozambique: From Colonialism to Revolution, 1900-1982* (Boulder, 1983).
- K. D. Jackson (ed.), *Cambodia 1975-1978: Rendezvous with Death* (Princeton, 1989).
- D. James, *Resistance and Integration. Peronism and the Argentine Working Class, 1946-1976* (Cambridge, 1976).
- G. Katsiaficas, *The Imagination of the New Left: A Global Analysis of 1968* (Boston, 1987).
- M. N. Katz (ed.), *The USSR and Marxist Revolutions in the Third World* (Cambridge, 1990).
- E. J. Keller and D. Rothschild (eds.), *Afro-Marxist Regimes: Ideology and Public Policy* (Boulder, 1987).
- B. Kiernan, *How Pol Pot Came to Power: A History of Communism in Kampuchea, 1930-1975* (London, 1985).
- B. Kiernan, *The Pol Pot Regime: Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975-79*, 2nd edn (New Haven, 2002).
- B. Kiernan and C. Boua (eds.), *Peasants and Politics in Kampuchea, 1942-81* (London, 1982).
- M. Klimke and J. Scharloth (eds.), *1968 in Europe. A History of Protest and Activism, 1956-1977* (New York, 2008).
- P. Kornbluh, *The Pinochet File: A Declassified Dossier on Atrocity and Accountability* (New York, 2003).
- D. J. Kotze, *Communism in South Africa* (Cape Town, 1979).
- D. Kruijt, *Guerrillas* (London, 2008).
- M. H. Little, *America's Uncivil Wars* (New York, 2006).
- F. Logevall, *Choosing War: The Lost Chance for Peace and the Escalation of the War in Vietnam* (Berkeley, 1999).
- D. McAdam, *Freedom Summer* (Oxford, 1988).
- D. T. McKinley, *The ANC and the Liberation Struggle* (London, 1997).
- N. Macqueen, *The Decolonization of Portuguese Africa: Metropolitan Revolution and the Dissolution of Empire* (London, 1997).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

- B. Male, *Revolutionary Afghanistan: A Reappraisal* (London, 1982).
- J. A. Marcum, *The Angolan Revolution, Vol 1: The Anatomy of an Explosion; Vol 2: Exile Politics and Guerrilla Warfare* (Cambridge, Mass., 1969,1978).
- F. Marwat, *The Evolution and Growth of Communism in Afghanistan, 1971-79* (Karachi, 1997)-
- A. Marwick, *The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States, C.1958-C.1974* (Oxford, 1998).
- A. P. Mukherjee, *Maoist 'Spring Thunder': The Naxalite movement 1967-1972* (Kolkata, 2007).
- B. Munslow, *Afrocommunism?* (Liverpool, 1985).
- B. Munslow (ed.), *Samora Machel: An African Revolutionary: Selected Speeches and Writings*, trans. M. Wolfers (London, 1985).
- D. Ottaway and M. Ottaway, *Afrocommunism* (New York, 1981).
- M. A. Pitcher, *Transforming Mozambique: The Politics of Privatization, 1975-2000* (New York, 2002).
- S. Plant, *The Most Radical Gesture: The Situationist International in a Post-Modern Age* (London, 1992).
- F. Ponchaud, *Cambodia Year Zero* (New York, 1978).
- D. Porch, *The Portuguese Armed Forces and the Revolution* (London, 1977).
- Qiang Zhai, *China and the Vietnam Wars, 1950-1975* (Chapel Hill, 2000).
- M. Ram, *Maoism in India* (New York, 1971).
- R. Ray, *The Naxalites and their Ideology*, 2nd edn. (New Delhi, 2002).
- M. Rothschild, *A Case of Black and White. Northern Volunteers and the Southern Freedom Summers, 1964-1965* (Westport, 1982).
- A. Z. Rubinstein, *Moscow's Third World Strategy* (Princeton, 1988).
- J. S. Saul (ed.), *A Difficult Road: The Transition to Socialism in Mozambique* (New York, 1985).
- R. J. Spalding, *Capitalists and Revolution in Nicaragua: Opposition and Accommodation, 1979-1993* (Chapel Hill, 1994).
- R. J. Spalding (ed.), *The Political Economy of Revolutionary Nicaragua* (London, 1987).
- A. Tiruneh, *The Ethiopian Revolution, 1974-1987: A Transformation from an Aristocratic to a Totalitarian Autocracy* (Cambridge, 1993).
- J. Young, *Peasant Revolution in Ethiopia: the Tigray People's Liberation Front, 1975-1991* (Cambridge, 1997).
- B. Zewde, *History of Modern Ethiopia, 1855-1991*, 2nd edn (Oxford, 2001).
- V. M. Zubok, *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill, 2007).

Революции-близнецы

- R. Baum, *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping* (Princeton, 1994).
- R. Baum, *Reform and Reaction in post-Mao China: the Road to Tiananmen* (New York, 1991).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
D. S. Bell (ed.), *Western European Communists and the Collapse of Communism* (Oxford, 1993).

G. Breslauer, *Gorbachev and Yeltsin as Leaders* (Cambridge, 2002).

A. Brown, *The Gorbachev Factor* (Oxford, 1996).

A. Brown, *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective* (Oxford, 2007).

M. Burawoy and J. Lukacs, *The Radiant Past: Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism* (Chicago, 1992).

Chen Fong-ching and Jin Guantao, *From Youthful Manuscripts to River Elegy: The Chinese Popular Cultural Movement and Political Transformation 1979-1989* (Hong Kong, 1997).

Dingxin Zhao, *The Power of Tiananmen: State-Society Relations and the 1989 Beijing Student Movement* (Chicago, 2001).

G. Ekiert, *The State against Society: Political Crises and Their Aftermath in East Central Europe* (Princeton, 1996).

M. Friedman, *The Neoconservative Revolution: Jewish Intellectuals and the Shaping of Public Policy* (Cambridge, 2006).

M. Fulbrook, *Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR, 1949- 1989* (Oxford, 1995).

T. Garton Ash, *The Polish Revolution: Solidarity, 1980-82* (London, 1983).

M. Goldman, *Sowing the Seeds of Democracy in China: Political Reform in the Deng Xiaoping Era* (Cambridge, Mass., 1994).

M. Gorbachev, *Memoirs* (London, 1997).

S. Hellman, *Italian Communism in Transition: The Rise and Fall of the Historic Compromise in Turin 1975-1980* (New York, 1988).

Jing Wang, *High Culture Fever: Politics, Aesthetics, and Ideology in Deng's China* (Berkeley, 1996).

P. Kenney, *A Carnival of Revolution: Central Europe 1989* (Princeton, 2002).

J. Kopstein, *The Politics of Economic Decline in East Germany, 1945-1989* (Chapel Hill, 1997).

S. Kotkin, *Armageddon Averted. The Soviet Collapse, 1970-2000* (Oxford, 2000).

L. Kiirti, *Youth and the State in Hungary: Capitalism, Communism and Class* (London, 2002).

R. Laba, *The Roots of Solidarity: A Political Sociology of Poland's Working-Class Democratization* (Princeton, 1991).

K. J. Lepak, *Prelude to Solidarity: Poland and the Politics of the Gierek Regime* (New York, 1988).

M. Lewin, *The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation* (London, 1988).

B. Magas, *The Destruction of Yugoslavia: Tracking the Break-up 1980-92* (London, 1993).

C. S. Maier, *Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany* (Princeton, 1997).

D. Mason, *Public Opinion and Political Change in Poland* (Cambridge, 1985).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
B. Miller, Narratives of Guilt and Compliance in Unified Germany: Stasi Informers and their Impact on Society (London, 1999).

J. R. Millar (ed.), Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens (Cambridge, 1987).

A. Nathan and P. Link (eds.), The Tiananmen Papers (London, 2001).

A. J. Nathan, Chinese Democracy (New York, 1985).

V. Nee and D. Stark with M. Selden (eds.), Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe (Stanford, 1989).

J. C Oi, State and Peasant in Contemporary China: The Political Economy of Village Government (Berkeley, 1989).

M. Oksenberg, L. R. Sullivan and M. Lambert (eds.), Beijing Spring, 1989: Confrontation and Conflict: The Basic Documents, trans. H. R. Lan and J. Dennerline (New York, 1990).

M. Osa, Solidarity and Contention: Networks of Polish Opposition (Minneapolis, 2003).

D. Philipsen, We were the People: Voices from East Germany's Revolutionary Autumn of 1989 (Durham, NC, 1993).

G. Sanford (ed. and trans.), Democratization in Poland 1988-90: Polish Voices (Basingstoke, 1992).

S. Shirk, The Political Logic of Economic Reform in China (Berkeley, 1993).

V. Shue, The Reach of the State: Sketches of the Chinese Body Politic (Stanford, 1988).

R. G. Suny, The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union (Stanford, 1993).

R. L. Tokes, Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change, and Political Succession, 1957-1990 (Cambridge, 1996).

B. Wheaton and Z. Kavan, The Velvet Revolution: Czechoslovakia, 1988-1991 (Boulder, 1992).

E. Wood, Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador (Cambridge, 1993).

S. Woodward, Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War (Washington, DC, 1995).

Эпилог

G. Breslauer, Gorbachev and Yeltsin as Leaders (Cambridge, 2002).

C Bukowski and B. Racz (eds.), The Return of the Left in post-Communist States: Current Trends and Future Prospects (Cheltenham, 1999).

M. Burawoy and K. Verdery (eds.), Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the post-Socialist World (Lanham, 1999).

J. G. Castaneda, Utopia Unarmed: The Latin American Left after the Cold War (New York, 1993).

L. J. Cook, M. A. Orenstein and M. Rueschemeyer (eds.), Left Parties and Social Policy in post-Communist Europe (Boulder, 1999).

K. Dawisha and B. Parrott (eds.), The Consolidation of Democracy in East-Central Europe (Cambridge, 1997).

S. Eckstein (ed.), Power and Popular Protest. Latin American Social Movements (Berkeley, 2001).

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

G. Eyal, I. Szelenyi and E. Townsley, Making Capitalism without Capitalists: Class Formation and Elite Struggles in post-Communist Central Europe (London, 1998).

C. M. Hann (ed.), Post-Socialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia (London, 2002).

N. Henck, Subcommander Marcos. The Man and the Mask (Durham, NC, 2007).

A. Knight, Spies without Cloaks: The KGB's Successors (Princeton, 1996).

K. Louie, Theorizing Chinese Masculinity (Cambridge, 2002).

J. Nochlin, Vanguard Revolutionaries in Latin America (Boulder, 2003).

D. S. Palmer (ed.), The Shining Path of Peru (London, 1992).

P. Reddaway and D. Glinski, The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism against Democracy (Washington, DC, 2001).

S. Shirk, China. Fragile Superpower (Oxford, 2007).

S. Stern (ed.), Shining and Other Paths: war and Society in Peru, 1980-1995 (Durham, NC, 1998).

K. Verdery, What was Socialism and What Comes Next? (Princeton, 1996).

Примечания

1

Тенденциозное противопоставление. Великая французская революция тоже была направлена против бедности и угнетения. По крайней мере бедность во Франции в 80-е годы XVIII века была куда больше, чем в ГДР в 80-е годы XX века.

2

Эта попытку совершили в 1996 году, когда была принята резолюция ПАСЕ № 1096, которая положила начало инициативе по осуждению коммунизма. Уже к 2004 году дискуссия показала, что большинство специалистов не относят коммунизм к тоталитарным идеологиям, и 25 января 2006 года резолюция ПАСЕ осудила не коммунистическую идеологию как таковую, а некий «тоталитарный коммунизм». Рекомендации к резолюции, составленные инициаторами ее принятия и разъяснявшие текст в антикоммунистическом духе, не набрали необходимого числа голосов и не вступили в силу. Таким образом, ПАСЕ осудила только тоталитарную практику под коммунистическими знаменами, а не идеологию коммунистов и «реальный социализм» как таковой.

3

По крайней мере в России это требование довольно популярно.

4

В действительности неоднократно высказывались довольно точные пророчества о последствиях внедрения в жизнь проектов Маркса и Ленина. Так, предупреждения М.А. Бакунина были высказаны за несколько десятилетий до начала советского проекта. О перспективе распада СССР за два десятилетия предупреждал А.А. Амальрик в знаменитой работе «Доживет ли СССР до 1984 года» (1969)–

5

Предложенные автором черты «наследников Прометея» характерны не только для коммунистов, а для любых радикальных сторонников прогресса и равноправия.

6

Троцкий отстаивал мнение о том, что сталинизм в основе своей – консервативный режим бюрократов, развращенных буржуазной моралью. Л. Троцкий. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? / ссылка автора на L. Trotsky, *The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and where is It Going?* (New York, 1970), pp. 101-4. Анализ троцкизма см. в В. Knei-Pa7-*The Social and Political Thought of Leon Trotsky* (Oxford, 1975). pp. 380-410.

7

Саймон Голдхилл утверждал, что греческая трагедия изображала проблемы, присущие «гражданским обществам», сложившимся в древнегреческих городах-государствах, ведь более «современные», «демократические» идеи взяли верх над древней аристократической традицией, описанной Гомером. S. Goldhill, *Reading Greek Tragedy* (Cambridge, 1986), pp. 77-8, 155-6, chs. 3-4.

8

Здесь правильнее говорить о социальной системе, так как о политическом устройстве в этом определении не упоминается.

9

Р. Берки указывает на четыре направления внутри социализма: эгалитаризм, морализм, рационализм и либертарианство. Он утверждает, что и марксизм включал эти направления, из которых либертарианство было самым слабым. R. Berki, *Socialism* (London, 1975)-

10

Д. Пристланд не сообщает, откуда он взял, что Прометей отличался такими чертами.

11

Цитата на русском языке по переводу В. О. Нилендера «Прометей прикованный» в Хрестоматии по античной литературе, том 1 (М.: Просвещение, 1965). «Эти слова цитирует К. Маркс, говоря о положении философии в государстве (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Диссертация. Предисловие. Соч. Т. I. С. 12)». О влиянии мифа о Прометее на К. Маркса см. в L. P. Wessel, *Prometheus Bound. The mythic structure of Karl Marx's scientific thinking* (Baton Rouge, 1984).

12

Когда К. Маркс писал свою диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (степень доктора присвоена в 1841 году), он еще не «выковывал» коммунистическую доктрину и вообще не был сторонником коммунистических взглядов, к которым пришел через несколько лет после этого совершенно независимо от Прометея.

13

Связь некоего «прометеизма» Маркса (даже если бы он существовал) и взглядов большинства противников царизма в России сомнительна хотя бы потому, что движение против самодержавия долго развивалось безо всякого участия

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
марксизма.

14

Д. Пристланд явно преувеличивает роль Прометея в формировании идеологий XIX века. Но влияние на этот процесс оказала республиканская античная традиция в целом.

15

Эти формы коммунизма: «романтический», «радикальный», «модернистский» и «прагматический», – разумеется, представляют собой идеальные конструкты. Они редко существовали в чистом виде и часто пересекались. Элементы романтики марксизма, сильно проявившиеся в ранних работах Маркса, – это прежде всего выраженное «либертарианство» (в терминах Берки), минимальная заинтересованность в политической власти, стремление преодолеть человеческое отчуждение и побудить к созиданию. Эти черты вновь появляются в рамках «западного марксизма» в 1950-е и 1960-х годы. Об этом говорится в главе 15. О различиях между ответвлениями внутри партии и «включении» режимов в число коммунистических см. K. Jowitt, *New World Disorder. The Leninist Extinction* (Berkeley, 1992), ch. 3.

16

Под либерализмом здесь имеется в виду политическая и экономическая свобода.

17

Во Второй интернационал входили социалистические партии, которые состояли как из марксистов, так и из сторонников других социалистических учений.

18

Этот ряд начинается с Белграда в главе с Иосипом Броз Тито (разрыв с СССР произошел в 1948 году).

19

Гражданская война в Англии закончилась в 1648 году. В данном случае корректнее говорить о том, что движение диггеров развивалось во время Английской революции 1640–1660 годов.

20

Хотя С. Морешаль и Н. Бабёф принадлежали к одной организации, они придерживались разных взглядов. С. Морешаль выступал за максимальную свободу человека, предложил проект манифеста, где говорилось о ликвидации различий между управляющими и управляемыми. Этот протоанархический проект был отвергнут сторонниками Бабёфа (Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. – Т. 2. – М., 1963– – С. 136).

21

Имеется в виду Парижская коммуна времен Великой Французской революции, которую не следует путать с более знаменитой Парижской коммуной 1871 года.

22

Серьезные революционные выступления происходили в Европе и в 1820-е годы – в Испании, Португалии, Италии и Греции.

23

Бабёф был казнен 27 мая 1797 года.

24

Этот набор коммунистических идей существовал с XVI века (не говорилось об использовании революционных действий, которые, однако, не отрицал такой коммунистический идеолог, как Т. Кампанелла). Особенностью взглядов Бабёфа и его последователей (бабувистов, затем бланкистов) стало соединение якобинизма и коммунистической идеи.

25

Большинство коммунистов тоже не были рабочими ни в XIX веке, ни в XX веке.

26

У Ш. Фурье были и более реалистичные и конкретные предложения, оказавшие воздействие на развитие социалистического движения, но ускользнувшие от внимания Д. Пристланда. См., например: Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб // Утопический социализм. – М., 1982; Жид Ш. Пророчества Фурье // Творцы кооперации. – М., 1991; Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. – М., 2007. – С. 44-48.

27

Прудон недвусмысленно выступил за ликвидацию частной собственности, которую стремился заменить владением работников. Он писал, например: «Собственность есть присвоенное собственником и ни на чем не основанное право на вещь, отмеченную им его печатью» (Прудон П.Ж. – Что такое собственность? – М., 1998. – С. 110). «Общественный порядок и безопасность граждан требовали только гарантии владения – зачем же закон создал собственность?» (с. 75)

28

Прудон выступал за равноправие и взаимопомощь работников. Ключевое разногласие прудонизма со сторонниками авторитарного социализма – и бабувистами, и марксистами – заключается в другом. Прудон как «отец» анархизма выступал против централизации в социалистическом обществе, за широкое самоуправление работников, владеющих своим производством. Подробнее о концепции П.Ж. Прудона см.: Шубин А.В. Указ. соч., с. 90-191

29

Фурье не без оснований настаивал на принципиальных отличиях его взглядов от того, что делает Оуэн (Утопический социализм, с. 267). О сходстве и различии двух концепций см.: Шубин А.В. Указ. соч., с. 63-67.

30

Оуэн, его последователи, а также фурьеристы предпринимали попытки осуществить свои идеи на практике – иногда успешно. Они рассчитывали не только на моральные, но и на социально-экономические стимулы (а Фурье и вовсе не надеялся на высокую мораль). Их отличие от бабувистов и затем марксистов в другом – коммунистический проект Бабёфа, бланки и Маркса мог быть осуществлен в масштабах страны и мира, а Оуэн и Фурье надеялись создать новые отношения сначала в масштабах отдельных общин и союзов.

31

Выше сам Д. Пристланд справедливо указывает на противоречивость взглядов Маркса.

32

Здесь автор очень вольно трактует учение Г. Гегеля. В частности, в центре его учения об истории стоит не человеческий, а мировой дух (например: Гегель Г. Философия духа. Соч. – Т. 3. – М., 1956. – С. 329).

33

Лидеры младогегельянцев Б. Бауэр, А. Руге и др. не интересовались проблемами частной собственности, что затем привело к размежеванию с ними К. Маркса. В кружке младогегельянцев первым сторонником социализма стал М. Гесс (см., например: Лапин Н.И. Молодой Маркс. – М., 1986).

34

Корректнее говорить (не по Руссо, а по Марксу) о прекращении господства людей и вещей над человеком. Маркс пишет о «действительной свободе, деятельным проявлением которой как раз и является труд» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 2. – С. 109), который рассматривается как коллективное действие. Таким образом, свобода по Марксу проявляется коллективно, и говорить о прекращении зависимости человека от других людей не приходится.

35

Маркс не предлагал строить новое общество по образцу Древних Афин, рассматривая «отчуждение» не как политическое, а как более глубокое социально-экономическое явление.

36

В ранних трудах Маркс далеко не сразу признал, что его идеал – коммунизм. В письме к А. Руге (1843) Маркс трактует коммунизм еще как «одностороннее осуществление социалистического принципа», «особое выражение гуманистического принципа» (Соч. Т. 1. – С. 380).

37

Маркс понимал, что в «варварский» период человек не мог контролировать «экономическую сторону жизни», так как не мог контролировать силы природы.

38

За децентрализацию выступал и Фурье, с которым Д. Пристланд «сближает» Маркса.

39

Имеется в виду «Манифест коммунистической партии», опубликованный в 1848 году, то есть через 4 года после обсуждаемых здесь ранних Рукописей Маркса.

40

Ни в «Манифесте коммунистической партии», ни в последующих работах Маркса и Энгельса социализм не выделяется как самостоятельная фаза. О двух фазах коммунизма Маркс упоминает через три десятилетия в «Критике Готской программы» (1875), но тоже не называет первую фазу коммунизма социализмом. Такое наименование утвердилось уже в XX веке, а в XIX веке слова «социализм» и «коммунизм» употреблялись либо как синонимы, либо как наименования разных концепции посткапиталистического общества.

41

Точнее будет сказать, что режим Луи Филиппа поддерживал принцип частной собственности. Со свободой конкуренции дело обстояло хуже, так как «король биржевиков» поддерживал прежде всего крупный банковский капитал, а права средней буржуазии ущемлялись. Говоря о концентрации банковского капитала при потворстве правительства, Gazette de France возмущалась в 1846 году: «Какая же свобода сделок может существовать в этих условиях?»

42

Гражданская война в Швейцарии, которая была вызвана восстанием консерваторов, а не революционеров, была мало связана с последующей цепной реакцией революций в Европе, начавшейся с восстания против Луи Филиппа во Франции в феврале 1848 года.

43

Изложенная точка зрения Маркса расходится с оригинальным взглядом Троцкого, который он выдвинул в 1905 году. Он предлагал не ждать, пока власть захватит буржуазия, а брать ее сразу силами пролетариата («Искра». За два года. – СПб., 1906. – Т. 2. – С. 176.; подробнее см.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории, с. 582-591)-

44

В этот период Маркс и Энгельс призывали к проведению радикальной Демократической, но все же еще не социалистической политики, время которой, по их мнению, наступит позднее. Обращаясь к рабочим, Маркс и Энгельс советовали готовиться к будущему моменту (возможно скорому, но еще не наступившему), когда им предстоит выступить со своими самостоятельными требованиями (Соч. – Т. 6. – С. 513)- Этот вопрос позднее приобрел большое значение и подробно разбирался в марксистской литературе в связи с противоречиями большевиков и меньшевиков по поводу действий пролетарской партии в демократической революции.

45

Французская интервенция осуществлялась в Папской области. На севере Италии революционные очаги были разгромлены силами Австрии.

46

Период был вполне революционным. Революция во Франции началась в 1870 году свержением Наполеона III. В этот же период в Европе происходила также Испанская революция 1868-1874 годов.

47

Париж был осажден в сентябре 1870 года – январе 1871-го. Оборонительные бои в Сталинграде продолжались в августе-ноябре 1942 года. Обе осады значительно уступают по длительности годовой осаде Севастополя 1854-1855 годов, а «рекордсменом» в указанный Д. Пристландом период является осада Ленинграда в 1941-1944 годах.

48

Поводом к восстанию, которое привело к установлению Парижской коммуны, стало не подписание перемирия 28 января, а попытка разоружения рабочих 18 марта 1871 года.

49

Правильнее говорить о социалистическом большинстве. Среди избранных 26 марта депутатов, согласившихся участвовать в работе Коммуны, был 31 интеллигент, 25 (по другим данным – 28) рабочих, 8 служащих, 2 мелких предпринимателя, 1 ремесленник и 1 офицер.

50

Было избрано 85 человек, но 17 отказались участвовать в работе, а один – О. Бланки – находился в тюрьме за пределами Парижа.

51

Первый интернационал, созданный в 1864 году, состоял не из партий, а из секций. Он назывался «Международное товарищество рабочих» и фактически сам был международной социалистической партией.

52

Депутат Л. Франкель запросил мнение Маркса о политике, которую следовало проводить (на этом основании его иногда относят к депутатам-марксистам). Советы Маркса носили тактический характер, сводились в основном к необходимости действовать решительнее. Ничего специфически «марксистского» они не содержали и практически не оказали воздействия на политику Коммуны. В целом Коммуна (включая Франкеля) проводила преимущественно прудонистскую социально-экономическую политику. Подробнее см.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории, с. 302-334-

53

В этом Маркса и его сторонников давно убеждали их оппоненты по Интернационалу во главе с М. Бакуниным. Но только опыт Коммуны (который, впрочем, отличался от описанной здесь идеальной картины) привел к демократическому сдвигу во взглядах Маркса и Энгельса. Подробнее см.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории, с. 277-283, 288-294, 333-336.

54

Первый и единственный опубликованный при жизни автора том «Капитала» вышел в 1867 году, то есть до Парижской коммуны. Поэтому этот труд не может свидетельствовать об утрате «веры в героизм пролетариата», которому Маркс отдает должное в работах о Парижской коммуне.

55

Маркс «начал интересоваться» современной экономической ситуацией уже в 1840-е годы и с тех пор никогда не прекращал заниматься экономической проблематикой. Некоторые идеи «Капитала» содержатся уже в его работе «Нищета философии» 1847 года.

56

Эти идеи были присущи Марксу и Энгельсу и раньше. В 1845 году Энгельс утверждал, что в коммунистическом обществе «управлению придется вестись не только отдельными сторонами общественной жизни, но всей этой жизнью во всех ее отдельных проявлениях, во всех направлениях... Мы и требуем пока того, чтобы государство объявило себя всеобщим собственником и как таковое управляло бы общественной собственностью на благо всего общества...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 532-548). В целом здесь и далее Д. Пристланд преувеличивает глубину перемен взглядов Маркса и Энгельса на рациональность коммунистического общества в этот период. По крайней мере со второй половины 1940-х годов они выступали за централизованное рационально управляемое коммунистическое общество. В результате событий Парижской коммуны произошло даже некоторое смягчение этой модели в политической

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org части, где программа марксизма стала менее этатистской.

57

Маркс и не давал таких обещаний, резко выступая против сторонников фабричного самоуправления Прудона, Лассаля и Бакунина. Максимальные уступки сторонникам производственного самоуправления в Интернационале, на которые он готов был идти, – это признание рабочих кооперативов как «социальных опытов», «переходных форм», полезных для создания единой коммунистической ассоциации работников (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 16. – С. 9; Т. 25. – Ч. 1. – С. 484).

58

Karl Marx, *Capital* (3 vols.) (New York, 1967), vol. I, pp. 330, 337.

59

Здесь речь, очевидно, идет о капитализме, а не о коммунизме. Маркс не одобряет это положение, а анализирует его как общество, подлежащее преодолению.

60

Marx, *Capital*, vol. III, p. 820. См. также A. Rattansi, *Marx and the Division of Labour* (London, 1982).

61

О понятии научных законов в истории см. K. Marx, *Preface and Introduction to a Contribution to the Critique of Political Economy* (Beijing, 1976), pp. 3-4

62

«Ответ» последовал раньше, чем появились эти течения – ведь Маркс и Энгельс настаивали на научности своей концепции уже в 1840-е годы. Однако они действительно внимательно следили за новейшими достижениями естественных наук, используя их выводы для подтверждения своей философской концепции. Большой удачей для возникающего марксизма стало распространение учения Ч. Дарвина об эволюции видов.

63

Цитируется по W. Henderson, *A Life of Friedrich Engels* (London, 1976), vol. II, p. 569.

64

F. Engels, *Dialectics of Nature*, trans. C Dutt (London, 1940), ch. 2.

65

F. Engels, *Anti-Duhring. Herr Eugen Duhring's Revolution in Science* (Moscow, 1959), p. 82.

66

Не будем забывать, что Энгельс оставался сторонником революционного развития и не стал фаталистом. На поставленный Д. Пристландом вопрос следуют не только фаталистические ответы: историческое развитие может

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org происходит с разной скоростью и в разных вариантах, на что может влиять политически активный человек.

67

См. введение Энгельса к изданию 1895 года «Классовой борьбы во Франции» Маркса, MECW, vol. I, pp. 187-204.

68

Будущему специально посвящена «Критика Готской программы» К. Маркса и ряд других работ.

69

K. Marx and F. Engels, *Communist Manifesto*, p. 234. См. также D. Lovell, *Marx's Proletariat: the Making of a Myth* (London, 1988), p. 177.

70

Маркс предполагал, что диктатура пролетариата возникнет до коммунизма, даже его «ранних стадий». Диктатура пролетариата – это государство переходного периода от капитализма к коммунизму (Соч. – Т. 19. – С. 27-29), а не государство «ранней стадии коммунизма».

71

Хотя взгляды Маркса на пролетариат и государство оставались противоречивыми, в 1871 году он уверенно утверждал, что пролетариат раздавит государственную машину, как это сделала Парижская коммуна.

72

Судя по предыдущей части книги, эти термины автора можно интерпретировать как приверженность гуманистической «утопии» («романтизм»), революционности («радикализм»), индустриальному прогрессу («модернизм»).

73

Это преувеличение. Маркс и Энгельс не участвовали в подготовке создания Интернационала. Маркс присутствовал, но не выступал на его учредительном собрании. Но затем он вошел в Генеральный совет Интернационала как ученый, способный помочь в работе этой рабочей организации.

74

Это произошло только после раскола Интернационала в 1872-1873 годах.

75

Прудон не участвовал в работе Интернационала, так как уже тяжело болел и умер в 1865 году. В Интернационале участвовали прудонисты.

76

Александр Михайлович Бакунин, отец революционера, был дворянином, но не графом.

77

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Все же противоречия между Марксом и Бакуниным не ограничивались приведенным здесь обменом оскорблениями и носили концептуальный характер. Маркс и его последователи выступали за социально-экономический централизм будущего общества, которое должно развиваться по единому плану. Бакунин вслед за Прудоном выступал за общество, состоящее из самоуправляемых коллективов, которое объединяется в свободно созданные ассоциации. Подробнее см.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории, с. 218-238, 277-294

78

Имеется в виду Интернационал до его раскола. Позднее обе фракции, претендовавшие на наследство Интернационала, – и союзники Маркса, и союзники Бакунина, продолжали собираться на конгрессы Интернационала. Марксисты провели конгресс в 1873 году и официально закрыли свой Интернационал в 1876 году. Конгрессы антиавторитарного Интернационала продолжались до 1877 года.

79

Эта экономика оставалась «современной» до 1929 года, после чего претерпела еще несколько волн глубоких изменений.

80

Имеется в виду расширение избирательного права, которое в ряде стран Западной Европы стало распространяться на рабочих. Тем не менее жестокие, подчас кровавые столкновения между стачечниками и силами охраны буржуазного порядка продолжались и в конце XIX и в начале XX века.

81

В этот период значительная часть рабочих Запада выбрала не марксизм, а анархизм и синдикализм (близкая анархизму, но более умеренная идеология перехода производства к рабочим организациям и самостоятельности профсоюзов от партийно-государственного контроля). Синдикализм, а не марксизм преобладал в рабочем движении Франции. В Великобритании господствующее положение сохранял тред-юнионизм. Даже в социал-демократии Германии марксизму приходилось уживаться с влиянием лассальянства. Затем в Италии и ряде других стран стали набирать силу христианские профсоюзы.

82

Эти права рабочих признавали и британские консерваторы. Именно они, а не либералы, расширили избирательные права в 1867 году.

83

Подавление восстания в Барселоне было менее жестким, чем расправа над коммунарами в 1871 году. В 1909 году было казнено 5 человек. Возмущение в Европе вызвала скорее несправедливость приговора. Среди казненных был известный педагог-анархист Ф. Феррер, который вообще не участвовал в восстании. Впрочем, резонанс этих событий был меньшим, чем казнь в 1887 году организаторов стачки в Чикаго (тоже анархистов), в память о которых стало отмечаться 1 мая.

84

Анархисты пользовались широким влиянием не столько среди ремесленников (которым было что терять), а именно среди рабочих, составляя серьезную конкуренцию социал-демократам, а иногда и преобладая над марксистами в рабочем движении Франции, Испании, Португалии, Италии, Латинской Америки и др. Подробнее см.: Дамье В.В. Забытый Интернационал. – Т. 1. – М., 2006.

85

Основное внимание католических организаций было направлено не на борьбу с марксизмом, а на сопротивление наступлению либералов. В 1905 году именно либералы («радикалы») добились отделения государства от церкви во Франции. «Трагическая неделя» в 1909 году в Барселоне, сопровождавшаяся разгромом монастырей, тоже обошлась без марксистов.

86

В 1886 году около 700 тысяч членов.

87

Феминистский аргумент Д. Пристланда здесь не уместен – женщины были лишены избирательных прав и в Германии, где марксизм был более влиятелен. Женщины далеко не всегда голосуют именно за левых, и эта проблема, таким образом, не относится к причинам кризиса социалистического движения в США. ***

88

Маркс и Энгельс всегда связывали большие надежды с Германией, но приоритет готовности к коммунизму отдавали все же Великобритании как наиболее развитой стране капитализма.

89

Эрфуртская программа была принята уже после отмены чрезвычайных законов в 1890 году, что позволило СДПГ вернуться к парламентской тактике. В период чрезвычайных законов (1878-1890) партия существенно сдвинулась к реформизму, хотя формально продолжала выступать за революцию, отнесенную в неопределенное будущее.

90

Социал-демократическая федерация – социал-демократическая организация Великобритании в 1884-1907 годах.

91

Французская секция рабочего Интернационала. Так стала называться созданная в 1905 году объединенная социал-демократическая партия Франции, в которую вошли и марксисты.

92

В 1891 году POSSИБИЛИСТЫ присоединятся ко Второму интернационалу. В 1893 году из него будут исключены анархисты.

93

Делегаты приехали из 20 стран: Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Румынии, Сербии, США, Франции, Чехии, Швейцарии и Швеции.

94

В период Первого интернационала Маркс был вовлечен в организационную деятельность не меньше Энгельса. Именно Маркс был организатором «аппаратных» методов борьбы против Бакунина.

95

Учитывая, что с 1870 года Лавров жил в Париже, предназначенные для него пудинги в «далекую Россию» не отправлялись. Маркс и Энгельс активно контактировали с российской эмиграцией, а не с революционерами, находившимися в России.

96

Жорес был одним из лидеров СФИО. По его позиции нельзя судить об эволюции марксизма, поскольку Жорес не был марксистом. Впрочем, занимавший более радикальные позиции марксистский лидер СФИО Ж. Гед тоже эволюционировал в сторону реформизма, хотя и не так быстро, как Жорес и Мильеран.

97

Окончательного раскола не произошло. Через шесть лет после скандала 1899 года жоресисты и гедисты объединились в СФИО. Сам скандал был вызван еще и тем, что Мильеран оказался в одном кабинете с палачом Парижской коммуны генералом Галиффе. Реформы Мильерана оказались очень скромными (он ввел 11-часовой рабочий день), при нем была расстреляна рабочая демонстрация в Шалоне на Соне. Все это сделало первый опыт вхождения социал-демократа в правительство крайне уязвимым не только с идеологических, но и с прагматических, и с этических позиций. Уже в 1899 году французская рабочая партия приняла решение, что в принципе вхождение социалистов в буржуазное правительство возможно. А в августе 1914 году в правительство вошел и сам Гед.

98

Так считали только те, кто забыл об остром конфликте между Марксом и Энгельсом с одной стороны, и тремя реформистскими деятелями СДПГ, «тремя звездами» – К. Хехбергом, К. Шраммом и Э. Бернштейном в 1879–1880 годы. «Три звезды» предложили отойти от «односторонней ориентации на рабочий класс» и излишнего радикализма и насильственной революции. После острой критики «стариков» Бернштейн покаяться, но продолжил разрабатывать свои идеи в прежнем направлении, отложив открытое выступление.

99

Критика марксизма с подобных позиций была не нова. Близкие идеи высказывали possibilist П. Брусе и русский легальный марксист Б. Струве. Резонанс выступления Бернштейна объяснялся тем, что на этот раз революционный марксизм был атакован изнутри СДПГ.

100

Учитывая, что Люксембург была членом наиболее влиятельной в Интернационале СДПГ, правильнее будет сказать, что Ленин присоединился к ней. Впрочем, атаку на Бернштейна в 1899 году начал идеолог СДПГ К. Каутский.

101

Здесь автор, очевидно, смешал практически бескровную и успешную октябрьскую стачку 1905 года и декабрьскую стачку, которая переросла в вооруженное восстание в Москве и других городах.

102

О революции 1905 года см. главу II, с. 77–79

103

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Синдикалисты преобладали в рабочем движении Франции со времен Прудона и до начала XX века.

104

От сокращения названия организации – IWW.

105

Различия были принципиальными. Синдикалисты выступали против идей пролетарской партии и диктатуры пролетариата. Они считали, что рабочие профсоюзы могут сами взять экономику в свои руки.

106

Исследования империализма Люксембург, Гильфердинга и Ленина посвящены прежде всего социально-экономическим процессам монополизации и усиления роли финансового капитала, из которых вытекают шовинизм и колониализм. Исследование этих процессов привели Люксембург и Ленина к выводу о близящейся гибели капитализма.

107

Часть меньшевиков во главе с Г. Плехановым выступила с оборонческих позиций.

108

С интернационалистических позиций выступал лидер Партии социалистов-революционеров (ПСР) В. Чернов и его сторонники.

109

Против курса СДПГ на поддержку своего правительства в войне выступили Р. Люксембург и депутат – социал-демократ К. Либкнехт. Впрочем, по мере роста тягот войны в Германии становилось все больше противников продолжения войны.

110

С началом войны в России начался патриотический подъем, который продолжался до поражений 1915 года.

111

С 1914 года столица Российской империи называлась Петроградом.

112

Речь идет о пролетарской революции. Согласно марксистской теории, в относительно отсталых странах может произойти революция, но не пролетарская, а буржуазная. К пролетарской, коммунистической революции ближе развитые страны, включая Германию. Ирония в том, что когда в Германии разразилась революция в 1918 году, Каутский все еще считал, что страна не готова к созданию пролетарского государства.

113

Земства имели слишком ограниченные полномочия, чтобы считать их правительствами.

114

Имеется в виду, что в ходе реформы 1861 года земля была разделена между помещиками и крестьянами, причем не в пользу крестьян.

115

Община была полезна не только государству, но и самим крестьянам, что и обеспечивало ее сохранение даже в условиях столыпинской реформы, направленной на ее ликвидацию.

116

Крестьяне относились к государству по-разному, но очевидно, что до 1905 года большинство из них были настроены монархически.

117

Чернышевский был не марксистом, а народником.

118

Точнее – за причастность к написанию революционной листовки. ^ Обвинение не было доказано.

119

В 1862–1864 годы Чернышевский находился под арестом во время следствия, в 1864–1871 годах – на каторге, в 1871–1883 годах – в ссылке в Сибири, затем до смерти в 1889 году – в фактической ссылке в Астрахани и Саратове.

120

Выше Д. Пристланд более корректно назвал Лаврова народником. Народничество – это не аграрный, а общинный социализм. Народники считали, что общинное самоуправление может существовать не только в деревне, но и на предприятиях.

121

Лавров считал просвещение средством подготовки революции, по определению разрушительной.

122

Еще раньше, в 1868 году контакт с Марксом и его школой наладил Бакунин. Но ко времени прибытия Лаврова во Францию в 1870 году Бакунин уже вступил с Марксом в острую полемику. Лавров не поддержал полностью ни одну из сторон этого конфликта.

123

Бакунин, который сам был блестяще образован, выступал не против освоения достижений западной культуры как таковой, а против превращения научно-просветительской деятельности в магистральное занятие революционеров. Различие взглядов Бакунина и Лаврова касалось других вопросов: сроков, движущих сил революции и возможности использования институтов революционного государства для закрепления ее результатов.

124

Лавров тоже был радикален, выступал за революционное свержение самодержавия и крестьянскую революцию. Бакунин, как и Лавров, имел конструктивную программу социализма. Причем их программы были очень близки. Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч., с. 218-245.

125

Их прогнозы оправдаются, но позднее, по мере революционизации крестьянства начиная с 1905 года.

126

Организаторы «Хождения в народ» из Большого общества пропаганды увлекались идеями и Бакунина, и Лаврова, причем Бакунин сначала был более авторитетен среди участников «хождения».

127

Партия «Народная воля» образовалась в результате раскола первой народнической партии «Земля и воля» (1876-1879). Землевольцы развернули революционный терроризм, но не придавали ему такого значения, как народовольцы.

128

Покушение А. Соловьева 2 апреля 1879 года произошло до раскола «Земли и воли» и образования «Народной воли» в августе-октябре 1879 года. Затем народовольцы организовали еще три покушения, последнее из которых 1 марта 1881 года оказалось успешным.

129

Ткачев не был теоретиком «Народной воли». У партии имелись свои теоретики А. Желябов, А. Михайлов, Л. Тихомиров и Н. Морозов. Они были знакомы с взглядами Ткачева, но в большинстве своем были существенно демократичнее. См.: Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. – Саратов, 2002. – С. 260-262.

130

После 1883 года в террористической активности наступило затишье (попытка покушения 1887 года была неудачной). Высокопоставленных чиновников в России снова стали убивать с 1901 года.

131

Эта цифра представляется завышенной. Подавляющее число было убито в 1905-1907 годах. Между тем даже в 1905-1909 годах террористами было убито 2691 человек (Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М., 2001. – С. 222).

132

Точнее – в январе 1909 года. Впрочем, деятельность Азефа трудно назвать успехом охраны, потому что, будучи ее агентом, Азеф готовил реальные покушения, а его разоблачение дискредитировало не только террористов, но и самодержавие.

133

Политический вектор после голода не изменился ни при Александре III, ни даже после его смерти в 1894 году. Новый царь Николай II назвал введение

134

Ни голод, ни иные процессы 1890-х годов не произвели подобного эффекта. Народничество (взгляды которого, конечно, не были столь примитивны, как здесь изложено) продолжало доминировать среди социалистов. Полемика народников и марксистов о степени развития капитализма в России шла с переменным успехом, прежде всего потому, что само общество все еще было переходным и в нем сосуществовали и индустриальная модернизация, и капитализм, и община, и феодальные пережитки. Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч., с. 495-514.

135

К марксизму обратилось лишь меньшинство революционной интеллигенции. Большинство продолжало считать, что революционными классами являются и крестьянство, и рабочие. Практика и 1905-го, и 1917 года это подтвердила. Но народники XX века – эсеры – с уважением относились к теоретическим достижениям марксизма.

136

Имеются в виду народники.

137

Несмотря на влияние, которое Н. Чернышевский оказал на В. Ульянова, принципы социализма он унаследовал не у Чернышевского, а у Маркса.

138

Первоначально он испытывал к ним глубокое уважение. Ухудшение отношений шло постепенно. Подробнее о ранних годах жизни Ленина см.: Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. – М., 2005.

139

Это не помешало ему поступить в Казанский университет.

140

Если между Лениным и Арманд и возникли любовные отношения, ничего подобного «свободным отношениям» героев Чернышевского Ленин не допускал, сохраняя обычную семью с Крупской и товарищеские отношения с Арманд. Последняя не считалась «теоретиком социализма».

141

Университетский курс закончил экстерном и в 1891 году сдал экзамены, после чего до 1893 года работал помощником присяжного поверенного.

142

В. Ульянов обратился к марксизму под влиянием Н. Федосеева в 1888 году.

143

В. Ульянов как раз пытался в полемике с народниками доказать, что капитализм в России уже достаточно развит. Доказательству более высокой степени развития капитализма, чем считали народники, посвящена также книга

144

Подобные взгляды в это время отстаивал П. Струве, подвергшийся резкой критике со стороны В. Ульянова.

145

Манифест был принят на I съезде РСДРП в 1898 году. Проект манифеста был написан оппонентом В. Ульянова Б. Струве.

146

В результате участия в Союзе борьбы за освобождение рабочего класса.

147

Ленин, как и все социал-демократы, делал ставку на рабочий класс, признавая за элитой лишь пропагандистскую роль «внесения социалистического сознания» в пролетарские массы.

148

Марксистские взгляды Ленина этого периода вполне ортодоксальны. Он утверждал, что крестьянство «является реакционным классом» (Ленин В.И. ПСС. – т. 6. – с. 310).

149

Причиной отъезда было стремление участвовать в выпуске социал-демократической газеты.

150

Это произошло еще в 1899 году.

151

При голосовании по этому пункту устава РСДРП на ее II съезде большинство получила формулировка Мартова. Сторонники Ленина и Плеханова (до 1904 года они были союзниками) получили большинство при выборах в ЦК, после чего российские радикальные социал-демократы и стали называться большевиками.

152

Это не свидетельствует о дальновидности именно Ленина. Революцию ## в это время ожидали лидеры всех революционных партий.

153

имеется в виду разрешение на создание Собрания русских фабрично-заводских рабочих.

154

Созыв Учредительного собрания.

155

Советы стали возникать позднее. В мае 1905 года Совет возник в Иваново-Вознесенске. Широкое распространение Советы получили после октябрьской стачки.

156

Председателем Петербургского Совета был избран Г. Хрусталеv-Носарь. После его ареста 26 ноября Л. Троцкий был одним из трех сопредседателей Совета до его ареста 3 декабря.

157

Забастовка стала результатом нарастания беспартийного рабочего движения, в котором социалисты принимали активное участие.

158

имеется в виду Манифест 17 октября.

159

А также крестьянство.

160

Мысль Троцкого в этот период была скромнее. Он считал, что пролетариат должен взять власть, чтобы выполнить «черновую работу» буржуазной революции («Искра». За два года. – СПб., 1906. – Т. 2. – С. 173).

161

имеется в виду союз с либералами, который марксисты считали союзом с буржуазией.

162

Нельзя утверждать, что революция 1905–1907 годов завершилась полной неудачей. Был создан парламент, отменены выкупные платежи, разрешены профсоюзы, расширены гражданские права.

163

либералы (партия кадетов) продолжали действовать революционно (хотя и ненасильственно) и в 1906 году. В июле 1906 года они вместе с другими левыми депутатами ответили на роспуск Думы Выборгским воззванием, призывая не платить налоги, за что подверглись репрессиям.

164

Восстание охватило не только Пресню, но всю Москву. На Пресне находился очаг и последний оплот восстания.

165

Д. Пристланд упускает здесь ключевую идею Ленина – переход капитализма в «последнюю» монополистическую стадию. За борьбой государств стоят монополии.

166

В 1916 году.

167

В марте 1917 года.

168

Было и важное различие – Советы рабочих депутатов были преобразованы в Советы рабочих и солдатских депутатов, что обеспечило им поддержку военной силы.

169

Ошибка Белого не очевидна. Во всяком случае «скачок в истории» Россия совершила.

170

Один из лидеров фракции прогрессивных националистов.

171

Важнейшей причиной поражений 1915 года была нехватка снарядов, «снарядный голод».

172

Имеется в виду организация военных поставок и тыловых служб.

173

Российская армия наносила поражения австро-венгерской и в 1914–1915 годах, и в 1916 году, но полностью ее так и не разбила.

174

По юлианскому календарю (старому стилю).

175

Петроград.

176

С 26 февраля.

177

Социалисты распространяли 23 февраля в хлебных очередях листовки, содействуя началу волнений. Затем они участвовали в нападениях на полицию, инициировали создание Петроградского совета. 2 марта согласовывали с представителями Временного комитета Государственной думы программу нового правительства.

178

Рабочими, солдатами и социалистическими партиями.

179

С 5 мая. В марте-апреле в правительство входил А. Керенский, лидер трудовиков, после начала революции вступивший в Партию эсеров (ПСР).

180

В июне-июле было проведено наступление, оказавшееся неудачным (ниже его упоминает и Д. Пристланд).

181

Причины падения популярности Временного правительства заключаются не в этом, а в отказе от проведения давно назревших социальных преобразований (подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч., с. 611-629, 638-651). Лидеры радикальной оппозиции также были образованными людьми, а в правительство входили представители партий, представлявших часть рабочих и крестьян. Но политика Керенского стала вызывать недовольство даже в этих партиях.

182

Этот отказ на деле произошел вынужденно, после острого конфликта вокруг «ноты Милюкова» в конце апреля.

183

Провал произошел в июле.

184

Заготовительная кампания Временного правительства казалась относительно успешной. В январе 1917 года, при царе, было собрано 32,5 миллиона пудов. В апреле 1917 года – 18 миллионов, в мае – 52,7, в июне – 33,3. Для сравнения: после свержения Временного правительства, но когда его продовольственный аппарат еще работал, – в ноябре 1917 года было собрано 33,7 миллиона пудов хлеба. В декабре – уже 6 миллионов пудов, в январе – 2, в апреле – 1,6 (на порядок меньше, чем в том же месяце при Временном правительстве), в мае – 0,1, в июне 1918 года – 21 тысяча пудов (Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1991. С. 366).

185

Это требование было выдвинуто массовым крестьянским движением еще в 1905 году, а в 1917 году стало уже общепринятым в крестьянской среде. Оно было поддержано I съездом крестьянских Советов в мае и отстаивалось одной из самых влиятельных партий этого времени – ПСР. Другие партии тоже принимали его с различными оговорками, и вопрос заключался лишь в сроках, когда вся или почти вся помещичья земля будет передана крестьянству.

186

Важнейшая мера – введение 8-часового рабочего дня.

187

Летом требование передачи власти Советам выдвигали большевики, анархисты и левое крыло ПСР. Но тогда эти силы пользовались поддержкой меньшинства населения, Советов и войск.

Д. Пристланд подтверждает свое мнение о мотивах рабочих документами, составленными солдатами. Но это – разные социальные слои.

189

Среди политически активных рабочих требование передачи власти Советам стало преобладать только осенью 1917 года.

190

Сформулированная Д. Пристландом идея не соответствует концепции Ленина, изложенной в это время в работе «Государство и революция», которая исходит из пролетарского, а не общенародного характера революции и идеи отмирания государства уже на этапе диктатуры пролетариата.

191

Значительную часть работы над книгой Ленин проделал, уже когда скрывался в шалаше в Разливе.

192

Этот афоризм приписан Ленину и является вольным переложением его мысли из статьи «Удержат ли большевики государственную власть?»: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас вступить в управление государством. Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Таким образом, получается, что каждая кухарка должна учиться управлять государством.

193

Как раз сразу после прихода большевиков к власти они поощряли переход предприятий под контроль рабочего самоуправления, фабрично-заводских комитетов. Однако это вошло в противоречие с другой важнейшей идеей марксизма – экономическим централизмом. Выбор между этими двумя принципами Ленин сделал в апреле 1918 года – в пользу экономического централизма и подчинения рабочих управленцам. Однако Ленин не считал, что это – признание ошибки и отказ от стратегических идей «Государства и революции»; не случайно эта работа была опубликована в конце 1918 года без изменений.

194

В Апрельских тезисах Ленин выступил за республику Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов. Государство-коммуна была более удаленной задачей, время которой весной 1917 года еще не пришло. В апреле 1917 года и другие социалистические партии еще не входили в правительство.

195

Этому предшествовали массовые выступления рабочих, солдат и матросов за власть Советов, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями («июльский кризис»), в организации которых были обвинены большевики (подробнее см.: Рабинович А. Кровавые дни. – М., 1992).

196

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Власть передавалась не партии, а Советам, где большевики получили большинство. Поэтому Октябрьский переворот был приурочен ко II съезду Советов.

197

ВРК возглавлял левый эсер П. Лазимир. Троцкий возглавлял Петроградский совет, создавший ВРК.

198

Сторонники большевиков действительно ворвались в Зимний дворец, просто не через центральный, а через боковые входы и окна.

199

Здесь Д. Пристланд спутал Партию эсеров (ПСР) и Партию левых эсеров (интернационалистов) (ПЛСР). Наибольшее количество голосов на выборах в Учредительное собрание получила ПСР, а не ПЛСР. Большевики отчасти заимствовали аграрную программу эсеров. ПСР выступила категорически против Октябрьского переворота, а после разгона большевиками и левыми эсерами Учредительного собрания эсеры стали готовить вооруженную борьбу против большевизма. Левые эсеры начали действовать в 1917 году как фракция в составе ПСР. Их взгляды до весны 1918 года сближались с позициями большевиков. Левые эсеры выступали за немедленные радикальные социальные преобразования и передачу власти Советам. Поддержав Октябрьский переворот, лидеры левых эсеров были исключены из ПСР, создали ПЛСР, в ноябре-декабре вошли в Совнарком (советское правительство Ленина). Выборы в Учредительное собрание оказались для них неудачными (они шли по старым спискам вместе с популярной ПСР, но это не всегда помогало). Левые эсеры поддержали разгон Учредительного собрания Совнаркомом, стали основными авторами советского закона о социализации земли, который отличался как от предложений ПСР, так и от большевистских планов национализации земли.

200

Цели и «ценности» Октябрьской революции вполне соответствовали идеям большевиков середины 1917 года. Отказ от ценностей и задач, выраженных в лозунгах «фабрики – рабочим», «власть – советам», «мир – народам», происходил постепенно в 1918 году.

201

Имеется в виду – демократическом правлении. Большинство эсеров и меньшевиков не были близки к либерализму.

202

Более 80% – включая большевиков (что лишает смысла противопоставление их Ленину). Без большевиков социалисты имели несколько более половины голосов Собрания.

203

Демонстрации сторонников советской власти обстреливались в июле 1917 года.

204

Вышли из правительства в марте 1918 года из-за несогласия с подписанием Брестского мира, но до июля сохраняли второе после большевиков влияние в Советах.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
205

Потеря Советами реальной власти происходила постепенно и завершилась уже в ходе Гражданской войны 1918-1922 годов.

206

Государственных.

207

Типичное крестьянское хозяйство в России давно не было натуральным. Декрет о земле не касался этой темы – он передавал помещичьи и государственные земли крестьянам. Уже в июле 1918 года было объявлено о национализации земли. К этому времени продовольственные запасы крестьян уже изымались государством в соответствии с политикой продовольственной диктатуры.

208

После прихода к власти большевики отменили смертную казнь. В начале 1918 года она была восстановлена для уголовников. Политический террор развернулся после начала широкомасштабной Гражданской войны в июне 1918 года.

209

Ленин не выдвигал такой лозунг. Марксистский лозунг: «Экспроприация экспроприаторов», что не одно и то же.

210

Речь идет о практике не конца 1917 года, а времен Гражданской войны

211

Более распространена была практика уплотнения (о которой ниже), а не изгнания прежних жильцов.

212

Совнарком переехал в Москву и марта 1918 года.

213

Имеется в виду план монументальной пропаганды – создания из дешевых материалов временных памятников революционеров и мыслителей.

214

Испорчены и затем демонтированы.

215

Там были изображены гербы.

216

Теоретиков и лидеров социализма. В этом списке, составленном Лениным, были не только «отцы большевизма», но и противники марксизма, например П.Ж. Прудон и Н. Михайловский.

217

В этот момент большевистское руководство было больше обеспокоено наступлением немцев в сторону Петрограда через Эстонию и Псков.

218

С точки зрения Н. Бухарина и его сторонников – левых коммунистов, наступление немцев не могло привести к падению советской власти.

219

Мечта сбылась уже через несколько месяцев. В ноябре 1918 года в Германии началась революция.

220

Ленин не писал, что разочаровался в рабочем классе. В это время он сохранял приверженность стратегическим целям, изложенным в «Государстве и революции». Разворот его политики, зафиксированный в работе Ленина «Очередные задачи советской власти», проводился во имя экономического централизма «диктатуры пролетариата».

221

И Ленин, и Маркс были уверены, что государство исчезнет уже при переходе к низшей стадии коммунизма. Коммунизм – это безгосударственное общество. При этом Маркс не называл низшую стадию коммунизма «социализмом». См.: Маркс К. Критика Готской программы; Ленин В.И. Государство и революция.

222

Хотя весной 1918 года Ленин призывал скорее к «государственному капитализму», чем к государственному контролю над экономикой. Национализация проходила постепенно.

223

Ленин считал, что коммунистическая партия является не элитарной, а пролетарской. Практически партия была открыта для разных социальных слоев, но с явным преобладанием низов.

224

Ленин не ставил такой задачи. Ослабление власти Советов и переход реальных полномочий к центральным структурам естественно вытекали из марксистского экономического централизма.

225

Ленин этого и не хотел. Утопия Гастева (не имевшая широкого влияния) и антиутопия Замятина были доведением до крайности и даже до абсурда некоторых черт марксистского проекта, а не адекватным изложением стремлений Ленина.

226

Бывшие офицеры царской армии сражались и за красных, и за белых. Белое движение отличалось не столько высокой концентрацией офицерства, сколько своей политической программой – стремлением к подавлению революции и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org реставрации хотя бы части дореволюционных институтов авторитарными средствами (с возможностью затем провести выборы для легитимации нового режима). Лидеры белого движения Л. Корнилов и М. Алексеев не признавали авторитет Учредительного собрания 1918 года. В этом отношении они были не столько союзниками, сколько противниками эсеров, создавших правительство Комитета членов учредительного собрания (Комуч). Офицеры, симпатизировавшие «белому делу», но вынужденные сражаться под знаменами Комуча и затем либерально-социалистического правительства Директории, поддержали свержение социалистов 18 ноября 1918 года. После установления «белой» диктатуры А. Колчака ПСР выступала против белого движения, а колчаковцы развернули репрессии против эсеров.

227

Несмотря на то что Троцкий внес большой вклад в формирование Красной армии как наркомвоен, он все же не был ее единственным основателем. Создание РККА стало плодом коллективных усилий военных, советских и партийных лидеров и организаторов.

228

В действительности 34%

229

Западные правительства и после войны сохранили секретные службы, продолжавшие контролировать деятельность радикальной оппозиции (скажем, бороться с коммунистами), хотя и не в тех масштабах, как при авторитарных режимах Восточной Европы.

230

К концу Гражданской войны ЧК уже не была «новой» службой. Она возникла 7 декабря 1917 года, а по окончании Гражданской войны в 1922 году трансформирована в Главное политическое управление (ГПУ) с более ограниченными полномочиями. В 1923-м ГПУ было преобразовано в Объединенное ГПУ (ОГПУ), полномочия которого постепенно расширялись. ОГПУ как самостоятельная структура просуществовала до 1934 года, когда вошла в состав НКВД.

231

Советский коммунизм – более сложное явление, и сводить его истоки только к милитаризму – это слишком большое упрощение.

232

Д. Пристланд ссылается на работу В. Ленина «Лучше меньше, да лучше», написанную в период НЭПа, уже после Гражданской войны. Там мысль о «буржуазной культуре» изложена совсем в другом контексте. Ленин пишет не о пролетариате и не о классовой «мести», а о «юных литераторах и коммунистах», которые принялись рассуждать о «пролетарской культуре», не усвоив еще и буржуазной. В связи с этим Ленин пишет, что «для начала достаточно настоящей буржуазной культуры». Здесь, конечно, принципиально важны слова «для начала» и последующее противопоставление этой буржуазной культуры распространенным пока в Советской России культурам добуржуазного типа – чиновничьей и даже крепостнической. Ленин, таким образом, призывает не к отступлению от коммунистических идеалов, а к подтягиванию культуры коммунистов к более высокому уровню.

233

«Белая армия, черный барон» (1920), стихи П. Григорьева. «Черным бароном» назван барон Врангель, один из руководителей белого движения.

234

Эта цитата Мартова свидетельствует как раз об обратном – среди части рабочих уже белые считались меньшим из зол. Это было связано как с тяжелыми условиями жизни в городе в то время, так и с массовым уходом революционно настроенных рабочих на фронт.

235

Окончательная победа над белыми была достигнута не весной, а в ноябре 1920 года, с разгромом Врангеля. Белое движение на Дальнем Востоке продолжалось до октября 1922 года, а в некоторых местах – до 1923 года.

236

В основном в это время железнодорожное ведомство занималось не строительством, а ремонтом разрушенных железных дорог и восстановлением паровозного парка и движения.

237

По изложенной в начале книги классификации Д. Пристланда этих критиков Троцкого – участников «Рабочей оппозиции» – правильнее характеризовать не как радикалов (Троцкий тоже был радикален), а как романтиков, сторонников самоуправления, преодоления отчуждения пролетариата от власти.

238

Во время дискуссии 1921 года такой фракции не было. В 1918 году левыми коммунистами называли сторонников позиции Н. Бухарина (в 1921 году он занимал компромиссную, «буферную» позицию), а с 1923 года – самого Троцкого и его союзников в партии. В 1921 году против планов Троцкого выступали также «демократические централисты» и профсоюзные лидеры, которых поддержал Ленин.

239

Имеется в виду бывший лидер группы «Вперед» Александр Богданов, в 1921 году – социал-демократ и один из лидеров Пролеткульта.

240

Имеются в виду организации Всероссийского пролеткульта.

241

Пролеткульт не был в это время запрещен, но и не поддерживался компартией.

242

Демократический централист (децист).

243

Тамбовские повстанцы выдвигали совсем другие требования, куда менее противоречивые. Политическое руководство движением осуществляли Союзы трудового крестьянства (СТК), где преобладали эсеры. Тамбовский губернский СТК выступал за свержение власти большевиков насильственным путем и созыв Учредительного собрания. До созыва собрания власть на местах должна была устанавливаться союзами и партиями, участвовавшими в борьбе. Эта власть

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org должна была восстановить гражданские свободы, провести закон о социализации земли в редакции Учредительного собрания, осуществить частичную денационализацию при сохранении государственного регулирования производства и цен, восстановить рабочий контроль (Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 годы. «Антоновщина». Документы и материалы. – Тамбов, 1994. – С. 80).

244

Был избран Военно-революционный комитет во главе с бывшим большевиком С. Петриченко.

245

Имеются в виду Троцкий, Бухарин, «демократические централисты» и «рабочая оппозиция», полемизировавшие не только с Лениным, но и между собой.

246

Впрочем, централизованный государственный контроль (по Марксу и Ленину это не социализм, а еще диктатура пролетариата) был сохранен. Вся полнота власти и при НЭПе осталась у компартии, государство сохранило в своих руках крупные предприятия.

247

На X съезде РКП(б) был объявлено о замене продразверстки более легким продналогом. Свобода торговли продовольствием была разрешена через несколько месяцев.

248

Заготовки хлеба для городов оставались в руках государства. До 1923 года часть продовольствия поставлялась по продналогу, а затем, когда налоги были переведены в денежную форму, государство закупало хлеб.

249

Не полностью. Частное производство занимало 11% рабочих легкой промышленности и производило 45% ее продукции.

250

В начальный период НЭПа положение рабочих улучшилось и достигло примерно довоенного уровня.

251

Значительная часть молодых крестьян не желала сражаться в Красной армии и участвовала в повстанческих движениях против коммунистов. Подробнее см.: Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М., 2001; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М., 2009; Шубин А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. – М., 2005

252

В последних письмах и статьях Ленина предлагается совершенно иная, принципиально отличная от взглядов Каутского концепция строительства социализма в России. Подробнее см.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е годы. – М., 2004 . С. 38-47

253

Обычно В. Татлина относят к конструктивистам.

254

Однако башня Татлина планировалась как весьма устойчивая. Впрочем, государство Ленина также оказалось куда более устойчивым, чем надеялись его враги.

255

Членов «Союза Спартака», германских коммунистов.

256

Кожанка не относится к чертам имиджа В. Ленина. Д. Пристланд, вероятно, путает его с чекистами. В. Ленин обычно одевался примерно так же, как лидер немецких коммунистов К. Либкнехт, – в пальто и костюм-«тройку». Отличием является знаменитая ленинская кепка. Если бы Д. Пристланд обратил на это внимание, он, вероятно, мог бы и из кепки вывести какие-то принципиальные различия между российскими и немецкими коммунистами. Но гораздо важнее реальные идеологические различия, действительно имевшиеся между В. Лениным и Р. Люксембург.

257

Разногласия по поводу войны в СФИО возникли до ее начала, но лидер пацифистов Ж. Жорес был убит.

258

В нее вошли и сторонники Каутского, и будущие организаторы КПГ.

259

Р. Люксембург считала, что при определенных условиях парламент может сосуществовать с Советами.

260

Решительные действия заключались в расстрелах и убийствах революционеров без суда в январе и марте-мае 1919 года. Среди убитых были К. Либкнехт и Р. Люксембург.

261

Словацкая советская республика была провозглашена на территории, занятой Венгерской красной армией.

262

Правительство Венгерской советской республики возглавлял не Б. Кун, а социалист Ш. Гарбаи.

263

Венгерский режим был советским, но не чисто коммунистическим. Правящая Социалистическая партия Венгрии образовалась путем объединения коммунистов и социал-демократов. В целом советское правительство проводило политику,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
близкую «военному коммунизму».

264

Более распространенное название революционного подъема в Испании – «Красное шестилетие» (1917-1923 годы). Большевики как таковые играли в событиях минимальную роль. Но социалисты и анархо-синдикалисты действительно обсуждали возможность присоединиться к Коминтерну. Большинство в Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ) отказалось от этого.

265

Что характерно также для большинства массовых партий других направлений.

266

Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

267

Лидерами республики 7-14 апреля были член НСДПГ Толлер и анархист Ландауэр, а затем до поражения Советов 3 мая – коммунист Левине.

268

Вероятно, имеются в виду взгляды Богданова до Первой мировой войны, когда он был одним из лидеров большевизма, и его идеи о роли культуры в революции периода Пролеткульта.

269

Б. Кун в этом правительстве занимал пост не председателя, а наркома иностранных дел, а затем также военных дел.

270

Лукач был назначен заместителем наркома просвещения Ж. Кунфи.

271

Это большое упрощение. Ленин не был сторонником распространения в России любых западных институтов, равно как и Люксембург не призвала распространять в Германии русские порядки, и даже критиковала российских коммунистов за недостатки, обусловленные отсталостью России.

272

В Замостье (Польша) 5 марта 1871 года.

273

С оговорками. В частности, Люксембург не поддержала разгон Учредительного собрания и размах красного террора.

274

В 1918-1919 годах об отказе Ленина от радикализма (даже по классификации Д. Пристланда) говорить не приходится. В период «военного коммунизма» была предпринята попытка быстрого перехода к коммунизму.

275

Ленин отложил вопрос о централизации Коминтерна до его II конгресса.

276

В 1919 году коммунисты добились наибольших успехов в России и Германии и Венгрии. Германия была одной из наиболее развитых стран мира, а Россия и Венгрия – не аграрными, а аграрно-индустриальными странами.

277

Всеобщая рабочая партия была создана в Венгрии еще в 1880 году при участии депутата Парижской коммуны Лео Франкеля, который уже стал марксистом. В 1890 году преобразована в Социал-демократическую партию Венгрии.

278

Венгрия была аграрно-индустриальной страной. Она на 68% обеспечивала свои потребности в промышленной продукции. В 1905 году даже началось производство автомобилей.

279

Важнейшим результатом революции стало провозглашение независимости Венгрии.

280

Имеются в виду войска Антанты, которые заняли часть территории Венгрии в конце Первой мировой войны.

281

Имеется в виду создание Коммунистической партии Венгрии при содействии российских большевиков.

282

В период Брестских переговоров большевики надеялись на революцию в Австро-Венгрии, а не только в Венгрии.

283

Имеется в виду восточная часть Австро-Венгрии, административно подчиненная Венгрии. Значительная часть этой территории была населена славянскими народами, и венгры составляли в этих регионах меньшинство населения.

284

СССР тогда еще не существовал, он образовался в 1922 году.

285

Имеется в виду Советская Россия. 21 марта 1919 года.

286

Поддержка, необходимая для удержания власти от внутренних угроз,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org сохранялась. 24 июня была предпринята попытка свержения Советского правительства в Будапеште, но она была отбита.

287

Советское командование планировало удар по Румынии в мае 1919 года, но он был сорван мятежом комдива Н. Григорьева (подробнее см.: Шубин А.В. Анархия – мать порядка, с. 193-199)

288

В условиях румынского наступления.

289

Часть из них, в том числе член ЦК КПВ, руководитель комитета по обеспечению безопасности тыла Т. Самуэли, погибла в ходе развернувшегося в стране белого террора.

290

Мятеж возглавили генерал Лютвиц и командующий добровольческим корпусом капитан Эрхардт. Гражданский политик Капп планировался на место канцлера и обеспечивал политическое прикрытие попытки военного переворота.

291

Еще раньше, в марте 1919 года, в Германии разразилась гражданская война, но «спартакисты» были разбиты добровольческими корпусами, лояльными правительству.

292

Золотой стандарт был введен в 1925 году.

293

Самой большой по численности за пределами СССР во второй половине 20-х годов была Коммунистическая партия Китая.

294

Отказ от «пролетарской демократии» происходил в ряд этапов на протяжении 1918 года и не был связан только с Брестским миром.

295

Смысл этой работы заключался в критике левого экстремизма и догматизма.

296

В Европе.

297

Тем не менее в Гамбурге, где коммунисты не были предупреждены об отмене выступления, произошло восстание.

298

Это не вполне так. ИККИ включал в свой состав далеко не только советских коммунистов. Проблема заключалась в том, что и западные коммунисты часто были догматиками, и вместе с советскими разрабатывали «универсальные» решения для всех стран и случаев жизни.

299

В этом был виноват не только Кремль, но и радикальный курс местных коммунистов, менее уместный в годы экономического «бума» 1920-х годов.

300

Боевики нацистов имели лучшую материальную базу и могли позволить себе коричневую униформу, которая четко отличала их от коммунистов.

301

То есть «вождь». До 1934 года это слово не означало подражания нацистам.

302

После кровавых столкновений с полицией 1 мая 1929 года.

303

Причины Великой депрессии были гораздо глубже и сложнее, чем просто повышение процентных ставок. Подробнее см.: Шубин А.В. Великая депрессия и будущее России. – М., 2009. – С. 7~70.

304

Как раз у советских коммунистов такие стимулы сохранялись, так как нужно было закупать на Западе оборудование для осуществления планов первой пятилетки.

305

Кульминация кризиса в отношениях между коммунистическим движением и капиталистическим миром в этот период относится все же ко времени «военной тревоги» 1927 года.

306

Имеется в виду переворот чан кайши 12 апреля 1927 года, положивший начало террору против коммунистов и кризису Китайской революции и всей политики Коминтерна. Левое крыло Гоминьдана выступило против коммунистов в июле 1927 года. События в Китае вызвали острую полемику и в ВКП(б), так как означали провал политики Сталина и Бухарина. Подробнее см.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е годы. – М., 2004. – С. 132-139; Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929-1941- – М., 2004. – С. 22-24.

307

Имеются в виду кровавые столкновения левых демонстрантов с силами охраны порядка. Восстания как такового в это время в Вене не произошло.

308

Тем не менее в 1906-1907 годах И. Джугашвили руководил организацией

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
экспроприации.

309

Имеется в виду угроза со стороны Османской империи.

310

И. Джугашвили был исключен из семинарии в 1899 году, официально за неявку на экзамен.

311

И. Джугашвили стал большевиком, когда узнал о расколе в РСДРП, не позднее 1904 года. Богданов не влиял на выбор позиции Джугашвили во внутривнутрипартийном расколе и вообще на ситуацию в кавказской социал-демократии. В это время на Кавказ для разъяснения ситуации в партии были направлены эмиссары большевиков Р. Землячка и Ц. Зеликсон.

312

Ленин сравнивал партию с армией, хотя именно армейской военной организацией он восхищался. См. В. Ленин. Избранные работы в 47 т. М., 1960–1970 гг. XXI, сс. 252–253.

313

Об органических метафорах см. там же, гл. 10.

314

В период Гражданской войны роль Сталина не ограничивалась только сбором продовольствия. Сталин занимал посты: член Политбюро (с 1919 года), нарком по делам национальностей (с 1917 года), нарком госконтроля (1919–1920 годы), нарком РКИ (с 1920 года), чрезвычайный уполномоченный ВЦИК по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа (1918 год), председатель военного совета Северо-Кавказского военного округа (1918 год), член РВС Южного (1918 и 1919–1920 годы), Западного (1919 год), Юго-Западного (1920 год) фронтов, с 1920 года – член РВСР и др.

315

Несмотря на то что Сталин участвовал в «военной оппозиции», критиковавшей выдвижение старого офицерства на ведущие военные посты, в дальнейшем он и сам выдвигал офицеров старой школы, например Б. Шапошникова.

316

Поворот в политике Сталина 1928 года, о котором идет речь, был неожиданным как для бухаринцев, так и для деятелей левой оппозиции, которые прежде боролись против «правой», нэповской политики Бухарина и Сталина.

317

Среди членов Политбюро позицию Бухарина последовательно поддерживали также председатель совнаркома А. Рыков и председатель ВЦСПС М. Томский, а до 1928 года – большинство ЦК ВКП(б).

318

Левизна Троцкого не была связана с отрицанием дисциплины. Он выступал

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org против партийно-государственной бюрократии и за ускорение промышленной модернизации. Это вполне соответствует его позициям времен «военного коммунизма», и ничего «неправдоподобного» в такой левизне нет.

319

Группа Зиновьева, Каменева и их сторонников в 1925 году называлась «Новой оппозицией». «Объединенная оппозиция» действовала в 1926 году. В 1927 году левая оппозиция стала официально именоваться «Платформа большевиков-ленинцев (оппозиция)». Подробнее см.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920-1930-х годы. – М., 2004. – С. 55-150.

320

Марксистская идея заключается не в исчезновении с капитализмом морали вообще, а только буржуазной морали, на смену которой приходит коммунистическая.

321

За идеологию в этот период отвечал как раз «правый» большевик Бухарин, и до 1928 года большинство партийцев не считали его курс нарушением «идеологической чистоты».

322

Другие советские лидеры, которые не были грузинами, включая и Троцкого, разделяли опасения о возможности внешнего вторжения в СССР в это время.

323

Стремление к развитию современной тяжелой промышленности также было общим для ВКП(б). Еще до «военной тревоги» 1927 года апрельский пленум ЦК в 1926 году потребовал обратить максимальное внимание на развитие машиностроения, выплавку черных и добычу цветных металлов. XV съезд ВКП(б) ориентировал партию на «перенесение центра тяжести на производство средств производства». Причиной этого была не только внешняя угроза, но прежде всего невозможность дальнейшего развития экономики без обновления техники.

324

Первоначальные наброски плана Первой пятилетки исходили из более скромных («затухающих») темпов развития, чем те, которые были приняты в 1929 году.

325

Точнее, проблема заключалась в том, что крестьяне не продавали государству запланированное количество хлеба по имеющимся ценам.

326

Это решение было принято не единолично Сталиным, а большинством Политбюро 14 января 1928 года.

327

Члены Политбюро выехали для организации сбора хлеба не только в Сибирь, но и в другие хлебопроизводящие регионы.

328

Важнейшим источником продовольствия, по замыслу Сталина, должны были стать колхозы и совхозы. Удар по кулачеству нанесли не только для изъятия хлеба, но и для подавления сопротивления коллективизации со стороны прежней аграрной элиты.

329

Товарно-денежные отношения были сохранены, хотя их сфера существенно сузилась. Номенклатурные привилегии сохранялись и распространялись на часть рабочих.

330

Жесткого противостояния большинства Политбюро Сталину не было. Члены Политбюро колебались между сторонниками Сталина и «правых», и уже к концу 1928 года большинство встало на сторону Сталина.

331

7 ноября 1929 года Сталин опубликовал статью «Год великого перелома», в которой выступил за ускорение темпов роста по сравнению с планом Первой пятилетки, принятым в апреле-мае 1929 года. О причинах фактического отказа от прежнего плана см.: Шубин Л.В. Великая депрессия и будущее России. – М., 2009. – С. 199–203.

332

План Первой пятилетки был принят в апреле 1929 года XVI партконференцией ВКП(б) и утвержден в качестве закона V съездом советов СССР в мае 1929 года.

333

В 1928–1929 годах плановые показатели вырабатывались в ходе сложных дискуссий и многосторонних согласований между сторонниками умеренных и быстрых темпов роста, что привело к созданию двух планов («отправного» и «оптимального»), а затем принятию оптимального, который был пересмотрен в сторону увеличения в связи с началом мирового экономического кризиса в ноябре 1929 года. Параметры плана, принятого в апреле-мае 1929 года, оказались достижимыми частично. В 1933 года они были превзойдены по производству нефти, торфа, паровозов и сельхозмашин (Индустриализация Советского Союза. – Ч. 2. – М., 1999. – С. 128–129)

334

Марксистские экономисты выступали и за умеренные темпы (группа В. Громана), и за радикальные (команда В. Куйбышева). Сторонники индустриального скачка руководствовались не столько философскими соображениями Энгельса, сколько необходимостью для дальнейшего развития советской экономики в кратчайшие сроки построить отечественный комплекс производства средств производства.

335

Кампаний критики специалистов и хозяйственных руководителей начала 1930-х годов имели качественные отличия от рабочего контроля 1917 года. В 1917 году организации самоуправления, созданные самими рабочими, контролировали работу администрации в своих интересах. В начале 30-х годов кампании критики проходили под твердым контролем партийных организаций и были направлены на резкий рост производительности труда без соответствующего роста зарплаты, т. е. не только против администрации, но и против самих рабочих. Не случайно недовольные рабочие говорили, что «самокритикой покрывают зажим рабочих» (Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 годов. – М., 1998. – С. 280).

336

Реальная механизация сельскохозяйственного труда произошла позднее и только после Великой Отечественной войны обеспечила устойчивый рост производительности труда на селе по сравнению с НЭПом.

337

В ходе раскулачивания изымалась не земля (формально она была государственной), а имущество, а «кулаки» выслались. Однако это не значит, что все не вступившие в колхоз объявлялись кулаками. К 1933 году единоличниками оставались 37% крестьян.

338

Действия яacobинцев корректнее сравнивать с политикой продовольственной диктатуры времен «военного коммунизма». Яacobинцы не проводили ничего подобного коллективизации, суть которой заключается в объединении крестьян в крупные коллективные хозяйства.

339

Общинные переделы земли уже до революции не проводились в большинстве крестьянских хозяйств.

340

Колхозники получали не денежное, а натуральное вознаграждение часть урожая, оставшуюся после выполнения обязательств перед государством, пропорциональную отработанным «трудодням».

341

Как видно даже из последующего изложения Д. Пристланда, это была не месть, а действия, продиктованные стремлением получить ресурсы для дальнейшей индустриализации.

342

Таких указаний Сталина не обнаружено. Центральные органы определяли нормы сдачи продовольствия, а местные власти, стремясь их выполнить, изымали у крестьян даже семена на будущий год и запасы сухофруктов.

343

Кампании начала 1930-х годов проводились под контролем партийных структур и ими организовывались.

344

Бригады – это малочисленные коллективы, и там, в отличие от более крупных коллективов, допускались элементы выборности. Тем не менее выборы руководителей бригад также не могли быть проведены вопреки мнению вышестоящих партийных органов.

345

Никаких заявлений о «завершении революции» Сталин не делал. В своей речи 23 июня 1931 года на совещании хозяйственников Сталин призывал выполнять и перевыполнять план. Сталин дал лишь указание проявлять «побольше внимания и

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org заботы» к инженерам «старой школы». Власть руководителей-коммунистов и прежде не подвергалась сомнению. Если понимать под «революцией Сталина» индустриальный скачок Первой пятилетки, то о ее завершении можно говорить только в начале 1933 года.

346

Трудовой героизм продолжал культивироваться, что выразилось, в частности, в начале стахановского движения в 1935 году.

347

Официально в это время еще шло строительство социализма. О создании социалистического общества было объявлено в 1936–1937 годах.

348

В этот период серьезные городские волнения произошли только в Иваново-Вознесенской области.

349

Фактически сталинский «неонэп» начался уже в 1933_1934 годах.

350

«Александр Невский» (1938), реж. С. Эйзенштейн.

351

Ливонского

352

Хотя эти решения были противоречивыми и поэтому не встретили всеобщей поддержки внутри партии. См. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, pp. 240–1.

353

Напротив, официально действовала теория обострения классовой борьбы по мере построения социализма. Пиком такого «обострения» стали 1937–1938 годы. Социальное происхождение по-прежнему указывалось в анкетах и влияло на судьбу человека.

354

Ленин не предлагал каких-то «рецептов классового мира».

355

Погоны в Красной армии были введены в 1943 году.

356

Как раз напротив: советская система вертикальной мобильности основывалась не на происхождении, как аристократическая, а на личных заслугах и качествах. Выдвижение с использованием родственных связей порицалось.

357

В 1935 году вышел новый школьный учебник истории, который Сталин редактировал лично.

358

В 1932 году паспорта имели далеко не все советские граждане, а в основном горожане. Широкая паспортизация развернулась только после смерти Сталина и завершилась в 1970-е годы.

359

Первая публикация – 1932 год.

360

Действие романа продолжается и в более поздний период.

361

Большую роль в карьере играло также поведение во время внутрипартийных дискуссий и успехи или неудачи во время первой пятилетки.

362

В 1934 году произошло не переименование, а реорганизация. Был создан объединенный наркомат внутренних дел, в состав которого вошли структуры ОГПУ, прежде независимые от НКВД. В составе НКВД было создано Главное управление государственной безопасности.

363

Главная причина неприязни к стахановцам заключалась в том, что их достижения использовались администрацией для повышения норм выработки.

364

Культ Павлика Морозова формировался как раз в середине 1930-х годов

365

Улучшение жизни в деревне было незначительным. В 1936–1937 годах случились новые продовольственные трудности, сопровождавшиеся гибелью людей от голода. См.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». – М., 1998. – С. 195–205.

366

Известная песня из фильма «Цирк» (1936).

367

На 1 января 1940 года в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержалось 1 659 992 заключенных (Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991 год. – № 5 – С. 152). Максимальное количество заключенных в ГУЛАГе было в 1950 году и составляло 2,56 миллиона человек (Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958. – М., 2006. – С. 315) цифра 4 миллиона получится, если суммировать не довоенных, а послевоенных заключенных со спецпоселенцами.

368

Наивысшая смертность заключенных в ГУЛАГе была во время Великой Отечественной войны.

369

Крым и Днепр находятся в разных местах. Имеется в виду Причерноморье.

370

Имеется в виду письмо ЦК ВКП(б) 29 июля 1936 года. Это письмо сыграло меньшую роль в «инициировании кровавых расправ», чем решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года.

371

«Партийный билет» (1936), реж. И. Пырьев.

372

Автор привержен распространенной во второй половине XX века версии о том, что Сталину в 1930_е годы не угрожала оппозиция, и он сам выдумывал оппозиционные группы 30-х годов, которые в реальности не существовали. Сегодня можно утверждать, что в 30-е годы в СССР существовала влиятельная оппозиция и у Сталина были основания опасаться того, что он может быть отстранен от власти. Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. «Антитеррор» Сталина. – М., 2010.

373

Дело не было закрыто. Обвиняемые в убийстве Кирова Л. Николаев и его «сообщники» из группы зиновьевцев во главе с И. Котлыновым были 29 декабря 1934 года приговорены к смерти и расстреляны. Г. Зиновьев и Л. Каменев были 16 января 1935 года осуждены на 10 и 5 лет заключения за пропаганду, которая «привела» к созданию террористической группы в Ленинграде.

374

Дела, связанные с убийством Кирова, продолжали расследоваться и в 1935 году, еще до назначения Ежова наркомом внутренних дел. Важнейшим из них стало «кремлевское дело» 1935 года. Первый московский процесс также был подготовлен еще наркомом Ягодой.

375

Два первых московских процесса (август 1936 года и январь 1937 года) были направлены против бывших лидеров левой оппозиции. Большой террор был направлен не только против бывших фракционеров, но и против масс партийцев, прежде не связанных с оппозициями. Сигнал к расширению террора был дан на февральско-мартовском пленуме 1937 года, а сам великий террор начался в апреле-мае 1937 года.

376

Еще более серьезным преступлением считалось обсуждение возможности отстранения Сталина от власти, информация о котором поступала к нему с 1930 года. Именно эти угрозы власти Сталина и стали мотивом для террора. Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч.

377

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Такие рекорды обеспечивались «группой поддержки», которая обеспечивала вспомогательные работы, обычно выполнявшиеся самим шахтером.

378

Стахановское движение было направлено против интересов не партийно-государственной элиты как таковой, а рабочих и технических специалистов.

379

То есть за причастность к «школе Покровского».

380

Такая ситуация не была особенной. Партийцы, выгнанные из партии, могли быть реабилитированы, если вскоре исключившие их начальники «разоблачались как враги народа».

381

Кандидатуры на партийные посты продолжали утверждаться вышестоящими партийными органами. Никакого плюрализма в этом вопросе при Сталине не допускалось.

382

Из-за нехватки доказательств историки расходятся во мнениях относительно планов Сталина. Хлевнюк утверждает, что по крайней мере с середины 1936 года Сталин планировал уничтожить местных партийных начальников. См. O. Khlevniuk, «The First Generation of Stalinist "Party Generals"», in E. Rees (ed.), *Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941* (Basingstoke, 2001), pp. 59–60; Гетти и Наумов считают, что это не входило в его планы. См. Getty and Naumov, *The Road to Terror*. Экономические вопросы см. в Harris, *The Great Urals*, pp. 182–5.

383

Эту версию на сегодня можно считать вполне опровергнутой. Роль «Красной папки» в деле военных была вспомогательной, и сама она фабриковалась не без участия НКВД. Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч. с. 227–231.

384

Среди людей, настаивавших на этом, был Молотов. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 390.

385

У составителей этой внутренней статистики НКВД не было стимулов ее занижать.

386

В данном случае Д. Пристланд указал число расстрелянных за политические преступления.

387

«Иван Грозный», серии 1, 2 (1944–1946), реж. С. Эйзенштейн.

388

В 1929 году этот прогноз стал сбываться: начался величайший в XX веке мировой экономический кризис.

389

При этом и социал-демократы отвечали коммунистам враждебным отношением.

390

Великая депрессия началась в октябре 1929 года. В 1928 году еще продолжался подъем.

391

Основной труд, излагавший теорию Д. Кейнса, «Общая теория занятости, процента и денег», был опубликован уже после острой фазы кризиса, в 1936 году. Так что не удивительно, что в 1929–1933 годах эта теория не оказала влияния на практическую политику.

392

Роспуск регионального правительства еще не открывал путь к власти именно Гитлера. Этот акт лишь временно укрепил власть Папена, вскоре, однако, уступившего власть новому канцлеру Шлейхеру. Между июльским эпизодом 1932 года и приходом Гитлера к власти в январе 1933 года было еще много перипетий, в том числе неудача НСДАП на выборах в ноябре 1932 года, попытка расколоть НСДАП и др. Подробнее см.: Шубин А.В. Мир на краю бездны, с. 125–134

393

Испанский диктатор М. Примо де Ривера не мог следовать примеру нацистов, так как потерял власть в 1930 году, до их прихода к власти. Новый испанский диктатор Ф. Франко пришел к власти позднее рассматриваемого периода, после победы в гражданской войне в 1939 году.

394

«Цирк» (1936), реж. Г. Александров.

395

На VII конгрессе Коминтерна в июле–августе 1935 года.

396

Во время февральских событий Димитров еще находился в заключении в Германии. Но он был уже оправдан судом. Вскоре Димитров был выслан в СССР, куда прибыл 27 февраля 1934 года, после чего включился в работу руководящих органов Коминтерна.

397

Решение начать сближение с социал-демократией Сталин и Исполком Коминтерна приняли только в декабре 1934 года. Об аргументах сторонников и противников этого поворота см.: Шубин А.В. Указ. соч., с. 201–214.

398

Д. Пристланд смешал два связанных, но различных явления: изменение советской внешней политики и политики Коминтерна. Сближение СССР с Францией началось не под влиянием Г. Димитрова и даже до его приезда в СССР. Перспектива сближения СССР и Франции обсуждалась уже в июне 1933 года. В ноябре 1933 года было принято принципиальное решение Политбюро о сближении с Францией, а в декабре – о вступлении в Лигу Наций (состоялось в сентябре 1934 года). Началось формирование системы «коллективной безопасности». Изменение политики Коминтерна происходило позднее, так как некоторое время Сталин пытался сочетать умеренный внешнеполитический курс и радикальную позицию Коминтерна, которая имела свои преимущества в условиях радикализации масс по время Великой депрессии.

399

Для вступления в коалицию с коммунистами радикальная антикапиталистическая программа не требовалась. Уже в октябре 1934 года французская компартия вступила в коалицию с либералами (радикалами), которые по определению не могли выступать против капитализма. Напротив, коммунисты в период проведения политики Народного фронта временно сняли антикапиталистические требования на период борьбы с фашизмом.

400

Компартии выступали за единство демократических сил против фашизма и его союзников, то есть не за единство нации, а за размежевание правых и левых сил.

401

Испания, как и Россия после Первой мировой войны, была аграрно-индустриальной страной.

402

Имеется в виду анархизм, популярный не только на юге, но и на севере Испании, особенно в Каталонии и Арагоне.

403

В это время в Испании не было анархо-синдикалистских партий. Большим влиянием пользовались синдикалистский профсоюз Национальная конфедерация труда (НКТ), большинство лидеров которой были анархо-синдикалистами, и связанная с НКТ непартийная федерация анархистов Иберии (ФАИ).

404

ПОУМ придерживалась взглядов, близких Троцкому, но имела с ним организационные разногласия. Официально ПОУМ была марксистско-ленинской партией.

405

Имеется в виду Народный фронт. В 1936 году анархо-синдикалисты в него не входили, но фактически поддержали на выборах.

406

«Огонь социальной революции» стал разгораться в Испании уже после свержения монархии в 1931 году. В октябре 1934 года дело дошло до широкомасштабного восстания. Более радикальный и глубокий этап революции начался не в феврале, а в июле 1936 года, после начала гражданской войны. Подробнее см.: Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
1917-1939 годы. – М., 1998. – С. 154-197; Дамье В.В. Забытый Интернационал.
– Т. 2. – М., 2007. – С. 313-364

407

Главой мятежников в июле был признан не Франко, командовавший Африканской армией, а генерал Х. Санхурхо. После его гибели 23 июля была создана Хунта во главе с генералом М. Кабанельясом. И только 1 октября главой антиреспубликанского государства был провозглашен Франко.

408

Ф. Ларго Кабальеро покинул Мадрид не потому, что якобы не верил в победу, а потому, что правительство не могло работать в прифронтовом городе. Целесообразность отъезда правительства из Мадрида признавали и советские военные специалисты.

409

Роль коммунистов и даже интербригад в обороне Мадрида существенно преувеличена Д. Пристландом. Кроме коммунистов большую роль в организации обороны Мадрида играли и представители других антифашистских сил. В решающих боях в университетском городке участвовали бойцы не только интербригад, но и анархистской дивизии Б. Дуррути. Из общего числа 30 тысяч республиканских бойцов, оборонявших Мадрид, интербригадисты составляли только 3-4 тысячи.

410

Имеется в виду Африканская армия генерала Франко, в составе которой против республиканцев сражались марокканцы.

411

Сандино не был коммунистом, и в его восстании Коминтерн не играл заметной роли.

412

Коммунисты вошли не в правительство П. Агирре Серды, а в Народный фронт, который поддерживал этого президента.

413

Фактически этот раскол произошел в конце 1920-х годов и оставался основным расколом в коммунистическом движении только до Второй мировой войны.

414

Соглашение подписали представители профсоюзов и работодателей, их результаты были закреплены законодательством Народного фронта.

415

Правительство Блюма ушло в отставку уже 22 июня 1937 года. Было сформировано правительство Народного фронта во главе с радикалом К. Шотаном. Второй раз Блюм на короткое время вернулся к власти в марте 1938 года, но вскоре снова подал в отставку, и 10 апреля 1938 года к власти пришло правительство радикала Э. Даладье, которое оставалось правительством Народного фронта лишь формально.

416

Коммунисты не считали социализмом ни НЭП, ни ситуацию в Испанской республике.

417

А. Нин имел противоречия с Троцким, «троцкистом» его считали сторонники Коминтерна.

418

Представитель умеренного крыла Испанской социалистической рабочей партии.

419

Здесь Д. Пристланд ошибается в последовательности событий. Столкновения в Барселоне произошли 3-6 мая 1937 года, когда у власти находилось правительство не Х. Негрина, а Ф. Ларго Кабальеро. Премьер-министр занял нейтральную позицию в конфликте, и войска центрального правительства вошли в Барселону уже после завершения вооруженной борьбы в городе. Против анархистов и ПОУМ в Барселоне выступило не республиканское правительство, а блок прокоммунистической Объединенной социалистической партии Каталонии и каталонских националистов. «Соппротивление» им не было подавлено, было достигнуто соглашение о прекращении огня. То есть события закончились вничью, но затем Каталония перешла под контроль центральных республиканских войск, командование которых было настроено против ПОУМ. Столкновения в Барселоне вызвали правительственный кризис, который привел к падению правительства левого социалиста Ларго Кабальеро и приходу к власти 17 мая правительства умеренного социалиста Х. Негрина, ориентировавшегося на более тесный союз с СССР и коммунистами. Это правительство развернуло широкие репрессии против ПОУМ и анархистов (Ларго Кабальеро не планировал этого делать, так как не считал их виновными в столкновениях в Барселоне).

420

Имеется в виду: что привело к поражению Испанской республики?

421

Как мы видели, часть левых оппозиционеров, например в 1921 году, были принципиальными противниками Троцкого.

422

То есть участия рядовых работников в управлении.

423

Эта идея была уже распространена и у противников троцкистов. В 1940 году даже объявили, что Монголия решила задачи демократической революции и переходит к социализму, минуя капитализм.

424

Несмотря на то что политика Народного фронта в этот период потеряла смысл, официально от нее не отказались, приберегая эту идею на будущее.

425

Имеются в виду Западная Украина и Западная Белоруссия, до 1939 года входившие в состав Польского государства. От захвата собственно польских

426

Секретные протоколы к советско-германскому пакту 23 августа 1939 года были не только единственной, но и главной причиной территориального расширения СССР. Дело в том, что они прямо не предусматривали присоединения территорий к СССР, речь шла о «сферах интересов». Что под этим понимать – зависело от хода войны Германии против коалиции Великобритании, Франции и Польши (нельзя было исключать, что Франция поможет Польше, атаковав Германию, и тогда поляки будут спасены). Возможности для захвата новых территорий у СССР появились в результате поражения сначала Польши, а затем Франции в войне с Германией. Зато Финляндия отстояла свою независимость в войне с СССР, уступив ему только часть территории. Попытки СССР добиться у Германии согласия на новое вторжение в Финляндию не удалось, несмотря на ссылки на соглашения 1939 года. Новые границы СССР отличались от тех сфер влияния, которые предусматривали протоколы 23 августа, так как определялись не ими.

427

В столь категорической формулировке советская историография не высказывала такую позицию, которую приписал ей Д. Пристланд. Было принято писать о преобладающем вкладе СССР в победу во Второй мировой войне в целом, а также о незначительности вклада союзников в победу СССР в Великой Отечественной войне.

428

Информация, которой сегодня располагают историки, позволяет считать, что Сталин в принципе опасался нападения Германии, но по ряду причин считал, что это невозможно именно в июне 1941 года. Подробнее см.: Шубин А.В. Мир на краю бездны, с. 452–496.

429

Военный опыт времен Николая II вряд ли помог бы остановить германское вторжение у границ СССР. Впрочем, маршал Б. Шапошников, возглавивший в июле 1941 года Генеральный штаб РККА, в 1910 году закончил николаевскую военную академию.

430

Точнее – арестовано и уволено из армии по политическим причинам без восстановления (часть из уволенных тоже была арестована позднее, но не все). Численность командного состава, по официальным данным, в 1937 году составляла 206 тысяч офицеров. К 1941 году численность комсостава выросла более чем в два раза. Так что репрессии мало повлияли на качество военной подготовки комсостава в 1941 году.

431

К началу Великой Отечественной войны К. Ворошилов уже не был наркомом обороны и не мог нанести столь сокрушительного урона. О причинах поражений Красной армии в начальный период войны и дискуссиях по этому поводу см., например: Шубин А.В. Указ. соч., с. 452–522.

432

Впрочем, эти альтернативы вовсе не обязательно были бы благоприятны для экономики и населения.

433

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Русские тоже. Они возглавляли коллаборационистскую Русскую освободительную армию, служили старостами и полицаями.

434

И частичному уничтожению.

435

Официально режим никогда не «клеимил» крестьянство, которое считалось одним из двух трудящихся классов. Даже Красная армия именовалась рабоче-крестьянской.

436

И советских православных во время войны.

437

Имеется в виду не идеология либерализма, а некоторые послабления, расширение свобод.

438

Джаз принимался и раньше, ему был посвящен, например, фильм 1930-х годов «Свинарка и пастух».

439

Судя по послевоенной политике Сталина, такого «падения интереса к международному коммунизму» не произошло.

440

Выступления в западных регионах СССР в начале 1990-х годов не могли привести к распаду государства, включающего Москву, Минск, Киев и Алма-Ату. Причины распада СССР носили более комплексный характер, о котором речь пойдет в последних главах книги и комментариях к ним.

441

Уже в ходе Великой Отечественной войны на западе Украины и в Прибалтике развернулась партизанская война против СССР, продолжавшаяся до середины 1950-х годов (УПА, «лесные братья»).

442

Прокоммунистические коалиции после Второй мировой войны не всегда назывались «Народными фронтами» и существенно отличались от довоенной политики Народного фронта. В 1940-е годы в них доминировали коммунисты, а в 1930-е годы коммунисты были младшими или равноправными партнерами в коалиции (за исключением Испании 1937-1939 годов, которая оказалась близка к послевоенной модели «народной демократии»).

443

Коммунисты не были единственными организаторами Сопротивления и в разных странах действовали с разной степенью эффективности.

444

Во время поражения Франции в 1940 году социалистическая партия (СФИО) фактически распалась. Часть правых социалистов (П. Фор и др.) поддержала Петена, другие стали восстанавливать СФИО в подполье и участвовали в Сопротивлении. Социалисты вошли в правительство в изгнании де Голля.

445

Во главе французского Сопротивления стояли далеко не только коммунисты. Наряду с прокоммунистическим Национальным фронтом действовали и другие организации Сопротивления, такие как «Комба», «Либерасьон», Военно-гражданская организация и др. Национальный совет Сопротивления возглавляли Ж. Мулен, а после его гибели Ж. Бидо, которые не были коммунистами. В Сопротивлении участвовали как некоммунистическая «тайная армия», так и прокоммунистическая организация «франтиреров и партизан». Начальником генерального штаба объединенных французских внутренних сил был генерал де Жюрье, и только после его гибели – коммунист Маллерэ.

446

Граммши не выступал за отказ от большевизма. С его точки зрения, необходимо было проводить большевистскую стратегию новыми средствами.

447

На выборах в июле 1946 года левоцентристская итальянская социалистическая партия получила более 20% голосов, а коммунисты несколько меньше – 19%. Так что говорить о вакууме слева от центра не приходилось.

448

В этот период коммунисты и социалисты входили в правительство.

449

Во Франции и Италии не создавались предвыборные коалиции Народного фронта, компартии выступали на выборах самостоятельно и затем уже входили в коалиционные правительства.

450

Имеются в виду опасения по поводу прихода коммунистов к власти парламентским путем.

451

Разоренная Восточная Европа и Германия не могли продемонстрировать пример «неаскетической» и тем более «свободной» жизни в 1944–1945 годах. «Шок» К. Симонова и других участников освобождения Г. Европы был вызван впечатлением от других культур и часто – от признаков лучшей организации хозяйства, ныне разрушенного войной.

452

Это явление распространилось не сразу после войны, а десятилетием ИЛ Позднее, в период «оттепели».

453

Д. Пристланд забывает, что Италия была союзником Германии и в это время тоже в значительной степени лежала в руинах.

454

К этому времени Испанская республика погибла (еще в 1939 году) и в Испании установился фашистский режим Франко.

455

Так называемое процентное соглашение не было официально подписано, так как представляло собой неофициальную договоренность. По этому соглашению не устанавливались четкие границы сфер влияния, а лишь приблизительное соотношение участия СССР и Великобритании в делах стран Восточной Европы и Балкан.

456

Выборы в Учредительную скупщину Югославии прошли в ноябре 1945 года. 96% голосов получил прокоммунистический Народный фронт.

457

Отрицательное отношение к этому было распространено прежде всего в самой Германии. Союзники поддержали политику репараций, большинство населения Восточной Европы в это время относилось враждебно к потерпевшей поражение Германии.

458

Это насилие было наказуемым. Изнасилования и убийства мирного населения подлежали суду военных трибуналов, выносивших по этому поводу суровые приговоры. На «изъятие трофеев» у немцев и их союзников военные власти, как правило, смотрели сквозь пальцы.

459

В Испании спецслужбы контролировались не только коммунистами, и прежде всего – умеренным крылом социалистов, к которому относился премьер-министр Х. Негрин. Аналогично чистки в просоветских режимах «народной демократии» проводились не только в интересах коммунистов. В руководство режимов Восточной Европы даже после ликвидации политического плюрализма вошли и либералы (такие, как П. Грозу в Румынии), и социал-демократы (такие, как О. Гротеволь в ГДР). А вот начиная с 1948 года развернулись чистки коммунистов, по разным причинам не устраивавших Москву и ее местных союзников.

460

Прокоммунистический Польский комитет национального освобождения (ПКНО) был создан в Хелме 21 июля 1944 года и через два дня переехал в только что освобожденный Люблин. 31 декабря 1944 года ПКНО был преобразован во Временное правительство Республики Польши. Но на Ялтинской конференции в феврале 1945 года было достигнуто соглашение о создании Временного правительства национального единства из представителей как просоветского Временного правительства, так и Лондонского правительства Польши в изгнании. Созданное в июне 1945 года правительство возглавил левый социалист Э. Осубка-Моравский, его заместителями стали генеральный секретарь ЦК ППР (компартии) В. Гомулка и бывший глава Лондонского правительства С. Миколайчик.

461

Имеется в виду резиденция Коминтерна.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
462

Дело было не в особенностях Германии и КПГ, а в более общей стратегии «народной демократии», которая предусматривала слияние компартии и просоветской части социал-демократии (например, в Польше была создана Польская объединенная рабочая партия).

463

В Румынии действовал Национально-демократический фронт. В марте 1945 года было создано правительство НДФ во главе с П. Грозу.

464

Коммунисты Венгрии в 1945–1946 годах выступали с программой важных социально-экономических преобразований, они настояли на национализации крупной промышленности, установлении государственного контроля над банками и проведении аграрной реформы.

465

Однако в феврале 1948 года коммунисты получили достаточную массовую поддержку, чтобы взять в свои руки всю полноту власти.

466

Это требовалось не для удержания у власти многопартийных правительств с участием коммунистов («Народный фронт» в терминологии Д. Пристланда), а напротив, для сосредоточения всей полноты власти в руках просоветских сил (как мы уже упоминали выше – не обязательно только коммунистов). Кризис «народной демократии» был вызван не падением популярности коммунистов, а стремлением СССР тверже контролировать политический курс восточноевропейских стран в условиях начавшейся холодной войны.

467

После войны многие из них восстановились и прибрали массовость.

468

Для Тито разрыв со Сталиным и мировым коммунистическим движением оказался очень болезненным, и сомнительно, что югославские коммунисты имели «твердое намерение» бросить вызов Сталину сразу после освобождения страны. Югославские коммунисты с 1947 года постепенно втягивались в конфликт со Сталиным.

469

Коминформ, возникший в 1947 году, не являлся прямым возрождением Коминтерна. Формально это была не мировая коммунистическая партия, как Коминтерн, а совещательная организация европейских компартий. Руководство компартиями из Москвы осуществлялось негласно, а совещания Коминформа обеспечивали гласное выступление компартий «единым фронтом».

470

Формально «фронты», как правило, сохранялись, но в стране ликвидировался режим политического плюрализма.

471

До раскола Германии планировалось, что она станет буферным, а не

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
просоветским государством.

472

Курилы не были завоеваны Японией, они принадлежали ей на основании договоров 1855 и 1875 годов. Была возвращена половина Сахалина, завоеванная Японией в 1905 году. Манчжурию вернули Китаю. В 1950, а СССР передал Китаю также возвращенные в 1945 году КВЖД и Порт-Артур.

473

А также из Северной Кореи.

474

Большое впечатление на советское руководство произвела знаменитая речь У. Черчилля о «железном занавесе», направленная против СССР, произнесенная в марте 1946 года в Фултоне в присутствии президента Трумэна.

475

Имеется в виду гражданская война в Греции в 1946–1949 годах.

476

Название политики Ф. Рузвельта.

477

Имеется в виду согласие правительства Чехословакии участвовать в плане Маршалла, отмененное под давлением из Москвы, когда стало ясно, что СССР не сможет участвовать в плане Маршалла.

478

Имеется в виду ликвидация фактической многопартийности.

479

В 1980-е годы.

480

Ульбрихт возглавил правящую партию СЕПГ. Президентом ГДР стал В. Пик.

481

В это время было принято решение о введении новой денежной единицы, а не создании отдельного западногерманского государства. Однако финансовое решение западных держав спровоцировало раскол Германии в 1949 году.

482

Осторожные высказывания Гомулки в пользу польского пути к социализму привели к его снятию с поста в 1948 году и аресту в 1951 году.

483

На Западе.

484

«Заговор обреченных» (1950), реж. М. Калатозов.

485

Сотни коммунистов были осуждены и заключены в тюрьму, а двое – супруги Розенберги – казнены. См. E. Schrecker, *Many are the Crimes: McCarthyism in America* Boston, 1998), p. XIII.

486

Настоящее имя Нгуен Шинь Сунг.

487

Председатель ЦИК, генеральный секретарь ЦИК КПК.

488

Это вызвало взрыв национальных протестов в Китае, известный как «Движение 4 мая» 1919 года.

489

Тогда это наименование не употреблялось. Ленин был не против создания союза коммунистов и социалистов в Венгрии в 1919 году. Но в 1920 году Ленин выступал против сближения с социал-демократам

490

Один из лидеров Индийского национального конгресса, теоретик и организатор ненасильственных акций гражданского неповиновения.

491

О социально-политических взглядах М. Ганди см. Мартышин О.В. Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. – М., 1970; Шубин А.В. Мир на краю бездны, с. 26-28.

492

В 1905-1910 годах.

493

Временный президент Китая в 1912 году.

494

Президент Китая в 1912-1916 годах.

495

Распад начался уже при жизни Юаня, с восстания милитаристов Юньнани в конце 1915 года.

496

Представители Китая прибыли на Версальскую конференцию, так как в 1917 году это государство формально вступило в войну против Германии.

497

Только часть участников движения 4 мая затем обратилась к коммунистическим идеям.

498

В Японии преобладал синтоизм, испытавший влияние конфуцианства и буддизма.

499

Д. Неру заявлял о своей приверженности социалистическим идеям и применял государственное регулирование экономики.

500

КПК, не распуская своих структур, вступила в Гоминьдан в 1923 году

501

Предполагался не распад союза Гоминьдана и КПК, а захват Гоминьдана коммунистами и левыми с устранением правых гоминьдановцев.

502

Шанхайская бойня в апреле 1927 года лишь положила начало кризису политики Коминтерна, но не покончила с его влиянием на Гоминьдан. Дело в том, что Гоминьдан раскололся. Левые гоминьдановцы во главе с Ван Цзинвеном в Ухани продолжали сохранять союз с КПК и получать советскую помощь, в то время как Чан Кайши контролировал приморские районы. Только в июле левые гоминьдановцы выступили против КПК и взяли курс на примирение с Чан Кайши. И в августе-сентябре 1927 года коммунисты при поддержке Коминтерна предпринимали попытки переломить ситуацию (восстание «осеннего урожая»).

503

Точнее, крах потерпела политика Сталина и Бухарина, как было показано выше, Ленин осторожнее относился к политике блоков, а Рой и вовсе занимал более левую позицию, чем руководство Коминтерна.

504

Правых гоминьдановцев еще больше смущали попытки КПК развернуть радикальное крестьянское движение.

505

Напомним, что Мао сам был учителем и с большим уважением относился к таким своим учителям, как Ян Чанцзи.

506

Юность Сталина пришлась на 1880-1890-е годы.

507

Движение 4 мая было направлено в первую очередь против империализма. Против конфуцианского традиционализма было прежде всего направлено Движение за новую культуру.

508

В 1921 году Мао стал одним из основателей КПК, участником ее I съезда.

509

В 1924–1927 годах Мао, будучи членом ЦК и кандидатом в члены ЦК КПК, был также кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана, а в 1925–1926 годах – главой отдела пропаганды Гоминьдана и редактором официального гоминьдановского еженедельника «Политика». В 1926–1927 годах Мао сосредоточился на работе в крестьянском движении.

510

В 1931 году была провозглашена не региональная советская республика, а китайская советская республика – на Всекитайском съезде советов (то есть коммунистических баз).

511

А также председателем ее правительства.

512

Это можно сказать разве что об административной практике времен НЭПа, но не о собственно коммунистических идеях и стратегиях модернизации, от которых Чан Кайши был далек.

513

За наступление на города ЦК КПК выступал в 1930 году, когда фактическим лидером Политбюро был Ли Лисань. Однако принципиальны⁴ разногласий между Ли и Мао не имелось. Мао и его командующий Чжу Дэ в период «лилисаневщины» предприняли наступления на города и даже на короткое время взяли Чаншу. После осуждения Ли Лисаня городские члены Политбюро даже критиковали Мао за приверженность этому авантюристическому курсу.

514

В 1936 году война с японцами не велась. В апреле 1937 года под давлением левых гоминьдановцев с одной стороны и Коминтерна с другой было заключено секретное соглашение между Чан Кайши и КПК. После нападения Японии на Китай в июле 1937 года было заключено уже публичное соглашение о едином фронте Гоминьдана и КПК (сентябрь 1937 года).

515

В этот период официальные идеи Мао еще представляли собой вполне ортодоксальный марксизм-ленинизм (во всяком случае в переводе на иностранные языки). См. Мао Цзэдун. Избранные произведения в 4 томах. – М., 1952–1953

516

Этот факт может быть преувеличением. Он начал знакомство с марксистской философией курсом лекций по диалектическому материализму в Яньани, который полностью основывался на советских источниках: см. MRPRW, vol. IV, pp.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
573–670.

517

Хотя нередко самозащита крестьян от японцев порождала их неприятие любых политических меньшинств, включая коммунистов.

518

Имеются в виду участники коммунистической партизанской вой в Малайе, которую вели преимущественно этнические китайцы.

519

Малайскую коммунистическую партию и КПК Мао нельзя отождествлять, поскольку китайцы в Малайзии представляли угнетенное меньшинство в британской колонии, чего нельзя сказать о коммунистах в Китае. При этом они, как и китайские коммунисты, были партизанами, отказавшимися и скрывающимися от китайской конфуцианской культуры, боровшимися против японцев, а после – против антикоммунистов. Пай беседовал с коммунистами, которые сдались британцами и впоследствии согласились сотрудничать в обмен на безопасность, а не с теми коммунистами (предположительно, самыми преданными), кто отказался от сотрудничества и подвергся суду. И все же его материалы весьма показательны. См. L. Pye, *Guerrilla Communism in Malaya. Its Social and Political Meaning* (Princeton, 1956). О дискуссии, посвященной данному исследованию, см. N. Gilman, *Mandarins of the Future. Modernization Theory in Postwar America* (Baltimore, 2003), pp. 167–71.

520

Пай утверждает, что это была слабая мотивация.

521

23 марта.

522

Имеются в виду государства «Оси» 30-х годов – Германия, Италии и Япония.

523

По официальной версии в 1931 году он вступил в Компартию Китая, а в партизанском движении стал участвовать с 1932 года – в качестве командира отряда.

524

Была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Формально ее руководящей силой была не компартия, а Вьетминь. Компартия Индокитая была официально распущена.

525

Война началась в декабре 1946 года с нападения французов.

526

Коммунистическое повстанческое движение на Филиппинах было подавлено в 1953 году.

527

В этот период идеи Мао еще не воспринимались как отдельная от ортодоксального марксизма-ленинизма идеология «маоизма». Малайские коммунисты подражали китайским методам ведения партизанской войны.

528

Кроме перечисленных неудач коммунистов еще одна произошла во время гражданской войны в Бирме, когда они осадили столицу Рангун, но в 1950 году были отброшены.

529

Советско-китайский раскол стал публичным только в начале 60-х годов.

530

Советская национальная политика была сложнее – каждая национальная группа имела собственные статусные позиции. Представители части этносов обладали преимуществами по сравнению с русскими при назначениях на должности и поступлении в высшие учебные заведения.

531

В ГУЛАГ было отправлено всего 3,6% военнопленных и окружен цен, прошедших проверку в фильтрационных лагерях с конца 1941 года по февраль 1944 года, – и 283 человека. Еще 8255 человек попали в штрафбаты (Кокурин А., Петров Н. НКВД-НКГБ-Смерш: структура, функции, кадры. Статья четвертая (1944-1945 годы) // Свободная мысль. – 1997. № 9. – С. 96).

532

В 1947 году в заключении находилось 1,7-2,2 миллиона человек. Даже с учетом спецпоселенцев, которые не «содержались в тюремной системе», это не дотягивает до 5 миллионов. Соответственно, представляются завышенными и другие приведенные здесь Д. Пристландом данные.

533

Сводки данных смертности в местах заключения были детализированными и секретными, так что современные специалисты считают их надежным источником. Данные, приведенные Д. Пристландом, несколько завышены. Суммарная смертность не только в лагерях, но также еще и в тюрьмах и колониях в 1931-1953 годах составляет около 2 миллионов человек (см.: Население России в XX веке. – Т. 1. – М., 2000. – С. 314-322; Т. 2. – М., 2001. – С. 195).

534

Это законодательство было введено еще до войны, в 1940 году

535

Несмотря на тяжкие обвинения, Зощенко и Ахматова не были арестованы.

536

В 1925 году Лысенко закончил Киевский сельскохозяйственный институт по специальности «агрономия».

537

Осуждению подверглась не наука генетика, а генетическое учение «вейсманизма».

538

После войны Сталин не собирался жертвовать хозяйственной эффективностью ради патриотизма, например, в физике. Мотивы кампании против «вейсманизма» заключались не в этом. Генетические исследования и борьба школ в биологической науке не приносили видимых достижений, и было принято решение их прекратить. Свою роль в исходе этой «биологической дискуссии» сыграла и попытка противников Лысенко использовать против него сына А. Жданова Юрия, тогда заведовавшего отделом науки ЦК. Этот демарш вызвал раздражение Сталина, не вникавшего в то, кто из биологов прав.

539

Приоритет русских ученых в этих областях пропагандировался в России и СССР задолго до послевоенного периода, о котором идет речь. И к тому нередко были основания. Так, А. Попов демонстрировал радиоприемник в 1895 году, то есть до отправки телеграммы Маркони в 1896 году, однако свою телеграмму Попов отправил уже после Маркони.

540

Во многом и «борьба с космополитизмом» толкнула Израиль к охлаждению отношений с СССР. В то же время в СССР не проводилось репрессий против евреев по этническому признаку.

541

МГБ. МВД (название НКВД употреблялось до 1946 года) уже не отвечало за госбезопасность. По официальной версии, Михоэлс погиб в результате дорожно-транспортного происшествия.

542

Жена Молотова Жемчужина обвинялась не в космополитизме, а в нарушении режима секретности.

543

далеко не все арестованные по «делу врачей» (профессора М. Вовен. М. Певзнер, И. Лембергский, Н. Шерешевский, В. Виноградов Б. Левин, С. Карпай, П. Егоров, В. Василенко) были евреями.

544

В то же время СССР поставлял странам СЭВ топливо и сырье по льготным ценам.

545

имеется в виду Болгарский земледельческий народный союз (точнее. отколовшееся от него правое крыло БЗНС «Никола Петков»).

546

Репрессии в Чехословакии были не менее жестокими, хотя она и не граничит с Югославией.

547

Генеральный секретарь ЦК КПЧ. Снят с поста в 1951 году, расстрелян в 1952 году.

548

Кроме подобных шуток на даче Сталина решались важнейшие политические вопросы, так что приглашение туда считалось честью и для восточноевропейских коммунистов.

549

Часть из них сразу же пала жертвой репрессий.

550

Сразу после победы коммунистов в Китае развернулась массовая кампания репрессий, которая унесла жизни сотен тысяч людей. Смертью надлежало карать местных «деспотов», главарей «реакционных» сект, людей, подозреваемых в серьезных уголовных преступлениях. При этом качество следствия оставляло желать лучшего.

551

Совет Безопасности ООН принял решение о том, что КНДР является агрессором, и санкционировал посылку войск ООН в Корею. Основную часть контингента ООН составили войска США.

552

Учитывая кампании, направленные против интеллигенции в СССР во второй половине 40-х годов, поздний сталинизм вряд ли можно характеризовать как «проинтеллигентский».

553

Подобные костюмы носил Сунь Ятсен.

554

Такой всеобъемлющий культ Ким Ир Сена начался не сразу, до 1956 года он вел себя относительно скромно.

555

Во время гражданской войны в Китае большинство рабочих находилось на территории, занятой гоминьдановцами, где не было эгалитарного ре-жима.

556

После смерти Сталина стремление к переменам было характерно не только для Хрущева, но и для других советских лидеров, включая Маленков и Берию. В коммунистическом движении альтернативу сталинизму уже давно искали Тито и его соратники.

557

После разрыва со Сталиным Тито форсировал коллективизацию (кооперацию), и в 1951 году кооперативы занимали 23% обрабатываемой земли. Однако затем государство прекратило принуждать к кооперации крестьян, и кооперативный

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
сектор сократился.

558

Инициатива проведения репрессий принадлежала не молодежи. В 1946–1948 годах югославское коммунистическое руководство проводило широкие политические репрессии против оппозиции. См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953 годы. Очерки истории. – М., 2002. – С. 577–580.

559

В отличие от Сталина югославские коммунисты стали постепенно передавать полномочия органам производственного самоуправления – рабочим советам.

560

Как раз в это время начался югославский самоуправленческий эксперимент.

561

Рабочие советы вводились постепенно в 1949–1954 годах. Также постепенно расширялись их полномочия – вплоть до 1965 года, когда предприятия действительно получили широкую хозяйственную самостоятельность.

562

Югославская модель управления, конечно, не является воплощением идей Маркса – скорее, его оппонента Лассалля. Но она все же очень далеко ушла от модели капиталистической экономики с умеренным государственным регулированием, которую в тексте Д. Пристланда символизирует Словения времен войны.

563

Во всяком случае, Югославия Тито добилась лучших социальных результатов, чем Венгрия Ракоши.

564

Возникло позднее, в 1961 году.

565

Последовала 5 марта 1953 года. Об обстоятельствах смерти Сталина и дискуссиях по этому поводу см. Шубин А.В. 10 мифов советской страны. – М., 2006. – С. 377–402.

566

В 1961–1964 годах Бурлацкий руководил группой консультантов Отдела социалистических стран ЦК.

567

После смерти Сталина полнота власти перешла к более узкому, чем раньше, Президиуму ЦК, членами которого кроме названных Д. Пристландом были также очень влиятельные лидеры Микоян, Молотов, Каганович. Ворошилов, Булганин и менее влиятельные Сабуров и Первухин.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
568

Берия не выдвинул какую-то целостную программу перемен, лишь отдельные идеи в разных областях.

569

Советско-югославские отношения были восстановлены только в 1955 году.

570

Серьезные беспорядки разразились в ГДР 17 июня 1953 года, за несколько дней до ареста Берии 26 июня. Его взгляды на перспективы социализма в ГДР сформировались под влиянием других обстоятельств – прежде всего, общего для советского руководства этого периода стремления снизить накал холодной войны. Рабочие предложения Берии были после его «разоблачения» гипертрофированы и интерпретированы как «предательские» и «заговорщические», а сегодня в связи с этим смотрятся как невероятно смелые. Часть этих предложений является продолжением более ранней политики Сталина-Молотова (стремление превратить объединенную Германию в нейтральное государство), часть – была реализована советским руководством (включая Хрущева, Молотова и Маленкова) после гибели Берии (частичная реабилитация политических заключенных, прекращение культа личности Сталина, нормализация отношений с Югославией).

571

Напомним, что как раз Маленков был одним из инициаторов ареста Берии при фактическом нейтралитете Молотова. Как уже упоминалось, сами по себе предложения Берии не смущали ни Хрущева, ни Молотова, которые позднее частично воплотили их в жизнь.

572

Именно Ленин выдвинул идею мирного сосуществования государств с разным общественным строем.

573

Стремление снизить накал холодной войны было не личным мнением Маленкова, а общей позицией Президиума ЦК, которая сохранилась и после снятия Маленкова с поста председателя Совета министров.

574

Маленков был обвинен в хозяйственных ошибках (в частности, финансировании легкой промышленности в ущерб тяжелой), выдвижении ошибочного тезиса о возможности гибели мировой цивилизации в случае термоядерной войны. Но самым серьезным обвинением стала причастность к фабрикации Ленинградского дела в 1949 году.

575

Хрущев не собирался отказываться от насилия. В 1957–1958 годах произошел новый всплеск политических репрессий (хотя и меньший, чем это было при Сталине). Оружие применялось при подавлении массовых национальных и социальных выступлений в 1956–1963 годах.

576

Ни Маленков не ставил вопрос так категорично, ни Хрущев не собирался отказываться от процесса разоружения. В частности, он серьезно сократил флот, за что позднее подвергался критике. Разногласия в советском вопросе

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
по этому поводу носили не принципиальный, а тактический характер.

577

Первоначальный успех целины был связан не только с энтузиазмом, но и с применением техники.

578

В 1946–1953 годах кампании следовали одна за другой, о чем речь шла выше (борьба с безыдейностью, космополитизмом, низкопоклонничеством перед Западом, в частности – «вейсманизмом», обличение действий США, в частности агрессии в Корее, и др.).

579

Смещение Маленкова с поста председателя Совета министров не было связано с обещанием Хрущева усилить партийный контроль над хозяйственными органами. Претензии к Маленкову касались других тем, и пост председателя Совета министров занял Булганин, который не был ставленником Хрущева и не вел борьбу за усиление полномочий парторганизаций.

580

Это выступление и его основные положения были санкционированы большинством Президиума ЦК. «Навязывание» собственного видения Хрущевым сказалось лишь на некоторой дополнительной резкости формулировок доклада (резкие оценки при предварительном обсуждении доклада высказывали и другие члены Президиума). Принятое поздно¹ постановление ЦК «О преодолении культа личности Сталина и его последствий» 30 июня 1956 года было выдержано в более осторожных формулировках, чем секретный доклад Хрущева.

581

Надь не заимствовал идеи Бухарина, а самостоятельно развивался как умеренный коммунист, специалист по аграрному вопросу Венгрии. В результате в 1940–1950-е годы Надь пришел к выводам о политике, которую необходимо проводить в Венгрии, аналогичным позиции Бухарина в СССР в 1920-е годы. Защищая свою позицию во внутривнутрипартийных дискуссиях, Надь ссылался на опыт НЭПа, но цитировал при этом, разумеется, не Бухарина, а Ленина и Сталина.

582

Маленков оставался членом президиума ЦК до 1957 года. Надь в 1955 году не только был снят со всех постов, но и исключен из партии.

583

Выступления в Венгрии начались с движения интеллигенции, к которой присоединились рабочие, а не наоборот, как получается у Д. Пристланда.

584

Берут умер 12 марта, через три недели после того, как услышал доклад (он возглавлял польскую делегацию на съезде КПСС).

585

имеется в виду Польская объединенная рабочая партия.

586

Советские войска уже находились в Польше еще с 1945 года.

587

Соответственно, они выдвинулись не к границе, а к Варшаве.

588

Колебания советского руководства по поводу возможности применения силы в Польше закончились уже 23 октября – с началом восстания в Венгрии.

589

События 23 октября начали не рабочие на фабриках, а студенты, организовавшие массовую демонстрацию солидарности с Польшей. Часть демонстрации попыталась проникнуть на радио и зачитать свои требования. Охрана открыла огонь, демонстранты стали захватывать оружие на пунктах гражданской обороны и в полицейских участках.

590

Решение о назначении Надя премьер-министром 24 октября принял не лично Гере, а Центральное руководство ВПТ. Предложение о радикальном обновлении правительства внес М. Хорват, и в сложившейся обстановке Гере не решился возражать.

591

Картина Венгерской революции не всегда была столь романтической. Фотодокументы фиксируют картины жестоких расправ восставших над своими противниками.

592

Точнее – не восставшие, а демонстранты. Восстание началось уже после составления манифеста демонстрации 23 октября.

593

Решение Президиума ЦК (принятая им Декларация Советского правительства) от 30 октября не было столь радикальным. СССР согласился вывести войска из Будапешта и начать переговоры о выводе войск с территории Венгрии (с участием других стран Варшавского договора) Таким образом, советское руководство получало возможность выиграть время в случае, если вывод войск из Будапешта будет способствовать стабилизации обстановки. В то же время возможность Венгрии «идти собственным путем» существенно ограничивалась. Декларация выступала за сохранение «социалистических завоеваний» и «основ народно-демократического строя» Венгрии.

594

30 октября, после вывода советских войск, повстанцами был взят Будапештский горком, погиб секретарь горкома Мезе и еще 20 человек. На улицах Будапешта развернулась охота на «авошей» (сотрудников госбезопасности), под горячую руку попали и не причастные к спецслужбам люди.

595

Народный фронт при этом не упоминался. Надя сформировал просто многопартийное правительство.

596

Решение о широкомасштабном вторжении в Венгрию было принято после поступления информации о том, что стабилизации ситуации не происходит, а также под влиянием различных международных факторов. См.: Стыкалин А.С. Прерванная революция. – М., 2003. – с. 154–159

597

Кадар еще 1 ноября находился в Будапеште. В это время Кадар уже был первым секретарем ЦР ВПТ, членом правительства Надя и инициатором (вместе с Надем и др.) создания на месте ВПТ новой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП).

598

Предварительно заявив, что Венгрия подверглась советской агрессии.

599

Социальный и возрастной состав казненных был различным. Власти следили, чтобы рабочие не преобладали среди приговоренных к смерти.

600

В Румынии.

601

Движение рабочих советов продолжало сопротивление до начала 1957 года. Сначала Кадар пытался с ними договориться, но рабочие советы стали организовывать политические стачки, и тогда на них обрушились репрессии.

602

Это была не «уступка» ФКП, а официальная позиция XX съезда КПСС, которую приняло большинство компартий.

603

Формально этого отказа не произошло.

604

К этому времени официальная позиция по поводу романа Дудинцева уже была известна: выступление К. Паустовского на его обсуждении было в критическом ключе упомянуто в постановлении ЦК КПСС 19 декабря 1956 года.

605

Дудинцев не упоминал Сталина в своем романе. О причинах резкой официальной реакции на роман см. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М., 2008. – с. 54–57

606

Хрущев уже на этом совещании заявил, что Дудинцев не потерян для советской литературы.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
607

Такой размах приобрело обсуждение романа 22 октября 1956 года.

608

Сталинские кампании конца 1920-х годов были направлены не столько против бюрократии, сколько против специалистов. В 1950-е годы, напротив, влияние технической интеллигенции значительно усилилось.

609

К Ленину у Хрущева подобных претензий не было.

610

Программа была принята на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года.

611

Программа определяла, что к 1980 году коммунистическое общество будет построено «в основном», а полностью – позднее.

612

Определение коммунизма, данное в программе партии, было несколько иным: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства пойдутся полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1961. – С. 366).

613

Хрущев не собирался отказываться от репрессий против «антисоветских элементов». Это было продемонстрировано даже в дни XXII съезда, когда окончательно разогнали митинги, связанные с поэтическими чтениями на площади Маяковского.

614

Такие идеологические решения были провозглашены уже в 1936–1938 годах.

615

Монополия КПСС на власть сохранялась, но теперь в «общенародном государстве».

616

Программа КПСС предусматривала обеспечение современными квартирами каждой семьи, то есть в этом отношении не отличалась от «западной культуры потребления». Хрущев развернул массовое жилищное строительство, считая, что индивидуальное жилье вполне совместимо с коммунизмом.

617

Шитье и вязание никак не преследовались. Идея советского руководства заключалась в другом – разгрузить домохозяек от этой работы, повышая качественные и количественные показатели легкой промышленности.

618

Советская программа ракетостроения, которая привела к полетам в космос, стартовала после Второй мировой войны с личной санкции Сталина. До этого ракетная техника входила в компетенцию артиллерийского управления. Затем ее курировал министр вооружений Д. Устинов.

619

Точнее – баллистических ракет. Разработкой атомного оружия занимались другие ведомства.

620

Советские конструкторы отказались от использования схемы ФАУ-2 при создании советских баллистических ракет.

621

Имеется в виду создание советов народного хозяйства в 1957 году.

622

Опала Лысенко случилась в 1956–1961 годах.

623

А. Ларионов.

624

Серьезные беспорядки в это время случились только в Новочеркасске. В Риге, Киеве, Челябинске, Кемерово, Перми и др. происходили небольшие стихийные митинги численностью до нескольких десятков человек. Серьезные социальные беспорядки в других городах происходили, но в другие годы, начиная с 1959-го.

625

Директор Б. Курочкин.

626

А также атаковала горком и горотдел милиции. Это произошло 2 июня 1962 года.

627

Но не из-за новочеркасских событий, сведения о которых были засекречены.

628

Среди мотивов отстранения Хрущева от власти, которые высказывали его

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org противники, такие планы не фигурировали. Также не обнаружено доказательств, что Хрущев собирался провести альтернативные выборы.

629

Хрущев подписал заявление об отставке 14 октября, и она была принята пленумом ЦК.

630

Власть чиновников сохранялась и в период хрущевского правления. После его отставки отказа от идеи «общенародного государства» не произошло.

631

Уровень репрессивности режима при Брежневе продолжил снижаться. Уменьшилось число политзаключенных, при разгонах массовых волнений стало реже применяться оружие.

632

В 50-60-е годы экономика СССР продолжала быстро расти, при том что принудительные стимулы к труду значительно ослабли. По современным оценкам, учитывающим недостатки советской статистики, в 50-60-е произошел скачок производительности труда в СССР. В 1950-1969 годах производительность труда выросла на 8,8%, в то время как в 1928-1949 годах – на 4,8%, а в 1970-1987 годах – на 3,5% (Easterly W., Fisher S. The Soviet Economic Decline // The World Bank Economic Review. – 1995. – V. 9. – № 3. – P. 341-371)

633

Впреки сказанному, в 1956-1961 годах в СССР очевидно наблюдался всплеск энтузиазма. Известные примеры этого – обстановка Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году, поэтические чтения, зарождение движения самодеятельной песни, стихийные восторженные демонстрации 12 апреля 1961 года и др.

634

Хрущев не отступился от Кубы. Советские ракеты были выведены с острова в обмен на гарантии ненападения на Кубу со стороны США, которые затем твердо соблюдались.

635

По итогам визита Хрущева в 1954 году Мао сказал своим товарищам, что Хрущев – «большой дурак» (Панцов А.В. Мао Цзэдун. – М., 2007. – С. 560).

636

Официальная позиция КПСС, которую разделял и Хрущев, заключалась в том, что классовая борьба будет продолжаться на международном уровне до победы социализма в мировом масштабе. Соответственно, классовая борьба закончилась только в СССР, а в Китае она должна продолжаться, пока он не построит социализм. В этом отношении теоретических разногласий между Хрущевым и Мао пока не было.

637

По советско-китайскому соглашению 1954 года помощь Китаю достигала почти миллиарда инвалютных рублей. Но более половины – в кредит.

638

2 мая 1956 года Мао официально выдвинул лозунг «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы» (иногда переводят «сто цветов» и «сто школ»). Интеллигенция осторожно втягивалась в инициированную таким образом свободную общественную дискуссию, которая в полную силу развернулась с марта 1957 года. К маю «цветение» разочаровало Мао, и 23 апреля была начата кампания «За упорядочение стиля», которая должна была ввести «разгул свободы» в более управляемое русло. Однако сделать это не удалось, страну захлестнули митинги демократически настроенных студентов, критиковавших КПК. 15 мая Мао выступил со статьей «Дело принимает другой оборот», где обрушился на «правые элементы». Но только с принятием постановления 8 июня об отражении нападков «правых» развернулись репрессии, и к осени оппозиция была подавлена. Было репрессировано более полумиллиона человек (Усов В.Н. История КНР. – М., 2006. – Т. 1. С. 164–179).

639

О спорах по поводу причин голода см. Yang, Calamity, pp. 55–67. Янг подчеркивает, что общественные столовые являлись расточительством.

640

В книге J. Banister, *China's Changing Population* (Stanford, 1987), p. 85. называется число 30 миллионов человек (включая нерожденных детей); в книге J. Chang and J. Halliday, *Mao: the Unknown Story* (London, 2006), p. 534, приводится более высокое число погибших – 38 миллионов человек.

641

Публичная советско-китайская полемика разразилась в 1963 году.

642

Благодаря победе над Пэн Дехуаем Мао сохранил значительную часть Сияния. Он сосредоточился на внешнеполитической полемике, но время от времени вмешивался и в решение внутрикитайских вопросов. Сохранялся и культ личности Мао.

643

Хунвейбины. Их движение развернулось 25 мая, вскоре после оглашения «Сообщения ЦК КПК от 16 мая».

644

Так называемые выдвиженцы Культурной революции. В действительности они так и не получили всей полноты власти, так как, сломив сопротивление партийцев, «идущих по капиталистическому пути», в мае 1967 года Мао настоял на включение в ревкомы помимо «выдвиженцев» также представителей военных и «проверенных кадров» (чиновничества).

645

Участники культурной революции из молодых рабочих, чтобы обличать их от студентов-хунвейбинов, получили название «бунтари» («цзаофани»).

646

«Черные классы» стремились примкнуть и к цзаофаням, и к хунвейбинам. Но маоистская направленность обоих движений от этого не менялась. Внутри них развернулась ожесточенная борьба, когда они обвиняли друг друга либо в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
недостаточной радикальности, либо в анархичности.

647

22 января 1967 года вывели из Политбюро. Лю умер в тюрьме, а Дэн был отправлен в ссылку.

648

Попытка сопротивления умеренного коммунистического руководства в центре («февральское противотечение») потерпело поражение уже весной 1967 года. Сопротивление Культурной революции продолжалось в некоторых регионах, причем против «революционных беспорядков» стали выступать и некоторые военные руководители в провинции. В июле в Ухани антихунвейбиновская организация «Миллион героев» опиралась на поддержку командования гарнизона. В водоворот волнений был лично вовлечен и сам Мао, находившийся в это время в Ухани. Для стабилизации ситуации пришлось вызывать войска, верные министру обороны Линь Бяо. 22 июля Цзян Цин дала указание армии вооружать хунвейбинов, что вызвало новую волну беспорядков. Эта ситуация убедила Мао в том, что пора ставить «смуту» под более жесткий контроль.

649

Подавить неконтролируемых хунвейбинов удалось только в 1968–1969 годах.

650

Итоги основного этапа Культурной революции были подведены в апреле 1969 года на IX съезде КПК, который одобрил новую систему власти.

651

Имеется в виду штурм казармы Монкада 26 июля 1953 года, предпринятый молодыми кубинскими радикалами, противниками диктатуры Ф. Батисты (1952–1959).

652

Президент Аргентины в 1946–1955 и 1973–1974 годах, левый национал-реформист.

653

Президент Гватемалы в 1951–1954 годах, полковник. Арбенс не выдвигал программы социалистических преобразований. Предшественник Арбенса на посту президента Х. Аревало (1944–1951), в кабинет которого входил Арбенс, выступал за «духовный социализм». Этот «социализм» в понимании Аревало означал соединение религиозных идей и социальной политики в стиле президента США Ф. Рузвельта.

654

По декрету об аграрной реформе 1952 года подлежали конфискации за выкуп только необрабатываемые земли.

655

27 июня 1954 года Арбенс подал в отставку под давлением военного командования и в условиях вторжения поддержанных США отрядов Армаса.

656

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

В советском прокате фильм назывался «Потомок Чингисхана» (The Heir to Genghis Khan).

657

В отличие от конференции 1920 года в Баку, в Бандунге в 1955 году собрались представители независимых государств.

658

Премьер-министр в 1947–1964 годах, находился у власти со времени обретения страной независимости и до своей смерти.

659

первый президент Индонезии (1945–1967). В 1965 году фактически потерял власть, которая перешла к правым генералам.

660

Г.А. Насер – президент Египта и Объединенной Арабской Республики (1956–1970), один из лидеров арабского социализма и панарабизма.

661

К. Нкрума – первый президент Ганы (1960–1966), проводил политику социалистической ориентации и panaфриканизма.

662

Президент Алжира в 1963–1965 годах, один из создателей специфической алжирской модели социализма.

663

В начале 1960-х годов.

664

Министр обороны Китая, радикальный сторонник Мао.

665

Антиколониальную.

666

Независимость была провозглашена в результате двух войн за независимость, в ходе которых Нидерланды не смогли подавить сопротивление антиколониальных сил.

667

Причины свержения Мосаддыка не были связаны с планами поставки нефти в СССР, который сам являлся экспортером нефти. В Иранском кризисе США и Великобритания отстаивали прежде всего интересы транснационального капитала. В 1951 году в Иране была национализирована Англо-иранская нефтяная компания, и Мосаддык отказался пойти на условия урегулирования, предложенные Великобританией и США. После провала антимосаддыковского путча

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
16 августа 1953 года шах бежал из страны. Революция в Иране могла привести в перспективе к сближению Ирана с СССР, но в 1953 году этого не произошло, так как через три дня Мосаддык все же был свергнут.

668

Имеется в виду высадка американских войск в Ливане в июле 1958 года. Однако власть Шамуна они спасти не смогли – он ушел в отставку, и 31 июля президентом стал генерал Шихаб (Шамуну с трудом удалось добиться включения своих представителей в правительство). Ливан заявил о братских отношениях с Объединенной Арабской Республикой Насера.

669

Президент республики Вьетнам (Южный Вьетнам) в 1955–1963 годах.

670

Народно-социалистическая партия.

671

2 декабря.

672

Отряд попал в засаду.

673

13 марта 1957 года. Революционный директорат атаковал дворец Батисты, но диктатор спасся. С этого времени организация стала называться революционным директоратом 13 марта (РД-13).

674

Репрессивная политика латиноамериканских диктаторов не смущала руководителей США. Они продолжали поставлять оружие Батисте и в 1958 году. Только в условиях развала режима Батисты под ударами партизанских колонн и забастовки в декабре США отказали диктатору в поддержке.

675

Че Гевара, колонна которого накануне взяла Санта-Клару, вошел в Гавану 3 января, а Кастро добрался в столицу через всю страну только 8 января 1959 года.

676

Уррутиа был провозглашен президентом Кубы. Правительство возглавил М. Кордона. Реальная власть оказалась в руках командования повстанческой армии, и Кордона ушел в отставку, а правительство 16 февраля 1959 года возглавил Ф. Кастро.

677

А также расправа над антикоммунистами в армии (дело команданте У. Матоса, приговоренного к длительному тюремному заключению).

678

А. Микоян оказался в регионе (а точнее, в Мехико) в октябре 1959 года, где неофициально встретился с кубинскими представителями и договорился об официальном визите на Кубу. Этот визит состоялся в феврале 1960 года.

679

В ОРО вошли кастровское «движение 26 июля», коммунистическая Народно-социалистическая партия и РД-13. В 1965 году на основе этих структур была создана компартия Кубы.

680

СССР не капитулировал, а получил от исхода кризиса значительную выгоду – вывод ракет из Турции. Но Кастро решил, что Куба была использована как разменная монета в торговле СССР и США.

681

В партизанском антикастровском движении в Эскамбрае участвовали не только крестьяне, но представители разных социальных слоев.

682

Главным стратегом аграрной реформы был сам Кастро, который возглавил Национальный институт аграрной реформы.

683

Разочарование Че вызвал не сталинизм, а внешняя политика СССР 1960-х годов и внутреннее состояние «стран социализма», которую он посетил в ноябре 1964 года.

684

В это время ни Че, ни Хо не противопоставляли себя советской традиции. Даже Мао Цзэдун вступил в открытую полемику с КПСС позднее, в 1963 году.

685

Полное поражение партизанского движения произошло только в Венесуэле. В Гватемале война продолжалась до 1993 года, а в Колумбии продолжается до сих пор.

686

Организация ФАРК-ЭП создана в 1965–1966 годах.

687

Только колониализма. Империалистический (неоколониальный) контроль над большинством стран Африки сохранялся.

688

В данном случае имелась в виду неготовность африканских радикалов бороться за общие интересы.

689

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Ведение партизанской войны не было признаком маоизма, ФРЕЛИМО и МПЛА не считали себя маоистами.

690

Отстранение Бен Беллы от власти было проведено не проамериканскими силами, а его соперниками во фронте национального освобождения. После перехода власти к Революционному совету в главе с Х. Бумедьеном прежний антиимпериалистический курс был сохранен.

691

Это мягко сказано. Президент Южного Вьетнама был убит своими офицерами. Американские бомбардировки Северного Вьетнама начались уже в 1964 году, после гибели Нго Динь Зьема.

692

Сукарно и прежде провозглашал приверженность левым идеям, но не коммунистическим. В 1963 году он пошел на сближение с компартией. Впрочем, в повороте политики Сукарно не было ничего неожиданного – он и раньше положительно относился к опыту СССР. Например, в 1945 ГОДУ он заявлял: «Разве каждый русский человек уже умел читать и писать, когда Ленин создавал независимую Светскую Россию? Нет, уважаемые господа! Только по ту сторону моста, воздвигнутого Лениным, были построены радиостанции, созданы школы, организованы детские ясли, построен Днепрогэс!» (Сукарно. Индонезия обвиняет. – М., – 1956. – С. 253-254).

693

Организаторы путча придерживались левозкстремистских взглядов. Неясной остается и роль самого Сукарно в организации нападения на генералов. В результате этих «событий 30 сентября» 1965 года Сукарно фактически потерял власть, которая перешла к генералу Сухарто.

694

Хотя между Насером и Хрущевым были некоторые разногласия, они продолжали сохранять союзнические отношения. Насер не выступил против СССР и после отставки Хрущева. В середине 70-х годов это сделал преемник Насера А. Садат.

695

С падением Хрущева СССР не прекратил борьбы за третий мир. Именно в это время обострилась ситуация в Индокитае, а затем – на Ближнем Востоке. Как раз на Ближнем Востоке СССР опирался не на твердых марксистов-ленинцев, а на широкий фронт арабских националистов. Сохранялся союз с Индийским национальным конгрессом, с которым коммунисты вступали в коалиции.

696

Имеется в виду экономическая реформа 1965–1971 годов, которая ввела хозрасчет.

697

В 1955 году. Правда, уже в 1958 году отношения снова ухудшились из-за идеологических разногласий. Однако до разрыва государственных отношений на этот раз не дошло.

698

Помощь СССР странам Восточной Европы оказывалась и при Сталине. В частности, в период засухи 1946–1947 годов поставлялось продовольствие. В 1950 году в связи с повышением мировых цен на сырье было принято решение рассчитывать по ценам 1949 года, причем эти «стоп-цены» существовали до 1957 года. В 1946–1951 годах со всеми странами СЭВ были заключены кредитные соглашения.

699

Требования Хрущева не были столь категоричны. Сам Д. Пристланд утверждает, что Хрущев был менее «империалистичен», чем Сталин.

700

Как и другие государства «народной демократии», румынский режим по происхождению не был чисто коммунистическим. И дело даже не в привлечении некоммунистов на вторые роли. Даже председатель правительства Румынии в 1945–1952 годах, а затем глава государства П. Гроза не являлся членом компартии, а до войны был либеральным политиком.

701

Румынско-советский конфликт открыто проявился в 1967 году, когда Румыния отказалась разорвать отношения с Израилем.

702

и Израиля.

703

В отличие от Чаушеску, албанские лидеры считали себя единственными среди правящих европейских компартий продолжателями дела Сталина.

704

Ким Ир Сен нанес удар не только по технократам, а по всем партийцам, имевшим советское и китайское происхождение, а также по их сторонникам.

705

Ким Ир Сен умер в 1994 году.

706

Гомулка не ликвидировал кооперативы (которые Д. Пристланд называет здесь коллективными хозяйствами), а прекратил принуждать крестьян в них состоять. После этого число кооперативов уменьшилось в 6 раз, хотя они и сохранились.

707

Приведенный пример не объясняет экономических трудностей «реального социализма». Ведь в предыдущие годы в «социалистическом лагере» происходил стремительный рост, хотя властные факторы были также важнее денежных. Да и не могли визиты министров остановить развитие тысяч предприятий.

708

В этой модели неясно, куда именно промышленники «высасывали из производства все ресурсы» и почему развитие советской экономики продолжалось быстрыми

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org темпами еще два десятилетия после смерти Сталина. Теория Я. Корнай, на которую ссылается Д. Пристланд, более логична, хотя тоже имеет свои недостатки. Подробнее см. Корнай Я. Дефицит. – М., 1990; Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975–1985. – М., 2007 – С. 96–98.

709

По другим данным, 16% (Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. – М., 1999. – С. 106–107).

710

Причина этого заключалась в недооценке советским руководством необходимости производства персональных компьютеров. Усилия были сосредоточены на создании мощных машин, которые можно было использовать в государственных программах автоматизации управления производством. Соответственно, рост числа компьютеров был незначителен.

711

Это объяснение противоречит версии о «высасывании ресурсов из производства», на которую Д. Пристланд опирался выше. Однако и версия Н. Шмелева не объясняет, почему в СССР существовал дефицит автомобилей. Дело было не только в качестве продукции, но и в том, что даже количественные возможности «социалистической» промышленности отставали от растущих потребностей и покупательной способности населения. Свою роль сыграли и стабильность цен в условиях роста спроса, и особенности «социалистического планирования», которые все время недоучитывали потребности населения, и затухание стимулов роста. Подробнее см.: Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975–1985. – М., 2007. – С. 95–126.

712

Это произошло в 1974 году. Впрочем, Брежнев и после этого продолжал контролировать ход важнейших дел.

713

В 1936–1941 годах Брежнев был директором техникума, зампредом горисполкома, завотделом торговли обкома, секретарем по пропаганде, с 1940 года – по оборонной промышленности обкома.

714

имеется в виду политика разрядки 70-х годов.

715

Улучшение отношения между ГДР и ФРГ было санкционировано Москвой, продолжилось после отставки Ульбрихта и достигло кульминации уже при Хонеккере, став важной составляющей разрядки. В 1973 году после урегулирования отношений между двумя германскими государствами они были приняты в ООН.

716

В 1965–1971 годах в ряде отраслей был постепенно введен хозрасчет, и это дало положительный эффект в X пятилетке. Однако реформа имела системные недостатки, которые постепенно парализовали ее эффект. См. Шубин А.В. Указ. соч., с. 127.

717

Как раз в 1965 году югославская реформа обрела новое дыхание – рабочие советы и предприятия получили более широкие полномочия.

718

Долги страны стали быстро нарастать в 70-е годы – в первой половине десятилетия примерно на 750 миллионов долларов в год. В 60-е годы ситуация была более благополучной. Однако даже в условиях острого кризиса конца 70-х годов долги Югославии составляли и миллиардов долларов в 1979 году. В сравнении со странами СЭВ это не были самые большие долги – в Польше вдвое больше, а в ГДР – на уровне Югославии.

719

Д. Пристланд исходит из заведомой полезности ликвидации нерентабельных предприятий, в то время как социалистические рыночные идеи предполагают их реконструкцию. Идея ликвидации нерентабельных предприятий сыграла злую шутку с постсоветской промышленностью, значительная часть которой была разрушена под предлогом нерентабельности.

720

Точнее – к 80-м. Во второй половине 60-х годов экономика Югославии продолжала успешно развиваться. В среднем в 1965–1979 годах ежегодный прирост составлял 5,8%, а в 1966 году – даже 15,8%. Во второй половине 60-х годов Югославия справлялась и с долгами. Острый кризис югославской экономики начался в конце 70-х годов. Угроза распада стала всерьез грозить Югославии только в конце 80-х, когда радикально изменилась политическая обстановка как в стране, так и во всей Восточной Европе.

721

Программа действий «За развитие социалистической демократии» была принята пленумом ЦК КПЧ в апреле 1968 года.

722

Лидер венгерских реформаторов 1956 года И. Надь тоже долго жил в СССР, хорошо относился к русским и сначала не планировал радикальных преобразований и выхода из Варшавского договора.

723

«Манифест» не утверждал, что вся партия состоит из аморальных властолюбивых эгоистов. В частности, в «Манифесте» говорилось: «Прежде всего мы будем противостоять мнению, что можно совершить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или вопреки им» (См. Антология самиздата. – М., 2005. – Т. 2. – С. 302–303).

724

Сопrotивление чехов и словаков (массовые демонстрации, забастовки, обстрелы войск, поджоги бронетехники и наконец – проведение реформистского съезда КПЧ) оказалось достаточным, чтобы СССР пошел на уступки. Первоначально чехословацкие руководители были арестованы, но затем Брежнев вступил с ними в официальные переговоры об урегулировании. Репрессии в Чехословакии в 1969–1971 годы были гораздо мягче, чем в Венгрии в 1956–1958 годах. Смертные приговоры по политическим обвинениям в Чехословакии не выносились, большинство оппозиционеров не арестовывались, а были просто уволены с работы. И. Надь был казнен в 1958 году, а А. Дубчек после 1969 года остался на свободе.

725

На это согласился не «новый руководитель» Гусак, который возглавил партию только в апреле 1969 года, а сам А. Дубчек и большинство его Политбюро (включая, конечно, и Гусака). 26 августа А. Дубчек и другие члены Политбюро ЦК КПЧ подписали соглашение, санкционировавшее ввод войск Варшавского договора в страну. А. Дубчек оставался первым секретарем ЦК КПЧ еще полгода после ввода войск – до апреля 1969 года. В этот период в ЧССР была проведена экономическая рыночная реформа.

726

Венгерское движение 1956 года в значительно степени зародилось внутри партии. И. Надь и его сторонники принадлежали к числу партийных реформистов, даже Я. Кадар поддерживал движение до 1 ноября 1956 года.

727

В СССР хозрасчет сохранялся, его даже пытались совершенствовать в 70-е годы. Еще большие элементы рыночных отношений помимо Венгрии развивались в Чехословакии и Польше, не говоря о Югославии.

728

Однако контроль партийно-государственной иерархии за обществом значительно ослаб, что позволяет говорить о качественном различии сталинской и брежневской систем. Подробнее см. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР, с. 82-96.

729

Точнее – авторитарных, так как Хрущев атаковал чиновника не снизу, а сверху.

730

И даже хрущевским чиновникам, ведь при Брежневе не происходило ничего подобного новочеркасскому расстрелу.

731

По другим данным, 2-4% (After Brezhnev: Sources of Soviet Conduct in the 1980s. – Bloomington. Indiana, 1983. – P. 69; The Future of the Soviet Economy: 1978-1985. – Boulder, 1978. – P. 9).

732

Точнее – 40-х годов, так как Бреттон-Вудская система была создана в 1944 году.

733

Эта деятельность, как правило, тоже стимулировалась или прямо оплачивалась (например, в рамках общества «Знание»).

734

По сравнению с постсоветскими временами и эти возможности были очень ограничены.

735

Патернализм, о котором Д. Пристланд писал выше, предполагает, что иерархия действует не только в интересах верхов. Устойчивость этих обществ основывалась на том, что верхи, не забывая о своих интересах, все же занимались ростом благосостояния и поддержанием социальных гарантий остального населения.

736

На предприятиях «реального социализма» было распространено самое разное отношение к администрации – в спектре от враждебности до уважения. Оно зависело как от взглядов самого рабочего, так и от поведения администрации. Рабочие, руководствовавшиеся в этом отношении «радикальным марксизмом», если и были на предприятии, как правило, имели репутацию чудаков.

737

Не будем забывать, что этот опрос был сделан в разгар движения «Солидарность», поэтому он вряд ли может характеризовать настроения в восточноевропейских странах в обычных условиях.

738

Это – в идеале, а не в реальности. Реальные индустриальные («современные») общества основаны на иерархии, подчинении человека управлению прежде всего на производстве, но также и в других сферах.

739

«Блондинка за углом», реж. В. Бортко.

740

Массовое движение против сегрегации началось в 1955 году.

741

«Доктор Стрейнджлав, или как я перестал бояться и полюбил бомбу» (1964 г.), реж. Стэнли Кубрик.

742

«Космическая Одиссея 2001» (1968), реж. Стэнли Кубрик. HAL своим зловещим красным «глазом» напоминает одноглазого циклопа из «Одиссеи» Гомера.

743

Один из предводителей движения за гражданские права в США с 1955 года, Конференции руководства христиан юга (1957–1968), пастор, наиболее авторитетный негритянский лидер. Убит в 1968 году. Восстания чернокожего населения на севере происходили в 1965–1968 годах.

744

Один из идеологов фронта национального освобождения Алжира в 1956–1961 годах.

745

Имеются в виду жестокие разгоны митингов молодежи против войны во Вьетнаме. Попытки пацифистов заставить Демпартию выступить против войны не удалась,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
но ведение войны было еще сильнее дискредитировано.

746

Имеются в виду события «Красного мая», когда выступления студентов привели к массовым манифестациям, столкновениям с полицией на баррикадах, всеобщей забастовке, захватам предприятий рабочими, временному отъезду президента из страны. Подробнее см.: Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. – М.; Владимир, 2007. – С. 312–336; Дойл К. Франция 1968. Месяц революции. Уроки всеобщей забастовки. – М., 1993.

747

Эти революции нельзя считать неудавшимися – ведь они привели к качественным изменениям в структуре общества.

748

Кастро отказался от авантюристической экономической политики только после ее провала в 1970 году, когда не удалось выполнить план сбора 10 миллионов тонн сахарного тростника.

749

«Житие Брайана по Монти Пайтону» (1979), реж. Терри Джонс.

750

А также Иорданией.

751

Имеется в виду Арабский социалистический союз.

752

Сирия и Египет продолжали сохранять влияние на ООП и после 1967 года.

753

Имеется в виду сходство тактики, а не принадлежность к маоизму как идеологии.

754

У Альенде была возможность достичь согласия с крупнейшей партией среднего класса – Христианско-демократической (ХДП) – и таким образом получить парламентское большинство и провести революционные законы. ХДП поддержала национализацию горнорудной промышленности в 1971 году, которая вызвала гнев США. В это время ХДП выступала против господства частной собственности, но не за национализацию, а за переход предприятий в коллективную собственность трудовых коллективов. На это Альенде не согласился, ХДП сдвинулась вправо и заблокировала законодательство президента. Это ограничило возможности Альенде проводить задуманные им преобразования.

755

По другим данным, погибло 30 000 человек (История Латинской Америки. Вторая половина XX века. – М., 2004. – С. 209).

756

Затраты на войну в Афганистане были все же незначительными в сравнении с общими доходами и расходами СССР. В 1984 году СССР потратил на войну 1,5 миллиарда рублей. Общие расходы СССР в 1985 году составили 386,5 миллиарда рублей. Такие затраты, как на Афганистан, СССР прежде мог позволять себе и без нефтяных сверхдоходов, например – помочь Китаю и затем затратные программы защиты границ от китайской угрозы. Более существенное негативное воздействие Афганской войны сказалось в другом – впервые за несколько десятилетий советские солдаты систематически погибали в войне за рубежом.

757

В движение вооруженных сил (ДВС), которое пришло к власти в результате переворота 25 апреля 1974 года, входили не только офицеры-радикалы из «движения капитанов», но и сторонники правого генерала А. ди Спинолы. Именно он был избран временным президентом. Более радикальные перемены начались после политического кризиса в сентябре 1974 года, который привел к отставке Спинолы, и после попытки правого переворота в марте 1975 года.

758

В марте-июле 1975 года были национализированы крупнейшие банки, собственность португальских монополий, принят закон об аграрной реформе. Поощрялся рабочий контроль.

759

Имеются в виду выборы в Учредительное собрание.

760

После выборов в Учредительное собрание революционная волна продолжала нарастать еще несколько месяцев. Продолжалось установление рабочего контроля, активные действия городских низов и левых радикалов, реформы правительства В. дош Сантоша Гонсалвеша. Сворачивание революции началось только после отставки Гонсалвеша под давлением умеренного генералитета в сентябре 1975 года.

761

Чистки армии от левых офицеров произошли после попытки левого путча в ноябре 1975 года.

762

Коммунисты не начинали эту революцию, компартия Португалии была лишь одной из ее сил. Также нельзя говорить о полном поражении Португальской революции. Пришедшие к власти социалисты сохранили многие ее демократические и социальные завоевания.

763

К этому времени в Африке продолжали развиваться такие национальные формы социализма, как алжирская, ливийская и танзанийская. Главный мотив советской ориентации – необходимость получения помощи СССР.

764

Нето заявлял, что он – марксист-ленинец.

765

Применение репрессивных методов режимом Нето вовсе не доказывает, что он – сталинист. Марксизм–ленинизм вполне допускает репрессивную практику. Репрессии в Луанде были направлены и против сталинистов (ходжаистов).

766

Африканцы пришли к власти и провозгласили республику Зимбабве в 1980 году.

767

Сомалийский диктатор С. Барре был не марксистом–ленинцем, а вполне выраженным исламским социалистом. Он утверждал: «Откуда социализм берет свое начало?.. Мы скажем, что он коренится в исламе». Барре призывал вести борьбу против неверных и защищал частную собственность, если она используется на благо революции и народа: «Некоторые ошибочно полагают, что социализм – это конфискация всей частной собственности» (История Африки в документах. 1970–2000. – Т. 3 – М., 2007. – С. 167–169). Для Ленина и его последователей ликвидация частной собственности является условием создания социализма.

768

Все государства с марксистско–ленинскими режимами провозгласили обязательность среднего образования. Хотя этот принцип не удавалось осуществить полностью, количество обучающихся в средней школе значительно превышало число студентов.

769

Революция началась с забастовки таксистов 17 февраля, к которой в течение нескольких дней присоединились работники других отраслей, студенты и военнослужащие нескольких провинциальных гарнизонов.

770

Это наименование утвердилось после официального провозглашения «Дерга» верховным органом власти.

771

«Дерг» фактически взял власть сразу после своего образования в июне 1974 года, но некоторое время формально сохранял лояльность императору. Еще до ареста монарха был арестован и либеральный премьер–министр Эндалькачоу Мэконнын.

772

Д. Ньерере – президент Танганьики (1962–1964) и Танзании (1964–1985), проводил политику социализма уджамаа (общинный социализм). В «Дерг» входили представители самых разных взглядов – от либеральных до коммунистических. Глава «Дерга» в июне–ноябре 1974 года генерал Аман Микаэль Андом придерживался умеренных взглядов. После того как Аман и его сторонники были перебиты коллегами по «Дергу», организацию возглавил генерал Тэфэри Банги в декабре была принята декларация «Эфиопия превыше всего» с изложением принципов национального социализма. По официальной версии – профессиональный военнослужащий, сержант.*****

773

Это произошло после того, как из–за репрессий стала невозможна легальная деятельность ЭПРП.

774

Террор развернулся после того, как Менгисту в феврале 1977 года уничтожил председателя ВВАС («Дерга») Тэфэри и его сторонников в ВВАС, после чего начались массовые расправы как над леваками, так и над представителями старой монархической элиты.

775

Вооруженная борьба за независимость Эритреи началась еще при монархии.

776

Помощь США Эфиопии прекратилась в апреле 1977 года, когда была закрыта американская база в Асмэре, а американские институты изгнаны из страны.

777

В июле 1977 года. После этого были разорваны отношения Сомали с СССР.

778

Тем не менее режим преодолел острый кризис середины 80-х годов и сохранил устойчивость до прекращения советской помощи в 1990 году.

779

Менгисту не усвоил сталинской гибкости, способности идти на временные уступки крестьянству в кризисной ситуации, как это было в СССР, например, в 1930 году.

780

Само по себе восхищение культурными достижениями прошлого никак не противоречит коммунистическим убеждениям, что неоднократно подчеркивал Ленин.

781

У сталинистов тоже не было презрения к своей культуре, скорее – наоборот.

782

Пол Пот родился в 1925-м или в 1928 году.

783

Точнее – Салот. Ведь псевдоним Пол Пот появился позднее.

784

Тем не менее, придя к власти, Пол Пот на год сделал главой государства принца Нородома Сианука, а затем сохранил ему жизнь.

785

В марксистской традиции эту идею выдвинул не Сталин, а Ленин.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
786

Генеральный секретарь Народно-революционной партии Камбоджи Ту Самут был убит на конспиративной квартире в Пномпене. В 1963 году Пол Пот стал генеральным секретарем партии, переименованной в Кампучийскую коммунистическую партию. В 1960-1962 годах со старым названием НРПК конкурировало название «Рабочая партия».

787

Переименование в Кампучийскую коммунистическую партию произошло на III съезде в январе 1963 года.

788

Ангка была не прикрытием, а ядром полпотовской организации.

789

Вывод вьетнамских войск не привел к победе полпотовцев. Они продолжали партизанить до смерти Пол Пота в 1998 году.

790

Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

791

Задачи революции были значительно шире. В первые месяцы революции были отменены долги крестьян, объявлено о равноправии мужчин и женщин, введены ограничения на брачный возраст и контроль над ценами, отменен калым, началась земельно-водная реформа.

792

На сторону восставших перешла часть армии, командиры которой были недовольны репрессиями халькистов.

793

Политбюро ЦК КПСС обсудило просьбы руководителей Афганистана о вводе советских войск в связи с восстанием в Герате и решило не делать этого. Советские руководители не собирались в этот период действовать своими силами и лишь рекомендовали проводить более умеренный курс (что предполагало возможность переложить ответственность за прежний радикальный курс на Амина). Попытка сторонников Тараки 16 сентября арестовать или убить Амина закончилась провалом. Дискредитированный Тараки был арестован и 8 октября убит. Несмотря на косвенную причастность СССР к попытке его устранения, официально Амин сохранил союзнические отношения с СССР и не отозвал приглашение в страну советских войск. Об этом и обстоятельствах ввода советских войск в Афганистан подробнее см.: Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 годы, с. 26-42.

794

ФКП входила в правительство в 1981-1984 годах.

795

В период «исторического компромисса» 1976-1979 годов итальянская компартия поддерживала правительство левых христианских демократов, не входя в него.

796

В 1978 году террористы из «красных бригад» похитили и убили председателя ХДП и бывшего премьер-министра А. Моро.

797

После прихода к власти Картера советско-американские отношения стали ухудшаться.

798

Проблемы безопасности также волновали американскую администрацию, но она смотрела на них под углом зрения специфических теорий советника президента по национальной безопасности З. Бжезинского, что способствовало серьезному провалу администрации Картера в Иране.

799

Но ко времени описываемых событий Рейган и Горбачев уже подписали договор о ракетах средней и меньшей дальности (1987). Точнее – в 1972-1975 годах.

800

В действительности советский и китайский миры двигались в одном направлении – к капитализму. Соглашение 1989 года положило начало решению пограничной проблемы, очень важной для отношений двух стран.

801

Падение Линь Бяо произошло в прямом смысле слова – при попытке бежать из страны он погиб, так как его самолет был сбит.

802

Ни во время секретного визита Киссинджера в июле 1971 года, ни даже во время знаменитого визита Никсона в феврале 1972 года не было подписано конкретных американо-китайских соглашений. Принимались коммюнике о необходимости нормализации отношений, но конкретные решения оказались приняты только в 1978 году, после чего были восстановлены отношения на уровне послов. После визита Никсона в 1972 году США перестали блокировать вступление КНР в ООН. При этом Мао не сделал Никсону политических уступок.

803

Несмотря на поражение, Хуа Гофэн сохранял пост председателя ЦК КПК до 1981 года.

804

К этому времени Китай уже продвинулся по пути индустриализации, то есть вступил во вторую волну.

805

В событиях 1989 года доминировала интеллигенция.

806

Независимый профсоюз, организатор забастовочного движения в Польше в

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
1980–1981 годах.

807

При этом количество осужденных по политическим делам сократилось по сравнению со временами «оттепели».

808

Такая «профилактика» проводилась с 1959 года.

809

Солженицын и Сахаров по многу лет игнорировали «рекомендации» прекратить антисоветскую агитацию, прежде чем подверглись высылке.

810

При оценке этих данных необходимо учитывать, что мнение эмигрантов отличается от мнения среднего советского человека.

811

Д. Пристланд без доказательств принимает эту распространенную, но спорную мысль. Не доказывает он ее и позднее, когда речь идет о перестройке.

812

В 1980 году, в отличие от Венгрии 1956 года, правящая партия не распалась и сохранила монополию на власть.

813

Создан в 1978 году.

814

Собор 1962–1965 годов провел реформы Церкви, направленные на ее модернизацию.

815

До войны К. Войтыла был студентом-философом, но во время войны учиться не мог и некоторое время работал в каменоломне и на химическом заводе.

816

Один из организаторов КОР.

817

В этом разделении не было ничего нового, на нем основывалась концепция «тоталитаризма» со времени ее выдвижения Х. Арендт еще в 1951 году.

818

И в этой практике США не было ничего нового. Еще Рузвельт считал, что «Сомоса – это сукин сын, но это наш сукин сын».

819

1 июля 1980 года были повышены цены на мясо.

820

«Солидарность» была создана позднее августовской забастовки – 17 сентября. Собственно, право на формирование независимого профсоюза было одним из требований забастовщиков. Забастовку на побережье координировал Межзаводской забастовочный комитет.

821

В августе польских коммунистов все еще возглавлял Герек. Каня сменил его 6 сентября.

822

Соглашение 30 августа 1980 года было заключено между МЗК и правительством. Оно предоставляло оппозиции не власть, а права на забастовки и создание независимого профсоюза.

823

Точнее – в напряженном противоборстве. Подробнее см. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя, с. 50–66.

824

В течение последующих двух лет в политических столкновениях погибло несколько десятков человек.

825

3–4 миллиарда долларов в год, что меньше, чем прежде Польша брала на Западе.

826

Цены на нефть продолжали оставаться на высоком уровне до 1983 года, после чего упали с 34 до 29 долларов за баррель. А существенное снижение до 18 долларов за баррель произошло только в 1985–1986 годах.

827

В политике президента Рейгана это стало проявляться только с 1986 года.

828

Помимо вторжения на Гренаду американцы в этот период высадились также в Ливане, но успеха не снискали.

829

На Филиппинах существовал проамериканский режим, и поэтому там действия США были направлены не на разжигание партизанской войны, а на подавление повстанческих групп.

830

Часть повстанцев, такие как сторонники Э. Пасторы, раньше, напротив партизанили против Сомосы.

831

Это сильно сказано – ФРЕЛИМО сохранил власть. Соглашение предусматривало прекращение помощи АНК со стороны Мозамбика и РЕНАМО со стороны ЮАР. Однако ЮАР не соблюдала соглашение, и в 1987 году Мозамбик вышел из него. Гражданская война в Мозамбике продолжалась до середины 90-х годов.

832

Имеются в виду моджахеды Ирана, которые сначала боролись против шахского режима, а затем вели вооруженную борьбу против исламского режима.

833

Эта военная тревога стала результатом обострения ракетного кризиса 1979-1987 годов. Подробнее см. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975-1985, с.77-81.

834

Андропов не противопоставлял эти меры, а надеялся найти их сочетание, для чего проводил рыночные эксперименты. Подробнее см. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975-1985, с. 256-258.

835

В 1984 году.

836

Необходимо учитывать, что уничтожение системы стало результатом деятельности не только Горбачева, но также других людей и сил, в том числе и тех, которые действовали против него.

837

В 20-е годы подобная позиция была характерна для «троцкистов».

838

Таких смелых взглядов сразу после прихода к власти у Горбачева не было, что ниже признает и сам Д. Пристланд. О формировании взглядов Горбачева подробнее см. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975-1985, с. 198-200, 207-216, 292-296, 302.

839

В этот период Горбачев не поддерживал западные образцы как парламентаризма, так и рынка – он выступал против многопартийности и частной собственности.

840

Точнее – в промышленности. Горбачев считался специалистом в сельском хозяйстве СССР.

841

После «большой встряски» 1985–1986 годов цены стабилизировались на уровне выше 1974 года. То есть СССР потерял не высокие доходы, которые получал после «нефтяного шока» 1973 года, а сверхдоходы 1979–1985 годов.

842

** Программу поэтапной ликвидации ядерного оружия до 2000 года Горбачев выдвинул еще 15 января 1986 года.

843

Горбачев категорически выступал против переноса гонки вооружений в космос, а Рейган – за создание космических систем ПРО.

844

Идеи Рейгана практически не оказали влияния на программу внутренних реформ Горбачева. В то же время и особенности горбачевской программы были далеко не единственным фактором, который привел к краху коммунистического режима.

845

Несмотря на симпатию Горбачева и Тэтчер друг к другу, в 80-е годы она не смогла убедить его в таких своих идеях, как введение рынка, основанного на свободном ценообразовании и частной собственности.

846

Горбачев симпатизировал социал-демократии, но не мог воспринимать себя как западного социал-демократа – в СССР принципы западной социал-демократии конца XX века (то есть социал-либерализма) были неприменимы, так как структура общества являлась совсем другой. Если западная социал-демократия – за развитие социальных программ в условиях преобладания частной собственности в экономике, то Горбачев выступал за переход к рынку в условиях «нашего социалистического строя, строя трудящихся» (XVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – Т. 2. – М., 1991. – С. 193).

847

«Почти» немаловажно, так как Горбачев выдвигал не либеральные идеи, а взгляды демократического рыночного социализма.

848

В программе реформ было много и гораздо более практических положений. Подробнее см. XVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – М., 1986; Шубин А.В. Парадоксы Перестройки: неиспользованный шанс СССР. – М., 2005. – С. 61–66.

849

Одновременно, как и в Югославии, своеволие директоров попытались ограничить с помощью выборных советов трудовых коллективов.

850

До 1989 года этот предел был весьма ограниченным: официальная пресса критиковала Сталина, но не Ленина, недостатки эпохи Брежнева, но не деятелей, находящихся у власти. Отдельные публикации, которые осторожно выходили за эти рамки, вызывали сенсацию. Только в 1989 году, когда

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org самиздат начал выходить многотысячными тиражами, официальная пресса также стала подхватывать темы, освоенные раньше самиздатом: критика Ленина, возможность отказа от государственной собственности на средства производства, непоследовательность и ошибки Горбачева, необходимость введения многопартийности и т. п.

851

Официального разрешения на создание неформальных групп не было. Просто с 1987 года прекратилось уголовное преследование за создание антисоветских организаций, что и позволило в 1987-1988 годах сформировать сеть оппозиционных структур. Подробнее см. Шубин АН Преданная демократия. Перестройка и неформалы. 1986-1989. – М. 2006.

852

Пред полагалось, что Съезды будут частично избираться, а частично – назначаться КПСС и официальными общественными организациями. Кандидаты в депутаты отбирались окружными предвыборными собраниями.

853

В своем выступлении на юбилее Октябрьской революции в 1987 году Горбачев так и не упомянул Бухарина в положительном контексте, хотя от него этого ожидали.

854

Публично Яковлев продолжал выступать за марксизм-ленинизм.

855

Речь идет о первой статье в официальной прессе. В самиздате 1988 года это была распространенная тема.

856

Официальная пресса стала такой только в 1990 году. В 1989 году в «большую печать» проходили только отдельные «антисоветские» публикации.

857

Горбачев как раз очень осторожно менял официальную идеологическую позицию. Но с 1989 года он потерял контроль над процессом смены идеологии советских граждан, так как они могли ознакомиться с оппозиционными взглядами в самиздате или на массовых митингах.

858

Д. Пристланд не подтверждает ссылкой на источник это очень спорное конспирологическое утверждение. Народные фронты, по всей видимости, контактировали с местными КГБ и другими партийно-государственными органами, но из этого не следует, что именно КГБ принадлежит инициатива создания народных фронтов. Это очень сомнительно, учитывая публичность создания фронтов.

859

Эти различия между СССР и КНР сомнительны. К началу реформ, в середине 70-х годов китайцы голодали, чего в СССР 80-х годах не было. Подробнее о различиях СССР и КНР и проблеме применения китайского опыта в СССР см. Шубин А.В. Парадоксы Перестройки: неиспользованный шанс СССР. С.67-71.

860

Горбачев выступал не за приватизацию, а за «социалистический рынок» «Ползучая приватизация» стала результатом более сложных социально-экономических процессов, прежде всего – роста бесконтрольности директоров и бюрократических кланов.

861

Экономическая политика Путина продолжала базироваться на таких либеральных принципах, как сохранение крупной частной собственности, вовлеченность частных компаний в глобальную рыночную экономику, монетаризация социальных функций государства и др.

862

Как раз в это время власть Советов в СССР была восстановлена, и они впервые с 1918 года стали самостоятельными от Коммунистической партии.

863

28 ноября было достигнуто соглашение о ликвидации руководящей роли КПЧ. В декабре Г. Гусак ушел в отставку, президентом стал лидер «Гражданского форума» В. Гавел, было сформировано коалиционное правительство коммунистов и оппозиции.

864

Роль рабочих в чехословацких событиях 1989 года была незначительной.

865

Соглашение о политическом урегулировании ситуации вокруг Афганистана было подписано Афганистаном, Пакистаном, СССР и США в Женеве 14 апреля 1988 года. Оно предусматривало полный отказ от военного вмешательства в дела Афганистана. Это открыло путь к выводу советских войск в феврале 1989 года. Правда, после этого подписанты продолжали в нарушение соглашения оказывать помощь сторонам конфликта. И еще десятилетие после.

866

И еще десятилетие после

867

В СССР были и другие объединяющие факторы – экономические связи и разделение труда между регионами, советская культура и др. А вот КПСС постепенно превратилась из центростремительной силы в центробежную. Усиливалось стремление партийно-государственных бюрократических кланов к противостоянию центру. Сохранение власти партийных элит в регионах способствовало развалу СССР, в котором приняли участие полномочные республиканские первые секретари, переименовавшие себя в президентов.

868

Однако успех националистов на свободных выборах вовсе не был всеобщим. Силы, выступавшие под националистическими лозунгами, не получили большинство мандатов на выборах 1990 года в таких важных республиках, как Украина и Белоруссия.

869

Это решение не предполагало объявление независимости от СССР и означало автономию России в рамках СССР и демократическое преобразование Союза.

870

В середине 1990 года «искали независимости» республики Прибалтики, Грузия и Армения. Руководство остальных связывало будущее своих стран с пребыванием в СССР.

871

Эту идею выдвинули республики Прибалтики еще в 1988 году, затем ее поддержала часть российских демократов. К моменту, когда Горбачев согласился на разработку нового союзного договора, эта идея уже казалась прибалтийским национальным лидерам недостаточной и слишком умеренной. Однако ее поддержка на союзном уровне серьезно подорвала легитимность СССР.

872

Академик Петраков не выдвигал своего плана реформ, а вместе с другими академиками принял участие в обсуждении программы «500 дней», предложенной командой либеральных экономистов во главе с Г. Явлинским. В свою очередь, Горбачев не поддержал «шоковую терапию» даже в непоследовательном варианте «500 дней», и программа не была принята. Горбачев так и не определился, в каком виде можно переходить к рыночному ценообразованию, и задержка с решением этого вопроса серьезно дезорганизовала экономику.

873

Приказ штурмовать Белый дом так и не был отдан. Члены ГКЧП так ничего и не решили и к тому же были проинформированы, что если приказ будет отдан, то скорее всего не будет выполнен.

874

При их активном участии.

875

Лидеры хорватских и боснийских националистов также владели этим «искусством».

876

Великая Сербия не была создана, сербы в бывшей югославской республике Боснии и Герцеговине сформировали формально самостоятельную Республику Сербскую. Она не признавала себя частью государства Босния и Герцеговина.

877

Но Запад активно вмешивался, сначала оказывая финансовую и дипломатическую помощь противникам сербов, а с 1995 года – и путем бомбардировок авиацией НАТО сербских позиций и колонн беженцев.

878

Имеются в виду съемки западных телекомпаний, когда скопления беженцев выдавались за сербские концлагеря.

879

Это соглашение об устройстве Боснии и Герцеговины, заключенное в декабре 1995 года под давлением США, оказалось стабильным, так как поддерживалось угрозой военного вмешательства НАТО.

880

Косово признал не весь Запад. В частности, против признания выступили Испания и Греция.

881

Поводом для начала студенческих волнений стала кончина 15 апреля 1989 года опального реформатора, бывшего генерального секретаря ЦК КПК в 1980-1987 годах Ху Яобана.

882

Генеральный секретарь ЦК КПК.

883

Председатель Госсовета (правительства).

884

Среди демонстрантов были люди разных оппозиционных взглядов: и сторонники демократического социализма, и либералы-западники, и даже маоисты (часть протестующих демонстративно надела значки с изображением Мао).

885

Сопrotивляясь продвижению войск к площади, оппозиционеры также убивали военнослужащих и поджигали военную технику.

886

Имеются в виду массовые выступления против встречи ВТО в декабре 1999 года, положившие начало антиглобалистскому движению.

887

В России – позднее. Непрочное восстановление началось в 1997 году, но было прервано кризисом 1998 года. Более длительный рост начался в 1999 году, но и он не позволил достичь уровня производства 1990 года.

888

А также в сращивании чиновничества и бизнеса.

889

И мировым, так называемым Тихоокеанским финансовым кризисом.

890

Был пролоббирован также дефолт по коммерческим долгам, что усугубило ситуацию.

891

В 1990 году Ельцин не мог отменить гимн СССР, так как возглавлял РСФСР. Соответственно, правительство РСФСР приняло постановление о введении гимна России («Патриотическая песнь» М. Глинки), утвержденное Верховным советом. Гимн СССР исчез вместе с государством в 1991 году.

892

Ельцин не возглавлял СССР. Имеется в виду Российская Федерация.

893

Слово «революция» здесь корректно употреблять только в переносном смысле, так как в ходе «цветных революций» не происходит и даже не предполагается изменение основ социальной системы.

894

На Украине и в Киргизии в этих революциях бывших коммунистов сменили... тоже бывшие коммунисты. В. Юценко был членом КПСС с 1977 года, К. Бакиев в 1990-1991 годах – первым секретарем горкома КПСС.

895

В условиях «третьего мира» «либерально-демократическая» модель как раз и приводит к тесной связи коррумпированного бизнеса с коррумпированным чиновничеством.

896

Победители в «цветных революциях» проводили чистки силовых структур, но не меняли систему общественных отношений, которая предопределяет системную коррупцию.

897

Данные очень приблизительны.

898

Как раз в это время положение Кубы улучшалось благодаря помощи дружественного президента Венесуэлы У. Чавеса и успехам левых сил в Латинской Америке.

899

Пушпа Камал Дахал.

900

Монархия в Непале существовала до 2008 года. Король был лишен властных полномочий в 2006 году.

901

Решение о прекращении гражданской войны и участии повстанцев в выборах было принято в 2006 году не королем, а многопартийным правительством, лишившим короля полномочий.

902

Уже в 2009 году Прачанда ушел в отставку.

903

Идеи «боливарианского социализма» выдвинул президент Венесуэлы У. Чавес. Они основаны на стремлении к объединению Латинской Америки, антиимпериализме, сочетании экономического этатизма и местной демократии участия. Сторонники «боливарианского социализма» положительно относятся к опыту коммунистической Кубы.

904

Один из лидеров Мексиканской революции в 1910–1917 годах.

905

Даже обзор Д. Пристланда показывает, что список ответвлений коммунистической и посткоммунистической идеологии, сохраняющих влияние в мире, гораздо больше. Если говорить о Латинской Америке, то здесь более влиятелен «боливарианский социализм», также во многом опирающийся на марксистские идеи, но трактующий их не так, как Маркое и даже Че Гевара. Левые силы, не используя партизанских методов, но руководствуясь социалистическими идеями, пришли к власти в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Сальвадоре и др. странах.

906

Точнее – Ближнего и Среднего Востока.

907

Само по себе вторжение было удачным и привело к свержению режима С. Хусейна. Неудачной оказалась попытка США и их союзников контролировать страну, выполнить долгосрочные цели агрессии. То же самое можно сказать и о вторжении в Афганистан в 2001 году.

908

Как мы видели, коммунисты далеко не всегда действовали радикальными методами (Д. Пристланд вводит даже понятие особого радикального направления в коммунизме, чтобы отличать его от других, не столь радикальных). Существуют и более глубокие противоречия коммунистического проекта: между гуманизмом целей и отношением к человеку как инструменту индустриальной машины; между демократизмом и экономическим централизмом, между требованиями социального равноправия и индустриальным иерархизмом и др.

909

Точнее – социального равноправия.

910

А также Союза коммунистов Югославии и венгерских реформистов 1956 года.

911

Аналогичная логика используется и для оправдания Ленина.

912

Интересно, как повела бы себя фрау Мюллер, если бы на обычный урок школьники пришли бы с коммунистической символикой.

913

В современном западном обществе существуют и «глубоко устоявшиеся иерархии», и имперское поведение в отношении стран «второго сорта».

914

Экстремистские течения существуют и сейчас. Более существенная проблема – возникнут ли условия для развития массовых левых движений, выступающих против капитализма.

915

А после этого – в Португалии в 1974–1975 годах, во время перестройки в СССР и др.

916

Маркс не выступал за децентрализованные коммуны, напротив, централизованную ассоциацию производителей, работающую по единому плану.

917

Маркс выступал за прямо противоположные идеи – переход к принципу «каждому по потребностям» в условиях роста производства, за вовлечение работников в научную деятельность, что никак не назовешь «сужением кругозора».

918

Поскольку ситуация вовсе не такова, деморализация левых 90-х годов остается в прошлом.

919

История социалистического и коммунистического движения показывает, что утопическое мышление может быть и созидательным.

Ссылки

1

F. Fukuyama, The end of History?, The National Interest 16 (1989), pp. 3–18; F. Fukuyama, The End of History and the Last Man (London, 1992).

2

Подробное обоснование данного вопроса см. в N. Podhoretz, World War IV. The Long Struggle against Islamofascism (New York, 2007).

3

Полный контекст высказывания см. в W. Taubman, Khrushchev. The Man and His Era (London, 2002), p. 511.

4

Такие взгляды наиболее подробно описаны Эдвардом Харлетом Карром в его исторических произведениях о Советском Союзе. См. E. H. Carr, *The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917-1929)* (London, 1979). Про идеи сближения и конвергенции см. Talcott Parsons, *The System of Modern Societies* (Englewood Cliffs, 1971), ch. 6; D. Engerman, *Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Economic Development* (Cambridge, Mass., 2003).

5

Наиболее яркие работы этого направления S. Courtois, 'Introduction' в книге S. Courtois et al., *The Black Book of Communism. Crimes, Terror, Repression* (Cambridge, Mass., 1999)' pp. 1-31.

6

О том, что Сталин осознанно следовал в своих действиях традициям царизма, см., например, в R. Tucker, *Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928-1941* (New York, 1990), pp. 60-4

7

См., например, M. Malia, *The Soviet Tragedy* (New York, 1994).

8

См., например, Courtois, 'Introduction', p. 16.

9

Цитата на английском языке по Aeschylus, *Prometheus Bound*, trans, and ed. A. Podliewski (Oxford, 2005), II. 1041-53. Русский перевод С. Апта по Эсхил. Трагедии. – М.: Художественная литература, 1971.

10

Цитата на английском языке по K. Marx and F. Engels, *Collected Works* (London, 1976), vol. I, p. 31.

11

О праздновании первой годовщины Республики см. M. Ozouf, *Festivals and the French Revolution*, перевод A. Sheridan (Cambridge, Mass., 1988); Warren Roberts, *Jacques Louis David, Revolutionary Artist: Art, Politics and the French Revolution* (Chapel Hill, 1989), pp. 292-3.

12

Автор цитирует L. Hunt, *Politics, Culture, and Class in the French Revolution* (London, 1986), p. 99.

13

Там же, p. 107.

14

О символизме статуи Геракла см. Hunt, *Politics*, pp. 94-103; James A. Leith, *Space and Revolution. Projects for Monuments, Squares and Public Buildings in France, 1789-1799* (Montreal, 1991), pp. 130-4.

15

Это не аргумент к спору о том, что на большевиков значительно повлияли якобинцы, как считают многие. См. J. Talmon, *The Origins of Totalitarian Democracy* (Harmondsworth, 1986). О различиях между большевиками и якобинцами см. P. Higgonet, *Goodness Beyond Virtue. Jacobins during the French Revolution* (Cambridge, Mass., 1998), p. 330. О сравнении якобинцев со сталинским «революционным патриотизмом» см. E. Van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism* (London, 2002).

16

См. David Bell, *The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680-1800*, (Cambridge, Mass., 2001), pp. 146-54. Об осуждении аббатом Сийесом слабой буржуазии см. в W. Sewell, *A Rhetoric of Bourgeois Revolution. The Abbe Sieyes and What is the Third Estate?* (Durham, NC, 1994), p. 62.

17

Цитата по-английски из Bell, *The Cult of Nation*, p. 151.

18

Марат-Може, цитата по-английски из Hunt, *Politics*, p. 27. О концепции «нового человека» см. M. Ozouf, "La Revolution Frangaise et l'idee de l'homme nouveau" в книге C. Lucas (ed.), *The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Vol. 2: The Political Culture of the French Revolution* (Oxford, 1988).

19

Например, позиция аббата Эммануэля-Жозефа Сийеса: E.-J. Sieyes, *Quest-ce que le tiers etat?* (Paris, 1988); Sewell, *Rhetoric*, pp. 103-4.

20

Цитата по-английски из N. Parker, *Portrayals of Revolution. Images, Debates and Patterns of Thought on the French Revolution* (Carbondale, Ill., 1990), pp. 83-7.

21

Цитата по-английски из F. Hemmings, *Culture and Society in France 1789-1848* (London, 1987), p. 25; Roberts, *Jacques-Louis David*, pp. 16-29.

22

J.-J. Rousseau, 'Considerations on the Government of Poland and on Its Projected Reformation', в книге *The Social Contract and Other Later Political Writings*, перевод и редакция V. Gourevitch (Cambridge, 1977), p. 227. О «героизме революционера» см. A.-L. Saint-Just, *Oeuvres completes*, ed. C. Vellay (Paris, 1908), vol. II, p. 327. О героях и самопожертвовании см. Higgonet, *Goodness*, p. 1.

23

Цитата по-английски из J.-J. Rousseau, *The Social Contract*, перевод на англ. M. Cranston (Harmondsworth, 1968), bk. 2.

24

J. Shklar, *Men and Citizens: a Study of Rousseau's Social Theory* (Cambridge, 1969), p. 206.

25

J.-J. Rousseau, *Julie, ou la Nouvelle heloise*, перевод на английский В. Thompson (Paris, 1966). О вольмаровском патернализме и о различиях между патриархальными взглядами Руссо на семью и его более демократическими взглядами на государство см. N. Fermon, *Domesticating Passions. Rousseau, Woman and the Nation* (Hanover, NH, 1997). См. также Shklar, *Men and Citizens* pp. 150-4.

26

Цитируется по K. Baker, *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century* (Cambridge, 1990), p. 135

27

D. Jordan, *The Revolutionary Career of Maximilien Robespierre* (London, 1985), p. 160.

28

M. Robespierre, *Oeuvres complètes*, ed. E. Hamel (10 vols.) (Paris, 1903-68), vol. i, p. 211.

29

Цитируется по Jordan, *Revolutionary Career*, p. 142.

30

S. Marechal, 'Le jugement dernier des rois', в книге L. Moland, *Theatre de la revolution: ou, choix de pieces de theatre qui ont fait sensation pendant la periode revolutionnaire* (Paris, 1877).

31

Цитируется по R. Rose, *Gracchus Babeuf: the First Revolutionary Communist* (Stanford, 1978), p. 11.

32

Там же, с. 140.

33

Цитируется по J. Lynn, *Trench Opinion and the Military Resurrection of the Pike, 1792-1794*, *Military Affairs* (1977), p. 3.

34

K. Adler, *Engineering the Revolution. Arms and Enlightenment in France, 1763-1815* (Princeton, 1997), pp. 264-5, 255.

35

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

Английский текст цитируется по J. Lynn, *The Bayonets of the Republic: Motivation and Tactics in the Army of Revolutionary France, 1791-94* (Urbana, 111., 1984), p. 173.

36

Английский текст цитируется по D. Bell, *The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare* (London, 2007), p. 131.

37

Цитируется по A. Forrest, *The Soldiers of the French Revolution* (Durham, NC, 1990), p. 160.

38

Об их радикализме и враждебном отношении к ним см. C. Lucas, *The Structure of the Terror: the Example of Javogues and the Loire* (Oxford, 1973).

39

Robespierre, *Oeuvres*, vol. X, p. 357.

40

Цитируется по J. Hardman, *Robespierre* (London, 1999), p. 137.

41

Там же, с. 127.

42

См. Higgonet, *Goodness*, pp. 118-20.

43

Hunt, *Politics*, pp. 76-7.

44

К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч. М., 1962. Т. 1. С. 247

45

H. Adhemar, 'La Liberte sur les barricades de Delacroix, etudic d'apres des documents inedits', *Gazette des Beaux Arts* 43 (1954)' p. 88. См. также T. Clark, *The Absolute Bourgeois. Artists and Politics in France 1848-1851* (London, 1999), pp. 18-20; B. Joubert *Delacroix* (Princeton, 1998).

46

См. F. Furet, *Marx and the French Revolution*, trans. D. Furet (Chicago, 1988).

47

Там же, p. 21.

48

P. Buonarotti, *Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf: suivie du procès auquel elle donna lieu, et des pièces justificatives* (Brussels, 1828), vol. II, pp. 132-8; R. Rose, *Gracchus Babeuf: the First Revolutionary Communist* (Stanford, 1978), 213.

49

Цитируется по R. Hunt, *The Political Ideas of Marx and Engels* (2 vols.) (London, 1984), vol. I, pp. 155-6. См. также C. Lattek, *Revolutionary Refugees. German Socialism in Britain, 1840-1860* (London, 2006), ch. 2.

50

Об использовании данного термина, а также о разнице между утопистами и эгалитарными коммунистами см. G. Stedman Jones, 'Introduction', K. Marx and F. Engels, *The Communist Manifesto* (London, 2002), pp. 66, 69.

51

C. Fourier, *The Theory of the Four Movements*, eds. G. Stedman Jones and I. Patterson (Cambridge, 1996).

52

P.-J. Proudhon, *What is Property?*, eds. D. Kelley and B. Smith (Cambridge, 1994), p. 196.

53

R. Owen, *Selected Works*, vol. 3, *The Book of the New Moral World*, ed. G. Claeys (London, 1993), p. 292.

54

Keith Taylor (ed.), *Henri Saint-Simon (1760-1825): Selected Writings on Science, Industry and Social Organization* (London, 1975), pp. 166-8.

55

Reminiscences of Marx and Engels (Moscow, n.d), p. 130.

56

David McLellan, *Karl Marx: a Biography* (London, 1995), p. 12.

57

Цитируется по S. Barer, *The Doctors of Revolution* (London, 2000), pp. 548

58

Цитируется по L. P. Wessel, *Prometheus Bound. The Mythic Structure of Karl Marx's Scientific Thinking* (Baton Rouge, 1984), p. 118.

59

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Там же, p. 119.

60

О различиях личностей Маркса и Энгельса см. прежде всего Stedman Jones, "Introduction", *Marx and Engels, Communist Manifesto*, pp. 50-71. См. также McLellan, *Karl Marx*, pp. 112 ff.

61

О понимании этой идеи Марксом см. A. Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom* (Stanford, 1995), p. 41.

62

Обсуждение этих идей см. в B. Yack, *The Longing for Total Revolution. Philosophic Sources of Social Discontent from Rousseau to Marx and Nietzsche* (Berkeley, 1992), pp. 256 ff.

63

K. Marx, "On James Mill", in K. Marx, *The Early Texts*, ed. D. McLellan (Oxford, 1971), p. 202.

64

K. Marx and F. Engels, *Collected works [MECW]* (New York, 1975), vol. V, p. 47.

65

K. Marx, "Economic and Philosophical Manuscripts of 1844", in Marx, *Early Texts*, pp. 146-7.

66

Цитируется по Varer, *Doctors*, p. 351.

67

Об этом анализе см. в Walicki, *Marxism*, pp. 82-3.

68

Marx and Engels, *Communist Manifesto*, pp. 222-3.

69

Там же, с. 225.

70

Там же, с. 243_244

71

Более детальное обсуждение противоречий марксизма см. в D. Priestland, *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia* (Oxford, 2007), pp. 21-34. Многие другие исследователи при

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org рассмотрении противоречий марксизма отмечали несколько иные признаки. См. A. Gouldner, *The Two Marxisms. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory* (London, 1980), p. 32; S. Hanson, *Time and Revolution. Marxism and the Design of Soviet Institutions* (Chapel Hill, 1997), pp. 37-55.

72

"Diary of Norbert Truquin", in M. Traugott (ed.), *The French Worker. Autobiographies from the Early Industrial Era* (Berkeley, 1993), p. 276.

73

Там же, с. 285.

74

W. Sewell, *Work and Revolution in France: the Language of Labor from the Old Regime to 1848* (Cambridge, 1980), ch. 9, о Лионском восстании 1831 года см. в R. Bezucha, *The Lyon Uprising of 1834: Social and Political Conflict in the Early July Monarchy* (Cambridge, Mass., 1974), ch. 2.

75

MECW, vol. III, p. 313 (см. сноску 20).

76

Marx and Engels, *Communist Manifesto*, p. 258. See also A. Gilbert, *Marx's Politics. Communists and Citizens* (Oxford, 1981)- pp. 197, 217-19.

77

Вокруг «диктатуры пролетариата» ведутся горячие споры. Мы придерживаемся взглядов, изложенных в D. Lovell, *From Marx to Lenin. An Evaluation of Marx's Responsibility for Soviet Authoritarianism* (Cambridge, 1984). О рассмотрении «диктатуры пролетариата» как радикальной демократии, не подразумевающей реальной диктатуры над другими классами, см. в Hunt, *Political Ideas*, pp. 284-336; H. Draper, *Karl Marx's Theory of Revolution. Vol. III: The Dictatorship of the Proletariat* (New York, 1986).

78

Подробное объяснение см. в G. Duvieu, *1848. The Making of a Revolution*, trans. A. Carter (London, 1967). О трудовой мотивации см. R. Bezucha, "The French Revolution of 1848 and the Social History of Work", *Theory and Society* 12 (1983), pp. 469-84; M. Traugott, "The Crowd in the French Revolution of February 1848", *American Historical Review* 93 (1988), pp. 638-52.

79

О ремесленниках и июньской революции см. R. Gould, *Insurgent Identities: Class, Communities and Protest from 1848 to the Commune* (Chicago, 1995).

80

О радикализме Маркса и Энгельса в Германии см. Gilbert, *Marx's Politics*, ch. 10.

81

K. Marx and F. Engels, *The Revolution of 1848-1849. Articles from the Neue Rheinische Zeitung*, trans. S. Ryazanskaya, ed. B. Isaacs (New York, 1972), p. 136.

82

Об этом см. Gilbert, *Marx's Politics*.

83

J. Sperber, *The European Revolutions, 1848-1851* (Cambridge, 1994), p. 247.

84

J. Rougerie, "Sur l'histoire de la Première Internationale", *Mouvement Social*, 51 (1965), pp. 23-46.

85

J. Rougerie, *Le Procès des Communards* (Paris, 1971), pp. 155-6. О силе «ассоциативных» идей в Парижской коммуне, о ее защите промышленных и потребительских кооперативов и демократии см. M. Johnson, *The Paradise of Association. Political Culture and Popular Organization in the Paris Commune of 1871* (Ann Arbor, 1996).

86

MECW, vol. II, p. 189.

87

Цитируется по Y. Карп, *Eleanor Marx* (London, 1972), vol. I, p. 88.

88

K. Marx and F. Engels, *Communist Manifesto*, p. 243.

89

K. Marx, *Critique of the Gotha Programme* (Peking, 1974), pp. 15-21. Об этом «пути в будущее» см. Walicki, *Marxism*, p. 96.

90

Об этом обвинении см. D. Lovell, *From Marx to Lenin. An Evaluation of Marx's Responsibility for Soviet Authoritarianism* (Cambridge, 1984), pp. 61-4.

91

K. Marx and F. Engels, *Gesprache mit Marx und Engels*, ed. H. Enzensberger (Frankfurt, 1973), vol. II, pp. 709-10.

92

McLellan, *Karl Marx*, p. 371.

93

Обзор и анализ этого влияния на рабочих см. в М. Mann, *Sources of Social Power*. vol. 2: *The Rise of Classes and welfare States, 1760-1914* (Cambridge, 1993), pp. 597-601.

94

О различиях между ранними и поздними формами протеста см. D. Geary, *European Labour Protest, 1848-1939* (London, 1981), pp. 35-7. Существуют разногласия по поводу радикализма рабочих того времени. Представленный здесь анализ во многом основывается на работе Mann, *Sources of Power*, vol. II, pp. 597-601, 680-2. Geary подчеркивает устойчивый радикализм, см. Geary, *European Labour Protest*, pp. 107-26.

95

Цитируется по D. Baguley, "Germinal: The Gathering Storm", in B. Nelson (ed.), *Cambridge Companion to Zola* (Cambridge, 2007), p. 139.

96

E. Zola, *Germinal*, trans. P. Collier (Oxford, 1993), p. 288.

97

Там же, с. 349. Цитата по-русски из Э. Золя «Жерминаль»; перевод Н. Немчиновой (М., 1981).

98

Там же, с. 523- Цитата по-русски из Э. Золя «Жерминаль»; перевод Н. Немчиновой (М., 1981).

99

Об анализе этой ситуации см. Mann, *Sources of Power*, vol. II, chs.17-18; G. Eley, *Forging Democracy. The History of the Left in Europe, 1850-2000* (New York, 2002), pp. 64-5, 79.

100

"The Diary of Nikolaus Osterroth", in *The German Worker. Working-Class Autobiographies from the Age of Industrialization*, trans, and ed. A. Kelly (Berkeley, 1987), pp. 170-1.

101

Там же, с. 172.

102

Там же, с. 187.

103

E. Weitz, *Creating German Communism 1890-1990: From Popular Protests to Socialist State* (Princeton, 1997), p. 51.

104

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Цитируется по The German Worker, p. 409.

105

V. Lidtke, *The Alternative Culture: Socialist Labor in Imperial Germany* (New York, 1985), pp. 186-7.

106

"The Diary of Otto Krille", in *The German Worker*, p. 276.

107

Об этом см. S. Berger, "Germany", in *The Force of Labour*, eds. S. Berger and D. Broughton (Oxford, 1995), p. 73.

108

Lidtke, *Alternative Culture*; B. Emig, *Die Veredelung des Arbeiters. Sozialdemokratie als Kulturbewegung* (Frankfurt am Main, 1980).

109

Lidtke, *Alternative Culture*, p. 88.

110

Там же, ee. 107-8; см. также A. Körner, *Das Lied von einer anderen Welt. Kulturelle Praxis im französischen und deutschen Arbeitermilieu 1840-1890* (Frankfurt am Main, 1997), p. 117.

111

Weitz, *Creating German Communism*, p. 50.

112

Lidtke, *Alternative Culture*, p. 52.

113

"Diary of Otto Krille", in *The German worker*, pp. 267-8.

114

Eley, *Forging Democracy*, p. 79.

115

K. Kautsky, *Selected Political Writings*, trans, and ed. P. Goode (London, 1983), pp. 11-12.

116

S. Hickey, *Workers in Imperial Germany: the Miners of the Ruhr* (Oxford, 1985).

117

J. Rupnik, "The Czech Socialists and the Nation (1848-1918)", in E. Cahm and V. Fisera (eds.), *Socialism and Nationalism in Contemporary Europe (1848-1945)*, vol. II (Nottingham, 1979).

118

R. Evans, *Proletarians and Politics. Socialism, Protest and the Working Class in Germany before the First World War* (New York, 1990), p. 93.

119

August Bebel, *Die Frau und der Sozialismus*, цитируется по S. Berger, *Social Democracy and the Working Class in Nineteenth and Twentieth Century Germany* (Harlow, 2000), p. 89.

120

Об этом эпизоде см. James Joll, *The Second International* (London, 1968), p. 33.

121

Там же, p. 45.

122

Цитируется по G. Steenson, *Karl Kautsky, 1854-1938: Marxism in the Classical Years* (Pittsburgh, 1991), p. 47.

123

G. Steenson, «Not One Man! Not One Penny!» *German Social Democracy, 1863-1914* (Pittsburgh, 1981), pp. 120-1.

124

Цитируется по Steenson, *Karl Kautsky*, pp. 120-1.

125

H. Goldberg, *Life of Jean Jaures* (Madison, 1962), ch. 11.

126

J. Miller, *From Elite to Mass Politics. Italian Socialism in the Giolittian Era, 1900-1914* (Kent, Ohio, 1990), pp. 25-9.

127

О традиционном мнении, что этот конфликт возник до 1914 года, см. C. Schorske, *German Social Democracy. The Development of the Great Schism* (Cambridge, Mass., 1955); об объединении этого мнения – с аргументом о том, что именно война обусловила раскол в партии, см. W. Kruse, *Krieg und nationalc Integration. Eine Neuinterpretation des sozialdemokratischen Burgfriedensschlusses, 1914-15* (Essen, 1993).

128

Цитируется по P. Gay, *The Dilemma of Democratic Socialism. Eduard*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Bernstein's Challenge to Marx (New York, 1952), p. 296.

129

О Бернштейне и ревизионизме см. M. Steger, *The Quest for Evolutionary Socialism. Eduard Bernstein and Social Democracy* (Cambridge, 1997).

130

О социал-демократическом праве и империализме см. R. Fletcher, *Revisionism and Empire. Socialist Imperialism in Germany, 1897-1914* (London, 1984).

131

Цитируется по H. Mitchell and P. Stearns, *Workers and Protest: the European Labor Movement, the Working Classes and the Origins of Social Democracy, 1890-1914* (Itasca, 111., 1971), p. 211.

132

О принятии СДПГ доктрины «национальной обороны» см. N. Stargardt, *The German Idea of Militarism* (Cambridge, 1994), p. 148.

133

Газе Раппопорту, цитируется по G. Haupt, *Socialism and the Great War. The Collapse of the Second International* (Oxford, 1972), p. 208.

134

Цитируется по Joll, *The Second International*, p. 178.

135

«Конец Санкт-Петербурга» (1927), реж. В. Пудовкин. О сюжетных линиях фильма см. A. Sargeant, *Vsevolod Pudovkin. Classic Films of the Soviet Avant-Garde* (London, 2000), pp. 94-5.

136

О фильме и реакции на него см. V. Kerley, *The End of St Petersburg: The Film Companion* (London, 2003).

137

R. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II* (Princeton, 2000), pp. 351-8.

138

Цитируется по Wortman, *Scenarios of Power*, p. 354.

139

Там же, с. 362. Об этом событии см. сс. 358-64.

140

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
S. Kanatchikov, A Radical worker in Tsarist Russia: the Autobiography of
Semen Ivanovich Kanatchikov, trans, and ed. R. Zelnik (Stanford, 1986), p.
45.

141

G. Freeze, "The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History",
American Historical Review, 91 (1986), pp. 11-36.

142

Об отношении крестьян см. O. Figes, A People's Tragedy. The Russian
Revolution, 1891-1924 (London, 1996), pp. 98-102.

143

Kanatchikov, Radical worker, pp. 9-10.

144

Цитируется по Т. McDaniel, Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia
(Berkeley, 1988), p. 172.

145

О влиянии романа «Что делать» на русскую интеллигенцию см. I. Paperno,
Chernyshevsky and the Age of Realism: a Study in the Semiotics of Behavior
(Stanford, 1988), pp. 30-2.

146

J. Scanlan, "Chernyshevsky and Rousseau", in A. Mikotin (ed.), Western
Philosophical Systems in Russian Literature: a Collection of Critical
Studies (Los Angeles, 1979), pp. 103-6.

147

N. Chernyshevskii, What is to be Done? Tales about New People, trans. B.
Tucker, expanded by C Porter (London, 1982), pp. 320-6.

148

Мнение о том, что Чернышевский, в отличие от многих читателей, очень
критично относился к своим персонажам, представлено в А. Drozd,
Chernyshevskii's What is to be Done?: A Reevaluation (Evanston, 2001).

149

О критике азиатчины см. в С. Ingerflom, Le Citoyen impossible. Les Racines
russes du leninisme (Paris, 1988), pp. 60-1.

150

Drozd, Chernyshevskii, What is to be Done?

151

Чернышевский Н. Г. Что делать? Л.: Наука, 1975. сс. 228

- 152 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- Там же, с. 242.
- 153
- Там же, сс. 228-260.
- 154
- См. S. Morrissey, *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism* (New York, 1998), p. 19.
- 155
- Там же, p. 25.
- 156
- Об этом споре см. F. Venturi, *Roots of Revolution. A History of the Socialist and Populist Movements in Nineteenth Century Russia*, trans. F. Haskell (New York, 1966), pp. 429-68.
- 157
- Цитируется по A. Gleason, *Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s* (Chicago, 1980), p. 356.
- 158
- Daniel Field, "Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874", *Journal of Modern History* 59 (1987), pp. 415-38.
- 159
- A. Geifman, *Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917* (Princeton, 1993), pp. 20-1.
- 160
- N. Valentinov, *Encounters with Lenin*, trans. Paul Rosta and Brian Pearce (Oxford, 1968), p. 23. Русский текст приводится по Я. В. Вольский-Валентинов. *Встречи с Лениным*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 370 с.
- 161
- A. Resis, "Das Kapital Comes to Russia", *Slavic Review* 29 (1970), p. 121.
- 162
- Объяснение заимствовано из Morrissey, *Heralds*, pp. 75-80.
- 163
- R. Service, *Lenin. A Biography* (Basingstoke, 2005), pp. 21-9; C. Read, *Lenin. A Revolutionary Life* (London, 2005), p. 7.
- 164

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

Service, Lenin, pp. 21-9; Read, Lenin, pp. 4-9. Текст характеристики взят из книги «Ленин и Симбирск. Документы, материалы, воспоминания» (Изд. 2-е. Доп. Приволжское кн. изд-во. Ульяновское отд., 1970. С. 77-7&).

165

Цит. по Read, Lenin, p. д.

166

Service, Lenin, pp. 100-1.

167

N. Krupskaya, Memories of Lenin, trans. E. Verney (London, 1970), pp. 264-5.

168

V. Lenin, Selected works [SW] (Moscow, 1977), vol. II, p. 304.

169

Valentinov, Encounters, pp. 67-8. Русский текст приводится по Н. В. Вольский-Валентинов. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 370 с.

170

Service, Lenin, p. 115.

171

Krupskaya, Memories, p. 17.

172

Цит. по R. Pipes, Struve: Liberal on the Left (Cambridge, Mass., 1970), p. 195. Цитата из «Манифеста» РСДРП, написанного П. Б. Струве.

173

A. Walicki, Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom (Stanford, 1995), pp. 298-9.

174

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений [ПСС]. М., 1965-1968. Изд. 5-е. Т. VI. С. 99-юю, 171.

175

В. И. Ленин. ПСС, т. VIII, с. 379.

176

О влиянии Чернышевского на Ленина см. Ingerflom, Citizen impossible, ch. 11.

177

Эта точка зрения изложена в L. Lih, "How a Founding Document was Found, or One Hundred Years of Lenin's What is to be Done?", *Kritika*, 4 (2003), pp. 5-49.

178

В. И. Ленин. Избранные работы. В 47 т. М., 1960-1970. Т. XXXIV, с. 64.

179

A. Ascher, 1905. Vol. 1: Russia in Disarray (Stanford, 1988), p. 91.

180

Протоколы III съезда РСДРП. М., 1959, с. 262.

181

L. Trotsky, 1905 (Moscow, n.d.).

182

N. Harding, *Lenin's Political Thought. Theory and Practice in the Democratic Revolutions* (London, 1983), bk 1, pp. 213-48. Тем не менее многие считают, что Ленин и Троцкий были более близки, чем представлено тут. См. M. Donald, *Marxism and Revolution. Karl Kautsky and the Russian Marxists* (New Haven, 1993), pp. 87-93.

183

R. Hilferding, *Finance Capital: a Study of the Latest Phase of Capitalist Development*, trans, and eds. M. Watnick and S. Gordon (London, 1981).

184

В. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма. М., 1982.

185

A. Bely, *Petersburg*, trans. R. Maguire and J. Malmstad (Harmondsworth, 1983), pp. 51-2. Русский текст цитируется по изданию А. Белый. Петербург. – СПб.: Изд-во Кристалл, 1999. – 976 с.

186

Там же, с. 14. См. прим. 51.

187

Там же, с. 214. См. прим. 51.

188

Об образе Медного всадника в романе А. Белого «Петербург» см. в R. Maguire and J. Malmstad, "Petersburg", in J. Malmstad (ed.), *Andrey Bely. Spirit of Symbolism* (Ithaca, 1987), pp. 133-134.

189

Vely, Petersburg, p. 64. См. прим. 51.

190

Там же, с. 65.

191

Цит. по J. Sanborn, *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925* (DeKalb, 111-2003), p. 33.

192

L. Siegelbaum, *The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914-17: a Study of the War Industries Committees* (London, 1983), ch. 3.

193

P. Holquist, *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921* (Cambridge, Mass., 2002), pp. 26-36.

194

O. Figes and B. Kolomtiskii, *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols 0/1917* (New Haven, 1999), p. 31.

195

J. von Geldern, *Bolshevik Festivals 1917-1920* (Berkeley, 1993), p. 23.

196

Figes and Kolonitskii, *Interpreting the Russian Revolution*, pp. 70, 62.

197

Там же, p. 40, 62-64.

198

О солдатских комитетах см. A. Wildman, *The End of the Russian Imperial Army* (Princeton, 1980), vol. I, pp. 228-45.

199

См., например, резолюцию рабочих фабрики Путилова, Санкт-Петербург, 9 сентября 1917 года, в В. Черняев и др. (ред.) *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест: сб. документов.* СПб., 2000, с. 292.

200

Резолюция рабочих завода «Нобель», 4 апреля 1917 года // В. Черняев и др. *Питерские рабочие...*, с. 334.

- 201 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- Английский перевод резолюции см. в M. D. Steinberg, *Voices of Revolution, 1917* (New Haven, 2001), pp. 221-2.
- 202
- In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War*, trans. Y. Slezkine, eds. S. Fitzpatrick and Y. Slezkine (Princeton, 2000).
- 203
- «Из офицерских писем с фронта в 1917 году», цит. по Steinberg, *Voices of Revolution*, p. 21.
- 204
- Wildman, *End of the Russian Imperial Army*, vol. i., p. 188.
- 205
- “Instruction, 18 October 1917/”, in Steinberg, *Voices of Revolution*, p. 232.
- 206
- О влиянии Гильфердинга см. Harding, *Lenin’s Political Thought*, bk 2, p. 53.
- 207
- В. И. Ленин. ПСС, том XXXIII, с. 91.
- 208
- Правда, 7 июня 1917.
- 209
- В. И. Ленин. ПСС, том XXXIV, с. 316.
- 210
- Эту точку зрения разделяли в 1917 году члены многих заводских комитетов. См. S. Smith, *Red Petrograd. Revolution in the Factories, 1917-18* (Cambridge, 1983), p. 198.
- 211
- “A Letter”, in *The Complete Works of Isaac Babel*, trans. P. Constantine, ed. N. Babel (New York, 2002), pp. 208-12. Русский текст цит. по И. Бабель. *Конармия*. – М.: Правда, 1990.
- 212
- Об этом см. Patricia Carden, *The Art of Isaac Babel* (Ithaca and London, 1972), esp. p. 93.
- 213

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
В. И. Ленин. ПСС, том XXXV, с. 195-202.

214

Об участии народа в наказаниях см. Figes, *People's Tragedy*, pp. 520-36.

215

Анна Литвейко, in *In the Shadow of Revolution*.

216

София Волконская, "The Way of Bitterness", in *In the Shadow of Revolution*, p. 156.

217

R. Fuelop-Miller, *The Mind and Face of Bolshevism* (New York, 1965), pp. 142-4; von Geldern, *Bolshevik Festivals*, pp. 156-60; R. Stites, *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution* (New York, 1989), pp. 94-5.

218

V. Taylor, *Art and Literature under the Bolsheviks, volume I: The Crisis of Renewal, 1917-1924* (London, 1991), pp. 56-60.

219

Stites, *Revolutionary Dreams*, pp. 88-90.

220

В. И. Ленин. ПСС, том XXXVI, с. 189-200.

221

K. Bailes, *Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917-1941* (Princeton, 1978), p. 49.

222

О спорах вокруг тейлоризма см. K. Bailes, "Alexei Gastev and the Soviet Controversy over Taylorism, 1918-1924", *Soviet Studies* 29 (1977), pp. 373-94; S. Smith, "Taylorism Rules OK?", *Radical Science Journal* 13 (1983), pp. 3-27.

223

В. И. Ленин. ПСС, том XXXVI, с. 293

224

В. И. Ленин. ПСС, том XLII, с. 157.

225

N. Bukharin and E. Preobrzhenky, *The ABC of Communism* (Harmondsworth, 1969), p. 444.

226

А. Гастев. Поэзия рабочего удара. М., 1971. С. 19.

227

Stites, Revolutionary Dreams, pp. 156-7.

228

А. Гастев. О тенденциях пролетарской культуры, цит. по Bailes, "Alexei Gastev and the Soviet Controversy over Taylorism", pp. 377-8.

229

Е. Замятин. Мы.

230

Об этом см. M. von Hagen, Soldiers in the Proletarian Dictatorship: the Red Army and the Soviet Socialist State, 1917-1930 (Ithaca, 1990), ch. 1.

231

Holquist, Making War, pp. 232-40.

232

L. Trotsky, Terrorism and Communism (Ann Arbor, 1971), p. 170. Русский текст цит. по Л. Троцкий. Терроризм и коммунизм. М.; Л., 1926.

233

Von Hagen, Soldiers, pp. 89-114.

234

Там же, с. 107.

235

Sanborn, Drafting the Russian Nation, p. 178.

236

O. Figes, "Village and volost Soviet Elections of 1919", Soviet Studies 40 (1988), p. 43.

237

В. И. Ленин. ПСС, том XLV, с. 389.

238

Смотреть, например, D. Raleigh, Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922 (Princeton, 2002), pp. 248-51.

239

Figes, People's Tragedy, p. 649.

240

O. Figes, Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917-1921 (Oxford, 1989), pp. 91 ff.

241

Об этом аргументе см. там же, с. 34.

242

Цит. по S. Smith, The Russian Revolution. A Very Short Introduction (Oxford, 2002), p. 95. Рус. текст цит. по Ю. О. Мартов. Письма и документы / Сост. Ю. Г. Фельштинский. – Benson: Chalidze Publications, 1990. – 328 с.

243

Цит. по I. Deutscher, The Prophet Armed. Trotsky 1879-1940 (New York, 1965), p. 495.

244

Об идеях Богданова см. Z. Sochor, Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin Controversy (Ithaca, 1988), pp. 28-35.

245

Т. Сапронов. Девятая конференция РКП(б), сентябрь 1920 года. Протоколы. М., 1972, с. 161.

246

Figes, Peasant Russia, pp. 329-31, 334, 339, 344.

247

P. Avrich, Kronstadt, 1921 (Princeton, 1970), ch. 5.

248

I. Getzler, Kronstadt, 1917-1921. The Fate of a Soviet Democracy (Cambridge, 1983), pp. 233-4.

249

В. И. Ленин. ПСС, том XLIV, с. 157-158.

250

E. H. Carr, The Bolshevik Revolution, 1917-1923 (3 vols.) (London, 1966-71), vol. II, pp. 302-9.

251

Об отношении Ленина к «культурной революции» см. С. Claudin Urondo, *Lenin and the Cultural Revolution*, trans. B. Dean (Brighton, 1977), pp. 79-83.

252

R. Williams, *Artists in Revolution. Portraits of the Russian Avant-Garde, 1905-1925* (London, 1978), pp. 158-9.

253

Taylor, *Art and Literature*, p. 69.

254

B. Brecht, "Drums in the Night", in *Collected Plays*, trans. and ed. J. Willett and R. Mannheim (London, 1970), vol. I, pp. 63-115. Рус. текст Б. Брехт, Барабаны в ночи.

255

Л. Троцкий. *Моя жизнь. Опыт автобиографии*. Berlin, 1930. Т. I, с. 285.

256

Hans Arp, *On My Way. Poetry and Essays, 1912-1947* (New York, 1948), p. 39.

257

Критический подход Гросса к своему диалогу с коммунизмом изложен в G. Grosz, *The Autobiography of George Grosz: A Small Yes and a Big No*, trans. Arnold J. Pomerans (London, 1982), pp. 91-2.

258

Об этом см. G. Eley, *Forging Democracy. A History of the Left in Europe, 1850-2000* (Oxford, 2002), pp. 132-4.

259

G. Feldman, "Socio-Economic Structures in the Industrial Sector and Revolutionary Potentialities, 1917-1922", in C Bertrand (ed.), *Revolutionary Situations in Europe, 1917-1922: Germany, Italy, Austria-Hungary* (Montreal, 1977).

260

См., например, H. Lagrange, "Strikes and the war", in L. Haimson and C. Tilly (eds.), *Strikes, Wars and Revolutions in an International Perspective. Strike waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries* (Cambridge, 1989); B. Bezza, "Social Characteristics, Attitudes and Patterns of the Metalworkers in Italy during the First World War", in Haimson and Tilly, *Strikes*; E. Tobin, "War and the working Class: The Case of Dusseldorf, 1914-1918", *Central European History* 13 (1985), pp. 257-98.

261

Цифры взяты из D. Blackbourn, *History of Germany, 1780-1918. The Long Nineteenth Century* (Oxford, 1997), p. 366.

262

D. Kirby, War, Peace and Revolution. International Socialism at the Crossroads 1914-1918 (New York, 1986), p. 57.

263

U. Schneede (ed.), George Grosz: His Life and work, trans. Susanne Flatauer (London, 1979), p. 160.

264

См. P. von Oertzen, Betriebsrate in der Novemberrevolution (Bonn, 1976); E. Kolb, Die Arbeiterrate in der deutschen Innenpolitik 1918 bis 1919 (Dusseldorf, 1962).

265

Подробнее об этом аргументе см. S. Berger, Social Democracy and the Working Class in Nineteenth and Twentieth Century Germany (Harlow, 2000), p. 96.

266

J. Riddell (ed.), Workers of the World and Oppressed Peoples, Unite! Proceedings and Documents of the Second Congress, 1920 (New York, 1991) vol. I, p. 8.

267

K. McDermott and J. Agnew, The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin (Basingstoke, 1996), pp. 20-1.

268

C Epstein, The Last Revolutionaries. The German Communists and their Century (Cambridge, Mass., 2003), pp. 20-2.

269

H. Mann, Man of Straw (Harmondsworth, 1984). Русский перевод: Генрих Манн. Верноподданный.

270

Карл Краус, «Факел», ноябрь 1920, цит. по J. Nettl, Rosa Luxemburg (London, 1966), vol. I, p. XVIII.

271

О «романтиках-антикапиталистах» среди марксистов и правых националистов см. Z. Sternhell, The Birth of Fascist Ideology. From Cultural Rebellion to Political Revolution (Princeton, 1994), особенно гл. 1 о Жорже Сореле. О влиянии Сореля и синдикализма на марксистов см. R. Williams, The Other Bolsheviks. Lenin and his Critics, 1904-1914 (Bloomington, 1986). О влиянии Ницше на марксизм см. B. Rosenthal, New Myth, New World. From Nietzsche to Stalinism (University Park, Pa, 2002), pp. 68-93.

272

См. M. Kane, Weimar Germany and the Limits of Political Art: a Study of the Work of George Grosz and Ernst Toller (Taunton, 1987).

273

M. Lowy, Georg Lukacs: From Romanticism to Bolshevism, trans. P. Camiller (London, 1979), p. 93. См. также also A. Arato and P. Breines, The Young Lukacs and the Origins of Western Marxism (New York, 1979); M. Gluck, Georg Lukacs and his Generation, 1900-1918 (Cambridge, Mass., 1985).

274

цит. по Lowy, Lukacs, p. 123.

275

Согласно автобиографическому роману Йозефа Лендьеля, цит. по Lowy, Lukacs p. 152.

276

V. Kovrig, Communism in Hungary. From Kip to Kadar (Stanford, 1979), p. 77.

277

См. G. Lukacs, History and Class Consciousness, trans. R. Livingstone (London, 1971), pp. 173, 313.

278

T. Mann, The Magic Mountain, trans. H. Lowe-Porter (Harmondsworth, 1960), p. 478. Рус. текст цит. по Г. Манн. Волшебная гора // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. М., 1959.

279

цит. по J. Cammett, Antonio Gramsci and the Origins of Italian Communism (Stanford, 1967), p. 7.

280

«Аванти», 18 декабря 1917, цит. по A. Gramsci, Selections from Cultural Writings, eds. D. Forgacs and G. Nowell-Smith (London, 1985), pp. 20-3.

281

A. Gramsci, "Workers" Democracy", in L'Ordine Nuovo, 21 June 1919, in Gramsci, Selections from Political Writings, 1910-1920, trans. J. Mathews, ed. Q. Hoare (London, 1977), pp. 65-8.

282

M. Jay, The Dialectical Imagination: a History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923-1950 (London, 1973).

283

Nettl, Rosa Luxemburg, vol. i, pp. 512-13.

284

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
цит. там же, ее. 792-3.

285

J. Riddell (ed.), *Founding the Communist International: Proceedings and Documents of the First Congress, March 1919* (New York, 1987), pp. 19-20.

286

“Manifesto of the Communist International”, там же, pp. 222-32. Рус. текст Л. Троцкий «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира».

287

Здесь в основном излагаются выводы Бартолини, см. Bartolini, *The Political Mobilization of the European Left, 1860-1980: the Class Cleavage* (Cambridge, 2000), pp. 537-45.

288

Лайош Кашшак, цит. по R. Tokes, *Bela Kip and the Hungarian Soviet Republic: the Origins and Role of the Communist Party of Hungary in the Revolutions of 1918-1919* (New York, 1967).

289

G. Peteri, *Effects of World War I: War Communism in Hungary* (New York, 1984), ch. 1.

290

T. Hajdu, *The Hungarian Soviet Republic*, trans. E. De Laczay and R. Fischer (Budapest, 1979).

291

Tokes, Bela Kip, p. 185.

292

A. Gramsci, “Unions and Councils”, *L'Ordine Nuovo*, 25 October 1919, in *Gramsci, Selections*, pp. 98-108.

293

см. R. Bellamy and D. Schecter, *Gramsci and the Italian State* (Manchester, 1993), p. 24.

294

E. Weitz, *Creating German Communism, 1890-1990: From Popular Protests to Socialist State* (Princeton, 1997), pp. 179-80.

295

W. Preston, *Aliens and Dissenters. Federal Suppression of Radicals, 1903-1933* (Cambridge, Mass., 1963), pp. 118-50.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
296

B. Brecht, "The Decision", in *Collected Plays*, trans, and ed. John Willett (London, 1997), vol. III, pp. 61-91.

297

R. Fischer, *Stalin and German Communism: a Study in the Origins of the State Party* (Cambridge, Mass., 1948), p. 615.

298

M. Molnar, *From Bela Kip to Janos Kdddr. Seventy Years of Hungarian Communism*, trans. A. J. Pomerans (New York, 1990), pp. 20-1.

299

В. И. Ленин. Избранные произведения. М., 1977. Т. 3-С. 293.

300

Riddell, *workers of the world*, vol. I, pp. 299-300.

301

см. Bartolini, *Political Mobilization*, pp. 107, 112-13.

302

Цит. по F. Claudin, *The Communist Movement. From Comintern to Cominform* (Harmondsworth, 1975), p. 63.

303

О роли Москвы см. Л. Бабиченко, *Коминтерн и события в Германии в 1923 году. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994, № 2, с. 125-157.*

304

J. Degras (ed.), *The Communist International, 1919-1943. Documents*, vol. (London, 1971), p. 154.

305

И. Сталин. Сочинения. М., 1946-1951, т. X, с. 51.

306

Литература по этому вопросу велика. Мнения, основанные на архивных источниках, доказывающих наличие централизованного контроля, см. А. Ватлин. *Коминтерн: Первые десять лет. Исторические очерки*. М., 1993; о большем влиянии местной политики, чем политики Москвы, см. A. Thorpe, *The British Communist Party and Moscow between the wars* (Manchester, 2000). Полезный историографический очерк см. в *Labour History Review* 61 (2003).

307

см. об этом в K.-M. Mallmann, *Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung* (Darmstadt, 1996).

308

О финансовой поддержке см. Н. Klehr, J. Haynes and F. Firsov (eds.), *The Secret World of American Communism* (New Haven, 1995), pp. 23-5; К. McDermott, "The View from the Centre", in T. Rees and A. Thorpe (eds.), *International Communism and the Communist International, 1919-1943* (Manchester, 1998), p. 33. По некоторым подсчетам, Коммунистическая партия Великобритании получила грант в 55 000£ (или 1 млн. фунтов в пересчете на 1995 год), см. F. Becket, *Enemy Within, The Rise and Fall of the British Communist Party* (London, 1995), p-12.

309

О том, что некоторые европейские коммунисты признавали контроль СССР, см. McDermott and Agnew, *The Comintern*, pp. 24-5.

310

См. об этом R. von Mayenburg, *Hotel Lux* (Munich, 1978).

311

V. Dedijer, *Tito* (New York, 1972), p. 98.

312

B. Lazitch, "Les Ecoles de Cadres du Comintern", in J. Freymond, *Contributions a l'histoire du Comintern* (Geneva, 1965), pp. 237-41, 246-51; Weitz, *Creating German Communism*, pp. 234-5. See also L. Babitschenko, "Die Kaderschulung der Komintern", in H. Weber (ed.), *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung* (Berlin, 1993).

313

Цит. по J. McIlroy, A. Campbell, B. McLoughlin and J. Halstead, "Forging the Faithful. The British at the International Lenin School", *Labour History Review* 68 (2003), p. 110. См. также B. Babitschenko. "Die Kaderschulung der Komintern".

314

W. Leonhard, *Child of the Revolution*, trans. C. M. Woodhouse (London, 1979), p. 185.

315

Там же, сс. 194-5.

316

Там же.

317

McIlroy et al., "Forging the Faithful", pp. 112-16.

318

McDermott and Agnew, *The Comintern*, pp. 73-4.

319

A. Thorpe, "Comintern «Control» of the Communist Party of Great Britain, 1920-43", *English Historical Review* 113 (1998), p. 652.

320

В работе *Creating German Communism* Вейц говорит о сильнейшем влиянии радикализма Р. Люксембург. О пуританстве в Великобритании см. K. Morgan, G. Cohen and A. Flinn, *Communists and British Society 1920-1991* (London, 2003), pp. 123-9.

321

Там же, с. 235.

322

A. Kriegel, *The French Communists: Profile of a People*, trans. E. Halperin (Chicago, 1972), p. 107.

323

Об этом явлении см.: S. Macintyre, *Little Moscovs. Communism and Working-Class Militancy in Inter-war Britain* (London, 1980). E. Rosenhaft, "Communists and Communities: Britain and Germany between the Wars", *Historical Journal* 26 (1983), pp. 221-36. О культуре см. A. Howkins, «Class against Class». *The Political Culture of the Communist Party of Great Britain, 1930-1935*, in F. Gloversmith (ed.), *Class, Culture and Social Change. A New View of the 1930s* (Brighton, 1980).

324

Доклады о рабочих группах, 1925 года, цит. по Morgan et al., *Communists and British Society*, p. 63.

325

S. Berger, *Social Democracy and the Working Class in Nineteenth and Twentieth Century Germany* (Harlow, 2000), pp. 104-5; K. Schonhoven, *Reformismus und Radikalismus. Gespaltene Arbeiterbewegung im Weimarer Sozialstaat* (Munich, 1989).

326

Weitz, *Creating German Communism*, pp. 270-1.

327

E. Weitz, *Popular Communism: Political Strategies and Social Histories in the Formation of the German, French, and Italian Communist Parties, 1919-1948* (Ithaca, 1992), p. 11.

328

Об этом см. Weitz, *Creating German Communism*, ch. 6.

329

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Там же, с. 249. Другое мнение, согласно которому взгляды коммунистов и
нацистов во многом пересекаются, см. в Сопап Fischer, *The German Communists
and the Rise of Nazism* (New York, 1991).

330

E. Rosenhaft, "Working-Class Life and Working-Class Politics: Communists,
Nazis and the State in the Battle for the Streets, Berlin, 1928-1932", in
R. Bessel and E. Feuchtwanger (eds.), *Social Change and Political
Development in Weimar Germany* (London, 1981); E. Rosenhaft, *Beating the
Fascists? The German Communists and Political Violence* (Cambridge, 1983).

331

"America's «New» Civilization", *New York Times*, 13 мая 1928 г.

332

D. Aldcroft, *From Versailles to Wall Street, 1919-1929* (London, 1977), p.
263.

333

«Октябрь» (1928), реж. С. Эйзенштейн.

334

S. Eisenstein, "Perspectives", 1929, in *Film Essays*, ed. Jay Leyda (London,
1968), p. 44. Рус. текст цит. по С. Эйзенштейн. *Перспективы*. М., 1929.

335

Цит. по Y. Barna, *Eisenstein* (London, 1973). P. 119.

336

R. Bergman, *Sergei Eisenstein. A Life in Conflict* (London, 1997), p. 131.

337

D. Bordwell, *The Cinema of Eisenstein* (Cambridge, Mass., 1993), pp. 79-96.

338

A. Rieber, "Stalin as Georgian", in S. Davies and J. Harris (eds.), *Stalin.
A New History* (Cambridge, 2005), pp. 25-6. О грузинских легендах о Прометее
см. D. M. Lang and G. M. Meredith. Owens, "Amiran-Darejaniani: A Georgian
Romance and its English Rendering", *Bulletin of the School of Oriental and
African Studies* 22 (1959), pp. 463-4.

339

R. Suny, "Stalin and the Making of the Soviet Union", неопубликованные
материалы, ch. 1, p. 16. Благодарю Рона Сьюни за то, что любезно показал
мне рукопись.

340

И. Сталин. *Сочинения*. М., 1946-1951» т. 13, сс. 113-114.

341

П. Махарадзе, цит. по S. Jones, *Socialism in Georgian Colours. The European Road to Social Democracy, 1883–1917* (Cambridge, Mass., 2005), p. 51.

342

Jones, *Socialism*, pp. 22–8.

343

Suny, “Stalin”, pp. 11–13.

344

R. Tucker, *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: a Study in History and Personality* (London, 1974), pp. 80–1

345

Об этом см. Suny, “Stalin”, pp. 22–3.

346

Jones, *Socialism*, ch. 2.

347

M. Kun, *Stalin. An Unknown Portrait* (New York, 2003), pp. 31–2.

348

A. Rieber, “Stalin, Man of the Borderlands”, *American Historical Review* 106 (2001), pp. 1674–6.

349

E. Van Ree, “Stalin’s Bolshevism: the First Decade”, *International Review of Social History*, 39 (1994), pp. 361–81.

350

R. Service, *Stalin. A Biography* (London, 2004), p. 112.

351

См., например, R. Pipes (ed.), *The Unknown Lenin. From the Secret Archive* (New Haven, 1998). Мнение о том, что Ленин был квазилибералом, см. в M. Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates* (London, 1975), pp. 46–7, 96.

352

Об значении организации для Ленина см. A. Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom* (Stanford, 1995), p. 300.

353

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
О Сталине и национализме см. E. Van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism* (London, 2002).

354

И. Сталин. Сочинения, т. 1, сс. 64–67.

355

Там же, т. 5, с. 11.

356

О геополитических взглядах Сталина см. Rieber, “Stalin”, pp. 165–191. См. также Сталин, Сочинения, том 4, сс. 286–287.

357

Service, Stalin, p. 167.

358

О сходстве методов, применяемых Сталиным и Троцким, см. A. Graziosi, “At the Roots of Soviet Industrial Relations and Practice. Piatakov’s Donbass in 1921”, *Cahiers du monde russe et soviétique* 36 (1995), pp. 130–2.

359

F. Gladkov, *Cement* (London, 1929), p. 55. Рус. текст цит. по Ф. В. Гладков. Цемент. – М.: Профиздат, 1987. – 272 с.

360

Там же, с. 98–99.

361

Там же, с. 302.

362

О понятиях «партия» и «государство» того периода см. D. Priestland, *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia* (Oxford, 2007), pp. 226–8.

363

Г. Винокур, цит. по I. Halfin, *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial* (Cambridge, Mass., 2003), p. 237.

364

И. Каллистов, цит. по E. Naiman, *Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology* (Princeton, 1997), p. 183.

365

Обсуждение этого вопроса см. в S. Morrissey, *Heralds of Revolution: Russian*
Страница 476

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Students and the Mythologies of Radicalism (New York, 1998), pp. 3–8.

366

Цит. по Halfin, *Terror in My Soul*, p. 57. Обсуждение развития этой темы в автобиографиях см. гл. 2.

367

M. David-Fox, *Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviki, 1918–1929* (Ithaca, 1997), p. 127.

368

Там же, с. 177; Jane Price, *Cadres, Commanders and Commissars: The Training of the Chinese Communist Leadership, 1920–1945* (Boulder, Colo., 1976), p. 36.

369

J. Cassidy, *The Enemy on Trial: Early Soviet Courts on Stage and Screen* (DeKalb, Ill., 2000).

370

Halfin, *Terror in My Soul*, pp. 260, 283–315.

371

Там же, с. 32; Van Ree, *Political Thought*, p. 131.

372

И. Сталин. Сочинения, т. 8, с. 121.

373

V. Kravchenko, *I Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official* (London, 1947), p. 51.

374

И. Сталин. Сочинения, т. и, с. 58.

375

Там же, т. 13, с. 29–42.

376

Paul Gregory, *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Archives* (Cambridge, 2004), pp. 111–22.

377

См., например, С. Струмилин. На плановом фронте, 1920–1930-е годы. М., 1958, сс. 395–405. О марксистской «телеологической» экономической школе см. E. H. Carr and R. W. Davies, *Foundations of the Planned Economy 1926–1929* (London, 1971), vol. I. pt II, ch. 32.

378

L. Siegelbaum, "Production Collectives and Communes and the «Imperatives» of Soviet Industrialization", *Slavic Review* 45 (1986), pp. 65–84; Н. Kuromiya, *Stalin's Industrial Revolution. Politics and Workers, 1928–1932* (Cambridge, 1988), pp. 115–35.

379

Об этом см. S. Fitzpatrick, *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934* (Cambridge, 1979).

380

И. Сталин. Сочинения, т. и, с. 37. О значении слова «демократия» в этом контексте см. Priestland, *Stalinism*, pp. 200–10.

381

Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 56.

382

J. Scott, *Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel* (Bloomington, 1973), pp. 5–6.

383

Об отношениях рабочих см. J. Rossman, *Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor* (Cambridge, Mass., 2005), pp. 127–33.

384

N. Jasny, *The Soviet 1956 Statistical Handbook. A Commentary* (East Lansing, Mich., 1957), p. 41.

385

L. Kopelev, *The Education of a True Believer*, trans. Gary Kern (London, 1981), p. 226. Рус. текст цит. по Лев Копелев. И сотворил себе кумира (1978).

386

D. Peris, *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless* (Ithaca, 1998).

387

Цит. по L. Viola, *Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance* (New York, 1996), p. 59.

388

О роли женщин в мятежах см. Viola, *Peasant Rebels*, ch.6.

389

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Kravchenko, Chose Freedom, pp. 99–100.

390

Письмо А. П. Никишина ВЦИК, 1932. В кн. L. Siegelbaum and A. Sokolov (eds.), *Stalinism as a Way of Life* (New Haven, 2000), p. 67.

391

Н. Ивницкий. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов М., 1996, сс. 203–225.

392

Эта история рассказывается в *American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934*, ed. Michael Gelb (Berkeley, 1991), pp. 211–12.

393

Анализ экономики советского типа, в котором этим проблемам уделяется особое внимание, см. J. Kornai, *The Economics of Shortage* (Amsterdam, 1980).

394

Kuromiya, *Stalin's Industrial Revolution*, p. 180.

395

Gregory, *Political Economy*, p. 118.

396

И. Сталин. Сочинения, т. 13, с. 57.

397

S. Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941* (Cambridge, 1997), p. 24.

398

Об изменении политического курса см. S. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* (Oxford, 1994), pp. 121–2.

399

E. Van Ree, "Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character", *Kritika*, 8 (2007), pp. 41–65.

400

S. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Oxford, 1999), pp. 106–9.

401

J. Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution*
Страница 479

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
to Cold War (Princeton, 2000), pp. 126–7.

402

Аргумент из Т. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, 2001).

403

P. Kenez, *Cinema and Soviet Society, 1917–1953* (Cambridge, 1992), pp. 202–4.

404

Об этом термине см. D. Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge, Mass., 2002).

405

Цит. там же, с. 24.

406

Цит. там же, сс. 101–103.

407

L. Siegelbaum, *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941* (Cambridge, 1988), p. 228.

408

«Правда», 15 ноября 1935 г.

409

Российский государственный архив социально-политической истории [РГАСПИ].
Ф. 558. Оп. п. д. 1121. л. 27 (17 марта 1938).

410

Siegelbaum, *Stakhanovism*, pp. 230–1.

411

Об этом см. S. Fitzpatrick, “Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia”, in Fitzpatrick, *Stalinism. New Directions* (London, 2000), pp. 20–46; Т. Martin, “Modernization or Neotraditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism”, in Fitzpatrick, *Stalinism*, pp. 348–67.

412

Nicholas Ostrovsky, *The Making of a Hero*, trans. A. Brown (London, 1937).
Рус. Н. А. Островский. Как закалялась сталь.

413

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
J. Baberowski, *Der rote Terror: die Geschichte des Stalinismus* (Munich, 2003), p. 162.

414

Цит. по Davies, *Popular Opinion*, p. 169.

415

Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 101.

416

“Diary of L. Potemkin”, in V. Garros, N. Korenevskaya and T. Lahusen (eds.), *Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s*. trans. C. Flath (New York, 1995), pp. 274–5. Об этом дневнике см. J. Hellbeck, *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin* (Cambridge, Mass., 2006), ch. 6.

417

«Diary of L. Potemkin», p. 277.

418

См., например, Stepan Podliubnyi, in Hellbeck, *Revolution*, ch.5.

419

A. Inkeles and R. Bauer, *The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society* (Cambridge, Mass., 1959).

420

A. Rossi, *Generational Differences in the Soviet Union* (New York, 1980), pp. 295–7. См. также D. Bahry, “Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika”, *Slavic Review* 52 (1993), pp. 512–15.

421

Scott, *Behind the Urals*, p. 43.

422

Об интеграции магнитогорских рабочих в систему см. S. Kotkin, *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization* (Berkeley, 1995), ch.5.

423

Scott, *Behind the Urals*, pp. 47, 46.

424

Davies, *Popular Opinion*, p. 139.

425

Fitzpatrick, *Everyday Stalinism*.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
426

Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 288. Рус. текст цит. по изданию Ш. Фицпатрик. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с. Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной.

427

"The Diary of Arzhilovsky", in Garros et al., *Intimacy and Terror*, p. 131.

428

Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 323. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с. Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной.

429

O. Khlevniuk, *The History of the Gulag. From Collectivization to the Great Terror* (New Haven, 2004), p. 328.

430

Жалобы от заключенного колонии Политическому Красному Кресту, не позже 8 августа 1930 года. Цит. по Khlevniuk, *History of the Gulag*, pp. 15-16.

431

Сара Дэйвис подчеркивает разделение на «мы» и «они». Davies, *Popular Opinion*, ch. 8.

432

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 118. Л. 101-102.

433

J. Harris, *The Great Urals. Regionalism and the Evolution of the Soviet System* (Ithaca, 1999), ch. 5.

434

И. Сталин. Сочинения, т. 13, с. 232.

435

Kenez, *Cinema and Soviet Society*, p. 145.

436

L. Kaganovsky, *Visual Pleasure in Stalinist Cinema. Ivan Pyr'ev's Party Card*, in C. Klaier and E. Naiman, *Everyday Life in Early Soviet Russia. Taking the Revolution Inside* (Bloomington, 2006), pp. 35-6, 53-4.

437

Две противоположные интерпретации см. в J. Getty and O. Naumov, *The Road to Terror: Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932-1939* (New Haven, 1999); O. Khlevniuk, *Master of the House. Stalin and his Inner*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Circle (New Haven, 2009). Анализ подхода, изложенного здесь, см.
Priestland, Stalinism, ch. 5.

438

О роли Ежова см. J. Getty and O. Naumov, «Yezhov, The Rise of Stalin's Iron
Fist» (New Haven, 2008), ch. 8.

439

Цит. по Van Ree, Political Thought, p. 134.

440

Об этом см. Kotkin, Magnetic Mountain.

441

Kravchenko, I Chose Freedom, p. 107.

442

E. Ginzburg, Into the Whirlwind, trans. P. Stevenson and M. Harari (London,
1967), p. 44.

443

Hellbeck, Revolution, pp. 318–19.

444

Scott, Behind the Urals, p. 195.

445

Анализ этих цифр см. в Getty and Naumov, The Road to Terror, pp. 587–94.

446

Об этих фильмах см. Bordwell, The Cinema of Eisenstein, pp. 223–53; M.
Perrie, The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia (Basingstoke,
2001), ch. 7.

447

Golomstock, Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist
Italy and the People's Republic of China, trans. R. Chandler (London,
1990).

448

О различиях см. C. Lindey, Art in the Cold War. From Vladivostok to
Kalamazoo, 1945–62 (London, 1990), p. 25.

449

См. D. Ades, "Paris 1937. Art and the Power of Nations", in D. Ades et al.
(eds.), Art and Power. Europe under the Dictators, 1930–45 (London, 1995),
pp. 58–62; K. Fiss, "In Hitler's Salon. The German Pavilion at the 1937

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Paris Exposition Internationale”, in R. Etlin (ed.), Art, Culture, and
Media under the Third Reich (Chicago, 2002), pp. 316–42; S. Wilson, The
Soviet Pavilion in Paris, in M. Cullerne Bown and B. Taylor (eds.), Art of
the Soviets. Painting, Sculpture and Architecture in a One-party State,
1917–1992 (Manchester, 1993), pp. 106–20.

450

Цит. по James Herbert, Paris 1937. worlds on Exhibition (Ithaca, 1998), p.
36.

451

См. M. Daniel, “Spain: Culture at War”, in Ades et al., Art and Power, pp.
64–7.

452

Herbert, Paris 1937, ch. 3.

453

T. Draper, American Communism and Soviet Russia. The Formative Period (New
York, 1986), p. 419.

454

K. McDermott and J. Agnew, The Comintern. A History of International
Communism from Lenin to Stalin (Basingstoke, 1996), p. 105.

455

C. Epstein, The Last Revolutionaries. The German Communists and their
Century (Cambridge, Mass., 2003), pp. 40–1.

456

Цит. по R. Boyce, British Capitalism at the Crossroads. 1919–1932: A Study
in Politics, Economics and International Relations (Cambridge, 1987), pp.
115–16.

457

Об этом см. R. Evans, The Coming of the Third Reich (London, 2008), p. 286.

458

McDermott and Agnew, The Comintern, pp. 125–6.

459

См. Димитров Сталину, 1 июля 1934 года, в A. Dallin and F. Firsov (eds.),
Dimitrov and Stalin 1934–1943. Letters from the Soviet Archives (New Haven,
2000), pp. 13–14.

460

И. Сталин. Сочинения, т. 12, с. 255.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
461

Там же.

462

Там же, т. 10, с. 169. Для сравнения см. E. Van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism* (London, 2002), pp. 18–24.

463

Анализ этой ситуации см. в S. Pons, *Stalin and the Inevitable War 1936–1941* (London, 2002).

464

И. Сталин. Сочинения, т. I, сс. 26–27.

465

К. Ценнее, М. Мещеряков. Дневниковые записи Г. Димитрова // Новая и новейшая история. 1991, № 4, сс. 67–68.

466

О спорах и решениях см. McDermott and Agnew, *The Comintern*, pp. 121–30. О социалистическом мышлении см. G. R. Horn, *European Socialists Respond to Fascism. Ideology, Activism and Contingency in the 1930s* (New York, 1996), ch. 6.

467

J. Degras (ed.), *The Communist International, 1919–1943. Vol. III*, (London, 1971), pp. 361–5.

468

M. Denning, *The Cultural Front. The Labouring of American Culture in the Twentieth Century* (London, 1996), pp. 7–11; I. Katznelson, “Was the Great Society a Lost Opportunity?”, in S. Fraser and G. Gerstle, *The Rise and Fall of the New Deal Order, 1930–1980* (Princeton, 1989), p. 186.

469

Maurice Thorez, *Fils du peuple* (Paris, 1949), pp. 27–8.

470

J. Jackson, *The Popular Front in France: Defending Democracy, 1934–38* (Cambridge, 1988), p. 120.

471

M. Torigian, *Every Factory a Fortress. The French Labor Movement in the Age of Ford and Hitler* (Athens, Ohio, 1999), p. 86.

472

S. Bartolini, *The Political Mobilization of the European Left 1860–1980:*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
the Class Cleavage (Cambridge, 2000), pp. 429–31.

473

C. Pannetier and B. Pudał, “Du parti bolchevik au parti stalinien”, in M. Dreyfus et al., *Le Siècle des communismes* (Paris, 2000), pp. 338–9.

474

Об автобиографиях см. C. Pannetier and B. Pudał (eds.), *Autobiographies, autocritiques, aveux dans le monde communiste* (Paris, 2002).

475

J. Haslam, *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1938* (London, 1984), pp. 107–15.

476

О поддержке коммунистов см. H. Graham, *The Spanish Republic at War, 1936–1939* (Cambridge, 2002), pp. 182–5.

477

E. Hobsbawm, *Interesting Times. A Twentieth-Century Life* (London, 2002), p. 133.

478

L. Stern, *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank* (London, 2007), p. 17.

479

Там же.

480

B. Webb and S. Webb, *Soviet Communism: A New Civilization* (London, 1937), p. 429.

481

Визит Марке описывается Людмилой Штерн на основе данных архива ВОКС. См. Stern, *Western Intellectuals*, pp. 146–9.

482

S. Taylor, *Stalin’s Apologist: Walter Duranty, the New York Times’s Man in Moscow* (Oxford, 1990).

483

Stern, *Western Intellectuals*, pp. 31, 24–5.

484

Цит. по D. Caute, *Fellow Travellers. A Postscript to the Enlightenment* (London, 1973), p. 165.

485

P. Neruda, *Memoirs*, trans. H. St Martin (London, 2004), p. 132.

486

P. Drake, "Chile", in M. Falcoff and F. Pike (eds.), *The Spanish Civil War, 1936–39. American Hemispheric Perspectives* (Lincoln, Nebr., 1982).

487

I. Deutscher, *The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940* (London, 1963), p. 434.

488

Stern, *Western Intellectuals*, p. 32.

489

Jackson, *Popular Front in France*, pp. 239–43.

490

Graham, *Spanish Republic*, pp. 264–5.

491

S. Payne, *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism* (New Haven, 2004), pp. 228–9.

492

G. Orwell, *Homage to Catalonia* (London, 1986), p. 213.

493

О вине коммунистов и СССР см. R. Radosh, M. Habeck and G. Sevostianov (eds.), *Spain Betrayed: the Soviet Union in the Spanish Civil War* (New Haven, 2001). О положительной оценке коммунистов см. Graham, *Spanish Republic*.

494

Об этом см. Payne, *Spanish Civil War*, pp. 240, 275–8.

495

Об идеологии троцкистского движения в первую очередь см. Robert Alexander, *International Trotskyism, 1929–1985. A Documented Analysis of the Movement* (Durham, NC, 1991), pp. 1–20; A. Callinicos, *Trotskyism* (Milton Keynes, 1990), pp. 6–16.

496

A. M. Wald, *The New York Intellectuals* (Chapel Hill, 1987), chs. 6–9.

497

Внешняя политика СССР того периода остается предметом многочисленных споров. Мнение, согласно которому Сталин приветствовал союз с нацистами, см. в R. Tucker, *Stalin in Power: the Revolution from Above, 1928–1941* (New York, 1990), chs. 10, 21. Противоположное мнение см. в T. Uldricks, "Soviet Security Policy in the 1930s", in G. Gorodetsky (ed.), *Soviet Foreign Policy, 1917–1991. A Retrospective* (London, 1994). Это мнение согласуется с взглядами, выраженными в Pons, *Stalin*; Van Ree, *Political Thought*, ch.15.

498

Ф. Фирсов. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 годы // Новая и новейшая история. 1992. № 6, сс. 18–19.

499

Там же.

500

M. Johnstone, «Introduction», in F. King and G. Matthews, *About Turn. The British Communist Party and the Second World War, the Verbatim Record of the Central Committee meetings of 25 September and 2–3 October 1939* (London, 1990), pp. 13–49.

501

Цит. по E. Mawdsley, *Thunder in the East: the Nazi-Soviet war 1941–1945* (London, 2005), p. 49.

502

G. Gorodetsky, *Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia* (New Haven, 1999), esp. pp. 279–80, 296–7.

503

Mawdsley, *Thunder*, p. 229.

504

M. Harrison, "The Soviet Union: the Defeated Victor", in M. Harrison (ed.), *The Economics of world war II. Six Great Powers in Comparison* (Cambridge, 1998), p. 271; Mawdsley, *Thunder*, pp. 26–7.

505

Mawdsley, *Thunder*, p. 215.

506

I. Ehrenburg and K. Simonov, *In One Newspaper. A Chronicle of Unforgettable Years*, trans. A. Kagan (New York, 1987), p. 70.

507

G. Hosking, *Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union* (Cambridge, Mass., 2006), p. 201.

- 508 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- R. Stites, "Frontline Entertainment", in R. Stites (ed.), *Culture and Entertainment in Wartime Russia* (Bloomington, 1995), pp. 133–4.
- 509
- McDermott and Agnew, *The Comintern*, p. 207.
- 510
- Литературная газета, 12 сентября 1990 г.
- 511
- См. A. Weiner, *Making Sense of War* (Princeton, 2001), pp. 138–54.
- 512
- W. Lower, *Nazi Empire-Building and the Holocaust in the Ukraine* (Chapel Hill, 2005), p. 24.
- 513
- A. Agosti, *Palmiro Togliatti* (Turin, 1996), pp. 15–26.
- 514
- S. Gundle, "The Legacy of the Prison Notebooks: Gramsci, the PCI and Italian Culture in the Cold War Period", in C Duggan and C Wagstaff (eds.), *Italy in the Cold War. Politics, Culture and Society 1948–58* (Oxford, 1995), pp. 131–47.
- 515
- S. Gundle, *I Comunisti italiani tra Hollywood e Mosca: la sfida della cultura di massa (1943–1991)* (Florence, 1995), pp. 19–28.
- 516
- M. Harrison, *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945* (Cambridge, 1996), p. 163.
- 517
- Elena Zubkova, *Russia after the War. Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* (New York, 1998), pp. 16–18.
- 518
- Г. Димитров, *Дневник (9 марта 1933 г. – 6 февраля 1949 г.)* (Sofia, 1997), p. 464.
- 519
- Цит. по Van Ree, *Political Thought*, p. 244.
- 520

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
G. Eisler, со слов его вдовы. Цит. по Epstein, *The Last Revolutionaries*, p. 123.

521

N. Naimark, *The Russians in Germany: a History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949* (Cambridge, Mass., 1995), p. 180.

522

T. Toranska, *Oni: Stalin's Polish Puppets*, trans. A. Kolakowska (London, 1987), p. 246.

523

M. Djilas, *Conversations with Stalin*, trans. M. Petrovich (London, 1962), p. 84.

524

K. Kersten, *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943–1948* (Berkeley, 1991), pp. 111–13.

525

A. Rieber, "The Crack in the Plaster: Crisis in Romania and the Origins of the Cold War", *Journal of Modern History* 76 (2004), pp. 62–106.

526

B. Abrams, *The Struggle for the Soul of the Nation. Czech Culture and the Rise of Communism* (Lanham, 2004), p. 164.

527

M. Gorbachev and Z. Mlynaf, *On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism* (New York, 2002), pp. 13–14.

528

M. Pittaway, *Eastern Europe 1939–2000* (London, 2000), pp. 46–7.

529

Об этом см. M. Conway, "Democracy in Postwar Western Europe: The Triumph of a Political Model", *European History Quarterly* 32 (2002), pp. 70–6.

530

V. Dimitrov, "Communism in Bulgaria", in M. Leffler and D. Painter, *The Origins of the Cold War: an International History* (London, 2005), pp. 191–204.

531

M. Djilas, *Tito. The Story from Inside* (London, 1981), p. 16.

532

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
V. Dedijer, *Tito Speaks. His Self-Portrait and Struggle with Stalin*
(London, 1953), pp. 4–7.

533

Djilas, Tito, p. 7.

534

Там же, с. 46.

535

Там же, с. 20.

536

Djilas, *Conversations*, pp. 50–1.

537

Там же, с. 76.

538

Dedijer Tito Speaks, p. 343.

539

Djilas, Tito, p. 31.

540

Автор данной книги не ставит своей целью объяснение такого сложного явления. Споры о его причинах широко представлены в литературе. Мнение традиционалистов, подчеркивающих значение идеологии, см. в Н. Feis, *From Trust to Terror: the Onset of the Cold war, 1945–1950* (New York, 1970). О значении русских национальных интересов см. Н. Morgenthau, *In Defense of National Interest. A Critical Examination of American Foreign Policy* (New York, 1951). О ранней работе в духе ревизионизма см. G. Kolko, *The Politics of war. Allied Diplomacy and the world crisis of 1943–1945* (London, 1969). О причинах современных споров см. O. Westad (ed.), *Reviewing the Cold War* (London, 2000).

541

Убедительные доказательства этого см. в Van Ree, *Political Thought*, chs. 15–16.

542

V. Pechatnov, "The Soviet Union and the Outside world", p. 2, forthcoming in *Cambridge History of the Cold war*, vol. i.

543

Цит. там же, с. 3.

544

Данный аргумент принадлежит Мелвину Леффлеру, см. M. Leffler, A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War (Stanford, 1992).

545

Цит. по M. Leffler, For the Soul of All Mankind. The United States, the Soviet Union and the Cold War (New York, 2007), p. 43.

546

См. прежде всего N. Naimark, "Stalin and Europe in the Postwar Period, 1945–1953. Issues and Problems", Journal of Modern History 2 (2004), pp. 28–56.

547

Pechatnov, "Soviet Union", pp. 8–9.

548

G. Kennan, Memoirs 1925–1950 (Boston, 1967), pp. 549–51, 557, 555.

549

H. Truman, 1946–1952. Years of Trial and Hope (New York, 1965), vol. II, p. 125.

550

Цит. по Leffler, Preponderance, p. 190.

551

Pechatnov, "Soviet Union", p. 13.

552

Truman, Years of Trial, vol. ii, p. 129.

553

P. Ginsborg, A History of Contemporary Italy: Society and Politics, 1943–1988 (Harmondsworth, 1990), p. 116.

554

Kennan, Memoirs, p. 559.

555

M. Hogan, The Marshall Plan. America, Britain, and the Reconstruction of Western Europe, 1947–1952 (Cambridge, 1987), pp. 427–30.

556

Об этом см. M. Hogan, A Cross of Iron. Harry S. Truman and the Origins of the National Security State, 1945–1954 (Cambridge, 1998)»

557

В. Печатнов. От союза – к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 годах. М., 2006, сс. 158–159.

558

V. Zubok and C. Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchev* (Cambridge, Mass., 1996), pp. 50–3.

559

Toranska, Oni, p. 257.

560

См. Л. Гибианский. Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993» № 4, сс. 131–152; Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin*, pp. 125–33.

561

P. Spriano, *Stalin and the European Communists* (London, 1985), pp. 292 ff.

562

Van Ree, *Political Thought*, pp. 252–3.

563

S. Pons, "Stalin and the Italian Communists", in Leffler and Painter (eds.), *Origins*, p. 213.

564

New-York Times, 2 мая 1950; более полную информацию об этих «оккупациях» см. Richard Fried, *The Russians are Coming! The Russians are Coming! Pageantry and Patriotism in Cold-War America* (Oxford, 1998), ch. 3.

565

О подготовке к идеологической войне в СССР см. главу у. Об участии США в холодной войне см. Cold War, see L. McEnaney, "Cold war Mobilization and Domestic Politics", forthcoming, in Cambridge history of the Cold War, vol. i; L. McEnaney, *Civil Defense Begins at Home: Militarization Meets Everyday Life in the Fifties* (Princeton, 2000).

566

Ginsborg, *History of Contemporary Italy*, p. 187.

567

О различных группах, принимавших участие в антикоммунистических кампаниях, см. там же, сс. X ff.

568

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
И все же эта проблема никогда не была главной политической проблемой. См.
R. Fried, "Voting against the Hammer and Sickle: Communism as an Issue in
American Politics", in W. Chafe (ed.), *The Achievement of American
Liberalism: The New Deal and Its Legacies* (New York, 2003), pp. 99–127.

569

G. Gerstle, *American Crucible. Race and Nation in the Twentieth Century*
(Princeton, 2001), pp. 245–6.

570

D. Caute, *The Dancer Defects: The Struggle for Cultural Supremacy during
the Cold War* (Oxford, 2003), pp. 26–7.

571

Gerstle, *American Crucible*, pp. 249–56.

572

О конфликте евреев с коммунизмом см. Y. Slezkine, *The Jewish Century*
(Princeton, 2004), pp. 313–15.

573

G. Lundestad, "Empire by Invitation? The United States and Western Europe,
1945–1952", *Journal of Peace Research* 3 (1986), pp. 263–77.

574

NSC 51, US Policy towards Southeast Asia, 1 July 1949. Declassified
Documents Reference System.

575

Djilas, *Conversations*, p. 141.

576

Ho Chi Minh, *On Revolution. Selected Writings 1920–1966* (London, 1967), p.
5.

577

Об этом эпизоде см. W. Duiker, *Ho Chi Minh: a Life* (New York, 2000), pp.
57–62.

578

Пьер Броше ставит этот факт под сомнение. См. P. Brocheux, *Ho Chi Minh. A
Biography*, trans. C. Duiker (New York, 2007), p. 26.

579

E. Manela, *The Wilsonian Moment: Self-determination and the International
Origins of Anticolonial Nationalism* (Oxford, 2007), p. 107.

580

Mao Zedong, "Study the Extremist Party", 14 July 1919, in Mao's Road to Power. Revolutionary Writings, 1912–1949 [MRPRW], ed. S. Schram (Armonk, NY, 1992), vol. i, p. 332.

581

Manela, Wilsonian Moment, pp. 23–30.

582

Duiker, Ho, pp. 46–55.

583

Цит. по Brocheux, Ho, p. 21.

584

Цит. по Duiker, Ho, p. 82.

585

Ho, On Revolution, p. 5.

586

Ho Chi Minh, Textes, 1914–1969, ed. A. Ruscio (Paris, 1990), p. 21, перевод из Brocheux, Ho, p. 12.

587

Первый съезд народов Востока. Стенографические отчеты. Пт., 1920. С. 5.

588

M. Roy, Memoirs (Bombay, 1964), p. 225.

589

Там же, с. 306.

590

Там же.

591

Там же, с. 379.

592

Lu Xun, "A Madman's Diary", in Lu Hsun, Selected Stories (New York, 2003), pp. 8, 18.

593

L. Ou-Fan Lee, "Literary Trends: The Quest for Modernity, 1895–1927", in M.
Страница 495

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Goldman and L. Ou-Fan Lee, *An Intellectual History of Modern China*
(Cambridge, 2002), p. 188.

594

Цит. по V. Schwarcz, *The Chinese Enlightenment: Intellectuals and the Legacy of the May Fourth Movement of 1919* (Berkeley, 1986), p. 110.

595

Цит. там же, с. 109.

596

L. Feigon, *Chen Duxiu: Founder of the Chinese Communist Party* (Princeton, 1983), p. 104.

597

M. Meisner, *Li Ta-Chao and the Origins of Chinese Marxism* (New York, 1970), p. 34.

598

Об этом см. Feigon, Chen, p. 145.

599

D.-S. Suh, *The Korean Communist Movement, 1918–1948* (Princeton, 1967), p. 132.

600

«Тхань Ньен», 20 февраля 1927, цит. по Нуунь Kim Khanh, *Vietnamese Communism, 1925–1945* (Ithaca, 1982), p. 80.

601

W. Duiker, *The Communist Road to Power in Vietnam* (Boulder, 1996), pp. 27–8.

602

S. Wilson, *The Comintern and the Japanese Communist Party*, in T. Rees and A. Thorpe (eds.), *International Communism and the Communist International, 1919–1943* (Manchester, 1998), pp. 285–307.

603

Schwarcz, *Chinese Enlightenment*, pp. 128–36.

604

“The True Story of Ah Q”, in Lu Hsun, *Selected Stories*, pp. 65–112.

605

Short, *Mao: a Life* (London, 1999), p. 86.

606

Цит. по Feigon, Chen, pp. 152–3.

607

Цит. по S. Smith, *A Road is Made: Communism in Shanghai 1920–1927* (Honolulu, 2000), pp. 59–60.

608

Zhang Guotao, *The Rise of the Chinese Communist Party. The Autobiography of Chang Kuo-tao* (Lawrence, Kans., 1971), vol. i, p. 139.

609

J. Price, *Cadres, Commanders and Commissars. The Training of the Chinese Communist Leadership* (Folkestone, 1976), pp. 31–8.

610

Там же, сс. 90–93.

611

Yu Miin-Ling “Chiang Kaishek and the Policy of Alliance”, in R. Felber, M. Titarenko and A. Grigoriev, *The Chinese Revolution in the 1920s. Between Triumph and Disaster* (London, 2002), pp. 98–124.

612

S. Schram, *Mao Tse-tung* (Harmondsworth, 1966), p. 48.

613

E. Snow, *Red Star over China* (Harmondsworth, 1972), pp. 153–6.

614

A. Smedley, *China Correspondent* (London, 1984), pp. 121–2.

615

Mao Zedong, 1 April 1917, *MRPRW*, vol. i, p. 113.

616

Там же, с. 124.

617

S. Schram, *The Thought of Mao Tse-Tung* (Cambridge, 1989), p. 27.

618

H. Van de Ven, *From Friend to Comrade: the Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927* (Berkeley, 1991), p. 45.

619

Schram, Thought of Mao, p. 46.

620

Li Zhisui, The Private Life of Chairman Mao: the Memoirs of Mao's Personal Physician, trans. Tai Hung-chao (London, 1996), pp. 77, 103.

621

Snow, Red Star, pp. 112–13.

622

N. Knight, Rethinking Mao. Explorations in Mao Zedong's Thought (Lanham, 2007), ch. 4.

623

Schram, Thought of Mao, p. 39.

624

Об этом эпизоде см. J. Chang and J. Halliday, Mao: the Unknown Story (London, 2006), p. 125.

625

H. Van de Ven, "New States of War. Communist and Nationalist Warfare and State Building, 1928–1934", in Van de Ven (ed.), Warfare in Chinese History (Leiden, 2000), p. 335.

626

Там же, с. 361.

627

О разнице между двумя военными моделями см. там же, с. 323.

628

Mao Zedong, May 1930, MRPRW, vol. III, pp. 296–418. См. также Short, Mao, pp. 304–6.

629

Mao Zedong, June 1930, MRPRW, vol. III, p. 445.

630

Short, Mao, p. 286.

631

О мифе о «Великом походе» см. D. Apter and T. Saich, Revolutionary Discourse in Mao's Republic (Cambridge, Mass., 1994), p. 85.

632

Это утверждается в Chang and Halliday, Mao, pp. 254–5.

633

Snow, Red Star, p. 64.

634

О понимании «китаизации» Мао см. Selected works of Mao Tse-tung [SWMT] (Beijing, 1961), vol. ii, p. 209.

635

Smedley, China Correspondent, p. 122.

636

Об этом см. Schram, Thought of Mao, p. 92. О понятии датонг см. SWMT, vol. II, pp. 148–9.

637

Knight, Rethinking Mao, pp. 129–30.

638

См., например, его заметки о A Course in Dialectical Materialism by M. Shirokov and others, November 1936–April 1937, MRPRW, vol. iv, pp. 674–5.

639

О сложных связях марксизма с китайскими концептами в философии Мао см. Knight, Rethinking Mao, chs. 5, 7.

640

Отношение Мао к этому вопросу противоречиво. Шрам делает акцент на «волютаризме» Мао, на его оценке воли выше, чем экономики, см. S. Schram, “The Marxist”, in D. Wilson (ed.), Mao Tse-tung in the Scales of History (Cambridge, 1977), pp. 35–69. Об ортодоксальности Мао см. A. Walder, “Marxism, Maoism and Social Change”, Modern China 1 (1977), pp. 101–18. Ник Найт утверждает, что Мао строго следует двусмысленной марксистской традиции. Knight, Rethinking Mao, ch.6, esp. p. 189.

641

Knight, Rethinking Mao, p. 141.

642

M. Selden, China in Revolution. The Yen-an way Revisited (Armonk, NY, 1995), p. 121.

643

G. Benton, “The Yen-an «Literary Opposition»”, New Left Review 92 (1975),
Страница 499

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
pp. 102–5; Dai Qing, Wang Shiwei and “Wild Lilies”. Rectification and
Purges in the Chinese Communist Party, 1942–1944, eds. D. Apter and T.
Cheek (Armonk, NY, 1994).

644

Selden, China; Apter and Saich, Revolutionary Discourse, pp. 211–13.

645

О чистке см. Apter and Saich, Revolutionary Discourse, pp. 279–88.

646

Там же, с. 285.

647

Chang and Halliday, Mao, p. 300.

648

Chen Yung-fa, “Suspect History and the Mass Line. Another «Yan’ an Way»”,
in G. Hershatter et al. (eds.), Remapping China. Fissures in Historical
Terrain (Stanford, 1996), pp. 242–60.

649

J. Byron and R. Pack, The Claws of the Dragon. Kang Sheng – The Evil Genius
behind Mao – and his Legacy of Terror in People China (New York, 1992), p.
139.

650

F. Teiwes and W. Sun, “From a Leninist to a Charismatic Party; The CCP’s
Changing Leadership, 1937–1945”, in T. Saich and H. Van de Ven (eds.), New
Perspectives on the Chinese Communist Revolution (Armonk, NY, 1995), p.
378.

651

Цит. по Short, Mao, p. 392.

652

G. Benton, Mountain Fires. The Red Army’s Three-Year War in South China,
1934–1938 (Berkeley, 1994); G. Benton, “Under Arms and Umbrellas.
Perspectives on Chinese Communism in Defeat”, in Saich and Van de Ven
(eds.), New Perspectives, pp. 116–43.

653

Об этом см. H. Van de Ven, War and Nationalism in China, 1925–1945 (London,
2003).

654

Об этом см. Chen Yung-fa, Making Revolution. The Communist Movement in East
and Central China, 1937–1945 (Berkeley, 1986), esp. ch.3. Обзор литературы
о данном споре см. в L. Bianco, “Responses to CCP Mobilization Policies”,

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
in Saich and Van de Ven, *New Perspectives*, ch. 7.

655

W. Hinton, *Fanshen. A Documentary of Revolution in a Chinese Village* (New York, 1966), pp. 137–8.

656

Chen, *Making Revolution*, pp. 187–8.

657

O. Westad, *Decisive Encounters: the Chinese Civil war, 1946–1950* (Stanford, 2003), pp. 115–18.

658

R. Thaxton, *Salt of the Earth. The Political Origins of Peasant Protest and Communist Revolution in China* (Berkeley, 1997), ch. 9.

659

K. Hartford, “Repression and Communist Success: The Case of Jin-Cha-Ji, 1938–1943”, in K. Hartford and S. Goldstein (eds.), *Single Sparks. China’s Rural Revolutions* (Armonk, NY, 1989), p. 27.

660

Bianco, “Responses”, pp. 181–2.

661

Pye, *Guerrilla Communism*, p. 124.

662

Там же, с. 211.

663

Pye, *Guerrilla Communism*, pp. 228, 229.

664

Там же, сс. 248, 296.

665

Там же, сс. 297» 301.

666

Westad, *Decisive Encounters*, ch.4. О коррупции и законности действий чиновников Гоминьдана см. S. Pepper, *Civil War in China. The Political Struggle, 1944–1949* (Lanham, 1999), pp. 155–60.

667

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Об этом см. Westad, *Decisive Encounters*, p. 10.

668

Там же, с. 259.

669

Chang-lai Hung, "Mao's Parades. State Spectacles in China in the 1950-5", *China Quarterly* 190 (2007), p. 415.

670

Yong-ho Ch'oe, "Christian Background in the Early Life of Kim Il-Song", *Asian Survey* 26 (1986), pp. 1082-91.

671

A. Lankov, *From Stalin to Kim II Sung: the Formation of North Korea, 1945-1960* (London, 2002), pp. 17-19.

672

O Yong-jin, quoted in R. Scalapino and C.-S. Lee, *Communism in Korea. Parti: The Movement* (Berkeley, 1972), pp. 324-5.

673

C Armstrong, *The North Korean Revolution, 1945-195°* (Ithaca, 2003), pp. 68-70.

674

Lankov, *From Stalin to Kim*, ch. 3.

675

Duiker, *Communist Road*, p. 105.

676

Duiker, *Ho*, p. 69.

677

D. Marr, *Vietnam 1945. The Quest for Power* (Berkeley, 1995), p-106.

678

Ho Chi Minh *Selected writings* (Hanoi, 1977), pp. 55-6.

679

B. Kerkvliet, *The Huk Rebellion. A Study of Peasant Revolt in the Philippines* (Berkeley, 1977).

680

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Chin Peng, *My Side of History* (Singapore, 2003), pp. 47–8.

681

Cheah Boon Kheng, *The Masked Comrades: a Study of the Communist United Front in Malaya, 1945–48* (Singapore, 1979).

682

R. Stubbs, *Hearts and Minds in Guerrilla Warfare: the Malayan Emergency, 1948–1960* (London, 1989).

683

A. Aman, *Architecture and Ideology in Eastern Europe during the Stalin Era* (New York, 1992), pp. 90–3.

684

W. Brumfield, *A History of Russian Architecture* (Cambridge, 1993), p. 490.

685

K. Tyszka, *Nacjonalizm w Komunizmie. Ideologia Narodowa w Związku Radzieckim i Polsce Ludowej* (Warsaw, 2004), pp. 115–41; Martin Mevius, *Agents of Moscow: the Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism, 1941–1953* (Oxford, 2004), pp. 249–62.

686

N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers. The Last Testament*, trans. and ed. S. Talbott (London, 1974), p. 98.

687

Aman, *Architecture*, pp. 88–9.

688

Цит. по К. Boterbloem, *Life and Death under Stalin. Kalinin Province, 1945–1953* (Montreal, 1999), p. 188.

689

M. Harrison, *Accounting for War. Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945* (Cambridge, 1996), pp. 160–2.

690

M. Edele, «"More than just Stalinists». The Political Sentiments of Victors 1945–1953", in J. Furst (ed.), *Late Stalinist Russia. Society between Reconstruction and Reinvention* (London, 2006), p. 176.

691

D. Filtzer, *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II* (Cambridge, 2002), pp. 34–9.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
692

Там же, сс. 22–5; G. Ivanova, *Labor Camp Socialism. The Gulag in the Soviet Totalitarian System*, trans. C. Flath (Armonk, NY, 2000), p. 116; A. Applebaum, *Gulag. A History* (London, 2004), p. 518.

693

E. Ginzburg, *Within the Whirlwind* (London, 1989), pp. 71–2.

694

O. Pohl, *The Stalinist Penal System* (Jefferson, NC, 1997), p. 131.

695

D. Filtzer, *Soviet Workers*, p. 242.

696

C. Hooper, “A Darker «Big Deal»”, in *First, Late Stalinist Russia*, p. 147.

697

Цит. по Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953* (New York, 2004), pp. 32–3.

698

Российский государственный архив социально-политической истории [РГАСПИ]. Ф. 558. Оп. и. д. 732. л. 19.

699

N. Krementsov, *Stalinist Science* (Princeton, 1997), p. 181; D. Joravsky, *The Lysenko Affair* (Cambridge, Mass., 1970).

700

Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 263.

701

И. Сталин. Сочинения, т. XIII, с. 28.

702

A. Weiner, *Making Sense of War* (Princeton, 2001), ch. 4.

703

Цит. по Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 156.

704

V. Dunham, *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction* (Cambridge, 1976), p. 92.

- 705 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- М. Kundera, *The Joke* (London, 1992), p. 71.
- 706
- Там же, с. 32.
- 707
- М. Pittaway, *Eastern Europe 1939–2000* (London, 2004), p. 57.
- 708
- J. Mark, “Discrimination, Opportunity, and Middle-Class Success in Early Communist Hungary”, *Historical Journal* 48, 2 (2005), pp. 502–7.
- 709
- C. Milosz, *The Captive Mind*, trans. J. Zielonko (New York, 1990), pp. 98–9.
Русск. текст цит. по Ч. Милош. *Порабощенный разум*. СПб.: Алетейя, 2003.
- 710
- D. Crowley, “Warsaw’s Shops, Stalinism and the Thaw”, in S. Reid and D. Crowley (eds.), *Style and Socialism* (Oxford, 2000), p. 36.
- 711
- Pittaway, *Eastern Europe*, pp. 110–11.
- 712
- A. Janos, *East Central Europe in the Modern world. The Politics of the Borderlands from pre- to post-Communism* (Stanford, 2000), pp. 247–8.
- 713
- T. Toranska, *Oni: Stalin’s Polish Puppets*, trans. A. Kolakowska (London, 1987), p. 298.
- 714
- Janos, *East Central Europe*, p. 247.
- 715
- Milosz, *The Captive Mind*, pp. 61–2.
- 716
- W. Leonhard, *Die Revolution entldsst ihre Kinder* (Cologne, 1957), pp. 487, 493–7.
- 717
- G. Hodos, *Show Trials. Stalinist Trials in Eastern Europe, 1948–1954* (London, 1987), ch. 7.

718

C. Epstein, *The Last Revolutionaries. The German Communists and their Century* (Cambridge, Mass., 2003), pp. 136–7,144.

719

Цит. по С Jones, *Soviet Influence in Eastern Europe: Political Autonomy and the Warsaw Pact* (New York, 1981), p. 7.

720

Toranska, Oni, pp. 335–6.

721

S. Beria, *Beria My Father: Inside Stalin's Kremlin* (London, 2001), p. 141.

722

W. Taubman, *Khrushchev. The Man and his Era* (London, 2003), p. 214.

723

Toranksa, Oni, pp. 235–6.

724

H. Margolius Kovaly, *Prague Farewell* (London, 1988), pp. 118–19.

725

S. Bartolini, *The Political Mobilization of the European Left, 1860–1980: the Class Cleavage* (Cambridge, 2000), pp. 542–3.

726

I. Wall, *French Communism in the Era of Stalin: the Quest for Unity and Integration, 1945–1962* (Westport, Conn., 1983), p. 125.

727

D. Desanti, *Les Staliniens, 1944–1956: une experience politique* (Paris,1975).

728

Об этом см. Т. Judt, *Postwar. A History of Europe since 1945* (London, 2007), pp. 212–13.

729

M. Adereth, "Sartre and Communism", *Journal of European Studies* 17 (1987), p. 10.

730

F. Fanon, *The Wretched of the Earth*, preface Jean-Paul Sartre, trans. С

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Farrington (Harmondsworth, 1967).

731

Об этом см. G. Kern, *The Kravchenko Case: One Man's War on Stalin* (New York, 2007).

732

M. Hyvarinen and J. Paastela "Failed Attempts at Modernization. The Finnish Communist Party", in M. Waller, *Communist Parties in Western Europe: Decline or Adaptation?* (Oxford, 1988), p. 115.

733

S. Gundle, "The Legacy of the Prison Notebooks: Gramsci, the PCI and Italian Culture in the Cold War Period", in C. Duggan and C. Wagstaff (eds.), *Italy in the Cold War. Politics, Culture and Society 1948-58* (Oxford, 1995), p. 139.

734

D. Kertzer, *Comrades and Christians. Religion and Political Struggle in Communist Italy* (Cambridge, 1980), p. 106; C. Duggan, "Italy in the Cold War Years and the Legacy of Fascism", in Duggan and Wagstaff, *Italy in the Cold War*, p. 20.

735

Об этом см. Duggan, "Italy in the Cold War Years", pp. 1-24.

736

Об этом см. D. Heinzig, *The Soviet Union and Communist China, 1945-1950. The Arduous Road to the Alliance* (Armonk, NY. 2004), pp. 263-384.

737

Shi Zhe, цит. по J. Chang and J. Halliday, *Mao: the Unknown Story* (London, 2006), p. 431.

738

Hua-yu Li, "Stalin's Short Course and Mao's Socialist Transformation in the Early 1950s", *Russian History/Histoire Russe* 29 (2002), p. 363.

739

Об этом см. O. Westad, *Decisive Encounters: the Chinese Civil War, 1946-1950* (Stanford, 2003), pp. 260-1, 267-9.

740

См. см. D. Kaple, *The Dream of a Red Factory. The Legacy of High Stalinism in Russia* (New York, 1994).

741

W. Stueck, *Rethinking the Korean War. A New Diplomatic and Strategic History* (Princeton, 2002), pp. 73-4.

742

J. Strauss, "Paternalist Terror. The Campaign to Suppress Counterrevolutionaries and Regime Consolidation in the People's Republic of China, 1950-1953", *Comparative History in Society and History* 44 (2002), pp. 80-105.

743

Там же, с. 97.

744

Мао Цзэдун, 7 февраля 1953, в К. Fan (ed.), *Mao Tsetung and Lin Piao: Post-revolutionary Writings* (Garden City, NY, 1972), p. 102.

745

Yu Miin-Ling, "A Soviet Hero, Pavel Korchagin, comes to China", *Russian History / Histoire Russe* 29 (2002), pp. 329-56.

746

Tina Mai Chen, "Internationalism and Cultural Experience. Soviet Films and Popular Chinese Understandings of the Future in the 1950s", *Cultural Critique* 58 (2004), p. 96.

747

Wu Hung, *Remaking Beijing: Tiananmen Square and the Creation of a Political Space* (London, 2005), pp. 104-5.

748

Цит. по А. Finnane, *Changing Clothes in China. Fashion, History, Nation* (London, 2007), p. 209.

749

Цит. там же, с. 224.

750

Это утверждается в Charles Armstrong, *The North Korean Revolution, 1945-1950* (Ithaca, 2003).

751

Там же, с. 167.

752

B. Cumings, *The Origins of the Korean War, Vol 2. The Roaring of the Cataract, 1947-1950* (Princeton, 1990), p. 341.

753

Armstrong, *North Korean Revolution*, pp. 222-9.

754

J. Palais, "Confucianism and the Aristocratic/Bureaucratic Balance in Korea", *Harvard Journal of Asiatic Studies* 44 (1984), pp. 427–68.

755

Об этом см. Armstrong, *North Korean Revolution*, p. 73.

756

Цит. по К. Lebow, "Public works, Private Lives. Youth Brigades in Nowa Huta in the 1950s", *Contemporary European History* 10, 2 (2001), p. 205.

757

Там же, с. 208.

758

О венгерском случае см. в М. Pittaway, "The Reproduction of Hierarchy: Skill, Working-Class Culture, and the State in Early Socialist Hungary", *Journal of Modern History* 74 (2002), pp. 737–69. О разочаровании польских рабочих см. Р. Kenney, *Rebuilding Poland: workers and Communists, 1945–1950* (Ithaca, 1997), p. 292.

759

G. Pritchard, *The Making of the GDR, 1945–1953. From Antifascism to Stalinism* (Manchester, 2004), p. 196.

760

М. Pittaway, "Workers in Hungary", in E Breuning, J. Lewis and G. Pritchard, *Power and the People. A Social History of Central European Politics, 1945–56* (Manchester, 2005), pp. 68–9.

761

цит. по Kenney, *Rebuilding Poland*, p. 234.

762

Pittaway, *Eastern Europe*, pp. 92–3.

763

Pritchard, *The Making of the GDR*, p. 122.

764

Hanna Swida-Ziemba, "Stalinizm i Społeczeństwo Polskie", in J. Kurczewski (ed.), *Stalinizm* (Warsaw, 1989), p. 49.

765

Mark Frazier, *The Making of the Chinese Industrial workplace: State, Revolution, and Labour Management* (Cambridge, 2002), p. 146.

766

J. Pelikan, The Czechoslovak Political Trials, 1950–1954. The Suppressed Report of the Dubcek Government's Commission of Enquiry, 1968 (London, 1971), p. 56.

767

E. Friedman, P. Pickowicz and M. Selden, Chinese Village, Socialist State (New Haven, 1991), p. 130.

768

Там же.

769

Там же, с. 190.

770

Там же, сс. 188,196.

771

G. Creed, Domesticating Revolution. From Socialist Reform to Ambivalent Transition in a Bulgarian Village (University Park, Pa, 1998), p. 61.

772

D. Kideckel, The Solitude of Collectivism. Romanian villagers to the Revolution and Beyond (Ithaca, 1993), p. 85.

773

M. Lampland, The Object of Labor: Commodification in Socialist Hungary (Chicago, 1995), p. 155.

774

Creed, Domesticating Revolution, p. 70.

775

Pritchard, The Making of the GDR, p. 201.

776

Pittaway, Eastern Europe, p. 60.

777

S. Reid, Khrushchev in Wonderland. The Pioneer Palace in Moscow vs Lenin Hills, 1962. Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, No. 1606, pp. 1–5, 25–6.

778

S. Reid, "The Exhibition Art of Socialist Countries, Moscow 1958–9, and the Contemporary Style of Painting", in S. Reid and D. Crowley (eds.), *Style and Socialism. Modernity and Material Culture in Post-war Eastern Europe* (Oxford, 2000), p. 103.

779

Reid, *Khrushchev in Wonderland. The Pioneer Palace in Moscow and Lenin Hills*, p. 2.

780

N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers. The Last Testament*, trans. and ed. S. Talbott (London, 1974), pp. 98–101.

781

M. Djilas, *Memoir of a Revolutionary*, trans. D. Willen (New York, 1973), pp. 220–3.

782

Об этих моделях см. S. Woodward, *Socialist Unemployment: the Political Economy of Yugoslavia, 1945–1990* (Princeton, 1995) pp. 58–60.

783

C Lilly, *Power and Persuasion: Ideology and Rhetoric in Communist Yugoslavia, 1944–1953* (Boulder, 2001), p. 123.

784

M. Djilas, *Tito: The Story from Inside*, trans. V Kojic and R. Hayes (London, 1981), pp. 83–4.

785

S. Pavlowitch, *Tito. A Reassessment* (London, 1992), p. 81.

786

Djilas, *Tito*, pp. 95–6.

787

M. Brkljacic, "Popular Culture and Communist Ideology", in J. Lampe and M. Mazower (eds.), *Ideologies and National Identities. The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe* (Budapest, 2004), p. 197.

788

R. Service, *Stalin. A Biography* (London, 2004), pp. 581–6.

789

F. Burlatsky, *Khrushchev and the First Russian Spring* (London, 1991), p. 5.

790

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org

Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953* (New York, 2004), pp. 124–31.

791

V. Zubok and S. Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War* (Cambridge, Mass., 1996), p. 142.

792

Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, pp. 132–3.

793

A. Knight, *Beria. Stalin's First Lieutenant* (Princeton, 1993), p. 190.

794

V. Molotov, *Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics. Conversations with Felix Chuev*, ed. Albert Resis (Chicago, 1993), p. 334.

795

A. Маленков, *О моем отце* (Москва, 1992) с. 103; Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin*, p. 143.

796

W. Hayter, *The Kremlin and the Embassy* (London, 1966), pp. 106–7, 37–9.

797

См. Правда, 13 марта 1954 г.

798

C. Bohlen, *Witness to History, 1929–1969* (New York, 1973), p. 370.

799

Цит. по M. Leffler, *For the Soul of All Mankind. The United States, the Soviet Union and the Cold War* (New York, 2007), p. 98.

800

О дальнейшей роли идеологического догматизма с обеих сторон см. Leffler, *For the Soul*, pp. 147–50.

801

Hayter, *Kremlin*, p. 108.

802

W. Thompson, *Khrushchev: a Political Life* (Basingstoke, 1995), p. 8.

803

N. Khrushchev, Khrushchev Remembers: the Glasnost Tapes, trans, and ed. J. Schechter and V. Luchkov (Boston, 1990), p. 6.

804

цит. по W. Taubman, Khrushchev. The Man and His Era (London, 2003), p. 122.

805

Burlatsky, Khrushchev, pp. 65–6.

806

цит. по Taubman, Khrushchev, p. 274, об этой трактовке речи см. там же, глава 11.

807

Текст речи см. в публикации «Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 24–25 февраля 1956 года» (Мюнхен, 1956).

808

P. Jones, “Real and Ideal Responses to Destalinization”, in P. Jones (ed.), The Dilemmas of Destalinization, Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era (London, 2006), pp. 41–62.

809

J. Mark, “Society, Resistance and Revolution: The Budapest Middle Class and the Hungarian Communist State 1948–56”, English Historical Review 488 (2005), pp. 975–6.

810

Molotov, Molotov Remembers, p. 334.

811

R. Janos, “The Development of Imre Nagy as a Politician and a Thinker”, in G. Peteri (ed.), Intellectual Life and the Crisis of State Socialism in East Central Europe, 1953–1956 (Trondheim, 2001), pp. 16–30.

812

S. Csoori, “Pamphlet”, цит. по G. Litvan (ed.), The Hungarian Revolution of 1956, Reform, Revolt and Repression, 1953–1963 (London, 1996), p. 29.

813

F. Lewis, The Polish Volcano. A Case History of Hope (London, 1959), p. 146.

814

Там же, с. 155.

815

Описание этого эпизода см. в Taubman, Khrushchev, p. 293.

816

M. Kramer, "New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises", Cold War International History Project [CWIHP] 8-9 (1996-7), p. 53.

817

M. Molnar, Budapest 1956 (London, 1971), p. 266.

818

Цит. по Litvan, Hungarian Revolution, p. 127.

819

S. Khrushchev, Khrushchev and the Creation of a Superpower (University Park, Pa, 2000), p. 188.

820

M. Kramer, "The «Malin Notes» on the Crises in Hungary and Poland, 1956", CWIHP 8-9 (1996-7), pp. 392 ff.

821

V. Micunovic, Moscow Diary, trans. D. Floyd (Garden City, NY, 1980), pp. 133-4.

822

Litvan, Hungarian Revolution, p. 143-4.

823

E. Hobsbawm, Interesting Times. A Twentieth-Century Life (London, 2002), p. 205.

824

Цит. по D. Kertzer, Comrades and Christians. Religion and Political Struggle in Communist Italy (Cambridge, 1980), p. 148.

825

Там же, сс. 146-157.

826

K. Middlemas, Power and the Party. Changing Faces of Communism in Western Europe (London, 1980), p. 100.

827

S. Gundle, I comunisti italiani tra Hollywood e Mosca: la sfida della cultura di massa (1943-1991) (Florence, 1995), p. 252.

828

Taubman, Khrushchev, pp. 308–9.

829

D. Kozlov, "Naming the Social Evil. The Readers of Novyi mir and Vladimir Dudintsev's Not by Bread Alone, 1956–59 and Beyond", in Jones (ed.), The Dilemmas of Destalinization, pp. 80, 89.

830

V. Dudintsev, Not by Bread Alone, trans. E. Bone (London, 1957), p. 246. РУССКИЙ ТЕКСТ ЦИТ. ПО В. ДУДИНЦЕВ. НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ. М.: СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, 1957.

831

Там же, с. 438. РУССКИЙ ТЕКСТ ЦИТ. ПО В. ДУДИНЦЕВ. НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ.

832

Цит. по Thompson, Khrushchev, p. 238.

833

Z. Mlynar, Conversations with Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism (New York, 2002), p. 36.

834

W. L. Hixson, Parting the Curtain. Propaganda, Culture and the Cold War, 1945–1961 (London, 1997), pp. 178–9.

835

L. Attwood, "Housing in the Khrushchev Era", in M. Ilic et al. (eds.), Women in the Khrushchev Era (London, 2004), pp. 186–8.

836

Reid, The Exhibition "Art of Socialist Countries", p. 103.

837

S. Reid, "Women in the Home", in Ilic et al. (eds.), women in the Khrushchev Era, p. 168.

838

D. Filtzer, Soviet workers and De-Stalinization (Cambridge, 1992), pp. 232–3.

839

S. Baron, Bloody Sunday in the Soviet Union. Novocherkassk, 1962 (Stanford, 2001), pp. 26–7.

840

А. Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 610.

841

L. Alexeyeva and P. Goldberg, *The Thaw Generation. Coming of Age in the post-Stalin Era* (Boston, 1990), pp. 95–7.

842

P. McMillan, *Khrushchev and the Arts. The Politics of Soviet Culture, 1962. 1964* (Cambridge, Mass., 1965), pp. 101–5.

843

Описано в D. Volkogonov, *Autopsy for an Empire. The Seven Leaders Who Built the Soviet Regime* (New York, 1998), p. 236.

844

Wu Hung, *Remaking Beijing: Tiananmen Square and the Creation of Political Space* (London, 2005), pp. 108–30.

845

S. Schram, *The Thought of Mao Tse-tung* (Cambridge, 1989), p. 154.

846

S. Schram (ed.), *Mao Tse-tung Unrehearsed: Talks and Letters, 1956–71* (Harmondsworth, 1974), pp. 114–15.

847

S. Goncharenko, “Sino-Soviet Military Cooperation”, in O. E. Westad (ed.), *Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance 1945–63* (Stanford, 1998), p. 160.

848

Communist China. Policy Documents with Analysis (Cambridge, Mass., 1962), pp. 151–63.

849

Li Zhisui, *The Private Life of Chairman Mao* (London, 1994), p. 222.

850

J. Ch'en, *Mao Papers: Anthology and Bibliography* (New York, 1970), pp. 62–3.

851

D. Yang, *Calamity and Reform in China. State, Rural Society, and Institutional Change since the Great Leap Famine* (Stanford, 1996), p. 34

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
852

L. Zhang and C. Macleod (eds.), *China Remembers* (Oxford, 1999), p. 76.

853

S. Potter and J. Potter, *Chinas Peasants. The Anthropology of a Revolution* (Cambridge, 1990), p. 71.

854

Zhang and Macleod, *China Remembers*, p. 78.

855

Li, *Private Life*, pp. 277–8.

856

Там же, с. 302.

857

Цит. по Н. Harding, “The Chinese State in Crisis”, in R. Macfarquhar (ed.), *The Politics of China. The Eras of Mao and Deng*, 2nd edn (Cambridge, 1993), p. 234.

858

Decision of the Central Committee of the Chinese Communist Party Concerning the Great Proletarian Cultural Revolution (Beijing, 1966), p. 1.

859

Цит. по Harding, “Chinese State”, p. 169.

860

Gao Yuan, *Born Red: a Chronicle of the Cultural Revolution* (Stanford, 1987), pp. 86, 89–90.

861

Цит. по Р. Clark, *The Chinese Cultural Revolution. A History* (Cambridge, 2008), p. 61.

862

Там же, с. 2.

863

A. Finnane, *Changing Clothes in China. Fashion, History, Nation* (London, 2007), p. 237.

864

О понятии «виртократии» см. S. Shirk, “The Decline of Virtuocracy in China”, in J. Watson (ed.), *Class and Social Stratification in*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
post-Revolution China (Cambridge, 1984).

865

Liu Guokai, A Brief Analysis of the Cultural Revolution, trans. A. Chan (Armonk, NY, 1987), p. 47.

866

J. Sheehan, Chinese Workers: A New History (London, 1998), pp. 123–4.

867

R. Madsen, Morality and Power in a Chinese Village (Berkeley and Los Angeles, 1984), pp. 180–98.

868

G. White, The Politics of Class and Class Origin: The Case of the Cultural Revolution, Contemporary China Papers, 9 (Canberra, 1976), p. 46.

869

Цит. там же, с. 37.

870

См. R. Kraus, Class Conflict in Chinese Socialism (New York, 1981), pp. 164–6.

871

Zhang and Macleod, China Remembers, p. 120.

872

Там же, сс. 120–121.

873

Цит. в R. Macfarquhar and M. Schoenhals, Mao's Last Revolution (Cambridge, Mass., 2006), p. 199.

874

Там же, с. 155.

875

Там же, сс. 162–163.

876

Gao Yuan, Вот Red, pp. 179 ff.

877

Об этих примерах см. D. Leese, "The Mao Cult as Communicative Space",
Страница 518

878

Цит. там же, сс. 633–634.

879

Zhang and Macleod, *China Remembers*, p. 140.

880

Цит. по J. L. Anderson, *Che Guevara. A Revolutionary Life* (London, 1997), p. 130.

881

Ernesto "Che" Guevara, *The Bolivian Diary of Ernesto Che Guevara*, 2nd ed. (New York, 1996), p. 316.

882

P. Neruda, "La United Fruit Co." (1950), in P. Neruda, *Canto General*, trans. J. Schmitt (Berkeley, 1991).

883

Цит. по Anderson, *Che Guevara*, p. 126.

884

Anderson, *Che Guevara*, pp. 163, 23.

885

Цит. по G. M. Kahin, *The Asian-African Conference. Bandung, Indonesia, April 1955* (Port Washington, NY, 1972), p. 42.

886

C. Romulo, *The Meaning of Bandung* (Chapel Hill, 1956), p. 91.

887

Там же, с. 11.

888

Kahin, *The Asian-African Conference*, p. 46.

889

The Conference of Heads of State or Government of Non-Aligned Countries (Belgrade, 1961).

890

W. Shinn, "The «National Democratic State»: a Communist program for

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Less-Developed Areas”, *World Politics* 15, 3 (1963), pp. 177–89.

891

V. Zubok, *A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold war from Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill, 2007), pp. 109–10.

892

Shinn, *The «National Democratic State»*.

893

Эту мысль впервые высказал индонезиец Дипа Айдит. См. С. Jian, *China and the Cold war* (Chapel Hill, 2001), p. 212.

894

J. Edgar Hoover to W. Jenkins, FBI Report, 7 April 1964, 6. Declassified Documents Reference System.

895

C. Tripp, *A History of Iraq* (Cambridge, 2000), pp. 156–7.

896

T. Nossiter, *Communism in Kerala. A Study in Political Adaptation* (London, 1982), ch. 6.

897

H. Van der Wee, *Prosperity and Upheaval. The World Economy, 1945–1980* (Harmondsworth, 1987), pp. 400–3.

898

NSC 162/2, in *United States Department of State, Foreign Relations of the United States, 1952–1954* (Washington, DC, 1979–2003), vol. ii, p. 587.

899

S. G. Rabe, “Latin America and Anticommunism”, in R. Immerman (ed.), *John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War* (Princeton, 1990), pp. 163, 161.

900

W. Duiker, *The Communist Road to Power in Vietnam* (Boulder, 1996), pp. 180–2.

901

E. Moise, *Land Reform in China and North Vietnam* (Chapel Hill, 1983), pp. 201–6.

902

S. Schlesinger and S. Kinzer, *Bitter Fruit. The Story of the American Coup*
Страница 520

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
in Guatemala (Cambridge, Mass., 2005).

903

Fidel Castro, *My Life*, ed. I. Ramet (London, 2007), p. 173.

904

Там же, с. 67.

905

См. J. Sweig, *Inside the Cuban Revolution. Fidel Castro and the Urban Underground* (Cambridge, Mass., 2002).

906

Кастро, 1 января 1959 года, цит. по М. Perez-Stable, *The Cuban Revolution. Origins, Course and Legacy* (New York, 1999), p. 61.

907

Че Гевара Жану Даниэлю, 14 декабря 1957 года, в С. Franqui, *Diary of the Cuban Revolution* (New York, 1980), p. 269.

908

Цит. по Н. Matthews, *Castro. A Political Biography* (London, 1969), p. 141.

909

Н. Thomas, *Cuba. The Pursuit of Freedom* (New York, 1971), pp. 1215–18.

910

А. Карсия, *Cuba. Island of Dreams* (Oxford, 2000), pp. 103–4.

911

Castro, *My Life*, p. 195.

912

Perez-Stable, *The Cuban Revolution*, pp. 7–9.

913

Там же, с. 69.

914

Цит. по Anderson, *Che Guevara*, pp. 388–90.

915

Т. Szulc, *Fidel. A Critical Portrait* (London, 1987), p. 416.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
916

P. Gleijeses, *Conflicting Missions. Havana, Washington and Africa, 1959–1976* (Chapel Hill, 2002), p. 18.

917

A. Fursenko and T. Naftali, "One Hell of a Gamble". *Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964* (New York, 1997), p. 39.

918

Gleijeses, *Conflicting Missions*, p. 18.

919

«Свободная Бельгия», 14 октября 1960, цит. по S. Weissman, *American Foreign Policy in the Congo, 1960–1964* (Ithaca, 1974), p. 116.

920

Об этом см. Michael E. Latham, *Modernization as Ideology: American Social Science and Nation Building in the Kennedy Era* (Chapel Hill, 2000).

921

«Революсьон», 20 ноября 1959 года, в S. Valfour, *Castro* (London, 1990), p. 80.

922

Интервью с Жаном Даниэлем, 25 июля 1963, цит. по M. Lijwy, *The Marxism of Che Guevara. Philosophy, Economics and Revolutionary Warfare*, 2nd edn (Lanham, 2007), p. 59.

923

J. Bunck, *Fidel Castro and the Quest for a Revolutionary Culture* (University Park, Pa, 1994), pp. 23–7.

924

R. Fagen, *The Transformation of Political Culture in Cuba* (Stanford, 1969), p. 53.

925

A. Карсия, *Cuba in Revolution. A History since the Fifties* (London, 2008), ch.6.

926

Anderson, *Che Guevara*, p. 453.

927

Цит. по C. Brundenius, *Economic Growth, Basic Needs and Income Distribution in Revolutionary Cuba* (Lund, 1981), p. 71.

- 928 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- Ricardo Rojo, quoted in Anderson, Che Guevara, p. 565.
- 929
- Альберто Гранада, цит. там же.
- 930
- Che Guevara, *Guerrilla Warfare* (London, 2003), pp. 10–11.
- 931
- цит. по Fursenko and Naftali, “One Hell of a Gamble, p. 21.
- 932
- Альфредо Манейро, цит. по Gleijeses, *Conflicting Missions*, p. 22.
- 933
- Любен Перкофф, цит. по Richard Gott, *Guerrilla Movements in Latin America* (Oxford, 2008), p. 111.
- 934
- См. T. Wickham-Crowley, “Winners, Losers and Also-Rans: Toward a Comparative Sociology of Latin American Guerrilla Movements”, in S. Eckstein (ed.), *Power and Popular Protest. Latin American Social Movements* (Berkeley, 2001), pp. 138–41; T. Wickham-Crowley, *Guerrillas and Revolution in Latin America. A Comparative Study of Insurgents and Regimes since 1956* (Princeton, 1992).
- 935
- A. Angell, “The Left in Latin America since c 1920”, in L. Benthall (ed.), *Latin America: Politics and Society since 1930* (Cambridge, 1998), p. 110.
- 936
- C. Johnson, *Communist China and Latin America, 1959–1967* (New York, 1970).
- 937
- Gleijeses, *Conflicting Missions*, pp. 81–4.
- 938
- Лучио Лара, цит. там же, с. 83.
- 939
- Gleijeses, *Conflicting Missions*, p. 84.
- 940
- E. Guevara, *The African Dream. The Diaries of the Revolutionary War in the Congo* (London, 2001), pp. 6–8.

941

Julius Nyerere, Ujamaa – Essays on Socialism (Dar-es-Salaam, 1968), p. 11.

942

Kwame Nkrumah, Revolutionary Path (New York, 1973), p. 30.

943

M. Radu and K. Somerville, The Congo', in C Allen, M. Radu and K. Somerville (eds.), Benin, the Congo and Burkina Faso. Politics, Economics and Society (London, 1989), pp. 159,164–8.

944

Pepetela, Mayombe (London, 1983), p. ii.

945

Там же, с. 2.

946

M. Hall and T. Young, Confronting Leviathan: Mozambique since Independence (London, 1997), pp. 5–11; D. Birmingham, Frontline Nationalism in Angola and Mozambique (London, 1992), pp. 15–17.

947

P. Chabal, Amílcar Cabral Revolutionary Leadership and People's War (Cambridge, 1983), p. 41.

948

Там же, с. 87.

949

J. Marcum, The Angolan Revolution. Exile Politics and Guerrilla Warfare (1962–1976) (Cambridge, Mass., 1978), pp. 48–51.

950

A. Drew, "Bolshevizing Communist Parties: The Algerian and South African Experience", in International Research in Social History 48 (2003), p. 192.

951

D. Fortescue, "The Communist Party of South Africa and the African Class in the 1940s", International Journal of African Historical Studies 24 (1991), pp. 481–512.

952

D. Everatt, "Alliance Politics of a Special Type: The Roots of the ANC/SACP Alliance, 1950–54" Journal of Southern African Studies 18 (1992), pp. 32–8.

953

A. Gresh, "The Free Officers and the Comrades: The Sudanese Communist Party and Nimeiri Face to Face, 1969–1971", *International Journal of Middle Eastern Studies* 21 (1989), p. 395. См. также G. Warburg, *Islam, Nationalism and Communism in a Traditional Society: The Case of Sudan* (London, 1978).

954

R. Mortimer, *Indonesian Communism under Sukarno. Ideology and Politics, 1959–1965* (Ithaca, 1974), pp. 366–7.

955

См., например, Stephen M. Streeter, "Nation Building in the Land of Eternal Counterinsurgency: Guatemala and the Contradictions of the Alliance for Progress", *Third World Quarterly* 27 (2006), pp. 57–68.

956

M. Leffler, *For the Soul of All Mankind. The United States, the Soviet Union and the Cold War* (New York, 2007), p. 211. Об одержимом отношении к собственному унижению см. F. Logevall, *Choosing War. The Lost Chance for Peace and the Escalation of War in Vietnam* (Berkeley, 1999), p. 393.

957

Mortimer, *Indonesian Communism*, ch. 7.

958

До сих пор существуют разногласия по поводу роли коммунистов в этом перевороте. См. H. Crouch, *The Army and Politics in Indonesia*, 2nd edn (Ithaca, 1988), ch.4; J. M. Van der Kroef, "Origins of the 1965 Coup in Indonesia: Probabilities and Alternatives", *Journal of Southeast Asian Studies* 3 (1972), pp. 277–98; Mortimer, *Indonesian Communism*, pp. 413–41.

959

О причинах жестокости см. R. Cribb, "Unresolved Problems in the Indonesian Killings of 1965–1966", *Asian Survey* 42,4 (2002), pp. 550–63. Статистику см. там же, сс. 558–9.

960

Росту Джонсону, 11 октября 1967 года, цит. по O. A. Westad, *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times* (Cambridge, 2005), p. 178.

961

K. Verdery, "National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania (Berkeley, 1991)" pp. 174–6.

962

Об этой идеологической перемене см. Francois Fejto, *A History of the People's Democracies: Eastern Europe since Stalin*, trans. D. Weissbord (London, 1971), pp. 76 ff.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
963

R. Stone, *Satellites and Commissars. Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade* (Princeton, 1996), pp. 30–1.

964

Vladimir Tismaneanu, *Stalinism for All Seasons: a Political History of Romanian Communism* (Berkeley, 2003), ch. 1.

965

Цит. по М. Fischer, *Nicolae Ceaușescu. A Study in Political Leadership* (London, 1989), p. 85.

966

Fischer, *Ceaușescu*, p. 151, ch. 7.

967

A. Gabanyi, “Nicolae Ceaușescu and his Personality Cult”, in A. Gabanyi, *The Ceaușescu Cult: Propaganda and Power Policy in Communist Romania* (Bucharest, 2000), p. 18.

968

A. Janos, *East Central Europe in the Modern world. The Politics of the Borderlands from pre. to post-Communism* (Stanford, 2000), p. 302.

969

D. Deletant, *Ceaușescu and the Securitate: Coercion and Dissent in Romania, 1965–1989* (London, 1995), pp. 154–6.

970

M. Vickers, *The Albanians: A Modern History* (London, 1995), p. 196.

971

P. Lendvai, *Eagles in Cobwebs. Nationalism and Communism in the Balkans* (London, 1969), p. 196.

972

A. Buzo, *The Guerrilla Dynasty: Politics and Leadership in North Korea* (London, 1999), p. 59.

973

Kim Il Sung, *On the Three Principles of National Unification* (Pyongyang, 1972), p. 3.

974

Взгляд на корейское общество, подчеркивающий силу стратификации, см. в Н.-Л. Hunter, *Kim Il-Song's North Korea* (Westport, 1999), ch. 1. Взгляд, подчеркивающий толерантность и объединение, см. в В. Cumings, “The Last Hermit”, *New Left Review* 6 (2000).

975

О подробностях повседневной жизни см. в Hunter, Kim Il-Song, pp. 173–4.

976

A. Horvath and A. Szakolczai, *The Dissolution of Communist Power: the Case of Hungary* (London, 1992), pp. 62–3.

977

B. Denitch, *The Legitimation of a Revolution: the Yugoslav Case* (New Haven, 1976), p. 94.

978

Deletant, *Ceaușescu and the Securitate*, pp. 212–16.

979

L. Siegelbaum, “The Faustian Bargain of the Soviet Automobile”, in PEECS papers No. 24 (Trondheim, 2008), p. 1.

980

Цит. по J. Zatlin, “The Vehicle of Desire: The Trabant, the Wartburg, and the End of the GDR”, *German History* 15, 3 (1997), p. 358.

981

Там же, с. 359.

982

M. Burawoy and J. Lukacs, *The Radiant Past: Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism* (Chicago, 1992), pp. 125–6.

983

Основной аргумент венгерского экономиста Яноша Корнай, *Economics of Shortage* (Amsterdam, 1980).

984

S. Goodman, “Soviet Computing and Technology Transfer: An Overview”, *World Politics* 31 (1979), p. 567.

985

S. Kotkin, *Armageddon Averted. The Soviet Collapse, 1970–2000* (Oxford, 2000), pp. 63–4.

986

N. Shmelev, in S. Cohen and K. Van den Heuvel, *Voices of Glasnost Interviews with Gorbachev's Reformers* (New York, 1989), p. 149.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
987

J. Kopstein, *The Politics of Economic Decline in East Germany, 1945–1989* (Chapel Hill, 1997), p. 190.

988

П. Шелест. «Он умел вести аппаратные игры, а страну забросил...» / Ю. Аксютин. Брежнев: Материалы к биографии. М., 1991. С. 218.

989

Z. Mlynaf, *Night Frost in Prague: the End of Humane Socialism*, trans. P. Wilson (London, 1980), p. 86.

990

Kotkin, *Armageddon Averted*, p. 50.

991

Цит. по Kopstein, *Politics*, p. 43.

992

См. там же, глава 2.

993

Mlynaf, *Night Frost*, p. 66.

994

G. Golan, *Reform Rule in Czechoslovakia: the Dubcek Era, 1968–1969* (Cambridge, 1973), pp. 230–1.

995

Jaromir Navratil, *The Prague Spring 1968: A National Security Archive Documents Reader*, trans. M. Kramer et al. (Budapest, 1998), pp. 20–2.

996

Mlynaf, *Night Frost*, p. 82–6.

997

Там же, с. 44.

998

J. Satterwhite, “Marxist Critique and Czechoslovak Reform”, in R. Taras (ed.), *The Road to Disillusion. From Critical Marxism to Postcommunism in Eastern Europe* (Armonk, NY, 1992), pp. 115–34.

999

J. Piekalkiewicz, *Public Opinion Polling in Czechoslovakia, 1968–69: Results and Analysis of Surveys Conducted during the Dubcek Era* (New York, 1970), p. 115.
Страница 528

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
1972).

1000

A. Dubcek, *Hope Dies Last. The Autobiography of Alexander Dubcek*, trans. J. Hochman (London, 1993), p. 150.

1001

Navratil, *The Prague Spring*, p. 67.

1002

M. Kramer, "The Czechoslovak Crisis and the Brezhnev Doctrine", in C Fink, P. Gassert and D. Junker (eds.), *1968: The world Transformed* (Cambridge, 1998), pp. 121–45.

1003

M. Kundera, "Preface", in J. Skvorecky, *Mirakl* (Paris, 1978), p. 4.

1004

A. Brown, *The Gorbachev Factor* (Oxford, 1996), pp. 30–1, 41.

1005

Цит. по R. Tokes, *Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change, and Political Succession, 1957–1990* (Cambridge, 1996), p. 72.

1006

Kopstein, *Politics*, p. 81.

1007

V. Bunce, "The Empire Strikes Back: The Evolution of the Eastern Bloc from a Soviet Asset to a Soviet Liability", *International Organization* 39 (1985), p. 20.

1008

K. Poznanski, "Economic Adjustment and Political Forces: Poland since 1970", *International Organization* 40 (1986), p. 457.

1009

Horvath and Szokolczai, *The Dissolution of Communist Power*.

1010

Там же, с. 110.

1011

K. Jarasch, "Care and Coercion. The GDR as welfare Dictatorship", in K. Jarasch (ed.), *Dictatorship as Experience. Towards a Socio-Cultural History of the GDR* (New York, 1999), ch. 3.

1012

M. Raeff, *The well-ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800* (New Haven, 1983). Такие же параллели проводят Хорват и Саколчай.

1013

Xiaobo Li and Elizabeth Perry, *Danwei. The Changing Chinese workplace in Historical and Comparative Perspective* (Armonk, NY, 1997), pp. 169–94.

1014

Интервью Эндрю Вальдера в книге A. Walder, *Communist Neo-Traditionalism. Work and Authority in Chinese Industry* (Berkeley, 1986), p. 140.

1015

Там же, сс. 141–142.

1016

A. Zinoviev, *The Reality of Communism* (London, 1985), p. 139.

1017

V. Shlapentokh, *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in post-Stalin Russia* (New York, 1989), p. 117.

1018

Zinoviev, *Reality*, p. 139.

1019

Shlapentokh, *Public and Private*, p. 118.

1020

Интервью цит. по A. Yurchak, *Everything was Forever, until It was No More The Last Soviet Generation* (Princeton, 2006), pp. 96–7.

1021

Этот случай описывается в M. Fulbrook, *The People's State: East German Society from Hitler to Honecker* (New Haven, 2005), p. 239.

1022

Burawoy and Lukacs, *Radiant Past*, pp. 40–2.

1023

M. Haraszti, *A Worker in a Worker's State: Piece-rates in Hungary*, trans. M. Wright (Harmondsworth, 1977), pp. 88–9.

1024

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Интервью из Walder, Communist Neo-Traditionalism, p. 176.

1025

D. Kideckel, The Solitude of Collectivism: Romanian Villagers to the Revolution and Beyond (Ithaca, 1993), p. 130.

1026

A. Zinoviev, The Yawning Heights, trans. G. Clough (London, 1979), pp. 186–8. Рус. текст А. Зиновьев. Зияющие высоты.

1027

Zinoviev, Reality, pp. 127, 65.

1028

Horvath and Szokolczai, The Dissolution of Communist Power, p. 55.

1029

S. Shirk, Competitive Comrades: Career Incentives and Student Strategies in China (Berkeley, 1982), p. 150.

1030

Shlapentokh, Public and Private, pp. 165,171; V. Shlapentokh, Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union: Ideals and Practices (New York, 1984).

1031

Haraszti, A Worker in a Worker's State, pp. 88–9.

1032

Там же.

1033

Цит. по A. Port, Conflict and Stability in the German Democratic Republic (Cambridge, 2007), p. 245.

1034

D. Mason, Public Opinion and Political Change in Poland (Cambridge, 1985), p. 86.

1035

D. Bahry, "Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika", Slavic Review 52 (1993), p. 537.

1036

Burawoy and Lukacs, Radiant Past, p. 123.

1037

цит. по Kideckel, Solitude of Collectivism, p. 183.

1038

M. Lampland, The Object of Labor: Commodification in Socialist Hungary (Chicago, 1995), pp. 335–6.

1039

См. обзор в R. Tokes, Murmur and Whispers: Public Opinion and Legitimacy Crisis in Hungary, 1972–1989 (Pittsburgh, 1997), p. 14.

1040

Mason, Public Opinion, p. 63.

1041

Shlapentokh, Public and Private, p. 192.

1042

Там же, с. 80–81.

1043

Fulbrook, The People's State, pp. 230–1.

1044

Tokes, Hungary's Negotiated Revolution, p. 139.

1045

Yurchak, Everything was Forever, p. 201.

1046

T. Ryback, Rock around the Bloc: a History of Rock Music in Eastern Europe and the Soviet Union (New York, 1990), p. 129.

1047

Там же, с. 146.

1048

Yurchak, Everything was Forever, p. 215.

1049

цит. там же, с. 234.

1050

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
W. Burr (ed.), *The Kissinger Transcripts* (New York, 1998), pp. 59–66.

1051

R. Balsvik, *Haile Selassie's Students. The Intellectual and Social Background to Revolution, 1952–1977* (Lansing, Mich., 1985), pp. 213–23.

1052

“The Philosophy of the Fashion Show in the Era of Nationalism”, pamphlet, March 1968, cited in Balsvik, *Students*, p. 214.

1053

Об этом см. Balsvik, *Students*, p. 216.

1054

Там же, с. 202.

1055

См. D. McAdam, *Freedom Summer* (Oxford, 1988).

1056

Там же, с. 4.

1057

Цит. по M. Rothschild, *A Case of Black and White. Northern Volunteers and the Southern Freedom Summers, 1964–1965* (Westport, 1982), p. 181.

1058

Цит. по R. Fraser, *1968: A Student Generation in Revolt* (New York, 1987), p. 79.

1059

A. Marwick, *The Sixties. Cultural Revolution in Britain, France, Italy and the United States, C.1958–C.1974* (Oxford, 1998), pp. 486–9.

1060

Цит. по Fraser, 1968, p. 80.

1061

T. Hecken and A. Grzenia, “Situationism”, in M. Klimke and J. Scharloth (eds.), *1968 in Europe. A History of Protest and Activism, 1956–1977* (New York, 2008), pp. 23–32.

1062

Dark Star (ed.), *Beneath the Paving Stones. Situationists and the Beach*, May 1968 (Edinburgh, 2001), pp. 23–4.

- 1063 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- Н. Marcuse, *One-Dimensional Man* (London, 1991), pp. 21, xx.
- 1064
- Марио Савио, в A. Bloom and W. Breines (eds.), *Takin' It to the Streets. A Sixties Reader* (New York, 1995), pp. 111–12.
- 1065
- Грегори Колверт, в Bloom and Breines, *Takin' It to the Streets*, p. 126.
- 1066
- Райт Миллс, в Bloom and Breines, *Takin' It to the Streets*.
- 1067
- Райна Рапп («Студенты за демократическое общество», Мичиганский университет), цит. по Fraser, 1968, p. 88.
- 1068
- C. Wilkerson, *Flying Close to the Sun* (New York, 2007), pp. 115–16.
- 1069
- цит. по K. Sale, *SDS* (New York, 1973), p. 391.
- 1070
- M. Berg, “1968: A Turning Point in American Race Relations?” in C. Fink, P. Gassert and D. Junker (eds.), *1968: The World Transformed* (Cambridge, 1998), p. 407.
- 1071
- S. Carmichael, *Stokely Speaks. From Black Power to Pan-Africanism* (Chicago, 2007), p. 93.
- 1072
- Энтони Барнетт, цит. по Fraser, 1968, p. 88.
- 1073
- Джордж Болл, цит. по F. Logevall, *Choosing War: The Lost Chance for Peace and the Escalation of the War in Vietnam* (Berkeley, 1999), p. 291.
- 1074
- Peter Tautfest, cited in Fraser, 1968, p. 152.
- 1075
- цит. по G. Herring, “Tet and the Crisis of Hegemony”, in Fink et al, 1968, p. 48.

1076

G. R. Horn, *The Spirit of '68: Rebellion in Western Europe and North America, 1956–76* (Oxford, 2007), pp. 228–31.

1077

A. Glyn, *Capitalism Unleashed: Finance, Globalization and welfare* (Oxford, 2007), p. 10.

1078

цит. по M. H. Little, *America's Uncivil Wars* (New York, 2006), p. 254.

1079

Horn, *Spirit of '68*, pp. 158–60; A. Belden Fields, *Trotskyism and Maoism. Theory and Practice in France and the United States* (New York, 1988), ch. 3.

1080

J. Bourg, *From Revolution to Ethics. May 1968 and Contemporary Thought* (Montreal, 2007), p. 51.

1081

D. Singer, *Prelude to Revolution. France in May 1968* (London, 1970), p. 57.

1082

Horn, *Spirit of '68*, pp. 162–3.

1083

Wilkerson, *Flying Close to the Sun*, p. 257.

1084

M. Klimke and J. Scharloth, "Terrorism", in Klimke and Scharloth, *1968 in Europe*, pp. 270–1.

1085

S. Aust, *The Baader-Meinhof Group: The Inside Story of a Phenomenon* (London, 1987), p. 38.

1086

D. Hauser, "Terrorism in Europe", in Klimke and Scharloth, *1968 in Europe*, p. 272.

1087

Сюзанна Ронкони, цит. по D. Novelli and N. Tranfaglia, *Vite sospese: le generazioni del terrorismo* (Milan, 1988), p. 114. См. также A. Jamieson, "Identity and Morality in the Italian Red Brigades", in *Terrorism and Political Violence* 2, 4 (1990), p. 511.

1088

A. Jamieson, "Entry, Discipline and Exit in the Italian Red Brigades", *Terrorism and Political Violence* 2,1 (1990), p. 2.

1089

B. Silver, *Forces of Labour. Workers' Movements and Globalization since 1870* (Cambridge, 2005), pp. 52–3.

1090

«Юманите», 9 июля 1968 г.

1091

C. Marighella, *Manual of the Urban Guerrilla*, trans. G. Hanrahan (Chapel Hill, 1985), p. 1.

1092

См. See R. Gott, *Guerrilla Movements in Latin America* (Oxford, 2008), pp. 494–5; D. James, *Resistance and Integration. Peronism and the Argentine Working Class, 1946–1976* (Cambridge, 1976); A. Labrousse, *The Tupamaros* (Harmondsworth, 1973).

1093

S. B. Liss, *Marxist Thought in Latin America* (Berkeley, 1984), p. 159.

1094

The Church in the Present Day Transformation of Latin America in the Light of the Council, vol. 2 (Washington, DC, 1979).

1095

M. Perez-Stable, *The Cuban Revolution. Origins, Course and Legacy* (New York, 1999), pp. 116–20.

1096

A. Cabral, *Revolution in Guinea. An African People's Struggle* (London, 1974), p.

1097

Первая конференция солидарности народов Африки, Азии и Латинской Америки. Доклады (Гавана, 1966), с. 166.

1098

О связях с европейскими коммунистическими партиями см. D. Ottaway and M. Ottaway, *Afrocommunism* (New York, 1981), pp. 30–5. О студентах из Эфиопии и их связях с Западом см. R. Balsvik, "The Ethiopian Student Movement in the 1960s: Challenges and Responses", *Proceedings of the Seventh International Conference of Ethiopian Studies* (Lund, 1982), pp. 491–509.

1099

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Cabral, Revolution in Guinea, p. 82.

1100

P. Chabal, Amílcar Cabral: Revolutionary Leadership and People's War (Cambridge, 1983), pp. 167–72.

1101

См. Ottaway and Ottaway, Afrocommunism, pp. 25–30.

1102

Об их мышлении см. O. A. Westad, The Global Cold War (Cambridge, 2005), pp. 204–6; К. Брутенц. Современные национально-освободительные революции (Некоторые вопросы теории). М., 1974.

1103

H. Cobban, The Palestinian Liberation Organisation: People, Power and Politics (Cambridge, 1984), ch. 3.

1104

C. Andrew and V. Mitrokhin, The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West (London, 1999), pp. 143–4.

1105

F. Halliday, «The People's Democratic Republic of Yemen: The "Cuban" Path in Arabia», in G. White, R. Murray and C. White (eds.), Revolutionary Socialist Development in the Third World (Brighton, 1983), pp. 37–42.

1106

M. Ram, Maoism in India (New York, 1971), ch. 2.

1107

A. Isaacman and B. Isaacman, Mozambique: From Colonialism to Revolution, 1900–1982 (Boulder, 1983), pp. 98–9; M. Hall and T. Young, Confronting Leviathan. Mozambique since Independence (London, 1997), pp. 62–8.

1108

О сходствах и различиях с маоистской народной войной см. T. Henriksen, "People's War in Angola, Mozambique, and Guinea-Bissau", Journal of Modern African Studies 14 (1976), pp. 377–99.

1109

Там же, сс. 382–383.

1110

О ситуации в Гвинеи и положительных оценках деятельности ПАИГК см. Lars Rudebeck, Guinea-Bissau A Study of Political Mobilization (Uppsala, 1974). Негативные оценки см. в M. Dhada, Warriors at Work. How Guinea Really was Set Free (Niwot, Colo., 1993).

1111

I. Brinkman, "War, Witches and Traitors: Cases from the MPLA's Eastern Front in Angola (1966–1975)", *Journal of African History* 44 (2003), pp. 303–25.

1112

Isaacman and Isaacman, *Mozambique*, p. 86.

1113

M. Anne Pitcher, *Transforming Mozambique. The Politics of Privatization, 1975–2000* (New York, 2002), pp. 28–37.

1114

Цит. по R. Dallek, *Nixon and Kissinger. Partners in Power* (London, 2007), pp. 228.

1115

О партийном мышлении см. Westad, *Global Cold War*, pp. 202–3; о военных взглядах и внешней политике см. V. M. Zubok, *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill, 2007), p. 249.

1116

P. Sigmund, *The Overthrow of Allende and the Politics of Chile, 1964–1976* (Pittsburgh, 1977), ch. 13.

1117

J. Haslam, *The Nixon Administration and the Death of Allende's Chile: a Case of Assisted Suicide* (London, 2005), ch. 7; P. Kornbluh, *The Pinochet File: A Declassified Dossier on Atrocity and Accountability* (New York, 2003).

1118

Zubok, *Failed Empire*, p. 249.

1119

Об армии см. D. Porch, *The Portuguese Armed Forces and the Revolution* (London, 1977).

1120

P. Pinto, "Urban Social Movements and the Transition to Democracy in Portugal, 1974–1976", *Historical Journal* 51 (2008), pp. 1025–46; Nancy G. Bermeo, *The Revolution within the Revolution: workers' Control in Rural Portugal* (Princeton, 1986).

1121

Pinto, "Urban Social Movements", p. 1025.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
1122

M. Couto, "The Secret Love of Deolinda", in Couto, *Everyman is a Race*, trans. D. Brookshaw (Portsmouth, NH, 1994), p. 112.

1123

Сравнение советского и африканского марксизма см. в M. Ottaway, "Soviet Marxism and African Socialism", *Journal of Modern African Studies*, 16, 3 (1978), pp. 477–85.

1124

Машел, 18 ноября 1976 года, цит. по Hall and Young, *Confronting Leviathan*, pp. 76, 67.

1125

Hall and Young, *Confronting Leviathan*, p. 102.

1126

J. Coelho, "State Resettlement Policies in post-Colonial Rural Mozambique: The Impact of the Communal Village Programme on Tete Province, 1977–1982", *Journal of Southern African Studies*, 24 (1988), pp. 61–91.

1127

D. Birmingham, "Angola", in P. Chabal (ed.), *A History of Lusophone Africa* (London, 2002), pp. 152–3.

1128

H. Tuma, *The Case of the Socialist Witchdoctor and Other Stories* (Oxford, 1993), p. 8.

1129

Balsvik, *Students*, p. 133.

1130

B. Zewde, *A History of Modern Ethiopia, 1855–1991* (Oxford, 2001), p. 222.

1131

Там же, сс. 149–150.

1132

Balsvik, *Students*, p. 294.

1133

Цит. по Dawit wolde Giorgis, *Red Tears. War, Famine and Revolution in Ethiopia* (Trenton, NJ, 1989), p. 11.

1134

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
R. Lefort, Ethiopia: An Heretical Revolution? trans. A. Berret (London, 1983), p. 276.

1135

Zewde, Modern Ethiopia, p. 249.

1136

Lefort, Ethiopia, p. 278.

1137

О таком образе Менгисту см. в D. Donham, Marxist Modern, An Ethnographic History of the Ethiopian Revolution (Berkeley, 1999), pp. 129–30; Dawit, Red Tears, pp. 30–1.

1138

A. Tiruneh, The Ethiopian Revolution, 1974–1987 (Cambridge, 1993), p. 79.

1139

Donham, Marxist Modern, p. 29.

1140

Отчет Агентства США по международному развитию в Эфиопии, 1976.

1141

Lefort, Ethiopia, p. 278.

1142

См. M. Ezra, Ecological Degradation, Rural Poverty, and Migration in Ethiopia. A Contextual Analysis (New York, 2001).

1143

F. Bizot, The Gate, trans. E. Cameron (London, 2004).

1144

Там же, с. 119.

1145

Там же, с. 116.

1146

Там же, с. 117.

1147

Там же, с. 115.

1148

D. P. Chandler, *Brother Number One: A Political Biography of Pol Pot*, rev. edn (Boulder, 1999), pp. 8–9, 37.

1149

F. Debre, *Cambodge: La Revolution de la foret* (Paris, 1976), p. 82.

1150

Интервью с Сот Полином, цит. по Chandler, *Brother Number One*, p. 52.

1151

Pol Pot, "Abbreviated History Lesson on the History of the Kampuchean Revolutionary Movement Led by the Communist Party of Kampuchea" (early 1977), in D. Chandler, B. Kiernan and C Boua (eds.), *Pol Pot Plans the Future* (New Haven, 1988), pp. 218–19.

1152

См., например, F. Ponchaud, "Social Change in the Vortex of Revolution", in K. Jackson (ed.), *Cambodia 1975–1978: Rendezvous with Death* (Princeton, 1989), pp. 170 ff.

1153

Bizot, *The Gate*, p. 110.

1154

B. Kiernan, "Enver Pasha and Pol Pot: A Comparison between the Armenian and Cambodian Genocides", in *Proceedings of the International Conference on the "Problems of Genocide"* (Cambridge, Mass., 1997), pp. 56–7.

1155

P. Short, *Pol Pot: The History of a Nightmare* (London, 2004), p. 337.

1156

J.-L. Margolin, "Cambodia. The Country of Disconcerting Crimes", in S. Courtois et al., *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* (Cambridge, Mass., 1999), p. 626.

1157

Разные мнения на этот счет см. в K. Jackson, "Introduction", in Jackson (ed.), *Cambodia* pp. 9, 11; M. Vickery, "Democratic Kampuchea: Themes and Variations", in D. Chandler and B. Kiernan (eds.), *Revolution and Its Aftermath in Kampuchea: Eight Essays* (New Haven, 1983), p. 131.

1158

Цит. по B. Kiernan, *The Pol Pot Regime: Race, Power and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–79* (New Haven, 1996), p. 62.

1159

См. Short, Pol Pot, p. 287.

1160

A. Hinton, "Why Did You Kill? The Cambodian Genocide and the Dark Side of Face and Honor", The Journal of Asian Studies 57 (1998), p. 110.

1161

Chandler et al., Pol Pot Plans the Future, p. 158.

1162

S. Heder, Kampuchean Occupation and Resistance (Bangkok, 1980), p. 6.

1163

цит. по Chandler, Brother Number One, p. 115.

1164

D. Pran, Children of Cambodia's Killing Fields. Memoirs of Survivors (New Haven, 1997), p. 131.

1165

Margolin, "Cambodia", p. 626.

1166

Chandler et al., Pol Pot Plans the Future, p. 183.

1167

О других, более высоких цифрах см. M. Sliwinsky, Le Genocide Khmer Rouge: Une analyse demographique (Paris, 1995) О количестве погибших см. Margolin, "Cambodia", pp. 588–91.

1168

Hinton, "Why Did You Kill?", pp. 113,118.

1169

A. Нуман, Afghanistan under Soviet Domination, 1964–91 (London, 1992), pp. 92–8.

1170

Об отношении СССР см., H. Bradsher, Afghan Communism and Soviet Intervention (Oxford, 2000), ch. 3; westad, Global Cold war, pp. 299–326.

1171

Silvio Pons, "Meetings between the Italian Communist Party and the Communist Party of the Soviet Union, Moscow and Rome 1978–80", Cold War History, 3 (2002), pp. 157–66.

1172

The Economist, 20 декабря 1978 г.

1173

D. Remnick, Lenin's Tomb, The Last Days of the Soviet Empire (London, 1994), p. 156.

1174

Цит. по: M. Leffer, For the Soul of All Mankind, The United States, the Soviet Union and the Cold War (New York, 2007), p. 385.

1175

Там же, с. 394.

1176

D. Reynolds, Summits. Six Meetings That Shaped the Twentieth Century (London, 2007), p. 360.

1177

M. Gorbachev, Memoirs (London, 1997), p. 489.

1178

Liu Binyan, People or Monsters? And Other Stories and Reportage from China after Mao, ed. P. Link (Bloomington, 1983), pp. 11-68.

1179

R. Baum, Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping (Princeton, 1994), p. 8.

1180

S. Shirk, The Political Logic of Economic Reform in China (Berkeley, 1993), ch. 10.

1181

W. Jenner and D. Davin (eds.), Chinese Lives (London, 1986), pp. 8-9,13.

1182

L. Zhang and C Macleod (eds.), China Remembers (Oxford, 1999), p. 5.

1183

People's Daily, 3 августа 2006 г.

1184

A. Yurchak, Everything was Forever, until It was No More. The Last Soviet Generation (Princeton, 2006), p. 113.

1185

Там же, сс. 96–97.

1186

Там же.

1187

R. Tokes, *Murmur and Whispers: Public Opinion and Legitimacy Crisis in Hungary, 1972–1989* (Pittsburgh, 1997), pp. 37–9.

1188

Там же, с. 56.

1189

D. Bahry, “Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika”, *Slavic Review*, 52 (1993), pp. 516–17.

1190

D. Mason, *Public Opinion and Political Change in Poland* (Cambridge, 1985), pp. 63–4.

1191

H. Merskey and B. Shafran, «Political Hazards in the Diagnosis of “Sluggish Schizophrenia”», *British Journal of Psychiatry*, 148 (1986), p. 253.

1192

M. Fulbrook, *The People’s State: East German Society from Hitler to Honecker* (New Haven, 2005), pp. 241–2.

1193

См. интервью в B. Miller, *Narratives of Guilt and Compliance in Unifed Germany: Stasi Informers and Their Impact on Society* (London, 1999), pp. 67–8.

1194

Цит. по: Miller, *Narratives of Guilt*, p. 43–4.

1195

Цит. там же, с. 101.

1196

См. Yurchak, *Everything was Forever*, pp. 107–8.

1197

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Bahry, «Society Transformed?», p. 539.

1198

Tokes, Murmur and Whispers, p. 56.

1199

См., например J. Kopstein, *The Politics of Economic Decline in East Germany, 1945–1989* (Chapel Hill, 1997), pp. 122–9.

1200

А. Ципкоцит. по: M. Ouimet, *The Rise and Fall of the Brezhnev Doctrine in Soviet Foreign Policy* (Chapel Hill, 2003), pp. 252–3.

1201

M. Ellman and V. Kontorovich (eds.), “The Destruction of the Soviet Economic System: an Insiders” History (Armonk, NY, 1998), p. 173.

1202

О разочаровании этой группы см. O. Westad, “How the Cold War Crumbled”, in S. Pons and F. Romero (eds.), *Reinterpreting the End of the Cold War. Issues, Interpretations, Periodizations* (London, 2005), p. 76. См. также A. Brown, *Seven Years That Changed the World: Perestroika in Perspective* (Oxford, 2007), pp. 172–3.

1203

А. Яковлев. *Сумерки*. М., 2003. С. 354.

1204

Mason, *Public Opinion*, p. 45.

1205

Там же, с. 82.

1206

Этот аргумент, подчеркивающий определяющую роль церкви, а не рабочего класса, приведен M. Osa, *Solidarity and Contention: Networks of Polish Opposition* (Minneapolis, 2003).

1207

цит. там же, с. 136.

1208

A. Glyn, *Capitalism Unleashed: Finance, Globalization, and welfare* (Oxford, 2007), p. 22.

1209

См. P. Buhle, *Marxism in the United States: Remapping the History of the*

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
American Left (London, 1987), pp. 206–10.

1210

D. Patinikin, Essays on and in the Chicago Tradition (Durham, NC, 1981), p. 4.

1211

J. Kirkpatrick, Dictatorships and Double Standards: Rationalism and Reason in Politics (Washington, DC, 1982).

1212

R. Brenner, The Boom and the Bubble: the US in the world Economy (London, 2002), p. 35.

1213

G. Arrighi, “The world Economy and the Cold war, 1970–1990”, ожидаемый в The Cambridge History of the Cold war, p. 22.

1214

Там же, с. 16.

1215

I. Zloch-Christy, Debt Problems of Eastern Europe (Cambridge, 1987), p. 38.

1216

S. Woodward, Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War (Washington, DC, 1995), ch. 3.

1217

См. С Andrew and V. Mitrokhin, The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West (London, 1999), p. 686.

1218

G. Ekiert, The State against Society: Political Crises and Their Aftermath in East Central Europe (Princeton, 1996), pp. 243–4, 247.

1219

Ouimet, Rise and Fall, pp. 249–50.

1220

Baibakov to Shiirer, цит. по Kopstein, Politics of Economic Decline, pp. 93–4.

1221

Red Dawn (1984), реж. John Milius.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
1222

R. Reagan, Address to British Parliament, 8 June 1982. [http:// www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html](http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html).

1223

R. Reagan, Question and Answer Session with High-School Students, 25 March 1983, [http://www.reagan.utexas.edu/archives/ speeches/1983/32583c.html](http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/32583c.html).

1224

Об этом споре, см. I. Molloy, *Rolling Back Revolution: The Emergence of Low Intensity Conflict* (London, 2001), p. 20.

1225

C Krauthammer, "The Poverty of Realism", *The New Republic*, 17 February 1986, p. 15.

1226

Psychological Operations in Guerrilla warfare (1983), [http://www.freewebs.com/moeial/CIAs%20Psychological%20Operations%20in%20Guerrilla%20 warefare.pdf](http://www.freewebs.com/moeial/CIAs%20Psychological%20Operations%20in%20Guerrilla%20warefare.pdf).

1227

E. Wood, *Insurgent Collective Action and Civil war in El Salvador* (Cambridge, 1993).

1228

T. Walker, *Nicaragua. Living in the Shadow of the Eagle* (Boulder, 2003), p. 56.

1229

J. Ciment, *Angola and Mozambique: Postcolonial wars in Southern Africa* (New York, 1997), p. 87.

1230

Cited in J. Persico, Casey. *From the OSS to the CIA* (New York, 1990), p. 226.

1231

B. Fischer, "The Soviet-American war scare of the 1980s", *International Journal of Intelligence* (Autumn 2006), pp. 480–517.

1232

О разных взглядах на важность СОИ, см. Ellman and Kontorovich, *Destruction*, pp. 55–64.

1233

М. И. Gerasev, цит. там же, с. 65.

1234

Яковлев. Сумерки, сс. 394–395.

1235

Там же, с. 395.

1236

Там же, с. 394.

1237

Ellman and Kontorovich, *Destruction*, pp. 269–70; V. Boldin, *Ten Years That Shook the World: The Gorbachev Era as Witnessed by His Chief of Staff*, trans. E. Rossiter (New York, 1994), p. 114.

1238

А. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.

1239

М. Горбачев. Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 1. С. 208.

1240

А. Яковлев. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 205–212.

1241

B. A. Fischer, *The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War* (Columbia, 1997), pp. 102–43.

1242

A. Brown, *The Gorbachev Factor* (Oxford, 1996), pp. 115–17.

1243

М. Горбачев. “Доклад пленуму ЦК КПСС 6 января 1989”, *Current Digest of the Soviet Press* 41 (1989), с 1.

1244

Александр Яковлев, в S. Cohen and K. Van den Heuvel, *Voices of Glasnost. Interviews with Gorbachev's Reformers* (New York, 1989), p. 39.

1245

Ципко, в Ellman and Kontorovich, *Destruction*, p. 181.

1246

А. Ципко. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11–12; 1989. № 1–2.

- 1247 Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
- Н. Зарафшан, в R. MaKay, *Letters to Gorbachev: Life in Russia through the Postbag of Argumenty i Fakty* (London, 1991), p. 173.
- 1248
- Tokes, *Murmurs and Whispers*, p. 48.
- 1249
- Ellman and Kontorovich, *Destruction*, p. 38.
- 1250
- D. Slejska, J. Herzmann a kolektiv, *Sondy do verejnuho mineni (Jaro 1968, Podzim 1989)* (Prague, 1990), p. 54.
- 1251
- В защиту китайской модели см., например, P. Nolan, *China's Rise, Russia's Fall* (Basingstoke, 1995).
- 1252
- S. Solnick, *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions* (Cambridge, Mass., 1998).
- 1253
- P. Kenney, *A Carnival of Revolution: Central Europe 1989* (Princeton, 2002), pp. 161–2.
- 1254
- Там же, сс. 12–13.
- 1255
- Цит. там же, с. 141.
- 1256
- C. Maier, *Dissolution. The Crisis of Communism and the End of East Germany* (Princeton, 1997), p. 156.
- 1257
- M. Fulbrook, *Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR, 1949–1989* (Oxford, 1995), pp. 259–60.
- 1258
- О большей вовлеченности рабочих в Польше по сравнению с ГДР см. L. Fuller, *Where was the Working Class? Revolution in East Germany* (Urbana, 111., 1999).
- 1259

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
цит. по О. А. Westad, *The Global Cold War* (Cambridge, 2005), p. 382.

1260

J. Hough, *The Logic of Economic Reform in Russia* (Washington, DC, 2001), p. 366.

1261

A. Knight, *Spies without Cloaks: The KGB's Successors* (Princeton, 1996), pp. 12–37.

1262

Woodward, *Balkan Tragedy*, pp. 127–8.

1263

A. Nathan and P. Link (eds.), *The Tiananmen Papers* (London, 2001), p. xxx. vii.

1264

Там же, с. 163.

1265

Там же, с. 143.

1266

Gorbachev, *Memoirs*, p. 490.

1267

Nathan and Link, *Tiananmen Papers*, p. 173.

1268

Su Xiaokang and Wang Luxiang, *Deathsong of the River: a Reader's Guide to the Chinese TV Series*, trans. R. Bodman (Ithaca, 1991), p. 221.

1269

R. Baum, *Reform and Reaction in post-Mao China: the Road to Tiananmen* (New York, 1991), p. 456.

1270

Lin Jinhui, 28 September 2002, <http://www.china.org.cn/english/2002/Sep/44589.htm>. См. также K. Louie, *Theorizing Chinese Masculinity* (Cambridge, 2002), p. 58.

1271

D. Yergin and J. Stanislaw, *The Commanding Heights: the New Reality of Economic Power* (New York, 1998), p. 137.

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
1272

T. Friedman, "Senseless in Seattle", New York Times, 8 December 1999.
Другие примеры см. в Frank, One Market under God, pp. 61–8.

1273

F. Fukuyama, The End of History and the Last Man (London, 1992), pp. 166–9, 206–7.

1274

Wall Street Journal, 26 May 2000. Об этом см. T. Frank, One Market under God. Extreme Capitalism, Market Populism, and the End of Economic Democracy (London, 2000), ch. 1.

1275

R. Brenner, The Boom and the Bubble: the US in the world Economy (London, 2002), p. 43.

1276

J. Hellman, "Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions", World Politics 50 (1998), p. 209.

1277

Там же, с. 223–4.

1278

J. Stiglitz, Globalization and Its Discontents (London, 2002), p. 157.

1279

Об этом см. P. Reddaway and D. Glinski, The Tragedy of Market Reforms. Market Bolshevism against Democracy (Washington, DC, 2001), pp. 252–5.

1280

S. Shirk, The Political Logic of Economic Reform in China (Berkeley, 1993), ch. 3.

1281

H. Wu, Laogai. The Chinese Gulag (Boulder, 1992).

1282

S. Shirk, China. Fragile Superpower (Oxford, 2007), p. 48.

1283

D. Bell, China's New Confucianism. Politics and Everyday Life in a Changing Society (Princeton, 2008), ch. 1.

1284

Красный флаг история коммунизма. Дэвид Пристланд filosoff.org
Minxin Pei, China's Trapped Transition: the Limits of Developmental
Autocracy (Cambridge, Mass., 2006), pp. 191–6.

1285

V. Bunce and S. Wolchik, "International Diffusion and Post-communist Electoral Revolutions", *Communist and Postcommunist Studies* 39 (2006), pp. 283–4; M. Beissinger, "Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/ Orange/Tulip Revolutions", *Perspectives on Politics* 5 (June 2007), pp. 259–76.

1286

K. Collins, "The Logic of Clan Politics. Evidence from the Central Asian Trajectories", *World Politics*, 56 (2004), pp. 224–61.

1287

A. Buzo, *The Guerilla Dynasty: Politics and Leadership in North Korea* (London, 1999), p. 206.

1288

S. Eckstein, *Back from the Future: Cuba under Castro* (Princeton, 1994), pp. 233–7.

1289

Цит. по O. Starn, "Maoism in the Andes. The Communist Party of Peru-Shining Path, and the Refusal of History", *Journal of Latin American Studies* 27 (1991), p. 399.

1290

Там же, с. 409.

1291

J. Nochlin, *Vanguard Revolutionaries in Latin America* (Boulder, 2003), p. 63.

1292

C McClintock, "Peru's Sendero Luminoso Rebellion. Origins and Trajectory", in S. Eckstein (ed.), *Power and Popular Protest Latin American Social Movements* (Berkeley, 2001), p. 83.

1293

Starn, "Maoism", p. 416.

1294

A. Vanaik, "The New Himalayan Republic", *New Left Review*, 49 (2008), p. 63.

1295

M. Mohanty, "Challenges of Revolutionary Violence. The Naxalite Movement in Perspective", *Economic and Political Weekly*, 22 июля 2006 г.

1296

C Sreedharan, "Karl and the Kalashnikov", <http://www.rediff.com/news/1998/aug/25pwg.htm>, 25 августа 1998 г.

1297

Об этом см. N. Henck, Subcommander Marcos. The Man and the Mask (Durham, NC, 2007), pp. 365–6.

1298

Интервью с Г. Маркесом и Р. Помбо, "The Punch Card and the Hour Glass", New Left Review (May–June, 2002), p. 70.

1299

B. Brecht, "To Those Born Later", trans. J. Willett, R. Mannheim and E. Fried, in P. Forbes, Scanning the Century. The Penguin Book of the Twentieth Century in Poetry (London, 2000), pp. 55–7.

1300

P. Neruda, Memoirs (London, 1976), pp. 332–3.

1301

T. Paterson, "A Harsh Lesson for Germany, Courtesy of Its Socialist Past", Independent, 22 октября 2008 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!